

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Водянскаго.

1868

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ, НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1868.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ ПЕРІОДА УДѢЛОВЪ.

Минувшее и настоящее часто цѣлою бездною отдѣляются другъ отъ друга. Тамъ беззаботность и игры, здѣсь воля твердая, страсти живыя, помыслы высокіе; тамъ дитя—шалунъ, здѣсь заботливый отецъ семьи, мужъ высокой доблестями религіозными и гражданскими. Тамъ и здѣсь, въ настоящемъ и въ прошедшемъ, одинъ и тотъ же человѣкъ, но въ различныхъ образахъ, которые какъ будто бы принадлежать двумъ отдѣльнымъ лицамъ. Тысячи обстоятельствъ, тысячи впечатлѣній неуловимыхъ растили и живили зерно, зароненное въ душу человѣка свыше, и онъ самъ себѣ не даетъ положительнаго отчета, какъ онъ созрѣлъ на радость семьи, славу родины, украшеніе человѣчества.

Еще труднѣе обхватить мыслию то огромное различіе, которое мы находимъ между жизнію народа младенчествуящаго и жизнію народа возмужалаго. Теперь Россія первенствуетъ въ системѣ Европейскихъ Государствъ, * двуглавый орелъ ея ширитъ крылья свои надъ тремя частями свѣта, и многіе народы сокрылись подъ тѣнію ихъ; а тамъ, при Рюрикѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ, эта Россія—младенецъ, едва отбивается отъ полудикихъ сосѣдей своихъ. Какъ предугадать въ этомъ младенцѣ-народѣ его блестящую будущность, его могущество, его первенство? Когда даже развернуты скрижали исторіи нашей, этотъ переходъ Россіи, какъ бы отъ ничтожества, къ роли важной, къ значенію великому въ жизни человѣчества, остается для насъ почти загадкою.

---

* Писано въ 50-тыхъ годахъ. О. Б.

Не случайно же возникло это Государство-колосъ! Правда, наши ученые думаютъ, что оно обязано своимъ возвышеніемъ Монголамъ, или политикѣ Московскихъ Князей, опиравшихся на руку Монголовъ, но ошибочность подобнаго предположенія, унижительнаго для человѣка и народа, открывается изъ самыхъ простыхъ соображеній. Пуля летитъ, когда сила дѣйствуетъ; столбъ праха держится, когда сила вихря вздымаетъ его; но ослабла сила, пуля падаетъ, прахъ разсыпается. Москва же, послѣ паденія Монголовъ, не останавливается въ своемъ движеніи, возвышается быстро, и мысль о единодержавіи зрѣетъ въ ней, достигая наконецъ блестящаго, можно сказать, безпримѣрнаго развитія въ царствованіе Петра. И что умъ человѣческій, что политика наша, когда расходятся на безгранной поверхности моря свирѣпыя волны, когда развернутся могилы хлябы бездонныя, могучій вѣтръ сорветъ паруса, сломаетъ мачты, и корабль въ дребезги расшибается о подводный камень, о гранитныя скалы? А жизнь духа еще глубже, безграннѣй, могучѣй, нежели самое море. Сорвется она съ якоря вѣры, съ якоря думы, которую духъ носить въ самомъ себѣ, обойдется страстями, и тогда ни какая политика, ни какія силы не задержатъ ее въ граняхъ, тогда жизнь—бушующее море и политика—разбитый корабль о гранитныя скалы. Мудрая политика ищетъ силъ не въ себѣ, а въ самой жизни народа. Въ думѣ Божественной смиряются стихіи, и изъ нихъ возникаетъ безконечно дивный міръ; въ думѣ Божественной почиетъ и зрѣетъ жизнь народная. Не случайно, во всякомъ случаѣ, пала сила Казарская; не случайно, при Святополкѣ-Михаилѣ дикіе сосѣди наши, Половцы, отброшены были далеко отъ предѣловъ Государства; не случайно исчезли на берегахъ Непрядвы полчища Мамая: о грудь Русскую разбивалась и сила Казарская, и сила Половецкая, и сила Татарская. Во время междуцарствія врагъ ворвался въ самое сердце земли Русской, и испепеливъ кругомъ города и селы, воцарился на престолѣ Мономаховомъ, попирая завѣтное наше; казалось, пробилъ уже послѣдній часъ родины, и тщетно лили предки кровь свою, защищая самобытность земли Русской. Но духъ жизни носился надъ нами, и искра, ниспавшая свыше въ душу Минина, разрѣшаетъ бурю жизнь родины, и въ этой бурѣ врагъ исчезъ, какъ сонъ: слѣды опустошеній и борьбы всюду, но ясенъ небоклонъ и торжественно воздымается грудь Русская, упиваяся воздухомъ свободы. Не случайно же, по крайней мѣрѣ, все это: сдѣсь

воля разрѣшила за разъ отношенія всѣхъ интересовъ жизни, и переломила ихъ въ чувство глубоко религіозное и въ чувство живой любви къ родинѣ. Не случай жизнь человѣка, а тѣмъ болѣе жизнь цѣлаго и великаго народа. И человѣкъ и народъ — храмъ истинъ Божественныхъ, храмъ любви и вѣры; и великъ, могучъ народъ Русскій сознаніемъ своего назначенія! Петръ одинокъ въ исторіи всемірной: подобнаго Царя не представляютъ ни древній, ни новый міръ, и Петръ принадлежитъ Исторіи Русской: въ немъ говорила, дѣйствовала душа Русская; онъ возникъ въ средѣ жизни Русской: и всѣ великія думы его пали на широкую грудь его родины: она хранитъ ихъ, и это одно уже залогъ великихъ судебъ Россіи въ судьбахъ человѣчества. Но да не гордимся мы своимъ назначеніемъ, а благоговѣнно преклонимся предъ Всевышнимъ, и да совершимъ торжественно-религіозно тотъ путь, на которомъ поддерживаетъ насъ дума свыше. Предъ нами милліоны предковъ, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ, защищая великую святыню, которой храмомъ были они, которой храмомъ должны быть мы, которой храмомъ должно быть Православное Царство Русское.

Гдѣ же храмъ этотъ въ періодѣ Удѣловъ? Гдѣ проблески этой блестящей будущности? Сдѣсь все разбито, разъединено, все враждуетъ между собою.

Рѣзкія противоположности составляютъ отличительную черту сего періода, и этѣ противоположности въ одномъ и томъ же лицѣ, въ одной и той же части Государства. Даются клятвы, и посреди дѣлъ полныхъ благочестія нарушаются; храмы то воздвигаются чувствомъ благоговѣнно-религіознымъ, то святотатственно разрушаются; то льется кровь, то слышится плачь, молитвы; раздаются имѣнія вдовамъ, сиротамъ, нищимъ, и человѣкъ является отшельникомъ. Общая дума Князей какъ бы притомитъ поганыхъ Половцевъ, губителей земли Русской: они соединяются противъ нихъ, громятъ земли Половецкія; и этѣ же Князья вводятъ поганыхъ въ Русскую землю и вмѣстѣ съ ними пустошатъ ее. Князья ищутъ власти, стремятся расширить предѣлы владѣній своихъ, и они добровольно уступаютъ части удѣловъ Князьямъ младшимъ, Княгинямъ, Княжнамъ, въ видѣ надѣла, дара, приданаго. Дружины то являются преданными безпредѣльно Князю своему, то возникаетъ посреди нихъ крамола, и они же какъ будто дерзко возстаютъ противъ закона и порядка. Въ

самомъ основаніи Удѣльной системы вѣруются два положенія, которыя, по видимому, не только не предвозвѣщаютъ величія Россіи, но, напротивъ, стремятся разрушить ее. По первому изъ этихъ положеній, каждый потомокъ Княжескаго рода имѣетъ право на особый удѣлъ; по второму старѣйшій Князь обязанъ былъ не только поддерживать права каждаго младшаго Князя, но, съ расширеніемъ собственныхъ владѣній, расширять владѣнія и Князя младшаго. Нарушить эти положенія значило вооружить противъ себя и сдѣлаться жертвою времени. Воля Всеволода Ольговича должна была также покориться времени. Сначала Всеволодъ думалъ расширить свои владѣнія въ Кіевской системѣ удѣловъ, но встрѣтилъ въ этомъ сильный отпоръ со стороны Мономаховичей. Когда, на примѣръ, онъ выступилъ войною противъ Андрея Володимировича, и требовалъ отъ него удаленія изъ Переяслава, Андрей отвѣчалъ: «Ты можешь убить меня, но не изгнать; пока живъ, не оставлю Переяслава». ¹ Видя подобное сопротивленіе въ Князьяхъ рода Мономаха, Всеволодъ было измѣнилъ свои намѣренія, и искалъ дружбы сихъ Князей, стараясь угодить имъ; но это вооружило противъ него опять Князей Черниговской системы, его ближайшихъ родственниковъ: они поднялись войною и заставили его удовлетворить ихъ требованія. ² Когда Ростиславъ Кіевскій, стѣсненный Князьями Черниговской системы удѣловъ, вздумалъ уступить подъ младшимъ Княземъ, племянникомъ своимъ, Мстиславомъ, Переяславъ, Мстиславъ разорвалъ съ нимъ союзъ, сказавъ: «Такъ не мнѣ Переяславъ, не тебѣ Кіевъ», и бросилъ въ то же время поле битвы. ³ Андрей Боголюбскій хотѣлъ изгнать Ростиславичей изъ ихъ удѣловъ; но Ростиславичи обидѣлись этимъ до такой степени, что одинъ изъ нихъ, Мстиславъ, велѣлъ остричь голову и бороду послу, дерзнувшему передать ему требованіе Андрея: ⁴ Каждый Князь искалъ

---

¹ Ипат. 16.

² Ипат. 18 и 19.

³ Ипат. 76: Мстиславъ же то слышавъ, иже дасть подъ нимъ Переяславъ, рече: «Да ни мнѣ будетъ Переяслава, ни тебѣ Кіева.» И рекъ, повороти кошь Мстиславъ подъ собою, съ дружиною своею, отъ стрья своего».

⁴ Ипат. 109: Мстиславъ бо отъ уности навькъ баше не улошится ни кого же, но токмо Бога единого блюстися; и повелѣ Андрея посла емше, постричи го-

себѣ удѣла, и получалъ его; каждый Князь, при первой возможности, стремился расширить свою власть, свои владѣнія, и отстаивалъ до послѣдняго свои права на удѣлъ, жертвуя для этого общимъ и частнымъ благомъ. Такимъ, образомъ съ постепеннымъ увеличеніемъ членовъ Княжескаго рода, Государство должно было болѣе и болѣе дробиться и перейти наконецъ какъ бы въ помѣщичьи владѣнія. Гдѣ же здѣсь храмъ святыни?... И въ древнія времена, какъ и теперь, Русь была полна вѣры и благоговѣнія къ Царю Царей и къ властителямъ своимъ: нѣтъ различія между тою и другою Русью въ характерѣ быта и жизни; различіе между ними состоитъ единственно въ степени образованности, въ степени развитія понятій о жизни вообще, и преимущественно о жизни Государственной.

Широкимъ, заманчивымъ моремъ раскидывалась предъ юнымъ воображеніемъ предковъ нашихъ природа. Они были поражены величіемъ, таинственностію ея и, какъ дѣти, хотѣли быть вездѣ, видѣть все, и завладѣть всеми благами міра. По этому мы видимъ ихъ посреди лѣсовъ, полей и водъ; посреди опасностей съ оружіемъ въ рукахъ, ищущихъ золота, серебра, драгоценныхъ каменьевъ, дорогихъ тканей и т. п. Святославу и на яву и во снѣ мечтались богатства земли Болгарской: «Не любо ми есть въ Кіевѣ быти,» говорилъ онъ; «хочю жити въ Переяславцѣ на Дунаи, яко то есть середѣ земли моеи, яко ту вся благая сходятся: отъ Грекъъ золото, паволоки, вина и оwoщеве разноличныя; изъ Чехъ же и изъ Угоръъ сребро и конони; изъ Руси же скорѣ (мѣха), и воскъ, медъ и челядь.» Въ этѣхъ словахъ рѣзко выражается время, взглядъ времени на жизнь. Святославъ забываетъ трудъ, опасности, чтобъ только завладѣть Болгарією, этѣмъ земнымъ раемъ. Мечта его вдохновляетъ и его воиновъ, и въ этой мечтѣ сливается бытіе съ смертію, исчезаетъ весь міръ. Здѣсь жизнь, здѣсь поэзія жизни, безотчетное и могучее увлеченіе прелестями міра Божія: они Святослава увлекутъ, или онъ падетъ за нихъ: «Ляжемъ костьми ту», говорилъ онъ дружинѣ въ минуту критическую, «мертвые бо срама не имутъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамы, и не имамы

лову передъ собою и бороду, рекъ ему: «Иди же ко Князю своему, и рци ему: «Мы тя до сихъ мѣстъ акы отца имѣли по любви; аже еси съ сакими рѣчьми при-слагъ, не акы къ Князю, но акы къ подручнику и просту челоувѣку, а что умы-сливъ еси, а то дѣи, а Богъ за всѣмъ.»

убѣжати, но станемъ крѣпко; азъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжетъ, вы промыслите о себѣ.» Дружина Святослава была настроена тѣмъ же самымъ чувствомъ: «Идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ,» былъ отвѣтъ ея Князю. Такъ дико и бурно, по видимому, стремленіе Святослава на лово богатствъ природы. Но что жъ задерживаетъ его посреди страстнаго желанія завладѣть Болгаріею? Она уже была въ его рукахъ послѣ перваго похода, но онъ «борзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, и приде Киеву,» когда Киевляне, извѣщая его о появленіи Печеньеговъ обь опасности, которая угрожала имъ вмѣстѣ съ матерью Святослава и его дѣтьми, сказали ему чрезъ пословъ своихъ: «Аще не поидеши, ни оборониши насъ, да паки ны возмутъ, аще ти не жаль отчины своя, ни матери стары суци, и дѣтій своихъ.»⁵

Какъ орелъ, носясь въ поднебесьи, мчится съ добычею въ родимое гнѣздо, къ птенцамъ своимъ, готовый пасть за нихъ: такъ предки наши не разъ уносились далеко отъ родимаго очага, и, стаяя лишеніями и опасностями блага міра, стремились съ богатствами въ родную семью. Семья была для нихъ болѣе, чѣмъ жизнь. Въ ней сознавалось значеніе бытія человѣка, даже бытія міра: она храмъ, святыня. Для нея блага міра, для нея всѣ силы, всѣ помыслы, для нея молитва, вся жизнь. Чувство семейное двигаетъ всѣми дѣлами періода удѣловъ; оно говорило въ Князьяхъ, въ дружинахъ, въ народѣ. Въ этомъ чувствѣ миръ, и нѣтъ ни войны, ни тревогъ, и всѣ противоположности, о которыхъ мы говорили сейчасъ, исчезаютъ въ немъ сами собою.

Чувствомъ семейнымъ опредѣляются отношенія къ природѣ, къ Богу, къ людямъ. Сверхаетъ ли въ пространствѣ небесномъ свой дивный путь комета; теряетъ ли солнце въ затмѣніи свой свѣтъ, тьма разстилается и посреди дня мерцаетъ звѣздное небо: это не вѣстники мудрости Божественной, исполняющей жизнь всю вселенную, каждую точку безконечнаго пространства, а вѣстники несчастья того или другаго Князя, той или другой страны. Подобный взглядъ и на другія явленія природы. Вьется, на прим., стая орловъ надъ дружи-

⁵ Лавр. 28 и слѣд.

нами Книжескими: это предвѣстники несомнѣннаго успѣха. Всѣ явленія такимъ образомъ уясняются. Ихъ значеніе только около лица, семьи, подвластной Князю страны; ими Божество высказываетъ или гнѣвъ, или милость свою Князю и его близкимъ и подданнымъ. ⁶ Семья чувствуетъ надъ собой во всемъ и вездѣ промыслъ, или гнѣвъ, Божественный, и въ радостномъ трепетѣ, или смущенная, падаетъ ницъ предъ Всемогущимъ, возносится молитвами, дѣлаетъ жертвы, приношенія и воздвигаетъ храмъ за храмомъ, въ ознаменованіе ли милостей къ ней Божіихъ, или въ умилоствленіе Божества; разливаетъ любовь на весь подвластный ей кругъ; а въ то же время, руководимая тѣмъ же чувствомъ, тѣмъ же взглядомъ, стремится, если позволить такъ выразиться, поглотить, присвоить себѣ весь міръ и лишить его самобытнаго существованія. Тотъ же взглядъ въ отношеніи къ людямъ: или членъ семьи, или другъ, или данникъ, или врагъ. Семья желаетъ замкнуться въ самой себѣ со всеми благами и святынями міра: и святыни и всѣ блага міра для нея и въ ней. Ударъ, который падаетъ на нее, падаетъ на святыни, которыя она носитъ въ нѣдрахъ своихъ, и этотъ ударъ слышится ей во всемъ мірозданіи. Подобнымъ сознаниемъ, сколько бы оно ни было темно и грубо, отецъ семьи, глава семьи, невольно возвышается въ глазахъ собственныхъ, въ глазахъ подвластныхъ ему. По этому права его, права его семьи, должны были быть обширны, свято храниться, и всякое обстоятельство, которое нарушало жизнь въ семейномъ чувствѣ, не могло не ложиться тревогой на душу, и не вызывать на дѣла кровопролитныя и даже жестокия.

Княгиня Ольга, узнавъ о несчастной кончинѣ Игоря, потеряла, казалось, все въ мірѣ, забыла наслажденія жизни домашней. Ни Древлянскій Князь Малъ, ни Императоръ Греческій, не успѣли привлечь ее, овладѣть ея рукою, по разсказу лѣтописца: она полна тоски, тревоги, и эта тревога высказывается тремя страшно кровавыми признаками, въ которыхъ погибли виновники смерти ея мужа и сожженъ Коростень. Самое даже принятіе Ольгою Христіанской религіи, быть можетъ, было слѣдствіемъ той же тревоги души, которая, не успокоившись гибелью враговъ, искала утѣшеній въ исти-

---

⁶ Ипат. 3, 90, 105, 147, 183 и др.

нахъ высокихъ и святыхъ Христіанской религіи; по крайней мѣрѣ, на этотъ религіозный путь чувство семейное вело другихъ Княгинь нашихъ, которыя, потерявъ мужей, отказывались отъ міра и удалялись въ монастырь. И не то ли же семейное чувство говорило въ междуусобныхъ войнахъ Князей нашихъ? Не оно ли, подобно перекатамъ грома, встревоженное въ самомъ себѣ, переливалось изъ тона въ тонъ и разражалось иногда бурей въ жизни народной?

Свенельдъ не былъ покоенъ, пока не погибъ Ярополкъ, виновникъ смерти сына его. ⁷ Неуваженіе воли старѣйшаго Князя въ родѣ, обнаруженное Глѣбомъ и Ярославомъ, вооружило противъ нихъ Владиміра Мономаха. ⁸ Многолѣтняя и упорная война Святослава Ольговича была плодомъ глубоко оскорбленнаго родственнаго чувства. На требованіе Давидовичей, чтобъ онъ удалился изъ Новгорода въ Путивль, а брата своего оставилъ заключеннымъ въ темницѣ, въ рукахъ Изяслава, Святославъ отвѣчалъ: «Ни волости хочу, ни иного чего, развѣ толико пустите ми брата!» ⁹ и когда Давидовичи повторили требованіе относительно Игоря, соглашаясь оставить за нимъ Новгородъ, Святославъ прослезился, говоритъ лѣтопись, и, лишенный всѣхъ средствъ вырвать брата изъ рукъ Изяслава, не опускаетъ меча: становится подъ руку Георгія Суздальскаго; кланяется ему, признаетъ его отцемъ своимъ и молить за брата: «Брата ми, Всеволода, Богъ поялъ, а Игоря Изяславъ ялъ; а поиди въ Рускую землю Кіеву, милосердовавъ, налѣзи ми брата!» ¹⁰ Участіе въ скорби Святослава съ одной стороны, съ другой нарушеніе Изяславомъ его собственныхъ семейныхъ правъ, вооружаетъ Георгія противъ послѣдняго. Тогда возникаетъ рядъ войнъ жестокихъ, которыя, обнявъ всѣ системы удѣловъ и вводя не разъ полчища Венгровъ и Половцевъ въ Государство, опустошали его по всѣмъ направленіямъ. Тотъ же Георгій, сдѣлавшись Кіевскимъ Княземъ, сосредоточилъ силы двухъ системъ

⁷ Кенигсб. 66. «И моляше всегда Ярополку Свенельдъ: «Поиди на братъ свой, приими волость его!» хотя отомстити сыну своему.»

⁸ Ипат. 7.

⁹ Ипат. 25.

¹⁰ Тамъ же 25.

и повелъ ихъ противъ Мстислава Изяславича, Владимірскаго Князя, увлеченный къ тому не общимъ благомъ, а чувствомъ семейнымъ, и именно исполняя этѣмъ только обътъ, данный имъ брату своему, Андрею, покровительствовать его сыну и удержать за нимъ Владиміръ: «Сыну!» говорилъ Георгій сему послѣднему, возвращаясь уже въ Кіевъ послѣ неудачнаго похода противъ Князя Волынскаго, «азъ есмь съ твоимъ отцемъ, а съ своимъ братомъ, Андреемъ, хрестъ цѣловалъ на томъ, яко кто ся ваю (изъ насъ) останеть (останется въ живыхъ), то тый (тотъ) будетъ обоимъ дѣтемъ отецъ и волюсть удержати, а потомъ къ тобѣ хрестъ цѣловать есмь имѣти тя сыномъ собѣ и Володимира ти искати; нынѣ же, сыну, аче ти есмь Володимира не добылъ, а се ти волюсть;» и «да ему, говорить лѣтописецъ, Дорогобужъ и Пересопницю и всѣ Погоринскіе города. ¹¹ Володарь, за ослабленіе брата своего, Василька, несъ смерть и опустошенія въ область Давидову. ¹² Потускиѣлъ ликъ Андрея Боголюбскаго, говорить намъ лѣтопись, когда Мстиславъ оскорбилъ въ немъ чувство родственности, и пятидесятитысячное войско шло наказать дерзкаго племянника и его непослушныхъ братьевъ, Рюрика и Давида. Однимъ словомъ, разбирая причины войнъ періода удѣловъ, до явленія Татаръ, мы видимъ единственнымъ ихъ источникомъ встревоженное семейное чувство, или въ Князяхъ, или въ самомъ народѣ. Конечно, были исключенія, но этѣхъ исключеній не много.

По этому исторія междоусобій періода удѣловъ должна представить намъ не картину нескончаемыхъ войнъ, а картину переливовъ семейнаго чувства. Но гдѣ взять факты для этой картины? Выдумывать? Превращать исторію въ романъ? Ни мало! Въ лѣтописяхъ разбросано множество фактовъ, которые обрисовываютъ бытъ того времени: только соберите этѣ факты, выкиньте въ нихъ пристальнѣе, и многія темныя и безжизненныя сказанія нашихъ лѣтописей получатъ живое значеніе въ исторіи родины. Лѣтописцы передавали то, что видѣли, или слышали, не углубляясь въ начала событій, и мы, читая ихъ, бродимъ по обломкамъ жизни былой, и громоздя

¹¹ Ипат. 80.

¹² Кенигсб. 161.

обломки на обломкахъ, по указаніямъ лѣтописцевъ, не созидаемъ еще самой исторіи. Мы не можемъ, мы не должны, ограничиваться въ исторіи фактами лѣтописей о томъ или другомъ событіи: сказаніе лѣтописца, при всей полнотѣ своей, не самое событіе, а это событіе не дума, не чувства, которыя возродили и поддерживали его. Многія изъ событій, передаваемыхъ лѣтописцами о жизни общественной, какъ повтореніе, и при томъ слабое, одного и того же начала, могутъ быть даже совершенно опускаемы историкомъ; за то факты, которые, сами по себѣ хотя ничтожныя, не имѣющіе ни какого прямого и существеннаго вліянія на жизнь общественную, но обрисовывающіе духъ времени, основныя начала жизни, должны составлять драгоцѣнность для историка.

До сихъ поръ, описывая періодъ Удѣловъ, наши историки, къ сожалѣнію, останавливали вниманіе на одномъ ходѣ событій, не опредѣляя сохранившимися красками старины основныхъ началъ, въ коихъ пребывала жизнь, къ сожалѣнію, со всѣми своими разнообразными явленіями, и безъ коихъ она видимо сдѣлалась бы хаосомъ и погасла бы мгновенно. Не зная силы и характера этѣхъ началъ, мы никогда не поймемъ самой жизни, и никогда не поймемъ періода удѣловъ, не опредѣливъ силы и характера семейнаго въ то время начала. Трудъ этотъ обширенъ, но безъ него вся жизнь періода удѣловъ будетъ, какъ прахъ безъ души, превратится въ безжизненную, хотя снятую по всѣмъ правиламъ искусства, картину, гдѣ всѣ части въ отдѣльности какъ будто бы совершенно схожи съ натурой, но въ цѣломъ, а слѣдовательно и въ частяхъ, отсутствуетъ выраженіе живаго подлинника, отсутствуетъ и мысль и чувство, и свѣжесть жизни, исполняющія натуру. А сколько, сколько мы имѣемъ данныхъ и въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ, чтобы видѣть, что семейное чувство двигаетъ всѣми событіями періода удѣловъ, господствуетъ въ немъ, и, развиваясь все болѣе и болѣе, созидаетъ будущее великаго Государства въ системѣ другихъ Государствъ, непоколебимое въ вѣрѣ своей и въ преданности къ престолу, Государство съ характеромъ чистымъ, высокимъ. Слѣдующіе факты въ этомъ отношеніи должны быть для насъ драгоцѣнны.

Предъ нами, на примѣръ, старецъ Кіевскій, Князь Святославъ Всеволодовичъ. Онъ недоволенъ, что младшій Князь, Игорь Святосла-

вить, безъ вѣдома его, съ братомъ своимъ, Всеволодомъ, открылъ походъ на Половцевъ, походъ, который разрушилъ планы его и плоды прежнихъ побѣдъ надъ этими полудикими, тревожными сосѣдями; но гдѣ же это недовольство, гдѣ планы Святослава, когда онъ получилъ вѣсть, что вся Игоря дружина улеглась костью въ степяхъ Половецкихъ, и самъ Игорь въ плѣну? Святославъ, при этой вѣсти, «велики воздохнувъ», говоритъ лѣтопись, «утеръ слезъ своихъ, и рече: «Да како жаль ми бяшетъ на Игоря.. тако нынѣ жалю (сожалѣю) больши по Игорѣ братѣ моемъ.»¹³ Самъ Игорь Святославичъ, во время битвы, видя неминуемое истребленіе дружины и усиленную борьбу брата своего, Всеволода, этого буй-тура, по сказанію пѣвца XII столѣтія, искалъ въ битвѣ смерти, чтобъ только не видать гибели брата.¹⁴ Потомъ уже въ плѣну у Половцевъ, задумываясь о прошедшемъ, онъ исполняется тоскою, но только не о самомъ себѣ, а о близкихъ ему, которыхъ погубили его юныя отважныя мечты, извѣдать славы воинской въ степяхъ Половецкихъ, и Игорь, говоритъ себѣ: «По что азъ единъ повинный не пріяхъ страсти за вся си!»¹⁵ «И бысть скорбь и туга люта, говоритъ лѣтопись, яко николи же не бывала во всемъ Посемьи и въ Новгородѣ Сѣверскомъ и по всей волости Черниговской,» когда узнали о истребленіи дружинъ Игоря и брата его: «Князи изыманы и дружина изымана, избита,» продолжаетъ лѣтопись, «и матахуться аки въ мотви, города воставахуть и не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрекахуся душъ своихъ, жалюще (сожалѣя) по Князихъ своихъ.»¹⁶ Сдѣсь, въ стонѣ любви, гаснетъ другое чувство, гаснутъ страсти. Вотъ факты о томъ же чувствѣ любви, въ самомъ себѣ. Святославъ, когда-то юный и смѣлый,

¹³ Плат. 132.

¹⁴ «Добри бо вси бяхуться, идуще иѣши, и посредѣ ихъ Всеволодъ не мало мужство показа. И яко приближися Игорь къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ, и ту яша, единъ перестрѣлъ одагѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорь (плѣненный), видѣ брата своего, Всеволода, крѣпко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видѣлъ паденія брата своего.»

¹⁵ Плат. 131.

¹⁶ Тамъ же, 132.

на краю могилы: гдѣ же дума его? Собравъ послѣднія силы, онъ ѣдетъ въ Вышгородъ, чтобъ облобызать раку мучениковъ Бориса и Глѣба и поклониться останкамъ отцовскимъ; даже въ часъ смерти мысль объ отцѣ не оставляетъ его, онъ вспоминаетъ день смерти родителя, который около пятидесяти лѣтъ лежалъ уже въ могилѣ.¹⁷ Любовь семейная связывала и духъ съ духомъ, и прахъ съ прахомъ. Ярославъ Владимировичъ говорилъ сыну своему, Всеволоду: «Когда Богъ приметъ отъ тебя душу, то прахъ твой пусть ляжетъ подлѣ моего праха, понеже люблю тебя паче братіе твоей.»¹⁸ Тотъ же Ярославъ выкапываетъ кости дядей своихъ, Ярополка и Олега, чтобъ чрезъ крещеніе приобщить того и другого къ жизни собственной, къ жизни всѣхъ Православныхъ родичей ихъ, и потомъ успокоиваетъ останки въ храмѣ Св. Богородицы. Ростиславъ Мстиславичъ также не хотѣлъ нигдѣ положить прахъ свой, какъ только подлѣ праха предковъ: «Не могу здѣсь лечи, повезите мя Киеву; аще мя Богъ отъиметь на пути, то положите мя въ отни благословенны, у Св. Федора» (въ Кіевѣ), отвѣчалъ онъ сестрѣ, когда сія послѣдняя уговаривала его больнаго остаться въ Смоленскѣ до выздоровленія.¹⁹ Такъ дума Князей и въ часъ смерти носится около родины, около праха предковъ

¹⁷ «Святославъ же (уже больной), пришедъ въ Киевъ, и ѣха къ Вышегороду, въ пятницу поклонитися Святѣмъ Мученикомъ, и вѣзъ во церковь, со слезами облобыза святую раку; и по семь же приде ко отни гробница, и хотѣ внити по обычаю; попови же отшедши съ ключемъ; Святославъ же не дождалъ, и ѣха, не любоваше во умѣ своемъ, яко не поклонися отню гробу, и приѣха Киеву... въ недѣлю же (въ воскресенья)... не може ѣхати съ новаго двора... Сего же болми охудѣвающа силѣ и отемняюща языкъ, и возбнувъ, и рече ко Книгинѣ своей: «Коли будетъ, рче, Святыхъ Маковѣй?» Она же: «Въ поведѣльникѣ.» Князь рче: «О не дождюю ти я того;» бншетъ бо отецъ его, Всеволодъ, во день Святыхъ Маковѣй пошелъ къ Богови. Книгиня же усмотрѣвши, яко иво видѣніе видѣ иѣкакъ Князь ея, пача прошати; онъ же, не повѣдавъ ей, и рче: «Азъ вѣрюю во единого Бога.» И веля ся постричи въ червцы... преставися.» Ипат. 143.

¹⁸ Любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцу къ нему: «Сыне мой! благо тебѣ будетъ, яко слышу о тебѣ кротость, и радуюсь, яко ты покоиши старость мою. Аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего по братья своей со правдою, а не насильствомъ, то егда отведеть тя Богъ отъ житія сего, то ляжеша, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братья твоей.» Кениг. 133.

¹⁹ Ипат. 94.

и близкихъ своихъ. Вся жизнь, вся прелесть жизни, сознается въ семейномъ чувствѣ, черезъ семью. Андрей, сынъ Мономаха, хотѣлъ лучше погибнуть, нежели оставить родовый свой городъ, свою наслѣдственную Переяславльскую волость.²⁰ Глѣбъ Рязанскій, захваченный Всеволодомъ въ плѣнъ, томясь въ темницѣ, говорилъ, что умереть или отказаться отъ родоваго города, одно и то же, и, оставаясь вѣрнымъ себѣ, умираетъ въ темницѣ.²¹ Мстиславъ Ростиславичъ отказывается отъ почестей сидѣть на престолѣ Новгородскомъ, баюкаясь тоже въ колыбели семейнаго чувства: «Не могу ити изъ отчины своее, и со братьею своей розойтися», былъ отвѣтъ его Новгородцамъ, и нужны были усиленныя убѣжденія братьевъ, чтобъ онъ рѣшился оставить Кіевскія области; но, и оставляя ихъ, онъ говорилъ, въ душѣ своей, по сказанію лѣтописца, что до тѣхъ поръ, пока хранитъ его Богъ, онъ не забудетъ милой отчины своей, земель Кіевскихъ.²²

Отечская заботливость старшаго о младшихъ; благословеніе предъ старѣйшимъ членомъ семьи, чувство любви между остальными членами, готовое, въ случаѣ нужды и на великія пожертвованія, не только не гаснутъ среди борьбы, но напротивъ живѣй, могучѣй и яснѣй пробуждаются во взаимныхъ неудовольствіяхъ, недоразумѣніяхъ и распряхъ. «Не буди ми взяти руки на брата своего старѣйшаго: аще отецъ мой умре, то сей будетъ мнѣ въ отца мѣсто,» былъ отвѣтъ Бориса, когда отцовская дружина предлагала ему, мимо Святополка, старѣйшаго

---

²⁰ «Пришедъ же Всеволодъ къ Переяславу, хотѣ выгнати Андрея, а брата своего посадити, Андрееви рече: «Курьску изволи ити!» И Андрей тако рече, съдуша съ дружиною своею: «Лѣньши ми того смерть и съ дружиною на своей отчинѣ и на дѣдичѣхъ вяти, нежели Курьское Княженіе. Отецъ мой Курьскѣ не сидѣлъ, но въ Переяславу; хочю на своей отчинѣ смерть пріяти... а хочени сея волости, а убивъ мене, а тобѣ волость, а живъ не иду изъ своей волости....» и посла Всеволодъ брата своего, Святослава, съ полкъ къ Переяславу, и усрѣтша Андреева дружина, и бишася съ нимъ; и поможе Богъ Андрееви...» Ипат. 16.

²¹ «Рекъ бѣше Святославъ (ходатайствуя предъ Всеволодомъ за Глѣба): оже пуститъ Глѣба, поидеть въ Русь; но Глѣбъ рече: Луче сдѣ умру, не иду.» Тогда же Князь Глѣбъ мертвъ бысть.» Ипат. 119.

²² Ипат. 120. «Аще Богъ приведедъ мя сдороваго дни сія, то не могу ни како же Руской землѣ забыти.»

Князя, престолъ Кіевскій. ²³ Владиміръ Мономахъ на сеймѣ съ Святополкомъ Изяславичемъ, въ присутствіи дружинъ, безмолствуетъ предъ старѣйшимъ, хотя дума его была не о себѣ, а о благосостояніи отчины, дума, которою онъ желалъ вдохновить и Святополка, и его дружину, и дружину свою собственную, и начинаетъ рѣчь не иначе, какъ съ дозволенія Святополка: «и бывшу молчанью», говоритъ дѣлописецъ, и рече Володимерь: «Брате! ты еси старѣй: почни глаголати, како быхомъ промыслили о Русской земли.» И рече Святополкъ: «Ты почни!» ²⁴ Замѣчательны также, въ этомъ отношеніи, предсмертныя слова Ярослава къ своимъ дѣтямъ: «Пребывайте мирно, братъ брата послушающе. Се же поручаю въ себе мѣсто столъ сыну своему и брату вашему, Изяславу (старѣйшему изъ нихъ) Кіевъ; сего послушайте, яко же послушасте мене, да и той вы будетъ въ отца мѣсто». ²⁵ Не смотря на всѣ распри, которыя возникли послѣ смерти Ярослава между дѣтьми его, этотъ завѣтъ отца не остался втунѣ: меньшій братъ, Всеволодъ, чтилъ въ Изяславѣ старѣйшаго своего, а Изяславъ былъ ему вторымъ отцомъ. Вотъ одинъ фактъ изъ жизни послѣдняго, и онъ одинъ достаточно опредѣляетъ отношенія Изяслава къ меньшимъ братьямъ. Когда Всеволодъ, изгнанный Князьями Борисомъ и Глѣбомъ, изъ Чернигова, явился къ Изяславу въ Кіевъ и просилъ о помощи, отвѣтъ Изяслава былъ слѣдующій: «Брате, не тужи: видиши ли, кодаже ся мнѣ склужи? Первое не выгнаша ли мене, и имѣнье мое разграбиша? и паки кую вину вторую створихъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю, брату своею, не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишень бѣхъ, а не створихъ зла ни что же? И нынѣ, брате, не туживъ: аще будетъ нама причастье въ Руськѣй земли, то обѣма; аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложу главу свою за тя»; ²⁶ и этотъ отвѣтъ Изяславъ подтверждалъ дѣломъ, сложивъ главу свою за Всеволода. Чувство семейное, удовлетворенное въ са-

---

²³ Кенігсб. 94.

²⁴ Ипат. 1.

²⁵ Кенігсб. 114.

²⁶ Лаврент. 86.

момъ себѣ, забываетъ всѣ расчеты, наслаждается счастіемъ, разливая на кругъ свой любовь, миръ и счастье. Изяславъ, внукъ Мономаха, сынъ Мстислава, открыто враждуетъ съ дядей своимъ, Георгіемъ; но когда сынъ послѣдняго, Глѣбъ Георгіевичъ, приходитъ поклониться ему, какъ брату и отцу, Изяславъ принимаетъ его дружески и, вина Георгія въ непріязненныхъ отношеніяхъ, угощаетъ Глѣба обѣдомъ, увѣряетъ его въ дружбѣ, и, отпуская къ отцу, даетъ ему въ провозатые своего сына съ дружиною.²⁷ Столь же дружески высказался Изяславъ еще прежде того къ другому сыну Георгія, во время той же вражды противъ сего послѣдняго: не получая отъ отца особаго удѣла, Ростиславъ Георгіевичъ идетъ поклониться Изяславу, отдавая себя въ любовь его; «Отецъ мя», говоритъ онъ Изяславу, переобидѣлъ и волости ми не далъ; и пришелъ есмь, нарекъ Бога и тебе, зане ты еси старѣй навѣ въ Володимиряхъ внуцѣхъ, а за Руськую землю хочю страдати и подѣлѣ тебе ѣздити». Отвѣтъ на это Изяслава выражаетъ, съ одной стороны, невѣроятность ссоры его съ Георгіемъ, съ другой любовь и полную готовность къ миру: «Всѣхъ насъ старѣй отецъ твой, но съ нами не умѣеть жити, а мнѣ дай Богъ насъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душу свою; нынѣ же аче отецъ ти волости не далъ, а язъ ти даю»; и назначаетъ ему пять городовъ: Бужскій, Межибожіе и др.²⁸ По этому-то случалось, что загоралась война, и погасала почти безъ провозропатій: поклонъ старѣйшему Князю, предоставленіе себя въ

.5.

²⁷ Въ то же время Глѣбъ стоялъ выше города Пересопницы, на Стублѣ, товары; и оттуда едва утече самъ Глѣбъ въ городъ, а товары его взяша, и дружинну его зломаца, и конѣ его залша, ину дружинну его захаша отъ города, и не бѣ съ нимъ стояти протаву ему (Изяславу). Выслажь же Глѣбъ и рече Изяславу: «Ако ми Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ, а язъ ти ся кланяю; ты ся съ моимъ отцемъ самъ вѣдаешъ, а мене пуствъ къ отцю и цѣлуй ко мнѣ Св. Богородицу, ако мене не примеша, по пуствши мя къ отцю своему; а язъ къ тобѣ самъ поѣду и поклонючися.» Изяславъ же цѣлова къ нему Святую Богородицу, и рече ему: «Вы мнѣ братья своя; до насъ нѣту рѣчи ни коя же, но обидитъ мя твой отецъ, а съ нами не умѣеть жити.» Глѣбъ же выѣха и доклонися Изяславу. Изяславъ же возва и къ собѣ на обѣдъ, и ту обѣдавъ, и оттуда поя съ собою до Дорогобужа, и ту пристави къ нему сына своего, Мстислава, до Корчеська; и тако проводявъ и за Корчеськъ.» и пр. Млат. 49.

²⁸ Млат. 39.

любовь его, однимъ словомъ успокоеніе раздраженнаго семейнаго чувства, прекращаетъ враждебныя отношенія между Князьями, и они, успокоенные, располагаются на уступки, на жертвы. Чтобы обезоружить Владиміра Мономаха, Глѣбу и Ярославу, о коихъ мы упоминали выше, достаточно было выйти и поклониться Князю старѣйшему.²⁹ Точно также примирился Георгій съ Ростиславомъ: первый вошелъ уже съ дружинами въ Княжество Смоленское, Ростиславъ выступилъ противъ него съ своими дружинами: война загоралась; но Ростиславъ посылаетъ посла къ Георгію, съ словами: «Отче! кланяю ти ся: ты преди до мене добръ былъ еси, и азъ до тебе; а нынѣ кланяются, стрый ми еси, яко отецъ»; и Георгій, не помяна злобы брата его (Изяслава), какъ сказано въ лѣтописи, отда ему гнѣвъ,³⁰ называя его своимъ братомъ и сыномъ. Слова Изяслава: «Ты мнѣ отецъ: люблю тебя, чту тебя, какъ отца,» пріятно падаютъ на душу Вячеслава, заставляютъ забыть справедливый гнѣвъ, съ которымъ онъ встрѣтилъ Изяслава, пріѣхавшаго поклониться ему изъ Кіева въ Вышгородъ, забыть всѣ оскорбленія, нанесенныя ему Изяславомъ: торжественная клятва, при честномъ крестѣ, соединяетъ Вячеслава съ Изяславомъ, какъ отца съ сыномъ, и эта клятва, не смотря на всѣ обстоятельства, не была нарушена. Изяславъ чтилъ слово, совѣты, распоряженія Вячеслава въ продолженіи всей жизни, и готовъ былъ съ своей дружиною на берегахъ Руты положить за него свою голову: Вячеславъ ввѣрилъ ему управленіе Княжествомъ; смотрѣлъ на брата Изяславова, Ростислава, какъ на своего сына; не хотѣлъ слушать меньшаго своего брата, врага Изяславова, Георгія, когда сей послѣдній предлагалъ ему миръ; признавалъ его отцемъ, чтобъ только удалить отъ него Изяслава: «У тебе сыновъ 7», говорилъ онъ Георгію, «а азъ ихъ отъ тебе не отгону, а у мене едина два сына, Изяславъ и Ростиславъ, а иніи молодѣйшіи суть же; но я,

²⁹ «И нача ся молити Глѣбъ Володимеру, шля отъ себе послы. Володимеръ же съжался гнѣмъ, оже проливашеться кровъ въ дни постышыхъ великого поста, и вдасть ему миръ; Глѣбъ же, вышедъ изъ города съ дѣтми и съ дружиною, поклонися Володимеру, и мольшиа рѣчи о мирѣ, и обѣщася Глѣбъ по всему послушати Володимера. Володимеръ же, омивши Глѣба и наказавъ (наставивъ) его о всемъ, вдасть ему Менескъ, а самъ възвратися Кіеву.» Ипат. 7.

³⁰ Ипат. 77.

брате, тобѣ молю, Рускы дѣля (ради) земля и Хрестьянѣ дѣля, поѣди же у свой Переяславъ и въ Курескѣ, и съ своими сыны, а ошамо у тебе Ростовъ Великій, а Ольговичи пусти домови, а сами ся урядимъ, а крови Хрестьянскы не продаемъ; пакы ли по своему замыслу поидеши, ако же еси и поѣхалъ, «и озяся», говорить лѣтопись, «на Святую Богородицю, яже есть надъ „Золотыми вороты“, продолжалъ: «а той ны Пречистѣй Госпожи судити съ сыномъ своимъ и Богомъ нашимъ въ сій вѣкъ и въ будущій.»²¹ И когда Изяславъ умеръ, плакала по немъ вся Русская земля, но въ особенности Вячеславъ, который, взирая на прахъ когда-то пылката Изяслава, не могъ не выразить горя объ утратѣ слѣдующими словами, весьма простыми, но въ которыхъ проглядываетъ отеческое чувство: «Сыну! то мое было мѣсто, но предъ Богомъ не что учинити.»²² Наклонность къ миру, стремленіе на loco любви, замѣтно такимъ образомъ всюду даже посреди самой вражды, междоусобій, и семейность кладеть печать свою на всѣ событія того времени.

Образъ сношенія Князей между собою носитъ на себѣ печать семейной любви: «брате, сыну, отче,» или, «свате», были обыкновенныя наименованія, коими Князья привѣтствовали другъ друга, посреди мира и войны, и тѣ же наименованія употребляются ими даже въ сношеніяхъ съ иностранными Государями; и этѣ наименованія имѣли въ то время полный смыслъ, опредѣляли отношенія однихъ Князей къ другимъ. Сынъ повинуется отцу, содѣйствуетъ ему въ его предпріятіяхъ и совѣтуется съ нимъ въ предпріятіяхъ своихъ. Отецъ заботится о выгодахъ сына, поддерживаетъ его въ его владѣніяхъ посредничествомъ, совѣтомъ и дружиною. Въ этѣ формы стремится заключиться удѣльная система. Всѣ Князья раздѣляются, такимъ образомъ, на отцевъ и дѣтей, и какъ дѣти, въ свою очередь, могутъ имѣть свои семьи, такъ Князья младшіе были, въ свою очередь, въ отношеніи другихъ старѣйшими и назывались отцами сихъ послѣднихъ. На прим.: Ростиславъ признаетъ Георгія своимъ отцемъ, и самъ признается отцомъ Князьями Рязанскими, между которыми былъ опять свой старѣйшій Князь, и, слѣдовательно, отецъ подчинен-

²¹ Ипат. 61.

²² Тамъ же 74.

ныхъ ему Князей. Кому повинуются, въ чьей рукѣ состоитъ старѣйшій Князь, тому повинуются и Князья младшіе, хотя и не непосредственно. Вообще отношенія Князей между собою были не что иное, какъ приложеніе отношеній семейныхъ къ быту общественному. Большее или меньшее развитіе семейнаго начала, семейнаго чувства, большее или меньшее сознаніе современныхъ событій, давали болѣе или менѣе блестящее развитіе самой удѣльной системѣ въ отношеніяхъ Княжескихъ.

Такъ глубоки слѣды семейности во всей жизни періода удѣловъ; но, подобно морю, однако жь, волнуется тогда земля Русская: ближайшая цѣль каждой семьи поддерживать честь своего рода, собрать блага міра для своихъ ближнихъ, ивъ этомъ стремленіи нарушается покой общій: но исходъ этой борьбы опять въ семейномъ чувствѣ.

Князья не могли смотрѣть на Государство, какъ на живой органъ воли Провидѣнія къ развитію божественной истины въ человѣчествѣ: они смотрѣли на него, какъ на отчину, на наслѣдіе отцовъ своихъ; такой, по крайней мѣрѣ, господствующій характеръ періода удѣловъ. Отсюда-то вытекало первое положеніе удѣльнаго начала, по коему каждый потомокъ Княжескаго рода долженъ имѣть особый удѣлъ въ Государствѣ, какъ каждое частное лице въ наслѣдіи предковъ. Отсюда же вытекало и второе и третье положеніе онаго, въ силу коихъ старѣйшій въ родѣ (какъ это сохранилось и до нынѣ, хотя только въ простомъ быту) пользовался преимущественнымъ правомъ на главный или Великокняжескій престолъ, и, пользуясь особеннымъ уваженіемъ отъ Князей младшихъ, замѣнялъ имъ отца, защищая ихъ и покровительствуя имъ. Отсюда же непосредственно истекало, что младшіе Князья находились подъ рукою Князей старѣйшихъ и должны были содѣйствовать въ ихъ предпріятіяхъ. Изяславъ съ огромными средствами не могъ ни чего сдѣлать противъ этого закона старѣйшинства, непосредственно исшедшаго изъ быта семьи, не смотря на свой духъ вполне воинственный, не смотря даже на чрезвычайную дѣятельность и твердость свойствъ. Онъ не опускалъ меча въ продолженіи всего своего княженія: его жизнь—рядъ войнъ, посреди которыхъ лилась кровь и пустошились города и села отъ Новгорода до Курска и отъ Ростова и Мурома до Галича, и все отъ того, что не хотѣлъ ходить въ волѣ старѣйшаго, отъ того, что хотѣлъ бороться

съ самимъ временемъ, хотя все таки принужденъ былъ болѣе или менѣе уступить ему. Утомляясь борьбою, не видя выгоднаго исхода ея для себя, онъ сокрылся наконецъ подъ тѣнію старѣйшинства Вячеслава, старшаго брата Георгія, и призналъ его своимъ отцемъ. Чтобъ яснѣе видѣть торжество семейнаго чувства въ этомъ признаніи Изяслава, мы приводимъ подлинныя слова лѣтописца: «Изяславъ съ бояры своими ѣха къ Вячеславу Вышегороду, и рече Изяславъ Вячеславу: «Ты ми еси отецъ, а се ти Кіевъ, а се волость, которая тобѣ вгодно, то возьми, а иное мнѣ вдай!» Вячеславъ же рече съ гнѣвомъ Изяславу: «Чему ми еси во ономъ дни не далъ, но съ великомъ соромомъ ѣхалъ изъ Кіева? Аже рать идетъ изъ Галича, а другая изъ Чернигова, то ты мнѣ Кіевъ даешь.» Изяславъ же рече Вячеславу: «Азъ есмь къ тобѣ славъ, а Кіевъ тобѣ дая, и то ти есмь являяъ, съ тобою могу быти, а съ братомъ твоимъ, Гюргемъ, не управити ми есть, но тебе люблю акы отца, и нынѣ ти молваю: «Ты ми еси отецъ, а Кіевъ твой, поѣди въ оны!» Вячеславъ же то слышавъ, и любо бысть ему, и та цѣловаста крестъ у Святую Мученику на гробъ, на томъ: Изяславу имѣти отцемъ Вячеслава, а Вячеславу имѣти сыномъ Изяслава»....³³

По этому Государство распадалось на удѣлы, а чувство семейное держало его въ общемъ родственномъ союзѣ Князей; но это единство Государства въ союзѣ Князей было, по видимому, единство мнимое: въ томъ же семейномъ чувствѣ, преобразовавшемся въ чувство племенное или областное, лежала жизнь самага народа.

Къ приходу Рюрика предки наши раздѣлены были этѣмъ чувствомъ на племена или области. Даже въ послѣдствіи, когда исчезли имена Древлянъ, Полянъ, Радимичей, Вятичей, Полочанъ, Стверянъ, племенная независимость не погасла между ними: различныя части Государства, вводимыя въ соприкосновеніе Князьями, борются другъ съ другомъ, и смуты кипятъ внутри жизни самага народа.

Еще до прихода Рюрика развился между Славянскими племенами военный духъ, извѣстный въ нашихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ дружины. Существованіе, до времени основанія Государ-

³³ Ипат. 50.

ства, у насъ городовъ уже положительно это доказываетъ; кромѣ того въ лѣтописи Нестора прямо говорится о дружинахъ Полянъ и Древлянъ. Подобныя же дружины должны были быть между другими Славянскими племенами, по крайней мѣрѣ, въ Ростовѣ, Суздаль, Полоцкѣ, Муромѣ и Новгородѣ. Обращая вниманіе вообще на значеніе дружинъ въ Отечественнѣй Исторіи, мы, кажется, можемъ утверждать, что существенную часть ихъ составляли старшины народные. Только, можетъ быть, у Древлянъ и Полянъ мысль дружинъ, правителей народныхъ, достигла къ приходу Рюрика такой зрѣлости, что изъ среды дружинъ выступали уже Князья народные. У другихъ же племенъ до пришествія Рюрика, до развитія въ насъ Отечества повсемѣстно удѣльнаго строя, Князей не видно. Отличительною чертою этихъ дружинъ было охранять родную землю, родное племя. Связи между старейшинами и кореннымъ племенемъ, изъ котораго они исходили и котораго выгоды были тѣсно соединены съ ихъ собственными выгодами, были чисто патріархальныя, семейныя. Старшихъ чтили, какъ отцовъ и владыкъ, поклонялись имъ, осыпали дарами, слушались; они защищали свою жизнь страну, племя, судили и казнили. Слова: «Наши Князи добри суть, иже распустили суть Деревьску землю», сказаныя Древлянами Ольгѣ, — это звуки того патріархальнаго быта Славянскихъ племенъ.

Народная пословица: «Что городъ, то норобъ» указываетъ, въ свою очередь, на разнообразность нашихъ древнихъ городовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что кругъ каждаго города былъ первоначально не широкъ, даже весьма ограниченъ, но, съ возрожденіемъ уже въ племенахъ военнаго начала, онъ, разумѣется, самъ собою, долженъ былъ шириться и окружности городовъ сближаться другъ съ другомъ. Сближеніе границъ городскихъ или, какъ правильнѣе говорятъ лѣтописи, волостей (или властей, что состоитъ подъ властію) вело уже само собою къ спорамъ, а эти споры къ войнамъ и даже завоеваніямъ. Сдѣсь не могли уже сохраниться первоначальныя отношенія между старшинами или городомъ, и между народомъ или волостью. Коренное начало налегало на начало, подпавшее подъ его власть, въ слѣдствіе ли неудачной войны, или въ слѣдствіе стремленія найти покровительство отъ враждебныхъ сосѣдей. Поэтому дружины должны были быть, съ одной стороны, стражей благосостоянія одной части страны, а съ другой гнетомъ. Въ

такимъ, кажется, состояніи застали предковъ нашихъ Варяго-Руссы. Правда, объ этой первоначальной борьбѣ Славянскихъ племенъ не дошло до насъ почти ни какихъ данныхъ: мы видимъ только, что около Новгорода горѣли ссоры и вражда; на югѣ Древлане тѣснили Полянъ; но когда завѣса исторіи подымается, этѣ непомирившіяся отношенія различныхъ Славянскихъ племенъ или областей дѣлаются совершенно ясными. Кіевляне отбрасываютъ отъ себя вліяніе Черниговцевъ, Черниговцы Кіевлянъ, и т. д. Владимирцы, поддерживаемые Андреемъ Боголюбскимъ, Михаиломъ и Всеволодомъ, сбрасываютъ съ себя вліянія Ростовское и Суздальское. Кіевляне избиваютъ дружину, составившуюся въ Черниговскомъ кругѣ удѣловъ и водворенную между ними Всеволодомъ Ольговичемъ; они же избиваютъ дружину Ростовцевъ и Суздальцевъ, приведенную къ нимъ Георгіемъ, и въ этой же борьбѣ различныхъ началъ Государства гибли Князья, и между другими погибъ Андрей Боголюбскій, погибъ и Игорь Ольговичъ. Воспринявъ отъ Кіева Князей, каждая область становится подъ щитъ своего Князя и стремится, подобно семьѣ, замкнуться отъ посторонняго вліянія, отъ вліянія на нее другихъ Князей, другихъ областей, готовая за свою Княжескую вѣтвь бороться до послѣдняго. Это стремленіе не согласно съ семейными отношеніями Князей, на основаніи коихъ младшіе Князья повинуются старшимъ въ родѣ; оно не согласно и съ стремленіемъ Кіевской области, подчинившей себѣ всѣ остальные области и желавшей сохранить свой верхъ надъ ними: отсюда, изъ этѣхъ противоположныхъ стремленій, возникаютъ неудовольствія, ссоры и войны, посреди которыхъ не щадилась и храмы враждебныхъ областей, но предавались разграбленію и совершенному уничтоженію. Въ жизни народа мысль о Государствѣ, объ единствѣ всѣхъ областей, существуетъ только или, какъ мы сказали уже, въ мысли объ единствѣ Княжескаго рода, или же въ отношеніи сильнаго общаго врага: сдѣсь всѣ области, носящія свои собственныя наименованія, сливаются въ имени Руси, въ имени Православной Руси, но мысль объ единствѣ не проникла еще всей внутренней жизни, и Государство является въ распадающемся видѣ, въ видѣ отдѣльныхъ областей, изъ коихъ каждая стремится болѣе или менѣе замкнуться въ самой себѣ. Кіевъ составляетъ видимую среду Государства, но, какъ отдѣльная область, онъ усиливается, подобно другимъ областямъ, имѣть на своемъ престолѣ свою собственную вѣтвь Княжескую: въ этомъ

стремленіи онъ отталкиваетъ отъ себя Князей-искателей другихъ областей; и борьба за его престолъ старшихъ въ родѣ Князей родовыхъ, борьба областей за то, чтобъ освободиться самимъ изъ подъ вліянія Кіева, плютъ на него волну за волною, и мало по малу уничтожаютъ это стремленіе къ средоточію. Въ это время вы ступаетъ Владимирская область, съ подобнымъ же стремленіемъ, какъ и Кіевская, и еще болѣе могучая, хотя и не столь воинственная, которая, опираясь, съ одной стороны, на глубину семейнаго чувства, съ другой на мысль старѣйшинства своихъ Князей, видимо возвышается и наконецъ даетъ Князьямъ своимъ и нравственныя и естественныя силы сосредоточить все Русскія области во едино. Но подробное изложеніе отношеній различныхъ Государственныхъ началъ въ древней нашей Исторіи, по принятому нами чертежу, должно составить рядъ особыхъ разсказовъ: въ настоящемъ очеркѣ мы старались только объяснить, что господствующимъ чувствомъ въ древней нашей Исторіи было чувство семейно-областное: въ немъ сознавалась жизнь, и изъ него исходила. Отступивъ, однако жъ, нѣсколько отъ главной нашей задачи, мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь мысли свои и объ основаніи Государства, въ отношеніи къ господствующему чувству.

Съ приходомъ Рюрика внесено было въ жизнь племенъ Славянскихъ новое начало, совершенно чуждое намъ. Оно явилось въ одно и то же время въ разныхъ точкахъ нашего Славянскаго міра; главныя же силы его сосредоточились въ Кіевѣ.

Если одно племя Славянское стремилось, по чувству самобытности семейно-общинной, оттолкнуть другое родственное племя, могли ли Варяго-Руссы утвердиться покойно между предками нашими? Положительно можно сказать, что нѣтъ. Народное начало въ лицѣ престолюдина еще до сихъ поръ непривѣтливо смотритъ на все заморское. Борьба должна была завязаться, и кончиться не прежде, пока начало Варяжское не переродится въ начало Славянское, или не сольется съ Это слятіе могло происходить, съ одной стороны, чрезъ Княгинь происхожденія Славянскаго, а съ другой стороны, чрезъ блестящее выраженіе первыми Князьями нашими мысли, которая лежала въ основаніи коренныхъ дружинъ. При томъ послѣдніе въ ихъ первоначальномъ объемѣ не могли быть значительны и достаточно служить покровомъ

Славянскихъ племенъ даже въ войнахъ ихъ между собою, а тѣмъ болѣе въ войнахъ съ сильнымъ сосѣдями, когда Древляне могли тѣснить Полянъ, когда Казаре брали дань съ многихъ племенъ Славянскихъ, и подобное же, быть можетъ, испытывали земли Ростовской части со стороны Болгаръ; когда Новгородъ уже во время основанія Государства такъ легко могъ быть взятъ Полоцкимъ Княземъ и опустошенъ имъ; между тѣмъ въ Рюрикѣ и потомкахъ перваго нашего Князя Славяне видѣли не своихъ Бояръ-старѣйшинъ, а властителей, которые заставляють кланяться себѣ и Царей Греческихъ, и берутъ даже съ нихъ огромные подарки. Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова лѣтописца объ основателяхъ Кіева, какъ объясняющія тогдашнія понятія о Князѣ: «Бяху бо мудри и смыслени, нарицахуся Поляне, отъ нихъ же суть Поляне Кіевъ и до сего дне. Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кій есть перевозникъ былъ; у Кіева бо баше перевозъ тогда съ оной стороны Днѣпра; тѣмъ глаголаху: на перевозъ на Кіевъ. Аще бо бы перевозникъ Кій, то не бы ходилъ ко Царюгороду; но се Кій княжаше въ родъ своемъ, и приходившу ему ко Царю, не свѣмы, но только о томъ свѣмы, яко велику честь пріялъ отъ Царя, котораго не вѣмы, и при которомъ приходи Цари.»³⁹ При этомъ взглядѣ, при своей слабости въ отношеніи Древлянъ и Казаръ, дружина Кіевская могла сама искать покровъ подъ Варяго-Русскимъ началомъ, которое явилось вблизи ея. Не сливаясь между собою, начало Варяжское и начало Славянское могли, однако жъ, дѣйствовать союзно, одушевляемая, одни чувствомъ пріобрѣтенія, другіе стремленіемъ освободиться отъ гнета враговъ своихъ. Дружины племенные, какъ коренные представители страны, нѣтъ сомнѣнія, обращались съ мольбою и просьбами къ Князьямъ въ случаяхъ затруднительныхъ, дѣлали дары имъ и, быть можетъ, немаловажныя, по тогдашнему времени, соглашались на уступки, чтобъ только освободиться самими и освободить свое племя изъ тѣхъ обстоятельствъ. Сами Князья первоначально, не слившись съ народомъ, смотрѣли на Славянскій міръ, какъ на обширное поле для поборовъ или даней. Вотъ простые слова лѣтописи: «Сей же Олегъ нача города ставити, и устави дани Славянамъ, и Кривичемъ, и Мерямъ, и устави Варягомъ дань

---

³⁹ Кенігсб. 9.

дяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто мира дѣля, юже и до смерти Ярослава даяше Варягомъ.»³⁵ Древяне были покорены Олегомъ,³⁶ какъ говоритъ лѣтописецъ, но между тѣмъ, въ 913 г., Игорь ходилъ съ своей на нихъ дружиной не усмирять, а съ оружіемъ въ рѣкахъ вновь взять съ нихъ дань; по этому Древяне встрѣтили его, какъ врага, и когда Игорь, взявъ съ нихъ дань, снова пошелъ за оной, они, въ совѣщаніи съ Княземъ своимъ, Маломъ, говорили: «Когда повадится волкъ ходить къ овцамъ, то вынесетъ все овцы», и чрезъ посла сказали Игорю: «По что идеши опять? Поймаешь еси всю дань.»³⁷ Таковы были отношенія первыхъ Князей нашихъ къ племенамъ Славянскимъ, если исключить изъ этого однихъ Поллянъ. Прежде нежели дружина Древянская погасла въ областной самобытности своей, палъ Игорь. Еще при Ольгѣ они имѣли своего Князя, за котораго даже сватали ее. Вятичи, покоренные Свято-славомъ, заставляютъ Владимира поднять противъ нихъ оружіе, а въ слѣдующій за тѣмъ годъ Владимиръ снова идетъ противъ нихъ съ войскомъ.³⁸ Радимичи, побѣжденные Олегомъ, не хотѣли слушать Владимира, такъ что Князь Кіевскій, для усмиренія ихъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ оружію.³⁹ Объ основаніи Новгорода находятся самыя противорѣчивыя данныя въ лѣтописи Нестора: то этотъ городъ существуетъ до прихода Рюрика, то основывается опять симъ Княземъ; принимая, однако жъ, слово «городъ» въ томъ ограниченномъ значеніи, въ какомъ оно принималось въ древности, это противорѣчіе исчезаетъ, и Новгородъ, основанный Рюрикомъ, могъ быть не что иное, какъ крѣпостная стѣна, за которой хранилось Варяго-Русское начало, близъ Новгорода стараго, котораго коренные обитатели, по сказанію лѣтописца, были Славяне; точно

³⁵ Кенігсб. 19.

³⁶ «Поча Олегъ воевати на Древяны, и причувъ я, вмаше на нихъ дань по черной кунѣ.»... Тамъ же.

³⁷ Кенігсб. 46.

³⁸ Подъ 981 г.: «и Вятичи побѣди (Владимиръ), и възложи на нь дань отъ плуга, яко же и отецъ его вмаше.» Подъ 982 г.: «Заратишася Вятичи, и иде на яя Владимиръ, и побѣди е второе.» Лаврент. 35.

³⁹ Лаврент. 36.

также, какъ во времена уже совершенно историческія, въ Новгородѣ основывался городъ, т. е., основывалась новая крѣпость. Вышгородъ⁴⁰ и Кіевъ, быть можетъ, находились точно въ такихъ же отношеніяхъ, заключаая въ себѣ разнородныя начала. Не въ такихъ ли опять отношеніяхъ находились между собою Черниговъ и Любечъ? Замѣчательно въ семъ отношеніи слѣдующее. Во времена уже историческія около Любеча были главныя имѣнія или вотчины Князей Черниговскихъ. Вышегородцы поддерживали Святополка, между тѣмъ какъ Кіевляне не любили его, и Вышегородцы же вызываются на убіеніе Бориса, котораго поддерживала дружина Кіевская, при чемъ должно еще замѣтить, что въ числѣ убійцъ летописецъ указываетъ именно на двухъ Варяговъ. Для Кіева есть еще и другія болѣе убѣдительныя доказательства отдѣльнаго существованія двухъ началъ даже до самаго Владимира. Кто такой былъ Свѣнелдъ? Его дружина была отдѣльна отъ дружины Игоря, которая говорила своему Князю: «Отроцы Свѣнелджи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; а поиди, Княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши и мы.»⁴¹ Роль, которую игралъ Свѣнелдъ, столь значительна, что летописецъ, рассказывая о договорѣ, заключенномъ при Святославѣ, говоритъ, что онъ былъ подобенъ заключенному при Игорѣ и Свѣнелдѣ, называя перваго Великимъ Княземъ Русскимъ, и не объясняя при этомъ, кто это такой былъ Свѣнелдъ,⁴² хотя въ дальнѣйшемъ рассказѣ своемъ, относительно возвращенія Святослава изъ Болгаріи, называетъ его не болѣе, какъ Воеводой Игоря.⁴³ Въ княженіи Ярополка происходитъ весьма замѣчательная борьба между двумя началами, Варяжскимъ и Славянскимъ, борьба, послѣдствіемъ которой было паденіе Ярополка, представителя,

⁴⁰ Вышгородъ находился верстахъ въ 14 отъ Кіева, вверхъ по Днѣпру.

⁴¹ Кеннѣсб. 46.

⁴² Тамъ же 64. «Царь же радъ бывъ, и повелѣ писцу писати вся рѣчи Святослави на харатыи. Нача глаголати посольъ вся рѣчи, и нача писецъ писати глаголы сице: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, Велицѣмъ Князѣ Русѣмъ, и при Свѣнелдѣ.»

⁴³ Тамъ же 65. «Створивъ же миръ Святославъ съ Греки, поведе въ лодыяхъ къ поротомъ, и рече ему Воевода отень (отцевскіи) Свѣнелдъ,» и т. д.

вполнѣ, или отчасти, начала Варяжскаго, и восшествіе на престолъ Кіевскій Владимира, представителя Славянскаго начала. «Попріай ми,» говоритъ Владимиръ Воеводѣ Кіевскому, Блуду, выступивъ съ Новгородцами и наемными Варягами противъ Ярополка: «еще убью брата своего, имѣти ты хочю во отца мѣсто.»⁴⁴ Блудъ возсталъ не открыто на Ярополка, но склонилъ его удалиться изъ Кіева, угрожая ему недовольствомъ Кіевлянъ, и потомъ хитростію готовился предать его Владимиру. Въ это время мы видимъ подлѣ Ярополка, преданнаго ему совершенно, какого-то Варяга, и Варяга не простаго; ибо послѣ того, какъ Ярополкъ, не послушавъ его совѣта, палъ подъ мечами убійць, этотъ Варягъ съжитъ къ Печенѣгамъ, и вмѣстѣ съ ними продолжаетъ войну противъ Владимира: «и много воева съ Печенѣги на Володимира, и едва приваби и» (Владимиръ), говоритъ лѣтописецъ.⁴⁵ Это сказаніе Нестора драгоцѣнно въ полномъ смыслѣ для Русской Исторіи, если даже допустить, что Ярополкъ былъ не народнымъ представителемъ Варяжскаго начала. За исключеніемъ добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ, которыхъ Владимиръ оставилъ у себя въ службѣ, всѣ Варяги, приведенные съ Сѣвера противъ Ярополка, удалились въ Грецію.⁴⁶ Изъ сего открывается, что начало Варяжское, какъ господствующее, видимо уже погасло въ Славянскомъ мірѣ. Владимира поддерживаеъ, окружаетъ собственно уже Славянская дружина. Самъ Владимиръ, какъ увидимъ ниже, и по образу жизни, и по образу понятій своихъ, былъ настоящій Славянинъ. И не это ли торжество Славянскаго начала въ лицѣ Владимира было одною изъ главныхъ причинъ, по концѣ имя его, передаваясь изъ устъ въ уста, сохранилось до нашихъ временъ въ преданіи простаго народа, не смотря на всѣ перевороты, которые совершились въ нашемъ Отечествѣ въ теченіи этѣхъ болѣе восьми столѣтій со времени кончины сего Князя?

Но Игорьъ, Святославъ были ли они Князья Славянской крови, или крови Норманской? Сдѣсь лабиринтъ, въ которомъ до сихъ поръ путаются наши историки, за совершенною недостаточностію въ

⁴⁴ Лавр. 32.

⁴⁵ Тамъ же 33.

⁴⁶ Тамъ же 34.

данныхъ. Я, съ своей стороны, готовъ раздѣлить мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ ихъ Славянскими Князьями, а не Варяжскими, но только съ оговоркой.

Что Варяги служили первымъ Русскимъ Князьямъ, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія; что они иногда держали въ нѣкоторой зависимости отъ себя племена Славянскія, — тоже; но это еще ни чего не доказываетъ, что Игорь и Святославъ были Князья не Славянскаго происхожденія,

Сказаніе лѣтописца о Княженіи Олега, Игоря, Святослава не разъ превращается въ такія сказки, которыя не заслуживаютъ ни какого довѣрія, какъ, на примѣръ: сказаніе его о смерти Олега отъ ужаленія змѣи, скрывавшейся въ черепѣ когда-то любимаго имъ коня, или о путешествіи Олега въ корабляхъ по сухому пути къ Константинополю, конечно не что иное, какъ вымысль; къ числу этѣхъ сказокъ принадлежить и разсказъ лѣтописца объ убіеніи Аскольда и Дира. Нельзя, или, по крайней мѣрѣ, нѣтъ повода сомнѣваться въ существованіи Аскольда и Дира, но они умерли, конечно, не безъ битвы и, безъ сомнѣнія, не такъ, какъ описываетъ лѣтописецъ. Аскольдъ и Диръ завоевали Кіевъ (если они завоевали его) собственною дружиною, не для Рюрика и не для потомства его; слѣдующія слова, приписанныя лѣтописцемъ Олегу: «Вы нѣста Князя, ни рода Княжа, но азъ есмь роду Княжа, а се есть сынъ Рюриковъ!» какъ доводъ противъ ничтожности правъ Аскольда и Дира на Кіевъ, не имѣютъ смысла, если только Игорь былъ сынъ Князя Варяжскаго. И такъ прямыя сказанія лѣтописца, по настоящему предмету, не могутъ быть приняты въ соображеніе безъ другихъ данныхъ, а этѣ другія данныя представляютъ дѣло совѣмъ въ другомъ видѣ.

Еще Карамзинъ замѣтилъ, что сохранились въ жизни народной темныя и безотчетныя воспоминанія о рѣкѣ Дунаѣ. Въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, воспѣваемыхъ въ честь языческаго божества Кунала, и, слѣдовательно, въ пѣсняхъ глубокой древности, до сихъ поръ вторится имя Дуная. Сказаніе лѣтописца, который не знаетъ ни чего о дѣлахъ перваго Князя, безпрестанно обращается къ берегамъ Дуная, и онъ довольно подробно разсказываетъ о судьбѣ тамошнихъ племенъ. Гдѣ искать начала этѣхъ явленій? Конечно,

не въ случайности. Не забудемъ при томъ слова Святослава, сказанныя имъ о Болгаріи: «то есть середѣ земли моея.» Положимъ, они выдуманы лѣтописцемъ; но походъ Святослава на Болгарію—походъ историческій; съ какими же силами Святославъ предпринялъ его? Какая цѣль этого похода? Кориыстолюбіе? Исполненіе договора съ Греками? Но что значить упорность этой борьбы, упорность, подобной которой мы не видимъ въ послѣдующей Исторіи Руси, какъ только въ мгновеніи, когда рѣшалась судьба родины? Не родимыя ли земли хотѣлъ возвратить Святославъ? Не помогали ли ему въ этомъ походѣ всѣ безъ исключенія Славянскія племена, оттолкнутыя при движеніи народовъ къ Сѣверо-Востоку? По нашему предположенію—да: иначе походъ Святослава на Болгарію—совершенная загадка. При томъ, если Поляне, какъ объ этомъ говоритъ нашъ лѣтописецъ, и въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться, были переселенцы съ береговъ Дуная, то отъ чего же, вмѣстѣ съ ними, или даже гораздо послѣ, когда другіе Придунайскіе Славяне несли еще ярмо побѣдителей, не могъ удалиться къ берегамъ Днѣпра также и одинъ изъ Придунайскихъ Князей и образовать, посреди Полянъ, или вмѣстѣ съ частію ихъ, особую стихію, которая, утративъ при этомъ переходѣ первоначальную значимость свою (что тѣмъ легче могло случиться, если Поляне не были одного племеннаго происхожденія, а были смѣсь различныхъ племенъ, соединенныхъ общими несчастіемъ), оставалась долгое время незамѣтною для Исторіи, а потомъ, соединившись съ новыми выходцами изъ Болгаріи, съ Кіевлянами и съ самими Варягами, является во всей силѣ и полагаетъ основаніе Россійскому Государству? И все это могло произойти только подъ однимъ вліяніемъ Нормановъ, которые могли покорить Кіевлянъ, или тѣснить ихъ, будучи призваны ими на помощь, и тѣмъ самымъ содѣйствовать къ тѣснѣйшему соединенію сихъ послѣднихъ съ Князьями, переселившимися съ Дуная, и въ семъ случаѣ слова лѣтописца, что Аскольдъ и Диръ не могли княжить надъ Кіевлянами, когда между ними былъ Князь Славянскаго происхожденія, имѣютъ достаточное основаніе. При семъ нельзя не замѣтить, что въ самыхъ именахъ: Игорьъ, Святославъ, слышатся имена чисто Славянскаго происхожденія, между тѣмъ какъ трудно предположить, чтобъ Варяги такъ скоро могли утратить свою народность, чтобъ сынъ Рюрика носилъ бы уже имя Славянское. Сверхъ того, такъ какъ Свѣнелдъ имѣлъ отдѣльную дружину отъ Игоря и располагалъ ею

самобытно, то эта дружина, судя по имени вождя ея, была скорѣе Варяжская, нежели Славянская. Самъ летописецъ, передавшій намъ темныя свѣдѣнія о Варяго-Русскомъ происхожденіи первыхъ нашихъ Князей, самъ же онъ передаетъ намъ другое народное преданіе, что Поляне, предки Кіевлянъ, управлялись до основанія Государства собственными Князьями, потомками Князя Кія: «И по сихъ братья держати почаша родъ ихъ княженъе въ Поляхъ» (въ земляхъ Кіевскихъ). ⁴⁷

Такимъ образомъ, обращая вниманіе на всѣ эти данныя, я не могу не видѣть въ Игорѣ и Святославѣ Князей Славянской кровп. Но мы не разъ еще возвратимся къ настоящему предмету; теперь же замѣтимъ только, что семейное чувство, достигши уже развитія до чувства областного, отталкивая отъ Славянскихъ племенъ постороннія имъ начала, ни въ какомъ случаѣ не могло покойно признать надъ собою совершенно чуждое имъ начало Варяжское, если эти Варяги были даже Варяги-Славяне.

Василій Пассекъ.

---

⁴⁷ Загр. З.

ХАНЪ НАГАЙ

и

ЕГО ВЛІЯНІЕ НА РОССІЮ И ЮЖНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

Чѣмъ ограниченнѣе въ нашей Исторіи число такихъ событій, которыми она соприкасается съ Исторіею Южно-Славянскихъ Царствъ, Болгарскаго и Сербскаго, тѣмъ этъ событія любопытнѣе для изслѣдованія. Къ числу такихъ событій относится, въ XIII вѣкѣ, водвореніе, сперва на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, а потомъ на низовьяхъ Дуная, Татарской Орды Хапа Нагай, власть и вліяніе котораго, какъ оказывается, простиралось не только на юго-Западную Россію, но и на Южныхъ Славянъ.

Еще въ 1240 годахъ Монгольскій или Татарскій Ханъ, Батый, по опустошеніи Сѣверо-Восточной Россіи и разореніи матери градовъ Русскихъ, Кіева, двинулся оттуда на Галицкую Русь, а, перейдя Карпатскія горы, устремился съ своими полчашами и на Угрію, куда скрылся тогда Великій Князь Галицкій, Даниилъ, тщетно искавшій себѣ тамъ союзника для общаго, дружнаго отраженія новыхъ враговъ, и представлявшій Королю ея (Белъ IV) гибельныя слѣдствія его отказа. Наши лѣтописцы, упоминая кратко о дѣйствіяхъ Батыя въ Угріи, подъ 1241 г., говорятъ: «Король же Бела (Бела IV, сынъ Андрея) и Коломанъ срътоша Батыя у Солоновъ рѣки, и бившимся обомъ полкомъ, и бысть сѣча велика, и побѣгоша Угрѣ, Татарове же гнашась по нихъ до Дуная рѣки, и стояша по побѣдѣ 3 лѣта, и воеваша до Володавы и по озеромъ (зимой?), и возвратишася въ землю свою».

(Воскр. лѣтописъ II, 206). Сербскіе лѣтописцы говорятъ, что Батый изъ Угріи, въ 1242 и послѣдующихъ годахъ, прошелъ, воюя, по Болгаріи, Сербіи, Россіи и Босніи, и опустошивъ самую Далмацію, возвратился обратно въ свои Воюжскія кочевья (см. у Раича въ Истор. Слав. на одовъ ч. I, стр. 498).

Съ этого времени Россійскіе Князья сдѣлались данниками Татаръ, а Южная Русь, опустошенная ими въ конецъ, надолго осталась пустынею, способною привлекать на свои равнины, по слѣдамъ Батыя, другіе кочевниковъ-воителей. И точно, не прошло и 30 лѣтъ послѣ двукратнаго прохода черезъ Южную Россію съ огнемъ и мечемъ полчищъ Батыя, какъ явился въ нее, уже на постоянное кочевье, выходецъ изъ той же Большой или Золотой Орды Ханъ Нагай. Расположившись сперва на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, а потомъ въ низовьяхъ Дуная, онъ отсюда разсылалъ свои войска въ разныя стороны и былъ достаточно силенъ для того, чтобы заставить заискивать въ себѣ гордую Византію, вмѣшиваться во внутренніе дѣла Болгарскаго Царства и требовать къ себѣ на службу сына Краля Сербскаго.

Какъ Византійскія, такъ Русскія и Сербскія лѣтописи доставляютъ о Ханѣ Нагай довольно согласныя свѣдѣнія, достаточныя для опредѣленія его личности и современнаго значенія, если не въ подробности, то въ общихъ чертахъ.

Во первыхъ видно, что онъ кочевалъ болѣе въ низовьяхъ Дуная (въ нынѣшней Молдавіи), сдѣлавъ своими данниками жителей этой страны, Влаховъ: «поробыша (говоритъ Сербскій лѣтописецъ) Татары Влашку землю» (Дамица I, 31), которыхъ Византійскіе историки безразлично называли то Скивами, то Волохами, а во время своихъ походовъ усиливалъ ими свое войско, что и подало поводъ некоторымъ изъ Западныхъ писателей смѣшивать завоевателей съ завоеванными и самихъ Татаръ называть то Волохами (Дюфрени), то Скивами (Мавроурбинъ); но Византійскіе лѣтописцы, Паппмеръ и Грегорасъ, ясно называютъ ихъ Татарами.

По свѣдѣтельству Дегиня (Histoire des Huns I, 288), Ханъ Нагай былъ правнукъ Туши или (по Рит. ч. VII, гл. 1) Чучи, а

правильнѣе Джучи Хана, и полководецъ со времени Хана Берки. Отложившись отъ Золотой или Большой Орды, онъ около 1270 года перекочевалъ къ сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря (см. Истор. Пахиера I, 236) и, расположившись здѣсь, сталъ искусно расширять свое вліяніе на сосѣднія страны, вмѣшиваясь то въ междуусобныя, то въ домашнія ихъ распри. Такъ сперва мы видимъ его союзникомъ (вѣроятно, черезъ посредство его данниковъ, Басарабовъ или Волоховъ) Болгарскаго Краля, Константина Теха, который, по свѣдѣтельству Пахиера, пользовался отвлеченіемъ войскъ Византійскаго Императора, Михаила Палеолога, для войны въ Азіи съ Сельджуцкимъ Султаномъ, Азатиномъ, присоединилъ къ себѣ 20,000 вспомогательнаго Татарскаго войска, объявилъ войну Имперіи: «разсѣявшись по всѣмъ странамъ Болгары, точнѣе же ихъ союзники, Татары, одновременно плѣнили, умерщвляли и отводили въ плѣнъ все, что встрѣчалось имъ на пути,» пишетъ Греческій историкъ. Это ужасное опустошеніе до того устрашило Императора, что онъ не зналъ, что дѣлать; выйдя же на встрѣчу непріятелю съ небольшимъ отрядомъ, который успѣлъ собрать наскоро, былъ разбитъ на голову соединенными силами Болгаръ и Татаръ и рѣшился спастись бѣгствомъ. Но непріятель, предупредивъ его, занялъ всѣ пути и проходы и уже находился на полъ дня пути отъ Императора. Съ трудомъ удалось ему скрыться въ горахъ и оттуда убѣжать на морской берегъ, гдѣ онъ сѣлъ на корабль и отплылъ поспѣшно въ Константинополь, а войско его, разбѣжавшееся по Фракіи, сдѣлалось добычею непріятеля и спаслось только малое число.

Не болѣе успѣха имѣлъ, и призванный на помощь противъ Болгаръ и Татаръ въ Азіи, Султанъ Азатинъ, * разбитый Константиномъ: онъ былъ осажденъ въ городѣ Ении, жители котораго, избѣгая осады, рѣшились выдать Константину Султана, со всѣми его сокровищами; посланное на выручку Султана морею, вспомогательное Императорское войско, прибыло къ городу, спустя два дни послѣ выдачи Султана, сокровища котораго

* Султанъ Рума (то есть, Малой Азіи), или Султанъ Сельджуцкихъ Турковъ.

обогатили казну Болгарскаго Краля и дали ему средство щедро наградить наемное войско своего союзника, Нагаю. Раздраженный малодушіемъ жителей Енни и его гарнизона, Императоръ обратилъ свой гнѣвъ на Епископа, а начальника гарнизона приказалъ, бивъ, одѣтъ въ женское платье и водить съ безчестіемъ по городу, какъ «женски предавшаго,» по замѣчанію Пахимера, градъ и Султана. (Пахим. кн. III, гл. 25, Мавроурбинъ стр. 326, Дю-рванъ гл. VIII § 10, стр. 109, и Грегорасъ кн. IV, стр. 71, 37).

Все это случилось въ 1270 году. За тѣмъ Императоръ заключилъ миръ съ Болгарскимъ Кралемъ, Константиномъ, выдавъ за него свою племянницу, а въ то же время, чтобы отстранить впредь возможность союзныхъ дѣйствій Болгаръ съ Татарами противъ Имперіи, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ Ханомъ Нагаемъ, выдалъ тоже и за него свою побочную дочь, Евфросинью, и тѣмъ вполне достигъ своей цѣли; ибо, замѣчаетъ Пахимеръ, когда Константинъ начиналъ опустошать земли Греческія, Нагай, по любви къ тестю своему (Императору Михаилу), разстроивалъ всѣ его замыслы. Получивъ же столь сильнаго пріятеля, Императоръ не хотѣлъ уже уступить Константину ни чего того, что обѣщалъ, въ слѣдствіе мирнаго и свадебнаго договора (Пах. кн. V, гл. 5).

Происшедшія по смерти Болгарскаго Краля, Константина, внутреннія междоусобія въ Болгарскомъ Царствѣ дали удобный поводъ Нагаю, въ качествѣ Императорскаго союзника и родственника, вмѣшаться во внутреннія дѣла Болгаріи. Въ 1279 году Нагай велъ войну съ похитителемъ Болгарскаго престола, Лаханомъ, и въ то время, какъ главные Болгарскія войска, подъ предводительствомъ Лахана, находились въ походѣ, Терновскіе Бояре, пользуясь отсутствіемъ Лахана, отчасти добровольно, а отчасти принужденно, приняли и посадили на престолъ Болгарскаго Царства Асѣна, сына Краля Мицы, поддерживаемаго Императоромъ, а жену Лахана, Марію (вдову Краля Константина), и сына ея, Михаила, выдали вождемъ Императорскимъ. Но царствованіе сего Асѣна, за котораго Императоръ предварительно выдалъ дочь свою, Ирину, продолжалось не долго: видя въ немъ лишь слѣбое орудіе Византійской политики, Болгаре, въ 1280 году, избрали себѣ Пра-

вителя изъ среды своей, нѣкоего Боярина Тертера, а неспособный къ правленію Асѣнь съ женою долженъ былъ спастись бѣгствомъ.

Тогда въ Ордѣ Хана Нагая явились разомъ два притязателя на Болгарскій престолъ: Лаханъ и юный Асѣнь, оба съ просьбою о помощи противъ Тертера, оба называя его похитителемъ ихъ престола. А такъ какъ Асѣнь былъ присланъ отъ Императора, то онъ и могъ скорѣй рассчитывать на помощь могущественнаго Хана. Впрочемъ, Нагай, тая свои замыслы, принялъ ласково обоихъ изгнанниковъ и обоимъ обѣщалъ помощь противъ Тертера, какъ общаго ихъ непріятеля. Однажды, рассказываетъ Пахимеръ, когда Нагай устроилъ пиръ, на которомъ присутствовали Лаханъ съ своимъ Протостраторомъ Цисимпаксомъ, а равно и Асѣнь, и когда всѣ порядкомъ подпили, Нагай вдругъ, какъ бы воспрянувъ отъ сна, началъ разсуждать о просимой ими отъ него помощи, и велѣлъ предстоящимъ рабамъ схватить Лахана, говоря: «Онъ врагъ отца моего (называя себя по женѣ сыномъ Императора).» Они схватили его, уже разслабѣвшаго отъ вина, связали ему руки и, по знаку Нагая, одинъ изъ предстоящихъ воиновъ сѣкирою отрубилъ головы, какъ ему, такъ и Цисимпаксу. Асѣнь съ ужасомъ взиравъ на это неожиданное убійство, опасаясь, чтобы и ему не пришлось испытать того же. И дѣйствительно, та же участь ожидала и Асѣня, если бы жена Нагаева, Евфросинія, не скрыла его (какъ родственника), и потомъ отпустила невредима.

Все это способствовало къ утверженію на Болгарскомъ престолѣ выше упомянутаго Тертера, тѣмъ болѣе, что вскорѣ сошли съ поприща главные его непріятели: Императоръ Михайлъ Палеологъ и, покровительствуемый имъ, Іоаннъ Асѣнь. Наслѣдникъ Михаила, Андроникъ, поспѣшилъ примириться съ Тертеромъ и возвратилъ ему его законную жену и сына Святослава (содержавшихся въ Константинополѣ, по условію его съ Михаиломъ), а Тертеръ отослалъ обратно въ Константинополь навязанную ему почти насильно въ жену, сестру умершаго Іоанна Асѣня. Это было въ 1283 году.

Но Нагай не былъ доволенъ возстановленіемъ мира между Греками и Болгарами. Онъ началъ опустошать Болгарію и вынудилъ наконецъ Тертера спасаться бѣгствомъ: Тертеръ бѣжалъ въ предѣлы Адриянопольскіе, прося у Андроника помощи противъ Татаръ. Но Императоръ не смѣлъ подать ему помощи, опасаясь тѣмъ привлечь Нагая во Фракію. Болгары вынуждены были принять въ Крали нѣкоего Смильцу, котораго поставилъ имъ Нагай. Около этого времени Нагай умеръ, а наслѣдникъ его Чака или Чакасъ, * за которымъ была дочь Тертера, входитъ въ Болгарію, съ цѣлью овладѣть ею, дѣйствуя, съ согласія Святослава, сына Тертера (его шурина), который паружно помогалъ ему во всемъ, прибирая межъ тѣмъ тайно по немногу власть въ свои руки; когда же проложилъ себѣ, съ помощію Татарина, дорогу къ престолу, то внезапно захватилъ и заключилъ его въ темницу, гдѣ онъ, по сказанію Пахимера, былъ удушенъ своими стражами или прислужниками Евреями.

Въ то же время Святославъ приказалъ свергнуть со стѣны и тогдашняго Терновскаго Патріярха, подозрѣваемаго, или уличенаго, въ сношеніяхъ съ Татарамн. Это было около 1296 года. Съ этѣхъ поръ имя Татаръ не встрѣчается болѣе на страницахъ дальнѣйшей Исторіи Болгарскаго Царства: оно смѣнилось вскорѣ

---

* А по другимъ, это было еще при жизни Нагая, и самъ Нагай, разсердясь за что-то на Смильцу, послалъ сына своего, Чаку, отнять у него престолъ. О самомъ же походѣ Чаки и Святослава разсказывается слѣдующее: Чака, съ цѣлью удобнѣе привлечь къ себѣ Болгарскихъ Бояръ, сблизился съ шуриномъ своимъ, Святославомъ, и согласилъ его раздѣлить между собою Болгарскія области. Бѣдность Святослава была вѣрнымъ обезпеченіемъ власти Татарина, а самъ Тертеръ находился еще тогда въ рукахъ Грековъ, не имѣя денегъ, какъ главнаго двигателя для успѣха въ своемъ дѣлѣ. Святославъ одинъ не могъ предпринять ни чего для возстановленія права, которое имѣлъ на Болгарію его отецъ. Случай помогъ Святославу; говорятъ, что онъ нашелъ богатую невѣсту въ торговомъ сословіи, и употребилъ полученныя за нею въ приданое деньги для пріобрѣтенія себѣ пріятелей; привлекая же многихъ на свою сторону, онъ усыпилъ бдительность Татарскаго Князя, и однажды, напавъ на него ночью, задержалъ его со всѣми его приближенными. Пахимеръ прибавляетъ, что онъ былъ затворенъ въ темницу и задушенъ тамъ прислуживавшими ему Евреями. (Болгарскіе книжицы 1858 г., № 4, стр. 122 — 123).

именемъ новыхъ враговъ, иго которыхъ, наложенное на Болгарію, ровно черезъ столѣтіе послѣ сего (1396 году), по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, тяготѣеть надъ нею и доселѣ тверже, нежели надъ другими областями Турецкой Имперіи.

Но обратимся къ Нагаю. Есть извѣстія, что, по смерти его, Орда его была изгнана изъ Молдо-Валахіи Туктаемъ (или Тохтаемъ), Ханомъ Большой или Золотой Орды, а слѣд., попытка Нагая, или его наслѣдника, овладѣть Болгаріею и утвердиться въ ней, была послѣднимъ дѣйствіемъ вліянія этой Орды, вліянія, начавшагося и кончившагося смертію Нагая; ибо, по всей вѣроятности, покушеніе на Болгарію, кончившееся смертію Чаки, началось еще при жизни его отца, и подъ его руководствомъ.

Не меньшимъ доказательствомъ силы и вліянія, которыми, по счастью, не весьма долго пользовался Ханъ Нагай (отъ 1270 до 1290 или 1296 г.) и его Орда, служить и отношеніе его къ Сербскимъ Кралямъ. Послѣ успѣшной войны Краля Стефана (Милутина) съ Греками, пишетъ Сербскій историкъ, Архіепископъ Даніилъ, «ненавидяй добра діаволь, иже искони челоуѣкоубійца бысть, тойже и сему беззаконному и нечестивому Царю Татаромъ, глаголему Ногюю, вложи во умъ, и наusti его на сего Христолюбиваго Краля и на все отечество его, и начать готовитися, яко да воздвигнется съ силами пагубными...» Подтверженіемъ же и разъясненіемъ этого обстоятельства служатъ собственное свидѣтельство Краля Милутина, заключающееся въ извѣстной записи о его царствованіи (составленной по совѣту Архіепископа Никодима и положенной на память родамъ въ Сербской Архіепископіи и 4-хъ Царскихъ монастыряхъ; изъ нихъ Хиландарскій свитокъ цѣль и по нынѣ). Въ этой записи Стефанъ, между прочимъ, пишетъ: «Великій и беззаконный Царь Татарскій Ногѣй со всѣми силами воздвигается на ме. Кралевство ми, устроивъ богатые дары, посылаетъ къ нему. Беззаконный Царь, спѣшащій на Кралевство ми, пріемъ дары, возвратисе вспегъ. Я послалъ сына Стефана (Дечанскаго) съ великоименитыми властели на службу его (Ногѣя).» Когда отчаявались въ его возвратѣ, Стефанъ невредимъ возвратиса: «тогда бо сему беззаконному Царю междоусобная рать бысть» (см. Путеш. по Европ. Турціи, В. Григоровича, стр. 44). Слѣдователь-

но, это случилось въ концѣ Нагаева влѣстительства и славы, около 1296 года.

Изъ этой же самой записи видно, что Татары участвовали въ войнѣ Сербскаго Краля съ Болгарско-Видинскимъ Деспотомъ, Шинманомъ (Стратимиромъ), составляя вспомогательное войско послѣдняго, а нѣсколько прежде они же являются союзниками Браничевскихъ Владѣтелей, Куделина и Дермана, окружившихъ брата Сербскаго Краля, Стефана Драгутина, въ то время, когда онъ возвращался въ Сремъ, послѣ счастливаго окончанія войны съ Греками. Однимъ словомъ, видно, что во время жизни Нагая, его полчища, въ междоусобіяхъ Южныхъ Славянъ съ Греками и другъ съ другомъ, постоянно играли ту же самую роль, которую въ слѣдующемъ столѣтіи унаслѣдовали Турки, и только благопріятныя обстоятельства спасли всѣхъ тѣхъ, которые пользовались ихъ услугами, отъ Монгольскаго ига, которое уже тяготѣло тогда надъ нашимъ Отечествомъ.

Въ Юго-Западной Россіи Нагай держался той же самой политики: властвуя надъ удѣльными Русскими Князьями, онъ вмѣшивался въ ихъ междоусобныя распри для того, чтобы укрѣплять и расширять свою власть. Первое извѣстіе о Нагаѣ въ нашихъ Южно-Русскихъ лѣтописяхъ (Волинской) встрѣчается подъ 1276 годомъ; слѣдовательно, когда онъ уже, по выше сказанному, окончательно утвердился въ низовьяхъ Дуная (нынѣшней Молдавіи), померивъ Влашскую землю. Владѣтельные Князья Волинскіе, едва лишь успѣли помириться съ Великимъ Княземъ Литовскимъ, Тройденомъ, когда, въ самую позднюю осень, Ханъ Нагай прислалъ своихъ пословъ, Тегичага, Кутлубугу и Ешимута, съ грамотами къ Владимиру Васильковичу (Волинскому), Льву (сыну Галицкаго Короля Даниила) и Мстиславу, въ которой писалъ имъ, какъ уже своимъ данникамъ: «Всегда ми жалуете на Литву: о се вы далъ есмь рать и Воеводу съ нимъ Мамшою. Иойдѣте же съ нимъ на ворогы свои!» Зимой, воспользовавшись снѣгомъ, а можетъ быть исполняя лишь волю Хана, Мстиславъ и Владимиръ устремились на Литву, куда Левъ, не поѣхавъ самъ, отправилъ сына, Юрія. Идучи къ Новгородку, они получили въ Бересты (Берестъ Русскомъ, теперь -Литовскомъ) увѣщаніе, что они уже предварены у перваго Татарами и разсу-

дили такъ: «Оже пойдѣмъ къ Новугородъку, се тамо уже Татарове извоевали все; пойдѣмъ кдѣ къ цѣлому мѣсту.» И тако сдумавше, поидоша къ Городну, и, миновавъ Волковыйскъ, остановились ночевать. Сдѣсь Мстиславъ и Юрій, тайно отъ Владимира, послали лучшихъ Бояръ, подъ начальствомъ Туюмы, для добычи. Но они, по своей оплошности, на обратномъ пути попали въ плѣнъ Городенскому гарнизону. Не смотря на эту неудачу, Князья приступили къ осадѣ Городна, и сняли ее лишь тогда, когда осаждаемые выдали плѣненныхъ ими Бояръ и воиновъ. (Ипат. стр. 207). Между тѣмъ въ Польшѣ (1279 г.) умеръ Болеславъ Краковскій, не оставивъ по себѣ наследника. Левъ хотѣлъ завладѣть державой покойнаго, но не былъ допущенъ Польскими Вельможами, посадившими Лешка Чернаго на престолъ Краковскій. Сынъ Данила, желая воспользоваться хотя порубежною частію, уѣхалъ къ Нагаю, и получилъ отъ него вспомогательное войско подъ начальствомъ Кончака, Козѣя и Кубатана. Съ ними и сыномъ Юріемъ, Левъ радостно выступилъ зимою въ походъ къ Сандомиру. Владимиръ и Мстиславъ съ сыномъ Даниломъ былъ вынужденъ также принять участіе въ этомъ походѣ. Всѣ они перешли Вислу по льду у самаго города, сперва Левъ, послѣ Мстиславъ, наконецъ Татары, и расположились около города; но нестройная рать Львова скоро разбрелась за добычею и была по частямъ разбита непріателемъ. Поляки убили многихъ Бояръ и нѣсколько Татаръ, а Левъ съ безчестіемъ возвратился домой. Въ отплату за это, Лешко выступилъ самъ противъ Льва, взялъ города его, Переворескъ (нынѣ Преворскъ, недалеко отъ Перемышля) и Львовъ, изрубилъ тамъ всѣхъ и, по разореніи Львова, ушелъ обратно (Тамъ же, стр. 208 и слѣд.).

Въ 1282 или 1288 году явился изъ Большой Орды (Сарайской или Золотой) Ханъ Телебуга. Направляясь для завоеванія Польши, онъ по пути посѣтилъ Нагаю, но не сошелся съ нимъ. Ханъ велѣлъ Заднѣпровскимъ и Волынскимъ Князьямъ слѣдовать въ этомъ походѣ за собою и приблизился къ рѣкѣ Горыни. Мстиславъ Даниловичъ съ напитками и дарами явился къ нему на встрѣчу; равную почесть получилъ Телебуга и отъ Владимира при Лѣѣ, идучи мимо Кременца къ Перемилю. Левъ явился съ такимъ же приношеніемъ у Бужковичей. Сдѣлавъ смотрѣ войску въ

тѣмъшней равнинѣ, Князья пошли, въ слѣдъ за Ханомъ, къ Владимиру Волынскому и остановились у Житани. Телебуга поѣхалъ осматривать Владимиръ; иные сказываютъ, что и былъ въ немъ. Однако Татары не завладѣли городомъ, а только произвели большія насилія, награбили много имущества и обобрали лошадей. Отсюда Ханъ направился далѣе въ Польшу (Тамъ же, стр. 210 и слѣд.). Послѣ этого въ Волынской лѣтописи описанъ походъ Телебуги въ Польшу: «а съ нимъ плоша вси Князи, неволею Татарскою,» откуда онъ возвратился ни съ чѣмъ: «вѣсть бо приде къ нему, говоритъ лѣтописецъ, оже Ногай попередилъ его ко Кракову прити, и про се бысть межю има большее нелюбье, и тако, не снимався съ Ногаемъ, и поиде назадъ на Львову землю (Льва Даниловича Галицкаго), на городъ на Львовъ, и стояша на Львовѣ землѣ двѣ недѣли, кормячесь, не воююче.... Кто выѣхашеть изъ города, овы избиваша, а друзиѣ поймаша, а иныя, излупивше, лущаху нагы а тѣи отъ мороза изомроша, зане бысть зима люта велики.... Измре въ городѣхъ во остою (осадѣ) бесчисленное множество, друзиѣ же изомроша въ селѣхъ, вышедше изъ городовъ, но отшествіи беззаконныхъ Агарянь» (Тамъ же, стр. 212). Нагай при Краковѣ не имѣлъ успѣха. Нападеніе Нагая и Телебуги на Польшу Польскіе историки относятъ одни къ 1288, а другіе къ 1291 году.

Наши Великорусскіе лѣтописцы также упоминаетъ о Ханахъ Нагаѣ и Телебугѣ: такъ во время борьбы между сыновьями Александра Невскаго, въ 1282 году, когда Андрей вторично ходилъ въ Большую Орду съ жалобою на своего брата, В. К. Дмитрія Александровича, и вернулся во Владимиръ съ вспомогательнымъ Татарскимъ войскомъ, Дмитрій бѣжалъ на берега Чернаго моря къ Хану Нагаю, какъ сопернику Хана Золотой Орды, былъ принятъ имъ съ честію, и, получивъ отъ него вспомогательное войско, изгналъ изъ Владимира Андрея. Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что помощь эта была не безкорыстна, и Даниилъ получилъ ее не иначе, какъ признавъ себя данникомъ Нагая (Новгородская лѣтопись подъ 6791 годомъ). Вторично упоминаютъ намъ лѣтописи о Нагаѣ, по случаю происшествій въ Курской области, а именно: Въ 1278 г. Ханъ Нагай, утвердившись въ Южной Россіи, покорилъ Курскую область, а въ 1283 году одинъ изъ

его Баскаковъ, Ахмать, откупивъ данн въ этой области, сталъ притѣснять Князей и народъ, и населилъ въ окрестностяхъ разореннаго Курска двѣ слободы; принимая подъ свою защиту бѣглыхъ преступниковъ, онъ завелъ тамъ разные промыслы и производилъ торги. Когда же Святославъ, Князь Липецкій (одинъ изъ Князей Курской области), съ дозволенія Хана Большой Орды, Телебуги, разорилъ Ахматовы слободы, въ его отсутствіе, тогда Ханъ Нагай послалъ для защиты Ахмата войско (1284 г.), и Князья Курскіе принуждены были по неволѣ на время уступить, поплатившись при томъ разореніемъ своихъ городовъ: Ворголя, Липецка и Рыльска. Когда же Татары ушли, то Ахмать, хотя и возобновилъ слободы, но, не имѣя смѣлости самъ жить въ нихъ, оставилъ, для охраненія ихъ, своихъ братьевъ. Случилось такъ, что въ Ѳомино Воскресенье (1284 г.) оба брата Ахматовы шли, съ 30 человекъ Русскихъ, изъ одной слободы въ другую;—Святославъ, Князь Липецкій, подстерегъ ихъ на дорогѣ и, ударивъ внезапно изъ засады, убилъ изъ означеннаго числа 25 Россіянъ и 2 Татаръ. На другой разбѣжались врознь и жители обѣихъ Ахматовыхъ слободъ. Олегъ Рыльскій, не знавшій ни чего о семъ, былъ тогда въ Большой Ордѣ у Телебуги; услышавъ же о поступкѣ Святослава, онъ не одобрилъ его, боясь новаго ищенія со стороны Нагая: «Для чего ты поступилъ не по правдѣ, говорилъ онъ Святославу, и возложилъ разбойническое имя на меня и на себя? Прошедшею зимою ты ударилъ грабительски на слободы, а теперь разбилъ на дорогѣ. Знаешь обычай Татарскій! Ни у насъ въ Руси разбой не проходятъ даромъ. Пойди въ Орду и отвѣчай какъ знаешь.»—«Знаю, что дѣлаю,» возразилъ Святославъ; «я правъ: они мнѣ враги.»—«Мы съ тобою присягнули, говорилъ Олегъ, дѣйствовать единодушно; однако, при нашесѣвнн на насъ непріятелей, ты, не побѣхавъ со мною къ Хану, остался въ лѣсахъ Воронежскихъ для разбоя и забыть клятву. Для чего убивать Татаръ самоуправно? Ты сдѣлалъ и меня и себя отвѣтникомъ, къ Хану же твоему, Нагаю, не идешь оправдываться; и такъ пусть Богъ разсудитъ насъ.» За тѣмъ Олегъ отправился въ Орду; возвратясь оттуда съ Татарами, онъ, съ позволенія Ханскаго, убилъ Святослава. А вскорѣ, къ великой радости Ахмата, братъ Святослава, Александръ, убилъ Олега и двухъ его сыновей. Такъ Русскіе Князья гибли въ междоусобіяхъ, на радость своимъ врагамъ!

Что случилось съ Нагаемъ и его Ордою? Мы уже упомянули выше, что, по однимъ извѣстіямъ, онъ умеръ въ своей Ордѣ, а по другимъ убить своимъ соперникомъ, Ханомъ Большой (Сарайской) Орды, Тохтой. Такъ или иначе, но наши и Сербскія лѣтописи согласно свѣдѣтельствуя, что удаленію или переселенію Нагайской Орды съ береговъ Чернаго моря предшествовало внутреннее междоусобіе Татарскихъ Хановъ. Наши лѣтописцы подъ 1291 годомъ пишутъ: «Заратись Царь Тохта съ Телебугою Царемъ и со Алгуемъ, и побѣди Тохта Телебугу» (Воскр. II, 266). «Бысть мятежь въ Татарѣхъ: Царь Ногуи уби Телебугу Царя и Ангуя Царя» (1 Новгород. подъ 6799 г.). «Заратишася во Ордѣ Цари, Тохтя съ Телебугою и со Олгуемъ, и одолѣ Тохтя. Того же лѣта Ногаи Царь уби Телебугу Царя и Салагуя» (Ник. III, 89). И такъ, послѣ этого междоусобія остались два Хана: Тохта и Нагай; сносъ съ этимъ извѣстіемъ Болгарское сказаніе о изгнаніи Тохтою изъ Молдавіи Нагая (Болгар. книжицы 1858 г., № 4, стр. 122), становится ясною причина какъ бы внезапнаго исчезновенія съ театра дѣйствій Орды, основанной Нагаемъ на берегахъ Чернаго моря. То же подтверждаютъ и Сербскіе лѣтописцы, говоря: «По отшествіи сего (сына Краля Милутина, Стефана) отъ Ногая, малу времени минувшу, дьявольскимъ наважденіемъ воста нѣкоторый единъ сильно именитый тогожде языка Татарскаго съ силою своею, и пришедъ на сего нечестиваго Царя Ногеа, хвалившася на державу сего благочестиваго (то есть, Сербскаго Краля Милутина), и ту велицѣй рати бывшей и кровопролитію между ими, и умертвивъ ѿ (то есть, Ногая) оружіемъ своимъ, пріять престолъ его. И оттолѣ начаша сами вражды имѣти между собою, скончавающася» (Даниловъ Родословникъ). Очевидно, что Тохта, побѣдивъ Нагая, котораго Ханы Большой Орды должны были считать всегда бунтовщикомъ, какъ отложившагося отъ нихъ своевольно, перемѣстилъ его Орду, съ сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, ближе къ своимъ Волжскимъ улусамъ (туда, гдѣ до послѣдняго времени сохранились еще ея остатки), черезъ что избавлялись Южные Славяне отъ близости столь опасныхъ и хищныхъ сосѣдей. Извѣстныхъ въ послѣдующія времена Нагайскихъ Татаръ надобно считать остатками этой воинственной Орды, справедливо усвоившими и сохранившими за

собою имя дѣйствительно замѣчательнаго, по своимъ широкимъ замысламъ и современному вліянію, своего перваго влстителя.

Д. Членъ Архимандритъ Леонидъ.

Константинополь.

Февраль 1867 года.

II

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА

ШИШКОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ, скончавшійся 87 лѣтъ 1841 года, столько извѣстный своею Государственною и ученою дѣятельностью, о комъ Пушкинъ, еще въ 1824 г., выразился, во 2-омъ посланіи къ Аристарху:

«Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Однѣ, среди Вельможъ, онъ Русскихъ музъ любилъ,
Ихъ не замѣченныхъ созвалъ, соединилъ...»

оставилъ, говорятъ, послѣ себя много тетрадей «Памятныхъ Записокъ»; о 15-ти изъ нихъ упоминается въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки 1852 года» (стр. 53), какъ о приобрѣтеніи ея. Въ издаваемыхъ теперь мною «Запискахъ» онъ называетъ ихъ «Домашними Записками» (см. примѣч. стран. 112). Не извѣстно мнѣ, въ какомъ отношеніи находятся къ онимъ: «Краткія Записки А. Шишкова, веденныя во время пребыванія при блаженной памяти Государѣ Императорѣ Александрѣ 1-мъ въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну», издавныя въ первый разъ въ С.-Петербургѣ 1831, и черезъ годъ (1832) во второй, въ Типографіи Россійской Академіи, въ 8-ку (12+299+2 стр.). Тогда же (1832 г.) были онѣ переведены на Нѣмецкій языкъ и напечатаны въ Лейпцигѣ, подъ заглавіемъ: «Memoiren des Admirals Chichkoff... aus dem Russischen von Karl Goldhammer» (въ 8 д. л.). Равнымъ образомъ не знаю я и отношенія къ «Памятнымъ или Домашнимъ Запискамъ» его предлагаемыхъ Записокъ, обшлющихъ, правда, всего только два года съ половиною (съ 15-го Мая, 1824-го, по 12-ое Декабря, 1826 г.), но за то какіе годы! Печа-

II

тая сіи Записки, я имѣлъ подъ рукою два полныхъ ихъ списка, и третій въ довольно обширномъ извлеченіи: всѣ три оказались буквально схожими, кромѣ небольшихъ, тамъ и сямъ, особенностей правописанія, принадлежащихъ, конечно, переписчикамъ. Говорятъ, существуетъ и печатное изданіе ихъ, на что, между прочимъ, указываютъ ссылки на него, которыя стали встрѣчаться съ недавняго времени въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ нашихъ (на примѣръ: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Вѣстникѣ Европы и друг.). Но когда, гдѣ и кѣмъ онѣ изданы? За границей, сколько помнится, Записки этѣ не появлялись еще; стало быть, явились онѣ у насъ; но за чѣмъ же не для всѣхъ, а лишь для однихъ избранныхъ? Что въ нихъ запретнаго, такого, что дѣлало бы ихъ достояніемъ только немногихъ? Али, какъ говоритъ поэтъ:

«Что нужно Лондону, то рано для Москвы!»

О. Бодяискій.

17-го Ноября, 1868 г.

Москва.

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА А. С. ШИШКОВА.

Маія 15 дня, 1824 года, наименованъ я Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Того жъ мѣсяца 25 числа былъ въ первый разъ у Государя и читалъ ему слѣдующую записку:

«Прошу Высочайшаго позволенія:

1. Поручить мнѣ сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скорому потушенію того зла, которое хотя и не носятъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось такъ, что если въ нынѣшнее время не обратитъ на него бдительнаго вниманія; не взять противъ него должныхъ мѣръ, и попуститъ ему еще нѣсколько возрастать, то уже силы его ни что не остановитъ.

2. Планъ сей буду я дѣлать медленно, осмотрительно, съ ясными на каждую статью доказательствами, спосаясь и свѣтуясь тихо и подъ рукою съ благоразумными и благомыслящими людьми: по духовнымъ частямъ съ духовными, а по гражданскимъ съ гражданскими особами, преданными Государю и Отечеству. Все сіе, по мѣрѣ возрастанія сего плана, буду я по временамъ предварительно представлять на благоусмотрѣніе Вашего Величества.

3. Для обузданія разврата, разсѣваемаго въ книгахъ тысячами различныхъ образовъ, не дожидаясь вышеозначеннаго

мною общаго плана, нужно какъ найскорѣе устроить Цензуру, которая до сего времени, можно сказать, не существовала. Сему цензурному постановленію надлежитъ немедленно и прежде всего сдѣлать особый планъ, которымъ, если угодно будетъ, я неукоснительно займусь и представлю Вашему Величеству. Потомъ въ дальнѣйшихъ на то подвигахъ да поможетъ мнѣ Господь и Государы!»

Его Императорское Величество, принявъ меня милостиво, одобрилъ сіе мое представленіе, и приказалъ мнѣ приступить къ начертанію сихъ плановъ. Послѣ чего подагъ я ему бумагу, прося его въ свободные часы прочитатъ оную. Бумага сія была слѣдующаго содержания:

«Всемилостивѣйшій Государы

Угодно было Монаршей волѣ Твоей, безъ всякаго у меня вопроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу Твоему въ 1812 году, когда врагъ Отечества шелъ съ оружіемъ на Россію. Съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ Церкви и Престола. Но, Государь, могу ли я, утружденный бременемъ лѣтъ и болѣзнями, стать противу гидры, которую преодолѣть потребны Геркулесовы силы? Нравственный развратъ, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался. Юноши, воспитанные въ немъ, возмужали, и весьма многіе больше или меньше впади въ сіе заблужденіе, подкрѣпляемое неопытностію и самолюбіемъ. Сіе ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и челоуѣколюбія, умѣло вползатъ въ невинныя сердца и заражатъ ихъ ядомъ своимъ. Министерство Просвѣщенія, не знаю, по какимъ причинамъ, но явно и очевидно, попускало долгое время расти сему злу, и, мало сказать, попускало, но оказывало тому всякое покровительство и ободреніе. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ представленномъ отъ меня Государственному Совѣту мнѣніи моемъ о Цензурѣ, говорилъ и доказывалъ я то же, что говорю теперь. Восемь лѣтъ много времени! Тогда уже плоды сего разврата явно

оказывались, не въ тихихъ между собою бесѣдахъ и разговорахъ, но и въ печатныхъ книгахъ, издаваемыхъ отъ Правительства и рассылаемыхъ въ Училища для преподаванія по нимъ наставленія юношамъ. Нынѣ сему, долговременно продолжавшемуся, теченію обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, принесшихъ уже великіе успѣхи, дѣлается переломъ. Надлежитъ сей, широко разлившейся и быстрой, рѣкѣ поставить преграду. Сею преградою, сию оплотомъ, Государь, повелеваешь ты быть мнѣ. Смию сказать (и Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтель), что въ ревности и усердіи моемъ исполнить толь священную волю Твою, ни кому я не уступлю: у насъ, старыхъ людей, по Богѣ—Царь. Но опять возвращаюсь къ прежнему: тѣлесныя силы мои слабѣютъ, а съ ними притуляется и зрѣніе и память. Съ сими ли недостатками могу я быть въ толь важномъ подвигѣ дѣятельнымъ воли твоей исполнителемъ? Чувствую, что самъ собою я слабъ, немощенъ, ничтоженъ. Слѣдовательно, при такомъ чувствованіи моемъ надлежало бы мнѣ упасть къ стопамъ Твоимъ и просить о снятіи съ меня сего бремени, котораго я понести не въ силахъ. Но Ты, не спрося меня, слово свое изрекъ. Можетъ ли даже и самая старость и слабость моя, при глашѣ Благословеннаго Александра, не воспринуть и не ободриться? Могу ли святость изреченія Твоего остановить моею неспособностію? Долгъ и благоговѣніе мое воспрещаетъ мнѣ и помыслить о томъ. И такъ, Государь, я повинуюсь Тебѣ, повинуюсь охотно, вседушно, всеусердно: приѣмлю на себя возложенное тобою бремя. Въ сихъ трудныхъ для меня обстоятельствахъ, имѣю я единую надежду на Бога: но позволь мнѣ, Государь, имѣть и другую на Тебя. Поддержи меня могуществомъ Твоей руки, поддержи меня твердостію Твоей воли, просвѣти меня свѣтою Твоего свѣдѣнія и разума! Безъ сего я буду ничтоженъ, бесполезенъ Тебѣ, ненуженъ Отечеству и самому себѣ вреденъ. Я знаю, что при семъ переломѣ тысячи очей обращены на меня и ожидаютъ, какое сдѣлать заключеніе изъ обращенія Твоего со мною; если примѣтятъ, что я недоступенъ до Тебя, не могу сообщать Тебѣ мыслей моихъ, не могу пользоваться и руководствоваться Твоими наставленіями, то противная благимъ правиламъ и намѣреніямъ сторона тотчасъ ободрится и станетъ обо мнѣ разглашать: ему ли, съ его малосиліемъ, удержать наше стремленіе? Она восторжествуетъ и содѣлается державеннѣе

прежняго. Я подвергну^{сь} ихъ пронырствамъ и посмѣянію, да и самыя благомысленные люди станутъ укорять меня безпечностію, недѣлительностію и, можетъ быть, я потеряю имя усерднаго Царя и Отечеству слуга, имя, столь для меня драгоцѣнное и котораго я ни за какія золотыя горы не промѣняю, ни для какихъ угрожающихъ мнѣ бѣдствій не отступлюсь. Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, чистосердечное предъ Тобою чувствъ моихъ изліаніе. Не подумай, глава Церкви и Отечества, чтобъ я, не чувствуя важности Твоихъ занятій и драгоцѣнности Твоихъ часовъ, хотѣлъ обременять Тебя какими либо мелочными докладами, или маловажными представленіями, но не возбраняй мнѣ входа съ нужными дѣлами, не отнимай у меня смѣлости обнажать предъ Тобою всю глубину души моей, всѣ мои помышленія, и слышать всѣ устъ Твоихъ изреченный на нихъ судъ Твой и волю! Злочестіе и дерзость да увидать во мнѣ подъятое на нихъ орудіе Твое, и усмирятся. Безъ сего я буду слабая трость и, не взирая на величайшую мою преданность и повиновеніе, принужденъ буду сказать: «Воля Твоя, Государь, итъ моихъ силъ: сними съ меня наложенное выше способностей моихъ бремя!» Не подумай также, милосердый Монархъ, чтобъ я изъ какой либо корысти, или честолюбія, искалъ приблизиться къ Тебѣ. Я безъ нихъ прожилъ на свѣтѣ семьдесятъ лѣтъ, которые прошли какъ одинъ мигъ. Остатокъ дней моихъ кратокъ; онъ не возродитъ во мнѣ сихъ желаній: Я буду преданъ Тебѣ по гробъ мой, но собственно для меня надобенъ одинъ только Богъ. Прости великодушно сему чистосердечному объясненію моему, и да будетъ со мной Твоя Богомъ внушенная воля!

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

А. Ш.»

Маія 22 дня, 1824 года.

Того жъ мѣсяца 31 числа, въ 6 часовъ по полудни, на Каменномъ Острову былъ я у Государя съ докладами. Его Величество, принявъ меня, милостиво сказалъ мнѣ, что, по прочтеніи моей бумаги, всегдашнее уваженіе Его къ благороднымъ мыслямъ и чувствамъ моимъ; о которыхъ Онъ по опыту знаетъ, не только

не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось. Я просилъ у Него позволенія и впредь объясняться съ Нимъ на бумагѣ, по тому что, въ устныхъ разговорахъ часто, а особливо при моей устарѣлой уже памяти, могу я забывать, о чемъ доложить Ему хотѣлъ. Онъ похвалилъ меня за сіе и сказалъ, что это гораздо лучше. Тутъ же, въ слѣдствіе испрошеннаго мною позволенія о сочиненіи плановъ, читалъ я ему слѣдующую бумагу:

«О цензурѣ или разсматриваніи книгъ.

Цензуру полезно устроить на слѣдующемъ основаніи:

1. Просмотрѣть Цензурный Уставъ, нѣтъ ли чего въ немъ выпустить, или прибавить, и если найдутся какія излишества, или недостатки, то исправить, пополнить и вновь издать оный.

2. Цензурный Уставъ долженъ быть напечатанъ и во всякой типографіи хранимъ, дабы писатели могли заблаговременно знать, какими правилами должны они въ сочиненіяхъ своихъ руководствоваться и чего остерегаться.

3. Сей Уставъ долженъ быть таковъ, чтобъ, давая свободу и отнюдь не связывая ума и дарованій писателя, служилъ, однако жъ, къ обузданію своевольныхъ и неосновательныхъ мыслей, предписывая о наблюденіи, чтобъ издаваемые сочиненія были въ правилахъ нравственности, въ правилахъ истиннаго просвѣщенія, никому необидны, всякому для чтенія полезны, или, по крайней мѣрѣ, забавны, по безъ всякаго вреда нравамъ, наукамъ и языку.

4. По изданіи Цензурнаго Устава надлежитъ избрать шесть, или восемь, человекъ, искусныхъ въ Словесности, Цензоровъ, съ хорошимъ содержаніемъ, и поручить изъ нихъ одному Филологическія, другому Историческія, третьему нравственныя книги; четвертому журналы, и такъ далѣе, съ обязанностію, чтобъ каждый изъ нихъ вступающія къ нему по его части книги прилежно отъ доски до доски прочитывалъ, и на всѣхъ сомнительныхъ ему, особливо же несходныхъ съ Уставомъ, мѣстахъ останавливался и замѣчалъ ихъ, для допесенія Министру Просвѣще-

нѣ, который самъ собой, или, въ случаѣ важности, по совѣту съ Верховнымъ Цензурнымъ Комитетомъ, приказывалъ бы пропустить, или не пропустить ихъ.

5. Верховный Цензурный Комитетъ долженъ состоять изъ шести, или, по крайней мѣрѣ, изъ пяти, особъ, а именно: изъ Митрополита, или ученаго Архiepископа, изъ Министра Просвѣщенiя, Министра, Полиции, Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Министра Юстиции. Можно къ нимъ присовокупить и еще одного изъ Государственныхъ людей, имѣющаго достаточныя познанiя.

6. Комитетъ сей долженъ требовать отъ Святѣйшаго Синода, вѣтъ ли какихъ изданныхъ въ свѣтъ противъ Православной нашей Церкви книгъ, и если таковыя книги найдутся и отъ него наименованы будутъ, то, по рассмотрѣнiи оныхъ въ Комитетѣ, представить Государю Императору, дабы повелѣно было истребить оныя.

7. Образъ сего истребленiя долженъ быть слѣдующiй: безъ большой огласки отобрать ихъ у всѣхъ книгопродавцевъ, заплативъ за оныя умѣренную цѣну и запрета впредь продавать и перепечатывать. Но какъ такое отобрание не можетъ простираться на частныхъ людей, заранѣе купившихъ оныя, то оставить сiе безъ отыскиванiя; а дабы уменьшить вредъ, приносимый ими, то можно противъ оныхъ издавать другiя книги, доказывающiя, или осуждающiя, или осмѣивающiя нецѣльность и безнравственность содержащихся въ нихъ умствованiи и ученiи.

8. Сверхъ наблюденiя, чтобъ впредь худыя книги не были издаваемы и самыя вреднѣйшiя изъ нихъ сколько можно истреблены, надлежитъ поручить Цензорамъ и всѣ изданныя до сего книги прочесть, съ тѣмъ, чтобъ попадающiяся въ нихъ худыя и безнравственныя мѣста выписывать, указуя и книгу и страницу, на которой таковая мысль, или выраженiе, встрѣтится. Тогда, по собранiи сихъ выписокъ, Верховный Комитетъ рассмотритъ ихъ и рѣшитъ, чтобъ, при перепечатыванiи сихъ книгъ, негодныя мѣста были изъ нихъ выкинуты, или же и вся книга осуждена не быть никогда возобновленною.

9. Верховный Цензурный Комитетъ имѣеть право и обязанность призывать къ себѣ тѣхъ писателей, которые подобное что имъ будь написали и въ печать издали, или издать хотятъ, и дѣлать имъ замѣчанія, что образъ мыслей ихъ худъ, и чтобъ они впредь отъ изъясненія онаго воздерживались.

10. Цензоръ, пропустившій какое либо худое мѣсто, не донесъ о томъ Цензурному Комитету и не получа отъ него разрѣшенія, отвѣтствуетъ за оное и подвергается наказанію, смотря по важности пропущеннаго имъ мѣста.

11. То жь самое наблюдается при издаваніи, или переиздаваніи, здѣсь иностранныхъ книгъ.

12. Министръ Просвѣщенія приготовляетъ дѣла и назначаетъ день для общаго засѣданія Верховнаго Комитета, о мнѣніи и положеніяхъ коего доноситъ Государю Императору на утвержденіе.»

По прочтеніи сей бумаги, Его Величество одобрилъ оную во всемъ, и когда я предложилъ Ему оставить ее у Него, дабы вновь на свободѣ прочитатъ и просмотрѣть, не найдетъ ли чего убавить, прибавить, или замѣтить, тогда Онъ спросилъ у меня: оставилъ ли я у себя списокъ съ ней? И когда я отвѣчалъ: нѣтъ, то Онъ приказалъ мнѣ, чтобъ я велѣлъ списать ее для себя, а подлинникъ, написанный моею рукою, отдалъ Ему при будущемъ докладѣ.

Юня 7 числа, въ 6 часовъ по полудни, былъ я въ Царскомъ Селѣ съ докладами у Государя, и отдалъ Ему слѣдующую бумагу:

«Отъ Комитета Господь Министровъ поручено было мнѣ и Министру Внутреннихъ Дѣлъ рассмотреть печатный переводъ Герцеровой книги. Рассмотрѣніе сіе внесено въ Комитетъ и читано сего Юня 3-го числа, вмѣстѣ съ слѣдствіемъ отъ Полиціи, по сему дѣлу произведеннымъ. Не увлекаясь ни строгостію обвиненія, ни снисходительностію оправданія, но входя, чрезъ соображеніе одного мѣста съ другимъ, въ точный смыслъ и духъ сей книги, не возможно не признатъ цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ

тому; чтобы, подъ видомъ толкованія Евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой Христіанской Вѣры, отвращеніе отъ Священныхъ писаній и позывъ на возстаніе противъ всѣхъ Парвосвященниковъ, всѣхъ Вельможъ и Царей. Намѣреніе сей книги согласуется со многими другими, изданными уже дѣ съвѣтъ, и со всѣми прочими, предпріятыми по сему различными способами и дѣйствіями. Въ вышесказанномъ слѣдствіи открытоси, что Директоръ Министерства Просвѣщенія самъ поправлялъ ее собственными своими толкованіями въ томъ же тожмо духѣ, въ какомъ писана сія книга, и, по признаніи оной всѣми за безбожную и зловредную, не перестаетъ и послѣ сего утверждать ее благочестивою и благонамѣренною. Когда Министерство Просвѣщенія не только не отвращало подобныхъ возмутительныхъ ученій и предпріемлемыхъ мѣръ, но старалось даже съ отличными рвеніемъ распространять ихъ; когда оно размножало таковыя правила посредствомъ нарочно выписываемыхъ для сего проповѣдниковъ и миссіонеровъ, какъ въ столицы, такъ и во внутренность Государства; когда, слѣдственно, при таковой системѣ своей, должноствовало твердыхъ въ Вѣрѣ и преданныхъ Государю и Отечеству благомыслящихъ людей тѣснить и отдалять, вводя ихъ въ подозрѣніе, дабы себя отъ подозрѣнія и уличенія избавить; когда все сіе дѣлалось и длилось не малое время, то нельзя ни какъ въ великости происшедшихъ отъ того успѣховъ сомнѣваться. Равнымъ образомъ и то не возможно, чтобы сіи дѣйствія и успѣхи ихъ оставались сокрытыми отъ очей народныхъ: они, подобно горящему зданію, до тѣхъ поръ неявины, доколѣ малы; но чѣмъ болѣе возрастаютъ, тѣмъ и всякому видѣе становятся, и тѣмъ сильнѣйшее обращается на нихъ вниманіе не только своего, но и чужихъ народовъ; видя домъ свой зажигаемымъ, трепещать отъ ужаса и чужіе народы; при распространении огня сего въ сильной, странной для нихъ, Державѣ, радуются, ибо на разрушеніи силъ ея создаютъ надежду своего величія. Главнѣйшее и сильнѣйшее потрясеніе Царства производится стремленіями къ разрушенію господствующей въ немъ Вѣры. Струна сія чрезвычайной важности: она, какъ въ электрическомъ сооруженіи, не можетъ быть тронута безъ послѣдованія за симъ страшнаго удара. Тогда или разрушители Вѣры одерживаютъ верхъ, и Царство погибаетъ, или народъ, вступая за Вѣру, вос-

палается ищениемъ и проливаетъ кровавые своихъ и чужихъ токи. Оба сія случая суть бѣдственныя и ужасныя, и по тому заблаговременная прозорливость долженствуетъ всѣми способами не допускать до созрѣванія сего волненія умовъ и страстей, разрывающаго всѣ общественныя связи. По сію время, видя явное въ Министерствѣ Просвѣщенія покровительство и стараніе о расширеніи противныхъ Вѣрѣ толковъ, гоненіе тѣмъ, комъ защищали оную, и нѣкое господство надъ самимъ Синодомъ, благомыслящіе и твердые въ правилахъ люди, воздыхая, принуждены были молчать, а не твердые, побуждаясь корыстію и востыли, преклонялись на сторону (Просвѣщенія) Министерства; но когда сдѣлалась въ немъ неожиданная ни къ кому переѣвна, тогда вниманіе всѣхъ обратилось на то, что, конечно, худость направленія умовъ открылась Верховной Власти, и она приняла мѣры къ обращенію всѣхъ на иной, противной сему, путь. Зловредность прежняго пути внезапною переѣвною сею обнаружилась яснѣе тѣмъ, что ропотъ на бывшее Министерство сдѣлался общій. Въ сихъ обстоятельствахъ, естественно, всѣ обрадовались, ожили и возложили на Тебя, Государь, несомнѣнную надежду, что Ты предпріялъ твердо истребить корни посѣяннаго зла и возстановить поколебленное спокойствіе. Я увѣренъ въ любви и преданности къ Тебѣ Россійскаго народа: онъ твердъ и неизблѣмъ въ ней, какъ непоколебимая ни чѣмъ гора, но столько же и твердъ въ Вѣрѣ своей Православной, утвержденной вѣками. Одно только покушеніе противъ ней можетъ поколебать вѣрность его къ Тебѣ. Въ прошедшую войну съ Французами, или, лучше сказать, со всюю Европою, Вѣра спасла и вознесла Тебя и насъ: да не будетъ Вѣра сія поругана и да не вознесетъ Православный на Православнаго и брата на брата оружія своего! Боже да сохранитъ отъ сего и помилуетъ насъ!

Всемилоствѣйшій Государь, прости изліянію сихъ болезненныхъ чувствъ моихъ предъ Тобою! Время и обстоятельства исторгаютъ ихъ изъ души моея. Не настойтъ, конечно, ни какой еще опасности, но и отвращается она не тогда, когда настанетъ, или усилится. Не ослаби единственною на Тебя надеждою Твоихъ вѣроподданныхъ! Малѣйшій видѣ, что Ты попускаешь оставаться прежнихъ дѣйствій и держишь надъ ними руку свою, приве-

детъ всѣхъ въ сомнѣніе о чистотѣ Твоихъ намѣреній и повергнетъ ихъ въ отчаяніе. Да не падетъ ни малѣйшая пылинка на священное имя Твое, — вотъ страхъ мой. Еще, умоляю Тебя, прости смѣлости моихъ рѣчей и дерзости совѣтовъ: сія смѣлость и сей страхъ не родились бы никогда во мнѣ, если бы я не о Твоей, асьмѣ нужной, но только о своей ничтожной пользѣ, помышлялъ.*

(Сію записку отдалъ я безъ подписанія имени моего, прося, какъ и прежде, прочитать ее безъ меня, и примолвя къ тому, что если найдетъ Онъ въ ней что либо не по мыслямъ своимъ, то простилъ бы моему чистосердечію. На сіе отвѣчалъ Онъ мнѣ, что Онъ находитъ разсужденія мои и мысли справедливыми, равно какъ и всѣ тѣ бумаги, которыя я въ прежнюю бытность мою при Немъ написалъ къ Нему. Предположеніе мое объ учрежденіи Цензуры и Верховнаго Цензурнаго Комитета оставилъ я у Него.)

Того жъ мѣсяца 14-го числа ѣздилъ я на Каменный Островъ съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жъ мѣсяца 21-го числа тожъ ѣздилъ я въ Царское Село съ докладами, но не былъ принятъ.

Того жъ мѣсяца 28 числа Государь былъ отсутственъ.

Іюля 2-го числа писалъ я къ Государю слѣдующее: «Министръ Просвѣщенія Шишковъ, по приглашенію Графа Аракчева, пріѣхать къ нему въ Грузино на 5 и 6 числа сего мѣсяца, просить позволенія въ субботу, т. е., 5 числа, отлучиться туда, послѣ, или прежде, доклада, какъ ему позволено будетъ.»

Сія записка прислана была ко мнѣ обратно съ слѣдующимъ отвѣтомъ, написаннымъ карандашомъ собственною Его Величества рукою: «Весьма согласенъ, и дабы удобнѣе вамъ ѣхать, я васъ приму въ субботу, въ 11-ть часовъ утра, въ Красномъ Селѣ.» (Обыкновенно же докладывалъ я въ 6-ть часовъ по полудни.)

5-го числа того жъ мѣсяца былъ я въ Красномъ Селѣ съ докладами. Государь Императоръ между прочимъ изъявилъ мнѣ

благоволеніе свое за оставленную у Него, Іюня 7 числа, записку мою, общіяя волю свою о семъ сдѣлать гласною. Оттуда отправился я въ Грузино, и пробылъ тамъ до 8 числа.

10-го числа того жъ мѣсяца послалъ я къ Государю Императору слѣдующую записку: «Министръ Просвѣщенія, не имѣя ни какихъ нужныхъ докладовъ, которые бы не терпѣли времени, а при томъ и опасаясь сдѣлать неблаговременный въ Красное Село прїѣздъ, осмѣливается, по данному ему отъ Вашего Величества позволенію, отложить докладъ свой до 19 числа сего мѣсяца. Впрочемъ, онъ былъ у Графа Алексѣя Андреевича, переговорилъ съ нимъ обо всемъ нужномъ, видѣлъ поселенія, и займется приготовленіемъ предположенныхъ бумагъ.»

11-го числа того жъ мѣсяца послалъ я къ Графу Аракчееву слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Первымъ долгомъ поставляю принесть Вашему Сіятельству мою покорнѣйшую благодарность за пріятные часы, какіе проводилъ я въ прекрасномъ вашемъ Грузинѣ, за угощеніе меня и показаніе мнѣ чудесныхъ красотъ поселенія. По изъявленіи сей моей особенной благодарности, позвольте поговорить съ откровенностію нѣчто о дѣлѣ общемъ. Ваше Сіятельство получили уже, или скоро получите, журналъ Комитета Господъ Министровъ о Госнерской исторіи. Въ немъ, безъ сомнѣнія, усмотрѣть изволите, до какой степени простиралась дерзость проповѣдывать безвѣріе и революцію. Впрочемъ, не одна сія книга, но и многія, равно какъ и всѣ дѣйствія къ тому же клонились, такъ что, соображая всѣ обстоятельства, ни какимъ образомъ не можно отрицать, чтобъ не было въ томъ явнаго намѣренія. Вся Россія и даже чужія земли это знали и видѣли. Случай съ сею книгою, и послѣдовавшая изъ того перемяна Министерства, естественно подали поводъ говорить и разсуждать о томъ гласно. Государь Императоръ изволилъ книгу, какъ злонамѣренную, прислать на разсмотрѣніе въ Комитетъ, который и нашелъ ее точно таковою, и сочинитель ея выслать. За всѣмъ симъ бывший Директоръ

Министерства Просвѣщенія, Г. Поповъ, изблеченный не только въ пропускѣ, но и въ поправленіи ея, находитъ и утверждаетъ письменно какъ книгу сію полезною, такъ и высланнаго сочинителя ея, Госнера, благонамѣреннымъ человѣкомъ: слѣдственно, оглашаетъ сей актъ Правительства несправедливымъ. Все сіе всему свѣту извѣстно; ибо дѣло подобной важности не можетъ быть сокрыто, и не можетъ не обращать на себя сильнаго всѣхъ вниманія. Рѣшеніе оваго подать поводъ къ заключенію, которая сторона поддерживается, а заключеніе обыкновенно поведетъ къ слѣдствію, къ которой сторонѣ лучше приставать? Хотя всѣ знаютъ Государя Императора кроткимъ и милосерднымъ, однако жъ сдѣсь идетъ дѣло о первѣйшемъ преступленіи, т. е., о заговорѣ и о возстаніи противъ Алтара и Престола, о возстаніи весьма ожесточенномъ и твердою, которое, не смотря на сужденіе Госнеровой книги самимъ Государемъ и Комитетомъ Министровъ, не хочетъ сознаться въ ея худости, ниже извиниться недоразумѣніемъ своимъ; а по тому оставить сего человѣка при прежнихъ его преимуществахъ не можетъ ни какимъ образомъ приписано быть кротости и милосердію, но нѣкоему особенному покровительству. Послѣ сего ни какія слова и повелѣнія къ остановленію успѣховъ зла не могутъ имѣть должной важности и силы; ибо въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно смотрятъ на дѣйствія, которыя всегда бываютъ сильнѣе словъ. Бумага, о которой Ваше Сіятельство говорить мнѣ изволили, не произведетъ послѣ сего ни какихъ плодовъ. Сверхъ сего, если бы кто послѣ сего оказался въ подобной же дерзости и преступленіи, то какимъ образомъ, спустя одному, можно будетъ, безъ нарушенія справедливости, наказать другого? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ хотя отнюдь не желаю я Г. Попову и никому ни малѣйшаго зла, и не имѣю ни какой причины желать, но какъ ненаказанность его бросаетъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на священное имя Государя Императора, то въ такомъ случаѣ не могу я щадить и ходатайствовать ни за кого, ни за брата моего, ниже за самого себя. По крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію, надлежитъ лишить его нынѣшняго мѣста и удалить хотя на нѣкоторое время.

Я счелъ за нужное и должное изъяснить Вашему Сіятельству мои мысли и предать ихъ вамъ на судъ. Впрочемъ, рѣ-

неніе и воля Государя Императора всегда будутъ для меня священны.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

12-го числа я съ докладами не ѣздилъ.

19-го числа ѣздилъ я съ докладами въ Царское Село, но Государя тутъ не нашель; Онъ возвратился уже поздно, и на другой день приказаль мнѣ сказать, что Онъ и самъ имѣеть нужду со мной поговорить, но, за отъѣздомъ въ Петергофъ, принять меня не можетъ, а увидится со мною тамъ.

21-го числа поѣхалъ я въ Петергофъ и велѣлъ доложить Государю, что я останусь сдѣсь и буду дожидаться, когда Ему угодно будетъ меня позвать. 24-го Великій Князь Николай Павловичъ съ супругою своею отправился въ море на корабль «Эмгейтенъ». Въ бытность мою въ Петергофъ объѣдалъ я два раза у Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

26-го числа Государь прислалъ за мною, чтобъ я въ часъ по полудни пришелъ къ Нему съ докладами. По окончаніи дѣлъ разговоръ былъ о Грузинѣ и поселеніяхъ. А какъ въ бытность мою у Графа Аракчеева, объявилъ Онъ мнѣ, что записка моя, которую Юня 7-го дня оставилъ я у Государя, прислана къ Нему, и что Его Величество полагаетъ содѣлать волю свою гласною тѣмъ, что при отъѣздѣ своемъ оставить на имя мое письменное повелѣніе и препоручаетъ мнѣ написать оное, то, въ слѣдствіе сего, приготовилъ и прочиталъ я бумагу слѣдующаго содержанія:

«Къ крайнему сожалѣнію Нашему примѣчаемъ Мы, что Министерство Просвѣщенія, отъ самаго начала учрежденія своего, различными дѣйствіями своими отъ часу болѣе уклонившимся отъ благотворныхъ за нравственностію наблюденій, не соотвѣтствовало распространенію тѣхъ польвъ, какихъ Мы отъ него желали

и ожидали. Истинное просвѣщеніе состоитъ въ страхѣ Божіемъ, который есть начало премудрости; въ утвержденіи себя въ Православной нашей Вѣрѣ, напоющее душу и сердце человѣческое благоговѣніемъ къ Богу, любовью къ ближнему и всѣми нужнымъ для блаженственнаго общежитія добродѣтелями, и наконецъ въ украшеніи ума своего науками, отвергающими путь къ обширнѣйшимъ познаніямъ, къ полезнымъ искусствамъ и художествамъ. Но всѣ сіи стремленія къ обогащенію себя всѣми нужными свѣденіями должны основаны быть на кротости и смиренномъ разумѣ, чуждомъ возбужденныхъ страстями буйныхъ умствованій, увлекающихъ въ неистовыя строптивыя заблужденія. Возносчивый умъ, не сопровождаемый благостію души, мрачнѣе и вреднѣе всякой простоты. Гордымъ противится Богъ, говоритъ Божественное слово; но что иное высокопарныя мнимыхъ мудрецовъ мечтанія, какъ не безумная гордость сердца? Она ослѣпляетъ умъ, помрачаетъ разумъ и, погашая свѣтъ Вѣры и наукъ, ведетъ, подъ именами оныхъ, въ невѣжество и тьму. Сколько сіи ложныя умствованія, подъ пышнымъ именемъ любомудрія, произвели пагубныхъ для человѣческаго рода слѣдствій! Истинное любомудріе тамъ водворяется и свѣтъ онаго тамъ свѣтитъ, гдѣ люди руководствуются законами Вышняго и правилами Вѣры, приобрѣтая, по словамъ ея, съ мудростію змѣи, беззлобіе голубя, а не тамъ, гдѣ ухищряются они ложными толкованіями превращать духъ кротости въ духъ киченія и любовь къ общему благоденствію въ любовь къ одному себѣ. Тамъ всегда тяготѣла надъ нимъ рука Господня. Такъ съ разрушеніемъ порядка и законовъ поднимало лютую главу свою звѣрское безначаліе, и до тѣхъ поръ всѣми ужасами и муками терзало тишину общежитія, доколѣ удрученные въ изнеможеніи народы, познавъ обманъ и прелесть лжеучителей, не обращались наки къ прежнему благочестію и благоустройству. Срашныя примѣры сему, въ нѣкоторыхъ странахъ свирѣпствовавшіе, долженствовали бы обуздать и усмирить киченіе ума человѣческаго, но злочестіе столь надменно и злобно, что оно не перестаетъ покушаться разливать повсюду ядовитыя внушенія свои, основывая ихъ частію на жестокости сердца, частію же на простотѣ умовъ людскихъ. Хотя Богомъ ввѣренный Намъ народъ христіанскій Россійскій всегда былъ чуждъ сихъ неистовыхъ мнѣній, всегда твердъ въ Православной

Вѣрѣ, всегда вѣренъ Престолу и Отечеству, и хотя Мы не имѣемъ ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія, но, желая предохранить даже и малую часть людей, а особливо юношей, могущихъ, по неопытности и незрѣлости разсудка, прельститься сими соблазнительными лжами, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе: не преподаются ли гдѣ въ Университетахъ, Гимназіяхъ, Народныхъ Училищахъ и Пансіонахъ, подъ видомъ наукъ, какія либо вредныя ученія; не разсѣваются ли гдѣ въ свѣтской Словесности подобныя же мысли и сужденія; не выдаетъ ли кто себя за проповѣдника и учителя таковыхъ новизнъ? Однимъ словомъ, должны обратить вниманіе свое на всѣ подобныя дѣйствія, равно какъ и на книги, доселѣ изданныя и впредь издаваемыя, отвращая могущій происходить отъ нихъ вредъ всѣми возможными способами, а особливо изобличеніемъ лжемудрованія ихъ и замѣчаніемъ тѣхъ людей, кои подобное сему въ свѣтѣ выпускать, или какими иными средствами внушать и распространять, покушаются. Для сего представьте Намъ объ учрежденіи новой Цензуры, которая бы достаточна была имѣть надъ тѣмъ должный надзоръ. Въ Указѣ блаженной памяти Императрицы Екатерины II, данномъ въ Царскомъ Селѣ Іюля въ 27 день, 1787 г., и въ собственномъ Нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату Февраля въ 9-й день, 1804 года, въ третьемъ пунктѣ изображено: «Что принадлежитъ до книгъ церковныхъ и вообще къ Вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи Указа 27 Іюля, 1787 года, коимъ воспрещается въ частныхъ типографіяхъ печатать церковныя, или къ Священному Писанію, Вѣрѣ, либо толкованію законовъ, святости относящіяся книги: таковыя должны быть печатаны въ Синодальной, или иныхъ типографіяхъ, подъ вѣдомствомъ Синода состоящихъ.» Въ Цензурномъ Уставѣ, конфирмованномъ Нами того жъ года 9-го Іюля, въ 8 пунктѣ сказано: «Книги и сочиненія, до Вѣры относящіяся и подлежащія къ печатанію въ Духовныхъ типографіяхъ, должны быть разсматриваемы Духовною Цензурою, находящеюся подъ вѣдѣніемъ Св. Синода и Епархіальныхъ Архіереевъ.» Но нынѣ дошло до Нашего свѣдѣнія, что таковыя книги, сочиняемыя и переводимыя съ иностранныхъ языковъ, вопреки вышеупомянутыхъ повелѣній, разсматриваны были Свѣтскою Цензурою и печатались въ частныхъ типографіяхъ, по чему и повелѣваемъ вамъ обратить строгое на то

вниманіе и, по сношенію съ Синодомъ, взять противъ распространенія содержащагося въ нихъ разврата должныя мѣры.»

По прочтеніи сей бумаги, Государь Императоръ изволилъ сказать мнѣ, что она краснорѣчиво и въ хорошихъ правилахъ написана, но что Онъ хочетъ еще ее просмотрѣть, и по тому приказалъ оставить у себя. * Въ то жь время прочиталъ я еще слѣдующую отъ имени моего записку:

«Не извѣстно мнѣ, по чему Министерство Просвѣщенія, уклонясь отъ общаго постановленія о Министерствахъ, не имѣло у себя ни Канцеляріи, ни особаго при ней Директора, соединяя онаго въ одномъ лицѣ съ Директоромъ Департамента. На семь основаній дѣла не могли имѣть порядочнаго теченія и должной отвѣтственности; а по сему испрашиваю позволенія подробнѣе оное разсмотрѣть и впредь о томъ представить.»

На сіе Государь изъявилъ свое согласіе.

Августа 2-го дня я съ докладами не ѣздилъ.

7-го числа сообщилъ я Графу Аракчееву записку слѣдующаго содержанія:

«Доходятъ до меня слухи, повсюду, какъ кажется, распространившіеся, что будто Господамъ Губернаторамъ дано тайное повелѣніе: когда духовныя въ Епархіяхъ начальства будутъ требовать возвращенія Священниковъ, которые, измѣня своему сану и поругавъ алтари, укрываются между раскольниками, то, не возвращая ихъ, отвѣтствовать духовнымъ начальствамъ, что Священники сіи находятся тамъ, гдѣ имъ быть должно. О такихъ случаяхъ, сказываютъ, есть нѣсколько донесеній въ Синодъ, оставленныхъ безъ вниманія. Не знаю, справедливы ли сіи слухи, но почитаю за нужное въ томъ удостовѣриться; ибо такое предписаніе, буде оное подлинно дано Губернаторамъ, есть величайшій соблазнъ и одобреніе къ отпаденію отъ Вѣры и отъ Правительства.»

Бумага сія въ послѣдствіи времени осталась безъ всякаго употребленія.

На другой день Графъ Аракчеевъ объявилъ мнѣ, что онъ показывалъ записку мою Государю, и что о семъ дано уже повелѣніе, чтобъ предписаніе сіе уничтожить.

9-го числа былъ я съ докладомъ у Государя и между прочими дѣлами прочиталъ ему написанную мною слѣдующую бумагу:

«Статсъ-секретарь Кикинъ препроводилъ ко мнѣ сочиненную Евстаіемъ Станевичемъ книгу, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души тогда токмо утѣшительномъ, когда истина онаго утверждается на точномъ ученіи Вѣры и Церкви», съ тѣмъ, чтобы я, по прочтеніи, доложилъ о ней Вашему Величеству. Книга сія, по разсмотрѣніи въ Духовной Цензурѣ Архимандритомъ Иннокентіемъ, напечатана въ 1818 году и поднесена покойному Митрополиту Михаилу съ слѣдующею надписью:

Преосвященнѣйшій намъ пастырь Михаилъ!
 Коликъ Богъ мой духъ въ сей книгѣ просвѣтилъ,
 Противу ересей писалъ въ такую мѣру,
 Владыко, не на даръ возри, на теплу вѣру!

Книга сія, по донесенію о ней Вашему Величеству, изображена была нечестивою и противною нашему Вѣроисповѣданію и Церкви, въ слѣдствіе чего сочинитель ея высланъ изъ города, а книга у всѣхъ отобрана и запрещена. Но сіе донесеніе о ней, ни какимъ духовнымъ, ниже свѣтскимъ обществомъ, не разсмотрѣнное и не утвержденное, было совершенно несправедливо. Напротивъ, она содержитъ въ себѣ возраженія противу тѣхъ ложныхъ умствованій, которыя къ поколебанію Вѣры, Церкви и Престола разсѣялись тогда во многихъ сочиненіяхъ и переводимыхъ книгахъ. Сія различныя ереси, преклоняющія къ отпаденію отъ всѣхъ Христіанскихъ добродѣтелей, изобличены въ ней ясно и убѣдительно, по чему, какъ думать должно, тѣмъ болѣе и подверглась она несправедливому о ней донесенію и сильному гоненію. Я нахожу ее таковою, но при всей моей увѣренности не желаю, чтобы Ваше Величество основались на одномъ моемъ мнѣніи, а по тому и осмѣливаюсь просить, не благоугодно ли будетъ приказать пре-

проводить ее къ какой-либо духовной особѣ, или въ Синодъ, для сдѣланія о ней точнаго заключенія.»

Государь Императоръ изволилъ на сіе согласиться. При прощаніи въ сей день со мною (ибо 16 числа сего мѣсяца назначенъ отъѣздъ его) благодарилъ Онъ меня за мои попеченія, а особливо за добрый духъ и справедливость. Въ свѣдствіе сего доклада на другой же день написалъ я Митрополиту (находившемуся въ сіе время въ Новгородѣ) и отправилъ съ нарочнымъ слѣдующаго содержанія письмо:...

«Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь!

«Статсъ-секретарь Кикинъ прислалъ ко мнѣ препровождаемую при семъ книгу подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца» и проч., съ объявленіемъ Высочайшей воли, дабы я, по рассмотрѣніи сей книги, доложилъ о ней Его Императорскому Величеству. Въ силу сего повелѣнія имѣлъ я счастье докладывать о томъ Государю Императору по запискѣ моей, которую здѣсь для свѣдѣнія вашего прилагаю. Его Императорское Величество, по выслушаніи сего доклада, повелѣлъ мнѣ, согласно съ желаніемъ моимъ, препроводить вышеозначенную книгу въ Духовное рассмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобъ оно, изъявивъ о ней свое мнѣніе, доставило оное ко мнѣ для представленія Его Величеству. Сообщая о сей Монаршей волѣ Вашему Высокопреосвященству и ожидая исполненія по оной, съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга А. Ш.

Августа 10-го дня, 1824 года, № 130.

Р. S. Государь Императоръ изволилъ спрашивать меня: не можетъ ли Онъ сего мнѣнія имѣть прежде Своего отъѣзда, на что я отвѣтствовалъ Ему, что, по полученіи онаго, въ ту жь минуту доставлю Его Величеству.»

На конвертѣ написано: «Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ Серафиму, Митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Вужное.»

17-го числа получилъ я отъ Графа Аракчеева слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь мой,

Александръ Семеновичи

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Дмитріевъ ходатайствуетъ, чрезъ посредство Статскаго Совѣтника Карамзина, о пожалованіи пенсіона 1,200 р. отставному Маіору Измайлову, что усмотрите изъ прилагаемой у сего записки.

Государь Императоръ Высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ получить отъ Вашего Высокопревосходительства свѣдѣніе, извѣстенъ ли вамъ оный Г. Измайловъ и съ какой стороны, а равно заслуживаетъ ли онъ испрашиваемаго ему пенсіона?

Свѣдѣніе сіе покорно прошу васъ, Милостивый Государь мой, доставить ко мнѣ, съ возвращеніемъ прилагаемой записки, въ собственныя руки.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ,

Вашего Превосходительства

покорный слуга Графъ Аракчеевъ.

А равнобрно доставить мнѣ свѣдѣніе, гдѣ онъ служить.»

Царское Село.

15-го Августа, 1824 года.

Его Высокопревосходительству А. С. Шишкову.

«Записка.

По ходатайству И. И. Дмитріева, чрезъ Карамзина, 1,200 р. пенсіи отставному Маіору Владиміру Васильеву сыну Измай-

* То и другое мнѣніе, т. е., въ пользу и противъ этой книги, напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1861 г., кв. I и II, отд. V, стр. 201 и 202. О. Б.

лову (живущему въ Москвѣ), который сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ приобрѣлъ извѣстность въ нашей Словесности; человекъ добрый, умный и бѣдный до крайности.»

Отвѣтъ мой на сіе письмо былъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

На письмо Вашего Сіятельства отъ 12-го сего мѣсяца имѣю честь отвѣтствовать: въ запискѣ объ оставномъ Маіорѣ Владимірѣ Васильевѣ сыпѣ Измайловѣ, живущемъ въ Москвѣ, сказано: 1) что онъ сочиненіями и переводомъ хорошихъ книгъ приобрѣлъ извѣстность въ нашей Словесности, и 2) что онъ человекъ добрый, умный и бѣдный до крайности. Справедливость требуетъ, чтобъ я сіе одобрение о немъ раздѣлилъ на двѣ части, и о первой изъ нихъ, прямо ко мнѣ относящейся, сказалъ, что хотя Г. Измайловъ и упражняется въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, но отнюдь не больше и не отличнѣе многихъ другихъ, а по тому дать ему пенсію было бы обидно для прочихъ. Въ подобныхъ случаяхъ, т. е., въ наградахъ по Словесности, нужно, чтобъ, кажется, для соблюденія порядка и безпристрастія, представленія о томъ не были дѣлаемы мимо меня, тѣмъ больше, что и самъ я иначе представлять не осмѣлюсь, какъ по оцѣнкѣ трудовъ писателя въ Россійской Академіи и въ Правленіи Училищъ. Инымъ образомъ (таковыя) награды могутъ, вмѣсто снисканія ихъ достоинствомъ, быть получаемы чрезъ выпрашиванія и угожденіе. Что жъ принадлежитъ до второй части одобренія, а именно, что Г. Измайловъ человекъ добрый, умный, и бѣдный до крайности, то я, не зная его лично, ни утверждать, ни отрицать сего не могу; впрочемъ, какъ сіи качества не подлежатъ той разборчивости къ наградѣ, или къ вспоможенію, какой подлежитъ, удостоеніе по Словесности, то я и не дерзаю далѣе о томъ распространяться. Ваше Сіятельство въ концѣ письма своего спрашиваете у меня, гдѣ онъ служилъ? Я не могъ о семъ нигдѣ справиться, но, по видимому, онъ служилъ или въ гвардіи, или въ армейскихъ полкахъ и давно уже отставленъ.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтениемъ имѣю честь быть,
Вашего Сіятельства, покорнѣйшій слуга А. Ш.

Р. С. Записку при семъ возвращаю. 20 Августа. 1824 года.»

Письмо къ Государю Императору.

Sire!

«Quelque part que je porte la vue, je ne vois que des pierres d'achoppement et des pièges tendus. Les Neologues levant les têtes, et les ultra-mystiques demasqués—tous les deux ennemis jurés du sain et pur Lutheranisme,—viennent de se reconcilier pour plus facilement faire perdre les étriers à un pauvre évêque. On n'attend que le depart de Votre Majesté Impériale pour mettre en oeuvre les pratiques.

Sire!

«De grâce! n'abandonnez pas un serviteur zélé, qui ne se trouve ici que pour s'avoir donné à Votre Majesté par un devouement entier. Daignez me mettre à l'abri de la persecution, et ne cachez point Votre face de moi.

Je suis,

Sire,

avec le plus profond respect de Votre Majesté Impériale

Le plus soumis et le plus zélé serviteur

l'Evêque Evang. Escygneus.»

S.-Petersbourg.

Le 12 Août, 1824.

Сіе письмо прислано было ко мнѣ съ изображеніемъ на немъ слѣдующихъ собственною Его Величества рукою написанныхъ словъ: «Скажите Епископу, что Я получилъ его письмо въ самую минуту отъѣзда, и по тому не былъ въ возможности его видѣть. По возвращеніи же Моемъ Я его непремѣнно приму. До того же времени, чтобы онъ откровенно съ вами объяснилъ»

ся, васъ же прошу дать ему всю надлежащую защиту. Онъ человекъ благомыслящій.»

Ромашкино.

Августа 16 числа, 1824 года. (Получено на третій день.)

Искно къ графу Аракчееву.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Почитая себя въ обязанности, по долгу вѣрноподданнаго, откровенно говорить Государю Императору, я то жь думаю и съ Вашимъ Сіятельствомъ, по уваженію моему къ вамъ. Я знаю, что вы Ему и Отечеству преданы. Ваше Сіятельство не безъ-извѣстны о поданныхъ мною Его Величеству бумагахъ, въ которыхъ, между прочихъ, главнѣйше просилъ я: 1) объ учрежденіи Цензоровъ и верховнаго Цензурнаго Комитета, и 2) о рескриптѣ на мое имя, дабы, по изъявленной мнѣ волѣ Монаршей, могъ я имѣть твердый голосъ и свободу дѣйствовать соотвѣтственно возложенной, на меня должности. Обѣ сіи вещи необходимо нужны, если хотѣтъ остановить и не дать далѣе распространяться долго укоренявшемуся и напоследокъ открывшемуся злу; ибо безъ того я буду связанъ, безсиленъ воспротивиться оному, и тогда все пойдетъ по прежнему. Въ доказательство тому препровождаю къ Вашему Сіятельству Московскія Вѣдомости, въ которыхъ изволите увидѣть подъ статьею Москва 27 Августа выписку изъ журнала засѣданія Московскаго Комитета Библейскаго Общества гдѣ успѣхи онаго превозносятся и, въ слѣдъ за сею статьею, возвѣщается о церковныхъ книгахъ, продаваемыхъ отъ Библейскаго Общества, на Славянскомъ, одномъ Русскомъ и Словено-Русскомъ языкѣ. Дѣлаются воззванія о семъ и, въ противность всякаго понятія о Старообрядцахъ, не терпящихъ ни малѣйшаго измѣненія въ Библейскихъ текстахъ, возглашается, что они съ радостію раскупаютъ и читаютъ Новый Заветъ на Русскомъ языкѣ, и сей языкъ какъ будто бы ивкій особый, названъ имъ природнымъ! Таковая,

преимущественная предъ настоящими Христіанами, похвала Старо-обрядцамъ, то есть, Раскольникамъ, и увѣрѣніе, что Русскій языкъ нѣтъ особенно природенъ, есть явная и совершенная ложь, очевидно, для того только проповѣдываемая, чтобъ возвысить расколы и уничтожить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе. Сія статья печатаются въ Московскихъ Вѣдомостяхъ спустя три мѣсяца послѣ перемѣны Народнаго Просвѣщенія, и тогда, когда въ С.-Петербургѣ ни чего о Библейскихъ Обществахъ не упоминается. Возможно ли Московскому Архіепископу не знать о сихъ расположеніяхъ и безъ особаго намѣренія допускать до подобнаго обнародованія статей, прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія обнаруживающихъ. На второмъ, приложенномъ при семъ, листкѣ Московскихъ Вѣдомостей, Ваше Сіятельство усмотрите публичную продажу книгъ, изъ которыхъ главную часть, яко противныхъ всякой Христіанской Вѣрѣ и возмутительныхъ противъ Правительствъ, надлежало бы истребить. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже запрещены, но опять появились. Такъ пронирыльное монашѣреніе будетъ всегда стараться возставать и вновь усиливаться, если твердою рукою отъ покушеній своихъ не удержится! Мнѣ поручено Министерство Просвѣщенія, но какъ просвѣщеніе можетъ быть тамъ, гдѣ колеблется Вѣра? Если Библейскія Общества будутъ по прежнему существовать и; проповѣдуя пользу и распространіе въ Христіанскомъ Государствѣ Христіанства, въ самомъ дѣлѣ умножать только ереси и расколы; если церковныя книги для того, чтобъ уронить важность ихъ, будутъ съ высокаго языка, сдѣлавшагося для насъ священнымъ, переводиться невѣдомо кѣмъ и какъ на простонародный языкъ, какимъ мы говоримъ между собою и на театрѣ; если, при распространеніи таковыхъ переводовъ (развѣ для того только нужныхъ, чтобъ со временемъ не разумѣть церковной службы, или чтобъ и обѣдни служить на томъ языкѣ, на какомъ пишутся комедіи), еще, сверхъ того, съ иностранныхъ языковъ, вмѣсто нашихъ молитвъ и Евангельскихъ нравоченій, переводиться будутъ, такъ называемыя, духовно-философскія, а по настоящему ихъ смыслу, карбонарскія и революціонныя книги; если, говорю, все это будетъ продолжаться по прежнему, то я Министеромъ Просвѣщенія быть не гоноусь; ибо, по моему образу мыслей, просвѣщеніе, не основан-

ное на Вѣрѣ и вѣрности къ Государю и Отечеству, есть мракъ и вредное заблужденіе. Предположенія мои, какія имѣлъ я участіе къ отвращенію сего представлять Государю Императору, всѣ одобрены были Его Величествомъ, но, вѣроятно, за отъѣздомъ Его не могли быть произведены въ дѣйство. Между тѣмъ, сѣющіе безвѣріе и развратъ, продолжаютъ перепечатываться и публично продаваться. Духовенство знаетъ объ нихъ, и не только молчитъ и не отвращаетъ сего зла, но многіе нововоспитанные священно-церковнослужители (кромѣ нѣкоторыхъ истинно усердныхъ благочестивыхъ), подъ личиною Вѣры, споспѣшествуютъ сему. Когда одинъ человекъ, произносящій на площади возмутительныя слова, вреденъ и опасенъ, то книги, распущенныя тысячами по улицамъ и по всему пространству Россіи, несравненно вреднѣе и опаснѣе. Долгъ мой и присяга требуютъ, чтобы я не давалъ возобновляться тому, что доселѣ потрясало всю нравственность и благочестіе; но я не разрѣшенъ на то гласною волею Государя, не имѣю повелѣнія употреблять всевозможные способы къ потушенію сего тлѣющаго огня, и, слѣдовательно, противъ совѣсти моей и нарушая, по моимъ понятіямъ, вѣрность къ Богу и Царю, долженъ, видя раздуваніе сихъ искръ, молчать и быть только по имени, а не по дѣйствию, Министромъ Просвѣщенія. Такое положеніе почталъ я для себя хорошимъ, если бъ думалъ, что духъ времени взялъ силу, что головой стѣну не проломишь, что мнѣ остается не долго жить, что я бездѣтенъ, что на моемъ вѣку ни чего не случится, и что, между тѣмъ, покажѣтъ я поживу, могу попользоваться честію и преимуществами, сопряженными съ моимъ званіемъ. Но, что мнѣ дѣлать, когда я совѣтъ не такъ думаю, когда совѣтъ говоритъ мнѣ: помни, что ты обязанъ служить вѣрно Государю и Отечеству, что дашь въ томъ Богу отвѣтъ, и чѣмъ ты старѣе, тѣмъ меньше это забывай, и лучше навлеку на себя гнѣвъ за правду, нежели милость за неправду. Иногда я самъ себя испытую и думаю, не излишне ли я забочусь? не увеличиваю ли вещи? не хлопочу ли о какой излишней ненужной гласности, безъ которой можно обойтись? Но вижу, что не одинъ я такъ думаю. Изъ приложеннаго при семъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ перевода изъ иностранныхъ Вѣдомостей, подъ статью: Франкфуртъ отъ 25 Августа, Ваше Сіядельство усмотрите, какою важностію почитаетъ и съ

какою гласностію говорить о семъ Австрійскій Императоръ (тожъ и Прусскій Король). Между тѣмъ я не безъ основанія полагаю, что Германія, при тѣхъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣрахъ Правительства, какія въ ней оглашаются, должна меньше быть заражена тѣми духовными и политическими сектами, противъ которыхъ она вопіетъ и которыя у насъ отъ обуздыванія ихъ усиливаются. И такъ соображая всѣ сіи обстоятельства, я отнюдь не могу себя упрекнуть какими-либо въ словахъ и предположеніяхъ моихъ необдуманностями. По сему смѣю ласкаться, что Ваше Сіятельство обратите на то свое вниманіе и не отречетесь въ томъ важномъ и затруднительномъ дѣлѣ поддерживать меня и подавать мнѣ руку помощи; ибо я самъ собою слабъ и бездѣйственность моя, продолжаясь далѣе, скоро, противною правиламъ юнымъ стороною, сочтена будетъ за невозможность поставить ей олотъ и обращена мнѣ въ посмѣяніе. Тогда, не сдѣлавъ ни чего полезнаго, лишусь я и того добраго имени, которое долговременностію моею жизни и службы приобрѣсть могъ. Я счелъ за нужное обо всемъ ономъ Вашему Сіятельству сообщить и предать на собственный Вашъ судъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Ш.»

13 Сентября, 1824 года.

Письмо къ нему же.

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

«Въ слѣдъ за донесеніемъ моимъ о Библейскихъ Обществахъ, перевозимыхъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, почитаю долгомъ уведомить Ваше Сіятельство о присланныхъ сюда отъ Госнера на Нѣмецкомъ языкѣ стихахъ съ нотами для распѣванія оныхъ. Прилагаю при семъ сдѣланный при семъ переводъ, изъ котораго можно усмотрѣть, съ какимъ неслыханнымъ злочестіемъ, твердя о Христѣ Спасителѣ, разумѣетъ онъ подъ нимъ своего Христа, или лучше сказать антихриста, и, соединяя въ себѣ предательство Іудино съ хитростію змія, прельстившаго Адама, думаетъ, что для единомышленниковъ своихъ говорить онъ до-

вольно ясно, а другихъ, не совершенно еще обращенныхъ, или истинно вѣрующихъ, прикроетъ смысломъ словъ своихъ, отводящихъ отъ Православной Вѣры употребленіемъ имени Иисуса Христа. Скрывая такимъ образомъ настоящую свою цѣль, превращаетъ имена, сектаторовъ своихъ называетъ Христіанами, а истинныхъ Христіанъ врагами Божиими. Вся стихотворная пѣсня его состоитъ въ сей хитрости. Въ семъ смыслѣ, подразумѣвая изгнаніе свое изъ Россіи, называетъ онъ малое стадо свое (т. е., отторженное уже ложными его поученіями отъ истиннаго Вѣроисповѣданія), осиротѣлымъ, а себя, пастыря ихъ, пораженнымъ. Но, продолжая утѣшать и ободрять къ терпѣнію и вѣрности, говорить: «Иисусъ Христосъ да благословитъ тя, о малое стадо! каждое сердце да стремится достигнуть вящей твердости!» Потомъ, презирая актъ Правительства, изгнавшій его отсель, и надѣясь на оставшихся къ нему приверженцевъ, съ дерзостію возглашаетъ: «Сатана хотя и великимъ исполненъ гнѣвомъ, но силы его малы.» И поощряя ихъ къ тому, чтобъ не покидали своей секты, прибавляетъ: «Знаете ли, что есть лучшее для стада осиротѣлыхъ? то, что, вопреки козни вражіей, они пребываютъ цѣлы.» А дабы, отдѣляя ихъ отъ истинныхъ Христіанъ именемъ немногихъ, подать имъ надежду, что они вскорѣ умножатся, проповѣдуетъ имъ: «Малая церковь Іакова радуйся! Онъ (то есть, ихъ Христосъ) тебя избралъ и вѣчно о тебѣ промышляетъ, чтобы тебѣ ни въ чемъ не было скудости. Вѣруй только несомнѣнно, что онъ тебя знаетъ, о малое осиротѣлое стадо, и что онъ тебя своимъ называетъ, блаженное собраніе вѣрныхъ! Сердечному благоволенію того, который милліоны сердець объемлетъ своимъ сердцемъ, поручилъ я тебя, а ты—награда его болѣзней!» Впрочемъ, чтобъ утѣшить ихъ въ своемъ отсутствіи и обнадежить въ возвращеніи, говорить: «Приходитъ мнѣ иногда на мысль, когда бы можно намъ опять быть съ вами. Прежде нежели думаете, будемъ васъ привѣтствовать. Тогда будемъ мы въ соединеніи, и въ немъ вѣчно останемся; ибо туда не смѣетъ проникнуть врагъ, который бы могъ насъ выгнать.» Здѣсь уже безъ всякаго иносказанія и загадокъ сочинитель явно мысль свою обнаруживаетъ, и наконецъ присовокупляетъ, что онъ всего имъ

описать не можетъ, а предоставляетъ чувствовать,» и заключаетъ подкидное посланіе свое слѣдующими словами: «Засимъ, любезные, прощайте! Живите въ спокойствіи и мирѣ, въ веселіи и радости, хотя мы и разлучены съ вами!» Господинъ Оберъ-Полицмейстеръ, сообщившій мнѣ сіи стихи съ нотами (полученные мною потомъ и отъ Графа Милорадовича), сказывалъ, что ихъ привезено до сорока экземпляровъ. Попѣченіе его о семъ дѣлаетъ ему великую честь; но ежели открыты будутъ ворота къ привозу сихъ вещей, то не достанетъ у него силъ къ открытію и остановленію сихъ умысловъ и покушеній. Сверхъ того Военный Генералъ-Губернаторъ сообщилъ мнѣ извѣщеніе о нѣкоторой Финской сектѣ, здѣсь въ столицѣ и въ окрестностяхъ ея издавна распространившейся и нынѣ продолжающей свои сходки для отправленія своихъ сумазбродныхъ обрядовъ, вредныхъ толковъ и соблазнительныхъ дѣйствій. Все сіе выѣстъ и множество другихъ, тотъ же духъ показывающихъ, обстоятельствъ, хотя не прямо относится къ моему званію, но имѣетъ съ нимъ тѣсную связь; ибо гдѣ съется развратъ, тамъ ни какія сѣмена просвѣщенія не прозябнутъ; кромѣ того преданность моя къ Государю и Отечеству не позволяютъ мнѣ, видя размноженіе стремящихся къ разрушенію спокойствія замысловъ, молчать и не помышлять о способахъ къ ихъ пресѣченію. Вотъ причина, по которой я письмами моими Васъ утруждаю, оставаясь всегда при тѣхъ мысляхъ, что пора принять противъ нихъ рѣшительныя, твердыя, гласныя мѣры, и что одно свѣдѣніе объ нихъ, безъ изъявленія строгаго къ исторженію ихъ ополченія, послужитъ только къ одобренію и умноженію ихъ дерзостей, которыя если заблаговременно не уймутся, то и унять ихъ будетъ трудно. Впрочемъ, я разумѣю подъ рѣшительными мѣрами не преслѣдованіе и наказаніе тѣхъ лицъ, кои могутъ открываться виновными (ибо сіе также, по множеству ихъ, можетъ быть неудобно), но, предавая прошедшее забвенію, дать знать, что впредь малѣйшія къ тому поползновенія будутъ подвергаться законному сужденію.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга А. Ш.»

19 Сентября, 1824 года.

Отвѣтъ Графа Аракчеева на первое мое письмо.

«Милостивый Государь,

Александръ Семеновичъ!

Я спѣшу принести Вашему Высокопревосходительству * за письмо Ваше, писанное 13 сентября, изъ коего я вижу вашу ко мнѣ довѣренность, которую я буду стараться поддерживать. Всѣ вами изъясняемыя въ письмѣ разсужденія я нахожу весьма справедливыми и дѣльными, совершенно съ ними согласенъ. Какимъ же образомъ по оному дѣйствовать, то объ ономъ нужно намъ лично переговорить по прїѣздѣ въ С.-Петербургъ, куда я располагаюсь прїѣхать въ началѣ Октября мѣсяца.

Примите истинное мое почтеніе навсегда, съ коимъ я неизмѣнно пребуду

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.»

Округа поселенія гренад. Его Величества Короля Прусскаго полка.

18 Сентября, 1824 года.

«РАЗБОРЪ КНИГИ НАСТОРА ГОСНЕРА,

представленный мною въ Комитетъ Гг. Министровъ. **

Разсмотрѣніе книги на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ названіемъ:
«Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi, in Betracht-

* Пропущены, кажется, слова: «мою благодарность.»

** См. Записки Юля подъ 7 числомъ.

tungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament. Erster Band. Matthäus und Marcus,» а въ переводѣ на Русскомъ языкѣ (безъ заглавнаго листа): «О Евангеліи отъ Матѣя.» Подлинникъ печатанъ въ С. Петербургѣ у Карла Края, въ Малой Морской (№ 104) въ 1824 году, а въ переводѣ мѣсто печатанія не показано, на листкахъ же показано: «Брискорнъ.»

По внимательномъ разсмотрѣніи сей книги оказывается, что въ толкованіи Евангельскихъ текстовъ вездѣ, подъ видомъ наставленія въ Вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ, однако жъ, съ истинными и скрытыхъ подъ оными, дабы сею хитростію омрачить умъ читателя, или слушателя, и по немногу отводить его отъ Вѣры своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному Царю. Изъ разсмотрѣнія всей книги можно бы ясно сіе вывести, но, для убѣжденія себя въ томъ, довольно и того, чтобъ токмо нѣкоторыя мѣста изъ оной выписать.

Подъ словами: «Книга родства Иисуса Христа, сына Давида, сына Авраамля (глав. 1, стр. 4) сказано: «Въ семъ родословіи встрѣчается столь много именъ извѣстныхъ и великихъ грѣшниковъ, ибо и большая часть Царей были люди злые, что и въ самомъ началѣ исторіи Иисуса исполнилось пророчество: «онъ сопряченъ будетъ къ преступникамъ.» Не извѣстно, откогда сіе пророчество почерпнуто: если изъ словъ: «со беззаконными вмѣнися,» то сіе сказано не о родословіи Христовомъ, но объ осужденіи его на крестную смерть и распятіи между двумя разбойниками. И такъ вотъ уже при самомъ началѣ, безъ всякой нужды, бросается нѣкоторая чернота на имена Царей, и при томъ съ немалымъ отъ себя прибавленіемъ и увеличеніемъ; ибо на страницѣ 6-ой возобновляетъ говорить о томъ же: «Здѣсь наименованы по порядку всѣ ирародители Иисуса, но истиннѣе не ради заслугъ своихъ; ибо они почти всѣ, исключая двухъ, или трехъ, не были достойны имѣть такого потомка.»

По приведеніи текста (стр. 11): «Иосифъ же, мужъ ея, праведенъ сынъ и не хотя се обличити, восхотѣ тай ну-

стятъ ю,»—сочинитель разсуждаетъ: «Благочестивый мужъ не хотѣлъ ни увеличивать, ни уменьшать сего обстоятельства, а желалъ прикрыть проступки ближняго покровомъ любви, и лучше уступить нѣсколько своего права. Онъ могъ бы ясно ее обличить, какъ въ другихъ случаяхъ требовала бы того и строгость правосудія, но онъ не хотѣлъ также оставить у себя, поелику не былъ довольно увѣренъ въ ея невинности.»

Иосифъ могъ такъ думать, не будучи еще извѣщенъ отъ Ангела; но по чему проповѣдникъ, извѣстный уже о семъ, называетъ это проступкомъ, и по какой пристойности говоритъ, что Иосифъ желалъ лучше уступить нѣсколько своего права? Что такое въ семъ случаѣ уступить нѣсколько? Какую иную мысль могутъ порождать слова сіи, какъ не ту, что раздѣлать право свое съ другимъ? И эту развратную, нечестивую мысль почерпаетъ проповѣдникъ изъ священнаго текста и сообщаетъ ее своимъ слушателямъ и читателямъ! Онъ даже даетъ мужьямъ совѣтъ терпѣть невѣрность женъ своихъ, продолжая дѣлать слѣдующія, едва ли въ романахъ позволительныя, разсужденія: «Истинная любовь умѣетъ находить средину между ревностію и нечувствительностію. Праведный умѣетъ сохранить сію честь ближняго чрезъ открытіе его проступковъ. Легковѣріе и ложное рвеніе къ соблюденію закона часто нарушаютъ самый законъ, когда обращаютъ вниманіе только на мщеніе и строгость, допускаемая, какъ кажется, закономъ. Но благоразумная любовь и истинное благочестіе умѣютъ находить кротость въ законѣ, не принуждающемъ ни кого быть доносителемъ на свою супругу.»

По приведеніи текста (ст. 13): «Родитъ же сына, и наречетъ имя ему Іисусъ, той бо спасетъ люди своя отъ грѣха ихъ,» сочинитель, разсуждая объ имени Іисусъ, между прочимъ говоритъ: «по сей самой причинѣ и Ангелъ свидѣтельствуетъ, что Спаситель избавитъ народъ свой отъ грѣховъ мученія и власти.»

Отъ грѣховъ—такъ, но отъ какой власти и отъ какого мученія? Темнота выраженія сего смѣшиваетъ адское мученіе и

дьявольскую власть съ законною властію земныхъ правителей и съ происходящимъ иногда отъ злоупотребленія оной терпѣніемъ, или мученіемъ, народнымъ. Но темнота сія находится только въ Русскомъ переводѣ, въ подлинникѣ нѣтъ ея. Тамъ сказано: «Dass der Heiland sein Volk von der Noth, Tyranney und Gewalt der Sünde erlösen werde, т. е., что Спаситель избавитъ народъ свой отъ тягости, мучительства и насилія грѣха.»

Далѣе сочинитель, продолжал толковать имя Иисусъ, говорить: «Нынѣшніе Христіане именуютъ Его устами, но на опытъ Его не знаютъ и не испытали въ сердцахъ своихъ силы сего имени, по сему именуютъ они Его безъ почтенія, безъ благоговѣнія, легкомысленно и по привычкѣ, когда бываютъ въ ужасѣ, или въ удивленіи.» Что такое нынѣшніе Христіане? По чему сочинитель полагаетъ всѣхъ вообще нынѣшнихъ Христіанъ чуждыми благочестія, и хочетъ ученіями своими произвести новыхъ, небывалыхъ Христіанъ? Въ сей гордости его, въ семъ общемъ обвиненіи всѣхъ, кромѣ себя, не видно Христіанской любви и кротости.

Онъ продолжаетъ (стр. 17): «Но кому открылась десница Господня, имя Господне? Кто нынѣ вѣритъ, что такое могущество, содѣлать блаженными и избавить отъ грѣховъ, заключается въ Его имени и въ Его лицѣ?» Что значатъ его слова: «кому открылась десница Господня, имя Господне?» Что значить сей вопросъ: «кто нынѣ вѣритъ?» Вопросъ, изъ котораго непременно слѣдуетъ сдѣлать заключеніе, что нѣкогда вѣрили и потомъ перестали, или что по какой ни будь общей причинѣ никто не сталъ вѣрить. Да и чему не стали вѣрить? «Тому, что блаженство и избавленіе грѣховъ заключается въ имени Господня.» Кто пойметъ сіи слова? Проповѣдникъ продолжаетъ: «Они говорятъ, что не могутъ дѣлать инаково, что должны грѣшить. Они не вѣрятъ, что Господь можетъ и хочетъ освободить ихъ отъ грѣховъ.» Кто такіе они, кто не вѣритъ, и какъ сему не вѣрить? Подобныя загадки по видимому пишутся не для общаго разумѣнія, но только для тѣхъ, кому онѣ понятны.

Далѣ (на стр. 20) проповѣдникъ говоритъ: «Христіанинъ ищетъ и обрѣтаетъ во всемъ и повсюду токмо своего Христа. Онъ для него есть всяческая во всѣхъ. Въ немъ соединяется все, что разбѣяно въ милліонахъ, и ни въ комъ другомъ не можетъ быть обрѣтено такъ, какъ въ немъ.» Кто пойметъ смыслъ сихъ словъ? Научится ли новый Христіанинъ изъ нихъ быть благочестивымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ человекомъ? Какой благоразумный проповѣдникъ облакаетъ ясное и утѣшительное Христово правоученіе въ такой мракъ и непостижимость? Далѣ (на стр. 21) говоритъ онъ: «Теперь Иисусъ Еммануилъ у насъ. Если Богъ во Христѣ намъ явился, намъ дарованъ и данъ такъ, что Онъ, яко Богъ, хочетъ быть съ нами и въ насъ, чего жъ нѣтъ у насъ? чего намъ недостаетъ? Какую мы сами по себѣ имѣемъ крѣпость, какую силу? И чего не можемъ преодолѣть въ Немъ, съ Нимъ и чрезъ Него? Осмѣлимся ли мы извиниться слабостію своею? Развѣ Иисусъ Еммануилъ не тотъ, который стеръ главу змія, который уничтожилъ всѣ козни лукаваго, силу и коварство искушителя?» Для чего жъ тоже то самое не сказать простымъ и яснымъ образомъ, не дѣлая изъ того, о чемъ говорится, ни какой загадки, на примѣръ: «Призывая съ вѣрою на помощь Христа Бога, мы можемъ находить въ себѣ довольно твердости преодолѣвать наши страсти, влекущія насъ въ пороки и прегрѣшенія.» На что мысляю затмѣвать и облекать ее въ такіе вопросы, которые похожи больше на нѣкое пылкое воззваніе, нежели на спокойное разсужденіе: «Чего намъ недостаетъ? Осмѣлимся ли извиниться своею слабостію? Развѣ мы сами собою не крѣпки, не сильны? Развѣ съ именемъ Христа не можемъ преодолѣть и стереть главу змія?» Кто сей змій, противъ котораго крѣпки мы сами собою? Такой скрытной языкъ, умышленно ли онъ, или нѣтъ, не подаетъ ли поводъ злонамѣреннымъ людямъ почерпать изъ сего двусмысленнаго иносказанія совсѣмъ иное заключеніе?

По приведеніи текста (стр. 22): «Воставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори, яко же повелѣ ему Ангелъ Господень, и пріять жену свою,» сочинитель говоритъ: «Кто любитъ Бога, тотъ довольствуется тѣмъ, что знаетъ волю Господню, дабы оную мгновенно исполнять, хотя не усматриваетъ тому причины

Возможно ли извлекать изъ Евангелія, изъ сей Божественной книги, толь ложныя и развратныя поученія? Какимъ образомъ случай съ Іосифомъ распространять на всѣ случаи? Какимъ образомъ изъ того, что Іосифъ, по благовѣствованію Ангела, принялъ опять жену свою, выводить, что если бы кому вомыслилось, или привидѣлось во снѣ, или кто его научилъ совершить какое ни будь злодѣяніе, то онъ, хотя бы и не усматривалъ тому причины, долженъ безъ всякаго размышленія, потупая въ себѣ гласъ совѣсти, гласъ Божескихъ и человѣческихъ законовъ, повѣрить, что это воля Божія и мгновенно ее исполнять? Не по такимъ ли постановленіямъ обуянный Равалькъ убилъ Генриха IV, и то жь самое въ недавныя времена Зандъ сдѣлалъ съ Коцебу? И это называется любить Бога? Какой преступникъ и злодѣй по симъ правиламъ не найдетъ себѣ оправданія, подобно Прусскому солдату, который, будучи обличенъ въ обображеніи въ церкви оклада съ образа Богоматери, предъ судомъ сказалъ, что сама она ему явилась во снѣ и приказала это сдѣлать?

Послѣ текста (стр. 24): «и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца, и нарече ямя ему Іисусъ,» сочинитель, утверждая, что Матѳей справедливо его назвалъ первенцемъ, какъ единороднаго сына Божія, присовокупляетъ къ тому: «А кто хочеть выводить дальнѣйшія къ тому слѣдствія, на примѣръ, что Іосифъ послѣ позналъ ее, и она еще многихъ дѣтей родила, тогъ уже слишкомъ много выводить заключеній изъ того изреченія.» Пристойно ли проповѣднику произносить и печатать сія слова, отъ которыхъ всякой благочестивый человѣкъ долженъ заграждать слухъ свой, дабы не слышать ихъ? Въ защиту ему скажутъ: да онъ для того приводитъ ихъ, чтобы послѣ опровергнуть. Но развѣ злонамѣреніе не такія же употребляетъ хитрости, когда хочеть сѣять развратъ? Оно знаетъ, что такимъ изреченіемъ подобнаго богохуленія больше посѣетъ зла и соблазна, нежели возраженіемъ противъ того принесетъ добра и пользы. Но посмотримъ еще, какимъ образомъ онъ опровергаетъ сіе. Вотъ какимъ: «Богъ обѣщалъ Іакову не оставлять его дотолѣ, когда исполнится все обѣтованіе. Итакъ оставилъ ли его онъ послѣ? Слѣдовательно, онъ тогда остается

такъ же первенецъ, хотя бы и никого не было рожденнаго послѣ него. При всемъ томъ по истинѣ приличествуетъ Иисусу, что онъ былъ единымъ сыномъ матери, которая въ дѣвствѣ зачала его отъ Святаго Духа, и что сіе чрево, столь чисто его зачавшее, носившее и родившее послѣ него, ни какихъ уже дѣтей не зачинало и не рождало. Какъ онъ есть едиnorodный отъ Бога, такъ онъ едиnorodный и отъ дѣвы. Но если Марія и рождала еще и другихъ дѣтей, то мы при всемъ томъ не менѣе будемъ любить Иисуса. Онъ остается навсегда несравненный, единый, высочайшій и преблагій.» Изъ подобныхъ сему выраженій: «хотя и никого рожденнаго не было послѣ него» (слѣдовательно, думаетъ, что можетъ быть и было); по истинѣ приличествуетъ Иисусу, что онъ былъ единымъ сыномъ матери (слово приличествуетъ скорѣе отрицаетъ, нежели утверждаетъ сущность дѣла); но если Марія рождала и другихъ дѣтей, то мы не меньше будемъ любить Иисуса;» не ясно ли, что проповѣдникъ самъ соглашается на опровергаемое имъ мнѣніе, и выводитъ изъ того ни съ чѣмъ не сообразное заключеніе, что будто бы мы, разруша въ себѣ вѣру и, слѣдственно, не вѣря болѣе въ Иисуса, не меньше будемъ его любить! Подобныя, говорю, возраженія не больше ли противурѣчіемъ своимъ показываютъ сомнѣнія, нежели вѣры? И такъ когда проповѣдникъ, толкуя Евангеліе, приводитъ изъ него яко бы крошущаяся въ немъ нелѣпую, богохульную, никому на умъ не спадавшую мысль, то по какой надобности приводитъ онъ сіе? Буде для опроверженія, чтобъ никто изъ слушателей его тому не вѣрилъ, то они безъ того никогда тому не вѣрили, и, можетъ быть, всякъ изъ нихъ впервые о такихъ злочестивыхъ мысляхъ отъ него услышалъ. И какъ же отвращаетъ онъ ихъ отъ вѣрованія тому? Возраженіемъ противъ сего, но въ возраженіи оказывается самъ сомнѣвающимся! Чему же онъ научаетъ ихъ, правовѣрію, или невѣрію?

На страницѣ 26 сочинитель говоритъ: «Предубѣжденіе объ особенномъ уваженіи къ нѣкоторымъ лицамъ и мѣстамъ не рѣдко совращаетъ человѣка съ истиннаго и прямаго пути, и помрачаетъ его зрѣніе такъ, что онъ не видитъ уже болѣе яснаго свѣта Евангелія!» Что такое предубѣжденіе къ нѣ-

которымъ лицамъ и мѣстамъ? Зачѣмъ говорить вездѣ такими скрытными и двусмысленными словами? Кто такія сіи лица? Не угодники ли Божіи, которыхъ мы за добродѣтели ихъ почитаемъ? Не земныя ли власти, которымъ мы, для соблюденія общаго спокойствія и порядка, повинujemyся и уважаемъ ихъ? По чему же должное къ нимъ уваженіе есть предубѣжденіе, не совѣстное съ Христіанствомъ? По чему помрачаетъ оно зрѣніе наше и закрываетъ отъ насъ свѣтъ Евангелія? Подобная мысль была бы самая гнусная клевета на Вѣру и Священное Писаніе. Сочинитель продолжаетъ: «Человѣкъ весьма охотно бросается на то либо важное, имѣющее величественный видъ и блескъ. Такъ стремятся нѣкоторые за красными и лицемѣрно священными словами, или мыслями; другіе же мнятъ будто можно найти Христа въ большихъ почестяхъ и преизобиліи, между тѣмъ какъ онъ всего вѣрнѣе и точнѣе обрѣтается въ Вилеємѣ въ ясляхъ, въ бѣдности, въ поруганіи, въ гоненіяхъ и страданіяхъ. Не во храмѣ Іерусалимскомъ, который содѣлался вертепомъ разбойниковъ, не при дворѣ Ирода, не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но въ простомъ, тихомъ и чистомъ быту, въ униженіи и простотѣ, рождается и обрѣтается Христось, дабы человѣкъ ни подъ какимъ видомъ не увлекался наружностію, но обрѣлъ его самого. Сколь многія души чувствами своими и съ любопытствомъ повсюду озираются, и гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти свое спасеніе, между тѣмъ какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія.» Что такое проповѣдникъ хочетъ здѣсь сказать? Ежели напомнить и повторить извѣстную всѣмъ, какъ по Евангельскому ученію, такъ и по самой кратковременности нашей жизни, истину, что не должно уповать на земныя блага, то за чѣмъ простую и ясную мысль сію облакаетъ такими околичностями, такими удаленными отъ ней умствованіями, что она въ нихъ совсѣмъ теряется и представляетъ нѣчто другое? Что такое: нѣкоторые стремятся за красными и лицемѣрно священными словами, или мыслями? Что такое: надобно искать Христа не въ большихъ почестяхъ и преизобиліи, но въ ясляхъ, въ бѣдности, въ поруганіи, въ гоненіи и страданіяхъ; не во храмѣ Іерусалимскомъ, который сдѣлался вертепомъ разбойниковъ, не при дворѣ у Ирода,

не въ пышномъ и блистательномъ состояніи, но въ униженіи, въ простомъ быту? Что значать сіи выраженія? Чему поучаетъ насъ проповѣдникъ? Не уже ли тому, чтобы мы оставили храмы Божіи, почитая ихъ вертепами разбойниковъ? Не уже ли тому, чтобы оставили Дворъ, всѣ обязанности гражданскія и пошли искать Христа въ ясляхъ, въ униженномъ быту? Къ чему сіе новое, нигдѣ въ Священномъ Писаніи не употребляемое, выраженіе искать Христа? Словно какъ будто и мы нынѣ, какъ въ тѣ времена Волхвы, ходимъ и ищемъ Христа въ какомъ либо мѣстѣ, или сословіи людей; ибо знаетъ гдѣ онъ, что такое онъ, какъ избавилъ его и что предписываетъ къ его спасенію, вѣруетъ въ него и послѣдуетъ его ученію,—вотъ обязанности Христіанскія. Что жъ такое искать Христа? За чѣмъ чистоту и ясность правоученія облекать въ хитрости, въ загадки и двумысліе? Наконецъ что такое: многія души чувствами своими и съ любопытствомъ повсюду озираются, и гдѣ усмотрятъ что либо блистательное, знаменитое и ученое, въ томъ мнятъ обрѣсти спасеніе, между тѣмъ какъ никогда не достигаютъ увѣренія и спокойствія? Ни какая душа чувствами своими не озирается, никто въ блистательномъ, знаменитомъ и ученомъ не мнитъ обрѣсти спасенія, и никогда симъ образомъ не думаетъ достигнуть увѣренія и спокойствія. Въ сихъ темныхъ словахъ ни чего не видно, кромѣ желанія очернить знаменитость и ученіе. Когда благочестивые проповѣдники Слова Божія: Василій Великій, Іоанны Дамаскинъ, Златоусты, Феоданы и проч. говорили такимъ таинственнымъ, невразумительнымъ языкомъ?

Послѣ текста, въ которомъ пришедшіе во дни Ирода Царя въ Іерусалимъ Волхвы вопрошаютъ: «гдѣ есть рожденъ Царь Іудейскій? Видѣхомъ звѣзду его на Востоцѣ, и приндохомъ поклонитися ему,» проповѣдникъ (на стр. 28), дѣлая довольно странныя вопросы, таковы какъ: «по чему солнце не озаряетъ своимъ свѣтомъ тѣхъ, которые сидятъ въ темныхъ покояхъ?» приступаетъ опять къ загадкамъ: «свѣтъ (говоритъ онъ)—звѣзда Евангелія Іисусъ Христова, свѣтитъ и освѣщаетъ какъ солнце, но по чему не всѣ онаго объемлютъ, тому всякъ самъ долженъ знать причину.» И послѣ сей загадки продолжаетъ:

Христосъ имѣеть все, что имѣють и земные Вельможи, даже и звѣзду; но все, что онъ имѣеть, есть божественное, небесное и бесконечно большое. Его звѣзды не можно было носить на одеждѣ, она была на небесахъ.» Какой проповѣдникъ станетъ увѣрять слушателей своихъ въ томъ, что небесныхъ звѣздъ не носить на одеждѣ? Хуже ли они знаютъ это, и кому придетъ въ голову свѣтъ Евангельскаго откровенія сравнивать съ каплерскою звѣздою? Вся цѣль уподобленія сихъ звѣздъ не можетъ быть иная, какъ та, чтобъ внушить нѣкоторые неуваженіе и презрѣніе къ звѣздамъ на платьяхъ. Сообразно съ симъ проповѣдникъ вездѣ располагаетъ ученія и толкованія свои такъ, чтобъ онѣ были двусмысленны, т. е., чтобъ вдавшемуся уже въ революціонныя мысли были ясны, а Христианину, твердому еще въ Вѣрѣ своей, казались Христианскими, и только по немногу смущали его и отвлекали отъ оной. Такимъ образомъ, толкъ о внутренней звѣздѣ, внутреннемъ чувствованіи, взымаетъ онъ (стр. 30): «мужественная и непоколебимая Вѣра волею служитъ намъ примѣромъ, приводящимъ насъ въ стыдъ: послушаніе и простота ихъ скрывали отъ нихъ опасности, въ которыя они ввергались, но Богъ бдѣлъ надъ ними и зналъ какъ ихъ спасти. И такъ будь ты только послушенъ Богу,—Онъ уже защититъ тебя. Послѣдуй только звѣздѣ слова Божія,—и не бойся ни чего: живъ еще Богъ тѣхъ волхвовъ.» Ежели бь какой революціонный проповѣдникъ осмѣлялся явно, снявъ съ себя маску Вѣры, побуждать людей къ безначалію, то бы онъ, выпустивъ только имена Бога и Евангелія, сталъ говорить то же: ступайте съ нами искать того, кто насъ освободитъ, не бойтесь ни какихъ опасностей, онъ надъ вами бдитъ и спасетъ васъ: послѣдуйте только ему и убѣдитесь въ томъ внутренними чувствами! Хитрость мыслей его, прикрытая священными текстами, ясно открывается; какъ скоро прилежнѣе вникнемъ въ нихъ и сблизимъ, разбѣянные между двусмысленными, мѣстами, тѣ мѣста, въ которыхъ уже давно обнаруживается и намѣреніе и званіе. Нижеслѣдующія выписки очевиднымъ образомъ намъ то покажутъ.

Послѣ текста: «слышавъ же Иродъ Царь смутися, и весь Иерусалимъ съ нимъ,» проповѣдникъ говоритъ: «Исусъ

есть всегда утѣшеніемъ благочестивыхъ и ужасомъ безбожныхъ. Ни землетрясеніе, ни тысячи ударовъ, не могли бы днесь навести такого ужаса и распространить такого страха, какой произведенъ былъ гласомъ: «Грядетъ женихъ, Господь!» Какъ бы тамъ задрожало, затряслось отъ ужаса, все великое сборище Христіанъ, носящихъ только имя сіе? Какъ бы вострепетали многіе, такъ называемые, благочестивые люди! Гдѣ тамъ? И почему относить укоризну сію на такое общее лице: все великое сборище Христіанъ? Впрочемъ, мы видѣли ужасы сіи во время Французской революціи: подлинно вострепетали тогда истинные Христіане и благочестивые люди! Да и быть сіе иначе не можетъ, когда сила перейдетъ на сторону буйства и безначалія, котораго ярость обращается тотчасъ на Вѣру, благочестіе и законныя власти.

Проповѣдникъ продолжаетъ (ст. 31): «Подобно тому, какъ Иродъ в Иерусалимѣ не познали тогда Христа и страшились его, такъ и днесь еще великіе и малые люди, ложное Христіанство и главы онаго, страшатся и не познаютъ его.» Вездѣ, виѣсто нѣкоторыхъ во всякомъ состояніи грѣшниковъ, проповѣдникъ говоритъ всегда на общее лице: ложное Христіанство и главы онаго. Не открывается ли изъ сего, что онъ, въ отношеніи къ какому-то своему Христіанству, называетъ наше ложнымъ, и подъ главами сего послѣдняго разумѣетъ духовныя и гражданскія власти? Продолжая такимъ образомъ говорить двусмысленно, не пропускаетъ, однако жъ, мысль свою въ иныхъ мѣстахъ яснѣе открывать. Такъ, на примѣръ, стараясь посѣять въ сердца читателей своихъ неуваженіе къ ученымъ людямъ, духовенству и властямъ гражданскимъ (стр. 33), говоритъ: «всю честь свою поставляютъ они (ученые) только въ знаніи и изслѣдованіи, думая, что довольно для нихъ, когда найдутъ Христа въ книгахъ, въ строкахъ, на бумагѣ, когда могутъ производить споры и доказывать: но въ Внѣшемъ, на самомъ дѣлѣ и по истинѣ въ ясляхъ, въ сердцѣ, въ житіи и бытіи своемъ, ниѣтъ его не хотять.» Проповѣдникъ, по видимому, запрещаетъ ученымъ искать Христа въ книгахъ, то есть, въ Священномъ Писаніи: что тамъ не о томъ Христѣ говорится, о которомъ онъ думаетъ, для того не велитъ имъ спорить и доказывать, что доказательствъ ихъ

не можно опровергнуть. Что жъ такое велить онъ имъ и всѣмъ прочимъ людямъ? Велить, искать Христа въ ясляхъ! Какъ суд-то онъ и нынѣ, по прошествіи осмнадцати вѣковъ отъ смерти и воскресенія его, находится еще во плоти младенцемъ, и намъ, какъ Волхвамъ, еще не знающимъ о немъ, надлежитъ искать его, итѣя предъ собою звѣзду, которая бы насъ вела къ нему! Не ясно ли изъ сего видѣть можно, что онъ подъ именемъ Христа и Евангелія разумѣетъ не того Христа, въ котораго мы вѣруемъ, но другого, ибо велить еще искать его въ книгахъ; а какія книги, какъ не Евангеліе, возвѣщаютъ о немъ? Онъ велить каждому возжигать внутри себя звѣзду, не изъ чтенія священ-ныхъ книгъ, не изъ Евангельскаго откровенія и правоученія, не изъ гласа разума и совѣсти, но изъ собственнаго своего побужденія, не смотря на Вѣру, на законъ и на данное намъ отъ Бога познаніе о добрѣ и злѣ. Вотъ какую звѣзду велить онъ намъ возжигать въ себѣ! И, укоряя насъ привязанностію къ книгамъ и пребываніемъ въ покоѣ и мирномъ вѣроисповѣданіи, тутъ же взываетъ: «книжная пыль имѣетъ что-то весьма привлекательнаго, что она прилѣпляетъ ученыхъ къ буквамъ и содѣлываетъ ихъ какъ бы лишенными движенія, когда надобно возстать и искать Господа.» Кто изъ сего выше означеннаго не почувствуетъ, что значать слова: возстать и искать Господа? Проповѣдникъ продолжаетъ: «О, вы бѣдныя ослѣпленныя книжники, служащіе одному только Ироду; бѣдныя ослѣпленныя, льстивыя богословы, испытующіе Священное Писаніе только тогда, когда Дворъ и знать вопрошаютъ о Христѣ, и вопрошаютъ объ немъ для того только, чтобы истребить его, а не для того, чтобы ему поклониться!» О какомъ Христѣ Дворы и знать вопрошаютъ книжниковъ и богослововъ для истребленія его? Иродъ помышлялъ сіе; но по чему же, указуя на тѣ времена, говорить такъ, какъ будто бы нынѣшніе Цари были Ироды? Для чего всѣхъ ученыхъ богослововъ называетъ ослѣпленными льстецами, служащими одному только Ироду? Да и при самомъ Иродѣ Іоаннъ Креститель обращалъ его къ вѣроисповѣданію во Христа.

На стр. 36-й проповѣдникъ разсуждаетъ: «они (т. е. бого-словы) вопрошаютъ о времени явленія звѣзды, о пришествіи и

будущности Иисуса, хотѣть проникнуть тайну и глубину Библіи, но не слѣдуютъ той звѣздѣ, которую обрѣли. Кто чистосердечно и тщательно ищетъ свѣтъ Христа, тотъ найдетъ его и узритъ такъ, какъ Волхвы .....» (Сужденіе, съ истинною вещей не-сообразное: Волхвы видѣли его тѣлесными очами во плоти, — мы, въ наше время, ни найти, ни видѣть его такимъ образомъ не можемъ). «Иродъ, желалъ также видѣть тотъ свѣтъ, и желаніе его было искреннее. Онъ велѣлъ умертвить многія тысячи дѣтей, искомага же младенца, однако жъ не нашелъ: ибо тотъ младенецъ, отъ него устранился: чѣмъ болѣе онъ объ немъ развѣдывалъ, тѣмъ больше младенецъ отъ него удалялся.....! .....» (Какимъ же образомъ желаніе Ирода найти и узрѣть Христа было искреннее, когда онъ искалъ убить его?). «Иродъ (продолжаетъ проповѣдникъ) представляетъ здѣсь образъ тѣхъ людей, которымъ свѣтъ не всходитъ, сколько бы они его ни искали. Но по какой причинѣ? Вѣдь они вопрошаютъ объ ономъ и желаютъ оный имѣть: по чему же Богъ попускаетъ ихъ впадать въ заблужденіе? По чему могуществомъ его не проповѣдуется Евангеліе всѣмъ людямъ, и звѣзда истины имъ не восходитъ?—«Для того, чтобы они не сдѣлались дьяволами и врагами Божиими, подобно Ироду».—Когда Христіанскіе проповѣдники говаривали такимъ безбожнымъ и даже безразсуднымъ языкомъ? Богъ попускаетъ людямъ впадать въ заблужденія, для того, чтобы они не сдѣлались ему врагами! Да если бъ и о человѣкѣ сказать, что онъ попускаетъ другому упасть въ яму, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлался ему непріателемъ; то и человѣка сего нельзя назвать добрымъ; а проповѣдникъ говоритъ это о Богѣ, о всемогущемъ и всеблагомъ существѣ: Да и какимъ образомъ человѣкъ въ заблужденіи не есть врагъ Богу, а выведенный изъ заблужденія сдѣлается таковымъ? И Богъ его опасается, и для того попускаетъ впадать въ заблужденія! Нельзя не удивляться слабости ума того слушателя, кто, не бывши въ единомысліи съ проповѣдникомъ, приѣмлетъ толь явныя нецѣлности его за нѣкую сокрытую въ нихъ мудрость. Далѣе проповѣдникъ даетъ читателямъ своимъ слѣдующіе со-

* Известно, что проповѣдникъ привлекалъ къ себѣ многихъ слушателей, изъ которыхъ многіе слѣдвали его проповѣданію.

гъты: «Удались только охотно изъ высокаго Святаго Иерусалима, гдѣ господствуетъ гордость и пышное великолѣпіе, книжная мудрость и властолюбіе, и бѣги въ униженный и презрѣнный Вводемъ; не останавливайся въ мірѣ, и у Князей мірскихъ, дабы они не запутали тебя въ свои сѣти величіемъ и знатностію, почестіями и свѣтскими обѣщаніями!» Изобразя такими красками иъ Дворы и Князей мірскихъ, и приказывая всякому бѣжать и удаляться отъ нихъ, какъ отъ гѣькакой заразы, проповѣдникъ, остерегая своихъ слушателей и читателей отъ притворной ласки иъ и благосклонности, продолжаетъ свои совѣты: «Не будьте слишкомъ довѣрчивы, возлюбленные мои! Тогда-то и оружіе всего нужиѣе, поелику тогда настонтъ величайшая опасность. Когда міръ, или люди мыслящіе по мірскому, приемяютъ видъ смиренія и святости, то не имѣютъ они по истинѣ другого нагѣренія, кромѣ подобнаго Иродову, а именно: цѣлятъ умертвить въ сердцахъ вѣрующихъ силу и жизнь Иисуса Христа, или, разгѣдавъ о расположеніи сердець, предать ихъ врагамъ. Они пресыкаются въ слѣдъ за младенцемъ, также подъ видомъ поклоненія ему, въ самомъ же дѣлѣ они управляютъ и внушенъ Княземъ міра сего, который старается погубить младенца, опасаясь, чтобъ оный не взросъ и не лишилъ его царства и престола.» Какая опасность настонтъ и по какой недовѣрчивости проповѣдникъ велитъ готовиться къ оружію? Ни кто изъ Князей мірскихъ не возстаеъ на разрушеніе Вѣры, ни кто изъ Христіанскихъ Государей не думаетъ, что Христосъ возрастаетъ и придетъ у него отнять царство и престолъ. Какъ возрасти тому, кто давно уже возросъ, умеръ и воскресъ? По какому приличію дѣла и мысли Ирода относить на цынѣшнихъ Царей? Не льно ли и здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, открываеъся хитрость проповѣдника, что онъ, подъ именемъ младенца Христа, разумѣетъ революцію, то есть, разрушеніе Православныхъ церквей и престоловъ? О ней говоритъ, что Князья мірскіе, разгѣдавъ о расположеніи сердець, стараются потушить ее, не дать возрасти младенцу, и что, не смотря на ихъ кротость и смиреніе, не надобно довѣрять имъ, а должно готовить противъ нихъ оружіе.

На страницахъ 41 и 42 въ такомъ же смыслѣ продолжаеъ онъ: «Когда мы надолго остаеъмся съ мертвыми и холодными

учеными въ большомъ градѣ сего міра, или съ вельможами и царедворцами, на нихъ смотримъ и у нихъ спрашиваемъ, тогда теряемъ мы звѣзду; но если мы, оставя все то, пойдемъ путемъ, ведущимъ къ Іисусу, то найдемъ опять звѣзду истиннаго свѣта.» По чему проповѣдникъ почитаетъ самыми худыми людьми всѣхъ безъ изыятія ученыхъ, всѣхъ вельможъ и царедворцевъ? По чему безпрестанно о томъ твердить? По чему ихъ всѣхъ называетъ мертвыми и холодными? Да онъ, живой и горячій, къ какому классу людей принадлежитъ? Для чего не позволяетъ намъ смотрѣть на почтенныхъ вельможъ и царедворцевъ? Для чего не позволяетъ намъ спрашивать и поучаться закону Божию у благочестивыхъ священнослужителей? Какую звѣзду потеряемъ мы чрезъ то, и по чему тогда найдемъ ее опять, когда ихъ оставимъ? Что жъ бы еще возмутительнѣе и развратнѣе сего могъ сказать и самъ посланный изъ преисподняго царства? Мудрено ли послѣ сего видѣть, къ какому Іисусу хочетъ онъ звѣздою своею вести тѣхъ, кои его послушаютъ? Онъ продолжаетъ: «Если ты найдешь гдѣ только буквальное или притворное Христіанство, то не долженъ тамъ останавливаться, но искать Христа живаго?» Что такое буквальное Христіанство? Кто не догадается, что подъ этимъ разумѣются книги Священнаго Писанія? Что такое искать Христа живаго? Какой Христіанинъ почитаетъ Христа Бога мертвымъ? Слѣдовательно, проповѣдникъ говоритъ о какомъ-то своемъ Христѣ, который, по его мнѣнію, еще живъ и во плоти. Онъ продолжаетъ: «Они (Волхвы) мнили, что должны найти Іисуса во Іерусалимѣ, во св. градѣ; а гдѣ жъ иначе, если не тамъ? Тамъ храмъ, тамъ святиня, тамъ первосвященство, богослуженіе и проч.» Вотъ съ какою насмѣшкою проповѣдникъ говоритъ о храмахъ, первосвященникахъ, богослуженіи; вотъ что называетъ мертвою ученостию, ложнымъ буквальнымъ Христіанствомъ? И потомъ продолжаетъ: «но, при всемъ добромъ ихъ мнѣніи, потеряли они звѣзду, и не узрѣли оной прежде, какъ вышедши изъ сего, такъ называемаго, святаго града. Разумѣющій да разумѣеть.» Вотъ какъ проповѣдникъ обнаруживаетъ себя, что онъ не о той Вѣрѣ говоритъ, въ которой всякъ наставленъ и читаетъ въ молитвахъ, или слышитъ во храмахъ Божіихъ, но о другой тайной, ему только, съ обращенными уже въ нее, извѣстной, въ которой всякое начальство и богослуженіе

опровергается: и какъ такое ученіе еще опасно явно проповѣдывать, то онъ иногда, закрывая себя личиною истиннаго Вѣроисповѣданія, иногда выглядывая изъ подъ ней и показываясь въ собственномъ своемъ видѣ, говоритъ разумѣющій да разумѣетъ.

Сколько ни станемъ мы разсматривать сію книгу, нигдѣ не найдемъ въ ней ни чего Евангельскаго, ни чего правоучительнаго, но вездѣ твердится только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитали привыкли. Такъ, на стр. 50-й учитъ онъ своего слушателя: «Старую дорогу долженъ ты оставить на всегда и на вѣки, если не хочешь попасть въ руки Ироду, книжникамъ и первосвященникамъ, кои Христа или умерщвляютъ, или опровергаютъ, или предають проклятію». . . . . (Дерзкая и безстыдная ложь! Когда и гдѣ первосвященники предавали Христа проклятію?). Такъ, на стр. 52-й говоритъ: «Кто его (Христа) любитъ, тотъ не захочетъ нигдѣ быть въ нѣгѣ и къ мѣсту своему не прилѣпляется такъ, чтобы не быть готовымъ, ради Христа, вырваться изъ объятій нѣжнѣйшихъ своихъ друзей и послѣдовать обязанности своего званія и исполненію дѣла Божія. Христіанинъ не желаетъ имѣть инаго отечества, кромѣ обширнаго шара земнаго, принадлежащаго Господу.» Не разврату ли, не суцѣ ли разрушенію всѣхъ добродѣтелей учитъ насъ здѣсь проповѣдникъ? Священное Писаніе говоритъ намъ: не любя своего ближняго, ты не можешь любить Бога, а проповѣдникъ велитъ намъ вырваться изъ объятій и нѣжнѣйшихъ друзей нашихъ, не велитъ имѣть отечества, слѣдовательно, ни алтаря, ни Государя, ни отца, ни брата, и, потушая въ насъ любовь ко всему священнѣйшему, называетъ это обязанностію нашего званія и исполненіемъ дѣла Божія! Перо падаетъ изъ рукъ моихъ, гнушаясь описывать столь пагубныя и злочестивыя внушенія.

На стр. 62 говоритъ онъ: «Ожидай только, возлюбленная душа, вверженная Иродомъ въ Египетъ, въ жалостное положеніе, ожидай еще нѣскольکو, и твой Иродъ умретъ, и твое гоненіе кончится, и ты возвратишься опять въ землю Израильскую.» Проповѣдникъ это говоритъ самому себѣ и своимъ слу-

шатеялмъ; въ какомъ же они, или души ихъ, находятся гоненіи? Кто свергъ ихъ въ жалостное положеніе? Чего велеть онъ подождать еще нѣсколько? Кого разумѣть подь именемъ Ирода, по чему пророчить ему скорую смерть? Темныя загадки! Но кто просвѣщенъ истиннымъ свѣтомъ Евангелія, чья душа чиста незлокозненна, тому не трудно отгадать ихъ и отъ нихъ содрогнуться.

Въ иномъ мѣстѣ (стр. 74), укоряя тѣхъ, которые почитаютъ себя рожденными въ истинной Вѣрѣ, говоритъ: «Рожденіе ваше (т. е., рожденіе въ Христіанскомъ законѣ), имя (т. е., Христіанинъ), мечтанія (т. е., богопочитаніе и вѣроисповѣданіе), не содѣлають васъ блаженными. Надобно быть учениками Христовыми (т. е., того мнимаго существа, которое проповѣдникъ называетъ Христомъ), и послѣдовать его ученію (т. е., тому ученію, какое онъ и единомышленники его въ книгахъ своихъ распространяють), надобно принести истинное покаяніе (т. е., раскаяться въ томъ, что былъ Христіанинъ), обратиться и уподобиться дѣтямъ (т. е., слѣпо разсуждая, подобно ребенку, вступить въ ихъ секту), со Іисусомъ тѣсно соединиться, какъ виноградныя кисти соединены съ лозою; все прочее (т. е., всѣ догматы Вѣры) есть обманъ и саморазвращеніе. Будьге вы какими ни были и называйтесь какъ хотите, Богъ къ вамъ не привязанъ; онъ можетъ изъ камней произвести чадъ Аврааму, изъ каменныхъ сердець и изъ совершенно закоснѣлыхъ грѣшниковъ содѣлать чадъ Божіихъ, между тѣмъ какъ вы, состоя въ Православной Церкви, при всей тщетной славѣ и ложномъ упованіи на вашу устную вѣру и наружно честное житіе, останетесь чадами діавола и ада.» Ясны ли сіи слова? Нужно ли послѣ сего еще выводить, что проповѣдникъ учитъ не чрезъ Церковь соединяться съ Христомъ, но мимо ее ити къ нему, и, слѣдовательно, не къ тому Христу, который есть глава Церкви, но къ другому, подь симъ именемъ разумѣмому. Сей Христосъ его, по настоящему имени Антихристъ, или народное буйство, отпадшее отъ Вѣры вездѣ, имъ и сообщниками его проповѣдуется; за него-то ходатайствуя, старается онъ очернить и Церковь, и первосвященниковъ, и Царей, и вельможъ, словомъ, всѣ духовныя и гражданскія власти, и говоритъ, что, оставаясь въ той Вѣрѣ, какая нынѣ всѣми

Христіанами исповѣдуется, мы становимся чадами діавола и ада, которыхъ слуги (присовокупляетъ онъ на страницѣ 94) именуются Князьями, Властелинами и Господами міра сего.

Почитая излишнимъ, при толь ясныхъ и очевидныхъ злонамѣреніяхъ, разсматривать далѣе книгу сію, наполненную далѣе вездѣ злочестивыми и возмутительными мыслями, обязаны мы, по долгу вѣрноподданнаго къ Государю и по любви къ Отечеству, обратить вниманіе Правительства и на другія, подобныя и столь же вредныя, книги, въ разныя времена изданныя и къ одной и той же цѣли стремящіяся, то есть, къ возмущенію народа противъ Православія и Престоловъ подъ видомъ таинственныхъ ученій и темныхъ толкованій Библии. Неоднократно открывалось уже сіе, но, оставаясь въ прежнемъ положеніи, умножалось, росло, усиливалось въ дерзости и достигаетъ до великихъ успѣховъ. Высылка и наказаніе частныхъ лицъ не могутъ сего пресѣчь и отвратить. Одинъ подобный проповѣдникъ будетъ высланъ,—другой на мѣсто его явится, и прежде нежели распространяемая имъ ересь дойдетъ до свѣдѣнія, принесетъ уже много зла, да и по высылкѣ его, онъ уѣдетъ, а сѣмена посѣяннаго, имъ разврата остаются созрѣвать и приносить плоды. Частное наказаніе Цензора за проступокъ сей, и другихъ, подобныхъ же книгъ, также ни чего не пособитъ; ибо Цензоръ, во первыхъ, можетъ не имѣть достаточнаго проицанія во вредъ, прикрытый въ нихъ мнимую пользою наставленія въ Вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣдываніе и печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ отвлекаетъ Цензора отъ сомнѣнія въ пропускѣ перевода съ оныхъ, и если бы и увидѣлъ онъ что либо сомнительное, то опасается изъявить свое сомнѣніе, при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ сими сочинителямъ и переводчикамъ. И такъ зло сіе, отчасу больше усиливающееся, не можетъ иначе быть отвращено, какъ пресѣченіемъ покровительства оному и удержаніемъ его въ самомъ началѣ, срывая съ него, подъ какимъ бы видомъ оно ни явилось, личину лжеученія. Для сего нужно имѣть многихъ избранныхъ и благомыслиемъ своимъ извѣстныхъ Цензоровъ, надъ которыми должно учредить Высшій Цензурный Комитетъ, который бы состоялъ не изъ одного, но изъ пяти, или, по крайней мѣрѣ,

четырехъ Духовныхъ и Государственныхъ особъ, къ коимъ бы Цензоры, въ случаѣ сомнѣній своихъ, могли относиться.

Подъ вѣдѣніемъ сего Комитета должны состоять не только всѣ, издаваемые на Россійскомъ языкѣ, книги, но и всѣ иностранныя, привозимыя сюда, или здѣсь печатаемыя; также и образъ ученія, преподаваемый во всѣхъ Университетахъ, Гимназіяхъ и Училищахъ, за которыми надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ Профессоры и Учители преподавали науки по извѣстнымъ книгамъ, а не по рукописнымъ тетрадамъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, но собственнымъ своимъ, правиламъ и мыслямъ. Всѣ другія мѣры окажутся недостаточными къ удержанію и отвращенію сего, подъ видомъ просвѣщенія и толкованія Священныхъ Писаній, распространившагося зла, требующаго, для общаго спокойствія и спасенія отъ него, яко отъ заразительнаго педуга, дѣятельныхъ мѣръ и неусыпнаго надзора.

Надзоръ сей долженъ состоять не въ одномъ обращеніи вниманія своего на прекращеніе подобными книгами и внушеніями распространять духъ дерзости и ослабленія, но въ дѣятельномъ и строгомъ изслѣдованіи всѣхъ, происшедшихъ отъ того, золъ и успѣховъ, не въ однихъ столицахъ и училищахъ, но внутри и въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи.

Мы читаемъ въ иностранныхъ Вѣдомостяхъ (Journal de Francfort № 119, 28 Avril, 1824, de Pétersbourg): «M. le docteur Ignace Fessler, Surintendant du Consistoire Évangélique de Saratow, qui compte plus de 600,000 colons aisés et Industriels, a fait tout récemment un voyage d'inspection de plus de 6,000 werstes dans les nouveaux Gouvernements, soumis à son diocèse.» Таковыя обширныя порученія иностраннымъ проповѣдникамъ и учителямъ, изгнаннымъ изъ ихъ отечества, или, по крайней мѣрѣ, признаваемымъ за людей худыхъ правилъ и, можетъ быть, нарочно посылаемыхъ къ намъ для разрушенія мира и тишины, необходимо должныствовали, какъ и слышно, произвести не малые плоды посяганіемъ въ простомъ народѣ всякихъ ересей и буйства. Великость сихъ успѣховъ, разными средствами произведенныхъ, требуетъ строжайшаго и неукоснительнаго обращенія къ потушенію

сего огня, безпрестанно поджигаемого иностранцами, и который, при малѣйшихъ еще поущеніяхъ, легко можетъ сдѣлаться неугасимымъ.»

(Разборъ сей читанъ мною въ Комитетѣ Гг. Министровъ 20 Маія, 1824 года.)

---

30 числа Октября (1824) былъ я у Графа Аракчеева и читалъ ему нѣкоторыя бумаги, съ которыми онъ согласился и общалъ мнѣ во всѣхъ намѣреніяхъ моихъ содѣйствовать. На третій день, извѣстясь о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ, писалъ я къ нему слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Въ прежнихъ письмахъ моихъ имѣлъ я честь объяснить Вашему Сіятельству о продолжающихся и нынѣ покушеніяхъ и стараніяхъ продолжать собранія Библейскихъ Обществъ и распространять не переводы, а, такъ сказать, перекладку Священныхъ Писаній съ высокаго и важнаго языка на простонародное нарѣчіе: два сильнѣйшія орудія революціонныхъ замысловъ. Теперь почитаю себя въ необходимой обязанности препроводить къ вамъ новѣйшія тому свидѣтельства, а именно: ежемѣсячно издаваемую книжку подъ названіемъ: «Извѣстія о сихъ Обществахъ,» гдѣ ихъ дѣла до небесъ превозносятся, и другую: «Краткій Катихизисъ,» здѣсь, въ Синодальной Типографіи, недавно въ числѣ, какъ слышно, осмнадцати тысячъ экземпляровъ, напечатанную. Я имѣю причины (о которыхъ въ свое время не оставлю подробнѣе донести) просить Ваше Сіятельство доложить о семъ Государю Императору и принять неукоснительныя мѣры, чтобъ издаваніе первой изъ сихъ книжекъ и разсылки второй теперь же, по крайнѣй мѣрѣ, до ближайшаго разсмотрѣнія оной, остановить; ибо если сія послѣдняя повсюду разоидется, то уже дѣйствіемъ, ею произведеннаго, отвратить будетъ не можно. Не разсуждая уже о нѣкоторыхъ, введенныхъ въ нее, не совѣмъ со-

гласныхъ съ ученіемъ нашей Церкви правилахъ. одно только то, что въ ней главнѣйшія молитвы, составляющія духовное наше воспитаніе и которымъ каждый отецъ пріучаетъ едва начинающаго еще лепетать своего сына, молитвы, въ которыхъ каждая буква должна казаться намъ неприкосновенною и священною, молитвы таковыя, какъ Отче нашъ, и Вѣрую во единого Бога, также и Заповѣди Господни, переложены на простой языкъ, переименованы и нарочно, для сильнѣйшаго впечатлѣнія сей важной перемены, напечатаны Церковными буквами; одно только сіе показываетъ уже, съ какимъ намѣреніемъ тиснуто оной огромное количество. Слѣдуя долгу званія моего, надлежало бы мнѣ тотчасъ во всѣ Училища разослать приказаніе, чтобъ нигдѣ помянутыхъ книжекъ не принимали, но, поставленный въ затрудненіе дѣйствовать во благо Церкви, Государя и Отечества, я буду ожидать или разрѣшенія на то, или увольненія меня отъ такового званія, въ которомъ не могу быть полезенъ, и долженъ, попуская возрастать и усиливаться прежнимъ стараніямъ и работамъ, съ укореніемъ совѣсти моей видѣть себя содѣйствующимъ въ томъ, что, по моимъ понятіямъ, можетъ принести крайній вредъ Благочестію, правамъ и, слѣдовательно, Государству и Человѣчеству.

Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть *

Вашего Сіятельства

покорный слуга А. Ш.»

Ноября 3 числа увидѣлся я съ Графомъ Аракчеевымъ въ Комитетѣ Гг. Министровъ. Онъ показалъ мнѣ мои, прежде писанныя къ нему, два письма, съ подчеркнутыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ строками, сказавъ: «Государь Императоръ приказалъ у васъ спросить, для чего же вы по этому не дѣйствуете?» Я при семъ случаѣ сдѣлалъ ему свой вопросъ: «Развѣ вы послѣдняго письма моего къ вамъ Ему не читали.» Онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, а покажу завтра.» Тутъ мы разстались. На другой день по утру пріѣхалъ онъ ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что Его Величеству угодно, чтобъ мы вмѣстѣ съѣздили къ Митрополиту, и съ нимъ, какъ о ежемѣсячномъ издаваніи «Извѣстій о Библейскихъ Обще-

ствахъ.» такъ и о «Краткомъ Катихизисѣ» объяснились. Того жъ числа, въ 6 часовъ по полудни, отправились мы къ Митрополиту. Я началъ говорить, что хотя ни какихъ гласныхъ повелѣній о прекращеніи Библейскихъ Обществъ не дано, однако жъ съ сѣюй переѣны Министерства Просвѣщенія намѣреніе склонилось уже къ тому, чтобъ нигдѣ объ нихъ не упоминать. Какимъ же образомъ здѣсь въ Петербургѣ, подъ его начальствомъ, продолжаютъ издавать объ нихъ извѣстія, и превозносить ихъ похвалами, тогда какъ въ цѣли и распространеніи оныхъ открывается явный вредъ? Митрополитъ отвѣчалъ, что какъ за этотъ годъ собраны уже подписки на сей журналъ, то онъ велѣлъ продолжать его до истеченія года, а съ будущаго Генваря оный прекратится. На сіе возразилъ я: гдѣ идетъ дѣло о вредѣ, наносимомъ Вѣрѣ и нравственности, и который и такъ уже сильно распространился, можно ли тамъ попускать еще болѣе распространяться и утверждаться оному для сбора нѣкотораго числа денегъ? Сверхъ того, съ переѣною Министерства всѣ благомыслящіе люди ожидали и переѣны направленія умовъ отъ прежней худой въ хорошую сторону; но когда чрезъ полгода, или болѣе, увидать то жъ самое, что было доселѣ, то какое изъ того родится ободреніе и торжество для тѣхъ, которые всѣми силами и хитростями стараются не дать сдѣлаться сему перелому? Послѣ сего сужденіе обращено было на выше означенный «Краткій Катихизисъ», Архіереемъ Филаретомъ написанный и Синодомъ утвержденный. Митрополитъ защищалъ въ немъ переводъ молитвъ, и вообще всѣ переводы Священнаго Писанія съ Славенскаго (какъ всѣ, не знающіе языка своего, журналисты говорятъ) на Русской языкъ, утверждая, что многіе Славенскаго языка не разумѣютъ. Тутъ не могъ я сохранить своего хладнокровія. Какъ! сказалъ я съ жаромъ, кто изъ насъ не разумѣетъ церковной службы? Развѣ тотъ одинъ, кто, отрекшись отъ отечества своего, забылъ и языкъ свой! Можно ли съ разсудкомъ повѣрить, что: «Вѣрую во единого Бога» мы не понимаемъ, а «Вѣрую въ одного Бога,» понимаемъ? Что «Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ,» есть чуждый намъ Славенскій, а Отче нашъ, сущій на небесахъ» собственный нашъ Русскій языкъ? И нужно ли на семъ, да позволено сказать, толь неосновательномъ мнѣніи основывать надобность раздѣленія языка Церкви съ языкомъ

народнымъ? И можетъ ли мнимая надобность сія, уронивъ важность Священныхъ Писаній, произвестъ иное, какъ не ереси и расколы? Митрополитъ подтверждалъ еще мнѣніе свое слѣдующими словами: «Да куда жь дѣваться намъ съ такимъ множествомъ напечатанныхъ книгъ?» Тутъ едва удержался я въ предѣлахъ должнаго къ священному сану уваженія. Графъ Аракчеевъ также не вытерпѣлъ и сказалъ: «Не о деньгахъ дѣло идетъ: пусть ихъ пропадаютъ, лишъ бы остановить и сколько можно отвратить слѣланное зло.» На послѣдокъ, по долгомъ прѣнніи, общее заключеніе было такое, что Библейскія Общества должно прекратить, переводъ Священныхъ Писаній на простое нарѣчіе не выпускать и «Краткій Катихизисъ» остановить.

По прїѣздѣ сюда Государя Императора былъ я у него съ поздравленіемъ. Онъ принялъ меня милостиво, рассказывалъ о путешествіи своемъ и, отпуская меня, сказалъ: «Въ субботу увидимся.»

7 числа (въ пятницу) было несчастное паводненіе, причинившее столько бѣдствій и вреда всему городу и всѣмъ его окрестностямъ.

8 числа получилъ я записку, что Государь Императоръ въ сей день принять меня не можетъ, а приказываетъ мнѣ быть къ Нему съ докладами завтра, въ 7 часовъ по полудни.

9 числа, въ назначенное время, явился я къ Нему. Онъ долго съ сокрушеннымъ сердцемъ разговаривалъ со мною о случившихся несчастіяхъ, о многихъ погибшихъ людяхъ, и о повсемѣстномъ разореніи. Наконецъ приказалъ читать бумаги. Я предупредилъ его слѣдующею рѣчью: «Государы! Вы столько всегда были ко мнѣ милостивы, что приучили меня говорить Вамъ откровенно, и по тому все, что Вы въ разныхъ бумагахъ моихъ слышать будете, есть безо всякаго опасенія и утайки совершенное чувствъ моихъ изліяніе. Я иду прямою дорогою, могу обманываться, но хитростей и уловокъ ни какихъ не знаю.» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Я люблю откровенность, и благодарю тебя за то; Мнѣ надоѣли тѣ лицемѣрія и увертки, въ которыхъ нель-

ля распознать правду съ ложью. Впрочемъ, мы всѣ люди, и обманываться всякъ можетъ. Читай!» Послѣ сего началъ я читать слѣдующія моею рукою писанныя бамаги:

«Въ 1818 году издана была, сочиненная на Россійскомъ языкѣ, одобренная Духовною Цензурою, книга подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души.» О книгѣ сей, тотчасъ по изданіи ея, донесено было Вашему Величеству, яко бы она содержала въ себѣ зловердныя и противныя нашему Вѣроисповѣданію правила; въ слѣдствіе чего книга сія запрещена и у всѣхъ отобрана; сочинитель ея, Станевичъ, высланъ изъ столицы, а Цензору, пропустившему ее, покойному Архимандриту Иннокентію, сдѣланъ строжайшій выговоръ. Нынѣ же, въ прошедшемъ Августѣ мѣсяцѣ, книга сія, оставшаяся въ одномъ только экземплярѣ у покойнаго Митрополита Михаила, препровождена была ко мнѣ чрезъ Статсъ-Секретаря Кикина, съ тѣмъ, чтобъ я, по разсмотрѣніи ея, донесъ о ней Вашему Величеству. Исполняя повелѣніе сіе, я въ мнѣніи моемъ сказалъ, что прежнее донесеніе о ней было несправедливо, что, напротивъ того, она, защищая Церковь и Вѣру, опровергаетъ тѣ ложныя понятія, которыя къ вреду Благочестія и Правительства во многихъ книгахъ разсѣяны; но, видѣвъ съ симъ, просилъ, чтобъ, не полагаясь на одно мое мнѣніе, повелѣно было книгу сію разсмотрѣть духовнымъ особамъ. По соизволеніи на то Вашего Величества отослалъ я оную къ здѣшнему Митрополиту Серафиму, который нынѣ, при письмѣ своемъ ко мнѣ, прислалъ данный ему объ оной слѣдующаго содержания рапортъ:

Рапортъ Митрополиту.

«Сего 1824 года, Сентября 12 дня, благоугодно было Вашему Высокопреосвященству, приказомъ предписать намъ приложенную при немъ книгу, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» пересмотрѣть тщательнѣйшимъ образомъ и о достоинствахъ ея представить съ мнѣніемъ своимъ. Въ исполненіе сего приказа мы разсматривали оную книгу и, по разсмотрѣніи, сдѣлали о ней такое заключеніе, что книга сія по духу своему совершенно сообразна съ ученіемъ Вѣры и на-

шей Православной Церкви, и даже есть плодъ сильной ревности по Вѣрѣ и пламеннаго усердія къ Церкви. Сочинитель ея, разсуждая о безсмертіи души, обращаетъ свое вниманіе на тѣ пагубныя мудрованія, которыя у насъ съ нѣкотораго времени во многихъ книгахъ разсѣваются, и которыхъ распространители, проповѣдая мечтательное благочестіе и мнимодуховную свободу, и свое лжеученіе подтверждая словами Священнаго Писанія, превратно изъясняемыми, стараются обольщать сердца, способныя увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, истреблять въ нихъ покорность Вѣрѣ и Церкви, унижать священныя дѣйствія богослуженія, и внушать неуваженія къ служителямъ Алтаря, и, такимъ образомъ, потрясая основанія Церкви и развращая нравственность народную, угрожаютъ опасностію благоустройству и благоденствію Государства, которыя всегда неразлучны съ благосостояніемъ Вѣры и Церкви. Сіи пагубныя мудрованія сочинитель «Бесѣды о безсмертіи души» раскрываетъ, обличаетъ и опровергаетъ съ такою ревностію и съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какія свойственны усердному сыну Церкви и Отечества. По сему мы полагаемъ, что книга сія можетъ производить весьма полезныя дѣйствія въ сердцахъ читателей: однихъ предостерегая отъ вводящихъ раздѣленія и соблазны противъ ученія, которому научаетъ Святая Церковь, а другимъ открывая глаза на тѣ заблужденія, въ которыя они по невѣдѣнію могли быть вовлечены злыми дѣлателями, кои ласковыми и красивыми словами обольщаютъ сердца простодушныхъ. О такомъ исполненіи приказа Вашего Высокопреосвященства симъ покорнѣйше рапортуемъ.»

На подлинномъ подписано:

«Протоіерей Тимоѳеѣй Вещезѣровъ.

Профессоръ Академіи, Священникъ Іоакимъ Кочетовъ.»

Октября 1-го дня,
1824 года.

Сей рапортъ присланъ ко мнѣ при слѣдующемъ отъ Митрополита письмѣ:

«Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государы!

Въ слѣдствіе почтеннѣйшаго Вашего Высокопревосходительства, отъ 10 прошедшаго Августа, отношенія, при которомъ изволили Вы, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, препроводить ко мнѣ на разсмотрѣніе книгу, подъ заглавіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» препоручилъ я ее разсмотрѣть Протоіерею Спасосѣиновской церкви, Тимоѣею Вещезѣрову, и здѣшней Духовной Академіи Профессору, Священнику Іоакиму Кочетову, и какое получилъ отъ нихъ о достоинствѣ книги сей мнѣніе, оное въ подлинникѣ прилагаю при семъ, съ таковымъ, съ моей стороны, заключеніемъ, что я, прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ книгу сію, нашелъ въ ней всѣ тѣ достоинства, каковыя прописаны во мнѣніи Протоіерея Вещезѣрова и Священника Кочетова. Возвращая помянутую книгу, честь имѣю быть, и проч.»

На подлинномъ подписано:

«Серафимъ, Митрополитъ Новгородскіи и С.-Петербургскіи.»

6 Октября, 1824 года.

Здѣсь нужно замѣтить, что въ томъ же году, тотчасъ по завершеніи сей книги, дано было циркулярное предписаніе слѣдующаго содержанія:

«Чтобъ Цензурные Комитеты, при разсматриваніи сочиненій и переводовъ, предполагаемыхъ къ печатанію вторымъ, третьимъ и вообще возобновляющимся тисненіемъ, наблюдали строжайше, дабы несоотвѣтствующія настоящимъ видамъ Правительства мѣста въ книгахъ сихъ, содержащія въ себѣ мысли и духъ противный Религіи Христіанской, обнаруживающія или вольнодумство, безбожничество, невѣріе и неблагочестіе, или своевольство революціонной необузданности, мечтательнаго философствованія, или же опорочиваніе догматовъ Православной Церкви, и тому подобное, были непремѣнно запрещаемы къ печатанію, хотя бы въ напечатанныхъ книгахъ ирже находилось.»

Предписаніе сіе дано было тотчасъ по запрещеніи помянутой книги, «Бесѣда на гробѣ младенца;» слѣдовательно, какъ по донесенію объ ней, такъ и по сему, неукоснительно за тѣмъ воспослѣдовавшему, предписанію, очевидно явствуетъ, что она была поводомъ сего, и что къ ней относится выраженіе «не соотвѣтствующей настоящимъ видамъ Правительства.» Вскорѣ за сѣмъ, по опредѣленію Духовныхъ Училищъ, какъ бы для показанія, въ чемъ состоятъ настоящіе виды Правительства, не только не въ маломъ количествѣ выпущены, но съ назначеніемъ цѣны разосланы для чтенія книги таковыя, какъ: «Опытъ дѣятельнаго ученія о дѣйствіи Св. Духа въ душахъ», «Воззваніе къ челоувѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова», и многія другія прямо противныя догматамъ нашей Вѣры, и тѣмъ правиламъ, какія въ помянутомъ предписаніи означены. Изъ сего ясно открывається, что книги, писанныя въ духѣ Вѣры и въ защиту благочестія, выдавались за зловредныя, и не только не были терпимы, но тщательно истреблялись, а сочинители ихъ подвергались гоненію. Отсюда не меньше ясно и то, что когда съ подобными книгами поступаемо было такимъ образомъ, то сіе не могло быть для ниаго намѣренія, какъ для того, дабы не препятствовали онѣ внушать и распространять противныя имъ ложныя ученія и наставленія. Если обратить вниманіе на все то, что въ семъ намѣреніи напечатано и нарочно разсылаемо было для чтенія въ народѣ и во Училищамъ, если взглянуть при томъ и на другія разныя средства, къ размноженію сего употребленныя, и если исчислить усилія, чрезъ не малое время въ прельщеніи умовъ и въ воспитаніи юношества произведенныя, то ужасная истина сія откроется во всей своей очевидности. Сія борьба своевольства съ законами появилась сперва въ хитрыхъ словахъ и тайныхъ шепотахъ; но скоро, возвыся голосъ, стала вопіять громче, яснѣе и дерзновеннѣе. Подъ личиною новой набожности и новаго просвѣщенія, она произвела новыя понятія, поколебала и раздѣлила мнѣніе людей о самаважнѣйшихъ для благоденствія народнаго предметахъ: о Вѣрѣ и Правительствѣ, требующихъ непремѣнно одинаковыхъ мыслей и единоподушія. Усилясь въ дерзкой надеждѣ своей, стала она тайный образъ свой превращать въ явный, сдѣлалась всякому извѣстною, и подала поводъ къ небывалымъ прежде и непозволеннымъ

умствованіямъ и сужденіямъ. А по тому, если противъ сего распространившагося зла не взять нынѣ дѣятельныхъ и гласныхъ мѣръ, то оно еще болѣе умножится и возрастетъ; ибо духъ благомыслящихъ людей, и такъ уже упадшій, совершенно уронить, и вознесетъ надежду тѣхъ, которые, по злонамѣренію, или по соблазну, или по легковѣрію, или по видамъ корысти, хотятъ, чтобы заблужденіе господствовало и торжествовало. Для обузданія сего вреднаго духа, почитаю я крайне нужнымъ, чтобъ гласная и рѣшительная воля Вашего Императорскаго Величества изъявлена была даншымъ на мое имя рескриптомъ, которому, если мнѣніе мое удостоится одобренія, прилагаю при семъ проектъ:

Проектъ рескрипта.

«Въ Указѣ Нашемъ, данномъ Правительствующему Сенату Февраля въ 9-й день, 1802 года, между прочими постановленіями о разсматриваніи и печатаніи книгъ, во второмъ пунктѣ объявлено: «чтобъ не было ни чего въ нихъ, противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ,» и того жъ Указа въ третьемъ пунктѣ изображено: «что принадлежитъ до книгъ Церковныхъ и вообще къ Вѣрѣ относящихся, въ изданіи ихъ поступать на точномъ основаніи Указа 27 Іюля, 1787 года.» Нынѣ, по случаю препровожденной къ Новгородскому и С.-Петербургскому Митрополиту на разсмотрѣніе книги, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души,» изъ донесеній его усмотрѣно Мною, что, въ противность помянутымъ Указамъ, многія къ Вѣрѣ относящіяся книги, часто содержащія въ себѣ ложныя и соблазнительныя о Священномъ Писаніи толкованія, печатались въ частныхъ типографіяхъ безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнія, и что, напротивъ того, книги, въ духѣ Православной нашей Вѣры написанныя, подвергались строгому запрещенію. Такимъ образомъ помянутая книга, подъ названіемъ: «Бесѣда на гробѣ младенца» (по несправедливому о ней донесенію), (1) была запрещена и отобрана, дабы не препятствовала распространяться духу другихъ, къ соблазну Вѣры выпускаемыхъ книгъ. (Правительствующій Синодъ, вопреки обязанности своей и данныхъ ему предписаній, не обратилъ на

то своего вниманія и умолчалъ о семъ) (2). Въ слѣдствіе сихъ отступленій отъ выше помянутыхъ, данныхъ Нами, Указовъ и вослѣдовавшаго отсель вреднаго просвѣщенію и нравственности направленія, повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по Училищамъ наукъ ни чего колеблющаго Вѣру и благонравіе не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и по тому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить за сямъ неусыпный надзоръ, истребляя и обличая всякія разсѣяныя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ вновь появляться онымъ. Въ важнѣйшихъ случаяхъ вы не оставите доводить сіе до Нашего свѣдѣнія. Выше означенную книгу: «Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души» (по несправедливому о ней донесенію) (3) запрещенную и нынѣ Митрополитомъ разсмотрѣнную и одобренную, повелѣваемъ вновь на казенный счетъ * напечатать **.»

(Сію бумагу Государь изволилъ оставить у Себя.)

Рескриптъ сей, спустя нѣсколько времени, нанослѣдокъ былъ подписанъ Государемъ и присланъ былъ ко мнѣ. Я велѣлъ оный тотчасъ напечатать и разослать повсюду. Въ немъ сдѣланы были нѣкоторыя перемѣны; а именно: слова, заключенныя въ скобкахъ подъ числомъ 1, 2, 3.

Сверхъ сихъ читаны были мною еще слѣдующія бумаги:

Первая.

О переводѣ Священныхъ Писаній.

«Переводы Священнаго Писанія съ высокаго языка (называемаго Славенскимъ) на простой, въ общежитіи употребляемый

*** Выпущены, и кромѣ того подъ знакомъ *, вмѣсто означенной скобками выпущенной рѣчи, прибавлено слово дозволить и подъ знаками ** прибавлено и продавать.

языкъ (называемый русскимъ), подъ предлогомъ лучшаго разу-мѣнія церковныхъ книгъ * придуманы для уменьшенія ихъ важности и поколебанія Вѣры. Можно было бы изъ многихъ примѣровъ ясно сіе доказать, но довольно и нѣсколькихъ мѣстъ для нѣкотораго въ томъ усмотрѣнія. И такъ сократимъ, сколько можемъ, разсужденіе о немъ самыми малыми примѣчаніями:

«Въ Краткомъ Катихизисѣ, недавно изданномъ, первая запо-вѣдь: «Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии развѣ мене,» изложена слѣдующимъ образомъ: Я Господь Богъ твой, да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ моимъ.» Замѣтимъ первое, что заповѣди сіи на-зываютъ мы Господними, и, слѣдовательно, почитаемъ ихъ Бо-жескими изреченіями. Благоговѣніе къ Богу и древность запечатлѣла въ умѣ и въ сердцахъ нашихъ каждое въ нихъ слово. Когда древнія дѣла рукъ человѣческихъ, какъ, на примѣръ, одѣя-ніе, или сосуды, сохраняются неприкосновенными, дабы, по пре-вращеніи ихъ въ новый видъ, не потеряли они своего достоин-ства, то какъ же дерзнуть на перемѣну словъ, почитаемыхъ ишедшими изъ устъ Божіихъ?

Второе, для чего дѣлать сію перемѣну? Какая въ томъ на-добность? Если скажемъ, что многія слова вышли изъ употреб-

---

* Мнѣніе сіе, родившееся отъ незнанія силы языка и недостатка здраваго раз-судка, заразившее не только новѣйшихъ свѣтскихъ писателей, но даже и самое духовенство, простерлось до такой степени, что въ отчетахъ Библейскихъ Обществъ сіе искаженіе Священныхъ Писаній называютъ переводомъ на при-родный Русскій языкъ, словно, какъ бы тотъ былъ для насъ чужой; отселѣ презрѣніе къ кореннымъ, самымъ знаменательнѣйшимъ, словамъ, отселѣ не-свойственность многихъ выраженій, отселѣ неразумніе сильнаго краткаго слога и введеніе, на мѣсто онаго, почерпнутой изъ чужихъ языковъ безтол-ковницы. Мнѣніе сіе такъ усилилось, что нѣкто—не журналистъ, не самоучка-стихотворецъ, не Барыня, забывшая языкъ свой въ Парижѣ,—но одинъ изъ знаменитѣйшихъ духовныхъ пастырей, защищая надобность перевода Священ-ныхъ Писаній, яко бы для лучшаго разумѣнія оныхъ, въ доказательство тому сказалъ: «При мнѣ одного Дьячка спросили, что значить слово ради, въ выра-женіи: «насъ ради распятаго», и онъ не умѣлъ отвѣчать.» Тутъ одинъ изъ слу-шателей не могъ удержаться отъ смѣха и, захохотавъ, сказалъ: «Хороши наши Дьячки, когда не знаютъ даже и такихъ словъ, которыя всеи нищіе, ходя по улицамъ, кричаемъ своимъ: «Подай ради Христа!» безпрестанно повторять.»

ленія и никто ихъ не понимаетъ, такъ это неправда: они употребляются въ Священныхъ Писаніяхъ, въ церковной службѣ, во всѣхъ высокихъ свѣтскихъ твореніяхъ, въ лѣтописяхъ и законахъ. Не знать ихъ есть утверждать отпаденіе свое отъ Вѣры, отъ языка и отъ наукъ; есть признавать, что мы ни молитвъ не читаемъ, ни въ церковь не ходимъ, и словомъ—ни чего, кромѣ простыхъ другъ съ другомъ разговоровъ не знаемъ. Подобная мысль поведетъ насъ къ заключеніямъ, что и всю церковную службу должно переложить на простонародный языкъ; ибо когда я дома стану читать переваченное Евангеліе, то изъ того непремѣнно уже послѣдуетъ, что я читаемаго въ церкви Евангелія или не буду разумѣть, или слыша въ немъ иной языкъ и складъ, не буду имѣть должнаго къ нему уваженія. Можно ли о такомъ преступномъ намѣреніи, чтобъ языкъ воспитанія отдѣлать отъ языка Церкви, подумать безъ ужаса?

Третіе, языкъ у насъ Славенскій и Русскій одинъ и тотъ же. Онъ различается только (больше, нежели всякой другой языкъ) на высокой и простой. Высокимъ написаны Священные книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, комедіи, романы и проч. Но сіе различіе такъ велико, что слова, имѣющія одно и то же знаніе, приличны въ одномъ и неприличны въ другомъ случаѣ: воззрѣть очами и взглянуть глазами суть два выраженія, не смотря на одинакое значеніе словъ, весьма между собою различныя. Когда поютъ: «Се женихъ грядетъ въ полунощи,» я вижу Христа; но когда то жь самое скажутъ: «Вонъ женихъ идетъ въ полночь,» то я отнюдь не вижу тутъ Христа, а просто какого ни будь жениха. Сколько смѣшно въ простыхъ разговорахъ говорить высокимъ Славенскимъ слогомъ, столько же странно и дико употреблять простой языкъ въ Священномъ Писаніи. Не всякъ ли бы по неволѣ разсмѣялся, если бы въ Псалтирѣ, вмѣсто: «Рече безумецъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Бога,» стали говорить: «Дуракъ говоритъ, нѣтъ Бога?» Между тѣмъ смыслъ въ сихъ двухъ выраженіяхъ есть одинъ и тотъ же. Сколько подобнаго повстрѣчается, если весь подлинникъ сличить съ переводомъ? Въ выше приведенной нами первой заповѣди мѣстоименіе «Азъ» перемѣнено въ «Я»; здѣсь, вмѣсто: «Азъ есмь Господь Богъ твой,» столько же

странно сказать: «Я Богъ твой,» сколько въ какой ни будь простой рѣчи, на примѣръ, вмѣсто: «Я ѣду въ гости,» сказать: «Азъ ѣду въ гости;» при томъ же если «Азъ» перемѣню въ «Я» для того, что первое изъ сихъ мѣстоименій неупотребительно, то и слово «Господь» въ просторѣчии также неупотребительно, и, слѣдовательно, когда одному позволено перемѣнить «Азъ» въ «Я,» по неупотребительности мѣстоименія «Азъ,» то другой, по той же самой причинѣ, перемѣнить слово «Господь» въ «Господина,» и, вмѣсто: «Азъ есмь Господь Богъ твой,» напишетъ: «Я Господинъ Богъ твой.» Не показываетъ ли одинъ сей примѣръ, до какой степени уронится важность Священныхъ Писаній? Послѣдняя въ сей заповѣди рѣчь: «да не будутъ тебѣ бози инии развѣ мене,» въ переводѣ сказана: «да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицомъ моимъ.» За чѣмъ ясную рѣчь «развѣ мене» (въ обыкновенныхъ разговорахъ «кромѣ меня») перемѣнять совсѣмъ въ иную и весьма неясную—«предъ лицомъ моимъ?» Гордость какого ни будь монаха, или хвастуна ученаго, скажетъ: такъ по Еврейски! Да кто меня увѣритъ, что онъ знаетъ всю силу Еврейскаго, толь мало извѣстнаго, языка, на которомъ писано сіе въ толь отдаленные вѣки? Кто меня увѣритъ, что онъ такой знатокъ, какого не бывало? И могу ли я согласиться дать ему переправлять не пѣсенку, не сказочку какую, но изреченія Священнаго Писанія, въ которомъ даже и къ самымъ темнымъ для меня выраженіямъ привыкъ я имѣть благоговѣніе? Но здѣсь и того нѣтъ, а напротивъ ясный смыслъ перемѣненъ въ темный; ибо: «не имѣй лиаго Бога кромѣ меня» сказано и ясно и чисто, но: «не имѣй другихъ боговъ предъ лицомъ моимъ,» есть нѣчто лусмысленное, подвергающее сомнѣнію, въ чемъ состоитъ требованіе: въ томъ ли, чтобъ не имѣть другого Бога, или въ томъ, чтобы предъ лицомъ его (то есть, изображеніемъ) не ставить изображеній другихъ боговъ? Наконецъ въ томъ Катихизисѣ, вмѣсто: «Вѣрую во едиаго Бога,» сказано: «Вѣрую въ одного Бога.» На что это? Не уже ли есть такіе люди, которые «во едиаго» не понимаютъ, а «въ одного» понимаютъ? Ежели такъ, то за чѣмъ же оставлено «вѣрую?» ибо мы въ простыхъ разговорахъ не говоримъ «вѣрую,» «а вѣрю.» Трудно доказать надобность, но не трудно сыскать причину сихъ переводовъ, очевидно состоящую въ томъ, чтобъ, согласно съ намѣреніемъ Библейскихъ Об-

ществъ, исказить и привести въ неуваженіе Священныя книги, измѣня въ нихъ языкъ Церкви въ языкъ театра. Я безъ всякой прибавки скажу, что сколько разъ ни случалось мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ, слышать чтеніе сего перевода, вездѣ, вмѣсто благоговѣнія, самыхъ набожныхъ людей невольно преклонялъ онъ къ смѣху. Вотъ плоды, и могутъ ли они быть полезны Вѣрѣ и нравственности?»

Вторая.

Примѣчанія на нѣкоторыя книги.

«Въ 1822 году издана здѣсь, въ Петербургѣ, книга подъ названіемъ: «Краткій и легчайшій способъ молиться.» Оставляя всякія другія изъ сей книги выписки, изъ которыхъ ясно бы можно было увидѣть проповѣдываемое ею, подъ именемъ Вѣры, безвѣріе и злочестіе, скажемъ объ одномъ только данномъ ей заглавіи. Можетъ ли что быть страннѣе и неприличнѣе онаго? Обыкновенно говорится: краткій и легчайшій способъ красить сукна, или мочить пеньку, или дѣлать что ни будь подобное; но слышано ли, чтобъ былъ краткій и легчайшій способъ молиться? Можно ли молитву уподоблять какому ни будь ремеслу, къ обученію котораго предлагается краткій и легчайшій способъ? Не есть ли это—насмѣхаться надъ человѣческими о молитвѣ понятіями? И еще просто сказано: молиться, не говоря, кому, Богу, или дьяволу; ибо можно и сему послѣднему молиться: Нужно ли по одному заглавію сему разсуждать о сей книгѣ еще дагѣе?

Въ книгѣ, называемой «Божественною философіею» (напечатанной въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, 1818 года), въ предисловіи говорится о какомъ-то мученикѣ Духа Святаго. Можетъ ли что быть безбожнѣе и злочестивѣе сего выраженія: мученикъ Духа Святаго! Обыкновенно о человѣкѣ, одержимомъ бѣшенствомъ, или какими либо иными зловредными страстями, говорится: дьяволъ мучить его; но чтобъ Духъ Святой могъ кого мучить,—такой злочестивой мысли никому въ голову не входило. Мученикъ сей, продолжаетъ переводчикъ, сначала осыпанъ благодатію (выраженіе не меньше странное), а потомъ

благодать отъ него сокрылась и онъ въ отчаяніи схватилъ бритву и хотѣлъ себя зарѣзать, но какой-то гласъ остановилъ его; тогда озарился онъ свѣтомъ, и свѣтъ сей былъ такъ силенъ, что оня, для разгнанія его, нерѣдко долженъ былъ мѣшать карты! (стр. 7). Вопросається: приличенъ ли такой низкой, пустой, безумный рассказъ книгѣ, называемой Божественною философією? Неизвѣстный переводчикъ о неизвѣстномъ сочинителѣ сей философіи говоритъ (ибо, не взирая на всю свою наглость, сочинители и переводчики стыдились при таковыхъ книгахъ ставить свои имена), что онъ два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, среди которыхъ писалъ сію книгу (какъ провелъ на крестѣ? Не уже ли распятъ былъ и на немъ вися писалъ? Какія чудеса! Нѣтъ, господинъ лгунъ, мученія на крестѣ, которыя претерпѣлъ Спаситель нашъ, не могли и нѣсколько часовъ продолжаться, стало быть, твое двухлѣтнее, среди котораго ты могъ писать, было не такое).—что и умеръ на крестѣ, сказавъ своимъ друзьямъ: «Я имѣлъ нѣкоторое удовольствіе пить шоколадъ, за то я умру задохнувшись» (стр. 10). Можно ли, не насмѣхаясь надъ читателями, начинять какую ни будь книгу такую гилью: два года провелъ на крестѣ въ ужасныхъ мученіяхъ, пилъ шоколадъ, сочинялъ, и передъ смертью сказалъ своимъ друзьямъ какой-то глупый каламбуръ? И это боговдохновенный человекъ, избранный Богомъ, возвѣщалъ его премудрости! И это переводится на Русскій языкъ и печатается въ Университетской типографіи! (Послѣ сего помѣщенъ еще третій подобный же рассказъ о нѣкоторой знатной особѣ изъ нашихъ соотечественницъ, которая умерла въ Лозаннѣ, что тѣло ея, прежде нежели землѣ было предано, вынесено было въ церковь. . . .) Вотъ какую новость сказали! Да кто жъ не знаетъ того, что мертвыхъ никогда, послѣ преданія землѣ, не выносятъ въ церковь. Въ нѣкоторой комедіи хозяинъ дома, представляя гостю жену и дочь свою, говоритъ: «Вотъ эта, которая постарѣе, жена моя, а эта, которая помоложе, дочь!» Такая шутка хороша въ комедіяхъ, и то писанныхъ съ тѣмъ, чтобъ смѣшить простой народъ; но говорить подобное нѣчто въ, такъ называемой, «Божественной философіи,» не смѣшно, а жалко. И удивительно, какъ могутъ таковыя книги находить переводчиковъ и читателей (тутъ какой-то Дютуа, взглянулъ на ея мертвое

тѣло, и возрыдалъ о томъ состояніи, въ какомъ находилась душа, отъ него отлучившаяся (стр. 12). Да по чему онъ узналъ о состояніи ея души? Развѣ по тому, что покойница вмѣстѣ съ нимъ грѣшила? Но посмотримъ еще далѣе, чѣмъ это окончилось: онъ взялъ на себя ея грѣхи, Богъ три дни его его мучилъ неизобразимымъ страданіемъ, и потомъ удостоивилъ его, что душа покойницы вкусила Райскія сладости (тамъ же). Можно ли что ни будь придумать богохульнѣе, нелѣпнѣе сего? Не перейдешь ли отъ безумія къ совершенному безвѣрію и развращенію всякой нравственности? Сочинитель, подъ видомъ возстанія противъ ересей и ложной философіи, выдаетъ собственную свою философію безбожную, всякихъ ересей и безвѣрія несравненно злѣйшую,—говорить: заблужденіе пріемлетъ за вѣру, за сей даръ Единого Бога и Духа его (слѣдовательно, отвергаетъ Троицу),—простое убѣжденіе въ Евангеліи, мало полезное, не сильное исправлять страсти, и которое есть токмо плодъ разума, никогда ни кого Христіаниномъ не дѣлавшаго (стр. 19). Вотъ ученіе нынѣшнихъ толкователей о Вѣрѣ! У нихъ Евангеліе не есть Откровеніе, не есть божественное зеркало чистѣйшаго нравоченія, но только простое убѣжденіе, и какое же еще? мало полезное, не сильное исправлять страсти. По мнѣнію ихъ оно есть токмо плодъ разума, никогда никого Христіаниномъ не дѣлавшаго! Да заградятся уста ваши, злочестивые богоотступники. Если Евангеліе не дѣлаетъ человека Христіаниномъ, то какое же существо разумѣете вы подъ именемъ Христіанина? Безъ сомнѣнія, злонаправное, лютое, адское; ибо если мы представимъ кого ни будь, напяташаго правилами, противными Евангельскимъ ученіямъ, то едва ли и въ самомъ діаволѣ можно найти больше пороковъ. Изъ сихъ краткихъ выписокъ можно уже почувствовать, какими мыслями наполнена книга сія, отвергающая Вѣру и Евангеліе, слѣдовательно, уничтожающая всякое Правительство и законы, и при всемъ томъ называющая себя божественною, по одной только весьма простой хитрости, чтобъ безвѣріе и самыя гнуснѣйшіе пороки предлагать подъ именемъ Вѣры и добродѣтелей. Сколько таковыхъ книгъ переведено, напечатано и распущено! Если бы извлечь изъ нихъ всё, въ разныхъ видахъ и смыслахъ, разсѣяныя лжеученія и привести ихъ въ совокуп-

ность, то какой пагубной ядъ, миссіонерами, сектами и разными средствами распространяемый, открылся бы въ нихъ! Надлежитъ отдать справедливость Россійскому народу въ твердой вѣрности къ Богу и Государю, когда столько выпущенныхъ иностранцами книгъ, козней и соблазновъ не могли (о, дай Боже, да не могутъ) его поколебать.»

Третья.

«Въ отвѣтъ на полученную мною отъ Графа Аракчеева записку слѣдующаго содержанія: «По Высочайшему повелѣнію имѣю честь препроводить къ Вашему Высокопревосходительству приложенную при семъ записку.» Въ запискѣ сей, ни кѣмъ не подписанной, но, вѣроятно, поданной Государю отъ Оберъ-Полицмейстера, содержалось донесеніе, что взято подъ стражу одиннадцать человѣкъ Финской секты раскольниковъ, дѣлающихъ между собою непозволенные сборища; что люди сіи суть разные мастеровые—Финляндскіе уроженцы; что два изъ нихъ и прежде были за то же самое подъ стражею, но выпущены по увѣренію въ ихъ раскаяніи; что сіи 11 человѣкъ были призваны и увѣщываемы дать письменное обязательство и обѣщаніе впредь не собираться, но что они на то не соглашаются, почитая сходбища свои богоугоднымъ дѣломъ. По прочтеніи сей записки написалъ я Государю слѣдующее:

«Вчерашній день получилъ я препровожденную ко мнѣ по Высочайшему повелѣнію записку о Финскихъ Раскольникахъ. Все, что я о семъ знаю и сказать могу, состоятъ въ томъ, что секта сія безумная и вредная, какъ всѣ другія секты, данно уже распространилась отсель въ Рошшу и по нѣкоторымъ окрестнымъ деревнямъ Она и понынѣ существуетъ. Впрочемъ, секта сія не одна въ сей столицѣ. Присылаемые сюда иностранные миссіонеры, или, по просту сказать, зажигатели, а особливо Англійскіе, стараются всячески ихъ умножить. Какой-то Шведскій Пасторъ собираетъ къ себѣ въ домъ слушателей и говоритъ имъ проповѣди. Я поручилъ о семъ хорошенько развѣдать, хотя, впрочемъ, молитвенныя собранія по домамъ ни въ какомъ случаѣ не должны быть доускаемы: на это есть церковь

«Госнерово осиротѣлое стадо, какъ онъ самъ, въ присланной сюда пѣсенкѣ своей, пишетъ, продолжаетъ также свои собранія. Татаринава тожь по прежнему представляетъ жрицу между вакханками, и Поповъ, какъ слышу, всякой день у ней бываетъ. Если противъ сихъ сборищъ по домамъ не возмущатся строгія мѣры, то я не знаю, до какой степени онѣ распространятся. Отвсюду слышу, что Библейскія Общества, въ послѣдніе три, или четыре, года умножили въ разныхъ Губерніяхъ, а особливо въ Саратовской, до ста тысячъ самыхъ злыхъ Раскольниковъ, называемыхъ Молоканами, которыхъ секта состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть ни какой Вѣры и не признавать надъ собой ни какой власти. Я самъ отъ нѣкоторыхъ весьма добрыхъ и достаточныхъ Помѣщиковъ слышалъ, что они, видя крестьянъ своихъ, дѣлающихся Раскольниками, хотѣли ихъ отъ того воздерживать, но принуждены были замолчать, получа отъ нихъ слѣдующій отвѣтъ: «Баринъ не можетъ намъ запрещать, и еще долженъ насъ похвалить за то, что мы, по внушеніямъ Правительства, собираемся и читаемъ Библию.» Нѣкто, въ письмѣ своемъ къ пріятелю, справедливо сказалъ: «Здѣшнимъ жителямъ доставленъ способъ за дешевую цѣну толковать криво Библию.» Обстоятельства сіи требуютъ обратить на нихъ вниманіе; ибо могущее изъ сего родиться зло, ужаснѣе всякаго пожара и потопа.»

По прочтеніи сихъ бумагъ Государь Императоръ изволилъ мнѣ сказать, что переводъ Библии съ Славенскаго на Русскій языкъ Онъ самъ приказалъ сдѣлать, но что Его намѣреніе было только то, чтобъ переводъ печатали съ текстомъ, а послѣ того стали уже и безъ текста печатать оный.

16 числа былъ я у Государя Императора и, по окончаніи докладовъ, прочиталъ ему слѣдующую бумагу: «Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ ко мнѣ Митрополитъ и желалъ со мною увидѣться. Я принялъ его; онъ пробылъ у меня болѣе двухъ часовъ; по многихъ разговорахъ и сужденіяхъ онъ полагалъ за необходимо нужное (въ чемъ и я совершенно съ нимъ согласенъ) представить Вашему Величеству о слѣдующихъ обстоятельствахъ:

1. Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій Библейскихъ Обществъ (входя въ одні гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ), ясно и несомнѣнно открывается, что чтеніе Священныхъ Книгъ состоитъ въ томъ, чтобъ истребить Правовѣріе, возмутить отечество и произвести въ немъ междоусобія и бунты. Хитрый и злодѣйскій планъ сей доведенъ до такой степени, что если не разрушить его скоро и до самаго основанія, то нельзя отвѣчать за пагубныя отъ того послѣдствія, могущія въ короткое время созрѣть и совершиться. Всѣ чувствуютъ сію опасность, ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа, но немногіе смѣютъ о томъ говорить, по причинѣ пребывающаго въ цѣлости плана сего, и видя, что сіе змѣнное жало прикрыто благовидными цвѣтами. Въ сихъ обстоятельствахъ подвижные духомъ преданности къ Церкви и Престолу, не можемъ мы иначе думать, какъ почитать за необходимо нужное, что надлежитъ, не упуская времени, всѣ Библейскія Общества сіи, подъ инымъ названіемъ «Масонскія ложи», повсемѣстно закрыть, и всѣ производимыя по онымъ дѣла и переписки, запечатать, прислать для храненія въ Синодъ.

2. Переводы Священныхъ Писаній на простое нарѣчіе и распространеніе ихъ въ неимовѣрномъ количествѣ экземпляровъ есть также одно изъ средствъ, придуманное въ Библейскихъ Обществахъ къ поколебанію Вѣры; ибо если языкъ домашняго воспитанія въ законѣ Божіемъ будетъ различенъ съ языкомъ служенія въ церкви, то изъ сего непременно должны произойти соблазны и расколы, произойти единственно отъ раздѣленія сихъ языковъ, не упоминая уже о томъ, что переводы сіи во многихъ мѣстахъ могутъ быть и невѣрны, и слабы, и произвольны. Слѣдовательно, подадутъ поводъ къ разнымъ толкамъ и волненіямъ умовъ и страстей. А по тому тожь находили мы весьма нужнымъ остановить и не только не продолжать, но и стараться скромными мѣрами уменьшить число выпущенныхъ книгъ.

3. По причинѣ сильнаго втеченія сихъ заразительныхъ правилъ не въ одні свѣтскія, но даже и въ духовныя училища, непременно нужно обратить ихъ къ истиннымъ и правовѣрнымъ

началамъ. Но какъ сіе требуетъ не мало труда и разсмотрѣнія, дабы очистить отъ худаго, положить доброе основаніе, то Митрополитъ желаетъ, чтобы на время призванъ былъ сюда Кіевскій Митрополитъ, Евгений, котораго бы попеченію особенно поручено было устроить Духовныя Училища. На вопросъ мой: не будетъ ли призывъ Евгенія для него непріятенъ? отвѣчалъ онъ мнѣ, что такое мнѣніе для него оскорбительно; что тамъ, гдѣ идетъ дѣло о благѣ Церкви, Государя и Отечества, ни санъ его, ни сердечныя чувства, не позволяютъ ему опасаться какого-либо несогласія, или соперничества; но что, напротивъ, онъ желаетъ и намѣренъ самъ просить Ваше Величество, чтѣбъ, при столь важныхъ обстоятельствахъ и при слабомъ его здоровьѣ было съ кѣмъ ему раздѣлять и труды и совѣты. Я также, съ своей стороны, хотѣлъ бы пользоваться совѣщаніями съ Евгениемъ, какъ съ человѣкомъ ученымъ и благонамѣреннымъ.

4. Поелику Синодъ нынѣ состоитъ по большей части изъ лицъ, долго участвовавшихъ въ прежнемъ духѣ и направленіи, то, какъ по сему участию, такъ и по связямъ, ими сдѣланнымъ, могутъ они, въ разсмотрѣніи бывшихъ обстоятельствъ и въ сужденіи о нихъ, быть не совсѣмъ чужды пристрастія. По сей причинѣ и Митрополитъ полагаетъ, что Архіереевъ Тверскаго и Казанскаго надлежитъ перемѣнить другими. Извѣстно, что они оба были избраны по совѣту Архимандрита Феофила, того самаго, который нынѣ удаленъ изъ Одесскаго Лицея и противъ котораго весь тамошній край вопіетъ. Многія подобныя обстоятельства открываютъ, какимъ образомъ духовныя особы, по примѣченной въ нихъ податливости къ нововводимому образу мыслей, выбирались для заступленія важнѣйшихъ мѣстъ и въ члены Синода, дабы съ свѣтскими членами Библейскихъ Обществъ составить одинъ духъ и тѣло.

По изъявленіи Митрополитомъ о сихъ четырехъ важнѣйшихъ статьяхъ мнѣнія своего, съ которыми я, по извѣстнымъ мнѣ в отчасу болѣе открывающимся доказательствамъ, не могъ не согласиться, я спросилъ у него, позволяетъ ли онъ мнѣ обо всемъ этомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества? На что отвѣчалъ онъ, что не только позволяетъ, но проситъ, и

что, при первомъ случаѣ свиданія своего съ Вашимъ Величествомъ, самъ обо всемъ говорить не преминеть.

Черезъ нѣсколько потомъ дней ѣздилъ я къ нему, и нашелъ его въ томъ же самомъ расположеніи, подтверждающимъ новыми доводами необходимую надобность всего выше прописаннаго, безъ чего крайне умножившееся зло ни отвращено, ни остановлено быть не можетъ.

Записка, которую читалъ я Государю Императору, о сочиненіи князя Сергія Шихматова, Декабря 14 дня:

«Князь Шихматовъ, пять, или шесть, лѣтъ тому назадъ, написалъ стихотворное сочиненіе подъ названіемъ: Мысли о должностяхъ владыкъ земныхъ, почерпнутыя изъ Священнаго Писанія.» Сочиненіе сіе, нравоучительное и написанное превосходными стихами, находится у него и понынѣ въ рукописи. Оно не могло быть напечатано, не бывъ прежде доведено до свѣдѣнія Вашего Величества; но никто, по видимому, не хотѣлъ представить Вамъ онаго, предполагая, какъ думать должно, что оно не будетъ Вамъ угодно. Я, напротивъ, зная образъ мыслей Вашего Величества, по желанію сочинителя, подношу Вамъ оное надежно и смѣло, почитая даже, что если стихотвореніе сіе напечатано будетъ съ надписаніемъ: «По Высочайшему повелѣнію,» то сіе послужитъ къ чести и славѣ Вашей по слѣдующимъ причинамъ:

1. Всѣ разсужденія и наставленія въ нихъ почерпнуты изъ Священныхъ Писаній, съ указаніемъ мѣстъ, отколѣ взяты.

2. Сочинитель, въ началѣ сего стихотворенія, описываетъ, согласно съ стихами Псалтири и Премудрости Соломоновой, великость Царей предъ смертными и малость ихъ предъ Всемогущимъ Богомъ. Правда, онъ описываетъ сіе въ сильныхъ выраженіяхъ, и это, конечно, можетъ не понравиться гордымъ Царямъ, равняющимъ себя съ Богомъ, но въ Тебѣ, Государь, мы ежедневно видимъ и слышимъ смиреніе предъ Создателемъ Вселенной. *

---

* На сіе Государь Императоръ сказалъ мнѣ: «Сохрани Меня, Боже, отъ подобной мысли! Кто можетъ равнять себя съ Богомъ?»

3. Сочинитель говоритъ объ обязанностяхъ Царей къ народамъ и народа къ Царямъ съ великою истиною, всегда основываясь на словѣ Божиємъ.

4. Сочинитель, сходственно съ Священнымъ Писаніемъ, совѣтуетъ Царямъ: не воюйте для собственной своей славы, но защищайте Отечество, и когда одержите надъ врагами побѣду, не приписывайте оную сами себѣ, но Богу, даровавшему вамъ оную. Государь, всѣ Твои манифесты свидѣтельствуютъ сіе. *

5. Сочинитель говоритъ, что праведнаго Царя Богъ посреди брани сохранить. Не то ли самое было съ Тобою, Государь, въ прошедшую войну?

6. Наконецъ сочинитель описываетъ милость, изліяшую отъ Бога на добрыхъ Царей Израильскихъ, и гнѣвъ, ниспосланный на тѣхъ, которые, отступя отъ Него, возмечтали себя быть равными Ему. Вотъ все содержаніе сочиненія, и я, по моему разумѣнію, не могу себѣ представить, чтобъ оное по чему либо могло Тебѣ быть негодно.»

По прочтеніи сей записки, просилъ я дозволенія прочитать нѣкоторыя мѣста изъ сего сочиненія. Государь позволилъ и слушалъ со вниманіемъ. Послѣ чего я оставилъ у него книгу, и онъ сказалъ мнѣ, что современемъ всю ее прочтаетъ.

Вскорѣ послѣ сего отправилъ я въ Царское Село слѣдующаго содержанія письмо:

«Всемиловѣйшіи Государь!

Въ прошедшую бытность мою съ докладами, на представленіе мое о необходимой надобности закрыть Библейскія Общества, возразилъ Ты мнѣ, Государь, что Правительству надле-

---

* Здѣсь Государь изволилъ мнѣ сказать. «Да манифесты-то ты писалъ.» На сіе отвѣчалъ я, что ежели бы Онъ не утверждалъ ихъ, то бы они и не были ни кому извѣстны.

жить быть твердымъ въ своихъ постановленіяхъ и не показывать слабости всегдашнюю ихъ переменную.

Позволь мнѣ, всегда внимавшій словамъ моимъ съ благоклонностію, Государь, на сіе изреченіе Твое сдѣлать мои замѣчанія. Не дерзость спорить съ Тобою, не самонадѣянность на мой ничтожный умъ, управляютъ моимъ перомъ, но искренняя, не по одному долгу вѣрноподданнаго, но по личному къ Тебѣ уваженію, совершенная преданность. Могъ ли бы я свободно изливать предъ Тобою мои чувства, если бы не надѣялся, что Ты, хотя бы и нашелъ ихъ несходными съ Твоими, отвергнешъ ихъ, но не отвергнешъ въ нихъ усердіе къ Тебѣ? Сія моя надежда на Тебя, Государь, есть вѣрная Тебѣ порука за мое чистосердечіе, и такъ позволь мнѣ продолжать. Твердость Правительства, конечно, есть доброе и похвальное дѣло, но въ какомъ случаѣ? Когда нѣтъ ни какихъ причинъ къ переимѣннѣ постановленія, или когда оныя малы; но если Ты постановилъ что ни будь Твоимъ повелѣніемъ, и послѣ открылось, что постановленіе сіе приноситъ не пользу, а вредъ, тогда твердость Твоя будетъ непохвальна; ибо Царь, какой бы онъ ни былъ прозорливый, есть человѣкъ; онъ можетъ и обмануть, быть и самъ обманутымъ. Угождающій Тебѣ станетъ заглаживать Твою ошибку, уменьшать худость порожденныхъ отъ нея плодовъ, или еще украшать ихъ и скажетъ, что отиѣна Твоего повелѣнія подвергнетъ ния Твое нѣкоторой предосудительности. Но прямо любящій Тебя и славу Твою скажетъ: Государь, терпѣть вредныя послѣдствія сдѣланной ошибки, опасаясь, объявленіемъ оной, открытъ свое непредусмотрѣніе, есть, по многимъ причинамъ, неправильное о славѣ Своей попеченіе: 1. симъ поступкомъ покажешь Ты, что уподобляешь себя Богу, не могущему погрѣшати, между тѣмъ какъ всякой знаетъ, что ни въ комъ изъ смертныхъ нѣтъ совершенства; 2. давать насажденному злу, къ общему всѣхъ вреду, укореняться и расти для того только, чтобъ не изобличить себя въ ошибкѣ, есть самолюбію своему жертвовать народнымъ благомъ; 3. всѣ и безъ объявленія Твоего знаютъ сію ошибку, а по тому упорное пребываніе Твое въ оной не закроетъ ее отъ глазъ людскихъ, но только покажетъ, что Ты любишь себя больше, нежели общее благо. Отселѣ непре-

вымъ путемъ идущіе люди, видя Тебя не препятствующаго ихъ намѣреніямъ, сдѣлаются дерзновеннѣе, а истинно преданные Тебѣ и Отечеству, охладѣютъ въ усердіи своемъ и съ печалію отъ Тебя уклонятся. Не могу воздержаться, чтобъ не подкрѣпить разсужденій моихъ случившимся примѣромъ: я думаю, Государь, Ты помнишь исторію Грузинскихъ Князей Эристовыхъ. Указомъ Твоимъ, тожь по ходатайству Библейскихъ Обществъ, о проповѣданіи яко бы Христіанства, повелѣлъ Ты отобрать у нихъ издревле принадлежащія имъ земли. Ртищевъ, начальствовавшій тогда въ Грузіи, по данной ему инструкціи, остановилъ Твой Указъ, донося, что принадлежность сихъ земель Князьямъ Эристовыхъ всему краю тому извѣстна. Комитетъ Министровъ представилъ Тебѣ, что отнять у Эристовыхъ собственность, безъ всякой ихъ вины, было бы несправедливо. Ты, Государь, далъ другой Указъ, отмѣняющій силу перваго. По возвращеніи сюда Ртищева, я спросилъ у него: какое дѣйствіе произвела въ томъ краю отмѣна перваго Указа? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Всеобщую радость и похвалу Государю. Сей поступокъ Его обратилъ всѣхъ сердца, всѣ въ одинъ голосъ прославляли Его справедливость, твердя между собою, что какъ скоро Онъ увидѣлъ неправость дѣла, то, не смотря на прежнее свое рѣшеніе, отмѣнилъ оное.» Вотъ истинная слава Царей! Вотъ путь къ пріобрѣтенію любви народнои! Сколько разъ Петръ Великій отдавалъ самъ себя на судъ, и, осужденный, похвалялъ судей за правосудіе? Сюлли, видя Генриха IV, готоваго, къ предосужденію своему, склониться на слезы и рыданія женскія, взялъ его и вывелъ насильно изъ горницы. Никто не осудилъ ни подданнаго, ни Царя, но всѣ даже и воины взираютъ съ удивленіемъ на сей образецъ величія души того и другого. Подобныя поступки Царей не только не помрачаютъ ихъ именъ, но возбуждаютъ къ нимъ любовь и гремятъ въ потомствѣ. Обратимся теперь къ Библейскимъ Обществамъ. Съ начала могли они показаться въ благовидномъ образѣ, и тѣмъ скорѣе, Государь, уловить сердце Твое, что оно человѣколюбиво, благонамѣренно и богобоязливо; но теперь, когда, по долговременномъ опытѣ, открываются вѣрныя свидѣтельства, обнаруживающія умысленность зловреднаго ихъ плана, то не разсматривать ихъ цѣли и не взвѣшивать того существеннаго зла, какое отъ нихъ произо-

шло, было бы для нихъ торжество, а для насъ вредъ и поношеніе. Ты требуешь, Государь, доказательствъ: требованіе Твое справедливо, но изъ онаго видно, что Тебѣ не всѣ подробности сего лютейшаго заговора извѣстны, чему непремѣнно и быть надлежало; ибо Ты не могъ узнать о всѣхъ хитрыхъ замыслахъ, тщательно отъ Тебя скрываемыхъ и доводимыхъ до Твоего свѣдѣнія тогда только, когда можно было имъ дать видъ благонамѣренный. Во всѣхъ углахъ Россіи Общество сіе торжественно распространилось, всѣ бумаги и вѣдомости наполнены были похвалами и превозношеніемъ пользы онаго, многіе изъ самаго духовенства нашего сдѣлались въ немъ членами. Кто жъ могъ пойти противъ него, не подвергаясь, за бесплодную ревность свою, претерпѣть гоненія? Какимъ же образомъ истина могла до Тебя достигнуть и могъ ли гласъ быть услышанъ? Но нынѣ, когда намѣреніе и дѣянія сего Общества стали обнаруживаться; когда, Государь, позволилъ Ты преданнымъ Церкви и Тебѣ людямъ говорить правду; когда открылось не по вѣроятнымъ какимъ заключеніямъ, но по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, по книгамъ напечатаннымъ, обнародованнымъ и возвѣщающимъ, что Библейское Общество согласно съ ними, согласно съ иностранными, отъ него вызванными, проповѣдниками, дѣйствуетъ въ ихъ духѣ, въ ихъ правилахъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ почитать Церковь нашу заблудшею, Первосвященниковъ нашихъ невѣрующими, всѣхъ Царей и Вельможъ угнетателями народовъ; когда все сіе прочтатъ въ ихъ книгахъ, и видѣтъ не токмо связи всѣхъ дѣйствій, но даже изъ самыхъ ясно сказанныхъ словъ, то какое остается въ томъ сомнѣніе? Какія еще нужны доказательства? Одно простое возрѣніе на насъ показываетъ уже въ самомъ неблаговидномъ образѣ:

1. Отколѣ сіе Общества водворились къ намъ? Отъ Англійскихъ Методистовъ? Могутъ ли сіе люди, не токмо иновѣрцы съ нами, но и ни какой Вѣры не имѣющіе, учить насъ Христіанству? Развѣ мы какіе ни будь дикіе народы, безъ ихъ ученій обойтись не могушіе? 2. Не странны ли, даже, смѣю сказать, не смѣшны ли въ Библейскихъ Обществахъ наши Митрополиты и Архіереи, засѣдающіе, въ противность Апостольскихъ постановленій, вмѣстѣ съ Лютеранами, Католиками, Кальвинами, Ква-

керами, словомъ со всѣми иновѣрцами? Они, съ сѣдою головою, въ своихъ рясахъ и клобукахъ, сидятъ съ мирянами всѣхъ націй, и имъ человекъ во фракѣ проповѣдуетъ слово Божіе! (Божіе по его названію, но въ самомъ дѣлѣ не такое). Гдѣ жь приличіе, гдѣ важность Священнослуженія? Гдѣ Церковь? 3. Они собираются въ домахъ, гдѣ часто на стѣнахъ висятъ картины языческихъ боговъ, или сладострастныхъ изображенія любовниковъ, и сіи собранія свои, безъ всякаго богослуженія, безъ чтенія молитвъ и Евангелія, сидя какъ бы въ театрѣ, безъ малѣйшаго благоговѣнія, равняютъ съ церковною службою, и домъ безпрестольный, но священный, гдѣ въ прочіе дни ирруютъ и пляшутъ, называютъ храмомъ Божіимъ! Не похоже ли это на Содомъ и Гоморъ?

При столь непристойныхъ наружностяхъ, взглянемъ на дѣянія Библейскихъ Обществъ, посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ: 1. Въ намѣреніи составить изъ всего рода человѣческаго одну какую-то общую Республику и одну Религію: мнѣніе мечтательное, безразсудное, породившееся въ головахъ или обманщиковъ, или суемудрыхъ людей. Оно сперва скрывалось подъ именами тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи, а потомъ обнаруженное укрылось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики, и тому подобныя; заразило многихъ, поработало Царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣмъ же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали. 2. Въ напечатаніи столько Библий, чтобъ каждый въ Государствѣ человекъ могъ ее имѣть (такъ сказано въ Отчетахъ). Что жь изъ этого послѣдуетъ? Употребится страшный капиталъ на то, чтобъ Евангеліе, выносимое съ такою торжественностію, потеряло важность свою, было измарано, изодрано, валялось подъ лавками, служило оберткою какихъ ни будь домашнихъ вещей и не дѣйствовало болѣе ни надъ умами, ни надъ сердцами человѣческими. 3. Въ переводѣ Библий на всѣ языки, на Турецкій, Татарскій, и проч. На что это? Кто поручится за вѣрность сихъ переводовъ и кто будетъ ихъ читать? 4. Въ размноженіи обществъ, состоящихъ изъ членовъ, которые, слѣдовательно, отдѣляются отъ прочихъ Христіанъ; ибо какая нужда Христіанину, который, по самому званію сему, есть членъ Церкви,

быть членомъ Библейскаго Общества? Не знакъ ли это, что онъ отпадаетъ отъ той Церкви, на которой основана Вѣра, и предается другой, признавая ее за лучшую? Сверхъ сего, къ чему иному поведутъ сія размноженныя Общества, какъ не къ тому, чтобъ собирающаяся, гдѣ и какъ хочетъ, толпа простыхъ и безграмотныхъ людей толковала Библию по внушеніямъ какого ни будь еретика, или плута, подкупленнаго и посланнаго къ нимъ нарочно; чтобъ, объясняя Священное Писаніе криво и превратно, посѣять въ легковѣрныя сердца ихъ 'развратъ и неистовства, удобныя сдѣлать ихъ хуже и свирѣпѣе всякаго дикаря и язычника? Если обратить вниманіе на дѣйствія Библейскихъ Обществъ и на всѣхъ агентовъ ихъ, то сія, произведенные ими, пагубныя плоды, сія уготовляемая ими вокругъ насъ зараза, окажутся, можетъ быть, страшнѣе и опаснѣе всякихъ непріятельскихъ нашествій.

Наконецъ, не исчисляя всѣхъ ихъ козней, которыхъ исчислить нельзя, довольно изъ хода дѣлъ и отчетовъ сихъ Обществъ усматривается, о чемъ прилагаемо было подлинное попеченіе—о пользѣ ли и утвержденіи Православной нашей Вѣры, или о противномъ тому? Изъ однихъ обнародованныхъ актовъ, на говоря уже о тайныхъ сношеніяхъ, можно видѣть, какого духе иностранцы вызываемы были сюда, какое имѣли покровительство и ободреніе проповѣдывать по домамъ, какое было ихъ ученіе и какіе отъ того породились секты и расколы. Если Библейскія Общества стараются только о распространеніи благочестія, какъ они говорятъ, то для чего не соединенно съ Церковію нашею, но особо отъ ней дѣйствуютъ и не согласно съ нею? Если намѣреніе ихъ состоитъ въ преподаваніи Христіанскихъ ученій, то развѣ Церковь наша не преподаетъ намъ оныхъ? развѣ мы до Библейскихъ Обществъ не были Христіане? И какъ же они учатъ насъ тому? Призываютъ учителей иновѣрцевъ и распускаютъ книги, противныя Христіанству! Вывѣстъ съ Библиями рассылаютъ воззванія ко всеобщему бунту! Миѣ кажется, отъ нихъ-то Христось въ Евангеліи предостерегаетъ насъ сими словами: «Блюдитесь, да никто же васъ прельститъ. Мнози бо придутъ во имя Мое, глаголюще: Азъ есмь Христось, и мнози прельстятъ. Чѣмъ больше соображаю я все, доселѣ

происходящее съ сими Евангельскими словами, тѣмъ больше изхожу ихъ какъ бы прямо на наши времена указующими. Когда, какъ не нынѣ, со введенія къ намъ Библейскихъ Обществъ, слышали мы столько толковъ о Вѣрѣ? И какихъ же! Точно такихъ, о которыхъ Спаситель, въ томъ же Евангелии, говоритъ: «Аще кто речетъ вамъ: се здѣ Христосъ, не имите вѣры: узрите мерзость заустѣнія, стоящу на мѣстѣ святѣ.» Подлинно такъ мы видимъ это. Когда, какъ не нынѣ, мечтательными умищваніями, разрывающими союзъ Христіанскаго братства и любви, устремляются на потрясеніе единодушія и спокойствія народовъ? Когда, какъ не нынѣ, стараясь истребить Вѣру во Христа, твердятъ о Немъ, нарушая заповѣдь: «да не приемиши имени Господа Бога твоего всуе»? Когда, какъ не нынѣ, возстаютъ другъ на друга и, вмѣсто кротости и смиренія, предписуемаго намъ Вѣрою, внушаютъ въ сердца наши лютость и свирѣпство противу тѣхъ, кои, не приемя новыхъ ученій, остаются при вѣрованіи своихъ отцевъ? Когда, какъ не нынѣ, оказывается столько прельщенныхъ, даже добрыхъ и невинныхъ, но которыхъ слухъ и сердце обворожены хитрыми дѣйствіями и словами? Когда, какъ не нынѣ, даются всему превратныя имена? Ложь называютъ правдою, буйство свободою, своеволие естественнымъ правомъ, законы пустословіемъ, твердость въ Вѣрѣ пребываніемъ въ заблужденіи, преданность Государю и Отечеству закрубѣлою стариною, странныя и чуждые всякой добродѣтели поступки и дѣянія святостию,—и что еще? даже самыя гнуснѣйшія страсти и преступленія свои выдаютъ за Божескія внушенія!

Всемилоствѣйшій Государь! Долгъ вѣрноподданнаго и преданность моя къ Тебѣ не позволяетъ мнѣ умалчивать мыслей моихъ предъ Тобою. Часто изъ благихъ намѣреній Твоихъ, чрезъ злоупотребленіе оныхъ, выводились не соотвѣтствующія онымъ слѣдствія. Такъ, на примѣръ, я имѣлъ счастье изъ собственныхъ устъ Твоихъ слышать, что Ты, для уменьшенія числа Раскольниковъ, желалъ, дабы правовѣрный и благоразумный Священникъ, уволенный къ нимъ подъ скрытнымъ именемъ, приобрѣта ихъ довѣренность, старался кроткимъ образомъ обращать ихъ на истинный путь. Такое Твое намѣреніе достойно благости

Твоего сердца. Но что жъ изъ того послѣдовало? Не избранный отъ верховнаго духовенства, извѣстный благонаравіемъ мужъ, посылался туда, но бѣглець, отступникъ отъ Вѣры, посрамившій санъ свой поруганіемъ Церкви, уходилъ къ нимъ, и о немъ-то, когда духовное начальство станетъ требовать его, для поступленія съ нимъ по законамъ, вѣдѣно было отвѣчать: «Онъ тамъ, гдѣ ему быть должно.» Не совершенно ли это противоположно Твоимъ намѣреніямъ? Ты желалъ, чтобъ добрый въ стадѣ пастырь кроткими убѣжденіями уменьшилъ число заблудшихъ овецъ; а подъ этимъ видомъ защищаютъ и оставляютъ тамъ преступника, дабы совратить и тѣхъ, которые не поколебались еще въ Православіи! За книгу: «Бесѣда на гробѣ младенца» (благонамѣренную) сочинитель и цензоръ были наказаны, а за книгу: «Воззваніе къ челоуѣкамъ» (злонамѣренную) переводчикъ награжденъ. Могло ли происшествіе сіе, столь грозное для благонаравныхъ, и столь одобрительное для злонаравныхъ писателей, не подвергнуть священнаго имени Твоего нѣкоему сомнѣнію, которое сколько служило къ обузданію усердія первыхъ, столько же къ поощренію дерзости вторыхъ? Но можешь ли Ты, Государь, отъ подобныхъ неусмотрѣній избѣжать? Допустятъ ли Тебя безчисленныя Твои занятія и попеченія прочитывать всѣ выходящія книги, дабы узнать, которая изъ нихъ подлинно хороша, или подлинно худа? Въ подобныхъ обстоятельствахъ можетъ быть остановленъ Ты будешь мыслію, что отмѣнять единожды утвержденное Тобою, или съ Твоего позволенія сдѣланное, покажетъ нѣкоторый видъ Твоего непредусмотрѣнія; но, Государь, еще осмѣлюсь повторить, какой поступокъ принесетъ Тебѣ больше славы: тотъ ли, когда ты, открывъ злоупотребленіе, остановишь оное Твоимъ повелѣніемъ, или, когда, закрывая то, чего закрыть не возможно,пустишь существовать вреду, проистекшему отъ направленія добрыхъ Твоихъ намѣреній въ худую сторону? Я, конечно, могу обманываться въ моихъ размышленіяхъ, но могу также безтрепетно призвать самаго Бога въ свидѣтели, что сохраненіе имени Твоего отъ малѣйшей тѣни нареканія есть первѣйшее въ душѣ моей чувство.

Я прилагаю при семъ извлеченное, изъ печатныхъ актовъ, описаніе ежегоднаго хода Библейскихъ Обществъ, изъ котораго

можно видѣть какъ связь ихъ съ Англійскими Методистами, такъ и то жь самое намѣреніе о распространеніи книгъ, содержащихъ въ себѣ умствованія, совершенно противныя всякой Христіанской Вѣрѣ и всякому Правительству. Стараніе издавать таковыя книги выстѣ съ Библіями показываетъ очевидное желаніе превратными толкованіями уронить Священное Писаніе и дать свободу страстямъ и своевольству. Дерзость предпріятія сего годъ отъ году постепенно возрастала. Плоды и успѣхи ея видны въ словахъ и писаніяхъ, недавно привезеннаго сюда съ Дону Есаула. * Кто знаетъ, до какой степени распространена сія зараза?

---

* Есаулъ сей схваченъ съ написанною имъ возмутительнаго противъ Вѣры и Правительства содержанія книгою, основанною на правилахъ изданной въ свѣтъ, переведенной съ иностраннаго языка, книги, подъ названіемъ: «Воззваніе къ чело-вѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова.» Онъ призванъ былъ къ Графу Аракчееву въ присутствіи Митрополита и Архимандрита Фотія, гдѣ, вмѣсто признанія себя виновнымъ, укорялъ ихъ дерзкими словами въ незнаніи настоящей Вѣры, презиралъ всякія угрозы, и, напротивъ, угрожая самъ, говорилъ, что онъ радъ погибнуть; ибо знаетъ, что погибелью своею умножитъ ревность и число своихъ послѣдователей. Видя его свирѣлымъ и непреклоннымъ, Графъ Аракчеевъ и Митрополитъ полагали запереть его навсегда въ крѣпость, но Архимандритъ Фотіи просилъ, чтобы предоставитъ ему еще разъ сдѣлать надъ нимъ опытъ своихъ увѣщаній. По нѣкоторыхъ противорѣчіяхъ согласился на его представленіе. Онъ заперся одианъ съ нимъ въ келью. Первый разговоръ ихъ былъ такой, что Есаулъ, приведенный къ нему прямо изъ тюрьмы въ грязной, вшивой рубашкѣ, началъ на кроткіе его вопросы отвѣтствовать гнѣвомъ и бравью. Фотіи напротивъ снималъ съ него вины и, при всякомъ бранномъ отъ него словѣ, обнималъ его и цѣлуя говорилъ: «Вотъ ты серднись, а я пѣтъ; ты на меня досадуешь, а мнѣ тебя только жаль; изъ одного этого уже видно, что моя сторона правѣ твоей. Я не прошу тебя, чтобы ты мнѣ вѣрилъ, но для чего намъ съ кротостію не выслушивать другъ друга?» Есаулъ нѣсколько укротился, но первое ихъ свиданіе ни чего надъ нимъ не подѣйствовало. Узнавъ о семъ, я просилъ сказать отцу Фотію, чтобы онъ, оставаясь на единѣ съ такимъ отчаяннымъ суевѣромъ, остерегался, дабы онъ не принесть съ собою оружія и не убилъ его. Слова мои были ему пересказаны. Что жъ онъ на другой день сдѣлалъ? Велѣлъ накрыть столъ, посадилъ съ собою ужиналъ Есаула и говорить ему: «Опасаются, что ты можешь меня зарѣзать; ножикъ лежитъ предъ тобою, но я этого не боюсь. Безъ воли Божіей ты сего не сдѣлаешь, а Богъ не попуститъ тебя поднять руку на того, кто тебѣ добра желаетъ. Скажи, приходишь ли тебѣ на мысль убить меня?» Есаулъ, мужичинище дородный, взглянулъ съ удивленіемъ на худощаваго собесѣдника своего и твердымъ голосомъ отвѣчалъ ему: «Нѣтъ,

Между тѣмъ, что можетъ быть опаснѣе отпадшихъ отъ истинной Вѣры пустосвятковъ и фанатиковъ, которыхъ первое стараніе грабить, разрушать законы, истреблять власти и все то, что имѣетъ нѣкоторую нравственность и не хочетъ раздѣлять съ нимъ ихъ звѣрства? По всѣмъ симъ обстоятельствамъ почти я весьма нужнымъ неукоснительно закрыть Библейскія Общества, и обратить строгое наблюденіе, чтобъ порожденное и питаемое ими зло всячески останавливать и искоренять. Если нужно закрытію ихъ придать нѣкоторую благовидность, не обнаруживая открывшейся злонамѣренной цѣли ихъ, то можно сіе сдѣлать разными образами, на примѣръ: предоставить Синоду довести о ненадобности болѣе оныхъ, или, и безъ сего донесенія, дать Указъ, что какъ уже напечатано достаточное количе-

---

не убью.» — «Ну, такъ станемъ же продолжать наши разговоры,» сказалъ Фотій. Такимъ образомъ искореняя въ немъ ложныя понятія о Вѣрѣ, почерпнутыя имъ изъ чтенія мистическихъ книгъ, и открывая ему перетолкованный въ нихъ настоящій смыслъ Священныхъ Писаній, на послѣдокъ довелъ онъ его до совершеннаго раскаянія, такъ что онъ потребовалъ свою книгу и своеручною подписью предалъ ее проклятію. Въ такомъ же духѣ, отрицаясь отъ всѣхъ ересей, написалъ онъ письмо къ Митрополиту, прося у него прощенія и поручая себя его молитвамъ. Достойныя примѣчанія слѣдующія слова сего Есаула; онъ говорилъ Фотію: «Я мужъ и отецъ. Предавшись пагубнымъ внушеніямъ и чтенію злостивыхъ книгъ, я заразился ими, бросилъ жену и дѣтей; не думалъ больше ни объ нихъ, ни о себѣ. Теперь ты возбудилъ во мнѣ снова жалость къ нимъ. Я отступилъ отъ Вѣры, отъ добродѣтели, и достоинъ всякаго наказанія, но они, бѣдвые, невинны и за меня страдаютъ. Жаль мнѣ ихъ, жаль!» — Окончаніе съ симъ Есауломъ послѣдовало такое, что велѣно было его освободить, дать ему тысячу рублей и отпустить на родину. Въ послѣдствіи времени оказалось, что Есаулъ сей, возвратясь на родину свою, сочинилъ еще злѣйшую прежней книгу, въ которой, насмѣшливымъ и ругательнымъ образомъ, описывалъ простоту тѣхъ, кои повѣрили притворному обращенію его въ Православную Вѣру и отреченію отъ своей, почерпнутой имъ изъ разныхъ, такъ называемыхъ, духовно-нравственныхъ книгъ, а особливо изъ книги: «Воззваніе.» Она продолжала распространять свою ересь, и вторично былъ взятъ и привезенъ въ Петербургъ, имѣя соупицею своею молодую, пригожую, какъ сказываютъ, дѣвку, которую выдавалъ онъ за дочь свою, вѣроятно, надѣясь чрезъ нее привлечь къ себѣ больше сообщниковъ. Отослали его опять въ тотъ же монастырь, но Фотій не взялся уже обращать его, а поручено сіе было одному изъ тамошнихъ монаховъ, который, вмѣсто обращенія его, самъ отъ него заразился того же ересью и объявилъ о томъ письменно.

ство Библий, то, почитая дальнѣйшее попеченіе о томъ болѣе ненужнымъ, всѣ Библейскія Общества закрыть и всѣ въ оныхъ дѣла препроводить для храненія въ Св. Синодъ, которому впредь, по мѣрѣ надобности, издавать Библию на прежнемъ основаніи, какое было до введенія Библейскихъ Обществъ. Такимъ, или подобнымъ, образомъ можно прекратить оныя и отнять у иностранцевъ надежду возобладать надъ нами не силою оружія, чего они не могутъ, но лукавствами и хитростію, когда посѣютъ между нами секты и раздоры.

Государы! Я далъ Тебѣ слово быть откровеннымъ, и Ты священнымъ словомъ твоимъ въ томъ же меня увѣрилъ. Я держу свое слово и надѣюсь, что и Ты свое сдержишь въ томъ, что если я чистосердечными размышленіями моими наведу Тебѣ хотя малѣйшую непріятность, или скуку, то Ты безъ гнѣва повелишь мнѣ замочлатъ. Тройственный союзъ сдѣланъ былъ въ намѣреніи воспрепятствовать духу возстанія противъ Христіанства и власти, но между тѣмъ оный подъ иными видами (въ томъ числѣ и Библейскими Обществами) не престанетъ оказываться и расти. Карбонарство, явно себя обнаружившее, унято. Но гдѣ и кѣмъ? Въ малой землѣ великими державами. А если въ великой землѣ, наводящей огромностію и силой своей другимъ землямъ страхъ и зависть, скрытныя дѣйствія того жъ самаго духа продолжаться будутъ и, чего, Боже, сохрани, созрѣютъ и вспыхнутъ, то кто придетъ въ землѣ сей устроить порядокъ? Тѣ ли, которымъ нужно, чтобъ она сама собой, внутреннимъ своимъ несогласіемъ, ослабила свои силы, и чрезъ то подверглась ихъ надъ нею господству? Всемилостивѣйшій Государы! Ты одинъ можешь укротить сей дулъ буйства, порывающійся изъ чужихъ земель вторгнуться въ Россію, никогда о немъ не знавшую. Покажи себя защитникомъ Православной Вѣры своей и покровителемъ другихъ Христіанскихъ Вѣръ, не попуская раздѣляться имъ на секты и ереси! Будь прямо Русской Царь, надѣющійся на своихъ вѣрноподданныхъ! Возвысь Дворянъ, ограду Твоего Престола! Будь отецъ народу, но не давай возмущать себя преждевременными внушеніями о вольности, вовлекающими его въ своевольство! Да посѣятся между сими двумя состояніями тишина и миръ, а не вражда и злоба! Тогда Ты одинъ посреди

своего народа сильнѣе будешь всѣхъ Царей. Одно слово Твое, одинъ взоръ разсвѣтъ въ Царствѣ Твоемъ всѣхъ вольнодумцевъ, учениковъ чужихъ земель. Они почувствуютъ заблужденіе свое и обратятся на правый путь. Престолъ Твой оградится вѣрнѣйшими тебѣ сердцами, и чужеземныя козни не посмѣютъ и приблизиться къ предѣламъ Твоего Царства. Ты защитилъ народъ Свой отъ вооружившейся на него Европы, Ты спасешь его отъ сильнѣйшаго врага—адскаго духа, устремляющагося искоренить въ немъ Вѣру и всѣ добродѣтели. Твой народъ возлюбилъ Тебя, чуждыя страны прославятъ, потомство будетъ Тебѣ благодарно, и Богъ, по долговременной жизни Твоей, приметъ Тебя въ свои объятія. Государы! Всякой, кто скажетъ Тебѣ не сходное съ симъ, скажетъ ложь, не предастъ Тебѣ, не любитъ Тебя.»

Письмо къ Кіевскому Митрополиту.

«Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государы

Зная, что Вы на нѣкоторое время призываетесь сюда, я сердечно тому пораздовался. Можетъ быть Вы и неохотно разстанетесь съ мѣстомъ Вашей паствы, но я увѣренъ, что важность предстоящаго Вамъ дѣла воспламенитъ Ваше усердіе и не остановитъ Васъ ни на подвигъ, для сана и сердца Вашего священнѣй. Куда зоветъ насъ и Богъ, и Государь, и Отечество, туда поспѣшать должно. Я думаю, дошелъ уже до Вашего свѣдѣнія Высочайше данный мнѣ Указъ, который, однако жъ, на всякой случай здѣсь прилагаю. Изъ онаго Ваше Высокопреосвященство усмотрите, что намъ предлежитъ общій и весьма тяжелый трудъ и борьба, но Богъ поможетъ намъ. Онъ подкрепитъ наши силы и не допуститъ мерзости и запустѣнію стать на мѣстѣ святѣ. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ Вашего прибытія, и не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія какъ въ усердіи Вашемъ къ общему благу, такъ и въ особенномъ ко мнѣ благорасположеніи. Съ сою пріятною для меня надеждою, испрашивая Архипа-

стырскаго Вашего благословенія и съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь быть,

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга А. Ш.

16-го Декабря, 1824 года.

Его Высокопреосвященству, Кіевскому Митрополиту Евгенію.

ОТВѢТЪ, ПОЛУЧЕННЫЙ МНОЮ ВЪ ИСХОДѢ ЯНВАРЯ.

«Милостивый Государь

Александръ Семеновичъ!

Почтеннѣйшее письмо Вашего Высокопревосходительства, отъ 16 Декабря, имѣлъ я честь получить 30 того же мѣсяца. Чувствительнѣйшую приношу благодарность за предувѣдомленіе меня о вызовѣ на трудный подвигъ. Указъ о семъ получилъ я уже 4 Января. Буду собираться сколько возможно скорѣе, но нужно сдѣлать распоряженіе по многимъ дѣламъ на время отсутствія моего. Чрезъ двѣ недѣли могу собраться, хотя къ трудному дѣлу труденъ и путь по нынѣшнему времени. Самая почта въ 15 только дней до насъ доходить. Впрочемъ, повинуюсь святой волѣ Монаршей, готовъ претерпѣть все и поспѣшить явиться къ Вашему Высокопревосходительству, съ изъявленіемъ совершеннѣйшей преданности и высокопочтанія, съ коими навсегда и имѣю честь быть и проч.»

На подлинномъ подписано: «Евгеній Митрополитъ Кіевской.»

Кіевъ. 7 Января, 1825 г.

Записка, поданная отъ меня Государю Императору въ началѣ 1825 года.

«Книга, подъ названіемъ: «О должностяхъ челоуѣка и гражданина,» издана была въ 1783 году, и назначена, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины Второй, для чте-

нiя въ Народныхъ Училищахъ Россiйской Имперiи. Съ того времени издано оной было одиннадцать тисненiй, послѣднiе въ 1817 году, и дабы всякой могъ удобнѣе имѣть ее, положена за нее самая малая цѣна, а именно: 25 коп. Такимъ образомъ книга сiя, не токмо подъ особеннымъ надзоромъ Императрицы напечатанная, но, судя по слогу и правоученiю, въ ней заключающемуся, едва ли не самой Ею сочиненная, около 40 лѣтъ почиталась полезною и существовала въ Народныхъ Училищахъ. Но въ 1819 году членъ Главнаго Управленiя Училищъ, Преосвященный Филаретъ, предложилъ сему Правленiю, что «не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ челоуѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ»: * Въ слѣдствiе сего предложенiя, по приказанiю Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенiя, всѣ экземпляры сей книги изъ Училищъ были отобраны и чрезъ бывшаго Директора Попова велѣно ихъ продать, съ заплатаю по 50 коп. за вудъ, бумажному фабриканту, съ тѣмъ, чтобъ никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу. Смыслъ образомъ книга, содержащая въ себѣ самыя чистыя правоученiя, основанныя на выписанныхъ изъ Евангелiя и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книга, наставляющая юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитiи челоуѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ Государю и полезнымъ Отечеству гражданиномъ, книга, начертанная сердцемъ и рукою Великой Екатерины, предана истребленiю на бумажную мельницу! Сказанное о ней, яко бы оная изложена по философскимъ началамъ, есть столько же неопредѣлительное, сколько и несправедливое, изреченiе; ибо если наставленiя, на правилахъ Вѣры и добродѣтельной жизни основанныя, названы обвинительно философскими, то какiя же на мѣсто ихъ могутъ быть преподаваемы другiя? Трудно повѣрить, чтобъ съ намѣренiемъ истреблять подобныя книги соединилось намѣренiе вводить безвѣрiе и развратъ; но когда мы видимъ, что

---

* На мѣсто сихъ слабыхъ положены въ распущенныхъ книгахъ сильныя начала къ истребленiю всего благочестиваго, добраго и нравственнаго. О времена! О нравы!

вмѣстѣ съ истребленіемъ сихъ книгъ, печатались и выпускались богохульными, отвергающія Вѣру и нравственность, книги; когда знаешь, что сей революціонный духъ масонства и карбонарства во всѣхъ Государствахъ обнаружился и къ намъ проникъ, то что иное заключать можемъ? И не должно ли, послѣдуя прочимъ Державамъ, брать противъ него дѣятельныя мѣры?

Я прошу дозволенія выше означенную книгу, ако весьма для юношества полезную, вновь принять и ввести въ Народныя Училища.

При семъ прилагаю письмо, полученное мною отъ здѣшняго Митрополита, съ приложеніемъ сдѣланнаго двумя избранными отъ него духовными особами и подтвержденное имъ самимъ разсмотрѣніе книга подъ названіемъ: «Воззваніе къ челоуѣкамъ о послѣдованіи внутреннему влеченію духа Христова». Выписки изъ сей книги показываютъ явное возстаніе противъ Вѣры и Правительства, гласное проповѣдываніе революціи съ угрозами страшныхъ истязаній всякому, кто останется Христіаниномъ и вѣрно-подданнымъ. Книга сія, равно какъ и многія другія, тѣмъ же духомъ наполненныя, не токмо въ великомъ количествѣ и многими тисненіями напечатана, но и съ похвалою, какъ изъ дѣлъ явствуетъ, повсюду рассылаема была.

Всемиловитѣйшій Государы! Сіи донесенія мои Вашему Императорскому Величеству разглашаются за нѣкія будто бы личныя недоброжелательства мои къ прежнему Министерству Народнаго Просвѣщенія. Если бы таковыя толки относились единственно къ сужденію о моей нравственности, то бы не счелъ я за нужное опровергать ихъ иными доказательствами, кромѣ безпорочности долговременной моей жизни; но какъ толки сіи нападаютъ на долгъ моего званія, стараясь, подъ симъ видомъ, ослабить, или уничтожить, во мнѣ оный, то и осмѣливаюсь я заключить оправданіе мое въ нижеслѣдующемъ: 1) Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно мнѣ войти въ строгое наблюденіе, дабы, какъ въ изданныхъ, такъ и впредь издаваемыхъ, сочиненіяхъ и переводахъ ни чего колеблющаго Вѣру и благоправіе не укрывалось. Слѣдовательно, не личность, не кле-

ветъ, но долгъ вѣрноподанный и правда обязываютъ меня къ тому. 2) По чувству Христіанской любви, конечно, не долженъ я ни кого осуждать и еще меньше желать кому какого либо зла; но когда дѣло идетъ о революціонномъ духѣ, явно распространяемомъ и стремящемся къ ниспроверженію Вѣры, Правительства и всякаго общественнаго спокойствія, то закрывать оный, не доводить дѣяній онаго до свѣдѣнія Вашего Величества, не смѣть гласно и громко изболчать зловреднаго ихъ намѣренія, и чрезъ то давать духу сему расти, усиливаться, было бы съ моей стороны величайшее преступленіе предъ Вами, Государь, предъ Отечествомъ и, что всего болѣе, предъ самимъ Богомъ, котораго страшному и праведному суду, по моимъ лѣтамъ и болѣзнямъ, скоро я предстать долженъ. Докогда было сіе постороннимъ для меня дѣломъ, до тѣхъ поръ за молчаніе мое не отвѣтствовалъ я ни кому; но нынѣ, Государь, когда угодно было Вамъ возложить на меня обязанность наблюдать за нравственностію и воспитаніемъ, то могу ли я, съ нарушеніемъ присяги и вопреки правды и совѣсти, для какихъ бы то ни было вооружающихся противъ меня силъ и толковъ, отступить отъ моего долга, толь для меня священнаго? Не могу, Государь, и если бы даже суждено мнѣ было отъ сего погибнуть, то погибель въ здѣшнемъ свѣтѣ была бы мнѣ утѣшительною надеждою не погибнуть въ будущей жизни. Впрочемъ, Государь, какъ ни мало полагаюсь я на мою смѣтливость и проицаніе, но, мнѣ кажется, если тайныя общества и масонскія ложи строго запрещены и почитаются опасными, то не опаснѣе ли ихъ тотъ же самый духъ, распространяющій книга? Тѣ, во крайней мѣрѣ, тайно дѣйствовали, не смѣли внѣ своихъ собраний мыслей свои обнаруживать, а сіи дѣйствуютъ явно и въ слухъ всего народа. Оставить ихъ на прежнемъ основаніи, не открывать ихъ дѣяній, не смѣть обнаруживать ихъ лжеученій, изъ опасенія, чтобъ не огласить тѣхъ намѣреній, которыя сами они явно оглашаютъ, не будетъ ли казаться нѣкоторою боязнію, признающею сей духъ безвѣрія и безначалія уже такъ усилившимся, что къ обуданію его теряется надежда? Не ободритъ ли сіе преданныхъ сему духу, не умножитъ ли и число ихъ и дерзость? Не отниметъ ли, напротивъ, всякое усердіе и ревность у тѣхъ, которые хотятъ пребыть вѣрными сынами Церкви и Престолу? Въ подобномъ случаѣ, что останется дѣлать симъ послѣднимъ, какъ не удалиться и

съ безмолвіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ ожидать, какіе изъ того произрастутъ плоды? Вотъ, Всемилостивѣйшій Государь, мои чувства, мои мысли, мои опасенія. Я подвергаю ихъ суду Твоему; ибо сердце Твое въ руцѣ Божіей.» *

Письмо къ Графу Аракчееву.

А

«Милостивый Государь,

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

На сихъ дняхъ получилъ я бумаги (съ которыхъ при семъ препровождаю къ Вашему Сіятельству копию), одну отъ Московскаго Попечителя, содержащую въ себѣ отношеніе къ нему Углицкаго и Архангельскаго Сотоварищества Библейскихъ Обществъ о напечатаніи отчетовъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, другую отъ Комитета Правленія Императорской Академіи Наукъ о напеча-

---

* За нѣсколько времени прежде и послѣ сего письма началъ я примѣчать нѣкоторую холодность и молчаливость въ довольно рѣдкихъ свиданіяхъ со мною Государя Императора, по чему и я пересталъ Ему докучать моими съ Нимъ откровенными объясненіями, желая изъ того увидѣть и узнать Его къ онымъ расположенію. Три, или четыре, раза былъ я потомъ у Него съ докладами, не прося ни чего о слѣдствіяхъ по моимъ письмамъ. Онъ также молчалъ и, казалось, не хотѣлъ возобновлять о томъ разговоръ. Причиною сему полагалъ я различныя внушенія противной стороны, имѣвшей весьма великія связи и тѣмъ больше усилившейся, что, не взирая на перемѣну Министерства и на всѣ мои противъ прежнихъ дѣйствій воплія, видѣлъ ихъ еще торжествующими, и голосъ мой, весьма многими заглушаемый и почти ни кѣмъ не поддерживаемый, отчасу болѣе исчезающимъ и тщетнымъ. Обстоятельство сіе, соединявшееся съ удрученностію гѣтъ моихъ и домашними моими прискорбностями, крайне меня озабочивало, печалило и приводило въ уныніе. Въ послѣдній докладъ мой Государь, при отъѣздѣ Своемъ въ Варшаву, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ: «Поступай, какъ ты началъ!» Слова сіи, съ одной стороны, ободряли меня, а съ другой великость противоборствующей силы не допускала меня ни радоваться, ни надѣяться.

тави списка членовъ здѣшняго (С.-Петербургскаго) Библейскаго Общества; третью отъ Митрополита Серафима. Сія послѣдняя со-держитъ въ себѣ, писанное къ нему о тѣхъ же Обществахъ, пись-мо отъ Павла, Слободско-Украинскаго и Харьковскаго Епископа. Изъ всѣхъ оныхъ бумагъ Ваше Сіятельство усмотрѣть изволите, что, не взирая на явное зло, Библейскими Обществами распро-страненное, ниже на то, что дѣйствія ихъ нѣкоторымъ образомъ приостановлены, они продолжаютъ свои работы и къ цѣли своей идутъ смѣлыми шагами, согласно со всѣми иностранными пропо-вѣдниками и миссіонерами. Изъ одного письма Слободско-Украин-скаго Епископа можно видѣть, какое колебаніе умовъ происходитъ отъ неизвѣстности, чему слѣдовать и чего держаться. Онъ спра-шиваетъ разрѣшенія, какъ поступать, и дѣйствовать ли по-прежнему? По видимому, зараженный самъ, не знаю, ложными ли понятіями, или инымъ какимъ побужденіемъ, выхваляя сія Обще-ства, признается, однако жъ, что всѣ сословія свѣтскаго состо-янія терпѣть ихъ не могутъ, и что сборъ денегъ и прода-жа книгъ производится по всей Епархіи, по его распоря-женію, посредствомъ одного Духовенства, и то по при-нужденію. Изъ сихъ краткихъ словъ его довольно уже явству-етъ, какимъ образомъ дѣлается и какую пользу приноситъ, такъ называемое ими, распространеніе Слова Божія:—благое назва-ніе, данное злему дѣланію, а по тому и водворяющее, вмѣсто со-гласія и страха Господня, раздоры и суемудріе. Какое можетъ быть благочестіе тамъ, гдѣ, оставляя Церковь, собираются въ частномъ домѣ и Архіереи, и Священники, и Офицеры, и купцы, и даже иностранцы, не въ видѣ священно-служителей, какъ обык-новенно бываетъ въ храмахъ Божіихъ, но въ видѣ сотоварищества, гдѣ и стихи поютъ, и ученики читаютъ свои сочиненія, и Архі-ерей говоритъ рѣчь похвальную переводу Священныхъ Писаній съ высокаго церковнаго языка на простой, театральный, и пасторъ Лютеранскаго Исповѣданія провозглашаетъ свои ученія, и словомъ, всякой вмѣстѣ—и духовная и свѣтская особа, и Грекъ и Като-ликъ. * Можетъ ли въ такомъ смѣшеніи умовъ и страстей быть

* Все сіе въ упомянутыхъ бумагахъ, называемыхъ Отчетами, и присланныхъ для впечатанія, ясно было изложено и сказано, кто что дѣлалъ и что говорилъ.

какое либо благоговѣніе? Сверхъ сего насильственною продажей книгъ собираютъ деньги и, производя въ народѣ неудовольствіе и ропотъ, безстыднымъ образомъ гдуть въ газетахъ, что всякой у нихъ съ радостію покупаетъ. Между тѣмъ миссіонеры и распущенныя во множествѣ, противныя и Вѣрѣ и всякой нравственности, книги смущаютъ простолюдиновъ и, толкуя имъ превратно Библию, вселяютъ въ нихъ мысли, что не должно уважать ни Церковь, ни Правительство. Видя это изъ многихъ и ясныхъ доказательствъ, могу ли и долженъ ли я молчать? Но, съ другой стороны, что мнѣ дѣлать? Я подъ рукою далъ знать, чтобъ касающагося до Библейскихъ Обществъ, безъ разрѣшенія на то, въ Вѣдомостяхъ не печатали; но этого мало: надобно, чтобъ пересталъ дѣйствовать и кишѣть тотъ духъ, которымъ надѣются потрясти и разрушить всякую связь обществъ и всякую власть и законы. Сей духъ оказывается не одними расколами и не въ одномъ низкомъ состояніи людей, но и повсюду. На сихъ дняхъ былъ въ Сенатѣ судъ по Госнеровскому дѣлу. Извольте прочесть рѣчь Сенатора Муравьева. * Изъ ней одной видно, какъ и что говорить смѣютъ! Не токмо законы, но и здравой разсудокъ, попираютъ ногами! Въ одной изъ приложенныхъ здѣсь бумагъ усмотрите Вы, что здѣшняя Академія Наукъ спрашиваетъ у меня разрѣшенія о напечатаніи въ Адресъ-Календарѣ на сей 1825 годъ списка членовъ С.-Петербургскаго Библейскаго Общества. Я очень знаю, что этимъ самымъ оно утверждаетъ и всѣмъ вообще даетъ поводъ думать, что переимѣна Министерства Просвѣщенія ни чего не значила, и что всѣ вещи остаются въ прежнемъ положеніи; но отвратить этого не могу. Все, что оставалось мнѣ придумать къ лучшему, состоитъ только въ томъ, что я велѣлъ, излагая сей списокъ, припечатать къ нему прошедшій 1824, а не нынѣшній годъ, дабы сколько ни будь дать почувствовать, что есть нѣкоторое помышленіе о принятіи мѣръ къ остановленію прежняго буйственнаго духа; но подобныя, не довольно твердыя, мѣры мало его останавливаютъ. Я счелъ за нужное довести о семъ до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, и сказать при томъ откровенно, что съ моею преданностію Вѣрѣ,

* Собственно «Милліе», напечатанное въ 4-ой книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1839 года, отд. V, стр. 37—42.

Государю и Отечеству, и съ моимъ образомъ мыслей, тяжело мнѣ быть въ моемъ званіи, въ которомъ молчать и допускать расти сею глубоко укореняющемуся новомыслію запрещають мнѣ долгъ и совѣсть, а противоборствовать ему нѣтъ силъ. Съ истиннымъ и совершеннымъ почитаніемъ имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства,

покорнѣйшій слуга А. Ш.»

16 Мая, 1825 года.

Списокъ съ отвѣта Графа Аракчеева.

«Милостивый Государь

Александръ Семеновичъ!

Истинно благодарю Ваше Высочайшее Превосходительство за письмо Ваше, писанное 16 Мая, — и я совершенно съ Вами согласенъ. Мое мнѣніе: Оболенскому не дѣлать ни какого отвѣта, и тѣмъ самымъ отиѣнитса печатаніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объ отвѣтахъ Углицкомъ и Архангельскомъ Архіерею Павлу не должно также дѣлать отвѣта на его письмо, а тѣмъ самымъ онъ долженъ будетъ понять, что ему слѣдуетъ дѣлать. О печатаніи въ Адресъ-Календарѣ списка я совершенно съ Вами согласенъ, чтобъ напечатать списокъ 1824 года. Прошу Васъ сдѣлать мнѣ, по дружбѣ Вашей, одолженіе, доставить мнѣ копію съ Рѣчи Сенатора Муравьева, которую я весьма желаю прочесть, отправя оную ко мнѣ въ собственныя руки, въ городъ Старую Русу, куда я завтра рано отправлюсь до 1 Іюня. Съ истинной дружбой и истиннымъ же почтеніемъ пребуду

Вашего Высочайшего Превосходительства,

покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.»

С. Грузино,

10 Мая, 1825 года.

Мой на письмо его отвѣтъ.

«Милостивый Государь

Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Находясь въ Царскомъ Селѣ, я имѣлъ честь получить письмо Ваше, отъ 20 Мая. Возвратясь въ Петербургъ, спѣшу исполнить приказаніе Ваше присылкою къ Вамъ Сенатской бумаги, гдѣ помѣщенъ и голосъ Сенатора Муравьева, къ которому многіе пристали, въ защиту дѣла преступнаго и по обстоятельствамъ весьма важнаго. Нѣкоторые, какъ слышу, съ чрезвычайнымъ жаромъ кричатъ о достоинствѣ голоса сего, унижая, напротивъ, голосъ Сенатора Сумарокова, * весьма благонамѣренный и справедливый. Я не могу понять сей ревности оправдывать то, что, безъ противурѣчія законамъ и явной потачкѣ худымъ замысламъ, ни коимъ образомъ оправдывать не можно. Кто не знаетъ (развѣ только тотъ, кто совсѣмъ не вѣдаетъ обстоятельствъ, или подлинно хочетъ зла), что здѣсь дѣло идетъ не о томъ, чтобъ наказать человѣка (кому нужно—наказанъ ли онъ будетъ, или, какъ заблуждающійся фанатикъ, прощенъ), но о томъ, что въ оправданіи его оправдывается самое злѣйшее покушеніе на Церковь, Престолъ и Отечество. Госнеровское дѣло связано съ обстоятельствами, изъ которыхъ покушеніе сіе доказывается не подлежащими ни какому сомнѣнію актами. Каковъ же будетъ примѣръ и ободреніе новозатѣвальщикамъ, когда самъ Правительствующій Сенатъ покажетъ себя на ихъ сторонѣ? Я смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что зло сіе, уже и такъ не малое, отъ часу больше растеть, и пора обратить на него всевозможное вниманіе и принять рѣшительныя и дѣятельныя къ обузданію онаго мѣры. Люди, которымъ оно нравится, говорятъ о тѣхъ, кои противоборствуютъ имъ, какъ о людяхъ странныхъ и вредныхъ, заводящихъ инквизицію; но это не новое, что они благонамѣренію даютъ худыя, а злонамѣренію хорошія, имена. Не на слова ихъ, а на дѣла, надоб-

* Напечатано тоже въ 4-й кн. «Чтеній» 1859 года, отд. V, стр. 43—48.

по взглянуть, и сличить ихъ съ дѣлами тѣхъ, которыхъ они, для закрытія себя, очернить стараются: тогда окажется, чья правда, чья неправда. Что значить слово ихъ: инквизиція? Оно собственно значить розыскъ, но какой? Не казни, не мученія: ибо сихъ никто не требуетъ; но просто розысканіе, или изслѣдованіе актовъ, изъ коихъ бы можно было увидѣть, какое въ нихъ скрывается намѣреніе — худое, или доброе. Вотъ что называютъ они инквизиціею! Но если сіе изслѣдованіе, которому даютъ они толь ненавистное имя, кажется имъ такъ страшнымъ, то, стало быть, дѣла ихъ нечисты, и, если не хотятъ, чтобы открыты были тайныя ихъ пружины, то, стало быть, хотятъ, чтобы оныя не прежде были примѣчены, какъ тогда, когда уже всѣ предпринимаемыя противъ нихъ мѣры будутъ поздны и безуспѣшны. Я читалъ разныя о семъ донесенія и бумаги (по сіе время праздно лежація), изъ которыхъ, соображая ихъ съ печатными книгами и дѣйствіями, изъ нихъ почерпнутыми, ясно открывается и начало, и ходъ, и успѣхи сихъ пагубныхъ покушеній, заразившихъ уже многое число людей. Тутъ не догадки, а документы, самыя ясныя и очевидныя: пужно только на нихъ взглянуть, дабы удостовѣриться, и тогда должно будетъ рѣшиться на одно что ни будь: или съ твердостью тому воспротивиться, или обращеніемъ на то вниманія дать время духу сему созрѣть и ожидать съ трепетомъ неминуемо долженствующихъ выйти изъ того послѣдствій. Къ голосу Сенатора Муравьева прилагаю я здѣсь, для любопытства Вашего, нѣкоторыя краткія мои замѣчанія.

Если дѣло поступитъ въ Государственный Совѣтъ, то по нему́ долженъ я буду пространнѣе о томъ объясниться: ибо я никогда не вступаю за себя (брани меня, кто хочетъ); но гдѣ идетъ дѣло о вредѣ общему благу, тамъ я не могу молчать. Я прилагаю при семъ и голосъ Сенатора Сумарокова, также и указъ Святѣйшаго Синода. Я отправляюсь въ Дерптъ, надѣюсь возвратиться чрезъ недѣлю и лично съ Вами переговорить. — Приятно ми́ видѣть благорасположеніе ко ми́ Вашего Сіятельства, но опять повторю съ откровенностію, что трудно ми́ слабому, при моей старости и тупѣющемъ зрѣніи, также и при многихъ другихъ обстоятельствахъ, стоять крѣпко на стражѣ и нести на плечахъ своихъ столь тяжелое бремя: чувствую, что я упаду подъ нимъ:

одно только утѣшаетъ меня — совѣсть, которая говоритъ мнѣ, что недостатокъ силъ не есть недостатокъ усердія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

покорнѣйшій слуга А. Ш.

27 Мая, 1825 года.

Выписка изъ Французскихъ книгъ, изданныхъ въ Парижѣ —

Изъ первой:

«Справедливое сужденіе о взаимномъ обученіи, съ разсмотрѣніемъ его природы, его начала и его дѣйствій. Книжка сія издана съ слѣдующею надписью: «Берегитесь, да не будете прельщены баснями, и да не соблазняютъ васъ суетная и обманчивая философія» (Св. Павелъ къ Колос. гл. 2).»

Изъ второй, названной «Желаніями на 1825 г.»

«Мы желаемъ Россіи, чтобъ она почувствовала, что развитіе рѣкъ ея не есть самое большое бѣдствіе, котораго она страшится — она долженствуетъ; что ученія, разрушающія всѣ общественныя связи, влекутъ за собою несравненно величайшую пагубу, и что, прежде помышленія о спасеніи себя отъ морскихъ опустошеній, нужно ей ополчиться противъ хищной руки гордой философіи, о которой Богъ сказалъ: «Ты не пойдешь далѣе!» Сперва пусть ей поставятъ оплотъ, и потомъ примемся за удержаніе въ предѣлахъ Невы.»

(Обѣ выписки сіи читаны мною Государю Императору.)

Письмо ко мнѣ Государя Императора.

«Александръ Семеновичъ! Съ живѣйшимъ прискорбіемъ узналъ я о кончинѣ супруги Вашей, и искренно раздѣляю съ Вами

горестъ Вашу, желая, чтобы Вы съ покорностію къ святой волѣ Всемогущаго, перенесли оную, и обрѣли утѣшеніе въ уюваніи на благость Его.

Пребываю впрочемъ всегда къ Вамъ благосклоннымъ.

(На подлинномъ написано) Александръ.

Въ Таганрогѣ,
Сентября 25-го, 1823 года.

Мой отвѣтъ.

«Всемилоствѣйшій Государы!

Великодушное и милостивое о несчастіи моемъ сожалѣніе, которое угодно было Вашему Величеству изъявить мнѣ, наполнило душу мою неизреченною благодарностію. Долговременное страданіе и наконецъ смерть жены моей, съ которою провелъ я болѣе тридцати лѣтъ, не могли не изнурить и безъ того изнуренныхъ уже старостію силъ моихъ. Горестъ моя велика, но утѣшеніе мое — Богъ, и отрада остатка дней моихъ—Вы, Государы! Подкрѣпляемый сими надеждами живу и дышу.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

Александръ Шишковъ.»

С.-Петербургъ,
8-го Октября, 1823 года.

Нѣкоторыя нужныя для исторической связи объясненія, на помѣщенныя въ сихъ запискахъ бумаги.

1-е). На мое письмо къ Государю Императору, отъ 22 Мая, 1824 года (см. стр. 2—4).

Назначеніе меня, на мѣсто предвѣстника моего, Князя Голицына, Министромъ Народнаго Просвѣщенія произошло по слѣду-

ющимъ обстоятельствамъ: иѣкто монахъ Фотій (или Фокій), челвѣкъ еще не старій, пылкій, защитникъ Православія, долгое время (т. е., около двухъ лѣтъ, или болѣе) былъ въ связи и чѣмъ то сношеніи съ Княземъ Голицынымъ, въ намѣреніи, какъ съ зываютъ, отворотить его отъ покровительства тѣмъ ересямъ и злымъ вреднымъ книгамъ, какія, чрезъ внушенія иностранныхъ миссіонеровъ, по ходатайству его, выпускаются къ поколебанію напѣвѣры, но, не получа въ томъ успѣха, рѣшился, не взвѣсивъ на свѣдѣнію его довѣренности у Государя Императора, употребить надъ нимъ духовную строгость. Съ симъ намѣреніемъ пригласилъ онъ его въ домъ Графини Орловой, гдѣ, поставя на столѣ и положивъ на немъ Евангеліе и Крестъ, приготовился его встрѣтить. Когда Князь вошелъ въ комнату, и хотѣлъ по обыкновенію принять отъ него благословеніе, то онъ остановилъ его и сказалъ, что прежде не дастъ ему благословенія, покуда онъ не отречется отъ богу отступныхъ дѣлъ своихъ, покровительствуя иностраннымъ лжечителямъ, возстающимъ противъ Церкви и Престола. Князь спеши отвѣчалъ ему хладнокровно, что онъ дѣйствовалъ по волѣ Государя, и что теперь, зайдя такъ далеко, поздно уже возвращать назадъ; но когда Фотій грознымъ гласомъ возразилъ ему: «Покорись Царю, стань предъ Нимъ на колѣни, и скажи, что ты поновать, самъ дѣлалъ худо и Его вводилъ въ заблужденіе!» то Князь разсердился и спросилъ у него: «Какое право имѣешь съ говорить ему такимъ повелительнымъ голосомъ?»—«Право слуги Алтаря Божія», отвѣчалъ ему Фотій, «могущаго, въ случаѣ упорнаго пребыванія твоего въ злочестіи, предать тебя проклятію». Князь послѣ словъ сихъ вспыхнулъ гнѣвомъ, и, сказавъ ему: «Увидимъ, кто изъ насъ кого преодолѣетъ», съ великимъ смущеніемъ побѣжалъ изъ горницы. Фотій въ слѣдъ ему кричалъ громко: «Анаѳема! да будешь ты проклятъ!» И тотчасъ послѣ происшествія, въ точности описавъ, какъ свой поступокъ, такъ отвѣты Князевы, запечаталъ письмо свое и послалъ съ надписью: «Въ собственныя Его Величества руки». Вскорѣ Государь звалъ его къ себѣ, и хотя сначала выговаривалъ съ гнѣвомъ такой его поступокъ, находя оный не токмо не приличнымъ, даже и не сообразнымъ съ Христіанскою покорностію, однако по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва. то же время подоспѣло Госцаревское дѣло. Сивъ два обстоятель-

были главною причиною перемѣны Министерства Просвѣщенія, къ которому присоединены еще двѣ части, а именно: Управленіе Иностранныхъ Вѣроисповѣданій и Духовныя Дѣла, но сія послѣдняя часть при сей перемѣнѣ была отдѣлена; Князь же Голицынъ остался Главноначальствующимъ надъ Почтовымъ Департаментомъ.

2-е) (Объясненіе). На бумагу мою, отъ Іюня 7-го дня (1824 года), оставленную мною у Государя Императора (см. стран. 7—10), а также на письмо къ Графу Аракчееву, отъ 11-го числа того же мѣсяца (см. стр. 11 и 13). Мнѣ извѣстно было, что Графъ Аракчеевъ всегда письма мои къ нему показывалъ Его Величеству. Дѣло въ это время шло о Поповѣ, ревностномъ старателѣ промѣнять Церковь нашу на Протестантскую, Герингу-терскую, или какую либо иную, и который въ Библейскихъ Обществахъ представлялъ, послѣ Министра своего, лице первенствующее въ Синодѣ свѣтско-духовной особы. Онъ, подъ видомъ болѣзни, ѣздилъ въ Англію для совѣщанія съ тамошними Методистами, * откогда возвратясь изобличенъ былъ поправленіемъ своей

---

* Можно объ успѣхахъ сяхъ совѣщаній заключить изъ слѣдующаго сихъ господъ обнародованнаго объ насъ отзыва: «Extrait de la feuille, publiée chez Fiffing et Hughes imprimeurs, Grosvenor Row, Chelsea, Mai 1817».

Le Mercredi 7 Mai 1817 s'est tenu à l'hotel des Francs-maçons à Londres le 13 anniversaire de la Société Biblique britannique et étrangère. Après différentes lectures et quelques discours sur les progrès et l'utilité de la Société Biblique, le révérend Richard Watson, Ministre de la secte methodiste, a pris la parole: «Mylord, le rapport et les adresses, que nous venons d'entendre, ont tourné notre attention sur l'Empire Russe. Ah! combien sont consolantes et les vues, qui nous sont présentées, et les esperances, qu'elles permettent de concevoir; desormais nous pouvons être assuré, que bientôt dans ce vaste pays la religion sera rétablie dans toute sa pureté et cela par le seul effet de la circulation de saintes écritures, traduites dans les différents idiomes, qui se parlent dans cet immense Empire.

«Chez les payens nous sommes encore obligés d'envoyer des missionnaires, comme explicateurs de la Bible, mais partout, où le Christianisme existe, fut-il même dénaturé, la simple lecture des livres saints peut et doit suffire pour redresser la foi. La circulation de la Bible peut seule rétablir l'Église Grecque et la relever de la decadence actuelle. Les voûtes du temple subsistent, la Bible saura bientôt rallumer le feu des autels.

рукою перевода Госнеровой книги, и хотя по толь явному обнаруженію злочестивыхъ намѣреній своихъ не могъ не отданъ быть подъ судъ, однако жъ переведенъ изъ Министерства Просвѣщенія въ Почтовый Департаментъ, со всѣми прежними выгодами и даже съ тайными нѣкоторымъ лицамъ внушеніями, чтобъ на судъ старались его оправдать. Толь явное покровительство человѣку, участвовавшему въ дѣлѣ, оглашенномъ и признанномъ отъ самаго Правительства злонамѣреннымъ, давало несомнѣнный видъ, что хотя Министерство Просвѣщенія и перемѣнено, однако жъ прежнія дѣйствія и духъ его защищаются. Сей видъ разрушалъ всѣ мои мѣры дѣйствовать противъ вольнодумства и введенія къ намъ новой, пагубной философіи. Я долженъ былъ при старости лѣтъ моихъ, или, заглушая въ себѣ совѣсть, уступать сей заразѣ, или почти одному, съ весьма не многимъ числомъ сотоварищей, бесполезно бороться съ нею; но на первое попуститься ни какимъ образомъ я не могъ и не хотѣлъ, а второму воспротивиться не имѣлъ, по расположенію обстоятельствъ, ни смѣлъ, ни возможности.

«Il existe dans ce pays plus qu'on ne le pense, des Ministres saints, qui quoique moits en apparence aujourd'hui semblables aux temoins de l'apocalypse se tiendront sur leurs pieds et prophétiseront aussitôt, que l'esprit de verité entrera en eux.

«La circulation des ecritures dans l'Église Latine a produit notre glorieuse réformation et nous a donné le Protestantisme avec le bonheur et les bénédictions dont il est la source. Nous pouvons espérer aujourd'hui, que bientôt nous verrons l'Église Grecque jouir des mêmes avantages; avec cette différence cependant que l'opposition, faite par l'Église Latine contre la circulation des écritures saintes a produit des schismes terribles des malheurs sans nombre, et que cette circulation étant au contraire encouragée, comme le sont dans l'Empire de Russie toutes les Sociétés Bibliques, nous pouvons nous flatter, que la libre diffusion de la verité en éclairant l'Église Grecque sur ses erreurs, ranimera la foi et maintiendra l'union des fidèles. Cette espérance est bien douce et bien consolante pour les amis de l'humanité. Notre réformation dans son origine eut mille obstacles à surmonter et à vaincre, toutes nos églises protestantes prirent naissance au milieu des troubles et des discussions politiques, et leur berceau fut souvent ébranlé par la tempête. Ce grand et nécessaire changement au contraire va s'opérer en Russie sans aucune convulsion; cet heureux pays a l'espérance du bien et n'a ni inquiétude, ni danger à redouter. La réformation pour cet Empire prédéstiné sera semblable au beau soleil levant, qui éclaire d'une lumière égale et les chaumières

3-е) (Объясненіе). На бумаги мои, читанныя при докладѣ въ 9-й день Ноября.

Видя, что Государь уклоняется изъявить волю Свою даннымъ мнѣ Указомъ, по которому бы могъ я дѣйствовать противу тѣхъ вредныхъ началъ, кои, доселѣ утвержденныя и ободряемыя Верховною Властію, введены были и остаются еще въ той же силѣ своей, принужденъ я былъ выжидать на то случая. Бумага моя (см. стр. 13—16), поданная 28 Іюля въ видѣ проекта Указа о запрещеніи выпускать безъ Синодскаго разсмотрѣнія, такъ называемыя, духовно-правственныя книги, осталась безъ всякаго вниманія и употребленія. Наконецъ, послѣ всѣхъ выше прописанныхъ донесеній о книгѣ «Бесѣда на гробѣ младенца» (см. стр. 18 и 55) и другихъ моихъ бумагъ, данъ на имя мое испрашиваемый мною Указъ (см. на стр. 55 проектъ рескрипта), въ силу котораго сообщилъ я въ Св. Синодъ обо всѣхъ, доселѣ изданныхъ, противныхъ Вѣрѣ нашей, книгахъ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него приняты были мѣры къ уменьшенію разливаемаго ими безвѣрія, и къ воспрепятствованію какъ по нашему, такъ и по другимъ Вѣроисповѣданіямъ, размножающихся отчасу болѣе расколовъ и ересей. Я думалъ, что, съ переменною Министерства, должна возникнуть и переменна въ поущеніи вредными сочиненіями заражать незрѣлыя умы, и что при толь гласномъ (въ данномъ мнѣ Указѣ) изъявленіи воли Монаршей, какъ Св. Синодъ, такъ и другія Правительственныя Мѣста, сильными и убѣдительными представленіями своими Государю Императору, преклонятъ его къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ, изъ которыхъ бы несомнѣнно явствовало, что продолжавшееся доселѣ по Министерству Просвѣщенія, худое направленіе нравственности обратило на себя вниманіе, и

---

res de Siberie et les palais de Czar, ou le plus sage, comme le plus puissant des souverains de la terre, médite aujourd'hui cette grande et sainte réforme.»

Вотъ до какой степени доведены были дѣла, что люди, отпадшіе отъ всякой Христіанской Вѣры, почтали уже Грекороссійскую Церковь нашу навѣрное разрушающеюся, и сія рѣчь ихъ, толь увѣрительно о семъ возвѣщающая, не была вымысль и клевета, но надежное заключеніе, основанное на успѣхъ дѣйствій ихъ и ересей, между вами распространенныхъ.

что ни наши расколы, ни иностранныя секты, ни миссіонеры ихъ, ни книги, ими издаваемыя, ни превратныя о вольности народной толки, ни люди, старающіеся къ возмущенію всеобщаго спокойствія, разсвѣтать пагубныя свои ученія не ободряются и не покровительствуются болѣе; но, къ крайней печали и сожалѣнію моему, увидѣлъ, что, вмѣсто сильной и необходимо нужной въ томъ себѣ поддержки, вездѣ и повсюду встрѣчалъ я или холодность и равнодушіе, или непреодолимыя преграды и препятствія, чему теперь же покажемъ достаточный образчикъ.

4-е) (Объясненіе). По дѣлу о Госнерѣ и Поповѣ, изъ которыхъ, какъ мы уже видѣли, одинъ былъ высланъ изъ Россіи, а другой отданъ подъ судъ.

Дѣло сіе поступило въ Общее Собраніе Сената, гдѣ два Сенатора, Сумароковъ и Муравьевъ-Апостоль, подали свои мнѣнія. Первый, входя съ подробностію во всѣ дѣйствія и намѣренія, клонившіяся къ потрясенію Вѣры и Правительства, обвинялъ Попова, какъ облеченнаго довѣренностію Чиновника, * оказавшагося явнымъ въ томъ соучастникомъ; второй старался его оправдать. О мнѣніи перваго многіе говорили съ нѣкоторымъ кощунствомъ, тогда какъ мнѣніе втораго превозносили похвалами, и въ Общемъ Собраніи большая половина Сенаторовъ къ нему пристали. Изъ сего можно даже нѣсколько усмотрѣть, до чего простиралось, такъ сказать, новомысліе и духъ угожденія сильнѣйшей партіи; но изъ послѣдующаго мы еще яснѣе то увидимъ. Изъ Сената дѣло сіе поступаетъ въ Государственный Совѣтъ. При семъ случаѣ остаться мнѣ въ молчаніи было бы отъ прежнихъ мнѣній моихъ и донесеній отказаться и признать голосъ Сенатора

---

* Чиновникъ сей находился подъ особымъ покровительствомъ предмѣстника моего и всѣхъ державшихся новаго ученія о Вѣрѣ и новыхъ мыслей. При первыхъ докладахъ моихъ Государь Императоръ говорилъ мнѣ о немъ съ похвалою и, казалось, бралъ въ немъ не малое участіе. Самъ Госнеръ многими при Дворѣ защищаемъ былъ, и облеченіе мое книги его поставлялось мнѣ въ нѣкое злорѣчіе и фанатизмъ. При таковомъ расположеніи умовъ, не удивительно, что всѣ лица, дѣйствовавшія въ прежнемъ Министерствѣ Просвѣщенія, имѣли за себя великую заступу.

Муравьева справедливымъ. За таковой поступокъ совѣсть моя не перестала бы никогда меня укорять. И такъ, по выслушаніи въ Государственномъ Совѣтѣ разногласнаго Сенатскаго рѣшенія, просилъ я Предсѣдателя и Господъ Членовъ отложить заключеніе свое до будущаго засѣданія, въ которое подамъ я мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился, и бумага моя, вмѣщавшая въ себѣ весь безъ изыятія голосъ Муравьева, съ моими на каждую статью онаго объясненіями, была слѣдующаго содержанія:

«Книга Госнерова и согласныя съ нею проповѣдыванія его найдены Комитетомъ Господъ Министровъ зловредными для Вѣры и Правительства, по чему, съ утвержденія Его Императорскаго Величества, книга сія сожжена, а самъ Госнеръ, сочинитель ея, высланъ за границу. Послѣ сего не можетъ быть вопроса: виноватъ ли тотъ, кто переводилъ сію книгу на Русской языкъ, и тотъ, кто поправлялъ ее; ибо всѣ трое имѣли они одинакое намѣреніе издать ее въ свѣтъ. По здравому разсудку, переводчикъ и поправитель еще болѣе виноваты, нежели самъ сочинитель, понеку сей былъ иностранецъ и написалъ книгу на Нѣмецкомъ, чуждомъ намъ, языкѣ, а они, будучи Россійскіе подданные, хотѣли тожь самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ чрезъ напечатаніе и распространеніе онаго на собственномъ нашемъ языкѣ. Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдывать, не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Переводчикъ умеръ, а поправитель живъ и отданъ подъ судъ. При подобныхъ обстоятельствахъ судъ не можетъ состоять въ иномъ, какъ токмо въ изслѣдованіи, точно ли подсудимый поправлялъ книгу. Если это достовѣрно, то уже непременно достовѣрно и то, что онъ въ намѣреніяхъ сочинителя и переводчика участвовалъ. Изъ сего непреложнаго заключенія ни коимъ образомъ изъять его не можно, а по тому и оправдывать нѣтъ возможности, кромѣ, развѣ, когда позволено будетъ говорить не сообразное ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Тогда ни какія доказательства не нужны; ибо если изъ нихъ ложныя съ истинными равно принимаются, то на что они? Довольно спросить у каждаго о словѣ: да, или нѣтъ. »

* Вступленіе сіе, казалось, долженствовало бы обратить на себя вниманіе и воз-

Излагая мнѣніе мое, по неволѣ долженъ я обратиться къ несогласному съ онымъ голосу Господина Сенатора Муравьева, читанному въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я нахожусь въ необходимости сдѣлать сіе, поелику въ немъ опровергается все то, что отъ насъ (т. е., Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и меня) представлено было Комитету Господъ Министровъ. Господинъ Сенаторъ въ оправданіе подсудимому приводитъ слѣдующія разсужденія: см. въ другой тетради (см. ниже, послѣ 2-го письма къ Государю, букву А.), только тамъ опущено слѣдующее примѣчаніе: «Читатель! Вотъ до какого злоупотребленія доведено, не скажу, хитрость, но безумная свобода, говорить противъ всѣхъ законовъ и здраваго разсудка—своевольное, очевидно, нелѣпное умствование—и гдѣ же? Въ Общемъ Собраніи Сената! Кто слышалъ, чтобъ, для извиненія содѣланнаго живымъ человѣкомъ преступленія, позволительно было превращать его въ машину, въ мертвого истукана, читающаго и пишущаго механически! Можетъ ли быть что страннѣе сего предположенія, и совсѣмъ тѣмъ оно многими преемлется и одобряется! Но взглянемъ еще на мнимо-хитрыя увертки: оправдатель, сказавъ о подсудимомъ, что онъ смысла и подлинника нигдѣ не измѣнилъ, по видимому, почувствовалъ самъ, что неизмѣненіе смысла въ переводѣ книги, признанной вредною, не есть оправданіе, и для того, избѣгая отъ одной странности, впадаетъ еще въ худшую, говоря, что какъ онъ поправлялъ механически, то и образъ мыслей его принужденно сходствуетъ съ толкователемъ. Поставлять въ оправданіе Попова сходство смысла, и потомъ сходство сіе называть принужденнымъ (слѣдовательно, не такимъ, которое оправдываетъ), происшедшимъ отъ того, что поправитель былъ не человѣкъ, а машина, есть нѣчто необыкновенное, неслыханное не только отъ Судьи, ниже отъ Стряпчаго, которому бы было поручено защищать подсудимаго; думаю, что и тотъ не осмѣлился бы такими несообразными ни съ чѣмъ представленіями обижать своихъ слушателей; ибо за кого въ такомъ случаѣ онъ принимаетъ ихъ?»

родить хотя нѣкоторое въ совѣсти затрудненіе, не смотря ни на какія доказательства, безмолвно послѣдовать и соглашаться съ несправедливыми и явно пристрастными сужденіями; но мы послѣ увидимъ, что сердце преодолевало разумъ, и что, по несчастію, ложь могла торжествовать надъ правдой.

Сопровождавшія дѣло сіе обстоятельства:

Когда въ Государственномъ Совѣтѣ прочтенъ былъ сей, поступившій изъ Правительствующаго Сената, судъ о Поповѣ, тогда просилъ я остановить заключеніе по оному до будущаго засѣданія, въ которомъ намѣренъ я представить мнѣніе мое письменно. Совѣтъ согласился. Я подалъ оное и хотѣлъ самъ прочитать, ибо опасался, чтобъ не прочитали худо и не ясно. Находили въ томъ нѣкоторыя затрудненія, но когда я сказалъ, что въ такомъ случаѣ возьму назадъ мою бумагу, то мнѣ позволено было. Предъ самымъ началомъ чтенія обратился я къ Предсѣдателю и сказалъ ему: «Я возражаю на каждую статью голоса Г. Сенатора Муравьева особенно, и буду при каждой останавливаться. Если кому изъ Господъ Членовъ угодно будетъ при какой либо статьѣ остановить меня и возразить противъ моихъ доказательствъ, я охотно его выслушаю и отвѣчать буду.» Съ симъ условіемъ началъ я читать. При каждой статьѣ останавливался и ожидалъ возраженій, но ни кто ни малѣйшаго не сдѣлалъ мнѣ противорѣчія. Казалось, всѣ согласны были со мною; но когда послѣ чтенія начали отбирать голоса, тогда оказалось, что многіе Члены Совѣта, равно какъ и въ Сенатѣ, были на сторонѣ Сенатора Муравьева. Сіе показываетъ, что противъ правды говорить трудно, и что, зная напередъ силу неправды, хотя и пристають къ ней, но въ тишину, стыдясь гласнымъ образомъ защищать ее. Къ голосу Муравьева пристали: Голицынъ, Нессельродъ, Карцовъ, Татищевъ, Болотниковъ, Самтыковъ, Тутолминъ, Сперацскій и (кто бы подумалъ?) Милорадовичъ, Васильчиковъ, Мордвиновъ!

Письмо мое по сему поводу къ Государю Императору.

Цесемилостивѣйшій Государы!

«Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта читана Сенатская бумага, содержащая въ себѣ судъ надъ бывшимъ Директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія Поповымъ. Въ бумагѣ сей большая половина Сенаторовъ, по голосу Сенатора Муравьева-Апостола, его оправдываютъ, и съ сею половиною согласился и Департаментъ Государственнаго Совѣта съ нѣкоторы-

ми другими, приставшими къ нему, Членами. Увѣренный въ противозаконныхъ и вредныхъ послѣдствіяхъ сего оправданія, напелся я принужденнымъ, по важности сего дѣла и по долгу моему, подать возразительное противъ того мнѣніе мое, которое при семъ прилагаю (см. выше). Государь! Я не имѣю ни какой личности противъ подсудимаго Попова и совсѣмъ его не знаю; но здѣсь дѣло идетъ не о немъ, не о частномъ человѣкѣ, а о томъ возникшемъ и отъ часу больше возрастающемъ духѣ, который угрожаетъ потрясти спокойствіе и благоденствіе народное, а съ ними, Государь, и Твою собственную безопасность. Гдѣ не упадетъ Сысъ Божій, тамъ и Царь не пощадится; мы видѣли тому примѣры. Признаки сего буйнаго духа становятся день отъ дня явнѣе. Долговременно употребляемая къ тому средства, таковыя, какъ разные по домамъ сборища и чтенія подобныхъ Госнеровой книгъ, въ великомъ количествѣ выпущенныхъ, породили наконецъ и размножили сіи опасныя расколы, сіи дышащія ненавистію къ Церкви и Престолу писанія, какія читаемъ въ бумагахъ Есаулова (см. примѣчаніе выше), и бѣгающихъ изъ полковъ солдатъ, составляющихъ увѣщательныя къ сотоварищамъ своимъ посланія, наполненныя фанатическими мечтаніями, но въ которыхъ, однако жъ, видна одинакая цѣль, одинакое намѣреніе, ясно показывающее, что это не собственное ихъ заблужденіе, но внушаемое имъ тѣми, кому надобно дѣлать ихъ. Главный обманъ ихъ состоитъ въ проповѣдываніи какой-то иной Вѣры, не той, которая въ Россіи со временъ Владиміра исповѣдуется, но другой, выдуманной злонамѣренными людьми, дабы чрезъ то ослѣпить народъ и, воспламеня въ немъ, подъ именами сей мечтательной Вѣры и вольности, безвѣріе и своеволие, ополчить его противъ Бога, Царей и всякаго порядка. Бѣдственныя отъ сего слѣдствія оказывались во многихъ странахъ Европы, и не иначе потухали, какъ погибелю безчисленныхъ жертвъ. Богъ доселѣ хранилъ Россію, но нынѣ, кажется, рука Его тяготѣетъ на насъ. Съ нѣкотораго времени зараза сія водворилась и между нами. Она становится столь явною и смѣлою, что, кажется, не боится уже обнаруживать себя. Плоды распущенныхъ во множествѣ книгъ, въ которыхъ приводимые изъ Библіи тексты толкуются превратно, вездѣ оказываются въ Есаульскихъ и солдатскихъ посланіяхъ. Чрезвычайное въ краткое время умноженіе самыхъ

опаснѣйшихъ расколовъ есть несомнѣнное отъ сего послѣдствіе. Сему нечестію начинаютъ соотвѣтствовать подобныя же и дѣянія, таковыя, какъ частыя воровства и грабежи, даже не рѣдки смертоубійства, также слухи, распускаемые къ уничиженію Священства, о Попахъ съ козлиными рогами, подающіе сверхъ, того, поводъ народу по ночамъ скопляться. * Вѣроятно, есть и другія подобныя происшествія, о которыхъ Полиція больше меня свѣдуща. Судь надъ Профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ Университетахъ и Училищахъ, часто свидѣтельствовали тѣ же самыя замыслы. ** Во многихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ появляются таковыя же порывы. Сколь ни трудно для меня имѣть особое и неуслышное за симъ наблюденіе, однако жъ я велѣлъ Цензорамъ при малѣйшемъ сомнѣніи относиться ко мнѣ. Многое останавливалъ. Нанослѣдокъ, пришедшій разъ Цензоръ принесъ ко мнѣ поступившіе къ нему стихи и спрашивалъ, велю ли я ихъ пропустить? Стихи сіи присланы подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Посланіе къ артельнымъ друзьямъ.» Годъ поставленъ 1817. Имя сочинителя означено Мещевскій. Слово: «артельные друзья,» само собою показываетъ, что посланіе сіе относится не ко всѣмъ вообще читателямъ, но къ какой-то артели, т. е., неизвѣстному, или тайному, обществу. Годъ 1817 есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, лживымъ образомъ

---

* Извѣстно, что въ это время происходили въ Петербургѣ многія по домамъ погромы и, сверхъ того, учинены нѣкоторыя смертоубійства, изъ коихъ нѣкоторыя по обстоятельствамъ казались такими, что не корысть побудила на оныя, но, вѣроятно, опасеніе, чтобъ человекъ сей не открылъ ввѣренной ему тайны. Также распушенъ былъ слухъ, будто бы какой-то Шонъ, для содѣланія нѣкакого нечестовства, нарядился въ козью съ рогами кожу, которая тотчасъ къ нему приросла, и что будто бы въ семь видѣ повезутъ его ночью на казнь. Нелѣпная сказка сія такъ распространилась, что дни три сряду народъ скоплялся во множествѣ смотрѣть на сего чудеснаго преступника и, что всего страннѣе, сказка сія не въ одномъ здѣшнемъ, но и въ другихъ городахъ разглашена была.

** См. «Дѣло о С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 году, въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1866 г.», кн. 3, отд. V, стр. 61—161.

возмутительныя противъ Вѣры и Правительства. Въ стихахъ сихъ, между прочимъ, говорится слѣдующее:

«Друзья! Вотъ стонъ души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта златая равныхъ лней
Еще отъ насъ далеко!
Еще въ туманѣ скрыта цѣль
Возлюбленныхъ желаній.
Кто жь благотворную артель,
Источникъ всѣхъ мечтаній,
Высокихъ чувствъ и сновъ златыхъ,
Для счастья отчизны,
Кто, въ шумѣ радостей пустыхъ,
Миѣ замѣнить въ сей жизни?
Я съ вами—и въ душѣ горить
Добра огонь священный;
Безъ насъ иной все кажется видѣ,
Столь низкій, столь презрѣнный!
Но часъ пробѣть! Услышимъ мы
Отечества призванье,—
Тогда появится изъ тьмы
Душъ пламенныхъ желанье:
Сплетенные рука съ рукой
На путь мы ступимъ жизни,
И пылкой полетимъ душой
Ко счастью отчизны,—
И кто возможетъ положить
Преграды намъ въ полетѣ?
Кто для отчизны ахнетъ жить,
Тотъ выше бѣдствій въ свѣтѣ.»

Не явно ли, стихи сіи заключаютъ въ себѣ воззваніе къ возмущенію? Ибо что можетъ быть яснѣе сихъ словъ: «друзья артельщики!» (Можетъ быть, нарочно не сказано: товарищи, дабы подѣ словомъ: «артельщики» разумѣть вмѣстѣ и солдатъ). «Цѣль желаній нашихъ скрыта еще въ туманѣ.» Какая цѣль? Для чего скрыта? О какомъ «счастьи отчизны» старается какая-то неизвѣстная, тайная, «высокихъ чувствъ артель, источникъ всѣхъ мечтаній и сновъ златыхъ?» — И что еще? Безъ сей артели все прочее «кажется низкій, презрѣнный видъ!» А что, между тѣмъ, затѣваетъ артель сія? Взглянемъ только на без-

нравственныя сочиненія, на безстыдныя и наглыя умствованія, разсѣваемыеими артистичками, почитающими всѣхъ, кромѣ себя, «низкими и презрѣнными,» и тогда мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ по злобѣ, а другіе, путеволимые хитрѣйшими себя, по слѣпотѣ и безумію, стремятся разрушить всякое общество, истребить всякую Вѣру и Правительство. Тѣхъ они ненавидятъ, которые сего не хотятъ. Надежда ихъ на единомышленниковъ своихъ такъ велика, что они не только защищаютъ Госне-ровъ и ему подобныхъ, не только въ слухъ о томъ твердятъ, но и посылаютъ въ печать стихи, въ которыхъ смѣло пророчествуютъ: «но часъ пробѣдетъ! услышимъ мы Отечества призванье; тогда изъ тьмы появится душъ пламенныхъ желанье!» Какое призванье Отечества? Не Отечество, противъ котораго они возстаютъ, призываетъ ихъ, но развратъ, внушенный имъ врагами человѣчества: не вѣдятъ бо, что творятъ, и въ семъ незнаніи исполняютъ волю общихъ и своихъ злодѣевъ, и, повинувась имъ слѣпо и рабски, съ гордостію хвастаютъ пламеннымъ желаніемъ душъ своихъ и угрозами, что въ то время, когда сіе желаніе ихъ появится изъ тьмы, никто не возможетъ положить имъ преграды въ полетѣ, и что они выше всѣхъ бѣдствій. Вотъ какіе стихи не боятся присылать для напечатанія! Я призвалъ къ себѣ журналиста (Воейкова) и спросилъ у него: какъ смѣлъ онъ такіе стихи принять, съ намѣреніемъ издать въ своемъ журналѣ? Онъ сперва покушался дать имъ благовидный смыслъ, но когда увидѣлъ, что сего не возможно, то, въ извиненіе свое, отвѣчалъ мнѣ, что не смѣетъ присылаемыхъ къ нему стиховъ не принимать, опасаясь, что его вызовутъ за то на поединокъ. Потомъ, когда у него спросилъ, кто такой Мещевскій, подписавшійся подъ сими стихами, гдѣ онъ живетъ и откуда прислалъ ихъ? то онъ мнѣ сказалъ, что этотъ Мещевскій, года три, или четыре, тому назадъ, умеръ и оставилъ у него свои сочиненія. И такъ, по словамъ его, опасался онъ, что и мертвый вызоветъ его на поединокъ! Цензоръ тоже боится, что если не пропуститъ, то его разругаютъ, или прибьютъ. Вотъ до чего простирается дерзость таковыхъ писаній и требованій! Въ оправданіе сему только и слышалось, что твердятъ: «да это господствующій духъ времени!»

Всемилолюбивѣйшій Государы Вездѣ, въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ, въ Комитетѣ Гг. Министровъ, въ публикѣ и при самомъ Дворѣ, духъ сей находить защиту и покровительство. Я очень вѣрю, что не всѣ дѣйствуютъ по злонамѣренію; но когда отъ всеобщаго покровительства произойдетъ всеобщее зло, то меньше ли зло сіе будетъ пагубно отъ того, что иной способствовалъ ему созрѣвать отъ незнанія, иной изъ угожденія, иной отъ равнодушія, иной по какой либо пріязни, или связямъ? Чего не дѣлаютъ на свѣтѣ страсти и обманы? Вдаваясь имъ, можно, прикрытыхъ личною, враговъ своихъ почитать друзьями. Ухищренія ихъ въ свое время окажутся, но тогда уже будетъ поздно. Истина обнаружится, и торжество обмана чрезъ то не отвратится. Государы! Не вѣрнѣ мнѣ, если сомнѣваешься въ искренности моихъ словъ, или считаешь меня излишне предающимся своимъ мечтаніямъ, но не вѣрнѣ и другимъ! Смотри не на слова людей, но на дѣла ихъ.

А. Ш.о

Примѣчаніе.

Къ чему служило мнѣ рвеніе мое остановить усилившуюся заразу? Съ одной стороны Богъ, совѣсть и Отечество, требовалъ отъ меня, чтобъ я, по долгу званія моего, сопротивлялся, сколько могу, безнравственному и пагубному вольнодумству или, такъ называемому, духу времени; но съ другой часть отъ часу болѣе усматривалъ я, что не могу имѣть ни средствъ, ни возможности поставить преграду сему, широко развившемуся и безпрепятственно текущему, злу. * Надлежало мнѣ или уступить обстоятельствамъ

---

* Зло сіе, отъ времени Православія не извѣстное въ благословенномъ Русскомъ Царствѣ (ибо хотя, такъ называемые, расколы и прежде существовали у насъ, но они были малочисленны и гораздо менѣе зловредны), пришло къ намъ изъ чужихъ земель. Начало онаго было слѣдующее: Въ Царствованіе Великой Екатерины, нѣкто Новиковъ, съ товарищами, Тургеневымъ, Лопухинымъ и нѣкоторыми другими, задумали украдкою сочинять развратныя книги, и проповѣдывать, заимствованныя ими у чужеземныхъ лжеучителей, злочестивыя правила. Для расширенія связей своихъ и пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣдѣній, послали они въ чужіе края молодого, тогда еще мало извѣстнаго, писателя, Карамзина. Злонамѣреніе ихъ скоро было открыто и разрушено. Глава и Предводитель ихъ,

или безуспѣшно и со вредомъ себѣ противоборствовать онымъ. Я избралъ послѣднее. Сначала казалось мнѣ, что обстоятельства благопріятствуютъ тому, чтобъ гласъ истины, долгое время не державшій вопіять противъ гласа лжи, на послѣдокъ возгремѣлъ противъ ней и злыя поученія ея изобличилъ и опровергъ: ибо возмущенія, происходившія въ Испаніи, въ Неаполѣ, и пребываніе Государа Императора въ Австріи, переѣмили во многомъ образъ мыслей Его. Онъ пересталъ помышлять о дарованіи воленности народу, о соединеніи всѣхъ вѣръ, о новой философіи, подъ именемъ высокихъ таинствъ разрушавшей воѣ связи общества, и другихъ подобныхъ сему мечтаніяхъ. Случай, подавшій поводъ къ переѣмѣнѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, казалось, открылъ ему злонамѣренность тѣхъ правилъ, которымъ доселѣ послѣдовалъ. Онъ съ такою ревностію. Благоклонное вниманіе Его ко всѣмъ моимъ представленіямъ и кроткое выслушиваніе всѣхъ моихъ вопіаній противъ учрежденій и книгъ, Имъ самимъ вводимыхъ и одобряемыхъ, подавали мнѣ надежду, что, поддерживаемый силою гласа и твердостію воли Его, могу я благоуспѣшно дѣйствовать, исторгая сѣмена лжеученій и прельщаяся возрастать имъ. Но вскорѣ увидѣлъ я, что всѣ мои надежды были тщетны. Привязанность, или какъ бы цѣкая страсть, Его къ прежнимъ своимъ дѣяніямъ и образу мыслей, не видрая на силу опытовъ и убѣжденій, не могла въ немъ истребиться,

---

Новиковъ, посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Тургеневу Елѣтерина повѣла жить въ деревнѣ безъ выѣзда, подъ присмотромъ Губернатора, къ которому написала: «Наблюдайте за нимъ. Хотя онъ и раскаялся въ своемъ заблужденіи, но возьмите съ него честное Дворянское слово, что онъ впредь ни въ какія связи съ подобными людьми не войдетъ.» Такимъ образомъ первое покушеніе сіе было уничтожено. Павелъ I, по восшествіи своемъ на Престолъ, освободилъ Новикова. Въ Царствованіе Александра I чужеземныя внушенія сіи возникли снова и, подъ благовиднымъ именемъ Науки и Просвѣщенія, услались и распространились. Въ знаменитѣйшую войну 1812 года Россія, изломившая исполнскія силы Наполеона, вознеслась на высокую степень славы, но, между тѣмъ, какъ она, окровавленная и побѣдоносная, пошла великодушно освобождать воевавшую противъ ней Европу отъ ига Французовъ, Англійскіе Методисты заводили въ ней Библейскія Общество, долженствовавшія никогда, подъ видомъ распространенія Христіанства, поколебать Православную ея Вѣру, и внутренними раздорами сокрушить ея могущество.

такъ что, казалось, Онъ, самъ съ собою борясь, увлекался попеременно то тѣми, то другими мыслями. Очевидность доказательства и сильныя моя настоянія принуждали Его соглашаться на предприемлемыя мною мѣры, но Онъ разрушалъ ихъ тайнымъ образомъ. По дѣлу Пастора Госнера, отдавъ Попова подъ судъ, уговаривалъ Милорадовича, чтобъ онъ старался оправдать его. Но еще лучше можно посудить о семъ изъ слѣдующаго обстоятельства: по вступленіи моемъ въ Министерство Просвѣщенія, представилъ я Ему объ опредѣленіи въ Попечители Московскаго Университета, Сенатора Муравьева-Апостола. «Какъ! сказалъ Онъ мнѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ: ты представляешь въ Попечители Муравьева Ивана Матвѣевича?»—«Да, Государь,» отвѣчалъ я. «Но коротко ли ты его знаешь?» спросилъ Онъ.—«Коротко—не могу сказать, отвѣчалъ я, но сужу о немъ по тому, что онъ, кажется, человѣкъ съ познаніями и говоритъ на многихъ языкахъ.»—«Ну такъ Я скажу тебѣ о немъ: Я коротко его знаю, продолжалъ Онъ: это человѣкъ самой вредной и худой, какой только есть на свѣтѣ.» Тутъ разсказалъ Онъ мнѣ о его дѣлахъ и поступкахъ въ бытность его Посланникомъ въ Испаніи и недоброжелательствѣ къ Нему лично, къ Отечественнымъ пользамъ и, словомъ, описалъ его самыми черными красками.—«Если такъ, сказалъ я, выслушавъ сіе, то простите мнѣ, что я, не зная о томъ, осмѣлился его представить; но позвольте мнѣ, Государь, спросить: какимъ же образомъ недавно изволили Вы сдѣлать его Сенаторомъ?»—«Я не хотѣлъ мстить и помнить прежняго, отвѣчалъ Онъ.—«Не угодно ли будетъ Вамъ, продолжалъ я, опредѣлить его Членомъ въ Правленіе Училищъ? Тутъ онъ ни чего худаго сдѣлать не можетъ, а, можетъ быть, подастъ иногда такое мнѣніе, котораго полезность общимъ согласіемъ примется и утвердится мною.»—Государь нѣсколько поморщился, однако жъ, напоследокъ, какъ бы не хотя, сказалъ: «Хорошо!» Спустя нѣкоторое время послѣ сего когда сей Господинъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ въ Сенатъ голосъ свой, и когда принужденъ я былъ написать противъ того мое возраженіе (см. выше), былъ я съ докладами у Государя. Онъ, по выслушаніи бумагъ моихъ, спросилъ у меня: «Доволенъ ли я всѣми тѣми Членами, которые, по представленію моему, опредѣлены въ Правленіе Училищъ?» На неожиданный вопросъ сей, не успѣвши въ скорости сообразиться, отвѣчалъ я: «Дово-

лень.» — «Какъ? продолжалъ Онъ: всѣми безъ изъятія?» — Тутъ вспомнилъ я о Муравьевѣ и сказалъ Ему: «Виновать, Государь, не всѣми: есть одинъ, которымъ я, узнавъ его короче, весьма недоволенъ.» — «Кто жь, кто жь такой это?» перервалъ Онъ съ торопливостію. — «Муравьевъ-Апостолъ,» сказалъ я. — «А! подхватилъ Онъ: не говорилъ ли Я тебѣ? Теперь ты повѣришь, что я не солгалъ.» — «Государы! Я даже и малѣйшаго сомнѣнія никогда въ томъ не имѣлъ», отвѣчалъ я. Таковъ былъ разговоръ нашъ тогда, когда Ему письменная моя съ симъ Сенаторомъ распрія была уже извѣстна. Кто жь послѣ сего повѣритъ, что Онъ тихимъ образомъ призывалъ къ Себѣ Муравьева и благодарилъ за поданный имъ въ Сенатѣ голоса! Я бы охотно въ томъ усомнился, но слышалъ это отъ людей достовѣрныхъ, и при томъ какъ изъ предшествовавшихъ, такъ и послѣдовавшихъ, обстоятельствъ видны были явные тому признаки. Одинъ изъ Сенаторовъ сказывалъ мнѣ, что предъ тѣмъ временемъ, какъ дѣло о Госнерѣ и Поповѣ должно было быть судимо въ Общемъ Собраніи Сената, Тургеневъ (сынъ выше упомянутаго Тургенева) и нѣкоторые другіе, защитники сего, пріѣзжали нарочно къ нему уговаривать его, чтобъ онъ былъ на сторонѣ тѣхъ, которые будутъ оправдывать Попова, и даже, въ противномъ случаѣ, грозили ему худыми послѣдствіями. Когда дѣло сіе потомъ поступило въ Государственный Совѣтъ, то многіе изъ Членовъ онаго, иные по собственному своему въ томъ участию, а другіе по расчисленію, что выгоднѣе держаться сильнѣйшей стороны, приставали къ ней.

И такъ хотя сѣбѣна Министра Народнаго Просвѣщенія, изгнаніе Госнера, данный на имя мое Рескриптъ, позволеніе вновь напечатать книгу Станевича, закрытіе Библейскихъ Обществъ и проч., съ одной стороны, гласно обвиняли дѣйствія прежняго Министерства Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ, однако жь, съ другой, не только защита, но и награды тѣмъ, кои были въ негъ дѣйствующими лицами, столь же гласно показывали одну тою наружность сихъ мѣръ, безъ всякаго намѣренія и желанія приводить ихъ въ дѣятельное исполненіе. Отселѣ прежняя сторона, видя себя покровительствуемою, не преставаала усиливаться и противоборствовать разрушенію положенныхъ ею основаній. Иудрено ли, что, при такомъ расположеніи умовъ, многіе смотрѣ-

ли на меня, какъ на человѣка страшнаго, хотящаго ладонью своей руки остановить быстрое теченіе потока.

Продолженіе историческое.

Государь Императоръ, съ супругою Своею, по причинѣ болѣзни ея, отпразднелъ въ Таганрогъ; Онъ простился со мною милостиво, обнявъ меня и поцѣловалъ. Могъ ли я тогда подумать, что это было мое послѣднее съ Нимъ свиданіе? Неожиданная ни кѣмъ о смерти Его вѣсть, приходитъ и повергаетъ всѣхъ въ смятеніе. Собираютъ Государственный Совѣтъ. Графъ Милорадовичъ, Военный Губернаторъ и Членъ Совѣта, объявляетъ новаго Императора, Великаго Князя Константина Павловича (находившагося тогда въ Варшавѣ), и приглашаетъ ити къ присягѣ, сказывая, что Великій Князь Николай Павловичъ, старшій по немъ братъ, уже присягнулъ. Всѣ мы готовы были ити въ церковь, но Князь Лопухинъ и Князь Голицынъ предлюбили, что надобно напередъ прочесть хранящуюся за печатью бумагу, въ которой изображена воля покойнаго Императора. Я возразилъ противъ сего, предлагая, что бумагу можно открыть послѣ; ибо, если, наче чаянія, въ ней заключается что ни будь такое, которое можетъ общее мнѣніе привести въ разногласіе, весьма въ подобныхъ обстоятельствахъ опасное, то лучше прочесть ее по совершеніи присяги и тогда рѣшить, нужно ли содержащее въ ней обнародовать, или не нужно. На сіе Князь Голицынъ отвѣчалъ мнѣ, что бумага эта ему извѣстна, писана его рукою, и что она не произведетъ ни какого разногласія. Послѣ сего я замолчалъ. Принесли запечатанный ящикъ, бумагу вынули, распечатали и прочитали. Она, къ общему всѣхъ удивленію, содержала въ себѣ отреченіе Великаго Князя Константина Павловича отъ Престола, съ уступленіемъ права своего младшему брату его, Николаю Павловичу. По прочтеніи сего, общее мнѣніе раздѣлилось: одни хотѣли присягать одному, другіе — другому. Графъ Милорадовичъ представлялъ, что Великій Князь Николай Павловичъ самъ присягнулъ уже брату своему, и что должно ему въ томъ послѣдовать; однако жъ нѣкоторые тому противорѣчили. Видя несогласіе, Милорадовичъ сказалъ, что онъ пойдетъ доложить о семъ Великому Князю, который, конечно, не уедлитъ самъ сюда прійти. Тогда всѣ согласились лучше для

объясненія пойти къ нему, нежели его призывать въ Совѣтъ. Тотчасъ всѣ мы отравились въ его покои. Онъ вышелъ къ намъ, и всѣхъ, со слезами въ очахъ, убѣдительношимъ образомъ уговаривалъ, чтобы мы шли присягнуть Константину Павловичу. Мы всѣ молчали. Одинъ Князь Голицынъ, держа въ рукахъ выше упомянутую бумагу, неотступно просилъ его прочитатъ оную. Великій Князь не хотѣлъ читать, говоря, что онъ о содержаніи ея извѣстенъ; но Голицынъ приступалъ къ нему неотвязно, такъ что онъ наослѣдокъ взялъ ее, прочиталъ поспѣшно въ слухъ и, поцѣловавъ Голицына съ жаромъ въ голову, сказалъ: «Знаю, Александръ Николаевичъ, знаю все; но прошу всѣхъ васъ со слезами, успокойте меня и Матушку, подите къ Ней и скажите, что мы присягаемъ Константину Павловичу!» При сихъ словахъ онъ почти каждого изъ насъ бралъ за руку и утрашивалъ сдѣлать сіе непременно. Мы пошли къ Императрицѣ. Она въ глубокой печали сидѣла въ черномъ одѣяніи. Всѣ мы со слезами подошли къ Ней. Она прерывнымъ голосомъ сказала намъ, что, ютя, по волѣ покойнаго Императора и Ея собственной, сдѣлано завіщаніе, въ которомъ Константинъ Павловичъ отрицается отъ принятія Престола, однако жъ по праву должно Ему вступить на оный. По изреченіи сего отпустила насъ, и мы присягнули новому Императору. Ожидали скорого прибытія его изъ Варшавы, но оно, безъ всякаго объясненія о причинахъ, продолжилось нѣсколько недѣль, такъ что наконецъ стали носиться о семь разные толки и слухи. Великій Князь Михаилъ Павловичъ поѣхалъ самъ къ нему, и нѣсколько времени былъ отсутственъ. Всѣ почитали его въ Варшавѣ, но начали приходиться извѣстія, что онъ остановился и живетъ на дорогѣ. Между тѣмъ въ Вѣдомостяхъ возвѣщено было, что Императоръ скоро будетъ. Обстоятельства сіи приводили всѣхъ въ нѣкоторую неизвѣстность и недоумѣніе. Наослѣдокъ, Декабря въ 13 день, сзываютъ Государственный Совѣтъ, назнача время въ 6 часовъ по полудни. Мы собираемся, не вѣдая тому причины, выключая, можетъ быть, одного Князя Голицына, который, по особой довѣренности, присутствовалъ въ комнатныхъ у Императрицы совѣщаніяхъ, при коихъ, какъ сказываютъ, находились также Карамзинъ (исторіографъ), Шторхъ (академикъ), Жуковскій (стихотворецъ) и нѣкоторые другіе. Когда мы собрались, то возвѣстили намъ, что оба

Великіе Князья, Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, будутъ въ Совѣтѣ (послѣдній не возвратился еще изъ своего путешествія, но сказано было, что онъ уже близко и сего же вечера прїѣдетъ). Всѣ мы сидимъ въ глубокомъ молчаніи: часть, два, три и болѣе. Наступаетъ полночь; позвали насъ ужинать. Отужинавъ, садимся мы опять по своимъ мѣстамъ. Тутъ вскорѣ приходитъ Великій Князь Николай Павловичъ, садится между нами, и начинаетъ самъ читать письма Константина Павловича къ нему и къ матери своей, Императрицѣ, въ которыхъ онъ отрицается навсегда отъ принятія Престола и говоритъ, что онъ уже присягнулъ брату своему, Николаю Павловичу. Въ слѣдствіе сего новый Императоръ, Николай I, подзвалъ къ Себѣ Министра Юстиціи, Князя Лобанова-Ростовскаго, и сказалъ намъ, между прочимъ: «Сегодня Я васъ прошу, а завтра буду приказывать»; поручилъ ему бумаги сіи тотчасъ напечатать и обнародовать и поутру привести всѣхъ къ присягѣ. По окончаніи сего откланялся намъ, ушелъ—и мы всѣ разъѣхались.

На другой день, чувствуя себя не очень здоровымъ, поѣхалъ я, однако жъ, во дворецъ, присягнувъ, возвратился домой и хотѣлъ опять ѣхать туда же, но голова у меня такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ лечь въ постель. Едва успѣлъ я раздѣться, какъ вдругъ приближали мнѣ сказать, что войска, собравшись на Исакиевской площади, бунтуютъ, не хотятъ присягать, и что нѣкоторые изъ Генераловъ, хотѣвшихъ ихъ упнять, изрублены. Встревоженный сею вѣстію, я рѣшился было, не смотря на головную боль мою, чрезъ силу ѣхать во дворецъ, но мнѣ сказали, что, по причинѣ великаго стеченія людей, проѣхать будетъ трудно. Чрезъ полчаса потомъ услышалъ я, что Графъ Милорадовичъ проскакалъ верхомъ мимо нашего дома, шатающийся, блѣдный и безъ шляпы. Я послалъ провѣдать о немъ и, къ крайнему сожалѣнію моему, услышалъ, что онъ раненъ. Одинъ изъ бунтующихъ Офицеровъ, нѣкто Каховскій, выстрѣлилъ въ него, когда онъ подѣхалъ уговаривать солдатъ, чтобъ они оставили дерзновенное свое намѣреніе, и рана была такъ смертельна, что онъ на третій день умеръ. Такимъ образомъ храбрый военачальникъ сей, мимо котораго, въ разныя многократныя сраженія, столько непріятельскихъ пуль и ядеръ пролетѣло, погибъ, посреди столицы, отъ рукъ своего соотечественника.

Между тѣмъ другія, не участвовавшія въ возмущеніи, войска, коныи и пѣшія, собрались, привезли пушки и, послѣ нѣсколькихъ бесполезныхъ покушеній привести возмущившихся въ послушаніе, по отверженіи ими увѣщаній Митрополита, подходящаго къ нимъ съ крестомъ въ рукахъ и въ полномъ облаченіи, Государь, видя непокорность ихъ, приказалъ палить въ нихъ картечью. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, при наступившихъ уже сумеркахъ, всѣ они, бросивъ ружья, побѣжали и разсѣялись. Палба прекратилась, но страхъ и безнокойство еще господствовали. Часть изъ войска преслѣдовали бѣгущихъ, другая же главная часть расположилась на площади, противъ дворца, и ночевала тутъ съ раскладенными огнями. Съ наставшимъ утромъ открылось ужасное зрѣлище: Исакиевская площадь обагрена была кровью, множество тѣлъ лежало на ней; оторванныя руки и ноги маялись по мостовой. Скопившаяся толпа народа пострадала вмѣстѣ съ бунтовщиками. День сей, сколь ни былъ злополученъ и для многихъ бѣдственъ, однако жъ, онъ послужилъ къ нѣкоторому добру; ибо чрезъ него открылся между многими военно-служащими и гражданскими чиновниками заговоръ, состоявшій въ умыслѣ на жизнь покойнаго Императора, на весь Царскій Домъ и на перемѣну Правительства: плоды тѣхъ зловредныхъ дѣяній и книгъ, противъ которыхъ я, въ выше означенныхъ письмахъ моихъ, бесполезно вооружался.

Впрочемъ, въ сіи смутные сутки, къ чести Русскаго народа, можно замѣтить то, что нигдѣ, ниже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ частяхъ города, не произошло ни какихъ буйствъ и грабежей.

По водвореніи устройства и тишины, Императоръ приступилъ къ исправленію дѣлъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и при покойномъ Государѣ. Мнѣ, для докладовъ по моему Министерству, назначенъ былъ тоже одинъ день въ недѣлю. Когда я первый разъ пришелъ съ бумагами, Его Величество, хотя и никогда не видалъ я прежде случая бывать у Него, или съ Нимъ бесѣдовать, принялъ меня весьма милостиво. Ободренный симъ, сказалъ я Ему: «Государы! Позвольте мнѣ напередъ доложить Вамъ о себѣ самомъ: ни я, ни служба моя, ни образъ мыслей моихъ, ни сношенія мои съ покойнымъ Императоромъ по дѣламъ весьма

немаловажнымъ, Вамъ не извѣстны, а по тому и почитаю я за должное, Вашему Величеству, при вступленіи Вашемъ на Престолъ, обо всемъ ономъ донести, дабы имѣли Вы полное о томъ свѣдѣніе.» Онъ позволилъ, — и тогда я, рассказавъ Ему, какимъ образомъ и въ какія времена взятъ я былъ, сперва въ Государственные Секретари, а потомъ въ Министры Просвѣщенія, спросилъ у Него: «Извѣстна ли Ему причина, по какой, въ 1812 году, покойный Государь, оставя въ окрестностяхъ Дриссы предводительство Свое надъ войсками, отправился въ Москву? И когда Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, тогда подалъ я Ему небольшое описаніе о семъ, * которое Онъ въ то же время прочиталъ и согласился со мною, что безъ сего событія могли бы произойти совсѣмъ иныя слѣдствія. На многіе еще вопросы мои о приключеніяхъ, происходившихъ отъ опасныхъ и вредныхъ толкованій о Вѣрѣ и Правительствѣ, отзывался Онъ, что не имѣлъ никакихъ о томъ свѣдѣній. Тогда отдалъ я Ему всѣ мои замѣчанія и письма, писанныя мною къ покойному Государю Императору и къ Графу Аракчееву, сказавъ при томъ, что я счелъ за долгъ со всею подробностію увѣдомить Его о томъ, что до восшествія Его на Престолъ по симъ дѣламъ происходило. Онъ обѣщалъ это прочитать и, казалось, былъ доволенъ моею съ Нимъ откровенностію, приказалъ мнѣ написать новый Цензурный Уставъ, и отпустилъ меня еще милостивѣе, нежели принималъ.

Письма мои къ Государю Императору Николаю Павловичу.

Первое.

(Января 15 дня, 1826 года.)

«Всемиловѣйшій Государь!

Скоро представлено будетъ Вашему Величеству дѣло о бывшемъ Директорѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія, Поповѣ. Дѣло сіе, само по себѣ маловажное, весьма важно по раз-

* Оно находится въ домашнихъ моихъ запискахъ. См. книжка 6.

дѣленію о немъ голосовъ и по гласности онаго, обращающей на него отъ всѣхъ великое вниманіе; а по тому и почитаю я долгомъ предварить Васъ, Государь, сообщеніемъ полнаго о немъ свѣдѣнія.

Вызванный сюда (равно какъ и многіе другіе, подобныя ему) иностранецъ Госнеръ долгое время, получая хорошее жалованье, проповѣдывалъ здѣсь, въ особо нанятомъ для него домѣ, гдѣ самъ преподавалъ, которыя нынѣшніе Якобинцы и сектаторы мадѣ распространить стараются и въ которыхъ, подъ видомъ толкованія Священныхъ Писаній, преподаются наставленія, противныя всякой Христіанской Вѣрѣ и всякому благоустроенному Правительству. Къ нему собиралось множество слушателей. На послѣдокъ сочиненную имъ въ семь духъ книгу, для большаго еще распространенія сихъ заразительныхъ ученій, перевели на Русскій языкъ и уже почти всю напечатали, но не знаю, какимъ образомъ доведено о семъ было до свѣдѣнія блаженной памяти Государя Императора.

Книгу сію, присланную отъ него въ Комитетъ Господь Министровъ, приказано было Министру Внутреннихъ Дѣлъ и мнѣ рассмотреть. Мы сдѣлали изъ ней выписки, съ объясненіемъ содержащагося въ нихъ смысла и представили въ Комитетъ. Члены Комитета всѣ безъ изыятія утвердили наше мнѣніе; въ слѣдствіе сего покойный Императоръ повелѣлъ сочинителя ея, Госнера, выслать за границу, книгу его сжечь, и тѣхъ, которые хотѣли выдать ее на Русскомъ языкѣ, отдать подъ судъ. Но какъ переводчикъ ея, Брискорнъ, умеръ, то и преданъ суду выше упомянутый Директоръ Поповъ, изобличенный въ поправленіи ея собственною своею рукою (Поповъ передъ тѣмъ ѣздилъ въ Англію, подъ предлогомъ болѣзни, но всѣ знаютъ, что для сношенія съ тамошними Методистами). На вопросъ, сдѣланный Попову, съ какою цѣлью онъ поправлялъ столь вредную книгу, отвѣчалъ онъ, что почиталъ Госнера человекомъ благочестивымъ и книгу его таковою же. Когда дѣло сіе поступило въ Общее Собраніе Сената, тогда Сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ подалъ письменный голосъ, въ которомъ, оправдывая Попова, говоритъ, однако жъ, что онъ прежняго мѣста своего заступитъ неспособенъ. Къ сему

голосу многіе Сенаторы пристава. Изъ Сената дѣло сіе поступило въ Государственный Совѣтъ. Обязанный, какъ по участию моему въ разсматриваніи Госнеровой книги, такъ и по долгу справедливости, принужденъ я былъ написать мнѣніе мое противъ голоса Муравьева, тѣмъ наче, что въ немъ, съ нарушеніемъ истины и всѣхъ законовъ, дѣлалось соблазнительное потворство явному злонамѣренію издать ядовитую книгу. Опровергнувъ всякой пунктъ голоса Муравьева, я прочиталъ въ Совѣтѣ доказательства мои, останавливаясь при каждомъ изъ оныхъ и прося Господъ Членовъ, не угодно ли кому сдѣлать мнѣ возраженіе, которое я охотно выслушаю и буду на него отвѣчать. Ни кто не сказалъ мнѣ ни чего вопреки, а по тому и думалъ я, что всѣ согласны со мною; но когда, по прочтеніи, начали отбирать голоса, то многіе оказались на сторонѣ Муравьева. Такимъ образомъ и по Совѣту мнѣнія раздѣлились, половина на половину. Въ семъ видѣ дойдетъ дѣло сіе до Вашего Величества, и какъ отъ рѣшенія онаго произойти могутъ послѣдствія, ободрительныя для той или другой стороны, то и укорилъ бы я себя неусердіемъ къ Престолу и Отечеству, если бы не довелъ до свѣдѣнія Вашего всѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ дѣло сіе и которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

Госнеръ проповѣдываніями своими и книгою, а еще больше оказываемымъ ему покровительствомъ, привлекъ на свою сторону многихъ, защищающихъ его и по нынѣ, подъ видомъ будто бы, по Лютеранскому Вѣроисповѣданію своему, онъ могъ тому учить, чему училъ. Но такая заступа за него происходитъ или отъ людей, влавшихъ въ его ученія, или отъ не проникшихъ цѣли его, или по одной наслышкѣ о немъ отъ его послѣдователей, или отъ угожденія, видя его въ сильномъ покровительствѣ. Наставленій его, напротивъ, не взирая на всю хитрость прикрыванія ихъ текстами Священнаго Писанія, противны всякой Вѣрѣ, всякой правственности и всякому Правительству. Изъ многихъ мѣстъ книги его, согласно съ подобными же другими книгами, около того же времени во множествѣ выпущенными, очевидно это явствуетъ. Госнеръ, сверхъ сего, по изгнаніи его, прислалъ тайнымъ образомъ сюда нѣсколько экземпляровъ пѣсни съ нотами, въ которой вообще всякую Христіанскую Церковь и всѣхъ вѣрующихъ въ

нее именуетъ служителями антихриста, а послѣдователей своихъ называетъ малымъ, осиротѣвшимъ безъ него, стадомъ, увѣщаетъ ихъ не унывать, быть вѣрными ему, обѣщаетъ скоро возвратиться къ нимъ, и увѣряетъ ихъ, что уже тогда ни какая дьявольская сила не посмѣетъ его выгнать. Цѣсни сей болѣе сорока экземпляровъ перехвачены были Оберъ-Полиціймейстеромъ и представлены покойному Государю. По изгнаніи Госнера, сектаторы его остались здѣсь и производили тайныя по домамъ сходбища, которыя открыты, и въ послѣдствіи сего наряжена была Комиссія, состоявшая изъ Графа Милорадовича, меня, Барона Ребиндера и Епископа Сигнеуса. При всѣхъ кроткихъ увѣщаніяхъ, человекъ до семидесяти остались упорными въ намѣреніяхъ своихъ, не хотѣли даже обѣщать, чтобъ не дѣлать болѣе тайныхъ сборищъ, такъ что, по причинѣ сего, ни чѣмъ непреодолимаго, упорства, принуждены мы были осудить ихъ къ разосланію и заточенію по разнымъ крѣпостямъ. Снося сіе происшествіе съ тетрадами Есаула, съ посланіями бѣжавшихъ солдатъ, съ распущенными злочестивыми книгами, съ умножившимися расколами и со всѣми другими обстоятельствами, не ясно ли открывается, что Госнеръ зналъ объ успѣхахъ у насъ безвѣрія и долженствующихъ искорѣ послѣдовать изъ того возмущеніяхъ? Могъ ли онъ безъ важнаго свѣдѣнія о силѣ расплодившихся здѣсь всякаго рода сектъ (ибо всѣ онѣ къ одной цѣли, т. е., къ низверженію Вѣры и Престоловъ стремятся), могъ ли увѣрять о скоромъ своемъ возвращеніи сюда, по тому что Правительство, которое честить онъ дьявольскою силою, не въ состояніи будетъ его выгнать? Вотъ что Госнеръ! Вотъ какимъ намѣреніямъ и поученіямъ его оказываемо было покровительство и ободреніе! Самъ Директоръ Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ поправлялъ своею рукою сочиненія его и хотѣлъ, чтобъ оныя изданы были на Русскомъ языкѣ; чего же добраго отъ таковыхъ стараній самаго Правительства можно было ожидать? Два бывшія возмущенія и открытіе столькихъ, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ, молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени, распространеніемъ подобныхъ сочиненій, потрясена была Вѣра! Ибо всѣ сіи лжеумствованія о, такъ называемой, внутренней Церкви (т. е., ни какой), о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи Царей, о пролитіи рѣками

крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага, — всѣ сіи адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, поражаемые безвѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога. Когда и нынѣ, послѣ всѣхъ обнаруженныхъ злонамѣреній, содержащихся въ издаваемыхъ съ давняго времени отъ самаго Правительства книгахъ, ополчавшихся противъ Вѣры и Верховной Власти, и даже послѣ пагубныхъ изъ того послѣдствій, оказавшихся въ паглыхъ и буйственныхъ возмущеніяхъ, когда говорю, и нынѣ таковыя Госнеры и соучастники его Поповы находятъ защитниковъ и оправдателей, то видно, что любимое ихъ слово: «духъ времени» крѣпко распространился. Я весьма далекъ отъ того, чтобъ всѣхъ подозрѣвать въ какомъ либо злонамѣренномъ участіи, но, между тѣмъ, нельзя не полагать причиною сему или недостаточное ихъ о семъ свѣдѣніе, или склонность къ угожденію сторонѣ, по мнѣнію ихъ, многочисленной и могущественной. Немного таковыхъ, которые бы, не увлекаясь разсчетами честолюбивыхъ видовъ, хотѣли лучше терпѣть за истину, нежели безъ нея блаженствовать.

Равнымъ образомъ я весьма далекъ и отъ того, чтобъ желать Попову, или кому бы то ни было, причинить какой либо вредъ, но еще несравненно далѣе отъ того, чтобъ для какого ни будь лица, ниже для самаго себя, пожертвовать пользами Церкви, Престола и Отечества.

Всемиловѣйшій Государы! Долгъ вѣрноподданнаго не позволялъ мнѣ умолчать о семъ, предстоящемъ рѣшенію Вашего Величества, дѣлѣ. Оно важно по тому, что оправданіе Попова умножитъ силу и такъ уже весьма усилившейся стороны, отнимаетъ смѣлость и уменьшитъ число тѣхъ, которые по чистой совѣсти стоятъ за правду, и подаетъ поводъ къ подаванію и впредь такихъ отступающихъ отъ всякихъ законовъ и здраваго разсуднаго голосовъ, каковъ есть голосъ Сенатора Муравьева-Апостола. Ища собственныхъ моихъ выгодъ, я умѣлъ бы промолчать о семъ, или не прекословить многимъ другимъ, дабы не вооружить ихъ противъ себя; но, Государы, мнѣ уже поздно въ старости помышлять о томъ, о чемъ я и въ молодости никогда не помышлялъ. При томъ же, когда блаженной памяти Императору дерзалъ я говорить правду, хотя и зналъ, что ему трудно было рѣшиться гласно

и громко пойти противъ того, что самъ онъ прежде вводилъ и одобрилъ, то не обязанъ ли я буду, по долгу и усердію, Тебѣ, Государь, не участвовавшему въ сихъ попущеніяхъ, чистому дѣлаши и душею, говорить то же? Богъ да направитъ всѣ Твои дѣянія къ собственному Твоему и Царства Твоего благоденствію!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподанный

А. Ш.»

NB: Письмо сіе не имѣло успѣха: Поповъ былъ оправданъ и награжденъ, а Муравьевъ-Апостоль, по желанію его, отпущенъ милостиво въ чужіе края.

Судъ послѣ бывшаго возмущенія.

Четырнадцатый день Декабря (1825 г.) открылъ между многими воинскими и гражданскими Чиновниками преступный противъ Правительства заговоръ, по которому многіе разнаго званія люди, нныя здѣсь были взяты, другіе изъ разныхъ мѣстъ привезены и заключены въ крѣпость. По сему случаю наряжена была особая Коммисія для личныхъ допросовъ и точныхъ изслѣдованій всѣхъ дѣлъ сего обстоятельства. По окончаніи сего изслѣдованія, продолжавшагося около четырехъ мѣсяцевъ, составленъ былъ изъ четырехъ сословій, т. е., изъ Комитета Министровъ, Государственнаго Совѣта, Правительствующихъ Сената и Синода, тако же и другихъ нѣкоторыхъ воинскихъ чиновъ, Верховный Судъ, который, по разсмотрѣніи дѣйствій и намѣреній каждаго преступника, долженствовалъ, по большинству голосовъ, опредѣлять ему мѣру наказанія. Изъ числа оныхъ 5 человекъ осуждены были на смертную казнь, прочіе же всѣ приговорены къ лишенію чиновъ, дворянства и отосланію въ Сибирь на срочныя времена, въ каторжную работу, или на поселеніе. Я не присутствовалъ при началѣ отбиранія сихъ голосовъ, по тому что сдѣлался боленъ и не прежде, какъ чрезъ два дни, могъ явиться опять въ собраніе. Тутъ по усмотрѣнію, что исчисленіе большинства голосовъ произ-

водилось не такимъ образомъ, какимъ, по моему мнѣнію, было бы оно гораздо справедливѣе, и какъ по сямъ двумъ счетамъ выходила не малая разность во времени, на какое осуждались виновные, то и подавъ я противъ сего, сдѣланнаго безъ меня, счета мое возраженіе, заключавшееся въ ниже слѣдующихъ словахъ.

Исчисленіе большинства голосовъ сдѣлано было слѣдующимъ образомъ:

Полагая, на примѣръ, что изъ 70 человекъ присутствующихъ членовъ	4	члена осуждаютъ на смерть,
24	»	» на политическую смерть, т. е., на вѣчное заточеніе,
10	»	» на временное 20-тилѣтнее заточеніе,
15	»	» на 12-тилѣтнее заточеніе,
11	»	» на 10-тилѣтнее заточеніе,
6	»	» на 8-тилѣтнее заточеніе.

По сямъ голосамъ сочтено за большинство оныхъ число 24, яко превосходнѣйшее противу всѣхъ прочихъ, взятыхъ порознь, и по тому рѣшено, что подсудимый приговоренъ къ вѣчному заточенію.

Но сей счетъ не вѣренъ и ошибоченъ. Надлежитъ расписать слѣдующимъ образомъ:

4 члена осуждаютъ на отнятіе жизни,
66 член. присуждаютъ сохранить жизнь.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ шестидесяти шести противъ четырехъ. И такъ первый вопросъ рѣшается: 4 голоса отвергаются, остаются 66, по коимъ подсудимый приговоренъ къ сохраненію жизни.

Изъ сихъ шестидесяти шести голосовъ остающихся судьями
24 осуждаютъ на вѣчное заточеніе,
42 на временное.

Слѣдовательно, большинство голосовъ состоитъ изъ 42 противъ 24. И такъ второй вопросъ рѣшается: 24 голоса отвергаются,

остается 42, по коимъ подсудимый приговаривается къ заточенію временному.

Изъ сихъ сорока двухъ голосовъ:

10	осуждаютъ на 20-лѣтнее заточеніе,
15	» на 12-лѣтнее,
11	» на 10-лѣтнее,
6	» на 8-лѣтнее.

Здѣсь изъ сихъ членовъ, оставшихся по отверженіи прочихъ, единственными судьями, всѣ они въ главномъ приговорѣ (т. е., въ осужденіи на временное заточеніе) согласны, но разнятся только въ опредѣленіи числа лѣтъ. И такъ ежели и здѣсь изъ сихъ четырехъ раздѣленій взять за большинство голосовъ число 15, яко превосходнѣйшее, то и въ этомъ не будетъ точной справедливости; ибо, хотя оно превышаетъ всѣ другія числа, но также превышаетъ только каждаго изъ нихъ порознь, а не всѣхъ вмѣстѣ. Между тѣмъ всѣ они совокупно составляютъ число 27 и всѣ вообще говорятъ не то, что утверждаютъ 15 членовъ, а по тому большинство голосовъ долженствовало бы быть на ихъ сторонѣ; но какъ и они, т. е., всѣ три раздѣленія, не согласны между собою и каждое изъ нихъ опредѣляетъ разное число лѣтъ, то и оныя не могутъ составлять большинства голосовъ. Въ такомъ случаѣ, для соблюденія точнаго вывода, надлежитъ взять въ разсужденіе голосъ каждаго члена.

Сей выводъ достовѣрнѣйшимъ образомъ извлечется слѣдующимъ расчисленіемъ:

Каждый изъ 10 членовъ осуждаетъ на 20 лѣтъ,	выходить 200.
» » 15 » » » 12 » »	180.
» » 11 » » » 10 » »	110.
» » 6 » » » 8 » »	48.

Такимъ образомъ, слагая сіи числа, будутъ 42 и 538, изъ коихъ, раздѣляя второе на первое,

$$\frac{538}{42} = 12\frac{17}{21}$$

выйдетъ, что, по среднему числу, каждый изъ 42 членовъ приговариваетъ подсудимаго къ заточенію на $12\frac{17}{21}$, т. е., почти на 13 лѣтъ, а не на вѣчное, какъ выходило по прежнему расчисленію. Столь не малая разность въ приговорахъ, опредѣляющихъ участь человѣческую, не можетъ быть оставлена безъ обращенія на то правосуднаго вниманія.

Примѣчаніе. Справедливость и надобность изложеннаго здѣсь послѣдняго расчисленія еще яснѣе усмотрѣть можно изъ слѣдующаго соображенія: здѣсь число членовъ пришлось въ каждомъ раздѣленіи не равное, и по тому превосходительшее изъ сихъ чиселъ, то есть, 15, могло, хотя и неправильно, быть принято за большинство голосовъ. Но ежели бы въ четырехъ раздѣленіяхъ число членовъ случилось равное, на примѣръ:

10	членовъ	осуждали	бы	на	20	лѣтъ
10	»	»	»	»	12	»
10	»	»	»	»	10	»
10	»	»	»	»	8	»

то какое бы изъ нихъ принять за большинство голосовъ? Ни какое; по тому что ни одно изъ нихъ не превышаетъ другого: и тогда, чтобъ узнать, къ чему приговаривается подсудимый, непременно надлежало бы прибѣгнуть къ выше показанному способу, то есть, вывести, уравнивающее голоса ихъ, среднее число, а именно:

$$\left. \begin{array}{l} 10 \times 20 = 200 \\ 10 \times 12 = 120 \\ 10 \times 10 = 100 \\ 10 \times 8 = 80 \end{array} \right\} \frac{500}{40} = 12\frac{1}{2} \text{ лѣтъ.}$$

Подано Іюля 5-го дня, 1828 года.

А. Ш.

Записка сія прочтена была въ Общемъ Собраніи Верховнаго Суда и хотя многіе изъ членовъ признавали ее справедливою, по

предсѣдательствующій въ семъ Собраніи, Князь Куракинъ, объявилъ, что какъ дѣло уже кончено, то не можетъ онъ допустить къ возобновленію онаго по новому расчисленію. Не удовольствовавшись, однако жъ, симъ, я, при письмѣ моемъ, препроводилъ сію Записку къ Государю Императору, но на оную не воспослѣдowało ни какого отвѣта.

Второе письмо къ Государю Императору.

(Декабря отъ 12 дня, 1826 года.) *

«Всемиловѣйшій Государь!

Всѣмъ извѣстно, и ни какому сомнѣнію не подвержено, что, возникшая въ концѣ прошедшаго вѣка, Французская революція приготовлена была и произошла отъ слабаго смотрѣнія Прави-

---

* Письмо сіе написано по поводу олеветаній Цензурнаго Устава и внушеній Государю Императору, яко бы Уставъ сей содержалъ въ себѣ многія неприличныя вышшимъ временамъ строгости, стѣсняющія свободу писателей, и препятствующія распространенію и успѣхамъ просвѣщенія. Между тѣмъ какъ вольнодумство и самолюбіе старались сими толками благонамѣренность Устава представить въ превратномъ видѣ, учрежденъ былъ изъ довѣренныхъ лицъ особый Комитетъ, которому поручено было составить Цензурный Уставъ для иностранныхъ книгъ; но Комитетъ сей, оставя порученное ему дѣло, — принялся разсматривать и опорочивать изданный уже для Россійскихъ книгъ Цензурный Уставъ. Опороченіе сіе сочинили два человѣка, изъ коихъ одинъ написалъ и напечаталъ нѣкогда рѣчь, наполненную такими противными Правительству и всякому благоустройству умствованіями, за которыя надлежало бы его подвергнуть отвѣтственности; а другой также нѣкогда написалъ на одно изъ сочиненій моихъ критику, которой негѣпость обнаружена была мною (См. въ сочиненіяхъ моихъ часть IV, стр. 91, присовокупленіе къ тремъ статьямъ подъ заглавіемъ: Разсужденіе о краснорѣчии Священнаго Писанія). Сей послѣдній, съ помощью перваго, сочинилъ отъ лица Комитета критику на поднесенный мною и утвержденный Государемъ Императоромъ Цензурный Уставъ. Критика сія весьма скудоумная, сочиненная по видимому сколько по вольнодумству, столько же по недостаточному о вещахъ свѣдѣнію, а, можетъ быть, и по злобѣ на меня опровержена возраженіями Предсѣдателя Цензурнаго Комитета, Генералъ-Маіора,

тельства за свободою книгопечатанія. Самые учтивѣйшіе, но неблагодарчивые люди, какъ-то: Волтеры, Даламберты, Дидероты и множество другихъ, были главною и первоначальною тому виною. Острый умъ ихъ и краснорѣчивое перо, повинуясь внушеніямъ гордости и самолюбія, посѣяли тѣ сѣмена, которыя, созрѣвъ и расплодя новомысліе и безирравственность, поколебали Вѣру и Престолъ. По претерпѣннѣ ужаснѣйшихъ бѣдствій, изнемогшая Франція познала заблужденіе свое и возвратилась опять къ прежнему своему Вѣронсновданію и Правительству. Но никто, едва ли не справедливо, сказалъ, что Французская революція хотя и погасла во Франціи, однако не истребится прежде, покуда не обойдетъ всѣхъ другихъ Державъ. Событіе сего пророчества мы уже видѣли въ Испаніи, въ Писаноли и въ другихъ странахъ. Россія была далеко отъ сего, но и въ ней мы начинаемъ видѣть ту же вкрашуюся заразу. Небывалые никогда прежде, произвольные толки о Вѣрѣ, о свободѣ, о Правительствѣ, умножили у насъ секты и расколы, возмутили простой народъ, поселили въ неопытные умы и сердца молодыхъ людей надменность по собственнымъ ихъ мечтаніямъ учреждать образъ Правительства. Все сіе не догадками одними, но самыми происшествіями, подтвер-

Карбонье, и мои, въ особой тетради написанными. Я имѣлъ новѣйшіе присутствовать въ семь Комитетѣ, но, видя въ немъ явное противъ меня возстаніе, или лучше сказать противъ правилъ моихъ, отвергающихъ революціонное Французское правило свободнаго книгопечатанія, я отказался отъ того, считая, что въ письмѣ моемъ къ Государю Императору все то сказано, что сказать надлежало, и что послѣ сего тщетно буду я убѣждать людей, раздраженныхъ моими словами, различнаго со мною образа мыслей, и столько же надбьющихся на свое уполномоченіе, сколько не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на представляемыя имъ доказательства. По сей принципъ просилъ я Государя Императора позволить присутствовать въ Комитетѣ вмѣсто меня Г. Карбонье, доходя при томъ, что я готовъ на всякую статью сочиняемаго ими новаго Цензурнаго Устава отвѣтствовать, дѣльно ли выкинута старая и полезна ли, или нѣтъ, вводячая ими новая статья. По нѣкоторыхъ о томъ рѣшеніяхъ прошло болѣе полугодя въ совершенномъ молчаніи; Комитетъ даже не собирався и ни чего не дѣлалъ. Казалось, это отложено и передано забвенію; но вдругъ вышелъ Указъ, по которому, на мѣсто стараго Цензурнаго Устава, утверждень новый. Скоро послѣ сего и я, по желанію моему, отъ Министерства Народнаго Провѣщенія уволенъ.

дается. Изъ многихъ дѣлъ и донесеній видимъ мы умноженіе волюнтаризма и безвѣрія не только въ свѣтскихъ, но даже и въ духовныхъ лицахъ, до такой степени развратившихся, что нѣкоторые изъ нихъ, при чтеніи въ церквахъ Указа, подтверждающаго о крѣпостной зависимости, ободряли прихожанъ своихъ не повиноваться законной власти, и многія подобныя тому неистовства проповѣдывали. Видимъ, чего прежде не было, частыя возмущенія крестьянъ противъ помѣщиковъ, съ упорнымъ требованіемъ волюнтаризма, которая, по ихъ понятію, состоитъ въ тунеядствѣ и необузданности. Видѣли съ ужасомъ прошлогоднее Декабря 14 числа, въ которое открылось уже не въ простомъ народѣ, но въ чиновникъ—Князьяхъ и Дворянахъ, и писателяхъ, называвшихъ себя просвѣщенными и образованными людьми, одаренными остроуміемъ ума и свѣтскими пріятностями,—открылось, говорю, такое, основанное на заблужденіяхъ и безвѣріи, преступное злоумышленіе, какому доселѣ въ семъ классѣ людей не было никогда пріятеля; ибо какимы простыми невѣждами, кромѣ обезумѣвшихъ отъ ложныхъ мечтаній ума, могло прійти въ голову истребить весь Царскій Домъ и самимъ сѣсть на Престолъ? Все сіе какъ во Франціи, такъ и у насъ, породилось отъ распространенія и чтенія мистическихъ, безнравственныхъ книгъ и журналовъ, безъ должнаго разсмотрѣнія проходившихъ чрезъ слабую Цензуру. Для отвращенія сего угодно было блаженной памяти Государю Императору сдѣлать меня Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобъ я сему, вкоренившемуся и постепенно отъ часу болѣе усиливающемуся, злу, подъ именемъ духа времени распространяемому, старался поставить преграду. Онъ обязалъ меня къ тому сильнѣйшими словами. Въ Указѣ Его, даннымъ мнѣ, между прочимъ, сказано: «Повелѣваемъ вамъ войти въ строгое наблюденіе, дабы какъ въ издаваемыхъ, такъ и впредь издаваемыхъ, сочиненіяхъ и переводахъ, особливо же въ преподаваніи по Училищамъ наукъ, ни чего, колеблющаго Вѣру и благоправіе, не укрывалось. Народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ, и по тому обязаны вы предъ Богомъ и предъ Нами употребить неунышныи за симъ надзоръ, истребляя и обличая всякія, раскрываемыя въ книгахъ, или иначе внушаемыя, лжеученія, и не допуская ни въ какомъ видѣ существовать и вновь появляться онымъ.» Хотя наименованіе меня Министромъ Просвѣщенія сдѣ-

лано было поздно, когда уже воспитаніе въ безнравственныхъ правилахъ укоренилось, и хотя Указъ обо мнѣ подписанъ былъ безъ вѣдома и вопреки волѣ моей; ибо я не могъ того желать, зная невозможность, безъ крайняго противъ меня вопіянія и даже клеветы, дѣйствовать и воспротивиться тому, что столько времени было позволяемо и ободряемо; однако жъ, чувствуя всю важность изреченія: «народное благоденствіе много отъ сего пострадать можетъ», и даннаго мнѣ строгаго повелѣнія, подвергавшаго меня отвѣтственности предъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ, я, не смотря ни на старость мою, ниже на опасеніе вооружить противъ себя многихъ и сильныхъ противуборниковъ, принялся, со всею способностію умственныхъ и душевныхъ силъ моихъ, за исполненіе возложеннаго на меня толь священнаго долга, представляя покойному Государю Императору, съ откровенностію и чистосердечіемъ обо всемъ томъ, что къ поправленію прежнихъ весьма вредныхъ поущеній необходимо нужно было сдѣлать, и могу смѣло и по справедливости сказать, что въ краткое время моего Министерства остановлены многія злоупотребленія, и дано не только ученію въ Университетахъ, но и въ самомъ Духовенствѣ нашего и другихъ Вѣроисповѣданій иное, съ лучшими правилами и нравственностію согласное, направленіе. Это могутъ засвидѣтельствовать и доказать всѣ мои бумаги и предписанія, данныя мною подвѣдомственнымъ мнѣ мѣстамъ. Въ сіе время Ваше Императорское Величество взошли на прародительскій Престоль. Я счелъ обязанностію поднести Вашему Величеству всѣ мои представленія блаженной памяти Государю Императору. Принявъ ихъ милостиво Вы, Государь, удостоили меня тою же довѣренностію, поруча мнѣ составить, яко нужнѣйшее и важнѣйшее по выше означеннымъ обстоятельствамъ дѣло, Уставъ и учрежденіе Цензуры. Я, не могши по слабости моего зрѣнія и здоровья, заняться самъ великимъ симъ трудомъ, употребилъ на то Директора Канцеляріи моей, Князя Шихматова, человѣка благоразумнаго и усерднаго къ пользамъ Престола и Отечества, приказавъ ему сообразиться со всѣми, бывшими доселѣ нашими и другихъ Державъ, Уставами и сочиненіями, извлечь изъ того нужнѣйшія, лучшія, принаровленные къ обстоятельствамъ времени, правила, въ которыхъ бы, не стѣсняя ни малѣйше талантовъ писателей, заграждались пути къ покушеніямъ вводить хитрыя и

часто, распещренныя цвѣтами, злонамѣренныя сочиненія. Князь Шихматовъ совершилъ сей трудъ въ краткое время съ неутомною ревностію, прочитывая мнѣ каждую, написанную имъ, статью (о ходѣ и производствѣ сего дѣла прилагается особо здѣсь нужное для свѣдѣнія изложеніе). Составленный такимъ образомъ проектъ Устава о Цензурѣ имѣлъ я счастье представить Вашему Императорскому Величеству на благоусмотрѣніе и чрезъ нѣсколько времени получить оный обратно съ Высочайшимъ Вашего Величества утвержденіемъ. Нынѣ, по поводу повелѣнія Министру Внутреннихъ Дѣлъ о сочиненіи такового же Устава для иностранныхъ книгъ, учрежденъ особый Комитетъ, которому, чрезъ Статсъ-Секретаря Муравьева, объявлена слѣдующая Вашего Императорскаго Величества воля: «Комитету сему имѣть сужденіе, не стѣсняясь Цензурнымъ Уставомъ 10 Іюня, сего 1826 года, и въ то же время изложить свои замѣчанія, если нужны будутъ, на сей Цензурный Уставъ 10 Іюня.» Такое предписаніе Вашего Величества основано на совершенной пользѣ и справедливости сего дѣла; ибо дѣйствительно между сими двумя Устами должна быть та разность, что нѣкоторыя статьи, нужныя для цензуры Русскихъ книгъ, могутъ быть не нужны для иностранныхъ; а дабы видѣть яснѣе, по какимъ причинамъ сіи статьи не надобны для чужезычныхъ книгъ, то слѣдовало сдѣлать на то нѣкоторыя замѣчанія, если оныя (какъ сказано въ предписаніи Вашего Величества) будутъ нужны. Но учрежденный Комитетъ принялъ сіе совсѣмъ въ иномъ смыслѣ: оиъ, вмѣсто, чтобъ заняться составленіемъ Цензурнаго Устава для иностранныхъ книгъ, приступилъ къ пересмотру и критическому разбору утвержденного уже Вашимъ Величествомъ Устава о Русскихъ книгахъ, положивъ прочитывать оный статья за статью отъ начала до конца. Не извѣстно мнѣ, по какой волѣ Вашего Императорскаго Величества (ибо изъ выше приведеннаго предписанія она не явствуетъ), также по какой надобности, по какому приличію и съ какимъ намѣреніемъ, приступлено къ сему пересмотру. Но инаго въ семъ намѣреніи быть не можетъ, какъ предположеніе, что поднесенный мною Вашему Величеству Уставъ преисполненъ погрѣшностей, а что Вы, Всемилостивѣйшій Государь, по излишней ко мнѣ довѣренности, съ сими самыми погрѣшностями утвердить его благо-

вошли; а по тому яко бы настоять нужда пересмотрѣть оный и поднести вновь къ утвержденію. Въ такомъ видѣ представляется пересмотръ сей, иной цѣли имѣть не могущій, и таковымъ по всему городу разглашается. Въ сихъ обстоятельствахъ, при всемъ уваженіи моемъ къ Господамъ Членамъ сего Комитета, могъ бы я сказать, что ни долговременная служба, ни опытность, ни усердіе къ пользамъ Государя и Отечества, ни свѣдѣніи мои, конечно, ни кому изъ нихъ не уступающія, не заслуживаютъ столь оскорбительнаго для меня предположенія, по которому неизбѣжно почитаюсь я или не разумѣющимъ ни чего, или, по нерадѣнію о моей должности, дерзнувшимъ поднести Вашему Величеству недостойный утвержденія Вашего Уставъ. Я бы могъ со всею справедливостію сказать сіе, но о моемъ ничтожномъ имени я не забочусь, а если бы толь скорая перемѣна Устава не подвергала священнаго имени Вашего Величества нѣкоей неблагомысливости, то бы я на обвиненіе меня въ томъ не отвѣтствовалъ ни слова. Сіе одно жестоко и несправедливо вводимое на меня подозрѣніе, будто бы я необдуманнымъ моимъ предположеніемъ осмѣлился не побережъ имени Монаршаго, сіе одно принуждаетъ меня принести мое оправданіе, состоящее въ слѣдующемъ:

- 1-е. При составленіи сего Устава (какъ изъ приложенной при семъ о ходѣ сего дѣла Записки усмотрѣть можно) приняты были въ разсужденіе всѣ, относящіяся къ сему, какъ наши, такъ и чужестранныя, сочиненія, съ разборомъ надобности, или ненадобности, заимствованія изъ оныхъ.
- 2-е. Никто изъ Господъ Членовъ учрежденнаго Комитета не соучаствовалъ въ семъ трудѣ, а по тому и не можетъ съ должнымъ вниманіемъ и подробностію судить о причинахъ, побуждавшихъ ко внесенію въ Уставъ нѣкоторыхъ статей, нужныхъ для удержанія неблагонамѣренныхъ писателей отъ покушеній проходить чрезъ Цензуру хитрымъ прикрываніемъ вредныхъ своихъ мыслей.
- 3-е. Въ то же время припаты были также къ соображенію и тѣ выше приведенныя обстоятельства, а именно, что пришедшая къ намъ изъ Франціи книжная зараза стала и у насъ оказывать свои успѣхи, которыя побудили блаженной памяти Императора прибѣгнуть къ отдѣленію Духовныхъ Дѣлъ отъ Министерства Просвѣщенія, съ строгимъ сему послѣднему предписаніемъ, обратитъ неусыпное вниманіе на издаваемые книги и стараться отвращать всякое viuшаемое ими лже-

ученіе и вольнодумство. На руководствѣ сихъ правилъ составленъ изданный о Цензурѣ Уставъ, находимый нынѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, строгимъ и яко бы стѣсняющимъ таланты. 4-е. Изъ обстоятельствъ выше описанныхъ несомнѣнно явствуетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ во многихъ изданныхъ книгахъ разсѣяно было множество противныхъ Вѣрѣ и Правительству умствованій, свободно пропускаемыхъ Цензурою (о чемъ легко можно удостовѣриться, когда сдѣлать изъ нихъ хотя нѣсколько выписокъ), и что сіи умствованія произвели уже пагубные плоды, въ умноженіи расколовъ, въ разныхъ возмущеніяхъ оказавшіеся. При такихъ временахъ и обстоятельствахъ не знаю, полезна ли слабая Цензура, попускающая быть продолженію того же, что прежде было, и можно ли Цензуру, не препятствующую упражняться въ благонравной словесности, а только поставляющую преграды ухищреніямъ зломыслия, называть строгою и необходимою поднесенною отъ меня къ Высочайшему утвержденію. Въ прежнемъ Цензурномъ Уставѣ была статья, предписывавшая, въ случаѣ двумыслия, толковать оную въ пользу автора, то есть, позволявшая всякому злонамѣренному писателю, употребляя только нѣкоторую хитрость, сдѣлать сколько ему угодно нечестія и разврата. Если и шлѣтъ въ предполагаемой переправкѣ Устава введенны въ него будутъ подобныя статьи, или исключены нужныя предосторожности, то сомнительно, чтобъ волненіе умовъ, и такъ уже довольно взволнованныхъ, не поколебало нѣкогда народнаго спокойствія. Почитая долгомъ вѣрноподданнаго донести о семъ Вашему Императорскому Величеству, я осмѣливаюсь испрашивать одной только слѣдующей милости: когда отъ кого изъ Господъ Членовъ Комитета представлено будетъ какое либо мнѣніе, или замѣчаніе, на утвержденный Уставъ, то да позволено мнѣ будетъ разсмотрѣть оное, дабы могъ я знать, въ чемъ оное состоитъ. какими доказательствами обвиняюсь я, справедливы ли оны, или нѣтъ. Я готовъ признать мою ошибку, ежели она точно на мечтательными мыслями, но здравымъ разсудкомъ, доказана будетъ. Въ противномъ же случаѣ не моя, но общая, польза и справедливость требуетъ, чтобъ разсматривающій меня разсмотрѣть былъ мною. Одностороннее мнѣніе можетъ затмѣвать истину, но обоюдное откроетъ ее лучше и яснѣе. Тогда буду я имѣть счастье предать то и другое на благоусмотрѣніе Вашего Вели-

чества, и тогда всякое рѣшеніе Ваше, Всемилостивѣйшій Госу-
дарь, приму я съ подобающимъ благоговѣніемъ и молчаніемъ.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный А. Ш.

А. Книга Госнерова и согласныя съ нею проповѣдыванія его найдены Комитетомъ Господъ Министровъ зловредными для Вѣры и Правительства, по чему, съ утвержденія Его Императорскаго Величества, книга сія сожжена, а самъ Госнеръ, сочинитель ея, высланъ за границу. Послѣ сего не можетъ быть вопроса: виноватъ ли тотъ, кто переводилъ сію книгу на Русскій языкъ, и тотъ, кто поправлялъ ее; ибо всѣ трое имѣли они одинакое намѣреніе издать ее въ свѣтъ. По здравому разсудку переводчикъ и поправлятель еще болѣе виноваты, нежели самъ сочинитель, поелику сей былъ иностранецъ и написалъ книгу на Нѣмецкомъ, чуждомъ намъ, языкѣ, а они, будучи Россійскими подданными, хотѣли то же самое зло сдѣлать вреднѣйшимъ, чрезъ напечатаніе и распространеніе онаго на собственномъ нашемъ языкѣ. Изъ сего слѣдуетъ неоспоримое заключеніе, что въ одномъ и томъ же дѣлѣ меньше виноватаго осуждать, а больше виноватаго оправдать, не сходно ни съ какимъ понятіемъ о законахъ и правосудіи. Переводчикъ умеръ, а поправлятель живъ и отданъ подъ судъ. При подобныхъ обстоятельствахъ судъ не можетъ состоять въ иномъ, какъ только въ изслѣдованіи, точно ли подсудимый поправлялъ книгу. Если это достовѣрно, то уже непременно достовѣрно и то, что въ намѣреніяхъ сочинителя и переводчикъ соучаствовалъ. Изъ сего непреложнаго заключенія ни какимъ образомъ изъять его нельзя, а по тому и оправдывать нѣтъ возможности, кромѣ развѣ, когда позволено будетъ говорить, не соображаясь ни съ обстоятельствами сего дѣла, ни съ законами, ниже съ здравымъ разсудкомъ. Тогда ни какія доказательства не нужны; ибо, если изъ нихъ ложныя съ истинными равно принимаются, то на что онѣ? Довольно спросить у каждаго о словѣ да, или нѣтъ.

Излагая мнѣніе мое, по неволѣ долженъ я обратиться къ несогласному съ онымъ голосу Г. Сенатора Муравьева, читанному въ Правительствующемъ Сенатѣ. Я нахожусь въ необходимости сдѣлать сіе, поелику въ немъ опровергается все то, что отъ насъ (то есть, отъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и меня) представлено было Комитету Господъ Министровъ. Г. Сенаторъ, въ оправданіе подсудимому, приводитъ слѣдующія разсужденія:

1-е (говоритъ) «что онъ (Г. Сенаторъ) рачительно сличалъ исправленный переводъ съ подлинникомъ и нашелъ: 1-е, что Г. Поповъ въ переводѣ собственно поправлялъ одинъ только слогъ; 2-е, что онъ смысла подлинника нигдѣ не измѣнилъ; 3-е, что своихъ собственныхъ мыслей, вмѣсто авторскихъ, нигдѣ не помѣстилъ; 4-е, что если онъ и цѣлыя страницы на полѣ перевода написалъ своею рукою, такъ это не отъ того, чтобы онъ хотѣлъ составлять цѣлыя страницы (онъ своего ни чего не составлялъ), но единственно по тому, что иначе возможности не было исправить дурной, исполненный Германизмами, слогъ переводчика.»

Г. Сенаторъ представляетъ здѣсь подсудимаго въ такомъ видѣ, какъ будто бы ему велѣно было поправлять переводъ; говорить, что иначе не было возможности исправить его. Но кто принуждалъ его къ тому? Какая нужда была исправить злочестивой Нѣмецкой книги худой Русской переводъ? Впрочемъ, сіи слова Г. Сенатора служатъ больше къ обвиненію подсудимаго, нежели къ оправданію; ибо когда Госнерова книга найдена зловредною, то сохранять смыслъ ея и поправлять въ слогѣ переводъ худой, есть хотѣть, для вящаго вреда, украсить его краснорѣчіемъ и ясностію. Скорѣе могло бы служить извиненіемъ подсудимому, когда бы онъ смыслъ ея измѣнилъ и, вмѣсто худыхъ авторскихъ мыслей, поставилъ свои хорошія.

2-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «что какъ занятіе его (Попова) въ поправленіи перевода было, такъ сказать, механическое, то я образъ мыслей его принужденно сходствуешь съ толкователемъ.»

Сии слова Г. Сенатора, конечно, могут служить нѣкоторымъ извиненіемъ подсудному, но трудно себѣ представить, чтобы Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія могъ читать и поправлять книгу механически, т. е., безъ всякаго содѣйствія ума и воли. Если и принять такое оправданіе, то развѣ исключительно на одинъ сей случай; ибо распространять оное на другіе случаи весьма опасно, послѣдку такимъ образомъ всякое, даже уголовное, преступленіе оправдать можно. На примѣръ, двое изобличаются въ томъ, что они убили человѣка, тогда, въ оправданіе обоихъ, или одного изъ нихъ, позволятельно будетъ доказывать, что онъ не виноватъ; ибо, смотря на товарища, былъ съ нимъ и, такъ сказать, механически направляя руку свою принужденно за его рукою.

3-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «а не такъ, какъ заключать о немъ Г. Оберъ-Полиціймейстеръ, сказавшій, въ изслѣдованіи своемъ, что образъ мыслей его (Попова) не сходствуетъ съ голкователемъ. Нпротивъ того, исправленный имъ переводъ можно назвать буквальнымъ, сколько то позволяетъ свойство нашего языка.»

Здѣсь, по видимому, Г. Сенаторъ увлекся ошибкою переписчика, поставившаго въ рѣчи Г. Оберъ-Полиціймейстера, вмѣсто глагола сходствуетъ, глаголъ не сходствуетъ. Но таковая ошибка, если бѣ она и находилась въ бумагѣ, читанной Г. Сенаторомъ, могла по смыслу легко быть примѣчена; ибо, признавая сочиненіе Пастора Госнера исполненнымъ злочестія, сказать о томъ, кто книгу его поправлялъ, что онъ образомъ мыслей своихъ не сходствуетъ съ нимъ, было бы совершенно его оправдывать, поелику не сходное съ худымъ не можетъ иначе быть, какъ доброе. Настояніе Г. Сенатора, что поправки точно сходствуютъ съ подлинникомъ, гораздо больше служить къ обвиненію подсудимаго, нежели когда бы оныя почитались не сходствующими, какъ уже о томъ и выше упоминаемо было.

4-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Я долженъ еще замѣтить, въ отношеніи къ исправленной рукою Г. Попова тетради: 1-е, что она не была еще въ рукахъ Цензора; 2-е, что часть оной,

т. е., исправленная рукою Г. Попова, состоитъ изъ девятнадцати полулистовъ, писанныхъ въ половину, и что, слѣдственно, часть сія не составила бы и одного полнаго печатнаго листа въ осьмушку; 3-е, что исправленное Поповымъ мѣсто едва ли равняется съ одною 57-ю долею всѣхъ отпечатанныхъ листовъ.»

Сіе арифметическое исчисленіе долей не можетъ, кажется, служить ни къ какому оправданію Г. Попова; ибо не о томъ спрашивается, какую часть книги онъ поправлялъ, но о томъ, за чѣмъ, съ какимъ намѣреніемъ, самопроизвольно поправлялъ книгу, наполненную противными нашей Вѣрѣ и Правительству толкованіямъ? Вотъ о чемъ идетъ дѣло, а не о томъ, сотая, или пятидесятая, часть ея, и одинъ или два листа въ осьмушку поправлены его рукою. Это не подлежитъ сужденію; ибо часто и одна строка можетъ быть преступнѣе, нежели цѣлая громада листовъ.

5-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «На второй пунктъ, что Г. Поповъ дерзнулъ упорствовать въ мнѣніи своемъ на счетъ книги и автора, какъ будто въ оужденіе заключенія о нихъ Правительства, обвиняемый, въ оправданіе свое, ссылается на подлинный отвѣтъ свой къ Оберъ-Полиціймейстеру. И дѣйствительно, въ отвѣтѣ семъ, предъ нами лежащемъ, ни чего нѣтъ тайнаго, что бы могло имѣниться въ дерзость, и того еще меньше въ оужденіе. Его спрашиваютъ: «По какому случаю онъ поправлялъ переводъ?» Онъ отвѣчаетъ: «По тому, что Пасторъ Госиеръ былъ извѣстенъ ему за человѣка (сколько онъ могъ видѣть) истинно Христіанскихъ правилъ; а по сему онъ не сомнѣвался, чтобы и книга его не была писана въ духѣ благочестія.»

Г. Сенаторъ находитъ сей отвѣтъ Попова достаточнымъ къ его оправданію; но какимъ образомъ читать, поправлять книгу, и до такой степени быть не свѣдущу, что не знать, худое ли въ ней, или доброе, написано? Возможно ли съ подобнымъ отсутствіемъ разсудка приступать къ поправленію слога въ книгѣ? Впрочемъ, если прицять это за оправданіе, то всякій писатель можетъ переводить и печатать всякую развратную и возмутительную книгу, и всякій учитель преподавать по ней уроки, оправдываясь тѣмъ, что онъ сочинителя ея зналъ за благонаправнаго человѣка, а

по тому думать, что книга его благоправна. Кажется, Г. Сенаторъ самъ почувствовалъ необычайность сего извѣщенія; ибо

б-е. Въ поправленіе себя присовокупляетъ: «но такимъ образомъ онъ (Поповъ) выражается на счетъ мнѣнія своего о книгѣ и авторѣ ея не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ, времени. Другаго отвѣта нельзя было и ожидать отъ него.»

Если бы подсудимый совѣмъ не читалъ книги и не зналъ ея содержанія, а только бы она найдена была у него, то отвѣтъ его, приводимый Г. Сенаторомъ, могъ бы имѣть нѣкоторую вѣроятность; но уличаемый своеручнымъ поправленіемъ такой книги, которую Комитетъ Господъ Министровъ единогласно призналъ, и Государь Императоръ утвердилъ, что она содержитъ разсужденія, не согласныя не только съ нашею, но и со всякою Христіанскою Вѣрою, и что заключаетъ въ себѣ умышленія противъ Правительства и всякой гражданской власти,—уличаемый, говорю, поправленіемъ слога такой книги, могъ ли подсудимый, безъ дерзкаго прекословія Правительству, и даже безъ отрицанія въ самомъ себѣ всякаго разсудка, отвѣтствовать, что Пасторъ Госнеръ былъ извѣстенъ ему за человѣка истинно Христіанскихъ правилъ, и что по тому онъ не сомнѣвался, чтобъ и книга его не была писана въ духѣ благочестія? Да развѣ онъ не поправлялъ слогъ этой книги? Развѣ можно поправлять не читая? А когда читалъ, поправлялъ, и когда уже надъ нею и надъ авторомъ ея произнесенъ былъ судъ Правительства, то какимъ образомъ такой отвѣтъ его принять за оправданіе? По этому какую бы кто ни принесъ ко мнѣ преступную и возмутительную бумагу, я слогъ въ ней поправлю своей рукою, и когда спросятъ меня, за чѣмъ я это дѣлалъ, то я могу отвѣчать: «Тотъ, кто принесъ ее, казался мнѣ человѣкомъ честнымъ, а по тому хотя я и поправлялъ бумагу, но, судя по немъ, думалъ, что она хороша;» и это примутъ отъ меня за оправданіе, или въ извиненіе мое скажутъ: «Да это говорить онъ не въ настоящемъ, а въ прошедшемъ времени!» Не знаю, въ какомъ Правительствѣ покажутъ мнѣ таковыя правила суда.

7-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «А чтобы изъ даннаго имъ (Поповымъ) отвѣта выводить послѣдствіе, какъ заключаетъ Г. Оберъ-Полиціймейстеръ: что таковымъ изъясненіемъ онъ (Поповъ) рѣшился какъ бы оуждать рѣшеніе Правительства,—то я, по совѣсти моей, долженъ сказать, что и тѣни похожаго на это не вижу; примѣръ: я былъ знакомъ съ человѣкомъ, который впалъ въ тяжкое уголовное преступленіе, въ слѣдствіе коего онъ осуждается на позорную казнь. Меня спрашиваютъ: «Какъ могъ я имѣть сношеніе съ такимъ человѣкомъ?»—По тому (отвѣчаю я), что онъ казался мнѣ хорошимъ, и я почиталъ его таковымъ. Не уже ли такой отвѣтъ мой вмѣнился бы мнѣ въ порицаніе судейскаго надъ преступникомъ приговора? Конечно, нѣтъ; ибо я такъ думалъ о немъ тогда, когда не я одинъ, а все общество, въ коемъ онъ обращался, находило въ немъ хорошаго человѣка; это не значить, что я и теперь то же о немъ заключаю. Такъ точно и Г. Поповъ, говоря о Госнерѣ и книгѣ его, въ секретномъ донесеніи своемъ къ Оберъ-Полиціймейстеру, открываетъ мнѣніе свое объ авторѣ и сочиненіи, бывшее до заключенія, а не настоящее, по заключеніи о нихъ Правительства.»

Здѣсь надлежитъ замѣтить, что хотя Г. Сенаторъ увѣряетъ по совѣсти своей, что онъ не видитъ въ заключеніи Г. Оберъ-Полиціймейстера и тѣни похожаго на сказанное имъ, но, не касаясь совѣсти его, можно и должно сказать о совершенной несправедливости его доказательствъ. Онъ приводитъ въ примѣръ знакомство свое съ человѣкомъ, впадшимъ въ уголовное преступленіе, и доказываетъ невинность свою тѣмъ, что онъ о впаденіи его въ сіе преступленіе не могъ напередъ знать. Но тотъ ли здѣсь случай? Поповъ обвиняется въ поправленіи книги, а о томъ, былъ ли знакомъ съ Госнеромъ, или нѣтъ, ни кто у него не спрашиваетъ. Примѣръ Г. Сенатора совѣмъ не тотъ. Подходящій къ нему примѣръ есть слѣдующій: я зналъ о намѣреніи того, кто впалъ въ уголовное преступленіе, и, вмѣстѣ съ нимъ, придумывалъ, какъ бы произвести оное въ дѣйствіе; иначе, какимъ образомъ, поправляя листки печатающейся книги, не участвовать въ ней и не быть согласну съ намѣреніемъ автора издать ее въ свѣтъ? Таковое чуждое всякаго правдоподобія увѣреніе для слушателя не убѣдительно, и даже самому Попову слу-

жить болѣе въ оскорбленіе, нежели въ защиту; ибо онъ, читая книгу, представляется не понимающимъ того, что въ ней написано, и словно какъ бы онъ при поправленіи ея двигалъ руку свою механически, безъ всякаго размышленія. Когда же не полагать его въ семъ машинальномъ состояніи, то какое средство изобрѣсти къ изытію его отъ участвованія въ ней? Г. Сенаторъ говоритъ, что онъ открываетъ мнѣніе свое объ авторѣ и сочиненіи, бывшее до заключенія, а не настоящее по заключеніи о нихъ Правительства. Но 1) если не выставлять его (какъ Г. Сенаторъ выставляетъ) дѣйствующимъ механически, то могъ онъ и прежде заключенія Правительства, изъ содержащая читаемой и поправляемой имъ книги, знать и о ней и о сочинителѣ ея. 2) Г. Поповъ писалъ отвѣты свои по высылкѣ уже Госнера и послѣ осужденія книги его: слѣдовательно, вопреки сему осужденію. По какому праву и основанію Г. Сенаторъ не видитъ и тѣни похожаго на то, что заключается въ мнѣніи Г. Оберъ-Полиціймейстера? Впрочемъ, предположеніе Г. Сенатора, что Поповъ могъ Госнера и книгу его почитать благочестивыми, по тому что не одинъ онъ, но и все общество, въ коемъ Госнеръ обращался, находило его хорошимъ человекомъ, есть весьма несомнѣнное предположеніе; ибо отзываться съ похвалою о Госнерѣ изгнанномъ, и о книгѣ его, преданной истребленію, оправдывая себя въ томъ какимъ-то мнимымъ къ нему уваженіемъ какого-то неизвѣстнаго общества, есть нѣчто весьма необычайное.

8-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Въ третьемъ пунктѣ поставляется въ вину Г. Попову, что ему не слѣдовало поправлять ни какихъ сочиненій, и что участіе его и покровительство автору ввело въ заблужденіе Цензоровъ, кои, вѣроятно, по сему вліянію одобрили книгу къ напечатанію. Здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ человека, гадательно ни чего принимать не должно, а прежде всего потребно опредѣлить съ ясностію, въ чемъ состоитъ покровительство Попова Госнеру, или то, что собственно принадлежитъ къ предмету, могло ли вліяніе его дѣйствовать на Цензоровъ? Скорѣе всего это окажется чрезъ внимательное соображеніе обстоятельствъ времени и мѣста.»

Г. Сенаторъ весьма справедливо рассуждаетъ, что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ человѣка, не должно гадательно ни чего принимать; но да позволитъ онъ сдѣлать себѣ слѣдующіе вопросы: 1) Когда книга признана Правительствомъ злоредною, и когда подсудимый въ поправленіи слога ея изобличается собственною своею рукою, и самъ отъ того не отрицается, то что же тутъ гадательное? 2) Ежели должно помышлять о томъ, чтобы не отяготить судьбу человѣка, то не уже ли менѣе должно пешица о защитѣ Вѣры и Отечества отъ наводненія противныхъ благу ихъ сочиненій?

9-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Первое представляется мнѣ то, что Г. Поповъ, уволенный въ чужіе края, для поправленія разстроеннаго здоровья своего, выѣхалъ изъ С.-Петербурга 7-го Марта, 1823 года, больной, и еще за полгода до того ни какими дѣлами, по болѣзни своей, не занимавшійся. Рукопись перевода Госнеровой книги, о которой Г. Поповъ тогда еще и не слышалъ, поступила въ Цензуру только въ началѣ того года, а пропущена къ печатанію уже въ Маѣ мѣсяцѣ, т. е., во время пребыванія Г. Попова внѣ Россіи. Когда же онъ, того же самаго года, Сентября 13-го, возвратился въ Отечество свое, то книги той отпечатано было уже 50 листовъ, или еще и болѣе. Если бы Г. Поповъ поправлялъ первые листы сочиненія, то это могло бы еще послужить нѣкоторымъ безмолвнымъ одобреніемъ, подавшимъ Цензорамъ поводъ къ пропущенію книги въ печать: но онъ въ началѣ и не зналъ о книгѣ сей; а если въ томъ и не давать ему вѣры, то, по крайней мѣрѣ, можно уже утвердительно сказать, что онъ первыхъ листовъ не поправлялъ; что печатаніе первыхъ 50 листовъ произведено было въ отсутствіе его; что поправленная имъ тетрадь и не проходила еще чрезъ руки Цензора. Какое же вліяніе со стороны его остается возможнымъ? Или письменное извѣстіе, и словесное еще въ Россіи, до отъѣзда его въ чужіе края. Если есть такое письмо, коимъ можно уличить его, пускай представится; ежели есть такой человѣкъ, которому Поповъ внушалъ одобреніе книги, пускай онъ станетъ противъ него свидѣтелемъ: безъ того я не могу признать вліянія его на печатаніе книги * (1).

См. въ концѣ примѣчанія: 1, 2, 3 и 4.

и тѣмъ еще болѣе, что самъ Цензоръ, Г. Бирюковъ, который бы могъ однимъ двусмысленнымъ словомъ облегчить лежащую на себѣ отвѣтственность, предпочелъ, однако жъ, святую истину собственной своей безопасности, объявивъ съ благороднымъ чистосердечіемъ, что со стороны Г. Попова никогда не было ни какого внушенія ни въ пользу, ни во вредъ, разсмотрѣнной въ помянутой книги.»

Здѣсь: 1) Г. Сенаторъ, устраниаясь отъ существенныхъ въ дѣлѣ обстоятельствъ, затмѣваетъ ихъ посторонними, не принадлежащими къ дѣлу, рассказами, увѣряя, что Поповъ былъ болѣнъ, что съ полгода не занимался дѣлами, что поѣхалъ изъ Россіи 7-го Марта, 1823 года, и что будто по тому о рукописи, поступившей въ Цензуру въ началѣ того же года, не могъ слышать. Но по чему не могъ слышать? По чему и прежде отъѣзда своего и болѣзни не могъ о сей рукописи имѣть свѣдѣнія? По чему, не занимаясь дѣлами, не могъ заниматься чтеніемъ ея? Да если бы это и можно было доказать, то къ чему бы послужило такое доказательство, коимъ поправка книги рукою Г. Попова, существенное и главнѣйшее въ семъ дѣлѣ обстоятельство, ни мало чрезъ то не опровергается? 2) Г. Сенаторъ требуетъ письма, или свидѣтельства, словно какъ бы собственная рука Попова въ поправленіи книги не свидѣтельствовала, что онъ печатаніе не только одобрялъ, но и желалъ споспѣшествовать тому. 3) Г. Сенаторъ доказываетъ еще, что Поповъ поправлялъ послѣдніе, а не первые, листы книги. Но что до этого, когда книга и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ злочестива и вредоносна? Да если бы въ концѣ своемъ она и не была такою, а только въ началѣ, или срединѣ, то и тогда поправленіе ея не могло почестся невиннымъ, поелику нельзя поправлять, не читавши начала и не зная содержанія книги. 4) Г. Сенаторъ доказываетъ невинность Попова тѣмъ, что Цензоръ не говоритъ, чтобы онъ побуждалъ къ пропуску книги; но это не служитъ ни къ малѣйшему оправданію Г. Попова, поелику желаніе его, чтобъ она была напечатана, неоспоримымъ образомъ явствуетъ изъ его поправленія.

10-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Относительно же къ первой части того же 3 пункта обвиненія, въ коей сказано, что ему

не слѣдовало поправлять ни какого сочиненія, то я не знаю закона, или предписанія, возбраняющаго Директорамъ Народнаго Просвѣщенія такое занятіе. Если бы такой законъ существовалъ, то, конечно, поправление книги было бы нарушеніемъ оного; но какъ онъ не существуетъ, то нельзя вмѣнить поступокъ Г. Подорова въ преступленіе; ибо во всѣхъ начальныхъ основаніяхъ уголовного правовѣдѣнія принимается за аксіому: вѣтъ преступленія безъ закона (*Nullum crimen sine lege*), иначе: что не возбраняется, то не осуждается.»

Сомнительно, чтобы безъ какой ни будь недосмотрѣнной, при напечатаніи сей статьи, ошибки, Г. Сенаторъ, имѣя предъ собою въ той же самой Сенатской бумагѣ выписанные и приложенныя на сей случай законы, могъ отвергать существованіе оныхъ. Не возможно, чтобы, толкуя предъ лицомъ Сената Латинскими словами начальные основанія уголовного правовѣдѣнія, могъ онъ не знать, что поправлять обыкновенныя сочиненія ни кому не запрещается, но участвовать въ поправленія сочиненій противъ Вѣры и Правительства, сочиненій, клонящихся къ возмущенію народнаго спокойствія, всегда и вездѣ было и есть преступленіе, осуждаемое и наказуемое Божескими и человѣческими законами. Таковое смѣшеніе и принятіе за одно сочиненій о наукахъ, или краснорѣчіи, съ развратнымъ и возмутительными сочиненіями, конечно, не могло иначе произойти, какъ отъ ошибочнаго выраженія мыслей подлинника (2).

11-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Таково сужденіе мое о Г. Подоровѣ. Оно основано на одной истинѣ; но крайней мѣрѣ, на внутреннемъ въ оной убѣжденіи, которое я здѣсь открываю со всюю смѣлостію, внушенною мнѣ сознаніемъ исполненія священнаго долга, возложеннаго на меня званіемъ моимъ.»

Можно весьма согласиться на внутреннее убѣжденіе Г. Сенатора; но что касается до истины, внушенной ему смѣлостію исполненія священнаго долга, то да позволитъ онъ себѣ сказать, что остается еще сію истину его и священный долгъ положить на вѣсы правосудія и здраваго разсудка съ истинною и священнымъ долгомъ тѣхъ, кои противно ему разсуждаютъ:

тогда только окажется, чья истина вѣрнѣе, чей долгъ священнѣе, и чья смѣлость благонамѣреннѣе.

12-е. Г. Сенаторъ продолжаетъ: «Впрочемъ, мнѣ кажется, если я не ошибаюсь, что и сами Гг. Министры, просвѣщенные изслѣдователи Госнеровой книги, указываютъ намъ на ту точку зрѣнія, съ которой мы должны разсматривать поступокъ Г. Попова. Въ заключеніи своемъ о Цензорѣ они сказали: во первыхъ Цензоръ можетъ не имѣть достаточнаго проищанія; вмѣсто Цензора поставимъ Директора и скажемъ ихъ же словами: во первыхъ Директоръ могъ не имѣть достаточнаго проищанія во вредъ, прикрытый въ клягѣ мнимою пользою наставленія въ Вѣрѣ и просвѣщеніи; во вторыхъ, публичное проповѣдываніе и печатаніе книгъ сихъ въ здѣшней столицѣ могли отвлечь Директора отъ сомнѣнія, и если бы онъ увидѣлъ что либо сомнительное, то опасался бы изъявить свое сомнѣніе при явномъ покровительствѣ и благорасположеніи къ симъ сочинителямъ и переводчикамъ (3). То, что служить къ оправданію Цензора, можетъ, безъ сомнѣнія, служить къ тому же и въ отношеніи къ Директору, въ настоящемъ же случаѣ еще и болѣе въ пользу сего послѣдняго; ибо Цензоръ, имѣвъ почти всю книгу въ рукахъ своихъ, могъ судить о духѣ, въ коемъ она писана, основательнѣе, нежели Директоръ, видѣвшій изъ нея только одну какую ни будь 57 долю.»

Г. Сенаторъ несправедливо и превратно толкуетъ здѣсь мнѣніе Гг. Министровъ, обращая слова ихъ совсѣмъ не къ тому, къ чему оныя сказаны. Обстоятельство сіе состоитъ въ слѣдующемъ: Комитетъ Гг. Министровъ поручилъ Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и мнѣ разсмотрѣть Госнерову книгу. Исполняя сіе, мы представили наше мнѣніе, основанное на доказательствахъ, сдѣланныхъ противъ выписокъ изъ сей книги. Находя ее противною Вѣрѣ и нравственности, и присовокупляя къ тому, что многія и другія подобныя книги выпущены, въ противность всѣмъ Указамъ, безъ всякаго Синодскаго разсмотрѣнія; мы полагали, что, для отвращенія вредныхъ отъ того послѣдствій, надлежитъ на будущее время взять мѣры учрежденіемъ гражданской Цензуры на лучшемъ основаніи. Здѣсь, не касаясь болѣе

до Гослерова, дѣла, но единственно говоря о новой предполагаемой Цензурѣ, излагали мы мнѣніе наше объ учрежденіи оной.

Прочитавъ всю статью о семъ, выписанную на страницѣ 12-й, въ Сенатской бумагѣ, можно видѣть, о чемъ и къ какому предмету разсужденія наши относились. Г. Сенаторъ, взявъ изъ сей статьи отрывокъ, и произвольно обратилъ оный не на общее сужденіе о Цензорахъ, но именно на Цензора Бирюкова, выводя изъ того несправедливое заключеніе, что будто бы Министры указываютъ на ту точку зрѣнія (4), съ которой должны оны разсматривать поступокъ Г. Попова. Я, какъ дѣйствующее въ семъ дѣлѣ лице, отнюдь не могу согласиться принять на себя, будто я указывалъ ему на сію точку зрѣнія. Сужденіе мое объ этомъ есть слѣдующее: оба въ дѣлѣ толь важномъ виноваты—Директоръ и Цензоръ, но ни какъ нельзя ихъ поставить царавиѣ одного съ другимъ; первое по тому, что Цензоръ обязанъ читать всѣ входящія къ нему книги, которыхъ нынѣ выходитъ не соразмѣрное съ силами одного или двухъ человекъ, множество, и требуютъ скорого прочитыванія и разрѣшенія, то и легко всякій Цензоръ можетъ неумышленно итти не досмотрѣть, итти не проникнуть настоящаго смысла, а особливо прикрытаго благовидностию. Директоръ, напротивъ, не по обязанности, но по собственной волѣ своей, избралъ одну сію книгу, избралъ для своеручнаго оправданія ея въ слогѣ: слѣдовательно, съ намѣреніемъ въ лучшемъ видѣ издать ее въ свѣтъ. Цензоръ могъ почитать ее за равную со всѣми другими, входящими къ нему, книгами; но Директоръ, чрезъ избраніе и оправданіе ея своей рукою, необходимо долженъ былъ обратить на нее особенное вниманіе. Сверхъ сего, второе, Цензоръ Бирюковъ, находясь вмѣстѣ и Начальникомъ Отдѣленія, состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ Директора, и по тому, видя оправданную рукою его книгу, могъ легко быть увлеченъ его примѣромъ. Изъ сего явствуетъ, что я смотрю на сіе дѣло отнюдь не съ той точки зрѣнія, какую мнѣ приписываютъ. Впрочемъ, Г. Сенаторъ, поставя Директора на мѣсто Цензора, и превознося сего послѣдняго похвалами, въ то же время обвиняетъ его болѣе, нежели Директора, по арифметическому расчисленію, что Цензоръ пропустилъ всю книгу, а Директоръ поправлялъ одну только 57 долю ея; но мнѣ кажется,

здѣсь исчисленіе долей, вмѣсто разсмотрѣнія существа дѣла, ни чего не доказываетъ.

13-е. На послѣдокъ Г. Сенаторъ оканчиваетъ: «Такимъ образомъ, въ заключеніе всего, я, мнѣніемъ моимъ, полагаю: что поелику ни что не доказываетъ ни отступленія отъ подлинника, въ поправленномъ переводѣ, ни порицанія заключенія Высшаго Правительства о Госперовой книгѣ, ни вліянія на Цензора въ разсужденіи печатанія оной, то законъ воспрещаетъ признать въ Г. Поповѣ умышленнаго преступника. Что же касается до поступка его, т. е., собственно до поправленія имъ перевода Госперовой книги, то, не приѣмая въ уваженіе господствовавшего тогда духа въ нашей литературѣ, я долженъ признаться, что Директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, занимавшійся поправленіемъ такого рода книги, чрезъ то одно уже обличаетъ себя человѣкомъ совершенно неспособнымъ къ тому мѣсту, которое онъ занималъ.»

Изъ всего выше приведеннаго нами явствуетъ, что мнѣніе Г. Сенатора во всѣхъ частяхъ не содержитъ въ себѣ должнаго, основаннаго на правдѣ и законахъ, суда, но есть токмо нѣкая произвольная защита, силиющаяся отступленіемъ отъ существа дѣла, показать оное въ видѣ, противоположномъ сужденію о немъ Комитета Гг. Министровъ. Изъ сего мнѣнія своего выводитъ онъ подобныя, произвольныя и собственнымъ его словамъ противорѣчущія, заключенія, какъ то: 1) оправдавъ Попова, наказываетъ, приговаривая его, какъ неспособнаго, къ лишенію того мѣста, котораго онъ уже давно лишенъ; 2) находя выше сего, что законы не возбраняли ему поправлять книгу, здѣсь находитъ его виновнымъ въ поправленіи такого рода книги; 3) обвиняетъ, не приѣмая въ уваженіе господствовавшего тогда въ нашей литературѣ духа. При сихъ словахъ я долженъ остановиться и сказать, что выраженіе: господствующій духъ въ литературѣ не должно бы употребляться въ Государственныхъ бумагахъ; ибо когда въ нихъ будетъ признаваться господство духа, тогда власть и законы потеряютъ свое господство; ибо два Господина вмѣстѣ быть не могутъ.

Я согласенъ въ Г. Поповѣ признать человека, бывшаго въ заблужденіи, не выдавшаго въ Госнерѣ злоумышленнаго сектатора, и не могшаго въ книгѣ проникнуть скрытаго злочестія, а по тому и оправдавшаго оную въ томъ же самомъ заблужденіи.

Вотъ все, что къ извиненію его сколько ни будь принято быть можетъ! Но оправдывать поступокъ его, выказывать оный не противнымъ законамъ, и не къ лицу, по уваженію къ слабостямъ и недостаткамъ человѣческимъ, снисходить, но преступному и злонамѣренному дѣйствию давать видъ невинности, сего я дѣлать не умѣю, не хочу и не могу.

Примѣчанія.

1) Вліяніе на Цензоровъ, вліяніе письменное, вліяніе на печатаніе книгъ.—Бѣдный Русскій языкъ! И съ тобою не лучше поступаютъ, какъ съ законами и правосудіемъ. О времена! О нравы! Читатель! прости мнѣ сіи подъ звѣздочками прибавки, присовокупенныя въ Запискахъ моихъ уже послѣ, по прочтеніи въ Совѣтъ бумаги моей. Нѣтъ возможности не скорбѣть, видя языкъ искаженнымъ и правду попираемую ногами.

2) Дѣйствительно, трудно повѣрить, чтобы, въ присутствіи полнаго собранія Русскаго Сената, можно было (не говоря уже о неприличіи ни мало не относящагося къ сему Латинскаго текста) нѣчто подобное утверждать; ибо, допуская сіе, останется только допустить, что хотя разбойникъ и зарѣзалъ человѣка, но какъ нѣтъ закона, воспреещающаго употребленіе ножа, то онъ не виноватъ—довольно сказать: «Nullum crimen sine lege.»

3) Благоразумный читатель! обращаюсь къ тебѣ. При какой нравственности можно Сенатору говорить сіе предъ лицомъ Общаго Собранія первенствующихъ судей и предъ цѣлымъ свѣтомъ? Онь, первое, поставляетъ Директора Народнаго Просвѣщенія, заставлявшаго въ Библейскихъ Обществахъ, сносившагося съ Англійскими Методистами, Госнерами и проч., и проч., не разумѣвавшими того, о чемъ въ сихъ книгахъ, отъ Министерства Просвѣщенія издаваемыхъ и его собственною рукою поправляемыхъ,

толь прямо и ясно говорится. Второе, Сенаторъ въ оправданіе ему ставитъ то, что онъ, при явномъ къ сочинителямъ и переводчикамъ сихъ книгъ покровительствѣ и благорасположеніи (въ коихъ, слѣдственно, и самъ участвовалъ, поелику былъ Директоръ и поправлялъ ихъ своею рукою), опасался изъяснить свое сомнѣніе.... Опасаться не участвовать и не опасаться участвовать въ издаваніи книгъ возмутительныхъ, возстающихъ противъ Вѣры, Правительства и спокойствія народнаго, — прекрасное оправданіе, достойное просвѣщенныхъ нашихъ временъ!

4) И какъ здѣсь выставлены собственныя мои слова, то имѣю право изъяснить мои чувства, что желаю лучше ослѣпнуть, нежели когда ни будь смотрѣть на сіе дѣло съ одинаковой съ Г. Сенаторомъ точки зрѣнія (слова сіи, впрочемъ, справедливыя, выпустилъ я изъ читанной мною въ Совѣтъ бумаги).

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

**ИЗОБРАЖЕНІЕ НАСИЛІЯ,
ЖЕСТОКО ОБРАЩЕННАГО НА СЛАБУЮ НЕВИННОСТЬ.**

ЗАПИСКИ

О

СОБЫТІЯХЪ НА ВОЛЫНИ И ПОДОЛѢ

ВЪ 1789 ГОДУ,

БЕОДОСІЯ ВРОДОВИЧА,

АРХИПРЕСВИТЕРА ГРЕЧЕСКАГО УНІЯТСКАГО КАПИТУЛА ЛУЦКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Предисловіи къ изданному мною во 2-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1865 года, отд. V (стр. 1—X), «Содержаніи доклада, поданнаго Сейму отъ Депутаціи, назначенной допрашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ, въ зацѣданіе 26 Марта, 1790 года,» изложено тогдашнее положеніе Польши и причины, вызвавшія собравшихся въ концѣ 1788 года Государственныхъ Чиновъ на Сеймъ въ Варшавѣ, нарядить эту Коммисію изъ среды себя или по тогдашнему Депутацію. «На этомъ продолжительномъ (четырехлѣтнемъ) Сеймѣ, замѣтилъ я, задумано было совершенно преобразовать Польское Государство... между прочимъ вздумали уничтожить обязательства касательно предоставленія Разновѣрцамъ (Диссидентамъ) свободы Богослуженія и правъ, наравнѣ съ Католиками. Въ число же Разновѣрцевъ входили и Русскіе, которые, какъ Православные, отбиваясь сами съ оружіемъ въ рукахъ отъ посягательствъ на нихъ Поляковъ, искали прежде всего заступленія у своихъ единоутробныхъ и единовѣрныхъ, нашли было оное, а теперь опять должны были его лишиться, въ силу преобразованій, благопріятствовавшихъ, съ первой до послѣдней буквы, одной лишь Шляхтѣ. А чтобы оправдать сколько ни есть свои мѣры по этому дѣлу, Поляки старались сообщить имъ характеръ Государственной необходимости, именно, что онѣ вызваны были чувствомъ самосохраненія, такъ какъ во всѣхъ областяхъ Югозападной Руси показались явные признаки, предсказывающіе близкое наступленіе новой Хмельницщины, въ которой, какъ и въ первой (по убѣжденію Поляковъ), также присуща рука Москвы. Тотчасъ наряжена была особая Коммисія или, какъ тогда выражались, Депутація, которой и поручено допросить подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Москалами, разузнать, отъ чего волнуется благодѣствующая подъ воскрыліемъ Польши Русь на Украинѣ, Волынѣ, Подолѣ и Подѣсѣ. Депутація представила донесеніе свое, въ которомъ утверждала, что, «бунтовъ и возмущеній позднѣйшихъ матерью

сдѣлалась злобная сосѣдственнаго Кабинета политика,» т. е., Россіи. Отвергая съ неслыханной беззащѣтливостью всякую со стороны Польши Вѣроисповѣдную нетерпимость и отнятіе Государственныхъ правъ отъ Разновѣрующихъ подданныхъ своихъ, Депутація утверждала, что задумано было, при посредствѣ Москвы, новое возстаніе, подобное возстанію 1768 года, извѣстному подъ именемъ рѣзни въ Польско-Русскихъ краяхъ. «Явившееся вдругъ необычайное число Поповъ, маркитантовъ, Пилипоновъ, извошиковъ и прочихъ Россійскихъ бродягъ въ Польшѣ, ножи и другія разбойническія орудія, подъ видомъ торга ввезенныя ими въ край Польской, свѣдѣтельства, изъ допросовъ открывающіяся, что одинъ и тотъ же самый день назначенъ былъ во всей Польшѣ, Литвѣ и Украинѣ для начатія кровопролитія, что исповѣдь между прочимъ служила средствомъ тому неистовому договору, судебныя приговоры, по которымъ столь много изобличенные въ соучаствованіи въ безчеловѣчномъ томъ дѣлѣ, казнены были смертію, суть очевиднымъ доказательствомъ справедливости и начала подушеннаго бунта, и сомнѣваться не должно, чтобы Россія того, что приготавлиала въ теченіе толь многихъ лѣтъ политическимъ стараніемъ, и что доказать успѣла въ 1768 году, не замышляла произвести въ дѣйствіе въ 1789 году» (стр. 25—26).

Въ такомъ-то свѣтѣ доносила Сейму эта пресловутая Депутація, благодаря заговору Польской Шляхты противу бѣдной своей Руси, яко бы замыслившей, при содѣйствіи Москвы, окончательно повершить съ Поляками, насильниками и врагами своими. Донесеніе Депутаціи издано было мною по современному переводу, найденному въ бумагахъ извѣстныхъ Генераловъ, братьевъ Кречетниковыхъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлахъ нашихъ съ Польшей того времени. Польскій подлинникъ былъ мнѣ тогда не извѣстенъ, какъ я и замѣтилъ въ упомянутомъ выше Предисловіи (стр. IV): только лѣтомъ этого года получилъ я печатный текстъ его совершенно неожиданно отъ Преподавателя Молодеченской Учительской Семинаріи, Г-на Юліяна Федоровича Крачковскаго. Это: «Tresé z relacyi od Deputacyi examinującej oskarzonych o bunty Stanom Seymicyum na Sessyi Semotis Arbitris dnia 26 Marca r. 1790 uczynionej, za rozkazem Deputacyi interessow Zagranicznych wyciągnona.» Безъ

означенія года и мѣста напечатанія, но, конечно, въ 1790-мъ и въ Варшавѣ. Форматъ 12 доля листа, стр. 94 (то есть: тексту 72, приложений 22 и для примѣчанія, поставленнаго передъ текстомъ 2, но безъ означенія числомъ). *

Но совсѣмъ иначе происходила вся эта сумятица въ нынѣшнемъ нашемъ Заднѣпровьѣ, какъ свидѣтельствуяютъ современники и очевидцы, благодаря которымъ потомство наконецъ знаетъ, въ чемъ было дѣло, кѣмъ вчато и для чего. Къ числу такихъ непосредственныхъ очевидцевъ принадлежитъ Феодосій Бродовичъ, Архипресвитеръ Греко-Уніятскаго Луцкаго Капитула, который описалъ все имъ видѣнное и слышанное, въ видѣ переписки между двумя знакомыми, однимъ—жителемъ Луцка, а другимъ Варшавы. Повѣствованію своему далъ онъ заглавіе: «Изображеніе насилія, жестокаго обращеннаго на слабую невинность.» Писано по Польски, и по тому в самое заглавіе: «Widok przemosy na słabą niewinność tego wywartej roku 1789.» Подлинникъ принадлежитъ Архиву Греко-Уніятскаго Митрополичья Собора въ Львовѣ. Списковъ съ него не существуетъ. Рукопись состоитъ изъ двухъ частей: переписки, въ коей изложено все, происходившее тогда на глазахъ Архипресвитера, или слышанное имъ отъ достовѣрнѣйшихъ людей, т. е., всѣ казни и продѣлки обуявшей Шляхты противъ Руси и ея Духовенства безъ различія Вѣроисповѣдныхъ Обрядовъ (Соединеннаго и Несоединеннаго съ Римскимъ Католичествомъ), какъ извѣстно, никогда не отдѣлявшагося отъ своей паствы въ добрые и злые дни. Рассказываемое же сочинителемъ всюду подкрѣплено подлинными актами, которые и составили собою вторую часть, такъ называемый, «Перечень» («Summariusz tych praw, dokumentów, dekretów i wszelkich transakcyj, które w tej książce pod alfabetycznymi literami wzmiankowane są»). Письма содержатъ въ себѣ 211, а Перечень остальное по 556 страницъ въ листъ, за исключеніемъ двухъ Богословскихъ статей на стр. 315—565.

---

* Приложеній всего 7. Сочиненіе это большая рѣдкость, и стоить того, чтобы, по важности его, сдѣлать болѣе доступнымъ посредствомъ перепечатанія, что, можетъ быть, и предпримемъ въ недалекомъ будущемъ.

Подлинникъ переписанъ четкимъ почеркомъ, большею частью рукою Симеона Бродовича, брата Архипресвитера, отчасти же, тамъ и сямъ, и рукою самого сочинителя. Умирая, сочинитель вручилъ описаніе свое брату своему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесся письмомъ къ Прелату Уніятскаго Львовскаго Капитула, Михаилу Гарасевичу, прося его принять отъ брата его эту рукопись, въ надеждѣ, что она будетъ имъ опѣнена надлежащимъ образомъ и сохранена для потомства. Дѣйствительно, Прелатъ внесъ ее въ Архивъ, какъ сказано выше, Капитула Митрополии Греко-Унітской Львовской, гдѣ и до нынѣ сохраняется. Оба упоминаемые письма помѣщаются ниже, передъ Предисловіемъ сочинителя къ его творенію. Этѣмъ описаніемъ событій 1789 года на Волыни и Подолѣ прежде всѣхъ, конечно, имѣлъ возможность воспользоваться самъ Гарасевичъ для своихъ «Историческихъ Записокъ объ Іерархіи Русской въ Галичинѣ и сосѣднихъ съ нею краяхъ.» * Кромѣ того она извѣстна была и нѣкоторымъ другимъ ученымъ Львовскимъ, но только въ 1858 году Г-нъ Антоній Петрушевичъ обратилъ на нее вниманіе своего Начальства; по чему оно и поручило сочиненіе это разсмотрѣть бывшему тогда Профессору Русскаго языка и Словесности въ Львовскомъ Университетѣ, Я. Ѳ. Головацкому, который, снявъ съ него противень, переслалъ послѣдній мнѣ, при письмѣ отъ 17-го Октября, 1859, полученномъ только 20-го Февраля, 1860 года. Посланное сопровождается запиской, относящейся до судьбы этого сочиненія, коею и пользуясь я при его изданіи въ свѣтъ. Получивъ посланное, я тотчасъ приступилъ къ печатанію, какъ подлинника на Польскомъ, такъ и приложеній къ нему на разныхъ языкахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и къ Русскому переводу одной лишь 1-ой части, что и сдѣлано А. И. Хмельницкимъ, представляя 2-ую часть только въ ея подлинномъ видѣ, какъ важную для подтвержденія содержащагося въ самомъ изложеніи. Быть можетъ, со временемъ и находящееся въ приложеніяхъ

---

* «Historica notitia de statu Hierarchiae Ruthenae S-ae Romanae Ecclesiae Unitae in Russia Minori, Alba et Rubra, a tempore ejus originis seu ab anno 1595 usque ad annum 1834, conscripta et allegatis reflexionibusque munita.» Сочиненіе это, кажется, по сию пору находится въ рукописи.

переведется на Русскій кѣмъ либо, по мѣрѣ надобности въ томъ, же, или одно подходящее къ дѣлу. Что до Польскаго текста, то онъ изданъ мною съ цѣлю, т. е., чтобы Поляки не сказали намъ, что мы выдумываемъ на нихъ что либо, сочинили сами, да потомъ и пустили по міру, яко бы переводъ съ небывалаго Польскаго подлинника. Теперь же каждый въ состояніи провѣрить какъ переводъ, такъ и подлинникъ, случивъ послѣдній въ мѣстѣ его храненія. Между тѣмъ, пока я печаталъ подлинникъ и приложения къ нему, двое превышающія его своимъ объемомъ, что, при другихъ моихъ занятіяхъ, подвигалось медленно, обстоятельства неожиданно перемѣнились въ Австріи, и то, что, при прежнемъ порядкѣ, никогда не могло разсчитывать на свое обнародованіе, вдругъ увидѣло возможность на оное. По сему уже въ Апрѣлѣ 1861 года появилась въ свѣтъ 1-ая часть этого сочиненія въ Львовѣ, изданная Г-номъ Головацкимъ, и въ полтора мѣсяца все ея изданіе (1200 заводовъ) было раскуплено; отъ того въ концѣ того же года потребовалось новое, а въ слѣдующемъ (1862) выпущена и 2-ая часть. Случая напечатанное мною съ напечатаннымъ въ Львовѣ, открываются коегдѣ въ мелочахъ нѣкоторыя неточности касательно языка, но я долженъ сказать, что, печатая Записки этѣ, я держался буквально текста, мнѣ изреченнаго и завѣреннаго собственноручною, за сходство его съ подлинникомъ, подписью приславшаго.

Въ примѣчаніи къ Львскому изданію этого сочиненія, Я. О. Головацкій говоритъ, что въ самый годъ происходившихъ событій (1789-й) вышли въ Варшавѣ: «Uwagi polityczne, do prawideł Religii i zdrowej Filozofii zastosowane, tyczące się władzy kościelnej in temporalibus, ulepszenia duchowieństwa Katolickiego obrządu Greckiego, niestwarzania Hierarchii Nieunickiego Kościoła w krajach Rzeczypospolitej i udzielenia sprawiedliwości poddanstwa Polskiego, przez Anonima krótko w jednym liście zebrane.» Въ нихъ доказывается необходимость уравниенія въ правахъ обохъ Обрядовъ, Римско-Католическаго и Греко-Католическаго, соединеннаго съ первымъ, учрежденія Капитуловъ при послѣднемъ, заведенія Семинарій, опредѣленія содержания для его приходскихъ Священниковъ, основанія сельскихъ училищъ и отстраненія нѣкоторыхъ злоупотребленій въ высшемъ

Духовенствѣ. Не смотря на увѣреніе сочинителя, что онъ не принадлежитъ къ Унітамъ (стр. 21), однако тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ о Русско-Уніятскомъ Духовенствѣ и всемъ, его касающемся, и которыя отличаются точностію и обстоятельностью своею, также сходство мнѣній съ мнѣніями, встрѣчающимися въ Запискахъ Бродовича, очевидно показываютъ, что и этѣ «Политическія замѣчанія» принадлежатъ Русину, и, вѣроятно же всего, тому же Луцкому Соборному Протоіерею, Θεодосію Бродовичу.

Сохраненное ямъ для потомства изображеніе гоненій на Русское Уніятское Духовенство и его паству, поднятыхъ, такъ называвшеюся тогда, Коммисією общественной безопасности, по поводу мнимаго подущенія первымъ простаго народа къ возстанію противъ своихъ Господъ и рѣзни ихъ и Жидовъ, за одно угнетавшихъ тѣхъ и другихъ, эта вѣрная до мельчайшихъ подробностей картина тогдашняго порядка вещей, настроенія умовъ и проявленія желаній и стремленій къ извѣстной цѣли, представляетъ намъ во всей наготѣ извѣстную партію Конфедератовъ Польскихъ, отличавшуюся своею звѣрской кровожадностію, едва ли уступавшей въ чемъ злоповѣстной Инквизиціи. Безграничная ненависть ко всему Русскому, медленно перерождавшемуся въ Польское, особливо со стороны простаго народа и его пастырей, вызывала изступленныхъ изуверовъ къ самымъ нечеловѣческимъ мѣрамъ. Достаточно было пары словъ, въ шутку, или необдуманно, сказанныхъ, также подъ веселую руку сорвавшихся съ языка, чтобы попасть тотчасъ же подъ стражу, быть брошеннымъ въ оковахъ въ отвратительное заключеніе, изстязуемымъ всякаго рода мученіями и пытками и даже взведеннымъ на висѣлицу. Такъ въ Луцкѣ въ двѣ недѣли поцлатилось жизнью 5-ть ни въ чемъ невинныхъ, да въ Дубнѣ 13-ть. А сколько погибло отъ голода, холода и всевозможныхъ лишеній и страданій въ мрачныхъ и смрадныхъ темницахъ! Пользуясь второю нашей войной съ Турками, безсовѣстно распускали всюду слухъ, что Русскіе маркитанты, большею частью изъ Пилиповъ, жившихъ издавна на югѣ, въ тогдашнихъ Польскихъ владѣніяхъ, промышленяшіе въ военное время доставкой продовольствія въ войска, а въ мирное разнаго рода торговлей по городамъ, городкамъ, селамъ и деревнямъ, особенно краснымъ товаромъ и другими хо-

зайственными вещами, что эти люди, на которых дотолѣ ни кто не обращалъ и вниманія, то есть, на ихъ посѣщенія, остановки, почлеги по домамъ знакомыхъ Помѣщиковъ, горожанъ, Священниковъ и прочихъ обитателей, имѣютъ порученіе отъ самой Русской Императрицы поднять тамошній народъ, какъ единовѣрный и единопородный, противъ Польской Шляхты и вообще Польскаго Правительства, и по тому развозятъ повсюду и раздаютъ простонародью нужныя для того орудія. Не устыдились даже представить Сейму въ Варшавѣ изображеніе, между прочимъ, того самага ножа, которымъ въ особенности предполагалось вооружить чернь, а она, по данному знаку въ урочное время, должна была произвести рѣзню, подобную Уманьской. Не смотря, однако же, на всѣ усилія убѣдить въ томъ посредствомъ разсылки такихъ ножей между Шляхтой Волыни и Подола, и всеобщую увѣренность ея въ истинѣ того, нигдѣ не нашли ни одного подобнаго ножа у заподозрѣнныхъ и принуждаемыхъ всевозможными страданіями выдать ихъ и т. п. И сама Варшавская Депутация, при всемъ желаніи вѣрить такому поклепу на свою Русь, при всемъ предубѣжденіи противу ея и увѣренности въ существованіи заговора противъ Пановъ и Панковъ, разсмотрѣвъ присланное изображеніе, признала его «произведеніемъ головъ злонастроенныхъ и испорченныхъ» («osadzila być go wynalazkiem głów równie przewrotnych, jako i złośliwych»).

Но какъ ни хитрила, какъ ни ворожила Польская Шляхта, какъ ни играла въ начало, а року своего не избыла, попала таки сама въ начало; недоля сталась—чужимъ досталась: послѣдовалъ второй и третій раздѣлы; сбылось, что давно ей пророчили всѣ, свои и чужіе, и почтенный Архипресвитеръ Луцкій, завершая описаніе перелетаго имъ, съ грустью заключаетъ: «Этѣмъ все окончилось,» и тутъ же невольно прибавляетъ: «а лучше бы было, если бъ никогда и не начиналось!» Предчувствіе старца вскорѣ исполнилось. Видя бѣду, страсшуюся надъ Польшей, какъ она по клочкамъ распалась, она сѣлится приписать: «Кровь невинная, не долго же вопіяла ты о щеніи! Вся страна разобрана; нѣтъ имени, нѣтъ существованія Полки!» («Kraį cały rozebrany, nie masz imienia, nie masz egzystencyi Polaka»), между тѣмъ какъ то и дѣло раздавались передъ тѣмъ

VIII

дикіе вопли отъ горъ Карпатскихъ до береговъ Днѣпровскихъ отъ водъ Балтійскихъ до водъ Черноморскихъ: «Нѣтъ Руси, и отщепенцевъ!» («Nie masz Rusi, nie masz schyzmatyków!»). И тогда не стало Православныхъ въ Рѣчи Посполитой, принялись Уніатовъ, но тутъ-то и налетѣлъ топоръ на сукъ, коса на камень на Русь наступили, но оступились, бойко нагрянули, да о згрнули, а Русь навалила, и тяжестью своей задавила. И немъ Горькому Кузенькѣ горькая и долюшка!...

Не взирая на все это, мало по малу дни испытаній прошъ какъ и дни страданій, волненія улеглись, правда всплыла, какъ ея на верхъ, вризда понесла заслуженное возмездіе; время сгладило ровности, забылись бѣды и напасти, и старое является молодое въ томъ уже видѣ, какъ было на самомъ дѣлѣ, особливо и перомъ недобросовѣстныхъ поэтовъ и романистовъ, такъ называемъ Украинской школы, которые въ своихъ писаніяхъ представляли всю жизнь Шляхты въ такомъ розовомъ, заманчивомъ свѣтѣ, не знаешь, чему вѣрять: ихъ ли вѣщимъ расскажемъ, или же продолжнымъ сказаніямъ своихъ и чужихъ о бывшихъ Польскихъ покахъ и нарядѣ. Но немного нужно ума, чтобы отличить тутъ истину отъ вымысла; а кто бы захотѣлъ добытое разсужденіемъ прирять, тому стоитъ только прислушаться къ тому, что и теперь идетъ съ Русью Подкарпатской, какъ тамошняя Шляхта братается съ Русиною. Нѣтъ, какъ свѣтъ свѣтомъ, такъ не былъ и не деть Ляхъ Русскому братомъ! Къ сожалѣнію, непреложность эти подтверждають и скрижали древнихъ лѣтъ и событія нашихъ дней. Если бы когда либо противное тому случилось, т. е., сближеніе, сближеніе и братанье не виѣшнее, поверхностное, а искреннее, души и сердца испещшее, Русскіе, видя такое чудо, первые воспы бы Богу пѣснь хвалебную во псалтыри десятиструннѣ, пѣснь бы и возложили бы на алтарь тельцы своя...

Ф. Бодявскій.

9-го Декабря, 1868 г.
Москва.

ИЗОБРАЖЕНИЕ

НАСИЛИЯ НАДЪ СЛАБОЙ НЕВИННОСТЬЮ.

Видѣхъ подѣ олтарахъ дочиа иженнхъиуууъ за слово Божие и за съвѣ-
дательство, иже имѣхъ. И възвѣща гласъ велиинъ, глаголюще: доко-
ля, владыко сватыи и истинныи, не сядиши и не мстиши крѣи влшеи отъ
жнелшнхъ на земан; И днны быша комюждо ихъ ризы бѣлы, и речеио вѣсть
имъ, да поумнѣи иште время млоу, дондеже съкочуашься и каврѣти ихъ
и брати ихъ, и мжшнн иженнн бѣти, икоже и тнн.

Апокал. ѣ, ѣ, і, ѣ.

КЪ МИХАИЛУ ГАРАСЕВИЧУ, ОФИЦІАЛУ ЛЬВОВСКАГО
КАПИТУЛА. *

Perillustris, Reverendissime Domine,

Patrone Colendissime!

Великія качества Ваши, всѣми славимыя, а также и доказа-
тельства милостей, которыя Вы благоволили оказывать по моимъ
просьбамъ, всегда возжигали во мнѣ желаніе къ ближайшему знаком-
ству съ Вами, чтобы, такимъ образомъ, возможноѣ было мнѣ зая-
вить и свое уваженіе къ Вамъ, и благодарность, которою я Вамъ
обязанъ. Но такое счастье не выпало на мою долю, а между тѣмъ,
по общему ходу вещей, я нахожусь уже на исходѣ жизни, и тѣмъ
вѣрнѣе убѣжденъ въ смерти, что и врачи отъ меня отказались, и
силы меня оставили. Прощаясь по сему съ моими друзьями, прощаюсь,
вѣстѣ съ тѣмъ, и съ Вами; но въ доказательство уваженія моего
къ Вашей особѣ, которое желаю сохранить и по смерти, посылаю
Вамъ книгу, или скорѣе, Исторію ужаснаго преслѣдованія, довед-
шаго меня до настоящаго положенія. Въ этомъ положеніи мнѣ
остается, только просить Васъ помнить обо мнѣ у алтаря Господня.

Посылая Вамъ послѣднее выраженіе моего почтенія,

Perillustrissimi, Reverendissimi Domini,

Patroni Colendissimi

servus humillimus,

(Собственноручно) Theodosius Brodowicz,
Archipresbyter Luceoriensis.

---

* Писано рукою брата Бродовича, Симеона.

ПИСЬМО

СИМЕОНА БРОДОВИЧА КЪ ГАРАСЕВИЧУ.

СКУРЧЕ. 25 Января, 1804 г.

Милостивый Государь!

Братъ мой, Архипресвитеръ Луцкаго Капитула, постоянно питая глубочайшее уваженіе къ Вашей особѣ, и съ этими чувствами сходя въ могилу, не позабылъ оставить письменное доказательство привязанности къ Вамъ, и поручилъ мнѣ переслать Вамъ рукопись своего сочиненія, вызваннаго совершившимся роковымъ происшествіемъ. Исполняя послѣднюю волю моего брата, имѣю честь извѣстить Васъ, что онъ преставился 13 Мая, 1803 года. Пересылая Вамъ оставленное имъ письмо и книгу, присоединяю къ нимъ заявленіе почтенія, съ которымъ подписываюсь Вашимъ всенижайшимъ слугою,

Симеонъ Бродовичъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

и

СОДЕРЖАНІЕ ВСЕГО СОЧИНЕНІЯ.

Очевидная правда не требуетъ доказательствъ; сама она говоритъ за себя. Самыя ужасныя происшествія, которыхъ свѣжая память и кровавыя слѣды еще не исчезли, совершались передъ нашими глазами. Осьмнадцатый вѣкъ, именно въ концѣ своемъ, вѣкъ просвѣщенный, оказалъ такую нечувствительность даже къ челоуѣколюбію, что, по справедливости, можно бы сравнить его съ вѣкомъ, когда либо самымъ непросвѣщеннымъ и самымъ дикимъ.

Найдешь, читатель, свѣдѣтельства, показанія и даже самихъ свѣдѣтелей, которые еще живы, обстоятельства которыхъ приведутъ тебя въ изумленіе. Прочтешь постановленія, записанныя острымъ желѣзомъ; заметишь всюду насиліе, если не будешь смотрѣть пристрастнымъ окомъ.

Но если будешь читать съ предубѣжденіемъ, то оставь тотчасъ же это сочиненіе, и, не читавъ, сочти его ложнымъ. Лучше скажи, что солнце въ полдень не свѣтитъ, что рѣки текутъ снизу вверхъ, и что умы всѣхъ безъ изыатія людей могутъ быть введены въ обманъ.

Этимъ и оканчивается все предисловіе, какое обыкновенно помѣщаютъ въ началѣ всякаго труда, излагаемаго на письмѣ; а

II

вмѣсто него, я открываю тебѣ «Зрѣлище насилія, жестоко обращеннаго на слабую невинность.» Но чтобы ты понялъ всю его свирѣпость, слѣдуетъ обратиться нѣсколько назадъ и посмотреть тотъ очеркъ, изъ котораго образовалась нынѣ печальная картина.

По вступленіи, въ 1764 году, на престолъ Станислава Августа спокойствіе въ краѣ продолжалось не болѣе 3-хъ лѣтъ. Кто нарушилъ его и по какимъ причинамъ, это не касается цѣли настоящаго труда. Началась Барская Конфедерація подъ предводительствомъ Красинскаго и Пулавскаго. Всеобщая неурядица была причиною крестьянскаго возстанія въ отдаленныхъ частяхъ Украйны. Козакъ Желѣзнякъ, собравъ толпу вольницы (hultajów), вышелъ изъ Запорожья и подступилъ подъ Умань, наследственное мѣстечко Франциска Потоцкаго, бывшаго въ то время Воеводы Кіевскаго. Уманскій Козакъ того же помѣщика, Гонта, вступивши въ заговоръ съ Желѣзнякомъ, отворилъ ворота мѣстечка, впустилъ вольницу и несчастныхъ жителей, укрывшихся въ Умани, истребилъ жестокою рѣзней, не смотря на возрастъ и полъ, не щадя Священниковъ и чернецовъ обоихъ обрядовъ Католическихъ. Какъ далеко распространилась эта свирѣпость и какъ много Русскаго духовенства отъ него было побито, прошу заглянуть въ универсалъ, помѣщенный въ Перечнѣ подь буквою А и подь тою же буквою универсалъ Козаковъ.

Кто читаетъ Отечественную исторію и захочетъ припомнить Богдана Хмельницкаго, тотъ не удивится появленію подобнаго тиранства въ Украйнѣ; но не можетъ не прійти въ удивленіе отъ того, что вышеупомянутые вожди Барской Конфедераціи повѣрили клеветѣ, злобно взведенной на Уніятское Русское духовенство, будто оно на исповѣди уговаривало народъ къ поднятію насильственныхъ рукъ противъ своихъ господъ и ихъ управляющихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ окружное письмо, писанное къ Епископамъ Русскимъ Начальниками Барской Конфедераціи, помѣщенное въ Перечнѣ подь буквою В.

III

Въ то самое время, когда вольница нещадно проливала челоуѣческую кровь, появилась въ странѣ чума, и Епископы Русскіе при первой удобной возможности съѣхались въ Львовъ, и тамъ въ публичныхъ актахъ торжественно заявили свою и своего духовенства невинность. Смотри въ Перечнѣ букву С.

Сами же они съ духовенствомъ, препоручивши себя Божьему вѣкровительству, скоро увидѣли конецъ этого двойнаго несчастія, т. е., мора и рѣзни. Чума, распространившаяся, по причинѣ Турецкой войны, въ Русскихъ Воеводствахъ, прилегающихъ къ Дунайскимъ Княжествамъ, прекратилась совершенно въ 1770 году; возстаніе же было уничтожено поимкой и истребленіемъ атамановъ; захватывать ихъ помогли и сами Москали; разсѣяна была тоже и Барская Конфедерація, послѣ насилія надъ особою Короля, къ безчестию народа, 3-го Ноября, 1771 года.

Вмѣсто неурядицы наступила желанная тишина, но и она не долго продолжалась, особенно въ Воеводствахъ Киевскомъ и Брацлавскомъ. Неуніаты, въ силу договора, заключеннаго 1778 г. между Россією и Рѣчью Посполитой (такъ какъ они получили право взять обратно въ свое вѣдомство церкви съ прихожанами, захваченныя Уніятами послѣ 1717 года), удаляли Священниковъ Русскаго соединеннаго обряда изъ приходоу, и отбирали у нихъ церковныя фондуши, а не хотящихъ уступить добровольно прогоняли, при помощи Русскихъ военныхъ отрядоу, забирая ихъ въ неволю отъ женъ, дѣтей и имуществъ.

Не хочу перечислять помѣщикоу, владѣющихъ въ Украинѣ имѣніями, которые принуждали своихъ крестьянъ къ отпаденію отъ Уніи. Я пишу въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ все знаютъ, что личныя выгоды смѣло разрываютъ самыя тѣсныя связи Религіи съ Государствомъ.

Темницы въ Бердичевѣ и Великомъ Полонномъ были наполнены Священниками, содержавшимися подъ строгой стражей Русскаго войска, о чемъ свидѣтельствуютъ и свѣжая память, и самыя письма

IV

тѣхъ узниковъ, писанныя къ Иосифу Гарампи, бывшему въ то время Папскимъ Нунціемъ въ Польшѣ, и его отвѣты, изъ которыхъ можно видѣть, чьямъ именно ходатайствомъ нѣскольколѣтніе узники вышли на свободу. Не нашедши своихъ домовъ и имуществъ и не получивъ другихъ приходовъ, въ которыхъ могли бы помѣститься, долго потомъ искали они пропитанія себѣ и своимъ семействамъ изъ рукъ Христіанскаго милосердія. Смотри въ Перечнѣ упомянутыя письма подъ буквою D.

Прошло, однако жъ, и это бѣдствіе; Русское духовенство, довольно ревностно привязанное къ Уніи, было признано, и по временамъ слышались на Сеймѣ Сенаторскія и Депутатскія рѣчи въ похвалу этого духовенства. И по этому именно Его Величество, Король, желая всѣмъ своимъ подданнымъ, безъ различія сословій, показать любовь и особенную благодать своего сердца, благосклонно принимая просьбы Ясона Смогоревскаго, Митрополита всей Руси, и соизволилъ ходатайствовать передъ Римскимъ Престоломъ, чтобы онъ украсилъ какимъ либо новымъ отличіемъ первенствующія въ этомъ духовенствѣ особы ученостію и заслугами, награждая ихъ труды и поощряя другихъ къ тому же. По этому Св. отецъ, Пій VI, установилъ на вѣчныя времена для тридцати Священниковъ въ Іерархіи право ношенія отличительныхъ почетныхъ знаковъ, и раздачу ихъ отдалъ въ руки Митрополитовъ. Смотри въ Перечнѣ букву E.

Казалось, что Русское духовенство обезпечило навсегда свои преимущества: уже встрѣчало оно любовь и уваженіе между гражданами; уже первыя особы этого духовенства носили на себѣ знаки благоволенія Папскаго и Королевскаго Престоловъ; и наконецъ, когда по смерти Кипріяна Стецкаго, случившейся 1786 года, Декабря 26, по старому счисленію, помощникъ его, Михаилъ Стадницкій, ¹ по своей слабости, не способенъ былъ принять управ-

---

¹ Михаилъ Стадницкій, изъ Сѣрадскаго Воеводства, сперва былъ Піаромъ, а потомъ изъ Піара сталъ бывшимъ Священникомъ, Капоникомъ въ Луцкѣ, далѣе въ Краковѣ, потомъ изъ Мазура Русскимъ, Профессоромъ Супрасьскаго монастыря

леніе Луцкимъ престоломъ: на этомъ престолѣ уже увидѣли Стефана Левинскаго, избраннаго изъ бѣлаго духовенства, сперва въ помощники, а въ послѣдствіи и правящимъ съ почти полнымъ правомъ суда, посвященнаго предварительно на заграничное Епископство Тигейское съ титуломъ Викарія (Суфрагана) Митрополіи.

И вдругъ, среди этихъ благополучій, стремительно, подобно молніи, поднялась сильная буря противъ того же духовенства Русскаго, едва ли не большая, чѣмъ когда либо.

1789 годъ былъ началомъ небывалыхъ до тѣхъ поръ несчастій, которыя тѣмъ ужаснѣе были, что возникли изъ причинъ, не всею относящихся къ неурядицѣ, и обстоятельству не только думсленныхъ, но и совершенно невинныхъ.

Причины эти были слѣдующія: Россія, воюя съ Турціею, хотѣла имѣть тутъ, на Русѣ, свои магазины, желая закупать хлѣбные запасы на наличныя деньги, но помѣщики, обращая вниманіе на сильный неурожай хлѣба, и по тому дороговизну его, учредили Комиссію хлѣбныхъ запасовъ, предписавъ ей правила, назначивъ цѣну разнаго хлѣба и количество мѣръ, которое каждому округу слѣдовало поставить въ Русскіе магазины не прежде, какъ по врученіи Комиссарамъ полной платы за хлѣбъ.

Эта предосторожность, именно въ Волынскомъ Воеводствѣ, имѣла то послѣдствіе, что приставленные къ Русскимъ магазинамъ, не желая покупать такъ дорого, отказались отъ запасовъ и, какъ обыкновенно поступаютъ недовольные, грозили Волынскимъ помѣщикамъ, а тѣ стали думать, что Москва сдѣлаетъ съ ними и не вѣсть что.

Св. Василія, наконецъ Викаріемъ Епископомъ Луцкимъ и Острожскимъ. Переимѣнныя и состояніе и Вѣроисповѣданный обрядъ, онъ показалъ, что всѣ эти переходы не очень его тревожатъ; но по смерти своего помощника (Викарія) переимѣнился совершенно.

Такъ же и Сеймъ 1778 года, открытый во время Конфедерации, подавалъ поводы къ разнымъ толкамъ: зашальчивыя рѣчи Депутатовъ и Сенаторовъ противъ Россіи и неумѣренныя представленія ея Полномочному Послу; умноженіе войска до ста тысячъ; уничтоженіе постоянного совѣта, подраздѣлявшагося на разные департаменты, и полное измѣненіе внутренняго управленія, вопреки договора, заключеннаго 1768 г., были болѣе, чѣмъ достаточной причиной возникновенія разныхъ мнѣній, соотвѣтственно различному образу мыслей. Однако жъ этѣ мнѣнія, какъ ни были различны между собою, сходились вполнѣ въ томъ, что Россія, рано или поздно, если не открыто, то тайно, постарается свои неиспровергнутые планы снова поставить на ноги. Такъ какъ мѣстная неурядица казалась удобнѣйшимъ къ тому средствомъ, то ея и стали прежде всего ожидать и опасаться со стороны Россіи.

Обстоятельства же, которыя называю не только посторонними, но и совершенно невинными, суть слѣдующія: Съ давнихъ временъ Русскіе маркитанты (которыхъ много живетъ въ сѣверныхъ краяхъ подъ именемъ Филипоновъ) пріѣзжали съ разными товарами въ Польскія владѣнія. Ихъ видѣли по городамъ, мѣстечкамъ и даже по деревнямъ, Господскимъ домамъ, Священническимъ усадьбамъ и корчмамъ, продающими платки, поясы, хозяйственные ножи, мыло, китайку, ситецъ и другія вещи. Ни кто до того не обращалъ вниманія на ихъ число, остановки, проживанье и ночлеги; ибо не было ни какого подозрѣнія на счетъ ихъ, да и теперь подозрѣвать бы не слѣдовало, по тому что они проходили черезъ таможи. Но однажды принявъ за основаніе, что Россія начнетъ свое мщеніе съ мѣстной неурядицы, составили потомъ предположеніе, что она пользуется для этого маркитантами.

Прежде всего распустили слухъ, будто двѣ тысячи повозокъ, и при каждой по два маркитанта, вошло въ Польшу. Начали слѣдить, что они продаютъ, гдѣ бывають и гдѣ ночуютъ: осматривали ихъ товары, но нашли, что они тѣ же самыя, какіе были и прежде; когда же между ними оказались кухонныя ножи, приняли это

VII

за доказательство, какъ бы очевидное, что маркитанты высланы для совершения такой рѣзни, какая 20 лѣтъ тому назадъ была въ Уманн.

И такъ какъ этѣ маркитанты всего чаще останавливались ночевать у Священниковъ, для лучшей безопасности своихъ товаровъ, то и заключили, что они подговариваютъ Поповъ къ бунту, а Попы крестьянъ.

За тѣмъ, въ слѣдствіе всеобщей тревоги, возникшей изъ одного предубѣжденія, какъ хлѣбные Коммисары, такъ и много другихъ помѣщиковъ, съѣхались въ городъ Луцкъ. Стали совѣщаться о способахъ предотвращенія предстоящей гибели. Послали къ Сеймовымъ Чинамъ эстафету, въ которой доносили объ этомъ съ такою живостью, какую могъ внушить только страхъ уже наступившаго бѣдствія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предлагали мѣры къ сохраненію общественной безопасности.

Сеймовые Чины, повѣривъ донесенію, уполномочили этѣхъ самыхъ хлѣбныхъ Коммисаровъ къ соблюденію порядка и общественнаго спокойствія, дали имъ власть производить изслѣдованія безпорядковъ способами, обыкновенно употребляющимися для этой цѣли, и обо всемъ приказали доносить себѣ.

Въ силу такого дозволенія, Коммисія запасовъ, обращенная въ Коммисію порядка, начала свои дѣйствія въ Луцкѣ, издавъ прежде всего универсалъ ко всѣмъ помѣщикамъ, чтобы они, въ продолженіе восьми дней отъ обнародованія его, подъ опасеніемъ тяжкаго наказанія, выставили изъ каждой деревни, имѣющей 30 жителей, коннаго ополченца, а изъ деревни меньшаго населенія, пѣшаго, но не изъ Русскихъ, а непременно изъ Католиковъ, одѣтыхъ въ Воеводскіе мундиры, снабженныхъ оружіемъ, со всѣми принадлежностями и продовольствіемъ на четыре мѣсяца. См. букву F.

Тревогу усилило другое печальное происшествіе, случившееся по другому обстоятельству, а не въ слѣдствіе мнимыхъ крестьянскихъ волненій.

УПІ

Въ Невѣрковѣ, селеніи, лежащемъ миляхъ въ двѣнадцати отъ Луцка, дворовые люди убили своихъ Господъ, мужа съ женою, а также нѣсколько женщинъ изъ прислуги.

Къ этому побудила ихъ жадность, по тому что они видѣли много денегъ у своихъ Господъ.

Только и говорили, только и доносили Коммисіи, что поднявшіеся крестьяне начали рѣзню въ Невѣрковѣ; а къ кому это извѣстіе прилетѣло прежде, тѣ толпами бѣжали, одни въ Дубно, другіе въ Луцкъ, съ женами, дѣтьми и всеми домашними. И хотя потомъ при изслѣдованіи открылось, что Невѣрковская громада (міръ) не была въ сообществѣ съ этими убійцами, и сами они, бывъ схвачены, признали Невѣрковцевъ ни чего не знавшими и невинными, но все таки нельзя было изгладить изъ умовъ предубѣжденныхъ того подозрѣнія, что не будетъ больше дѣйствительныхъ бунтовъ.

Первое нападеніе было обращено на маркитантовъ. Присланные въ Луцкъ по выше упомянутому универсалу ополченцы ловили ихъ вездѣ, забирали находящіеся при нихъ товары и деньги, а самихъ отсылали въ темницы.

Коммисія стала выдавать приказы о присылкѣ ей людей, какъ крестьянъ, такъ и Священниковъ, гдѣ либо заподозрѣнныхъ въ бунтѣ, и о которыхъ къмъ либо было донесено письменно или даже словесно.

Не довольствуясь ополченцами, которыхъ однихъ было слишкомъ достаточно для угнетенія несчастной Руси, частыми эстафетами въ Варшавскую Военную Коммисію, просили о присылкѣ на Волынь разныхъ отдѣловъ Королевскихъ войскъ. Войска явились въ Луцкъ, Кременецъ и Владимиръ, также и въ окрестностяхъ этихъ городовъ, преимущественно передъ Пасхою по Римскому Мѣсяцеслову, и все это для предотвращенія мнимой рѣзни, которая будто бы должна была начаться въ день Свѣтлаго Воскресенія.

А между тѣмъ, если какой ни будь маркитантъ ночевалъ у Священника, или крестьянина; если кто ни будь изъ Русскихъ, пьяный,

или трезвый, изъ похвалы произносилъ какое ни есть слово; если кто ни будь грозилъ кому либо, тѣхъ хватали изъ собственныхъ жилищъ и, набивъ на нихъ колодки, сажали подъ строгую стражу, однихъ въ Луцкѣ, другихъ въ Дубнѣ, третьихъ наконецъ по разнымъ мѣстамъ и мѣстечкамъ. Искали подозрѣнія тамъ, гдѣ его не было, подсказывали отвѣты, въ особенности Священникамъ неученымъ, и, объясняя ихъ превратно, доносили объ этѣхъ людяхъ, какъ о бунтовщикахъ.

Подъ обвиненіе въ заговорѣ подводили и личную вражду, и пользовались этѣмъ случаемъ для мщенія; требовали объясненія въ словахъ обоюднаго значенія, произнесенныхъ за годъ передъ тѣмъ и болѣе; пріѣзжали ночью къ богатымъ Священникамъ, сказывали имъ, будто бы и они оговорены въ бунтѣ, и, подъ предлогомъ защищенія ихъ, вымогали у нихъ значительныя деньги.

Расширивъ, безъ позволенія Сеймскихъ Чиновъ, данное ей полномочіе, Коммисія присвоила себѣ судебную власть, и въ продолженіе двухъ недѣль приговорила къ висѣлицѣ пятерыхъ несчастныхъ въ Луцкѣ и тринадцать человѣкъ въ Дубнѣ, не считая погибшихъ въ темницахъ отъ голода, холода и жестокихъ истязаній.

За тѣмъ начались уголовныя суды. Голосъ религіи былъ заглушенъ; права ея служителей пограны; умокло челоуѣколюбіе и не ощущало въ себѣ врожденнаго ему состраданія; служители алтаря несли свои головы подъ мечъ, или, становясь жертвою свѣрѣпаго раздраженія, оканчивали свою несчастную жизнь въ отдаленныхъ темницахъ.

Позволь мнѣ, благосклонный читатель, отвратить взоры отъ такого зрѣлища и, вмѣсто него, представить тебѣ переписку двухъ знатныхъ лицъ того времени, свободныхъ отъ предубѣжденія.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

ВАРШАВА, 25 Мая, 1789 года.

Вы, Милостивый Государь, вѣроятно, очень заняты новою должностію въ Комисіи Порядка, если я до сихъ поръ не получаю отъ Васъ отвѣта, въ особенности въ такое время, когда Волянь полна изумительнѣйшими извѣстіями. Каждая почта привозитъ мнѣ оттуда по истинѣ ужасныя новости, но, не получая ни чего отъ Васъ, не считаю ихъ такими, какими онѣ кажутся. Описанныя Вами, онѣ будутъ для меня самыми вѣрными, по тому что, прежде нежели пожелаете кому либо передать этѣ извѣстія, Вы, я это знаю, сами основательно все разсудите.

Со времени соединенія Русскихъ и Литовскихъ Воеводствъ съ Короной, нигдѣ не читалъ я, чтобы на Воляни крестьяне бунтовали противъ своихъ помѣщиковъ, а тѣмъ болѣе, чтобы духовныя власти Русскаго Обряда, соединеннаго съ Римскою Церковью, дѣлали изъ своихъ подручниковъ орудіе для произведенія въ странѣ кровавой неурядицы.

И хотя Вы просили здѣшнюю Военную Комисію о присылкѣ полковъ для размѣщенія по Волянскому Воеводству, въ видахъ Вашей безопасности, и въ числѣ многихъ желающихъ прочелъ я и Вашу подпись; хотя пріѣзжіе своими глазами видѣли, какъ около Луцка, такъ и около Дубна, висѣлицы, наполненныя простонародьемъ, руки, прибитыя къ позорнымъ столбамъ, и множество крестьянъ, высѣченыхъ палачомъ подъ позорными столбами, и все это, какъ сказываютъ, по опредѣленію Вашей Комисіи Порядка, все же не вѣ-

рится мнѣ, чтобы Коммисія, не имѣющая судебной власти, отважилась сама присвоить ее себѣ. Но когда доставленъ сюда Попъ изъ имѣнія Ржыщевскаго, Любачевскаго Каштеляна, а въ слѣдъ за нимъ еще двое, одинъ изъ подъ Луцка, а другой изъ подъ Кременца, будто бы уличенные уже въ возмущенія простонародья; когда наконецъ привезенъ сюда, подъ прикрытіемъ народной конницы, Садковскій, Архіерей Луцкій, Неунить, съ своимъ Намѣстникомъ, болѣе чѣмъ подозрѣваемый въ заговоръ, и всѣ они посажены подъ строгую стражу, а Сеймовые Чины уже назначили для разслѣдованія особую Коммисію, то изъ всего этого долженъ я заключить, что у Васъ тамъ случилось что-то страшное, и что Вы, по благоразумной предусмотрительности, выжидаете конца этой бури, и тогда меня обо всемъ обстоятельно увѣдомите.

Вотъ чего жду я отъ Вашей дружбы и отличныхъ чувствъ ко мнѣ. И до получения отъ Васъ отвѣта на мое письмо, удержусь составленіемъ объ этѣхъ пропществіяхъ своего имѣнія.

Остаюсь и проч.

Пп. Посылаю Вамъ универсалъ Сейма. Кажется, Сеймъ вѣрить безпрестаннымъ донесеніямъ изъ Волыни о томъ, что тамъ существуютъ настоящіе бунты, и по тому назначаетъ уголовный судъ, а доносчиковъ, хотя бы они были и соумышленниками заговора, освобождаетъ отъ наказанія. Но это-то и послужитъ для простаковъ западнею. (См. универсалъ въ Перечнѣ подъ буквою G.)

ОТВѢТЪ

ПРІЯТЕЛЮ ВЪ ВАРШАВУ.

ЛУЦКЪ, 5 Юля, 1789 года.

Не всегда Варшава должна быть столицей изумительныхъ новостей: въ теперешнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ можно для этого выбрать городъ и въ провинціи, а въ немъ столько же, сколько и въ ней, понадевать. Въ Варшавѣ устанавливаютъ законы, сдѣсь ихъ примѣняютъ и тотчасъ же исполняютъ. А мнѣ кажется, будто сдѣсь дѣлается и больше, чѣмъ примѣненіе закона.

Указываю Вамъ главнѣйшее основаніе всѣхъ сдѣшнихъ происшествій; основываясь на немъ, я, въ отвѣтъ на Ваши дружескія чувства ко мнѣ, чистосердечно расскажу Вамъ обо всемъ.

Уже на Дубенскихъ контрактахъ съхавшіеся изъ разныхъ областей помѣщики начали тревожить другъ друга какою-то, ожидаемою отъ Россіи, неурядицей. Чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ эта молва становилась огромнѣе, и наконецъ, для подавленія ея, или вѣрнѣе, для открытія ея источниковъ, еще въ Февралѣ съхались мы въ значительномъ числѣ въ Луцкѣ, какъ бы на Сеймѣ главный.

На этомъ первомъ създѣ мы рѣшили, что Его Милость, Король, снесшись съ Императрицею, хочетъ взволновать Польскій край; что Россія, занятая войною со Шведомъ и Туркомъ, и не могущая вторгнуться въ настоящее время въ Польшу, хочетъ покаместъ

истреблять Поляковъ помощію крестьянскихъ возстаній, что Король употребляетъ сдѣшняго Русскаго Епископа для того, чтобы онъ поручилъ своему духовенству бунтовать крестьянъ по приходамъ; что этотъ Епископъ, какъ придворный человекъ и Королевскій присяжный Секретарь, отнесъ исполненіе этого порученія къ долгу вѣрности, которою онъ обязанъ Королю; что потомъ Россія обрушится всею своею силой на остальное и заберетъ весь край.

Едва прошло нѣсколько часовъ со времени открытія этого нашего Сейма, а мы уже счастливо порѣшили такіе важные вопросы и донесли Государственнымъ Чинамъ, чтобы они позаботились о нашей безопасности.

Вѣроятно, Вы меня при этомъ спросите, чѣмъ же мы въ то время во всемъ этомъ положительно убѣждались? Коротко отвѣчу Вамъ на это. Въ настоящее время духъ помѣщиковъ сдѣлался необычайно проникателенъ; издали видитъ онъ сокровеннѣйшіе тайники сердца; не требуетъ онъ ни какихъ доказательствъ для того, чѣмъ желаетъ задаться, а если ихъ нужно будетъ для публички, постарается прискаты самыя лучшія. Никогда такъ скоро и такъ единодушно не наступало о чемъ либо согласіе, какъ въ то время обо всемъ этомъ. Казалось, Королю, Императрицѣ и Епископу было геометрически доказано ихъ сообщничество въ заговорѣ для произведенія въ краю неурядицы, послѣ чего Король и Императрица проиграли свою тяжбу въ судахъ нашего Луцкаго Сейма, а Епископъ съ убогою паствою долженъ отвѣчать уголовно.

Но тому что, какъ только пришло рѣшеніе Сеймовыхъ Чиновъ, обращавшее насъ изъ комиссаровъ продовольственныхъ въ комиссаровъ порядка, всякій, кто только ощущалъ въ себѣ тотъ гражданскій духъ, подобно голодному волку, кидался на эту паству.

Посыпались къ намъ отовсюду донесенія, будто Россійскіе маркизаны, пріѣхавъ на Волынь подъ видомъ торговли, сговариваются съ Понами и крестьянами вырѣзать Поляковъ и Жидовъ.

Встревоженному воображенію достаточно было нѣсколькихъ, хотя и ложныхъ, извѣстій; боязнь не умѣетъ различать вещей, каковыя

онѣ сами въ себѣ; какъ только кто неумѣстнымъ предубѣжденіемъ приготовился къ ней, тотъ уже готовъ рѣшиться на все, полагая, что дѣло идетъ о сохраненіи его жизни.

По этому показалось безотлагательною потребностію власть, данную рѣшеніемъ Сеймовыхъ Чиновъ, обратить во власть судебную. Но много ли между нами было комиссаровъ, понимавшихъ, что такое значить расточать кровь людскую? Ужь не Викентій ли Рогозинскій, человекъ помѣшанный, не Каетанъ ли Требуховскій, заливавшій большими сткляницами малую искорку ума? Не Валентій ли Заленскій, прошлогодній наѣздникъ на деревню Омеляны и убійца въ ней нѣсколькихъ крестьянъ? Не другіе ли, хотя и не преступные, но не знающіе законовъ, способны были въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, каковъ вопросъ о человѣческой жизни, отправлять должность судей? А этѣ-то больше всѣхъ и домогались быть судьями.

Совершилось все это при всеобщей сумятицѣ. Приводить доказательства противъ этого, утверждать выраженіями Сеймоваго рѣшенія, что Чины не дали Коммисіи судебной власти, было преступленіемъ и оскорбленіемъ всего нашего общества; по этому надлежало молчать и принять насильственно навязанное правосудіе, или, вѣрнѣе сказать, власть тиранства надъ ближними.

До этой поры я полагалъ, что собраніе просвѣщенныхъ комиссаровъ, какихъ было больше, чѣмъ несвѣдущихъ, найдетъ какое либо средство пощадить кровь невинную, но примѣтивъ послѣ Невѣрковскаго происшествія (хотя и обнаружилось, что крестьяне не были причастны убійству Господъ и ни чего заранѣе о немъ не знали), что и этѣ мои товарищи стали перемѣнять свои понятія и думать за одно съ предубѣжденнымъ большинствомъ, обратилъ я на то все свое вниманіе, и такъ старался выбирать время въ отправленіи моей должности, чтобы ни разу не подать голоса за смертный приговоръ.

Раздѣлились мы: одна часть осталась въ Луцкѣ, а другая въ Дубнѣ. Госпожа Прушинская, вдова Волынскаго Чашника, первая обнаружила усердіе горячей гражданки. Въ селѣ ея, Кириловкѣ, парни и молодые хозяева собрались по обычаю колядовать у помѣщицы.

Случилось это на Русскихъ Святкахъ, между первыми и послѣдними. Когда колядники пришли позднимъ вечеромъ подъ ея окна и вдругъ начали пѣть, она, испуганная такимъ внезапнымъ крикомъ и собираваясь уже спать, приказала прогнать ихъ изъ подъ оконъ палками. Слѣдовало бы простонародію простить такой несвоевременный поступокъ и принять во вниманіе скорѣе доброе намѣреніе, чѣмъ неприличное его исполненіе.

Пристыженные такимъ образомъ и поколоченные палками, колядники сказали другъ другу: «Какая же недобрая наша пани! Нужно бы на нее сына Гонты, чтобы онъ выучилъ ее съ людьми обходиться полюдски.»

Надобно знать, что между торжественно разглашенными баснями была и эта, будто сынъ Гонты, Казака, казненнаго за Уманскую рѣзню, лично просилъ Императрицу позволить ему мстить за кровь своего отца. Можно ли повѣрить, чтобы Монархиня согласилась на это и обѣщала помогать ему въ такомъ намѣреніи? А между тѣмъ у насъ всему повѣрили. И когда эта новость кружила головы, распаленныя страхомъ, одинъ изъ колядниковъ сдѣлалъ своеѣ Госпожѣ доносъ съ прибавленіемъ той грозной похвалы, которую высказали его товарищи.

Испуганная этѣмъ доносомъ, она тотчасъ же отослала въ Дубно вѣсколько десятковъ крестьянъ, набивъ на нихъ колодки, съ приложеніемъ платы палачу, требуя скорѣйшаго ихъ наказанія.

Не долго добивались добровольнаго сознанія: крестьяне не скрывали, что сказали противъ своей Госпожи такія слова отъ боли и замѣшательства, но что они ни чего не знали ни о какихъ заговорахъ, ни о сынѣ Гонты, о которомъ вспомнили случайно.

Тринадцать изъ нихъ частью нашей Дубенской Комисіи осуждены на смерть; въ слѣдствіе этого, передъ Святой Недѣлей однимъ отрубили головы, другихъ повѣсили, остальныхъ, высѣкши у позорнаго столба, отослали обратно въ Кирилловку, и приказали высѣчь ихъ еще и тамъ, при сборѣ народа.

На двухъ станкахъ разрывала смерть пасмы человѣческой жизни. Въ то же время во множествѣ приходилъ къ намъ въ Луцкъ

извѣстія о крестьянскомъ бунтѣ. У Франциска Вильчинскаго, кортомщика части села Любеча, принадлежащаго Князю Воронежскому, было нѣсколько зажиточныхъ крестьянъ, которые не такъ были ему послушны, какъ бы то сему хотѣлось; обвинилъ онъ ихъ въ бунтѣ, частью на томъ основаніи, что у нихъ много огнестрѣльнаго оружія, частью же по тому, что они издѣваются надъ своимъ Попомъ; о своей ненависти къ нимъ, происходившей изъ другого побужденія, онъ умолчалъ. Оба обвиненія были справедливы, по тому что богатый крестьянинъ въ Полѣсьи всегда держитъ въ достаточномъ числѣ огнестрѣльное оружіе для истребленія звѣрей; но изъ этого нельзя еще дѣлать заключенія о какомъ либо бунтѣ; а закоренѣлая вражда между Священникомъ и однимъ изъ первыхъ въ Любечѣ крестьянъ, по прозванію Поручикомъ, точно вызвала со стороны самого его, или его сына, какія-то угрозы противъ перваго. Но это служило только предлогомъ къ обвиненію. Настоящая причина позорной смерти, которою они погибли, была та, что этѣ крестьяне доносили владѣльцу (Князю) обо всемъ, что только со вредомъ для крестьянства затѣвалъ въ его имѣніи кортомщикъ. Владѣлецъ обыкновенно успокаивалъ притѣсняемаго крестьянина тѣмъ, что хвалилъ его усердіе, и обнадеживалъ близкимъ концемъ притѣсненій, а крестьянинъ, увѣренный въ поддержкѣ владѣльца, становился смѣлѣе и менѣе послушнымъ содержателю.

Какъ только Вильчинскій подтвердилъ присягою свой доносъ, тотчасъ же были посланы ополченцы въ Любечъ: обвиненныхъ, названныхъ поименно, позабывали въ колодки, забрали ихъ огнестрѣльное оружіе и, для лучшаго уличенія въ мятежъ, привезли въ Луцкъ. После краткихъ распросовъ, безо всякаго слѣдствія, сына повѣсили, а слишкомъ восьмидесятилѣтній отецъ, нѣсколько недѣлъ сидѣвшій въ колодакахъ, отъ голода, холода и глубокой старости умеръ: по смерти разбили на немъ колодки и безъ гроба привезли его на Русское кладбище, гдѣ и похороненъ былъ Священникомъ. Остальные сыновья этого хозяина и другіе Любецкіе крестьяне были немилосердно наказываемы въ каждомъ селѣ, лежащемъ между Луцкомъ и Любечемъ, ¹ и едва живые доставлены по домамъ.

¹ Противъ этѣхъ крестьянъ состоялось въ Комисіи постановленіе, чтобы по пути въ

На другой день послѣ казни Любецкаго крестьянина повѣшенъ былъ на второй висѣлицѣ Симонъ Ярокій, Дьякъ изъ села Жукова, подъ Клеванью. Онъ лишился жизни за то, что пьяный, прыгая по избѣ, говорилъ, что станетъ рѣзать Поляковъ и Жидовъ.

Ни въ чемъ онъ не сознался, ни о чемъ не зналъ, и отговаривался тѣмъ, что говорилъ такія слова въ шутку.

Тѣла ихъ висѣли четыре недѣли, пока не стали смердѣть. Спустя недѣлю повѣсили на третьей висѣлицѣ двоихъ: первый былъ кузнецъ изъ Квасова, другой крестьянинъ изъ Острожца. Этѣ также лишены жизни за слова, сказанныя ими съ пьяну. Такая же позорная смерть готовилась и крестьянину изъ Кроватки, но нашъ Капитуль ходатайствовалъ о немъ, что, при многочисленномъ семействѣ и теперешней дороговизнѣ, дѣти его навѣрное погибнуть отъ голода, если онъ будетъ казненъ: по этой причинѣ присудили отрубить ему правую руку и прибить ее къ позорному столбу; самъ онъ, оставшійся калѣкой, былъ выѣченъ попеченіемъ нашей Кааедры и возвратился домой, но потомъ черезъ недѣлю умеръ.

Напрасно стараюсь я описать подробно все то, что дѣлалось беззаконно, при величайшемъ замѣшательствѣ; прошу извинить меня, ежели, желая выставить Вамъ происшествія со всѣми обстоятельствами, могу утомить Васъ частымъ повтореніемъ одного и того же выраженія.²

Выше я разсказалъ уже Вамъ, на какихъ предположеніяхъ основалась наша тревога; къ ней долженъ былъ прикнудить и Рус-

Любечъ имъ давно было въ каждомъ селеніи по 100 ударовъ. Вели ихъ черезъ Яровицу, Вышнговъ, Лыплянны, Жидвчинъ, Колочинъ, Рудню, Рожища, Козинъ, и Рудку въ Любечъ; такимъ образомъ остервенѣлые ополченцы дали имъ въ продолженіе пути по 1100 ударовъ. Изъ этого можно заключить о здоровьи этѣхъ несчастныхъ людей, и о томъ, способны ли они отправлять работы, сопряженныя съ ихъ состояніемъ.

² Этѣ смертныя приговоры исполнялись въ нашу Страстную Недѣлю, когда Церковь наша въ особенности воспоминаеть страданія Искушителя нашего.

скій Епископъ съ своимъ духовенствомъ, по тому что мы такъ опредѣлили.

Онъ былъ еще въ Варшавѣ, и его ожидали въ Епархію къ празднику; по этому мы потребовали Намѣстниковъ его и велѣли имъ, чтобы они запретили своимъ Попамъ принимать по приходамъ исповѣдь въ Страстную Субботу, и чтобы ихъ обязанности въ этомъ случаѣ приняли на себя чернецы Чина Св. Василія.

Достаточно было сказать это просвѣщеннымъ Епископскимъ Намѣстникамъ, чтобъ они догадались о взводимой на клиръ клеветѣ. Будто онъ на исповѣди подговаривалъ народъ къ избіенію своихъ Господь. По этому они съ смиреніемъ и скромностію отвѣчали намъ, что такъ какъ у Рускихъ исповѣдь начинается отъ средопостья, и всѣ прихожане кончаютъ ее къ Вербной Недѣлѣ, то теперь было бы бесполезно запрещать и такую необычайностію приводить въ тревогу престоноародье, по тому что до этой поры рѣдко кто изъ прихожанъ не отбылъ Пасхальной исповѣди.

Этѣмъ очевиднымъ доказательствомъ мы удовольствовались, но въ то же время послали изъ Коммисіи приказаніе тѣмъ же Офиціаламъ, чтобы они представили намъ двухъ Священниковъ, т. е., Костюшкевича изъ Колковъ и Борковского изъ Старосела.

Это послужило бы первымъ доказательствомъ со стороны упомянутыхъ Офиціаловъ готовности ихъ подчиняться нашимъ приказаніямъ. Они тотчасъ же отвѣтили, что послали въ Колки за тѣми Священниками своего Слѣдователя. Колковскій Священникъ Костюшкевичъ добровольно явился въ Коммисію, прежде чѣмъ дошелъ до него Консисторскій приказъ. Священника Борковского доставилъ Слѣдователь. Оба они, по словесному доносу, будто подговаривали къ бунту своихъ прихожанъ, были посажены подъ строгій дозоръ.

Въ то же время было донесено Коммисіи, яко бы у Сускаго Попа, по прованію Лукаевича, ночевалъ маркитантъ и въ разговорѣ проговорился какимъ-то словомъ.

Такъ какъ наша Коммисія уже нѣсколько человекъ, а считая съ Дубенскими, около сотни, за пустыл слова лишила жизнь, то ей нужнѣ всего было схватиться за что ни будь болѣе важное, чѣмъ слова.

Одинъ изъ среды насъ, Коммисаровъ, Кастанъ Аксакъ, вы звался доставить изъ Суска этого Священника. Отправившись съ предвзятою мыслью, онъ нашелъ, какого желалъ. Священникъ тотъ былъ человекъ простой, едва умѣвшій коекакъ писать по Русски отъ грубой черни отличался только платьемъ. Перепуганный тѣмъ что ему какой-то Панъ приказываетъ явиться въ Луцкъ, онъ выѣхалъ изъ дому, оплаканный женою и дѣтьми.

Дорогою горячо просилъ онъ Пана сказать ему, за чѣмъ тотъ везетъ его въ Коммисію, которая надѣлала уже шуму и была страшна. Коммисаръ отвѣчалъ грозно: «Ты долженъ Коммисіи отвѣтить Попъ, за то, что позволилъ маркитанту ночевать въ своемъ домѣ. Священникъ, еще болѣе встревоженный этѣмъ, сталъ снова просить Пана научить его, что говорить ему передъ Коммисією. Тутъ только ловкій Коммисаръ началъ ободрять испуганнаго простака. «Не бойся, Попъ, тебѣ ни чего худого не будетъ, если ты скажешь, что маркитантъ подговаривалъ тебя къ бунту, показывалъ письмо Императрицы, но что ты на это не рѣшился.» — «Но, Пана, этого не было; былъ, правда, разговоръ между нами о Московской войнѣ, что гдѣ-то съ кѣмъ-то дерутся; была также рѣчь и о томъ что теперь и Поляки собираютъ войска: можетъ быть, тоже думаютъ съ кѣмъ ни будь воевать, а больше ни о чемъ.» — «А развѣ этого Попъ, мало? Маркитантъ говорилъ о войнѣ, что Москва собираетъ ся на Поляковъ: ты уже долженъ былъ догадаться, что онъ хочетъ уговорить тебя взбунтовать противъ насъ крестьянъ. Когда приведу тебя въ Коммисію, скажи, что онъ тебя подговаривалъ и письмо Московское показывалъ; иначе пропадешь, погубишь жену и дѣтей, а жаль мнѣ тебя, право!» Въ доказательство своего сожалѣнія Панъ Коммисаръ сунулъ Священнику два червонца: «Возьми, Попъ это тебѣ пригодится на нѣкоторое время для прожитія въ Луцкѣ. Получишь больше, если хорошо сдѣлаешь дѣло.» Обнимая ноги того великаго своего благодѣтеля, Священникъ спрашивалъ: «Буду ли, Пана, свободенъ, сказавши это?» «Честью увѣряю тебя, Попъ, чт

будешь не только свободенъ, но и большую награду получишь за свою вѣрность. Священникъ обѣщавъ поступать въ Коммисіи согласно съ даннымъ наставленіемъ. ³ Оставивъ ученика въ квартирѣ въ Луцкѣ, Панъ учитель Аксакъ явился къ намъ съ извѣстіемъ, что Лукаевичъ, Сускій приходскій Священникъ, имѣетъ сообщить что-то особенное.

На любопытное засѣданіе собрались не только мы, Коммисары, но много и другихъ помѣщиковъ, и наши каедральные Ксендзы, начавшая съ Офиціала. Предсталъ передъ нами Лукаевичъ, какъ разъ насупротивъ своего учителя, Аксака. Признался, что маркитантъ ночевалъ у него, уговаривалъ его поднять Сускихъ прихожанъ противъ Поляковъ, показывалъ ему какое-то письмо, котораго прочитать онъ не могъ, а только въ подписи прочиталъ нѣсколько буквъ: «Екат.», что тотъ маркитантъ увѣрялъ его, будто такова воля Императрицы, и кто ея послушается, тотъ получитъ большую награду.

Слыша такія признанія, одни удивлялись великости преступленія, другіе радовались, полагая, что по нити дошли до клубка, а иные негодовали на Москалей, задавая имъ уже крѣпкія битвы. Я сидѣлъ третьимъ отъ Аксака, также насупротивъ признававшагося Священника, и замѣтилъ большое его замѣшательство, изъ чего убѣдился, что простотою его коварно воспользовались.

Но когда дѣло дошло до присяги, то бѣдный Священникъ, навѣрное ея не ожидавшій, задрожалъ, поглядывая безпрестанно на Аксака. Я очень внимательно наблюдалъ, какъ Священникъ, вразумленный его грознымъ взглядомъ, убѣдился, что отступать ему нельзя и небезопасно. И такъ въ величайшемъ замѣшательствѣ, по тому что сомнительно, чтобы онъ понималъ, что ему было сказывано, онъ подтвердилъ присягою свое показаніе. ⁴

---

³ Каетанъ Аксакъ, Королевскій Камергеръ, въ тѣсномъ кругу самъ рассказывалъ потомъ, какимъ образомъ Сускаго Священникъ довелъ онъ до такого сознанія.

⁴ Также подтвердилъ и Священникъ Лукаевичъ, сожалѣя о невинной смерти маркиганта на вѣсплицѣ, причиною которой былъ онъ, подавшись внушеніямъ Аксака.

Тутъ Коммисары и помѣщики его стали ласкать, разсыпались передъ нимъ въ похвалахъ и въ обнадеживаніи большими наградами за то, что одинъ благороднаго сердца Священникъ открылъ заговоръ, составленный на нашу погубель. Отсюда родилась большая увѣренность въ томъ, что Русскій Епископъ и его духовенство знаютъ объ этомъ, что они составили заговоръ для такого преступленія и выжидаютъ только срока, назначеннаго для приведенія его въ исполненіе.

Приказали тщательно отыскивать всюду этого маркиганта, и между тѣмъ уже, безъ вѣдома Коммисіи, стали хватать Священниковъ одного выселка и отсылать ихъ въ Луцкъ. Въ самый Великій Четвертокъ, Соболевскій изъ Шипра, недавній кортомщикъ на Подѣсьи изъ ненависти къ нѣкоторымъ Священникамъ, жившимъ въ близкомъ соседствѣ, по своему произволу представилъ пятерыхъ въ колодежкахъ на Луцкую площадь, и тамъ же трое ихъ изъ нихъ тотчасъ отпустилъ, взявши съ нихъ деньги, а двоихъ, не могшихъ отъ себя откупиться, отдалъ подъ стражу Слѣдователю нашей Коммисіи.⁵

И не только за такіе поступки онъ не получилъ выговора отъ Коммисіи, но, напротивъ, его ревность была одобрена. Долго и потому тѣ два Священника, т. е., Збужскій и Берестянской, оставали подъ стражей, и только уже на Гродскихъ Судахъ послѣ присяги получили свободу.

Привели также Священника изъ Рафаловки, пѣвня Олшара, бывшаго Короннаго Стольника.

Попъ этотъ, вовсе неученый, былъ обвиненъ въ томъ, что, когда оюлченцы вели его черезъ мѣстечко Черторыйскъ, закричалъ: «Гвалтъ! Гятуйте! Ото Ляхы, якъ чорты, берутъ мене.» Видѣно ему гакже и то, что, встрѣтившись тамъ же съ однимъ своимъ управляющимъ, какъ съ пріятелемъ, онъ взялъ его за поясъ и пальцемъ вертелъ по брюху. Изъ этого заключили, что онъ въ послѣдствіи хотѣлъ просверлить его живаго, хотя Попъ оправдывался отъ такого обвиненія, говоря, что дѣлалъ это, какъ короткій знакомый.

⁵ То были приходскіе Священники изъ селъ Подѣскихъ, т. е., изъ Збужа, Постояннаго, Берестяна, Мицка, Осинцы, а шестой изъ Вербча.

Приведенный въ Коммисію, управляющій подтвердилъ присягою свое показаніе, и Священника отправили подѣ стражу.

Струхнулъ я, когда дѣло дошло до голосовъ. Панъ Требуховскій закричалъ первый: «Повѣсите!» Едва ли не при каждой тяжбѣ онъ подавалъ такое мнѣніе. Поданы были другіе голоса въ томъ же родѣ; нѣсколько изъ насъ воспротивились, но противники пересилили.

Тревогу увеличилъ Іосифъ Заленскій, Подстароста Владимирскій. Поковчивъ свои суды, онъ привезъ намъ извѣстіе, будто маркитанты разсылаютъ по Попамъ записочки, чтобы они, съ возмущившимся народомъ, приходили къ ихъ войску. Записочки этѣ разносилъ какой-то нищій; схваченный ополченцами, онъ указалъ на нѣкоторыхъ Владимирскихъ Священниковъ, будто были у нихъ, и отдалъ имъ записочки. Священники, представленныя въ Коммисію, ни въ чемъ не сознались, а утверждали, что не знаютъ нищаго и никогда въ домахъ своихъ его не видывали, въ чемъ и присягнули; по этому были они судебнымъ порядкомъ освобождены отъ взведенной на нихъ напасти. Нищій же этотъ показалъ, что онъ родомъ изъ Торчина, мнѣніи нашего Епископа; что тамъ у него родные; что все оставшіяся у него маркитантскія записочки онъ спряталъ въ соломенной крышѣ своего Торчинскаго родственника. Его немедленно отправили въ Торчинъ, но ни дворъ, ни крестьяне не признали его тамошнимъ уроженцемъ. Указалъ онъ наконецъ ту соломенную кровлю: приказано ее сломать и разобрать по соломенкѣ, чтобы найти тѣ записочки, но и при такомъ усердномъ розыскѣ не нашли ничего. До здѣ донесеніе вышереченнаго Пана Подстаросты.

* За не имѣющее смысла верченіе пальцемъ по брюху осуждать Священника на смерть похоже на препираніе крестьянина съ мудрецомъ, которое они вели помощью знаковъ. Мудрецъ показалъ крестьянину одинъ палецъ, а крестьянинъ ему два. Мудрецъ понималъ подѣ однимъ показаннымъ пальцемъ, что Богъ одинъ, а подѣ двумя, показанными крестьяниномъ, что онъ не только милосердъ, но и справедливъ. Когда спросили крестьянина, что разумѣетъ онъ подѣ тѣми знаками, онъ отвѣчалъ: «Хорошо понялъ я, что мудрецъ, показавши мнѣ одинъ палецъ, намѣренъ мнѣ выколоть глазъ; отъ того я ему и показалъ два пальца, что самъ я выколю ему оба глаза.» Какъ можно видѣть, оба хорошо поняли другъ друга.

И хотя ложь сказалась вполнѣ, и вѣрно одно, что этотъ нищій былъ помѣшанный, однако умный Подстароста приговорилъ его къ висѣлицѣ, я, такимъ образомъ, повѣшенъ былъ человекъ, который заслуживалъ не смертной казни, а развѣ того, чтобы фельдшеръ пустилъ ему кровь.

За тѣмъ уже хватали Священниковъ изъ домовъ по жалѣйшему подозрѣнію, и такъ много навезли въ Луцкъ, Дубно, Кременецъ, однихъ для свѣдѣтельства, другихъ для дознанія о заговорѣ, что трудно всѣхъ перечислить. Схватили также и того маркитанта, котораго обвинилъ Сускій приходскій Священникъ. Представленный въ колодкахъ въ Комисію, на очную ставку съ своимъ противникомъ, онъ сказалъ, что никогда не уговаривалъ его къ бунту; что ему, кромѣ пашпорта, ни какого другого письма не показывалъ, и что только въ обыкновенномъ разговорѣ о Московской войнѣ съ Турками высказалъ изъ простаго любопытства, что и Поляки не даромъ производятъ вербовки; что онъ ни чего не знаетъ, и прибылъ въ сдѣшній край съ товарами, какъ купецъ. Всячески отыскивали у него то письмо, о которомъ Сускій Попъ, показалъ, что прочиталъ въ немъ на подписи слова: «Екат.», но наши только одинъ пашпортъ.⁷

Этотъ человекъ не былъ маркитантомъ, т. е., Пилипономъ; напротивъ, былъ то Русскій Православный; а говорятъ, что нѣтъ примѣра, чтобы Пилипонъ позволилъ себя обратить въ Католическую Вѣру.

Мы присудили повѣсить его. По прочтеніи опредѣленія, онъ сейчасъ же учинилъ Исповѣданіе Вѣры, и спокойно дожидался смерти. Комиссары обѣщали даровать ему жизнь, если онъ добровольно сознается въ томъ, что подговаривалъ къ исполненію Императорскихъ приказаній о рѣзнѣ, но онъ отвѣчалъ, что не желаетъ купить жизнь

---

⁷ Если бы не было другого доказательства лживости показаній Русскаго Попа, одво уже то служило бы сильнѣйшимъ противодоказательствомъ, будто онъ читалъ на подписи «Екат.» т. е., Екатерина. Здравый смыслъ содрогается при мысли, яко бы Императрица Россійская собственноручно подписываетъ пашпорты маркитантамъ; а если это былъ не пашпортъ, яко бы она вѣбрала свое письмо людямъ такого незначительнаго сословія, въ особенности на пролитіе человѣческой крови.

маномъ и клеветою на свою Императрицу, исповѣдался весьма благоговѣнно и повторялъ по Русскіи слова: «Напрасно гину», т. е., безвѣнно погибаю. Предсмертную его исповѣдь у вистѣлицы принявъ Священникъ Болга, съдовласый старецъ Чина Св. Василія, украшенный необыкновеннымъ умомъ и съдою бородой. Надъ этой бородой его глумились наши ополченцы и, ожидая конца исповѣди обвиненнаго, громко кричали на исповѣдника: «Пусть этотъ бородатый еретикъ перестанетъ слушать исповѣдь! Павѣрное онъ уговариваетъ его на рѣзню.» Съ той поры помянутой Священникъ Болга, по случаю такого преслѣдованія, не хотѣлъ принимать исповѣдь обвиненныхъ тремя днями ранѣе. Прежде чѣмъ наступила казнь несчастнаго Русскаго, которая совершилась въ Великую Пятницу, со вторничною почтою пришло изъ Варшавы отъ Сеймовыхъ Чиновъ запрещеніе Коммисіи Порядка въ Воеводствѣ присвоивать себѣ судебную власть, которой Чины ей не давали. Но тому что Сейму было донесено, что въ короткое время, по старанію Коммисіи, наши города Луцкъ и Дубно украсились многими повѣшенными. Приказано переслать въ Варшаву слѣдственные дѣла о загубленныхъ людяхъ; а тамъ, разсмотрѣвши ихъ, нашли, что чаще всего наказывали позорною смертію за пустыя слова, сказанныя подъ пьяную руку, слова, заслуживающія развѣ нѣсколько ударовъ. Нашимъ рьянымъ Коммисарамъ натянули носъ; Понъ изъ Рафаловки, большинствомъ голосовъ приговоренный къ вистѣлицѣ, выигралъ дѣло, по тому что нельзя было прочесть ему уже готоваго приговора, а тѣмъ болѣе приводить его въ исполненіе. Это, однако, не спасло Русскаго отъ смерти. Но настоянію помѣщиковъ, Коммисія, хотя и не имѣла власти, приказала все таки исполнить свой приговоръ. Коротко сказать: онъ былъ повѣшенъ, повторяя безпрестанно Русскія слова до послѣдней ступени: «Напрасно гину!»

Такой родъ смерти тѣмъ былъ ужаснѣе, что при Луцкомъ Магистратѣ не было палача, и не откуда было достать его на это время. Коммисія пользовалась для казней пьяницею трубочистомъ, который предложилъ свои услуги обществу даромъ, и довольствовался только тѣмъ, что находилъ на осужденныхъ. Незнакомый со способомъ вѣшанія, употребляемымъ опытными палачами, вѣшалъ по просту, т. е., затягивалъ веревкою, и такъ неловко распорядился своимъ дѣломъ, что повѣшенные, видимо вода грудью, мучились, смотря

по тѣлосложенію, шесть, семь и восемь часовъ, прежде чѣмъ въ страшныхъ мученіяхъ удушались.

Коммисія, въ доказательство должной своей покорности Чинамъ, хотя и не выдавала болѣе смертныхъ приговоровъ, однако занималась объявленіемъ приказовъ противъ оговоренныхъ, доставленіемъ ихъ въ Луцкъ, заключеніемъ подъ стражу, допрашиваніемъ, за тѣмъ отсылкою въ уголовный судъ.

Чаще всего засѣданія наши проходили въ спорѣ между Коммисарями о томъ, отнята ли у нихъ одна лишь власть на смертные приговоры, или же имъ запрещено даже и выслушивать признаній; и большинствомъ голосовъ поддерживали то одно, то другое мнѣніе.

Но несравненно болѣе затронуло насъ то, что Сеймовые Чины приказали представить имъ, въ Варшаву, нашего защитника, т. е., Сускаго Попа, Лукаевича, чтобы отъ него самого услышатъ обо всемъ. Снова потребовался тутъ учитель, Панъ Аксакъ, да не одинъ онъ, по тому что дѣло шло обо всѣхъ.

Большая часть нашей Коммисіи занялась этѣмъ: взяли къ себѣ простака Попа, безпрестанно читали ему его сознаніе; а для лучшаго удержанія въ памяти, приказали ему написать для себя пункты по своему, и читать ихъ. Говорили ему, что его хотятъ послать въ Варшаву къ Королю и къ Сеймовымъ Чинамъ, для полученія великой награды, которая навѣрное его ожидаетъ, если онъ тамъ покажетъ то же самое, что показалъ здѣсь; но буде онъ, Боже храни, какъ и будь спутаетъ, то навѣрное не уйти ему отъ страшной смерти!

Ободряли его, чтобы онъ ни чего не боялся, кромѣ одной разногласицы въ показаніяхъ, и, такимъ образомъ, въ продолженіи нѣсколькихъ дней наставивъ его достаточно, и частыми распрашиваніями въ его удачныхъ отвѣтовъ крѣпко убѣдившись въ томъ, что онъ не собьется, справили ему платье, дали на дорогу денегъ и послали въ Варшаву. Итакъ тотъ Священникъ изъ подъ Луцка, о которомъ Вы пишете, нынѣ въ Варшавѣ, куда посланъ не за возмущеніе на-

рода, а скорѣе для полученія награды за открытіе будто бы уже составленнаго народомъ заговора.

Что касается до другихъ двухъ Священниковъ, то одинъ изъ нихъ, Попъ Громачевскій, изъ Кременца, Благочинный, хорошо воспитанный, былъ сначала подъ стражей въ Дубнѣ; когда же на него не было ни какихъ показаній и Князь его освободилъ, то наши рьяные граждане единогласно порѣшили, что Князь освободилъ его, взявъ значительныя деньги, и въ такомъ смыслѣ отписали въ Варшаву.⁸ Князю нужно было очистить себя отъ клеветы, а въ то же время спасти невиннаго; по этому онъ послалъ его въ Варшаву. Другой Попъ, изъ Верещака, имѣнія Каштеляна Любачевского, по прозванію Рубиновичъ, тоже посланъ въ Варшаву: это былъ человекъ безъ образованія и горькій пьяница; подъ него подкопался Крижановскій, солдатъ Острожскаго полка.⁹ Надѣюсь, Сеймовая Комиссія отъ него ни чего не узнаетъ, кромѣ словъ, неосторожно сказанныхъ съ пьяну, да въ добавокъ коварства Крижановскаго.

---

⁸ Вышеупомянутый Благочинный Громачевскій, обвиненный въ заговорѣ самыми короткими своими пріятелями изъ тамошнихъ Стряпчихъ, былъ отданъ подъ стражу Офицеру изъ Дубна, поставленному на постой. Ночевалъ онъ въ жилищѣ этого Офицера, и на другой день былъ отосланъ въ Дубно. Князь Любомырскій, видя безвинное преслѣдованіе Благочиннаго, написалъ Офицеру сильное письмо за то, что онъ осмѣлился взять его подъ стражу и отослать въ Дубно. Офицеръ, прійдя отъ этого въ отчаяніе, взялъ бритву и перерѣзалъ себѣ горло. Если бы Офицеръ сдѣлалъ это въ то время, когда у него ночевалъ Благочинный, какимъ образомъ могъ бы онъ оправдаться въ зарѣзаніи этого Офицера? А изъ этого слѣдуетъ, что судьи въ дѣлахъ такого рода не должны оставаться безъ разсмотрѣнія и даже мажѣйшихъ обстоятельствъ.

⁹ Перерядившись бѣглымъ солдатомъ, Крижановскій умышленно явился къ Верещацкому Попу, прося его, чтобы онъ его спряталъ. Исполнивъ его просьбу, Попъ позднѣе ночью, вмѣстѣ съ нимъ, нанюхался пьянъ. Бѣглецъ много говорилъ передъ нимъ о Полякахъ, выдавая себя за Поповича, взятаго въ службу ешою, грозился на Поляковъ, говорилъ, что пойдетъ къ Русскимъ и поступитъ тамъ на службу, что Москали разберутъ край до клочка: убивъ Попъ со всѣмъ соглашался. За тѣмъ бѣглецъ, будто бы пойманный, обвинилъ Попа въ заговорѣ, по тому взяли его въ Дубно подъ стражу, и прежде отправленія въ Варшаву, донесено Королю и Чинамъ, яко бы о совершенно уличенномъ въ бунтъ. Должно быть это показалось Королю стоящимъ въры, по тому что онъ

Иное дело взять Архидея изъ Луцка, тотъ, будучи Правоснымъ, если справедливо, будто Москва хотѣла возмутить край, имѣть объ этомъ свидѣніе.

Чины легко узнаютъ обо всемъ изъ его бумагъ и переписки съ разными лицами своего народа; и тѣ и другая, какъ мы уже съ почтою, захвачены вмѣстѣ съ нимъ.

И Русскій Епископъ прибылъ уже въ свою Епархію въ Ікнѣ Шятокъ. Не знаетъ навѣрно, какія наживетъ онъ тутъ хлопотъ Господа Запескіе, по своимъ интересамъ, связаннымъ съ преже Епископомъ Стецкимъ, съ которымъ они были въ родствѣ, и по лодивше съ теперешнимъ, отлично умѣли воспользоваться временемъ противъ него и его духовенства.

На другой день, въ Великую Субботу, произошла большая вога по случаю приближающагося яко бы срока для произведенія рѣзни. Но тому что все были заняты слухомъ, распухшимъ не извѣстно какою пустою головою, будто въ Свѣтлое Воскресеніе маркитанты, соединясь съ Понами и крестьянами, переедутъ Ляховъ и Жидовъ. Въ то время Жиды пользовались великимъ довѣріемъ и, наравнѣ съ ополченцами отиравая карауль, ладили стражамъ общественной безопасности. Какъ на несчастельно было, въ Великую Субботу смѣяться, а непремѣнно слышало бы, когда Главнокомандующій надъ ополченцами, Панъ Эскій, нашъ городской Луцкій Судья, взобравшись на своего мака, съ нѣсколькими десятками ополченцевъ выѣхалъ за Лѣвъ въ поле противъ маркитантскаго войска. Но гдѣ же это войско? Откуда видны его слѣды? Съ которой стороны намѣрено прійти землѣ, или по воздуху? Богатырскія сердца не затрудняются такими соображеніями, собираясь преслѣдовать непріятеля въ открытомъ мѣстѣ, и возвратиться на первый день Пасхи либо съ торжественно либо же принести въ жертву свою жизнь, мужественно охотиться за жизнью своихъ собратій.

"...написалъ Русскому Епископу письмо о низложеніи этого Пона. Письмо левское Епископъ получилъ, будучи уже въ Епархію.

Совершилось: никого въ полѣ не видали, только что-то видѣлись вдали. Одинъ изъ найхрабрѣйшихъ ополченцевъ, посланный на единоборство, донесъ главнокомандующему, что нѣсколько бабъ, навѣщавшихъ могилы, возвращаются изъ Луцка по домамъ. Непрiятель скрылся, не далъ разсмотрѣть себя, ушелъ въ недоступныя мѣста и не захотѣлъ помѣшать нашимъ рыцарямъ пройтъ радостную аллелуя.

На праздникъ прибылъ къ намъ Свентославскій, изъ Кременца, нашъ Волынскій депутатъ, и много сообщалъ сеймовыхъ диковинокъ, которыхъ едѣе не перечисляю. Собранiе гражданъ, вмѣстѣ съ Господиномъ депутатомъ, у Заленскаго, Подстаросты Владимирскаго, было многочисленное; туда явился также одинъ изъ Офицаловъ Русскаго Епископа, Бродовичъ, поздравилъ насъ отъ имени Епископа и своего собственнаго съ праздникомъ, желая при этомъ наилучшаго здоровья, долговременной жизни и исполненiя всякаго желанiя. Приличiя требовали принять это поздравленiе чистосердечно. Однако жъ хозяинъ нашъ, Панъ Подстароста, въ своемъ отвѣтѣ, поблагодаривши за поздравленiе, прибавилъ: «Исполненiе таковаго желанiя, въ особенности долгоденствiя, зависитъ отъ вашихъ рукъ и волн; а по тому, если искренни ваши желанiя, позвольте имъ исполнитъ-ся.» Офицалъ, пристыженный такимъ отвѣтомъ, сказалъ, что «Тотъ, Кто видитъ тайны сердець человѣческихъ, научается принимать зло за добро,» и тотчасъ же ушелъ. Послѣ его ухода были сдѣланы разныя предположенiя. Госпожи наши рѣшили, что, насколько онѣ знаютъ Офицала, теперь въ глазахъ у него проглядываетъ что-то злое, чего прежде не бывало; по этому онъ остался въ подозрѣнiи у всѣхъ, исключая депутата. И не удивительно, что онъ иначе думаетъ и понимаетъ: достаточно сказать, что онъ прибылъ изъ Варшавы, проникнутый духомъ Двора.

Когда наши праздники уже прошли, а чрезъ недѣлю наступала Русскiе, горячимъ головамъ показалось, что въ Русскую Свѣтло-воскресную заутреню должна произойти задуманная рѣзня; по этому мы, Коммисары, предписанiемъ, даннымъ Епископу, опредѣлили отъменить все почныя богослуженiя, въ особенности же обычныя этому обряду въ Чистый Четвертокъ и Великую Субботу. Письма Епископскiя, разосланныя по всей Епархiи на Страстной Недѣлѣ, подали новый поводъ къ преслѣдованiю Поповъ. Обширная

Епархія Луцкая и Острожекая не могла такъ скоро узнать объ этомъ и только тѣ приходы, до которыхъ дошли письма, отправили означенное богослуженіе днемъ Другіе, ни чего не зная, послѣдовавшему давнему обычаю; въ послѣдствіи они должны были отвѣчать за это какъ слушники и бунтовщики.

Епископъ отправилъ за тѣмъ два универсала въ ту же Епархію; цѣлю ихъ было напомнить духовенству, чтобъ оно научило крестьянъ быть вѣрными и покорными своимъ помѣщикамъ, и чтобы оно, вмѣстѣ съ народомъ, молило Бога объ отвращеніи отъ общества всякаго несчастія. Универсалы эти нельзя было огласить безъ предварительнаго пересмотра въ Комисію. За одинъ изъ нихъ выше упомянутой Офиціалъ Бродовичъ долженъ былъ безвинно много вытерпѣть.¹⁰

Уже и у Русскихъ прошли праздники, и установившееся сосѣднихъ Уздакъ спокойствіе подавало такую же надежду и к Луцкой Епархіи, какъ снова поднялась на этотъ клиръ тѣ ужаснѣйшая невзгода, что сами же Священники, своимъ собственнымъ сознаніемъ, налекли ее на себя и на все свое сословіе. Такое ихъ противорѣчіе въ показаніяхъ можно объяснить себѣ и личною враждою, или надеждою, что, оговоривъ невинныхъ, оставшихся по домамъ, сами они выйдутъ на волю, по тому что нельзя было считать этого послѣдствіемъ Божескаго наказанія.

¹⁰ Этотъ Офиціалъ, принимаясь къ обстоятельствамъ, помѣстилъ въ Универсала такія слова: «Въ тѣ времена, когда идолопоклонники не было просвѣщено евангеліемъ Евангеліа и язычники употребляли всѣ свои силы и власть для истребленія Христіанъ, и тогда, однако же, Святой Петръ, поучая вѣрныхъ, какъ они должны вести себя относительно Господу, приказывалъ имъ быть покорными всякому человѣческому созданію для Бога, ибо на то есть воля Божія: «Будьте, говорилъ, послушны Господамъ со всякимъ страхомъ, не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ!» Какое же повиновеніе долженъ чувствовать въ себѣ каждый теперь, когда всѣ Господа, воспитанные въ лонѣ Церкви Божіей, не иначе пользуются властію, врученною имъ отъ Бога надъ подданными, какъ только по истинѣ съ отеческимъ сердцемъ, всегда готовымъ для нихъ на всякое благодѣяніе?» Могли ли быть лучше выраженія Универсала? Многимъ показалось, однако, что въ нихъ заключается тайное возбужденіе народа. Конію съ него вырвали изъ рукъ Офиціала, а на другой день напечатали отъ Комисіи другой Универсалъ, съ приказаніемъ его напечатать. Смот. въ Перечнѣ букву Н.

Перваго Мая, Глодовскій, Попъ изъ Хорупани, взятый въ Дубно показалъ, будто бы Священникъ Симеонъ Карповскій, Слѣдователь Русской Консисторіи, во время бывшихъ въ томъ году контрактовъ, склонялъ его подстрекать своихъ прихожанъ къ бунту; кромѣ того, взвелъ изъчернѣйшую клевету на свое начальство, показавъ, будто отъ Консисторскихъ властей былъ написанъ приказъ на избіеніе нѣкоторыхъ Пановъ, и что такой страшный для чтенія и исполненія приказъ всѣхъ лучше извѣстенъ упомянутому Слѣдователю; видала его и у Попа Суражскаго, который потомъ сжегъ его.

Такое свое показаніе упомянутой Попъ Хорупанскій при свидѣтеляхъ, слышавшихъ его, записалъ въ актахъ Дубенскаго Магистрата. Не спустилъ въ немъ и самому Епископу и своимъ властямъ, а на всѣхъ подъ рядъ положилъ высвѣдѣннѣйшую печать оскорбленія. Показаніе это, выписанное изъ Магистрата, разсылалось повсюду въ сокращеніи для очерненія Епископа и его клира. А Подстароста Владимирскій, торжествуя въ предположеніи, будто бы удержитъ уже Епископа въ своихъ когтяхъ, послалъ сказанное извлеченіе въ Воеводство Кіевское, гдѣ оно было обнародовано въ городѣ Овручѣ подчиненнымъ ему лицомъ. Посылаю Вамъ все это на особомъ листѣ, а также и отвѣтъ Епископа, съ тѣмъ, чтобъ Вы разсудили, похоже ли все это сколько ни будь на правду. Смотри подъ буквою J.

Какъ только Хорупанскій Попъ подписалъ показаніе, Князь Михаилъ Любомирскій, Начальникъ Острожскаго полка, изъ Дубна, а Комисія Воеводская изъ Луцка, послали особые отъ себя отряды въ Епископское мѣстопробываніе, Рожища, взять подъ стражу Слѣдователя.

Между Княземъ и Комисіею поднялся споръ. Князь желалъ держать Слѣдователя подъ стражею въ Дубнѣ, Комисія же поставитъ его передъ уголовнымъ судомъ въ Луцкѣ.

Комисія взяла верхъ. Одинъ изъ сказанныхъ Комисаровъ, Кастанъ Требуховскій, прибылъ 2-го Мая въ Рожища, вмѣстѣ съ Княземъ Каликестомъ Понинскимъ, не уступающимъ ему въ дикомъ рвеніи. Князь занялъ Епископа разговоромъ, а Комисаръ, съ значительнымъ числомъ ополченцевъ, вломился къ Слѣдователю въ ком-

нату, и взявъ его въ Луцкъ; на самомъ же дѣлѣ вырвалъ его изъ рѣу Дубенскихъ солдатъ, и, привезши поздною ночью, посадилъ и строгій дозоръ. Всѣ бумаги Слѣдователя представилъ онъ Суду, будто бы для уличенія его, а тѣмъ болѣе Епископа и Консисторіи, заговоръ съ Священниками, для возмущенія народа.

Взяли тоже въ Судъ и Попа Суражскаго въ Дубно, а изъ Дубна въ Кременецъ, а Хорупанскаго представили въ Луцкъ. Попъ суражскій, спрошенный на Судѣ о письмѣ, показалъ, что онъ прочиталъ его не отъ Консисторскаго начальства, а отъ своего брата Францисканца съ Цесарской границы, что въ письмѣ не было чего, похожего на басню, выдуманную Хорупанскимъ Попомъ; братъ его, Францисканецъ, писалъ ему собственноручно объ утѣшеніи тамошняго духовенства и просилъ совѣта, какъ бы ему перейти епархію; письмо это читалъ сосѣдь его, Рохмановскій приходскій Священникъ; что, наконецъ, Попадья бросила это письмо въ печь и сожгла. Вызванный къ суду для свидѣтельства, Рохмановскій Попъ показалъ то же самое, что и Суражскій, по тому что Кременецъ въ недавнемъ времени самъ читалъ письмо и хорошо его помнитъ. Оба выше упомянутые Попы приняли присягу, и были рѣшенію Суда, освобождены. Но у насъ, въ Луцкъ, все подозрѣніе основывалось на томъ, за чѣмъ сожжено было письмо. Хорупанскій сослался на Иванскаго Попа, будто бы онъ слышалъ отъ гостившаго у него въ домѣ Слѣдователя, какъ тотъ говорилъ Хорупанскаго къ бунту. Вызвали и его къ Суду, но онъ послѣ присяги ни чего не показалъ на Слѣдователя. Однако и Гродской Луцкой Судъ, не желая оставить это обстоятельство, Кременецкимъ слѣдствіемъ уже уничтоженное, рѣшился возстановитъ

---

¹¹ Попъ Суражскій, прочитавши письмо отъ брата, повторялъ слѣдующія слова: «Великое дѣлается несчастіе между людьми!» Въ продолженіе нѣсколькихъ дней Попъ былъ очень печаленъ, горюя о братѣ. Между простонародьемъ распространился слухъ, яко бы Попъ получилъ какое-то печальное извѣстіе. Это дошло потомъ до Панагского двора. Дворъ Суражскій, встревоженный такими толками приказалъ призвать Попа, а въ случаѣ его несогласія, привести силою. Попъ пошелъ ко двору, а между тѣмъ Попадья, зная, что вся тревога и путаница случилась изъ за этого письма, сожгла его. Вотъ и все, что открыли объ этомъ роковомъ письмѣ; это же подтвердилось и передъ Собраніемъ.

его, и послѣ совѣщанія, тайно призвалъ Хорупанскаго Попа и дозволялъ ему подтверждать присягою показаніе, уничтоженное въ Дубнѣ; послѣ чего клятвопреступника освободилъ, а Слѣдователя подвернулъ строгому заключенію.

Одинъ изъ товарищества, свѣдѣтель признанія Попа Хорупанскаго, Андрей Дмошинскій, движимый ревностью къ усмиренію бунтовъ, взявши съ собою изъ Дубна трехъ рядовыхъ, повѣхалъ въ деревню Большое Ситно, шибніе Мнишекъ, вдовы Литовскаго Хорунжаго. Войдя въ Священническую усадьбу, нашелъ онъ въ ней привидскаго Священника, удрученнаго глубокою старостію; грозно спрашивалъ его о Псалтионахъ, внушая ему, будто бы онъ принималъ ихъ въ домъ свой на ночлегъ. Испуганный старичокъ отвѣчалъ, что онъ не принималъ ихъ и не видалъ. Товарищъ началъ обыскивать домъ Священника; часть сундуковъ разбилъ, по тому что не было ключа, остальные же отперъ поданными ему ключами; годныя для продажи платки, тонкія рубашки и другія вещи и все, что стоить денегъ, забралъ; приказалъ поднять полъ и въ подпольи искалъ Псалтионъ; повысыпалъ на гумно изъ бочекъ хлѣбъ, перетрясъ всѣ складовыя, рису и всѣ постройки, и ни чего не найдя, Попа старичка, какъ бы злодѣя какого, повелъ передъ собою на Барскій дворъ.

Когда еще живой Попъ и тамъ, какъ ни въ чемъ невинный, не спрашивался; то былъ схваченъ Дьячекъ, и товарищъ спрашивалъ его, куда Попъ спряталъ ножи, колья и сабли. Дьячекъ подъ нагайками отпиралъ, что ни какихъ ножей, копій и сабель не видалъ у Священника; и не знаетъ о нихъ; до пяти разъ принимались бить его безъ милосердія съ головы до ногъ, перевернули навзничъ и то же самое тиранство произвели по груди и животу. Изнеможенный Дьячекъ просилъ дать ему время для исповѣди, и ему оказали столько состраданія, что позволили исповѣдаться, а послѣ исповѣди снова положили подъ нагайки и били до тѣхъ поръ, пока на всемъ тѣлѣ не оставалось частички, которая не была бы намѣчена дикимъ варварствомъ. ¹²

¹² Степанъ Священникъ назывался Леонтій Локацкій, было ему 83 года; Дьячку же, злѣрски замученному, Стефану Грабовскому, было около сорока девяти лѣтъ.

Замѣтивъ, что Дьячекъ уже кончается, снова набросались на старичка Свещенника. Сказанный товарищъ приказавъ ему раздѣваться; сняли съ него верхнее платье и раздѣли до рубашки. Но старичекъ, которому тамошній Управляющій воунулъ въ руку два рубля; догадался отдать ихъ товарищу; такимъ образомъ откупился онъ отъ этой свирѣпности. За тѣмъ взяты были подъ нагайку шесть чоботъ изъ Ситенской громады и биты безъ милосердія. Четверо послѣ побоевъ долго и опасно хворали, двоихъ товарищъ приказавъ отправитъ въ Дубнѣ, гдѣ они и умерли въ темницѣ. Набитого же Дьячка подобрала съ Барскаго двора громада и на паракъ отвезла домой. Прожилъ онъ дня четыре, весь распухлый и почервившій. Изувѣствованный Святыми Дарами, этотъ мученикъ любилъ съ ближниму отдавать духъ свой Богу, и погребенъ тамъ же на кладбищѣ.

Пишу къ Вамъ объ этой нечелювной исторіи, я такъ о ней доисторически вѣдѣйшей, по тому что слышалъ о ней отъ четырехъ очевидцевъ согласующихся между собою до слова во всѣхъ обстоятельствахъ. Таково-то было и есть ожесточеніе не одного Днопинскаго, а едва ли не всѣхъ въ безумномъ усердіи ему подобныхъ; до законоуказавшаго предѣла донимая, оное, увидите изъ дальнѣйшаго изложенія моего описанія.

Въ то же самое время представленъ быть въ уголовную суду Александръ Бендеровскій, Понъ Городищенскій, изъ мѣстн. Яны Станскаго, Староста Овруцкаго. Первоначально этого Пона рудить въ заговоръ Овруцкій Магистратъ и, выведъ съ тремя приколѣванн. и, говорилъ къ вѣдѣлицѣ. Уже на площади, когда одного изъ трехъ крестьянъ повѣсили, пришло отъ того же Старосты извѣщеніе; чтобы удержаться отъ исполненія, по тому что Сеймские Чины отняли у всѣхъ Магистратовъ право осуждать на смерть, а предоставили это только Гродскимъ или Земскимъ Уезднымъ Судамъ; когда же вернувшійся изъ подѣ вѣдѣлицы, всего съ двумя крестьянами, Городищенскій Понъ передъ Гродскимъ Луцкимъ Судомъ добровольно ни въ чемъ не сознался, то сторона, желавшая во чтобы то ни стало погубить его, т. е., Староста Овруцкій, взялась слѣдствіемъ уличить его въ заговоръ съ крестьянами. Для этого выставила она слѣдствіемъ именно тѣхъ двухъ крестьянъ, взятыхъ изъ подѣ Острожекой вѣдѣлицы, прибавивъ къ нимъ и др. глхъ, сколько по закону требуется;

Защитилъ же, данный ваятому Папу, по увѣренности ли въ его невинности, или же скорѣе по стачкѣ, допустилъ на его помѣсть этихъ свидѣтелей, признавъ ихъ свидѣтелями отвѣтника. Уличенный въ бунтъ въ показаніяхъ, Городищенскій Цовъ былъ приговоренъ къ смерти отрубленіемъ головы.

Это опредѣленіе, обнародованное 20-го Мая, на другой день было послано Епископу съ требованіемъ изложенія обвиненнаго изъ духовнаго сана. Какимъ по этому предмету началась переписка и споры между духовною властію и свѣтскою, прилагаю особо. Смотри въ Перечнѣ подъ буквою К.

Однако Епископъ, защищая духовное право, не могъ иначе приоткрыть къ изложенію, какъ разсмотрѣвши напередъ дѣло и убѣдившись, уголовное ли оно, и заслуживаетъ ли лишенія жизни: и свѣтскій судъ, опираясь на Литовскій Статутъ и на рѣшеніе Сеймскихъ Чиновъ, считалъ себя въ этомъ дѣлѣ полноправнымъ, и по тому требовалъ, чтобы Епископъ, не входя въ разбирательство дѣла, такъ какъ оно по слѣдствію подробно изложено въ опредѣленіи, и не перечитывая слѣдствія, прямо изложилъ бы, по своимъ обрядамъ, обвиненнаго на смерть Священника; въ противномъ случаѣ судъ велѣлъ, что казнить его и безъ изложенія. А наша сволочь по своему объяснала сопротивленіе Епископа.

Сторону свѣтскаго суда приняли нѣкоторые изъ нашихъ духовныхъ обгбсловоѣ, подавъ письменное опредѣленіе такого содержания, что такъ какъ судъ въ настоящемъ случаѣ имѣеть власть распространить наказаніе смертью и на духовное лицо, то можетъ онъ и безъ изложенія приступить къ исполненію своего опредѣленія.

Богѣ всѣхъ удивляюсь я сдѣшнему Тринитарскому Священнику Яну, а онъ инокъ и Священникъ, я ему слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ отъ роду; въ слѣдствіе низкаго подобострастія, или вѣрнѣе, какой-то ожесточенной ненависти къ Руси, онъ, при теперешнемъ всеобщемъ раздраженіи, и словами, и сочиненіемъ, совершенно неприличнымъ, еще болѣе поджигалъ и раздувалъ тотъ огонь, который ему, инокъ духовному, слѣдовало бы тушить мудрыми совѣтами, или, по крайней мѣрѣ, молчать тамъ, гдѣ ихъ небая было прискать.

Прилагаю печатное сочиненіе, а равно и рѣшеніе нашихъ богомоловъ. Смотри въ Перечислѣ подѣ буквою L.

Епископъ, встревоженный столь необыкновеннымъ превращеніемъ, что его опредѣленіемъ свѣтскаго суда, осудившимъ виновнаго на смерть, приневолили къ изложенію, послалъ эстафету въ Варшаву, къ Князю Принасу и Апостолическому Нунцію, прося ихъ хотѣйства о томъ, чтобы Священникъ былъ поставленъ передъ Сеймовыми Чинами и дѣло его вторично и обстоятельнѣе было разсмотрѣно. И такъ надлежало терпѣливо ждать возвращенія эстафеты и мужественно противостать всѣмъ домогательствамъ.

Но Судъ Гродской Луцкой и помѣщики, домогаясь болѣе всего, чтобы ихъ дѣйствія были подтверждены духовной властью, настойчивыми просьбами, а наконецъ и угрозами, не переставали склонять Епископа, чтобы онъ какъ можно скорѣе прїѣхалъ въ Луцкъ и совершилъ этотъ страшный обрядъ, а вѣрнѣе, свое и своего духовенства послѣднее поношеніе. Съ этою цѣлію послалъ въ Рожища выше сказаннаго Священника Яна, ревностнаго апостола на утѣшеніе Руся, съ сильными представленіями и объявленіемъ, что, въ случаѣ отказа, или замедленія, Епископскаго прїѣзда, они представятъ ad Acta противъ него большой манифестъ, а осужденнаго Цоца казнить смертью безъ изложенія. Черезъ этого Священника Епископъ писалъ Гулевичу, Хорунжему Луцкому, съ такимъ для публики заявленіемъ, что онъ прїѣдетъ въ Луцкъ, если при требуемомъ изложеніи не будетъ воспрещено употребленіе духовныхъ законовъ и установленій; что сдѣлалъ съ этѣмъ письмомъ Священникъ Янъ, свидѣтельствуешь отвѣтъ его.¹³ Епископъ желалъ такимъ образомъ про-

¹³ Отвѣтъ Священника Яна Епископу весьма любозытень по своимъ выраженіямъ. По титулѣ: «Вручилъ я письмо Suae iustiae Хорунжему, который читалъ его въ собраніи вельможныхъ Коммисаровъ, должностныхъ лицъ и Уѣздныхъ помѣщиковъ. Требованіе о сообщеніи Вамъ слѣдствій было всѣми отвергнуто на томъ основаніи, что врученіе, или объявленіе, ихъ возможно только для высшаго суда ejusdem generis et ordinis, на примѣръ для Земства, или Трибунала ex appellatione admissa; во вторыхъ, по тому, что слѣдствіе изложено обстоятельно въ опредѣленіяхъ, изъ которыхъ и на основаніи его поставлено приговоръ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ, получается и слѣдствіе. Это же сямѣ

двѣ-три дня до возвращенія эстафеты, а помѣщики хотѣли сократить ея. По этому, 23 Мая, Олзарь, Кравчій Лятовскій, и Залесскій, Подстароста Владимірскій, нарочно поѣхали въ домъ къ Епископу, и до тѣхъ поръ склоняли его и сильными просьбами и угрозами, пока онъ не согласился въ тотъ же день ѣхать въ Луцкъ; въ субботу ночью остановился онъ въ монастырѣ Тринитаріевѣ. Никто изъ его Консульторскихъ Чиновниковъ съ нимъ не поѣхалъ.

Какъ только Комиссія получила извѣстіе о прибытіи Епископа, тотчасъ же сдѣлала распоряженіе о задержаніи всего безъ изятія; что только будетъ отправлено къ нему; она боялась, чтобъ эстафета изъ Варшавы не принесла Епископу чего ни будь благопріятнаго для узника. Комиссія послала Епископу въ его пребываніе Свѣдѣній универсалъ (тотъ самый, который Вы прислали мнѣ по поводу снисхожденія); изъ него помеченованный Епископъ долженъ былъ убѣдиться, что по дѣлу Городищенскаго Священника посяждовало рѣшеніе *ratione criminis*, въ судѣ, которому онъ подсуденъ, и по тому онъ старался только о томъ, чтобы удержать хоть наружную признани Каноническаго права.

Я не такъ хорошо зналъ Епископа лично, чтобы осмѣлился открыть ему несправимые промахи въ Гродскомъ приговорѣ, который онъ, казалось, не видѣлъ. А развѣ то малый промахъ, что

кто выразилъ Господику Хоружій въ письмѣ, которое онъ написалъ къ Вамъ, по его не отирали по тому, что Судья и Уѣздные помѣщики упросили Олзаря, Лятовскаго Кравчаго, и Залескаго, Стольника Луцкаго, съѣздить къ Вамъ съ поспѣшною просьбою за окончательнымъ рѣшеніемъ Вашимъ, а между тѣмъ сидѣть до понедѣльника, не далѣе, исполненіе приговора и подачу манифеста къ запискѣ въ книги; все это сдѣлано въ слѣдствіе моего прибытія во время жаркихъ прѣвій и принятія послѣднихъ мѣръ къ исполненію приговора. Желаніе всѣхъ благомыслящихъ въ этомъ дѣлѣ есть, *salvo iudicio meliori*, пріѣхать безсрочно, и эту трагическую обязанность привести въ исполненіе въ найкратчайшее время, а слѣдствіе, назначенное въ опредѣленіи, такъ какъ его можно только *in diligentia* пересмотрѣть въ манифестѣ, пусть служитъ *pro cognitione corporis delicti seu criminis*. Sua Illma обстоятельству объ всемъ увѣдомитесь отъ Вашихъ и духовенства Вашего друзей по пріѣздѣ сюда, и ante omnia своимъ величавымъ соображеніемъ утвердите изъ двухъ золъ то, которое сочтете наименьшимъ. А я Васъ жду и съ квартирой и приложеніемъ моимъ къ Вашимъ стопамъ. Янъ, Луцкій Тринатарскій Священникъ. 23-го Мая, 1789 года.»

два свидѣтели (по тому что третій изъ нихъ была повѣнчанъ); себѣщаники мнѣшаго заговора, уже осужденныя Магистратскаго Справленіемъ на смерть, въ награду за свидѣтельство, данной престола Свѣщенника, получили прощенье? Дѣло очевидное, Священника, погибшаго преимущественно по ихъ показаніямъ, при подговорахъ другихъ свидѣтелей мнѣше достоверныхъ, и что они, опасаясь собственную жизнь погубили Священника, по тому что въ этомъ были обвинены будомъ, какъ потомъ обнаружилось изъ ихъ же собственныхъ словъ. По справедливости, Судь не имѣть даровать имъ жизнь, даже въ случаѣ упомянутого Универсала, такъ какъ она находилась уже подъ стражей и были осуждены на смерть а по тому, въ случаѣ виновности, каковы были погубить злобу съ Священникомъ, какъ имѣть каковы быть признаны невинными. Епископъ, кажутся, не зналъ объ истинной злобѣ на Священника, и по тому желалъ, чтобы ему представлены были, для прочтенія, слѣдствія, и въ то же время потребовать обвиненнаго изъ своему духовному суду.

О сообщеніи оказавшихъ слѣдствій продолжался опять торжественный споръ отъ 3-хъ до 6-ти часовъ дня. Прицали Епископа (но нечно, заочно), что онъ не хочетъ вѣрить опредѣленію, въ которомъ заключаются и слѣдствія, по тому что опредѣленіе составлено по нимъ. Не смотря на то, наши Прелаты такое приложили стараніе, что слѣдствія, безъ вѣдома, однако жъ, помѣщиковъ (по тому что никакъ сдѣлать этого было не возможно), передали изъ Суда Епископу избраннымъ отъ него членамъ-судьямъ.

И тутъ еще полагаю я, что дѣла идутъ хорошо. Епископъ, по прочтеніи слѣдствій, навѣрное замѣтитъ его промахи, несогласуется съ членами-судьями, бывшими при немъ изъ нашего собора, не приступитъ къ низложенію и изъ двухъ золъ выберетъ меньшее, если оставить Священника во власти злобы, чтобы рѣшеніе постановленное насильемъ, насильемъ же и было приведено въ исполненіе. Это было въ понедѣльникъ: наши Барыни складывались изъ покунку факеловъ съ тѣмъ, что, если бы Епископъ и не низложилъ обвиненнаго, непременно отрубятъ ему голову при факелахъ, въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, по тому что во вторникъ приходила почта изъ Варшавы.

... 08 Мая, въ 8 часовъ утра. Священникъ, поставленный въ
 итязь предъ Епископскимъ судомъ, безъ всякаго Защитника
 (Брагача); выслушалъ рѣшеніе, исключавшее его изъ среды кля-
 ры, съ лишениемъ всѣхъ духовныхъ преимуществъ. Въ глубинѣ
 души скорбѣлъ я при мысли, что сегодня Епископъ приложитъ
 медную печать къ уничтоженію своего мѣра, ставшаго жертвой
 злобы; возведенной на него вонзавствомъ, и что такой жребій
 можетъ пройти для несчастной Руси; боги подѣются нашего
 духовенства. Напрасно и не во время жемаль я, чтобы оно не
 изменилось; въ это дѣло и подѣл благовидѣніемъ предлагаю отго-
 вориться бывшій предъ Епископомъ отъ востанія: (Смотри въ Перечис-
 бую В).

Въ нашомъ соборѣ, въ 9 часу, во время святой Литургии,
 при великомъ отеченіи немощиковъ и солдатъ, бѣлнскомъ разстриж-
 енномъ Барини: наши, прежде столь ревностными и силами,
 истраива этого страшнаго обряда надали, однако же, въ обмороч-
 ность переду тамъ всѣ безъ исключенія вильше жемали, павъ теперь,
 бѣдны не въ силахъ выдержать ужаснаго зрѣнища; отворачивались,
 мѣшались слезами. Нельзя было казниться дѣланному приуветію
 при доминаторе Священника, который вышазалъ такое исповѣданіе,
 въ судыи его провозвалъ на пиръ, а не на смерть, неговѣдался
 и бранить Са. Причастіе. По окончаніи богослуженія, чтобы под-
 крѣпить свои силы, онъ попросилъ отаканъ вина и челе ни будъ
 жукать. Просьбу эту точножъ непомнилъ. О себѣ оказалъ онъ,
 что шивенитъ въ непочтеніи къ своей матери и къ частря пьнностей
 въ приходѣ; что же касается народнаго бунта, онъ объ этомъ ни
 что не зналъ и немогъ такой безумной у него не было.

Нѣтъ уваженія къ Са. Тайникъ, исполненіе приговора при-
 сужденія на два славнскомъ часа; потому пореди осужденнаго на
 чиналъ подѣ стражемъ дѣлѣ, одоченнѣтъ, а также Дубинскаго,
 гарнизона и Татаръ, находившихся тамъ подѣ командою Генерала
 Билка. Разстриженный остановился посреди рынка и просилъ объ
 исповѣди Габріила Селецкаго, нашего Каноника; исповѣдь продол-
 жалась около получна часа. Потомъ читанъ былъ приговоръ, и когда
 образовался обширный кружокъ, осужденный, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ
 по направлению къ читавшему; нѣтъбы слышать всѣ статьи онаго.

Когда дошло до слѣдующихъ словъ, содержащихся въ приговорѣ: «со времени вступленія въ управленіе приходомъ Городищенскимъ пилъ съ крестьянами въ корчмѣ, бранилъ мать свою, святому Литургію отправлялъ нетрезвый,» обвиненный вздохнулъ; когда же дочли до статьи, въ которой говорится, что онъ заперался съ крестьянами въ церкви и подговаривалъ ихъ къ бунту, отъ траст-головой и ввдыхалъ. А когда приступилъ къ нему палачъ, онъ объявилъ, что имѣеть еще кое-что сказать; палачу приказали остановиться, а духовникъ, Каноникъ Селецкій, обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Не называю тебя Священникомъ, по тому что ты исключенъ изъ среды духовенства и считаешься мертвымъ членомъ, предъзначеннымъ къ отнятію отъ человѣческаго общества. Но не тайна для тебя, что въ жизни загробной ты будешь жить вѣчно, что Священническій санъ, принятый тобою, никогда не будетъ снятъ съ твоей души. Ты стоишь уже на томъ мѣстѣ, откуда въ скоромъ времени отойдешь на судъ праведнаго Бога. Теперь напоминаю тебѣ самую первую твою обязанность, которую налагаетъ молитва Господня: «и остави намъ долги наша, яко же и мы оставимъ должникомъ нашимъ.» На этомъ основаніи спрашиваю тебя, некриво ли ты прощаешь своему доносчику и обвинителю, предъ Судомъ?»—«Прощаю.»—«Не пытаешь ли какого гнѣва противъ оудей, приговорившихъ тебя къ смерти?»—«Ни какого.»—«Не держишь ли злобы на своего Епископа, разстригшаго тебя?» — «Нѣтъ.»—«Не былъ ли ты къмъ подговоренъ? Скажи теперь, не щадя ни кого, истинную правду?»—«Ни кто никогда не подговаривалъ меня.»¹⁴—«Говори же теперь то, что намъ треньъ былъ сказано!»—«Слышалъ я, дакъ, въ моеѣ присутствіи, Филиппъ, Дьячукъ Городищенскій, сказалъ, что теперь настало время, будемъ рѣзать; то же самое, слылаъ, повторилъ и Ковальчукъ, также Городищенскій; но не знаю, шутя, или въ правду, они говорили это.» Послѣ сихъ словъ онъ просилъ объ отпущеніи грѣховъ. Ровно въ часъ по полудни палачъ отрубилъ ему голову; жена и мать его, присутствовавшія при казни, тотчасъ

¹⁴ Послѣдній вопросъ былъ не приличенъ духовнику, однако его нельзя похвалить, по тому что въ этомъ случаѣ непременно нужно свидѣтельство самаго управ-ляющаго, такъ какъ все полагали, что онъ скажетъ, что ни будь на Епископа и его клиръ. Не этому съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали общаго сознанія.

отданы были подъ стражу, чтобъ чрезъ нихъ не дошло какого либо вѣстія до дома, а въ Городище послали ополченцевъ для взятія выше упомянутыхъ, оговоренныхъ покойникомъ. Но какъ Староста Овручскій запретилъ выдавать ихъ, а Суду объяснилъ, что не наиренъ отправлять людей на смерть за пустыя слова, сказанныя въ шутку, и тѣмъ далъ понять ему, что съ него довольно и одной головы, тоже за пустыя слова отрубленной, то Судъ не настаивалъ болѣе на выдачѣ оговоренныхъ. На другой день послѣ казни пришла къ Судьямъ эстафета съ рѣшеніемъ Сейма, который приказывалъ остановить исполненіе приговора и осужденнаго на смерть Священника представить въ Варшаву. Но уже было поздно. Невинѣйшая голова уже не пристанетъ къ своей шеѣ.

Глубоко уважаю Вашу дальновидность, когда, пересылая мнѣ Универсалъ Сеймовыхъ Маршалковъ, Вы писали, что онъ можетъ быть западней для простонародья. Ибо многихъ погубили слѣдующія непонятныя слова этого Универсала: «Если бы кто, находясь въ такомъ заговорѣ, или будучи о немъ увѣдомленъ, своимъ доносомъ, прежде уличенія въ немъ, воспрепятствовалъ исполненію преступленія, тотъ не только не подвергнется наказанію, но, за сохраненіе жизни собратій и уничтоженіе неурядицы, получить еще особенную награду.» Заявляю, что простонародье не понимало, что означается словами: «прежде уличенія въ немъ.» Сильно ошиблись также и тѣ, кто были довольно свѣдущи и опирались на недавніе примѣры.

По тому что, читая въ приговорѣ о Городищенскомъ покойникѣ, что двухъ свѣдѣтелей, уже уличенныхъ и осужденныхъ Магистратомъ, Гродской Судъ освободилъ отъ смертной казни за взведеніе преступленія на себя и выше именованнаго Священника, предполагалъ, что тотъ же Судъ будетъ милостивъ и къ другимъ, взводящимъ на себя вину. Такъ поступилъ Г-нъ Яворовскій, назначенный въ Защитники Старосельскому Священнику. Можно ему вѣрить вполнѣ, что онъ не изъ коварства, но неумышленно погубилъ ввѣреннаго его защитѣ Священника, по тому что самъ онъ потомъ сожалѣлъ объ этомъ, и до сихъ поръ еще жалѣеть.

Онъ уговорилъ этого Священника, чтобы тотъ добровольно обнесъ себя, будто бы у него былъ маркитантъ, который подгова-

ривалъ его къ рѣзнѣ, давая деньги; будто онъ тѣ деньги бралъ и собравши народъ, склонялъ его къ заговору, но что крестьяне его не поняли, и онъ о томъ болѣе не напоминалъ. Священникъ не согласился на такое показаніе, говоря, что грѣшно лгать на кого бы то ни было, а слѣдовательно, и на себя. Но когда Защитникъ (Стратій) объявилъ ему, что не знаетъ другого средства спасти его отъ заключенія; когда удостовѣрилъ, принимая на свою совѣсть, что послѣ такого признанія, будетъ онъ непременно освобожденъ когда собственноручно написалъ изложеніе такого поклепа, съ тѣмъ, чтобы Священникъ, прочитавши приготовленную бумагу на Судѣ, подписалъ ее, добился онъ того, что, для полученія свободы, Священникъ уступилъ его требованію. Явившись въ Судѣ, онъ не только этотъ клеветъ созналъ, прочиталъ и подписалъ, но обнесъ себя еще болѣе: что онъ копыя и ножи закопалъ въ землю при своемъ приходскомъ домѣ; обнесъ Консистерскаго Слѣдователя, представившаго его въ Луцкѣ, будто и онъ знаетъ объ этомъ. Несъ что-то и на свое духовное начальство, и тутъ же отпирался, какъ помѣшанный. Смотри въ Перечнѣ буквѣ М.

Ни чего не было легче, какъ послать на мѣсто и провѣрить скаску о закопанныхъ копьяхъ и ножахъ. Но такъ какъ, по тщательномъ розыскѣ, она не оправдалась и его болтовня обнаружилась, то и все его признаніе слѣдовало бы признать ложнымъ. Однако всѣмъ баснямъ повѣрили; пересмотрѣли Епископскіе Универсалы къ Епархіальному клиру, разбирали каждое слово, такъ сказать, по буквѣ и, хотя ни чего не было подозрительнаго, однако все истолковано наоборотъ. Всѣ Епископы получили приказаніе отъ сконфедерованныхъ Чиновъ произвести въ своихъ Епархіяхъ народную перепись по образу, присланному изъ Варшавы. Русскій Луцкій Епископъ, въ исполненіе этого предписанія, выдалъ, какъ я упомянулъ выше, къ клиру своему Универсалъ, и, приказавъ молиться объ утишеніи неурядицы, заключилъ пастырское посланіе распоряженіемъ о присылкѣ въ Рожища, по приложенному образцу, вѣдомостей о числѣ находящихся въ приходахъ душъ, съ обозначеніемъ пола, возраста и всѣхъ приличныхъ обстоятельствъ. Тотчасъ подхватили слова: «и всѣхъ приличныхъ обстоятельствъ» ¹⁵ и объясни-

¹⁵ Не удивительно, что эти слова «приличныхъ обстоятельствъ» возбуждали поде-

ли, что они составляютъ искусственное выраженіе замышленнаго духовенствомъ бунта.

Однимъ изъ первыхъ толкователей былъ Князь Каликстъ Понинскій, домогавшійся въ Луцкомъ Гродскомъ Судѣ опредѣленія, чтобъ Епископу приказано было всенародно объяснить этѣ слова передъ Судомъ.

Когда же Епископъ представилъ въ подлинникѣ письмо отъ Маршала Конфедераціи; когда сослался на другихъ Епископовъ обонхъ обрядовъ, что и они въ своихъ Епархіяхъ дѣлали то же самое, а помннутый Князь, со многими помѣщиками, настаивалъ, что Епископа слѣдуетъ потребовать за это къ Суду, Судъ, уступая обстоятельствамъ, постановилъ позвать Епископа, и дѣло объ этомъ внести въ ресстръ *directi mandati*. Итакъ Епископъ, очерченный и возмущеннымъ манифестомъ, и потребованный въ свѣтскій Судъ, напрасно полагалъ, будто разстриженіемъ покойнаго Городищенскаго Священника смягчить ожесточенные противъ Себя умы. Онъ протестовалъ противъ такого насилія, причинаемаго Епископскому самосуду, и приглашалъ къ угощенію всѣхъ въ свою деревеньку, неподалеку отъ Луцка, гдѣ, по настоянію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, дышащихъ ревностнымъ духомъ преслѣдованія, отрѣшилъ всю свою Консисторію, по той единственной причинѣ, что этого хотѣли обезумѣвшіе отъ вина люди, и поручилъ Офиціальство Священнику Флоріану Корсаку, Чина Святаго Василия, помощнику Жидыченскаго Вгумена. Смотри въ Перечнѣ букву А.

ѣше, когда не ускользнулъ даже слова, но итѣющія ни какого сходства съ теми и за которыя, однако жъ, Священникъ взятъ былъ подѣ стражу. За 1½ года передъ симъ вышла на Польскомъ и Русскомъ языкахъ книжка, заключающая въ себѣ разные лѣкарства для людей и скота. Это были выписки изъ разныхъ сочинителей, которыя собралъ и издалъ Староста Ленковичъ, и отослалъ въ Рожница, съ просьбою о даровой раздачѣ экземпляровъ Епархіи. Между прочимъ диковинками сочинитель наставляетъ, какъ сохранять въ свѣжести орѣхи, советуетъ пересыпать ихъ сухимъ пескомъ въ горшкѣ. Нашедши ту книжку у Самцевника, толковали, что она заключаетъ въ себѣ таинственный смыслъ; что подѣ орѣхами нужно разумѣть пули, подѣ пескомъ порохъ, подѣ горшкомъ пушки. Слѣдовательно, Попы его сговорились губить Дворянъ. Несчастный Священникъ, взятый подѣ стражу, принужденъ былъ долго объясняться.

Вотъ другой уже поступокъ Епископа, который вовсе мнѣ не нравился. Въ первомъ ему, какъ пастырю, необходимо было мужественно держаться закона, въ другомъ ¹⁶ соблюсти благоразуміе и справедливость. Консисторія его была составлена изъ достойныхъ и просвѣщенныхъ людей, какъ Офиціаловъ, такъ и Ассесоровъ. Отставивши всѣхъ ихъ разомъ, онъ такъ сильно повредилъ ихъ доброму имени, что теперь общество считаетъ ихъ виновниками заговора.

¹⁶ Апостольскій Нунцій, въ письмѣ, по поводу изложенія, укорялъ Епископа за поспѣшность и сожалеалъ о такомъ нарушеніи духовнаго права; по тому что въ тѣхъ случаяхъ, когда все зависитъ отъ наслія, надлежало изъ двухъ золъ выбрать меньшее; меньшее же было допустить, чтобъ свѣтской приговоръ былъ исполненъ безъ изложенія, а не подтверждать его Епископскимъ приговоромъ. Ибо такое нарушеніе духовнаго права можно было легко исправить; это за-свѣдѣтельствовагъ тотъ же Нунцій, говоря, что подагъ бы Чинамъ заявленіе (ноту) объ обезпеченіи на будущее время духовныхъ правъ новыми постановленіями; но, прибавляя онъ, когда изложеніе было совершено, не могъ ни чего предпринять передъ Чинами, на томъ основаніи, что именно на Епископскомъ приговорѣ утверждаются всѣ въ убѣжденіи, будто духовенство его принадлежало къ заговору. Этѣмъ оканчивается письмо Нунція. Но Богъ будетъ судить каждое по дѣламъ его, и тамъ, на Его судѣ, откроется истина, достоинъ ли былъ смерти тотъ Священникъ? Убѣдительно ли было къ осужденію на смерть Священника слѣдствіе, основанное на показаніи двухъ свѣдѣтелей, будто бы очевидцевъ, первоначально осужденныхъ Магистратомъ на смерть, а когда они оговорили въ сообщничествѣ съ ними Священника, отосланныхъ, послѣ повѣшенія третьяго изъ нихъ, въ Гродскій Судъ и за это самое получившихъ прощеніе? Слѣдовало ли этого Священника казнить смертью, если бы онъ на-ковонецъ и сказалъ что ни будь неразумное, за одни слова, которыхъ не было возможности привести въ исполненіе съ двумя только соучастниками? При такомъ раагарѣ несправедливыхъ требованій, не слѣдовало ли пастырю* стоять за духовное право и свое стадо съ того твердостью духа, какой требовали и высокое его званіе и пастырская обязанность душу свою полагати за овцы своя (апостолъ ронере pro ovibus suis). Но, къ несчастію бѣднаго клира этой Епархіи, всѣ обстоятельства склонились къ тому, чтобъ окончательно извергнуть его въ пропасть. Стефанъ Левняскій, Епископъ-Кoadьюторъ съ правомъ наслѣдованія и Администраторъ какъ бы съ полнымъ самосудомъ, первый изъ бѣлаго духовенства возведенный на кафедру, безродный, боящійся собственной тѣни, хотя Король и Королевское семейство были хорошо расположены къ нему, за это самое ненавидимый помѣщиками, все свое стараніе употребившій на утѣжденіе каждому и своимъ правомъ Суда служившій прхотн каждого, съ уничиженіемъ о своего значенія, не могъ найти въ себѣ столько смѣлости, чтобъ вос-претѣмьваться незаконнымъ желаніемъ.

Между тѣмъ взятый подъ стражу Консисторскій Слѣдователь, Карловскій, былъ предметомъ общественной ненависти въ Луцкѣ. Показаніе Попа Старосельскаго, будто бы онъ зналъ о заговорѣ и самъ принадлежалъ къ нему, только сильнѣе подтверждало прежнее показаніе Попа Хорупанскаго, и хотя онъ передъ Судомъ ни въ чемъ не признался и отвѣчалъ на всѣ обвиненія съ силою, какъ словесно, такъ и письменно; хотя, для подтвержденія тѣхъ обвиненій, вовсе не было свидѣтелей, а кого онъ хотѣлъ представить изъ Духовенства, тѣхъ не допустили и всѣхъ отвергли, какъ бунтовщиковъ, однакожь раздражительность противъ него до того усилилась, что помыслили не о дальнѣйшихъ доказательствахъ мнимаго его преступленія, а единственно о самомъ ужасномъ для него родѣ смерти. Для возбужденія еще большаго къ нему омерзѣнія разглашали, будто бы онъ Епископскій племянникъ, и по тому отлично знаетъ намѣренія Епископа и Духовенства.

Отъ Суда домогались, чтобы онъ безотлагательно былъ осужденъ въ теченіе настоящихъ засѣданій и казненъ, въ страхъ всѣмъ своимъ сообщникамъ. Въ этомъ случаѣ Гродскій Луцкій Суль принялъ весьма разумныя мѣры. Видя, что желаніе осужденія на смерть становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе онъ того заслуживалъ, Судъ съ намѣреніемъ отложилъ рѣшеніе дѣла его до будущахъ засѣданій, въ той надеждѣ, что время ослабитъ всеобщую къ нему ненависть.

Даже въ самомъ заключеніи ему не суждено было пользоваться и тѣмъ спокойствіемъ, какимъ пользовались другіе. Кто изъ знатнѣйшихъ помѣщиковъ ни пріѣзжалъ въ Луцкъ, всякой любопытствовалъ посмотреть на него, какъ на какое ни будь чудовище, желавшее упиться помѣщичьей кровью, и, задавшись такимъ убѣжденіемъ, изрыгалъ на него тысячу клеветъ; дѣло заходило такъ далеко, что находящіеся при немъ вонны часто принуждены были вырывать его изъ рукъ ожесточившихся посѣтителей и укрывать между собою. Пулавскій, Ротмистръ народной конницы, при посѣщеніи его, ни какъ не могъ удержать чрезмѣрнаго своего озлобленія. Не удовольствовавшись самой поносной бранью, онъ схватилъ его за грудь, и если бы не защитилъ несчастнаго, находящійся на стражѣ съ нѣсколькими воинами, Офицеръ, положилъ бы его

на мѣстѣ, или бы изувѣчилъ. Кирьякъ Нововойскій, видя Ротмистръ Пулавскаго въ такомъ раздраженіи, и къ тому же пьянаго, не только не остановилъ его, но еще подстрекалъ, говоря, что у него для узника приготовлена тысяча веревокъ. ¹⁷

¹⁷ Случается, что человѣкъ честный въ нетрезвомъ видѣ иногда поступаетъ худо. Этотъ недостатокъ почти каждому изъ насъ свойственъ. Ротмистръ Пулавскій, выходясь въ нетрезвомъ видѣ, нанесъ въ Корцѣ тамошнему Благочинному и его Викарію гораздо большее оскорбленіе, нежели Слѣдователю въ Луцкѣ, о чемъ потомъ сильно сожалѣлъ. Когда его увѣрили, что Поны взбунтовались на помѣщиковъ, онъ, значительно подививши, приказалъ тотчасъ же привести къ себѣ Благочиннаго съ его Викаріемъ. Немедленно схватили ихъ изъ собственныхъ жилищъ и поставили передъ нимъ, когда онъ пировалъ въ Корцѣ на плотинѣ. Приставляя къ груди Благочиннаго пистолеть, онъ спросилъ, когда въ его приходѣ начнется затѣянная ими рѣзня? Благочинный отвѣчалъ, что нѣтъ ни какого заговора; что это клевета на Русское Духовенство, взведенная по злобѣ; что наконецъ никогда не можетъ быть доказано, будто бы Духовенство замышляло такое отвратительное преступленіе. Въищенный въ смѣлымъ отвѣтомъ, онъ приказалъ схватить обоихъ Священниковъ и бросить ихъ въ прудъ, на самомъ глубокомъ мѣстѣ. Воины уже готовы были исполнить его приказаніе, какъ вдругъ, одумавшись, онъ отмѣнилъ приговоръ, и, нѣсто утопленія, приказалъ дать имъ солдатское наставленіе. Благочинному тотчасъ же отпустили 50 ударовъ широкою саблею столь тяжелыхъ, что у несчастнаго кровь полилась горломъ; Викарію же его 30, и обоихъ отвезли въ домъ ихъ. На другой день Ротмистръ, проспавшись, самъ сожалѣлъ о вчерашней исторіи и, гнѣваясь на наличнее послушаніе его безразсуднымъ приказаніямъ, просилъ прощенія у Благочиннаго и его Викарія, и обѣщалъ щедро наградить ихъ, чѣмъ только они пожелаютъ.

И Господину Нововойскому нельзя вмѣнять въ вину его веревочную расточительность. Потомокъ, происходящій по прямой линіи отъ своихъ благородныхъ поперцу, корницъ и мушкатныхъ орѣхамъ предковъ, въ недавнее время добравшійся до званія депутата въ Коронномъ Судѣ, которое ему столько же извѣстно, сколько и Гданскіе Князичи, находящіеся въ склепахъ, онъ понималъ, что его Дворянская извѣстность еще недостаточно установлена отбытою депутатскою службой. По этому искалъ онъ дальнѣйшаго подкрѣпленія ея весьма удобнымъ къ тому средствомъ, — утѣненіемъ Руси.

Не вѣнчалъ ли же путемъ счастливо достигъ своихъ цѣлей и Господня Оаддей Шеметь? Какого значительнаго почета достигъ онъ у помѣщиковъ, сдѣлавшись чернѣйшимъ клеветникомъ Епископа и всѣхъ Русскихъ! Прежде мало зналъ о немъ Луцкій Уѣздъ, и то развѣ по вѣчнымъ ссорамъ его съ женою; а какъ только втотъ Шеметякъ началъ, въ теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ бѣшеннѣйшій выдаться на Русь, то хоть присягнуть, будь у него умъ и кара-

Посѣщаль его также и Г. Слемповскій, Кіевскій Воевода. Этотъ Сенаторъ былъ гораздо откровеннѣе другихъ и утѣшаль печальнаго узника тѣмъ, что если онъ не виновенъ, то ему нечего опасаться какого либо наказанія.

По смерти Господина Каетана Олизара, Коровнаго Стольника, случившейся 26-го текущаго Мая, который подъ конецъ жизни изъ вѣзбности то же предавался притѣсненію Руси, начали освобождать некоторыхъ Священниковъ; изъ нихъ одни оправдались очистительною присягою, другіе, обвинявшіеся только въ предосудительныхъ словахъ, отданы были Епископу для наложенія епитиміи. Но не такова была участь Тимоея Хржановскаго, приходскаго Священника села Милослава. Этотъ Попъ, обвиненный въ томъ, что у него ночевали Пилипоны, былъ 29 Марта заключенъ въ Дубенскую темницу. Послѣ разныхъ изслѣдованій, когда невинность его обнаружилась по всѣмъ допроснымъ статьямъ, его отослали 22-го Мая, по приказанію Войсковой Комисіи, данному Князю Михайлу Любомирскому, подъ прикрытіемъ въ Рожища. Епископъ, желая узнать въ точности дѣло этого Священника, выслалъ въ Милославъ комиссаровъ обонхъ Обрядовъ, съ тѣмъ, чтобы они прислали на его разсмотрѣніе слѣдствіе, составившееся изъ показаній присяжныхъ свидѣтелей. Но когда комиссары прибыли въ Милославскій приходъ и приступили къ порученному имъ дѣлу, то сюда же съ шумомъ явился и Кирьякъ Нововойскій: онъ сорвалъ Комисію, забралъ Епископскіе указы, грозилъ комиссарамъ, и донесъ обо всемъ этомъ Луцкой Воеводской Комисіи.

Тотчасъ же послано изъ Комисіи отношеніе къ Епископу, въ которомъ требовалось, чтобы сказанный Попъ Милославскій былъ представленъ въ Судъ, по тому что, въ силу опредѣленія Чиновъ, никто, кромѣ города, или земства, не можетъ судить дѣла подобнаго рода. Въ слѣдствіе этого Епископъ принужденъ былъ отправить его изъ Рожищъ въ Луцкъ, ограждая себя тѣмъ только, что отослалъ

ктеръ, былъ бы внесенъ на самыя высшія почести тѣми же самыми руками, которыми прежде колотили его по рожъ въ Лыщѣ, Жидычнѣ и многихъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ онъ поочередно валялся пьяный.

Попа не прямо въ Судъ, а въ Доминиканскій монастырь, вторично высидѣлъ подъ стражей нѣсколько недѣль.

Тяжба между Епископомъ и Княземъ Каликстомъ Пони не состоялась, по тому что болѣе важныя дѣла призвали въ Варшаву. Братъ его, Князь и Коронный Подскарбій, дательствуя въ 1775 году на Сеймѣ, предалъ Отечество на дробленіе, и за это, на томъ же Сеймѣ, получилъ Княжескую теперь же, по приказанію сконфедерованныхъ Чиновъ, по оному строгому заключенію. Итакъ дѣло идетъ о жизни этого стра и о Княжеской коронѣ его семейства, а, слѣдователи гораздо важнѣе для Князя Каликта, чѣмъ уличеніе въ возмущеніи Русскаго Епископа, его же Универсалами. Судьба этого Свят узника, Вамъ, въ столицѣ, лучше извѣстна, нежели намъ, ввнціи.

Не устоялъ слѣдователь Русской Консисторіи, Карповскій упорнаго преслѣдованія его со всѣхъ сторонъ: онъ и письмо Священнику Іосифу Бучинскому, Правителю дѣлъ той Консисторіи, и просилъ прислать ему яду, говоря, что такъ какъ ность не можетъ защищать его при такомъ не ослабѣвающимъ жоніи, то, въ случаѣ такого же смертнаго приговора, какой со противъ Городищенскаго Попа, хотѣлъ бы лучше умереть о чѣмъ отъ руки палача. Письмо это поступило прежде въ Консисторію, а не къ тому, кому было написано; снявъ съ него списокъ нарочно отослали сказанному Правителю дѣлъ, Бучинскому.

---

¹⁸ Справедлива пословица: «Гдѣ дьяволъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ. темницы слѣдователя, въ оградѣ стараго собора, поселилась Г-жа Рогоу знаменитая самодержица своего мужа. Двери ея комнаты сообщаются темницею. Эту Госпожу убѣдили посѣщать, подъ видомъ Христіанской и заключеннаго, приглашать его къ себѣ и навести на разговоръ, изъ кото могла бы добраться до извѣстнаго заговора. Хитрая женщина при большой пріятельницѣ слѣдователя. Скорбѣла о томъ, что онъ терпитъ тяжкія гоненія, посылая тысячу проклятій его притѣснителямъ, проклятіи ей всѣ тайны сердца, прибавляя, что легко можетъ помочь несчастному его положенію. Но отъ этой невинной души не могла узнать ничего такого, чего бы желала. Полагая, что слѣдователь не довѣряетъ разставила противъ него другія сѣти. Между прочими безчисленными

желая видѣть, поплелетъ ли онъ требуемый ядъ. Посланецъ не засталъ Бучинскаго дома, и отдалъ подлинникъ Епископскому Секретарю, находившемуся въ то время въ Луцкѣ, а тотъ, прочитавъ страшныя слова, которыхъ не ожидалъ встрѣтить, сжегъ подлинникъ, не давши отвѣта.

Немедленно были потребованы выше упомянутые Священники, какъ Секретарь, такъ Дѣлопрavitель Епископскіе, для представленія письма на разсмотрѣніе въ будущія засѣданія Суда, такъ какъ текуція засѣданія кончились 3 Іюня, а о Слѣдователѣ внесено было такое предложеніе, что, желая принять ядъ, этѣмъ самымъ онъ доказываетъ, что чувствуетъ свое участіе въ преступленіи. Кромѣ того, и просили заковать его въ цѣпи. Хотя Судъ и не далъ по этому явнаго постановленія, но, вѣроятно, согласился на просьбу втайнѣ, по тому что на руки и ноги узника наложены были кандалы.

Разсматривая письмо Слѣдователя безъ предупрежденія (по тому что списокъ съ него есть въ Комисіи), нельзя было поддерживать такія заключенія передъ Судомъ, не измѣнивъ выраженій письма. Однако жъ и это обстоятельство не оставило безъ тщательнаго изслѣдованія, по тому что, вслѣдъ за тѣмъ, разнесся слухъ, что подлинникъ сожженъ. Сеймовымъ Чинамъ было донесено, будто бы Слѣдователь, Епископскій племянникъ, уличенъ въ бунтѣ письмомъ, подлинникъ котораго сожженъ, и что онъ желалъ принять ядъ для того, чтобы, заблаговременно лишивъ себя жизни, не выдать участниковъ заговора, а также чтобы не открыть ни срока, ни тѣхъ мѣръ, которыя считались надежнѣйшими для приведенія его въ исполненіе.

тѣствами участія къ Слѣдователю, она говорила, что онъ навѣрное чувствуетъ потребность писать къ друзьямъ, и что чрезъ ея прислугу письма могутъ доходить всего вѣрнѣе. Этѣмъ способомъ она совершенно приобрѣла его довѣріе. Обманутый Слѣдователь писалъ часто, навѣщая о томъ, что съ нимъ дѣлается, и послѣднее письмо отдалъ онъ ей же, какъ полагалъ, вѣрной своей пріятельницѣ. Она же велѣла принимать вручаемыя ей письма, приказывая каждое изъ нихъ сперва представлять въ Комисію, и по прочтеніи, будто бы съ большею тайною отдавать по надписи; а также и отвѣты сперва доставлять въ Комисію, а потомъ передавать ихъ, съ тою же предосторожностію, заключенному (Смол. Перечень подъ букв. N).

Разсудите сами, могутъ ли Сеймовыя Чины составить сеіясное понятіа о дѣлахъ, которыя тутъ происходятъ, если они получаютъ всегда невѣрные донесенія? По этой причинѣ на Епископскія возраженія, представленныя Сейму Нунціемъ,¹⁹ или вовсе состоялось ни какого опредѣленія, или не такое, какое по справедливости слѣдовало.

Однако жъ Судъ Луцкій получилъ выговоръ, за приговоръ къ смерти приходскаго Городищенскаго Священника. По тому что когда стали разсматривать поводы къ такому приговору; когда пріяли во вниманіе, что Священникъ, преданный постоянно пьянству, будто бы уговорившій трехъ своихъ прихожанъ къ рѣшѣнью, самъ вовсе не былъ способенъ привести ее въ исполненіе, когда при этомъ обнаружилась недостаточность уликъ, по тому что было всего два свидѣтеля очевидца, да и тѣ, будучи соучастниками въ преступленіи я, за признаніе въ немъ, получившіе прощеніе, и могли уличать въ немъ Священникъ, тогда сказали, что послѣдній и заслуживалъ смерти.

Подъ конецъ судебныхъ засѣданій читали опредѣленія Священника многимъ изъ простовародья, а также и маркитантамъ, находившимся подъ стражей; по этимъ опредѣленіямъ (приговорамъ), въ слѣдствіепринятой ими присяги, однихъ освободили, другихъ послали на наказанія къ Епископу, приходскаго же Яблонецкаго Священника приговорили къ двѣнадцатилѣтнему заключенію въ Луцкъ;²⁰ слѣдовате-

---

¹⁹ Епископъ, зная о невинности своего слѣдователя и о томъ, что Старосельскіе приходскаго Священника склоняютъ къ ложному показанію, хотѣлъ спасти и отъ неминуемой гибели, которой они, казалось, должны были ожидать отъ общественнаго раздраженія. Съ этою цѣлію онъ послалъ эстафету къ Нунціу убѣждая его ходатайствовать, чтобы Сеймовыя Чины приказали доставить двухъ сказанныхъ Священниковъ въ Варшаву. Коронный Маршалъ, Малаховскій охотно согласился на просьбу Нунція, и тотчасъ же написалъ въ Луцкій Гресскій Судъ; но, вмѣсто того, чтобы потребовать присылки узниковъ въ Варшаву, онъ только внушалъ Суду обращать болѣе вниманія на всѣ обстоятельства при постановленіи приговора. Изъ отвѣта Нунція Епископу было видно что онъ вовсе ни чего не знаетъ о превратномъ содержаніи Маршалскаго письма

²⁰ Приходской Яблонецкій Священникъ, Бубаловичъ, самъ виноватъ въ томъ, что сталъ ненавистенъ Г. Богуцкому, своему Коллатору. Въ 1782 г. этотъ богобол-

в Коллежскаго приходскаго Священника, Старосельскаго, и выше упомянутаго Рафаловецкаго, осужденныхъ на смерть приговоромъ уже бывшею Коммисіи, оставили въ тешицѣ до будущихъ засѣданій Судовъ. Весьма поразителенъ обширный выводъ, сдѣланный въ приговорѣ на основаніи признаній Попа Старосельскаго. Оговореннаго имъ маркизанта, по имени Борисова, велѣно искать повсюду. Дру-

женный Коллаторъ отнялъ у Священника церковныя земли, подаренныя его предками, а самаго позвалъ къ Епископскому суду. Священникъ доказывалъ свою невинность и открылъ источникъ недоброжелательства къ нему Коллатора; выпросилъ также позволеніе встать встрѣчный противъ него искъ. Изъ показаній присяжныхъ свидѣтелей оказалось, что Священникъ Яблонецкаго прихода исполнялъ примѣрно свои обязанности; что Коллаторъ несправедливо отнялъ у него давнишнее достояніе церкви, и, по опредѣленію Епископа, долженъ былъ возвратить его. Любостяжанію его это показалось несправедливостью, которую смиреннее переносилъ онъ до настоящаго года, когда, въ свою очередь, отплатилъ Священнику. Онъ объявилъ его въ возмущеніи крестьянъ, и, чтобы заняться доказательствами, употребилъ весьма разумныя мѣры. Велѣлъ перенести въ дворецъ, пономаря, Андрея Кабасюка, и прочиталъ ему пункты, составленные противъ Священника; когда же Кабасюкъ ни одного изъ этихъ пунктовъ, какъ вымышленныхъ, не призналъ, то ему дали триста розогъ, съ такимъ увѣреніемъ, что и на будущее время не оставитъ его Барская щедрость, и что его будутъ сѣчь до смерти, пока не подтвердитъ своимъ свидѣтельствомъ пункты противъ Священника. Въ виду такихъ мученій, онъ согласился во всемъ повиноваться Барской волѣ. Зная привязанность своихъ Яблонцевыхъ крестьянъ къ Священнику и ожидая, что никто не станетъ противъ него свидѣтельствовать, Богудкій и тутъ поступилъ весьма осторожно. Взялъ онъ изъ ближайшей деревеньки двѣнадцать человекъ, и, приказавъ имъ внимательно слушать, призвалъ Андрея Кабасюка, который призналъ справедливыми всѣ пункты противъ Священника и изъявилъ готовность подтвердить ихъ передъ Судомъ. По этому всѣхъ ихъ отвелъ онъ въ Луцкій Гродской Судъ, гдѣ они дали показанія противъ Священника. Вотъ какъ состоялся противъ него этотъ весьма справедливый приговоръ 12-тысячнаго заключенія. Коллаторъ выместилъ свою злобу не только на самомъ Священникѣ; не только отперъ амбары, забралъ хлѣбъ, лошадей, воловъ и наличныя деньги; не только засѣлъ Церковныя поля въ свою пользу, но даже беспощадно сѣкъ розгами жену Священника. Прибралъ онъ себѣ въ помощники Валентія Залонскаго и Зелинскаго. Оба они извѣстны въ Луцкомъ Уѣздѣ, а въ прошломъ году убійствомъ Омеланскихъ крестьянъ прославленные рыцари, не отказали въ помощи своему почтенному сосѣду. Обрадованные этимъ случаемъ, они съ удовольствіемъ взяли Яблонецкаго и Собатынскаго приходскихъ Священниковъ изъ собственныхъ ихъ домовъ; подѣлились хотя и убогою, но по тому милою, добычею, что пришла она имъ очень легко. Коллатору досталось все

гихъ маркитантовъ, находившихся въ заключеніи и ни въ чемъ неувличенныхъ, отослали въ Дубенскую крѣпость. Многіе изъ просто-народья были наказаны различнымъ образомъ. Многіе также оставлены въ заключеніи до будущихъ засѣданій Суда. Часто упоминаемый Старосельскій Попъ, видя, что многіе Священники, очистившись присягою, были освобождены, выразилъ неумѣстное сожалѣніе слѣдующими словами: «Не хорошо сдѣлалъ я, послушавъ своего Защитника и наговоривъ на себя напраслину; и я могъ бы очиститься присягою и, такимъ образомъ, получить свободу.»

Бѣдняга съ горькимъ сожалѣніемъ отказывался отъ своего показанія и плакалъ, но его уже не слушали, а, напротивъ, приговорили къ болѣе тяжелымъ цѣпямъ и содержанію вмѣстѣ съ простонародьемъ въ самыхъ северныхъ и смрадныхъ мѣстахъ общественной замковой темницы. Такое жестокое обращеніе съ заключенными очень удивляетъ меня по тому именно, что наказаніе и вѣрно и строго, обвиненіе же въ преступленіи не имѣетъ ни какого вѣроятія, по тому что, кромѣ безтолковыхъ показаній, сдѣланныхъ запуганными, или подготовленными, узниками, ни въ Коммисіи, ни въ Луцкихъ Гродскихъ Судахъ, ни чего другого мы не слышали.

Кончились засѣданія Судовъ; кончаю и я письмо мое, свидѣтельствуя должное Вамъ почтеніе, и пр.

Пп. Можетъ быть въ теперешнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ люди и не виноваты. Можетъ быть, 1789 годъ такой роковой годъ, что вскру-

---

недвижимое имущество, а пресловутымъ его помощникамъ кони и деньги. И справедливо: на чемъ же они сами поѣхали бы и на чемъ повезли бы въ Судъ мнимыхъ бунтовщиковъ? Обоихъ ихъ заперли до утра въ дворѣ Яблонецкомъ и, не довольствуясь словами, полными обычнаго уваженія къ Божиимъ Священникамъ, не ограничиваясь щедрыми надѣлами кулаковъ, украсили ноги ихъ колодами; а чтобы еще болѣе выказать свое богатство, избрали дорогу на Рожыца, и стали кормить въ тамошнемъ постояломъ дворѣ, чтобы Епископъ благоволилъ замѣтить, съ какою вѣжливостію и подъ какою почетною стражею везуть его Священниковъ въ Луцкъ. Если кто ни будь полюбопытствуетъ узнать, за что былъ взятъ Собятынскій Священникъ, да вѣдаетъ, что онъ былъ родной братъ приходскаго Яблонецкаго Священника. Развѣ это не уголовное преступленіе? Развѣ это не заслуживаетъ темницы?

жилъ головы и просвѣщеннымъ людямъ. Точно такое мнѣніе мы находимъ въ Дневникѣ: «Политико-Историческая картина,» выраженное слѣдующими словами:

«Въ 1789 году міръ потрясся, впалъ въ судороги и для чело-вѣческаго рода въ Европѣ началась новая эпоха. Въ ряду мно-гихъ вѣковъ, 1789 годъ самый замѣчательный. Ни въ какую пору, со времени Крестовыхъ походовъ, извѣстныя политическія мнѣнія не распространялись такъ быстро и не доводили людей до такихъ крайностей. Подобно религиозному духу конца XI вѣка, духъ сво-боды въ XVIII столѣтіи сдѣлался воинственнымъ. Тогда воевали за святую землю, теперь воюютъ за святую свободу, и пр. и пр.

Желаніе свободы обратилось въ Парижъ въ бѣснованіе, кото-рое оттуда распространилось на востокъ, западъ и югъ, проникло даже въ западную Индію, гдѣ совершенно отняло разумъ у Нѣгровъ. Свобода, сказалъ Руссо,—привлекательная пища, но требуетъ хоро-шого желудка для переваренія; не таковъ онъ у всякаго.

Ни одинъ годъ въ исторіи челоувѣчества не былъ столь поучи-теленъ для Царей и народовъ, какъ 1789. Онъ показалъ и тѣмъ и другимъ, что искусство управлять обстоятельствами придаетъ силу и масти и могуществу; чернь, кажущаяся подавленною, во время насильственнаго переворота можетъ сокрушать престолы, и что въ такое время самая страшная военная сила превращается въ ничто; но, съ другой стороны, онъ же показалъ, что тотъ же народъ, чув-ствуя себя совершенно вольнымъ, приводитъ въ разстройство все Государство; что вельможи находятся въ зависимости отъ ничтож-нѣйшихъ условій, и пр. и пр.

Франція увидѣла самыя страшныя явленія. Во многихъ мѣстахъ совершенно измѣнились порядокъ дѣлъ и самые люди. Рыбныя торговки сѣдѣли рядомъ съ Государемъ, повелѣвавшимъ 25-ю мил-ліонами подданныхъ, предписывали ему законы и уведѣли его изъ столицы. Увидѣли Королеву, сестру и дочь Императора, едва не убитую своими подданными и убѣгающую съ постели безъ одежды. *

* Это случилось между 5 и 6 Сентября послѣ полуночи. Молодой Дворянинъ де Варпуръ (Varicourt) снасъ Французскую Королеву. Онъ стоялъ на часахъ у дверей ея

Увидѣли Короля, носящаго на груди кокарду, которая служила знакомъ возмущенія противъ него. Увидѣли потомка Людовика Великаго, стоящаго передъ Магистратомъ въ то время, когда Магистратъ сидѣлъ. Увидѣли убійства, преступленія и ужасы междоусобной войны въ то время, когда говорили, будто нѣтъ ни какой усобицы. Увидѣли головы вѣрныхъ стражей Королевскихъ, защищавшихъ жизнь своей Королевы противъ убійцъ, носимыя по Парижу на копьяхъ; увидѣли, какъ одному убитому было всунуто въ ротъ сѣно, а тѣсто его приказано было цѣловать эту окровавленную голову. Все это было дикимъ варварствомъ, а не Европейскою свободою.

Увидѣли измѣны въ крѣпостяхъ, при дворахъ, въ гвардіяхъ, и у воиновъ, связанныхъ святостію присяги, 100 т. войско, побѣжденное тридцатитысячнымъ, по тому что начальникъ того войска былъ Великимъ Визиремъ, т. е., баричемъ, чиновникомъ, а не Офицеромъ, и, по невѣжеству и неспособности, надѣлалъ ошибокъ, обратившихъ въ ничто всю эту силу. * И въ томъ же году увидѣли начальника большой крѣпости, съ 18-ю тысячами человекъ, тремястами пушекъ и весьма богатыми запасами, смиренно просящаго пощады у непріа-

---

спальни. Увидѣвъ на разсвѣтѣ, что множество убійцъ, переодѣтыхъ въ женское платье, ворвалось въ переднюю Королевы, онъ побѣжалъ къ ея горничной и закричалъ: «Уведите Королеву: вотъ сколько убійцъ!» Потомъ поспѣшно возвратился защищать входъ. Онъ получилъ десять ранъ кинжаломъ, но не допустилъ выломать дверей. Наконецъ, умирая, бросился онъ на двери и еще нѣсколько времени мѣшалъ убійцамъ ворваться въ переднюю. Этѣ четыре минуты дали Королевѣ время вскочить съ постели и въ одной рубашкѣ убѣжать къ Королю. Убійцы, не найдя цѣли своего преступленія, бросились на тѣло убитаго Варкура, и растерзали его на части. Относительно того, что сочинитель говоритъ о рыбныхъ торговкахъ (poissardes), слѣдуетъ замѣтить, что когда бунтъ распространился по Парижу, то и женщины, изъ толпъ простаго народа, вошли въ Версаль, обыкновенное мѣстопробыванія Французскихъ Королей, и приказывали Королю, чтобы онъ немедленно явился въ Парижъ къ суду Магистрата. Добрый Король послушался приказаній своихъ подданныхъ, сталъ предъ Магистратомъ и изъ любви къ народу принесъ примѣрную жертву.

* Великій Визирь, ворвавшійся въ Австрійскій Банатъ съ большими силами, былъ разбитъ и выгнанъ оттуда Императоромъ Юзефомъ II, у котораго находилось всего только 30 т. войска.

тѣмъ, не начинавшаго еще осады и не имѣвшаго достаточной артилеріи, чтобы истребить крѣпость и все, что въ ней находилось.*

Увидѣли Герцога, ближайшаго Королевскаго родственника, открыто обвиненнаго въ измѣнѣ своему Монарху, въ составленіи заговора и желаніи занять его мѣсто.** Увидѣли дѣла, которымъ ведомство съ трудомъ повѣрить, дѣла, которыя одво лишь время вполне раскроетъ и выяснитъ.***

Окончился этотъ роковой годъ, наступилъ 1790. Въ Февралѣ мѣсяцѣ въ Австріи случилось самое роковое происшествіе, какое только можетъ постигнуть Царствующихъ особъ. Эрцъ-Герцогиня Елисавета, изъ Виртембергскаго дома, жена Эрцъ-Герцога Франца и сестра Великой Княгини Русской, умерла родами.

Императоръ Іосифъ II, царствованіе котораго было столь грозно для многихъ странъ и народовъ, котораго страшную силу въ прошломъ году извѣдало Оттоманское Царство, кончилъ жизнь 20-го числа того же мѣсяца. Смерть была самое вѣрное послѣдствіе того, что ему досталось отъ тѣснаго, неразрывнаго союза съ Россіей. Походъ 1788 года, совершенный Монархомъ лично, причинившій ему безконечныя труды, хлопоты, неудобства и при томъ въ странѣ, столь вредной для всѣхъ иностранцевъ, до того разрушилъ его здоровье, и безъ того ослабленное трудами, что въ Вѣну возвратился онъ бѣдной. Вскорѣ началось кровохарканье, повлекшее за собой чахотку. Всѣ усилія врачей были тщетны. Монархъ, видя, что свѣча его жизни догораетъ, Христіански приготовился къ смерти. 13-го числа, исповѣдавшись, приобщился Св. Таинъ изъ рукъ придвор-

* Серакиръ безъ выстрѣла отдалъ Бендеры, сильнѣйшую крѣпость, Князю Потемкину, и самъ перешелъ къ Русскимъ.

** Герцогъ Орлеанскій, братъ Французскаго Короля, въ ночь съ 5 на 6 Сентября, былъ въ толпѣ убійцъ, хотѣвшихъ умертвить Королеву.

*** Удивительно ли, если Русскія земли видѣли невинныхъ помазанниковъ Божіихъ Русскаго Католическаго Исповѣданія, осужденныхъ свѣтскимъ судомъ, приговоренныхъ къ смерти и казненныхъ?

наго Священника и пр. и пр. Потомъ занялся дѣлами, касающимися Государственнаго Управленія; всего болѣе заботился онъ о сохраненіи Галиціи, этой важной области, насильственное пріобрѣтеніе которой было столько же выгодно для Австріи, сколько потеря ея становилась день ото дня вреднѣе и невыносимѣе для Польши. Лишь только Польша начала вооружаться и входить въ тѣсную дружбу съ Королемъ Прусскимъ, какъ уже Вѣнскій Дворъ условился съ С.-Петербургскимъ объ обезпеченіи Галиціи со стороны Польши. Еще въ прошломъ году заложены были обширные магазины въ Бродахъ; то же самое начато было и въ Кіевѣ. Тридцатитысячное войско было отправлено въ Галицію; со стороны Россіи положено было столько же собрать въ Кіевской области. Не трудно угадать цѣль такого приготовленія. Она состояла въ томъ, чтобы, при первыхъ движеніяхъ Польши противъ Галиціи, войска обѣихъ Имперій вытянули кордонъ прямо черезъ Заславъ на Житомиръ, и тѣмъ отрѣзали бы всю Украину отъ нашихъ владѣній и пр. и пр. 18-го Февраля дано было знать Монарху о смерти Эрцъ-Герцогини, Маріи Елизаветы. Императоръ заломалъ руки и воскликнулъ: «Я долженъ пережить еще и это несчастіе! Да будетъ воля Твоя, Господи!» Потомъ приказалъ онъ позвать Фельдмаршала Гадику, какъ Предсѣдателя Военнаго Департамента, вручилъ ему письменное прощаніе со всею арміею, и благодарилъ его за испытанное мужество и преданность, и пр. и пр. Старикъ Фельдмаршалъ такъ былъ тронутъ этѣмъ поступкомъ Императора, что, лишь только возвратился домой, опасно заболѣлъ. Умирая спокойно, съ полнымъ присутвіемъ духа, Императоръ наградилъ также Придворнаго Врача, Г. Кварма, за искренность, съ которою тотъ сообщалъ ему о близкой опасности: возвелъ его въ Дворянское достоинство и подарилъ ему 10,000 червонцевъ. Желалъ онъ увидѣть Эрцъ-Герцога Тосканскаго, Леопольда, брата и преемника своего, экипажи котораго уже прибыли въ Вѣну, но, не дождавшись его, скончался 20-го числа, въ 6 часовъ утра.»

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

ВАРШАВА, 12 Июля.

Безконечно обязанъ Вамъ, Милостивый Государь, за то, что, въ описаніи Волынскихъ событій, Вы соблаговолили, не смотря на ихъ ужасъ, визойти до мельчайшихъ частныхъ, и такъ уюмстворить меня, что я не слѣно слѣдую противоположно-ну мнѣнію. Я безсиленъ выразить тѣ чувства удивленія и сердечнаго стѣсненія, которыя были произведены этѣмъ печальнымъ зрѣлищемъ, небывалымъ въ тѣхъ краяхъ отъ начала Христіанства. Мнѣ кажется, будто вернулись времена Діоклетіановъ и Максиміановъ, свирѣпыхъ въ пролитіи невинной крови, съ тѣмъ лишь различіемъ, что они были язычники, сдѣсь же Христіане преслѣдуютъ Христіанъ, и вѣрныя вѣрныхъ, сильнѣе чѣмъ не-вѣрныхъ, даже до смерти.

Когда же эта несчастная Русь, вотъ уже два вѣка соединенная съ Римскою Церковью, найдетъ между нами увѣренность въ томъ, что она вѣрна Богу и Отечеству? Пусть кто ни будь укажетъ мнѣ въ Отечественнѣй исторіи, чтобы съ того времени Русь подняла оружіе для возвращенія своей самостоятельности. Если Богданъ Хмельницкій и вооружался на Отечество, то онъ не былъ изъ числа Русскихъ Унитовъ; онъ самъ, поддерживаемый Запорожцами, тѣснилъ ихъ, возводя на каедры своихъ Владыкъ и низводя съ нихъ Унитскихъ. Ежели послѣ гдѣ ни будь и случалось ужасное происшествіе, подобное Уманскому, то оно не было общимъ всему народу преступленіемъ, а частнымъ бунтомъ, въ которомъ болѣе всего погибало Унитовъ. Отдадимъ 'себѣ искренній отчетъ: мало ли найдетъся и у насъ еще болѣе суровыхъ обстоятельствъ? Развѣ мало было у насъ тѣхъ роковыхъ скоповъ, возникшихъ изъ нашей неурядицы, въ которыхъ мы жадно упивались

кровью нашихъ братій? Прочтемъ ли мы грамоту присоединенія Княжества Литовскаго, а, слѣдовательно, и Княжествъ Русскихъ, къ Королевству; взглянемъ ли на привилегіи Королей, Наслѣдниковъ Престола Польскаго; вездѣ найдемъ мы «тѣ права, вольности и льготы», которыми мы пользуемся, выговоренныя и для нихъ. Спросимъ же себя: вѣрно ли соблюли мы все это? Пользуется ли иже Духовенство, уравниное съ нашимъ, одинаковыми съ нимъ преимуществами? Цѣль ли ихъ Католическій Обрядъ, огражденный столькими постановленіями, какъ свѣтскими, такъ и духовными? Не нанесли ли мы ему какого ни будь ущерба нашею неискреннею политикою? Остались ли въ томъ обрядѣ тѣ Господа и Князья, которые некогда были украшеніемъ Сената и защитниками Отечества, владѣнія которыхъ простирались по всей Кіевской области, Брацлавской, Волынской, Русской, по многимъ Воеводствамъ Литвы и по другимъ краямъ? Мы переманили ихъ изъ церквей въ костелы; работали надъ ихъ потомками, чтобы стыдились они слѣдовать примѣру дѣдовъ и прадѣдовъ. Отнявъ у ихъ святыни тѣхъ великихъ людей, и оставивъ при ней одно темное простонародье, этѣхъ вѣчныхъ рабовъ нашихъ, мы и въ томъ завидуемъ имъ. ²¹

Мы уничтожили ихъ вклады, вписанныя на вѣчныя времена въ Евангеліа; ²² ослабили состояніе ихъ обширныхъ церковныхъ имуществъ, дробя ихъ на столько частей, сколько у насъ деревенекъ, строя въ каждой изъ нихъ кое-какія церквочки, недостойныя названія имущества Господня, открыто говоря, что дѣлаемъ то съ цѣлью умноженія славы Божіей; изыскивали средства увеличить свои доходы цитейнымъ откупомъ, къ которому присоединили и Священника, имѣющаго одинаковый съ крестьянами надѣлъ земли, съ тѣмъ,

²¹ Многочисленныя дѣла, разсѣянныя едва ли не повсѣмъ Русскимъ Консисторіямъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что люди, призванные къ суду за отступленіе отъ Католическаго Русскаго Обряда, и за непослушаніе проклятыя и оглашенныя таковыми съ амвона, не смотря на все это были принимаемы въ костелы и приобщаемы Св. Таинъ. Въ Литвѣ переманивали Учитовъ цѣлыми селами къ Обряду Римскому, а также внушалось неповиновеніе своему Вѣдомству. Такимъ образомъ село Мадзѣлы все перешло къ Римскому Обряду, и сочиненіе негоднаго правовѣда, напечатанное въ Виленской Консисторіи, одобряеть все это.

²² Постановленіе 1607 года, при Сягнумудѣ III.

чтобы и надъ нимъ господствовалъ Жидъ; такъ сурово притѣсняли мы ихъ подводами, сборомъ продовольствія и военными постоями, что многократно прибѣгали они съ плачемъ къ нашимъ Сеймамъ,²² вымаливая возобновленія привилегій своихъ, утвержденныхъ старинными законами, но и доселѣ еще недѣйствительныхъ, по тому что ихъ стоны, проходя мимо ушей, не касались сердце нашихъ. Умалчиваю о другихъ безчисленныхъ неправдахъ, происшедшихъ отъ неисполненія нами нашихъ торжественныхъ завѣреній. Мы унижили, наконецъ, ихъ высокій характеръ до того, что лишь отецъ оставался вольнымъ, а сынъ становился нашимъ рабомъ.²⁴

А вѣдь они—люди именитые и по образованію, и по обычаямъ, а нѣкоторые изъ нихъ и по рожденію! Многихъ изъ таковыхъ я самъ имѣю честь знать за людей по истинѣ просвѣщенныхъ и съ преданностію исполняющихъ свои обязанности. А, вѣдь, они граждане, связанные съ нами одинаковостью страны, правленія и Вѣрой! Что же теперь означаетъ слово «гражданинъ» (*obywatel*), звучащее въ устахъ всѣхъ насъ? По здоровой политикѣ, всякій человекъ, живущій подъ нѣвѣстнымъ правленіемъ, означаетъ гражданина, по тому что пользуется тѣмъ гражданствомъ, котораго онъ есть членомъ, и, съ своей стороны, радѣя объ увеличеніи общественныхъ пользъ, исполняетъ гражданскую обязанность. Ужь не будетъ ли у насъ «гражданинъ» означать того, кто не хочетъ стѣснять своей свободы ни церковнымъ, ни гражданскимъ закономъ; кто полагаетъ ее въ томъ, чтобы безнаказанно приводить въ исполненіе всѣ злыя дѣла, внушенные ему дикою страстью; кто, отдавшись себялюбію, всюду ищетъ своей выгоды со вредомъ обществу, и кто, угнетая своимъ могуществомъ слабыхъ, принимаетъ ихъ за презрѣнные орудія, которыя должны служить его высокоумію? Но что же принесетъ такой гражданинъ общественному благу въ отплату Отечеству, изъ котораго онъ извлекаетъ свои выгоды?

Не въ томъ значеніи носить имя гражданъ Духовенство — наше ли, Русское ли—все равно. Оно есть стражъ Вѣры, на кото-

²² Царя Владиславъ IV и Янъ Казимиръ.

²⁴ Konst. Convocationis 1764 года о Поповичахъ.

рой основывается процвѣтаніе вѣрнаго люда, какъ внѣшнее, такъ и вѣчное; оно просвѣщаетъ нашихъ крестьянъ, омраченныхъ грубымъ невѣжествомъ, и наукою и примѣромъ, учитъ ихъ любить Бога и повиноваться Правительству, Намѣстнику Его на землѣ; оно внушаетъ имъ чувство вѣрности къ намъ, а насъ побуждаетъ къ благодѣніямъ въ отношеніи къ нимъ; оно удерживаетъ супруговъ въ области обязанностей, въ которыхъ они взаимно другъ другу поклялись. Оно утѣшаетъ погруженныхъ въ печаль, подкрѣпляетъ больныхъ благочестивымъ приготовленіемъ къ смерти, умирающихъ—надеждою вѣчнаго блаженства. Оно искореняетъ всѣ злодѣянія, гнѣздящіяся въ тайныхъ изгибахъ сердца и, вмѣсто нихъ, прививаетъ различныя добродѣтели. Оно удерживаетъ на прямой дорогѣ всѣ сословія и Правительство въ исполненіи свойственныхъ имъ обязанностей относительно Бога и ближнихъ. На его сторонѣ трудъ по призванію, вознаграждаемый нами скуднымъ надѣломъ нѣсколькихъ клочковъ земли, на нашей—великая польза, появляющаяся во всемъ, чѣмъ добродѣтель и честность правильно воспитанныхъ человѣческихъ сердецъ счастливляютъ общество; а между тѣмъ великое попеченіе его о насъ не заслужило себѣ отъ насъ и такого вниманія, какое оказываютъ Китайцы своимъ Бонзамъ, Индѣйцы своимъ Брамнамъ, Татары своимъ Ламамъ, если мы не захотѣли съ нашей стороны освободить ихъ даже отъ такой незначительной доли общественныхъ податей.

Никто изъ гражданъ не можетъ быть смиренѣе и покорнѣе того, кто другихъ учитъ смиренію и покорности властямъ. Онъ не хочетъ чувствовать взваленную на него тяжесть, съ довольствомъ принимаетъ волю Правительства, въ которомъ полагаетъ волю Господа Бога; проситъ лишь, чтобы, отдавши, изъ десяти грошей, два на общественную пользу, былъ онъ увѣренъ въ восьми на прокормленіе себя и своего семейства; утѣшаетъ себя тою надеждою, что, если онъ такъ радѣетъ общественному благу и трудомъ и деньгами, и общество позволить ему быть подъ защитою законовъ, обезпеченныхъ его сословію. Утѣшаетъ плачущую жену, опечаленную тяжелыми, семейными и сторонними, приключеніями; ободряетъ дѣтей не бояться Господина, какъ цыплята боятся ястреба, а взрослыхъ сыновей желаетъ ввести въ духовное сословіе, нѣ-

сколько лѣтъ питывая ихъ хлѣбомъ, отъ устъ своихъ отрываемымъ, надѣясь имѣть въ нихъ подпору въ старости.

Въ такомъ предположеніи сдѣлалъ онъ уже всѣ приготовленія, пообщалъ руку дочери, желая счастливо устроить ея судьбу, честному, хорошо образованному молодому человѣку, какъ вдругъ жестокий насильникъ естественныхъ правъ, потомственный владѣлецъ селъ, вырывая изъ рукъ его дѣтей, одного изъ сыновей обращаетъ въ гайдуки, ²⁶ другого въ лакеи, а дочь, разрывая ея будущность, назначаетъ въ жены Николаю, своему дворовому башмачнику, пользующемуся милостью за модные башмаки, которые онъ шьетъ барской любовницѣ.

Тщетно удрученный Священникъ со слезами проситъ о помилованіи; разбитая горемъ душа его всегда слышитъ неизмѣнный отвѣтъ: «Вотъ тебѣ, Попъ, и постановленіе, отдающее мнѣ твоихъ дѣтей въ крестьяне!»—«Но, я ихъ воспитывалъ не для того, чтобъ они были гайдуками и лакеями.»—«Молчи! Законамъ нужно повиноваться, а не оспаривать ихъ.»—«Но дочь, о которой и постановленіе не упоминаетъ.»—«Молчи, говорю тебѣ, и въ ней та же кровь, и ее родила та же утроба: уничтожу тебя, сгоноу съ прихода, если станешь противиться моей волѣ.»—Такимъ образомъ сыновья и дочь, избавляя родителей своихъ отъ Господскій мести, жестокости Господина, принесли въ жертву свободу и склонность сердець своихъ.

«Въ законѣ этомъ, скажутъ мнѣ, есть ограниченія относительно лицъ.» Отвѣчаю: если ясные законы не могутъ помочь этому сословію, то чему тутъ поможетъ ограниченіе? Я изложилъ этѣ подробности нѣсколько обширнѣе, по тому что живя, въ сосѣдствѣ съ однимъ Помѣщикомъ, самъ былъ очевидцемъ такой печальной трагедіи съ дѣтьми Священника.

Полагаю, однако жъ, что мнувшія ихъ бѣдствія малы еще въ сравненіи съ настоящими. Никнуть онѣ въ моихъ глазахъ, когда

---

²⁶ Не называю по именамъ многихъ изъ такихъ помѣщиковъ, чтобы не возобновлять ихъ презрѣнной памяти. Они уже дали отчетъ на судѣ Божіемъ.

съ полною вѣрою читаю въ письмѣ Вашемъ, что дѣло идетъ уже не объ имуществѣ ихъ, не о свободѣ ихъ дѣтей, не о правахъ, волѣ, обычаяхъ и пр., и пр., но о добромъ имени, дорогомъ для каждаго человѣка, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ; о жизни лицъ, столь нужныхъ для религіи, столь полезныхъ странѣ, приносящихъ намъ столько личнаго добра. Это уже крайняя ступень свирѣности, не достигаемая даже для дикихъ звѣрей. Тѣ, по крайней мѣрѣ, раздирая и пожирая несчастныхъ, не могутъ очернять своихъ жертвъ клеветою. ¹⁷

Можетъ ли нашъ просвѣщенный вѣкъ называться такимъ по справедливости, когда сильный, воспламенный непримиримою ненавистью къ своему слабому собрату, не въ томъ полагаетъ величіе воего разума, чтобы, въ запутанныхъ обстоятельствахъ, доходить до сущей правды, а въ томъ, чтобы очевидный подлогъ превратить въ правду и невиннаго осудить на смерть?

Разберемъ, наконецъ, этотъ общественный слухъ, будто Россія (Moskwa) хотѣла смутить край нашъ маркитантами; будто бы съ этою цѣлю она давала имъ Указы, подписанные рукою Государыни, чтобы они возбуждали Русскихъ Священниковъ возмущать противъ насъ нашихъ крестьянъ, и поразмыслимъ, есть ли во всемъ этомъ хотя малѣйшее правдоподобіе.

И прежде всего: здравый смыслъ подсказываетъ, что для такой дѣятельности нужны бы были извращеннѣйшія головы, кото-

---

¹⁷ Свирѣпнѣйшіе звѣри иногда склонны къ чувству человѣчности. Они почтили нѣкогда Пророка, отданнаго имъ на растерзаніе. Но если отстранимъ свѣдѣтельство Св. Писанія, то повѣримъ, по крайней мѣрѣ, языческимъ гѣтоисамъ, говорящимъ, что и звѣри признательны за оказанное имъ благодѣніе. Но люди, потушившіе въ своихъ сердцахъ до послѣдней искорки любовь къ ближнему, никогда не ощущаютъ въ себѣ этихъ счастливыхъ минутъ состраданія, и вообще всякая боль, способная усмирять звѣрство, лишь болѣе разжигаетъ ихъ и дѣлаетъ еще болѣе жестокими. Это львы, которыхъ свирѣность постоянно растетъ; они, раздирая свою добычу, не ограничиваютъ своего желанія пожраніемъ ея, ихъ бѣшенство не погибаетъ съ ними: оно урмиромъ предковъ передается потомкамъ, которые, вмѣстѣ съ молокомъ, всасываютъ свирѣпый духъ отцовъ и наослѣдокъ наследуютъ ихъ злодѣйство болѣе, нежели самыя имена и имѣнія.

рыя могли бы прибрать вѣрныя средства для приведенія ея въ дѣйствіе. Вѣроятно ли же, чтобы Россія употребила для этого такихъ грубыхъ и невѣжественныхъ простаковъ, каковы маркизъ-танты?

Въ вторыхъ: каждому человѣку своя собственная жизнь такъ дорога, что онъ, даже отнимая чужую, желаетъ, однако жъ, сохранить свою. Не нужно для этого просвѣщать ихъ неразвитый умъ. Законъ природы просвѣтилъ въ этомъ отношеніи всѣхъ. Гдѣ же эта ограда для маркизъ-тантовъ на чужой сторонѣ? Гдѣ сильныя плечи * для общииковъ ихъ, склоненныхъ къ бунту? Въ всей странѣ нѣтъ

---

* Плечи — отличительная черта Шляхетскихъ правовъ, на которую доселѣ не обращаютъ надлежащаго вниманія, не смотря на то, что ни чѣмъ лучше ея не доказывалось и полнѣйшее безсиліе, и нравственное уродство этой отверженной касты. Нѣтъ народа, нѣтъ Государства, въ которыхъ граждане не дѣлились бы на стороны, не заводили бы, при благопріятныхъ условіяхъ, внутреннихъ неурядицъ. Но тамъ люди одного убѣжденія за одно защищаютъ себя, вмѣстѣ и торжествуютъ и гибнутъ. Такой образъ дѣйствія, въ глазахъ родовитого Шляхтича, кажется верхомъ неразумія. Заводилась ли въ Польшѣ неурядица (а все историческое существованіе Польши было безконечною неурядицею), никогда лица, принадлежащія къ одному семейству и державшіяся одного убѣжденія, не становились поголовно на одну какую ни будь сторону: одинъ братъ обыкновенно держался, положимъ, Короля, другой, а за нимъ-иногда его, ближайшій родственникъ, былъ въ станѣ сконфедерованныхъ Павловъ. Въ слѣдствіе такого соображенія, для котораго ни на какомъ человѣческомъ языкѣ, кромѣ Польскаго, нѣтъ соотвѣстнаго названія, ни кто не выдержалъ и малѣйшему ущербу: имѣніями побѣжденнаго побѣдителя обыкновенно награждали брата, или родственника, державшаго ихъ сторону. И такое-то презрѣнное шулерство въ патриотизмъ и въ служеніе, будто бы, идеѣ, смѣлеть гадаться съ людьми, которые дѣйствуютъ въ подобныхъ обстоятельствахъ по людскимъ Шляхетскія преданія цѣло и непредимо сохранились до настоящаго времени. Расскажемъ одинъ случай плечеванья, переданный намъ очевидцемъ. Въ Вальнѣ было два брата, Шляхтича: меньшой былъ доводцемъ (предводителемъ), старшій служилъ въ гражданской службѣ и состоялъ при Генералъ-Губернаторѣ: въ награду его преданности, на имѣніе, общее обомъ братьямъ, не было положено запрещенія. Ходяця слухи (и доходила до кого слѣдуетъ) будто преданнѣйшій братецъ снабжалъ брата-дovouцу всевозможными свѣдѣніями; будто онъ въ задушевномъ кругу оправдывался въ мнимой преданности Русскому Правительству необходимостью спасти имѣніе и, такимъ образомъ, обезпечить брату, которому, при неудачѣ, придется бѣжать, хоть какой ни будь кусокъ

Русскихъ; войска ихъ въ отдаленныхъ частяхъ свѣта обративъ свое оружіе, и на сушѣ и на морѣ, противъ Шведовъ и Турокъ, и, навѣрное съ этѣми Державами не заключать миръ и не отдадутъ ни завоеванныхъ крѣпостей, ни покорившихся богатыхъ и обширныхъ владѣній, для того лишь, чтобы поспѣшить въ Польшу на защиту и поддержаніе бунта крестьянъ противъ Господъ. Да и Польскія войска, разставленныя всюду по границамъ, задержали бы ихъ приближеніе, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не слѣтѣли ли бы съ плечъ головы возмутелей.

Въ третьихъ: положимъ, что грубый маркитантъ, или Попъ простакъ, убѣжденный имъ, или темный крестьянинъ, возбуждае-

---

хлѣба, но этѣмъ слухамъ не вѣрили. Пріѣхаль, наконецъ, въ Вильну М. Н. Муравьевъ: преданнѣйшій сейчасъ же смекнулъ, что оставаться ему въ Вильнѣ небезопасно. Плечникъ придумалъ слѣдующую сцену, которая и передана намъ очевидцемъ. Во время одного утренняго пріема, онъ подавъ Генералу Муравьеву докладную записку о переводѣ на службу во внутреннія Губерніи. — «По чему же Вы хотите перейти?» спросилъ тотъ по прочтеніи записки. — «Ваше Высокопревосходительство (отвѣчалъ преданнѣйшій, разводя руками по правиламъ выхованнаго паняча, т. е., сперва лѣвою, а потомъ правою): братъ мой въ шайкахъ; я, какъ вѣрноподанный, смотрю съ отвращеніемъ на его преступленіе, но не могу же не сожалѣть о немъ, какъ о братѣ; это сожалѣніе (выставляется извѣстнымъ образомъ правая рука) ставится мнѣ въ вину со стороны Русскихъ; съ другой стороны (лѣвая рука) меня преслѣдуютъ ожесточеніи и клеветы ослѣпленныхъ земляковъ и дѣлаютъ пребываніе здѣсь невыносимымъ (наклоненіе головы и вздохъ). — «Но вѣдь Вы искренно преданы Государю и Отечеству!» — «Точно такъ, Ваше Высокопревосходительство» (лѣвая рука). — «Но вѣдь Вы вѣрноподанный?» — «Точно такъ, Ваше Высокопревосходительство: тяжелыми жертвами, борьбою съ самимъ собою и со сторонними внушеніями, доказываю я свою вѣрность» (правая рука). — «И прекрасно; и я вѣрноподанный и преданный Отечеству чловѣкъ, и меня здѣсь не жалуютъ, да еще какъ! А между тѣмъ я служу. Служите и Вы; клеветѣ не только на Васъ, но на кого бы то ни было, я не повѣрю; но если оправдаются подозрѣнія (прибавилъ Генералъ), о которыхъ мнѣ доложено, будьте увѣрены, я Васъ повѣшу.» — Жалкій плечникъ, не приготовившійся къ подобной оговоркѣ, тутъ же упалъ въ обморокъ.

Припомнимъ также, къ какимъ исключительно Польскимъ средствамъ прибѣгалъ тоже извѣстный Адамъ Гуровскій, чтобы возвратитъ секвестрованные свои имѣнія, и спросимъ, о чемъ хлопотеть нынѣ Шляхта и Ясновельможные: объ убѣжденіяхъ, или о маенткахъ? Перев.

мый противъ Господина, не умѣли выводить заключеній; всякій, однако жъ, знаетъ, что составленный заговоръ, болѣе нежели что ия будь, нужно держать въ тайнѣ; если намѣреніемъ ихъ было устроить рѣзню, то правдоподобно ли, чтобы они стали выдавать до времени то, о чемъ думали, всенародно разсказывать, похваляться, возбѣщать страшно угрожающія бѣдствія, что все могло бы приблизить для нихъ не осуществленіе заговора, но скорѣе оковы и ужасную смерть?

Въ четвертыхъ: развѣ мало въ Россіи Государственныхъ Министровъ, Главнокомандующихъ, Генералъ-Гурбенаторовъ, Градскихъ Головъ и другихъ должностныхъ лицъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ маркитанты жили осядло, или чрезъ которыя проходили, чтобы этой нѣсколькотысячной (какъ говорятъ) толпѣ никто, кромѣ Елизаветы Второй, этой великой Государыни, не могъ подписать тѣхъ презрѣнныхъ грамотъ, и въ добавокъ на преступленіе, и естественнымъ, и Божіимъ, и гражданскими и международными законами каждаго человѣческаго общества считаемое отвратительнымъ? Или, если бы у маркитантовъ были этѣ грамоты, кѣмъ бы то ни было въ Россіи подписаны, развѣ могли бы они утаить ихъ, когда, бывъ схвачены вмѣстѣ съ совоѣми товарами, посажены подъ крѣпкую стражу, подверглись строжайшему осмотру и допросу? Развѣ, послѣ многократныхъ обѣщаній освобожденія, они не сознались бы въ замышленномъ ими? Нѣтъ ни чего дороже жизни; а между тѣмъ сколько ихъ ни перемерло въ тяжкомъ заключеніи, нѣкто не сознался; обвиненный же въ этомъ преступленіи Сускимъ Священникомъ и приговоренный къ смерти, хотя не разъ слышалъ, что за добровольное признаніе ему будетъ дарована жизнь, однако жъ и на послѣдней ступени кричалъ, что «Гину безвинно!»

Доказательства ихъ невинности слишкомъ убѣдительны, чтобы разбирать ихъ съ болѣе глубокимъ вниманіемъ. Причины притѣсненія Русскихъ Священниковъ и нашихъ крестьянъ слишкомъ очевидны, чтобы искать для нихъ другого источника. Всякій человѣкъ по природѣ стремится къ свободѣ: видя, что она есть у подобныхъ ему людей, и даже у тѣхъ, которые, переходя съ мѣста на мѣсто и высасывая его кровь, подобно ядовитымъ ящерицамъ, раги Религіи, не терпятъ Христіанскаго имени, вредны благо-

устроенному обществу ²⁸ и не принадлежать къ общему его стр Печальнымъ опытоуъ . убѣждается онъ, что лишь онъ одинъ своемъ остояніи осужденъ на вѣчное рабство; что все, что ни имѣеть, кромѣ одной души, Господское. Что же удивительно если подъ часъ ему становится горько, и если скорбь и отча: иногда выжмутъ изъ него слово не по нашему вкусу?

Пожалуй, кто ни будь возразить, что я ставлю Русскихъ С щенниковъ на одну доску съ холопами; но желалъ бы я знать, и нится ли ихъ состояніе отъ состоянія холоповъ послѣ постановле Convocationis, послѣ его произвольнаго толкованія нами, послѣ перещиныхъ насилій, колодокъ, послѣ оковъ, темницъ, смерты приговоровъ? Развѣ не убѣдился ли мнѣ во всемъ этомъ ве кими заключеніями Священника Яна, помощію которыхъ онъ ус новляетъ и почитаніе для нихъ, и отличіе ихъ льготъ отъ льготъ Священниковъ Московскихъ? (См. въ Перечнѣ букв. № 9).

А спросилъ бы я этого же Яна: дѣло ли разумнаго че вѣка, богобоязненнаго монаха, благочестиваго Священника, и ко льстить ничтожной гордости, помогать недовому ожесточен и писать на бумагѣ чужія льготы, а въ исполненіи ихъ вид: постоянно сопротивленіе? Захотѣлъ ли бы онъ принять на се эту колодочную честь и это кандаальное почитаніе? Приглашен бы его изъ великолѣпнаго монастыря, отъ обильнаго содержан въ село, къ бѣдному приходу, на черствый кусокъ хлѣба, аи ботанный кровавымъ потомъ; сдѣлать бы изъ него Попа, и чить его законамъ любви къ ближнему и человечеству, чтобы Христіянски, не ваярая на лица, будь они соотечественники, и иноземцы, каждаго просящаго принять въ свой домъ, а когда и навистный сосѣдъ станетъ за это силою тащить его изъ до и пожелаетъ украсить ноги его огромными колодами, посовет вать бы ему тогда, на основаніи: «Neminem caritativum, i jugę victum» (Ни кого не станемъ сажать въ заключеніе, кромѣ и говоренныхъ закономъ), чтобы онъ тотчасъ же воспользовался и

²⁸ Жиды суть монополисты бѣднаго холопа, которымъ жестокий Господишъ ти даетъ его со всѣмъ его цмуществомъ.

воиъ гражданина: «Invasor a se ipso occiditur» (Насильникъ самъ собою убивается). А послѣ всего этого наблюсти бы за дальнѣйшей его судьбой, чтобы онъ домогался, какъ самъ выражается, почтенія къ себѣ, сообразно съ высокимъ достоинствомъ своего сана, а болѣе всего, чтобы сильнѣе проникся убѣжденіемъ, можетъ ли кто либо, кромѣ духовной власти, покарать его въ Польшѣ?

Но оставимъ въ покоѣ убогаго монаха, который, отрехшись отъ суетности свѣта, скрывается въ сѣни монастырской, какъ криса въ Голландскомъ сырѣ.

Вы сообщаете мнѣ, что, въ своей разбойничьей Коммисіи, мы, ни чего не открыли, кромѣ глупости людей застрашанныхъ, или предвѣренно подговоренныхъ; что тоже оказалось и въ Гродскихъ Судахъ, прошенныхъ невинною кровью. Позвольте мнѣ добавить къ этому, что ни до чего и не доберетесь, хотя бы перегубили всѣхъ Поповъ и холоповъ. Невинность имѣетъ то преимущество, что въ какую бы найчернѣйшую клевету ни облекли ее, она будетъ носить ее одну лишь минуту, и позорная смерть приноситъ ей наибольшую славу. Можно всѣми силами стараться поклепать Русиновъ въ этомъ злодѣйствѣ; можно свое жестокое побужденіе обставить искусно подобранными доказательствами, но нельзя обмануть глаза прозорливаго общества, какъ своего, такъ и сосѣдскаго.

Россія уже прислала сюда Императорскій «Указъ», данный тамошнему Синоду, и также «Распоряженіе Синода.» Посылаю Вамъ списокъ съ нихъ, чтобы Вы видѣли, какимъ образомъ Россія объясняетъ, что, помимо ея намѣренія, произошла въ Польшѣ неурядица, и распустили бы, что изъ этого можетъ послѣдовать. (См. въ Перечнѣ букву O).

Поздно уже привязываться къ маркигантамъ; должно сознаться въ недостаточности доказательствъ введенога на нихъ преступленія, и въ томъ, что мы нарушили ихъ торговыя права. Русскій Полномочный Посолъ зорко слѣдитъ за Депутацію (Коммисію) *

* См. «Содержаніе доклада, поданнаго Сенату отъ Депутаціи, назначенной до-

по дѣлу Архіерея Садковскаго, и если онъ окажется невиннымъ, то за насиліе, нанесенное его особѣ, за продолжительное его заключеніе, за оскорбленіе его сана, а въ его лицѣ и всего Русскаго народа, мы не раздѣляемъ такъ дешево, какъ съ нашими Попами.

На нихъ обращаю я свое вниманіе. Какія это добрыя созданія, трудолюбивыя, подобно пчеламъ, приносящимъ намъ полное меда улья; а мы за это избиваемъ ихъ поголовно.

Такова у нихъ и matka. Я ее слишкомъ хорошо знаю, и могу живыми красками нарисовать вѣрный ея портретъ.²⁹ Она не вступаетъ за ихъ неупрекосновенность, по тому что безсильна; въ сущности у нея есть и разумъ и добродѣтель, но по какой-то бессмысленной недовѣрчивости къ себѣ самой, не смѣетъ она являться такою, какова на самомъ дѣлѣ. Годится она только подчиняться, а не управлять. Каждое предпріятіе кажется ей невозможнымъ. А если, наконецъ, начинается что либо, то удобная минута уходитъ: она умѣетъ лишь сомнѣваться, а не рассуждать основательно; едва сдѣлаетъ какой либо шагъ къ рѣшенію, какъ тотчасъ же что либо другое кажется ей лучшимъ,³⁰ отъ коего она снова отступается

прашивать обвиняемыхъ въ бунтахъ, въ засѣданіе 26 Марта, 1790 года», напечат. въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1865 г., кн. 2, отд. V, стр. 1—28. О. Б.

²⁹ Портретъ этотъ Епископа Левинскаго.

³⁰ «Самое замѣтное преимущество слугъ Господня алтаря, которые почтены его особеннымъ намѣстничествомъ, есть то, что когда истина является священнымъ залогомъ, они съ ней тѣсно связываются и проповѣдуютъ ее безъ боязни. Ихъ сердце должно быть святилищемъ истины и могущественнѣйшей твердыней, которую не могли бы сокрушить ни страхъ, ни надежда, ни временныя расчеты и ни какая человѣческая сила. Ей довѣрено это драгоценное сокровище, и они должны защищать его отъ всякой дерзости заблужденія. Шаткость, угодливость, а особенно молчаніе тамъ, гдѣ должно говорить, ослѣпили бы ихъ уста, посвященные истинѣ. Нужно, чтобы та святая правда блистала на ихъ лицахъ съ возвышеннымъ упованіемъ, и чтобы она вышла изъ глубины ихъ сердца. Этой правдой предки подчинили себя свѣту, ею уничтожаются и теперь всякіе порывы безсильнаго недоброжелательства;

ради чего либо иного; свойства ея вѣчно не на своемъ мѣстѣ: гдѣ нужна власть, тамъ является неумѣстная сговорчивость; гдѣ сговорчивость, тамъ даже до низости доходящее прислуживанье; гдѣ нужна справедливость, тамъ на напрасное подчиненіе партіямъ; гдѣ нужна щедрость, тамъ обнаруживается скупость; гдѣ нужна стойкость въ извѣреніяхъ, для отпора всякой назойливости, тамъ дѣтская боязнь чего-то. И во всемъ этомъ одно лишь служеніе личнымъ выгодамъ. Вообще, по мнени, это matka, по сущности же при ней дѣтиа бѣда.

Присмотрѣвшись къ этому портрету, перестанете удивляться, что разстриженіе послѣдовало, не смотря на вопіющіе промахи, которыхъ нельзя было не замѣтить въ Гродскомъ приговорѣ. Достаточно было и того, что его настойчиво требовали сильные люди. Сомнѣ-

ствомъ, вся ихъ сила основывается на правдѣ; но когда они отступаютъ отъ нея и не смѣютъ ею пользоваться, то становятся низкими и наиболѣе достойными презрѣнія, и свѣтъ тѣмъ болѣе постепенно уменьшаетъ къ нимъ свое уваженіе, чѣмъ болѣе они стараются ему нравиться. При томъ пламенная любовь къ нимъ вѣрнаго ихъ люда одушевляетъ ихъ сословіе, и различныя изъ постановленія суть лишь различныя части этой любви. Всѣ ихъ дѣйствія считаются чуждыми и бесполезными, если они не устремляются къ этой цѣли. Далекиа отъ всякаго исканія временныхъ благъ, они посвящаютъ всѣ свои способности, труды, усилія, имущество и всю жизнь свою попеченію о спасеніи челоуѣчества. Не презрѣаютъ ихъ ожиданія тѣхъ, кто вѣритъ, что въ лицѣ ихъ они найдутъ правосудныхъ отцовъ, утѣшителей и вѣрныхъ руководителей. Они не ищутъ обогащенія посредствомъ грабительства своей касты; и какъ же могла бы они дозволить себѣ этотъ грязный торгъ и эту несправедливую корысть, когда они посвящаютъ себя всецѣло спасенію и поддержкѣ братіи, когда они не обращаютъ вниманія на собственное благо, а только на благо бѣдныхъ, и когда для нихъ, за столько положенныхъ трудовъ, единственной наградой является блаженная жизнь въ памяти народа, которой они такъ пламенно желаютъ? Ни почести, ни достоинства, ни богатства, ни что на свѣтѣ не въ состояніи поколебать ихъ мощную крѣпость. Этѣ великодушные защитники правосудія почитаютъ за счастье, если имъ удастся вырвать притѣсенную невинность изъ жестокихъ рукъ бѣшенаго гнѣва, и, исполняя прямой долгъ своего призванія, они не обманываютъ сладкой надежды несчастныхъ, которые протягиваютъ къ нимъ руки для избавленія, и хотя бы пламенная ненависть противилась имъ всеѣмъ своимъ дикимъ могуществомъ, не можетъ ихъ отклонить отъ дѣятельной защиты притѣсенныхъ, которую они должны подать.» (Масляновъ, Епископъ Клермонтскій).

ваюсь, остановится ли на этомъ дѣло, если разгоряченныя головы не уймутся. Желалъ бы ошибиться въ своихъ предположеніяхъ, но когда оглянусь на минушіе вѣка; когда нигдѣ не могу вычитать, чтобы въ нашей странѣ, посреди вѣрнѣйшаго Христіанства, предки наши воздвигали подобныя гоненія противъ духовныхъ лицъ, гоненія, которыя были свойственны лишь язычникамъ, кажется мнѣ, будто я несправедливо осуждаю Христіанство; виновато оно развѣ въ томъ, что не обращаетъ достаточнаго вниманія на различныя козни, измѣны, обманы.

А между тѣмъ и у насъ нашлись уже философы, которые стыдятся быть на столько слабыми, чтобы повиноваться какому бы то ни было требованію закона. Ихъ мудрость безконечно превышаетъ мудрость язычниковъ тѣмъ, что у этихъ была религія, а у религіи свои права; противниковъ ея общественное рвеніе присуждало искоренять. Наши же философы не только не допускаютъ ни какой религіи, но ради бы низвергнуть и небо, и землю, и алтари, и престолы.³¹ Духовные—первое и сильнѣйшее препятствіе такимъ намѣреніямъ; слѣдовательно, мало по малу должно устранить ихъ. Эти философы потребовали всѣхъ ихъ передъ судилице своего разума,

---

³¹ Есть два рода этихъ философовъ или скорѣе безбожниковъ. Одни, къ своему несчастію, люди великаго ума, обширнаго понятія и нравовъ, по крайней мѣрѣ, по наружности, не столь развратныхъ. Црвоода дни и ноща въ уединеніи, они силятся подкопать основы Религіи. Съ такимъ намѣреніемъ издають они безбожныя сочиненія, свидѣтельствующія какъ о глубокости ихъ ума, такъ и объ огромности заблужденій. Въ Польскомъ народѣ нѣтъ еще такихъ учителей, которые для земляковъ устроивали бы каведры этой извы, но, вмѣсто нихъ, у нѣкогда правовѣрной Польши есть безчисленное множество подчиненныхъ служителей, т. е., безбожниковъ другого рода, которые, набравшись аду за границей, заражаютъ имъ всѣ общества. Они отважно ведутъ споръ о глубочайшихъ тайнахъ Вѣры, не разумѣя даже первыхъ ея начатковъ или Катихизиса. Если спросить ихъ о доказательствахъ тому, о чемъ такъ упорно мудрствуютъ, весь ихъ отвѣтъ будетъ состоять въ томъ, что прикажутъ вѣрить словамъ своихъ наставниковъ. Сердце человѣческое есть колыбель безвѣрія; устрешенное злодѣшаніемъ, оно не терпитъ арма, высвобождается изъ него, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтожить и свои обязанности для него. Вѣра становится подозрительною. Если хочешь кого либо снова сдѣлать вѣрующимъ, то назови добродѣтелямъ любимыя преступленія его, и онъ никогда отъ такой Вѣры не отступитъ. (Это примѣчаніе написано Бродовичемъ собственноручно. Я. Г.).

и весьма благоуразумно предположили ударить сперва на слабѣйшую сторону, чтобы потомъ, при успѣхѣ, уничтожить и сильнѣйшую. Ихъ число не мало и со дня на день увеличивается распространяющимися по странѣ книгами, которыя читаетъ наша молодежь и съ удовольствіемъ поглощаетъ этотъ ядъ, смѣется надъ Благочестіемъ, издѣвается надъ Духовенствомъ и святѣйшими тайнами Религіи. Есть уже у нихъ и свои послѣдователи едва ли не въ каждомъ сословіи и между должностными людьми; они готовы ухватиться за всякое замѣтное обстоятельство, чтобы, облекши его именемъ общественнаго блага, коего усерднѣйшими равнителями стараются показать себя, воспользоваться имъ для тайныхъ своихъ замысловъ. Они первые готовы унижаться до заявленія особеннаго шая почтенія, чтобы, приобрѣта довѣріе, уваженіе и благосклонность, покорывшись нашимъ благодушіемъ и, вооруживши насъ, вѣрныхъ, противъ вѣрныхъ же, сдѣлать насъ низкимъ орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ. Такимъ-то тономъ звучитъ теперь громкое слово «гражданинъ» (obywatel) и заглушаетъ всѣхъ другихъ членовъ общества. Такимъ-то шагами стремится Отечество наше къ паденію. Преданныя сердца болѣютъ, но помочь не могутъ.

Изъ слѣдующихъ новостей сообщу Вамъ въ особенности, что Лукаевичъ, Священникъ Сускій, умѣлъ вести себя согласно съ данными ему наставленіемъ, но все таки не признался въ томъ, будто бы на письмѣ маркиганта прочелъ въ подписи такія слова: «Ekat.», а только всю вину свалилъ на маркиганта.

Вамъ бы слѣдовало и на это дать ему особый наказъ. Ваши Волыницы водили эту глуповатую деревенщицу, какъ медвѣдя, по всѣмъ обществамъ и въ особенности представили его Сеймовымъ Чинамъ, съ тѣмъ, чтобы ему назначили значительную для него награду. Разныя предлагались отличія и достоинства, на пр., Епископскій санъ (вотъ быдабы радость для женатаго духовенства, которое добилось бы своихъ старинныхъ правъ на Епископскую митру!); да этому Попу не достаетъ бездѣлицы—разума! Кончилось тѣмъ, что Вашъ великій Защитникъ, по волѣ Его Величества Короля и скофедерованныхъ Чиновъ, получилъ золотую медаль, которую долженъ носить на груди, въ доказательство своей вѣрности, а точнѣе говоря, въ доказательство убійства невиннаго маркиганта. Коронная казна отсчитала ему

двѣ тысячи Польскихъ золотыхъ, а Сеймовые Маршалы подписали свидѣтельство, въ доказательство его заслуги и въ полученной за благородное сердце награды. ²² Выше упомянутый Священникъ Сускій, защищенный такимъ вниманіемъ Чиновъ, получилъ, въ добавокъ, отъ Папскаго Нунція письмо къ своему Епископу объ освобожденіи его отъ церковныхъ наказаній, которымъ подвергаются духовные за убійство. ²³

Было бы неприлично отпустить безъ награды такого просвѣщеннаго, невинно преслѣдуемаго, Священника, каковъ Громачевскій, Благочинный Кременецкій, а по тому и онъ получилъ отъ Короля медаль, письменное свидѣтельство отъ Маршалковъ въ невинности и 1200

²² Горе тому благородному сердцу, которое отважится быть подобнымъ образомъ благородно; горе увлеченному, но несравненно большее горе увлекшему, вспомазовавшемуся чужой глупостью на погубленіе невиннаго и на всеобщее притѣсненіе. Но такимъ чувства Христіанскихъ сердець, а философъ привыкъ обходиться безъ нихъ. Во всей этой козни онъ дѣйствовалъ архи-философски.

²³ «Станиславъ Налентъ Малаховскій и проч., Князь Казимиръ Сапега и проч., Маршалки. Объявляемъ всѣхъ вообще и каждому въ особенности, кому о томъ вѣдать надлежитъ. Не тайна всему народу смуты, возникшія изъ холопскихъ бунтовъ, которыхъ страшное начало ознаменовалось казнями преступныхъ и всеобщей тревогой. Въ числѣ людей, обрекавшихъ невинныхъ въ жертву своей злобѣ, былъ одинъ Русскій маркизъ, который усиленно поколебать добродѣтель Священника Лукаевича, обратилъ человеколюбіе его въ озлобленіе и склонилъ его къ бунту. Сказанный маркизъ понесъ надлежащую кару, а Лукаевичъ, приходскій Священникъ Греческаго Исповѣданія, соединеннаго съ Римскою Церковію, дважды допрошенный на мѣстѣ, былъ поставленъ передъ Депутаціей, назначенною Сеймомъ для изслѣдованія обвиненныхъ въ бунтѣ. Изъ прочитаннаго въ Депутаціи слѣдствія и очевидныхъ ставокъ открылось, что злодѣйство не имѣло доступа къ сердцу Священника, и что онъ указаніемъ подговорщика къ бунту открылъ замышленное преступленіе, и такимъ образомъ участвовалъ въ своевременномъ устраненіи бѣдствія, угрожающаго жителямъ того края. Найяснѣйшій Король и Пресвѣтлыя Чины, получивъ увѣдомленіе объ этомъ отъ назначенной для того Депутаціи, поручили намъ, Маршалкамъ, наградить добродѣтель Священника Лукаевича и засвидѣтельствовать непорочность его поступковъ. Во исполненіе чего, мы опредѣлили выдать Лукаевичу изъ Коронной казны двѣ тысячи Польскихъ золотыхъ. Данную ему медаль дозволяемъ носить на груди, во свидѣтельство подвига. Въ заключеніе такое наше засвидѣтельствованіе утверждаемъ подписками и проч.»

злотыхъ изъ Короннаго Казначейства. Обѣ эти медали, данныя поименованнымъ Священникамъ, изображали, съ одной стороны Королевскій портретъ, а съ другой гербы, Коронный и Литовскій, съ надписью: «Pro fide, lege et patria» (за Вѣру, законъ и отечество), и были величиною съ Московскій рубль.³⁴ Вѣроятно, теперь оба Священники уже на Волыни, по тому что прошло боате двухъ недѣль, какъ они выѣхали изъ столицы.

На этомъ сообщеніи намѣренъ я былъ кончить письмо, но получилъ извѣстіе, что схваченъ бѣжавшій изъ подѣ стражи Князь Адамъ Понинскій, Подскарбій Коронный, и сегодня отвезенъ въ казармы. Узнавъ о всѣхъ подробностяхъ, пишу Вамъ и объ этой новости.

Извѣстно, за что этотъ Князь уже нѣсколько недѣль находился подъ политическимъ заключеніемъ. Прибывшему сюда сыну его отвели помѣщеніе стѣна объ стѣну съ отцемъ. Онъ навѣстилъ заключеннаго,

---

³⁴ «Стайнславъ Наленць Малаховскій, Князь Казимръ Санега, Маршалки: Всѣмъ вообще и проч. Печальныя признаки бунтовъ, грозящія странѣ смутою, обратили внимательное усердіе гражданъ изслѣдовать источникъ ожидаемаго несчастія. Когда въ числѣ обвиненныхъ въ подстрекательствѣ холоповъ къ возстанію противъ Высочайшей власти страны (и Господъ своихъ, Священникъ Павелъ Громачевскій, Греческаго Обряда, соединеннаго съ Церковью Римскою, Благочинный (Декань) Кременецкій, изъ Благочинія Луцкой Епархіи, подвергнутый двукратному слѣдствію, былъ привезенъ наконецъ въ Варшаву, и по приказанію Его Королевскаго Величества и Пресвѣтлыхъ Чиновъ Рѣчи Посполитой, Депутація, подѣ нанимъ, Маршалковъ, предсѣдательствомъ назначенная чрезъ Сеймовыхъ Членовъ, послѣ розысканій и очныхъ ставокъ, нашла доблести сего Священника Громачевскаго непорочнымъ, а доказательства невинности торжественнымъ, Его Милость, Король, и Пресвѣтлыя споконедероуемые Чины Рѣчи Посполитой, извѣщенные Депутаціею о невинности выше упомянутого Благочиннаго поручили намъ, Маршаламъ, чтобы мы, торжественнымъ засвѣдительствованіемъ, увѣрили все общество въ томъ, что Кременецкій Благочинный, Священникъ Громачевскій, не былъ уличенъ ни въ какомъ преступленіи, и что вообще обвиненіе, основанное лишь на ложныхъ признакахъ, въ сущности далеко было отъ чего либо даже похожаго на преступленіе. Такое же также засвѣдительствованіе и проч. и проч., собственноручно подписываемы. Дано въ Варшавѣ и проч.»

родителя и, послѣ краткаго свиданія, возвратился къ себѣ. На слѣдующій день отецъ пригласилъ на обѣдъ пріятелей, и въ то время, какъ угощаль ихъ въ залѣ, сынъ постарался пробить въ стѣнѣ дыру, именно въ томъ мѣстѣ въ спальнѣ Князя, гдѣ огромный комодъ заслонялъ стѣну; когда же уподчтиванные пріятели разошлись и наступила темная ночь, сынъ вывелъ отца черезъ дыру и сопровождалъ его въ бѣгствѣ. Разосланы были гонцы по всемъ дорогамъ, обѣщана большая награда тому, кто схватитъ бѣглеца; счастье послужило Рудницкому, который, съ эскадрономъ народной конницы, догналъ Князя въ селѣ Рубинковѣ, подъ Торунемъ, и доставилъ сюда. Рудницкій получилъ награду, а Князь посаженъ уже не подъ политическій, какъ прежде, а подъ строгій дозоръ. Сынъ не признанъ виновнымъ, во уваженіе къ законамъ природы, которые обязывали его спасать отца. Чѣмъ кончится это заключеніе, не извѣстно, но весьма любопытно. ²⁵

Полагалъ бы я, что Князя, убѣгающаго за границу, ловить не слѣдовало, по тому что и послѣ Сеймоваго суда его ожидаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ изгнаніе изъ Отечества. Пускай бы уходилъ себѣ по добру, по здорову туда, куда влечетъ его собственная воля. Кто знаетъ, какая еще судьба ожидаетъ Отечество? Теперь же, поручая себя постоянной дружбѣ Вашей, остаюсь и проч.

---

²⁵ Къ единовластію не приложимо правило, что: «Ubi multi pessant, nemo punitur» (Гдѣ все виноваты, тамъ ни кто не наказывается). Если же Король удѣляетъ всему народу свои качества, то и народъ можетъ быть проникателемъ и справедливымъ. Въ Рѣчи Посполитой, въ которой ядуть толпа, каждый, оберегая свою безопасность, не попуститъ погубить своего соучастника, съ которымъ имѣлъ честь плыть въ одной лодкѣ. Пришлось бы 100,000-ое войско раздѣлить на малкіе отряды, которые оберегали бы благородныхъ узниковъ, подобныхъ Князю Лопицкому, но черезъ чуръ уже дороги такіа драгоценности и у Отечества не хватитъ для нихъ казны.

ОТВѢТЪ ПРІЯТЕЛЮ

ВЪ ВАРШАВУ, въ послѣднихъ дняхъ Августа.

Много разъ перечитывалъ я Ваше письмо, и не могу довольно начитаться. Оно объясняетъ мнѣ то, чего я до сихъ поръ или вовсе не зналъ, или на что не обращалъ вниманія. Я писалъ лишь объ историческихъ событіяхъ, какіе приходили мнѣ на мысль, а Вы учите меня теоріи и даете свѣтильникъ, при свѣтѣ котораго съ устремленною можнойти отъ потока къ источнику, отъ словъ къ сердцу, отъ дѣйствій къ сокровеннымъ ихъ причинамъ. Я пошелъ за этѣмъ свѣтильникомъ, и первый случай показалъ мнѣ, что ученикъ не ошибся въ возвышенныхъ соображеніяхъ своего учителя. Считаю себя обязаннымъ подѣлиться съ Вами удовольствіемъ, полученнымъ мною этѣмъ путемъ.

Взялъ я къ себѣ двухъ служителей, прослужившихъ годъ у одного Господина. Бывшій ихъ Господинъ и по должности, и по образу своихъ мыслей, пользуется большимъ значеніемъ въ сдѣшленъ Воеводства. Вольныя рѣчи, смѣлая возраженія, бойкіе отвѣты, трескучія мишніа, рѣшительный тонъ пріобрѣлъ ему имя чело-вѣка просвѣщеннаго, но, вмѣстѣ съ этѣмъ, породили въ нѣкоторыхъ, какъ онъ говорилъ, фанатикахъ подозрѣніе, будто Религія не можетъ быть для него выгодною, если онъ такъ часто борется съ ея постановленіями. Не въ моихъ правилахъ распрашивать слугъ о Господской жизни, по тому что такое любопытство благородному чело-вѣку не прилично; по этому безъ всякаго умысла спросилъ я новыхъ слугъ своихъ только о томъ, по своей ли волѣ отошли они, или ихъ выслали? Они отвѣчали мнѣ, что сами, по окончаніи года, просили отпустить ихъ. За тѣмъ я пожелалъ знать, по чему не хотѣли они оставаться у хорошо платящаго и нескупо живущаго Господина?

Этотъ вопросъ привелъ ихъ въ какое-то замѣшательство, стали они между собою переглядываться, а я, не получая отвѣта, подумалъ, что они предъ своимъ Господиномъ сдѣлали какой ни будь проступокъ, о которомъ я до тѣхъ поръ не зналъ, и по тому, заботясь о своей безопасности, строго сказалъ имъ, чтобы они тотчасъ же отвѣчали на мой вопросъ, иначе отошлю ихъ къ прежнему Господину съ совѣтомъ пересмотрѣть хорошенько все у себя въ домѣ.— Не тревожьтесь, Сударь, и не сомнѣвайтесь въ нашей вѣрности; къ тому же въ Вашей власти справиться о насъ въ домѣ прежняго нашего Барина и получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія, чѣмъ тѣ, какія даны о насъ на бумагѣ: это намъ ни сколько не повредитъ. Насъ привелъ въ замѣшательство неожиданный вопросъ Вашъ, а еще болѣе мученіе преступной совѣсти, заставляющей сознаться, что, будучи слишкомъ вѣрными своему Господину, мы стали невѣрными Богу.

Съ любопытствомъ слушалъ я ихъ признаніе и, примѣтивъ на глазахъ ихъ слезы, ясный признакъ ихъ религіозности, утѣшалъ ихъ, какъ Католикъ, что нѣтъ столь тяжкаго грѣха, котораго бы Богъ не простилъ, коль скоро они исправятся. Не буду описывать Вамъ длинныхъ церемоній, прежде чѣмъ дѣло дошло до признанія. Они признавались съ такимъ смиреніемъ, сокрушеніемъ и полною покорностью моей волѣ, какъ будто ожидали неминуемой смерти. Они рассказали мнѣ, какъ много гостей съѣзжалось къ ихъ Господину; какъ долго, запершись въ комнатахъ, разсуждали они между собою, и какъ послѣ этого совѣщанія Господинъ призывалъ ихъ къ себѣ; какъ посылалъ ихъ на исповѣдь Священникамъ (а въ то время у Русскихъ наступалъ праздникъ Сошествія Святаго Духа); какъ переодѣвалъ ихъ въ крестьянскую одежду и училъ, чтобы на исповѣди сказали, будто они подговорены къ бунту противъ Господъ; будто они дали уже слово явиться въ назначенное время и мѣсто; будто они взяли деньги для того, чтобы и другихъ склонить къ участию въ этомъ дѣлѣ; будто ихъ сильно убѣждали; будто они надѣются вырѣзать ненавистныхъ Ляховъ и Жидовъ и освободить крестьянъ отъ этого рабства; наконецъ будто, не зная навѣрное кто изъ нихъ погибнетъ во время этого бунта, они просятъ отпущенія грѣховъ и благословенія на такое дѣло. Разсказывали, какъ Господинъ приказывалъ имъ помнить, что на это скажутъ Священники, какой будутъ давать совѣтъ; все это велѣлъ передать ему въ точности.

Такимъ образомъ они, увлеченные обѣщаніями Господина, не обращая вниманія на святотатственный поступокъ, исполнили все, чему были научены. Но въ рукахъ Божіихъ это дѣло должно было восторжествовать надъ людскимъ суетумдріемъ. Духъ Святый разными дарами просвѣтилъ простыхъ людей, избранныхъ Имъ для своего земнаго намѣстничества. Они представляли притворно кающимся, что любовь къ Богу и къ ближнему одна безъ другой быть не могутъ, и что человѣкъ, не имѣющій сихъ добродѣтелей, не получить спасенія. Грозили вѣчнымъ осужденіемъ на судѣ Господа Бога, а прежде него и сдѣсь, на землѣ, ужасною смертію, если они рѣшатся на такое преступленіе. Приказали, подѣ страхомъ не отпущенія грѣховъ, выдать зачинщиковъ бунта и велѣли, для удостовѣренія ихъ въ этомъ, полученные деньги возвратить своимъ Господамъ; настоятельно требовали, чтобы они непременно отклонили отъ злаго намѣренія тѣхъ, кого сами подговорили.

Съ этѣмъ возвратились они къ своему Господину, и, кажется, не одни они, но и другіе, въ разныхъ мѣстахъ подученные своими предержащими, чистосердечно рассказавъ ему все, что услышали на исповѣди; вмѣсто ожидаемой награды, они пріобрѣли нерасположеніе Господина за то, что не сумѣли обдѣлать порученное имъ дѣло. По этой причинѣ они, по окончаніи года, и отошли. Случай этотъ убѣждаетъ меня, что какъ только кто свергнетъ съ себя ярмо Религии, то уже нѣтъ для него святиня, которой бы онъ не поправилъ; нѣтъ преступленія, на которое бы не рѣшился, по тому что ему кажется гораздо удобнѣе не знать другого закона, кромѣ своихъ страстей. Признаюсь, однако жъ, не понимаю отвѣта этого Господина, который онъ далъ своимъ слугамъ: по тому что какъ же они не сумѣли обдѣлать порученное имъ дѣло? Ужь не были ли они обязаны угадать намѣренія своего Господина, и, лодя до преступнаго святотатства, прибавить къ нему, по возвращеніи отъ исповѣди, клевету? Предоставляя это Вашему разсужденію, обращаюсь къ описанію дальнѣйшаго хода сдѣшнихъ событій.

7, 8, 9-го Іюня по нашему Мѣсяцеслову у Руси былъ праздникъ Сошествія Св. Духа. Въ это время снова какъ будто адъ узналъ всю злобу для того, чтобы возбудить въ умахъ уже нѣ-

сколько утихшее отъ времени волненіе. По тому что когда спокойно прошли сроки, какъ бы назначенные для рѣзни, т. е., Свѣтлое Воскресеніе, наше и Русское, потомъ Юмине воскресенье и Вознесеніе Господне, то распаленнымъ головамъ показалось, будто рѣзня навѣрно будетъ совершена въ Троицкіе дни. Тогда же наступалъ срокъ Земскихъ Свято-Троицкихъ Судовъ; собрались мы, всѣ комиссары Воеводства; караулы были усилены; разосланы лазутчики по дорогамъ, по окольнымъ городкамъ и деревнямъ; возобновлены прежнія донесенія, по своей живости давно уже потерявшія силу, или сочинены новыя, схожія съ прежними, до того, что несчастная Русь, не имѣющая, кромѣ Бога, другихъ свѣдѣтелей и защитниковъ ихъ невинности, должна была трепетать при каждомъ такомъ случаѣ. Сказать правду, было между нами нѣсколько такихъ, которые умышленно сочиняли эти басни, а потомъ разглашали ихъ посредствомъ подставленныхъ для этой цѣли людей. Это было въ выгодахъ Комиссіи. Комиссарамъ хорошо было жить въ Луцкѣ на отъсуду доставляемомъ бесплатномъ продовольствіи; хорошо было комиссарамъ, при такой дороговизнѣ, домашніе свои расходы оплачивать изъ общественныхъ сборовъ, а лошадей гражданъ, данныхъ ополченцамъ для общественной службы; употреблять для своихъ поѣздокъ, да и самихъ ополченцевъ брать себѣ въ услуженіе; и все это подъ видомъ величайшей заботливости объ общей безопасности.

Уже власть наша стала было терять свою силу; уже граждане стали шептаться между собою о расходахъ, что они только намъ, празднымъ, доставляютъ удобства и напрасно разоряютъ своихъ холоповъ. По этому мы обнародовали къ нимъ Универсалъ, чтобы они именно въ такое время, когда бунтъ еще не подавленъ, и когда искра, засыпанная пѣломъ, нашедши себѣ удобный матеріалъ, можетъ вспыхнуть опаснымъ пламенемъ, немедленно высылали въ Луцкъ не явившихся ополченцевъ и недосланное продовольствіе. (См. въ Перечнѣ букву Q.)

Съ цѣлію обмануть всѣхъ, хотя это и не совсѣмъ по Католически, 10-го Іюня потребовали мы отъ Русскаго Епископа, чтобы онъ объяснился передъ нами объ Универсалѣ, изданномъ имъ по своей Епархіи, и оказали ему только то вниманіе, что выслушали его не въ томъ мѣстѣ, гдѣ собирается Комиссія, а въ пребываніи

Предсѣдателя. Мы не сдѣлали ни какого постановленія, по тому что не прилично было сдѣлать его на бумагѣ и, такимъ образомъ, оставить проицательному потомству памятникъ нашего безумія.

Однако же не надолго послужила и эта продѣлка, придуманная для поддержанія ослабѣвающей нашей власти. Въ это время вышелъ по Епархіи Универсалъ Епископскій къ народу, прямо объясняющій ему, что Вѣра одна, хотя есть два Католическихъ Обрядъ, т. е., Русскій и Латинскій. Это сдѣлано было, кажется, не столько для просвѣщенія народа, который, конечно, въ томъ не сомнѣвался, сколько для уничтоженія въ публикѣ ненависти и подозрѣнія относительно первыхъ лицъ этого Духовенства; ибо нельзя было безъ особеннаго чувства видѣть, какъ наша молодежь находящаяся частію въ палестрахъ, частію при дворѣ, а особенно въ войскѣ, указывала пальцемъ, какъ на бунтовщиковъ и зачинщиковъ мнимаго бунта, на почтенныхъ въ этомъ Духовенствѣ людей, которые, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, даже до сѣдыхъ волосъ, при общемъ одобреніи, остаются при своихъ должностяхъ; какъ молодежь эта говоритъ о нихъ самыя живыя рѣчи до того, что имъ нельзя ни оправдываться, ни заираться, ни пускаться въ опроверженія, по тому что и вѣрнѣйшія ихъ слова были перетолковываемы,³⁶ либо тот-

---

³⁶ Что касается до приходскаго духовенства, то имъ помыкали не только дворянскіе люди, но и Жиды. Большая часть Священниковъ была забирема подъ стражу по ихъ злобнымъ доносамъ; прикрикнуть на Жидъ значило то же, что принадлежать къ заговору о рѣзнѣ. Изъ происшествія, случившагося въ мѣстечкѣ Локачахъ, принадлежащемъ Вильгѣ, Воеводѣ Черниговскому, можно видѣть, какіе придирки должно было переносить простонародье. Въздвигшіе въ Варшаву Украинцы продали тамъ ведчину и возвращались по домамъ какъ разъ въ то время, когда Жиды праздновали свои кущи. Остановились они въ Локачахъ пасти волковъ, и стали просить Жидъ, чтобы они продали имъ водки. Когда Жидъ отхлѣблъ имъ на это съ наглостью, отсылая ихъ въ корчму, стали они просить, чтобы они дали имъ хоть тарелку, на которой можно было бы разрѣзать селедку. Но когда и вторично Жидъ обругалъ ихъ, то одинъ изъ нихъ сказалъ, указывая на столъ: «Отъ ту рѣжь!» (Вотъ сдѣсь рѣжь!). Въ то же мгновение Жидъ заоралъ во все горло: сбѣжалась толпа Жидовъ, передъ которыми Жидъ сталъ говорить, что проѣзжіе хотѣли его рѣзать. Напрасно бѣдные Украинцы объясняли, что это значило рѣзать на столѣ селедку. Повели ихъ на Берскій дворъ, а Управляющій, судья справедливый, приказалъ каждому изъ

часть же влекли за собою бѣду отъ живаго доноса, либо угрозы заключеніемъ, кандалами, палачемъ и висѣльцею. 16-го Іюня, с Варшавскою почтой узнали мы, что проектъ нашего Депутата І Святославскаго, относительно избранія двухъ помощниковъ для сужденія, вмѣстѣ съ однимъ Городскимъ судьей, обвиняемыхъ въ подстрекательствѣ къ бунту въ Волинскомъ, Кіевскомъ и Брячеславском Воеводствахъ, былъ единогласно принятъ всѣми Чинами Государства обращенъ въ законъ. Полагаю, что Депутатъ хотѣлъ этѣмъ угоди гражданамъ, но угодилъ ли онъ также заключеннымъ? Лица, остающіяся полный Судъ, хотя бы и не вполне были свѣдущи въ законахъ, какъ у насъ часто случается, однако же самая практика можетъ научить ихъ, и по тому они могутъ легче разбирать въ поданныхъ дѣлахъ запутанныя обстоятельства. Не понимаю, однако могутъ ли поступать справедливо помощники, обыкновенно избираемые изъ самыхъ усердныхъ, безъ этѣхъ познаній, безъ практики, не сдерживаемой ни какими соображеніями, въ особенности въ тому, что въ такомъ случаѣ личныя выгоды всегда представляютъ великими тѣ мелочи, которыя здравому и безпристрастному сужденію показались бы призракомъ чего либо. Самое предубѣжденіе много значить, а ненависть въ самомъ разслѣдованіи старается отыскивать причину ненависти. Такія побужденія весьма естественны и вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенны у людей себялюбивыхъ; а въ тому мнѣ кажется, что судьбы человѣческой жизни отданы въ менѣе надежныя руки, чѣмъ имущество.

17-го того же мѣсяца. Получили изъ Кременца извѣстіе, что тамъ находится подъ военной стражей Василій Хрущевскій, Священникъ Малыхъ Дедеркалъ, съ своею женою. Обвинили его въ томъ, что онъ будто бы обѣщалъ маркитантамъ набрать десять чело-вѣкъ, и съ ними начать рѣзню Поляковъ и Жидовъ; будто въ томъ далъ онъ имъ присягу и взялъ деньги. Сперва онъ признался, по томъ запирался и постоянно несъ околесную. Говорилъ и то, будто онъ спрашивалъ у маркитантовъ, кто бы распорядился этѣмъ дѣломъ? Тѣ называли ему какое-то безыменное Вѣдомство невѣдомъ

ихъ дать по 50 ударовъ батожемъ и выпнать изъ мѣстечка; по крайней мрѣ онъ за то достоинъ похвалы, что не отослалъ ихъ въ Луцкую Коммисію.

какого Государства, потомъ отъ этого отпирался; а жена его, какъ сначала сказала почти одно съ мужемъ, такъ и до сихъ поръ отсталась при одномъ и томъ же показаніи. Мужа съ женою допрашивалъ Судъ, предъ которымъ они сказали, что вѣкъ свой провели въ супружескомъ согласіи и любви. Подъ стражей содержались они по-рознь и не видались другъ съ другомъ; и мужъ и жена не получили ни кокого воспитанія, люди простые и совершенно ничтожные.

Послали еще ополченцевъ за другими двумя Священниками, т. е., за Чабанскимъ и Глибецкимъ, также обвинненными въ бытъ. Я передалъ Вамъ дословно это Кременецкое донесеніе, чтобы Вы разсудили, есть ли что ни будь дѣйствительное въ этомъ, и не порождено ли оно въ Священникахъ какимъ либо побочнымъ внушеніемъ, въ особенности же Универсаломъ Маршаловъ Сейма? Меня удивляетъ только постоянно одинаковое показаніе его жены ³⁷

---

³⁷ Жена его, видя, что мужъ, обманутый внушеніями сословія Кременецкихъ Царскихъ, безпрестанно мѣня свои показанія, ни сколько не улучшилъ тѣмъ своей судьбы, постоянно держалась одного показанія, полагая, что такимъ образомъ лучше защититъ себя.

Г-нъ Стройновскій, не извѣстно какихъ войскъ Поручикъ, пріѣхавъ въ Кусты и узнавъ, что у тамошняго приходскаго Священника ночевалъ маркитантъ, приказалъ связать Попа и отправить въ Здолбицу, имѣніе своего однофамильца. Бужскаго Подкоморія. Священникъ пробылъ подъ стражею нѣсколько дней, и едва былъ вынужденъ въ слѣдствіе настоятельныхъ просьбъ одной госпожи, бывшей въ связи съ вѣтмъ Поручикомъ.

Г-нъ Варпцкій, товарищъ у Ротмистра Ворцеля, Литовскаго Подстоля, придумалъ благочестивые себѣ доходы, именно: поѣхалъ онъ по приходскимъ Священникамъ Полѣсья, приказывалъ доставлять всякія удобства себѣ и своимъ яловымъ, а также и лошадамъ, и запуская Поповъ тѣмъ, будто бы дознался объ ихъ соглашеніи съ Пилипонами, какъ бы находящимися у него подъ стражей, показывалъ видъ, что хочетъ отослать ихъ въ Коммисію, и, не принимая ни какихъ оправданій, кромѣ денегъ, такимъ образомъ грабилъ невинныхъ. Наконецъ пріѣхалъ онъ въ Заборолы, зарясь на тамошняго приходскаго Священника Малевича, о которомъ зналъ, что онъ не бѣденъ. На несчастье, не засталъ онъ его дома; тогда онъ оставилъ въ приходскомъ домѣ письмо, въ которомъ извѣщалъ Священника о своей обязанности. Содержаніе письма таково: «Высланный съ порученіемъ, захватъ и предостеречь Васъ, чтобы Вы болѣе не водились съ маркитантами; и зато, что съ ними натворили уже, врятъ ли раздѣ-

19-го числа того же мѣсяца, усердствуя поддержать свое достоинство, мы снова старались поднять тревогу, увѣряя всѣхъ, что по минованіи многихъ уже сроковъ, назначавшихся къ исполненію угрожающаго несчастія, уничтоженныхъ особенно нашею за-

лаетесь. Они у меня подѣ стражей и сильно Васѣ оговариваютъ. Разсудите, что Васѣ ожидаетъ! Буду отсюда въ Корыта, и буду тамъ ждать Васѣ нѣсколько дней, чтобы Вы повидались со мною и все это уладил. Ежели же Вы не пріѣдете, будьте увѣрены, что возьму Васѣ изъ Луцкую Коммисію, а Вы знаете, что тамъ съ подобными Вамъ дѣлается. Adieu. Я. Варецкій.»

Если гдѣ либо у Священника были сыновья, хоть бы наилучшимъ образомъ воспитанные, хоть бы одиночки, которыхъ, по закону природы, слѣдовало оставлять на прокормленіе родителей, тѣхъ отряды, высланныя для сбора рекрутъ, забрали въ войско, нападали ночью на дома приходскихъ Священниковъ, влезли и силою вырывали изъ родительскихъ рукъ. Избитые и окровавленные Священники искали, и не находили, милости у начальниковъ отрядовъ. Клерикъ Янъ Коревичъ, Краковскій Студентъ, сынъ Скнытскаго приходскаго Священника, назначенный на мѣсто умершаго своего отца въ тотъ же Свѣтъ, проѣзжая черезъ Острогъ, былъ взятъ подѣ стражу стоящимъ тамъ отрядомъ за то, что не хотѣлъ добровольно ити въ военную службу. Защищалъ онъ себя правами своего Университета, но когда онѣ не помогли ему, и когда надоѣло ему нѣскольконедѣльное заключеніе, показалъ, наконецъ, подарки Князя, Каштеляна Краковскаго. Помощію ихъ освободился онъ, только весьма страннымъ образомъ. Начальникъ отряда поступилъ съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, готовящимся къ духовному званію, шлоуи по духовному, т. е., приказалъ снять съ него причетническій кафтанъ и, растянувъ на столѣ, велѣлъ ему читать акаенствъ всѣмъ Святымъ. Читалось благоговѣнно, и послѣ каждаго стиха вливались ему добрыя удары нагайкою. По окончаніи богослуженія былъ онъ выпущенъ, и вылежалъ нѣсколько недѣлъ въ монастырѣ Чина Св. Василія, очень ужъ утрудившійся такою службою.

Не доставало одного—чтобы Священники, наравнѣ съ холопами, ставили своихъ лошадей на станціи подѣ солдатъ; однако жъ Коммисарь завелъ и этотъ порядокъ въ вмѣнїяхъ Князя Яблоновскаго, Каштеляна Краковскаго, приказавъ подѣ опасеніемъ лишенія прихода, для скорѣйшаго доставленія въ Коммисію донесеній, либо самимъ отбывать стойку, либо же нанимать за себя другихъ.

Въ селеніи Головлѣ тамошній помошникъ Подстаросты, Залаевичъ, захотѣлъ занять пять рублей у Викарія Якимовича, состоявшаго при Головлевской церкви; а тотъ, отговорившись бѣдностью, такъ озлилъ тѣмъ его, что онъ немедленно поѣхалъ въ Дубно и донесъ на Викарія, какъ на бунтовщика, который держитъ у себя ножи и копья. Прібылъ отрядъ для слѣдованія, сталъ искать ножей копій по сундукамъ, но, вмѣсто этого оружія, котораго нигдѣ не было

ботливостію, наступаетъ наконецъ несомнѣнный въ день Русскаго праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла; къ этому прибавили, будто мы узнали это изъ тайныхъ показаній свидѣтелей; и на этотъ разъ удалось намъ еще обмануть гражданъ. Собрали мы

нашли то, что имъ было всего нужнѣе, т. е., триста Польскихъ золотыхъ. Всѣ эти деньги, отложенныя Викариемъ на прокормленіе жены и дѣтей, помощника Подстаросты, Залаевичъ, милостиво пригрѣбъ себѣ, вмѣсто пяти рублей, оказавъ Викарію то благодареніе, что выпросилъ его будто бы у отряда не брать въ Дубно подъ стражу; за это ему Викаріи и хлѣбы всенощные освятилъ, и самъ просидѣлъ у милѣйшаго помощника Подстаросты до поздней ночи на пиру. На утро наступало Русское Вербное Воскресенье, а по тому Дьячекъ, желая увести Викарію изъ Господскаго дома, напоминалъ ему, что завтра большая служба, причемъ сказалъ по Русски: «Трусъ будетъ». Этѣмъ хотѣлъ онъ выразить, что будетъ большое скопленіе исповѣдниковъ, что надо рано вставать, чтобы успѣть и со службою, и съ говѣющими, по тому въ особености, что имъ не можетъ пособить тамошній приходскій Священникъ, лежащій въ параличѣ. За эти два слова Дьячка тотчасъ же забали въ колодки и цѣлую недѣлю сѣкли шестыми такъ, что онъ едва живъ остался.

Донесеніе изъ Кременца, отъ 9 Іюля.

«Въ это время Уголовный Судъ присудилъ приходскаго Кадамаринецкаго Священника къ шестинедѣльному заключенію въ Дубенской крѣпости; восемь Священниковъ ожидаютъ своей участи въ заключеніи, изъ простонародья находится болѣе ста заключенныхъ, а новыхъ еще и теперь представляютъ. О времени! Когда же минетъ это бѣдствіе!»

Какой-то бродяга и мошенникъ, Кирило Пундикъ, холопъ съ Австрійской границы, обвиненный въ воровствѣ, чтобы избавиться наказанія за свои преступленія, принялся оговаривать Священниковъ и крестьянъ въ заговорѣ вырѣзать Поляковъ и Жидовъ. Замутилъ онъ весь Подоль, и по его наговорамъ нѣсколько о десятковъ крестьянъ было посажено подъ стражу, а нѣсколько десятковъ Священниковъ разсажено по разнымъ городамъ. И хотя было очевидно, что онъ клеветникъ и злостный доносчикъ, по тому что, вмѣсто тѣхъ, на кого онъ доносилъ, нарочно ставили другихъ, и спрашивали у него, тѣ ли это, онъ, зная ихъ толь о по фамиліямъ, а не въ лицо, говорилъ, что это она самые, и что имъ, а не другимъ, передавалъ онъ отъ маркитантовъ деньги; что ихъ онъ подговаривалъ, и они обѣщали помогать въ рѣзнѣ; не смотря на это, всѣхъ оговоренныхъ, какъ Священниковъ, такъ и крестьянъ, тотчасъ сажали подъ стражу. Онъ оговаривалъ Данила Подчашинскаго, приходскаго Кадамаринецкаго Священника, будто бы онъ принадлежалъ къ заговору и деньги принималъ; за это ополченцы взяли его въ Константиновъ и, не смотря на его Священническій санъ, об-

опять хотя немного свѣжихъ припасовъ, по тому что нечѣмъ уже было жить въ Луцкѣ. Рьяность и месть увеличились. Въ особенноти во время помогъ намъ Заленскій, Подстароста Владимирскій, и другіе, подговоренные имъ граждане, донося, какъ о дѣлѣ, не подлежащемъ сомнѣнію, что Попы молятся за Царицу; что для этого не нужно и свѣдѣтелей, по тому что они сами готовы присягнуть

наженнаго отъ затылка до пятъ, сѣкли розгами, и въ продолженіе двухъ недѣль натѣшившись надъ нимъ въволю, отпустили его, такъ какъ онъ на въ чемъ не сознался. Кирило оговорилъ того же Священника еще разъ, и по тому вторично взяли его въ Кременецъ, гдѣ опять оставался онъ подъ стражею до 9 Іюля, когда, какъ выше сказано, по Кирилову доносу былъ осужденъ на шестинедѣльное заточеніе въ Дубенской крѣпости. Сеймовые Чины, увѣдомленные многими донесеніями о Кирилѣ, что онъ многихъ оговариваетъ въ бунтѣ, приказали доставить его въ Варшаву, куда онъ и посланъ.

Появился на Подолѣ другой мошенникъ, такой же какъ Кирило, Василій Дебрійчукъ: онъ оговорилъ Якова Мархелевича, Константиновскаго Благочиннаго, приходскаго Западинецкаго Священника, извѣстнаго и ученостію и вабожностію, будто бы и онъ принадлежалъ къ этому заговору. Отрядъ, посланный изъ Каменца въ домъ его, производилъ строжайшій осмотръ и, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, на его счетъ объѣдалъ и бражничалъ, поѣвши же и уничтоживши все, взялъ его подъ стражу въ Каменецъ Подольскій, откуда онъ былъ освобожденъ по настоянію многихъ особъ, удостовѣрившихъ его невинность.

Во многихъ мѣстахъ сами ополченцы, а также рядовые и конюхи, получаемые своими старшинами, нарочно, для притѣсненія Священниковъ, копья свои, пистолеты, ружья и ножи зарывали въ солону и прятали въ крыши, а потомъ, будто случайно найдя ихъ, везали Священниковъ и заставляли ихъ откупаться. Такъ Дорожевскій, одинъ изъ народнои копницы, прибывши на осмотръ въ село Хролинъ, не держать ли крестьяне оружія, посадилъ въ колодки тамошняго приходскаго Священника Соботовича и, послѣ двудневнаго заключенія, отпустилъ только по просьбѣ Барскаго двора, а върибе за выкупъ. Онъ же былъ и въ Неоспазахъ, осматривалъ церковь и приходскую усадьбу, поднималъ въ церкви полъ, искалъ въ сундукахъ, ящикахъ и бадьяхъ (bedniach) ножей, копій и Пилюпоновъ, и наконецъ уѣхалъ, наградивъ себя за хлопоты полотнами, платками, рубахами и простынями, найденными въ отѣхъ помѣщеніяхъ.

Въ село Онаховцы, поздною ночью, пріѣхало нѣсколько десятковъ солдатъ, приказали Священнику отпереть церковь и зажечь на алтарѣ свѣчи; когда одинъ изъ нихъ искали тамъ будто бы спрятанныхъ маркитантовъ, другіе между тѣмъ

въ томъ, какъ своими ушами слышали Поповъ, молящихся такимъ образомъ. Какъ только этотъ слухъ разнесся между нашею молодежью, то одно только неизмѣнне вистѣлицъ и палачей помѣшало ей разомъ перебить и перевѣшать всѣхъ Поповъ. Не во гнѣвъ именитому сановнику, Господину Подетаростѣ, не могъ я вѣрить его донесенію, предчувствуя, что оно непременно пристрастное. Не

привели какую-то барышню. Старшій надъ солдатами приказалъ вѣнчать себя съ нею. Напрасно Священникъ отговаривался тѣмъ, что такой бракъ не можетъ быть дѣйствительнымъ, по тому что и женихъ, и невѣста не его прихода. Попа убѣдили приставленнымъ къ груди пистолетомъ благословить этотъ бракъ, или вѣрнѣе безпутство. Тогда минимый женихъ показалъ, что онъ Капранъ, зовутъ его Фомой Бохенскимъ, а невѣста — Ирина Юревичъ, изъ Лубяна, дочь приходскаго Священника. Свѣдѣтельство, данное этѣмъ Бохенскимъ Онаходоцекому Попу, гласитъ, что онъ самъ приказалъ повѣнчать себя, что Священникъ въ этомъ не виноватъ, и что онъ, Бохенскій, расправится съ тѣмъ, кто вздумаетъ обвинять Священника.

Стоящій въ Ямполѣ отрядъ взялъ подъ стражу Ланецкаго, тамошняго приходскаго Священника, и старичка, Священника Бѣчковского изъ Ленековки; причиною ихъ заключенія было то, что у нихъ работалъ какой-то Москаль, уже нѣсколько лѣтъ проживавшій въ приходѣ. Точно также работалъ онъ поденно и у другихъ, но ихъ не заподозрѣли, а только однихъ Священниковъ, и они, послѣ нѣскольконедельнаго заключенія, должны были откупиться. Москаль же между тѣмъ убѣжалъ безъ откупа.

Г-ль Канскій, Кременецкій Судья, потерявшаго силы приходскаго Васковичаго Священника, собиравшагося ѣхать для лѣченія въ Славуты, къ Китлѣ, вѣстному Доктору, приказалъ схватить и связаннаго представилъ въ Кременецкій Судъ, куда законнымъ порядкомъ подалъ на него слѣдующіе обвинительные статьи: 1) что онъ навѣрное собирався уѣхать изъ дому съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ бунтовщикамъ; 2) что о чемъ-то шептался съ проѣзжимъ Шляхтичемъ, изъ чего заключаетъ, что и тотъ Шляхтичъ есть подговоренный имъ участникъ; 3) что водится съ маркитантами, по тому что они, проѣзжая черезъ Васковички, спрашивали о Попѣ, но тогда его не было дома. Такія-то статьи оказались достаточными для того, чтобы заключить въ темницу и представить къ Уголовному Суду Священника; но какъ не было ни свѣдѣтелей, ни какихъ либо другихъ доказательствъ, а наружность его показывала крайнюю слабость его здоровья и совершенную неспособность къ подобному дѣлу, къ тому же недавнее гоненіе подавало мало надежды не только на выздоровленіе, но и продолженіе жизни, то Судъ Кременецкій уволилъ его отъ такихъ придиорокъ. Вскорѣ потомъ онъ благодарилъ Судъ за то, что онъ дозволялъ умереть ему въ своей Ѣдной каткѣ.

возможно, чтобы Русь дошла наконецъ до такого ослѣпленія, что помяная за службою Короля и Чины, явно молилась за Царицу не находясь въ ея Государствѣ, или что и ее присоединила къ народному Правительству. Съ этою цѣлью обратился я тайно къ сдѣшнимъ монахамъ Чина Св. Василія съ вопросомъ, сказано ли гдѣ въ Русскихъ Службеникахъ, чтобы молились, особенно передъ обѣдней, за Царицу, и означаетъ ли слово «Царица» Императрицу Россійскую? Мнѣ было очень досадно, что мой вопросъ возбудилъ смѣхъ между монахами; но, взмѣнивши тонъ въ важный, я сказалъ, что предлагаю вопросъ не изъ одного любопытства а по важнымъ причинамъ хочу знать объ этомъ. Мнѣ объяснили что царица значитъ владычица; что въ Русскихъ Службеникѣ, когда Священникъ готовится къ службѣ, вспоминаетъ Царицу но не молится за нее, а, напротивъ, проситъ, чтобы эта Царица ходатайствовала за него предъ Богомъ, по тому что это не Императрица Россійская, но Пресвятая Дѣва Марія. Это самое по Латинѣ выражается такъ: «Adstitit Regina a dextris tuis etc.» Вотъ, подумалъ я про себя, новая машина, изобрѣтенная для добыванія Поповъ Собирались было уже потребовать у Епископа объясненія по этомъ предмету, по тому что ни мнѣ, ни монахамъ не вѣрили, но наши Ке едральные Священника, которые умѣютъ читать по Русски, дали в этомъ случаѣ свое удостовѣреніе. Когда и эта дружина принесла своему изобрѣтателю мало чести, а намъ пользы, тогда постарались разгласить другую, не менѣ замѣчательную, новость. и донесла Коммисіи что Гусаковскій, Священникъ и Благочинный Клеванскій только что освобожденный изъ-подъ стражи Гродскимъ судебнымъ опредѣленіемъ, возвратившись въ свой приходъ, велѣлъ ударить въ набатъ въ большой колоколъ, и когда прихожане сбѣжались на этотъ необыкновенной шумъ, онъ, запершись въ церкви, долгое время съ ними о чемъ-то тайно совѣщался. Къ счастью его, въ то время присутствовалъ въ Коммисіи Фелпціанъ Дубровскій, его пріятель, который, предполагая невозможность такого поступка, вызвался самъ отправиться въ Клеванъ и собрать обстоятельныя свѣдѣнія.

21 Іюня онъ воротился изъ Клевани, говоря, что не засталъ дома Благочиннаго, который недѣли двѣ назадъ уѣхалъ за Кременецъ, къ своимъ роднымъ, и представилъ свѣдѣтельство объ этомъ Клеванскаго Господскаго двора. Что же касается до набата

онъ донесъ намъ, что это дѣйствительно было, но не по приказанію Благочиннаго, по тому что ударили въ набатъ въ его отсутствіе, и донесено объ этомъ едва ли не въ превратномъ видѣ. Случилось это во время прохожденія народной конницы черезъ Клевань. Всадники встрѣтили дѣвушку, довольно красивую, дочь тамошняго Бурнистра; пришли къ нему въ домъ съ намѣреніемъ, свидѣтельствующимъ о великомъ поврежденіи нравовъ молодежи, не сдержанномъ военною дисциплиною. Испуганный отецъ, желая спасти дочь отъ близкаго посярмленія, бросившись на колокольню, ударилъ въ набатъ. Бѣднякъ обманулся, по тому что и дочери не защитилъ, и самъ жестоко избитъ былъ военными.

Далѣе обратили мы вниманіе даже на письма Епископа и его Консистерскихъ, въ особенности на писанныя въ Варшаву и въ Епархію; мы читали ихъ и, снова тщательно запечатавши, отсылали, по обыкновенной почтѣ, тѣмъ, къ кому они были написаны.

Мы отбирали отвѣты, и этѣмъ средствомъ старались доискаться слѣдовъ какихъ ни будь соглашеній между ними. Но все напрасно! Старались мы также увѣрить публику въ не превращающихся бунтахъ. Съ этою цѣлю наши кознодѣи отправили войско въ Колки, привезли оттуда въ кандалахъ Андрея Борковскаго, Викарія, который, по взятіи подъ стражу тамошнихъ приходскихъ Священниковъ, остался одинъ для службы прихожанамъ. Его обвиняли въ томъ, что онъ пьяный, или не будучи натошакъ, приступалъ къ Святой Литургіи. Хотя этотъ случай не имѣлъ ни какой связи съ упомянутымъ бунтомъ, но умилъ, зараженнымъ ненавистію къ духовному сословію, казалось, что это дѣло подсудно свѣтскому Суду. Время покажетъ, остается ли еще за Епископомъ право, чтобы суду его подлежали Духовные. Ополченцы наши схватили также профъзжаго Священника съ Австрійской границы, прибывшаго къ своимъ роднымъ, и обоихъ отдали подъ стражу Воеводскому Слѣдователю. Но такъ какъ противъ нихъ не было ни какого свидѣтельства, то волею, неволею, должны были мы выпустить ихъ послѣ осьмидневнаго задержанія.

23 числа того же мѣсяца. Прислали намъ въ Комиссію страшное изображеніе нарисованнаго на бумагѣ ножа, яко бы точно такіе но-

жи найдены были въ какомъ-то мѣстѣ у бунтовщиковъ. * Но такъ какъ нельзя было опредѣлить въ точности ни этого мѣста, ни этѣхъ бунтовщиковъ, то я догадался, что и это изобрѣтеніе было слѣдствіемъ такой же поддѣлки, употребленной для поддержанія почти уже кончающаго нашего комиссарскаго значенія. Распространено было таковое подметное письмо (пасквиль) на Франца Браницкаго, Великаго Короннаго Гетмана, написанное по образцу покаяннаго посланія,²⁸ въ к-

* При рукописи Феодосія Брововича приложено изображеніе огромнаго, на сержѣ зазубленнаго, ножа съ острымъ концемъ, похожимъ на жало стрѣлы. На клянкѣ написано: «JX. Minister Trynitarski przywiózł mi z Łucka ten strasny model 1789.» (Священникъ Тринитарскій привезъ мнѣ изъ Луцка этотъ страшный образецъ). Пониже рукою Брововича замѣчено: «To pisał własnoręcznie Stefan Lewiński, Biskup Łucki.» (Это написалъ своею рукою Стефанъ Левинскій Епископъ Луцкій). Прим. Я. О. Головацкаго.

²⁸ Молитва Гетмана къ Королю: «Король! Не памятуй о моихъ злодѣяніяхъ: входя въ счетъ о нихъ съ неблагодарнымъ; ибо мозгъ въ костяхъ моихъ сохнетъ, когда вспомиу я о тѣхъ милостяхъ, которыми ты осыпалъ меня. Б я нищимъ, а тебѣ выговаривалъ, что, родясь на свѣтъ съ тремястами тысячъ дохода, истратилъ ихъ на тебя. Не помини я благодѣяній твоихъ, въ рыми ты осыпалъ меня в сестру мою, и осмѣлился сказать, что въ мое реестрѣ нѣтъ твоихъ дорогихъ подарковъ. Взвелъ я на тебя вину раленія страны, а самъ, будучи посланъ во Францію, помышлялъ не объ обязанностяхъ Посла, а объ напиткахъ, и хотя имѣлъ порученіе сдѣлать отъ твоего имени представленіе Конфедерации Барской, чтобы не допустить сюда раздѣла, но, по легкомыслію, упустилъ время. А когда сердце твое позволило тебѣ сражаться съ соотечественниками, я съ этѣмъ не согласенъ собралъ полки и остатки войска, чтобы угнетать несчастныхъ. А такъ и твоя щедрость ко мнѣ начала колебаться, я сталъ готовить измѣну тебѣ, противъ твоихъ благодѣяній; я старался помѣщать въ Судахъ твоихъ противковъ. Но ты, Государь, самъ въ этомъ виноватъ; ибо ты далъ мнѣ возмощіе къ тому въ милліонныхъ доходахъ, а я сдѣлался неблагодарнымъ къ тебѣ и Отечеству; ибо, желая пользоваться его гибелью, взялъ на помощь Моска Ея дядѣ (Потемкину) обрекъ я на погибель независимость страны, которую ты управляешь, возбуждалъ возстанія и побуждалъ Пляпоновъ возжигать. Предостерегъ я дядю, что буду сильно говорить, чтобы обмануть народъ вѣрностью, а на дѣлѣ рѣшился покорытоваться его ошибками. Ты, Государь, добръ и простишь вину мою, хотя знаешь все, не выдашь меня на позоръ; однако жъ, боюсь я, чтобы не выдала меня кровь, которая будетъ не впрома. Признаюсь, что договоръ подъ Очаковымъ имѣеть цѣлю не что и какъ только повредить славу страны. Я набираю помощниковъ, но ни мнѣ

ромъ есть та особенность, что творецъ сочиненія падить Короля и дѣлаетъ его совершенно непричастнымъ теперешней неурядицѣ, а сваливаетъ все на Гетмана и на Кнзя Потемкина; Фельдмаршала Русскихъ войскъ (на племянницѣ котораго этотъ Гетманъ Браницкій женатъ).

24 числа того же мѣсяца. Послѣ нѣсколькихъ обѣдовъ, данныхъ Русскимъ Епископомъ въ Луцкѣ для насъ; Коммисаровъ и Судей, какъ Земскихъ, такъ и Городскихъ, а также и для многихъ гражданъ, давалъ онъ послѣдній обѣдъ, на которомъ присутствовали Земное Судьи, всѣ мы и многочисленное собраніе гражданъ. Но и этѣмъ угощеніемъ Епископъ не уничтожилъ давнишняго предубѣжденія: ибо, въ слѣдствіе того, что этотъ Епископъ кормилъ своихъ село Теремно и прпселокъ Лпяны, хотѣлъ отдать въ трехлѣтній откупъ Луцкимъ Господамъ, Подстаростѣ Леону Гудевичу, и Городокому Писарю, Юсифу Кавецкому, во всеуслышаніе клеветамъ

нѣ хотѣть довѣрять. Я разставляю разныя сѣти для разныхъ лѣтъ, но не многихъ могу поймать въ нихъ. Хотѣлъ бы начальствовать надъ войсками въ Украинѣ, чтобы погубить страну вконецъ, но ты употребляешь всѣ способы къ тому, чтобы я не достигъ цѣли. Закуленные друзья мои готовы мнѣ на помощь, но они немногочисленны, а иные только насмѣхаются. Желчь мою съѣдалъ я съ виномъ, и пью ее каждый день, чтобы испытывать мои горести. Хвастовство мое, что я все могу, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе упадаетъ, а во что же я обращаюсь? Я не осмѣлюсь поднять глазъ своихъ предъ Таврическимъ, такъ какъ не могу исполнить того, что обѣщавъ. Упадетъ надежда на наибольшую часть моеи силы, и я совсѣмъ уничтожусь. А если это такъ будетъ, то чѣмъ же я сдѣлаюсь? По крайней мѣрѣ ты, Государь, сжался надо мною! Не дѣлай извѣстныхъ моихъ злодѣяній, такъ какъ голова моя не удержится на шестахъ. Однако, Милостивый, такъ какъ ты простилъ убійцамъ твоимъ, прости и мнѣ, хотящему погубить мать свою! Не отврати очей твоихъ отъ меня, прости Таврическому дядѣ, который возставилъ меня противъ тебя и народа! Время наше коротко и дни счастья окончатся вмѣстѣ съ жизнію Екатерины. Слва же твоа, когда откроются тайныя мысли, сохранится на вѣки. Ты согласишься уже на изгнаніе друзей и помощниковъ нашихъ, и стараешься, какъ и прежде, объ увеличеніи силъ страны. Сжался надъ бѣдшимъ, и не ускорай скорби несчастнаго! Въ то время, когда я сдѣлаюсь жертвою правосудія, поставятъ меня предъ престоломъ, какъ телца на алтарѣ. Хвала тебѣ, Король, а намъ вѣчная ненависть и презрѣніе, какъ было въ началѣ, такъ будетъ и во вѣки. Амѣнь.»

на этѣхъ особѣ, будто они такою мѣрою подкуплены Епископомъ. Больше всѣхъ въ этомъ дѣлѣ приводилъ доказательствъ усердн нашъ Стольникъ Требуховскій, который самъ старался взять откупъ этѣ деревни, но не успѣлъ. Онъ выдавалъ за несомнѣнн истину, что Судъ, одолженный Епископомъ, не разсудитъ по справедливости гражданъ съ бунтующими Священниками и будетъ причиною приведенія въ исполненіе неподавленной рѣзни; что, ходящійся подъ старшей, Консисторскій Слѣдователь, будетъ освобожденъ и не замедлитъ исполнить свои замыслы, внушенные е тѣмъ же Епископомъ.

Послѣ такихъ предположеній, умышенно разглашенныхъ, упомянутый Подстароста отказался отъ обѣщанной ему аренды, Францъ Рогозинскій, Лудкій Земскій Писарь, вмѣсто благодарности Епископу за ласковый пріемъ, напившись на этомъ обѣднелъ, военародно спрашивалъ его нѣсколько разъ: «Могутъ граждане считать жизнь свою въ безопасности отъ его Духовенства? Не приказалъ ли онъ вырѣзать ихъ, и можетъ ли Епископъ поручиться, что, по отъѣздѣ его въ Варшаву, Духовенство будетъ спокойно?»

А когда Епископъ на такіе вопросы или молчалъ, или отвчалъ что ни будь такъ, какъ въ писаніи: «Responde stulto secundu stultitiam ejus,» то на другой день, уже протрезвившись, сказанный Писарь распустилъ слухъ, яко бы онъ самъ слышалъ отъ Епископа что тотъ не хочетъ даровать жизнь гражданамъ, а, напротивъ, хочетъ привести въ исполненіе свой замыселъ. По этому того же 25 числа посланы ополченцы въ Бытень, которые взяли подъ стражу Малевича, Рожицкаго Благочиннаго. Его обвинилъ Самуилъ Ольшанскій человекъ низкаго происхожденія, ⁹⁰ нарочно выбранный для этого

---

⁹⁰ Нельзя Господина Самуила Ольшанскаго называть человекомъ низкаго происхождения. Честь его защитилъ Госп. Венжикъ, представивъ два Метрически Свѣдѣтельства: первое относительно смерти того Ольшанскаго, котораго сыномъ называется онъ, а другое Свѣдѣтельство о крещеніи самаго Господина Самуила. Родословная, правда, не знаменитая; ибо изъ нея явно было видно, что Самуилъ Ольшанскій родился чрезъ два года по смерти предполагаемаго отца своего о матери, проживавшей во вдовствѣ. Всего лучше назвать его знатнымъ плодомъ

съ тою цѣлю, чтобы ему не чѣмъ было заплатить Благочинному, въ случаѣ несостоятельности введеныхъ на него обвиненій. Между ипчотажными обвиненіями, въ самое большое преступленіе поставлено Благочинному то, что онъ часто бывалъ у своего Епископа въ Рожницѣхъ, и по тому онъ, или его сообщникъ, или же долженъ знать объ его соглашеніи съ Духовенствомъ на рѣзню.

Пякогда не дѣлалъ большей низости Борецкій, Староста Скальницкій, какъ въ этомъ случаѣ, когда, изъ личной неприязни къ упомянутому Благочинному, стакнулся противъ него съ названнымъ Самуиломъ. Онъ донесъ о рѣдкомъ пребываніи Благочиннаго дома и о постоянныхъ развѣздахъ; ⁴⁰ и хотя въ этомъ Благочинный оправдался и Гродскимъ Луцкимъ Суломъ признанъ невиновнымъ, однако жъ долженъ былъ просидѣть въ заключеніи слѣшкомъ три недѣли.

Что важнѣе всего, 27 числа того же мѣсяца, послали мы шесть ополченцевъ въ мѣсто жительства Епископа, Рожницѣ, для взятія Сященика Павла Ненадкевича, находившагося тамъ, въ слѣдствіе Епископскаго распорядженія, подъ духовнымъ запрещеніемъ. Это было уже крайнимъ прерзвѣніемъ къ Епископской самосудности. Заленскій, Вла-

---

съ гдѣваго боку. Если же существуетъ какой либо законъ, не дозволяющій принимать доносы отъ запятности такого рода, то, безъ сомнѣнія, стѣмъ законнымъ благодѣяніемъ не должны пользоваться Священники.

⁴⁰ У Борецкаго, по его мнѣнію, была довольно справедливая причина для обвиненія Благочиннаго, по тому что онъ рѣдко бывалъ у него, а часто у Пиндскаго, Владимирскаго Войскаго. Правда, стотъ Войскій—человѣкъ великаго характера, великой честности, съ возвышеннымъ образомъ мыслей, и за это ненавидѣть Господню Борецкому; Благочинному же слѣдовало набѣгать тѣхъ, кого ненавидѣть Господню Борецкій, по тому что имя его находится въ числѣ Коллаторовъ Бытескихъ. Допустимъ, что такое притязаніе было справедливо, и что Благочинный долженъ былъ подчиниться его прихотямъ. И такъ, будучи у Борецкаго на обѣдѣ и увѣренный въ своей невинности, онъ сказалъ ему: «Пять добродій можетъ развѣ умертвить меня, по ни въ чемъ не уличать, по тому что я невиненъ.» На стотъ онъ услышалъ отъ Старосты страшный отвѣтъ: «Не надѣйтесь, Попе (сказалъ онъ), на свою невинность; было уже у меня наготовѣ нѣсколько Шляхтичей, которые по моему приказу присягнули бы, что Вы,

дмирскій Подстароста, напившись, по своему обыкновенію до нельзя, старался, вмѣстѣ съ Требуховскимъ, доказать намъ до очевидности, что упомянутый Священникъ знаетъ о Епископскомъ заговорѣ; что онъ, хотя и удаленный отъ прихода, однако жъ получаетъ всѣ удобства отъ Епископа, и что, подъ видомъ епитимьи, Епископъ держитъ его при себѣ, женѣ и дѣтямъ его даетъ содержанье, шьетъ ему одежду, и такимъ образомъ умасливаетъ его не выдавать тайны. По этому велѣно посадить его подъ стражу, чтобы Коммисія узнала отъ него обо всемъ. Такъ-то помогъ себѣ Епископъ своими обѣдами, а въ особености послѣднимъ, что и самъ подвергся клеветѣ и посмѣянію, и Духовенство его должно переносить несказанное притѣсненіе.

Двѣ недѣли упомянутый Священникъ Ненадкевичъ оставался подъ стражей; были употреблены всевозможныя средства, чтобы вывѣдать отъ него что либо касательно Епископа, или его Офиціаловъ; но этотъ Священникъ, въ простотѣ своего сердца, отвѣчалъ на все, что ни чего не знаетъ и не можетъ такъ несправедливо судить о своемъ начальствѣ.

Надоело уже гражданамъ убаюкиванье постоянно лживыми вѣстями. Приближеніе по Русскому Мѣсяцеслову, праздника Св. Апостоловъ Петра и Павла не обѣщало ни чего грознаго, по тому что какъ не было, такъ и нѣтъ ни чего похожего на бунтъ; а вмѣсто того явилось новое стѣсненіе, которое граждане начали неприятно чувствовать; ибо, не говоря уже о доставляемомъ безъ нужды продовольствіи, когда надъ ополченцами постановили начальниковъ и всюду разставили ихъ по квартирамъ, раздѣливъ по приходамъ, пограничскимъ съ Луцкомъ, эти любезные начальники пустились дѣлать набѣды съ ополченцами на своихъ сосѣдей. По этому граждане, стѣхавшись въ Луцкѣ, составили, 3-го Юля, объявленіе о томъ, что

подъ предлогомъ покупки воловъ, ѣздили даже за границу и были у Князя Потемкина; если бы у меня не было совѣсти, я погубилъ бы Васю.» Конечно, это устало бы каждого, когда въ настоящее время, для всякаго самаго злощастнѣйшаго доносца противъ невинности легко найти за деньги свидѣтелей-очевидца, и когда достаточно тронуть «*pro plena convictione et consequenter ad mortem condemnationem.*»

имъ ополченцы не нужны, и что каждый гражданинъ воленъ взять себѣ своихъ съ полнымъ вооруженіемъ.

То былъ первый шагъ со стороны гражданъ, служившій какъ бы нѣкоторою надеждою на дальнѣйшее успокоеніе страны.

6-го Іюля начался засѣданія Уголовныхъ Луцкихъ Гродскихъ Судовъ; на нихъ, находящіеся подѣ стражей, Священники и крестьяне должны были получить окончательное рѣшеніе своей участи.

Надо было выдумать что либо новое для воодушевленія Судей, чтобы они не остыли отъ прежняго усердія, а вѣрнѣе, отъ доказаннаго раздраженія, и не изслѣдовали бы хладнокровно всѣхъ обстоятельствъ, которыя могли бы смягчить строгость прежнихъ приговоровъ. Для этого распустили слухъ, будто въ Ямполѣ, въ имѣніяхъ Князя Радивиля, Воеводы Виленскаго, тамошніе жители заказывали ножи, копья и иное оружіе, годное для убійства, и будто схваченные отрядомъ, стоящимъ въ Свѣнцѣ, сами сознались въ томъ, что, прежде всего намѣревались они напасть на свое Дворовое начальство, а потомъ соединиться съ другими и начать въ томъ краѣ всеобщую рѣзню Поляковъ и Жидовъ.

Получили мы также извѣстіе изъ Кременца, что туда привезенъ къ колодезю Антоній Кващакowski, приходской Кончеціи Священникъ изъ имѣній Князей Яблоновскихъ, схваченный подѣ Ляховцами вмѣстѣ съ нѣсколькими крестьянами и Цыганомъ кузнецомъ, показывающимъ на него, будто, для выполненія рѣзни, онъ заказалъ ему сдѣлать ножи, топоры и копья, какъ для себя собственно, такъ и для крестьянъ, прихожанъ своихъ.⁴¹

⁴¹ Собственно говоря, дѣйствительно было пѣчто, имѣвшее сходство съ рѣзней. Цыганъ-кузнецъ зашелъ въ селеніе Кончу, гдѣ всякій шелъ къ нему и заказывалъ сдѣлать, или починять, разныя необходимыя вещи, по тому что къ другимъ кузнецамъ ѣздить было далеко. Тамошній Священникъ велѣлъ ему поправить плуги, сохи, топоры, и сдѣлать для хозяйственныхъ кухонные ножа. То же самое сдѣлали и его прихожане. Стоявшіе тамъ солдаты также пришли къ этому Цыгану съ требованіемъ сдѣлать конскія подковы, а одинъ

Этѣ новости, хотя и были несправедливы, успѣли, однако жъ, значительно поднять горячность, прежде нежели, съ теченіемъ времени, были получены болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Свѣжая ненависть къ Русскому Духовенству усилилась тѣмъ, что судъ Кременецкій донесъ свѣдѣнію Суду, что онъ приговорилъ къ смерти трехъ Священниковъ, вполнѣ уличенныхъ въ участіи въ бунтѣ, и отправить ихъ въ Луцкъ для растрѣженія; что многихъ изъ простонародья, участвовавшихъ, вмѣстѣ съ Духовенствомъ, въ заговорѣ объ выполненіи рѣзни, онъ присудилъ, однихъ къ висѣлицѣ, другихъ къ заключенію въ Каменецъ Подольскомъ, а иныхъ къ наказанію у позорнаго столба, и удостовѣрялъ, что ежели въ Луцкѣ, при помощи свѣдѣтелей-очевидцевъ, и не было еще достаточно раскрыто намѣреніе Русскихъ истребить всѣхъ Поляковъ, то въ Кременецъ это оказалось уже очевиднымъ.⁴²

Вотъ тотъ-то бродяга и мошенникъ, Кирило Пундикъ, который отправленъ въ Варшаву, наполнилъ всѣ темницы невиннымъ народомъ. А какъ безъ него, какъ доносчика, Кременецкій Судъ ни чего не могъ рѣшить окончательно, то граждане подали Сей-

---

изъ нихъ заказалъ для себя пожъ. Малолѣтняя дочь этого Цыгана сказала, что отецъ ея сдѣлалъ отличный ножъ для Священника. Солдатъ, обрадовавшись этому случаю, сталъ съ любопытствомъ разспрашивать дѣвочку; кузнецъ, услышавши что дѣтя, въ простотѣ своего сердца, плететь то, что не годится говорить и изъ чего, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могло выйти не доброе, грозно взглянулъ на малютку, которая тотчасъ и умолила. Солдатъ замѣтилъ это, и донесъ начальнику, за что и были схвачены Священникъ, Цыганъ и еще нѣсколько крестьянъ, и препровождены въ Кременецъ, гдѣ ихъ нѣсколько недѣль продержали въ темницѣ и потомъ выпустили, удостовѣрившись въ ихъ невинности.

⁴² Нѣтъ ни какого сомнѣнія въ томъ, что Судъ Кременецкій приговорилъ трехъ Священниковъ къ плахѣ, а многихъ изъ простонародья къ висѣлицѣ и къ заключенію въ Каменецкой крѣпости. Это—послѣдствія закона, только что выработанаго Депутатомъ Святославскимъ. Но по законамъ ли постановлялъ свои рѣшенія Иванъ Загурскій, Судья, и Святоявскій, заставляющій вмѣсто Писаря, оба пылающіе ненавистію къ Русскимъ, и очевидно ли обнаруженъ былъ въ ихъ Судѣ заговоръ Русскихъ на истребленіе Поляковъ? Это покажетъ время. *Nihil occultum, quod non reveletur* (нѣтъ ни чего тайнаго, чтобы послѣ не открылось). (Это примѣчаніе сдѣлалъ Бродовичъ собственноручно. Я. О. Г.).

новымъ Чиномъ просьбу, и умѣли такимъ образомъ выхлопотать возвращеніе Кирила изъ Варшавы въ Кременецъ, дабы, при его свѣдѣтельствѣ, невинные узники скорѣе были приговорены къ смерти. Не понимаю, могъ ли Судъ Кременецкій по совѣту опираться на доносы этого мошенника, и въ то же время допускать его къ свѣдѣтельству тамъ, гдѣ дѣло шло о человѣческой жизни. Какъ бы то ни было, этотъ Судъ доноситъ въ Луцкъ письменно, что онъ рѣшительно открылъ бунтъ. То же самое подтвердилъ и Заленскій, Подстароста Владимирскій, объявляя, яко бы и онъ въ своемъ Судѣ имѣеть достовѣрныя доказательства того, что Русскіе маркитанты съ тою мыслью и пришли въ этотъ край, чтобы, въ слѣдствіе даннаго имъ приказанія, соединившись съ Попами и крестьянами, произвести рѣзню; но нельзя основываться на мнѣніи Подстаросты, по тому что, между нами будъ сказано, подлежитъ сомнѣнію, знаетъ ли еще онъ что такое неопровержимый доводъ и дѣйствительная улика въ дѣлѣ такой важности. ⁴³

⁴³ Г. Заленскій, Подстароста Владимирскій, самъ старается отмѣнить свое утвержденіе; ибо совсѣмъ иначе свѣдѣтельствуеетъ собственный его приговоръ, постановленный по дѣлу одного маркитанта. Если онъ позабылъ о томъ, то слѣдуетъ ему напомнить оный со всѣми подробностями. Во Владимирѣ былъ взятъ подъ стражу купецъ-маркитантъ. При осмотрѣ его товаровъ найдены такія только вещи, какими онъ торговалъ обыкновенно; были тамъ, конечно, и ножи изысканные, но что же изъ этого слѣдуетъ? Безъ нихъ не можетъ обойтись самый бѣдный человѣкъ. Но у маркитанта было нѣсколько тысячъ денегъ, выреченныхъ за распроданный уже товаръ: вотъ онъ-то и подаи Подстаростѣ поводъ къ особенному подозрѣнію. Онъ велѣлъ этѣ деньги положить въ Судъ за городскою печатью и, въ надеждѣ, что маркитантъ можетъ быть причисленъ къ бунтовщикамъ (и это навѣрное случалось бы, если бы его Милость самъ производилъ надъ нимъ судъ), не могъ преодолѣть сильнаго соблазна, мекшаго его къ деньгамъ, взялъ ихъ изъ подъ печати и, посягая на общественное достояніе, роздалъ въ разныя руки во Владимирѣ и въ Луцкѣ. Случилось же такъ, что на упомянутого маркитанта не было ни чего доказано, не смотря на то, что всюду, гдѣ только онъ ни бывалъ, былъ производимы, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, строжайшія разслѣдованія и поиски. Уже прошло нѣсколько Судебныхъ засѣданій, и надо же было написать какое либо рѣшеніе о маркитантѣ, и—самое немыслимое дѣло!—необходимо было возвратитъ ему деньги. Вотъ и случецъ: нужно его обойти, по тому что нѣтъ уже подъ руками плахи. А для чего же разумъ-то да законовѣдство? Вотъ судья праведный и написалъ такой приговоръ: «Хотя маркитантъ, по слѣдствію и розыску, до

16-го числа текущаго мѣсяца собрался у насъ помѣщичій мѣкъ. Описывать то, что дѣлалось въ этомъ собраніи, не дѣнетъ ни мѣста, ни времени: расскажу; вкратцѣ. Прежде всего воздали Свѣтлѣйшему Государю не искреннія похвалы и благодѣнія, горя въ сердцахъ своихъ застарѣлоу къ нему ненависти питая ни сколько не уменьшившееся предубѣжденіе, яко бы онъ стачкѣ съ Императрицею, мучить наше опокійствіе. Во втор причисляя къ разряду людей, дѣйствовавшихъ въ этомъ же смѣ Русскаго Епископа и его Духовенство, какъ исполнителей мнѣ бунта, мы оставили въ актахъ «Laudum» (постановленіе) на очеркѣ ихъ, а для себя не добрую память въ потомствѣ (см. въ Перечнѣ (О)). Въ третьихъ, хотя у насъ и не было ни какихъ доказательствъ, даже и тѣни какого либо подозрѣнія противъ первыхъ о этого Духовенства, однако же хотѣли ихъ трудовыя деньги зятить и обратитъ въ войсковой капиталъ, желали истребитьскіе Капитулы и уничтожить ихъ надѣлы. Болѣе же всего удивляла меня въ этѣхъ дѣлахъ то обстоятельство, что нѣкоторые изъ Духовенства не только не сострадали утѣсенію невинныхъ бр своихъ, но еще подавали предубѣжденнымъ гражданамъ прое именно клонившіеся къ уничтоженію порядковъ, установленны первобытноу Церковію. Въ то время многимъ бездоказател наказываніе несчастныхъ Поповъ казалось столь справедли дѣломъ, что болѣе просвѣщенные граждане съ большимъ трудомъ едва могли отвратить подобное увлеченіе. Не все, однако жъ, и не было одѣлать всеѣмъ внушеніями; остальное прочтаете въ сылаемомъ мною «Laudum», и сами увидите, что раздраженіе и не нуждается въ разсудкѣ.

Не мало соболѣзновалъ я тоже о томъ, что долженъ былъ писаться подѣ похвальнымъ листомъ, даннымъ нашему Слѣдоват

скаго поръ ни въ чемъ не уличенъ по дѣлу о бунтѣ, въ которомъ его обвинили, однако же Судъ, по причинамъ, ему извѣстнымъ, приговорилъ содержать въ заключеніи и на дальнѣйшее время.» Послѣ такого рѣшенія многокуговаривали маркитанта, чтобы онъ бѣжалъ изъ заключенія. Но простакъ хотѣлъ послушаться совѣтовъ правовѣдовъ, все толковалъ о деньгахъ, и вѣлъ, чтобы онъ были возвращены ему; за это онъ и остается до сихъ поръ подѣ стражей. Кто жъ виноватъ, что онъ такой смѣльчакъ? Есть ли улики?

Якову Костренскому. Ибо знаю, что, кромѣ другихъ безпорядковъ, уже за одно то достоинъ онъ висѣлицы, что нѣсколькихъ человекъ, приведенныхъ единственно во свидѣтели, онъ посадилъ въ темницу, жестоко мучилъ ихъ, по тому что не добился отъ нихъ того, чего ему хотѣлось касательно заключенныхъ Поповъ, и, наконецъ, замучилъ ихъ на смерть; и, однако жъ, этотъ жестокій поступокъ починъ за горячее съ его стороны усердіе. “

20 Июля. Рапортъ изъ Кременца о томъ, что три Священника, осужденные на смерть Гродскимъ Уголовнымъ Судомъ, ѣдутъ въ Луцкъ, для разстриженія. Того же числа рапортъ изъ Луцка о томъ, что два человека, т. е., Дьякъ Суховецкій и работникъ Василій Одарчукъ, которые съ давняго времени были заключены въ тамошней темницѣ и до сихъ поръ на Судѣ ни въ чемъ не изобличены, не могли выдержать немилосердыхъ плетей и померли; по смерти сбѣли съ нихъ колодки и похоронили ихъ тѣла; а Яроцкій, приходскій Священникъ Суховецкій, несправедливо обвиненный въ участіи въ бунтѣ Г. Нововойскимъ, бывшимъ Старостой Брячеславскимъ и своимъ Коллаторомъ, освобожденъ Гродскимъ Луцкимъ рѣшеніемъ «*ergaevio juramento*,» послѣ того какъ высидѣлъ въ заключеніи недѣль девятнадцать въ Дубнѣ и Луцкѣ. Этотъ просвѣщенный Священникъ долго противился не надлежащимъ образомъ назначенной присягѣ, которой съ умысломъ добивался для себя въ Судѣ сынъ бывшего Старосты и которая состояла въ томъ, чтобы «*iniquam pro semitico*» упомянутый Священникъ не искалъ удовлетворенія за свое заключеніе, tandem по совѣту своихъ покровителей присягнуть, et insuper далъ письменное обѣщаніе въ томъ, что во всемъ будетъ послушенъ своему Коллатору. Иначе онъ не былъ бы освобожденъ. Два свидѣтеля противъ Никифора Костюкевича, Благочиннаго Черторыйскаго, приходскаго Священника Колковского, препровожденные сюда и посаженные въ темницу, многократно битые и ни чего дурнаго на своего пастыря не показавшіе, померли, будучи не въ состояніи выдержать тяжести строгаго заключенія и немилосердаго истязанія.

Варшавская общественная газета.

«Допросы Архимандрита Слуцкаго и Владыки Переяславскаго уже окончены и сданы свидѣственной Депутаціею Сеймовымъ Чинамъ. Вскорѣ начнется судопроизводство въ Сеймовыхъ Судахъ. При Архимандритѣ и его Попахъ найдено до 400 листовъ разныхъ бумагъ, относящихся къ той страшнѣйшей, замышленной яви, рѣзнѣ. Между послѣдними найдено письмо Ея Императорскаго Величества, въ которомъ она поощрляла Архимандрита къ крестьянскимъ бунтамъ противъ Польскаго Дворянства, обѣщая дать имъ великія вольности, достоинства и награды, и это съ тою цѣлію, чтобы Русскія области, принадлежація Польшѣ и Литвѣ, отложились, посредствомъ этого страшнаго дѣла, и подчинились ей,

На слѣдующее утро, по окончаніи Сеймпка, приходскій Старосельскій Священникъ, Ѳеодоръ Борковскій, поставленный передъ Гродскимъ Луцкимъ Судомъ, отказался отъ всѣхъ своихъ словъ, сказанныхъ имъ въ прошлыхъ засѣданіяхъ, объявляя, что подучилъ его къ ложному въ то время показанію Защитникъ (Адвокатъ) его, Яворовскій, увѣрившій его, что только этѣмъ путемъ онъ можетъ добыть

какъ единовѣрной съ нами покровительницѣ. Объ этѣхъ дѣлахъ знали нѣкоторые изъ нашихъ значительныхъ помѣщиковъ. Пятьдесятъ Поповъ дали Императрицѣ присягу въ вѣрномъ совершеніи рѣзаніи. По началіи судебного дѣла Архимандрита, наши Государственные Чины издадутъ манифестъ ко всѣмъ державамъ касательно столь жестокихъ покушеній Императрицы на гибель Польскаго народа, и проч. Изъ этого слѣдуетъ заключить, какъ быстро узнаеть у насъ общество обо всемъ; и можно ли такъ слѣпо папосить Вышней Главѣ столь великія обиды? Подобными сочпеніями умысленно раздусали пламя съ тою цѣлю, чтобы каждый тѣмъ безопаснѣе могъ стремиться къ угнетенію невинности, чѣмъ она казалась ему слабѣйшею, не только не имѣющею защиты и поддержки, но и надежды на нихъ.»

Въ Луцкой Комисіи составлено 70 пунктовъ противъ Бродовича, Камеральнаго Архипресвитера. Это дѣло заняло все засѣданіе: одни комиссары требовали, чтобы упомянутый Бродовичъ явился для обьясненія; другіе, видя, что этѣ пункты написаны изъ одной ненависти къ нему, говорили, что обьясненія не нужны. Такъ какъ въ этѣхъ спорахъ засѣданіе окончилось, то можно утвердительно сказать, что другого подобнаго уже не будетъ, по тому что рѣшныя комиссары разъѣдутся, а на ихъ мѣсто поступятъ другіе.

23 Іюля свидѣтели въ дѣлѣ Слѣдователя Карновскаго, возвратившись въ свои дома, не могли вполнѣ передать всю ту несправдливость противъ Епископа и его Офиціаловъ, которую они замѣтили въ Луцкѣ со стороны разныхъ лицъ изъ гражданъ (Шляхты) и Приказной молодежи. Среди другихъ вопросовъ, предлагаемыхъ этѣмъ свидѣтелямъ, чаще всего доискивались, не племянникъ ли Слѣдователь Карновскій Епископу? И хотя ни одинъ свидѣтель не высказалъ этой мысли, однако, по свидѣтельству Подстаросты Залескаго, увѣрившаго въ этомъ всѣхъ своею честью и благороднымъ словомъ, убѣдились, что онъ дѣйствительно племянникъ Епископа. Такое убѣжденіе, конечно, принесеть узнику еще большее страданіе. Противъ этого же Слѣдователя подано болѣе 20-ти пунктовъ, въ которыхъ изложена, начиная со дня его рожденія, вся его жизнь вплоть до настоящаго заточенія. Отвѣтъ же его, состоящій изъ такого же числа пунктовъ, не исполнили, и только для формы дозволили ему защиту противъ нѣсколькихъ пунктовъ, которой онъ домогался. Изъ 24 свидѣтелей Слѣдователя, представленныхъ

себѣ свободу. А когда за такое отреченіе Судъ погрозилъ ему смертію, онъ отвѣчалъ: «Готовъ умереть невинно; я не боюсь смерти. Одного долженъ я бояться, чтобы Господь не покаралъ и не осудилъ меня за несправедливые доносы на себя самого и на другихъ.»

Пока доставало продовольствія отъ гражданъ, до тѣхъ поръ и наше комиссарское рвеніе ни на волосъ не умалядось. Добыли мы послѣдніе остатки хлѣба, изъ милости даннаго, или, лучше сказать, выжатаго изъ крови крестьянъ, этѣхъ вѣчныхъ невольниковъ нашихъ, по тому что ни одинъ гражданинъ не давалъ изъ своихъ житницъ: каждый угнеталъ только крестьянъ, чтобы намъ ни въ чемъ недостатка не было,—и это въ то самое время, когда мы ихъ невинныхъ убивали. Хоть и не во время, можно сознаться въ щедрости Шляхты, по тому что намъ доставляли столько продовольствія, что мы, роскошествуя сами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и не предвидя дальнѣйшихъ послѣдствій, много сѣна и овса велѣли продать.

Убѣдились мы опытомъ, что самыя лучшія надежды часто бываютъ обманчивы. Пришлось намъ обратиться къ собственнымъ сред-

---

ныхъ Защитниками, выбрали лишь нѣкоторыхъ; за то девять человекъ изъ Приказной молодежи предложили себя въ свидѣтели противъ него, и были допущены къ присягѣ, вопреки требованію Защитниковъ объ отводѣ ихъ. Пусть же всякій остановится на этомъ. Луцкая Приказная молодежь, ни чего не вѣдавшая о жизни и свойствахъ этого Слѣдователя, теперь только въ заключеніи узнала его. Предложили же себя въ свидѣтели въ уголовномъ дѣлѣ, съ тою цѣлю, чтобы, по отстраненіи свидѣтелей, имъ поставленныхъ, дополнить число ихъ, подписываемое закопомъ. Ни чего они не знали о немъ въ точности, но изъ общихъ толковъ, ложно разглашенныхъ, знали на столько, чтобы можно было погубить его. Знали, что онъ требовалъ яду; съ умысломъ разгласили, будто то онъ хотѣлъ отравиться съ тою цѣлю, чтобы, будучи бунтовщикомъ, не выдать своихъ соучастниковъ. Не хотѣли знать о томъ, что онъ желалъ яду по другимъ причинамъ, которыя и высказалъ въ своемъ письмѣ. Это письмо его, записанное въ актахъ Коммисіи, рѣдко кому изъ Приказной молодежи было известно. А между тѣмъ такого рода слѣдствіе грозитъ Слѣдователю вѣрною гибелью. Самый невинный, конечно, долженъ погибнуть, по тому что въ теперешнихъ обстоятельствахъ достаточно разгласить о немъ какую ни будь ложь и, подобравши трехъ злонамѣренныхъ, или подкупленныхъ, свидѣтелей, остальные доказательства дополнить «ex publica fama sinistra divulgata», а изъ этого уже слѣдуетъ, что у невиннаго надо отнять жизнь.

ствамъ и уже на счетъ своего кармана показать гражданамъ ту же самую заботливость объ ихъ безопасности. Но, какъ на несчастье, изъ весьма многихъ насъ едва нѣсколько человекъ отважилось на этотъ подвигъ: каждый поѣхалъ въ свою сторону, а между тѣмъ Заленскій, Подстароста Владимирскій, съ прочими своими единомышленниками, насъ, оставшихся комиссаровъ, занялъ новымъ предложеніемъ.

Домогались они, чтобы мы дали приказаніе, стоящему въ Луцкѣ, отряду взять подъ стражу, изъ Рожищъ, Теодора Охримовича, Канцлера Луцкой Каѳедры, бывшаго Острожскаго Офиціала. Причина этого была такого рода: такъ какъ Архипресвитеръ Луцкой Каѳедры Бродовичъ, котораго уже нѣсколько разъ призывали въ Комиссію, ни чего не сообщилъ о бунтахъ, и рѣшительно нѣтъ никакой надежды, чтобы онъ когда либо сознался въ томъ, то лучше всего посадить на нѣсколько недѣль упомянутаго Охримовича въ строгое заключеніе, который, по старости лѣтъ, навѣрно захочетъ поскорѣе избавиться такого несчастія и вынужденъ будетъ признаться во всемъ, что только онъ знаетъ относительно глѣющаго въ Епархіи бунта; а при этомъ и Священникъ Бродовичъ не избѣгнетъ уже взятія подъ стражу. Михаловскій, Стольникъ Бужскій, сталъ «ex ratificatio» за упомянутыхъ двухъ Священниковъ, докладывая, что такъ какъ столько обвиненныхъ и свидѣтелей ни чего не показали на обоихъ бывшихъ Консисторскихъ Судей, а между тѣмъ въ такомъ многочисленномъ Духовенствѣ никогда не могло бы утаиться ни какое расстройство въ этомъ смыслѣ, если бы только оно послѣдовало отъ нихъ, то по этому не должно слушать дикой притязательности домогающихся такого взятія подъ стражу. При этомъ онъ прибавилъ, что Подстароста Владимирскій имѣетъ на упомянутыхъ двухъ Священниковъ свои особенныя неудовольствія, далекія отъ пользы общественныхъ, въ которыхъ пусть ищетъ себѣ удовлетворенія путемъ закона, а не мщенія.

Не возможно выразить, какъ это заключеніе съ подобнымъ прибавленіемъ раздражило обвинителя. Но, наконецъ, сами комиссары, долго стараясь укрощать порывы гнѣва Подстаросты, оставили предложеніе его безъ рѣшенія.

25 Іюля. Пришло печальное для Епископа требованіе о растріженіи не только трехъ, присланныхъ изъ Кременца, Священниковъ, но еще и четвертаго, присужденнаго къ смерти сдѣсь, въ Луцкѣ. Этотъ четвертый—Теодоръ Борковскій, приходскій Священникъ изъ Староселья, предметія Колковъ. Такъ какъ это требованіе застало Епископа въ дорогѣ (онъ ѣхалъ къ наступающему Воскресенью въ Боромлю на праздникъ Св. Кунигунды, съ цѣлю торжественно отпраздновать именины г-жи Чацкой, жены Короннаго Стражника), то онъ отвѣчалъ, что не можетъ поспѣть въ Луцкъ въ назначенный срокъ, то есть, въ это Воскресенье, но обѣщалъ прибыть въ Понедѣльникъ (*Videantur tria decreta in castro Cremenecensi in Sum. sub lit. P*).

Онъ сдержалъ свое слово, пріѣхалъ въ Понедѣльникъ и, выбравъ въ Ассессоры нашихъ Каедральныхъ Священниковъ, во главѣ которыхъ засѣдалъ и самъ Подгороденскій Священникъ, нашъ Офиціалъ (изъ духовныхъ Русскаго Обряда, какъ при первомъ, такъ и при настоящемъ, изложеніи, не присутствовало ни одного Офиціала, крокъ новоопредѣленнаго Офиціала Флоріана Корсака, Чина Св. Василія, Игумена Жидычинскаго), началъ свои дѣйствія требованіемъ о доставленіи ему, прежде всего бумагъ, составляющихъ слѣдствія, произведенныя по дѣлу приходскаго Старосельскаго Священника, какъ сдѣсь, въ Луцкѣ, такъ и въ Кременцѣ.

Приговоръ противъ этого Старосельскаго Священника еще не обнародованъ. Подгороденскій нашъ Офиціалъ представилъ вниманію Суда, что Епископскій судъ, безъ совершеннаго нарушенія Церковныхъ правъ, не можетъ быть простымъ исполнителемъ свѣтскихъ опредѣленій. Епископъ долженъ сперва убѣдиться въ проступкѣ обвиненнаго, и найдя, что онъ заслужилъ смертную казнь, сперва ливить его сана, а потомъ уже передастъ свѣтской власти, для исполненія казни.

Судъ, согласившись съ справедливымъ замѣчаніемъ, и обѣщая удержаться оглашеніемъ рѣшенія до окончанія Епископскаго суда, выдалъ ему «*in originali*» (подлинникомъ) слѣдствія. Что же касается трехъ Священниковъ, осужденныхъ на смерть Кременецкимъ Судомъ, то присланы только одни, ужъ обнародованные, приговоры, съ обозначеніемъ срока исполненія ихъ.

Гродскому Луцкому Суду, который и прежде доставлялъ свѣдѣствія Епископу, и теперь представилъ, показалось это обвинимъ, и по тому онъ требовалъ отъ Епископа, чтобы тотъ, безъ доставленія свѣдѣствій, не приступалъ къ растрижению Кременецки узниковъ. Да и самъ Подстароста Луцкій, Леонъ Гулевичъ, навяса сильное письмо въ Кременецкій Судъ, ссылаясь на законы и на давній примѣръ по дѣлу низложеннаго Священника Городенскаго, ч такія свѣдѣствія должно представлять Епископскому суду.

Противъ этого Кременецкій Судъ отговаривался тѣмъ, ч въ немъ имѣются большіе томы личныхъ показаній, записанныя подъ рядъ какъ въ дѣлопроизводствахъ надъ многими изъ крестьянъ, такъ равно и надъ этѣми Попами; слѣдовательно, для выбор показаній, относящихся только до Священниковъ, потребуется много времени и совершенно не возможно, чтобы къ назначенному у срока казни показанія этѣ могли быть выписаны. По этѣмъ причинамъ Кременецкій Судъ не можетъ прислать помянутыхъ показаній а настоятельно требуетъ, чтобы Епископъ, положившись на Судныя приговоры, благоволялъ исполнить зависящую отъ него обязанность. По полученіи такого письма, Епископъ совѣтовался съ нами Прелатами о томъ, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ. совѣщаніи рѣшили, что два Священника, Иосифъ Бучинскій, Консторскій Секретарь, и Георгій Маковецкій, Чина Св. Василія, Секретарь Епископа, «*qua juratae personae,*» будутъ посланы прочтти свѣдѣствія въ актахъ и выписать «*quoad cathedrias*» относящіяся къ этѣмъ несчастнымъ, осужденнымъ на смерть.

Не знатокъ я въ Церковномъ Законовѣдѣніи, но по словамъ людей, свѣдущихъ въ немъ, не могу понять, чѣмъ оправдуютъ этѣ вѣтники себя, Епископа и названныхъ выше посланныхъ «*ab acceleratione fatogum*» (въ ускореніи судьбы) въ этомъ дѣлѣ.*

---

* Письмо Епископа къ одному изъ своихъ Офиціаловъ. Луцкъ 31 Ію

«На совѣщаніи постановили, чтобы послать въ Гродскій Кременецкій Судъ для прочтенія въ актахъ свѣдѣствія и выписанія того, «*quoad cathedrias*» несчастныхъ осужденныхъ касается. Также послать я Бучинскаго и Маковецка: «*qua personas juratas;*» посмотрю, съ чѣмъ возвратятся; между тѣмъ срокъ

Какъ только Кременецкій Судъ отказался выдать слѣдствіе, Епископу слѣдовало бы умыть руки, а не посылать за нимъ; пс-тому что это все равно, что въ крови умыть руки, если послан-ные его привезутъ слѣдствіе. Въ промежутокъ нѣсколькихъ дней, въ который должны были прійти извѣстія изъ Кременца, Епископъ и требовалъ къ своему суду Старосельскаго приходскаго Священ-ника. Сталъ онъ въ назначенный срокъ, представлено и слѣдствіе о немъ; и какъ, на основаніи ихъ, нельзя было осудить его на смерть, а лишь доказывалось, что, какъ въ прежнее время, такъ и теперь, любилъ онъ, частію въ шутку, частію не совсѣмъ трезвый, гово-рять о Москаляхъ, хвалить ихъ храбрость, что Поляки не устоятъ противъ ихъ силы, и вести съ простонародіемъ иные, подобные этѣмъ, разговоры, то, для погубленія его, приложено было Судомъ подробное его сознаніе, написанное чужою рукою и имъ только под-писанное.

Онъ, однако жъ, отвергалъ такое свое показаніе какъ въ свѣтскомъ Судѣ, въ которомъ не былъ выслушанъ, такъ и въ Епископскомъ haec formula: «Яворовскій, мой Защитникъ, уговорилъ меня и увѣ-рилъ, будто такимъ только образомъ буду я освобожденъ; онъ самъ написалъ все показаніе и мнѣ читалъ; онъ выдумалъ, будто я пріянялъ отъ Борисова деньги; правда, я уже нѣсколько лѣтъ знаю Борисова, купца-маркитана, но никогда не вступалъ съ нимъ въ подобные уговоры, ни какихъ денегъ отъ него не бралъ и ни чего отъ него о бунтахъ не слыхалъ; только покупалъ у него, что мнѣ по хозяйству было нужно; прихожанъ моихъ собиралъ въ свой дворъ не за тѣмъ, чтобы бунтовать ихъ, но, будучи небогатымъ хозяиномъ, угощалъ ихъ за то, что помогли мнѣ собрать посѣянное и просилъ помочь, на будущее время; безъ ихъ помощи ни одинъ небогатый Священникъ обойтись не можетъ, а съ людьми надобно жить полюдски. Вотъ изъ того-то, что я теперь показалъ и что

казанъ исполнился. По извѣстному первому требованію, выслать слѣдствія не хотѣли. О Старосельскомъ просилъ гражданъ похлопотать, чтобы былъ онъ осужденъ не на смерть, а на вѣчное заключеніе. Vacillat (колеблется) Подста-роста, но надѣюсь, что tandem (наконецъ) согласится. Много пособлялъ Князь Всевода Волынскій, пріѣхавшій для удостовѣренія присягою доходовъ съ своихъ вѣннѣи,» и проч.

моему Защитнику первоначально говорилъ, онъ составилъ такое описаніе и мнѣ твердилъ, чтобы я, будучи призванъ въ Судъ, признался во всемъ, что написано. Былъ въ скоромъ времени потребованъ въ Судъ и слыша, какъ Загурскій, Луцкій Городской Судья, началъ клясться своею душою, женою и дѣтьми въ томъ, что я буду освобожденъ, лишь бы показалъ на себя, какъ написано, и подписался бы подъ этѣмъ, я не возражалъ противъ читанныхъ мнѣ обвиненій, по тому что надоѣло мнѣ продолжительное заключеніе, которое выношу уже около полугода въ одной съ простонародьемъ ямѣ, и цѣпи вѣѣлись мнѣ въ ноги. Богъ, проникающій мысли мои, видитъ, что я невиненъ, и подписалъ сознаніе единственно для полученія свободы, въ чемъ завѣрили меня и защитники мои, и Судья.»

Такое опроверженіе подѣйствовало на Духовный Судъ: долго разсуждали о томъ, чтобы прекратить дѣло, за неимѣніемъ доказательствъ; всѣ Судьи соглашались, что нельзя было приступить къ лишенію сана. Однако жъ, чтобы не показать торопливости, отложили составленіе приговора на три дня. Между тѣмъ посланные въ Кременецъ возвратились ни съ чѣмъ, по тому что Кременецкій Судъ, по истинѣ уголовный, не могъ выдать слѣдствій, которыхъ «*in regim natura*» (на самомъ дѣлѣ) не было, такъ какъ онъ постановлялъ смертные приговоры по однимъ допросамъ заключеннымъ, а чаще всего по злостнымъ показаніямъ часто упоминаемаго Кирилы. * Допросы же

---

* Рапортъ изъ Епархіи Епископу о томъ, что тамъ записанъ въ актахъ доносъ на него.

«*Illustrissime, Excellentissime et Reverendissime Domine, Protector Singularissime!*

Такъ далеко распространилась людская злоба, что даже и въ сдѣвшемъ Воеводствѣ усиливается распускать клевету. 17 Юля текущаго года подано слѣсь въ Кіевскій Гродскій Судъ для записанія показаніе кучкы-то Гг. Товарищей, Антонія Гоняковского и Андрея Дмошинскаго, сдѣланное 6 Мая передъ Дубенскимъ Магистратомъ, будто бы, по признанію какого-то Іоанна Глодовскаго, приходскаго Хорупанскаго Священника, который передъ тѣми же Товарищами, будто бы у него квартировавшими, сказалъ, что подущеніе на бунты происходило по приказанію Луцкаго Духовнаго Начальства. Въ этомъ показаніи названы слѣдователь и особа Ваши. Живу я «*in proximo viae*» на Подоль, недостаетъ мнѣ времени на полученіе списка съ этой отаргательной

занимались въ разныхъ мѣстахъ, сперва Офицерами, которые, при вѣдѣніи подъ стражу обвиненныхъ въ бунтахъ и представленіи свѣдѣтелей, безчеловѣчными истязаніями принуждали ихъ сознаваться въ матежъ, а свѣдѣтели и сами взятые, не стерпѣвъ тяжкихъ наказаній, сознавались въ томъ, о чемъ и не помышляли; такіе, военными начальствами доставленные допросы, Гродскій Кременецкій Судъ призналъ достовѣрными и, сличая ихъ съ имѣвшимися у него, востановлялъ смертные приговоры. Это же самое доказы-

---

вался; но ежели Вы еще ни чего не знаете объ этомъ показаніи, можете приказать выписать его для Васъ изъ актовъ Дубенскаго Магистрата, и, какъ ниъ кажется, не мѣшало бы выдать объ этомъ подробный манифестъ. По тому что и въ сдѣшнемъ Воеводствѣ врется духъ клеветы. Будучи сердцемъ и душою преданъ чести Вашей, спѣшу какъ можно скорѣе довести Вамъ объ этомъ; емь и вѣрч. Г. Трохлинскій, Офиціалъ Епархіальный. Р. S. Къ записанію подаю ка- кой-то Янъ Гирмыловичъ, сдѣшній Приказный, по порученію одного гражданина.»

Филиппъ Нерій Олизаръ, Литовскій Подчашій, возвратившись изъ своихъ Кіевскихъ кнѣжій, всенародно рассказывалъ, что онъ самъ видѣлъ и читалъ копій съ писемъ Бродовича, бывшаго Луцкаго Офиціала, къ разнымъ Священникамъ, писанныхъ съ подухомъ на бунтъ, будто, бы съ подлинныхъ его писемъ, которыя сняты ходила по рукамъ гражданъ Кіевскаго Воеводства. Столько-то дѣйствовала чья-то злоба на поврежденіе добраго имени этого Священника, что осмѣлилась подобнымъ даже средствомъ возбуждать противъ него общество. Однако жъ тотъ же Подчашій Литовскій удостовѣрялъ, что ему извѣстны и слоги и почеркъ Бродовича, и что это не его изложеніе, а клевета, на него вымышленная. Легко догадаться, чья это была злоба, возникшая изъ частныхъ интересовъ, обнаружившаяся противъ Епископа подаемъ къ запискѣ въ актахъ выше упомянутаго дописа, а противъ Офиціала его выдумкою такихъ писемъ.

Священникъ Громачевскій, Благочинный Кременецкій, отпущенный изъ Варшавы и, въ доказательство его невинности, украшенный золотою медалью, вступилъ, по возвращеніи въ Кременецъ, такую ненависть къ себѣ со стороны гражданъ, что, будучи не въ состояніи выдержать гоневія, рѣшился отказаться отъ своего Кременецкаго прихода. Онъ, какъ очевидецъ, рассказывалъ, что когда, по приговорамъ тамошняго Суда, казнили крестьянъ, и монахи Чина Св. Василія были поставлены исповѣдывать ихъ, то одинъ обвиненный, взведенный послѣ исповѣди на висѣлицу, на послѣдней ступени просилъ, чтобы приказали валачу остановиться, по тому что онъ намѣренъ сообщить нѣчто. Тотчасъ велѣно приостановить исполненіе, и онъ сказалъ: «Наступаетъ для меня послѣдній часъ, иду на судъ Господа Бога; удивляюсь, какъ вы вѣрите этому негодю Кирилу, который готовитъ смерть столькимъ невиннымъ людямъ! Если я что либо говорилъ и въ

вается и приговоромъ, выданнымъ противъ тѣхъ трехъ несчастныхъ Священниковъ. Въ немъ и не упоминается о сѣдствіи. Даже сами заключенные, показывавшіе противъ нихъ, будто бы съ ними вмѣстѣ были въ заговорѣ, передъ смертью, когда палачъ надвѣвалъ уже имъ петлю, отвергали свое показаніе противъ Священниковъ, но ихъ не хотѣли слушать. Много кавнено пѣр-престонарэдья, какъ показывають такіе приговоры, помѣщенные въ Перечнѣ, которые только рег сопнехіономъ касались престо-

---

чемъ либо сознался, какъ о себѣ, такъ и о Священникѣ Чабанскомъ, сперва передъ начальникомъ въ Свѣтѣ, а потомъ сдѣсь, передъ Судомъ, все то дѣлалъ я, тамъ — принужденный розгами, а тутъ — страхомъ, чтобы меня не приказано было также мучить, какъ мучили въ Свѣтѣ. Ни чего я не знаю, ни съ кого денегъ я не бралъ; Священникъ Чабанскій также ни въ чемъ не виноватъ. Все это такъ справедливо, какъ я прошу у Бога о спасеніи души моеи.» Вѣрно, однако жъ, повѣсить его тотчасъ. А когда другого обвиненнаго также велъ на смерть, и онъ, увидя монаха, просилъ исповѣдаться, то присутствовавшіе при этомъ граждане разпѣвались и требовали, чтобы монахи не исповѣдывали уже приговоренныхъ къ смерти, по тому что тѣ научаютъ ихъ заператься въ своихъ и въ чужихъ преступленіяхъ. Послали за Реформатскій Священникомъ, чтобы онъ ихъ исповѣдалъ. Ужасное положеніе бѣднаго престоародья, если ему пельзя по своему желанію выбрать исповѣдника: даже въ минуту смерти!

Другой, такимъ же образомъ веденный на казнь, по отдаленности мѣста болѣе двухъ часовъ долженъ былъ употребить на совершеніе своего роковаго путешествія; онъ такъ считалъ себя обиженнымъ Кременецкимъ Судомъ за безвинное осужденіе на смерть, что на убѣжденіи духовника изъ любви къ Богу простить всѣмъ нанесенныя ему оскорбленія, отвѣчалъ, что всѣмъ прощаетъ отъ чистаго сердца, но не можетъ простить Суду такой великой несправедливости; долго трудился надъ нимъ духовникъ и уже подъ вѣшницею получилъ такой отвѣтъ: «Хотя я и прощаю Суду причиненную мнѣ несправедливость, но Господь Богъ, вѣдающій мою невинность, не проститъ ему!» Такіе-то приговоры выходили по настояніямъ Яна Загурскаго, Кременецкаго Судьи, роднаго брата Судьи нашего, а также Святаяцкаго, исполнявшаго должность Секретаря. Такая была доля Священниковъ и крестьянъ въ Кременецкихъ темницахъ, частью отъ того, что узниковъ замыкали на ночь, просунувъ одну ногу въ общую вилочку, отъ чего они должны были всю ночь лежать на одномъ боку, частью отъ недостатка въ пищѣ, отъ чего много съ голоду умираю, а наконецъ отъ невыносимаго смрада, происходившаго отъ чрезмѣрнаго накопленія заключенныхъ; грызунція насѣкомыя такъ размножились между ними, что, подобно муравьямъ, не только по землѣ и людямъ, но и по стѣпанъ ползали. А отъ того узники,

родя, будто бы участвовавшего съ Священниками въ бунтѣ. Что же сдѣзать о тѣхъ приговорахъ, которые выданы противъ однихъ крестьянъ? Много ихъ погублено этѣми приговорами!

Разсмотрѣвъ въ своемъ Судѣ выше упомянутые приговоры и къ тому же ободренный внушеніемъ сѣшняго Суда, по тому что дѣло касалось и его значенія, Епископъ не приступилъ къ лишенію сана трехъ Кременецкихъ Священниковъ, а между тѣмъ отъ Сеймовыхъ Чиновъ подоспѣлъ приказъ о приостановленіи исполненія надъ ними приговора до лучшаго разузнанія вины и убѣжденія въ ней.

долгое время такимъ образомъ немилосердо томимые, выслушивалъ приговоры Суда, осуждавшіе ихъ или на смерть, или на нѣскольколѣтнюю работу въ Каменецкой крѣпости, принимали этѣ наказания съ величайшею радостью, возносили взоры и руки къ небу и, обернувшись лицомъ къ Господнимъ Святымъ, благодарили Бога какъ бы за совершенное избавленіе.

Въ то время много перенесъ и Епископъ отъ нѣкоторыхъ гражданъ, а въ особенности отъ Юсіа Стецкаго, Кавалера ордена Св. Станислава, за то, что не хотѣлъ разстричь Кременецкихъ Священниковъ и отгнать разстриженіе Пона Старосельскаго. Стецкій публично выговаривалъ Епископу такими словами: «Въ недобрый часъ сдѣзались Вы сдѣшнимъ Епископомъ; за чѣмъ этѣхъ негодныхъ Поповъ защищаете, за чѣмъ не разстригаете ихъ? Не бережете ли Вы ихъ для послѣдней нашей гибели?» Пристыженный Епископъ извинялся тѣмъ, что опъ ихъ разстрижетъ, какъ только по закону можно будетъ ему приступить къ этому. Впрочемъ, Гродскіе Луцкіе Судьи вступались за этого, истинно несчастнаго, Епископа, который неумѣстною уступчивостію потерялъ доброе о себѣ мнѣніе, и убѣдили Стецкаго не претавать къ нему больше.

Когда разнеслась вѣсть о такомъ множествѣ погубенныхъ въ Кременцѣ, то народъ на Подолѣ, по которому бродилъ извѣстный доносчикъ Кирило, такъ встревожился, что при первомъ появленіи въ деревнѣ военнаго отряда, приходившаго за продовольствіемъ, либо на столуку, крестьяне покидали дома, жены и дѣтей и убѣгали въ открытыя поля и овраги, какъ то бывало во времена Татарщины, когда народъ забирали въ ясирь, т. е., въ полонъ. Накопецъ и сами владѣльцы стали опасаться, чтобы крестьяне не разбѣжались отъ нихъ вовсе. Въ слѣдствіе этого, желая увѣрять крестьянъ, что Кирило Пундикъ вредить имъ уже не будетъ, они постарались о томъ, чтобы его заключили въ Каменецкую крѣпость.

Злая искра и домъ сожжетъ, и сама сгинетъ!

Оставляя Кременецкое дѣло, возвращаюсь къ Луцкому. Любостайна была выдана, либо же изъ отсрочки, сдѣланной Духовнымъ Судомъ, сами Защитники вывели такое заключеніе, что Судъ оснуется на опроверженіи обвиненнаго и Епископъ не приступитъ къ распоряженію. Прогрѣзло это извѣстіе по всему Луцку, а между тѣмъ Гродскій Луцкій Судъ, опасаясь неожиданнаго для себя въ Епископскомъ Судѣ случая, не смотря на данное обѣщаніе, поспѣшилъ огласить смертный приговоръ противъ несчастнаго Старосельскаго Священника, съ намѣреніемъ прибавивъ въ ономъ слѣдующее: «Отсылается, если нужно будетъ, къ Епископу для разстриженія.»

Старосельскій Священникъ, по прочтеніи ему приговора, тутъ же обратился къ своему Защитнику и сказалъ ему: «Вижу теперь, что Вы меня погубили. Не хотѣлъ я первоначально уступить Вашимъ внушеніямъ, но повѣрилъ Вамъ, когда Вы мнѣ сказали, что только этѣмъ средствомъ получу я свободу, а теперь несчастнымъ образомъ убѣждаюсь, что только такимъ путемъ и можно было погубить меня. Не виноватъ я ни въ чемъ; безвинно осудили меня на смерть, что не перестану повторять, пока душа останется въ моемъ тѣлѣ.»

Такъ несчастный страдалъ постоянно, и, будучи гдѣ несостояніи, изъ боязни близкой смерти, преодолѣть своего горя, казалось, помѣшался.

На другой день, по оглашеніи таковаго приговора, наступалъ конецъ отсрочки для обвиненнаго передъ Епископскимъ Судомъ. Любопытство томило насъ, что произойдетъ въ этомъ Судѣ. Всѣ мы полагали, что Судъ, не обращая вниманія на постановленіе Свѣтскаго, оснуеть свой приговоръ на опроверженіи обвиненнаго и не приступитъ къ разстриженію, по тому что ему надлежало поступить такимъ образомъ, хотя бы наконецъ велѣли казнить и безъ лишенія; было бы это только большимъ насиліемъ правъ Духовныхъ, а не преступленіемъ Духовныхъ Судей.

Нашлись, однако, двѣ головы, дышавшія однимъ духомъ уступчивости, Епископъ Левинскій и Офиціалъ Подгороденскій. На второмъ засѣданіи оба они придумали средство осудить невиннаго,

говоря, что имъ должно, по крайней мѣрѣ, provisionaliter поддержать духовные законы и не допустить до казни безъ лишенія сана, чрезъ что (какъ говорили) была бы нанесена духовному самосуду не-вознаградимая обида; по этому и написали постановленіе о разстриженіи. (Videatur in Summario sub lit Q.)

Теперь уже не удивляюсь я, что и Господь Иисусъ Христосъ осудить духовнымъ Судомъ! ⁴⁵

11-го Августа упомянутый Феодоръ Борковскій, Старосельскій приходскій Священникъ, 59 лѣтъ отъ роду, по разстриженіи, отдавшійся волѣ Божіей, былъ казненъ, въ 9-ть часовъ утра.

Мѣсто этого Священника подавало надежду многимъ врагамъ Русскаго Духовенства, что онъ, потерявъ надежду на спасеніе жизни, всѣхъ обвинитъ въ участіи въ заговорѣ; но они были привлечены въ удивленіе, по тому что, ни чего не зная о комъ либо, не могъ ни чего и показать, даже и на зятя своего, котораго въ первоначальныхъ своихъ допросахъ нѣсколько обвинялъ. Изъ данныхъ ему исповѣдниковъ нашего Обряда, не принявъ онъ ни Медушевскаго, ни Офиціала Подгороденскаго, ниже кого либо другого, а взявъ

---

⁴⁵ Въ немъ одному Римскому Прокурору было сказано: «Si hunc dimittis, non es amicus Caesaris» (Аще сегопустиши, нѣси другъ Кесаревъ. Іоан. 19, 12). А сдѣла и Подстароста Луцкій, и Епископъ Луцкій, и Офиціалъ Римско-Луцкій, каждый въ особенности, боялся, чтобы имъ не сказали чего ни будь похотѣло. Люди не привыкли дѣлать что либо безъ достаточной причины; пондемъ же ея, можетъ быть найдемъ относящуюся до настоящаго случая. Кто знаетъ положеніе Леона Гулевича, Луцкаго Подстаросты, участіе въ его возвышеніи и щедрое вспоможеніе ему Старосты Овруцкаго, Г-на Стецкаго; кто припомянетъ, что, по настоянію того же Старосты Овруцкаго и въ томъ же Судѣ, осужденъ на смерть Городищенскій Священникъ; что дѣло этого же Старосты надобно было оправдать и подтвердить новымъ приговоромъ, чтобы потомство не говорило, будто онъ старался лишитъ жизни своего Священника изъ одной ненависти; кто наконецъ размыслитъ и о томъ, что чѣмъ больше, хотя и невинныхъ, жертвъ будетъ умерщвлено за бунты, тѣмъ самые бунты будутъ яснѣе передъ обществомъ обнаружены, а оно, съ своей стороны, тѣмъ болѣе обязано будетъ благодарить Подстаросту Луцкаго, что онъ дѣйствовалъ, какъ политикъ. Жаль очень, что и такой причины нельзя приписать ни Епископу, ни Офиціалу.

Каноника Глинку, который и былъ при немъ до послѣднихъ мгновенія.

Также и Слѣдователь, Симеонъ Карповскій, содержащійся сихъ поръ подъ стражею со 2-го Мая, получилъ окончательнѣе рѣшеніе. Не помогли ему ни какія законно приводимыя доказательства: Судъ, основавшійся на злобномъ показаніи Хорупанскаго Поп и принявъ въ соображеніе, что Карповскій, чувствуя себя преступнымъ, желалъ яду, осудилъ его на трехлѣтнее заключеніе въ Каменецкой крѣпости, а потомъ на пожизненное заточеніе въ какойлибо монастырь Чина Св. Василія, по назначенію Епископа. ⁴⁶

Точно также и Никифоръ Костюкевичъ, приходскій Колковскій Священникъ, зять покойнаго Старосельскаго Священника, сидѣвшій до сихъ поръ подъ стражею съ 4-го Апрѣля, когда многіе и нѣсколко разъ представляемые Суду свидѣтели ни чего противъ него не доказали, а сторона обвиняющая, угождая общественному раздрженію, взялась представить доказательства его виновности, то онъ получилъ такое *judicatum* (рѣшеніе): что Судъ назначилъ разбирательство на мѣстѣ въ Колкахъ, а его приказалъ посадить въ Тринитарскій монастырь, до слѣдующаго ряда Судебныхъ засѣданій.

Тотчасъ по оглашеніи этихъ приговоровъ былъ удаленъ, по повеленіемъ Гродскаго Суда, отъ должности, за свои злодѣянія, присяжный Воеводскій Слѣдователь, Костренскій, котораго мы та превознесли похвалами «*in Laudo,*» ⁴⁷ а на мѣсто его выбраны и

---

⁴⁶ Упомянутый Слѣдователь, Симеонъ Карповскій, во исполненіе Гродскаго Луцкаго приговора, противъ него состоявшаго 16 Августа, взятъ изъ Луцкаго заключенія въ Дубенскую крѣпость, а оттуда подъ прикрытіемъ отравленъ въ Каменецъ Подольскій. Такую тяжелую и несчастную участь его можно, однако жъ, по взятіи изъ Луцка, назвать благополучною, по тому что такимъ образомъ отъ спасся съ невыразимаго преслѣдованія и обезпечилъ себѣ жизнь, такъ какъ первоначально помышляли единственно о самомъ страшномъ для него родѣ смерти. Ему не позволили и помыслить даже объ апелляціи!

⁴⁷ Вельможный Панъ Яковъ Костренскій, Подкоморій Его Королевской Милости (такъ онъ подписывался въ явкахъ въ Судѣ), возгордился полученной благодарностью Воеводства, торжественно записавшою въ актахъ, за неутомимое иск-

среды Приказной три Слѣдователя, т. е., Казимиръ Сабичкій, Хамецъ и Люблинскій, которые и присягнули.

13-го Августа Русскій Епископъ, избѣгая какого либо противнаго ему постановленія по поводу Кременецкихъ узниковъ, отправленныхъ отсюда безъ лишенія сана, выѣхалъ, въ 9-ть часовъ утра, въ Варшаву. Этѣ узники, по возвращеніи своемъ въ Кременецъ, заточенные въ темнѣйшія тюрьмы, возбуждаютъ любопытство всѣхъ о дальнѣйшей своей судьбѣ.

Съ почтеніемъ пребываю и пр.

неніе обязанности доносчика на бунтовщиковъ, много несправедливо надъ узниками, бывшими въ его власти, и нѣсколькихъ замучилъ до смерти, безъ вѣдома Суда. Обираетъ онъ каждаго донага, и разжигается такимъ грабежемъ, отдавая всевозможному разврату. Но великія злодѣянія его не могли повредить его зачатию. А между тѣмъ онъ тѣмъ только и заявилъ себя, что, отрекшись отъ религиозныхъ и прирожденныхъ человѣку чувствъ, съ одинаковымъ милосердіемъ мучилъ и духовныхъ и престопающе. Этому мужу двѣ вещи помѣшали приобрести всеобщее уваженіе: влѣчливость и гордость. Пока онъ дѣлался изграбленною у Иллиполю добычею съ Вице-Регентомъ Ленкевичемъ, Тарпинскимъ, Квяттой, Яворскимъ, Мушицкимъ, Люблинскимъ и другими первостепенными Мецелатами, до тѣхъ поръ громко гремѣла слава старшаго имени Кострелскихъ; а какъ только пересталъ съ ними дѣлиться, они, какъ на несчастіе, подкочались подъ Его Милость, Подкоморія Его Королевской Милости, и свѣщеніемъ съ должности постарались сбавить ему снеси. У насъ вотъ что считается неотпустимымъ грѣхомъ: вольно Шляхтичу грабить, бить, калѣчить, убивать и пр., а крестьянину нельзя. Не довольствуясь отставкою Кострелскаго, задумали навсегда выжить его изъ Луцка; для этого подговорили младшаго между себя, а тотъ, встрѣтивъ Вельможнаго Подкоморія на улицѣ, провожавшаго одну госпожу, по всевозможныхъ извиненіяхъ передъ нею, поколотилъ ему рожу, вырвалъ чубъ и отдулъ палкою по бокамъ, а за тѣмъ приказалъ не оставаться въ Луцкѣ болѣе нѣсколькихъ часовъ. Что за дерзость! Жаль именитаго чиновника! (Примѣч. 46 и 47 писаны собственноручно Θεодосіемъ Бродовичемъ (Я. О. Г.).

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО *

ВАРШАВА, 24 Сентября.

Не могъ я безъ слезъ смотрѣть на картину тираніи, кот
въ письмѣ, отъ послѣднихъ чиселъ Августа, Вы снова мнѣ из
зили. Разказалъ мнѣ обо всемъ, хотя и не очень подробно,
скопъ Левинскій, пріѣхавшій сюда собственно для отдыха и
столькихъ мученій. Король, встрѣтивъ его во дворцѣ, сказалъ
«Сильно удручали Васъ на Воляни; собственнымъ опытомъ у
Вы, какъ много приходится вынести при отправленіи общес
ной должности.»

Оправдалось мое предсказаніе, что дѣло не остановится н
крови, которую Вы пролили на Луцкой площади. Пролили Вы и
гую кровь, чтобы она сильнѣе вопіяла объ отмщеніи и скорѣе
влекла ее на несчастное Отечество. О если бы я ошибся въ э
моемъ предвидѣніи! Однако жъ нельзя не видѣть приближающ
гибели, глядя на теперешнія наши совтѣзанія, которыя сдѣсь,
нѣкогда при Вавилонскомъ столпотвореніи, происходятъ съ см
нѣмъ языковъ, а кончатся разсѣянїемъ народа.

Всѣ, наиболѣе кричащіе противъ Москвы, посягающіе даж
честь самой Монархини, суть вѣрнѣйшіе ея друзья, и хотя по
дному различаются другъ отъ друга, однако жъ всегда стр
ся къ одной и той же цѣли и преднамѣренно соглашаются со вс
что влечетъ за собою печальныя для всей страны происшеств

---

* Это третье, какъ равно и четвертое, письмо со всѣми примѣчаніями и
собственнолично Бродовичемъ. Я. Э. Г.

Пишу Вамъ вообще; не гнѣвайтесь, если перо мое удержи-
вается отъ описанія подробностей; по тому что этѣ подробности,
втекающія изъ многочисленныхъ родниковъ, разрастаются едва
ли не съ каждымъ Сеймомъ; стало, не великую окажу я Вамъ услу-
гу неполнымъ описаніемъ того, что натворили наши законодатели,
одни по слѣпому усердію, другіе по пристрастію. И будутъ они до
тѣхъ поръ куролесить, пока имя Поляка не утопятъ въ собствен-
ной его крови. Къ тому же Вы получаете по почтѣ извѣстія о
сдѣшнихъ дѣлахъ, и, выикнувъ въ сущность ихъ, согласитесь со мною.

Обращаю мысли мои къ печальнымъ жертвамъ Волынскаго раз-
драженія. Поблагодарилъ я Епископа за то, что не хотѣлъ онъ раз-
стричь трехъ Священниковъ, осужденныхъ на смерть Кременецкимъ
Судомъ по однимъ показаніямъ узниковъ, вынужденнымъ жесто-
кими побоями. Благодаренъ и Гулевичу «in hoc solum non impio,»
за совѣтъ, данный Епископу, не приступать къ чему либо безъ при-
сылки изъ Гродскаго Кременецкаго Суда слѣдствій, которыхъ къ
тому же, «in regum natura» и не было.

Священники, возвращенные въ темнѣйшее заключеніе, можетъ
быть, когда ни будь увидать свѣтъ, а Старосельскій приходскій Свя-
щенникъ, сложившій на плахѣ голову въ слѣдствіе до сихъ поръ
продолжающагося ожесточенія, уже изъ подъ алтаря вопіетъ о мести.
Изъ опроверженія, сдѣланнаго имъ передъ судомъ, очевидно, что
въ гибели его виновенъ собственно Судья Загурскій. У меня есть
одно донесеніе, изъ котораго ясно, что онъ присовѣтовалъ Защит-
никамъ, чтобы они предлагали узнику освобожденіе отъ наказанія и
заключенія только подъ условіемъ добровольнаго признанія въ пре-
ступленіи. Не могли же Защитники не повѣрять Судью, а тѣмъ болѣе
простаъ Священникъ, не могъ догадаться о безбожномъ коварствѣ.

Если бы и не зналъ я родословной Загурскихъ, то, по ихъ по-
ступкамъ, догадался бы, что этѣ оба Судьи, Луцкій и Кременецкій,
родные братья: одинаковыя помышленія, одинаковая заносчивость,
хитрость, несправедливость, а особливо свирѣпость надъ подпавши-
ми подъ ихъ власть, тѣсно соединяютъ ихъ другъ съ другомъ.
Припоминаю, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одному изъ нихъ все-
народно было сказано, что онъ гораздо лучше поступилъ бы, если

бы послѣдовалъ примѣру павлина, который тѣмъ обуздываетъ въ себѣ врожденную надменность, внушаемую ему великолѣпными перьями, что глядѣть на свои отвратительныя ноги.

Не удивляйтесь, что депутатъ Святославскій провелъ законъ не щадищій людской крови въ Воеводствахъ Русскихъ. Сдѣлали это донесенія Комиссаровъ и Судей изъ трехъ Уѣздовъ, которымъ и теперь еще мерещится, будто заговоръ о рѣзнѣ дѣйствительно существуетъ. И большая часть депутатовъ теперешняго Сейма вѣрить этой выдумкѣ, а тѣ изъ нихъ, которые поумнѣе, ловко воспользовались этѣмъ переполохомъ для своихъ цѣлей.

Припомните, какой шумъ поднимался на Сеймахъ; когда предлагалось усилить войско и увеличить подати. Теперь этѣ два предложенія, подъ вліяніемъ выдуманнаго предлога, единогласно обращены въ законъ, и гражданинъ, не хотѣвшій прежде дать золотый, теперь охотно соглашается платить съ доходовъ десять золотыхъ.

Въ теперешнемъ вѣкѣ, больше чѣмъ когда либо, политика не сходится съ ученіемъ Христіанскаго Законодателя. Отдаетъ она въ жертву часть, какъ говорятъ, черни, для спасенія большей и лучшей части общества. Но все это бесполезно. Боюсь дожидаться того, чтобы за свои же деньги не купить своей неволи.

Страшное изображеніе на бумагѣ ножа, присланнаго изъ Волыни, разсматривала Сеймовая Депутація (Коммиссія), и признала его пронаведеніемъ головъ злонамѣренныхъ и испорченныхъ!

Хоть бы въ теперешнихъ обстоятельствахъ ваши Повѣтовые Судьи сохранили то благоразуміе, какое соблюдаетъ сдѣшняя Депутація, разбирая съ величайшимъ усердіемъ бумаги привезеннаго сюда изъ Луцка Архіерея Садковского: она ни чего еще не нашла въ нихъ похожаго на бунтъ. Тогда это раздраженіе; уменьшающееся мало по малу, должно было бы наконецъ совсѣмъ угаснуть.

Проживаетъ до сихъ поръ присланннй сюда изъ Верещаки Священникъ главнымъ образомъ по тому, что дѣло о немъ ведется въ Депутаціи и Судьи не видятъ за нимъ ни чего, кромѣ простоватости

и словъ, сказанныхъ съ пьяну, которыми злоумышленно воспользовался. Давно бы уже онъ не жилъ, если бы его въ Луцкъ, или въ Кременецъ «solito more» (обыкновеннымъ способомъ) судили.

Не теряю, однако жъ, надежды, что буря эта утихнетъ, если уже граждане стали подумывать о распущеніи своихъ ополченцевъ.

Еще разъ жду отъ Васъ извѣстій и остаюсь и проч.

ПРИПИСКА (Post scriptum).

Извѣстный обвинитель Русскихъ Священниковъ и крестьянъ, Кирило Пундикъ, какъ Вы его называете, нѣсколько недель тому назадъ представленный сюда изъ Кременца, возбудилъ всеобщее любопытство. Депутація часто призывала его и записывала его показанія, но какъ мнѣ сказывали, онъ, будучи допрашиваемъ объ одномъ и томъ же предметѣ, не ладилъ самъ съ собою, отрекаясь отъ того сегодня, что утверждалъ вчера; изъ этого можно предполагать, что и у сатаны есть свои апостолы!

И Король приказалъ представить его себѣ, и сказалъ ему, чтобы онъ показывалъ чистую правду и думалъ о Богѣ и спасеніи души. Депутація, отираивъ его отсюда, послала съ тѣмъ вмѣстѣ и его разнорѣчивыя показанія.

ПОСЛѢДНЕЕ ПИСЬМО.

ВЪ ВАРШАВУ, 26 Нолбра.

Вѣроятно продолжительное ожиданіе моего отвѣта заставило Васъ думать, что послѣ бури мы предались отдохновенію. Тотчасъ по окончаніи Судебныхъ засѣданій въ Августѣ, Судьи наши и мы, комиссары, поѣхали по деревнямъ собирать новый хлѣбъ.

Кажется намъ, будто живемъ въ другомъ мірѣ: ни какая зловѣщая повѣсть не мѣшаетъ нашему покою. Священники отправляютъ по селамъ прежнія обязанности, крестьяне несутъ тѣже повинности; ихъ молчаніе, пугливость и большее, чѣмъ прежде, стараніе угождать нашей волѣ, служатъ упрекомъ намъ въ томъ, что мы не полюдски поступали съ ними. Нѣкоторые граждане тѣшились еще кое-какою надеждою, что ихъ предположенія могутъ оправдаться; наконецъ и эта надежда исчезла.

Писалъ я Вамъ, что по дѣлу о Костюкевичѣ, Колковскомъ Священникѣ, Благочинномъ Черторыйскомъ, сидѣвшемъ подъ стражею, послѣ представленія въ Судъ многочисленныхъ свѣдѣтелей, назначено было наконецъ дознаніе на мѣстѣ, въ самыхъ Колкахъ. Срокомъ этого дознанія былъ назначенъ на 24 Сентября (pro d. 24 Septembris). Съѣхались судебныя лица, или заступающія ихъ мѣста. Тамъ, въ отсутствіе этого Священника, доносчики ⁴⁸ усиливались уличить его

---

⁴⁸ Доносчиками противъ него были: Завойскій, новый Шляхтичъ, пожалованный по милости Князя Понинскаго, и Комерникъ Несѣцкій. Первый изъ нихъ, по извѣстнo какому богатырскому дѣянію, сдѣлался Генераломъ войскъ Рѣчи Посполитой; вѣрнѣе, что барыни за обѣдомъ такъ его называли (по тому что у насъ обыкновенно барыни раздають на такіа почести свои привилегіи); женился на

хотѣ въ чемъ либо, относящемся до бунта, но, не имѣя возможности лишить невиннаго жизни, лишили имущества, по тому что приказали на его счетъ поставятъ изъ города все, что требовалось для нихъ и для Судей. Въ теперешнія засѣданія Суда обнародовано рѣшеніе, очищающее столь долго томившагося узника отъ всѣхъ обвиненій и предоставляющее ему право иска противъ доносчиковъ.

Трогательное это было зрѣлище для сердець чувствительныхъ! Слѣдуетъ стыдиться (думалъ я) того легковѣрія, которое многихъ заставляло прежде желать смерти этому Священнику.

Всѣ слушавшіе чтеніе рѣшенія, ⁴⁹ вспоминая, какъ жестоко обходились съ Священникомъ, не могли скрыть чрезвычайнаго волненія, а вѣрнѣе угрызенія совѣсти.

Каштеляншѣ Выжицкой, выгнавъ брата ея, а своего шурина, изъ отцевскихъ имѣній, единственную дочь свою выдалъ за Князя Четвертинскаго и, поссорившись съ нимъ, пожертвовалъ имѣнія Выжицкихъ на стотысячное войско Рѣчи Посполитой. И хотя этой его жертвы, столь противной праву природы, Государственные Чины, не приняли, однако жъ усердіе его, всюду на Волыни превозносимое, такое доставило ему уваженіе и значеніе, что всему, чтобы онъ самаго злостнаго ни выдумалъ на Русиновъ, вѣрили безъ всякихъ доказательствъ. Другой доносчикъ, Несѣцкій, владѣлецъ села Омельна, сосѣдъ упомянутаго Генерала, живущаго въ Журавицахъ, бывавшій очень часто въ Колкахъ на богослуженіи, а по тому и въ домѣ Священника Костокевича, за его общительность и искреннее къ нему сердце, подслужился эѣмъ доносомъ и расплатился съ нимъ за все эту продолжительную неволею.

⁴⁹ Не много же было при обнародованіи этого рѣшенія такихъ чувствительныхъ сердець. Сочинитель письма выразился бы точнѣе, если бы сказалъ: «всѣ честные люди, слушавшіе чтеніе рѣшенія». Христіанская честь опирается на любовь къ Богу и ближнему, а ея не было и тѣни въ неправыхъ сердцахъ именно въ то время, когда самымъ яснымъ образомъ обнаружилась невинность духовной особы. Одни сожалѣли, что дѣло Колковское, на которое они такъ рассчитывали, кончилось не согласно съ ихъ ожиданіями. Другіе, называя свидѣтелей соучастниками въ преступленія своего приходскаго Священника, умышленно разглашали въ обществѣ, будто онъ освобожденъ въ слѣдствіе лжесвидѣтельскихъ клятвенныхъ показаній. Наконецъ были и такіе, которые подъ рукою говорили и о Судяхъ, будто имъ слѣдовало бы, для поддержанія убѣжденія въ дѣйствительности бунта Русиновъ, вту естальную голову по-

Узникъ радовался тому только, что выходилъ на свободу. Сам Судья, кажется, въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ состраданіе которое и высказали въ словахъ, проникнутыхъ человѣколюбіемъ

Этѣмъ все окончилось; а лучше бы было, если бы никогда не начиналось.

Поручаю себя постоянной дружбѣ Вашей и пр.

ложить на плаху. Погибъ же Городищенскій Священникъ, говорили они, и не уличенный въ заговоръ, по тому что за его голову, ненавистную Овѣ кому Старостѣ, послѣдній щедро заплатилъ червонцами; погибъ и обрѣченный Старосельскій Священникъ, хотя и отвергалъ свое показаніе, по тому что, для поддержанія интересовъ того же Старосты, была необходима и вторая голова. По чему же тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ общественной пользѣ наши Судьи освободили отъ смерти Колковскаго Священника, и пощадили зятя, казнь тестя? Оба они жили въ одномъ и томъ же городѣ, зять въ Колкѣ, тесть въ Старосельѣ, то есть, въ предмѣстьѣ. Кровныя узы и общія выгоды служить не малымъ доказательствомъ того, что они либо оба уголовные преступники, либо оба невинны. Показывалъ же тесть первоначально на зятя въ Кошмисин, какъ потомъ на себя въ Судѣ. За что же одного казнили, а другого помиловали? По чему же, когда свидѣтели противъ перваго не показали ни чего кромѣ неосторожныхъ словъ, сказанныхъ въ шутку, а онъ самъ свое показаніе отвергнулъ, по чему же Судъ, въ виду постоянного запрятельства втораго, не употребилъ достаточно времени для раскрытія истины, которую обязанъ былъ искать всѣми средствами, которую легко открылъ бы, если бы приведенныя въ томъ показаніи обстоятельства провѣрилъ на мѣстѣ? Отъ чего не захотѣлъ выслушать какъ Защитника, уговорившаго сдѣлать показаніе, такъ и отвергавшаго оное узника; также побужденій къ сознанию и къ запрятельству? За чѣмъ не отложили смертной казни тестя до того времени, пока бы въ томъ же преступленіи не уличилъ, либо не оправдали и зятя? Такими и подобными этѣмъ рѣчами, доказательствами и тонкостями доказывали несправедливость Судьи но выводимое изъ нихъ заключеніе не показывало любви къ Богу и ближнему, по тому что его основывали единственно на томъ, что (хоть бы для оправданія себя передъ потомствомъ) окончаніе этѣхъ бунтовъ слѣдовало запечатать головою Колковскаго Священника. По тому-то мало кто изъ извѣстныхъ нашихъ гражданъ отказался отъ предубѣжденія противъ Русниковъ, наиболѣе изъ такихъ, которые и теперь ихъ преслѣдуютъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.*

Еще корпѣлъ я надъ чтеніемъ сочиненій о Торговицкой Конфедерациі, превратившейся въ Городенскую, и о вторичномъ раздѣлѣ Польши между тремя Державами, послѣдовавшемъ при содѣйствіи артиллерійскаго Генерала, Станислава Потоцкаго; еще надѣялся я, что Сарматскій орелъ, потерявши крылья, по крайней мѣрѣ, укроетъ голову и туловище свое подъ защитою тѣхъ же Державъ; еще казалось, мнѣ что Господь Богъ, покаравшій за пролітіе невинной крови вторымъ раздѣломъ края, остановится на этомъ наказаніи: но вотъ въ Мартъ (in Martio) 1794 года читаю о новомъ возстаніи народа подъ начальствомъ Таддея Костюшка. Вижу, что на подавленіе этой бури спѣшатъ отовсюду войска Россійскія, въ Русскихъ Воеводствахъ Австрійскія, а въ Великой Польшѣ Прусскія. Теперь, подумалъ я, конецъ моему Отечеству! Кровь невинная! недолго вопіяла ты изъ подъ алтаря о мщеніи! Подъ Мацѣевичами разбиты Польскія войска, предводитель попалъ въ полонъ и отправленъ въ Петербургъ. Офицеры и солдаты большею частію загнаны туда же, Прага подъ Варшавою вырѣзана, вся страна разобрана: нѣтъ имени, нѣтъ существованія Поляка!

---

*Иршеска, сдѣланная въ концѣ рукописи самимъ Бродовичемъ. Я. Ф. Г.

IV

МАТЕРІАЛЫ ІНОСТРАННЫЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ.

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О РОССІИ И ЕЯ ЖИТЕЛЯХЪ.

Г Л А В А I.

О Русскомъ Государствѣ, объ областяхъ, рѣкахъ и городахъ.

Россія или, какъ нѣкоторые называютъ ее, Бѣлая Россія (Weiss. Russland), или же, какъ вообще также называютъ ее, по главному, стоальному городу ея, Москвѣ, лежащему въ срединѣ страны, Московія (Musscowien), составляетъ одну изъ самыхъ крайнихъ частей Европы, граничащую съ Азіей и обнимающую собою весьма значительное пространство. Такъ, въ длину она простирается на 30 градусовъ, или 450 Нѣмецкихъ миль, а въ ширину на 16¹/₂ или 140 Нѣмецкихъ миль. Границы ея, особенно если принимать въ соображеніе земли, нынѣ находящіяся подъ владычествомъ Царя, или Великаго Князя, Московскаго, простираются: на сѣверъ или полночь черезъ полуночный кругъ до Ледовитаго моря, на востокъ или утро до великой рѣки Оби, протекающей черезъ земли Ногайскихъ Татаръ, на югъ или полдень до владѣній Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и на западъ или вечеръ до содѣственныхъ земель: Литвы, Польши, Ливоніи и Швеціи.

Русское Государство раздѣляется на нѣсколько разнчныхъ Княжествъ и областей (провинцій), большая часть которыхъ поименованы выше въ титулѣ Великаго Князя. Первымъ и важнѣйшимъ искони было Княжество Володимерское, или Владимирское,

какъ называютъ его теперь, лежащее между двумя рѣками, Во-
гою и Окою, гдѣ и нынѣ еще находится старый городъ и крѣ-
пость того же имени; городъ этотъ построенъ въ 928 году Вели-
кимъ Княземъ Владимиромъ ¹ и былъ стольнымъ Царскимъ горо-
домъ какъ его, Владимира, такъ и слѣдовавшихъ за нимъ Вели-
кихъ Князей до тѣхъ поръ, пока Великій Князь Иванъ Данил-
вичъ (Danilow Michaelowitz) не перенесъ изъ него своего глав-
наго мѣстопробыванія въ городъ Москву.

Остальныя Княжества въ прежнія времена имѣли своихъ со-
вѣстныхъ Князей и владѣтелей, которыми и управлялись, но по-
томъ всѣ они, или, по крайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ
тираномъ Иваномъ Васильевичемъ покорены мечемъ Царской М-
сковской Державѣ (скипетру).

Черезъ этѣ страны и области протекаетъ много превосход-
ныхъ большихъ и судоходныхъ рѣкъ, такъ что я долженъ ска-
зать, едва ли подобныя рѣки находятся гдѣ въ другихъ какихъ
мѣстахъ Европы. Важнѣйшая изъ этѣхъ рѣкъ Волга, которая, по
нашему измѣренію, отъ Нижняго Новгорода до Каспійскаго м-
ря, имѣетъ 500 Нѣмецкихъ миль, не считая еще изгиба отъ
истока до Нижняго Новгорода, простирающагося болѣе нежели на
100 миль. Днѣпръ (Nereg) или Борисеенъ также превосходная рѣ-
ка; отдѣляющая Россію отъ Литвы и впадающая въ Понтъ Эв-
ксинскій или Черное море. Также замѣчательна Двина, которая у
Архангельска изливается въ Бѣлое море. Ока (Осса) и Москва
(Muscwa) также значительныя рѣки, хотя и менѣе трехъ первыхъ;
не называю здѣсь множества другихъ малыхъ рѣкъ, которыя всѣ
способствуютъ жителямъ къ удобнѣйшему производству торгов-
ли, или же доставляютъ имъ добрую пищу богатыми рыбными
ловлями.

И замѣчательно, что всѣ этѣ воды берутъ свое начало не
такъ, какъ это обыкновенно бываетъ, изъ горъ, или скалъ, ко-
торыхъ нѣтъ во всемъ Великомъ Княжествѣ, но изъ озерныхъ,
болотистыхъ и песчаныхъ, мѣстъ.

¹ Какъ извѣстно, Владимиромъ Мономахомъ. О. Б.

Въ Россіи есть много большихъ и въ своемъ родѣ прекрасныхъ городовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: Москва (Muscow), Великій Новгородъ (Nawgard), Нижній (Niesen) Новгородъ, Псковъ (Plescow), Смоленскъ (Smolensko) (этотъ послѣдній городъ сначала принадлежалъ не Русскимъ, а Литвѣ и Польскому Королю, какъ значитса это въ Московской Хроникѣ Петрея, но въ 1514 г. по Р. Х. онъ завоеванъ Москвитянами, у которыхъ въ 1611 году опять взятъ Сигизмундомъ, Королемъ Польскимъ; въ 1632 Великій Князь Михаилъ Федоровичъ снова осадилъ его, но долженъ былъ снять осаду съ великою потерею и малою славою для себя; теперь же, съ прошлаго 1654 года, городъ этотъ снова перешелъ къ Великому Князю, по договору), Архангельскъ (Archangel), большой Ганзейскій и торговый городъ, Тверь (Twere), Торжокъ (Torsock), Рязань (Resan), Тула, Калуга (Cologa), Ростовъ, Переславль (Peressla), Ярославль (Jaressla), Угличъ (Uglitz), Вологда (Wolchda), Владимиръ (Vladimer), Старая Русса (Stara Russa) (т. е., Старый Русскій), отъ которой, какъ нѣкоторые полагаютъ, Русскіе получали свое имя.

Я говорю, что это важнѣйшіе города въ Россіи, но, кромѣ ихъ, въ ней есть еще много малыхъ городовъ, городковъ и безчисленное множество селеній.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, и даже во многихъ, есть крѣпости (Schlosser, кремли), но большею частію, какъ и самые города, построенные изъ положенныхъ одно на другое накрестъ бревенъ и балокъ, такъ что они представляютъ плохую защиту противъ поджигателей.

Кромѣ того, у Казанскихъ, Астраханскихъ и у другихъ, подвластныхъ Великому Князю, Татаръ, тамъ и сямъ находятся довольно красивые города; но такъ какъ они собственно не принадлежатъ Россіи, то мы опишемъ ихъ въ послѣдствіи, когда будемъ говорить о путешествіи черезъ этѣ города.

Что касается до Москвы (Musscow), стольнаго и главнаго города во всемъ Великомъ Княжествѣ, то она весьма заслуживаетъ того, чтобы подробнѣ поговорить сдѣсь о ней.

Имя свое получила она отъ рѣки Москвы (Müssca), которая течетъ черезъ городъ въ южной его части и обтекаетъ красную стѣну. Баронъ Герберштейнъ пишетъ, что высота полюса надъ небосклономъ Москвы, какъ онъ слышалъ отъ другихъ, равняется 58° ; онъ же, въ своей астролябіи, 9 Іюня, въ полдень, нашелъ высоту солнца въ 58° . Полагая по Новому Календарю, когда солнце находится въ 18° зодіака и имѣетъ, слѣдовательно, 23° склоненія, то если отнять это послѣднее число градусовъ отъ высоты солнца, получится высота равноденственника въ 35° . Отнявъ это число отъ всего квадранта 90° , останется 55° , а не 50 , какъ выходитъ по исчисленію изъ принятой имъ, Герберштейномъ, высоты. Если исчислять по Старому Календарю, то и такое исчисленіе также не будетъ согласно съ мнѣніемъ Герберштейна. Самъ я не однократными наблюденіями нашелъ высоту полюса въ $55^{\circ} 36'$ широты. Въ первомъ изданіи по ошибкѣ типографщика напечатано 56° . Долгота же равняется 66° , сколько могъ я дознать по времени луны въ полуденной линіи. ²

Городъ лежитъ въ срединѣ, какъ бы въ сердцѣ страны, и Москвитяне полагаютъ, что онъ отстоитъ отъ границъ во всѣ стороны на 120 миль, но мили эти, впрочемъ, не во всѣхъ мѣстахъ одинаковы. Величина его въ окружности считается до 3 Нѣмецкихъ миль, но въ прежнія времена онъ былъ, должно быть, вдвое больше. Матей изъ Мѣхова (Matthias a Michovia) пишетъ, что въ его время Москва была вдвое больше, чѣмъ Флоренція въ Тосканѣ, или Прага въ Чехіи. Но въ 1571 году, во время великаго нашествія Крымскихъ или Перекопскихъ Татаръ, и въ другой разъ, въ 1611 году, Поляками она была совершенно выжжена до самаго Кремля, какъ повѣствуетъ объ этомъ Гельмольдъ (Helmoldus) въ своей Славянской хроникѣ (Chronica Slavonica), ³ Хитрей, подъ тѣмъ же годомъ ⁴ въ своей Саксоніи (Saxonia) Мет-

² По нынѣшнему исчисленію 55° , 45 С. ш. и 35° , 14 В. д. О. Б.

³ Но Гельмольдъ довелъ свое «Chronicon Slavorum et Venedorum» только по 1168 годъ, Арвольдъ продолжалъ его по 1209, а неизвѣстный Бременскій Пресвитеръ по 1448. О. Б.

⁴ Chronicon Saxoniae О. Б.

геранъ (Metgeranus (подъ 1572 годомъ) и Петрей (Petraeus), въ своей Московской Хроникѣ, на стр. 40, и какъ сами Русскіе рассказываютъ объ этомъ. Собственно окружность города, какъ онъ лежитъ и какъ обведенъ въ настоящее время валами и укрѣпленіями, читатель можетъ видѣть изъ прилагаемаго при семь плана.⁵ Но говорятъ, что и теперь еще можно насчитать тамъ до 40,000 погорѣлыхъ жилыхъ прежде мѣстъ.

Жилые городскіе дома (за исключеніемъ принадлежащихъ большимъ Боярамъ и богатѣйшимъ изъ купцовъ и Нѣмцевъ, которые на дворахъ своихъ имѣютъ каменные палаты) имѣ построены изъ дерева, изъ положенныхъ другъ на друга (на концахъ крестообразно) сосновыхъ и еловыхъ балоковъ, какъ можно видѣть это на нѣкоторыхъ рисункахъ, особенно на стр. 25 и 40.⁶ Крыши на домахъ дѣлаются изъ тесу, поверхъ котораго настилается березовая кора (береста), а иногда и дернъ, отъ чего бывають частые большіе пожары, такъ что не проходитъ не только мѣсяца, но даже недѣли, чтобы не сгорѣло нѣсколько домовъ, а иногда, при сильномъ вѣтрѣ, и цѣлыхъ улицъ. Во время нашего пребыванія нѣсколько разъ случалось такъ, что ночью мы видѣли огонь въ 3-хъ, или 4-хъ, мѣстахъ въ одно и то же время. Не за долго до пріѣзда нашего въ Москву въ ней выгорѣла цѣлая треть города, и то же самое повторилось тамъ и 4 года тому назадъ.

При подобныхъ несчастіяхъ наряжаются стрѣльцы и особая стража, которые должны дѣйствовать противъ огня; но огонь тамъ никогда не тушатъ водою, а прекращають распространеніе его тѣмъ, что ломаютъ близъ стоящія строенія, для того, чтобы огонь, потерявъ свою силу, потухъ самъ собою. Для этой-то цѣли каждый солдатъ и ночной сторожъ долженъ носить при себѣ топоръ.

Въ каменныхъ палатахъ и подвалахъ (сводахъ), для предохраненія отъ сосѣднаго пожара, дѣлаются маленькія оконца, ко-

⁵ При подлинникѣ. О. Б.

⁶ Подлинника. О. Б.

торыя въ подобныхъ случаяхъ закрываются ставнями изъ ~~железа~~ стового желѣза. Но погорѣльцы, потерявшіе дома свои отъ ~~жара~~ жара, скоро поселяются въ новыхъ домахъ: въ Москвѣ, за ~~Бородинскою~~ Бородинскою стѣною, есть особый рынокъ разныхъ построекъ, и тамъ ~~строится~~ строятъ множество совсѣмъ сложенныхъ и разобранныхъ домовъ, которые покупаются, перевозятся съ небольшими издержками на мѣсто и быстро устанавливаются.

Улицы, въ Москвѣ довольно широки, но осенью и вооб- ~~щю~~ щю въ дождливую погоду ужасно грязны, и грязь тамъ глубокая; ~~по~~ этому лучшія улицы выложены деревянною мостовою, состоящею ~~изъ~~ изъ положенныхъ одно надъ другимъ бревенъ, по которымъ ~~идутъ~~ ходятъ и ѣздятъ, какъ по мосту.

Весь городъ Москвичи раздѣляютъ на 4 главныя части (округа): первый изъ нихъ называется Китай городъ, т. е., средній городъ, по тому что онъ занимаетъ самое среднее мѣсто города, обозначенное по рисункѣ буквою В; онъ обведенъ толстою красною каменною (изъ краснаго кирпича?) стѣною, которая и называется «Красная стѣна» (Срасна стенна). Съ южной стороны, какъ выше сказано, онъ замыкается рѣкою Москвою (Musska), а съ сѣверной рѣкою Неглинной (Neglina), которая позади Кремля соединяется съ рѣкою Москвою. Почти половину этой части города занимаетъ Великокняжескій замокъ Кремль (Schloss Kämpelin), который величиною съ порядочный городъ, обведенъ тройной толстою каменною стѣною и глубокимъ ровомъ и достаточно снабженъ отличнымъ оружіемъ и войсками. Внутри стѣны находится много богатыхъ каменныхъ зданій, палаты (дворцовъ) и церквей, занимаемыхъ и посѣщаемыхъ Великимъ Княземъ, Патріархомъ, важнѣйшими Государственными Совѣтниками и Болгарами. Хотя прежній Великій Князь, Михайлъ Ѳеодоровичъ, бывший еще въ живыхъ тогда, когда мы были въ Москвѣ, и выстроилъ хорошія каменные палаты, а для сына своего, теперешняго Великаго Князя, великолѣпнѣйшій дворецъ и палаты въ Итальянскомъ родѣ, но самъ, какъ говорили намъ, ради здоровья, жилъ въ деревянномъ дворцѣ. Нынѣшній Патріархъ также выстроилъ, для помѣщенія своего, великолѣпнѣйшій дворецъ, который развѣ не много чѣмъ будетъ похуже Великокняжескаго.

Кромѣ двухъ монастырей, мужескаго и женскаго, насчитывается въ немъ до 50 каменныхъ церквей, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія и самыя большія: Св. Троицы, Св. Маріи (Успенія), Св. Михаила (въ немъ погребаются Великіе Князья) и Св. Николая. Въ одной изъ этихъ церквей, находящейся на лѣвой сторонѣ (мимо которой мы проходили на представленіе), есть огромной величины двери, о двухъ створахъ, всѣ обитыя толстымъ листовымъ серебромъ.

Всѣ этѣ, равно какъ и всѣ другія каменныя церкви по всей странѣ, имѣютъ по 5 бѣлыхъ башенъ (главъ), на вершинахъ которыхъ водружены тройные кресты; словомъ, церкви этѣ формою и видомъ такіи, какаа изображена на прилагаемомъ рисункѣ, гдѣ можно видѣть вѣрный снимокъ съ церкви, находящейся въ Бѣлой стѣнѣ. Но въ Кремлѣ церковныя главы покрыты гладкою крѣпко золоченою жестью, которая при солнечномъ свѣтѣ ярко блеститъ и тѣмъ придаетъ всему городу снаружи величественный видъ, такъ что нѣкоторые изъ насъ, когда въѣзжали въ городъ, говорили: «Снаружи городъ кажется Іерусалимомъ, внутри же онъ Визелемъ.»

На самой срединѣ площади въ Кремлѣ стоитъ чрезвычайно высокая колокольня, называемая Иванъ Великій (Gross Hans), гдѣа которой обита упомянутой сейчасъ золоченой жестью, а на самой колокольнѣ множество колоколовъ. Рядомъ съ этою стоитъ другая колокольня, на которой вылитъ самый большой колоколъ, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, при Великомъ Князѣ Борисѣ Годуновѣ (Boris Gudenow). Въ этотъ колоколъ звонятъ только во время большихъ торжествъ или въ праздники (Wagnick), такъ называютъ ихъ Русскіе, а также, при встрѣчѣ Великихъ Царей и при шествіи ихъ на торжественное представленіе; для этого употребляются 24 человека, и даже болѣе, которые стоятъ на площади внизу и, ухватившись за небольшія веревки, привязанныя къ двухъ длиннымъ канатамъ, висящимъ по обѣимъ сторонамъ колокольни, звонятъ такимъ образомъ всѣ вмѣстѣ то съ одной, то съ другой, стороны,

Но при этомъ нужно звать осторожно, чтобы избѣгнуть сильнаго сотрясенія колокольни и возможной опасости отъ нея

паденія; для этого на верху у самага колокола тоже стоятъ сколько человѣкъ, которые помогаютъ приводить въ движеніе языкъ колокола.

Въ этомъ же Кремлѣ находятся Великняжескія казноулица, продовольственные и пороховые дома.

Внѣ Кремля, въ части Китай городъ, съ правой стороны большихъ Кремлевскихъ воротъ, стоитъ искусно построенная церковь Св. Троицы (S. Trois), строитель которой, по окончаніи былъ ослѣпленъ, по приказанію тирана, съ тою цѣлю, чтобы уже не могъ сдѣлать другой подобной. Церковь эту я старательно срисовалъ и снимокъ ея находится выше на 45 страницѣ.

Не далеко отъ этой церкви находится упомянутая мною площадь, на которой прямо на землѣ лежатъ негашено два огромныхъ металлическихъ куска, по направленію большой улицы, черезъ которую Татары обыкновенно дѣлаютъ свои вторженія. Передъ Кремлемъ находится самой лучшей рынокъ во всемъ городѣ, полный по цѣлымъ днямъ толпы, мужчинъ и женщинъ, рабовъ и празднующагося на немъ не далеко отъ площади, тамъ, гдѣ на поминутномъ рисункѣ изображены Великій Князь и Патріархъ, торговки имѣютъ свои лавки съ полотнянымъ товаромъ; нѣкоторыя изъ торговокъ, торгуютъ мелкими вещами, держатъ во рту перстни, обыкновенно съ бирюзой, продаютъ ихъ, при чемъ, какъ сообщали нѣкоторыя изъ нихъ торгуютъ еще и кое-чѣмъ другимъ.

На рынокѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ улицахъ устроены въѣзныя мѣста и лавки для всякаго рода товаровъ и промышленныхъ издѣлій, такъ что въ одномъ мѣстѣ можно найти тѣ же одинаковые товары. Продавцы шелковыхъ, суконныхъ товаровъ, золотыхъ дѣлъ мастера, сѣдельники, сапожники, портные, шляпники (Bundmacher oder Körszner), шапочники и другіе, какъ имѣютъ свои особыя улицы, въ которыхъ и торгуютъ своими товарами. Такой порядокъ очень удобенъ, по тому что ка:

7 Подлинника. Это Покровскій Соборъ или Василій Блаженный. О. Б.

знаетъ, куда ему ити и гдѣ онъ можетъ купить то, или другое. Не далеко же отъ Кремля, въ улицѣ, идущей на право, находится ихъ иконный рядъ, гдѣ исключительно продаются писанные образа ихъ древнихъ Святыхъ. Русскіе, впрочемъ, куплю иконъ не называютъ куплею, а говорятъ, что они вышѣниваютъ ихъ на деньги, и при этомъ большого запроса не бываетъ.

Далѣе на право, когда пойдешь отъ Посольскаго двора въ Кремль, есть особая площадка, на которой Русскіе во время хорошей погоды сидятъ подъ открытымъ небомъ, брѣются и стригутся. Рынокъ этотъ, называемый у нихъ Вшивый (Lausemarkt), до такой степени устланъ толстымъ слоемъ волосъ, что ходишь по немъ точно по подушкѣ.

Въ этой части живутъ также лучшіе и знатнѣйшіе гости или купцы, а равно и нѣкоторые изъ Московскихъ Князей.

Другой округъ города, называемый Царьгородъ (Zaar gorod), лежитъ въ формѣ полумѣсяца, окруженъ также крѣпкой каменной стѣной, которую Русскіе называютъ Бѣлая стѣна (Biela stenna), и посреди его течетъ рѣка Неглинная. Сдѣсь живутъ многіе Болгары и Московскіе Князья, Болгарскія Дѣти (Sin bojaren), или Богородные люди (Edelleute), важнѣйшіе граждане и купцы, которые ведутъ торговлю въ разныхъ мѣстахъ по всей странѣ; кромѣ того, сдѣсь живутъ всякаго рода промышленники, преимущественно же хлѣбники. Тутъ же находятся сѣмянные и мясные лавки, мясная, скотный рынокъ, кабаки съ продажей пива, меда и водки. Въ этомъ округѣ находится и конюшня Его Царскаго Величества, а равно и Монетный или Литейный дворъ стоящій на мѣстѣ, называемомъ Поганый Прудъ (Poggana brui), при рѣчкѣ Неглинной, на которой выливается множество пушекъ и большіе колокола. До этого времени Русскіе имѣли у себя одного искуснаго мастера, по имени Ганса Фалькена (Hans Falcken) изъ Нюренберга, отъ котораго нѣкоторые изъ нихъ только наглядкою выучились отливать довольно изрядно. Гансъ Фалькенъ особымъ пріемомъ отливалъ такія пушки, что изъ нихъ безопасно можно было стрѣлять 26 фунтовыми ядрами, количествомъ пороху въ 25 фун.; этимъ мастерствомъ онъ до того прославился

въ Голландіи, что о немъ печатали тамъ въ Меттерановой Т пографіи (или изданіи?).

Третья часть города Москвы называется Скородомъ (Skorodom), самая крайняя, простирающаяся на сѣверъ, востокъ западъ около Царьгорода; она имѣла нѣкогда, до сожженія города Татарами, какъ говорятъ, до 25 верстъ или 5 Нѣмецкихъ миль въ окружности. Рѣка Яуза (Jagusa) протекаетъ эту часть города и впадаетъ въ рѣку Москву. Въ этой же части города находится дровяной и, упомянутый выше, домовый рынокъ, и которомъ можно купить домъ и въ два дня выстроить его совершенно готовымъ на другомъ мѣстѣ города, по тому что ирдающіяся бревна всѣ заготовлены, пригнаны другъ къ другу, ихъ стоитъ только сложить на новомъ мѣстѣ и проконопачить мохомъ.

Четвертая часть города называется Стрѣлецкаѣ Слобода (Strelitzza Slawoda): она лежитъ въ южной части, за Москворѣкой, въ сторону къ Татарской землѣ, окружена заборами подобіе частокола или изгороди изъ кольевъ, и деревянными бѣльверками. Часть эта построена отцемъ тирана, Василиемъ, динноземныхъ волновъ: Поляковъ, Литовцевъ и Нѣмцевъ, и названа Налеики (Naleiki), именно по причинѣ господствующаго тамъ пьянства; ибо слово «Налеи!» (Nali) значить у Русскихъ: подси! Это особое помѣщеніе для иноземныхъ войскъ устроено тому, что иноземцы преданы пьянству еще болѣе Москвитянъ, такъ какъ нельзя было надѣяться, чтобы искоренить въ нихъ привычку, такъ давно ими усвоенную и сдѣлавшуюся даже и врожденнымъ порокомъ, то имъ и предоставили полную свободу пить; а чтобы Русскіе не могли заразиться дурнымъ привыкомъ (хотя, впрочемъ, и они очень наклоны къ обжорству и пьянству, и у нихъ только нѣсколько дней въ году, именно, самые большіе праздники, пьянство строго воспрещается), положено, чтобы горькіе пьяницы жили уже одни, за рѣкою такъ объясняется это у Герберштейна, на 46 стр. in «Comptatario rerum Moscovitarum,» и у Гваньина (Gwagnino). Теперь и въ этомъ округѣ живутъ стрѣльцы или солдаты, состоящіе службъ у Его Царскаго Величества, и другой черный (просто народъ).

Внутри и вѣ стѣнгъ города Москвы находится множество церквей, часовень и монастырей. Въ 1-мъ изданіи я опредѣдлъ число ихъ до 1500, что показалось удивительнымъ и даже невѣроятнымъ Іоанну Людвигу Готфриду въ его «Archontologia Cosmisa», стр. 467; но я показалъ тогда еще мало, какъ дозналъ я это потомъ изъ дальнѣйшихъ вѣрныхъ извѣстій, частію отъ нашихъ соотечественниковъ, нѣсколько лѣтъ уже прожившихъ въ Москвѣ, частію же отъ самихъ Москвитянъ, которые въ прошедшемъ году жили у насъ, въ Голштиніи, нѣсколько времени при поимкѣ плѣнника ихъ, ложнаго Шуйскаго (Falschen Zuski), и съ которыми я ежедневно видѣлся и бесѣдовалъ. Этѣ-то лица единогласно сообщили мнѣ, что въ городѣ Москвѣ находится болѣе 2000 церквей, монастырей и часовень.

Почти черезъ каждые пять домовъ тамъ стоитъ часовня (Sapelte). Теперь же каждый большой Бояринъ строитъ себѣ свою часовню, содержитъ на свой счетъ собственнаго своего Священника, и одинъ съ домохозянами своими слушаетъ у себя Божественную службу. Но приказанію теперешняго Патріярха, въ слѣдствіе часто случающихся пожаровъ, большая часть часовень деревянныхъ сломаны, и на мѣсто ихъ повыстроены каменные; но онѣ небольшія и нѣкоторыя внутри не выше 15 футовъ. Сказаннаго сдѣсь о городѣ Москвѣ пока будетъ довольно.

Такъ какъ Архангельскъ (Archangel) также важный торговый городъ, и о немъ, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ еще писано не было, то сдѣсь я хочу сказать и о немъ нѣсколько словъ.

На картѣ и въ атласѣ городъ этотъ называется Св. Михаиломъ Архангеломъ, Русскіе же называютъ его просто Архангельскъ; лежитъ онъ высоко на сѣверѣ, въ Двинской области, при рѣкѣ того же имени, Двинѣ, и въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ рѣка раздѣляется и, обтекая своими рукавами островъ Пудожскъ (Podeseanski), впадаетъ въ Бѣлое море

Городъ и входъ въ него еще не стары. и прежде корабли входили въ лѣвый рукавъ Двины, у монастыря Св. Николая, отъ котораго и самое мѣсто это называлось пристанью Св. Николая,

какъ это можно видѣть у Петрея на стр. 65. Но такъ какъ ~~онъ~~ наносимаго постоянно песку устье лѣваго рукава обмелѣло, а ~~на~~ правомъ оно было глубже, то стали плавать больше по прав~~ому~~ рукаву, и при немъ-то построили и самый городъ.

Городъ самъ хотя и не великъ, но весьма замѣчателенъ ~~мно~~жествомъ живущихъ въ немъ купцовъ и морскою торговлею. ~~Сюда~~ прїѣзжаютъ Голландскіе, Англійскіе и Гамбургскіе корабли ~~с~~ всевозможными товарами. Къ тому времени съѣзжаются туда купцы изъ внутренней стороны, особенно Нѣмцы изъ Москвы, зимою на саняхъ, съ своими товарами, снова возвращаются ~~дом~~ ^и

Теперешній Великій Князь, наложилъ на товары, привозимыя въ этотъ городъ, большую пошлину, которую собираетъ Воевод~~а~~ живущій тамъ въ замкѣ или кремлѣ.

Такъ какъ пошлина эта довольно тягостна для купцовъ и ~~на~~ противъ, пошлина, взимаемая Его Величествомъ, Королемъ Шведскимъ, съ товаровъ, идущихъ чрезъ Ливонію въ Нарву, простирается только до 2 процентовъ со ста, то полагаютъ, что Архангельская торговля упадетъ и обратится къ Балтійскому морю чрезъ Ливонію, тѣмъ болѣе, что здѣсь и путь безопаснѣе вездѣ, чѣмъ въ Архангельскѣ.

Не далеко отъ Архангельска, на Бѣломъ морѣ, въ одномъ заливѣ или углѣ, лежатъ, не вдалекѣ другъ отъ друга, три острова, изъ которыхъ наибольшій называется Соловка (Solofka), другою Анзеръ (Anger), и третій Косова (Cosowa). ⁸ На Соловецкомъ островѣ есть монастырь, въ которомъ погребенъ одинъ изъ Русскихъ Святыхъ. Этого Святаго Великій Князь, по просьбѣ Патріарха, годъ тому назадъ велѣлъ вырыть и перевезти въ Москву,

---

⁸ Извѣстно, что Соловки состоятъ изъ 6 островъ: собственно Соловка, Анзеръ (или Колгуй), два Муксалмы (Сиговы) и два Заячьи. А какъ заяцъ народъ въ шутку зоветъ еще Косой, то, вѣроятно, отсюда и у Олеарія названіе 3-го острова Cosowa, т. е., островъ Косога (косого), подслушанное имъ въ народѣ. О. Б.

, чемъ тогда было много толковъ въ народѣ. ⁹ Нѣкоторые разска-
ываютъ, что прежніе Великіе Князья поперевозили на этотъ
островъ высокій, скалистый и весьма недоступный, богатѣйшія
закровища.

На расположеніе этого мѣста и на вѣздъ съ моря я по-
лучилъ планъ или чертежъ, отъ одного добраго моего друга, ко-
торый, совершивъ туда нѣсколько поѣздокъ, отлично знаетъ всю
тамошнюю сторону. Чертежъ этотъ я предлагаю сдѣсь моему бла-
госклонному читателю, любителю топографіи. ¹⁰

Г Л А В А П.

О свойствѣ воздуха, грозы (бури), о качествѣ почвы, о растеніяхъ и
садахъ страны.

Воздухъ, климатъ и качество земли въ Великомъ Княжествѣ,
по множеству различныхъ облытей, лежащихъ не далеко другъ

⁹Рѣчь идетъ о Митрополитѣ Филиппѣ (изъ роду Бояръ Кольчевыхъ), бывшемъ
сперва Игуменомъ въ Соловецкомъ монастырѣ (съ 1548), а въ 1566 г. Митро-
политомъ Московскимъ, сосланнымъ за увѣщанія Царемъ Иваномъ Васильевичемъ
въ Тверской Отрочь монастырь, гдѣ и былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ, по
приказанію Царя, 9-го Января (по однимъ въ 1569, по другимъ 1570, и по тре-
тнимъ 1572 году); въ 1584 же году онъ былъ, по просьбѣ Соловецкихъ мяоковъ,
перенесенъ Игуменомъ Іаковомъ въ ихъ обитель, а изъ нея, въ 1652 году,
Юля 3 дня, по желанію Митрополита Никона, въ Москву и поставленъ въ
соборной Успенской церкви; впрочемъ, часть его мощей оставлена въ прежней
ракѣ, въ Соловахъ. А какъ Олеарій говоритъ, что это произошло за годъ передъ
снѣгъ, т. е., когда онъ писалъ, то изъ сего открывается, что замѣчаніе это
сдѣлаво было имъ въ 1653 году. Мощи Святителя Филиппа, по перенесеніи изъ
Отроча монастыря въ Соловецкій, дѣйствительно сперва были преданы землѣ
при церкви Зосимы и Савватія, подъ папертью, откуда, въ 1646 году, Игумень
Илія извѣлъ ихъ изъ земли, перенесъ въ соборную церковь Преображенія Господ-
ня и поставилъ въ ракѣ противъ праваго крылоса, въ углу, Мая 30 дня. О. Б.

¹⁰Т. е., при подлинникѣ. О. Б.

отъ друга и въ различныхъ климатахъ, не одинаковы. Что сается до самаго Московскаго Княжества и пограничныхъ нѣмъ мѣстностей, то вообще тамъ свѣжій, здоровый воздухъ какъ пишутъ и говорятъ сами Русскіе, тамъ рѣдко слышать — какихъ ни будь заразительныхъ болѣзняхъ, или большой смерти, а также и люди тамъ доживаютъ вообще до глубокой старости. По этому въ высшей степени удивительно, что въ 1667 году, во время войны за Смоленскъ, въ Москвѣ открылись, и теперь еще продолжаютъ, такой заразительный воздухъ и такая сильная язва или моръ, что люди, выходящіе, по ихъ мнѣнію изъ дому совершенно здоровые, падаютъ на улицахъ и умираютъ. Это было причиною, что въ Москву запрещенъ былъ въѣздъ и выѣздъ изъ нея.

Зимую вообще по всей Россіи такая сильная стужа, что едва можно укрыться отъ нея, и тамъ не рѣдко отмороживаютъ себѣ носъ, уши, руки и ноги. Въ бытность нашу въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1634 году, была такая суровая зима, что на рынокъ передъ Кремлемъ отъ морозу образовалась въ землѣ трещина длиною въ 20 сажень и шириною въ четверть локтя; никто изъ насъ не могъ пройти по улицѣ съ открытымъ лицомъ и 50 шаговъ безъ того, чтобы ему не показалось, что онъ отморозилъ себѣ носъ и уши. Я нашелъ также справедливымъ, какъ нѣкоторые писали, в то, что капля воды, или слюна, выплюнутая изъ рта, замерзаетъ прежде, чѣмъ упадетъ на землю.

Хотя зимою тамъ такой сильный холодъ, тѣмъ не менѣ весною трава и листья быстро зеленѣютъ и вообще во время произрастенія и созрѣванія растительность тамъ не уступаетъ нашей Германіи. Такъ какъ снѣгъ тамъ всегда выпадаетъ въ обиліи и глубокой, то вся земля и кустарникъ покрываются какъ бы одною одеждою, которая и защищаетъ ихъ отъ сильныхъ морозовъ.

По причинѣ такихъ сильныхъ морозовъ и глубокаго снѣгу по всей Россіи и Ливоніи, тамъ весьма удобно ѣздить на Русскихъ саняхъ, которыя низки и дѣлаются изъ лубка или листовою коры. Нѣкоторые изъ насъ такія сани обивали войлокомъ, клали за тѣмъ въ нихъ овечьи длинные тулупы, которые вообще тамъ довольно дешевы, а посверхъ саней покрывались опять вой-

юкомъ, или шерстянымъ одѣяломъ, и, устроившись такъ, мы въ самые большіе морозы ѣхали, везомые крестьянами, въ совершенномъ теплѣ, даже потѣли и преспокойно спали на дорогѣ.

Къ такой скорой ѣздѣ удобны также и Русскіе лошади, которыя хотя и малорослы, но бѣгутъ быстро и привыкли дѣлать съ одну упряжку по 8, 10, а иногда и по 12 миль, какъ ѣздили самъ на нихъ два раза по дорогѣ отъ Твери до Торжка. Впрочемъ, дорога въ этомъ мѣстѣ, также какъ почти и во всей Россіи, не представляетъ ни особенныхъ горъ, ни долинъ между ними.

По всему этому тамъ можно весьма скоро дѣлать далекія поѣздки съ самыми небольшими издержками. Такъ, за 2, за 3, или самое большое за 4 рейхсталера крестьянинъ везетъ цѣлыя 50 Нѣмецкихъ миль, какъ это однажды случилось со мною, когда за такую плату провезли меня изъ Ревеля въ Ригу, разстояніемъ 50 Нѣмецкихъ миль.

Какъ сильны морозы зимою, такъ, напротивъ, велики бываютъ жары лѣтомъ, которые весьма тягостны для путешественниковъ, не только палящими лучами солнца во время дня, но и множествомъ комаровъ, порождаемыхъ солнечною теплотою изъ болотъ, лежащихъ почти по всей Россіи, отъ которыхъ нельзя ни на мгновеніе оставаться въ покоѣ ни днемъ, ни ночью. По этому ночью ложатся спать либо по близости къ разложенному огню, либо же подъ сѣткою отъ комаровъ, какъ сказано было уже объ этомъ выше.

Хотя обширная страна Русская тамъ и сямъ покрыта кустарникомъ, обильна лѣсомъ, большею частію еловымъ, березовымъ и орѣшникомъ, хотя она довольно пустынна и болотиста, тѣмъ не менѣе, по причинѣ добраго качества почвы, земля въ ней, при небольшой обработкѣ, чрезвычайно плодородна (за исключеніемъ немногихъ миль около города Москвы, гдѣ почва песчаная), и родитъ рожь и пшеницу въ громадномъ изобиліи. Сами Голландцы признаютъ это и рассказываютъ, что во время бывшей у нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дороговизны лѣба, Россія помогла имъ самымъ лучшимъ образомъ. Рѣдко

услышишь, чтобы въ Россіи была дороговизна на хлѣбъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, гдѣ нѣтъ ни какого сбыту хлѣба, земля не обрабатывается вовсе, хотя бы и была удобна къ тому, и лишняго запаса хлѣба не дѣлають, довольствуясь тѣмъ, что нужно на годовой запасъ; ибо каждый знаетъ, что всякій годъ соберетъ свою богатую жатву. Отъ этого бездна прекрасной, плодоносной земли оставляется безъ воздѣлыванія, какъ это видѣлъ я самъ, когда мы проѣзжали нѣкоторыя мѣстности черноземной, жирной почвы, поросшей такою высокою травой, которая достигала по самое брюхо лошадей, и траву эту, такъ какъ она тамъ въ изобиліи, никто не собираетъ и не употребляетъ для корма скота.

Удивительно, какъ рассказывали намъ въ Нарвѣ, что тамъ, на Русской сторонѣ, тотчасъ за рѣкой, земля гораздо доброкачественнѣе и все тамъ растетъ скорѣе и лучше, чѣмъ по эту сторону рѣки Нарвы, въ Алентакенѣ, хотя между обѣими почвами протекаетъ только рѣка. Въ этомъ мѣстѣ, въ Ижоріи, также какъ въ Кареліи, Россіи и Ливоніи на сѣверѣ, земледѣлецъ сѣетъ сѣмя въ землю за 3 недѣли до Иванова дня, которое за тѣмъ, въ слѣдствіе постоянно увеличивающагося жара отъ солнца, едва касающагося небосклона при закатѣ, видимо провозрастаетъ и созрѣваетъ такъ что въ продолженіи 7, много 8, недѣль сѣмя сѣется и сжинается (собирается). Если бѣ крестьяне захотѣли за сѣвать ранѣе, то, по промерзлости еще земли и холоднымъ мѣсяцамъ, сѣмя не дало бы ни какого росту и урожая.

Русскіе въ уборкѣ хлѣба имѣютъ передъ Ливонцами то преимущество, что послѣ жатвы и молотбы они обыкновенно сухое зерно прямо ссынають въ сарай, или кучи. Ливонцы же, напротивъ, должны жатву свою сушить жаромъ огня. Для этого въ каждомъ помѣстьи строятся особые сарай, или дома, называемые у нихъ ригами; въ нихъ-то на балкахъ раскладывается хлѣбъ еще въ соломѣ и просушивается такимъ образомъ теплотою, или жаромъ отъ огня, разложеннаго въ печи, устроенной на подобіе пекарни, и часто случается, что такія риги и съ находящимся въ нихъ хлѣбомъ сгарають до тла. Но хлѣбъ, нѣсколько долго пролежавшій на такихъ балкахъ и чрезъ мѣру въ-л-

сохшій, уже не даетъ такихъ хорошихъ сѣмянъ для посѣва, какъ тотъ, который высохъ самъ собою.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и особенно въ Москвѣ, есть также и превосходныя садовыя произрастенія, яблони, груши, вишни, сливы и смородина. Въ этомъ отношеніи мы находимъ совсѣмъ не то, что писали о Россіи Герберштейнъ, Гваньино и другіе, которые говорятъ, что въ ней, именно по причинѣ большихъ голодовъ, нельзя будто бы найти ни какого плода, ни вкуснаго яблока. Между прочими хорошими родами яблоковъ, въ Россіи есть еще одиъ такой нѣжный и бѣлый, что если такое яблоко держать на свѣтъ противъ солнца, то внутри его можно видѣть зерна. Но хотя на видъ и вкусъ яблоко это очень хорошо, за то, отъ чрезвычайной сочности и нѣжности, оно не можетъ сохраниться такъ долго, какъ яблоки въ Германіи.

Есть тамъ и разнаго рода овощи, въ особенности спаржа, толщиною въ большой палецъ, какую я самъ ѣлъ въ Москвѣ у одного Голландскаго купца, добраго моего пріятели; также хорошіе огурцы, лукъ и чеснокъ въ огромномъ количествѣ. Лактука и другаго салата Русскіе никогда не разводятъ, и тѣмъ болѣе не ѣдятъ, но еще смѣются надъ Нѣмцами, когда видятъ, что они ѣдятъ салатъ, говоря, что они ѣдятъ траву; въ настоящее время, впрочемъ, нѣкоторые изъ Русскихъ также начинаютъ ѣсть и салатъ. Дыни вездѣ сажаютъ въ большомъ количествѣ и разведеніемъ ихъ многіе занимаются для торговли и для доставленія пищи. Тамошнія дыни не только растутъ въ большомъ количествѣ, но и громаднхъ размѣровъ, чрезвычайно вкусны и сладки, такъ что ихъ можно ѣсть безъ сахара. Такую дыню, вѣсомъ въ пудъ, т. е., въ 40 фун., подарилъ мнѣ на дорогу одинъ мой хорошій пріятель въ 1643 году, когда я уѣзжалъ изъ Москвы.

Русскіе владѣютъ особеннымъ умѣньемъ и искусствомъ разводить и выращивать дыни, о чемъ довольно вѣрно говорится отчасти у Герберштейна на стр. 45-й. Они мочатъ сперва сѣмена въ сладкомъ молокѣ, а нѣкоторые въ настоѣ дождевой воды, размѣшивая въ ней старыи овечій пометъ, за тѣмъ берутъ конскій по-

метъ, перебиваютъ его хорошенько съ соломой, настилаютъ этотъ слой навоза въ землѣ, вырытой локтя на два глубиною, и все это прикрываютъ хорошей землей, въ которой проводятъ ровныя борозды въ полъ локтя шириною. Въ эти-то борозды кладутъ сѣмена, которыя такимъ образомъ получаютъ теплоту снизу отъ навоза, а съ прочихъ сторонъ отъ солнечнаго жара; на ночь, для защиты отъ инея и мороза, грядки покрываютъ рамками, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, употребляется слюда; такъ оставляютъ посадку сѣменъ часто на нѣсколько дней. Потомъ обрѣзываютъ ростки, пошедшіе въ сторону (боковые ростки), и въ известное время кончики усиковъ. Такимъ образомъ Русскіе помогаютъ росту дынь своимъ прилежаніемъ и терпѣніемъ.

Разсказывали намъ также, что тамъ, за Самарой, между рѣками Волгою и Дономъ, растетъ рѣдкій видъ дыни, или скорѣе тыквы, которая величиной и родомъ похожа на обыкновенныя дыни, наружностью же походитъ какъ бы на ягненка, и нѣтъ весьма ясно очертанные члены его, и Русскіе по этому называютъ ее баранецъ (Boranetz). Стебель этой дыни начинается, какъ обыкновенно, тотчасъ у пупочка, но самая дыня, когда во время росту перебиваетъ мѣсто на такое разстояніе, какъ то далеко позволяетъ это стебель, куда ни обратится, вездѣ высушиваетъ траву, и Русскіе говорятъ, что эта дыня пожирала траву. Когда плодъ созреетъ, то стебель засыхаетъ, самый же плодъ покрывается курчавой шерстью, какъ у ягненка, и шерсть эту, какъ разсказываютъ, можно выдѣлывать и готовить къ употребленію противъ холода. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько кусочковъ этой шерсти, вырванныхъ изъ одѣяла, и выдавали намъ за шерсть дыни баранецъ; шерсть эта была нѣжна и курчава, какъ шкурка ягненка, вырзаннаго изъ брюха матки (шерлушка), или недавно рожденнаго. Скалигеръ, въ своемъ «Ехегс.» 181, также упоминаетъ объ этомъ плодѣ, что будто онъ бываетъ въ полномъ ростѣ во все время, пока вокругъ него есть трава и зелень, какъ и ягненокъ на полномъ лугу, при недостаткѣ же травы онъ портится и пропадаетъ. Русскіе же говорятъ, что въ такомъ случаѣ плодъ этотъ скоро созреетъ. Должно быть справедливо и то, что Скалигеръ пишетъ далѣе, яко бы одинъ только волкъ, и ни какой другой звѣрь, охотники до этого плода, и даже на немъ ловятся.

Хорошей зелени и цвѣточныхъ растений въ прежніе годы въ Россіи было не много. Но прежній Великій Князь, предѣстникъ настоящаго, вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Москву, приказалъ устроить свой садъ и украсить его всевозможными дорогими растениями и цвѣтами. До этого времени не знали также тамъ о хорошей, полной розѣ, довольствуясь и украшая сады свои просто дикою розою или шиповникомъ. Назадъ тому только нѣсколько лѣтъ, одинъ знатный купецъ, Петръ Марцелій привезъ въ Москву первыя полныя садовыя розы изъ Готторфскаго сада моего Милостивѣйшаго Князя и Государя, и розы эти принялись тамъ какъ нельзя лучше.

Ни Грецкаго орѣха, ни винограда въ Москвѣ нѣтъ, но вино разнаго рода и въ большомъ количествѣ привозится туда черезъ Архангельскъ на Голландскихъ и другихъ корабляхъ; въ послѣднее же время оно доставляется и изъ Астрахани, гдѣ теперь даже и выдѣлывается вино, какъ будетъ сказано объ этомъ ниже.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что недостатокъ въ Россіи нѣкоторыхъ плодовъ и растений должно приписывать не свойству почвы и воздуха, но нерадѣнію, или невѣдѣнію, ея обитателей.

Въ произведеніяхъ земли, составляющихъ необходимыя потребности жизни, вообще въ Россіи нѣтъ недостатка. Пенька и ленъ воздѣлываются тамъ въ огромномъ количествѣ, по чему полотно въ Россіи чрезвычайно дешево.

Медъ и воскъ, находимые вездѣ въ лѣсахъ, тамъ въ такомъ изобиліи, что Русскіе, кромѣ того, что погребляютъ сами первыи на варку напитка медоваго, а второй на восковыя свѣчи, для домашняго обиходу и при Богослуженіяхъ (последнее употребленіе весьма значительно), но излишекъ огромными частями продаютъ въ другія земли. Товаръ этотъ главнымъ образомъ идетъ черезъ Исковъ.

Вся Россія, равно какъ и Ливонія, повсемѣстно, за исключеніемъ пространствъ, выжженныхъ подъ хлѣбныя поля, по-

крыта кустарникомъ и лѣсами; отъ того тамъ бездна всякой лѣсной дичи, птицъ и звѣрей. Пернатая дичь, водящаяся тамъ въ громадномъ числѣ, не считается за рѣдкость и не цѣнится такъ высоко, какъ у насъ: тетеревовъ, разныхъ рябчиковъ, куропатокъ, дикихъ гусей и утокъ, журавлей, лебедей тоже, а мелкія птицы, какъ дроздовъ, жаворонковъ, рябчиковъ и проч., хоть ихъ и бездна, считаютъ не стоящими того, чтобы ловить ихъ и употреблять въ пищу. Анстовъ же нѣтъ ни въ Россіи, ни въ Ливоніи.

Лѣса богаты всякаго рода дикихъ звѣрей, за исключеніемъ оленей, которыхъ тамъ или вовсе нѣтъ, или, какъ увѣряютъ нѣкоторые, встрѣчаютъ весьма рѣдко. Лось, дикая свинья и заяцъ вездѣ во множествѣ. Зайцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, а въ Ливоніи вездѣ, лѣтомъ сѣрые, а зимою бѣлые, какъ снѣгъ.

Замѣчательно, что въ Куроніи, граничащей съ Ливоніей и отдѣляющейся отъ нея только р. Двиною, зайцы и зимою остаются сѣрые. По этому, если иногда, когда Двина уже замерзнетъ, поймаютъ въ Ливоніи такого зайца, то его называютъ Куронскимъ перебѣжчикомъ.

Причина такой переменны цвѣта заключается въ температурѣ (въ сложеніи), такъ какъ цвѣтъ волосъ слѣдуетъ цвѣту темперамента животнаго, какъ говоритъ Целій Родигинъ (Caelius Rodiginus): «Capilli imitantur humoris colorem, unde alimenta trahunt.» Этѣ звѣри въ Россіи, въ слѣдствіе болотистой, сырой почвы, имѣютъ болѣе флегматическую, сырую и холодную природу, чѣмъ наши; по этому, когда настаетъ наружный холодъ, какъ зимою, когда «hiems habet vim et naturam phlegmatis,» какъ говоритъ Авицена въ «Cantitis,» то они бѣлѣютъ; ибо бѣлый цвѣтъ происходитъ отъ холода («albus capillus innuit frigida in complexione,» замѣчаетъ Авероесъ (Averroes) о помянутомъ сей часъ мѣстѣ Авицены), точно такъ, какъ черный отъ жара. Когда же лѣтомъ настаетъ опять теплый и сухой воздухъ, какъ это бываетъ тамъ обыкновенно, тотчасъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и ихъ темпераментъ (сложеніе) и цвѣтъ. Припомню здѣсь то, что я слышалъ отъ покойнаго моего тестя, въ Ливоніи:

лѣтомъ, къ свадьбѣ одного изъ своихъ сыновей, онъ велѣлъ наловить зайцевъ, посадить ихъ въ погребъ, и тамъ кормить (это было въ его имѣніи, Кундѣ, между Ревелемъ и Нарвою); чрезъ нѣсколько недѣль зайцы атѣ измѣнили свою сѣрую шерсть на бѣлую, какъ бы въ зимнее время; изъ этого ясно можно видѣть причину перемѣны ими цвѣта шерсти.

Кромѣ этѣхъ, употребляемыхъ въ пищу, въ Россіи водятся множество хищныхъ, нечистыхъ дикихъ звѣрей: медвѣдей, волковъ, рысей, тигровъ, лисицъ, соболей и куницъ, шѣхами которыхъ Русскіе ведутъ значительную торговлю.

Такъ какъ выше сказано, что въ Россіи повсюду находятся богатая пастбища, то тамъ во множествѣ разводять и домашній скотъ: коровъ, быковъ и овецъ, которые продаются тамъ весьма дешево.

Однажды, во время перваго нашего путешествія, мы купили въ Ладогѣ жирнаго, хотя и не крупнаго, быка (въ Россіи вообще скотъ рогатый не крупенъ), за 2 талера, а овцу за 10 копѣекъ или пять Мишенскихъ грошей (Meinische).

Текуція рѣки и стояція воды въ озерахъ, которыхъ въ Россіи множество, изобилуютъ до чрезвычайности всякаго рода рыбою, за исключеніемъ карповъ, которыхъ нѣтъ и въ Ливоніи. Въ Астрахани, впрочемъ, мы видѣли карповъ много и необыкновенной величины, и покупали тамъ ихъ по шиллингу за штуку; они ловятся тамъ въ Волгѣ, но имѣютъ грубое, жесткое мясо и на вкусъ не особенно пріятное.

Изъ добываемаго въ нѣдрахъ земли самое замѣчательнѣйшее произведеніе составляетъ слюда, которую въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ находятъ въ каменоломняхъ и во всей Россіи употребляютъ вмѣсто стекла.

Во всей Россіи прежде не было ни одной рудокопни, и только нѣсколько лѣтъ тому назадъ на Татарской границѣ у Тулы, въ 26 миляхъ отъ Москвы, начали тамъ разработку одного руд-

ника. Нѣсколько Нѣмецкихъ горныхъ мастеровъ, присланныя по просьбѣ Его Царскаго Величества, Его Свѣтлостію, Курфюрстомъ Саксонскимъ, начали разработку этого рудника, устроили дѣло, и теперь онъ даетъ хорошую добычу, или вырубку, которая добывается въ немъ больше желѣзо.

Въ 7 верстахъ, или въ полуторѣ мили отъ этой мины (докопни), между двумя горами, въ пріятной долинь, при удобной рѣчкѣ, построенъ желѣзный заводъ, гдѣ изготовляется желѣзо, въ полосахъ выдѣлываемое, и выливаются также всякаго рода другія вещи.

Этѣмъ заводомъ управляетъ Г-нъ Петръ Марселій, по общему договору съ Великимъ Княземъ, по которому ежегодно доставляетъ въ Оружейную Палату Его Царскаго Величества вѣстное количество полосоваго желѣза, нѣсколько пушекъ (орудій) и много тысячъ пудовъ ядеръ; по этому Марселій пользуется и великою милостію и почетомъ, какъ при немъ, такъ и настоящаго, Великаго Князя, и ведетъ въ Москвѣ другого рода большую торговлю.

Еще при Царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ, лѣтъ 15 тому назадъ одинъ человѣкъ открылъ было въ одномъ мѣстѣ въ Россіи лютую мину; но дальнѣйше ея не разработалъ, въ слѣдствіе чего открыватель ея и объявитель (начинщикъ), надѣявшійся разбогатѣть, сдѣлался совершеннымъ бѣднякомъ.

Тѣ, которые заявляютъ о какомъ ни будь новомъ открытіи или изобрѣтеніи, въ намѣреніи доставить выгоды Государю, въ Царскомъ Дворѣ имѣютъ мало счастья и успѣха (какъ это часто случается). Хотя прежній Царь и очень заботился объ открытіи чего ни будь новаго, для обогащенія своей казны, но, что не быть обмануту, или если дѣло не пойдетъ такъ, какъ ожидается, требовалъ, дабы не потерпѣть убытковъ, чтобы изобрѣтатель дѣлалъ опыты на свой собственный счетъ; въ случаѣ же, если изобрѣтатель самъ не имѣлъ для этого средствъ, то за вѣрнымъ ручательствомъ ему выдавались впередъ небольшія деньги. Когда послѣ этого предпріятіе удавалось, изобрѣтатель получалъ богатое вознагражденіе, въ противномъ же случ

долженъ онъ, а не Великій Князь, нести всѣ убытки. Въ подтвержденіе этого приведу здѣсь примѣръ, сей часъ упомянутый мною съ золотою миною. Въ то, названное мною, время одинъ знатный Англійскій купецъ, мой хорошій пріятель (имя его умолчу, изъ уваженія къ его чести), честнѣйшій и справедливейшій человѣкъ, проживалъ уже нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и велъ тамъ значительную торговлю. Когда онъ заявилъ, что, судя по особымъ свойствамъ и признакамъ одного мѣста, онъ надѣется найти въ немъ золотую руду, то Великому Князю это понравилось, и онъ приказалъ выдать ему подъ поручительство нѣкоторое количество денегъ. Но предпріятіе этого добраго человѣка не удалось, работа и издержки всѣ пропали, и когда его имѣнія не достало на уплату потраченныхъ имъ Великокняжескихъ денегъ, то его засадили въ долговую темницу. Потомъ его выпустили на поруки его соотечественниковъ, чтобы онъ ходилъ по своимъ пріятелямъ и выпрашивалъ у нихъ помощи, что онъ и дѣлалъ, и набралъ, наконецъ, столько денегъ, что не только уплатилъ Великокняжескій долгъ и удовлетворилъ своихъ соотечественниковъ, но былъ въ состояніи и выѣхать изъ Россіи. О такомъ своемъ несчастіи и Русскомъ правосудіи онъ рассказывалъ мнѣ обстоятельно и съ большимъ сокрушеніемъ сердечнымъ самъ въ то время, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, когда собственно и случилось съ нимъ это несчастіе.

ГЛАВА III.

О свойствахъ сѣверныхъ обитателей и о народѣ Самоѣдахъ.

О свойствахъ и произведеніяхъ странъ, лежащихъ на Сѣверѣ, именно: Двинской области, Югорской, Пермской, Сибирской и Самоѣдовъ, жители которыхъ признаютъ надъ собою владичество Великаго Князя, такъ какъ самъ я въ этихъ странахъ не былъ, я ни чего вѣрнаго и написать не могу.

Но Русскіе повѣствуютъ, а также и другіе пишутъ единогласно (тамъ гдѣ они не замѣствуютъ другъ у друга), что стра-

ны этѣ, по суровому климату, долгой зимѣ и короткому лѣту совершенно безплодны, и особенно неудобны для земледѣлія обработки хлѣба и древесныхъ плодовъ; что обитатели этѣхъ странъ ни чего не знаютъ о хлѣбѣ, но, живя въ дикихъ пустыняхъ, при рѣкахъ и озерахъ, гдѣ бездна дикихъ животныхъ и рыбы, они имѣютъ въ нихъ и свой кормъ и пропитаніе, одѣваются шкурами звѣрей и ими же платятъ свои оброки и пѣни Великому Князю. Лучшіе соболевые мѣха, куньи, бѣлы медвѣдей (этѣ послѣднія развѣшиваются Московскими Боярами задкахъ своихъ саней), рыбы и другіе разные мѣха, во множествѣ вывозятся изъ Сѣверныхъ странъ и продаются въ Москвѣ и другіхъ мѣстахъ.

Но если изъ Сѣверныхъ народовъ я наиболѣе распространюсь здѣсь о Самоѣдахъ, то это частію по тому, что о нихъ въ общѣ мало повѣствуется въ описаніяхъ странъ, а частію по тому, что я самъ имѣлъ случай говорить съ ними и узнать отъ нихъ ихъ образъ жизни. Когда я, бывши въ Москвѣ въ 1643 году, 3 Іюля, долженъ былъ явиться на открытое представленіе къ Ея Царскому Величеству, и прежде долженъ былъ еще подождать въ Посольской Канцеляріи нѣкоторое время, пока выйдетъ съ представленія Персидскій Посолъ, потребованный на нее прежде меня пришли туда и два Самоѣда, которые присланы изъ ихъ родины для врученія Великому Князю нѣсколькихъ шкуръ Сѣверныхъ оленихъ и бѣлыхъ медвѣдей. Съ этѣми-то Самоѣдами я вступилъ въ разговоръ, и они говорили свободно, разумно и давали обстоятельныя отвѣты на всѣ мои вопросы, такъ какъ хорошо понимали Русскій языкъ, на которомъ я разговаривалъ съ ними черезъ мое переводчика.

У древнихъ писателей мы не находимъ, чтобы народы этѣ и зывались Самоѣдами, но они называются Скивами, и я полагаю, что имя Самоѣдовъ впервые получили они отъ Русскихъ. Та какъ до того времени они ѣли людей, и даже тѣла своихъ умишихъ друзей мѣшали съ мясомъ дикихъ животныхъ и поѣдали какъ свидѣтельствуя это Плиній и Олай Магнусъ, то ихъ называли Самоѣдами, что значитъ по Русски ѣдятъ сами себя такъ объясняетъ это названіе прямо и Гваньино въ своемъ описаніи.

саніи Московіи, говоря объ области Печорской. Точно также и Плиній называетъ ихъ Греческимъ словомъ Ἀνδροποράγοι (Androporagi), т. е., людододами, и подобное же пишутъ и о жителяхъ Бразиліи.

Ихъ страна не есть Самогитія, которую географы полагаютъ между Литвою, Польшею и Ливоніею, Русскіе именуютъ Животская (Жмудская) земля (Samotzka Sembla), но земля Самоѣдовъ, которая на новыхъ картахъ помѣщается за Сибирью у горъ, называемыхъ Гиперборейскими, по сю и по ту сторону великой рѣки Оби (Obu), у Татарскаго моря и Вайгача (Вайгацкаго пролива), (Weygat), какъ называютъ его Голландцы.

Это были тѣ самые варвары, Татары и язычники, которые древле назывались Scythae Septentrionales, Europaei et Asiatici; ибо они живутъ въ тѣхъ же границахъ и мѣстахъ. Объ нихъ упоминаетъ Страбонъ въ 7 книгѣ, К. Курцій, тоже въ 7 книгѣ, который называетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ Abios Scythas, безъ сомнѣнія, отъ рѣки Аби или Оби. Подобно имъ говоритъ Юстинъ во 2-й книгѣ, Олаіи Магнусъ въ своей «Histor. de gentib. Septentr.» 1. 4, с. 3, и Минстеръ, въ «своей Cosmographia,» с. 5, въ 60-й и слѣдующихъ главахъ. Народы эгѣ не имѣютъ ни устроенныхъ, ни защищенныхъ городовъ, но и теперь еще живутъ въ дѣсахъ и пустыняхъ, какъ жили они во времена Александра, по словамъ ихъ пословъ къ нему, приводимыхъ въ упомянутой сейчасъ книгѣ Курція: «Nos deserta et humano cultu vacua magis, quam urbes et opulentos agros sequimur.» И такъ какъ они обитаютъ въ холодномъ поясѣ (zona frigida) то большая часть года тамъ стоитъ суровая зима и весьма глубокіе снѣга. Это также заявляли Александру сказанные послы, говоря: «Si humanum genus omne superaveris, cum silvis et nivibus et fluminibus ferisque bestiis gesturus es bellum.» Они живутъ въ небольшихъ, низкихъ, на полушину въ землѣ устроенныхъ, хижинахъ, которыхъ (по ихъ рассказу) къ верху заканчиваются округло, суживаясь постепенно, съ отверстіемъ по серединѣ, въ родѣ трубы, черезъ которое они и ходятъ въ хижину въ зимнее время. Такой ходъ устраивается у нихъ по тому, что хижины ихъ зимою совершенно заносятся снѣгомъ, выпадающимъ толщиною въ два человѣческихъ роста, и

ни кто иначе не можетъ ни выйти изъ хижины, ни войти въ нее. Подъ снѣгомъ, впрочемъ, они продѣлываютъ свои особые ходы, которыми и ходятъ изъ одной хижины въ другую.

Такъ какъ въ это время почти цѣлые полгода у нихъ нѣтъ ни солнца, ни дня, но постоянная ночь, и по этому ни до чего они ни чего не могутъ и предпринять, то имъ такое состояніе погоды сносно въ ихъ хижинахъ. Въ такія времена для освѣщенія они употребляютъ рыбій жиръ, которымъ и пользуются до тѣхъ поръ, пока не настанетъ опять дневной свѣтъ, т. е., всегда солнце опять поднимется за равноденственную черту и пройдутъ полночные знаки; тогда уже оно не заходитъ и въ странахъ тѣхъ не бываетъ ночи въ это время. Снѣгъ быстро тогда исчезаетъ, и жители выходятъ на землю до слѣдующей зимы, въ которую опять всѣ собираются въ свои жилища.

Можетъ быть справедливо и то, что нѣкоторые пишутъ объ тѣхъ Сѣверныхъ или Полуночныхъ народахъ, а именно, будто между ними есть люди, которые, какъ ласточки, или лягушки, цѣлые полгода, то есть, всю зиму лежатъ замертво, лѣтомъ же снова оживаютъ и странствуютъ. Смотри объ этомъ у Гваньяна, въ его описаніи Лукоморья (Lusomagia), и у Олая Магнуса. Они не занимаются земледѣіемъ, не знаютъ по этому ни чего о хлѣбѣ, и питаются, вмѣсто хлѣба, высушеною на воздухѣ рыбою, медомъ и всякою дичью, которой у нихъ изобиліе.

Самоѣды не велики ростомъ, широколицы, имѣютъ малые глаза и короткія ноги и вообще походить на Гренландцевъ, изъ которыхъ нѣсколько человекъ я самъ видѣлъ недавно въ Голштиніи, о чемъ скажу еще въ слѣдующей главѣ.

Что касается до одежды Самоѣдовъ, то она дѣлается изъ шкуры Сѣверныхъ оленей. Они носятъ широкія шапки, или изъ всякаго рода доскутовъ цвѣтнаго сукна, получаемыхъ ими отъ Русскихъ, или просто изъ шкуры, съ длинными наушниками, которые обвязываютъ они вокругъ шеи. Рубашки дѣлаютъ они изъ шерсти молоденькихъ Сѣверныхъ оленей, которая довольно разтяжима и имѣетъ короткій волосъ. Подъ рубашкой носятъ штаны

ны и сверху длинный кафтанъ. Подолъ рубашки и кафтана обшиваются они длинноволосыми хвостиками. Сапоги у нихъ изъ той же шкуры, которую они во всей одеждѣ носятъ шерстью наружу. Нитки, которыми они шьютъ свои одежды, дѣлаются у нихъ изъ сухихъ и другихъ жилъ. Въмѣсто носоваго платка они употребляютъ зеленое (молодое) дерево, именно: скоблятъ его въ тонкія стружки и нити, которыя похожи на тонко наскобленный рогъ, или пергаментъ. Этѣхъ стружекъ берутъ они полную горсть и сморкаютъ въ нихъ: на ощупь онѣ довольно мягки.

Когда очень холодно, они надѣваютъ свои кафтаны на головы, а рукава спускаютъ вмѣстѣ по сторонамъ, что для непривычнаго глаза представляетъ довольно странный видъ. Видъ этотъ, особенно для путешествовавшихъ у береговъ съ корабля, можетъ быть и далѣ поводъ къ тому, что писали нѣкоторые изъ древнихъ писателей, будто бы есть люди безъ головы, но имѣющіе лице на груди; также будто есть люди, которые имѣютъ такія огромныя ступни, что могутъ покрыться. Но если бы на свѣтѣ находились такіе люди, то я полагаю, что мы имѣли бы о нихъ теперь болѣе вѣрныя свѣдѣнія; ибо уже 100 лѣтъ, какъ нашъ свѣтъ повсюду, на водѣ и сушѣ, обозрѣвается и изучается достаточно, особенно Голландскими, Англійскими и Испанскими мореплавателями и путешественниками, однако же описанія ихъ путешествій не указываютъ ни на что подобное. Что касается до огромныхъ ногъ, находимыхъ у людей, то легко можетъ быть, что къ заключенію о нихъ подала поводъ огромная зимняя обувь, видѣнная у Сѣверныхъ народовъ.

Народы этѣ, также какъ Лапонцы (Lappen), Чудь (Финны) и Черемисы (Zeremissen), зимою по глубокимъ снѣгамъ ходятъ, и весьма быстро, на длинныхъ и широкихъ лыжахъ, выдѣланныхъ изъ березовой коры, или изъ дерева. Лыжи этѣ Чудь дѣлаетъ себѣ позади пятки на столько же длинными, какъ и спереди, и длина нѣкоторыхъ изъ нихъ бываетъ до 3-хъ локтей; называютъ они этѣ лыжи сукситъ (Suksit). Такой способъ бѣгать на лыжахъ мы видѣли въ Нарвѣ, гдѣ Начальникъ пристани для нашего удовольствія приказалъ нѣсколькимъ Чудинамъ, своимъ воинамъ, кататься съ большаго холма, находящагося пе-

редь городомъ. Самоѣды же свои лыжи называютъ нарты (Nag-ten), какъ объ этомъ прямо говоритъ Гваньино, въ своемъ описаніи Пермской области. Сапоги ихъ также дѣлаются изъ неведланной шкуры, внутри подбиты мѣхомъ, и они достигаютъ у нихъ до колѣнъ.

Сѣверные олени величиною и видомъ походятъ на обыкновеннаго оленя, но цвѣтомъ бѣлые и сѣроватые, имѣютъ широкія, какъ у коровы, копыта (мы видѣли нѣсколько такихъ оленей въ Московскомъ Кремлѣ), дѣлаются легко ручными, ходятъ въ жилища и изъ жилищъ, какъ домашній скотъ, и употребляются вмѣсто лошадей, для чего ихъ впрягаютъ въ небольшія, легкія сани, похожія видомъ на полулодки или половину бота, и въ этихъ саняхъ они чрезвычайно быстро могутъ пробѣгать довольно дальнія разстоянія.

Въ 1595 году Голландцы, въ своемъ вторичномъ плаваніи, по Сѣверному морю, встрѣтили Самоѣдовъ въ такомъ состояніи, не далеко отъ Вайгача (Weigat). Они пишутъ, что когда 31-го Августа того года, вышедши на берегъ у Вайгача, они прошли на милю пути, то увидѣли челоуѣкъ съ 20 этого народа, которыхъ и приняли было сперва за совершенныхъ дикарей. Сначала люди эти схватились за луки и стрѣлы, которыми они по видимому ловко владѣли, и нацѣлили ими въ Голландцевъ, какъ въ неожиданныхъ гостей, но когда черезъ Русскаго переводчика они услышали (Самоѣды, какъ выше сказано, знаютъ по Русски), что Голланды пришли не какъ враги, но какъ друзья, то они опустили свои луки и стрѣлы, дружески приблизились, привѣтствуя Голландцевъ, вступили съ ними въ разговоръ и сообщили имъ подробныя свѣдѣнія о свойствахъ ихъ страны и моря. При этомъ, впрочемъ, они все таки держали себя съ нѣкоторою боязнию и недовѣріемъ, хотя Голландцы обращались съ ними дружески и съ добрымъ расположеніемъ. Когда одному изъ нихъ дали сухарь, то хотя онъ принялъ его съ выраженіемъ благодарности, тотчасъ накусилъ его и за тѣмъ съѣлъ, но все такое боязливо озирался; и когда всѣ они услышали ружейный выстрѣлъ, сдѣланный въ сторону моря, то они такъ перепугались и запрыгали, точно подѣлались съумасшедшими. Объ этомъ

Одобрно разсказывается въ помнутаомъ описаніи мореплаванія Голландцевъ, на 8 стран. Этѣ же Голландцы пишутъ и изображаютъ Самоѣдовъ такъ, что будто они волосы свои заплетаютъ въ длинныя косы и спускаютъ ихъ вмѣстѣ вдоль спины поверхъ шатя. Но у тѣхъ Самоѣдовъ, которыхъ я видѣлъ въ Москвѣ, косъ не замѣтилъ. Одинъ изъ этѣхъ послѣднихъ, видѣнныхъ мною въ Москвѣ Самоѣдовъ, когда онъ разсказалъ мнѣ про свое житье-бытье, по мнѣнію нашему, довольно жалкое и суровое, меду прочимъ былъ спрошенъ: какъ нравится ему Московская страна и жизнь, и не захотѣлъ ли бы онъ лучше остаться въ Москвѣ, чѣмъ жить въ своей странѣ? Онъ отвѣчалъ на это: хотя Москва ему и нравится, но все таки его земля, въ которой онъ родился, ему милѣе всѣхъ другихъ странъ: онъ къ ней привыкъ жить въ ней совершенно счастливо и спокойно. Наконецъ, онъ не сомнѣвается, что если бъ и Великій Князь узналъ ихъ веселую и пріятную жизнь, то онъ оставилъ бы свою столицу и переселился бы къ нимъ на житье.

Этѣ слова напоминаютъ Улиса, который (какъ говорятъ Муреть (Muretus) изъ Cic. 1. de orat.), лучше хотѣлъ жить въ своемъ горномъ суровомъ отечествѣ, чѣмъ у Калипсы во всякаго рода удовольствіяхъ и наслажденіяхъ. Смотри объ этомъ Гомера l. 10. Odysse. Можно также сказать, вмѣстѣ съ Овидіемъ, lib. 1, de Ponto El. 3:

Nescio, qua natale solum dulcedine cunctos,
Ducit, et immemores non sinit esse sui.
Quid melius Roma, Scythico quid frigore pejus?
Huc tamen ex illa Barbarus urbe fugit.

Народы этѣ искони, какъ язычники, почитаютъ солнце, мѣсяцъ и дѣланыхъ идоловъ за боговъ, какъ это видно изъ помнутаго выше описанія мореплаванія. Голландцы на одномъ холмистомъ мысѣ Вайгача нашли нѣсколько сотъ такихъ грубо и безобразно сдѣланныхъ идоловъ, изображенныхъ въ сидячемъ положеніи, и когда, отгѣзжая отъ берега, они взяли было одного такого идола съ собою, то одинъ Самоѣдъ догналъ ихъ, потребовалъ съ выразительными движеніями идола назадъ и такимъ образомъ воротилъ его.

Около 23-хъ лѣтъ тому назадъ Самоѣды прислали къ Великому Князю Посольство отъ себя, съ просьбою сдѣлать ихъ причастными Православною Вѣры. Просьба эта была уважена, и къ нимъ посланъ былъ Владимирскій Епископъ съ нѣсколькими Свидѣнниками для наученія ихъ правиламъ Христіанской Вѣры и для крещенія ихъ.

Г Л А В А І V.

О Гренландцахъ.

Такъ какъ, благосклонный читатель, въ предыдущей главѣ я упомянулъ о Гренландцахъ, въ которыхъ я нахожу много сходнаго съ Самоѣдами и другими, также съ Татарами, встрѣчавшимися намъ въ нашемъ путешествіи, и, кромѣ того, вижу въ нихъ и нныя, достойныя замѣчанія, стороны, то полагаю не лишнимъ сдѣлать небольшое отступленіе въ нашемъ повѣствованіи и остановиться немного на народѣ Гренландцахъ, тѣмъ болѣе, что я самъ ихъ видѣлъ, слышалъ и до нѣкоторой степени ознакомился съ ихъ особенностями и свойствами. Сначала, впрочемъ, упомяну о томъ, что было извѣстно и писано о Гренландцахъ до настоящаго времени, и за тѣмъ перейду къ описанію состоянія, въ которомъ они теперь находятся.

Древніе міроописатели, географы и естествоиспытатели, какъ: Птоломей, Страбонъ, Плиній, Солинъ и другіе, знали только 3 части свѣта: Европу, Азію и Африку, четвертая же часть Америка, гадательно, и только со стороны переднихъ острововъ, открыта въ 1492 году по Р. Х. Христофоромъ Колумбомъ, а черезъ пять лѣтъ послѣ этого Америкъ Веспучцій открылъ уже цѣлый материкъ, и по немъ земля эта и до нынѣ называется Америкой. По этому въ тѣ времена о другихъ земляхъ и народахъ, которые находились внѣ сказанныхъ трехъ частей (какъ: ва и Гренландія), изъ древнихъ писателей узнать ни чего нельзя; и хотя они упоминаютъ о нѣкоторыхъ сѣверныхъ островахъ, которыя Помпоній Мела называетъ Оркадскими, изъ этого все таки ни чего вѣрнаго и особеннаго извлечь не возможно.

Гренландія лежитъ въ Ледовитомъ морѣ за островомъ Исландіей и, по сказанію недавно плававшего туда Датскаго корабля, въ 60 миляхъ за этѣмъ островомъ. Многіе считали Гренландію островомъ, но вѣроятно, что она на востокъ упирается въ Татарию, а на западъ въ Америку, какъ это сказано будетъ сейчасъ ниже сего.

Аригримъ Иона (Arngrim Jonas), Исландецъ, упоминаетъ въ Хронографіи, которую онъ называетъ «Specimen Islandiae historicae», стр. 146, что Гренландія впервые открыта въ 982 году по Р. Х., четыре года спустя она была занята и заселена Эрихомъ Руфомъ или Рыжеволосымъ, который изъ Норвегіи, происходя отъ благороднаго рода и имѣя большое состояніе, переселился въ Исландію съ отцемъ своимъ, Торвальдомъ (нѣкоторые говорятъ, въ слѣдствіе убійства, совершеннаго имъ въ Норвегіи). Не могши здѣсь, по смерти отца своего, ужиться въ мирѣ съ нѣкоторыми знатными родоначальниками Исландіи, онъ сѣлъ на корабль и поплылъ далѣе на сѣверъ, гдѣ и попалъ на Гренландію. Такъ какъ земля эта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ къ ней, найдена была поросшею превосходною зеленою травой, то онъ и далъ ей такое названіе, Гренландія (Grünland), т. е., Зеленая земля. Потомъ и многіе другіе Исландцы, по молвѣ о прекрасной странѣ, послѣдовали за Эрихомъ въ Гренландію на корабляхъ и со множествомъ народа.

14 лѣтъ спустя, именно въ 1000 году по Р. Х., сынъ Эриха, по имени Лейфъ, поплылъ изъ Гренландіи въ Норвегію, гдѣ Королемъ Олаемъ обращенъ былъ въ Христіанскую Вѣру и крещенъ. Потомъ этотъ Лейфъ (Leiff) съ однимъ Священникомъ снова возвратился въ Гренландію, и довелъ дѣло обращенія въ Христіанство до того, что отецъ его, Эрихъ, со всѣмъ народомъ своимъ крестился и также приналъ Христіанскую Вѣру.

Этѣ послѣдователи и потомки Эриха послѣ размножились, проникли далѣе внутрь земли, построили города и монастыри, виѣли въ нихъ своихъ Епископовъ, изъ которыхъ о нѣкоторыхъ повѣствуетъ помянутый Аригримъ на стр. 148, доводя ихъ до 1389 года по Р. Х. Гарде (Garde), городъ, былъ тамъ въ то время Епископскою столицею. Въ 1023 году по Р. Х.

Гренландія на столько, на сколько она была тогда извѣстна, платила дань Королю Норвежскому, и въ 1261 году совершенно сдѣлалась ему подвластной.

Датскій историкъ Понтанъ утверждаетъ, что въ 834 году по Р. Х. Императоръ Людовикъ и Папа Григорій IV-й назначили Епископа Бременскаго и Гамбургскаго, Ангарія, Архіепископомъ въ Сѣверныя земли, при чемъ будто бы ясно названы, въ числѣ сказанныхъ земель, также Исландія и Гренландія, какъ это явствуетъ изъ дипломатическихъ документовъ, которые тогда сообщены были Епископу и которыя находятся въ 4-й книгѣ Понтана на стр. 97-й. По этому Гренландія была будто бы открыта и обращена въ Христیانство гораздо прежде, чѣмъ упомянуто выше. Исландецъ же Аригримъ Иона положительно противорѣчитъ этому писателю и, основываясь на своихъ древностяхъ и исторіи, говоритъ, что въ это время Гренландія вовсе не была еще извѣстна, а тѣмъ менѣе обращена въ Христیانство. Онъ считаетъ по этому такое извѣстіе за сочиненіе и вымыслъ, которые Понтанъ употребилъ въ подтвержденіе своего ложнаго мнѣнія объ Исландіи, называя ее древнѣйшею частью свѣта, и по тому онъ, Аригримъ Иона, думаетъ, что въ подлинныхъ дипломатическихъ актахъ (autographis diplomatarum) названій Гренландія и Исландія быть не можетъ, о чемъ подробнѣе можно читать въ помѣнутомъ его «Specimine,» partis 2, temh. 2.

Въ Бременской Хроникѣ хотя и значится, что въ 858 году Папа Николай, подобно Григорію IV, назначилъ Ангарія Легатомъ и Викаріемъ Апостольскаго престола для всѣхъ язычниковъ, Датчанъ, Шведовъ и Славянъ (Sclaven), но о Гренландіи при этомъ ни слова не упоминается. Смотри объ этомъ: «M. Adami Historiam Ecclesiasticam Bremens.,» lib. 1, c. 23, p. 24. Также, ни въ «Annalibus Bagonii,» ни въ «Conciliis Magnis» (которые тщательно провѣрены Папскимъ Библіотекаремъ и изданы въ Парижѣ въ 1644 году), рѣшительно нѣтъ указаній на то, что въ это время было Апостольское Посольство, направленное въ Гренландію.

Въ первое время Исландскіе и Норвежскіе корабли часто посѣщали Гренландію, но со времени Королевы Маргариты, когда

оды съ Гренландіи достались въ удѣлъ Норвежскихъ Коро-
никто не смѣлъ болѣе ѣздить туда безъ особаго дозволенія.
ь, нѣсколько мореплавателей, отправившихся туда безъ это-
озволенія въ 1389 году, были казнены смертію, такъ какъ
не могли доказать, что ихъ загнали въ Гренландію буря
мкая опасность, и что они противъ воли своей попали въ
Вскорѣ послѣ того Королева послала туда собственные свои
збли, которые, однако, не возвратились назадъ. То же по-
дилось спустя нѣсколько лѣтъ и послѣ. Такъ какъ вмѣстѣ съ
нѣ строгимъ запрещеніемъ, и самое плаваніе моремъ пред-
мляло великія опасности, то его неохотно предпринимали, и,
амъ образомъ, дошло до того, что плаваніе въ Гренландію со-
пенно прекратилось.

Сдѣсь упомяну странное для меня извѣстіе, которое утвер-
етъ Понтанъ въ 9 книгѣ на стр. 521, именно, будто бы
прежнія времена мореплаваніе въ Гренландію не было такъ
сно, какъ теперь, и по тому будто тогда массы льда въ
ь мѣстахъ не скоплялись въ такомъ громадномъ количествѣ,
какомъ накаплиются онѣ тамъ въ настоящее время, въ слѣд-
е чего плаваніе туда в приставаніе къ землѣ сдѣлались те-
ь очень затруднительны и опасны. По чему же въ настоящее
я должно быть тамъ больше ледяныхъ глыбъ, чѣмъ за нѣ-
ько сотъ, или даже тысячъ, лѣтъ тому назадъ, или по чему
было тогда не такъ много, какъ теперь? Такъ какъ свѣтъ
ествуегъ уже такъ давно и всякій годъ въ немъ бывають
и и лѣто, въ которыхъ ледъ образуется и таетъ, то слѣдуетъ
этому допустить, что иногда въ лѣтнее время ледъ не со-
пенно растаяваетъ, и что это случалось позднѣе, а въ преж-
время не бывало. Или же онъ долженъ доказать, что въ древ-
н зима тамъ была не столь сурова, либо лѣто жарче, чѣмъ
ьрь. Но въ такомъ случаѣ какъ же случилось, что теперь опять
но плавать и приставать въ Гренландію, какъ доказываютъ
совершенныя туда годъ, два и 3 года тому назадъ путешествія
чанъ?

Въ правленіе Датскихъ Королей Христіяна III и Фридриха
о началось снова давно оставленное плаваніе въ Гренландію;

но нѣкоторые плаватели не могли отыскать опять материка ея другіе же хотя и видѣли землю, не могли пристать къ ней, какъ на примѣръ, корабль, посланный Королемъ Фридрихомъ въ 158 году подъ начальствомъ Магнуса Геннингсена (Henningsen), который по неизвѣстной причинѣ, простоялъ спокойно среди моря, не смѣши продвинуться далѣе, и воротился назадъ, не исполнивши дѣла для котораго былъ отправленъ.

Англійская Королева Елисавета также посылала въ Гренландію моряка, по имени Мартина Форбисера (Forbisser), съ 3-мя кораблями, которые хотя и пристали къ землѣ, но не осмѣлялись ни ныкнуть глубже въ нее, по тому что встрѣтились тамъ съ народомъ дикимъ, педовѣрчивымъ, хитрымъ, своенравнымъ и враждебнымъ какъ подробнѣе говорится объ этомъ въ упомянутомъ выше мореплаваніи.

Въ 1605 году Король Датскій Христіанъ IV снова задумалъ отправить корабли въ Гренландію, для чего приобрѣлъ опытнаго морехода изъ Англіи, и, подъ начальствомъ Адмирала Гоцке Линденава (Gotzke Lindenaw), послалъ 3 корабля, которые достигъ Гренландіи, Адмиралъ съ своимъ кораблемъ съ сѣверо-восточной стороны, Англійскій же мореходъ, отбѣспенный льдомъ, въ другомъ мѣстѣ, въ одномъ заливѣ, лежащемъ на юго-западѣ, следовательно, по ихъ мнѣнію, совершенно на другой противоположной сторонѣ. Этотъ послѣдній Англичанинъ нашелъ тамъ нѣсколько удобныхъ пристаней, хорошую почву, обильную зелеными лугами и жителей удобнѣе и лучше одѣтыми, чѣмъ на другой сторонѣ

Дикари, впрочемъ, въ обоихъ мѣстахъ охотно вымѣнивали съ товарами на Датскіе, особенно же зеркала, жижи, сталь и желѣзо золото и серебро мало обращали на себя ихъ вниманіе. Адмиралъ схватилъ двухъ дикарей, пришедшихъ къ нему на судно, и силъ задержалъ ихъ на кораблѣ; подобно ему Англичанинъ, въ своемъ мѣстѣ, задержалъ троихъ дикарей, за что, въ отмщеніе и съ мѣреніемъ освободить и возвратитъ захваченныхъ насильно, другіе дикари начали было бросать камнями и стрѣлять изъ лука Датчанъ, но были избиты и разсѣяны сильнымъ ружейнымъ огнемъ послѣднихъ. Такимъ образомъ Датчане взяли этѣхъ пя-

рыхъ дикарей съ собою въ Данію. На слѣдующій годъ Король вгорично послалъ въ Гренландію Гоцке съ 5-ю кораблями, и отправилъ съ нимъ и троихъ изъ плѣнныхъ дикарей, которые охотно согласились на это; но одинъ изъ нихъ на пути умеръ, другой же, имѣя въ виду, что онъ долженъ будетъ снова вернуться въ Данію, бросился въ воду и утонулъ. Въ это путешествіе Датчане хотя и достигли береговъ Гренландіи, но дикари, можетъ быть, въ слѣдствіе похищенія у нихъ въ прошломъ году пятерыхъ людей, не хотѣли торговать съ ними и вообще выказали себя довольно враждебно, такъ что слуга Гоцке, дерзнувшій высадиться на берегъ, въ надеждѣ завязать съ дикарями мирную торговлю, былъ сваченъ ими, убитъ и растерзанъ на части. Съ своей стороны Датчане въ другомъ мѣстѣ захватили дикихъ, плававшихъ на своихъ маленькихъ судахъ подлѣ корабля и за кораблемъ, и вмѣстѣ съ этими судами ихъ, взяли ихъ къ себѣ на корабли.

На слѣдующій годъ Король послалъ снова въ Гренландію два корабля, которые хотя и доплыли до того, что имѣли се въ виду у себя, но пристать къ ней, по причинѣ множества льдовъ, словно высокія горы нагроможденныхъ другъ на другѣ, не могли, и по тому безуспѣшно вернулись домой.

Послѣ этого Король не посылалъ уже кораблей въ Гренландію; но нѣкоторые Копенгагенскіе купцы, согласившись между собою, снарядили два корабля, и въ 1636 году послали ихъ въ Гренландію; корабли эти пристали слѣсь у пролива Девисова (Fretto Davis), открытаго впервые Юанномъ Девисомъ въ 1586 году, поторговали съ дикарями, и за тѣмъ двухъ изъ нихъ схватили, привязали къ мачтѣ и увезли съ собою. Отъѣхавши нѣсколько миль отъ Гренландіи, и бывши уже въ открытомъ морѣ, Датчане развязали своихъ плѣнныхъ дикарей, которые тотчасъ же бросились въ море, поплыли на сѣверъ и безъ сомнѣнія потонули. Что касается до дикарей, оставшихся еще въ Даніи, то Король приказалъ сторожить ихъ особымъ приставленнымъ для того людямъ и имѣть о нихъ надлежащее попеченіе. Но любовь къ родинѣ, въ сторону которой они часто обращались вздыхая, побудила нѣкоторыхъ изъ нихъ отважиться на опасныя предпріятія: такъ, когда имъ дозволенъ былъ свободный входъ и выходъ изъ дома ихъ пре-

быванія, то, по нерадѣнію надзиравшихъ за ними, они завладѣли своими судами (лодками), весьма небольшими и могущими помѣстить на себѣ только одного человѣка, и пустились на нихъ в море, въ надеждѣ достигнуть своего далекаго отечества; но эти смѣлые бѣглецы въ 10 миляхъ отъ Зунда были выкинуты бурей на берегъ, захвачены крестьянами и снова доставлены въ Копенгагенъ. Двое изъ этихъ потерявшихъ крушеніе вторично рѣшились на побѣгъ, уплыли на своихъ райкахъ (Rajakke; какъ называютъ они свои маленькія лодки, по одинъ изъ нихъ ушедши на нѣсколько миль въ море, былъ пойманъ и возвращенъ назадъ, другой же уплылъ далеко и пропалъ безъ вѣсти.

Остальные дикари оставались еще лѣтъ 12 въ Даніи, постоянно тосковали по своей родинѣ, и наконецъ перемерли горя одинъ за другимъ.

Послѣ сказаннаго послѣдняго плаванія, Датскіе корабли около 20 лѣтъ не посѣщали болѣе Гренландіи.

По вступленіи же нынѣ царствующаго Датскаго Короля Фридриха III, снова вспомнили о Гренландіи. Такъ какъ Его Императорское Величество по природѣ своей былъ склоненъ ко всякаго рода знаніямъ и предпріятіямъ, свойственнымъ владѣтелямъ особамъ, то онъ указалъ, между прочимъ, возобновить иваніе въ Гренландію, оказавшееся выгоднымъ, за нѣсколько миль назадъ, для чего и соблаговолилъ, чтобы главный управляющій таможенною, Господинъ Генрихъ Миллеръ (знатный и богатый человѣкъ въ Копенгагенѣ, также особенный любитель всего жестрашнаго и необыкновеннаго), по своему начертанію устроилъ первый опытъ поѣздки въ Гренландію; по этому Генрихъ Миллеръ въ 1652 году снарядилъ корабль и отправилъ его въ Гренландію подъ начальствомъ Капитана Давида Даниеля (Daniel), человѣка опытнаго и искуснаго въ мореходствѣ. Такъ какъ пер-
такое путешествіе совершено было благополучно, то тотъ же корабль, съ тѣмъ же Капитаномъ, плавали туда еще и въ слѣдующіе два года, и всякій разъ счастливо возвращались домой.

Новѣйшее туда путешествованіе совершено въ 1654 году. Корабль вышелъ изъ Копенгагена весною и въ концѣ Іюля прибылъ въ Гренландію, и именно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ страна состоитъ вся изъ скалъ, высокихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, и самый берегъ занесенъ былъ множествомъ льду. Такъ какъ на скалистому дну моря на якорѣ держаться было нельзя, то корабль пробылъ тамъ только нѣсколько дней.

Дикіе вскорѣ собрались около корабля на своихъ маленькихъ судахъ, которыхъ было до ста, и, хотя сначала были недобѣрчивы и не хотѣли было всходить на корабль, но когда увидали, что ихъ дружески приглашаютъ знаками и оказываютъ имъ доброе расположеніе, то сдѣлались смѣлѣе, вошли на корабль и начали торговать съ пріѣзжими. Нѣкоторые привозили съ собою на судно и нѣсколькихъ женщинъ, ради любопытства посмотрѣть чужестранцевъ и пріобрѣсть что ни будь отъ нихъ своимъ обычнымъ способомъ; этотъ народъ вообще довольно страстный, къ любодѣянію склонный, и на это нѣтъ у нихъ ни какого запрещенія; въ слѣдствіе этой склонности нѣкоторые изъ дикарей были захвачены Датчанами. Такъ, когда подъ конецъ Датскій корабль готовился уже отправиться домой, въ числѣ дикарей, явившихся на корабль для торговли, прибыло и нѣсколько дикарокъ, и одна изъ нихъ очень пожелала вымѣнять у одного боцмана пару пожей, за которые предлагала тюленью шкуру, но боцманъ не хотѣлъ тюленьей шкуры, которую не ставилъ ни во что, и разными тѣлодвиженіями и знаками далъ понять дикаркѣ, что онъ желалъ бы попользоваться за свои ножи ея живымъ мѣломъ. Какъ только дикарка поняла это, тотчасъ же сняла наплечны и хотѣла было лечь на верхней налубѣ (декѣ), въ присутствіи всего бывшаго тутъ народа. Когда же боцманъ вразумилъ ее, что такое дѣло не прилично дѣлать при людяхъ, и что она для этого должна пойти съ нимъ въ корабельную мурью (трюмъ), дикарка обратилась къ своему отцу, находившемуся тутъ же, и спросила его: что дѣлать и должна ли она пойти въ мурью съ боцманомъ? Отецъ согласился, и тогда за дикаркой пошли въ мурью изъ дикарей еще двѣ старухи, мальчикъ и дѣвочка, съ намѣреніемъ посмотрѣть, какъ будетъ совершаться торгъ. Но только что всѣ они

сошли въ швѣзъ, какъ лазъ (люкъ) закрыли, распустили паруса, и корабль пустился въ море.

Какъ скоро дикіе увидали, что они были обмануты, то подняли на корабль и внутри его громкій и жалобный вопль, и тѣ изъ нихъ, которые были на свободѣ на кораблѣ, тотчасъ же бросились съ него въ море и поплыли на свои суда. Многіе изъ нихъ, на этѣхъ судахъ своихъ, преслѣдовали корабль нѣскольکو миль, въ надеждѣ освободить ихъ плѣнныхъ товарищей. Мальчикъ, оставшійся на кораблѣ, былъ такъ дикъ и проворенъ, что оставилъ въ рукахъ у боцмана, который держалъ его, свое платье и бѣжалъ было; потомъ, когда этотъ боцманъ схватилъ было его уже раздѣтаго, то вырвался и изъ рукъ и, пролѣзши черезъ отверстіе, въ которомъ былъ проведенъ якорный канатъ, и которое было довольно просторно, спрыгнулъ въ воду и уплылъ.

Не хотѣли Датчане удерживать еще одной старухи дикарки, которую было захватили; но этому они знаками объяснили дикарямъ, слѣдовавшимъ за ними на своихъ судахъ, чтобы они взяли и ее, и такимъ образомъ освободились отъ нея.

И такъ на кораблѣ осталось только четверо дикихъ, а именно: одинъ мужчина, двѣ женщины и дѣвочка, которые всѣ сначала были неистовы и злы; но когда ихъ стали дружески уговаривать, ласково съ ними обращаться, и когда имъ дали понять, что ихъ опять привезутъ со временемъ въ ихъ отечество, то они стали смиреннѣе и нѣсколько успокоились. Когда, прибывши въ Норвегію, взошли на тамошнія горы, то дикарь мужчина сдѣлался даже веселъ и расходился до того, что схватилъ было за колыни одну знатную госпожу, пришедшую взглянуть на дикарешу. Этотъ бѣдняга послѣ все таки не доѣхалъ до Даніи и умеръ на кораблѣ. Дочь его, видя, что душа его скоро должна отлетѣть, крѣпко закутала его лицо въ свое платье, и въ такомъ положеніи дикарь и умеръ. Черезъ нѣсколько часовъ дочь, страшными воплями оплакавъ своего отца, закутала потомъ его въ полотно и бросила за край корабля. Имя этого дикаря было Игіобъ (Hioob). Оставшіяся три дикарки привезены здоровыя въ Данію. У старѣйшей изъ нихъ, женщины 45 лѣтъ, по имени Кюнелингъ (Küneling), осталось дома

двое дѣтей. Средняя, 25 лѣтъ, называлась Кабеллау (Kabelau), и черезъ нее-то захвачены были и всѣ остальные. Младшая, дѣвочка 13 лѣтъ, называлась Сигокко (Sigoko).

Въ Даніи въ это время обнаружилась моровая язва, свирѣпствовавшая тамъ цѣлый годъ, въ слѣдствіе чего Его Королевское Величество, Датскій Король, перѣхалъ на житье въ Голштинію, въ г. Фленсбургъ (Flensburg), куда привезены были и сказанныя три Гренландки, содержавшіяся тамъ до возвращенія Его Величества домой. Для наблюденія за этѣми Гренландками, для продовольствія и снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, и для обученія ихъ Датскому языку, приставленъ былъ особый фельдшеръ, уроженецъ Поморскій, по имени Рейнгольдъ Горнъ (Horn), умный и способный для этого дѣла человекъ, который путешествовалъ въ Гренландію и знакомъ былъ съ языкомъ тамошнихъ обитателей.

Его Королевское Величество, по особой добротѣ своей, оказывалъ плѣннымъ дикаркамъ своимъ всевозможную милость, одарялъ ихъ разнаго рода подарками, которые были имъ пріятны, или нравились имъ, и приказалъ, съ прежнимъ же кораблемъ, который Его Королевское Величество снова намѣренъ былъ послать въ Гренландію, отвезти туда и сказанныхъ Гренландокъ къ ихъ соотечественникамъ. Цѣль возвращенія дикарокъ на родину состояла въ томъ, чтобы онѣ сообщили своимъ о благодѣніяхъ и добрыхъ свойствахъ Датчанъ, и тѣмъ хотя бы отчасти побудили Гренландцевъ сблизиться и вести съ ними торговлю, а за тѣмъ имѣлось въ виду и достохвальнѣйшее намѣреніе — распространеніе между этѣми дикарями Христіанской Вѣры.

Его Королевское Величество присылалъ помянутыхъ трехъ дикарокъ на показъ въ Готторфѣ къ моему Государю, Герцогу Шлезвигъ-Голштинскому, такъ какъ этотъ послѣдній былъ особенный любитель и охотникъ знать и видѣть все, что Богъ и природа производитъ и воспитываетъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ свѣта. Въ бытность этѣхъ Гренландокъ въ Готторфѣ, онѣ прожили нѣсколько дней въ моемъ домѣ, гдѣ я достаточно изучилъ ихъ свойства. Онѣ были низкого роста, коренасты, широколицы, самая старшая и самая младшая съ черными небольшими глазами,

короткими руками и ногами, и ходять онѣ этѣми послѣдними носками внутрь (косолапо). Во всемъ этомъ, по наружному виду, онѣ походятъ на Самоѣдовъ, или Ногайскихъ Татаръ (какъ прямо утверждаетъ это Іоаннъ де Лаеъ (de Laet) въ «De originibus gentium Americae» (Amstelodami 1643), по только Гренландцы гораздо чернѣе (темножелтаго цвѣта, подобно испорченной оливѣ), имѣють кожу мягкую, на оцупь будто шелкъ. Тѣло у нихъ гораздо чернѣе, или темнѣе, лица.

Но средняя, по имени Кабелау, была не такъ черна, какъ другія, имѣла гораздо большіе глаза и обнаруживала вообще болѣе смышленности, способностей и веселости. Надо думать что она была изъ потомковъ Христіанъ, за нѣсколько сотъ лѣтъ жившихъ въ Гренландіи, или принадлежала къ особой сектѣ по тому что она и ѣла не все то, что ѣли другія двѣ, какъ, напримеръ, она не ѣла нечистыхъ животныхъ и птицъ, а также ни чего изъ внутренностей животныхъ: легкихъ, печени, сердца и кишекъ.

Гренландки имѣють черные, какъ уголь, гладкіе волосы, которые онѣ свивають въ кучку на макушкѣ; у мужчинъ лица болѣе морщиновато и губы толще, чѣмъ у женщинъ, волосы на бородѣ тонкіе, или рѣдкіе, нѣкоторые же и вовсе не имѣють волосъ на бородѣ, какъ Самоѣды. Лица взрослыхъ Гренландокъ все раскрашены были темносиними полосами, какъ у Американцевъ т. е., отъ нижней губы до конца подбородка, и за тѣмъ ниже вдоль шеи. У одной изъ помянутыхъ выше Гренландокъ было 13, у другой 15, такихъ полосъ, шириною въ суровую нитку, проведенныхъ рядомъ одна шире другой. Въ верхней части носа между глазами, идетъ также полоса, расходящаяся на лбу и идущая надъ бровями до висковъ, гдѣ заканчивается двумя чертами, и подобіе вилки. Подобныя же черты есть у нихъ и подъ глазами. Всѣ этѣ знаки выдѣлываютъ они себѣ въ кожѣ иголкою съ ни кою, намазанною чернымъ жиромъ: «Ipsis bello, nobis deformis spectaculo», какъ говоритъ Барлеи (Barloeus) о Неграхъ въ Америкѣ. Онѣ считаютъ такіе знаки украшеніемъ, которое на наши глаза отвратительно, и имѣть ихъ могутъ женщины только взрослыя; по этому только двѣ старшія Гренландки были съ этѣми

наками, у третьей же, 13-тилѣтней, ихъ не было. Онѣ подавали еще двѣ дырочки на ухахъ и объяснили, что онѣ осятъ въ нихъ большія кольца. Женщины, не имѣвшія даже тѣхъ, имѣютъ длинныя, висячія груди, съ длинными же в черными, какъ уголь, сосками; чтобы кормить дитя грудью, женщины вскидываютъ обыкновенно груди на верхъ черезъ плечо, съ головѣ и ко рту ребенка, который виситъ у нихъ на спинѣ на плечахъ.

Я слышалъ отъ тѣхъ людей, у которыхъ сказанныя Гренландки жили во Фленсбургѣ, а также и отъ другихъ, находившихся постоянно съ ними, *quod in certa quadam corporis parte cariant crinibus*, и что дѣйствительно у нихъ бываетъ то, что говорить Sennertus de fluxu sanguinis menstrui, книга 4: «Referunt, mulieres Indicas mensibus carere.» Причина этого явленія объясняется тѣмъ же мѣстѣ. Съ тѣмъ согласенъ и Rodericus de Castro въ «De natura mulierum», lib. 2, c. 9.

Языкъ и произношеніе походятъ на Татарское: они говорятъ и бормочатъ быстро, при чемъ слова у нихъ большею частію такъ бы задерживаются въ palatu или въ верхней части горла, и произносятся *sunt ratione quadam*, или въ половину картаво, особенно когда въ словахъ встрѣчается буква Г. (g), какъ, на примѣръ, *agsua*. Подобно Китайскому, во всемъ ихъ языкѣ нѣтъ буквы: по этому они не могутъ хорошо выговаривать слова, въ которыхъ находится эта буква, какъ, на прим., слово Негге, которое они произносятъ Helle. Вообще языкъ ихъ особенный, не имѣющій ни чего общаго ни съ однимъ изъ языковъ Европейскихъ; хотя нѣкоторыя отдѣльныя слова звучатъ иногда сходно съ Латскими и Норвежскими, какъ, на прим., *tamad*, кушанье всякаго рода; *kolā*, женскій полъ; *rosak*, кошелекъ; тѣмъ не менѣе самый языкъ ихъ далекъ отъ того и другого.

Очень можетъ быть, что теперешніе Гренландцы удержали нѣкоторые слова отъ древнихъ Исландскихъ и Норвежскихъ пришельцевъ и купцовъ, которые съ теченіемъ времени были истреблены дикарями; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы по этому у Гренландцевъ былъ и Норвежскій языкъ, какъ это ду-

масть Г. Гроуъ (H. Grotius). У нихъ есть тоже нѣсколько сходныхъ съ Греческими и Латинскими, какъ, на пр., *iliou* це; *igne*, огонь; *keileng*, небо; *Nau*, корабль, какъ это есть и съ другими языками; но изъ этого нельзя еще в ни чего вѣрнаго. Смотри Горна (Hornium): «De originibus canis.» Hague 1652.

Для любителей чужестраннаго приведу здѣсь 100 Грскихъ словъ, сообщенныхъ мнѣ выше помянутымъ Рейнг Горномъ, и слышанныхъ мною самимъ отъ 3-хъ Гренд и какъ онѣ произносили ихъ мнѣ. Многія изъ этихъ словъ, но имѣющія букву Н (n), онѣ выговаривали черезъ носъ), такъ что ихъ трудно въ точности передать на Вотъ этѣ слова:

Keileng, небо; *Hiout*, *Hioun*, солнце; *Aningang*, звѣзда; *Ubleisin*, звѣзда; *Igne*, огонь; *Igga*, дымъ; *Imè*, вода; море; *Siruksua*, дождь; *Aron*, снѣгъ; *Nidlong*, ледъ; земля; *Irgin*, трава; *Ugaggan* камень; *Keisuin*, дерево; *ming*, желѣзо; *Kisakaun*, тепло; *Keigenakaun*, холодно; домъ; *Nau*, корабль; *Rajakka*, маленькая лодка; Ра весло; *Mingakeisin*, рыба; *Kapissiling*, лосось, семга; *K Kalulisen*, треска; *Touwak*, *Touwaksen*, морской ед (рыба); *Uglessin*, птица; *Kachsluton*, утка; *Tukto*, мяс *lipsi*, горшокъ; *Keijuta*, ложка; *Ingeling*, ножъ; Ае посуда для питья; *Niakau*, голова; *Isikin*, глазъ; *Keinga*, *Siuta*, ухо; *Kanexua*, ротъ; *Kiguting*, зубъ; *Ukang*, *Umixuin*, борода; *Akseita*, рука; *Tikagga*, палець; *Kublun*, шой палець; *Kuggie*, ноготь; *Nasekka*, брюхо; *Kanà*, ког ги; *Sikadin*, нога; *Ennowan*, *Neizin*, кафтанъ, камзолъ; *lein*, *Karlein*, штаны; *Kaming*, сапогъ; *Ubia*, отецъ; мать; *Pannien*, дитя; *Petting*, мужчина; *Konà*, женщина; *noctuina*, старикъ; *Kajoctuinas*, молодой; *Pinallu*, кр *Ekikin*, дурень, гадокъ; *Pisikse*, лукъ; *Kaksua*, стрѣла; *I день*; *Unuwoa*, ночь; *Agakwugoo*, вчера; *Akaggoo*, н *Itaguptaa*, завтра, утро; *Uängga*, я; *Ibling*, ты; *Ab Nagga*, нѣтъ; *Pissiak*, собака; *Amiga*, мѣхъ, шерсть;

ягла; Mikakkaun, малый; Angewo, большой; Agnesokii; Eira, низкій. Kachain, голодный; Kassilakaun, арзиун, ѣсть; Jemektaun, пить, пѣть; Keigerson, плазlakton, смѣяться; Aliasukton, печалиться; Tabatton, ся; Jertone, принеси сюда; Nikatin, поди туда; Kia что значить? Sunà, Suà, что это, что ты хочешь?

тѣмъ названіе чиселъ:

одинъ; Maglune, два; Pingegua, три; Sissema, четыре; , пять; Akbukmen, шесть; Arleng, семь; Pengeguen, Sissemen, девять; Tellimen, десять.

нландцы одноземцѣвъ своихъ зовуть Inguin, а чужестранblunassuin.

жда Гренландцевъ дѣлается изъ тюленьей шкуры и олеки, шерстью наружу, какъ у Самоѣдовъ. Внутри она пухомъ птицъ, преимущественно лебедей, дикихъ гусей, чаекъ; дѣломъ она выворачивается перьемъ наружу. и женщины одѣваются почти одинаково: они ноіе штаны и кафтаны на подобіе фуфакъ или короткихъ едва достигающихъ до сидѣнья; въ верхней части этѣхъ придѣлывается нѣчто въ родѣ колпака или капора, для шеи и головы (какъ монашескіе клобуки), и въ этѣхъ кахъ есть различіе: у мужчинъ онъ лежитъ низко, плотно, у женщинъ же онъ въ полъ аршина вышиною; это происходитъ отъ способа ношенія волосъ, которые и завязываютъ высокою кучею посреди головы. Кромѣ кенщинъ кафтаны или куртки заканчиваются спереди и инными клинами, идущими до колѣнъ, въ мужскихъ же въ клинцевъ этѣхъ нѣтъ. Порты или штаны у мужчинъ колѣнъ, у нѣкоторыхъ даже ниже; у женщинъ же они аются короче, гораздо выше колѣнъ у толстаго мяса, такъ прикрываютъ сидѣнье. Мѣсто отъ конца штановъ до саторые на ладонь не доходятъ до колѣнъ, отчасти у нихъ но голое.

ли Гренландцы дѣлаютъ себѣ изъ разрѣзанныхъ и выхъ тюленьихъ кишекъ, которыя они тонкими ремешками

спиваютъ вмѣстѣ: онѣ коротки, едва доходятъ до сидѣнья зѣваются у нихъ канисля (Kapissil).

По прибытіи 3-хъ Гренландокъ, о которыхъ мы гово-
въ Фленсбургѣ, для нихъ приказали сдѣлать длинныя шерс-
платья. Когда нѣсколько платьевъ этѣхъ, сдѣланныхъ изъ ш-
ной матеріи различнаго цвѣта, предложили имъ на выбо-
онѣ бросились на платья зеленого цвѣта. Цвѣтъ этотъ онѣ
бенно любятъ.

Жилища ихъ, въ мѣстѣ отечествѣ, составляютъ хиж-
шалаша. Для устройства хижинъ они вырываютъ землю на
аршина, обтыкаютъ вырытое мѣсто тычинами изъ расті-
обтягиваютъ этѣ послѣднія шкурою тюленей и моржей.
также этѣми шкурами обтягиваютъ они съ обѣихъ сто-
легкій остовъ (дѣлаемый частью изъ рыбныхъ костей,
же изъ дерева) своихъ маленькихъ лодокъ. Лодочки этѣ
ютъ видъ утка, заостреннаго съ обѣихъ концовъ; глу-
въ полъ локтя, шириною почти въ локоть, и по срединѣ
вляется отверстіе, въ которое только что можетъ про-
человѣкъ; въ это отверстіе вѣзаетъ пловецъ, протягивая
впередъ. Кафтаны свой онѣ плотно привязываетъ къ к-
отверстія, завязываетъ его также плотно на рукахъ и у го-
чтобы вода не могла къ нему проникнуть ни какимъ обр-
Для плаванія на такой лодочкѣ онѣ употребляетъ только
весло, которое прямо идетъ на обѣ стороны, или имѣетъ по
вѣмъ сторонамъ наконечники и гладкія лопатки, которымъ
и держится въ равновѣсіи, и если опрокинется волною, то съ-
щю ихъ можетъ тотчасъ же опять стать прямо. Гренла-
для своего удовольствія, и для того, чтобъ показать себя и
чужестранцами, часто нарочно опрокидываются въ волн
этѣхъ своихъ лодочкахъ, и за тѣмъ тотчасъ же становятся
прямо и плывутъ какъ ни въ чемъ не бывало. На такихъ
кахъ они пускаются смѣло на нѣсколько миль въ море, и
ютъ на нихъ такъ быстро, что наши многovesельныя суд-
могутъ послѣдовать за ними.

Главнѣйшее занятіе Гренландцевъ составляетъ ловля и
рѣ рыбы, которую они добываютъ съ помощію лука и с

(важнѣйшаго ихъ орудія), или же ловятъ удочками. Удочки свои дѣлаютъ они не изъ желѣза, а изъ рыбьей кости, изъ которой они мастерски изготовляютъ ихъ, и называютъ этѣ удочки Карлуза (Karlusa). Особенно искусны они въ ловлѣ китовъ, хотя и ловятъ ихъ совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ Европейцы. Для ловли ихъ, равно какъ и для ловли тюленей и моржей, они употребляютъ весьма длинный ремень, вырѣзанный изъ рыбьей кожи, который они называютъ агла (Aglá); на конецъ этого ремня привязываютъ длинную стрѣлу или багоръ, снабженный нѣсколькими крючками и называемый у нихъ аненингъ (Anening), а на другомъ концѣ надутую воздухомъ тюленью кожу, по ихнему авата (Awata). Когда стрѣла попадетъ въ рыбу, то рыбу пускаютъ плыть въ глубь съ этою стрѣлою, при чемъ надутая кожа, держась на водѣ, показываетъ слѣдъ рыбы: вынырнетъ рыба снова на поверхность, тутъ въ нее пускаютъ еще нѣсколько стрѣлъ, и когда она потеряетъ уже много крови и ослабѣетъ, ее убиваютъ и волокутъ на берегъ. Такая ловля доставляетъ имъ главнѣйшее средство питанія, по тому что въ странѣ ихъ преимущественная пища заключается въ рыбьемъ жирѣ, особенно въ жирѣ тюленей, который они ѣдятъ охотно и въ огромномъ количествѣ. Кромѣ того они ѣдятъ всякаго рода сушеную и сырую морскую рыбу, особенно большую и жирную Hellbutter, особый родъ щуки, большихъ птицъ, водящихся тамъ во множествѣ, оленей и другую дичь, и даже нечистыхъ животныхъ, на прим., лисицу и собаку. Эту послѣднюю ѣдятъ они, впрочемъ, не въ сыромъ видѣ, какъ пишутъ нѣкоторые, но вареную и вмѣстѣ съ рыбьимъ жиромъ, который они даже и пьютъ охотно, такъ что кромѣ жиру пьютъ только воду. Ихъ давали вина, но они не могли его пить, находили его кислымъ и поскорѣ запивали его водою. Воды вливаютъ они въ себя невообразимо огромное количество, охотно ѣдятъ ледъ и сибгъ, и пьютъ даже во время ночи. Они ѣли въ Даніи всякаго рода мясо, дикихъ и домашнихъ животныхъ, треску ѣли сырую и вареную; но всѣ ихъ кушанья изготовляются безъ соли и кореньевъ, по тому что они терпѣть не могутъ ни соленого, ни сладкаго, ни кислаго, какъ, на примѣръ, ни сахару, ни уксусу. Хлѣба они также не ѣли, но размоченный въ мясномъ бульонѣ они

бли его и при томъ ложкою. Мясо, когда ѣдятъ, отрѣзываютъ кусочками у самаго рта.

Охотно также ѣдятъ они сушеную, не вареную треску, которую приправляютъ ворванью, или масломъ, и откусываютъ кусками. Горшки въ Гренландіи дѣлаются изъ особаго сѣроватаго легко рѣжущагося камня, который, когда пропитается во ванью, дѣлается твердымъ и выдерживаетъ сильный огонь. Ножи свои дѣлаютъ они изъ боковыхъ зубовъ морской рыбы: которую они зовутъ *ekuluksua, piso*; на Бразильскомъ же языкѣ, въ «*Historia naturali Brasiliae*», стр. 180, и у Юнста (*Jonstonius*) «*De piscibus*», стр. 201, она называется *Piratia Pu*

Кушанья ихъ вообще, приготовленные по ихъ способу, безвредныя для ихъ природы, пріобыкшей къ разнымъ гадостямъ легко могутъ быть вредны здоровью не привыкшаго къ нимъ, даже опасны для его жизни.

Что касается до природы и нрава Гренландцевъ, то вообще ихъ можно назвать дикарями, такъ какъ у нихъ нѣтъ большаго ума ни какого воспитанія, вѣжливости и стыда; живутъ они скотски, издаютъ въ своихъ одеждахъ очень непріятный запахъ никогда не моются, и если попадетъ какая нечистота имъ на руки, то они облизываютъ ее, какъ собаки, и наконецъ ѣдятъ собственныя гадины съ своего тѣла. Три упомянутыя выше Гренландки, впрочемъ, отвыкли отъ этой отвратительной привычки. Смотрятъ они насмурно, рѣдко смѣются, и большая часть изъ робки, недоувѣрчивы, хитры и необузданны, какъ значится э въ приведенныхъ выше путешествіяхъ въ Гренландію. Вообще народъ этотъ такой природы, какой бывають народы, живущіе подъ совершенно холоднымъ небомъ, которые, по мнѣнію Плинія имѣють свои особенности. Такъ онъ говоритъ: *Truces sunt coeli rigore.* Это хорошо знала Дидона, и по тому-то, когда ш тѣла дать память спутникамъ Энея объ ея добромъ расположеніи къ нимъ, ея миролюбіи и дружбѣ, она сказала:

«*Non obtusa adeo gestamus pectora Poeni,
Nec tam aversus equos Tyria sol jungit ab urbe.*»

Т. е.

Мы, Пенейцы, вовсе негрубаго разума;
Солнце не такъ далеко уклонилось и отъ насъ.

Но Гренландцы на пространствѣ своего отечества въ разныхъ мѣстахъ бываютъ различны, какъ свидѣтельствуя о томъ Гоцке, Линдавъ и Англійскій мореходъ, на стр. 166. Этотъ послѣдній въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ и высадился, на юго-западѣ страны, нашелъ какъ самую страну, такъ и народонаселеніе въ ней, гораздо лучше, нежели Гоцке въ своей болѣе суровой сторонѣ. Наши 3 Гренландки, взятыя на пути Девиса, у Бальривира, тихи и легко перенимаютъ изъ того, что видятъ. Одна изъ нихъ, когда я нарисовалъ при ней карандашомъ руку и лице, довольно порядочно могла подражать мнѣ. Средняя, Кабелау, начала уже хорошо исполнять разнаго рода ручныя работы, которыми охотно занимаются наши дѣвицы, какъ, на прим., вязанье и тому подобное.

Когда во Фленсбургѣ давали балетъ для Его Королевскаго Величества, то на него взяли и сказанныхъ 3 Гренландокъ, чтобы онѣ могли позаимствоваться въ танцахъ, и какъ ни удивительны были для нихъ этѣ танцы, онѣ все таки научились не много и могли подражать имъ. Собственные же ихъ танцы состояли въ томъ, что онѣ изгибались въ дугу (смычкомъ), скакали то въ ту, то въ другую сторону и били въ ладоши, поднимая къ верху руки. Если, впрочемъ, онѣ охотно и легко перенимали чужія вещи, то учиться Датскому языку, напротивъ, охоты не имѣли, хотя отчетливо выговаривали всѣ выраженія, которыя представляли ихъ повторять.

Ни серебра, ни денегамъ ни какимъ Гренландки вовсе не давали ни какой цѣны, но очень дорожили желѣзомъ, сталью и всѣми вещами, сдѣланными изъ этѣхъ металловъ, какъ, на прим., ножами, ножницами, топорами, шпагами, гвоздями и подобнымъ ими. Одной изъ нихъ я предложилъ ножъ и червонецъ, другой ножъ и рейхсталеръ, предоставивъ имъ на волю взять, что хотѣть, и обѣ онѣ взяли ножи, оставивъ деньги мнѣ.

Торгуются съ чужестранцами Гренландцы слѣдующимъ образомъ: выбравъ изъ чужеземныхъ товаровъ то, что имъ нужно— онѣ кладутъ ихъ въ одну кучку, и за тѣмъ въ другой помѣщаютъ свои товары въ такомъ количествѣ, которое онѣ считаютъ достаточнымъ для обмѣна. Потомъ каждая изъ торгующихся сторонъ отбираетъ, или добавляетъ, часть своихъ товаровъ до тѣхъ поръ, пока согласится въ стоимости обмѣняемыхъ товаровъ— Товары преимущественно вымѣняваемые ими у чужестранцевъ составляютъ, какъ сказано уже: ножи, ножницы, иглы, зеркала ленты, желѣзо, сталь, стеклянные бусы и проч.; ихніе же товары заключаются: въ тюленьей шкурѣ, въ тюленьемъ и китовомъ жирѣ, рыбьемъ жирѣ и рогѣ единорога. Единорогъ этотъ впрочемъ, не есть четвероногое, на землѣ живущее животное а особый родъ кита, водящійся въ Гренландскомъ морѣ. Рогъ этого животнаго растетъ впереди носа, и по тому скорѣе можетъ быть названъ зубомъ, нежели рогомъ. Что этотъ рогъ не есть принадлежность четвероногаго животнаго, доказывается тѣмъ, что онъ имѣетъ силу и дѣйствіе, приписываемыя рогу морскаго единорога, именно, что онъ употребляется противъ яда, какъ это дознано въ разныхъ мѣстахъ и, между прочимъ, 3 года тому назадъ въ Копенгагенѣ, покойнымъ и знаменитымъ врачомъ Олаемъ Вурмомъ, а еще недавно и у насъ въ опытахъ надъ нѣсколькими собаками.

Корабль помянутаго выше Г-на Генриха Миллера привезъ нѣсколько такихъ роговъ единороговъ, и одинъ изъ нихъ находится въ Готторфѣ, въ Палатѣ рѣдкостей Его Княжеской Свѣтлости, моего Милостивѣйшаго Государя, вмѣстѣ съ рыболовными снастями, лодкой и одеждой Гренландцевъ, а также портретами 3-хъ Гренландокъ. Рогъ этотъ величиною 8 фут. и 2 дюйма и вѣсомъ 18 фунтовъ. Въ Палатѣ же рѣдкостей (Кунстъ-Камерѣ) Его Величества Короля Датскаго находится рогъ еще 6-ю дюймами длиннѣе этого.

Изъ такого рога дикіе дѣлаютъ свои багры для ловли большихъ рыбъ и наконечники для стрѣлъ, также своего рода рубящія и рѣжущія орудія, которые они отлично обтачиваютъ на камняхъ. Какія кромѣ того предметы и богатства изъ

ходятся въ Гренландіи, можно видѣть въ неоднократно уже упомянутомъ 26 мореплаваніи, которое издалъ (описалъ) Христофоръ Де Блонъ (Le Blon, pag. 14), а именно: тамъ есть дорогой мраморъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шпаты, галькъ и слюда. Въ томъ мѣстѣ Гренландіи, гдѣ высадили Англійскій мореходъ, по испаренію (дыму, пару), восходившему изъ земли, заключили, что въ странѣ находятся сѣрные рудники. Посланные на корабль въ Гренландію Королемъ Фридрихомъ II нашли тамъ богатую серебряную руду, давшую 100 фунтовъ 26 унцевъ чистаго серебра.

Купеческій корабль, плававшій въ Гренландію въ 1636 году, нашелъ тамъ у одной рѣчки песокъ, цвѣтомъ и тяжестью похожій на золото; этимъ пескомъ экипажъ наполнилъ большую часть корабля; но когда онъ возвратился въ Данію, то песокъ этотъ даже былъ на пробу одному золотыхъ дѣлъ мастеру (вѣроятно, не знавшему ни чего о томъ, какъ сплавлять подобный пекъ). Когда же изъ этой пробы ни чего не вышло, то песокъ этотъ, не потвергая болѣе основательному изслѣдованію, выбросили въ море, для облегченія корабля, какъ бы отъ излишней тяжести. Потомъ разсказывались въ этомъ, когда увидали, что изъ подобнаго же песку, найденнаго въ Норвежскихъ горахъ, другой опытный золотыхъ дѣлъ мастеръ извлекъ золото хорошаго качества.

Много лѣтъ протекло, и не многіе знали, что горы Сѣверныхъ странъ богаты серебромъ и золотомъ, но теперь, нѣсколько только лѣтъ, это окончательно дознано: особенно въ Норвегіи открыты богатые серебромъ рудокопни, изъ которыхъ добываютъ большія глыбы чистаго серебра, и я самъ недавно видѣлъ и держалъ въ рукахъ кусокъ такого серебра, у Его Величества, Датскаго Короля, въ тридцать фунтовъ вѣсомъ.

Что касается до Вѣры Гренландцевъ, то не могли еще узнать, въ чемъ именно она заключается. Не сомнѣнно то, что они язычники и идолопоклонники, и одного ихъ идола, найденнаго на берегу Девисова пролива, мы приобрѣли изъ Палаты рѣдкостей Палудана (Pafuldanus). Идолъ этотъ довольно грубо вырѣ-

запъ изъ дерева, величиною въ цолъ локтя, одѣтъ въ перья и шерсть и обвѣшанъ небольшими продолговатыми зубами животныхъ, или звѣрей. Когда я показалъ Гренландкамъ этого идола, онѣ тотчасъ признали его, называли его *Nalynguisang* и объяснили, что дѣти ихъ обыкновенно пляшутъ передъ нимъ. Дѣти же должны обращаться по временамъ къ солнцу и плакать, когда оно возшло ясно. Должно думать, что они обожаютъ солнце, какъ пишетъ это и Іоаннъ Лае (*Laet*,) основываясь на другихъ свѣдѣніяхъ. Ни въ какое другое время не слыхали и не видали, чтобы они молились, вставая отъ сна, или ложась спать, ни передъ їдою, ни послѣ ея.

Цейлеръ (*Zeilerus*), въ своемъ описаніи Скандін или *Schoen*, говорить, что они, какъ и Лапонцы, весьма искусны въ чародѣйствѣ, своими заклинаніями могутъ насылать грозу и доставлять такимъ образомъ въ опасность корабли чужестранцевъ, для того, чтобы имъ удобнѣе было грабить ихъ. Объ этомъ хотя не слышно въ новѣйшихъ недавнихъ путешествіяхъ въ Гренландію, но полагаютъ, что подобная продѣлка имѣла мѣсто тогда, когда корабль Магнуса Геннингсена долженъ былъ простоять на морѣ въ бездѣйствіи и вернуться безуспѣшно, какъ говорили мы выше объ этомъ.

Они придаютъ большое значеніе заклинаніямъ, произносимымъ ими, какъ это видно изъ слѣдующаго: когда кто ни будь изъ бывшихъ у насъ Гренландцевъ заболѣвалъ, то здоровый ложился подлѣ больного навзничъ; на него садился потомъ больной, обвязывалъ голову здороваго повязкой, втыкалъ за эту повязку у лба палку, которую безпрестанно приподымалъ голову здороваго и при этомъ что-то много говорилъ. Приподымалась такимъ образомъ голова въ началѣ легко, потомъ съ труднѣе и труднѣе, а наконецъ больной и вовсе не могъ приподнимать головы здороваго. Тогда страждущій начиналъ произносить уже совсѣмъ другія слова и снова, принимался приподнимать тѣмъ же способомъ голову здороваго, но только наоборотъ, въ началѣ съ трудомъ, и за тѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ легче. Какое представленіе или понятіе связываютъ они съ такого рода дѣйствіями, извѣстно одному Богу.

У себя Гренландцы не признаютъ ни какого начальства, не имѣютъ ни какого различія состояній; но у кого больше дѣтей, луковъ и стрѣлъ, кто больше набьетъ рыбы и дикихъ звѣрей, тотъ и считается у нихъ богатѣйшимъ и знатнѣйшимъ.

Въ отношеніи естественныхъ свойствъ обитателей этой страны, особенно же что касается темножелтаго цвѣта ихъ кожи, то свойство это даетъ достаточныя причины каждому удивляться ему; ибо цвѣтъ этотъ можно предполагать только въ жаркихъ, а не въ такихъ сурово-холодныхъ, странахъ, въ которыхъ живутъ Гренландцы. Плиніи говоритъ: «*Aethiopas vicini sideris varoge torteri, adustisque similes gigni, et adversa plaga mundi atque glaciali candida cute esse gentes, flavis promissis crinibus.*» Если бъ такой темный цвѣтъ происходилъ только отъ одного солнечнаго жара, то Гренландцы, не подверженные ему, тѣломъ своимъ были бы не такъ черны, но гораздо бѣлѣе, какъ и Самоѣды, которые живутъ подъ одной съ ними линіей неба, или подъ одной высотой полюса.

Подобное различія цвѣта мы находимъ и во многихъ другихъ мѣстахъ свѣта: люди, живущіе на Африканскомъ мысѣ Доброй Надежды, черны, какъ смоль, какъ это видѣли и пишутъ Мандельсо въ своемъ странствіи въ Восточную Индію и другіе путешественники. Испанцы же и Итальянцы, равно какъ и Персы, живущіе въ такомъ же разстояніи отъ равноденственника (на такой же широтѣ), хотя въ Сѣверномъ, а тѣ (т. е., жители мыса Доброй Надежды) въ Южномъ полушаріи, цвѣтомъ бѣлые. Также жители страны отца Іоанна (одинъ изъ такихъ находится при нашемъ Дворѣ), темножелтаго цвѣта, а жители Цейлана и Малабара чернаго, какъ уголь, хотя и тѣ и другіе лежатъ подъ одною линіею. Еще болѣе: почти всѣ народы живущіе въ Америкѣ, и всѣ тѣ безъ исключенія, которые живутъ тамъ прямо подъ равноденственникомъ, не вполнѣ чернаго цвѣта, но также, какъ и Гренландцы, темножелтаго. Если изъ этого усматриваемъ, что причина такого явленія заключается не въ одной только близости, или отдаленности, солнца, и если спросимъ о прямыхъ, дѣйствительныхъ его причинахъ, то должны будемъ приписать ихъ сокровытнмъ таинственнымъ свойствамъ земли, неба, или воздуха, которая

(какъ говоритъ Барлей въ своей «Historia Brasiliae, оспаривая Графа Морица) «ignorantiae, proh dolor! humanae ayla.»

Сдѣсь долженъ я также упомянуть о томъ, что Французскій писатель, Бохартъ (Bochartus), въ своемъ «Phaleg или въ Священной Географіи (lib. 4, с. 1, de Chami posteris) пишетъ, размышляя о Маврахъ и вообще о дикихъ чернаго цвѣта. А именно, что они будучи потомками проклятаго Хама, должны были носить черныи какъ знакъ проклятiя, и что самое имя Хама носить въ себѣ слѣды этого проклятiя, ибо חמ Хамъ значить жаркій, горячій, и חום Хумъ (Chum) черныи, и что, наконецъ, не безъ особеннаго соизволенiя Божьяго случилось то, что Хаму досталась часть изъ жаркихъ палящихъ земляхъ, которыми и теперь обладаютъ его потомки; такъ, на пр., часть Азiи, Африки, отсюда въ Америку и такъ далѣе, до этѣхъ Гренландцевъ, которые, безъ сомнѣнiя, также суть потомки Хама. Таковы церковныя воззрѣнiя на чернокожихъ и дикихъ. Что касается до естественнаго развѣтвленiя и различiя между чернымъ и темножелтымъ цвѣтами въ различныхъ мѣстахъ, то должно полагать, что оно происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что первоначально установленная природа и коренной родъ черныхъ, отъ родителей черныхъ, съ теченiемъ времени смѣшалась съ бѣлымъ, и отъ того пошла порода не совершенно черныхъ. То же видимъ мы на прививкахъ и муляжъ, которые происходятъ отъ двухъ родовъ и породъ (Это сравненiе я беру сдѣсь, слѣдуя Бодину, Bodinus). И такой родъ и свойства не перемѣняютъ они съ перемѣною мѣста.

По этому ученый Горнъ (Hornius), въ своемъ «De origine gentium Americanarum», полагаетъ, что обитатели Кварека (Quareca), такъ какъ они гораздо чернѣе всѣхъ другихъ Американцевъ, совершенно похожи на Мавровъ, размножились тамъ отъ Мавровъ, и перемѣна неба не имѣла на нихъ ни какого влiянiя. Основываясь на этомъ, я также, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, держусь мнѣнiя, что происхожденiе Гренландцевъ должно быть изъ Америки и изъ Татарiи, и что Гренландiя должна на востокъ примыкать къ Америкѣ, а на западъ къ Татарiи, или даже соединяться съ ними посредствомъ какого ни будь узкаго ледянаго моря (пролива), черезъ которое легко можно было бы

ройти и пробѣхать. Дейлеръ, въ приведенномъ выше сочиненіи, умаетъ, что Гренландія соприкасается также съ Лапоніей, ибо сителн ея, какъ и Лаплонцы, имѣють общую наклонность къ ародѣйству. (См. Погл. 1. 2, с. 1). Что, слѣдовательно, Гренландцы, имѣющіе чисто Американскій цвѣтъ и внутренніи свойства, а лицо и волосы Татарскіе, пришли съ запада, изъ Америки, смѣшались съ Татарами и удержали свой цвѣтъ въ такой олодной мѣстности, какъ и Мавры въ нашей странѣ. И это все не плохое объясненіе истиннаго происхожденія Гренландцевъ; ибо помянутый сейчасъ писатель говоритъ: «*Magnum prae ceteris in juvena gentium origine momentum habet corporis habitus, minus quam cetera mutationi obnoxius.*» На этомъ основаніи и Геродотъ доказывалъ, что Колхидяне должны были прибыть изъ Египта, по тому что имѣли черные курчавые волосы. Объ этомъ можно читать въ его «*Eutegre*».

Для дальнѣйшаго подтвержденія такого мнѣнія, приведу здѣсь кѣсто изъ описанія Западной Индіи Іоанна де Лая (Johannes de Laet), гдѣ онъ пишетъ объ островѣ, называемомъ «Новая Земля» (Terra Nova), который лежитъ противъ Гренландіи, на западъ, въ Америкѣ: «*Quicumque nuper de hac insula scripserunt, magno consensu testantur orientalem et meridionalem illius plagam nullis hominibus habitari, sed omnes incolas barbaros ad occidentalem et orientalem partes incertis sedibus vagari, asperi et inculti, et cet.*» То есть: Всѣ, писавшіе объ этой странѣ, единогласно свидѣтельству ютъ, что восточная и западная ея части не обитаемы ни какимъ извѣстнымъ народомъ, но посѣщаются варварами, которые шатаются туда и сюда. Это—грубые, дикіе люди, которые не признають и не боятся ни Бога, ни какого либо правленія. Живуть они болѣе какъ звѣри, чѣмъ какъ люди, и такъ какъ они во всемъ сходны съ обитателями Сѣверныхъ частей материка, то, безъ сомнѣнія, и одного съ ними происхожденія. Они не велики ростомъ, черноволосы и съ приплюснутыми носами. Одежда ихъ, какъ и жилища, дѣлаются изъ шкуръ морскихъ животныхъ. Они весьма искусны въ китоловствѣ, въ добываніи изъ китовъ ворваны (жиру) и чрезвычайно трудолюбивы и услужливы по отношенію къ Французамъ и Испанцамъ, которые ежегодно приѣзжаютъ въ проливъ Св. Лаврентія для ловли ки-

товъ. И такъ далѣе въ помянутомъ мѣстѣ сочиненія Іоанн-де Лае.

Изъ сихъ обстоятельствъ видно, что этѣ люди, по приросту горячіе, темножелтые и съ расписанными лицами, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, жизни, нравахъ и видѣ сходны съ Гренландцами, и по тому Гренландцы (такъ говоря) могутъ быть названы Сѣверо-Американцами. Также, что Гренландія не есть вовсе отдѣльная отъ Америки земля, не смотря на проливъ Девиса (Fretto Davis), который отдѣляетъ ихъ и которымъ возражаютъ противъ сказаннаго предположенія, говоря, что море это никто еще не переходилъ. Но его должно скорѣе считать заливомъ, которыхъ тамъ много, и которые, будучи окружены землей, подобно стоячимъ озерамъ, легко замерзаютъ.

Изъ сказаннаго ясно, что весьма ученый Г. Гротъ (H. Grotius) очень ошибается, говоря, что Гренландія, и даже всѣ огромное пространство цѣлой половины Америки до перешейка (Isthmus) и города Панама (Panama), заселено Норвежцами; жители ея ни видомъ, ни цвѣтомъ, ни языкомъ вовсе не похожи на Норвежцевъ, но совершенно сходны съ Африканцами Татарами. Въ этомъ согласны со мною помянутые де Лае и Горнъ достаточно въ такомъ случаѣ опровергающіе Грота.

На этотъ разъ довольно будетъ о Гренландцахъ. За симъ обратимся снова въ Россію къ нашимъ Москвитянамъ.

Г Л А В А V.

Собственно о Русскихъ, относительно ихъ вишняго вида и одежды—

Москвитяиъ или Русскихъ рассмотримъ мы прежде всего вишней стороны, а именно, по ихъ наружному виду, образу одежды, а за тѣмъ уже съ внутренней, по ихъ духу, способностямъ и нравамъ.

Мужчины вообще великорослые, плотные и крѣпкіе люди, кожей и естественнымъ цвѣтомъ похожіе на остальныхъ Европейцевъ. Они придаютъ большое значеніе длиннымъ, окладистымъ, бородамъ и толстымъ брюхамъ, и по тому обладающіе ими пользуются большимъ почетомъ отъ другихъ. Даже Его Царское Величество наряжаетъ такихъ людей, обыкновенно бывающихъ между купечествомъ, на службу при торжественныхъ представленіяхъ, даваемыхъ Посламъ, чѣмъ Его Величество думаетъ придать большее уваженіе къ своей особѣ. Усы Русскіе отпускаютъ длинные, висящіе черезъ уста.

Волосы на головѣ только одни ихъ Поны или Священники носятъ длинные, распущенные по плечамъ, всѣ же остальные коротко подстриженные. Знатные Бояре подбриваютъ ихъ даже бритвою и считаютъ это украшеніемъ. Амвросій (Ambrosius), впрочемъ, совсѣмъ иного объ этомъ мнѣнія и говоритъ: «*Ex arboribus licet, quae humani sit gratia capitis, aestimare: tolle arbori comam, tota arbor ingrata est.*» Можетъ быть, это онъ заимствовалъ изъ Овидія:

«*Turpe pecus mutilum, turpis sine gramine campus,
Et sine fronde frutex, et sine crine caput.*»

Т. е., Не хорошо животное безъ хвоста, лугъ безъ травы, кустарникъ безъ листвы, точно также не хороша и голова безъ волосъ.

Но какъ скоро кто провинится въ чемъ передъ Его Царскимъ Величествомъ, или узнаетъ, что онъ подъ опалой, то отпускаетъ себѣ длинные, не расчесываемые, волосы на все время, пока бываетъ въ немилости. Обычай этотъ, можетъ быть, они заимствовали у Грековъ, которымъ стараются они подражать во всемъ; ибо Греки, по сказанію Плутарха, при какомъ ни будь большомъ несчастіи ходили съ длинными, распущенными волосами. Женщины же въ подобныхъ обстоятельствахъ стригли себѣ волосы (Plut. Quaest. Rom. 14, pag. 267).

Женщины въ Россіи средняго роста, вообще стройны, цѣжны лицомъ и сложеніемъ, но въ городахъ всѣ румянятся, и такъ

грубо и замѣтно, что, глядя на нихъ, подумаешь, будто кто въ мазалъ ихъ рукою, полною муки, и потомъ кисточкой намазалъ имъ щеки красной краской. Брови и рѣсницы они такъ подкрашиваютъ черною, а иногда коричневою, краской.

Навѣщая сосѣдей, или появляясь въ обществѣ гдѣ ни буди въ гостяхъ, женщина, чтобы быть угодною для всѣхъ, непремѣнно — но должна раскраситься сказаннымъ образомъ, хотя отъ природы она и была бы красивѣе, чѣмъ парумянена, и дѣлается это для того, чтобы природная красота не выдавала безобразія тѣхъ, которыя имѣли нужду въ искусственной прикрасѣ. Такъ случилось разъ въ нашу бытность въ Москвѣ, что жена знатнѣйшаго Вельможи и Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго (Ivan Borissewitz Zirkaski), прекрасная собою, не хотѣла было румяниться сначала, но ее тотчасъ же оговорили жены другихъ Бояръ, и чѣмъ она презираетъ порядокъ и обычаи ихъ земли, и тѣмъ хочетъ опозорить другихъ, себѣ подобныхъ, и дѣло до того дошло чрезъ своихъ мужей, что эта, красивая отъ природы, женщина принуждена была, наконецъ, румяниться и, такъ сказавъ, зажигать свѣчку при свѣтломъ сіяніи солнца.

Такъ какъ всѣ румянятся тамъ, не скрываясь, то женихъ обязанъ, передъ свадьбою, между прочими подарками, прислать невестѣ и коробочку румянъ, о чемъ, впрочемъ, скажу я еще при описаніи ихъ свадебъ вообще.

Замужнія женщины волосы носятъ подобранныя вмѣстѣ подъ шапочкой (Mützen), взрослые же дѣвицы заплетаютъ ихъ въ косы, которыя спускаютъ вдоль спины, и на концахъ ихъ вставляютъ красныя шелковыя ленты.

У дѣтей моложе 10 лѣтъ, какъ у дѣвочекъ, такъ и у мальчиковъ, волосы стригутъ на всей головѣ, оставляя только по локону по обѣимъ сторонамъ; дѣвочки же, въ отличіе отъ мальчиковъ, носятъ въ ушахъ большія серебряныя, или мѣдныя, кольца (сережки).

Одежда мужчинъ Русскихъ почти похожа на Греческую: они носятъ рубушки широкія, но короткія, едва достигающія до снѣ-

дѣнья, и безъ отложнаго ворота около шеи; на спинѣ, внизъ отъ плечей, подшивается подкладка, въ видѣ треугольника, вышитаго краснымъ шелкомъ, у нѣкоторыхъ подъ мышками, и снизу по обѣимъ сторонамъ, вшиваютъ довольно красиво ластовицы изъ красной тафты. У богатыхъ воротъ рубашки шириною въ дюймъ, разрѣзъ напередѣ и рукава вышиты разноцвѣтными шелками, иногда же золотомъ и жемчугомъ, и въ такомъ случаѣ рукава этѣ выпускаютъ изъ подъ рукавовъ кафтана; въ томъ мѣстѣ, гдѣ воротникъ рубашки сходится, пришиваются двѣ жемчужины, серебряныя, или золотыя, застежки. Штаны или порты носятъ они вверху широкіе, собранные на тесьмѣ, на которой они распускаютъ ихъ шире, или стягиваютъ уже, смотря по надобности. Поверхъ рубашки они носятъ узкіе кафтаны, похожіе на наши фуфайки, только длинныя до колѣнъ и съ длинными же рукавами, стянутыми у кисти и собранными въ нѣсколько складокъ; сзади, у шеи, на кафтанѣ дѣлаются воротники, длиною и шириною въ $\frac{1}{4}$ локтя, снизу подбитые бархатомъ, а у знатныхъ парчею, и воротники этѣ выпускаются изъ подъ верхнихъ кафтановъ и твердо стоятъ подъ затылкомъ. Одежду эту они называютъ кафтаномъ (Kafftan). Сверхъ этого кафтана нѣкоторые надѣваютъ еще другой, длинный до икръ, называемый у нихъ ферязью (Feres). Оба этѣ нижніе кафтана шьются изъ полуситца, киндяка, тафты, камки, или атласа, смотря по достатку. Ферязи подбиваются ватой. Сверхъ ферязи надѣвается еще болѣе длинный кафтанъ, достигающій до пятъ; но этотъ кафтанъ надѣваютъ они сверхъ первыхъ двухъ только тогда, когда выходятъ со двора. Такіе верхніе кафтаны шьются вообще изъ голубо-фіолетоваго, темно-коричневаго, или темно-зеленаго сукна, а также изъ пестраго атласа, или парчи.

Всѣ послѣдняго рода, т. е., парчевыя кафтаны, хранятся обыкновенно въ Великокняжескихъ кладовыхъ и ссужаются только сановникамъ и почетнымъ Боярамъ, которые наряжаются для присутствования при торжественныхъ представленіяхъ.

У верхнихъ кафтановъ назади, на плечахъ, дѣлается широкой воротникъ; спереди и по бокамъ разрѣзы, обшитые золотымъ, а иногда и жемчугомъ унизаннымъ, сууркомъ, на которомъ

висятъ длиныя кисти. Рукава въ этѣхъ кафтанахъ такой же и длины, какъ и самыя кафтаны, но чрезвычайно узки; надъ ихъ, рукава этѣ собираются на руки во множество складъ такъ что едва возможно бываетъ высунуть изъ нихъ руки и жу; иногда въ ходьбѣ рукава этѣ распускаются съ руки во ихъ длину, такъ что они висятъ гораздо длиннѣе рукъ. Холмошеники въ такихъ рукавахъ не рѣдко скрываютъ капи дубинки, съ которыми нападаютъ, особенно ночью, на ходящихъ и убиваютъ ихъ.

Русскіе всѣ носятъ на головахъ шапки, Князья и Бояре, Государственныя Совѣтники (Царскіе Думныя), когда выхо- на торжественныя собранія, изъ черной лисицы, или со- вышнюю съ локоть ($\frac{3}{4}$ аршина); въ другое же время—ба- ныя, на подобіе нашихъ, шапки, подбитыя черною лисицей, сободемъ, съ небольшою опушкою изъ того же мѣха, и по- нѣмъ сторонамъ обшитыя золотымъ, или жемчужнымъ, снуръ. Простой народъ лѣтомъ носитъ бѣлыя войлочныя шляпы, а- мою суконныя, подбитыя обыкновеннымъ (бараньимъ) мѣ- шапки (Scharpen).

Всѣ Русскіе, также какъ и Поляки, носятъ короткіе са- съ длинными острыми носками, изъ юфти, или изъ Персиде- сафьяну. О кордуалѣ (Греческой кожѣ), они ни чего и не- ютъ. Женщины, особенно дѣвицы, носятъ башмаки съ ве- высшими, въ четверть локтя каблуками, подбитыми снизу- гомъ маленькими, красивыми гвоздиками; въ такихъ башма- онѣ не могутъ и ходить много, по тому что должны ступать т- ко на цыпочки, едва касаясь земли передкомъ башмака.

Женское платье похоже на мужское, только верхнее у- шире нѣсколько, а шьется изъ того же сукна; богатыя же- ны обшиваютъ свои платья спереди, сверху до низу, позуме- ми и другими золотыми тесьмами, нѣкоторыя окаймляютъ- снурками и кистями, остальные наконецъ разукрашиваютъ- большими серебряными и свинцовыми пуговицами. Наверху у- чей рукава въ платьяхъ имѣютъ отверстія, въ которыхъ мо- было бы просовывать руки, и въ такомъ случаѣ самыя ру-

оставляются висящими. Женщины не носятъ вовсе кафтановъ, а тѣмъ болѣе четырехугольныхъ, высоко подъ затылкомъ стоящихъ воротниковъ. Рукава въ жепскихъ рубашкахъ дѣлаются въ 6, 8 и 10 локтей, а если рубашки шьются изъ чистаго полусита, то и длиннѣе, но узкіе и собираемые на руки во множество складокъ. На головахъ женщины носятъ развалистыя, широкія шапки парчевыя, атласныя или камчатныя и обшитыя золотою ниткою, нѣкоторыя же разукрашиваютъ ихъ золотомъ и жемчугомъ съ опушкою изъ боброваго мѣху, волосъ котораго опускаетъ и закрываетъ у нихъ болѣе половины лба. Взрослыя дѣвочки носятъ большія лисьи шапки.

Въ прежнее время Нѣмцы, Голландцы, Французы и другіе иностранцы, служившіе у Великаго Князя, или по торговымъ дѣламъ своимъ пребывавшіе и жившіе въ Москвѣ, должны были носить платье и всю одежду, сшитыя на Русскій образецъ; для того, чтобы тѣмъ оградить ихъ отъ ругательствъ и оскорбленій чернаго народа. Но назадъ тому годъ, нынѣшній Патріархъ измѣнилъ это и именно по слѣдующему случаю: однажды, когда въ городѣ была большой, торжественный ходъ, въ которомъ принималъ участіе самъ Патріархъ, благословляющій обыкновенно по улицамъ народъ, толпящійся вокругъ, нѣсколько Нѣмцевъ, стоявшіе также въ толпѣ между Русскими, отвѣчали на благословенія Патріарха не такими низкими поклонами, какъ Русскіе. Патріархъ съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на нихъ и узнавъ, что то были Нѣмцы, сказалъ: «Не подобаетъ недостойнымъ чужестранцамъ, по невѣднію моему ихъ, получать мое благословеніе.» И по тому, чтобы впередъ онъ могъ узнавать ихъ и различать отъ Русскихъ въ толпѣ, онъ издалъ строгій приказъ всѣмъ иностранцамъ, чтобы они немедленно перестали носить Русскія одежды, и ходили бы въ своихъ, ихъ странъ свойственныхъ, платьяхъ.

Какъ ни трудно было нѣкоторымъ изъ иностранцевъ немедленное исполненіе такого строгаго приказа, тѣмъ не менѣе, не желая навлечь себѣ непріятностей, они поспѣшили возможно скорѣе его исполнить. Многіе изъ нихъ, по недостатку матеріи и другихъ принадлежностей одежды, для изготовленія новаго платья, а также и по тому, что портные не могли немедленно построятъ

вгѣ новыя платья, поставлены были въ затруднительное положеніе, такъ какъ, обязанные ежедневною службой при Царскомъ Дворѣ, они не могли явиться туда, не навлекши на себя невольствія. По этому каждый хватался за то, что было у него ближе подъ рукою. Иные надѣли на себя отцовскія, дѣдовскія, а можетъ быть, даже прадѣдовскія, или другихъ друзей, изъ которыхъ часть еще при Грозномъ прибыла въ Москву, а часть съ привозомъ въ нее древнихъ Ливонцевъ, и хранилась въ сундукахъ до сего времени. Когда одѣтые такимъ образомъ иностранцы прибыли въ свое собраніе, то появленіе ихъ причинило не мало смѣху, не по тому только, что платье на нихъ было уже старо и вышло изъ обыкновенія, но и по тому, что на одномъ платьѣ было уже очень широко, а на другомъ и узко.

Въ настоящее время, всѣ иностранцы, какой землѣ они принадлежали бы, должны носить свои народныя платья, того, чтобы ихъ можно было отличить отъ Русскихъ.

Въ Москвѣ живетъ Князь, по имени Никита Ивановичъ Романовъ (Mikita Ivanovitz Romano), знатнѣйшій и богатѣйшій Бояръ послѣ Царя и близкій его родственникъ, преселый Бояръ, большой любитель Нѣмецкой музыки. Онъ имѣетъ особенное расположеніе не только ко всѣмъ иностранцамъ, преимущественно къ Нѣмцамъ, но даже и къ ихъ платью, такъ что построилъ себѣ особое и Нѣмецкое платье, въ которыхъ, ради своего удовольствія и выѣзжаетъ иногда на охоту, не обращая вниманія на замѣчанія Патриарха; но на этѣ, равно и на другія, замѣчанія его, по некоторымъ противурелигіознымъ поступкамъ, Князь всегда даетъ короткіе и рѣзкіе отвѣты, такъ что наконецъ Патриархъ долженъ былъ хитростію похитить у Князя иностранныя платья такимъ образомъ лишить его возможности одѣваться въ нихъ

ГЛАВА VI.

О природныхъ свойствахъ Русскихъ, объ ихъ нравахъ и обычаяхъ.

Если разсматривать Русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ должно отнести къ варварамъ; ибо и теперь имъ далеко еще до того, что еще въ древности были Греки, и хотя Русскіе хвалятся прибытіемъ къ себѣ Грековъ и родствомъ съ ними, но они не имѣютъ ни чего общаго между собою ни по языку, ни по искусствамъ. Известно, что одни только Греки считались разумными и образованными людьми; всѣ же прочіе, не Греки, назывались варварами. Такъ какъ Русскіе не любятъ ни какихъ высшихъ знаній, ни свободныхъ искусствъ, а тѣмъ менѣе сами охотно ими занимаются, то, по изреченію: «*Didicisse fideliter artes emoluit mores, nec sinit esse ferus*» (т. е., занятіе искусствами смягчаетъ нравы и не дозволяетъ быть жестокимъ), Русскіе и остаются невѣжественны и грубы.

Большинство Русскихъ, когда что либо узнаютъ отъ чужеземцевъ о высокихъ знаніяхъ и извѣстныхъ имъ естественныхъ наукахъ и искусствахъ, произносятъ самыя грубыя и неразумныя сужденія: такъ Астрономію и Астрологію они считаютъ волшебными науками. Они ни какъ не думаютъ, чтобы было естественно знать напередъ и предсказать затмѣнія солнца и луны, равно какъ движеніе другой какой либо планеты. По этому, когда, по возвращеніи нашемъ изъ Персіи, въ Москвѣ стало извѣстно, что Великій Князь пригласилъ и назначилъ меня своимъ Астрономомъ, начались толки: въ Москву, де, скоро вернется волшебникъ, находящійся теперь въ Голштинскомъ Посольствѣ, который по звѣздамъ узнаетъ будущее. Нѣкоторые возымѣли даже отвращеніе ко мнѣ, что, вмѣстѣ съ другими причинами, и заставило меня отказаться отъ предложенной мнѣ должности.

Можетъ быть, впрочемъ, Москвитяне желали удержать меня въ своей землѣ, не за то, что я былъ свѣдущъ въ Астрономіи,

а по тому скорѣе, что я рисовалъ, какъ имъ стало извѣстно, рѣку Волгу и Персидскія области, черезъ которыя мы проѣзжали, и положилъ ихъ на карту.

Позднѣе, именно въ 1643 году, когда я опять былъ въ Москвѣ, будучи посланъ туда моимъ Милостивѣйшимъ Государемъ, я, сидя дома, забавлялся камеръ-обскуррой, пропуская сквозь небольшое отверстіе и шлифованное стекло все то, что происходило на улицѣ передъ окномъ, и представляя этѣ изображенія живыми красками, вошелъ ко мнѣ Русскій Подканцлеръ, которому я и показалъ тѣ изображенія. Онъ перекрестился и сказалъ: «Это чародѣйство!» Его собственно поразили люди и лошади, ходившіе вверхъ ногами, какъ представлялись они на изображеніи.

Хотя Русскіе любятъ и уважаютъ Врачей и ихъ искусство, но ни какъ не одобряютъ и не допускаютъ тѣхъ обыкновенныхъ средствъ, которыя употребляются въ Германіи и другихъ странахъ и которыми нагляднымъ образомъ только и можно совершенствоваться въ дѣлѣ лѣченія, какъ, на прим., анатомированія тѣла человѣческаго, или дѣланія скелетовъ, къ которымъ Русскіе питаютъ величайшее отвращеніе.

Не много лѣтъ тому назадъ, одинъ искусный цырюльникъ, чю имени Квирипъ (Quirinus), Голландецъ, чрезвычайно любезный человекъ, находился въ службѣ у Великаго Князя и въ своемъ жилищѣ имѣлъ человѣческую скелеть, который висѣлъ у него на стѣнѣ позади стола. Однажды, когда онъ, по своему обыкновенію, сидя за столомъ, игралъ на лютнѣ, пришли, на звукъ музыки, Стрѣльцы, которые тогда еще держали постоянную стражу на Нѣмецкомъ Дворѣ, и, ради любопытства, заглянули въ дверь. Когда они увидѣли висѣвшія на стѣнѣ человѣческія кости, то перепугались, и тѣмъ еще болѣе, когда замѣтили, что кости тѣ двигались; въ ужасѣ они разбѣжались и распустили слухъ, что Нѣмецкій цырюльникъ повѣсилъ у себя на стѣнѣ мертвеца, и когда самъ играетъ на лютнѣ, то мертвецъ движется. Слухъ этотъ тотчасъ дошелъ до Великаго Князя и Патріарха, которые послали немедленно нарочныхъ посматрѣть и разузнать все обстоятельно, особенно наблюдая за тѣмъ, когда цырюльникъ будетъ играть на лютнѣ. Посланные не

только подтвердили первое показаніе, но еще увѣряли, что мертвецъ на стѣнѣ просто плясалъ подъ лютикю.

Русскимъ показалось это великимъ дивомъ: они начали держать совѣтъ и порѣшили, что цырюльникъ непремѣнно должно быть колдунъ, и что его слѣдуетъ сжечь, вмѣстѣ съ его костями мертвеца. Какъ только Квиринъ узналъ о замышленномъ втайнѣ противъ него, опасномъ для него, рѣшеніи, тотчасъ послалъ одного знатнаго Нѣмецкаго купца, котораго всѣ Бояре всегда хорошо принимали, къ Князю Ивану Борисовичу Черкасскому, объяснить настоящее значеніе дѣла и отклонить отъ него, Квирина, грозящее ему непристойное намѣреніе Русскихъ. Купецъ этотъ, въ разговорѣ съ Бояриномъ, объяснилъ ему, что по скелету ни какъ нельзя еще приписывать цырюльнику какое ни будь волшебство; такъ, въ Германіи ужъ такой обычай, что всѣ лучшіе Врачи и цырюльники имѣютъ у себя человѣческія кости, которыя и стараются изучать, для того собственно, что если кому либо изъ живыхъ людей случится сломить себѣ ногу, или повредить другой какой ни есть членъ, то по скелету можно лучше узнать, какъ приняться за дѣло и излѣчить поврежденіе. Что же касается до того, что висѣвшія кости двигались, то происходило это не отъ игры цырюльника на лютикѣ, а отъ вѣтра, который дулъ въ открытое окно и качалъ кости. Хотя послѣ такого объясненія сказанное рѣшеніе и было отмѣнено, но все таки Квиринъ долженъ былъ немедленно выѣхать изъ Россіи, а его скелетъ выволокли за Москву рѣку и тамъ сожгли. Подобную же трагедію, еще недавно, Русскіе хотѣли было разыграть съ однимъ живописцемъ, Нѣмцемъ Іоанномъ Детерсеномъ (Johann Detersen). Во время большаго пожара въ Москвѣ, бывшаго 4 года тому назадъ, Стрѣльцы, прекращая огонь по своему, описанному выше, способу, т. е., лошадь близъ стоящія къ пожару строенія, взошли въ домъ этого живописца, и нашли тамъ старый черепъ; они тотчасъ же порѣшили и черепъ и самого живописца бросить въ огонь, и исполнили бы это, если бъ не случились тутъ нѣкоторые, болѣе разумные, люди, убѣдившіе Стрѣльцовъ, что черепъ этотъ, по обычаю Нѣмецкихъ живописцевъ, служить Детерсену не для чего иного, какъ только для рисованія.

Что касается до ума Русскихъ, то хотя они остроумны и хитры, но способности этѣ употребляются не на добрыя и похвальные дѣла, а для достиженія какихъ ни будь личныхъ выгодъ, пользы для себя и для удовлетворенія своихъ желаній. По этому они, какъ говоритъ Якобъ (Jacobus), Nobilis Danus (какъ онъ самъ себя называетъ), Посланникъ Датскаго Короля Фридриха II-го, въ сочиненіи своемъ, «Hodoerogicum Ruthenicum» (Francof. 1608): «Callidi, versuti, pertinaces, effreni, adversi et perversi, ne dicam impudentes, ad omne malum proclives, utentes violentia pro ratione, quique virtutibus (crede mihi) omnibus nuncium remisierunt», то есть: они коварны, своенравны, необузданны, строптивы, изворотливы, безстыдны и на всякое зло склонны; силу употребляютъ они вмѣсто права, и вообще распрощались со всѣми добродѣтелями и потеряли всакой стыдъ.

Свою смышленность и хитрость Русскіе, между прочимъ, проявляютъ въ торговлѣ, весьма хорошо понимая, что и какъ купить, или продать, повыгоднѣе, и придумываютъ при этомъ всѣ способы обмануть ближняго, чтобы получить себѣ всякаго рода выгоду и барышъ. Кто захотѣлъ бы ихъ обмануть, тотъ долженъ обладать не малымъ умомъ. Скрывая сами истину, употребляя на каждомъ шагу ложь, они очень подозрительны и весьма не легкѣ вѣрять другимъ; если же кому удастся обмануть ихъ какъ ни будь, то они хвалятъ такого и считаютъ мастеромъ своего дѣла. По этому, однажды нѣсколько Московскихъ купцовъ очень просили одного Голландца, который въ торговлѣ надулъ ихъ на огромную сумму, чтобы онъ вступилъ въ ихъ общество и велъ бы съ ними вмѣстѣ торговлю. Такъ какъ Голландецъ зналъ разныя мастерскія по ихнему приемы и продѣлки въ торговлѣ, то сказанные купцы надѣялись, пріобрѣтя такого человѣка, повести торговлю самую прибыльную. Странно, однако жъ, что между Русскими, которые вообще обманъ не считаютъ дѣломъ совѣсти, но, напротивъ, скорѣе называютъ его разумнымъ и достойнымъ похвалы дѣломъ, есть много такихъ людей, которые почитаютъ грѣхомъ, если они не возвратятъ покупателю, передавшему имъ по ошибкѣ при расчетѣ лишніа деньги. Возвратить такіа деньги они считаютъ себя обязанными по тому, что передача такая случилась по негладінію и противъ воли покупателя, и удержать ее, стало быть, было

и просто воровство. Если же передача случится по доброй воле и съ вѣдома покупателя, то такой покупатель считается ихъ противникомъ, и передача ему не возвращается, такъ какъ, вступая въ торгъ, нужно имѣть разумъ и сообразительность, иначе и берись за это дѣло.

Чтобы выместить на какомъ ни будь ближнемъ, противъ котораго они питають злобу и ненависть, свою досаду, обманъ и воровство, Русскіе, между прочимъ, прибѣгаютъ и къ слѣдующей суды: такъ какъ воровство считается у нихъ преступленіемъ, заслуживающимъ довольно строгое наказаніе, то они ищутъ случая обмануть въ немъ нелюбимаго ими человѣка, для чего отправляются къ нему, берутъ у него въ займы деньги, подъ которыми оставляють въ залогъ платье, посуду и другія вещи, также потихоньку, когда пробираются въ домъ къ нему, или не замѣтно всовываютъ ему въ сапогъ (въ которомъ Русскіе имѣють обыкновеніе носить сапога, ножи, деньги и другія малыя вещи) какую ни будь изъ этихъ вещей, и за тѣмъ взводятъ обвиненіе и объявляютъ, что онъ самъ укралъ у нихъ эту вещь. Если заявленные такимъ образомъ вещи дѣйствительно найдутся у обвиняемаго, то его тотчасъ же подвергаютъ наказанію. Такъ какъ подобныя обманы и клеветы сдѣлались уже общеупотребительными и всѣмъ извѣстными, то въ бытность нашу въ Москвѣ, въ 1634-мъ году, Великій Князь Михаилъ Новый Годъ издалъ новый Указъ во всеобщее свѣдѣніе, чтобы кто, ни даже отецъ съ сыномъ, не ссужали другъ друга деньгами и не закладывали вещей безъ дачи съ обѣихъ сторонъ письменной росписки, подъ опасеніемъ заключенія обоихъ тяжущихся въ темницу до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено ясныхъ показаній, что требованіе справедливо, или что оно должно быть отвергнуто, какъ незаконное. Бываетъ и такъ, что нѣкоторые неправедные судьи сами даже подучають потихоньку къ побитымъ ложнымъ доносамъ, съ корыстными для себя цѣлями, какъ это подробнѣе увидимъ ниже сего.

Вообще ложные доносы и обманъ между Русскими въ такомъ случаѣ, что ихъ можно опасаться не только со стороны чужихъ людей и сосѣдей, но и со стороны братьевъ, или супруговъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

Въ царствованіе Великаго Князя Бориса Годунова случилось (какъ намъ рассказывалъ это, бывшій въ Москвѣ въ наше тамъ пребываніе, Нарвскій Пасторъ Мартинъ Бееръ) (Bäär), что, заболѣвъ однажды весьма сильно подагрой, Великій Князь приказалъ объявить, не найдется ли кого, кто бы могъ освободить его отъ этой болѣзни: такой явился бы ко Двору, и какого бы состоянія и Вѣры онъ ни былъ, будетъ награжденъ за излѣченіе великими милостями и богатою платой. Услышавъ это, жена одного Боярина, который довольно строго держалъ ее, вздумала воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ для отмыщенія мужу своему, тотчасъ же пошла заявила, что мужъ ея знаетъ вѣрное средство помочь Великому Князю, но что онъ только не хочетъ этого сдѣлать по нерасположенію къ Царю. Бояринъ тотчасъ же былъ потребованъ къ В. Князю, и тамъ допрошенъ; когда онъ объяснилъ сдѣсь, что вовсе не смыслить ни чего въ наукѣ лѣченія, то его сильно побили палкою и посадили въ темницу. Когда же онъ сказалъ, что все это продѣлалъ жены его, которая, по ненависти къ нему, наговорила на него, и съ которою онъ за это раздѣляется, то его еще нещаднѣе побили, грозили даже смертною казнію, которую хотѣли не медля исполнить, если онъ не вылѣчитъ Великаго Князя. Несчастный Бояринъ поблѣднѣлъ отъ страха, не зналъ что дѣлать, и рѣшился наконецъ попробовать лѣченія, для чего и просилъ, чтобы ему дали срокъ, по крайней мѣрѣ, на 14 дней, въ которые онъ могъ бы собрать необходимыя для лѣченья травы. Испрашивая этотъ срокъ, онъ желалъ только продлить какъ ни будь свою жизнь, въ надеждѣ, что въ этотъ промежутокъ времени обстоятельства какъ ни есть могутъ измѣниться въ его пользу. Когда ему дали отсрочку на 14 дней, онъ послалъ въ Чирбакъ? (Czigback), ¹ отстоящій отъ Москвы на два дня пути, при рѣкѣ Окѣ, и приказалъ привезти оттуда разнаго рода земли и травы, которая росла тамъ въ изобиліи и отличалась длиною, цѣлый возъ, и изъ этого-то зелья онъ сдѣлалъ Великому Князю ванну. Къ великому счастью Боярина страданія ольнаго послѣ ванны прошли, можетъ быть, не столько отъ ванны, сколько сами собою. Послѣ этого Бояринъ хотя и былъ еще жестоко побитъ за то, что онъ, зная средство вылѣчить

---

¹ Сериухомъ? О. Б.

Царя, запырался, не желая помочь ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и былъ награжденъ новымъ платьемъ, 200-ми рублями или 400-ми рейхсталерами и 18-ю душами крестьянъ въ потомственное владѣніе, съ строгимъ наказомъ, чтобъ онъ отнюдь не смѣлъ итти своей женѣ. Этѣ супруги послѣ того жили уже въ добромъ согласіи.

Въ прежнее время по такого рода злымъ и ложнымъ доносамъ, особенно если дѣло касалось оскорбленія Его Величества, виновнаго тотчасъ же, безъ всякихъ допросовъ, доказательствъ и оправданій, подвергали наказанію и отправляли въ ссылку, или даже казнили смертію, и не только низшаго званія людей, но часто и высшихъ сословій, чужестранцевъ, или своихъ, же равно. Такіе примѣры у Русскихъ неисчислимы.

Въ такихъ случаяхъ не бывало пощады даже и иностраннымъ Посланникамъ разныхъ владѣтельныхъ особъ. Такъ, подобный скорый судъ исполненъ былъ надъ Посломъ Римскаго Императора: по доносу онъ посаженъ былъ сначала въ темницу, а за тѣмъ сосланъ въ отдаленное мѣсто, гдѣ, въ надеждѣ, что съ нимъ будутъ лучше обращаться, принялъ Русскую Вѣру. Въ бытность нашу въ Москвѣ этотъ Посолъ находился еще тамъ. Подобное же повторилось и въ наше время съ Посломъ Французскаго Короля, Карломъ Талераномъ, Княземъ Шальскимъ (Charles Talleraud, Prince de Chales), который тайно, по Русскому обычаю, былъ оклеветанъ и преданъ злонамѣреннымъ товарищемъ своимъ, Яковомъ Рущелемъ (Jacob Rouchelle). Объ томъ подробнѣе сказано уже было мною въ 17 главѣ 1-й книги.

Когда же наконецъ дознали, что большею частію обвиненія и доносы безстыдно дѣлались, безъ всякаго основанія и единственно только изъ ненависти и вражды другъ къ другу, то Правительство Русское рѣшилось поступать въ такихъ случаяхъ осторожнѣе, и постановило, чтобы впередъ, въ уголовныхъ дѣлахъ, обвинители и доносчики, для подкрѣпленія и утвержденія своихъ обвиненій, прежде всего сами подвергались пыткамъ.

Если на пыткахъ доносчикъ оставался при первомъ своемъ показаніи и доносѣ, то тогда уже принимаются за обвиняемаго

и подвергаютъ его также пыткѣ, или же, если обстоятельства дѣла ясны, прямо, безъ всякаго дальнѣйшаго суда, приступаютъ къ наказанію. Подобное случилось при насъ, когда одинъ изъ Великокняжескихъ конюховъ обвинялся по доносу своей злой жены въ томъ, что имѣлъ будто намѣреніе отравить Великокняжескихъ лошадей, а если бъ ему представился случай, то отравилъ бы и самого Великаго Князя. По такому доносу сказанная жена конюха подвергнута была пыткѣ, и такъ какъ она вынесла все мученіе, не измѣнивъ своего показанія, то мужъ ее признанъ былъ виновнымъ и отправленъ въ ссылку въ Сибирь; жена же его осталась въ Москвѣ и получала изъ казны на прожитокъ половину годоваго жалованья своего мужа.

Если Русскіе такъ часто во многихъ дѣлахъ употребляютъ коварство и хитрость, и сами между собою до такой степени вѣроломны, то легко себѣ представить, какое расположеніе питаютъ они къ чужестранцамъ, и въ какой степени можно полагаться на ихъ искренность. Когда случается, что они предлагаютъ кому свою дружбу, то дѣлается это не изъ любви къ добродѣтели (которой они не уважаютъ, и которая, по мнѣнію философа, должна быть основаніемъ и цѣлю всякаго добраго дѣла), а единственно изъ желанія достигнуть своей собственной выгоды и пользы, такъ что про нихъ справедливо можно сказать: *«Vulgus amicitias utilitate probat,»* т е., если чернь оказываетъ дружбу, то, конечно, расчитывая только на выгоду отъ того.

Русскіе также, особенно тѣ изъ простолюдиновъ, которые вышли въ знатные люди по счастью, или богатству, по какой ни есть службѣ, или должности, чрезвычайно высокоумѣрны и горды, что и стараются они выказывать, преимущественно по отношенію къ иностранцамъ, не только какимъ ни будь намекомъ, но и открыто, разными тѣлодвиженіями, словами и дѣйствіями. И такъ какъ всякаго иностранца они считаютъ ниже людей своей земли, и видятъ въ немъ нѣчто особенное, то точно также думаютъ, что и ни одинъ Государь въ мірѣ не можетъ сравниться съ ихъ Великимъ Княземъ ни по богатству, могуществу и величію, ни по почету и достоинству. Они не примутъ ни какого письма, надписаннаго къ Его Царскому Величеству, если въ немъ сдѣ-

лань ничтожный пропускъ въ титулѣ, или что ни будь не извѣстное имъ.

Было забавно, какъ въ прошломъ году два Русскіе Посланника, отправленные въ Голштинію къ тамошнему Правительству, не хотѣли принять отъ Его Свѣтлости письма къ Его Царскому Величеству по тому, что на конвертѣ, по обыкновенію, какъ надписывались письма къ прежнимъ Великимъ Князьямъ, было выставлено: «дядѣ и зятю,» до тѣхъ поръ, пока этѣ два слова не будутъ исключены изъ подписи. Посланники увѣряли, что прибавка этѣхъ словъ будетъ стоять имъ жизни, и думали, что Его Царское Величество слишкомъ высокъ для того, чтобы какой бы то ни было иностранный Государь могъ назвать его своимъ зятемъ. Не смотря, однако жъ, на то, этѣмъ Посланникамъ было объяснено и доказано, что такъ какъ Герцогъ Магнусъ Голштинскій, двоюродный братъ моего Милостивѣйшаго Государя, состоятъ въ родствѣ съ предками Его Царскаго Величества, то по этому и сказанныя слова выставлены на конвертѣ надлежащимъ и законнымъ образомъ. Это похоже на то, что Персы пишутъ о своемъ великомъ святомъ и покровителѣ Азлі (Aaly), что «если онъ и не самый Богъ, то близкій его родственникъ.»

Русскіе рѣзко вспыльчивы и не воздерживаются отъ этой вспыльчивости, если ихъ не такъ принимаютъ, или угощаютъ, какъ бы имъ того хотѣлось.

Приставы, на примѣръ, наряжаемые Его Царскимъ Величествомъ въ услуженіе и для принятія иностранныхъ Пословъ, нисколько не совѣстятся требовать торжественно, чтобы Послы снимали шапки и слезали съ лошадей прежде, чѣмъ Русскіе. Также, во время поѣздовъ они насильно протѣсняются впередъ, чтобы ѣхать, или ити, выше Пословъ, и выдѣлываютъ и другія подобныя невѣжливости. Они думаютъ, что очень унижать достоинство своего Царя и всего народа, если выкажутъ какую ни будь вѣжливость, почтительность, или снисхожденіе къ чужеземнымъ гостямъ и Посламъ Великихъ Государей, которые, по словамъ Fred. de Merseler, въ его «Legatus,» Imagines Principum et

principali honore digni censendi,» т. е., представители своихъ Государей достойны высокой Царской чести.

Даже знатнѣйшіе изъ Русскихъ въ писѣмахъ своихъ къ иностраннымъ особамъ употребляютъ довольно рѣзкія выраженія, иногда только пустой наборъ словъ, ради приличія, но сами очень не любятъ, если имъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Впрочемъ, намъ случалось встрѣчать Русскихъ, правда, не многихъ, которые оказывали намъ всевозможное вниманіе и доброе расположеніе. Прежде, конечно, они были еще грубѣе, но теперь, въ слѣдствіе постоянного сообщенія и обращенія съ иностранцами, стали общетельнѣе. Выше упомянутый Никита (Mikita), какъ по разуму такъ по честности и доброму обращенію, есть наилучшій между всѣми, а по тому и наиболѣе приносящій пользы и можетъ считаться украшеніемъ Русскихъ, какъ это скоро увидимъ ниже подробно.

По своему высокомѣрью, Русскіе и сами между собою ничемъ не уступаютъ другъ другу, спорятъ за почетнѣйшія мѣста и часто заводятъ о нихъ большія ссоры. Такъ случилось однажды даже въ нашемъ присутствіи въ Нижнемъ Новгородѣ. 14-го Іюля прибылъ туда изъ Москвы, осмотрѣть нашъ вновь выстроенный корабль и засвѣдѣтельствовать свое почтеніе Посламъ, Дворецкій (Hofmeister) Государственнаго Канцлера, человекъ весьма почтенный. Вынужденный сѣсть за столомъ подлѣ одного Пристава, онъ затѣялъ съ нимъ страшный споръ: б..... сынъ, с..... сынъ и другія бранныя слова были ихъ отборными титлами другъ друга. Дворецкій полагалъ, что онъ, какъ сынъ Боярскій или Дворянинъ, долженъ сидѣть выше Пристава, происходившаго изъ простаго званія людей. Приставъ же, въ свою очередь, опирался на то, что онъ слуга Великаго Князя, и ему, ради его Государя, по праву принадлежитъ высшее мѣсто.

Мы были раздосадованы, и намъ даже стыдно стало слушать такую перебранку и руготню, продолжавшуюся почти полчаса, они же не стыдились продолжать ссору, пока, наконецъ, наши Посланники не вмѣшались въ споръ и не сказали имъ: «Мы думали, что вы прибыли къ намъ, какъ друзья, которые доставятъ

намъ удовольствіе, а не непріятность, и что вы не будете сами, въ нашемъ присутствіи, такъ поносить другъ друга,» при чемъ Послы просили ихъ быть дружелюбите и ласковѣ другъ съ другомъ для того, чтобы тѣмъ пріятнѣе было для Пословъ ихъ присутствіе. Послѣ этого спорившіе смолкли и, подвыпивши, скоро совершенно примирились и поладили между собою.

Вообще Русскіе народъ пресварливый, обзываютъ другъ друга самыми грубыми и неприличными словами, какъ, на пр., «собака» и проч. На улицахъ безпрестанно слышишь такую перебранку между ними, даже старыя бабы грызутся часто одна съ другою съ такимъ ожесточеніемъ, что не привыкшій къ этѣмъ выходкамъ подумаетъ, что онѣ тотчасъ же вцѣплятся другъ другу въ волосы. Но до драки рѣдко у нихъ доходитъ, а если и дойдетъ, то дерутся просто кулаками, которыми они колотятъ другъ друга изо всей силы по бокамъ и подъ брюхо. Не было еще примѣра, чтобы Русскіе вызвали другъ друга биться на сабляхъ, или огнестрѣльнымъ оружіемъ, какъ это не рѣдко дѣлается въ Германіи и другияхъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные Русскіе Господа, и даже Князья, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваютъ другъ друга нещадно плетьюми, какъ рассказывали намъ это за достовѣрное, и, какъ мы сами видѣли, случилось это съ двумя Боярскими Дѣтьми, во время описаннаго выше принятія Турецкаго Посланника.

Выражая свой гнѣвъ и ругательства, они не употребляютъ общеупотребительныя, къ сожалѣнію, у насъ бранныя проклятія и пожеланія, каковы, на примѣръ: будь проклятъ, убирайся къ чорту, шельма и проч., но, вмѣсто того, прибираютъ весьма поносныя и отвратительныя слова и срамныя выраженія, которыми я не рѣшился бы оскорблять ухо читателя, если бъ не требовала отъ меня того обязанность историка. У нихъ постоянно на языкѣ: б..... сынъ, с..... сынъ, собака, и другія матерныя и сквернословныя брани и выраженія, которыми бранятся не одни только взрослые и старыя люди, но и малыя дѣти, знающія этѣ слова прежде, чѣмъ они узнаютъ названія Бога, отца и матери, такая срамная брань одинаково употребляется, какъ родителями противъ дѣтей, такъ и дѣтьми противъ родителей.

Съ недавняго времени, впрочемъ, скверныя и страшныя бни и ругательства строго на строго воспрещены и виновныхъ нихъ при всѣхъ наказываютъ кнугомъ, или розгами, что въ нлѣ въ точности исполнялось; по улицамъ и на рынкахъ мнародомъ расхаживаютъ тайно, нарочно назначаемые для тлюди, которые, съ помощію приставленныхъ къ нимъ Стрѣльи и палачей, хватаютъ на мѣстѣ виновныхъ, и тутъ же, въ примпрочимъ, наказываютъ всенародно.

Но усвоенная съ давнихъ лѣтъ и такъ глубоко укоренив ся привычка браниться скверными словами, требовала повсгораздо большаго надзора, чѣмъ сколько было его назначи и причинила надзирателямъ, судьямъ и палачамъ такую невсвсюю работу, что имъ уже самимъ надоѣло и было не псилу безпрестанно задерживать и наказывать виновныхъ.

Чтобы сдѣлать различіе между ругательствами, поношеніи безчестіемъ, наносимыми простолюдинамъ, отъ причиняемыхъ внымъ особамъ, Правительство Русское постановило, чтобы ткто ударить, или инымъ чѣмъ оскорбить Боярина, жену его, слугу Великаго Князя, Русскаго, или иностранца, платилъ осибленному за оскорбленіе большое количество денегъ, что у)скихъ называется «заплатить безчестіе» (Beszestia). Количес этого безчестія рассчитывается сообразно съ званіемъ, должност или мѣстомъ, дающимъ оскорбленному извѣстное жалованье, крое и называется окладомъ (Oclad). Каждому служащему, повѣстному распределенію, полагается свой окладъ. Такъ, Бояр: смотря по ихъ происхожденію, состоянію и достоинствамъ, иполагается 2000 талеровъ, другому 1500, третьему 1000 талерот. д. Царскому же слугѣ платится по его годовому жалован такъ. Врачу 700 талеровъ годоваго жалованья (при чемъ недѣл жалованья не считаются). Такое-то количество обидчикъ обя: заплатить обиженному, когда онъ судомъ потребуеть его. такъ какъ безчестіе можетъ быть нанесено не только мужы но и женѣ и дѣтямъ, то за оскорбленіе жены взимается чество вдвое, за оскорбленіе каждой дочери 1800 и каждого на 600 талеровъ. Случается, что обидчикъ, по легкомыслію с му и въ гнѣвѣ, обругаетъ родителей кого либо и даже дѣдс

то хотя бы эти родители и дѣды давно померли, онъ все таки обязанъ заплатить безчестіе. Если виновный не можетъ ни деньгами, ни всѣмъ имуществомъ, какое имѣеть, уплатить безчестіе, то онъ лично отсылается въ домъ оскорбленнаго, и этотъ волею поступить съ нимъ, какъ ему заблагоразсудится. Такіе преступники часто дѣлаются холопами обиженнаго, или же всенародно наказываются имъ розгами, либо плетью.

Такого рода наказанія обидчиковъ и поносителей имѣютъ одинаковую силу, какъ для Нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, такъ и для Русскихъ, и между Русскими употребляются весьма часто, а между иностранцами рѣже. Между этими послѣдними имѣ известны только два примѣра: такъ въ царствованіе Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича, одинъ старшій Англичанинъ, Юансъ Барнесли, (Barnesley) долженъ былъ заплатить безчестіе Врачу Дей (Deu), тоже Англичанину, придворному Медику Великаго Князя. Позднѣе Полковникъ Бокегофенъ (Bockehoffen) младшій также требовалъ безчестія отъ Капитана де ла Кость, родомъ Француза; но такъ какъ Бокегофенъ былъ самъ въ то же время принужденъ къ платежу безчестія за оскорбленіе имъ одного Француза, Антона де Ггоен (который, какъ увидимъ ниже, перекрестился въ Русскую Вѣру), хорошаго пріятеля Капитана де ла Кость, то тяжущіеся рѣшили тѣмъ, что кончили дѣло миромъ, покрывши одно безчестіе другимъ.

Большой вѣжливости и досточтимыхъ нравовъ у Русскихъ ничего и искать: достоинства эти имъ совершенно чужды. Они вовсе не стыдятся во всеуслышаніе и не щадя ни чьего обонянія, пускаться на волю то, что природа требуетъ испустить верхомъ и низомъ послѣ ѣды, и такъ какъ они очень любятъ и ѣдятъ въ изобиліи лукъ и чеснокъ, то для не привычнаго самое присутствіе ихъ невыносимо тягостно. Потягиваться и рыгать въ слухъ у нихъ ни по чемъ, даже на тайномъ представленіи, и можетъ быть съ нѣкоторыми случалось это даже противъ ихъ желанія.

Не будучи знакомы съ достохвальными знаніями, не заботясь много о достопамятныхъ дѣлахъ и событіяхъ отцовъ и предковъ своихъ, и не имѣя желанія ознакомиться и съ чуждыми наро-

дани и ихъ свойствами, Русскіе весьма естественно въ собраніяхъ никогда не заводятъ и рѣчи о подобныхъ в Я не говорю, впрочемъ, здѣсь о собраніяхъ самыхъ знатныхъ лрѣ. Большая часть ихъ разговоровъ сосредоточена на то чему даетъ поводъ ихъ природа и обычный ихъ образъ а именно: говорятъ о сладострастіи, постыдныхъ порокахъ вратѣ и любодѣіи ихъ самихъ, или другихъ лицъ; раз ваютъ всякого рода срамныя сказки, и тотъ, кто наиболее нословить и отпускаетъ самыя неприличныя шутки, соп даи ихъ непристойными тѣлодвиженіями, тотъ и считается лучшимъ и пріятнѣйшимъ въ обществѣ. Къ тому же навр. и ихъ пляски, которыя они исполняютъ съ прибавленіемъ торыхъ страстныхъ тѣлодвиженій. Случается также, что ствующіе комедіанты въ пляскахъ своихъ обнажаютъ задн другія части тѣла, какъ, на примѣръ, угостили однажды непристойными плясками Датскаго Посланника Якоба. І же женщины въ окнахъ домовъ своихъ выдѣлывали этом сланику разныя странныя положенія и знаки, какъ объ подробнѣе можно прочесть въ «Hodoerogicon» этого Яко 17-ой страницѣ.

Плотскимъ побужденіямъ своимъ и любодѣіиу Русскіе даются до того, что нѣкоторые изъ нихъ грязнятъ себя тительнымъ порокомъ, извѣстнымъ у насъ подъ названіемъ домскаго, и употребляютъ для этого не только *pueros mīrati asvetos*, какъ говорятъ Курціи, но даже мужчинъ и лош

И такія-то постыдныя дѣйствія ихъ доставляютъ мат. для разговоровъ ихъ на ихъ пирушкахъ, такъ какъ облич въ такихъ порокахъ строго не наказываются. Подобныи ср дѣла уличные скрипачи воспѣваютъ всенародно на улицахъ, же комедіанты показываютъ ихъ въ своихъ кукольныхъ пр вленіяхъ за деньги простонародной молодежи и даже дѣтл вожаки медвѣдей имѣютъ при себѣ такихъ комедіантовъ, рые, между прочимъ, тотчасъ же могутъ представить какую нш шутку или *Klücht* (шалость), какъ называютъ это Голландц помощію куколъ. Для этого они обвязываютъ вокругъ своей ла простыню, поднимаютъ свободную его сторону вверхъ

стравають надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены (*theatrum portatile*), съ которою они и ходять по улицамъ, и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія.

«*Optimum pudorem ac vegetandiam exierunt,*» говорить неоднократно уже упомянутый Датскій Дворянинъ Якобъ. Мы сами не разъ видѣли, какъ мужчины и женщины выходили изъ общественныхъ бань, чтобы прохладиться, совершенно голые, какъ сотворилъ ихъ Богъ, подходили на встрѣчу къ намъ и безстыдно зазывали къ себѣ нашу молодежь лозаными Нѣмецкими словами. Къ такому разврату весьма много располагаетъ ихъ праздность, такъ какъ ежедневно можно видѣть толпы, а мѣстами цѣлыя сотни, праздношатающагося народу на рынкахъ и у Кремля; въ особенности же побуждаетъ ихъ къ тому пьянство, которому Русскіе преданы болѣе всякаго другого народа въ мірѣ. «*Venter meo aestuans cito despumat in libidinem,*», говоритъ Иеронимъ въ 83-мъ письмѣ. Когда они уже черезъ мѣру напьются, то какъ необузданные звѣри неистово предаются всему, къ чему побуждаютъ ихъ страстныя желанія. Сдѣсь припомню рассказанное мнѣ Великокняжескимъ переводчикомъ въ Великомъ Новгородѣ, а именно: Въ Новгородѣ ежегодно бываетъ день большаго богомолья, и въ этотъ-то день корчмарь, или цѣловальникъ, съ купленнаго дозволенія Митрополита, разбиваетъ передъ кабакомъ нѣсколько палатокъ, въ которыхъ чуть только занимается заря, собираются, какъ сторонніе, такъ и мѣстные, богомольцы и богомолки, выпиваютъ тамъ еще до богослуженія по нѣскольку чарокъ водки, а нѣкоторые остаются тамъ и на цѣлый день и утопляютъ въ винѣ свои кабачныя помышленія. Въ такой-то день случилось, что одна напавшаяся уже баба, вышедши изъ кабака, упала на дорогъ и заснула. Въ то же время пьяный мужчина, проходя мимо, увидалъ лежавшую и обнажившуюся съ тѣна бабу, возгорѣлъ похотью и прилегъ къ бабѣ, не смотря на бывший ясный день и на то, что мѣсто было на открытой для всѣхъ дорогъ. Легши къ бабѣ, онъ также наконецъ заснулъ. Скоро вокругъ этой пары животныхъ образовалась цѣлая толпа молодыхъ парней, которые смѣялись и глумились надъ такимъ зрѣлищемъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ не подошелъ одинъ

старикъ, который накинулъ кафтанъ на лежавшихъ, и такимъ образомъ прикрылъ срамоту ихъ.

Порокъ пьянство распространенъ въ Русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими, сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадетъ извозчикъ на такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго, то взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить, или опохмѣлиться чѣмъ бы то ни было, но большею частью просто водкою. Они считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ, или собраніяхъ ихъ, поднесетъ чарку и болае водки (izagko wino), а простой народъ, холопы, или крестьяне, такъ цѣнятъ такую честь, что если какой ни будь знатный Бояринъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3 и 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить, изъ опасенія оскорбить отказомъ, до тѣмъ поръ, пока не свалятся на мѣстѣ, при чемъ иногда отдають тутъ и душу Богу, какъ это случилось однажды, въ нашу бытность въ Россіи, когда служащіе при Посольствѣ нашемъ угощали и неотступно просили Русскихъ выпить еще. И не только простой народъ, но и знатные Бояре, даже Царскіе Великіе Послы, обязанные строго блюсти и поддерживать въ чужихъ странахъ высокое достоинство своего Государя, тоже не знаютъ ни какой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и если только напитки эгѣ придутся по вкусу, то они льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряютъ человѣческой смыслъ, а иногда и до смерти опиваются. Такой случай былъ съ однимъ Великимъ Русскимъ Посланникомъ, отправленнымъ въ 1608-мъ году къ Шведскому Королю, Карлу IX. Не смотря на предостереженіе о томъ, что предлагаемая ему водка была весьма крѣпкая, Посолъ этотъ напился ея до того, что въ тотъ день, когда ему слѣдовало представиться, его нашли мертвымъ въ его постели. Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находилась открытые питейные дома или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и нилъ за свои деньги вод-

ку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что зарабатывалъ, приносилъ въ кабакъ, и такъ крѣпко засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ее продавцу за водку, а за тѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой. Въ 1643 году, когда я былъ въ Новгородѣ, и помѣщался въ гостинницѣ, что на Любецкомъ дворѣ, не далеко отъ моего пребыванія находился кабакъ, и тутъ-то случалось мнѣ часто видѣть, какъ этѣ напившіеся и пропившіеся молодцы выходили изъ кабака, кто безъ шапки, кто безъ сапогъ ищучи, а кто и въ одной рубашкѣ. Между прочимъ я замѣтилъ одного, который, пропивши кафтанъ, вышелъ изъ кабака въ рубашкѣ и, встрѣтивъ на дорогѣ хорошаго пріятеля, также направлявшагося къ кабаку, опять вернулся съ нимъ въ кабакъ. Черезъ нѣсколько часовъ молодецъ мой вышелъ снова изъ кабака, но уже безъ рубашки, въ однихъ портахъ; когда я спросилъ его: гдѣ дѣлъ онъ рубашку, кто обобралъ ее у него? онъ отвѣчалъ, съ прибавкою обычной матерной брани, что это сдѣлалъ цѣловальникъ. За тѣмъ, замѣтивши, что гдѣ остались кафтанъ и рубашка, тамъ могутъ остаться и порты, онъ вернулся опять въ кабакъ, и черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда уже совершенно нагъ; сорвавши полную руку травы одуванчикъ, росшей около кабака, онъ прикрылъ ею свое срамное тѣло и отправился себѣ домой веселый и припѣваючи. Съ недавняго времени, впрочемъ, всѣ этѣ общественные кабаки, принадлежавшіе частію Царю, частію Боярамъ, уничтожены, такъ какъ они отвлекаютъ народъ отъ работы и способствуютъ ему пропивать въ нихъ послѣднюю заработанную имъ копейку, и теперь никто уже не можетъ получить водки въ розницу на двѣ, на три копейки, на шиллингъ, или на грошъ; вмѣсто кабаковъ теперь одинъ лишь Царь отъ себя устраиваетъ, или содержитъ, въ каждомъ городѣ, такъ называемый у нихъ, Кружечный Дворъ, или Домъ, изъ котораго отпускается водка только цѣлыми кружками, или штофами, и для продажи въ немъ водки приставлены особые присяжные люди, которые ежегодно доставляютъ въ Царскую казну неизвѣстное число денегъ отъ такой продажи вина. Но отъ такого распорядка повседневное пьянство мало уменьшилось; ибо нѣсколько сосѣдей складываются вмѣстѣ, покупаютъ себѣ штофъ и болѣе водки, и не расстаются, пока не опорож-

пять посуды, при чемъ часто тутъ же и свалятся другъ подъ друга. Нѣкоторые же покупаютъ водку разомъ по большому количеству и тайно распродаютъ ее по чаркамъ. По этому, хотя теперь не видно уже такого множества до гола пропившихся, все таки не много меньше прежняго встрѣчается пьянаго народа шатающагося и валяющагося по улицамъ.

Женщины также вовсе не считаютъ за стыдъ напиваться пьяна и валяться пьяными на дорогѣ подлѣ мужей своихъ. Когда я былъ въ Нарвѣ, то мнѣ случилось видѣть въ гостинницѣ, гдѣ жилъ, въ Ниггофѣ (Niehoffische), пирушку Русскихъ, во время которой пришли на пиръ къ мужьямъ своимъ и нѣсколько Русскихъ женщинъ, которыя подѣли къ мужьямъ и препроводили съ ними водку. Когда мужья понапились вдоволь и хотѣли было ити домой, то жены, не напившись еще, воспротивились тому, и хотя получили отъ мужей по нѣскольکو оплеухъ, но все таки не двинулись съ мѣста и остались пировать дальше. Когда же наконецъ мужья ихъ съ пьяну попадали на полъ и позаснули, жены сѣли на нихъ и продолжали тянуть водку, одна за другой, до тѣхъ поръ, пока не упились до мельзя.

Хозяинъ нашъ въ Нарвѣ, Якобъ фонъ Келленъ (Köllen), рассказывалъ намъ, что подобную же комедию проводывали Русскіе на его свадьбѣ, а именно: напившіеся уже мужья порядкомъ отяготили прежде своихъ женъ, ради шутки, и за тѣмъ начали съ ними попойку; жены же потомъ, сѣвши на своихъ свалившихся и заснувшихъ мужей, шли до тѣхъ поръ, пока тоже не свалились и не позаснули тутъ же, подлѣ своихъ супруговъ. Легко шептать, какъ отъ подобнаго образа дѣйствій должны страдать питаніе и чувство чести.

Я сказалъ уже, что духовныя особы также не чужды порока пьянства. Попы и чернецы, также какъ и міряне и крестьяне, часто встрѣчаются пьяные. Хотя ни въ одномъ монастырѣ не держится вина, водки, меду, или крѣпкаго пива, но только употребляется квасъ, то есть, тонкое пиво (Kofend), но монахи пользуются свободою въ этомъ случаѣ, когда выходятъ изъ монасты-

ѣ и посѣщаютъ своихъ добрыхъ пріятелей, при чемъ не ограничиваются тѣмъ, что сильно выпиваютъ въ гостяхъ, но требуютъ также, чтобы напитки отпустили съ ними и домой, и часто они такъ напиваются, что только и можно по одеждѣ отличить ихъ отъ пьяныхъ мірянъ.

Когда мы, во 2-е путешествіе наше, проѣзжали черезъ Великій Новгородъ, то я видѣлъ одного Цопа, шатавишагося пьянымъ на улицѣ, только въ одномъ кафтанѣ или нижнемъ платѣ (верхній кафтанъ свой онъ, безъ сомнѣнія, заложилъ въ кабакъ). Проходя мимо гостинницы (постоялаго двора), въ которой я останавливался, онъ хотѣлъ, по обыкновенію своему, благословить Стрѣльцовъ, державшихъ стражу; но въ это время, когда онъ, простерши руку, нѣсколько наклонился, голова у него отяжелѣла, и онъ упалъ прямо въ грязь. Стрѣльцы подняли его на ноги, и онъ все такъ благословилъ ихъ, хотя и вымаранными въ грязь перстами. Такъ какъ подобныя зрѣлища повторяются ежедневно, то никто изъ Русскихъ не обращаетъ на это ни какого вниманія.

Русскіе большіе любители также табаку, и за нѣсколько лѣтъ передъ симъ каждый изъ нихъ носилъ табакъ при себѣ, такъ что простой и бѣдный человѣкъ копѣйку свою скорѣе отдастъ за табакъ, чѣмъ за хлѣбъ. Когда же увидали, что людямъ отъ табаку не только нѣтъ ни какой пользы, но дѣлается, напротивъ, видимый вредъ; ибо при употребленіи табаку у всякаго человека, особенно же у прислуги и рабовъ, пропадаетъ много рабочаго времени; при томъ, по неосторожности съ огнемъ и искрами отъ куренія, много домовъ дѣлается жертвою пламени; наконецъ, дурной запахъ отъ табаку, который не проходитъ и тогда, когда народъ собирается на Богослуженіе въ церкви, и стоитъ тамъ передъ образами, окружаемыми только благовоніями и ладаномъ, все это было причиною, что Великій Князь, посоветовавшись съ Патріархомъ, совершенно воспретилъ, въ 1644 году, торговлю и употребленіе табаку, вмѣстѣ съ частною продажей водки и пива. Виновныхъ противъ этого запрещенія строго наказываютъ: выдергиваютъ имъ ноздри и всенародно сѣкутъ розгами, какъ это видѣли мы сами, когда наказывали мужчинъ и женщинъ, о чемъ подробнѣе скажу еще ниже, говоря о судопроизводствѣ Русскихъ.

Такъ какъ Русскіе по природѣ своей грубы и какъ бы рождены для рабства, то ихъ и держать всегда въ суровомъ и строгомъ подчиненіи и покорности, и даже на работу сгоняютъ ихъ палками, или плетью, къ каковому обращенію они довольно терпѣливы, по тому что его требуетъ нравственное ихъ состояніе и они привыкли къ этому. Молодые и подростки парня сходятся иногда въ извѣстные дни, бьются на кулачки, для того, чтобы пріобрѣсть къ выношенію побоевъ привычку, эту вторую природу, и черезъ то легче сносить тѣлесныя наказанія, которыми они могутъ въ послѣдствіи подвергнуться. Всѣ Русскіе суть рабы (Sclaven) и крѣпостные (Leibeigene). У нихъ ужъ такой обычай и образъ унижаться передъ другими и выказывать свое рабское униженіе: когда имѣютъ дѣло съ какимъ ни будь знатнымъ Господиномъ, они привѣтствуютъ его земнымъ поклономъ, наклоняютъ низко голову, касаясь ею даже до земли, а иногда и просто валяются у него въ ногахъ, и такимъ образомъ благодарятъ даже за побой и наказанія, которымъ онъ подвергалъ ихъ. Подобно тому, какъ всѣ подданные, высшаго и низшаго состоянія, считаются холопами (Golopren) рабами и крѣпостными Царя, и дорожатъ этѣмъ названіемъ, такъ и Бояре Русскіе и знатные ихъ люди, въ свою очередь, имѣютъ своихъ рабовъ, крѣпостныхъ слугъ и крестьянъ. Князья Великіе Бояре, чтобы выразить свое рабство и ничтожество передъ Царемъ, между прочимъ, въ подписяхъ, на просьбахъ своихъ и другихъ бумагахъ къ Царю, подписываютъ обыкновенно имена свои уменьшительными словами, какъ, на пр., Ивашка (Iwaska) вмѣсто Иванъ, Петрушка холопъ твой (Petruske twoy golop) и т. п. Самъ Великій Князь, когда разговариваетъ съ кѣмъ, употребляетъ такія же уменьшительныя имена. Случается также, что Великіе Бояре, за преступленія свои, подвергаются такимъ же варварскимъ наказаніямъ, какимъ подвергаютъ они своихъ собственныхъ рабовъ. Въ слѣдствіе всего этого они говорятъ даже, что все, что они имѣютъ, принадлежитъ Богу и ихъ Великому Князю.

Иностранцы, состоящіе на службѣ у Великаго Князя, также должны унижаться передъ Царемъ и всегда быть готовы исполнять его приказанія, вравятся, или не вравятся, они имъ. И хотя Царь обыкновенно милостиво обходится съ знатнѣйшими людьми,

но атѣ послѣдніе легко могутъ потерять это обращеніе и заслужить его немилость.

Въ прежнее время было весьма опасно состоять Придворнымъ Врачемъ при Великомъ Князѣ: если данное имъ лѣкарство не подействовало сообразно съ желаніемъ Царя, или если больной умиралъ, не смотря на лѣченіе, тогда Врачъ впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ поступали, какъ съ рабомъ. Извѣстна исторія о Великомъ Князѣ Борисѣ Годуновѣ и его Врачѣ. Въ 1602 году прибылъ въ Москву Герцогъ Іоаниъ, братъ Датскаго Короля, Христіана IV, съ намѣреніемъ жениться на дочери Великаго Князя, и вдругъ внезапно и сильно заболѣлъ; Великій Князь строго и съ крѣпкою угрозой приказалъ, чтобы Врачи приложили все свое стараніе и искусство помочь Герцогу и не допустить его умереть. Когда же ни какія лѣкарства не могли и Герцогъ умеръ, то Врачи должны были скрыться и долгое время не показываться на глаза Царя.

У Бориса Годунова, въ числѣ прочихъ, былъ еще одинъ Нѣмецъ изъ южной Германіи, котораго онъ самъ сдѣлалъ Врачомъ. Однажды, когда этотъ Нѣмецъ испрашивалъ дозволенія отправиться въ Нѣмецкій Университетъ и получить тамъ степень Доктора, Великій Князь спросилъ его: «Что это значитъ сдѣлаться Докторомъ, и какъ получается это званіе?» Когда же онъ услышалъ въ отвѣтъ, что для этого желающій долженъ выдержать испытаніе по своему искусству, и если найдутъ его способнымъ, то признаютъ его Докторомъ, въ удостовѣреніе чего и даютъ ему свидѣтельство за подписью и печатью Медицинскаго Факультета, то на это Великій Князь сказалъ Нѣмцу: «Поѣздку ты можешь отложить и сохранить себѣ путевыя издержки; я самъ испыталъ твое искусство (не задолго передъ этимъ Нѣмецъ вылѣчилъ Царя отъ подагры), и хочу произвестъ тебя въ Доктора; я дамъ тебѣ такую большую грамоту, какой за границей ты не получишь», что и дѣйствительно было исполнено имъ. Спустя нѣсколько времени Великій Князь, заболѣвъ снова припадками подагры, потребовалъ къ себѣ этого Московскаго своего Доктора. Несчастный подумалъ уже, что его лишатъ жизни, по этому одѣлся въ старое, изорванное платье, исключилъ и распустилъ себѣ волосы на лицо

и на четверенькахъ вползъ въ двери къ Великому Князю, говоря, что, подвергшись его нещелости, онъ не достоинъ уже жить на свѣтѣ, а гнѣвъ болѣе зрѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества. Находившійся тутъ же у Царя одинъ Бояринъ, думая угодить Царю, ударилъ Нѣнца ногою и такъ сильно, что концомъ сапога поранилъ ему голову и обругалъ въ то же время собакой. Докторъ же, замѣтивъ милостивый взглядъ Царя, вздумалъ воспользоваться этимъ нанесеннымъ ему оскорбленіемъ и жалобнымъ голосомъ продолжалъ: «О великій Царь! Я твой, а никого другого, рабъ; я очень много согрѣшилъ передъ тобою, вполне заслужилъ смерть, и почелъ бы себя блаженнымъ, если бъ могъ умереть отъ твоей руки. Но терпѣть такое поруганіе отъ твоего холопа мнѣ крайне прискорбно; ибо знаю, что на то нѣтъ твоей воли, чтобы кто ни будь другой проявлялъ такое жестокое насиліе надо мною, слугою твоимъ.» Эта униженная рѣчь перемѣнила гнѣвъ Великаго Князя на милость; Нѣмецъ получилъ 500 р. награды, всѣ другіе Доктора освобождены были отъ немилости, Бояринъ же былъ битъ.

—Что касается рабовъ и холоповъ, принадлежащихъ великимъ и другимъ знатымъ Господамъ, то ихъ безчисленное множество, у иныхъ болѣе 50, а у другихъ даже по сотнѣ и болѣе въ имѣніи и дворѣ. Живущіе въ Москвѣ не имѣютъ обыкновенно обѣда при дворахъ Господъ своихъ, а получаютъ на прокормъ деньги, столяр, впрочемъ, ничтожныя, что на нихъ едва могутъ поддѣрживать свое существованіе, отъ чего въ Москвѣ такая безднѣ воровъ и разбойниковъ. Во время нашего тамъ пребыванія не проходило почти ни одной ночи, чтобы воры не проникли въ домъ нашихъ людей и не утащали чего ни будь. Часто случается, что воры, забравшись въ домъ, запираютъ въ немъ въ какой ни есть комнатѣ хозяина, и берутъ себѣ, что хотятъ, и если хозяинъ не имѣетъ достаточно силы для сопротивленія, то, видя все это, долженъ сидѣть молча, буде не хочетъ подвергать опасности свою жизнь, или не желаетъ, чтобы домъ его былъ сожженъ. По этому-то при дворахъ знатныхъ Господъ приставляется особая стража, которая ночью должна постукивать, какъ бы въ барабанъ, въ повѣшенную доску палкой съ набалдашникомъ и бить часы. Но такъ какъ не рѣдко случалось, что такая стража, яли

караульные, не столько оберегали Господь, сколько воровъ, указывая имъ болѣе безопасныя пути къ воровству и помогая юрывать, а за тѣмъ скрывалась, то теперь постановлено, что ни кто не можетъ быть взятъ въ караульные, или въ слуги (кромѣ рабовъ, слуги могутъ быть и наемные) безъ того, чтобы онъ не представилъ ручательство за себя какого ни будь извѣстнаго и почтеннаго гражданина. Сказанные выше рабы дѣлають самыя глупыя въ Москвѣ, особенно по ночамъ, небезопасными, такъ что безъ хорошаго оружія, или безъ проводниковъ, того и гляди, что подвергнешься нападенію, какъ это и случилось съ нами. Однажды нѣкоторые изъ нашего Посольства засидѣлись въ гостяхъ у одного хорошаго пріятеля до поздней ночи, и когда возвращались домой, то на одного изъ насъ, шедшаго нѣсколько впередъ, напали два Русскихъ уличныхъ разбойника; когда, по крику товарища объ опасности, мы подбѣжали къ нему на помощь, то одинъ изъ мошенниковъ успѣлъ бѣжать, а другой получилъ такіе побой, что едва могъ еле улестись отъ нихъ.

Въ другой разъ наши Посланники были въ гостяхъ у одного знатнаго Господина, ² съ своими людьми. Изъ нихъ они отослали домой своего повара, котораго взялся проводить поваръ хозяина гостинницы, въ которой гостили Послы. На возвратномъ пути хозяйскій поваръ былъ застрѣленъ ³ разбойниками. Вскорѣ послѣ того убитъ былъ и Арендъ Шпирингсъ (Spierings), Гофмейстеръ Шведскаго Посланника, возвращавшійся ночью отъ одного своего хорошаго пріятеля. Колеть его, еще обрызганный кровью, черезъ 8 дней послѣ его убійства, продавался на рынкѣ.

Подобное же случилось и съ нашимъ Лейтенантомъ Іоанномъ Китъ (Kit), когда мы уже возвратились изъ Персіи. Онъ былъ со мною на одной Нѣмецкой свадьбѣ, и пошелъ оттуда домой нѣсколько раньше меня. На дорогѣ Русскіе разбойники такъ избили его, что,

¹ Въ 1-мъ изданіи 1647 г. значится: «въ гостяхъ у Генриха фонъ Рингенъ»

² Въ томъ же 1-мъ изданіи прибавлено: «на Неглянцной, настоящемъ притонѣ воровъ и разбойниковъ.»

пролежавши слѣдующій день и за тѣмъ ночь безъ памяти и чувствъ, онъ отдалъ наконецъ Богу душу.

Другіе подобныя случаи, совершавшіеся между самими Русскими, неизчислимы. Не проходитъ ночи, чтобы на утро не найдено было на улицахъ нѣсколькихъ мертвыхъ тѣлъ. Такія убійства чаще совершаются въ большіе ихъ праздники, преимущественно на Масляной Недѣлѣ, въ теченіи 8-ми дней передъ Великимъ Постомъ, когда Русскіе цѣлые дни пьянствуютъ до безумія. Въ бытность нашу въ Москвѣ, въ теченіи 11 дней Ноября мѣсяца, было подито 15 человѣкъ убитыхъ, какъ оказалось по счету на Земскомъ Дворѣ. На этотъ Земскій Дворъ свозятъ утромъ мертвыя тѣла, и если кто увидитъ, что кто ни будь изъ семейныхъ не почевалъ дома, то идетъ искать пропавшаго на этотъ Земскій Дворъ. Если мертвое тѣло не будетъ признано ни кѣмъ за своего, и не будетъ во этому увезено для погребенія домой, то его хоронятъ безъ потрошпаго обряда. Рабы Русскіе и разбойники дерзки до такой степени, что не боялись даже однажды, среди бѣлаго дня, напастъ на Царскаго Придворнаго Врача Г. Гартмана Грамена (Hartmann Gramen): нѣсколько этѣхъ разбойниковъ схватили было уже его и хотѣли отрѣзать у него палець, на которомъ онъ носилъ перстень съ печатью, и исполнили бы это конечно, если бѣ дѣло это не случилось у воротъ дома одного Князя, хорошаго пріятеля Врача, который выславъ своихъ слугъ и отбилъ такимъ образомъ его изъ рукъ мошенниковъ. Самыя граждане по ночамъ при такихъ несчастіяхъ бывали очень не мягкосерды, такъ что если они и услышатъ даже у себя подѣ окномъ, что кого ни будь грабятъ, или бьютъ, то не выйдутъ изъ окна, а тѣмъ менѣе подумаютъ выйти на помощь несчастному. Слышалъ я, впрочемъ, что теперь тамъ заведены лучшіе порядки, а именно: на всѣхъ перекресткахъ по ночамъ разставляется крѣпкая стража изъ стрѣльцовъ, или солдатъ, и строго воспрещается по ночамъ ходить, ѣздить въ экипажѣ, или верхомъ, на улицѣ безъ фонаря, или огня, при чемъ стража спрашиваетъ: куда и за чѣмъ идетъ, или ѣдетъ, человѣкъ? Встрѣченные безъ огня задерживаются и отводятся въ Стрѣлецкій Приказъ, гдѣ на другой день допрашиваются и, смотря по обстоятельствамъ дѣла, или отпускаются на свободу, или же подвергаются пыткамъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, во время сѣнокосовъ, дорога по сую сторону Москвы, на цѣлыя 20 миль, чрезвычайно опасна, по причинѣ сказанныхъ рабовъ; ибо Бояре, имѣющіе въ этѣхъ мѣстахъ свои луга, высылаютъ всю эту челядь сюда на работу. Тамъ есть гора, съ которой издалека еще можно высматривать путниковъ, которыхъ весьма часто грабятъ, и даже убиваютъ и зарываютъ въ песокъ. Если на этѣхъ воровъ и разбойниковъ возникаетъ жалоба, то Господа ихъ, дающіе имъ ничтожное содержаніе, на которое едва можно прикрыть только тѣло, смотрятъ сквозь пальцы на такія жалобы.

Если такіе Господскіе рабы, или крѣпостные люди, отпускаются на волю по смерти своихъ Господъ, или по добротѣ этѣхъ послѣднихъ, то отпущенники сіи скорехонько снова продаютъ себя въ крѣпость. У нихъ обыкновенно не бываетъ ни чего, чѣмъ бы они могли жить, и по тому они ни сколько не дорожатъ свободою, и даже не знаютъ, какъ ею пользоваться. Какъ говоритъ умный Аристотель о варварахъ: «Натура ихъ такова, что они не могутъ и не должны жить иначе, какъ въ рабствѣ.» То, что сказалъ Аристотель о народахъ малой Азіи, называвшихся Іонянами, которые также происходили отъ Грековъ, можно примѣнить и къ Русскимъ: «quod in libertate mali, in servitute boni sunt», т. е., въ свободѣ они злые, а въ рабствѣ добрые люди. Всякій Господинъ можетъ продать, или подарить, своего раба другому. Но въ отношеніяхъ отца къ дѣтямъ касательно рабства существуетъ слѣдующее узаконеніе: ни какой отецъ не можетъ продать своего сына, и теперь этого уже никто и не дѣлаетъ; онъ также неохотно отдаетъ сына въ услуженіе къ какому бы то ни было почетному лицу, и пусть сынъ сидитъ лучше дома и терпитъ голодь, чѣмъ пойдетъ къ кому въ услуженіе: это послѣднее считаютъ они себѣ за стыдъ. Но если отецъ кому задолжаетъ, и не имѣетъ чѣмъ уплатить долга, то онъ можетъ заложить своихъ дѣтей, или въ уплату долга отдать ихъ въ услуженіе на извѣстное число лѣтъ: сына за 10 и дочь за 8 рейхсталеровъ въ годъ, пока не уплатится долгъ, послѣ чего вѣритель долженъ отпустить ихъ отъ себя. Если сынъ, или дочь, не послушаютъ отца, и отецъ поведетъ дѣло судомъ, и если на суду дѣйствительно окажется, что отецъ долга заплатить не можетъ, то Русское законодательство обя-

зываетъ дѣтей уплатить за родителей. Если же дѣти согласны исполнить волю родителей, то они могутъ выдать заимодавцу отца своего кабалу на себя, или письменное обязательство въ томъ, что они кабальные заимодавца, и будутъ служить ему.

Но причинѣ рабства и грубой суровой жизни, Русскіе весьма терпѣливы въ войнѣ и могутъ твердо стоять въ ней. Въ извѣстныхъ случаяхъ, когда настаеъ въ этомъ надобность, они составляютъ изъ себя смѣлыхъ и отважныхъ воиновъ.

Если древніе Римляне не хотѣли, какъ это прямо значится въ законахъ Гратіана, Валентина и Феодосія, чтобы въ рядахъ ихъ на войнѣ были воины изъ рабовъ, или какіе ни будь проиходи неизвѣстнаго происхожденія и жизни, то это происходило отъ того, что люди, желавшіе тогда поступить въ ряды воиновъ и воевать, имѣли совсѣмъ другую цѣль, именно: добродѣтель и благо міра, чѣмъ теперешніе воины, которые большею частію воюютъ съ цѣлю грабежа, разбоя и обогащенія себя.

О настоящемъ времени вообще можно привести слова Виргилія: «*Dolus an virtus quis in hoste requirat?*». Какой же большой выборъ можно было бы сдѣлать по Римскому способу, между такимъ народомъ, каковы Русскіе?

Русскіе рабы, впрочемъ, строго повинуются своимъ Господамъ и военачальникамъ, вѣрно и крѣпко стоятъ за нихъ, и если бы у нихъ были опытные чужеземные Полковники и вожди (а въ этомъ-то у нихъ и большой недостатокъ); то они способны оказать подвиги великой храбрости и богатырскаго духа, хотя болѣе въ крѣпостяхъ и городахъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, какъ это видѣли уже мы изъ приведеннаго выше примѣра съ двумя Русскими, оставшимися при сдачи крѣпости Орѣшка. Такое же мужество оказали Русскіе въ войнѣ съ Поляками въ 1579-мъ году, когда, при осадѣ замка Суколя (Suckol), Поляки обстрѣливали ихъ жестокимъ огнемъ, и Русскіе упорно стояли лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, не смотря на то, что отъ пожара позади ихъ на нихъ горѣли ихъ платья, о чемъ подробнѣе можно прочесть въ Ливонской Лѣтописи Геннинга (Henninges), на 20—

страницѣ. Въ этой же книгѣ и въ томъ же мѣстѣ упоминается объ осадѣ и завоеваніи монастыря Падиса (Abbey Padis), въ Ливоніи, гдѣ Русскіе держались такъ упорно, что при сдачѣ крѣпости, отъ изнуренія голодомъ, не могли выйти на встрѣчу Шведамъ къ крѣпостнымъ воротамъ. Писатель съ удивленіемъ прибавляетъ къ этому извѣстію: «Вотъ каковы должны быть воины въ крѣпостяхъ: по приказанію своего начальника они готовы отважиться на все!»

Но въ битвахъ на открытомъ полѣ, въ осадахъ городовъ и крѣпостей, Русскіе хотя также подвизаются, но уже не такъ храбры и стойки; обыкновенно они ведутъ такія кратковременныя войны съ Поляками, Литовцами и Шведами, и въ нихъ-то иногда они скорѣе бѣгутъ отъ непріятеля, чѣмъ преслѣдуютъ его. То, что въ прошломъ году Русскіе взяли городъ Смоленскъ, имѣя войска болѣе 200,000 человекъ, такъ же мало можетъ свидѣтельствовать о ихъ храбрости, какъ и то, что въ 1632-мъ году они съ величайшимъ стыдомъ и позоромъ должны были отступить отъ него, и оба этѣ случая не доблестны для Русскихъ, хотя въ оба раза не обошлось безъ подозрѣнія въ измѣнѣ. Неудачу осады въ 1632 году приписывали измѣнѣ Генерала Шеина; неудача же втораго дѣла происходила отъ другихъ, неизвѣстныхъ и стороннихъ, причинъ.

Хотя Русскіе, особенно простой народъ, живя въ рабствѣ и подъ жестокимъ гнетомъ, изъ любви къ Господамъ своимъ, могутъ сносить и вытерпывать весьма многое, но если гнетъ этотъ переходитъ мѣру, то про нихъ можно сказать: «Patientia saepe laesa fit tandem furor.» Тогда въ нихъ возбуждается опасное возстаніе, которое грозитъ гибелью, если не вышшему, то ближайшему, ихъ начальству. Такъ бываетъ, на примѣръ, тогда, когда ихъ черезъ чуръ уже притѣсняють ихъ непосредственныя начальники, или даже люди изъ ихъ же среды, и они не видятъ защиты отъ вышаго начальства. Если же однажды они вышли изъ терпѣнія и возмутились, то не легко бываетъ усмирить ихъ. Тогда они пренебрегаютъ всѣми, предстоящими имъ, опасностями, становятся способны на всякое насиліе и жестокость, и дѣлаются совершенно безумными людьми.

Эго хорошо извѣдалъ бывшій Великій Князь Михаилъ Оедоровичъ, а именно: когда Русское войско возвратилось изъ бѣд-

ственнаго похода подъ Смоленскъ, то оно крѣпко жаловалось и измѣну своего Генерала Шенна (подозрѣніе это на такого высокаго начальника было не безъ основанія); когда же жалобой войска не уважили и поступили было строго съ жалующимися тогда вспыхнуло всеобщее возстаніе, для утишенія котораго Великій Князь вынужденъ былъ обѣщать, что, для удовлетворенія народа, онъ прикажетъ казнить Шенна. Для того ж чтобы Шеннъ, безъ вреда другимъ, охотнѣе согласился на такъ распоряженіе Великаго Князя, употреблена была слѣдующая хитрость: ему дано знать, что онъ только для виду будетъ выведенъ на мѣсто казни, но казненъ не будетъ; нужно только, чтобъ народъ видѣлъ волю Царя, и когда Шеннъ ляжетъ на плахъ тотчасъ же прислано будетъ на мѣсто ходатайство, по которому послѣдуетъ помилованіе, чѣмъ простой народъ и удовольствуется. Успокоясь этой доброй надеждой (еще болѣе укрѣпленной уврѣненіями Патріарха, къ которому Генералъ питалъ особое довѣрѣ по нѣкоторымъ причинамъ), Шеннъ явился на мѣсто казни, лежавшій на землѣ, но въ то же время данъ былъ знакъ палачу рубить скорѣе, что палачъ и исполнилъ, и голова Шенна, окруженная и пораненная въ нѣсколькихъ мѣстахъ, покатила протѣ туловища.

За тѣмъ, въ тотъ же день сынъ Шенна, который такъ былъ подъ Смоленскомъ, по требованію народа, былъ, по обыкновенію, застрѣленъ на смерть кнутомъ. Остальные пріятели Шенна сосланы были немедленно въ Сибирь, и тогда только народъ удовольствовался и возстаніе утихло. Случилось это въ нѣ 1633 года. Эту войну подъ Смоленскомъ описалъ, хотя во всей подробности, Пясецкій (Piascius) въ своей: «*Ci memoabilium in Vigora*» (на стр. 462), гдѣ описаніе это найтн подъ 1633 и 1634 годами.

О такомъ долготерпѣніи, выносимомъ въ началѣ Р: переходящемъ потомъ въ страшное озлобленіе и открытіе, дальнѣйшіе примѣры приведу я еще ниже сего, при устройствѣ Полиціи. Я опишу тогда два страшныхъ бунтовъ, бывшихъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ тому наза

Г Л А В А VII.

● домашнее бытъ Русскихъ, объ обычной ихъ жизни, лицѣ ихъ и содержаніи.

Хозяйство Русскихъ устроивается каждымъ сообразно его состоянію. Вообще они живутъ плохо, и на домашнее обзаведеніе ихъ требуется весьма немного. Хотя въ настоящее время большіе Бояре и богатые купцы живутъ въ богатыхъ палатахъ, которыя, впрочемъ, начали строиться въ Россіи не болѣе 30 лѣтъ назадъ, да то прежде они тоже довольствовались своими плохими домишками. Большая часть Русскихъ, особенно изъ простонародья, расходуетъ на свое житье-бытье весьма мало. Какъ жилища ихъ, какъ сказано, плохи и бѣдны, точно такъ и запасы и домашняя утварь, находящаяся въ этихъ жилищахъ, крайне ничтожны и не обильны, хотя и достаточны для нихъ. У большей части хозяевъ найдется 3, 4 глиняныхъ горшка и столько же глиняныхъ, или деревянныхъ, блюдъ; рѣдко встрѣишь оловянную, а тѣмъ меньше серебряную, посуду, и то развѣ однѣ чарки для водки, или меду. Русскіе не привыкли такъже прилагать трудъ держать чистею свою посуду, или полировать ее. Даже и въ Велижской оловянной и серебряной посудѣ, на которой подавались кушанья Посланникамъ, попадалась почернѣвшая и помятая, точно посуда та и кружки принадлежали какой ни будь дѣланной хозяйкѣ, которая цѣлый годъ, а можетъ быть и никогда, ихъ не чистила. По этому-то ни въ одномъ домѣ, ни у богатыхъ, ни у бѣдныхъ, людей посуда не разставляется, какъ украшеніе, и видны однѣ голыя стѣны, которыя у знатныхъ только обиваются плетеной рогожей, да пара живописныхъ Сятыхъ (образовъ). Пуховики изъ перьевъ рѣдко у кого бываютъ, большинство же не употребляетъ ни какихъ перишь и спитъ на полушаньхъ, на соломѣ, рогожѣ, или на своей одеждѣ. Мѣста для сна у нихъ обыкновенно лавки, а зимою, какъ и у жителей Лионіи, печи; въ этихъ печахъ они готовятъ себѣ кушанье, а верху устриваютъ гладкія площадки, на которыхъ и спятъ всѣ повадкой: мужъ, жена, дѣти, слуги и дѣвицы. Подъ печью

и лавками, по селеніямъ, видали мы въ нѣкоторыхъ избахъ свиной и куръ.

Русскіе не привыкли ни къ какимъ изысканнымъ кушаньямъ и сластямъ: ежедневная пища ихъ состоитъ изъ каши, рѣбы, капусты, свѣжихъ и соленыхъ огурцовъ, а въ Москвѣ изъ крупной, большею частію соленой, рыбы, которая иногда, по причинѣ налаго ея соленія, очень воняетъ, но которую тѣмъ не менѣе они охотно ѣдятъ. Ихъ рыбный рынокъ по этому гораздо раньше почувствуешь носомъ, чѣмъ увидишь его, или войдешь въ оный. Такъ какъ въ Россіи превосходныя пастыбища, то тамъ много и хорошаго мяса бараньяго, крупнаго рогатаго скота и свиного; но имѣя, по своей Вѣрѣ, въ году столько же почти постныхъ дней, сколько и скоромныхъ, въ которые дозволяется ѣсть мясное, Русскіе пріобыкли къ грубой и дурной пищѣ, и мясо употребляютъ сравнительно мало. Они умѣютъ изготавлять изъ рыбы, изъ разнаго печенья, изъ овощей, или зелени, всякаго рода кушанья, такъ что въ мясномъ могутъ даже и не чувствовать особой надобности. Такъ, однажды, постомъ, по Царской милости, мы кушали такой обѣдъ, какъ я говорилъ выше, состоявшій изъ 40 разныхъ однихъ постныхъ блюдъ. Между прочимъ у нихъ есть особый родъ печенья, нѣчто въ родѣ пастетовъ, или еще болѣе блиновъ, которое они называютъ пирогами, величиною въ кругъ масла, или съ нашу сдобную булку, только нѣсколько длиннѣе, и начиняютъ этѣ пироги мелко искрошенной рыбой, или говядиной съ лукомъ, за тѣмъ поджариваютъ въ маслѣ, а въ постные дни въ оливѣ; такія печенья довольно вкусны и ими угощаютъ каждый своего гостя, если хозяинъ расположенъ къ нему и хочеть хорошенько накормить гостя.

Довольно общеупотребительное кушанье у нихъ есть еще кра (Kragi), добываемая изъ большихъ рыбъ, особенно изъ осетровъ и бѣлорыбицы. Отдѣливъ ее отъ кожицы, въ которой она лежитъ, они солятъ ее, и давши постоять такъ отъ шести до осьми дней, мѣшаютъ ее съ перцемъ и мелко изрубленнымъ лукомъ, нѣкоторые же подбавляютъ еще уксусу и Прованскаго (деревяннаго) масла, и за тѣмъ ѣдятъ. Это вовсе недурное кушанье, особенно если, вмѣсто уксусу, надавить въ него лимоннаго соку: оно придаетъ

вытъ на пищу и возбуждаетъ силы природы. Такая икра добывается и просаливается на Волгѣ, большею частію близъ Астрахани, часть ея просушивается на солнцѣ и въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ тоннъ развозится въ чужія страны, преимущественно въ Италію, гдѣ она считается нѣжнѣйшимъ кушаньемъ и называется кавьяръ (Caviaro). Нѣкоторые купцы берутъ торговлю этѣмъ товаромъ на откупъ у Великаго Князя, за извѣстное число денегъ. Есть еще у Русскихъ родъ кушанья, которое обыкновенно ѣдятъ они послѣ попойки, съ похмѣлья (pochmeli), или когда они вообще въ дурномъ: расположеніи духа; дѣлается оно такъ: изжаренную, холодную баранину рѣжутъ на мелкіе кусочки, въ видѣ кубиковъ, только продолговатѣе и шире, мѣшаютъ ее тоже съ мелко накрошенными огурцами, подбавляютъ перцу, разводятъ уксусомъ и огуречнымъ рассоломъ по равной части, и за тѣмъ хлѣбуютъ эту смѣсь ложками. Поѣвши ее, они снова принимаются за питье. Вообще кушанья Русскихъ всѣ почти приправляются чеснокомъ, или лукомъ, отъ чего всѣ ихъ комнаты и дома, даже пышныя Великокняжескія покои и палаты въ Кремлѣ, сами Русскіе, наконецъ, когда разговариваютъ съ кѣмъ, и мѣста, гдѣ они только побываютъ хоть не много, издаютъ сильный и для насъ, Нѣмцевъ, весьма непріятный запахъ.

Главнымъ напиткомъ у простаго народа служить квасъ, похожій на наше тонкое пиво, также пиво, медъ и водка. Водку всѣ пьютъ передъ тѣмъ, какъ садятся за столъ, и за тѣмъ продолжаютъ пить ее и во время стола, вмѣстѣ съ другими напитками. Знатнѣйшіе Господа, кромѣ пива, пьютъ также Шампанское, Рейнское и Французскія вина, всякаго рода меда и двойную водку.

У Русскихъ хорошее пиво, которое преимущественно Нѣмцы умѣютъ мастерски варить весною и сохранять на продолжительное время. Для этого въ Россіи изготовляются погреба, набиваемыя снѣгомъ и льдомъ: на этотъ снѣгъ и ледъ кладется рядъ бочекъ, которыя засыпаются опять снѣгомъ и льдомъ, за тѣмъ кладется новый рядъ бочекъ, которыя также засыпаются снѣгомъ, и такъ далѣе. На верху поверхъ снѣга кладутся солома и доски, сверху же такіе погреба имѣютъ и входъ. Такимъ образомъ сохраняемое пиво они пьютъ, осушая бочку за бочкой, при чемъ

самое пиво сохраняется свѣжимъ и пріятнымъ на вкусъ на цѣлѣтво, которое въ Россіи бываетъ довольно жарко. Вина получаютъ въ Россіи черезъ Архангельскъ, но употребляютъ вина больше Нѣмцы, чѣмъ Русскіе, которые предпочитаютъ имъ хорошую водку.

Русскіе умѣютъ варить превосходный и превкусный медъ и малины, ежевики, вишенъ и другихъ ягодъ. Изъ всѣхъ этихъ до въ намъ особенно нравился малиновый, по своему пріятному запаху и вкусу. Я самъ выучился готовить этотъ медъ, которъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: сперва совершенно спѣю малину кладутъ въ бочку, наливаютъ ее чистою водою и даю постоять такъ день, или два, пока вкусъ и цвѣтъ малины изчезетъ весь въ воду. Такую воду сливаютъ потомъ съ малины приѣшываютъ въ нее чистаго, или очищеннаго бѣлаго воску, медъ именно: на одну кружку меду по двѣ и по три кружки сказано настоящей воды; смотря по тому, похвѣще, или послаще, даютъ нѣтъ медъ. За тѣмъ кладутъ туда кусочекъ поджаренной булки и небольшое количество дрожжей, и когда медъ наче бродить, булку вынимаютъ (иначе медъ получитъ ея вкусъ), оставляютъ такъ бродить 4, или 5, дней. Желающіе при меду вкусъ и запахъ пріятныхъ кореньевъ, кладутъ въ него шечки съ гвоздикой, кардамономъ и корицей. Если такъ и товленый медъ стоитъ въ тепломъ мѣстѣ, то онъ не перестаетъ бродить въ продолженіи восьми дней, а по тому, послѣ вѣснаго, потребнаго для надлежащаго броженія, времени, бочку съ медомъ выставляютъ на холодъ и дрожжи въ немъ отцѣживаютъ.

Нѣкоторые наливаютъ малину простою водкой, хорошен забалтываютъ ее въ водкѣ, и послѣ сугочнаго столнія, водку сливаютъ съ ягоды, разводятъ медомъ, и тѣмъ настою дѣлаютъ очень пріятнымъ напитокомъ, такъ какъ водка, насыщенная липой и смѣшанная съ пѣю, почти совсѣмъ термлетъ свой стоящій вкусъ.

Русскіе задаютъ иногда пивы, при чемъ все великол свое высказываютъ во множествѣ разнаго рода хушановъ и шитковъ. Если же знатные Вельжожи затѣваютъ пивъ и при

шають на него гостей низшаго состоянія, что дѣлается, конечно, съ новою цѣлю, а не съ тѣмъ, чтобы оказать этимъ людямъ свое доброе расположеніе, то тогда яства и хлѣбъ на этомъ пиру составляютъ какъ бы приманку на удочкѣ, которою хозяинъ приобрѣтаетъ болѣе, чѣмъ надерживаетъ; ибо у нихъ ужъ такой обычай, что гости такому хозяину приносятъ съ собою почетные подарки, или приношенія. По этому если, на примѣръ, какого ни будь Нѣмецкаго купца удостоить пригласить, онъ долженъ впередъ знать, какъ дорого обойдется ему такая честь. Воеводы въ городахъ, особенно въ мѣстахъ, гдѣ сосредоточивается наибольшая торговая и промышленная дѣятельность, по два и по три раза въ году задаютъ торжественные пиры, на которыхъ являются любезными и радушными хозяевами и изъ которыхъ обыкновенно приглашаютъ всѣхъ богатыхъ купцовъ.

Самая высокая честь и дружба, какую только можетъ оказать хозяинъ своему гостю на такихъ цершествахъ, или отдѣльныхъ посѣщеніяхъ и провѣдкахъ, въ знакъ того, что гость очень любъ и пріятель хозяину, состоитъ у Русскихъ въ томъ, что, послѣ всѣхъ угощеній, выходитъ жена хозяина, разодѣтая и изъ собственныхъ рукъ подноситъ гостю чару водки; иногда же, если гость особенно милъ и любезенъ хозяину, ему позволяется и поцѣловать хозяйку въ губы. Такую великую честь оказалъ однажды и мнѣ, въ 1643 году, когда я былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ, Графъ Левъ Александровичъ фонъ Шлаковъ (Leo Alexander von Sclackow) въ своемъ домѣ.¹

Послѣ богатѣйшаго угощенія Графъ этотъ отозвалъ меня особо отъ другихъ гостей, повелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и благорасположеніе, какія только могутъ быть оказаны гостю въ Россіи, состоитъ въ томъ, что жена хозяина, какъ домохозяйка, сама выходитъ къ пирующимъ, и

¹ Онъ выѣхалъ, какъ свидѣтельствуютъ «Повседневныя Дворцовыя Записки» (М. 1769), въ 1643 году изъ «Дацкія земли», представлялся, 1-го Декабря, Государю, и просился «на Государево имя служить», что и дозволено было ему, за тѣмъ крестился и получилъ имя: «Князь Левъ Александровичъ Шляховской», вместо: «Графъ Матей (Mathias) Шлаковъ»; ему повѣстно «быть во Дворцахъ Московскихъ». О. В.

также, какъ и хозяинъ, потчуетъ гостя. А такъ какъ я, служу Его Свѣтлости, Герцога Голштинскаго, очень пріятель ому, то въ честь и во уваженіе Герцога, котораго многими высокими милостями пользовался онъ во время своихъ странствованій и гонній (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже), онъ желаетъ мнѣ оказать подобающую честь. Въ слѣдъ за симъ явилась супруга Графа, весьма красивая собою, хотя и подрумяненная, въ подвенечномъ платьи (о подвенечномъ платьи подробнѣе будетъ сказано ниже, при описаніи свадьбы Русскихъ), въ сопровожденіи другой женщины, которая несла графиню съ водкою и чарк. Вступивши въ комнату, хозяйка поклонилась сперва своему мужу потомъ мнѣ, за тѣмъ приказала налить чарку водки, поднесла къ своимъ губамъ, и потомъ сама поднесла чарку мнѣ и просила выпить меня, что повторила три раза. Послѣ этого Графъ пожелалъ, чтобы я поцѣловалъ хозяйку; но такъ какъ я не привыченъ былъ къ такой чести, то и поцѣловалъ только руку у Графини. Графъ не удовольствовался этѣмъ, настаивалъ, чтобы поцѣловалъ Графиню въ губы, и, изъ уваженія къ нему, я долженъ былъ исполнить, по ихъ обычаю, его просьбу. Въ заключеніе Графиня подарила мнѣ носовой платокъ изъ бѣлой тафты вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длинною бахромою. Такими платками жены и дочери знатныхъ Господъ дарятъ обыкновенно къ свадьбѣ невѣстѣ; такъ и на подаренномъ мнѣ платкѣ вышито было мелкими буквами имя Стрѣшнева (Stressnow) которое принадлежало брату отца Великой Княгини.

Хотя Бояре и знатные Господа, по всей вѣроятности, везде живутъ весьма много, при желаніи вести себя достойно занимаемыхъ имъ мѣстъ и при своихъ широкихъ домохозяйствахъ но для этого, кромѣ большихъ жалованій, они имѣютъ еще богатые помѣстья и крестьянъ, ежегодно приносящихъ имъ громадныя доходы. Купцы и ремесленники добываютъ себѣ пропитаніе и ежедневныя заработки только своими промыслами, прчемъ купцы довольно хитры и ловки въ извлеченіи барышей изъ своей торговли. Торгующіе внутри страны торгуютъ предметами составляющими необходимую жизненную потребность; тѣ же, которые, съ дозволенія Его Царскаго Величества, ѣздятъ въ сосѣдственныя земли, какъ, на примѣръ, въ Ливонію, Швецію, Польшу

шу и Персію, торгуютъ большею частію соболями и разными другими шкурами, льномъ, коноплей и кожей (юфтью). Этѣ же купцы, у Англійскихъ купцовъ, которые въ Москвѣ ведутъ большую торговлю, покупаютъ иногда сукно по 4 талера за локоть, а сами продаютъ его по 3½, и даже по 3 талера, за тотъ же локоть, и получаютъ при этомъ еще порядочный барышъ. Это дѣлается ими такъ: они берутъ одну, или нѣсколько штукъ сукна за условленную цѣну, съ уплатою всего количества черезъ полгода, или даже черезъ годъ, и за тѣмъ тотчасъ распродаютъ это сукно мелкимъ торговцамъ, въ розницу по аршинамъ, на чистыя деньги, и на этѣ вырученныя чистыя деньги они закупаютъ другіе товары, которые опять тотчасъ же продаютъ, и такимъ образомъ въ продолженіи всего времени, которое шьютъ они до ерока уплаты за купленное ими на вѣру сукно, они дѣлаютъ денежный оборотъ три и даже болѣе раза, и отъ того получаютъ наконецъ себѣ чистую прибыль.

Ремесленники, по простой жизни своей не требующіе многого, добываютъ трудами рукъ своихъ весьма достаточно для того, чтобы имѣть надлежащее неприхотливое содержаніе и чарку водки, чтобы безъ нужды прокормить себя и свои семейства. Люди этѣ очень способны къ разнымъ ремесламъ, легко перенимаютъ все, что увидать у Нѣмцевъ, и въ немного лѣтъ они научились и переняли у послѣднихъ много такого, чего прежде соискать и не знали. По этому, въ настоящее время они улучшенныя издѣлія свои продаютъ уже за гораздо высшую цѣну, въ сравненіи съ прежними цѣнами. Особенно удивили меня Русскіе золотыхъ дѣлъ мастера, которые дѣлаютъ теперь серебряную съ разными украшеніями посуду съ такимъ искусствомъ и излеществомъ, что не уступаютъ въ томъ ни сколько Нѣмцамъ.

По этому, если кто въ какомъ ни будь ремеслѣ обладаетъ особеннымъ знаніемъ, или приемомъ, которымъ хотѣлъ бы пользоваться только онъ одинъ, то онъ не долженъ показывать своего искусства ни какому Русскому. Такъ въ началѣ и поступилъ знаменитый литейный мастеръ Гансъ Фалькъ (Hans Falck), который требовалъ, чтобы во время отливки швъ и выдѣлки значительнѣйшихъ пушекъ и другихъ предметовъ, Русскіе подмастерья его оставляли его одного и уходили прочь. Теперь, впро-

чемъ, Русскіе уже сами умѣютъ лить большія пушки и такъ, въ прошломъ еще году, въ Кремлѣ, близъ колоколь Валикого, выученики поманутаго Ганса Фалька вылили колоколь, который, по совершенной очисткѣ и отдѣлкѣ, 7700 пудовъ, т. е., 308,000 фунтовъ или 2080 центнеровъ сорбцали мнѣ это многіе Нѣмцы, бывшіе въ Москвѣ, а сами Русскіе. Но этотъ колоколь, когда его повѣсили въ товленномъ для него мѣстѣ и начали звонить, далъ или раскололся, а пока не имѣлъ трещины, издавалъ пречистый звонъ. Въ настоящее время его разбили снова, и еское Величество приказалъ вылить на томъ же мѣстѣ и иной колоколь, который бы на вѣки оставилъ память обид, и уже приступили къ разнаго рода предварительнымъ камъ для отливки этого новаго колокола, сопряженнымъ съ мнѣи издержками.

Русскіе всѣ, какъ высшаго, такъ и низшаго, сословія обыкновеніе отдыхать и спать въ полдень, послѣ обѣда; въ это время и запирается большая часть лучшихъ лавочныхъ лавочники, или мальчики ихъ, спать просто передъ. Въ это же время нельзя добиться до свиданія, или переѣздить къ какому либо изъ знатныхъ Бояръ, или купцовъ, но они стыхаютъ, или спать, послѣ обѣда.

Имѣя въ виду этотъ обычай, Русскіе пришли къ заводу Лжедмитрій, о которомъ мы скоро будемъ говорить, не могъ быть по рожденію Русскимъ и сыномъ Князя, такъ какъ онъ не любилъ спать послѣ обѣда всмихъ другимъ Русскимъ. Такъ думали они о немъ, что онъ не такъ часто, какъ это водится у Русскихъ, баню, ибо Русскіе крѣпко держатся обычая мыться особенно считаютъ это необходимымъ дѣломъ послѣ дебной ночи. По этому-то во всѣхъ городахъ и селахъ множество общественныхъ и частныхъ бань, въ кото почти найдешь множество моющихся.

Когда я былъ въ Астрахани, то посѣтилъ тамъ баню, съ намѣреніемъ взглянуть, какъ моются тамъ имъ самыя раздѣлены были на двѣ половины досч

родкамъ, для того, чтобы мужчины и женщины могли мыться отдѣльно. Но тѣ и другіе входили и выходили въ одну общую дверь, при чемъ ходили совершенно нагіе, ни чѣмъ не прикрываясь, и только нѣкоторые держали передъ собою березовый вѣникъ, у остальныхъ же и того не было. Иногда женщины безъ всякаго стыда входили въ мужское отдѣленіе и разговаривали тамъ съ своими мужьями.

Русскіе могутъ выносить чрезвычайно жаръ, и въ банѣ, ложась на полкахъ, велятъ себя бить и тереть свое тѣло разгоряченными березовыми вѣнками, чего я ни какъ не могъ выносить; за тѣмъ, когда отъ такого жару они сдѣлаются все красными и изнемогутъ до того, что уже не въ состояніи оставаться въ банѣ, они выбѣгаютъ изъ нея голые, какъ мужчины, такъ и женщины, и обливаются холодною водою; зимою же, выскокнвъ изъ бани, они валяются на снѣгу, трутъ имъ тѣло, будто мѣломъ, и потомъ, остывши такимъ образомъ, снова входятъ въ жаркую баню. Такъ какъ бани ихъ обыкновенно устраиваются при рѣкахъ, или ручьяхъ, то моющіеся въ нихъ изъ жару прямо бросаются въ холодную воду. Случилось однажды, что одинъ Нѣмецъ забрался въ купальню къ женщинамъ, и оказалось, что они не были такъ стыдливы, какъ Діана, которая, разгнѣвавшись за подобную выходку, на одного смѣльчака, дерзнувшаго вмѣшаться въ толпу ея спутницъ въ то время, когда она купалась, тотчасъ же, узнавши объ этомъ, обрызгала виновнаго водою и обратила его въ оленя.

Въ Астрахани также случилось однажды, что 4 молодыя женщины, вышедши изъ бани, бросились прохладиться въ Волгу, которая около этого мѣста протекала рукавомъ своимъ, и доставляла весьма пріятное и прохладное купанье. Въ то же время пришелъ туда купаться и одинъ изъ нашихъ солдатъ, также бросился въ воду, а купающіяся его сосѣдки начали изъ шутки брызгаться водою. Одна изъ сказанныхъ женщинъ, заплывла незамѣтно на болѣе глубокое мѣсто, зануталась тамъ въ тонкой тишѣ и начала тонуть; тогда, остальные ея товарки, видя опасность, подняли крикъ, бросились къ солдату, который плавалъ около, и умоляли его о помощи. Солдатъ не заставлялъ просить себя долго, поспѣшилъ къ утопающей, схватилъ ее поперекъ тѣла, за

тѣмъ велѣлъ ей схватиться за него, и такимъ образомъ выплылъ съ нею на мелкое мѣсто и спасъ утопавшую. Послѣ этого женщины этѣ благодарили, хвалили Нѣмца и говорили, что онъ былъ посланъ къ нимъ въ воду будто ангелъ спаситель.

Описанный выше способъ мыться въ баняхъ мы видѣли не только въ Россіи, но и въ Ливоніи и Ижоріи, гдѣ простой народъ, особенно же Чудь, въ самый жестокий морозъ, выбѣгаютъ голые на улицу, трутъ себя снѣгомъ, и потомъ снова входятъ въ жаркую баню, и такой рѣзкій переходъ отъ жара къ холоду ни сколько не вредитъ имъ, такъ какъ они привыкли къ этому еще съ дѣтства. По этому-то Чудь, Латыши, также какъ и Русскіе, крѣпкій, сильный, вынослимый народъ, способный легко переносить и стужу и жаръ.

Въ Нарвѣ я съ удивленіемъ смотрѣлъ на Русскихъ и Чужихъ мальчиковъ, 8-ми, 9 и 10 лѣтъ, какъ они, въ однихъ тонкихъ полотняныхъ кафтанахъ, босыми ногами, похожими на гусыныя, цѣлые полчаса ходили и стояли на снѣгу, не обращая ни малѣйшаго вниманія на нестерпимый морозъ.

Вообще въ Россіи люди здоровые, доживающіе глубокой старости и рѣдко болѣющіе; если жь заболѣетъ кто, то въ простомъ народѣ самымъ лучшимъ лѣкарствомъ, даже въ горячкѣ, считается водка и чеснокъ; знатные же Бояре начинаютъ уже теперь обращаться за совѣтами къ Нѣмецкимъ Врачамъ и употреблять извѣстныя, прописываемыя ими, лѣкарства.

Особенно хорошія бани нашли мы у Нѣмцевъ и Ливонцевъ живущихъ въ Москвѣ, при ихъ домахъ. Въ этѣхъ баняхъ устроивается печь со сводомъ, въ которой, на особомъ возвышенномъ помѣщеніи, накладывается куча камней. Изъ печи дѣлается одно отверстие въ баню, которое закрывается заслонкою и навозомъ, или птичьимъ пометомъ. Другое отверстие въ печи такое же, только меньше, выдается наружу и черезъ него выходитъ дымъ. Когда камни достаточно нагрѣются, или накалятся, внутреннее отверстие открываютъ, а наружное прикрываютъ, и если захотятъ поддать пару, то льютъ на камни воду, въ которой иногда наставляютъ пахучія травы. Въ самой банѣ, по стѣнамъ кругомъ, подѣла-

ны лавки и полки для пропотѣнія и обмыванія, одна выше другой, и на нихъ полотняныя, сѣномъ набитыя, мѣшки, или по-стилки, обсыпанныя цвѣтами и всякаго рода благовонными травами, которыми утыканы и окна бани, а на полу набрасывается мелко нарубленный и измятый еловый кустарникъ, издающій пріятный и усладительный запахъ. Для мытья дается женщина, или дѣвушка. Если моется знакомый чужестранецъ въ банѣ у своихъ соотечественниковъ, и, слѣдовательно, если онъ желанный гость, то его холятъ какъ нельзя лучше, заботятся о немъ и всѣчески ублажаютъ. Въ такихъ случаяхъ хозяйка, или дочь ея, приносятъ сами, или посылаютъ обыкновенно нѣсколько ломтей рѣдкихъ, посыпанныхъ солью, и вкусно изготовленную пивную похлебку, гостю въ баню. Если жъ этого не сдѣлаютъ хозяева, то это считается за великое неуваженіе къ гостю и служитъ ему знакомъ, что онъ вовсе нежеланный гость. Послѣ бани гостя потчуютъ, по достоинству, опять всякаго рода приличными дѣлу, освѣжающими угощеніями.

Такого почетнаго приѣма и чистоты не найдешь у спесивыхъ, своекорыстныхъ и грязныхъ Русскихъ, у которыхъ все это напротиво и противно.

Одинъ изъ насъ, видѣвшій и наблюдавшій образъ жизни и обычай Москвичей, вкратцѣ описалъ ихъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Kirchen, Bilder, Creuze, Glocken,
 Weiber, die geschminckt, als Docken,
 Huren, Knoblauch, Brantewein,
 Seynd in Muskow sehr gemein.
 Auff dem Marckte müssig gehen,
 Vor dem Bad entblösset stehen,
 Mittags schlaffen völlerey,
 Rulzen, farzen ohne Scheu.
 Zanken, peitschen, stehlen, morden,
 Ist auch so Gemeine worden,
 Dass sich niemand mehr dran kehrt,
 Weil mans täglich siht und hört.

Г Л А В А VIII.

О брачномъ состояніи Русскихъ и образѣ совершенія свадесъ ихъ.

Хотя Русскіе весьма склонны къ плотскимъ наслажденіямъ, но у нихъ нѣтъ открытыхъ развратныхъ домовъ, существующихъ къ сожалѣнію, въ Персіи и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, составляющихъ извѣстную статью дохода Правительства.

Русскіе имѣютъ свой законный бракъ, и каждому дозволяется имѣть только одну жену. Въ случаѣ, если жена умретъ, мужъ можетъ жениться въ другой и даже въ 3-й разъ, но въ 4-й разъ не дозволяется, и если Священникъ обвиняетъ кого въ 4-й разъ, то отрѣшается отъ должности. Священники Русскіе, служащіе алтарю (бѣлое духовенство), непременно должны быть люди женатые, и по смерти 1-й жены вторично вступить въ бракъ не могутъ; для этого они должны оставить свой Священническій санъ, сложить свою скуфью и причислиться въ купечество, или въ сословіе ремесленниковъ. При вступленіи въ бракъ, принимается у Русскихъ во вниманіе *argor consanguinitatis*, или родство, и бракъ между кровными родственниками, и даже свойственниками, не допускается, равно какъ не дозволяется двумъ братьямъ жениться на двухъ сестрахъ, или воспріемникамъ одного дѣтяти брачиться другъ на другѣ. Самое вѣчаніе совершается у нихъ въ общественныхъ церквахъ съ извѣстнаго рода обрядами, и при свадьбахъ вообще соблюдаются слѣдующіе обычаи:

Молодымъ людямъ и дѣвицамъ отнюдь не дозволяется какими ни будь способами сходиться, тѣмъ болѣе совѣщаться между собою о бракѣ и обѣщать себя другъ другу, но родители, имѣющіе слышеюй взрослыхъ, которыхъ бы они хотѣли уже поженить большею же частію родители дочерей, отправляются къ тѣмъ дѣти которыхъ, но ихъ мнѣнію, могли бы составить приличный союзъ, заводягъ рѣчь съ самими этѣми молодыми людьми, или съ ихъ родителями, либо друзьями, и выказывая къ нимъ свое доброе расположеніе, стараются разузнать ихъ намѣреніе и мнѣніе относительно бракосочетанія ихъ дѣтей. Если на такое предложеніе

вызывается согласіе, то выражается желаніе сперва видѣть невѣсту дочь, и хотя обыкновенно въ этомъ желаніи отказывается, но иногда, особенно когда невѣста красива, дозволяется матери жениха, или его подругѣ, посмотрѣть невѣсту. Если осмотрѣвшіе невѣсту не найдутъ въ ней ни какого видимаго, или замѣтнаго, недостатка, увидятъ, что она ни слѣпа, ни хрома, то между родителями жениха и невѣсты и пріятелями ихъ начинаются переговоры о придаткѣ, называемой у нихъ приданымъ, а за тѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, толкуютъ и рѣшаютъ уже о самомъ бракѣ.

Вообще люди, хотъ сколько ни будь знатные, воспитываютъ своихъ дочерей въ недоступныхъ ни кому покояхъ, держатъ ихъ сокрытыми отъ стороннихъ людей, и женихъ не прежде можетъ увидать свою невѣсту, какъ уже по совершеніи брака, въ брачномъ своемъ покоѣ. По этому иногда обманываютъ, высто красивой иной получаетъ безобразную и уродливую жену, иногда даже, высто дочери, дадутъ ему какую ни будь другую родственницу, даже просто служанку, чему бывали примѣры даже между знатными Господами, по чему не удивительно, что новобрачные живутъ между собою, какъ конки съ собакою, и что побой женъ у Русскихъ такъ обыкновенны.

Свадьбы Русскихъ и торжественное сопровожденіе невѣсты совершаются съ особенною пышностію, а именно: свадьбы знатныхъ Князей, Бояръ и Дѣтей Боярскихъ справляются слѣдующимъ образомъ:

Къ жениху и невѣстѣ приставляются двѣ женщины, называемыя у нихъ свахами, въ родѣ ключницъ, которыя въ домѣ вѣчающихся должны все устроить и приготовить. Сваха невѣсты въ день свадьбы идетъ въ домъ жениха и приготовляетъ тамъ брачную постель. Съ нею идетъ до 100 разодрѣтыхъ въ кафтаны слугъ, которые несутъ на головахъ каждый что либо, принадлежащее къ брачной постели, или къ украшенію брачнаго покоя. Брачная постель готовится на 40 ржаныхъ сноцахъ, положенныхъ рядомъ и одинъ на другомъ, и первые сноцы кладетъ самъ женихъ; за тѣмъ, въ томъ же покоѣ, ставится нѣсколько кадокъ, или боченковъ, съ пшеницей, ячменемъ и овсомъ, что означаетъ

и какъ бы способствуетъ тому, чтобы вступающіе въ бракъ сожителствѣ своемъ имѣли всегда изобиліе въ пищѣ и въ сѣствахъ къ жизни.

Проведши цѣлый день въ такихъ приготовленіяхъ и устствѣ должнымъ порядкомъ всего нужнаго, уже позднимъ вечеру женихъ отправляется, со всѣми своими друзьями и пріятелями, проводимый Священникомъ, долженствующимъ вѣнчать его и ѣду верхомъ на лошади, въ домъ невѣсты. Сдѣсь, собравшіеся друзья и пріатели невѣсты принимаютъ жениха со всѣми его путниками, и важнѣйшіе изъ нихъ, или ближайшіе пріатели нѣхъ, приглашаются къ столу, на которомъ поставлено уже блюда, но къ блюдамъ этѣмъ никто изъ гостей не прикасается. Въ верхнемъ концѣ стола оставляется мѣсто для жениха, котораго по приходѣ, остается нѣкоторое время на ногахъ и бесѣдуетъ съ друзьями и дружками невѣсты; въ это время на оставленномъ для жениха мѣсто сажаютъ мальчика, котораго женихъ, кончивъ свою бесѣду, долженъ почтительно снять со скамьи. Когда такъ образомъ, снявши мальчика, женихъ садеть на свое мѣсто, водятъ невѣсту, съ закрытымъ лицомъ и великолѣпно разодѣтую; сажаютъ ее рядомъ съ женихомъ, и чтобы они не могли видѣть другъ друга, между ними протягивается кусокъ красивой тесьмы, который держатъ два мальчика. За тѣмъ приходитъ сваха невѣсту, чешетъ ей волосы, которыя у нея распущены, заплетаетъ ихъ въ косы, надѣваетъ ей на голову вѣнецъ и другія украшенія, которыя и оставляетъ такъ на ней открытыми. Вѣнецъ дѣлается изъ чистаго кованнаго листоваго золота, или серебра, подбивается матеріею и по сторонамъ, около ушей, гдѣ вѣнецъ нѣсколько загибается книзу, привѣшиваются къ нему 4, 6 и болѣе нитокъ крупнаго желѣза, которыя ниспадаютъ на грудь. Верхній кафтанъ невѣсты спереди сверху до низу, около рукавовъ, которые бываютъ шириною аршина (arsin) въ два, а также и на твердо стоящемъ воротникѣ, бывающемъ пальца въ три шириною и охватывающемъ вѣдуть собачій ошейникъ, плотно унизанъ крупнымъ жемчугомъ; такой кафтанъ стоитъ иногда далеко дороже 1000 талеровъ.

Сваха расчесываетъ также и жениха, а между тѣмъ нѣсколько женщинъ, вскочивши на лавки, поютъ всякаго рода срамныя

пѣсни. За тѣмъ приходятъ два молодыхъ челоуѣка, весьма богато одѣтые, и приносятъ на носилкахъ огромной величины сыръ и нѣсколько хлѣбовъ, со всѣхъ сторонъ обвѣшанныхъ соболями. Таіе же хлѣбы приносятся и со стороны невѣсты, и хлѣбы этѣ называются коровайниками (Kraibeinicke). Попъ благословляетъ принесенныя сыръ и хлѣбы, которые и относятся послѣ этого въ церковь. За тѣмъ приносятъ большое серебряное блюдо, кладутъ на него четвероугольныя кусочки атласу и тафты, столько, чтобы изъ нихъ можно было сшить небольшой кошель, также четвероугольныя небольшія серебряныя пластинки, хмѣль, ячмень и овесъ, все это перекипывается на блюдѣ, и самое блюдо ставятъ на столъ. Тогда опять появляется сваха, которая снова покрываетъ невѣсту и изъ блюда посыпаетъ всѣхъ Боярѣ и прочихъ мужичинъ, которые, если хотятъ, подбираютъ разбросанные свахою кусочки атласу и серебра, а между тѣмъ во все это время поются пѣсни. Наконецъ встаютъ родители жениха и невѣсты, и заставляютъ послѣднихъ обмѣниваться кольцами.

Послѣ всѣхъ этѣхъ обрядовъ сваха беретъ невѣсту, усаживаетъ ее въ сани, и все еще съ закрытымъ лицомъ везетъ ее въ церковь. Лошадь, которая везетъ невѣсту въ церковь, вокругъ шеи и подъ дугою обвѣшивается множествомъ лисьихъ хвостовъ. За невѣстой тотчасъ же отправляется женихъ, сопровождаемый своими дружками и Священникомъ, при чемъ этого послѣдняго иногда, готоваго уже отъ свадебныхъ напитковъ, свалиться съ лошади, нужно бываетъ поддерживать съ обвѣихъ сторонъ, какъ во время его поѣзда въ церковь верхомъ на ней, такъ и въ церкви, при совершеніи имъ вѣнчанія. Подлѣ саней ѣдутъ нѣкоторые хорошіе друзья и множество прислуги (рабовъ), и въ это время отпускаются при поѣздѣ самыя грубыя и непристойныя шутки.

Въ церкви довольно большое пространство пола, гдѣ долженъ совершиться обрядъ вѣнчанія, покрывается красною тафтою, а на ней постилается еще особый кусокъ этой матеріи, на которую и становятся женихъ съ невѣстой. Передъ вѣнчаніемъ дѣлаются Священнику, по его требованію, приношенія, состоящія изъ пироговъ и другихъ печеній; за тѣмъ надъ головами жениха и невѣсты держатъ образа и благословляютъ брачующихся. Потомъ

Попъ обѣими своими руками беретъ правую руку жениха, невѣсты, и трижды спрашиваетъ ихъ: желаютъ ли они имѣть друга и жить неразлучно? Получивъ отвѣты, Священникъ обходитъ вѣнчающихся кругомъ и поетъ 127 псаломъ, который же невѣста, обходя кругъ, какъ бы приплясывая, повторяю частямъ. Послѣ такого кругового хожденія Священникъ гаетъ на головы жениха и невѣсты довольно красивыя кили въицы; но если изъ брачующихся кто либо вдовецъ, или ва, то въицы возлагаются не на головы, а на плечи, при во всякомъ случаѣ, Попъ произноситъ: «Растите и множите соединяя ихъ, говоритъ далѣе: «Что Богъ сочета, человекъ не разлучаетъ» и проч. Между тѣмъ, предстоящіе въ свадебные гости зажигаютъ маленькія восковыя свѣчи дають Попу деревянную, вызолоченную чашу, или просто стнуную рюмку съ краснымъ виномъ, изъ которой Священникъ пьетъ брачующимся, такъ, чтобы каждый изъ нихъ могъ и три раза, и за послѣднимъ разомъ допить все вино. Тутъ а бросаетъ пустую рюмку объ полъ, разбиваетъ ее и топчетъ ки ея ногами, виѣствъ съ невѣстою, съ слѣдующими словамъ расточатся такъ, и да потребятся такъ нашими ногами всѣ торые вознамѣряются возбудить вражду и ненависть между Тутъ предстоящія женщины обычають новобрачныхъ лыи и коноплянымъ сѣменемъ, желаютъ имъ счастья, и нѣк дергаютъ и тащутъ невѣсту, какъ бы желая отнять ее у ж но женихъ и невѣста крѣпко держатся другъ за друга. На женихъ уводитъ невѣсту изъ церкви къ санямъ, сажаетъ ее же опять ѣдетъ за нею верхомъ. Около саней невѣсты и шесть горящихъ восковыхъ свѣчей, а провожающіе гости и теи опять начинаютъ выдѣлывать разныя грубѣйшія шутк

По прибытіи въ свадебный домъ, т. е., въ домъ жени сти съ женихомъ садятся за столы, ѣдятъ, пьютъ и весе невѣста же тотчасъ уходитъ въ брачный покой, раздѣває рубашки и ложится въ постель. Едва только женихъ пачнетъ какъ его требуютъ къ невѣствъ. Ему предшествуютъ 6, мальчиковъ, съ зажженными факелами. Услыхавъ о прибли жениха, невѣста встаетъ съ постели, накидываетъ на се болью шубку, и съ поклономъ принимаетъ своего возд

наго. Мальчики ставятъ свои зажженные факелы въ выше помянутые боченки съ рожью и ячменемъ и удаляются. Тогда женихъ садится съ невѣстой за приготовленный уже столъ, и тутъ только въ первый разъ онъ видитъ ее съ открытымъ лицомъ. Приносятся кушавья и, между прочимъ, жареная курица, которую разрѣзываетъ самъ женихъ, и первую отрѣзанную ножку, или крыло, онъ бросаетъ позади себя, а другую ѣстъ самъ. Послѣ такого стола, продолжающагося, впрочемъ, очень не долго, женихъ идетъ съ невѣстой въ постель, и при этомъ всѣ удаляются, кромѣ одного стараго служителя, который долженъ прохаживаться взадъ и впередъ передъ дверями спальни. Въ это время родители и пріятели жениха и невѣсты скоморошничаютъ и совершаютъ разныя чары на благополучное сожителство новобрачныхъ. Слуга же, поставленный на часахъ у дверей брачной спальни, отъ времени до времени долженъ спрашивать: «Сталось ли дѣло?» Если женихъ отвѣтитъ: «Да!» тотчасъ начинаютъ трубить и бить въ барабаны, заранѣе уже припасенные, все громче и веселѣе. За тѣмъ немедленно топится баня, въ которую, спустя нѣсколько часовъ, идутъ мыться, отдѣльно, впрочемъ, другъ отъ друга новобрачные, гдѣ и моются и обдаются водою, медомъ и виномъ; послѣ бани молодая жена даритъ своего мужа рубашкою, у которой воротъ вышитъ жемчугомъ и новымъ, весьма дорогимъ, полнымъ платьемъ.

Слѣдующіе два дня проводятся въ непомѣрномъ употребленіи пива, напитковъ, въ пляскахъ и всякаго рода увеселеніяхъ, какія только могутъ придумать. Тутъ же играетъ и разная музыка, между прочимъ на инструментѣ, называемомъ псалтирь (Psaltir), похожемъ на гусли, который, во время игры на немъ, кладется на колѣни и играютъ на немъ пальцами по струнамъ, какъ на арфѣ, что можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ.¹

Во время этѣхъ пиршествъ замужнія женщины позволяютъ себѣ разнаго рода шалости и продѣлки съ своими знакомыми не женатыми людьми, а также и съ мужьями другихъ женъ, такъ какъ ихъ собственные мужья не могутъ наблюдать за ними, будучи

¹ На стр. 193-й подлинника. О. Б.

совершенно вліяніи; онѣ пользуются этѣмъ случаемъ сборищъ, или собраній, для того, чтобы предаться своимъ удовольствіямъ—такъ какъ удовольствія этѣ наилучшимъ образомъ могутъ совершить онѣ посредствомъ такихъ общественныхъ пиршествъ. Все связанное составляетъ правдивое повѣствованіе объ обрядахъ и обычаяхъ во время свадьбы теперешнихъ большихъ Бояръ въ Москвѣ.

Если же затѣютъ свадьбу простолюдины, или горожане, то женихъ, обыкновенно, за день до свадьбы посылаетъ своей невѣстѣ новое платье, шапочку и пару сапоговъ, а также ящичекъ съ румянами, гребнемъ и зеркаломъ. На другой день, когда должна совершиться свадьба, приходитъ Попъ съ серебрянымъ крестомъ, въ сопровожденіи двухъ мальчиковъ, несущихъ зажженные восковые свѣчи; онъ благословляетъ прежде мальчиковъ, потомъ и гостей. За тѣмъ женихъ и невѣста садятся за столъ и между ними также протягивается кусокъ тафты. Когда сваха уберетъ невѣсту, она заставляетъ молодыхъ приблизиться лицами другъ къ другу, смотрѣться въ одно зеркало и любезно улыбаться другъ другу. Между тѣмъ другія свахи обсыпаютъ молодыхъ и гостей хлѣбемъ. Послѣ этого отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе совершается описаннымъ уже выше образомъ.

Послѣ свадьбы молодыя жены содержатся въ своихъ покояхъ, рѣдко выходятъ въ люди и чаще посѣщаются своими хорошими знакомыми, тѣмъ сами посѣщаютъ ихъ.

Г Л А В А IX.

О положеніи Русскихъ женщинъ.

Такъ какъ дочери большихъ Бояръ и купцовъ весьма мало, да и вовсе не приучаются къ хозяйству, то и послѣ въ замужствѣ онѣ также мало имъ занимаются, и только сидятъ себѣ дома, шьютъ и вышиваютъ золотомъ и серебромъ красивые носовые платки изъ бѣлой тафты, или чистаго полотна, вяжутъ кошелекы

для денегъ и тому подобное. Онѣ никогда не рѣшатся зарѣзать курицу, или другое какое животное, а тѣмъ болѣе приготовить какое ни будь кушанье, изъ опасенія оскверниться такими дѣломъ, а всякую подобную работу предоставляютъ своимъ слугамъ. Изъ ревности, мужа рѣдко выпускаютъ своихъ жемъ нѣкому, даже въ самую церковь; но въ простомъ народѣ это не такъ строго соблюдается.

Дома женщины одѣваются обыкновенно очень дурно; если же, по приказанію мужей, онѣ должны сдѣлать гостю честь и пощотчивать его чаркой водки, или, если онѣ появляются на улицахъ, идуци въ церковь, то надѣваютъ самыя дорогія платья и крѣпко на крѣпко толстымъ слоємъ бѣлятъ себѣ лицо и шею.

Княжескія, Боярскія и другихъ Вельможъ жены лѣтомъ ѣздятъ въ закрытыхъ каретахъ, обтянутыхъ краснымъ сукномъ; кареты этѣ, поставленныя на полозья, употребляютъ онѣ и въ зимнее время. Въ этѣхъ каретахъ или калымагахъ сидятъ онѣ, во всемъ великолѣпнѣ, какъ богини, а въ ногахъ у нихъ помещается крѣпостная дѣвочка, служанка. Подлѣ кареты бѣгутъ обыкновенно ихъ холопы и крѣпостные люди въ большомъ числѣ, иногда по 30 и по 40 человѣкъ. Лошадь, запряженная въ такую карету, или сани, убирается подобно той, которая возитъ невесту, лисьими хвостами, что, впрочемъ, не въ свадебное время встрѣчается рѣдко. Подобное убранство лошадей видѣли мы не только при выѣздахъ знатныхъ Боярынъ, но и въ поѣздахъ знатныхъ Бояръ и самаго Великаго Князя, лошади котораго увѣшаются иногда, вмѣсто лисьихъ, отличными чернаго собола хвостами.

Такъ какъ молодыя жены сидятъ больше праздно дома, рѣдко показываясь въ люди, хозяйствомъ почти не занимаются, то въ этому онѣ мало имѣютъ развлеченій и отъ скуки сами придумываютъ себѣ разныя забавы съ своими дѣвушками, а именно вачель, до которыхъ онѣ страстныя охотницы. Обыкновенный способъ качанія такой: кладутъ на колоду доску, двѣ женщины становятся на концы этой доски и, перевѣсившая одна другую, высоко подкидываютъ другъ друга на воздухъ. Иногда употреб-

ляются также и веревочныя качели, на которыхъ онѣ качаются страшно высоко. Простой народъ, особенно въ слободахъ и селахъ, потѣшается качелями открыто, на улицахъ. Этѣ общественныя качели устрояють они на подобіе висѣлицы, съ перекладиною, къ которой крестообразно придрѣлываются, на особыя брусьяхъ, висячія мѣста для сидѣнья, и на такихъ качеляхъ разомъ могутъ качаться по 2, по 3 и болѣе человекъ. Всего болѣе потѣшается на качеляхъ народъ по праздникамъ; въ праздники этѣ извѣстные уже молодые парни заготавливаютъ сказанныя мѣста для сидѣнья и все нужное для качелей, качаютъ желающіе за нѣсколько копѣекъ. Таковую забаву мужья охотно дозволяютъ своимъ женамъ и иногда сами помогаютъ качать ихъ.

Несогласія между супругами и даже побои происходятъ у Русскихъ или отъ того, что жены поносятъ мужей своихъ неприличными и бранными словами, на что онѣ всегда бывають готовы, или отъ того, что жены пьянствуютъ чаще мужей, или же, наконецъ, отъ того, что жены своимъ ласковымъ и черезчуръ дружескимъ обращеніемъ съ стороннимъ мужчиною возбуждаютъ ревность въ мужьяхъ своихъ. Этѣ три причины очень часто встрѣчаются въ Русскихъ женщинахъ въ одно время.

Жены не очень-то обижаются, если мужья порядкомъ иной разъ поучатъ ихъ плеткой, или кнутомъ; ибо чувствуютъ, что сами виноваты, и при томъ видятъ, что и съ сосѣдками ихъ и пріятельницами, повинными въ такихъ же проделкахъ, случается то же самое; но чтобы Русскія женщины думали, что чѣмъ больше бьютъ и сѣкутъ плетками мужья ихъ, тѣмъ больше будто бы онѣ любимы своими мужьями, и что, на оборотъ, недостатокъ побоевъ отъ мужей онѣ считаютъ, будто бы, признакомъ нелюбимцаго и нерасположеннаго къ нимъ сердца мужей ихъ, какъ пишутъ это нѣкоторые историки, основываясь на Русской Лѣтописи Петра, который, безъ сомнѣнія, самъ заимствовалъ это извѣстіе у Герберштейна и у Барклая изъ его «Icon animorum» (Francof. 1625), то этого я нигдѣ не видалъ и не слыхалъ; да, признаюсь, и не могу себя представить, чтобы Русскія женщины могли любить то, что обыкновенно устрашаетъ природу и всякую тварь, и чтобы дѣйствія гнѣва и вражды онѣ принимали за признаки любви. Обыкно-

енная пословица: «Побои не радуютъ,» по моему мнѣнію, имѣетъ вою силу и у Русскихъ женщинъ. Никто, въ здоровомъ умѣ, безъ причины не возненавидитъ и не будетъ истязать плоть свою. Могетъ быть, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ Русскихъ женщинъ и веи съ своими мужьями, ради шутки, подобныя рѣчи, или же то быа, должно быть, совсѣмъ глупая женщина, которая, проживъ съ ужемъ долгое время въ мирѣ и согласіи, сказала ему, что она неидитъ, чтобы онъ дѣйствительно любилъ ее, по тому что ни аза еще не получала отъ него побоевъ. Въ слѣдствіе этого мужъ, желая доказать ей любовь свою желаннымъ ею образомъ, не оставилъ долго просить себя и постегалъ ее плетью; такъ какъ то очень ей понравилось, то, спустя нѣсколько времени, мужъ повторилъ побои, а за тѣмъ, чтобы доказать ей свою особенную любовь, поколотилъ ее и въ 3-й разъ и такъ сильно, что подилъ ее до смерти: человекъ этотъ, по имени Иорданъ, должно быть, родомъ былъ Итальянецъ. Герберштейнъ называетъ его «Alemannum fabrum ferragium,» Нѣмецкимъ кузнецомъ, и говоритъ, что описанное происшествіе случилось въ Москвѣ, въ бытность его тамъ. Случай этотъ, бывший съ одною женщиною, не слѣдуетъ принимать за образецъ дѣйствій прочихъ женщинъ, и по нраву одной нельзя заключать о природѣ всѣхъ остальныхъ.

За нарушеніе супружеской вѣрности у Русскихъ смертию не наказываютъ, и они не называютъ нарушеніемъ этой вѣрности, если женатый будетъ имѣть сожительство съ другою стороною женщиною, и считаютъ это просто любодѣйствомъ; нарушителемъ же супружеской вѣрности называютъ они того мужа, который отъ живой жены женится на другой.

Если жена впадетъ въ развратную жизнь; и на то поступить отъ мужа жалоба, и преступленіе будетъ доказано, то ее наказываютъ плетью и выдерживаютъ нѣсколько дней въ монастырѣ на хлѣбѣ и на водѣ, за тѣмъ она возвращается въ домъ мужа, гдѣ получаетъ новое наказаніе плетью за запущенное хозяйство.

Если супруги надоѣдаютъ другъ другу, не могутъ жить вмѣстѣ и выносить одинъ другого, то есть средство разойтись, имен-

но: одинъ изъ супруговъ можетъ пойти въ монастырь; если это дѣлаетъ мужъ, оставляя, ради посвященія себя Богу, жену, жена эта выходитъ за другого мужа, то первый можетъ, если желаетъ, быть посвященъ въ Попы, хотя бы прежде этого онъ былъ башмачникомъ, или портнымъ. Мужъ имѣетъ право, въ случаѣ безплодія жены, заключить ее въ монастырь и, спустя шесть недѣль, жениться на иной.

Такіе примѣры бывали съ Великими Князьями, которые, не имѣя отъ женъ своихъ наслѣдниковъ, или же имѣя только дочерей, заключали отъѣхъ женъ своихъ въ монастырь и женились на другой. Такъ именно поступилъ тиранъ Иванъ Васильевичъ, ¹ заключивши силою въ монастырь супругу свою, Соломонію, отъ которой, въ продолженіи 21 года брачной жизни, не имѣлъ дѣтей, и женившійся потомъ на другой, именно на Еленѣ, дочери Михаила Глинскаго (Linzki). Въ монастырѣ же прежняя его супруга въ скоромъ времени родила сына, какъ свидѣтельствуется объ этомъ подробнѣе Герберштейнъ на 19-й и Тилеманъ (Tillemann) Bredenbachius (De Armeniogram moribus etc. Basil. 1577) на 251-й страницахъ. Также, если частный человѣкъ замѣтитъ, что жена невѣрна ему, и можетъ это доказать, то она также постригается въ монастырь, при чемъ часто мужъ дѣйствуетъ болѣе по произволу своему, нежели по справедливости. Такъ, если иногда по одному только подозрѣнію, или по другимъ какимъ ничтожнымъ причинамъ, мужъ возненавидитъ свою жену, то онъ поднимаетъ двухъ бѣдняковъ негодяевъ, и идетъ съ ними къ судѣ обвинять и доказывать на жену, что она застигнута ими въ томъ, или другомъ, нечестномъ дѣлѣ, или въ любодѣяннн, и дѣло доводится до того, особенно если помогаютъ тутъ деньги, что добрую женщину, прежде чѣмъ она еще догадается въ чемъ дѣло, одѣваютъ въ монашеское платье и заключаютъ въ монастырь, гдѣ и должна провести остальные дни своей жизни; ибо у Русскихъ, посвятившій себя однажды въ монашество, и будучи постриженъ, уже не можетъ выйти изъ него, а тѣмъ болѣе вступать въ новый бракъ.

¹ Не Иванъ Васильевичъ, но отецъ его, Василій Ивановичъ. О. В.

Подобное съ прискорбіемъ испыталъ, въ наше время, одинъ олякъ, который принялъ Русскую Вѣру и женился на одной прекрасной молодой Русской дѣвицѣ. Имѣя надобность, по цамъ своимъ, отлучиться отъ жены, онъ не могъ возвратиться домой въ продолженіе цѣлаго года; жена же его, соскучившись жить въ одиночествѣ, сошлась въ это время съ другимъ, прижила съ нимъ сына. Узнавъ о скоромъ возвращеніи мужа, видя, что не можегъ дать ему честнаго отвѣта въ своихъ допущенныхъ дѣлахъ, она бѣжала въ монастырь, и тамъ постриглась. Когда же мужъ вернулся домой и узналъ истину, то не столько прѣблѣ объ измѣнѣ жены, сколько о томъ, что она сдѣлалась таинницей; онъ охотно простилъ ее, хотѣлъ снова взять ее къ себѣ, и сама жена также хотѣла пойти опять къ мужу, но, несмотря на все ихъ желаніе, они ни какъ не могли добиться того, бы имъ дозволили снова сойтись и жить вмѣстѣ. Патріархъ поуха считали это за великій, никогда и ни чѣмъ не искупимый грѣхъ противъ Св. Духа.

Какъ ни склонны Русскіе къ плотскимъ наслажденіямъ, въ этомъ состояніи и видѣ онаго, какъ ни грѣховны и ни грязны въ этомъ отношеніи, но въ то же время они отнюдь не дозволяютъ себѣ, при совершеніи плотскаго грѣха, имѣть на себѣ крестъ, надѣваемый на нихъ при крещеніи, но снимаютъ его съ себя на время грѣховнаго дѣла, а также, если оно совершается въ комнатѣ, гдѣ стоятъ иконы, то завѣшиваютъ ихъ на это время.

Имѣвшій соитіе не смѣетъ также въ тотъ день ходить въ церковь, но долженъ прежде начисто вымыться и одѣться въ чистое бѣлье, болѣе совѣстливые и набожные не входятъ даже въ церковь, и остаются передъ нею, или въ сѣняхъ церковныхъ, и тамъ совершаютъ свое моленіе. Если Священникъ имѣетъ соитіе съ женой, то обязанъ хорошенько вымыться надъ пунцомъ и надѣть пунцомъ, и хотя послѣ этого можетъйти въ церковь, но ходить въ алтарь не долженъ. Женщины вообще у Русскихъ считаются не столь чистыми, какъ мужчины; по этому онѣ какъ не вполне допускаются въ церковь, но помѣщаются въ ней преимущественно въ мѣстѣ, ближайшихъ къ дверямъ.

Г Л А В А X.

О СВѢТСКОЙ власти и полицейскомъ управленіи Русскихъ.

Что касается до образа правленія Русскихъ, то, какъ это отчасти видно уже изъ предыдущихъ главъ, оно монархическое неограниченное (*Monarchia dominica et despotica*, какъ говорятъ политики), гдѣ Государь, именно Царь, или Великій Князь, достигая короны по наслѣдству, одинъ управляетъ всею странюю, и всѣ подданные его, какъ Дворяне и Князья, такъ и простой народъ, граждане и крестьяне, суть его холопы и рабы, которыми онъ управляетъ и распоряжается, какъ глава семьи своими слугами. Этотъ образъ правленія весьма сходенъ съ тѣмъ, который Аристотель описываетъ (*Pol. I. 3, с. 14*), говоря: «*Est alia species Monarchiae, qualia sunt apud quosdam barbaros regna vim habentia, proxima tyrannidi.*» Такъ какъ обыкновенное различіе между правленіемъ надлежащимъ или правомѣрнымъ и тиранническимъ полагаютъ въ томъ, что въ первомъ имѣется въ виду благо подданныхъ, а во второмъ собственная польза Государя, то на этомъ основаніи образъ правленія Русскихъ близко подходитъ съ тиранническому.

Большіе Господа не считаютъ постыднымъ для себя, съ употребленіемъ своего имени въ уменьшительномъ видѣ, какъ выше сказано, называть сами себя рабами, равно не стыдятся и того, что съ ними обращаются, какъ съ рабами. Въ прежнее время гости или знатные купцы и большіе Господа, долженствующіе являться на службу, всякій разъ при торжественныхъ представленіяхъ, въ драгоценныхъ одеждахъ, въ случаѣ невки безъ уважительныхъ причинъ, наказывались такимъ же образомъ, какъ наказываютъ рабовъ, именно, кнутомъ по обнаженной спинѣ; теперь же за такой проступокъ подвергаютъ ихъ на два, либо на три, дня темничному заключенію, если только при Дворѣ они имѣютъ своихъ покровителей и заступниковъ.

Своего Государя Русскіе называютъ Великимъ Княземъ (*Veliki Kness*), Царскимъ Величествомъ, Царемъ, и нѣкоторые слово

Царь, пронаводятъ отъ Цезарь (Caesar). Подобно тому, какъ и у Его Величества, Римскаго Императора, у Русскаго Царя на Государственномъ гербѣ и печати изображенъ двуглавый орелъ, голѣко съ опущенными крыльями, и надъ главами орла, прежде шѣ, а теперь три, короны, обозначающія, вмѣстѣ съ Русскимъ, еще два Татарскія Царства: Астраханское и Казанское. На груди орла виситъ щитъ, на которомъ изображенъ всадникъ, поражающій копьемъ дракона, какъ это значитъ на прилагаемомъ рисункѣ¹ въ которомъ, вмѣстѣ съ титуломъ, можно видѣть и величину печати. Такой орелъ впервые введенъ въ Россію тираномъ Иваномъ Васильевичемъ изъ честолюбія, который хвалился своимъ происхожденіемъ отъ Римскихъ Императоровъ. Царскіе толмачи и нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ купцовъ, живущихъ въ Москвѣ, называютъ его также Императоромъ. Но какъ Русскіе и Короля Давыда называютъ Царемъ, то слово Царь означаетъ скорѣе Король и, можетъ быть, происходитъ отъ Еврейскаго קֶזֶזַח Zazah, обозначающаго бальзамъ или миро, какъ это видно изъ 1-й книги Моисея, гл. 37, ст. 25, и изъ Пророка Іереміа гл. 51, 8, въ которыхъ говорится, что Король долженъ называться помазанникомъ, ибо въ древности Короли помазывались миромъ.²

¹Стр. 220 подлинника: Надпись кругомъ орла такова: великою властію великіи царь царь і великіи князь алексѣи михайловичу всеа русіи самодержецю клядимерскіи московскіи новгородскіи князь каледскіи князь астраханскіи князь сибірскіи гдѣр псковскіи і велики князь тверскіи югорскіи нерискии палнннн колгарскии и нннн гдѣр і великіи князь нокагорода нгоксскіе землѣ рязадскіи ростовскіи дростлавскіи еслоуегерскіи ноудорскіи овдорскіи крдннскіи і всеа съкершыа стралии поксайтсаль і гдѣр іерскіе землѣ карталнскіи гргалнскнхъ чреш и кабардннскне землѣ уеркасскіи і горьскнхъ князѣи и ннннхъ нногнхъ гдѣрсткхъ гдѣр і овладатсаль.

²Быт.: «И сѣдоша ясти хлѣбъ, и, воззрѣвшю очима, видѣша: и се путницы Исмаилитино идяху отъ Газада, и вельблюды ихъ полны еуміама, и ритины (тукъ мастятый, изъ древа текущій) и стакти». Въ Русскомъ переводѣ «Священныхъ книгъ Ветхаго Завета», изданныхъ, по благослопенію Святѣйшаго Снода, въ С.-Петербургѣ 1868 года: «И сѣли они ѣсть хлѣбъ, и, взглянувъ, увидѣли, воть, идетъ изъ Газада караванъ Измаилитяль, и верблюды ихъ несутъ еуираксу, бальзамъ, и ладонь». Прор. Іереміа: «Визану паде Вавилонъ, и сокрушнся: плачте по немъ, возмите масти къ болиян его, да испѣвнтсаль». Въ Русскомъ

Русскіе почитаютъ своего Царя весьма высоко, произносятъ имя его въ своихъ собраніяхъ съ величайшимъ уваженіемъ и боятъ его даже больше Бога; о нихъ то же можно сказать, что Саади въ своей «Персидской Долинѣ» разъ сказалъ, обращаясь къ одному робкому Царскому слугѣ: «Если бъ ты боялся и почиталъ Бога, какъ своего Государя, то, говорю тебѣ, ты былъ бы Ангеломъ еще при жизни.»

Молодымъ людямъ съ самаго ранняго дѣтства Русскіе нарѣдко внушаютъ, что они объ Его Царскомъ Всличествѣ должны говорить и почитать его, какъ самаго Бога; по этому они часто выражаются такъ: «Про то знаетъ только Богъ да Великій Князь.» Отсюда происходятъ и другія обычныя ихъ выраженія, какъ на прил., вмѣсто того, чтобы сказать: «явиться предъ Царя,» они говорятъ: «видѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества.» Чтобы выразить свое глубокое смиреніе и покорность Царю, они говорятъ, что все, чѣмъ они владѣютъ, принадлежитъ не столько имъ, сколько Богу и Великому Князю: («Все Божье да Государево»). Въ подобнымъ покорнымъ рѣчамъ приучилъ Русскихъ главнымъ образомъ, не разъ уже упомянутый, тиранъ Иванъ Васильевичъ своими насиліями; да иначе, сообразуясь съ состояніемъ Русскихъ, онъ и не могъ поступать съ ними и съ ихъ имуществомъ. Для того же, чтобы спокойно держать ихъ въ рабствѣ и страхѣ, онъ приказалъ, чтобы никто, подъ смертною казнію, не смѣлъ выѣзжать изъ Государства и знакомиться съ свободою чуждыхъ земель, а также, чтобы ни одинъ купецъ, для торговли своей, не смѣлъ ѣздить за границу и торговать тамъ безъ особаго Царскаго дозволенія.

переводъ Г. Н. Павскаго: «Вдругъ упалъ Вавилонъ и расшпсся, рыдайте о немъ, приложите бальзэма къ ранѣ его, можетъ быть, онъ удѣлѣтъ.» Въ Еврейскомъ, по Polyglotten-Bibel (bearbeitet von R. Stier u. K. G. W. Theile. Bielefeld 1847) читается это слово такъ: בָּרְזִי въ Греческомъ тамъ же и по 70 толковниковъ (Vetus Testam. Graece juxta LXX interpretes, ed. Const. Tischendorf. Lips. 1850): βάλσαμος; въ Латинскомъ тамъ же (Polygl. Bib.): resinat; въ Нѣмецкомъ (по Лютепову перев.): Balsam. Іерем. בָּרְזִי, βάλσαμος, resinat, Salben, но въ Berlenburger Bibel и перев. de Wette стоитъ тоже Balsam. О. Б.

Дѣтъ 10 тому назадъ, одинъ Нѣмецкій толмачъ, Гансъ Гельмсъ (Hans Helms) (умершій въ прошломъ году на 97 году своей жизни), по особой милости и соизволенію Великаго Князя, послалъ своего сына, воспитаннаго въ Москвѣ, въ Нѣмецкую Академію, для изученія Медицины, съ тѣмъ, чтобы потомъ поступить на службу въ Великому Князю; въ Германіи молодой Гельмсъ оказавъ въ Медицинѣ такіе успѣхи, что получилъ съ великою славою степень Доктора и, отправившись за тѣмъ въ Англію, прославился тамъ въ Оксфордскомъ Университетѣ, какъ истинное чудо. Вырвавшись однажды изъ Московскаго рабства, этотъ молодой Гельмсъ никуда силъ поръ не желаетъ возвращаться, и не возвратился еще въ Россію. Въ слѣдствіе сего Новгородскій купецъ Петръ Миклафъ (Miklaif), разумный и честный человекъ, бывшій у насъ въ прошломъ году Посланникомъ и пожелавшій было оставить мѣсто своего сына, для обученія его Нѣмецкому и Латинскому языкамъ, ни какъ не могъ получить на то дозволенія ни отъ Патриарха, ни отъ Великаго Князя.

Что до настоящаго теперешняго Великаго Князя, то хотя онъ и имѣетъ власть, подобно прежнему тирану, сказаннымъ насильственнымъ образомъ поступать съ подданными и ихъ имуществомъ, но онъ не поступаетъ такъ, не смотря на то, впрочемъ, что нѣкоторые писатели и теперь еще приписываютъ ему подобныя поступки, можетъ быть, заимствуя изъ старыхъ, а именно: изъ Герберштейна, Ювія, Гваньино и другихъ, писавшихъ о прежнемъ бѣдственномъ состояніи Россіи, которое они испытали подъ желѣзнымъ железомъ тирана. Многого изъ того, что писалось прежде о Русскитъ, въ настоящее время уже не существуетъ, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе общаго измѣненія во времени, въ правленіи и въ самихъ людяхъ. Нынѣшній Великій Князь, царствующій теперь, человекъ благочестивый, подобно отцу своему, не дозволитъ дойти до нищеты ни кому даже изъ крестьянъ своихъ. Если кто, по причинѣ неурожая, или инаго какого случая и несчастія, впадетъ въ бѣдность, Царскій ли будетъ онъ, или Боярскій крестьянинъ, ему дѣлается вспоможеніе изъ Царскаго Приказа или Канцеляріи, и вообще обращается вниманіе на его положеніе, съ тѣмъ, чтобы обѣднявшій снова могъ поправиться, уплатить свои долги и отправлять передъ своимъ начальствомъ подлежащія повинности.

сти. Даже тѣмъ, которые за оскорбленіе Его Царскаго Величества, или за другія великія, доказанныя, преступленія, выдаются въ немилость и должны быть сосланы въ Сибирь (что, впрочемъ, случалось теперь уже не такъ часто), немилость эта, для наказанія, смягчается такимъ образомъ, что, смотря по достоинству и достоинствамъ виновнаго лица, ему назначается особое содержаніе, а большимъ Господамъ выдаются и деньги. Такъ писцамъ дается должность въ Канцеляріяхъ, въ какомъ ни будь изъ Сибирскихъ городовъ, стрѣльцамъ и солдатамъ, такія же и солдатскія мѣста, за что они получаютъ свое готовое жалованье и подлежащее продовольствіе. Для большинства Русскихъ, самое тяжкое наказаніе заключается въ томъ, что за свои вины, они удаляются отъ высокаго лица Его Царскаго Величества и ставаются недостойными видѣть его свѣтлыя очи.

Были, впрочемъ, примѣры, что нѣкоторые, изъ таковой немилости извлекали для себя великую пользу; про находясь, что въ ссылкѣ могли прибыльнѣе продолжать свое ремесло и торговлю, тѣмъ въ Москвѣ, и они наживали тамъ, такое хорошее состояніе, что если бъ только были при нихъ жена и дѣти, то они вовсе не желали бы возвращаться въ Москву, хотя бы получили полную свободу.

Русскій Царь заботливо старается поддерживать все высокое значеніе своего Величества и соблюдаетъ свои iura Majestatis, подобно тому, какъ это дѣлаютъ другіе Монархи и независимые Государи. Такъ, онъ не подчиняется ни какому закону, но самъ, по своему усмотрѣнію и волѣ, можетъ давать и устанавливать разнаго рода законы и указы. Всѣ отъ законы и указы, каковы бы они ни были, должны быть принимаемы и соблюдаемы, безъ всякаго противорѣчія и съ такою покорностію, какъ быгъ ихъ далъ самъ Богъ; и такая покорность Русскихъ Царскимъ постановленіямъ вытекаетъ изъ того, что Русскіе полагаютъ, какъ справедливо пишетъ о нихъ Хитрей (Chytraeus, lib. 4 Saxoniae, Lips. 1599), что Великій Князь дѣлаетъ все по волѣ Божіей. По этому, въ доказательство непогрѣшимой правды и справедливости Царя, у нихъ есть поговорка: «Слово Бога и Великаго Князя должно быть неизмѣнно и соблюдено непогрѣшительно. (недопустительно).»

Великій Князь: поставляет и смѣняетъ всякихъ начальниковъ, высылаетъ и даже повелѣваетъ иногда казнить ихъ, когда захочетъ, и по тому же Русскихъ тотъ же обычай, какой, по выраженію Пророка Давида (гл. 5, 19),³ былъ въ ходу въ правленіе Царя Навуходоносора: онъ умерщвлялъ, когда хотѣлъ, билъ, возвышалъ и низводилъ (унижалъ), когда хотѣлъ.

Во всѣхъ области и города Великій Князь назначаетъ своихъ Воеводъ (Weiwoden), Намѣстниковъ и Правителей; которые, съ Канцеляріей, Дьяками или Писцами, должны производить судъ и расправу. Что Воеводы присудятъ, то одобряется Дворомъ, и на ихъ судъ жалобы не бываетъ. При такомъ управленіи областей и городами Великій Князь держится того же образа дѣйствій и чинособа, какой у Барклая (I: 3, с. 6), Клеовуль вызываетъ и совѣтуетъ Королю Сицилійскому, а именно: чтобы ни какого Воеводу, или Правителя, не оставлять на Воеводство въ одну или болѣе двухъ, или трехъ лѣтъ, по тѣмъ уважительнымъ причинамъ; дабы, съ одной стороны, въ случаѣ дурнаго управленія, не отлучать страны на долгое время, а съ другой: дабы, въ случаѣ большаго уже дружества и расположенія, которое можетъ установиться между управителями и управляемыми, отъ управителя не усилился и не отложился, или не сдѣлался независимымъ.

Великій Князь одному себѣ предоставляетъ право объявлять войну чужимъ народамъ и вести ее по своему усмотрѣнію; воли же онъ и спрашиваетъ совѣта о семъ у своихъ Бояръ и Думцевъ; то дѣлаетъ это точно также, какъ некогда Ксерксъ, Царь Персидскій, который повелѣлъ созвать всѣхъ Азіатскихъ Князей для совѣта о войнѣ, которую онъ хотѣлъ предпринять противъ Грековъ; и сдѣлалъ это болѣе для того, чтобы объявить этимъ Князьямъ, чего собственно онъ хочетъ, и доказать имъ, что онъ одинъ есть неограниченный повелитель. Такъ, онъ объявилъ этимъ Князьямъ, что хотя онъ и созвалъ ихъ для того,

³ «И ниже хоташе убиваше, и ниже хоташе бѣаше, и ниже хоташе возвышаше, и ниже хоташе, той смиряше».

чтобы не сказали; будто онъ все дѣлаетъ только по собственному своему усмотрѣнію, но при этомъ они должны знать, что нѣтъ приличіе повиноваться, нежели совѣтовать (Herod. l. 1. 774. Valer. Max. l. 2, c. 5).

Великій Князь заботится также о томъ, чтобы отличать высокими почестями людей, которые оказали какую ни будь услугу ему, или Государству, или по чему иному, сдѣлаются достойными его милости, и такихъ людей возводитъ въ Князья. Некоторые изъ Великихъ Князей, услышавъ, что въ Германіи владѣтельныя особы пользуются правомъ возводить въ званіе Доктора, посредствомъ особыхъ дипломовъ, присвоивъ и себѣ это право, и какъ мы уже видѣли отчасти, нѣкоторые изъ нихъ возводили въ это достоинство своихъ Врачей и даже простыхъ цырюльниковъ.

Царь имѣетъ собственныя свои деньги, которыми онъ приказываетъ чеканить изъ чистаго серебра, иногда изъ золота, въ 4-хъ разныхъ городахъ: Москвѣ, Новгородѣ, Твери и Смоленскѣ; всѣ эти деньги небольшія, такія же маленькія, какъ Датскія Зеклинги, и поменьше Нѣмецкихъ Шфеняговъ; частію круглыя, частію же продолговатыя. На одной сторонѣ этихъ денегъ обыкновенно изображается всадникъ, поражающій копьемъ дракона, — гербъ, принадлежавшій прежде только одному Новгороду; на другой сторонѣ Русскими буквами означены имя Великого Князя и того города, въ которомъ деньги вычеканены. Этотъ родъ денегъ называется денгами (Denning) и копѣйками (Copesck), каждая равняется стоимости Голландскому стюферу (Stuffer), почти въ половину Мишненскаго (Meissnische) гроша; или въ Голштинскій шиллингъ, такъ что 50 такихъ монетъ составляютъ одинъ рейхс-талеръ. У Русскихъ есть еще болѣе малый родъ денегъ, половина и $\frac{1}{4}$ копѣйки, которыя они называютъ полушками (Poluske) и Московскими (Московками? Muszkofske); изображенія ихъ видны на прилагаемомъ рисункѣ. «Всѣ эти мелкія деньги, по своей малости, весьма неудобны при обращеніи во время торга, и такъ какъ они легко падаютъ изъ рукъ сквозь пальцы, то Русскіе, для отвра-

* Подлинникъ стр. 224.

щеніи этого, сдѣлали привычку, осматривая, или показывая, товаръ и отыскивая его; брать деньги въ ротъ, копѣекъ по 50 разомъ, при чемъ они продолжаютъ разговаривать и торговаться такъ, что и не замѣтивъ, что они изо рта подѣлали, такъ сказать, карманы себѣ. Они ведутъ счетъ на алтыны (Altin), гривны (Griffen) и рубли (Rubeln), хотя подобнаго рода денегъ въ цѣлыхъ монетахъ не имѣютъ; а считаютъ ихъ извѣстными числомъ копѣекъ; такъ алтынъ заключаетъ въ себѣ 3 копѣйки, гривна 10 и рубль 100 копѣекъ. Наши рейхсталеры также въ ходу у Русскихъ; они называютъ ихъ ечимками (отъ Joachimsthal, Jochimsthal); охотно даютъ по 50 к. за рейхсталеръ, и тотчасъ же идутъ съ нимъ на Монетный Дворъ и обывиваютъ его тамъ съ выгодой для себя; ибо одинъ рубль или 100 копѣекъ въсятъ на полъ лота меньше 2-хъ рейхсталеровъ. Золотыхъ монетъ встрѣчается тамъ не много: Великій Князь приказываетъ чеканить ихъ только по случаю какой ни будь победы надъ врагомъ, чтобы награждать ими воинство (солдаты), или если много кого онъ захочетъ почтить этою своею милостію.

По Чешскому городу Яхимову (Jachimow), Нѣм. Joachimsthal, первоначально Thal, Долъ, долина, въ Хебскомъ (Егерскомъ) округѣ, на рѣкѣ Выстрицѣ (Нѣм. Wezenitz), на сѣверъ отъ Карловыхъ Варъ (Карлсбада), близъ самыхъ Рудныхъ Горъ (Egerbergge), составляющихъ границу со стороны Саксоніи. Въ немъ считалось до 5000 жителей Нѣмцевъ, занимающихся приготовленіемъ въ особенности сугаръ, перчатокъ и т. п. И теперь еще онъ имѣетъ серебряныя рудники, которые въ XVI столѣтіи очень славились. Рудники эти первоначально составляли собственность Графовъ Шликковъ, изъ коихъ Стефанъ, въ 1519 году, выстроилъ монетный дворъ, на коемъ стали чеканить въ первый разъ Доллары (по долу, такъ изъзвѣстны), Долскіе гроши (Dolské groše), у сосѣднихъ Нѣмцевъ обратившіеся въ Талеры (Thaler), но у Шведовъ и Датчанъ Daler, у Англичанъ Dollar. О. Б.

Въ подлинникѣ находится 5-ть изображеній. Первое: Poluski; на ней, съ одной стороны, лежащая птица, а съ другой надпись царь (Государь). Второе: Denņiczi (денежки); всадникъ съ поднятымъ обнаженнымъ мечемъ, на оборотѣ: царь и келіи князь дементріи микомовичъ (Рострига). Четвертое: тоже копѣйка съ такимъ же изображеніемъ и надписью: царь и келіи князь михайлъ Федоровъ (князь). Пятое: копѣйка съ Георгіемъ и надписью: царь и келіи князь михайлъ Федоровъ О. Б.

Онъ устанавливаетъ также въ разныхъ мѣстахъ довольно тяжелыя пошлыны, и въ настоящее время всѣ купцы, какъ Русскіе, такъ и иностранныя, въ Архангельскѣ и Астрахани, должны платить пять процентовъ, что ежегодно приноситъ ему большой доходъ.

Царь часто отправляетъ и пышныя посольства къ Римскому Императору, Королямъ Датскому и Шведскому, въ Персію и къ другимъ владѣтельнымъ особамъ. Важнѣйшіе Посланники назначаются у нихъ Великими Послами (Wielikoi Posol), гонцы же и менше значительные Послы — Посланниками (Poslanik). Иногда съ Посольствомъ Царь шлетъ иноземнымъ Государямъ богатые подарки, именно разными мѣхами. Между прочимъ замѣчательный подарокъ, который Великій Князь Федоръ Ивановичъ сдѣлалъ Императору, Рудольфу II-му, въ 1595 г., съ своимъ почеднымъ Посольствомъ, состоявшій, какъ я знаю это изъ вѣрныхъ рукъ, въ слѣдующемъ: 1003 сороковъ соболей, 519 сороковъ кунницъ, 120 чернубурой лисицы, 337,000 простой лисицы, 3000 бобротъ, 1000 шкуръ волчьихъ, и 74 шкуръ лосиныхъ.

Если Посланники, особенно же гонцы, не привозятъ съ собою ни какихъ подарковъ отъ Великаго Князя, то сами отъ себя привозятъ въ даръ нѣсколько паръ соболей, съ тою цѣлю, чтобы, въ замѣнъ ихъ, получить также подарки, и если находятъ, что полученные ими подарки незначительны, то стараются сами наискнуть объ этомъ.

Великій Князь почти ежегодно отправляетъ къ Персидскому Шаху Посланника или незначительнаго Посла по торговымъ дѣламъ, вообще ведущимся у нихъ довольно плохо, хотя, кромѣ того, онъ посылаетъ туда особо и простыхъ купцовъ. Такъ какъ такіе Посланники во все время своего пребыванія въ Персіи содержатся на счетъ Шаха, то по этому они приобретаютъ тамъ еще большія выгоды отъ своихъ торговыхъ дѣлъ. Отправляя довольно часто Посольства къ иностраннымъ Государямъ, Царь, въ свою очередь, и принимаетъ также часто чужеземныя Посольства, такъ что не рѣдко случается, что въ Москвѣ съѣзжаются въ одно время по два, по три и болѣе этихъ Посольствъ, которыхъ

время и отпускъ совершается обыкновенно въ довольно продолжительное время. Нѣкоторые иностранные Государи имѣютъ въ Москвѣ своихъ Легатовъ и постоянныхъ Консуловъ (Consules perpetuos) или Резидентовъ, которые и живутъ тамъ въ своихъ собственныхъ дворахъ. Въ Москвѣ повыстроены удобные дома и дворы, въ которыхъ помѣщаются прїѣзжающія Посольства; только въ нихъ нѣтъ кроватей, и если кто не хочетъ спать на соломѣ, мы на голой лавкѣ, тотъ долженъ привозить собственную постель. У воротъ Посольскаго Двора всегда приставляется сильная стража, и прежде съ такою строгостію содержали Пословъ, что никого изъ принадлежащихъ Посольству не выпускали со двора, равно и къ нимъ ни кого не впускали, и вообще содержали ихъ, какъ плѣнниковъ; въ настоящее же время, послѣ перваго торжественнаго представленія, каждый можетъ свободно выходить, куда хочеть, и Москвичи говорили намъ, что въ первое наше Посольство мы были первые, которымъ предоставлена была такая свобода выхода и входа.

Послы со всею своею прислугою весьма щедро продовольствуются во все время своего пребыванія въ Россіи, и ихъ очень часто посѣщаютъ и прислуживаютъ имъ два, приставленные къ нимъ, Приставы (Pristaffen) и прикащики. Обычные вопросы атѣхъ Приставовъ къ Посланникамъ заключаются въ слѣдующемъ: Въ чемъ состоитъ ихъ дѣло къ Великому Князю? Не знаютъ ли они, что писано въ грамотѣ къ Царю? Привезли ли Послы подарки, и много ли, для врученія Его Царскому Величеству, и нѣтъ ли чего и на ихъ, Приставовъ, долю? Когда же подарки будутъ уже переданы по назначенію, то Великій Князь немедленно приказываетъ на другой же, или на третій, день извѣстнымъ людямъ оцѣнить, какъ дорого стоятъ они.

Въ прежнее время Посланники, послѣ торжественнаго представленія, всегда обѣдывали въ покояхъ Великаго Князя, а иногда и за его столомъ; теперь же жалованныя Царскія кушанья и напитки приносятся обыкновенно къ Посланникамъ на домъ.

Посланники и прислуга ихъ, при отъѣздѣ домой, также получаютъ хорошіе подарки соболями и другими мѣхамъ, если только

они привозили подарки отъ своихъ Государей, или сами отъ себя. Послы, которые привозятъ только дружественную грамоту отъ какого ни будь чужестраннаго Государя, получаютъ сорокѣ или 20, паръ соболей, стоящихъ въ Москвѣ около 100 талеровъ и дороже.

Для скорѣйшей и безостановочной ѣзды Посланниковъ и гонцовъ заведены по дорогамъ хорошіе порядки; такъ, въ различныхъ мѣстахъ Государства содержатся извѣстные крестьяне, которые въ какомъ ни будь селѣ должны ежедневно имѣть наготовѣ 40, 50 и болѣе лошадей, чтобы, по полученіи Великокняжескаго приказа, немедленно запрягать этѣхъ лошадей и везти Писемъ далѣе; при этомъ Приставъ самъ ѣдетъ впередъ, или посылаетъ впередъ кого ни будь другого, и приказываетъ ожидать Писемъ; когда же Послы пріѣдутъ, днемъ ли то будетъ, или ночью ямщики съ своими лошадьми должны быть уже на лицо. При такихъ порядкахъ можно совершенно легко пріѣхать изъ Новгорода въ Москву, на разстояніи 120 Нѣмецкихъ миль, въ 6, или 7 дней, а зимой, по санной дорогѣ, еще скорѣе. За такую службу каждый крестьянинъ ежегодно получаетъ по 30 рублей, или по 60 рейхсталеровъ; сверхъ того онъ имѣетъ свою вольную землю, которою надѣляетъ его Великій Князь, и освобождается отъ всѣхъ повинностей и налоговъ. Во время поѣздокъ Приставъ обязанъ такъ же каждому ямщику выдавать по одному, или по два алтына, смотря по обстоятельствамъ, каковыя деньги они называютъ хлѣбомъ съ масломъ (Butterbrodt).⁷ Такъ какъ положеніе этѣхъ крестьянъ, при такой службѣ, довольно обезпечено, то многіе крестьяне помогаютъ попасть въ эту должность ямщиковъ.

---

⁷ На водку? О. Б.

У

СМЪСЪ

ДѢЛО САЛНИКѢВА.

Тяжелое время переживала Россія во всю первую половину прошлаго столѣтїя! При Петрѣ внезапность и рѣшительность преобразованій переворачивали вверхъ дномъ все, начиная отъ высшихъ Государственныхъ учрежденій и застарѣлыхъ понятій общаго житія до мелочей ежедневной и безразличной наружности, до покроя платья и бороды. И все это введено было не путемъ нравственнаго дѣйствія на умы, не путемъ образованія, не силою прихвѣра в дознаннаго опыта, но приказомъ, за прекословіе которому можно было поплатиться не однимъ имуществомъ, но и честью и даже жизнью. Сколько тысячъ людей пострадало самымъ жестокимъ образомъ, унижено и оскорблено самымъ чувствительнымъ способомъ отъ этѣхъ неожиданныхъ и неподготовленныхъ преобразованій его церковной, гражданской и семейной жизни, отъ этой искусственной, не признаваемой народомъ, гражданственности, пересаженной на не готовую для нея почву! Но тутъ еще тягости преобразованія, до нѣкоторой степени, выкупались ихъ благими послѣдствіями, вознаграждались тѣми плодами, которые они принесли, или которыхъ въ правѣ были ожидать отъ нихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Величіе Петра неоспоримо въ Исторіи и въ памяти народнаго чувства, какую бы тѣнь ни набрасывали на него противники его преобразованій. Но послѣ него наступило время, которое въ тягости не уступало его времени, но не имѣло и тѣни величія, окружавшаго его имя и наполнявшаго его царствованіе. Это время безурядицы безначалія, безвластія въ Россіи со, всѣми явленіями этого порядка, или точнѣе, безпорядка вещей. Это пора временщиковъ, для которыхъ не было ни чего выше ихъ честолюбія, у которыхъ все было направлено къ одной цѣли—держать въ своихъ рукахъ власть и оберегать ее отъ соимѣстничества противныхъ сторонъ.

Государи, именемъ которыхъ они управляли народомъ, носили только имя Государей. Народъ, надъ которымъ они властвовали, народъ, съ его нуждами и интересами, былъ попираемъ ими, какъ въ чемъ не значащая вещь въ Государственномъ хозяйствѣ, такая вещь, о которой и думать не стоитъ. До него ли имъ было на ихъ высотѣ, гдѣ раскрывалось передъ ними столько интересовъ высшаго Государственного порядка! Если бы онъ вздумалъ напомнить о себѣ и докучать своими нуждами, можно зажать ему ротъ, можно запретить ему и думать о томъ, что ему не хорошо: стоитъ только поставить на сторожѣ зоркаго Генерала Ушакова, который имѣлъ счастливую способность читать даже въ мысляхъ Русскаго человѣка.

Въ каждомъ Государствѣ во всякое время есть люди почтенные, которые пользуются общимъ уваженіемъ и которые, занимая соотвѣтственные ихъ опытности и заслугамъ мѣста, пользуются общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ это несчастное время не было такихъ людей, не по тому, что на самомъ дѣлѣ обезлюдѣла Русская земля, но по тому, что въ ней, то есть, въ ея лучшихъ слояхъ, подавлено было понятіе о личной чести и доблести. Наплывъ искательныхъ, своекорыстныхъ иноземцевъ задушилъ въ Русскихъ чувство гражданской доблести, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ его безвыходнымъ и бесплоднымъ. Пробриться въ люди стало — ухаживать за временщиками и сильными иноземцами, держаться въ людяхъ — значило льстить имъ словами и угождать подарками; не угодилъ, такъ не спасетъ ни родъ, ни званіе, ни заслуги. Плеть и кнутъ не щадили ни кого; не было исключеній ни для кого, въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова. Если и этого казалось мало, то вывозили плаху на площадь и казнили политически и самымъ дѣломъ самыхъ высокихъ и сановныхъ лицъ въ Государствѣ. Члены Кабинета, Верховнаго Совѣта, Сената, Синода, Коллегій, Митрополиты, Епископы, всѣ были подъ одинаковымъ гнетомъ и страхомъ крѣпости, плетей, кнута и пытокъ тяжелѣе смерти. Подобнаго упадка гражданского чувства, подобнаго униженія и оскорбленія народа, никогда не было въ Россіи ни прежде, ни послѣ описываемаго времени.

Къ этому-то несчастному времени относится дѣло Салникѣева, одно изъ любопытнѣйшихъ дѣлъ первой половины XVIII столѣтія.

ромъ того, въ числѣ частію вызвавшихъ, частію объясняю-
го, обстоятельствъ, было одно, замѣчательное въ Церковно-
ческомъ отношеніи: это—надежды и попытки одной части
о Духовенства на возстановленіе прежней Патріаршеской
церковнаго правленія, вмѣсто новоучрежденнаго Синода, въ
гъ она видѣла болѣе судебную и административную инстан-
жели живое представительство Церкви, какимъ она считала
шество. Учрежденіемъ Синода, по ихъ понятію, Церковь вве-
ла во всѣ формы гражданской жизни, поставлена въ одинъ
; вѣдомствами разныхъ управленій, какъ одно изъ нихъ,
того, чтобы возвышаться надъ ними, какъ независимому и
няющему началу гражданского общества. Къ этому, до нѣко-
степени сираведливому, мнѣнію, какъ во всѣхъ человѣческихъ
присоединились личныя страсти и выгоды передовыхъ лицъ
ей этой стороны, которые, подъ видомъ защиты церковна-
пролагали пути своему властолюбію и честолюбію. Въ
оргія Дашкова намъ извѣстно, какъ они вели свое дѣло и
ользуясь смутами Государственными, вводили замѣшательство
церковнаго управленія, чтобы испровергнуть нововведен-
рядокъ вещей и на мѣсто его поставить прежній, освя-
болѣе чѣмъ вѣковою давностію и образовавшій уже въ
привычку къ извѣстной формѣ церковнаго правленія и цер-
бщественной жизни. Въ дѣлѣ Салникѣва мы встрѣтимся съ
е лицами, которыя участвовали въ дѣлѣ Дашкова, и съ
е счастливыми и несчастными переменами въ ихъ судьбѣ,
тамъ.

, кромѣ того, дѣло это получаетъ новую занимательность отъ
аго прикосновенія къ нему лица, замѣчательнаго своею стран-
цью и все еще загадочнаго для Исторіи: разумѣемъ А. П.
аго.

Всѣ мы фактически прояснимъ одинъ изъ темныхъ эпизо-
о исторіи, сообщая новые документы, которые не извѣстны
печатной литературѣ.

звнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Архи-
тъ Казанскаго Спаскаго монастыря, Іона Салникѣвъ.

Онъ былъ родомъ изъ Смоленска, Дворянскій сынъ. Не извѣстно, какое побужденіе увлекло его въ монашество, которое вовсе не соотвѣтствовало его личнымъ склонностямъ. Въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ Іеромонахомъ Троицкаго Сергіева монастыря. Въ то время Настоятелемъ этого монастыря былъ Архимандритъ изъ Дворянъ, Сильвестръ Холмскій, не походившій на него ни нравомъ, ни привычками. Еще въ ту пору были между ими какія-то темныя денежныя исторіи, о которыхъ они вспоминали другъ другу и въ послѣдствіи; но скоро они разошлись въ стороны, каждый своей дорогой. Салникѣвъ перешелъ въ Казань, гдѣ, какъ человекъ ловкій и образованный, успѣлъ войти въ милость къ престарѣлому Митрополиту, Тихону и сдѣлался Судьею Архіерейскаго дома. Пользуясь старостію и снисходительностію своего начальника, онъ самоуправно распоряжался въ его Епархіи, нажил себѣ состояннице, дружилъ съ Губернскою знатію и жилъ баринномъ. Полы его Архимандритскихъ покоевъ устланы были коврами, стѣны обиты тонкимъ Нѣмецкимъ сукномъ, столы покрыты заграничными коврами. Для выѣздовъ у него было нѣсколько паръ кровныхъ лошадей, заграничныя кареты, коляски и возки. У высшихъ властей онъ также былъ на хорошемъ счету, такъ что когда въ послѣдній годъ жизни Петра состоялся Указъ, чтобы въ Синодѣ вызывались на чреду, вмѣстѣ съ Архіереями, по два Архимандрита, которые могли бы быть избираемы потомъ въ Архіереи, ¹ Іона вызванъ былъ первый и засѣдалъ въ Синодѣ наравнѣ съ Членами.

По смерти Петра, когда началось извѣстное дѣло Новгородскаго Архіепископа, Θεодосія Яновскаго, Іона посланъ былъ, вмѣстѣ съ Капитаномъ гвардіи, Шушериннымъ, въ Новгородъ повѣрять по описямъ Соборную ризницу и домовую Архіерейскую казну. По какимъ-то доносамъ Іону потребовали изъ Новгорода въ Тайную Канцелярію. Синодъ вступился за честь своего Члена, и 7 Іюля подалъ докладъ Государынѣ, что «знатныя духовныя персоны арестуются иногда по подозрѣніямъ и доносамъ людей, не заслуживающихъ довѣрія, отъ чего не только бываетъ имъ не малая тягость, но и здравію и чести поврежденіе.» Синодъ просилъ, чтобы дѣла ихъ рѣшались безъ промедленія и подъ арестомъ ихъ не держать, а отдавать

¹ 1725 г., Генваря 12.

на знатныя и вѣроятія достойныя поруки. Однимъ словомъ, въ досельшей жизни Юны все шло честь честью. ² Но, на горе ему, судьба опять столкнула его съ Сильвестромъ.

Исторія Сильвестра извѣстна намъ изъ дѣла Ростовскаго Архіепископа, Георгія Дашкова. Изъ Троицкихъ Архимандритовъ онъ посвященъ былъ въ 1708 году въ Нижегородскіе Митрополиты; въ 1719 году переведенъ изъ Нижняго въ Смоленскъ, изъ Смоленска въ Тверь съ повышеніемъ, а изъ Твери, по уничтоженіи званія Митрополитовъ, въ Рязань простымъ Епископомъ. Съ назначеніемъ въ Синодъ покровителя его Дашкова, при Екатеринѣ, его перевели въ Казань Архіепископомъ.

Прибывши въ Казань, онъ встрѣтился съ старымъ знакомцемъ, Юною, который былъ тамъ въ чести—Судьею Архіерейскаго дома и Синодальнымъ Членомъ. Иона держался въ отношеніи къ новому начальнику довольно свободно и независимо, а тотъ, человекъ старый и стараго времени, не могъ перенести смѣлыхъ выходовъ подчиненнаго. Въ досадѣ на новоучрежденный Синодъ, который лишилъ его званія Митрополита, Сильвестръ не велѣлъ поминать его въ церкви и не признавалъ нѣкоторыхъ его распоряженій. Въ церкви, вмѣсто Синода, велѣлъ поминать Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, а на ставленныхъ грамотахъ подписывался: «Сильвестръ, бывшій

---

² «Былъ здѣсь въ знатномъ монастырѣ Архимандритомъ Смоленскій, писалъ о немъ Волынскій, онъ же и Дворянскій сынъ, Иона Салникъевъ (или по Русски Салникъевичъ), которой при покойномъ Тихонѣ, бывшемъ здѣшнемъ Митрополитѣ, былъ Судьею и въ крайней мѣлости и имѣлъ богатства своего на нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ денегъ съ три тысячн, или больше; потомъ взятъ въ Синодъ, и тамъ былъ Членомъ, да скучно ему, дураку, въ Петербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ и что онъ разлучился съ своимъ друзьями, которому всѣ знатныя Дворяне и лучшіе купцы друзья и пріятели; также и бѣднымъ прѣзжимъ Офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель, понеже былъ обходительный человекъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и Губернаторы, Петръ Матвѣевичъ, Петръ Самойловичъ и Алексѣй Петровичъ безмѣрно любили, и такой человекъ былъ, что надобно было любить, и ужь когда сюды и нынѣшній Архіерей въ Епархію прибылъ, сначала былъ къ нему очень добръ, и такъ и при немъ былъ Судьею, какъ при Тихонѣ Митрополитѣ, да учинилась у нихъ ссора»... (Изъ письма Волынскаго къ Княгинѣ Черкасской).

Нижегородскій Митрополитъ, нынѣ же Казанскій и Сскій.»³ Иона, по своей должности, напоминалъ ему объ его конныхъ дѣйствіяхъ, и впалъ въ крайнюю немилость у Вла. Но Владыка отмстилъ ему не милостиво.

I.

Въ 1726 году, пользуясь милостію Дашкова и Коломен Митрополита, Игнатія, Сильвестръ рѣшился попрязать своего С. чтобы онъ не зазнавался и не перечилъ ему въ его распоряже. Онъ написалъ къ нимъ и къ Синодальному Оберъ-Прокурору его Судья живеть непорядкомъ, обираетъ монастыри, продаетъ ковныя вещи и обращаетъ вырученныя деньги въ свою ственность.

Иона ужъ кончилъ свою очередь въ Синодѣ и собирався въ какъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ, Баскаковъ, сдѣлалъ С предложеніе: «Обносится здѣсь, что Казанскаго Спаскаго Пре женскаго монастыря Архимандритъ Салникѣевъ нѣкоторыя вещь церкви принадлежащія, распродавъ, о чемъ и Вашему Святѣйш о нѣкоторыхъ сообщено.» Синодъ приказалъ это дѣло изслѣд и поручилъ это Сильвестру. Иону приказано было отправить слѣдствія въ Казань за поруками, а если порукъ по себѣ не д то выслать его изъ Синодальной Канцеляріи съ кѣмъ прист чтобъ за нимъ въ слѣдованіи остановки не было. Въмѣстѣ съ Сильвестру предписано было Указомъ слѣдовать то дѣло без слабленія и, если что казенное растащено напрасно, взыск безъ упущенія.

Понятно, какого можно ожидать слѣдствія отъ Сильвестра извѣстныхъ его отношеніяхъ къ подсудимому.

---

³ Изъ этого въ послѣдствіи, въ 1732 году, возникло огромное слѣдственное ковачившееся гѣмъ, что множество Архимандритовъ, Священниковъ и мои Казанской Епархіи, за вешоминане Синода и прикрытіе Сильвестра, лишены сана и разосланы, кто въ Сибирь, кто въ отдаленные монастыри въ послуш работу, изъ которыхъ освобождены были, кто остался въ живыхъ, уже пр ператрицъ Елисаветѣ, въ 1740 году.

По полученіи Указа, Сильвестръ немедленно приступилъ къ слѣдствію, и въ концѣ Ноября представилъ въ Синодъ репортъ, съ копіями допросовъ и показаній СалникѢва. Въ этомъ репортѣ Иона обвиняемъ былъ въ отобраніи и обращеніи въ свою пользу нѣкоторыхъ церковныхъ вещей и украшеній изъ Спасо-Казанскаго монастыря и приписныхъ къ нему монастырей, Кизическаго и Фодоровскаго. По монастырскимъ описямъ въ нихъ не оказывалось жемчужныхъ ожерельевъ, панегій, гривень, серебряныхъ цать, серегъ, рещевъ, дробницъ, драгоценныхъ камней, ризъ на иконахъ, вѣнцовъ и разныхъ привѣсокъ.

Иона оправдывался тѣмъ, что у нихъ въ монастырѣ не было хлѣба, и по тому онъ продалъ нѣсколько монастырскаго жемчуга и серебра на покупку хлѣба, а другія вещи для устройства церкви въ монастырскомъ селѣ Плетеняхъ, и сдѣлалъ это по словесному разрѣшенію покойнаго Митрополита, Тихона. Изъ Фодоровскаго и Кизическаго монастырей онъ перевезъ утварь въ свой монастырь, по его же, Митрополичьему, Указу, которымъ этѣ монастыри были упразднены въ 1724 году.

Въ разсужденіи этѣхъ монастырей Сильвестръ заинтересованъ былъ тѣмъ, что они были приписными къ Архіерейскому дому. Иона, пользуясь слабостію и старостію Тихона, приписалъ оба монастыря къ своему и перевезъ къ себѣ всю ихъ церковную утварь. Сильвестръ, бывшій задолго до Ионы также Судьею Казанскаго Архіерейскаго дома, зналъ очень хорошо положеніе дѣлъ, грамоты и указы, и хотѣлъ возвратить ихъ Архіерейскому дому.

Сильвестръ прибавилъ въ своемъ донесеніи, что СалникѢвъ его смиренію оказался не послушенъ, и подѣ слѣдственнымъ дѣломъ управствомъ своимъ не подписался, и во всемъ строптивыми своими поступками учинился ему противенъ. Опасаясь съ его стороны побѣга, Сильвестръ посадилъ его подѣ караулъ и просилъ о переводѣ его куда ни будь въ другую Епархію.

Синодъ, выслушавши репортъ Сильвестра, приказалъ отрѣшить Иону отъ управленія монастыремъ и взыскать съ него деньги за проданныя вещи, въ количествѣ 290 р. 33 к., а до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ требуемой суммы, держать его подѣ стражей;

когда же все взыскано будетъ, выслать его, Салникѣва, въ Москву въ Духовную Дикастерію.

Сильвестръ не могъ, однако жъ, ни чего добиться отъ Салникѣва, жаловался Синоду, просилъ смирить его жезломъ правды, и чтобъ другимъ воровство умножать и отбывательство умышляти было не повадно, предложилъ отправить его въ Преображенскій Приказъ (20 Февраля, 1728 г.).

Салникѣвъ не могъ не видѣть всей невыгоды своего положенія. Чтобы какъ ни будь замѣть дѣло и отстранить Сильвестра отъ слѣдствія, 13 Декабря, 1727 года, онъ сказалъ за собой Государеву дѣло, и взялъ въ Губернскую Канцелярію. Губернаторъ, Генералъ-Маіоръ Зотовъ, съ Вице-Губернаторомъ, Нефедомъ Кудрявцевымъ, отобрали отъ него показаніе, въ которомъ онъ объявлялъ Сильвестра противникомъ и ругателемъ Высочайшихъ Его Императорскаго Величества Указовъ.

У Юны потребовали объясненій.

Салникѣвъ показалъ, что въ 1725 году, когда Сильвестръ пожалованъ былъ въ Казань изъ Епископовъ въ Архіепископы, онъ гнушаясь этою милостію и ругаясь Высочайшимъ Указомъ, какъ въ церквахъ во время служенія, такъ и въ дѣловыхъ бумагахъ, Архіепископомъ писать себя не велѣлъ, а велѣлъ писать и поминать Архіереемъ, а у Поповскихъ грамотъ подписывался Митрополитомъ: «Бывшій Нижегородскій Митрополитъ, нынѣ же Казанскій Свіяжскій.»

Кромѣ того, онъ у многихъ людей не принималъ исковыжь ~~и~~ ^е лобитень, написанныхъ на Высочайшее имя и отдавалъ челобиткамъ ~~и~~ ^е обратно и велѣлъ переписывать на свое Архіерейское имя, переписанныя принималъ и производилъ въ дѣло.

По отобраніи этѣхъ показаній, Губернская Канцелярія отправила его назадъ въ Архіерейскій Приказъ, для взысканія по Синодскому Указу, а о показаніяхъ сдѣлала донесеніе Синоду. Фискальная Губернская Канцелярія, съ своей стороны, донесла объ этомъ Сенату; Сенатъ поручилъ изслѣдованіе дѣла Преображенскому При-

казу; но Преображенскій Приказъ передалъ его въ Синодъ, для изслѣдованія духовною властію.

Синодъ, бывшій въ ту пору въ Москвѣ, приказалъ, для изслѣдованія этого дѣла, взять Іону въ Москву и везти въ желѣзахъ за крѣпкимъ карауломъ (14 Марта, 1728 г.).

По пріѣздѣ въ Москву Іона оставленъ былъ до Указу подъ карауломъ. Ему показали копіи съ оправдательныхъ отвѣтовъ Сильвестра противъ взводимого на него обвиненія и потребовали отъ него доказательствъ; но Іона, сдѣлавши доказательства на первый пунктъ Архіерейскаго отвѣта, о пренебреженіи чести Синодальной, сказалъ, что о пренебреженіи Высочайшаго имени теперь доказательства говорить не будетъ, а будетъ доказывать въ то время, когда Сильвестръ въ Синодъ призванъ будетъ. Синодъ, отнеся это къ упрямству Салникѣва, приказалъ наложить на него цѣпь и желѣза и содержать подъ крѣпкимъ присмотромъ.

Коломенскій Митрополитъ Игнатій посылалъ къ нему Синодскаго Секретаря спросить: для чего онъ не представляетъ доказательства на второй пунктъ Сильвестровыхъ показаній? Іона отвѣчалъ, что безъ Сильвестра онъ доказательства представлять не станетъ; потомъ просилъ, чтобъ отослать его по тому дѣлу въ Преображенскій Приказъ. Секретарь сказалъ, что въ Преображенскомъ Приказѣ слѣдуются дѣла только по первымъ двумъ пунктамъ. Іона отвѣчалъ, что по пунктамъ онъ не знаетъ, но можетъ доказать, что Сильвестръ ругатель не только Указовъ, но и Императорскаго Величества (26 Ноября, 1728 г.). Послѣ этого показанія Синодъ приказалъ еще усилить надъ нимъ караулъ, никого для разговоровъ съ нимъ не допускать и его никуда не выпускать, чернилъ и бумаги ему не давать.

Но предосторожность взята поздно, по тому что Іона успѣлъ подать въ Верховный Тайный Совѣтъ два доношенія, которыми, оправдаваясь въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, просилъ взять его дѣло изъ Святѣйшаго Синода, куда надлежитъ.

Но этѣ прошенія ни къ чему не привели.

Наконецъ Іона рѣшился сдѣлать доказательства противъ втораго пункта показаній Сильвестра. Онъ указалъ на извѣстные ему

случаи, когда Сильвестръ отдавалъ назадъ прошенія, написанныя на Высочайшее имя и велѣлъ переписывать на свое Архіерейское, и прибавилъ, что когда онъ, по своей должности, Архіереемъ въ этомъ говаривалъ, то Архіерей обнесъ его въ похищеніи церковныхъ монастырскихъ вещей.

Въ защиту себя Салникѣвъ сказалъ, что, еще бывши въ Казани, онъ перемѣтилъ буквами Польскаго алфавита всѣ дѣла, внесенныя по этѣмъ челобитнымъ, чтобъ послѣ ни чего нельзя было подмѣнить въ нихъ, и просилъ взять ихъ въ Синодъ на обличеніе Архіереемъ. Этого мало: онъ сберегъ у себя нѣсколько челобитныхъ на Высочайшее имя, изорванныхъ Архіереемъ по тому, что написаны не на его, Архіерейское, имя. Подлинность этѣхъ челобитныхъ Иона доказывалъ тѣмъ, что они занесены были во входящія журналы за номерами. вмѣсто этѣхъ драныхъ дѣлъ произведены были другія дѣла по челобитнымъ, писаннымъ на Архіерейское имя.

Но Ионѣ трудно было добиться правды, по тому что въ Синодѣ сидѣли друзья Сильвестра. А по тому, вмѣсто ожидаемаго слѣдствія, въ Синодѣ состоялся Указъ, которымъ всѣ доносы Ионы объявлены извѣтомъ и враньемъ. «И въ тѣхъ его, извѣтчика Салникѣва, показаніяхъ явилась рознь и несходство, изъ чего признается, по такой розни и несходству его, извѣтчика Салникѣва, сущая вина, а по отвѣту Казанскаго Архіерея ни какой важности не находится: а ежели бы по отвѣту онаго Архіерея явились къ вышней важности, то бы по оному дѣлу надлежащее рѣшеніе учинено было въ Преображенскомъ Приказѣ, а то видно, что по тому его, Салникѣва, отвѣту и по отвѣту Казанскаго Архіерея важности онаго Архіерея по слѣдованію Преображенскаго Приказу знатно, что не причтено и прислано къ разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода, а въ Синодѣ по отвѣту его ни какой важности не находится. Видимо, что оный извѣтчикъ такую великую важность на онаго Митрополита наводитъ вымышленно отъ себя, по злобѣ своей, злоковарно, прямо примѣняя отъ себя вымысломъ своимъ, и не отъ словъ его, Архіерейскихъ, мстя за то, что онъ, чрезъ слѣдствіе онаго Архіерея, явился въ похищеніи монастырскихъ и церковныхъ вещей и избывая въ томъ явнаго своего воровства.» Къ этому преступленію Ионы выведены были справки изъ Церковныхъ правилъ и Собора-

го Уложенія о непринятіи доносовъ на Епископа отъ лицъ, находящихся подъ судомъ, о клирикахъ, творящихъ совѣты на Епископа, о доносящихъ на кого важное Государево дѣло и не доказавшихъ, и, по силѣ этихъ справокъ, состоялся приговоръ, чтобы, за недоказанную клевету на Епископа, обнажа его іеромонашества и монашества, отослать его къ гражданскому публичному наказанію, по исполненіи котораго взыскивать съ него похищенное имъ церковное имущество по прежнему безъ удержанія (11 Дек., 1728 г.).

Въ виду неизбежнаго позора, Іона рискнулъ еще на доносъ. Въ Юстицъ-Коллегію онъ подалъ донесеніе на Сильвестра въ дрань челобитенъ и другихъ бумагъ, писанныхъ на Высочайшее имя. Предсѣдатель Коллегіи, Князь Михаилъ Голицынъ, представилъ это донесеніе на усмотрѣніе Сената. Но Сенатъ предписалъ исполнить въ точности Указъ Синода о наказаніи Салникъева, а о дрань дѣлъ Сильвестромъ сообщилъ Синоду для надлежащаго изслѣдованія.

18 Іюня, 1729 года, Юстицъ-Коллегія доносила Синоду, что Осипу Салникъеву наказаніе учинено: «бить кнутомъ,» и по наказаніи возвращенъ въ Синодъ для продолженія слѣдствія.

Но торжество Сильвестра, успѣвшаго передъ тѣмъ выпросить себѣ званіе Митрополита, хотя безъ бѣлаго клобука, и возвратить захваченные Салникъевымъ монастыри Архіерейскому дому, продолжалось не долго.

II.

По смерти Петра II-го, Дашковъ впалъ въ немилость. Это отозвалось и на покровительствуемыхъ имъ. Синодъ потребовалъ у Салникъева дранаго дѣла. Салникъевъ отвѣчалъ, что оно имѣется у него въ домѣ Князя Василя Михайловича Вяземскаго, въ Поварской Улицѣ, за Арбатскими воротами. Дѣло ваяли къ слѣдствію. Это была челобитная Казанскаго гарнизоннаго Унтеръ-Офицера Саморокова на домовыхъ Архіерейскихъ крестьянъ Кононовыхъ въ безчестіи его, Саморокова. А между тѣмъ съ Салникъева взыскивали и причтенныя ему въ воровство церковныя и монастырскія деньги. Салникъевъ ставилъ въ свое оправданіе то, что ему не давали денегъ на

содержаніе въ бытность въ Синодѣ. Синодъ, не уваживъ этого представленія и считая его отбывательствомъ, опредѣляетъ: «для взысканія съ него за церковныя вещи отослать его въ Казанскую Губернскую Канцелярію съ нарочнымъ солдатомъ, дабы, освидѣтельствовавъ достоверно, что доведется, снесшися съ Преосвященнымъ Сильвестромъ, оныя деньги съ него взыскивали неослабно, какъ и Указы повелѣваютъ.» вмѣстѣ съ нимъ, положили отослать въ Губернскую Канцелярію и драное дѣло, дабы, какъ о томъ, такъ и о другихъ отъ него показуемыхъ драныхъ дѣлахъ, когда, и кѣмъ, и для чего драмы ль, справяся достоверно, освидѣтельствовать Архіерею и Губернатору, которымъ былъ въ то время, послѣ Зотова, Волынский и Вице-Губернатору, со всякою очисткою, и то свидѣтельство послать въ Синодъ при доношеніи немедленно (15 Декабря, 1729 г.)

Въ слѣдъ за этѣмъ у Салникѣева, по словесному приказанію Остермана, сдѣлали обыскъ, при которомъ найдено два Календаря на 1727 и 1728 годы. Календари отпращены къ Остерману, а на колодникомъ усиленъ караулъ. Но такъ какъ по этому особливому дѣлу ни чего за нимъ не отозвалось, то Синодъ, 16 Марта, 1730 приказалъ «отправить его, во исполненіе своего. прежняго опредѣленія, въ Казанскую Губернскую Канцелярію, на коштѣ Казанскаго Митрополита. А для касающихся по тѣмъ же дѣламъ ховныхъ персонъ, при томъ слѣдованіи и рѣшеніи, вмѣстѣ съ Губернаторомъ и Вице-Губернаторомъ, быть двумъ духовнымъ персонамъ, а именно: изъ Синодальной области Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря Архимандриту Лаврентію, и Нижегородскаго Епархіи изъ монастырскихъ властей, или Протопоповъ, кого Аурепскій епископъ Пятиримъ опредѣлитъ, и все то дѣло производить общимъ согласіемъ.» Архіепископъ Пятиримъ, съ своей стороны назначилъ къ слѣдствію, Протоіерея Нижегородскаго Архангельскаго собора, Андрея Иванова.

Сильвестръ, жившій въ ту пору въ Москвѣ, успѣлъ, однакожь, смягчить дѣло.

Протоколомъ Марта 24 приказано было взыскать деньги за проѣздъ Салникѣева не съ Казанскаго Митрополита, а съ Управителей Казанскаго Архіерейскаго Приказа, которые были у дѣла въ

16 и 1727 годахъ, по тому что къ этѣмъ годамъ относилось явленное Салникѣвымъ драное дѣло. Другимъ протоколомъ, 8 рѣя, велѣно было наряженной для слѣдствія Казанскихъ дѣлъ мисіи слѣдовать токмо о взысканіи церковныхъ вещей съ Салнѣва, а объ упомянутомъ дранѣ дѣлѣ и челобитенѣ ни чего не изводить, но слѣдовать то въ Синодѣ, по тому что то касается духовной Архіерейской персоны, и посланное зъ Синода Самолова дѣло прислать обратно въ Синодъ безъ промедленія.

Изъ назначенныхъ въ Казань слѣдователей Архимандритъ Лавртіій доносилъ, что, за весеннею распутицею, онъ въ Казань вскопѣхать не можетъ, къ тому же онъ страдаетъ тяжкою головою вѣзю. Наконецъ, уже въ Маѣ, слѣдователи собрались въ Казань и прислали оттуда прошеніе: на какія средства имъ жить и ота требовать денегъ.

Сильвестръ, съ своей стороны, подалъ доношеніе, въ которомъ салъ, что «онъ посылалъ къ Губернатору Волынскому солдатъ за янымъ дѣломъ, но Волынскій, мстя ему за поданныя на него въ нать и въ Юстицъ-Коллегіи и въ другихъ мѣстахъ прошенія о мичныхъ ему обидахъ отъ Волынскаго, солдатъ держитъ и Сузокова дѣло имъ не отдастъ, даже и о полученіи Синодскаго аза тому седьмая недѣля не репортуетъ, и знатно хощетъ, прожжалъ Сильвестръ, нанести вѣтъ, по злобѣ своей, напрасное здѣсь всеніе и бѣдство и дому нашему разореніе безъ всякой причинѣ, для того что Архимандритъ Лаврентій и Протопопъ Андрей зновъ и говоритъ о томъ Волынскому не смѣютъ. И отъ того звычайнаго, за посягательствомъ ко мнѣ Губернаторскимъ, проженія, живучи въ Москвѣ, разоряюсь безвинно, а не дождавъ по чу дѣлу здѣсь подлиннаго рѣшенія, въ Казань вхать не смѣю.» Сильвестръ просилъ послать къ Волынскому вторичный Указъ съ итверженіемъ о присылкѣ въ Москву Саморокова дѣла, а не о полненія имъ Указовъ Синода сообщить въ Правительствующій нать съ требованіемъ резолюціи. Синодъ послалъ къ Волынскому ричный Указъ съ нарочнымъ, которому поручено было взять дѣи съ требованіемъ объясненія въ неисполненіи перваго Указа 7 Мая, 1730 г.).

Но, не дождавшись отвѣта Волынскаго, Сильвестръ, 5-го Юня, подалъ на него въ Синодъ новое доношеніе, съ 38 пунктами, которыми обвинялъ Волынскаго въ разныхъ преступленіяхъ. Заключая свои пункты, Сильвестръ просилъ: «жезломъ паствы Вашего Святейшества Церкви Божіа и насъ сиротствующихъ отъ него, Волынскаго съ другими оборонить и защитить и яко сильному насъ немощныхъ въ руки не предать, и о воровствахъ растриги Салникѣева дѣла изъ Губернской Канцеляріи у него взять, и послать къ рѣшенію въ Казань же, къ кому надлежитъ, мимо его, Волынскаго... и къ нему Губернатору, послать третій Указъ съ подтвержденіемъ, и въ Сенатъ вѣсть вѣдѣніе съ мѣтніемъ и требованіемъ на все резолюціи.

Такъ какъ жалоба Сильвестра имѣла гражданскій характеръ, то Синодъ сообщилъ ее въ Правительствующій Сенатъ, а Губернатора Волынскаго, за вышепоказаннымъ на него подозрѣніемъ, по дѣламъ Салникѣева положилъ отстранить отъ слѣдствія, поручивши слѣдовать то дѣло опредѣленнымъ къ тому духовнымъ персонамъ однимъ (15 Юня, 1730 г.).

Управившись съ однимъ, главнымъ слѣдователемъ, Сильвестръ принялся за другихъ.

У него былъ вѣрный слуга, Питиримъ Смирной, котораго онъ посвятилъ въ Архимандриты на мѣсто Салникѣева. Это былъ истый подъячій прежняго времени, ловкій на всѣ крючки и продѣлки. Онъ жилъ неотлучно при Сильвестрѣ, составлялъ ему всѣ бумаги и былъ его правой рукой во всѣхъ судныхъ дѣлахъ. Покончивши съ Волынскимъ, они принялись за духовныхъ персонъ и, не зная, къ чему придраться, сами сочинили предлогъ къ доносу. Питиримъ прислалъ въ Синодъ доношеніе, что «духовные слѣдователи, Архимандритъ Лаврентій и Протопопъ Андрей, пріѣхали въ Казань не по препорціи своихъ ранговъ, зѣло многолюдно и съ немалою славою, на нашъ коштъ, а у насъ монастырь разореной и содержать ихъ будетъ не на чемъ, и за подводы подъ нихъ и слугителей ихъ до Казани и обратно до Нижняго, заплатить не чѣмъ, и всякаго довольства имъ покупать не на что. А есть извѣстіе изъ Казани, что оныя духовныя персоны поступаютъ весьма неумѣренно и показываютъ Келарю нашему съ братією всякія утѣсенія, паче же за-

зестерпимые страхи и грозятъ имъ различнымъ прещеніемъ, съ про свой расхоль, что хотятъ, съ великой обидой для и, сверхъ того, еще требуютъ отъ монастыря всякаго себѣ лств: награжденія, и за то нанесли Секретарю жестокой бой; то монастырь приходитъ во всеконечное и, сверхъ Салнигоршее разореніе; а обносится слухъ, что оныя персоны, и Указныхъ имъ монастырскихъ нашихъ дѣлъ, и въ прочія внизнатно хотя въ Казани бытіемъ продолжить и объявить то бы сущими всему вѣдомцами.» Синодъ, однако жъ, не ему повѣрилъ и, сдѣлавши распоряженіе, чтобы слѣдователи и содержаніе оттуда же, откуда получаютъ его духовные чели Архіерейскаго дома, поручилъ объявить Питириму, что изъяснилъ, какія именно и кому происходятъ обиды отъ ихъ слѣдователей (15 Юня, 1730 г.).

мынскій, еще ни чего не подозрѣвая со стороны Сильвестра, гъ доношеніе (по первому Указу) о томъ, что онъ слѣдователь съ духовными слѣдователями началъ, и что ему изъ Архіерейскаго Приказа не хотѣли выдать дѣлъ, нужныхъ къ слѣдованію; онъ взялъ ихъ чрезъ Секретаря Губернской Канцеляріи и.

только что онъ отправилъ это донесеніе, какъ узналъ о указѣ, который присланъ былъ не прямо къ нему, а въ Архіерейскій Приказъ, для объявленія Губернатору. «Прошедшаго мѣсяца увѣдомился я отъ духовныхъ слѣдователей, что присланъ вторичный Указъ изъ Святѣйшаго Синода, и что онъ уже Архіерейскомъ Приказѣ нѣсколько дней; и слышно было, что указу и подавать мнѣ изъ Архіерейскаго духовнаго Приказа не хотѣли.» За тѣмъ Волынскій объясняетъ, что промедленіе въ отдѣла произошло «за неприбытіемъ изъ Нижняго духовныхъ челей, и за неприсылкою изъ Архіерейскаго Приказа подьячій дѣлъ, но что потомъ дѣло немедленно отдано посланнымъ солдатамъ; а для чего солдаты то дѣло вмѣстѣ съ доношеніемъ держали, или мимо Святѣйшаго Синода подали Сильвестру, похлебствуя ему, принявъ, удержавъ, о томъ онъ не извѣдалъ.» А что Сильвестръ, писалъ онъ, въ Синодъ вымышленно, я, чтобъ дѣла о похищеніи правильно слѣдованы были) на-

писалъ на меня, будто я на него злобствую, мстя, что онъ подагъ (или подаетъ) на меня составныя и затѣйныя свои прошенія въ Сенатъ и въ Юстицъ-Коллегію и въ другія мѣста, будто въ показанныхъ отъ меня обидахъ, я добровольно кленуся въ томъ, что не только на него злобствовать, или мстить, истинно я до получения сего Указа и не вѣдалъ, что онъ на меня пишетъ и подаетъ, а и теперь не знаю, гдѣ подавалъ оныя прошенія, и въ какихъ моихъ обидахъ; а ежели бь какія отъ меня были показаны къ нему обиды, то надлежало было ему просить на меня прежде, нежели повелѣно мнѣ оныя дѣла слѣдовать, и хотя уже Его Преосвященство дошелъ до самой глубокой старости, понеже имѣеть близъ осмидесяти лѣтъ жизни своей, однако жь онъ, Преосвященный, презирая такую свою старость и забывъ Бога и свою бѣдную душу, меплетъ на меня тѣмъ и вредить честь мою напрасно. А если бь по-длинно были Его Преосвященству и прочимъ властямъ отъ меня какія обиды и разоренія, то бь онъ въ томъ челобитѣѣ своемъ могъ показать о томъ имянно, а по формѣ суда такихъ не имянно писанныхъ о обидахъ и разореніяхъ доношеній и челобитень и принимать не велѣно; того ради Святѣйшаго Синода всепокорно я при-лежно прошу, дабы повелѣно было отъ него взять за его рукою подлинныя показательства, какія я ему и прочимъ властямъ учинилъ обиды и разоренія, и при томъ чгобъ повелѣно было спросить его, чего ради онъ не просилъ на меня прежде, нежели Указомъ Святѣйшаго Синода опредѣленъ я къ слѣдствію оныхъ дѣлъ, понеже онъ, Архіерей, давно уже въ Москвѣ обрѣтается (изъ чего видно что онъ защищаетъ плутовъ, которые, не порядочно похлѣбствуя Его Преосвященству, оныя о похищеніи дѣла производили, что явно и на нашему слѣдствію показаться можетъ), и чгобъ оныя его показательства на меня повелѣно было сообщить въ Правительствующій Сенатъ, и повелѣно бь было правильно о томъ розыскать, и всѣхъ обрѣтающихся въ здѣшной Епархіи подвластныхъ его Архіерейскихъ допросить, духовныхъ по священству и монашествующихъ по присягамъ, а мірскихъ и подъ страхомъ смерти, и ежели кака я моя вина по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти, явится, я о себѣ не буду просить ни какого милосердія отъ Ея Императорскаго Величества. Буде же и то явится, что то отъ него, Архіерея, затѣяно на меня напрасно, чгобъ повелѣно было ему учинить хотя въ полы противъ того, чго бы я былъ достоинъ (30 Іюня, 1730 г.).

Въ слѣдъ за этѣмъ Волынскій получилъ третій Указъ изъ Синода, которымъ онъ, въ слѣдствіе поданной на него челобитной Сильвестра, устранялся отъ слѣдованія по дѣлу Салникѣва.

Въ досадѣ Волынскій написалъ письмо къ Салтыкову, въ которомъ просилъ самъ на себя суда по жалобѣ Сильвестра.

«Наслалъ на меня Богъ проклятыя дѣла, которыхъ я не искалъ, ни желалъ, и какимъ образомъ то мнѣ пришло, не знаю. Понеже въ нынѣшнемъ году Апрѣля 3 дня, при Указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Синода, прислано въ Казанскую Губернскую Канцелярію для изслѣдствія драное дѣло, да двѣ выписки, о которыхъ во ономъ Указѣ написано, первое о дѣлѣ, что доносилъ на Казанскаго Митрополита Сильвестра, Казанскаго жъ Спасскаго монастыря Архимандритъ Іона (что нынѣ рострига Іосифъ), что оной Митрополитъ исковыхъ челобитенъ, которые написаны на имя Императорскаго Величества, у многихъ людей не принималъ и драгъ и бросалъ, и не только драгъ челобитные, но и дѣла произведенныя въ дѣйство за помѣтами въ шнурованныхъ за печатью тетрадахъ, драгъ же, изъ которыхъ по тому ево, Салникѣва, доношенію для слѣдствія прислано было драное дѣло Унтеръ-Офицера Максима Саморокова, на крестьянъ Казанскаго Архіерея въ безчестьѣ; тако жъ велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ Архимандритомъ, что нынѣ рострига; а при томъ слѣдствіи обще со мною велѣно быть и Нижегородской Епархіи Архимандриту да Протопопу. А потомъ присланъ вторичной Указъ, чтобъ о томъ драгомъ дѣлѣ не слѣдовать, и оное отослать по прежнему въ Святѣйшій Синодъ (которое по тому Указу и послано), а слѣдовать бы только о помянутыхъ церковныхъ и монастырскихъ вещей похищеніяхъ, въ той силѣ, что оныя дѣла слѣдованы въ прошлыхъ годѣхъ въ Архіерейскомъ Приказѣ неправильно, что и самая правда по нашему слѣдствію является, а нынѣ по прошенію Преосвященнаго ево, Сильвестра, Казанскаго Митрополита, присланъ ко мнѣ третей Указъ, въ которомъ и затѣное ево доношеніе съ великими мнѣ образами и безчестьемъ прописано, такъ что не только такому старому человѣку и пастырю церквамъ, истинно ни какому и свѣтскому, а совѣстному человѣку писать такъ ложно и затѣвать не возможно, развѣ бы кто уже былъ бездѣльной и безсовѣстный ябедникъ.

И, можетъ сыскаться, что онъ, Архіерей, во многомъ виноватъ-будеть, того ради онъ показалъ на меня подозрѣніе и сплетчи победнически, а не по Архіерейски, дабы тѣмъ покрыть свои блудни, подавъ на меня сплетное победнически доношеніе, по. которому присланъ ко мнѣ третьей Указъ, а въ немъ имянно оное затѣвное это доношеніе прописано, будто я великой обидчикъ и разоритель; и хотя онъ уже человѣкъ престарѣлой, такой, что уже было намежало ему только Бога и душу памятовать, какъ ему явиться суду Божію, однако жъ онъ, забывъ все то, тѣмъ меня поклепалъ зло: въ мысли моей не бывало, не только бѣ я то дѣлалъ и столько вредилъ мою честь, что не токмо Архіерею и такому старику, истинно, Милостивый мой отецъ, ни изъ свѣтскихъ ни кто бѣ такъ не похотѣлъ душевредничать, развѣ кто уже былъ безпутной и безсовѣстной ябедникъ, противъ чего принужденъ я, въ мое оправданіе, послать доношеніе въ Синодъ, а другое въ Сенатъ (въ одной силѣ оба) и прошу о томъ, чтобъ велѣли про меня розыскать, и всѣхъ ево, Архіерейскихъ, подвластныхъ здѣсь допросить, чернецовъ и бѣльцовъ; буде же того не довольно, чтобъ повелѣно было всѣхъ здѣшнихъ жителей, не только Казанцовъ, я радъ тому, чтобъ, по Уздамъ тѣмъ, про меня спрашивали. И есть ли какая моя вина, по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти, сыщется, я не буду просить отъ Ея Императорскаго Величества ни какова милосердія; а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды обороненъ былъ. Для того я Ваше Превосходительство, Милостиваго Государя и отца всео-корно прошу показать ко мнѣ отеческую милость, пожаловать погов-орить Архіереямъ, которые въ Синодѣ заставляють, также и Госп-одамъ Сенаторамъ, чтобъ приказали про меня, безо всякаго мнѣ по-слабленія, изслѣдовать, какия я кому дѣлалъ обиды; а изъ того видѣно-будеть, кто изъ насъ виноватъ, или правъ, будетъ. Паче же прош-ужели донесется сія на меня наглая напраслина Ея Императорск-ому Величеству, чтобъ прежде нежели сыскано будетъ, не изволи-ла вѣрить безсовѣстному ево, Архіерейскому, доношенію, и не изволи-ла бѣ содержать меня за такова человѣка, какъ онъ лжетъ. Я столько смѣло доношу, что я готовъ подписаться на смерть, естли онъ на меня что докажетъ дѣльно. Что же я такъ дерзновенно пишу, милостиво извольте разсудить по совѣсти, сколь чувствевна-человѣку обида, а паче та, которая чести касается. Сверхъ того,

милостивой Государь, Архіерейско ль то дѣло, что по приказу ево оторые плуты шилничали здѣсь по всему городу и проискивачтобъ кто что на меня показалъ, и слышу, что къ одной челоной, не знаю какіе бездѣльники, и не знаю въ чемъ, восемь свѣкъ приложили на меня руки, и съ тѣмъ одинъ плутъ чертъ къ Архіерею поѣхалъ, однако жъ я благодарю Бога, не боюся чего, въ чемъ Ваше Превосходительство безъ сумнѣнія изволь вѣрить.

При семъ прилагаю копію съ доношенія моего, посланнаго въ годъ, которую прошу сообщить Князю Алексѣю Михайловичу, въ оромъ прописана матерія присланнаго ко мнѣ изъ Синоду Укази его, Архіерейское, ябдническое доношеніе, поданное на меня іе оправданіе прописано.

Милостивой Государь мой, отецъ, покажи Божескую надо мной ость, обороните меня, Бога ради, отъ такова плута! Понеже лько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не гожусь, ъ бы уже подлинно такой былъ бездѣльникъ, и чаю, многіе по старости и чину, вѣрятъ ему. Я ни какой иной не прошу мти отъ васъ и помощи себѣ, только чтобъ правду розыскать ѣли, въ чемъ я на васъ, Ваше Превосходительство, Милостивой ударь, отца благонадѣюсь, пребывая, остаюсь съ должнѣйшимъ жениемъ. (30 Іюня, 1730 г.)»

Дѣло его, между тѣмъ, перешло въ Сенатъ.

Ходатай его по дѣламъ въ Москвѣ, Борисъ Останковъ, извѣтъ его 4 Іюля:

«Въ Сенатѣ, Государь, по доношенію Казанскаго Архіерея, дѣло шано и говорено, чтобъ по тому дѣлу послать для слѣдствія; и о ради призыванъ былъ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ, и отговоися онъ отъ той посылки ссорою, что имѣлась въ Саратовѣ, и затъ, Государь, еще къ тому дѣлу ни кто не опредѣленъ.»

Вѣроятно, тогда же Волынскому сообщена была копія съ поныхъ на него пунктовъ; но онъ пока не прислалъ своего оправ-

---

зкое жъ письмо пославо и къ Князю А. М. Черкасскому.

данія, въ надеждѣ, что Сенатъ пошлетъ кого ни будь изслѣдовать на мѣстѣ.

Въ ожиданіи этого онъ хотѣлъ сдать, въ слѣдствіе Синодскаго Указа, слѣдственные дѣла Духовнымъ слѣдователямъ. Но они не приняли отъ него дѣлъ и отвѣчали, что имъ нельзя принять ихъ, потому что Питиримъ ябедою своею показалъ {на нихъ въ Синодѣ} подозрѣніе, будто бы оной монастырь они привели въ разореніе пача Салникѣва, и за тѣмъ подозрѣніемъ слѣдовать имъ не возможно.

Волинскій донесъ объ этомъ Синоду и, вмѣстѣ съ этѣмъ, представлялъ выписку изъ слѣдствія, сколько его произведено было дѣлъ сихъ поръ. Онъ донесъ, что посланныя въ Синодъ изъ Архіерейскаго Приказа выписки по слѣдствію надъ Салникѣвымъ съ длинными дѣлами, взятыми изъ Архіерейскаго Приказа, оказались согласны, по тому что многія рѣчи изъ допросовъ и показаній вписаны и изъ черной выписки вычеркнуты, а при Архіерейскомъ слѣдствіи многимъ людямъ допросовъ вовсе не было; нѣкоторые изъ нихъ при нынѣшнемъ слѣдствіи были допрашиваны, за другіе которыхъ въ Казани нѣтъ, и понынѣ не допрашиваны; оцѣнка мѣглыхъ вещей сдѣлана по волѣ Преосвященнаго безъ цѣновщикова выписки, посланныя въ Синодъ, по показаніямъ Секретарей, сочинены въ Архіерейскомъ домѣ, не извѣстно, кѣмъ; одну Подьячій Бекбулатовъ скрѣпилъ и подписалъ, исподъ неволи, по тому что Архіерей замахивался на него палкой, другую скрѣпилъ Подьячій Крыловъ, за устрашеніемъ Подьячяго Кирѣва, который сказалъ, что ежели онъ къ той выпискѣ не подпишется, и за то будетъ бить плетьюми, а Кирѣвъ показалъ, что этѣ выписки сочинялъ жившій при Архіерейскихъ кельяхъ Питиримъ, и по его же Приказу онъ принуждалъ Подьячяго Крылова подписаться подъ выпиской. А кто подъ мнѣніями и сказками подписались, тѣмъ оныхъ мнѣній и сказокъ не читали, показывали только подпись Сильвестра, который подписался прежде всѣхъ властей. Въ слѣдъ за тѣмъ Волинскій излагаетъ подробно новыя стороны этого дѣла, изъ которыхъ видно, что мнѣніе Архіерейское также не право, какъ фальшивы составленныя имъ выписки (26 Іюля, 1740 г.). Такое же доношеніе послалъ онъ и въ Сенатъ.

Духовные слѣдователи, съ своей стороны, во всемъ оправдывали Волинскаго, и показывали, что замедленіе въ отсылкѣ дѣла

произошло въ слѣдствіе причинъ, объясненныхъ въ донесеніи Во-
лынскаго. А на счетъ своихъ отношеній къ нему, будто они ему
и говорить не смѣютъ, писали, что они засѣдаютъ въ Губернской
Канцеляріи съ нимъ, Губернаторомъ, обще, и какъ онъ безъ совѣту
ихъ, такъ и они безъ его совѣту, ни чего не слѣдовали. Вмѣстѣ съ
тѣмъ они просили Синодъ оборонить ихъ судомъ отъ клеветы Пи-
таримовой, розыскать противъ того его ябедническаго затѣйнаго
челобитья и допросить всю братію Спаскаго монастыря, каждаго по-
рознь, подъ присягой: какую кому обиду и разореніе они учинили,
по тому что изъ монастыря, кромѣ печенаго хлѣба и квасу, и то
по усиленной просьбѣ Келаря, они ни чего не брали. Доношеніе Во-
лынскаго, съ слѣдствіемъ по дѣлу Салникѣва, они признали во
всей силѣ.

Само собой разумѣется, что такой неожиданный оборотъ дѣла
встревожилъ Волынскаго. Какъ бы онъ ни чувствовалъ себя пра-
вымъ въ обвиненіяхъ, которыя взводилъ на него Сильвестръ, но по-
пасть подъ судъ ни для кого не бываетъ пріятно, а особенно это
не могло быть пріятно для Волынскаго, которому открывалась при
новой Государынѣ блестящая будущность. Чтобы понять всю нелов-
кость его положенія, мы вернемся нѣсколько назадъ ко времени
восшествія на престолъ Императрицы Анны, и посмотримъ, какія
надежды развернуло передъ нимъ это событіе.

III.

Обстоятельства этого событія, мало⁶ извѣстныя въ своихъ по-
дробностяхъ, очень извѣстны по своимъ главнымъ чертамъ, и по
тому мы укажемъ только на тѣ частности, которыя имѣютъ отноше-
ніе къ нашему дѣлу.

19 Января, 1730 года, отправлены были въ Митаву депутаты
отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта съ предложеніемъ Русскаго пре-
стола Курляндской Герцогинѣ, Аннѣ, на нѣкоторыхъ условіяхъ.

Въ ночь съ 1 на 2 Февраля получено было согласіе Анны на
принятіе Русскаго престола на предложенныхъ условіяхъ.⁵

⁵ Въ дѣлахъ Волынскаго есть пункты, предложенные Императрицѣ, въ двухъ
близкихъ одна къ другой редакціяхъ. Подъ одной изъ нихъ замѣчено: «И под-

Получивши согласіе Императрицы, Верховный Совѣтъ предложилъ подавать, кто захочетъ, свои заявленія о лучшемъ устройствѣ порядка въ новой формѣ правленія.

Такихъ заявленій подано было нѣсколько.

Одни изъ нихъ клонились къ тому, чтобы ограничить власть Верховниковъ; другія, чтобы выиграть время до прибытія Императрицы, когда дѣла могли принять другой оборотъ.⁶

Во время этѣхъ волненій и борьбы партій, 11 Февраля прибыла въ Москву Императрица. Сторона, противная Совѣту, повела дѣла черезъ госпожъ, назначенныхъ въ штатъ новой Императрицѣ: это были жены лицъ, извѣстныхъ ей со стороны преданности, именно: Княгиня Черкаская, Графиня Салтыкова, Баронеса Остерманъ и жена Генерала Чернышова.

25 Февраля они успѣли подать Императрицѣ прошеніе, въ которомъ отъ имени народа просили ее объ установленіи такой формы правленія, которая признается по большинству голосовъ. Во время происшедшаго при этомъ смятенія во дворцѣ, Полковникъ гвардіи Салтыковъ, вызвался привести къ повиновенію сопротивляющихся

писано подъ семи пунктами Ея Величества собственною рукою тако: «Содержи по сему, а ежели что противно учиню, то лишена буду Россійскія короны...» Подъ другой также находится слѣдующія слова Императрицы: «Правда, что Богъ всѣмъ владѣетъ, и Онъ вложилъ въ сердца ваши такое попеченіе о мнѣ; однако жъ я тотъ поступокъ почитаю за великое ваше и всего народа усердіе ко мнѣ. И намѣреніе мое ко всему народу и къ вамъ, сколько Богъ мнѣ положитъ, всякую милость казать и во всемъ Отечеству моему пользы и благополучія искать.»

⁶ Въ дѣлахъ Волынскаго есть два такихъ мнѣнія или заявленія. Одно въ девяти пунктахъ, подписанное 28 лицами, въ томъ числѣ двумя Головкиными, Макаровымъ, Шаховскимъ, Ст. Лопухинимъ, Черкаскимъ, Юсуповымъ, Чернышковымъ и Елагинимъ; Другое въ десяти пунктахъ, безъ подписей, и еще девять пунктовъ, съ общимъ заглавіемъ: «Нынѣ обществомъ сочиняется.» Первые изъ пунктовъ этой послѣдней статьи касается образованія Сената и уничтоженія Верховнаго Совѣта. Какъ относятся этѣ заявленія къ мнѣніямъ Черкаскимъ, Матюшкина и Гагарина, упоминаемымъ въ Запискахъ Дюка Липіискаго, трудно рѣшить.

воля ея Величества. Императрица приняла его предложеніе и, приказавши присутствующимъ слушаться Салтыкова, написала на прошеніи: «По сему разсмотрѣть.» Но въ тотъ же день они выпросили новую аудіенцію, въ которой просили Императрицу о принятіи Самодержавія, уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, и о возвращеніи Сенату прежняго значенія, какое онъ имѣлъ при Петрѣ, и чтобъ онъ состоялъ изъ 21 члена, Императрица приняла это предложеніе, и обѣщала все сдѣлать по желанію народа.

До Волынскаго въ Казань доходили только темныя слухи объ этой перемѣнѣ; но скоро пришло извѣстіе довольно определенное. У него въ Москвѣ былъ двоюродный братъ, Бригадиръ, въ послѣдствіи Нижегородскій Вице-Губернаторъ, Иванъ Михайловъ Волынскій, который письмомъ, отъ 1 Марта, увѣдомилъ его о Московскихъ смутахъ. Слѣдующія строки его къ Волынскому составляютъ собственно приписку къ письму, которое само не имѣетъ ни какого значенія.

«Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ Его Величества выбрали Царевну Анну Ивановну, съ подписаніемъ пунктовъ, склонныхъ вольности, и чтобы быть въ правленіи Государства Верховному Совѣту восьми персонамъ, а въ Сенатѣ одиннадцати. И въ ономъ спорили больше Шляхетство, чтобы быть въ Верховномъ Совѣтѣ двадцати одной персонѣ, и выбирать оныхъ балтированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было восемь персонъ. И за то Шляхетство подали челобитную Ея Величеству, чтобы быть въ двадцати одной персонѣ, и оная челобитная Ея Величества собственною рукою тако: «По сему разсмотрѣть,» и потомъ ея и оную челобитную изволила отдать Князь Алексѣю Михайловичу Черкасскому. И съ Шляхетствомъ подавалъ челобитную Князь Алексѣй Михайловичъ, и потомъ за опасностію Шляхетство подали челобитную другую Ея Величеству, чтобы соизволила принять суверенство, и тако учинилась въ суверенствѣ; и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все Князь Алексѣй Михайловичъ и Генералитетъ съ нами и Шляхетство, и что изъ того будетъ впредь, Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андрѣевичъ Салтыковъ, того ради извольте быть извѣстны, и живеть онъ въ верху, и ночуетъ при Ея Величествѣ: я разумѣю, что вамъ надобно его просить о пере-

мѣнѣ чину; извольте ко мнѣ отписать, какъ вы намѣрены, въ Сенатѣ быть или Губернаторомъ, а Верховнаго Совѣту не будетъ, будетъ одинъ Сенатъ, такъ какъ при первомъ Императорѣ было, понеже о томъ просили Государствомъ Ея Величеству. Не худо Гаврилу Ивановичу и дѣтямъ его, а я Семену Андрѣевичу, слегка о васъ упоминалъ, о перемѣнѣ чину, только ты ему о семъ не пиши, что я ему упоминалъ о васъ; извольте ко мнѣ отписать о своемъ намѣреніи, чтобы я могъ знать, гдѣ придучится, говорить объ васъ; а большіе въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ обрѣтаются двѣ фамиліи, и съ ними Матюшкинъ, Измайловы, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матвѣй Воейковъ, и такова дива отъ начала не бывало.»

Волинскому льстила эта перемѣна тѣмъ, что родной дядя его, Семенъ Андрѣевичъ Салтыковъ, благодаря волнамъ смятенія, попалъ на ступени трона. Слѣдовательно, интересъ Салтыкова въ его глазахъ сливался съ интересами Императрицы и вмѣстѣ съ его собственными интересами.

Волинскому самому хотѣлось заявить хоть чѣмъ ни будь участіе къ дѣламъ торжествующей стороны. Случай скоро доставилъ ему къ этому способъ.

Какой-то Бригадиръ Козловъ, прибывши въ Казань, началъ распускать слухи о Московской перемѣнѣ; но, по видимому, онъ зналъ только начало дѣла, а не зналъ ему конца, о которомъ ужъ былъ увѣдомленъ Волинскій, и по тому попалъ въ просакъ. Волинскій сдѣлалъ на него доносъ Салтыкову, прикрываясь защитникомъ возмущаемаго имъ общественнаго спокойствія и порядка.

16 Марта онъ послалъ къ Салтыкову письмо съ увѣдомленіемъ о распускаемыхъ Козловымъ слухахъ:

«Возвратясь сюды изъ Москвы И. К. (Иванъ Козловъ) въ великую печаль враньемъ своимъ привелъ меня. Сказавъ порядокъ прошедшаго опредѣленія, которое такъ похвалилъ, что теперь у насъ прямое правленіе Государства, стало порядочное, какова нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и что

же больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между авными согласіе было. А естли будетъ между ими согласіе такъ къ положено, то, конечно, ни кто сего опровергнуть не можетъ.

Есть, де, нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, како жъ ничего не сдѣлають, а больше-де всѣхъ мудрствуютъ съ ою партишкою Князь Алексѣй Михайловичъ. Однако жъ-де ниче не успѣвають и не сдѣлается.

И о Государынѣ Императрицѣ такъ положено: что хотя въ юмъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она юльна тѣмъ, что она Государыня Россійская: полно, де, и того. же, де, опредѣляютъ на годъ 100,000, и что тѣмъ ей можно до-льной быть, понеже, де, дядя ея, Императоръ, и съ теткою ея до-льствовался только 60,000 въ годъ, а сверхъ того не повинна и брать себѣ ни чего, развѣ съ позволенія Верховнаго Тайнаго вѣта; такъ же, де, и деревень ни какихъ, ни денегъ не повинна нать ни кому, и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ Го-царевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только явать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ списками.

А всего, де, лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ отъ тхъ свойственниковъ своихъ не держать, а и другихъ ко двору кого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволять Верховной Тай-нѣ Совѣтъ; и теперь, де, Салтыковыхъ и духу нѣтъ, и лучше, де, ой дядюшка, Сильвестръ Алексѣевичъ, — ничто; и впредь ни кого допускать, и нельзя статься, чтобъ имъ быть въ чемъ. И что она ялана Государынею, и то, де, только на первое время, помазка губамъ.

Потомъ, когда присланъ курьеръ для возвращенія первыхъ при-тъ, онъ, услышавъ, тотчасъ ко мнѣ прѣхалъ и съ великою пе-ью спрашивалъ: что за перемѣна? Я ему сказалъ, что я надѣю-что Государыня можетъ быть изволила вступить въ Самодер-ство, такъ какъ прежде у насъ было.

Противъ того онъ мнѣ сказалъ: Я, де, не вѣрю, что та лалось. Понеже-де партишка зѣло безсилна была, и я, де, думаю, что она вонъ выгнана; а буде, де, такъ, какъ прежде такъ развѣ уже и Фелдмаршалы тѣ ничто будутъ? А потомъ залъ: Что для меня, де, хотя такъ, хотя сякъ, все равно, то де, уже одинъ конецъ былъ.

И понеже извѣстно Вашему Превосходительству, очень не глупъ, и для того если бы совершенной надежды не какъ бы ему такъ смѣло говорить? И говорилъ не пьяной. сохрани какой перемѣны, чего весьма надобно опасаться: рожно поступать, а я зѣло боюся, и теперъ не вовсе увѣ чтобъ все было успокоено. Не допусти, Боже, ежели какое стіе сдѣлается и отмѣна Ея Величеству, то мы совсѣмъ прои и по истиннѣ духъ нашъ не спасется.»

Салтыковъ, получивши это письмо, просилъ Волынскаго слать ему формальное донесеніе о Козловѣ, чтобы разслѣдо- ло законнымъ порядкомъ:

«Письмо ваше, Государя моего, писалъ онъ (Волынской санные въ Казанѣ Марта 16 дня, я получилъ. И при томъ вѣдомость о Бригадирѣ Иванѣ Козловѣ, какіе онъ по пріѣздѣ Москвы въ Казань имѣлъ разговоры о порядкахъ Московскіи нынѣ Ея Императорское Величество изволяла указать къ те рочнаго курьера послать, чтобъ прислать съ нимъ въ Москву письмѣ своемъ, доношеніе противъ присланной ко мнѣ вѣд обь ономъ Козловѣ: какіе онъ имѣлъ по пріѣздѣ своемъ въ разговоры о здѣшнемъ Московскомъ обхожденіи, и при то: былъ, какъ онъ съ вами разговаривалъ, чтобъ произвести в: ство можно было. И онаго курьера извольте отправить въ: немедленно. А буде оной Козловъ безотлучно будетъ въ К: то оному Козлову объявлять не извольте. А буде куды стане: Казани отъѣзжать, то извольте ему объявить Ея Императо: Величества Указомъ, чтобъ онъ безъ Указу изъ Казани: не ѣздилъ. (Апрѣля 8 дня, 1730 года).»

Волынкій отвѣчалъ, что онъ должностнаго доноса не при по тому что считаетъ неприличнымъ для порядочнаго чело Русскаго Дворянина вступать въ подобные доносы:

«Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, письмо изъ ссквы 8 Апрѣля и при томъ приложенную копію получилъ. Что , Милостивый Государь, изволите писать, чтобъ мнѣ противъ при- женной копіи прислать доношеніе, дабы по тому въ дѣйство мож- было произвести, на оное сямъ моимъ всенижайше отвѣтствуя вошу.

Служить Ея Императорскому Величеству, Всемиловивѣйшей сударынѣ, такъ какъ бы самому Богу, я и по должности и по вѣсти долженъ. При томъ же и предостерегать, конечно, повин- сть моя, не только что къ высокой Ея Императорскаго Величе- ва пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ Вашего Пре- сходительства надлежитъ служить мнѣ, какъ свойственникуа и ми- стивому моему благодѣтелю, за толикіе ваши ко мнѣ отеческіе лости.

А чтобъ, Милостивой Государь, мнѣ доносить и завязыватца съ дѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то токмо мнѣ, но и послѣднему Дворянину, прилично и честно дѣ- ль. И понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доносчикахъ и доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза я показать? Извѣстно Вашему Превосходительству, Милостивому сударю, что я съ робятскихъ лѣтъ моихъ при васъ жилъ и до то времени большую половину вѣка моего прожилъ такъ честно, съ всякому доброму челоуку надлежало, и тѣмъ нажилъ нынѣш- ю честь мою, и для того лутче съ нею хочу умереть, хотя и лут- не буду того, каковъ теперъ есмь, нежели послѣдній мой вѣкъ живать мнѣ въ пакостномъ и поносномъ званіи, въ доносчикахъ. спорю въ томъ, что противно: но понеже я пишу къ Вашему ввосходительству такъ властно, какъ бы къ родителю моему, лько смѣло и надежно, что я не имѣю ни въ чемъ ни опасно- , ни зазрѣнія ни какова. Противу же того и Вашему Превосхо- тельству, Милостивому Государю, надобно и ко мнѣ поступать, ть къ сыну своему, а по крайней мѣрѣ какъ къ родному пле- нику, какъ я и надѣюся.

Однако жъ не прогнѣвайся, Милостивой Государь, отецъ, мнѣ тца въ такихъ дѣлахъ не только для меня, свойственника вашего,

но и для протчихъ доброжелательныхъ Ея Императорскому Величеству, всеконечно ненадобно такъ остро поступать, понеже впредь изволите всякому къ предосторожности пѣтъ загородить. Изволите сами разсудить, кто отважитца честный человекъ итить въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумной, или уже ни къ чему непотребной. Понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ людехъ, и не только кому, но и самому себѣ, потомъ мерзокъ будетъ.

Впрочемъ, все сіе предаю въ ваше, Милостиваго Государя, здравое и милостивое разсужденіе, и при томъ, уповая на ваше великодушіе, всенижайше прошу впредь содержать меня въ своей истинной отеческой милости, какъ вѣрнаго вашего раба и племянника, въ чемъ я всегда имѣю крѣпкую мою надежду, и тако пребуду съ должнѣйшимъ почтеніемъ и вѣрностію.»⁷

---

⁷ Къ этому письму, или къ другому изъ писемъ этого времени, приложена была записка Волыскаго о затѣваемой въ Москвѣ переимѣнѣ формы правленія:

«Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ, или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ Республикѣ.

Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже, сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго Государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ вѣмилій, и такъ мы, Шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идоолоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однако жъ впредь, конечно, у нихъ безъ разборовъ не будетъ; и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить стануть.

Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ, персонамъ, для бездѣльныхъ своихъ интересовъ, или страха ради. И такъ хотя бы и вольныя всего общества голоса требованы въ правленіи дѣлъ были, однако жъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать стануть, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. Къ тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибавать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станеть дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и провозводить стануть, а безсиьной, хотя бъ и достойной былъ, всегда назади оставаться будетъ.

Салтыкову эта уклончивость показалась сомнительною, и неизвестною. Онъ написалъ къ Волинскому, что ужъ если начали дѣло, то надо его и вести.

«Письмо ваше, Государя моего, которое писано въ Казанѣ Апрѣля 25 дня, я получилъ, за которое благодарствую. Что же изво-

Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутской наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны Государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить ни какъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода, или въ годъ, не сдѣлаютъ; а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ домкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставатца въ платжахъ и во всѣхъ тягостяхъ.

Четвертое, если Офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣднія пропадетъ у тѣхъ къ военной службѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю, не будетъ.

Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ; и правда, что въ неволю служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и нетрудолюбъ, и для того если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутца одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить, и съ тое чести надлежащіе мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредъ самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинской порядокъ у себя, конечно, потеряемъ. Притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже, сохрани, такъ испотворены будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можетъ команду содержать, или отъ какихъ шалостей унять, одному Генералитету, естли въ полкахъ не будетъ добрыхъ Офицеровъ?

Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое Шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкой будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а протчіе большая часть разбоями и грабежами прывылей себѣ искать стануть, и воровскіи пристани у себе въ домѣхъ держать будутъ; и для того хотя бѣ и выпускалъ, однако жъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50, а по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодые ч шаткіе свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ.

лите писать въ томъ своемъ письмѣ, что я по прежнему вашему письму (и при томъ письмѣ вѣдомость была кому о томъ вѣдать надлежало), я сообщилъ, а не сообщить было мнѣ ни какъ нельзя. Понеже, упоая я на то, что вы, Государь мой, изволили писать ко мнѣ, и я думалъ, что писали вы очень благонадежно, что слѣдъ какой покажется отъ васъ. А какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя, на чтобъ такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ни чего не сдѣлалъ. И будто о томъ приносилъ я напрасно, а то все пришло чрезъ письмо отъ васъ ко мнѣ, понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то стало быть и мнѣ не хорошо, что будто не право я сказывалъ, и по тому видно, что лучше бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ, а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради я совѣтую лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами, чтобъ можно было произвести въ дѣйство. Понеже, какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили, надобно къ окончанію привести. Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждается, худо бы къ вамъ ни какое не причтется, развѣ причтеть тотъ, которой доброй совѣсти не имѣеть. При томъ же прошу не оставить въ письмахъ о своемъ здоровьѣ. Что же ко услугѣ вашей ко мнѣ надлежитъ, истинно со всякою охотою готовъ.»

Отвѣтъ Волинскаго на это письмо раскрываетъ предъ нами побужденія, которыми онъ руководствовался во всемъ этомъ дѣлѣ. Мы не вдаемся въ разбирательство этѣхъ побужденій, представляя читателю самому судить о достоинствѣ дѣйствій Волинскаго.

«Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, письмо, писанное въ Москвѣ прошедшаго 20 Мая, я чрезъ человека моего здѣсь въ цѣлости принять получилъ, въ которомъ изволите, Милостивой Государь, совѣтовать мнѣ, чтобъ я о извѣстномъ дѣлѣ прислалъ доношеніе, и при томъ изволите нарекать на меня и причитать себѣ за противно то, что вы изволили высокой персонѣ сообщить, въ той надеждѣ, что на то будетъ прислано письменное доказательство, на которое симъ моимъ всепокорно отвѣтство доношу.

Хотя меня изволите осуждать, что я къ Вашему Превосходительству писалъ, однако я не сумнѣваюсь о томъ, понеже по должности моей надобно мнѣ было такъ сдѣлать, а на Ваше Превосходительство я не нарекаю. Если только одной той персонѣ изволили сообщить, кому надлежало, мнѣ разсудилось, что должность моя была къ вамъ писать, и вамъ, конечно, надобно было о томъ сообщить той персонѣ, повѣря мнѣ, что я не лгу и не затѣю, въ чемъ и теперь изволите мнѣ повѣрить. А что изволите себѣ причитать въ худобу, что тѣмъ изволили вызваться, и то, Милостивый Государь, мнѣ кажется изволите мыслить напрасно, понеже я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того не только нынѣ, и впредь отъ того, что писалъ, не отопруся никогда, но все какъ было не отрекаюся подробно самъ донести, да только приватно, а не публично.

А чтобъ, Милостивой Государь, мнѣ доношеніи подавать, и въ доказательствахъ на очныхъ ставкахъ быть, не только самъ добровольно не хочу, ни другу моему никому не совѣтовалъ бы. Понеже, по моему слабому мнѣнію, мнѣ такъ разсудилось, что то всякому Дворянину противу его чести будетъ; а что престоерегать и охранять, то, конечно, всякому доброму человѣку надобно, и я по совѣсти моей и впредь не зарекаюся то жъ сдѣлать, если что противное увижу, или услышу.

Повѣрь мнѣ, Милостивой Государь, ежели бъ я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ по благодати Господней видимъ, по истиннѣ я бы, не смотря на то, хотя бъ кто лучше меня былъ, конечно, и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ; и то бъ мнѣ приличнѣе было, да не зналъ, что такое благополучіе намъ будетъ.

И вправду донести имѣлъ къ тому не малой и резонъ; но, понеже и тогда еще дѣло на балансѣ было, для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть. Понеже прежде нежели покажетъ время, трудно угадать совершенно, что впредь будетъ. И для того, Милостивой Государь, всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ себя и своей чести не повредить.

Буде же сей мой поступокъ извѣстная персона изволить принять за противно, я всепокорно прошу милостиво меня экскузо-

вать и отечески разсудить: весьма я на Ваше Сіятельство, какъ на родителя моего, благонадеженъ пребываю, и тако остаюсь съ должнымъ моимъ почтеніемъ и вѣрностію.»

Можно судить, какъ пріятенъ былъ для Волынскаго благопріятный оборотъ дѣла Императрицы, и какъ въ немъ разыгрывались честолюбивыя мечты, въ виду такого блестящаго положенія, какое выпало на долю его дядюшки. Съ своей стороны и онъ успѣлъ заявить свою преданность и, безъ сомнѣнія, ожидалъ, что она оцѣнена будетъ, кѣмъ слѣдуетъ, по достоинству.

Вѣрный братецъ сообщалъ ему изъ Москвы о всѣхъ перемѣнахъ въ положеніи дѣла и лицъ, чтобы зналъ, къ кому и какъ относиться:

«О Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, писалъ онъ къ нему 7 Іюля, здѣсь ни чего не слышать, и думаю, что не правда только; у нихъ, у Семена Андрѣевича и у протчихъ Россіянъ, съ Нѣмцами не согласно; только Юсуповъ съ Нѣмцами мало имѣетъ, а паче съ Остерманомъ; только они сильны Бирономъ, которой нынѣча Оберъ-Камергеромъ, нынѣча и всѣхъ Нѣмцовъ двое Левольдовъ (Левенвольдовъ) да и Остерманъ и Биронъ, да еще Курляндцовъ двое и, сверхъ того, введены и Остерманомъ изъ его служителей двое въ пажы, и сколько нашимъ ни думать, я чаю, что ихъ не пересилѣютъ.»

И вдругъ, во время самаго разгара надеждъ и предположеній, на Волынскаго обрушилось пренепріятное дѣло Казанскаго Архіерея, Сильвестръ жилъ въ Москвѣ и, прикрываясь старостію и саною, могъ безнаказанно взвести на него всякую небылицу, обогать всякими злодѣйствами, какія тому и въ мысль не приходили. Волынскій приходилъ въ ярость отъ этой нежданной тяжбы, которая никогда не была меньше кстати, чѣмъ теперь, когда ему только что открывались виды, когда онъ надѣялся выйти въ люди.

Само собой разумѣется, что это не было пріятно и Салтыкову, котораго всѣ знали, какъ родственника Волыскому, и который волей, неволей, долженъ былъ принять участіе въ племянникѣ.

Салтыковъ вынулъ всю свою желчь въ письмѣ къ Волинскому, которое онъ послалъ въ отвѣтъ на извѣстіе его о положеніи Казанскаго дѣла:

«Письмо ваше, Государя моего, отъ 30 дня Іюля, писалъ къ нему Семень Александровичъ Салтыковъ, я получилъ. Въ которомъ изволите упоминать, что въ нынѣшнемъ году, при Указѣ изъ Синода, прислано въ Казанскую Губернскую Канцелярію, для изслѣдствія, драное дѣло, да двѣ выписки по доносу Казанскаго Спаскаго монастыря Архимандрита Іоны, что нынѣ разстрига Іосифъ, на Казанскаго Митрополита Сильвестра, въ неприниманіи исковыхъ челобитень. Да по тому жъ доносу для слѣдствія прислано было драное жъ дѣло Ундеръ-Офицера Саморокова на крестьянъ Архіерейскихъ въ безчестьѣ. Тако жъ велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ Архимандритомъ. И по вашему слѣдствію является и можетъ сыскаться, что оной Архіерей во многомъ виноватъ будетъ. И онъ, Архіерей, подалъ на васъ доношеніе въ подозрѣніи въ томъ дѣлѣ, и въ обидахъ, и въ разореніи. О чемъ присланы отъ васъ доношенія, одно съ Синодъ, другое въ Сенатъ. На которое вамъ, моему Государю, доношу, что отъ Казанскаго Архіерея на васъ въ обидахъ къ служителемъ дому Архіерейскаго и въ протчемъ, также и монастырямъ Казанской Епархіи, при доношеніи пункты въ Синодъ поданы, а нынѣ уже изъ Синода и въ Сенатъ внесено. А мнѣ кажется, Государь мой, лучше жить по-мирнѣе. Что изъ того прибыли, что много жалобы происходитъ. И такъ кромѣ Архіерея жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо. Пожалуй, изволь меня послушать и жить по-мирнѣе. Лутче вамъ будетъ самимъ. А какъ Казанской Архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свои, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что истинно, де, я не зналъ того, что Артемей Петровичъ свой тебѣ, а то бѣ ни о чемъ просить не сталъ. Хотя бѣ, де, и обидно было, лучше бѣ могъ вытерпѣть. О чемъ кому надлежало, и я о томъ дѣлѣ говорилъ. Да онъ же, Казанской Архіерей, въ письмѣ своемъ, которое подалъ мнѣ сего Іюля 20 дня, въ которомъ просилъ, чтобъ я до изсъ, Государь мой, писалъ и просилъ, что больше оной Архіерей бить челомъ не будетъ и броситъ такъ: и просилъ меня, чтобъ вы къ нему были по прежнему благопріятны и содержали въ дружбѣ. И хочетъ изъ Москвы оной Архіерей отъѣзжать скоро

въ Казань. Того ради, пожалуй, оставь все и живи съ нимъ поспешнѣе! При томъ же прошу впредь не оставлять меня въ письмахъ. Вашъ, Государя моего, покорный слуга Семень Салтыковъ. 3 дня, 1739. Въ селѣ Измайловѣ.

Но приписка дороже письма:

«И не знаю, для чего такъ вы, Государь мой, себя въ людехъ озлобили, что сказываютъ до васъ доступъ очень тяжель, и мало кого до себя допускать изволите, и это не очень хорошо, можно и оставить.

Которые на васъ пункты подавъ Архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно. Съ какимъ опредѣленіемъ ты изволилъ дѣлать? Не токмо чтобъ поступать такъ, и стыдно слушать, какъ будутъ честь. Я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать. А я вѣдаю, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ помянуть не хочетъ. Я какъ слышалъ, что обхождение ваше въ Казанѣ съ такимъ сердцемъ, и на кого осердишься, велишь бить при себѣ, такъ же самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на што поступалъ и всѣхъ озлобилъ? Я напередъ сего до васъ, Государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе противъ прежнихъ своихъ писемъ. На что изволили ко мнѣ писать: «какъ, де, я покажу себя въ люди доносителемъ? А мнѣ кажется, что развѣ кто не можетъ разсудить, чтобъ тебя могъ этѣмъ порекать. А нынѣ сами то себя показали присланныя ваши два доношенія Архіерея. Въ которыхъ ни мало какого дѣйства въ тѣхъ доношеніяхъ, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Мнѣ сему очень удивительно, что такъ изволите поступать строго, безъ пути, и какую надежду изволите имѣть? Пожалуй, изволь жить по смирнѣе! Истинно лучше будетъ. А присланная отъ васъ челобитная объ отпускѣ въ Москву подана въ Сенатъ, для того что въ Сената докладъ сдѣлаютъ. А безъ того обойтись ни какъ нельзя.

Волынскій стараяся расположить дадо въ свою пользу и воспользовался для этого представившимся случаемъ сдѣлать ему услугу по дѣламъ его въ Казанскомъ имѣніи. Салтыковъ, получивъ

увѣдомленіе объ этомъ, выразилъ ему свою благодарность и готовность помогать по дѣлу съ Архіереемъ, чѣмъ будетъ въ состояніи:

«Письмо ваше, Государя моего, отъ 11 сего Августа, я получилъ 27 числа. Въ которомъ изволите писать: объ моемъ заводѣ подана въ Казанѣ челобитная именемъ Федора Самойлова, что заводится вновь заводъ, а дачи общіе не размежованы и чтобъ освѣдѣтельствовать то мѣсто, чтобъ впредь спору отъ кого не было бы: и для того изволили послать Маіора Чемодурова; такъ же и дѣлъ расчищали мои крестьяне одни, и въ томъ сосѣдямъ всѣмъ подписаться, и впредь будетъ крѣпко. Да что били челомъ вамъ, Государю моему, крестьяне на прикащика въ работѣ, изволили приказать розыскать. И за оное вамъ, Государю моему, благодарствую, и впредь прошу не оставить онаго заводу, и полагаюсь на ваше, Государя моего, разсужденіе, какъ лучше. Также изволите писать, что отпавили ко мнѣ двухъ лошадей, и которая мнѣ нравна будетъ, взять мнѣ себѣ, и какъ ихъ приведутъ, я, Государь мой, ихъ посмотрю. При томъ же изволите писать о Казанскомъ Архіерей, что вымышленно васъ поносилъ, и подалъ на васъ подозрѣнія, и на то изволили ко мнѣ прислать экстрактъ, въ которомъ показано, что оной Архіерей ростригу Салникѣва погубилъ напрасно и нагло, что, по вашему нынѣшнему слѣдствію, все то сдѣлано напрасно и безвинно, и для того на васъ и затѣвалъ нарочно, чтобъ тѣмъ подозрѣніемъ до слѣдствія не допустить, и обще съ прочими дурновыми опредѣленными персоны слѣдовали. И по тому я нынѣ узналъ, что оной Архіерей по злобѣ на васъ то производитъ. Однако жъ, правда вѣдаю, что пустошъ, и этого вамъ дѣлать я ни какъ не чаю, что онъ показываетъ: только покаместъ можете оправдаться, а что обнесено такими злыми неправыми поступки, то не скоро выправиться можете; что моя возможность допустила, истинно служилъ, и впредь что возможно со всякою ревностію готовъ. И такъ Архіерей у меня былъ, и я ему говорилъ, чтобъ онъ въ томъ осмотрѣлся, что онъ сказываетъ и пишетъ на васъ напрасно лишнее, и онъ пошелъ отъ меня съ сердцемъ, что я ему противно говорилъ. Однако жъ, сколько возможно, извольте осмотрительно и осторожно охранять себя, какъ отъ Архіерея, такъ и отъ другихъ. Я вижу здѣсь, сколько вамъ не друзей, на сколько друзей, что вы и сами извѣстны, а я востинну, сколько могу, васъ охраняю. Однако

жѣ трудно противъ многихъ охранять. Также говорилъ мнѣ Князь Григорій Дмитрѣвичъ, что отъ васъ ни какихъ репортовъ и вѣдомостей въ Военную Коллегію въ присылкѣ нѣскольکو времени нѣтъ, и говорилъ мнѣ, чтобъ, де, я вамъ объ этомъ сказывалъ, и буду терпѣть нѣскольکو времени, и буде въ присылкѣ не будетъ, то сказалъ, что будетъ о томъ репортовать въ Сенатъ, и прежде онъ мнѣ о томъ еще говорилъ, и я вамъ писалъ, токмо отповѣди отъ васъ не было; извольте въ эвтомъ осмотрѣться, и репорты присылать, и вамъ это не хорошо, какъ будетъ о томъ репортовать въ Сенатъ.»

Волынской написалъ также просительное письмо къ Князю Г. А. Урусову, на которое тотъ отвѣчалъ готовностію сдѣлать что можно будетъ въ его пользу:

«Благопріятнѣйшее ваше, моего Государя, письмо, писанное въ Казань сего Августа 12 дня, я вчерашній день получилъ, которое видѣвъ, конечно надобно мнѣ говорить съ Семеномъ Андрѣвичемъ и съ протчими, токмо еще никого не видалъ. .

Зѣло мнѣ дивно, что вы, не опробовавъ моеѣ къ вамъ въ дружбѣ отнѣны, да писать ко мнѣ не изволилъ и не сообщилъ ко мнѣ прежде, какъ нынѣ изъ письма твоего вижу, и не зналъ я, что по навѣстамъ Архіерейскимъ объ тебѣ дѣлать; токмо слышавъ отъ него, во многомъ вѣрилъ, а нынѣ вижу ваше оправданіе; что же объявлялъ онъ другое, чему ни какъ вѣрить нельзя, и для того говорилъ я со многими, чтобъ о томъ розыскалъ, а нынѣ изъ письма вашего увидѣвъ, ¹ и знавъ я о здѣшнемъ, конечно, надобно быть слѣдованію между вами въ Казани; токмо того буду смотрѣть, чтобъ посланъ былъ человекъ доброй и не глупой, а паче чтобъ исправилъ безъ похлѣбства.»

Но всю свою досаду Волынской излилъ въ письмѣ къ Нижегородскому Архіепископу Питириму:

---

¹ «Слышала я отъ членовъ Военной Коллегіи, что долгое время отъ тебя репортъ не имѣется и уже хотять на тебя протестовать въ Сенатъ, въ чемъ имѣю остерегаться.»

«Я не мню, чтобъ не было отъ'кого ни будь здѣшнему Архіерею похлѣбства (отъ вашихъ персонъ), понеже видно, что и дѣло драгое Саморокова, о которомъ доносилъ на него Салникѣвъ, въ ту мѣру взято назадъ, чтобъ все то уничтожить; а ежели прямо слѣдовать, то конечно удобнѣе сыскать истинну сдѣсь, нежели въ Москвѣ, понеже тѣ всѣ обрѣтаются сдѣсь, которые подавали ему, Сильвестру Митрополиту, челобитные, писанные на имя Императорскаго Величества, а онъ, Архіерей, за то бранилъ ихъ и челобитенъ тѣхъ не принималъ, а иные и дралъ, и велѣлъ писать на свое имя. А понеже въ томъ Указѣ, по которому велѣно назадъ прислать оное дѣло, не только того не написано, чтобъ тѣхъ подавателей челобитенъ допросить, но еще и запрещено имянно, чтобъ потому дѣлу ни чего не чинить, какъ же то стало не самое похлѣбство, и какъ такъ смѣло въ Указѣхъ къ намъ пишутъ о такихъ важныхъ дѣлахъ, о какихъ надлежало было понуждать, чтобъ то сыскивать, а не воспрещать?

А понеже блаженные и вѣчно достойныя славныя памяти Императоръ и отецъ нашъ, какъ вамъ извѣстно, въ ту мѣру сочинилъ Святѣйшій Синодъ, чтобъ тутъ была святая истинная правда (гдѣ, конечно, и надобно и быть), а когда тутъ въ Канцеляріи, помѣщается, то уже въ нашихъ свѣтскихъ Канцеляріяхъ и весьма пропадетъ, понеже намъ надобно взирать на вась, начальниковъ Вѣры.»

Сильвестръ въ своей тяжбѣ имѣлъ передъ Волынскимъ ту выгоду, что жилъ въ Москвѣ и могъ, по связямъ съ разными духовными и свѣтскими влиятельными лицами, во время поправить дѣло, и дать ему такое направленіе дѣлу, какое было для него лучше.

Изъ Казани написали ему, что Волынской подыскивается подъ него, забираетъ разныхъ людей Архіерейскаго вѣдомства въ Губернскую Канцелярію, допрашиваетъ, пытается и готовитъ новое на него доношеніе. Сильвестръ подалъ Салтыкову челобитную, въ которой жаловался на этѣ поступки Волынскаго и просилъ его обороны: ¹

¹ Заглавіе челобитной: «Божіею милостію, Высокопочтенному и Благородному Господину, моему премоисердому Государю, Семеву Андреавичу, покорно доношу.»

1. Напредь сего просилъ я Вашего Превосходительства заступленіи къ намъ и служителямъ нашимъ въ несносныхъ обидахъ и смертныхъ бояхъ и мученіяхъ, и различныхъ неудо- стерпимыхъ раззореніяхъ, на Казанскаго Губернатора, Господи- Волинскаго, и показать вашему Благородію двѣма письмами, которыми моимъ предложеніямъ оной Господинъ Волинской первыми своими нападками не уволился, и чинить людямъ Божиимъ за доношеніи мои на него смертной бой и мученіи злѣя перваго, а именно прежде показаннаго Канцеляриста Плетеневскаго пыталъ пре- собою въ застѣнкѣ тремя стрѣлками смертно; а спрашивавъ томъ: что, де, къ вамъ Архіерей и вы къ нему пишете, и въ чемъ де, онъ въ Москвѣ на меня доноситъ, и о другомъ, не вѣдаю чѣмъ: ибо нашимъ знать о томъ не даютъ, и выломали у него ру- ки и ноги бревномъ, на которомъ по концамъ становилось по два, на обѣихъ по четыре человѣка, и содержится я по се время смертномъ утѣсненіи напрасно, и едва нынѣ и живъ ли.

2. Онъ же, Губернаторъ, сверхъ состоявшагося нынѣ печатнаго о вѣчныхъ пошлинахъ Указа, проискомъ своимъ, оставя насту- ящее свое правленіе, слѣдуетъ, о духовныхъ нашихъ дѣлахъ съ великимъ боемъ и нестерпимыми пытками и другимъ мученіемъ и смертнымъ страхомъ, безъ Указу собою, Казанскими и всей Епархіи разныхъ чиновъ жителями подомовно: у кого съ прошлаго 727 году свадьбы были, и по чему за вѣчную память пошлѣтъ становилось, и о штрафныхъ деньгахъ, которые, были вьзаты съ Цоцовъ за утайку не исповѣдавшихся, и куды браны, и по чему съ отпуску на освященіе церквей за антиминсы пошлѣтъ берется, и о держеныхъ на новокрещенскіе расходы деньгахъ, и о протчихъ дѣлахъ, о которыхъ отнюдь намъ за скрытіемъ отъ нихъ знать не возможно; и хотя кто на себя и другихъ овья съ пытки, а иные и безъ розыску, чего и не говорилъ, и тѣхъ рѣчи, кои они за собою и ни за кѣмъ не свѣдаютъ, записываны и къ тому, за волю, видя смерть, руки прикладывали.

3. А понеже онъ, Губернаторъ, въ Казани уже третьей годъ живеть, и когда бъ суще мною оное было (о чемъ онъ за ссору по злобѣ своей нынѣ слѣдуетъ и пытается) чинено, то бы надлежало ему на меня въ тѣхъ яко бы народу обидахъ или Указомъ въ про-

тивностахъ писать въ Москву первѣе сей между нами вражды, нежели послѣ протесту моего на него вынѣ за доношеніе наше имѣеть напраснаго отмщеніе, чего ему, за полученнымъ изъ Синода Указомъ противъ доношенія моего, и въ духовное правленіе вступать было не доваляло; ибо онымъ Указомъ ему, Губернатору, о томъ слѣдствіи за приказною недружбою запрещено; а вышереченные сборы и протчія исполнялись у насъ по прежнему обыкновенію: какъ при Тихонѣ и другихъ Митрополитахъ было, такъ и при мнѣ производили, а вновь наше смиреніе прибавку ни какова собою отнюдь не заводилъ.

4. Онъ же, Губернаторъ, въ кремлі, позади каменнаго сукопнаго двора, около яблоннаго домоваго стариннаго нашего сада, приказалъ каменную ограду разорить, которая и разобрана до подошвы, а намъ по крѣпостямъ и по нынѣ одного саду не отдаетъ, о чемъ сдѣсь въ Сенатѣ имѣется прошеніе наше, по которому и застрѣтъ сочиненъ, токмо рѣшенія не учинено.

5. И отъ него, Волынскаго, не одни мы духовныя обидимы значемъ, но и товарищей своихъ обрѣтающихся при однихъ дѣлахъ Вице-Губернатора, Господина Кудравцова, да Секретаря Василья Второва, не токмо отъ дѣлъ онъ, Волынскій, собою отрѣшилъ, но и домовъ ихъ лишилъ, и едва отъ него изъ Казани бѣгствомъ спаслись и живутъ въ Москвѣ овыя года по два, а иныя по одному лѣту, такъ же изъ Офицерства Кузюдемьянской Воевода Обуховъ, Казанскій помѣщикъ Прапорщикъ Скрыпичинъ, Чебоксарской посадской человекъ Иванъ Васильевъ сынъ Кеменовъ, и той Губерніи Чуваша и Черемиса бьютъ челомъ на него, Волынскаго, уже другой годъ; такъ же и напредъ сего въ Астрахани развѣ малымъ чимъ отибише сего воздавалъ, и дву Архіереомъ, Іоакиму, Епископу нынѣ Суздальскому, такъ же и Лаврентію Горкѣ, точію оныя поступки какъ въ Астрахани, такъ и въ Казани, до воли Божіи съ рукъ ему идуть.

6. И видя Казанскіе разнаго званія жители оное домовымъ нашимъ и монастырскимъ служителемъ и другихъ чиновъ смертными бои и чрезвычайныя въ Казани мученія, такъ же и въ Москвѣ долговременные волокиты, и по челобитью нашему и протчихъ во

учиненія резолюцій сильное замедленіе, всё пришли въ великой страхъ, и за тѣмъ продолженіемъ многія обидимыя, ѣхавъ изъ Казани въ Москву для челобитья на него, Волинскаго, съ пути остановились, и въ дома свои за боязнію не возвратились, и живутъ по чужимъ деревнямъ отъ него, Волинскаго, утайкою, и бить челомъ знатно не смѣютъ, понеже онъ, Волинской, гласитъ о себѣ тамошнимъ обывателямъ, яко бы ему еще впредь Губернаторомъ въ Казани десять лѣтъ жить.

7. И хотя отъ духовныхъ и мірскихъ персонъ наносится мнѣ порицаніе, и яко бы наше смиреніе живу въ Москвѣ и въ Казань не ѣду за свою охоту, и то суще порицаютъ напрасно, понеже овыя не вѣдаютъ того, Волинскаго, къ намъ гоненія, а иныя хотя и слышутъ, точію за посягательствомъ къ намъ не такъ разсуждаютъ, а всякому легко чужую скорбь врачевать, или посторонняго невидимую печаль и напасть разсуждать; ибо оная каждому не больна, а своему несчастію съ трудомъ пользы искать; а я со истинною бы радъ въ Казань сей часъ брести, точію за страхомъ, не получа по доношеніямъ своимъ Указа, мнѣ отсель ѣхать въ Казань опасно, и всякаго званія служителемъ нашимъ и освященному чину оставшимъ въ домѣхъ своихъ жить не возможно; на что же усмотря служители наши, мою сдѣсь вседневную волокиту, а оборонъ на него, Губернатора, по доношеніямъ своимъ тому четвертой мѣсяцъ, и ни какой резолюціи за словомъ Вашего Сіятельства, и своимъ терпѣніемъ получить не могу, многія отъ него, Губернатора, уже разбѣжались, а и послѣдніе, оставя дома свои, отъ того страха и ужаса бѣгутъ врознь, и разорились всё напрасно, и впредь добра на угадъ ждаты.

8. А въ Указѣ Ея Императорскаго Величества, сего 730 году, Іюня 3 дня, напечатано: велѣно, высшимъ и нижнимъ Судамъ имѣть Судъ во всемъ повсюду равный, не смотря на лица сильныхъ и безъ богоненавистнаго лицемѣрія и злобы, и противныхъ истиннѣ проклятыхъ корыстей, и своимъ вымысломъ ни въ чемъ другу не дружить, а недругу не мстить, и ни для чего не нарывать, дабы поступали и рѣшали по самой чистой совѣсти и учиненной присягѣ, не стыдятся лица сильныхъ, и избавляя обидимаго отъ руки неправеднаго; а гдѣ оного нѣтъ, тамо Божіе

благословеніе и милость отъемлется и въ праведный ево гнѣвъ впадаетъ. А которые неправедные въ Судахъ порученныхъ имъ будутъ поступать и волочить ради своего лакомства, или маня кому, и бояся кого, и за то будущаго Суда Божія, за презрѣніе клятвеннаго обѣщанія не избѣгутъ. А Господинъ Волинскій, не взирая на оной Указъ, исполняетъ свое жестоко злобное хотѣніе, и бьетъ людей Божіихъ, и въ застѣнкахъ пытается горши скотовъ, напрасно.

9. И по силѣ оного Ея Императорскаго Величества мудраго и въ народъ публикованнаго Указа, вѣдая мы, что Ваше Превосходительство изволите любить и хранить правду и править сущую истинну, того ради, припадая къ стопамъ ногъ Вашего Сіятельства, паки со слезами прошу: помилуй, Государь, избави Христіанъ отъ напрасныя смерти и злоютыхъ напастей, отри вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ неповинныя слезы и проливаемые крови! Пожалуй, Государь, благоволи отъ показанныхъ ево, Господина Волинскаго, великихъ къ людямъ Божиимъ мученіяхъ и разореніяхъ унять, и впредь ему оныя бѣдствы и чрезвычайныя жестокости чинить воспретить, и домовыхъ нашихъ служителей и о священномъ чинѣ брать ему къ себѣ возбранить, и держащія неповинныя изъ подъ караула свободить, донелѣже они страждущіе живы и до смерти не запятаны, а тѣ дѣла взять въ Правительствующій Сенатъ, и о всемъ противъ перваго и вторичнаго и сего моего третьяго прошенія милосердное рѣшеніе учинить. О вышесказанномъ нижеписанный просить: Сильвестръ Митрополитъ Казанскій. Августа въ день, 1730 года.»¹⁰

Салтыковъ послалъ копію съ этой челобитной къ Волинскому, на что тотъ отвѣчалъ:

«Всепокорно благодарствую, Милостивой Государь, за присланные ко мнѣ съ девяти Архіерейскихъ, поданныхъ Вашему Превосходительству, пунктовъ. Изволь вѣрить, что все какъ плутъ затѣ-

¹⁰ Такую же челобитную въ 16 пунктахъ Сильвестръ подалъ Павлу Пвановичу Ягужинскому: см. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г., кн. IV. Смѣсь, стр. 127—133.

ваетъ на меня. Противъ которыхъ, на будущей почтѣ нашей, буду къ Вашему Препосходительству, противъ всякаго пункта, отвѣтствовать.»

Въ слѣдъ за этѣмъ Волынской прислалъ доношеніе на Высочайшее имя въ Сенатъ о разслѣдованіи его дѣла на мѣстѣ законнымъ порядкомъ.

Въ этомъ доношеніи (2 Сентября, 1730 г.) онъ изложилъ весь ходъ дѣла и выставляя, на видъ, что оно приняло незаконное управленіе въ слѣдствіе происковъ Сильвестра, проживавшаго въ Москвѣ, просилъ изслѣдовать то дѣло, равно какъ взведенныя на него обвиненія, на мѣстѣ и допросить всѣхъ лицъ Архіерейской команды, какія кому онъ сдѣлалъ обиды. При этомъ Волынской предупреждалъ, чтобы отъ Архіерея истребовать отзыва о лицѣ, которое назначено будетъ къ слѣдованію: не имѣетъ ли онъ на него какого подозрѣнія? «Понеже безъ того, кто бы опредѣленъ ни былъ, и если правильно будетъ слѣдовать, то онъ, Архіерей Сильвестръ, какъ недобросовѣстный человѣкъ, на всякаго будетъ составлять и затѣвать какія ни будь подозрѣнія.»¹¹

Вмѣстѣ съ доношеніемъ въ Сенатъ Волынской отправилъ письма къ Салтыкову, Головину и Княгинѣ Черкасской:

«Милостивые и отеческіе Вашего Превосходительства письма, писалъ онъ къ Салтыкову, въ цѣлости получилъ, за которые и за всѣ ваши милости всенижайше благодарствую, а что умедлил на оныя отвѣтствовать и нынѣ подробно доносить не могу, прошу не прогнѣваться на меня, понеже наказалъ меня Богъ претяжкою печалью; ибо, сего Сентября 12 числа, жена моя скончалась, и такъ я отъ 12 Августа истинно и по се время внѣ себя, понеже съ того времени сумнителенъ, а часто и отчаянъ животь ея былъ, а нынѣ въ печали моей, благодаря Бога, что дѣтей мнѣ оставила, однако жъ смотрѣть мнѣ на нихъ зѣло жалко, что такъ малы и сирь-

¹¹ См. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1862 г. кн. IV. Смѣсь, стр. 124—126.

охранн, естли и мой вѣкъ не продолжится, такъ они бѣд-
вѣ пропастъ могутъ.

зепокорно, Милостивой Государь, Отецъ, благодарствую за ми-
ле ваше отеческое престоереганіе, что милостиво изволяте
чтобъ я осмотрительно и осторожно жлѣ. Повѣрь, Мило-
Государь, мнѣ, какъ Христіанину, истинно умѣряннѣе того
ни кому жить, какъ я жлѣ и живу; а что Архіерей вамъ
чіе плуты доносятъ, не изволяте вѣрять, истинно все лгутъ,
ь вамъ клянусь Богомъ, и шлюся на всѣхъ добрыхъ людей.

надлежитъ до дѣла, милостиво изволяте разсудить, что я
человѣкъ, естли я буду упускать и слабо поступать; а
меня жалуется, не изволяте дивиться, только изволяте крѣпко

что безъ причины не дѣлаю ни кому ни какой обиды, а
дѣлаю, и то не мзды ради, и не для моей страсти, что и
люди видать, и ни кто въ глаза изболчить меня не мо-
ито я вамъ, какъ отцу моему, по чистой совѣсти доношу; а
з мало доброжелателей, что дѣлать, буди воля Божія, только
мѣ въ совѣсти моей чистѣ! Я уповаю, Богъ меня не оста-
тъ моей правдѣ, и ни кто меня не съѣстъ, естли Онъ не
итъ своей на меня казни.

бъ Архіерей однимъ словомъ доношу, что онъ, какъ плутъ и
стной человѣкъ,¹² все на меня затѣваетъ и лжетъ, закрывая
бъ онъ воромъ и плутомъ не показался на старости, что я
ь рукахъ моихъ, да только печаль моя не допускаетъ, по-
ево, каковъ въ однихъ вѣчныхъ деньгахъ, какое здѣсь на-
азоренъе, а у Государыни кража четвертная, а въ казну
пятая часть приходитъ; гдѣ слыхано, что по два рубля съ
ю, да по три рубля бѣднымъ людямъ становится одна вѣн-
память, а деньгамъ записки нѣтъ, или есть ли Богъ и со-
что едѣсь въ Епархіи съ 60 церковей пустыхъ, для того что
30 ставленника въ Попы нѣтъ, и что люди помирають безъ
и, и робята мрутъ не крещеные по году, то нѣтъ ни чего.

Борчивость въ словахъ и выраженіяхъ указываетъ какъ на грубость при-
писавшаго, такъ и вообще грубость того вѣка, часто не дѣлавшаго ни ка-
азличія между лицомъ и носимымъ имъ савомъ, званіемъ и т. п. О. Б.

Я не хочу остаться въ томъ, что онъ, плутъ, на меня лжетъ. Посылаю челобитную въ Сенатъ, и прошу самъ, чтобъ велѣли про меня розыскать. Сотвори, Милостивой Государь, милость, если возможно, внушить о томъ Ея Величеству, что я самъ о томъ челобитчикъ и подлинно доношу, что я во во всемъ чистъ; а если не будутъ розыскивать, такъ я вѣчно какъ у Ея Величества, такъ и у всѣхъ останусь въ недобрыхъ людехъ и хуже всякова сумазброднаго.

Что же жаловался вамъ на меня и ко мнѣ писалъ Князь Василей Володимировичъ о кушцѣ Соли Камской Турчаниновъ, правда, для Князь Василья Володимировича онъ доброй человекъ, а въ прочемъ такой плутъ, какъ больше нельзя, понеже онъ не только Соль Камскую и Усольскій Уѣздъ, всю провинцію разорилъ, и однимъ словомъ сказать, что Соль Камская ево, а не Государынина, и если прямо слѣдовать, я найду тысячъ пятьдесятъ, или больше, покраденыхъ отъ него, и уже и самъ онъ во многомъ не въ чемъ признался. Гдѣ слыхано, что онъ кого чѣмъ подарить отъ себя? Въсто того съ посаду не только Соли Камской, и изъ другихъ городовъ въ трое собереть неволею, а буде не стануть платить, то куеть и мучить, или велить Воеводѣ, а онъ, бѣдной, страха ради принуждень, по приказу ево, и ковать, и пытать, и на правехъ бить. Милости прошу сіе разсудить, какъ мнѣ то упускать и какъ бѣднымъ людямъ не помогать и не избавлять отъ того; я чаю мнѣ и Богъ за то не потерпитъ; а буде я то дѣлаю изо взятковъ, или хочу съ него, или съ другой стороны, взять, будь я во вѣки прокляты!

Однако жъ я его, по письму Вашего Превосходительства, свободилъ изъ желѣзъ на поруки, а по дѣламъ слѣдовать буду, надѣясь, что и вамъ то не противно будетъ, что я по совѣсти дѣлаю. Повѣрь, Милостивой Государь, что я ни одному доброму человеку ни какой обиды не дѣлывалъ, и впредь не хочу, а на безсовѣстныхъ не запираюся, держу отчасти строгость; и нельзя безъ того; а буде за все и для всѣхъ упускать, такъ я всѣхъ избалую и на всякое зло поущу.¹²

¹² Такъ какъ никто близко не зналъ поступковъ Волынскаго, то въ послѣдствіи, когда его осудили, они разукрашивались въ молвъ на тысячу лавовъ и прера-

Къ довершенію бѣдствій, Волынскаго посѣтило семейное несчастье. 12 Сентября скончалась его жена, оставивши трехъ малютокъ, сына и двухъ дочерей. Но занятый тяжбой, онъ не далъ горю ломить себя. Въ Сентябрѣ онъ писалъ къ Головкину: «Вашего Высокочестнаго Сіятельства милостивое письмо Юля отъ 31, чрезъ

шлись въ басни, которымъ вѣрили самые серьезные люди. Такъ случилось и съ исторіей Турчанинова. Пецольдъ, а въ слѣдъ за нимъ Германъ и рассказываютъ именно басню о тиранствахъ Волынскаго надъ купцомъ Турчаниновымъ (Kaufmann Turzinow). «Какъ онъ (Волынскій), пишетъ Германъ послѣ восшествія на престолъ Анны, лишилъ имѣнія и жизни Русскаго купца Турцинова, это всѣмъ извѣстно. Послѣдній имѣлъ около Казани большіе мѣдныя заводы и фабрики и содержалъ при нихъ множество народа. Онъ много и охотно помогалъ изъ своего богатства бѣднымъ и несчастнымъ. Къ этому-то фабриканту Волынскій обратился съ требованіемъ, чтобы тотъ прислалъ ему 20,000 рублей. Но такъ какъ купецъ не могъ, или не хотѣлъ, уплатить требуемой суммы, то Волынскій донесъ въ Москву, что Турциновъ не исполняетъ своихъ обязанностей къ Королѣ и постоянно вводитъ ее въ убытокъ. Императрица приказала нарядить слѣдствіе. Волынскій, которому не хотѣлось допускать его до публичнаго суда, приказалъ немедленно взять его подъ стражу, засадилъ въ своемъ Московскомъ домѣ въ погребъ и кормилъ только хлѣбомъ и водою, тирански вымогая у него требуемую сумму. Между тѣмъ Турциновъ какъ-то увидалъ въ окно своей тюрьмы мимо проходящаго Ягужинскаго, узналъ его и просилъ заступиться за него. Ягужинскій рассказалъ объ этомъ при Дворѣ. Но, къ несчастію Турцинова, благодѣтель его (котораго Волынскій возненавидѣлъ съ тѣхъ поръ) запутался въ непріятности (съ Бировомъ), въ слѣдствіе чего долженъ былъ немедленно уѣхать (Посланникомъ) въ Берлинъ. Безпомощный Турциновъ принужденъ былъ выдать требуемую сумму и отпущенъ на свои заводы съ условіемъ не пускать этого въ огласку. Но предусмотрительность Волынскаго эго въ ограничилась: дорогой Турциновъ умеръ и, какъ увѣряютъ, отъ яду. Единственный сынъ его, получивши неожиданное извѣстіе о смерти несчастнаго отца, умеръ съ горя. Фабрики ихъ упали, такъ что, вмѣсто прежнихъ 30,000 р. годоваго дохода, не приносили и 4—5000 р.» (Her mann, Geschichte des Russischen Staates IV. B. S. 611—612). Вѣрнаго въ этомъ разсказѣ то, что Волынскій въ 1731 г. точно наряженъ былъ въ секретную слѣдственную Комиссію по дѣламъ Соли Камской, по его жъ доносу о злоупотребленіяхъ Турчанинова, которому отданы были на откупъ кабацкіе и таможенные сборы этой провинціи. За тѣмъ всѣ подробности—басня, выдуманная досужей фантазіей какого ни будь сплетника, либо памфлетиста. Въ Слѣдственной Комиссіи 1740 года, въ которую собраны были всѣ дѣла о Волынскомъ, нѣтъ и помину о дѣлѣ его съ Турчаниновымъ. Стало быть, оно ведено и рѣшено было законнымъ порядкомъ. При томъ этотъ разсказъ неісториченъ по самому положенію Волынскаго въ 1731 году, какъ увидимъ это въ послѣдствіи. Волынскому

прикащика Акинѳіа Демидова, получилъ, въ которомъ изволите писать, что держался въ Губернской Казанской Канцеляріи онаго, Демидова, человѣкъ, и если по дѣлу Вашего Высокографскаго Сіятельства то бѣ ево свободили, и что Демидовъ въ поставкѣ бѣглыхъ вашихъ крестьянъ далъ письмо. Всепокорно доношу: оной Демидова человѣкъ держался только по тому дѣлу, котораго я нынѣ свободилъ.

Сего Сентября 12 дня посѣтилъ меня Богъ тяжкою печалію: понеже жена моя скончалась, что мнѣ безмѣрно горестно. Понеже извѣстно вамъ, что она была доброй человѣкъ и мнѣ была любима; благодарю Бога въ печали моей, что оставила мнѣ дѣтей, да нынѣ, вмѣсто утѣхи, зѣло мнѣ и на нихъ смотря горько. Понеже три такіе черви, что малъ мала меньше. Боже сохрани, естли не продолжится мой вѣкъ, такъ они бѣдные уже и со всѣмъ пропадутъ; понеже извѣстно вамъ, Милостивой Отецъ, какъ я пустъ и сиръ.

Отъ такой моей тяжкой печали истинно у меня ни ума, ни памяти въ головѣ не стало, а помошника у меня въ Канцеляріи ни кого нѣтъ; а когда и Неѣдъ здѣсь былъ, истинно мнѣ было все равно, есть онъ, или нѣтъ; понеже не дѣлалъ никогда самъ ни чего и не смыслить. И ежели какое будетъ въ дѣлѣхъ мое неисправленіе, милости прошу по человѣчеству разсудя, милостиво хранить меня; однако жъ я опасаясь, чтобъ что не упущено было и на мнѣ бѣ не взыскалось. Поручилъ я Канцелярію править здѣшняго гварнизона Подполковнику Григорію Хвостову, которой правилъ Нижегородскую Губернію, и его столько станеть, а самъ я нынѣ всего труда истинно снести не могу, пока сія моя бѣда изъ головы не убудеть. Да боюсь того, что то сдѣлалъ собою безъ Указу, чтобъ мнѣ того въ вину не причили. Милости прошу, Милостивой Отецъ, милостиво въ томъ охранить меня.

Сколько мнѣ чувственна и тяжка печаль моя, то и Богъ и люди видять; однако жъ, какъ животолубивый человѣкъ, не хочется безчестно жить, а хотя и умереть, однако жъ не хочу съ тѣмъ поро-

---

въ ту пору было не до взятюкъ, какой бы онъ ни былъ охотникъ до нихъ во всякое другое время.

томъ дѣтей своихъ оставить, чѣмъ меня извили и всѣмъ обо мнѣ разгласили. Затѣмъ вымышленно, не бояся Бога и смерти, Архьерей здѣшной, и сдѣлалъ меня такимъ, естли то не будетъ освидѣтельствовано, то я буду хуже всякова непотребнаго и сумазброднаго чловѣка. Для того я принужденъ послать челобитную въ Правительствующій Сенатъ, прося самъ на себя, чтобъ повелѣно было по тѣмъ ево затѣйнымъ и составнымъ пунктамъ прислать кого суды нарочного и розыскать одною только правдою, безо всякой мнѣ поноворки. Того ради, Милостивой Государь и Отець, слезно у васъ прошу милости, не прикажите сего такъ оставить, и чтобъ кто былъ доброй чловѣкъ и безкорыстной присланъ, а я, не выбирая никого, только бъ кто не его стороны былъ и не поманимъ ни мнѣ, ни ему, о чемъ и паки прошу: сотвори, Милостивой Государь и Отець, въ томъ свою надо мною милость! А въ какой силѣ челобитная, прилагаю при семъ копію, и уповаю на вашу ко мнѣ отеческую милость, прилѣжно прошу милостиво приказать оную передъ собою прочесть. Впрочемъ, Милостивой Государь, предаю себя въ неотъемлемую вашу отеческую милость и пребываю съ должнымъ почтеніемъ и вѣрностію.»

Салтыковъ по чему-то медлилъ съ прошеніемъ Волынскаго и не подавалъ его въ Сенатъ.¹³

Между тѣмъ въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Волынскій лишился жены. Нѣкоторые изъ его благожелателей совѣтовали ему поправить свои дѣла новой женитьбой: одинъ изъ нихъ, молодой Головкинъ, Михаилъ Гавриловичъ (въ послѣдствіи Вицеканцлеръ, мужъ знаменитой Катерины Ивановны Ромодановской), совѣтовалъ ему жениться на одной изъ Салтыковыхъ и обнадеживалъ, что съ этой женитьбой простятся ему всѣ его вины.

Волынскій, однако жъ, не поддался на эту ловушку. Въ Октябрѣ онъ писалъ къ Княгинѣ Черкасской:

¹³ Адыютантъ Салтыкова, Н. Кречетникъ въ, писалъ къ Волынскому 18-го Ноября: «Челобитную подадимъ, а еще не полана, которую изволили прислать въ Москву.»

«Милостивая Государыня-мать, Княгиня Марья Юрьевна! Пространными доношеніями моими опасаюся трудить Милости ~~Ваше~~ го Государя моего, Князя Алексѣя Михайловича, о которомъ ~~сказано~~ ~~мнѣ~~ вѣваюся, что онъ ко мнѣ не таковъ милостивъ сталъ, поне- я неоднократно просилъ и писалъ о кровныхъ моихъ нуждахъ, ~~но~~ ~~на~~ ~~ка~~ ~~к~~ ~~о~~ ~~н~~ ~~а~~ ~~ж~~ ~~ь~~ ни на одно мое нижайшее прошеніе ни какой не тол- ~~милости~~ ~~ни~~ ~~отповѣди~~ не получилъ.

Я васъ, Милостивую Государыню, всенижайше прошу, чрезъ ~~себя~~ ~~само~~ ~~во~~ ~~бо~~ ~~га~~, чтобъ вы, по своей ко мнѣ прежней материнской ми- ~~лости~~ ~~не~~ ~~изволили~~ ~~поскучить~~ ~~милостиво~~ ~~сіе~~ ~~мое~~ ~~процеть~~, также ~~и~~ ~~при~~ ~~ложенной~~ ~~экстрактъ~~ ~~при~~ ~~томъ~~.

А за тѣмъ доношу: буду проклять, ежели я искалъ и происки- ~~валъ~~ ~~того~~, чтобъ мнѣ о Казанскомъ Архіерей розыскивать и дѣла ~~его~~ ~~слѣдовать~~; да принудилъ меня Синодъ то дѣлать присланными ко мнѣ Ея Императорскаго Величества Указами, по тому я и вступи- ~~лъ~~ ~~что~~ ~~увѣдавъ~~ ~~здѣшней~~ ~~Архіерей~~, да не зналъ чѣмъ душевред- ~~ство~~ ~~свое~~, а келейника своего воровство, закрыть, вымыслилъ со- ~~ставные~~ ~~на~~ ~~меня~~ ~~подозрѣнія~~, нарочно написавъ на меня и разглася ~~то~~, что ежели въ мысль мою прихаживало, не только я то дѣлалъ, ~~я~~ ~~буду~~ ~~треклятой~~ ~~и~~ ~~вѣчной~~ ~~бездѣльникъ~~! Правда, надобно было ему ~~подозрѣніями~~ ~~отходить~~, понеже онъ по тѣмъ дѣламъ кругомъ вино- ~~вать~~, только бъ не съ такими смертельно досадительными мнѣ об- ~~разами~~, которыми онъ такъ меня теперь сдѣлалъ, что сталъ хуже ~~всякаго~~ ~~сумазброднаго~~ ~~человѣка~~; и когда дядя мой, Милостивой Го- ~~сударь~~ ~~Семень~~ ~~Андрѣевичъ~~, ему повѣрилъ: какъ же другимъ кому ~~не~~ ~~вѣрить~~? Понеже въ Святительскомъ санѣ и осмидесятилѣтней ~~старичокъ~~; а буде о совѣсти его разсудить, мсти мнѣ Богъ сдѣсь ~~и~~ ~~въ~~ ~~будущемъ~~, естли я то затѣваю! Истинно ни самой бы без- ~~божной~~ ~~варваръ~~ ~~не~~ ~~сталъ~~ ~~тово~~ ~~дѣлать~~ ~~по~~ ~~одному~~ ~~человѣчеству~~, какъ ~~онъ~~, ~~Христіанинъ~~, да къ тому жъ Архіерей, и будучи въ такой ~~своей~~ ~~старости~~. Былъ сдѣсь въ знатномъ монастырѣ Архимандри- ~~томъ~~ ~~Смолянинъ~~, онъ же и Дворянской сынъ, Іона Салникъевичъ ~~(или~~ ~~по~~ ~~Русски~~ ~~Салникъевъ)~~, которой при покойномъ Тихонѣ, быв- ~~шемъ~~ ~~здѣшнемъ~~ ~~Митрополитѣ~~, былъ Судьею и въ крайней ево милости, ~~и~~ ~~имѣлъ~~ ~~богатства~~ ~~своего~~ ~~на~~ ~~нѣсколько~~ ~~тысячъ~~, въ томъ числѣ де- ~~негъ~~ ~~съ~~ ~~три~~ ~~тысячей~~, или больше; потомъ взять въ Синодъ и тамъ

былъ Членомъ, да скучно ему, дураку, въ Питербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ, и что онъ разлучился съ своими друзьями, которому все знатные Дворяне и лутчіе кушцы друзья и пріятели, также и бѣднымъ пріѣзжимъ Офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель; понеже былъ обходительной человѣкъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и Губернаторы: Петръ Матвѣевичъ, Петръ Самойловичъ и Алексѣй Петровичъ безмѣрно любили, и такой человѣкъ былъ, что надобно было любить, и уже когда сюды я нынѣшній Архіерей въ Епархію прибылъ, сначала былъ къ нему очень добръ, и такъ и при немъ Судьею былъ, какъ при Тихонѣ Митрополитѣ; да учинилась у нихъ за то ссора, что Архіерей, по кончинѣ блаженные и вѣчно достославныя памяти Императора Государя Петра Перваго, не сталъ принимать челобитенъ, писанныхъ на имя Государыни Императрицы, и дралъ ихъ, и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое, Архіерейское, имя. Тотъ бѣдной Салникѣвъ сперва со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ ево, Архіерея, и молилъ, чтобъ онъ пересталъ то дѣлать, понеже отъ того самъ боялся себѣ бѣды, что Судья былъ въ томъ ево, Архіерейскомъ, Приказѣ; однако слезами и просьбою не упросилъ, принужденъ говорить уже и противностію, и тѣмъ впалъ въ ево немилость, за что ему Архіерей уже сталъ и бѣды искать; при томъ же и мѣсто ево, Архимандрическое, понадобилось плуту чернецу Питириму, келейнику Архіерея нынѣшняго. Потомъ дошло до того, что Архіерей не только челобитные почалъ драть, и дѣла произведенные въ дѣйство съ такими челобитными, осердяся на него, что онъ производилъ по тѣмъ челобитнымъ, писаннымъ на имя покойной Императрицы, а не на ево, а къ нему, Салникѣву, привалками придрался, будто въ похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей, и за то оковалъ ево и мучилъ тирански въ земляной тюрьмѣ, и раздѣвъ на морозѣ билъ на правѣхъ только въ одной свиткѣ; а все то только по одной своей богомерзкой злобѣ. Онъ, бѣдной Салникѣвъ, не стерпя того мученья, сказалъ за собою «слово,» и привужденъ доводить на него въ дранѣхъ тѣхъ челобитенъ и дѣлъ, изъ которыхъ и дѣло одно, выкравъ изъ Архіерейскаго Приказа, объявилъ, и при томъ просилъ на Архіерея въ своемъ напрасномъ мученьѣ, и былъ въ Преображенскомъ и въ прочихъ во многихъ мытарствахъ; потомъ дошелъ до Святѣйшаго Синода, гдѣ лучшая и святая всего Государства нашего правда; однако жъ тамъ, оставя голову, пой-

мался за хвостъ, мучили ево и допрашивали въ тѣхъ похищеняхъ, гдѣ онъ поупрямился, и назвалъ присланную объ немъ отъ Архіерея выписку воровскою, а ссылался на подлинныя дѣла, которые здѣсь въ Архіерейскомъ Приказѣ. Однако жъ все то отста и не освидѣтельствовавъ той выписки съ подлинными дѣлами, дшили ево чести и чина священства и монашества, а за безчестъ Архіерейское, что онъ назвалъ выписку воровскою, высѣли и томъ. Тутъ ему и конецъ, тутъ и судъ весь. А пожитки ево деньги пошли все по рукамъ, за которые и кнутъ ему въ спл купленъ. А что доносилъ на Архіерея, то все брошено и по время не слѣдовано.

И такъ все гибло, и онъ окованъ былъ въ Синодѣ, и соде жался подъ крѣпкимъ карауломъ, которому не велѣно было давати чернилъ, ни бумаги: и то все дѣлалось при покойномъ Имперторѣ Государѣ Петрѣ Второмъ, во время власти Ростовскаго Аріерея Дашкова. А какъ нынѣ Всемилоствивѣйшая Государыня нас соизволила воспріять престолъ и вступити въ самодержавное првленіе, не вѣдаю чрезъ кого, оной бѣдной розстрига домогался, ч прислали ко мнѣ изъ Синода Указъ, чтобъ мнѣ и двумъ духовнымъ персонамъ о всемъ вышеписанномъ изслѣдовать, и обо, разстриг прислали сюда къ доказательству: но какъ я въ слѣдствіи тѣхъ дѣ пошелъ по прямой дорогѣ, то Архіерей здѣшней сталъ подавати на меня ябедническіе свои ложные подозрѣнія, а бывшей келейни ево, плуть, котораго онъ на мѣсто того розстриги въ тотъ мостырь въ Архимандриты посвятилъ, подалъ жалобы, состава зтѣйныя жъ на присутствующихъ со мною духовныхъ.

А Святѣйшій Синодъ, маня Архіерею, не освидѣтельствова обо мнѣ, и отрѣшили меня, какъ бы прямова подозрительнаго.

Не поскучь, Милостивая Государыня-Мать, и сіе еще милоство прочеть:

Написалъ на меня Архіерей, будто я Секретаря ево, Судовни ва, хотѣлъ шпагою заколотъ, и, вынявъ оную на голо, будто гоня за нимъ: провдени Богъ душу мою, естли я то мыслить, не тол во дѣлалъ! Сверхъ того, я не только бить, или колотъ. ево, я е

блю, и онъ съ самово моево прїѣзду ищетъ во мнѣ, и не слы-
 гь отъ меня истинно никогда ни какой брани, развѣ дьяволъ
 всто меня то дѣлалъ и Архіерею во снѣ явилось. Еще жѣ на-
 сазъ, будто я отнялъ монастырской загородной дворъ, и держу
 немъ съ двѣстѣ собакъ, и будто кормятъ ихъ и людей моихъ
 гнадцать человекъ монастырскимъ хлѣбомъ да и кашею. Я доно-
 вамъ такъ совѣстно, какъ на страшномъ мнѣ Христовомъ Судѣ
 вть: дворъ тотъ пустой, и онъ разгороженъ на двое, изъ кото-
 хъ одну половину велѣлъ для меня, по прозвѣ мойей, самъ Ар-
 рей, гдѣ только два сарая и одинъ подклетъ, да черная баня, и
 бакъ моихъ истинно было только съ тридцать, да при нихъ пять
 овѣкъ людей, и жили только одну зиму, и то не всю; а чтобъ
 вольствовались монастырскимъ кормомъ, или брали ко мнѣ оттуды
 есъ, будь я вѣчно бездѣльникъ, естли то, или что ни будь изъ
 го правда, кромѣ что брано солома одна и то, что сами дадутъ.
 же написалъ, будто я у монастыря оново велѣлъ вырубить бе-
 жоную рощу, и будто посланные мной того монастыря Игумена
 тли убить за то, что онъ рубить воспрещалъ. Ежели я мыслилъ
 дѣлать, не только посылать ково рубить, убей меня самово
 гь! и хотя по приказу моему одно дерево срублено, я готовъ
 платитъ тысячу рублевъ; сверхъ того, во всемъ въ томъ шлясъ
 Игумена на того, да и роща та вся цѣла и теиерь.

Онъ же написалъ на меня, будто я обрагъ по неволѣ у нево-
 стеровыхъ людей, и какъ онымъ, такъ и постороннимъ, за-работу
 плачу денегъ, и будто обрагъ у него и у прочихъ лѣса на строе-
 ье хоромъ и протчаго безденежно; а понеже онъ двухъ околниш-
 ковъ, которыхъ я у него просилъ для починки, самъ далъ мнѣ, и
 наизъ съ мѣсяць, которымъ за работу и деньги далъ, сверхъ тово
 мой хлѣбъ вли, и такъ истинно вѣсімъ плачу въ полтора, или
 зое, какъ платятъ имъ другіе. И буде бралъ лѣсъ и обижу тѣмъ
 не плачу денегъ я, хотя одною кофѣйкою покорыствовався, или
 просили за что взятое, или за работу денегъ, а я отказалъ и
 заплатилъ, за то самово разори меня Богъ!

Я уповаю, что Ваше Сіятельство, Милостивая Государыня, по
 оску великодушію и по своей совѣсти, по такой моей Христіан-
 ой тяжкой клятвѣ, можете мнѣ повѣрить, и что я, имѣя Бога,
 шу и совѣсть, не сталъ бы такъ предавать себя добровольной

клятвѣ. Извольте жъ милостиво разсудить о томъ, кто на меня жметъ, какая то богомерзкая совѣсть и какой онъ безстыдной плутъ.

Я у васъ, Милостивая Государыня-Мать, вмѣсто всякой вашей ко мнѣ милости и защищенія, прошу, чтобъ Милостивой Государь мой, Князь Алексѣй Михайловичъ, и Милостивой Государь мой, дядя Семенъ Андрѣевичъ, исходатайствовали то мнѣ, чтобъ обо мнѣ, какъ о самомъ о какомъ злодѣѣ, повелѣно было изъ Сената кому розыскать по поданнымъ отъ него, Архіерея, на меня пунктамъ, безъ всякой мнѣ поноровки, только одною самою истинною, дабы въ томъ бѣдная моя совѣсть чистоту свою и невинность мою показала.

Къ письму сдѣлана приписка:

«Нѣкоторымъ и неоднократно говорилъ Михайло Гавриловичъ, чтобъ я женился на которой ни будь изъ трехъ сестеръ Салтыковыхъ, которыя живутъ при Ея Высочествѣ, Государынѣ Царевнѣ. Екатеринѣ Ивановнѣ, обнадеживая, что если я женюсь, то мнѣ всѣ вины мои отпущены будутъ; а они такія госпожи, что ни куда не годятся, и за тѣмъ досидѣли до сорока лѣтъ, что никто не беретъ. А мнѣ, по мнѣнію моему, душа моя и честь милѣе, нежели вся свѣтъ; для того хочу съ совѣстью умереть, нежели послѣднюю половину вѣка моего со стыдомъ и безпокойствомъ совѣсти моею доживать. Я бы не хотѣлъ и въ постороннемъ домѣ видѣть того кто мнѣ противенъ своими поступками; каково жъ пріятно мнѣ с нимъ будетъ жить въ моемъ домѣ, да еще и спать на одной постелѣ»

Въ слѣдъ за этѣмъ письмомъ Волынской отправилъ новое письмо къ Салтыкову, съ отвѣтомъ и оправданіемъ на девять пунктовъ Сильвестра:

«При семъ прилагаю копію съ пунктовъ, которыя подавъ Вашему Превосходительству Архіерей здѣшней на меня, и противъ тѣхъ пунктовъ отвѣтъ мой. Всенижайше прошу милостиво не поспу- чать приказать передъ собою его пункты прочесть, и при томъ на всякой пунктъ отвѣтъ мой, изъ чего изволите увидѣть удивленія и смѣху достойное многое, и изъ того изволите узнать безбожную и бездушную злобу Архіерейскую, и какой онъ дуракъ и плутъ безпутной.

¹⁶ См. выше примѣч. 12-е. О. Б.

Желалъ бы я, чтобъ вы у себя приказали отвѣтъ мой прочесть ему, понеже я не почитаю ни за грѣхъ, ни за стыдъ того, что бралъ его, да и не боюся, для того что я чистъ, и что пишу про него, то не отрекуся въ глаза предъ всѣмъ свѣтомъ сказать ему, понеже всякъ за свою обиду, а паче за ту, которая вредитъ честь, да еще и за напрасную, стоять конечно долженъ.

Я не знаю, какими глазами будетъ смотрѣть, и что противъ того говорить будетъ.

А за тѣмъ, Милостивой Отецъ мой, не дѣлай мнѣ ни какой милости, только чтобъ по его всѣмъ бреднямъ про меня розыскано было, такъ какъ я челобитною моею, посланною въ Сенатъ, самъ просилъ, и изволь вѣрно мнѣ вѣрить, что я во всемъ томъ, что онъ пишетъ и поноситъ меня, чистъ, и онъ все то какъ безсовѣстной и недоброжелатель составилъ и затѣялъ обще съ воромъ Питиримомъ Архимандритомъ, котораго только для такихъ пакостей и воровства и держать при себѣ, и въ Архимандриты за то и произвелъ. А кто онъ Питиримъ, мнѣ сказывалъ Прапорщикъ гвардіи Любовниковъ, что онъ былъ въ Шатскомъ Уѣздѣ Попомъ и держалъ у себя воровскую пристань, и самъ атаманомъ былъ нѣсколько лѣтъ; да когда товарищи его переловлены и стали на него съ пытокъ говорить, онъ отъ того ушелъ и постригся, а тѣ всѣ перевѣшаны. Изволь, Милостивой Государь, самъ того Любовникова спросить, а я его не знаю.

Милости прошу и пункты и отвѣты мои показать Князь Григорью Алексѣевичу Урусову, чтобъ и онъ вѣдалъ и вѣрилъ мнѣ, что я чистъ.

Я буду ожидать слѣдствія здѣсь по Архіерейскимъ на меня бреднямъ и прошу, чтобъ кто присланъ былъ совѣстной человѣкъ для того слѣдствія. А за тѣмъ желалъ бы я самъ въ Москвѣ побыть на мѣсяцъ времени, какъ я прежде просилъ васъ, Милостивой Государь. А чтобъ вовсе отсюда, еже ей, ей не хочу. И я мышлю, крайняя нужда въ Москву быть мнѣ, первое, чтобъ видѣть Государыню, также и васъ, Милостивой Государь, а за тѣмъ и себя противъ Архіерейскихъ составныхъ лжей очистить и показать всѣмъ, какъ я невиненъ. Однако жъ все сіе предаю въ разсужденіе Ва-

шего Превосходительства и прилѣжно прошу милостиво меня уведомить.

Письма этѣ Волинскій поручилъ разнести служителю своему, Курочкину, который, исполнивши порученіе, отвѣчалъ Волинскому:

Прошедшаго Октября отъ 12 въ полученномъ того жъ Октября 29 числа въ Указѣ, Государь, вашемъ чрезъ дельщика Сидора Ваарушина писано: велѣно мнѣ рабу вашему по подписямъ письма рознести и навѣдаться о не бытіи вашемъ въ Казани. И ма сіе вамъ, Государю, доношу, что письма ваши по подписямъ рознесъ, и отъ дяди вашего, Семена Андрѣевича, и отъ Князь Григорья Алексѣевича, письма къ вамъ, Государю, при семъ прилагаю. А Гаврило Ивановичъ противу того письма обѣщаль писать, только не могъ вскорѣ того добиться. А Княгиня Марья Юрьевна очень больна. О перемѣнѣ, Государь, васъ изъ Казани, что Государыня Императрица дозволила говорить о томъ, я предъ симъ писалъ къ вамъ, Государю, Октября 20 числа, съ дельщикомъ Пирожниковымъ, и на мѣсто ваше въ Сенатѣ еще ни кто не опредѣленъ, также и по челобитію Архіерейскому для слѣдствія ни кого не опредѣлено жъ; а присланную вашу, Государь, челобитную я въ Сенатѣ при собраніи чрезъ Рекетмейстера подалъ, и на той, Государь, челобитной помѣчено: «Записавъ, сообщить съ дѣломъ;» и къ тому, Государь, Архіерейскому дѣлу тое челобитную отдалъ Октября 22 дня. Въ Сенатѣ, Государь, по челобитію Скрыпицыной жены опредѣленіе учинено, велѣно дѣло и онаго Скрыпицына подъ карауломъ прислать въ Сенатъ, а противу того челобитья вамъ отвѣтствовать.

А сего, Государь, Ноября 6 дня, въ Сенатѣ записанъ Указъ, что вамъ, Государю, быть въ Москву, а Неееду Кудрявцову въ Казани править Губернаторскіе дѣла до Губернатора, а кому, Государь, быть тамъ Губернаторомъ, о томъ еще опредѣленія нѣтъ.

О приѣмѣ, Государь, присланныхъ лошадей, которые присланъ съ Иваномъ Рубинимъ, кто какъ принялъ и кто не принялъ, о томъ къ вамъ, Государю, писалъ съ Матвѣемъ Аристовымъ Октября 14 числа. А послѣ того и Князь Алексѣю Михайловичу Черкасскому дву находцевъ, половаго и соловаго, отвелъ, которыхъ дозволилъ

смотрѣть и говорить: «Хотя, де, и мелки, только не стары,» изволилъ принять.»

Избавившись отъ такого опаснаго противника, каковъ былъ Волинскій, Сильвестръ вздохнулъ свободно, и 25 Сентября подалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ писалъ, что «вотъ уже по двумъ слѣдствіямъ ни какова подозрѣнія, кромѣ истиннаго моего оправданія, за мною не явилось, а я по тому дѣлу четвертый годъ сокрушаюсь суще безъ всякія причины и, за не вершеніемъ того дѣла живучи въ Москвѣ съ служителями и лошадьми, займывая деньги, все покупая, весьма избытчился и отъ продолженія разоряюсь напрасно, а не получаю по тому дѣлу подлиннаго рѣшенія, взирая первому рѣшенію нарушеніе и отмѣну, опасаясь впредь такого жъ уничтоженія, ѣхать въ Казань не смѣю.» Сильвестръ просилъ вернуть дѣло и болѣе его не возобновлять, а для окончанія дѣла Властью прикинуть смиренную прибавочку: «И хотя по силѣ сего жъ 1730 года, Апрѣля 14 дня, Указа 3 пункту за умышленный его поэсоръ съ злости поклепъ онъ, разстрига, достоинъ и смерти, однако въ наше смиреніе выше реченной ему экзекуціи не желаю и прошу его отъ той казни уволить, а вмѣсто оной кары, за ложный эго на меня послѣ вершенія двоекратный доносъ, оборонить меня и рѣшить ему въ Казани по прежнему гражданское наказаніе (25 Сентября, 1730 г.)»

Въ Москвѣ Сильвестра ни что не держало и, разумеется, онъ могъ ѣхать въ Казань, когда захочетъ. Но дѣла нельзя было кончить такъ скоро и съ такою обидою для замѣшанныхъ въ немъ лицъ, а по тому и прошеніе его оставлено безъ вниманія.

IV.

Пославши въ Сенатъ прошеніе о разслѣдованіи дѣла по жалобѣ Сильвестра, Волинскій, въ слѣдъ за тѣмъ, отправилъ доношеніе въ Синодъ о злоупотребленіяхъ Сильвестра по Епархіи.

Волинскій доносилъ, что въ Губернскую Канцелярію подалъ прошеніе одинъ Казанскій бобыль, Иванъ Евтихѣевъ, въ которомъ объяснилъ, что онъ заходилъ въ домъ къ Подьячему Плетеневцу, и у-

зналъ отъ дворовой его женки, что къ нему присылается изъ Москвы весьма много пакетовъ съ письмами, которыя онъ у себя въ домѣ распечатываетъ, и пишетъ по нимъ одинъ, запершись въ особой избѣ, а знатно тѣ письма подозрительныя. Это и заставило его сдѣлать означенное доношеніе, чтобъ не причлось ему въ утайку, ежели помимо него, обнесутся какія письма, касающіяся какой важности.

Волинскій приказалъ взять Плетенева, вмѣстѣ съ письмами, въ Губернекую Канцелярію. Между письмами оказались нѣкоторыя подозрительныя, именно:

Въ одномъ письмѣ къ Казначею приказывалъ П. М. чтобъ Новокрещенскій расходъ въ вѣдѣніи писанъ былъ весь, также бы на тѣ расходы и бумагу показать особливую, а не казенную, чтобъ въ остаткахъ на лицо денегъ было малое число, понеже деньги завидная вещь.

Плетеневацъ показалъ, что «въ этомъ письмѣ буквы П. М. означаютъ: Преосвященный Митрополитъ. А писалъ то письмо къ Казначею изъ Москвы Стряпчій Афанасьевъ въ такой силѣ, что въ Синодъ спросили вѣдомостей о Новокрещенскихъ расходахъ (которыя и посланы). На тотъ расходъ велѣно ему, Казначею, брать по 1000 рублей, а бумага покупается у нихъ на казенныя деньги другихъ сборовъ, а не изъ тѣхъ Новокрещенскихъ расходовъ, а въ цыдулкѣ велѣно зачислить тѣ деньги на расходъ Новокрещенской суммы для того, чтобъ остатку деньгамъ явилось меньше. По которой цыдулкѣ и по допросу его стала быть деньгамъ явная утайка.»

Въ другомъ письмѣ, и приложенномъ къ нему реестрѣ, въ одномъ пунктѣ сказано: «Въ кельѣ моей съ Казначеемъ и Келаремъ тебѣ, Алексѣю, осмотра искусно, и ежели что чрезъ надежду Божию явится, запечатать всѣмъ троимъ, держать въ цѣлости Казначею — себя въ кельѣ и въ Москву писать.»

Плетеневацъ показалъ, что «это письмо Архимандрита Питирима, привезенное имъ, Плетеневацемъ, изъ Москвы въ Великій Постъ. по которому велѣно ему въ томъ Спаскомъ монастырѣ въ кельяхъ

бывшаго Архимандрита Салникѣва осмотрѣть подѣ поломъ, поклажи. А оказывалъ о той поклажѣ въ Москвѣ Рязанской Губерніи, Радовецкаго монастыря Иеромонахъ Питиримъ. И они той поклажи не нашли; а Салникѣвъ еще на слѣдствіи показалъ, что у него въ подпольѣ въ двухъ большихъ бутылкахъ зарыто было въ землю денегъ 1500 рублей, и что по показанію его изъ Губернской Канцеляріи посылали отыскивать ихъ, но по осмотру подполья, рбще съ духовными Архіерейскими персонами, нашли только недарно разрытую яму, а денегъ ни чего не отысцано; а по тому знатно, что тѣ деньги взяты выше писаннымъ Кедаремъ и пропадаютъ напрасно, а надлежало бы, взявши ихъ публично, довести о томъ въ Синодъ.»

Между бумагами найдены двѣ инструкции, за скрѣпою Подьячаго Теофилактова, одна о сборѣ съ Поповъ на приказыне, расходи по 16 коп. съ Попа, другая о сборѣ съ Поповъ штрафовыхъ денегъ. Плетеневецъ показалъ, что «тѣ деньги собираются повсягдоцѣ уже четвертый годъ по приказанію Митрополита Силвестра, а указы о томъ не дѣются в репортовъ въ Синодъ, не досматривается, что явная кража.»

Кромѣ того, Плетеневецъ и Подьячій Юрьевъ, допросами показали, что «они были у записи вѣчныхъ податей и брали тѣхъ пошлинъ съ первобрачныхъ по 52 коп., съ полуторобрачныхъ и двобрачныхъ по 1 рублю 5 к., съ тробрачныхъ по 1 р. 60 коп. А въ ремортахъ показывается съ первобрачныхъ по 13 к., съ двобрачныхъ по 26, съ тробрачныхъ по 39, а остальные въ приходъ не записываются, для того что вносятся въ келью къ Преосвященному Митрополиту.» Того ради я, усмотря оную народную тягость и слыша о томъ отъ многихъ происходящія жалобы, приказалъ Земскимъ Комиссарамъ каждому въ своемъ дистриктѣ освидѣтельствовать сказками, по чему тѣ деньги берутъ за вѣчныя данати, и въ сказкахъ показано, что берутъ тѣ деньги еще противъ показаннаго числа съ излишествомъ, а именно съ иныхъ браня по 2 р. 60 к. и по 2 р. 60 к., такъ что только по двумъ Угладѣ, Каданскому и Уржумскому, кромѣ провинцій, взято излишне за три года 3,307 р. Отъ чего чинится подлымъ людямъ великая тягость, а въ неаудискѣ въ приходѣ и непосылкѣ репортовъ явная жъ кража.»

Архіерейскіе Подьячіе, четыре человека, объявили по своимъ повѣстьямъ семь исковыхъ челобитенъ на его, Архіерея, имя, безъ Высочайшаго титула, и по тѣмъ челобитнымъ дѣла были произведены.

Спасаго монастыря Стряпчій Свѣшниковъ объявилъ челобитную, писанную въ 1730 году, отъ имени братій этого монастыря на Салникъева, и въ той челобитной сказано, что къ тому жъ воровству и общему съ нимъ согласію приличенъ Благовѣщенскаго Казанскаго собора Ключарь Степанъ Давыдовъ, который въ описныхъ книгахъ многія статьи, гдѣ были писаны деньги, выскребалъ и другія рѣчи своеручно измѣнялъ. И тѣ слова въ челобитную своеручно вписалъ Питиримъ. И переписана та челобитная по приказу его, Питирима, отъ имени Келаря съ братіей Спасаго монастыря. По этому доношенію Указомъ Сильвестра изъ Москвы Ключарь отъ Соборной церкви отрѣшенъ и священнодѣйствія лишень и обнесенъ безвинно, по тому что сначала слѣдствія о Салникъевѣ участія Ключаря въ его дѣлѣ не показалось. Духовные судьи Архіерейскаго Приказа прошенія отъ него не приняли, слѣдственные судьи тоже, и въ такой его обидѣ и въ посягательномъ челобитѣ бить челомъ стало некому. А понеже въ милосердомъ Ея Величества Указѣ сего 1730 года повелѣно и накрѣпко подтверждено какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ Судамъ дѣла рѣшать по самой чистой совѣсти и учиненной присягѣ, не смотря на лица сильныхъ и избалая обидимаго отъ рукъ неправды, то, чтобъ оное его прошеніе принять къ оному его, Питиримову, составному черному доношенію, а у Келаря съ братією взять сказки, какія имѣ, Ключарешъ, вещи изъ этой церкви похищены и Питиримъ приписывалъ оныя рѣчи сообща съ братією, или собою. А приписка Ключаря, по справкѣ съ описными книгами, состояла въ томъ, что многія иконы и другія вещи были не записаны, а онъ записалъ ихъ въ приходѣ. И такъ оной Священникъ осужденъ напрасно, который таковъ въ своемъ званіи, какихъ во всей Казанѣ мало, или и подобнаго ему нѣтъ.

Въ томъ же приговорѣ именемъ его, Сильвестра, написано, что бы, слушавъ прошенія властей Спасаго монастыря, приказалъ въ ономъ съ ветхихъ иконъ всякаго званія оклады и привѣсы снать, также и съ Священническаго облаченія и прочей церковной утвари жемчугъ, дробиницы и каменья спороть, а у парчей золото и серебро

выжечь и оцѣна продать изъ домовыхъ бобылей кому пристойно. А приговоръ тотъ писанъ, отъ имени Архіерея, имѣ, Питиримомъ, что ему не надлежало дѣлать, по тому что онъ самъ Настоятель того монастыря и не судья Архіерейскаго дома, и для того приговоры сочинять, а паче о вещахъ той обители, гдѣ онъ самъ властелинъ, ему зѣло подозрительно. Изъ чего видно, что они оба съ Архіереемъ хотятъ тѣмъ пользоваться сами. И между тѣмъ, какъ онъ же осудилъ Салникѣева, когда тотъ продалъ нѣкоторыя привѣсы на безотлагательныя монастырскія нужды, на пропитаніе братіи во время голода и на сѣмена въ монастырскія вотчины, и имѣеть въ тѣхъ покупкахъ подлинныя росписки и свидѣтельства, самъ онъ, Архіерей, съ наслѣдникомъ мѣста того, Питиримомъ, учинилъ зѣбе и того; понеже тотъ коснулся привѣсовъ отъ иконъ, а они велѣли на выжегу жечь и освященныя одежды и прочее. Какъ же то стало не самое богопротивное воровство?

А о собесѣдникѣ его, Архіерейскомъ, Питиримѣ, Подьячей Арманскій показалъ, что оный Питиримъ не томыко въ Архимандричествѣ, но и въ простыхъ Священникахъ быть не достоинъ, понеже, какъ Сильвестръ былъ на Рязани Архіепископомъ, держалъ онаго Питирима въ земной тюрьмѣ и писалъ объ немъ въ Синодъ, что онъ, Питиримъ, ябедникъ, плутъ, и еретикъ, и раскольщикъ, которое доношеніе имѣется и нынѣ въ Духовной Дикастеріи. Да мнѣ же въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Прапорщикъ Любовниковъ публично при многихъ сказывалъ, что онъ, Питиримъ, въ Шацкомъ Уѣздѣ держалъ воровскую у себя въ домѣ пристань и уже будучи Священникомъ, и самъ ѣздивалъ по разбоямъ, и что въ томъ многіе его товарищи переловлены и съ пытокъ на него въ томъ говорили, и онъ, Питиримъ, отъ того отъ церкви бѣжалъ, и, пришедъ въ монастырь тотъ, гдѣ былъ Архимандритомъ, или Игуменомъ, дѣдъ его родной, принужденъ постричься, и потомъ принялъ его къ себѣ Сильвестръ, будучи въ Рязанской Епархіи, и содержалъ его у себя нѣсколько времени тайно, и такъ онъ, Питиримъ, свободился отъ смерти, а товарищи его всѣ, за общіе съ нимъ разбой и грабежи, казнены смертію. И сіе все предаю въ разсужденіе Святѣйшаго Синода (30 Октября, 1730 г.).

Разумѣется, нельзя одобрять Волинскаго за это доносеніе, которое было подыскиваніемъ подъ непріятеля, но его можно називать

нѣтъ, въ виду известнаго образа дѣйствій противника, съ которымъ онъ шельмъ дѣло. А до какой степени этотъ образъ дѣйствій не строгъ Волыскому, мы видѣли это изъ уроковъ, которые ему дала Салтыковъ за уклончивость, съ которой онъ отказывался отъ доносовъ.

Узнавши въ новомъ доносеніи Волынскаго, Сальвестръ съ одной стороны, подавъ на него доношеніе, направая его противъ обвинительныхъ пунктовъ Волынскаго.

Сальвестръ началъ съ Нижегородцевъ:

«Изначала перваго свиданія Нижегородцы, злорадствуя, кричали на Спасаго Келаря и говорили: «Вы бы насъ встрѣтили въ Свяжскѣ. И чего вы съ другими на Салникѣевѣ ищете, то и сами ему заплатите.»

До ихъ же навѣсту Губернаторъ Волынской билъ дома нашего Секретаря Богданова, смертно и напрасно.

Да по согласію жъ Нижегородцевъ Салникѣевъ подавъ въ Казанской Губернской Канцеляріи на меня доношеніе, которымъ ищетъ дѣтъ за двадцать и больше въ бытность мою Троицкимъ Архимандритомъ, яко бы во многихъ съ него и другихъ взятокъ. Также будто у него въ Архимандрическихъ кельяхъ Спасаго монастыря подъ поломъ въ землѣ зарыты были въ скляницахъ деньги, и по тому его доносу посланы были изъ Губернской Канцеляріи Секретари, и по его указанію будто денегъ искали, только ни чего не нашавъ. А видно тѣ деньги у Салникѣева имѣлись въ сохраненіи въ другихъ домѣхъ, а не въ монастырѣ, и Нижегородцы, знатно обще съ Салникѣевымъ, покорыстовались ими и, отвоя свое лакомство, проскивали въ кельи у Питирима: но порожняго не положи пусто нечего искать.

Да изъ той же Канцеляріи Секретарь Аврамовъ приходилъ съ солдатами въ домъ нашего Канцеляриста Плетенева съ обыскомъ и, ухвата его, билъ и всякія, имѣющіяся при немъ, письма изъ двора его, обобрали и отвели съ ними въ Канцелярію; и пытали въ застенкѣ тремя отрясками смертно, и выломали у него руки и ноги

ревномъ; и содержится по се число въ смертномъ утѣненіи ищасно; и едва нынѣ отъ того и живъ я.

Взявъ также съ пренздерами Саскаго Келара Володимерцова съ письмами и Странчаго Свѣшника, привели въ Канцелярію и съ ристрастіемъ спрашивали и наобрены были по тому жъ Свѣшниковъ шитать напрасно. А за что вышереченные люди мучены, о оми въ Казанѣ нашимъ вѣдать не дають и хоронать поды скривіемъ.

Онъ жъ, слѣдователи, оставя настоящее правленіе, разослали о всей нащей Епаркіи Указы къ обывателямъ: у кого съ прощала, 1727 года орацды имѣли, и по чему ар вѣчную, память, дошлинь становилось.

Да онъ же, Волынской, видно по согласію Нижегородцевъ, пригаль въ Синодъ и въ Сенатъ разныя доношенія, въ которыхъ нащъ ничтожая, написалъ, яко бы наше смиреніе, забывъ Бога и свою баную душу и Архіерейскую совѣсть, и чиню святопродавство, и бмъ первѣе времени судить меня и ругаетъ, не токмо въ Казани ювесно поносить всегда разными укоризны, но и здѣ при самой гавности, гдѣ и самъ онъ судимъ и на меня суда просить, тутъ е не словесно уже, но и письменно, бранить явно, и пишетъ въ Москву къ Духовнымъ персонамъ и Господскимъ особамъ свидныи и письмами и цыдуками съ великими нашему смиренію угрозами, то существу извергу, или своему подчиненному, дабы мнѣ же испростить у него прощенія, а въ чемъ и за какую мою къ нему неугугу и противность, истинно не знаю. А онъ, Губернаторъ, въ азани уже третій годъ одинъ живетъ, и когда бъ мною оное было знено, то надлежало бъ на меня въ тѣхъ яко бы цароду обладахъ, ли Указомъ противностяхъ, писать въ Москву, или собою слѣдовать, режде прибытія Нижегородцевъ и прежде сей между нами вражы, нежеди мститъ за мой протестъ.

А вышереченные сборы и прочее у нащъ исполнялось по прежнему обыкновенію, какъ при Тихонѣ и другихъ Митрополитахъ ыло, а вновь наше смиреніе ни чего собою не заводилъ.

До прибытія Нижегородцевъ въ Казань такыхъ страшныхъ каамъ происковъ и ужасныхъ пытокъ ни отъ кого не бывало, и Гу-

бернаторъ Волинскій, по полученіи Синодскаго Указа, ожидая ихъ долговременно, одинъ въ дѣла не вступалъ. А онъ, Лаврентій, издавна къ тому разоренію себя затвердилъ и обыкъ не однимъ намъ обиды наносить, но многія бѣдства и злословія и первѣе сего чинилъ. (Сильвестръ рассказываетъ исторію, какъ Лаврентій судимъ былъ за вѣтки, смертныя бои, блудодѣяніе и различныя монастырскія похищенія; какъ онъ посылалъ изъ Арзамаса въ Казань къ матери, сестрѣ, роднымъ и кушеной жонкѣ разные припасы).

Слѣдователи не право поступаютъ и въ томъ, что вѣрять показаніямъ Салникѣва. Они должны знать Указъ, что публично названныхъ въ число добрыхъ людей принимать и вѣрять такимъ во всемъ запрещено.

Слѣдователи, усмотря, что Господинъ Волинскій, на котораго была у нихъ несправедливая надежда, отъ тѣхъ дѣлъ отрѣшенъ, а нынѣ по Указу Сената велѣно ему, отдавъ городъ и всѣ дѣла той Губерніи Вице-Губернатору Кудрявцеву, ѣхать въ Москву, а имъ, духовнымъ, воровству Салникѣва упущеніе, мнѣ пакости, а монастырю разореніе, однимъ дѣлать нельзя, отказались отъ слѣдствія собою, безъ Указу, а не для того, какъ въ доношеніи ихъ жестоковарно написано. А что они получали только хлѣбъ и квасъ, то въ доношеніи ихъ показано ложно. Отнявъ кельи у Архимандрита Предтеченскаго, живутъ въ сильныхъ съ сродники своими забавахъ праздны седьмой мѣсяцъ безъ всякаго труда, токмо чинять нашему смиренію нестерпимыя пакости и обиды горши прежняго.»

Синодъ, въ которомъ не было ужъ никого изъ покровителей Сильвестра, ограничился по этѣмъ доношеніямъ тѣмъ, что велѣлъ сыскать въ Синодъ проживавшаго въ Москвѣ Питирима, для отвѣта по доносу Губернатора; а что въ доношеніяхъ Сильвестра и Волинскаго касается до Гражданскаго Суда, о томъ поручить имъ искать суда, гдѣ надлежитъ (20 Ноября, 1730 г.).

Питиримъ, вмѣсто оправданія, прислалъ въ Синодъ доношеніе н-духовныхъ слѣдователей, что «хотя бъ они своего безчестія на мнѣ и искали, а по Указамъ слѣдствіе имъ оканчивать подлинно домысл а-оии Нижегородцы, уничтожа посланные къ нимъ Указы, отъ промѣ

веденія Салникѣвыхъ дѣлъ отказались самолично, защищая противныя свои поступки и учинили остановку по страсти своей, на роуи Салникѣву, а не для того, какъ у Нижегородцевъ по злобѣ въ доношеніяхъ ложно во всемъ показано. А когда бѣ Нижегородцы того, про что въ доношеніяхъ нашихъ показано, не чинили, то бы они могли своего безчестія по формѣ суда прямо яскать, а не стороною, между прочими дѣлами подъ видомъ заочно пресить и меня напрасно поносить, и оными доношеніи Нижегородцы перѣе времени забѣгаютъ и Ваше Святѣйшество обоганіемъ утруждаютъ, а въ своихъ непорядочныхъ поступкахъ, узнавъ вину, заираются и меня ябедникомъ и другими злословятъ напрасно, котораго своего безчестія по силѣ Указу впрѣдъ искать буду.»

V.

Отправивши доношенія въ Сенатъ и Синодъ, Волинскій на этомъ не остановился, а послалъ прошеніе на Высочайше имя, вложивши его въ пакетъ Семена Андреевича Салтыкова. Это былъ съ его стороны рѣшительный шагъ, и по тому онъ озаботился обстановить его какъ можно лучше. Въ Москву изъ Казани послано было довѣренное лицо (кажется, Подполковникъ Дубасовъ), съ пакетами писемъ ко всемъ мидостнацамъ и съ подробномъ наказомъ, гдѣ и какъ вести дѣло.

Мы приведемъ относящуюся сюда переписку Волинскаго въ полномъ видѣ, чтобы не пропустить ни чего изъ этого любопытнаго дѣла.

Довѣренному лицу вручена была, записка для памяти, что дѣлать по прїездѣ въ Москву:

1. Прїхавъ, освѣдомиться, какъ скоро отправляется новой суды Губернаторъ, и съ тѣмъ прислать нарочнаго на скоро.

2. Внушить Семену Андреевичу и прочимъ, хотя разсуждають пользу мнѣ въ моей перемѣнѣ, а мнѣ оная конечно принесла разореніе, какова на меня не бывало, понеже я по обладаживанію ихъ забрался сюда со всемъ домоу, гдѣ однихъ людей у меня чело-

вѣкъ со ото, а женатыхъ съ трицать сѣмей. И такъ мнѣ хотя бы и лишнее пригоди посмѣтать здѣсь, однако жъ и съ нуждами чего обетовать нельзя; врядь на дѣлети подводу убраться, кромѣ своихъ верюдей!

3. У меня жъ заведены оюды изъ заводовъ изъ, всѣхъ деревень лутіе все лошади съ 80, а все кобылы да жеребята, коровыхъ, ковать нельзя, а на кованыхъ вести не возможно, а Персискіе отъ одной стужи все помрутъ. Какъ же то не самое мнѣ разореніе стало? А естли бъ весной мнѣ отсюда ѣхать и что бы до Маія мѣсяца не перемѣнили меня, чтобъ я всего того, разоренія миновалъ и собрался водою безъ всякаго лишняго убытка.

4. Сверхъ того имѣю дѣтей малыхъ и деликатныхъ, которые не только на дворъ ходить, но и сѣней, за слабостію здоровья, мало знаютъ; а мнѣ ихъ оставить не на кого, а везти съ собою зямою я ихъ за стужу и могу поморить. Кжели бъ жива была покойная жена моя, я бы не тужилъ о томъ, хотя и здѣсь оставить.

5. Еще жъ сколько образна и обидна мнѣ моя перемѣна, то всякому легко разсудить можно. Когда я просилъ и искалъ того, тогда меня не допустили; а нынѣ полно мнѣ и того несчастія, что я лишился жены, а теперь пришло и съ дѣтьми и съ домою рѣстаться: сіе кто можетъ мнѣ причестъ въ благополучіе? Но всякъ будетъ думать, что я отрѣшенъ за вину какую.

Подъ то жъ время, хотя я и самъ просилъ и прошу о розыскѣ между мною и Архіереемъ, теперь кто повѣрять тому? Всякъ будетъ думать, что я въ опалѣ; понеже и перемѣнить и розыскать про меня велѣно.

Еще жъ меня отрѣщать отъ Губерніи, а Архіерей остается въ своей Епархіи, а вся ссылка по дѣламъ на его духовныхъ и его подчиненныхъ. Какъ они за страхомъ Архіерейскимъ не будутъ по чинѣ покрывать и исполнять его волю? Понеже образцы по Санинѣвымъ дѣламъ самъ знаещь, какъ Архимандриты и прочіе изъ вадъ неволи къ суду прикладывали руки, а за что, судили и давали оубили того, сами не знали.

6. Я буду отъ Губернской Канцеляріи отрѣшенъ, а Нееду Кудрявцову который за меня съ Архіереемъ за одно мѣсяца делая, будетъ сидѣть въ Канцеляріи, гдѣ воѣ къ тому слѣдствію немалыя шіе дела мнѣ съ оправданіемъ въ мои руки; того ни чего мнѣ не будетъ: какой же тѣтъ будетъ право розыскъ? Донеже тѣмъ подобно того будетъ и сыскать негдѣ. Сверхъ того всякого плута возбуждать на меня то говорить, чего я надѣлаю, да не какъ, а мнѣ будетъ и оправдаться не чѣмъ; и такъ я въ съ правдою буду и хуже и новатого.

Того ради что мнѣ пользы въ розыскѣ? Я бы лучше желалъ, чтобъ меня совсѣмъ въ Москву взяли, тамъ какъ будутъ дѣлать, пускай лучше сама Государыня изволитъ увидѣть мою правду; пореже я не за свои дѣла сталъ, но по Указу, мнѣ тѣмъ Архіерей возбудилъ на себя, что я хранилъ Императорскую честь и правду, да искалъ и пресѣкалъ явную Архіерейскую кражу.

7. Навѣдаться и печаловать о неволѣ, мнѣ ли какой, а что она такова: потомъ немедленно ко мнѣ отписать, да донеже сами ты знаешь, какъ я боюсь того.

8. Всего бы лучше, чтобъ остановить новаго Губернатора, и не прислать сюда, розыскивать про меня, да жена, да не перемѣнига. И хотя во время слѣдствія мнѣ въ Губернской Канцеляріи и не вѣдъ стая и въ поѣздѣ не вступать, то мнѣ тѣмъ ни чего, только мадобъ, во, чтобъ и Архіерей отъ Епаркіи на то время отрѣшенъ, сидѣть также, чтобъ и Нееду Кудрявцову не присутствовать въ Канцеляріи на то время, для того, что сумея съ ними ссора, а по Прѣзисѣ съ ними иныи: мой не будетъ, чтобъ мнѣ по пражному, правды мажнотъ мнѣ; хотъ до Маія мѣсяца, а потомъ хотя ли перемѣнить, такъ мнѣ не такъ будетъ образно, да и выгдѣ мой мнѣ легче будетъ.

А буде не такъ, то лучше, чтобъ въ Москвѣ сидѣть, да и

9. Еще надѣяться о томъ мнѣ; гдѣ я про слѣ перемѣны и прѣдѣлецъ буду, и сіе все, что навѣдаетесь, прошу, велѣтѣ и моему Курьякину, сообщать

10. Посылаю съ вами по слѣ конвертомъ дяди Семена Алексѣевича всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Велич-

ству; и ежели она захочет показать милость со мною, надобно оное подать всеконечно, дабы Государыня известна была, что я невиненъ, а когда изволите усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе мужественно, что меня напрасно не повелѣять перемѣтно разорить и непорядочнымъ розыскомъ обругать. А буде онъ, жалѣя меня, по своему мнѣнію да не подастъ, такъ онъ тѣмъ погубитъ меня, и я вижу, что дѣло въ тому идетъ, что мнѣ умереть съ печали, что Богъ на немъ възыщеть, что онъ до того довелъ меня.

14. Невозможно ль дядѣ Семену Андреевичу и прочимъ милостивымъ той милости показать, чтобъ для того розыску прислать кого изъ гвардіи, которые у такихъ дѣлъ бывали: Раевскій, Епишкофъ, или Мельгуновъ. Я отъ такихъ ни отъ кого ни прочь, только чтобъ порядочно повѣли слѣдствіе.»

Съ Дубасовымъ посланы были письма къ Салтыкову и къ Урусову; письмо къ Салтыкову было послѣднѣе усиліемъ со стороны Волынскаго разшевелить дядю:

«Понеже я знаю себя въ совѣсти моей, что я невиненъ конечно и во всемъ чистъ, а я вижу, что дѣло не туды идетъ (и тс Милостивой Государь, отъ васъ мнѣ, что не могли и съ правдою моею престеречь меня), того ради, не дожидаясь крайней нужды, принужденъ написать прошеніе мое къ самой Ея Императорскомъ Величеству, Всемилостивѣйшей Государыня. И ежели не надобно вамъ моя погибель, прошу оное поднести; ибо я то учинилъ, въдѣвъ Ея Императорскаго Величества великодушное и мудрое разсужденіе на которое уповаю, не чаю, чтобъ безвинно я терпѣлъ немилости и преданъ былъ въ руганіе; да еще же за Ея Величества интересы, а за то себѣ злобу и напасть явную вупилъ. А въ какой силѣ оное письмо, прилагаю копію, изъ которой изволите сами усмотрѣть, что противности въ немъ ни какой нѣтъ.»

«Я не знаю, Милостивой Государь-Отецъ, передъ вами ли какой моей вины, что вы сами изволите засвидѣтельствовать; а ежели вы меня нынѣ оставите, истинно вамъ за то будетъ самъ Богъ мститель, и я съ печали умереть могу.»

Въ то же время Волынскій писалъ къ Урусову:

Хотя я вамъ просьбами моими наскучилъ, да крайняя неволя къ тому влечетъ меня, изывалъ напрасной обиды и крайняго моего разоренія. Разсудилося мнѣ написать всеподданнѣйшее мое прошение къ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ, которое послалаь нодъ конвертомъ дяди моего, Семена Андѣевича, да боюсь того, что онъ, жалѣя меня, подастъ либо не осмѣлится, а я опасности, въ томъ ни какой не нахожу себѣ, для того, что я чистъ конечно.

И такъ естли изволитъ Ея Императорское Величество до усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе, что меня безъ вины напрасно обругать и разорить не повелитъ.

Я отъ розыску истинно не бѣгу, и самъ о томъ прошу, да только чтобъ порядоченъ былъ, а то какой же будетъ розыскъ, что всё мои оправданія и дѣла отнимутъ изъ моихъ рукъ, да стануть слѣдовать, а мнѣ будетъ и сослаться не на что, а когда меня отрѣшати, надлежитъ отрѣшати и Архіерея отъ Епархіи, а Неводу не надлежитъ быть при Губернской Канцеляріи, понеже у меня съ нимъ ссора, а онъ обще ставался протнваю меня съ Архіереемъ.

Впрочемъ ссылаюсь на вручителя сего: что вамъ будетъ доносить, изволь подѣрнуть, и не оставитъ его въ милости своей, понеже и онъ невинно страдаетъ.

Остатнѣе прошу, естли инова нельзя сдѣлать, чтобъ меня для допросу взять въ Москву прежде перемены: я столько чистъ, что въ два часа всё его Архіерейскіе пункты очиню. А по допросѣ моемъ для улпки пускай пошлютъ сюда слѣдовать, кого хотятъ, а меня пускай задержать въ Москвѣ, а вмѣсто меня быть здѣсь моему повѣренному. Да чтобъ Архіерею и Спасаго монастыря Архимандриту Питириму не быть здѣсь. Понеже онъ по дѣламъ покаялся многожды явнымъ плутомъ.

А за тѣмъ по слѣдствіи воля Ея Величества и переменить меня, да я честенъ буду и неволноврительно выѣду отсюда безо всякаго стыда. А буду по допросу моему и по слѣдствію, естли только достоинъ буду потерять палець, ибъ буду езозвъ и за голову.

«И безъ вины и безъ розыску не хочу, чтобъ я такъ былъ обру-
 чать, о какъ злодей какой. И тогда вы можете разсудить; а хотя для
 къ мнѣ и пишеть, разсуждая о вѣхъ мой перемены. И въ Москву, да я
 пишу, что проведу и разобьеса. Со вѣдъ мнѣ доломъ.»
 «На то, что вы пише, что вы пише, что вы пише, что вы пише.»
 «Жако? За что же меня жалать? да прежде надлежитъ до судить
 етовать, а не тоужь вричь, что вы пише, закрывая воровство свое,
 доносить и затввають. Впрочемъ, прошу напаматовать Бога и душу,
 да меня въ такомъ моемъ зломъ несчастъ не оставитъ, и въ прав-
 дѣ жьбы, сколько поможетъ, непоможествовать мнѣ. Силъ прекратя,
 остаеъ вины, Государь моею, скорный и вѣрный слуга Артемей
 Волыинскій.»

Человѣкъ Волыинскаго, Курочкинъ, разнесъ всѣ его письма по
 адресамъ, и 24 Ноября уведомятъ его о положеніи его дѣла:

«Сего Ноября 14 числа получень вашъ, Государевъ Указъ, пр
 томъ и письма къ вашему благодѣтелю чрезъ Сержанта, Господи
 Хомутова. И тѣ, Государь, письма, по подписанному, съ нимъ о
 ща разнесли. А сего жъ, Государь, Ноября 20 числа въ Москвѣ
 привезъ и Петръ Игнатъевичъ Дубасовъ, и съ нимъ прислаять
 письма всѣ разнесены жъ. И на тѣ письма всѣ сказали, что вамъ
 Государь, лучше ѣхать скорѣй въ Москву, нежели тамъ медлить,
 о конвоѣ и о подводахъ Семень Андрѣевичъ, Павелъ Ивановичъ
 Князь Григорій Алексѣевичъ Урусовъ сказали, что ни какъ ток
 Указу сдѣлать не можно. Присланное, Государь, письмо, вице, Гс
 сударь, по совету Семена Андрѣевича съ Князь Алексѣемъ, Михай
 ловичемъ, Петромъ Игнатъевичемъ Дубасовымъ подано Оберъ-Ка
 мергеру Господину Бирону, которое въ то жъ число у Государыни
 явлено при Семенѣ Андрѣевичѣ, и на то, де, ни чего не сказан
 и о депешѣ Государь, вашей сдѣлано ивиннымъ Указомъ, а видн
 до Архіерейскому оглащенію, на что чають все яко бы то и прав
 да, а челобитью, Государь, Архіерейскому въ Сенатъ о розыскѣ
 опредѣленія ни какого нѣтъ. А о принятіи, Государь, Казанск
 Губернской Канцелярши изъ Сенату Ноевду Кудрявцову: Указъ данъ
 Ноября 24 числа, и къ вамъ такой же Указъ посланъ, а вѣдъ
 что Ноевду Кудрявцову изъ Москвы выѣдетъ сегодня, а Губернате
 ремъ въ Казань сназано Князь Михайлу Володинровичу Долгору

кову, а Указу еще въ Сенатъ не написано. А Неведь Кудрявцовъ вамъ, Государю, такой благодѣтель, что присланныхъ Каванскихъ девятицѣль Пирожникова и который приехалъ съ Сержантомъ Хомутовымъ взять къ себѣ, о чемъ тебѣ обиду доносить и Семену Андрѣвичу, изволилъ на то сказать, что не отъ него зависить, а оной Сержантъ Хомутовъ, хотя, имѣя себя зѣловъ свободу, и приехать бы можно мѣсто, однако добровольно соизволилъ на службу вѣной въ Москву остаться и нынѣ отправленъ къ вамъ, Государю, на двѣдичьихъ двухъ подводѣхъ, а до сего числа не отправленъ за тѣмъ, что чайки по присланному письму до Ея Величества Указу.

А нынѣ того радя, Государя началъ готовить сънарядова въ Москву къ приѣзду вашему. А гдѣ, Государь, (какъ) прибыть изволишь, возьмемъ квартиру, о томъ конитѣ рабу своему, прикажи отписать. А Васна въ Ивановича Долынского домъ отдадутъ намъ яноземцу Ю. семъ доношу, вашъ всенижайшій рабъ. Андрей Курочкинъ. Ноября 24 дня, 1730. году.

Еще вамъ, Государю, доношу, что видно изъ всего заочнаго ни отъ кого благодѣнія по вашему желанію невидно для чего нѣтъ. Можетъ иные великаго способа добѣтать не могутъ, а другіе яко бы говорить, сожалея о помощи. Больше всего говорятъ что переизна сланина отъ ничогаго охраненія. А Михайлу Михайловичу брату вашему, Государь, въ Сенатъ опредѣленія къ Адамъ ни какого нѣтъ, и о томъ нѣкто ему писалъ дожно.

Нетерпѣливый Волынский, не дождавшисъ отвѣта Салтыкова, послалъ къ нему еще новое письмо съ просьбой объ оставленіи его въ Казани хоть до будущей весны.

Я уповаю, что съ прощеніями моими Сержантъ Хомутовъ прибылъ давно, а и Господинъ Дубасовъ въ сихъ дняхъ (кажется, въ половинѣ Ноября) къ Вашему Превосходительству уже прибылъ, и промѣшисемъ явнихъ могъ вамъ словесно о всемъ довести. По тому милостиво изволите, Милостивый Отецъ, сами разсудить, сколько безячества и убыточна мнѣ нынѣ будетъ трудность въ допрѣ съ малыми ребятишками, дѣтими моими. Истинно я разорился безъ остатка, со всемъ моимъ домою, и дѣтей бѣдныхъ прибуденъ буду конечно повредить стужей, понеже здѣсь рѣдко поивать такихъ въ Ноябрѣ морозовъ, какѣ нынѣ стали.

Я, Милостивой Государь Отецъ, ни о чемъ иномъ не прошу, когда пришла на то воля Ея Императорскаго Величества, что(бъ) меня перемѣнить, что дѣлать, и когда ни будь надобно тому быть, да только и то(бъ) не въ нынѣшнее время. И для того всенижайше прошу показать надо мною Божескую милость и милостиво испросить мнѣ до весны время въ моей перемѣнѣ. Также прилежно прошу, и о слѣдствіи до Архіерейскимъ на меня затѣйнымъ и составленнымъ бреднямъ, что(бъ) повелѣно было слѣдовать не тому, кто на мое мѣсто Губернаторомъ назначенъ; понеже онъ, жедая моего мѣста, будетъ на мою сторону посягать и съ правдою могъ дѣлать меня нарочно виноватымъ; также при томъ слѣдствіи что(бъ) Неееда Кудрявцову не быть; понеже онъ съ Архіереямъ обще противу меня стѣжался. Того ради что(бъ) повелѣно было прислать кого особливѣго, и я не выбираю ни кого, только что(бъ) кто совѣстенъ былъ и зналъ совершенно дѣло, а я готовъ подписаться на смерть, что ежели порядочно и на обѣ стороны ни посягалъ; ни маня, будетъ изслѣдовано, и буду во всемъ правъ, а Архіерей останется въ томъ какъ недобрый и безсовѣстный человекъ.¹⁵

Впрочемъ, Милостивой Государь-Отецъ, всенижайше прошу милостиво напаяматовать мои хотя малые, но вѣрные, услуги къ Вашему Превосходительству, милостивому отцу, и при томъ милостиво ваше отеческое ко мнѣ обнадеживанье, и доказать въ томъ мнѣ Божескую милость.

Ежели о пріѣздѣ моемъ въ Москву будутъ ту невозможности разсуждать, что Губернію оставить не на кого, есть здѣ Подполковникъ Хвостовъ, во сто мѣръ лучше Неееда, и правиль цѣлую Нижегородскую Губернію такъ порядочно, что въ одинъ годъ переделалъ столько дѣлъ, чего Юрій Ржевскій въ десять лѣтъ не сдѣлалъ.

Не извѣстно, что отвѣчалъ Салтыковъ на это письмо, но Князь Урусовъ писалъ ему, что это его желаніе не исполнимо:

Письмо ваше, писанное въ Казанѣ сего Ноября 4 дня, я получилъ 17 дня, ввечеру, на которое симъ отвѣтствую, что(бъ) вамъ уведомить въ Казанѣ до весны, ни какъ не могу вамъ въ томъ услужить, а для чего, о томъ изволивъшъ уведомиться, пріѣхавъ въ Москву; либо вамъ лутче быть здѣсь, какъ можешь управиться скорѣе

¹⁵ См. выше примѣч. 12-ое. О. Б.

нежелъ въ Казань до весны умѣшкоть; а что вамъ по вашимъ недостаткамъ зѣло провѣдъ убыточень, и я тому вѣрю, да что же дѣлать? А что вы съ обнадеживанія привезъ и привелъ много, и въ томъ никто не виненъ, кромя васъ, понеже обнадеживали васъ не такой мѣрою, дабы вамъ не изытну быть вовсе изъ Казани; токмо разсуждая въ вашу пользу, что вамъ перешны (въ то время не было) не слышно, и лутче вамъ жить тамъ, нежели въ Москву, по вашему желанію прѣхать; а когда не потрафлено въ вашу пользу, и то уже друзьямъ и писать совѣтовъ не надобно. Архіерейская сеора съ вами, я чаю, твоимъ сюда прѣздомъ пресвѣчается безъ сѣдствія, а на наше мѣсто будетъ Губернаторомъ Князь Михайло Володимировичъ Долгорукой, которой отсель поѣдетъ, я чаю, не замѣшкавъ, а Вице-Губернаторъ Кудрявцовъ, я не знаю, за чѣмъ отсель еще не поѣхалъ, а надлежало ему отсель давно выѣхать и ѣхать въ Казань. Вѣрный вамъ, Государю, слуга Князь Григорій Урусовъ. Изъ Москвы, Ноября 20 дня, 1730 года.»

VI.

Мы не знаемъ, при какомъ изъ этихъ прошеній и когда именно Волынской послалъ оправдательное объясненіе на 38 пунктовъ Сильвестра. Видно только, что онъ послалъ ихъ въ 1730 году, когда Сильвестръ былъ еще въ Москвѣ. Вѣроятно, это было послѣдствіемъ его неудачныхъ просьбъ о разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ.

Такъ какъ въ біографіи Волынскаго¹⁶ приведены пункты Сильвестра, какъ «драгоценный документъ, проливающий самый яркій свѣтъ на цѣлую эпоху жизни и дѣятельности Волынскаго,» то мы считаемъ справедливымъ привести и оправдательные пункты Волынскаго. Но они будутъ непонятны безъ обвинительныхъ пунктовъ, и по тому мы просимъ позволенія привести вмѣстѣ тѣ и другіе, одни за другими:

1. Приговоромъ бывшаго Губернатора, Василія Зотова, съ товарищи, противъ прошенія нашего изъ Казанской Губернской Канцеляріи Указомъ, крѣпостныя наши старинныя мѣста въ Каменномъ

¹⁶ «Артеміи Петровичъ Волынской,» Г. Шинкина. Отеч. Зап. 1860 г.

городъ, близъ Никольскихъ воротъ, мѣрою длины тридцать, а ширинѣю двадцать сажень. отданы были въ домъ нашъ по прежнему, и оный Указъ вышедшій Губернаторъ Волынской, по неимѣности своей къ намъ, уничтожилъ и вышеозначенныя мѣста владѣнiемъ у насъ отрѣшилъ, и ни чего строить на нихъ не велѣлъ, и на вышепереченныя мѣста ко всякому строенiю куплено было нами у постороннихъ дорогою цѣною лѣсу сто воемдесять девять деревьевъ, также изъ плаговъ по два лѣта съ четиристотъ лучшихъ бревенъ, сими Губернаторъ побралъ себѣ на дворъ и поутребилъ въ новостроенныя свои Губернаторскія хоромы безденежно, и тѣмъ сильнѣишъ ввѣщенъ дому нашему учинилъ обиду и въ дѣлѣ оставленъ также и другихъ нашихъ домовыхъ служителей, разныхъ чиновъ людей, побралъ лучшихъ же бревенъ на выборъ многое число, безъ платы же.

4. Оныя мѣста въ замкѣ Казанской крѣпости, гдѣ была Дворянскіе и протчихъ чиновъ людей дворы, въ томъ числѣ и соборныхъ Поповъ, а не одни Архіерейскіе, и при бытности Губернатора Петра Матвѣевича Апраксина тѣ дворы сломаны, для очищенiя крѣпости, и чтобъ въ ней деревяннаго строенiя, для опасности отъ пожаровъ; и не было (что конечно и надлежало сдѣлать), а на тѣхъ мѣстахъ сдѣланъ цейхгаузъ каменной, а противъ цейхгауза сдѣланъ же Губернаторскій дворъ (который потомъ къ суконной фабрицѣ отданъ), а у кого тѣ дворы сломаны, тѣмъ людямъ даны нынѣ мѣста, въ томъ числѣ соборнымъ и Архіерейскимъ служителямъ, на которыхъ они и нынѣ живутъ и то онъ, Архіерей, все утаилъ, а что написалъ, что ему отдалъ мѣста Василей Зотовъ, и то учинено напрасно. Понеже не только вновь въ крѣпости деревянныхъ дворовъ подымъ людямъ строить не надлежитъ, но и старое строенiе весьма надобно вынести, для того, первое, что отъ того въ крѣпости тѣснота, а параднаго нѣтъ довольнаго мѣста (какъ въ прочихъ крѣпостяхъ вездѣ есть и надобно быть); второе, надобно опасность имѣть отъ пожару, понеже подлѣ того мѣста, вышепомянутой цейхгаузъ, которой покрытъ деревомъ, а сводовъ каменныхъ въ немъ нѣтъ. Также близъ того мѣста фабричный дворъ и Соборная церковь, подлѣ которой кладутъ Архіерейскія дрова по нѣскольку сотъ сажень. И ежели на томъ мѣстѣ попуститъ строиться нѣвѣдчихъ, Архіерейскихъ, (какъ мнѣ онъ, Архіерей, о томъ говорилъ), то оныя небреженiемъ своимъ все оно сож-

гуть. Ктому жъ и мѣсто оное зѣло тѣсно, и строятся онымъ пившимъ негдѣ, для того что тутъ построены магазинныя анбары на полевые аммуниці. Сверхъ того для лучаго разсмотрѣнія прилагаю о томъ чертежь. А что онъ, Архіерей, написалъ, что будто взято сто восемьдесятъ девять бревенъ да четыреста бревенъ, и что будто и у другихъ домовыхъ ево побрано бревенъ лучшихъ многое число безденежно, и то онъ все солгалъ. Понеже хотя лѣса на Государственные строения у лѣсныхъ торговыхъ людей, по торговой цѣнѣ и съ торги браны, тѣмъ всеѣмъ производится должная заплата, и жалобы за то и ни отъ кого не слыкалъ, а у Архіерея ни одного бревна не бирывано.

2. Въ томъ же Каменномъ городѣ живъся у насъ старинный небольшой садъ и огородъ, въ которомъ, прошлаго 728 году, въ прибавокъ купя на свои келейныя деньги яблонныхъ и вишневыхъ и прочихъ, рждающихъ плоды, деревьевъ, посадилъ вновь своимъ трудомъ, и промежь тѣхъ яблоней на грядкахъ обыкновенно дому нашего монаха сажали ниже означенныя овощи, тѣмъ напредъ сего по вся лѣты и пропитаніе имѣли, и во ономъ нашемъ саду въ Великій Постъ онъ, Губернаторъ, не сказавъ намъ, велѣлъ сломать заборы и ворота, и травилъ собаками волковъ и зайцевъ, отъ чего старыя деревья поломали, а вновь посаженныя мною деревья приказалъ, выкопавъ, перенести и посадить на загородномъ своемъ дворѣ, и послѣ недѣли Святыя Пасхи саженыя овощи наши: лукъ, чеснокъ, рѣдьку, салатъ, росаду, мяту, по приказу его, выкопали изъ земли и выбросили за ограду, и приставилъ свой караулъ, а калятку съ двора нашего, которою наши ходили въ оной садъ, велѣлъ бревнами завалить на глухо, и за онымъ и до днесь входу отъ насъ изъ владѣнія тѣмъ мѣстомъ нѣтъ.

2. Оной огородъ и садъ Архіерейской никогда не бывалъ, а заюдилъ его Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ подѣль выше помянутого Губернаторскаго каменнаго дому, того, что къ суконной фабрицѣ отдавъ, и огородилъ тотъ садъ каменною стѣною, придѣланною къ тому каменному двору, и владѣлъ имъ онъ, Петръ Матвѣевичъ, а послѣ Петра Матвѣевича владѣли протчіе Губернаторы: Петръ Самойловичъ, Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, Князь Александръ Волконскій, Иванъ Ѳамендинъ. А потомъ, въ прежнюю мою здѣсь бытность,

владѣль и я тѣмъ садомъ безспорно, а потомъ и Василей Зотовъ владѣль же; а когда мнѣ велѣно Зотова переимѣнить, тогда оныи отдавъ Архіерею безъ Указу собою; а когда я сюда прибылъ, сталъ онымъ пакъ владѣть, я отъ Архіерея ни какова спору въ тотъ не слыхалъ, а деревъ я изъ него на загородный дворъ ни одного не высаживалъ и вывозить было не для чего. А что онъ, Архіерей, написалъ, будто я калитку съ двора его, которою его люди ходили въ тотъ садъ, велѣлъ завалить на глухо бревнами, а калитки съ Архіерейскаго двора ни какой къ тому огороду нѣтъ и быть негѣтъ, для того что между Архіерейскимъ дворомъ и тѣмъ садомъ Соборная церковь, а за Соборною церковью бывшей Губернаторскій дворъ, что нынѣ фабрика, а ходъ въ тотъ садъ особливой, а не съ Архіерейскаго двора и оной входъ и теперь цѣлъ, а я не только Архіерейскую калитку, но и ни какой не задѣлывалъ: и то онъ, Архіерей, все солгалъ,

3. А отдавъ и завладѣль онъ, Волыинскій, тѣми мѣстами и огородомъ подъ именемъ купца Ивана Миклаева, жены его вдовы, Авдотьи, Ивановой дочери, которыми, какъ самъ Иванъ Миклаевъ при жизни своей, такъ и по кончинѣ его, она вдова подлинно не владѣла, въ чемъ повелѣниемъ ея, прикащикъ ихъ, Иванъ Артемьевъ, въ Мануфактуръ-Конторѣ сказкою предъявилъ, что оными мѣстами и садомъ они не владѣли, и вредъ имъ ни подъ какія случающіяся потребности во владѣнни быть не угодны, которая сказка и въ Правительствующемъ Сенатѣ по челобитью нашему и въ выписку о тѣхъ мѣстахъ написана.

3. Я владѣль тѣмъ садомъ не подъ именемъ вдовы Миклаевой, а владѣю по тому, какъ выше во второмъ пунктѣ написано; а что онъ, Архіерей, написалъ, что мужъ той вдовы, Иванъ Миклаевъ, не владѣль тѣмъ садомъ, и что до смерти его и она вдова не влаживала, то правда, токмо оной Миклаевъ и жена его для того не владѣли, что ему отдавъ одинъ дворъ каменной Губернаторскій для фабрики, а о томъ саду, чтобъ отдать ему, въ томъ Указѣ не написано. И хотя оной Миклаевъ и просилъ меня о томъ саду, токмо я ему не отдалъ, а отдалъ по Указу одинъ дворъ; и то дѣлалось въ прежнюю мою здѣсь бытность, что онъ, Архіерей, все утаивалъ, а на меня затѣялъ; сверхъ того онъ имѣеть особливой свой

въ тутъ же въ замку противъ Архіерейскаго дому, и въ тотъ же вступаюся.

4. Также при домовомъ нашемъ Кизическомъ монастырѣ, во мѣ и подлѣ самой ограды, присланные отъ него, Губернатора, злоюдствомъ издремле береженную многихъ лѣтъ рощу порубили не малое число, изъ которыхъ присланныхъ озорничествомъ хотѣли онаго монастыря Игумена Корнилія бить, и отъ той, ихъ настѣи едва онъ, Игуменъ, въ монастырь ушелъ и бѣгствомъ, спасъ, понеже онъ, Игуменъ, въ посѣчкѣ той рощи имъ воспрещалъ, поимать оныхъ, за малолюдствомъ служителей монастырскихъ, во опасно и привести за немилость Губернаторскую въ Камценію не возможно.

4. Все оное Архіерей солгалъ; понеже того ни чего не бывало, и во всемъ томъ шлюсь на того Игумена и на всѣхъ того монастыря монаховъ, и на всѣхъ домовыхъ Архіерейскихъ служителей. Ктому жъ оная роща и теперь цѣла вся, которую я нарочно, выша оную его затѣяную ложь, посылаю свидѣтельствовать, я рубить я ни кого ни одно дерево не посылавалъ; а съ чего онъ, Архіерей, то написалъ и солгалъ, я не знаю.

И когда я о томъ увѣдомился, спрашивалъ, при многихъ, того монастыря Игумена: цѣла ль та ихъ роща, или порублена, и кто она рубилъ, и съ чего Архіерей то на меня написалъ, чего я не вѣдаю, и оной Игуменъ, при свидѣтеляхъ, мнѣ сказалъ, что роща той ни кто не рубилъ, только, де, весною приходили солдаты съ лѣкарскимъ ученикомъ, и, не сказавъ ему, Игумену, ни сосновые почки съ той рощи въ госпиталь на лѣчение больныхъ, а собирали, де, небережно и ломали нѣкоторые сучья, и онъ.

Игуменъ посылаю на нихъ жаловаться къ тому Лѣкару, отъ котораго они присланы были, и тотъ, де, Лѣкаръ хотѣлъ ихъ за наказать, а рощи, де, они не рубили, и его, Игумена, брали, и, и то, де, все напрасно на него затѣяно.

5. Оной же Губернаторъ, ѣхавъ изъ Москвы въ Казань Волжскою, и прѣхавъ въ городъ Чебоксары, и вышедъ изъ струны, оковы на берегъ; и по согласію съ Чебоксарскимъ Воеводою

Алекотемъ Заборовскимъ, велѣли изъ пушекъ палить (или стрѣлять), и въ то время отъ потѣхи ихъ пушку разорвало, и погубило мужеска и женска полу человекъ съ пятнадцать, о чемъ наше смраженіе, бодсь, суда Божія, по должности моего званія, и умолчать опасся, понеже отъ ихъ Господскихъ чрезвычайныхъ забавъ люди Божія безъ всякаго Христіанскаго исправленія лишены сего отвѣта безвремени.

5. Я Воеводъ Заборовскому истинно не только стрѣлять не приказывалъ, но и заказать велѣлъ, и о томъ кричали, чтобъ не стрѣляли, только не слышно было, понеже я не дошелъ до того мѣста оажень со ста. А что пьяной пушкарь зарядъ положилъ неумѣренный, и что разорвало пушку, и его самого и при томъ другихъ побилло четырехъ человекъ на повалъ, да двое отъ ранъ померли, я въ томъ не виноватъ. Сверхъ того отъ той разорванной пушки два великія жеребья упали близъ меня, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я шелъ, и такъ меня мало самого не убило до смерти.

6. А потомъ съ начала прибытія Господина Волинскаго въ Казань люди его и при немъ солдаты, слыша отъ него къ намъ великія напрасныя посягательства, пришедъ къ пѣвчому нашему, Алексѣю Высоцкому, въ домъ, нахально ночнымъ временемъ я близъ его, едва жива покинули безъ всякія причины.

6. Я конечно людямъ моимъ и ни кому не потачикъ, а жалобы о томъ какъ отъ пѣвчаго, такъ и ни отъ кого не слышалъ, а люди мои по ночамъ изъ двора моего не выходятъ, что у меня вѣрѣно приказано, а и въ день по дворамъ не шатаются ни къ кому, развѣ кто за чѣмъ посланъ, и для того не вѣрю, чтобъ то было отъ модъ людей сдѣлано.

7. Да у загороднаго Губернаторскаго двора, по Приказу Волинскаго, Богоявленскаго Дьякона, Ивана Семенова, да съ нимъ Владимирскія церкви посвященныхъ дву человекъ церковниковъ, Степана Степанова и Андрея Гаврилова, поймавъ, солдаты прутьями гоняли и стегали нагихъ, которыя и биты нещадно и оставлены при смерти.

7. Въ прошломъ году весной былъ я съ женою и съ детьми на загородномъ дворѣ, при томъ были нѣкоторые Офицеры и Дво-

раше съ женами, и въ то время нѣсколько, человекъ раздѣлся на-
ге, подъ самымъ дворомъ моимъ, противъ хоромъ тѣхъ, гдѣ я съ
домашними моими и съ прочими былъ, купались и играли пьяные,
которымъ къ моему дому, такъ безчинно обмажь свое тѣло, и бли-
зко подходить не надлежало: и за то я велѣлъ ихъ отогнать пруть-
емъ, а Дьяконы ль были, или Дьячки, узнать того было нельзя; для
того что они наги были и можетъ быть что въ невѣдѣніи учинено
было то, хотя бѣ кто и лучше ихъ былъ, а чтобъ смертными по-
болми биты и будто они при смерти оставлены, то онъ, Архіерей,
солгалъ, понеже ни одному изъ нихъ ни десяти ударовъ не доста-
лось, и тому уже прошло слишкомъ полтора года.

8. Также домового нашего иконописца, Никифора Смирнова,
по приказу Волынскаго, взявъ присланные въ полицію (такъ!) и
связъ съ него, иконника, рубаху били нагого кошками смерт-
ными биемъ.

8. Полиція у меня сдѣлана порядочная, и тѣмъ воздержано
воровство, кражи, приемы бѣглецовъ, шинки и блядскія дома запре-
щены, понеже до полиціи всѣми тѣми пакостями Казань была на-
полнена такъ, что и добрымъ людямъ въ nocturne время изъ дворовъ
своихъ выйтить было трудно; ибо по улицамъ и переулками не
только великіе грабежи были, но и смертные убійства, какъ то
всѣмъ извѣстно. И естли кто изъ подлыхъ людей явится въ ма-
лыхъ винахъ, тѣмъ всѣмъ, не докладывая, чинять отъ Полиціи нака-
занье, а въ большихъ винахъ съ доношеніями приводятъ въ Гу-
бернскую Канцелярію. А по справкѣ нынѣ явилось что оной ико-
нописецъ въ прошломъ годѣ съченъ кошками за то, что досталось
ему къ рогаткамъ на караулъ, а онъ, ругаяся тому опредѣленію, по-
оставилъ на часы, вмѣсто себя, жену свою: и то наказанье учине-
но ему правильно, однако жъ не по моему приказу, а по опредѣ-
ленію Полиціи.

9. Да Казанскія наша Духовная Школа Авдигора, Федора
Афанасьева, захвата на дорогѣ его же, Губернаторскіе, деньщики
были жестокими побой и таскали безвинно, и привели еще къ Во-
лицкому на загородный дворъ, и онаго, Авдигора, приказалъ вто-
рично бить батожемъ предъ собою смертно, а онаа Школа строе-

на и жалованье получаютъ изъ дому Архіерейскаго, а не отъ Губерніи.

9. Въ Казанской Духовной Школѣ нѣтъ ни какого Авдитора и не бывало никогда, кромѣ что человекъ съ пятнадцать Поповыхъ и Дьячковыхъ дѣтей грамотъ учатся; изъ которыхъ въ прошломъ годѣ одинъ Дьячковъ сынъ, собравшись съ товарищами своими, сама третьей пядице напали на одного солдата и били его, близъ двора моего, и потомъ тотъ Дьячковъ сынъ пойманъ и приведенъ ко мнѣ на дворъ, и по слѣдствію явилось, что тотъ солдатъ бить отъ нихъ напрасно, и за то оной Дьячковъ сынъ, по приказу моему, выстѣчень, что не только я, всякъ то учинить.

10. Оной же Господинъ Волинской въ Казани, выхвата изъ ноженъ своихъ шпагу, и гнался съ нагольною чрезъ горницу Духовнаго нашего Приказа за Секретаремъ, Осипомъ Судовниковымъ, и хотѣлъ заколотъ его тою шпагою напрасно, который Секретарь едва отъ него, Волинскаго, ушелъ и бѣгствомъ тѣмъ Судовиковъ отъ смерти спасся.

10. Ни чего того не бывало, и все то онъ, жалобщикъ, какъ не доброй и безсовѣстной человекъ, напрасно затѣялъ, или мню, что онъ съ ума збрелъ и написалъ то, въ чемъ я шлюсь на самага того Секретаря Судовикова, понеже онаго никогда и не бранивалъ, нѣ токмо когда хотѣлъ бить, или колотъ.

11. И въ 729 году, будучи на Іорданѣ, оной Волинской усмотрѣлъ въ облаченіи Равенскія пустыни на Іеродіаконъ Іиліѣ Персидской золотой парчи стихарь, и велѣлъ прислать къ себѣ и, бояся его, домовые наши оное церковное облаченіе отнесли къ Губернатору въ домъ, и оной стихарь Волинской приказалъ распоротъ у себя матерію, взять къ себѣ вовсе, а оплечье возвратить въ Равенскую пустыню по прежнему. ¹⁷

¹⁷ Я думаю, что эта исторія подава поводъ къ баснѣ, разсказываемой Германомъ, о дорогомъ, стотысячномъ стихарѣ: (Hermann, Geschichte des Russischen Staates, B. IV, S. 606—609, и у Г. Шишкина, въ біографіи Волинскаго, Отеч. Зап. 1860 г. № 2, пр. 491). Оттуда въ Астрахань вѣлся стотысячному стихарю,

11. О стихарѣ, на которомъ Китайская шитая парча, просилъ архіерея, чтобъ приказалъ мнѣ оной дать на время для образца, въ снятїе для шитья травъ и цвѣтковъ Китайской работы, но, Архіерей, прислалъ оной стихарь ко мнѣ чрезъ Казначея его, Іеромонаха Алексѣя Раифскаго, которой объявилъ мнѣ, что ми мнѣ надобно, чтобъ я оставилъ у себя тотъ стихарь во- а вмѣсто бѣ того далъ въ тое пустыню иной какой. Того ра- т, взявъ изъ ряду штофъ по красной землѣ съ золотыми трава- цѣною по пяти рублевъ, и оную парчу посылалъ ему, Архіерею, ть и спросить, прикажетъ ли изъ той парчи, вмѣсто той Ки- жкой парчи, положить на стихарь? И понеже та Китайская пар- ся не стоить больше десяти рублевъ, что онъ, Архіерей, за- то принялъ и велѣлъ мнѣ сдѣлать изъ того купленаго штофу сарь, которой я, по ево велѣнію, сдѣлалъ и, обложивъ серебрянымъ кевомъ, отослалъ къ нему, Архіерею, съ тѣмъ же его Казначеемъ, монахомъ Алексѣемъ, а тотъ спорокъ оставилъ у себя для снї- я образца только, а не въ пожитокъ себѣ, да и то по его жѣ, іерейскому, приказу, а потомъ я въ ту жѣ Раифскую пустыню отъ себя и ризы новые штофные по зеленой землѣ съ золот- и травами, которая парча куплена въ ряду цѣною. А изъ она- даннаго мнѣ ветхаго спорка, по снятїи образца, намѣренъ былъ ать стихарь и туда жѣ въ пустыню отдать, но какъ услышалъ, онъ, Архіерей, то на меня затѣялъ, оставилъ оной у себя для вѣдѣтельства. Того ради прошу, чтобъ повелѣно было тотъ сти- и ризы данныя отъ меня и тотъ спорокъ, которой мнѣ Ар- ей далъ, взять и освидѣтельствовать, и того Архіерейскаго Ка- ея, для дутчаго свидѣтельства, въ томъ допросить, совѣснѣ ли ѣланной стихарь, вмѣсто той ветхой парчи, далъ, или одно- чье, и то съ его жѣ, Архіерейской, воли ед. учинилъ, или самъ ю взялъ.

да всѣ монастыря бѣдныя? А между тѣмъ по время суда надъ Великимъ мано было показаніе о Рамѣскомъ стихарѣ и о разныхъ злоупотребленїяхъ Астрахани, но объ Астраханскомъ стихарѣ—ни откуда ни слова. Не вымеръ весь монастырь въ какія нибудь 13 лѣтъ. И Кубаецъ, главный доносчикъ него, бывшій съ нимъ и въ Астрахани, нигдѣ не упоминалъ объ этой вето- , которую онъ, безъ сомнѣнїя, зналъ бы.

12. А сего 730 году, Мая въ 12 день, оной Воынской, злобствуя на наше смиреніе, по навѣсту и заступленію живущаго въ Казани Подполковника Петра, Игнатѣва сына, Дубасова, за взысканіе мое Спасо-Казанскаго монастыря на бывшемъ Архимандритѣ Іоаннѣ. нынѣ же разстригъ Іосафъ Салникѣвъ (съ которымъ Дубасовъ имѣлъ сильное дружество), по Указамъ, а не собою, церковныхъ и монастырскихъ похищеніевъ, посланные отъ него, Воынскаго нарочные солдаты, пришли въ домъ Архіерейской, и взявъ изъ Казанскаго Приказа отъ дѣла Секретаря нашего, Ивана Богданова, неволею, и привели къ нему, на загородный его, Губернаторскій дворъ, и оной, Воынской, первѣе билъ его, Богданова, и за злобы дралъ собою, потомъ велѣлъ солдатамъ въ сѣняхъ его же, Богданова, въ другія бить палками и топтунами предъ собою, безъ великія причины, и оставилъ едва жива, и чинить Воынской зазнѣмо оному вору, Салникѣву, необычную поноровку, свободилъ его, изъ Канцелярій прежде времени, и отвелъ ему свободную квартиру съ лучшими покои, чего Воынскому завѣдомо такому вѣдомому вору и церковному грабителю, разстригъ, послабленія давать не надлежало.

12. Подполковникъ Петръ Дубасовъ на Секретаря его, Архіерейскаго, Ивана Богданова, мнѣ ни чего никогда не сказывалъ, а что онъ, Архіерей, написалъ, что будто присланы были нарочные солдаты въ домъ его, и будто онаго Секретаря взяли изъ Казанскаго Приказу отъ дѣла, и то онъ, Архіерей, все солгалъ, а я поего посылалъ дневальнаго Подьячего одного безъ солдатъ, только для того, чтобъ присланному, по Указу изъ Святѣйшаго Синода Нижегородской Епархіи, для слѣдствія по дѣлу о разстригѣ Салникѣвѣ, Архимандриту Лаврентію да Протопопу Андрею, въ Спаскомъ монастырѣ велѣлъ очистить квартиру, о чемъ я ему, Богданову, и предъ тѣмъ приказывалъ, что онъ учинить и общался, а потомъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что кельи для нихъ въ томъ монастырѣ очищены, но какъ оныя Архимандритъ и Протопопъ пришли въ тотъ монастырь, то оныя кельи заперты и ихъ нигдѣ не пустили, которые принуждены ко мнѣ прійти и жаловаться въ томъ на того Секретаря, что онъ ихъ обманулъ, объявилъ имъ, что кельи очищены, а ихъ не пустили и кельи заперты, а самъ онъ съ ними туда не пошелъ; того ради я, призвавъ пакк къ себѣ онаго

кретеря, сталъ ему говорить о томъ, но онъ, отвѣтствуя мнѣ, бѣлся, и за то я приказалъ его, Богданова, караульному Капралу бить палкою, которой Капралъ, по приказу моему, ударилъ его въ пять, или шесть, и топунками онъ не бивантъ и за волосы не антъ; а что онъ, Архіерей, написалъ, что растрига Салникѣвъ съвоженъ изъ Канцеляріи въ квартиру, я ему квартиру дать велѣлъ, при томъ поставленъ у него, Салникѣва, карауль, и, кромѣ церкви Канцеляріи, пускать его ни куда не велѣно.

13. А похищеннаго на немъ, Салникѣвъ, церковныхъ и монастырскихъ вещей по Указу, отсель ни чего, по страсти своей, Волнѣкой до сего времени не взыскиваетъ, и упустилъ, видно, и заятку съ него, Іосифа, церковные интересы напрасно; и что посланъ изъ Синода двѣ Указами Саморокова дѣла изъ Казани въ Москву не присылать и ни о чемъ по обоимъ Указамъ не репортуеть.

13. На растригъ Салникѣвъ не взыскивалъ церковныхъ и монастырскихъ вещей; для того, что по дѣлу, которое сегодѣня, иде со опредѣленными духовными персонами, до Указу изъ Святейшаго Правительствующаго Синода взыскивать на немъ, Салникѣвъ, не подлежитъ, понеже въ посланныхъ отъ него, Архіерея, въ свѣтѣйшій Синодъ выпискахъ, изъ которыхъ присланы къ свѣдѣнію и Указъ копія изъ подлиннаго дѣла, многихъ вопросовъ было не решено, и мнѣніемъ его, Архіерейскимъ, на ономъ, Салникѣвъ, тѣе вещи положены взыскивать напрасно, о чемъ писано въ свѣтѣйшій Правительствующій Синодъ и послана обстоятельная выписка; а для скорого разсмотрѣнія при доношеніи приложения экстракты; а Саморокова драное дѣло послано при доношеніи въ свѣтѣйшій Синодъ минушаго Іюня 10 числа, и о томъ въ свѣтѣйшій Синодъ репортовано. А что онъ, Архіерей, въ томъ третьемъ пунктѣ написалъ, что я похищенныхъ вещей на растригъ Салникѣвъ не взыскалъ будто изъ взятокъ и въ свѣтѣйшій Синодъ не репортую, и тѣмъ онъ меня обогалъ; а хотя бы на немъ Салникѣвъ, такіе деньги взыскивать, не токмо съ него, за разореніемъ, взять нечего, по тому что того Салникѣва въ пожитки и деньги его, Архіерейскимъ, опредѣленіемъ описаны и запечатаны и одержатся въ Спаскомъ Казанскомъ монастырѣ; а именно, пожитковъ безъ мало на тысячу на пятьсотъ рублей, изъ казеннаго,

Салникѣва, вынута денегъ тысяча пять сотъ рублей, которые и по нынѣ пропадаютъ напрасно, а онъ, Салникѣвъ, уже и дневной пищи не имѣетъ, кромѣ что подасть милостыню, Бога ради, и даю мнѣ съ него, братъ сталъ нечего, понеже, и до меня совѣтъ разорень.

14. И сего Юня въ 4 день, увѣдомлено наше смиреніе, что, де, прошедшаго Мая 15, дня, въ промеморіи изъ Казанской Губернской Канцеляріи въ Духовной нашъ Приказъ, за руками Нижегородскаго монастыря Архимандрита Лаврентія, да Протопопа Андрея Иванова, да Казанскаго Секретаря Егора Абрамова, написано: «По присланному изъ Святѣйшаго Синода во оную Канцелярію Указу велѣно Казанскому Губернатору Вольнскому, со опредѣленными изъ Синода духовными персонами, слѣдовать дѣло по предложеннымъ при томъ Указѣ съ выписокъ, присланныхъ въ Святѣйшій Синодъ отъ нашего смиренія, копіямъ, о похищеніи Спасо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ вещей бывшимъ Архимандритомъ Юною (что нынѣ разстрига Юсафа Салникѣвъ).»

15. И Мая же 13 дня, по приговору онаго Вольнскаго съ тѣми духовными персонами, велѣно, де, во Архіерейской нашъ Духовный Приказъ, по сказкѣ выше писаннаго Салникѣва, послать промеморію, дабы ко оному слѣдствію изъ Духовнаго Приказу присланы были въ Губернскую Канцелярію подлинныя дѣла и выписки, которыя имѣются за его, Салникѣвою, рукою и описныя церковнымъ вещамъ Спасо-Казанскаго монастыря 1715 году книги, изъ которыхъ дѣлъ Секретарь Осипъ Судовиковъ сочинялъ выписки, и у онаго Судовикова и другихъ приказныхъ людей взять сказки съ подтвержденіемъ, что тѣ подлинныя дѣла, и выписки, и описныя книги, къ слѣдствію посланы все, что есть, безъ утайки, и на чего слѣдствія нашего въ Духовномъ Приказѣ не осталось; и тѣ же сказки, купно съ помянутыми жъ дѣлами, присланы были въ Губернскую Канцелярію.

16. И на оную промеморію изъ Духовнаго Приказу въ Губернскую Канцелярію промеморією отвѣтствовали, что, де, съ ищущихся въ Духовномъ нашемъ Приказѣ Спаскаго монастыря и села Плетеней на Юсафа Салникѣва, въ похищенія, имѣ церковныхъ ве-

щей съ дѣлъ и слѣдствія выписки впередъ, для вѣдома, въ Духовномъ нашемъ Приказѣ готовятся точныя копия, а во время сочиненія тѣ копии о посылкѣ оныхъ дѣлъ и выписокъ, съ требованіемъ резолюціи, послѣдно доношеніе къ намъ, въ Москву; понеже о посылкѣ оныхъ дѣлъ отъ Синода повелѣнія ни какого не имѣется; а Секретарь Осипъ Судовиковъ отпращивъ съ присланными отъ Вашего Святѣйшества солдаты, Васильемъ Савельевымъ и Тимоѣемъ Тихановымъ, въ Москву.

17. И онаго жь Мая 21 дня, въ Духовной нашъ Приказъ присланы были отъ Господина Волынскаго отъ Кавалеріи Лудайго поручикъ Василій, Григорьевъ сынъ; Нейловъ, отъ Артиллеріи Поручикъ же Тимошей, Денисовъ сынъ, Языковъ; да Губернскою Канцелярію Канцеляристъ Степанъ Стрѣлковъ, и при нихъ шесть человекъ драгунъ, которые присланные управителей того нашего Приказу, Судію Игумена Корнилія, Протоіона Михайла Иванова, Секретаря Осипа Судовикова, взявъ сильно, и привели съ немалымъ руганіемъ въ Губернскую Канцелярію; гдѣ въ то время присутствовали оной Волынской и съ иными Духовными персоны, и требовали отъ нихъ, управителей, имѣющихся на разстригу Салникѣва о похищеніи имъ Сподо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ вещей подлиннаго слѣдствія и выписокъ, на которое требованіе они, управители, объявили, что онаго слѣдствія безъ послушнаго Указу отъ Вашего Святѣйшества и безъ повелѣнія нашего смиренія отдать не смѣютъ, и яко бы за отдачею тѣхъ дѣлъ послать въ нашъ Духовной Приказъ изъ Губернской Канцеляріи управляющій за Плацъ-Маіора Капитанъ Иванъ Рогинской, да оной же Секретарь Егоръ Аврамовъ, да показанной Канцеляристъ Степанъ Стрѣлковъ, да съ обахты восемь человекъ солдатъ, выше писанной Секретарь Аврамовъ имѣющихся на помянутого Салникѣва подлинныя дѣла при оныхъ, изъ Москвы присланныхъ, солдатахъ, изъ нашего Духовнаго Приказу выбрали насильно, и Секретарь Осипа Судовикова въ Губернскую Канцелярію съ собою взяли и подъ караулъ отдали, у котораго требуютъ, сверхъ взятія дѣлъ, подписки, чтобъ ему изъ Казани нѣкуды не съѣхать; точію оный Судовиковъ, за Указомъ отъ Вашего Святѣйшества, что отпращивъ въ Москву, не подписывается, и за то въ подпискою содержитъ и подъ карауломъ въ великомъ тѣсненіи и до днесь безвыходно.

14, 15, 16 и 17. Такая промеморія изъ Казанской Губернской Канцелярїи послана для того, что и самъ онъ, Архіерей, въ томъ пунктѣ написалъ, что по Указу изъ Святѣйшаго Синода велѣно мнѣ со опредѣленными Духовными персонами слѣдовать дѣлу по предложеннымъ при томъ Указѣ съ выписокъ его, Архіерейскихъ, копій, о дохищеніи разстригю Іосифомъ Салникѣвымъ Спасо-Казанскаго монастыря и села Штетеней церковныхъ и монастырскихъ вещей. И о посылкѣ той промеморіи приговоръ мой, общо со опредѣленными Духовными персонами, учиненъ, и о присылкѣ къ свѣдѣствію подлинныхъ дѣлъ и выписокъ, которые за рукою Салникѣва, и описныхъ 715 году книгъ церковнымъ вещамъ Спасо-Казанскаго монастыря, изъ Губернской Канцелярїи промеморія въ Архіерейскій Духовной Приказъ послана для того, что при Указѣ изъ Святѣйшаго Синода съ выписокъ копій, хотя и присланы, но только въ томъ Указѣ написано, чтобъ о томъ изслѣдовать полинно; къ тому жъ разстрига Салникѣвъ сказкою, при свѣдѣствіи, показавъ, что посланные выписки въ Святѣйшій Синодъ изъ Архіерейскаго Приказу учинены неправо, и при томъ просилъ, чтобъ о всѣмъ изслѣдовать по подлиннымъ дѣламъ, по тому что, де, много видя допросовъ въ выписку, посланную въ Святѣйшій Синодъ, не видно, (что при свѣдѣствіи сыскано), и для того, чтобъ тѣ дѣла и выписки и книги къ свѣдѣствію присланы, была безъ утайки, у Секретаря Судовникова и у приказныхъ людей сказки съ подтвержденіемъ и взяты; а хотя изъ Архіерейскаго Приказу промеморію и отвѣтствовано, что съ тѣхъ дѣлъ будто готовится точныя копии, только, то чинено для того, чтобъ тѣхъ дѣлъ не допустить до свѣдѣтельства, не порядочныхъ Архіерейскихъ поступокъ и продолжить свѣдѣствію время. А поуже, по Указу изъ Святѣйшаго Синода, велѣно мнѣ, со опредѣленными Духовными персонами, какъ о присланномъ драгомъ дѣлѣ, такъ и о другихъ по вопросамъ показанныхъ, отъ разстриги Салникѣва дѣлахъ, справясь достоверно свидѣтельствовать, со всякою оцѣткою, и такъ по тому Святѣйшаго Синода опредѣленію и по оснору разстриги Салникѣва, оныя подлинныя дѣла къ свѣдѣствію и свидѣтельству взять подлежадо; а хотя бы и опредѣленія отъ Святѣйшаго Синода о взять дѣлъ именно было не написано, но когда уже тѣ дѣла къ свѣдѣствію и свидѣтельству мнѣ съ тѣми Духовными персонами поручены, а оной разстрига о, не порядочныхъ его, Архіерейскихъ, поступкахъ спорить, то ни

такъ не можно было тѣ дѣла, за его споромъ безъ свидѣльства являть, понеже (какъ и выше показано) онымъ изъ Святѣйшаго Синода, Ея Императорскаго Величества Указомъ велѣно по ихъ дѣламъ, свидѣльствовать достоверно со всякою очисткою.

И для того я Шорутчика, Василья Небрина, а не Григорья, а потому и Подшорутчика Языкова и Канцеляриста Стрѣлкова въ Духовной Приказъ къ Судьямъ Игумену Корнилю и Протопопу, съ согласія съ Духовными персонами, посылаю безъ солдатъ для того, чтобъ они по посланной къ нимъ промеморіи для свидѣльства по длинныя дѣла въ Губернскую Канцелярію, которые, не приславъ тѣхъ дѣлъ, и пришли сами, а брать ихъ подъ караулъ ни кто не бралъ и ругательства имъ ни какого, какъ отъ посланныхъ отъ меня, какъ отъ меня, самого, не бывало; а пришедъ оныя въ Губернскую Канцелярію и сказали мнѣ и опредѣленнымъ Духовнымъ персонамъ, что тѣхъ дѣлъ безъ Указу Архіерейскаго отдать не смѣютъ. А понеже о свидѣльствѣ дѣлъ свидѣеть присланной изъ Святѣйшаго Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, къ тому жъ разстрига Салниковъ показалъ сказкою, что многихъ допросовъ и оправданія его въ выписку, посланную въ Святѣйшій Синодъ, не внесено, того ради я, съ общаго согласія со опредѣленными Духовными персонами, велѣлъ ему, Игумену и Протопопу, выехать присланной изъ Святѣйшаго Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, и ежели они по тому Ея Императорскаго Величества Указу тѣхъ дѣлъ, за послушаніемъ своимъ, не отдадутъ, велѣлъ имъ въ томъ подписаться, которые и подписались, и за тѣмъ, для забранія тѣхъ дѣлъ и чтобъ въ слѣдствіи не учинить остановки, Секретаря Аврамова и Канцеляриста Стрѣлкова я, обще со опредѣленными Духовными персонами, и посылаю, а съ габвакты солдатъ дву, соотчевѣтъ я не посылаю, и по двѣсти человекъ на габвактъ на караулъ никогда въ Казань за расходомъ на плацъ не бываетъ, правъ человекъ по сороку, да и тѣхъ посылаю было не для чего; также какъ Судья Корнилій и Протопопъ приходили въ Канцелярію, безчестныхъ словъ ни какихъ я имъ не говаривалъ, Секретаря Осипа Судовикова подъ карауломъ долгое время и ни въ какомъ тѣсненія не держивалъ, только оной Судовиковъ задержанъ былъ въ Канцеляріи сутки, или двои, и то за упрямство его, по тому что, по вышеписаннымъ дѣламъ, надлежало ему, Судовикову, подписаться;

чтобъ безъ Указу изъ Казани никуда не съѣхать, по тому что Архіерейскіе Подьячіе безъ него, Судовикова, по тѣмъ дѣламъ, въ чемъ явится отъ Салникѣва споръ, отвѣтствовать не хотѣли; а указывали, что у тѣхъ дѣлъ былъ онъ, Судовиковъ, а онъ, Судовиковъ, въ томъ спорилъ и не подписывался, и когда подписался, то онъ, Судовиковъ, изъ Канцеляріи и отпущенъ. И онимъ всѣмъ, чего я не чинилъ, онъ, Архіерей, ябеднически оболгалъ меня напрасно.

18. Онъ же, Губернаторъ, въ бытность свою въ Казани, повсягдно, во время косьбы сѣна, на собственныи свои конюшни бралъ у насъ, чрезъ посланных своихъ, домовыхъ нашихъ однихъ крестьянъ, кромѣ монастырскихъ, человекъ по тридцати и больше, и работали на него мѣсяца по три безъ отпуску и во время дѣловыи нужды перы на ихъ крестьянскомъ хлѣбѣ, понеже онъ у себя лошадей держитъ чрезвычайно много число.

18. Лошадей, сколько бы я ни держалъ, ему, Архіерею, до того дѣла нѣтъ, а къ неволю и для косьбы сѣна: не только изъ его, Архіерейскихъ, и ни изъ какихъ вотчинъ ни отъ кого крестьянъ не бирывалъ, и по три мѣсяца и больше не держивалъ, а во время сѣнокосовъ пришивалъ я Архіерея и другихъ о работникахъ, и онъ, Архіерей, давалъ мнѣ человекъ по двадцати и по тридцати, и того во всю мою бытность одинъ разъ, или дважды; которые дней по десяти на меня сѣно кашивали, а собою и къ неволю и ни одного человека не бирывалъ: а что онъ, Архіерей, на меня написалъ, и то солгалъ, какъ недоброй человекъ.

19. Да отъ него жъ, Волинскаго, посланные повсягдно въ осеннюю пору и грязи брали жъ крестьянъ однихъ нашихъ, кромѣ монастырскихъ, съ лошадьми подводъ по шестьдесятъ и больше, для перевозки вышепоказаннаго сѣна, и бывали изъ той его, Губернаторской, работъ по мѣсяцу и больше безъ отпуску на ихъ крестьянскомъ хлѣбѣ, а съ дворцовыхъ и ясашныхъ вотчинъ людей однихъ и крестьянъ съ лошадьми ни на какую работу не бралъ, а все обрабатываютъ наши домовыи и монастырскіе крестьяне.

19. Для перевозки сѣна подводъ въ неволю я ни съ кого не бирывалъ, и обрабатывать ни кого его, Архіерейскихъ, крестьянъ не

заставлявалъ, только что въ прошломъ 1728 годѣ Архіерей, по просьбѣ моей, давалъ мнѣ для перевозки сѣна подводъ съ пятьдесятъ, которые перевезли сѣна поѣздки съ три съ луговъ, которые отсюда въ семи верстахъ, а въ прошломъ 1729 году онъ присылывалъ ко мнѣ нѣсколько подводъ, для возки сѣна, съ Казначеемъ своимъ, Алексеемъ Раевскимъ, и тѣхъ подводъ я не принялъ.

20. По приказу его жѣ, Волинскаго, посланные солдаты доковыхъ нашихъ дву, человекъ оловянишниковъ да третьяго живописца, Якова Савина, изъ домовъ ихъ взяли насильно къ Губернатору на дворъ, безъ вѣдома нашего, и сдѣлали ему изъ поды неволи оловянной посуды большой руки дюжину блюдовъ, и къ тѣмъ блюдамъ четыре ковчега оловянные же, да пять дюжинъ тарелокъ большой же руки и на нихъ ковчеги, и прочія работы многіе дѣлали, а живописецъ свѣтлицы подмазывалъ и всякую живописную работу отправлялъ многое время, а за работу имъ платы ни мало не дано.

20. Оловянишники для починки посуды, а живописецъ для подмазыванья свѣтлицъ, временно хотя и работали, только не насильно, иногда съ воли его, Архіерейской, а иногда и они мастеровые добровольно и съ платы, и безъ платы, и насильно никто на меня не работывалъ никогда.

21. Онъ же, Волинской, собою, безъ вѣдома нашего, велѣлъ солдатамъ побрать дву человекъ нашихъ оконничниковъ къ себѣ въ домъ для дѣланія въ новыя хоромы стекольчатыхъ и слюденыхъ окончанъ не малаго числа, и задержаны были они до совершеннаго же отдылки, и работали на него днемъ и ночью безъ выпуску неоглучно, а платы имъ ни чего не дають.

21. Хоромъ собственныхъ у меня здѣсь своихъ нѣтъ, а живу въ домѣхъ Ея Императорскаго Величества, и когда случится дѣлать, или починить, окончия того, для такихъ подылокъ оконничниковъ спрашивалъ у него, Архіерея, или у его Казначея, для того, что иныхъ мастеровъ здѣсь, кромѣ его, нѣтъ, и какъ окончится дѣло, за работу имъ дано всегда.

22. А пишу оныя всѣ крестьяне и мастеровые художники получаютъ отъ дому Архіерейскаго, а иное покупаютъ на свои по-

слѣдніе деньги, а изъ дому Губернаторскаго не токмо хлѣба, и щей; но и квасу отнюдь не даютъ, и отъ того насильнаго взятѣя мастеровыхъ людей въ домъ напьемъ въ починкѣ всякаго званія учились остановка, и для того строенія, но многой нашей просьбы мастеровыхъ нашихъ людей къ намъ не отпускивалъ, и горши то ихъ тѣснилъ, и посланныхъ отъ насъ бранилъ и грозилъ бити.

22. Мастеровыхъ людей иногда у меня кормивали моремъ хлѣбомъ, а иногда и нѣтъ. для того что дается имъ за работу платѣ и ни какого имъ утѣшенія не чинилъ, и посланныхъ его не бранивалъ, и побоями никогда не грозилъ; и онъ ко мнѣ ни кого говорить не присылывалъ, и то все онъ, Архіерей, затѣялъ на менѣ, какъ безсовѣстной человѣкъ.

23. Да изъ новаго нашего Болгарскаго монастыря оной Губернаторъ велѣлъ вновь записать въ подушной окладъ дѣйствительныхъ церковниковъ. Поповыхъ дѣтей, трехъ человѣкъ, и послать невѣдомо куда, не уѣвдомя насъ про нихъ, а пные Дьячки посланы были отъ насъ въ оной монастырь для обученія церковнаго круга.

23. Дѣйствительныхъ Поповыхъ дѣтей въ подушной окладъ записывать не вѣливалъ; только въ прошломъ 729 году, Юля 29 дня, по челобитью Казанскаго Уѣзду Нагайской дороги, села Архангельскаго, Поповыхъ дѣтей, Гура да Ефима Ильиныхъ, да того жъ села Дьячкова сына, Петра Иванова, да помѣщика села Архангельскаго Пономарскаго сына, Захара Яковлева, въ подушной окладъ записать велѣлъ, для того, что въ прошеніяхъ ихъ написано: «какъ, де, была перепись и свидѣтельство о душахъ мужеска полу, и они, де, при той переписи при отцахъ своихъ написаны, а подушнаго, де, оклада съ нихъ не берется, а за чѣмъ, не знаютъ; а нынѣ, де, тому третьей годъ Болгарскаго монастыря Игуменъ Филаретъ взялъ ихъ изъ тѣхъ селъ въ помянутый монастырь съ женами и дѣтьми, но Архіерейскому ль приказу, или собою, того не знаютъ же, и съ того, де, числа живутъ и по нынѣ въ томъ монастырѣ, и работаютъ на, тотъ монастырь всякую крестьянскую работу того монастыря съ крестьяны въ равенствѣ, а данной земли отъ того монастыря имъ не имѣется, и чтобъ по той переписи положить ихъ въ подушной окладъ и жить гдѣ Указомъ повелѣно будетъ, понеже они не дѣйствительные церковники и грамотъ не обучены, и въ цер-

ной службѣ быть не заобычайны, а желаютъ жить въ Казань Уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ, въ деревнѣ вверху по Заю рѣч-Маврино тожъ, а по справкѣ съ переписными книгами являеться при выше писанныхъ отцахъ ихъ и при Болгарскомъ монастырѣ не написано, а по Указѣ Блаженные и вѣчнодостойные памяти ператорскаго Величества изъ Канцелярїи Высокаго Сената Іюня дня, прошлаго 722 году, написано: «Ежели кто гдѣ изъ церковныхъ служителей при перепискѣ явятся не служащіе и пожелаютъ посадъ и въ ремесленные люди, или на Государевы, или Синобельные и другіе вотченниковы пашенные земли, и таковыхъ опреиять и въ подушную перепись писать по ихъ волѣ.» По которому въ желанію въ выше писанномъ мѣстѣ въ подушной окладъ оныя написаны, понеже какъ и выше показано, что они не служащіе грамотѣ не умѣютъ; а таковыхъ Указовъ, чтобъ Архіереомъ Повыхъ и причетниковыхъ дѣтей въ крестьянскую работу опредѣтъ, въ Губернской Канцелярїи не имѣется; и по тому видно, что ланіе его, Архіерейское, было тѣхъ людей имѣть въ крестьянской ботѣ, а не для обученія церковнаго круга.

24. Онъ же, Губернаторъ, для изысканія надо мною всякаго повиннаго сокрушенія, а домовымъ нашимъ и монастырскимъ эстьянамъ ища напраснаго разоренія, въ оной же Болгарской настырѣ посылалъ тайно отъ себя Подъячего съ солдаты, не явля намъ, и тѣ посланные Игумену съ братією и при томъ монастырѣ живущимъ крестьянамъ чинили не малую изневагу и тѣоту напрасно.

24. Во оной Болгарской монастырѣ Подъячего и солдатъ я поазалъ по присланной промеморїи изъ Казанской Лѣсной Конторы, которой въ промеморїи объявлено: «Въ прошенїи, де, Ибраима грзы Алѣева написано: Въ прошломъ, де, 728 году, крестились за него люди и крестьяне пѣзъ Татаръ въ Православную Хриіанскую Вѣру Чирка Аклычевъ съ товарищи, семь человекъ, и въ данныхъ о душахъ мужеска полу сказкахъ написаны оныя за итъ, Ибраиломъ Мурзою, за которыхъ подушные деньги платитьтъ, Мурза спуста, отъ чего, де, онъ въ конецъ разорился, а жительво, де, оныя новокрещены имѣютъ по опредѣленію изъ Архіерейаго Приказу при Архіерейскомъ выше объявленномъ домовомъ мо-

настырю Успенскомъ, что на Болгарахъ, а изъ подушнаго, де, оклада изъ за него, Мурзы, не выключены, и чтобъ оныхъ большихъ людей и крестьянъ новокрещеновъ изъ за него, Мурзы, изъ подушнаго оклада выключить, и взыскивать подушныя деньги и всякія подати въ выше писанномъ домовомъ Архіерейскомъ монастырѣ, гдѣ оныя новокрещены нынѣ жительство имѣютъ.» А въ промеморіи изъ онаго Архіерейскаго Приказу писано, что выше писаннаго Мурзы люди не крестьяне, Татаръ семь человекъ, въ Православную Христіанскую Вѣру крещены и для обученія и исправленія Христіанскаго Закона опредѣлены жить при выше писанномъ монастырѣ; а при слѣдствіи, оныя новокрещены сказками показали, что при томъ монастырѣ отведены имъ дворы и пашенныя земли противъ крестьянъ въ равенствѣ, а въ подушную, де, перепись они написаны за помянутымъ Мурзою, и подушныя деньги платитъ онъ, Мурза; а въ Указѣ блаженные и вѣчностойныя памяти Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Ноября 22 дня, прошлаго 720 году, изъ Правительствующаго Сената написано: «велѣно по требовальной отпискѣ Казанскаго Тихона Митрополита, которые новокрещены разныхъ народовъ люди воспріяли Православную Христіанскую Вѣру, или которые впредь воспріимутъ, такимъ во всякихъ Его Императорскаго Величества зборѣхъ и въ издѣльяхъ давать льготы на три года;» и тѣхъ новокрещеновъ изъ за онаго Мурзы велѣтъ я выключить, и, по силѣ выше объявленнаго Указу, дать имъ льготы на три года и написать ихъ въ подушной окладъ на Вяцкой полкѣ въ Свіажскомъ же Уѣздѣ въ ясажное село Болшово, съ прочими того села крестьяны, которые положены на показанной Вяцкой полкѣ, на которой прежде были написаны, дабы отъ того въ переводѣ изъ полка въ полкъ помѣшательства не было. Да при томъ же слѣдствіи по поданнымъ сказкамъ явилось за онымъ монастыремъ отъ подушной переписи утаенныхъ душъ не малое число, а именно, семьдесятъ девять душъ, которые и по нынѣ подушнаго оклада не платятъ; а по Указамъ Его Императорскаго Величества такихъ утаенныхъ отъ переписи взыскивать велѣно, а за утайку владѣльцамъ чинить наказанье, по точію по тому дѣлу за нынѣшнимъ его, Архіерейскимъ, споромъ рѣшенія не учдено. Изъ выше писаннаго видно, что оной Архіерей означенныхъ новокрещеновъ опредѣлялъ во оный монастырь для работы, а не ради обученія Христіанскаго Закона, какъ и выше въ сказкахъ оныхъ новокрещеновъ показано, что отведены были имъ

земли и покосы противъ крестьянъ въ равенствѣ; а такового Указа, чтобъ Архіереемъ новокрещеновъ у себя селить въ деревняхъ и подушныхъ денегъ съ нихъ не платить, въ Губернской Канцеляріи не имѣется.

25. Да въ мимошедшую осень въ каменномъ городѣ его жѣ, Губернаторскимъ, приказомъ, бывшего Соборнаго Протопопа, да у Протодіакона Ивана, дворы ихъ, да въ сосѣдствѣ Крутицкаго Архіерея подворье со всякимъ строеніемъ сломаны и мѣста очищены, и тѣмъ оныя церковныя служители разорены напрасно.

25. Такіе дворы сломать и мѣста очистить я велѣлъ для того, что они стояли въ тѣснотѣ близъ пороховыхъ цейхгаузовъ, и опасно было отъ пожара, да и для того, что такихъ партикулярныхъ людей дворамъ съ деревяннымъ строеніемъ въ крѣпостяхъ быть не надлежитъ, а надлежитъ быть за городомъ, а вмѣсто того за городомъ велѣлъ имъ отвезти лучше тѣхъ порозжіе мѣста.

26. Въ прошломъ 1729 году въ Казанской Губернской Канцеляріи Симбирскаго Уѣзда вотчины Князь Василья Петрова сына Хованскаго села Векшамъ крестьянка, раскольница Ѳедосья Евдоямова дочь, въ допросѣ показала: «Вѣдаетъ, де, она въ Казанской Губерніи въ разныхъ мѣсахъ со многими мужеска и женска полу людьми три скита, въ которыхъ и она съ ними общее жителство равномѣрно имѣла, а именно: первой въ Керженцѣ Поповщинской, второй въ Симбирскомъ Уѣздѣ по рѣчкѣ Тересѣ въ мѣсу, третьей въ мѣсу жѣ вотчины Богородицкаго монастыря въ Свіяжскомъ Уѣздѣ, близъ деревни Харины, и живучи, де, въ тѣхъ скитахъ Святыхъ Таинъ, какъ Восточная Церковь, по преданію Святыхъ Апостолъ и Богодухновенныхъ Отецъ, повелѣваетъ, не пріобщалась, а причищалась, де, и молитву творила, живучи въ тѣхъ скитахъ, по вѣхъ, Раскольническому, ученію,» и которыхъ ея къ Церкви Святѣй и прочихъ въ тѣхъ скитахъ живущихъ раскольническихъ противностяхъ, оной Волынской не слѣдовалъ, и о всемъ завѣдомо умалчалъ въ духовную команду къ намъ по Указу, и за немилость свою для подлиннаго отъ раскола исправленія и выше показанныхъ скитовъ изысканія, тое женку не прислалъ, отъ котораго его, Губернаторскаго, попущенія и лучшую Раскольникамъ свободу задаетъ, на что

взирая, и болѣе такихъ суевѣрцовъ и скитовъ умножаться будетъ, понеже за ними, Раскольники, въ скиты посланки не было и унѣчтожено все зазнаемо.

26. Такая женка дворовыми людьми Вице-Губернатора Казанскаго, Нееда Кудрявцова, въ Губернскую Канцелярію приведена была, а слышалъ я отъ Нееда Кудрявцова, что онъ отсылалъ ее въ Архіерейской Духовной Приказъ, но тамъ она не принята, а въ Губернской Канцеляріи о Раскольникахъ, которые живутъ въ мѣсахъ въ Свіяжскомъ Уѣздѣ, допросомъ оная женка показала, и ли того показыванія тѣхъ раскольщиковъ и слѣдствія та женка отослана изъ Губернской Канцеляріи въ то жъ время въ Свіяжскую провинцію къ Бригадиру и Воеводѣ Козлову.

27. Онъ же, Губернаторъ, у Спаса Казанскаго монастыря на подсаѣтѣ подгородный дворъ со всѣми покои отнялъ себѣ, который изстари нарочно сдѣланъ былъ для монастырскаго хлѣба и скотины и прочаго къ тому приличества, и перевелъ на оной дворъ собакъ съ двѣсти, да псарей и другихъ людей человекъ съ пятнатцать, и жили во всѣхъ кельяхъ и работныхъ избахъ съ великимъ того двора служителемъ преобидѣнемъ, и кормили оныхъ людей, также и собакъ, монастырскимъ хлѣбомъ и кашею, и брали къ Губернатору на дворъ съ той подсаѣки овесъ чистой, изъ гумна всякую невѣдѣницу, и рубили изъ сноповой ржи колосья, также яровую и ржаную солому возили безпорядочно, отъ котораго гуменнаго корму напередъ сего монахи, продавая за деньги охочимъ людямъ по цѣнѣ, въ монастырь всему братству получали соль въ годъ себѣ на пропитаніе, а въ иное время псаря привозили на ту подсаѣку собакамъ мертвыхъ лошадей и коровъ и всякое стерво, отъ чего на томъ дворѣ будущія овцы и прочая скотина вымерли; и усмотря той же обители власти оную причину, просили Губернатора о сводѣ выше показанныхъ людей и собакъ съ двора того неоднократно, и въ тѣ жъ числа призвалъ Губернаторъ къ себѣ въ Канцелярію оя обители властей, и съ великимъ уграживаніемъ приказалъ имъ на томъ дворѣ, для помету щенятъ, сукамъ пострѣить сломаную баню, и оныя власти, за страхомъ, подъ неволею, построили, и тѣмъ дворомъ Губернаторъ съ начала пріѣзда своего и донынѣ владѣлъ, а монастырь обижалъ напрасно.

27. Собакъ я у себя имѣлъ съ тридцать, а не съ двѣсти; а держать ихъ мнѣ у себя было негдѣ, а увѣдомился я съ прѣзѣду моего, что за городомъ есть монастырскіе Спаскаго монастыря пустыя два двора, конюшенной и скотной; того ради просилъ я Архіерея, чтобъ онъ далъ мнѣ тамъ мѣсто для людей моихъ и собакъ, и по просьбѣ моей онъ, Архіерей, самъ велѣлъ того монастыря Келарю изъ тѣхъ дворовъ очистить для меня одинъ дворъ, на которомъ нѣсколько мѣсяцовъ жили люди мои, пять человекъ, и при нихъ съ тридцать только собакъ, однако жъ кормомъ монастырскимъ ни какимъ не кормиваны, и люди мои сами собою и соломы безъ спросу ни бирывали, и на дворъ ко мнѣ овса и колосу не важивали, а когда случалась нужда въ солому, я всегда прашивалъ у него, Архіерея, или того монастыря у Келаря, и по просьбѣ моей раза два, или три, давали мнѣ соломы воевъ десятка по три и по пятидесяти, а собою и того ни чего я не бирывалъ. А что онъ, Архіерей, написалъ, будто отъ тѣхъ собакъ на томъ дворѣ померли овцы и прочая скотина, того ни чего не бывало, и я о томъ жалобы не слыхалъ, да и мереть не чему, для того что и до того мало было. Что же написалъ на меня Архіерей, будто я, призвавъ въ Губернскую Канцелярію того монастыря властей, и съ великими угрозами приказывалъ построить сломанную баню, того ни чего не бывало жъ, и баня не была сломана, только была изъ бани выложена печь, а между тѣмъ пришелъ ко мнѣ въ Губернскую Канцелярію того монастыря Келарь за нѣкоторомъ монастырскимъ дѣломъ, котораго я въ то время безъ всякихъ угрозъ просилъ, чтобъ онъ велѣлъ въ той банѣ печь починить, что онъ и учинилъ; а онъ, Архіерей, все то на меня солгалъ и затѣялъ, понеже я дворовъ тѣмъ никогда не владѣлъ и обиды ни какой не дѣлывалъ.

28. Онаго жъ монастыря въ городѣ каменномъ другой послѣдній конюшій старинный жалованный дворъ занялъ всякимъ лѣсомъ и хоромными бревны и прочимъ, тому третій годъ, тѣснить и принуждаетъ тотъ дворъ вовсе сломать и мѣсто очистить подъ строеніе ему Губернаторскихъ конюшенъ, о чемъ словесно и просьба ему властелинская была многая и письменно отъ насъ къ нему, Губернатору, келейнѣ, по требованію его, отвѣтствовано жъ, также и нынѣ принуждаетъ Келаря, Варооломея Володимерцова, отой Вольвской конюшенной дворъ и въ рядахъ лавки чрезъ послѣд-

ныхъ изъ Полиціи ломать и очищать мѣста безвременно, и хоцеть, яко бы за неломаніе оныхъ, бить публично.

28. Въ каменномъ городѣ конюшеннаго Спаскаго монастыря двора лѣсомъ и бревныя не занималъ, того двора вовсе сломать не велывалъ, которой и понынѣ стоитъ въ прежнемъ состояніи, какъ и напредъ было, и въ томъ Келарю Володимерцову ни какова принужденія отъ меня нѣтъ; возили лѣсъ того монастыря на строеніе Архимандричьихъ келій и на мостовое строеніе ихъ же монастырскіе крестьяне, а у меня только поставлены были на пучкомъ мѣстѣ два струба избяныхъ ветхихъ, и то съ воли того монастыря Келаря; а въ мясномъ и рыбномъ рядахъ лавки чрезъ посланныхъ изъ Полиціи ломать и очищать мѣста я велѣлъ, по силѣ Губернаторской Инструкціи, для опасности отъ пожарнаго случая, понеже оныя лавки построены близъ самаго Государева каменнаго двора, сверхъ того отъ оныхъ мяснаго и рыбнаго рядовъ была великая въ городѣ вонь, такъ что тѣми мѣстами проѣхать трудно было, того ради оныя мѣста и сломаны, а вмѣсто тѣхъ прежнихъ мѣстъ велѣлъ отвести другіе мѣста, которые и отведены подъ рыбной рядъ подмѣ рѣки Казанки, а подъ мясной за городомъ на пучкомъ мѣстѣ.

29. Да онъ же, Волынской, по челобитью Маіора Болтина, рѣшилъ дѣло неправо, отнялъ у насъ и Болтину отдалъ жалованныхъ нашихъ крестьянъ, Михайла Григорьева сына Шеметова съ женами и съ дѣтьми, всего сорокъ одного человѣка, которыхъ по принужденію его, Губернаторскому, къ нему, Болтину, на сорока подводяхъ и отвезли наймомъ болѣе пяти сотъ рублей, да сверхъ того правятъ насъ оному, Болтину, яко бы за приѣмъ и держаніе оныхъ крестьянъ, свыше десяти тысячъ рублей, а тѣхъ крестьянъ, какъ прежде Архіерея, такъ и наше смиреніе и домовые приказные управители, отнюдь не принимали, а тѣхъ крестьянъ дѣды и отцы были не бѣглые и въ селѣ Ильбахтинѣ жили до отказа за домъ Архіерейской, о чемъ Шеметовъ и допросомъ показалъ, что дѣдъ и отецъ его, Шеметовъ, въ томъ селѣ, Ильбахтинѣ, и померли, а онъ, Михайло, съ братьями своими въ томъ же селѣ и родился, а отъ Копнина и Дементьева, отъ которыхъ, яко бы Болтину Шеметовы достались, крестьянства отпирались вовсе, и про

оного Копнина отъ дѣда своего и отца не слыхивали, и ни малымъ къ тѣмъ Помѣщикамъ бѣглыми себя ни приличили, и подлинно называются нашими, Архіерейскими, крестьянами, а не пришлыми, и по переписи и свидѣтельству Генералитета, а по ихъ, Шеметовыхъ, сказкамъ, написаны они за домою нашимъ, а не за Помѣщиками, и за тѣмъ въ Указное время вывозить намъ ихъ не надлежало, а признать ихъ въ то число и нынѣ пришлыми отнюдь не возможно, на которые его, Михайловы, допросы оной, Маіоръ Болтинъ, опроверженія и явнаго доказательства ни какого, что оныя крестьяне суще Копнина, къ дѣлу не предложилъ, и родственниковъ его, Михайловыхъ, и знаемыхъ на нихъ постороннихъ свидѣтелей не предъявилъ.

29. Мазору Болтину изъ вотчинъ его, Архіерейскихъ, крестьяне Михайла Шеметь съ товарищи, съ женами и съ дѣтьми, отданы по крѣпостямъ, по выписямъ съ писцовыхъ книгъ 132, 134 и 134 годовъ, съ переписныхъ 154 и 186 годовъ, въ которыхъ написаны тѣхъ крестьянъ прадѣды, и дѣды, и отцы, и дяди родные, и по Указу 722 году тѣхъ крестьянъ изъ вотчинъ его, Архіерейскихъ, въ прежніе жилища отвести велѣно его, Архіерейскимъ, крестьянамъ на своихъ подводахъ, какъ о томъ Указы повелѣваютъ; а чего ради наймомъ тѣхъ крестьянъ мимо своихъ подводъ возили и во что сталъ наемъ, про то я не знаю; а что онъ, Архіерей, доносить, будто то дѣло я рѣшилъ неправо и будто я правлю съ него оному, Болтину, за приемъ и за держаніе выше писанныхъ крестьянъ свыше десяти тысячъ рублей, и тѣмъ онъ, Архіерей, меня ябедою своею оболгалъ, по тому что крестьяне, какъ и выше показано, отданы по крѣпостямъ, а о пожилыхъ деньгахъ отъ Мазора Болтина въ Губернскую Канцелярію еще и прошенія не подано, и чтобъ повелѣно было то дѣло взять и освидѣтельствовать.

30. Да онъ же, Волинской, неправымъ своимъ приговоромъ отнял у Седмиезерныя пустыни двѣ деревни, Большую Сару, Сосновка тожъ, Малую Сару, Кириловка и Матвѣевка тожъ, со крестьяны и со всякими угоды, и отдалъ Казанскому Помѣщику, Андрею Писемскому, во владѣнье, не взявъ изъ монастыря крѣпостей, безъ допросу, о чемъ въ 729 году, Іюня въ 12, и въ нынѣшнемъ 730, Апрѣля 10 числахъ, по челобитью тоя пустыни Игумена Савватія

да Казначей Дамаскина, изъ Москвы къ нему, Волынскому, посланы изъ Юстиць-Коллегіи два Указа, по которымъ, какъ первому, такъ и второму, велѣно тѣ деревни, у Писемскаго взявъ, паче возвратить къ монастырю по прежнему, а Писемскому отъ владычій дѣлъ деревень отказать, а неправо вершенное имъ, Волынскимъ, дѣло выслать ему къ рѣшенію въ Юстиць-Коллегію, по которымъ обоемъ Указамъ того дѣла въ Юстицію не присылаетъ и деревню въ монастырь не возвращаетъ, и, взирая свое по тому дѣлу неправо вершеніе и на монастырь посягательство, а къ Писемскому понаровку, ни о чемъ въ Москву другой годъ не рапортуетъ, и за оное властей прошеніе Волынской угроживаетъ оного Казначей, Иеродіакон Дамаскина, на загородномъ дворѣ у себя битъ кнутомъ напрасно.

30. Вышеписанной пустыни съ монахи по челобитью Писемскаго о деревняхъ дѣло вершено Вотчинной Коллегіи въ Конторѣ, и изъ той Конторы въ прошломъ 1724 году прислано при Указѣ въ бывшей Казанской Надворной Судѣ, а не я оное вершилъ, и велѣно оныя деревни за Писемскаго отказать, по которому Указу о предѣленіемъ Губерской Канцеляріи и отказаны; а тѣхъ вотчинъ къ той пустыни изъ за Писемскаго возвращать не надлежитъ, понеже во ономъ же присланномъ Указѣ изъ Вотчинной Конторы объявлено о блаженные и вѣчностойныя памяти Императора Петра Великаго именной Указъ, состоявшейся въ 701 году, что къ домовымъ Патриаршимъ вотчинамъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель не почитать и въ монастырѣхъ властемъ съ Помѣщики и вотченники и вольными и пустыни землями не мѣняться, и въ Помѣстномъ Приказѣ по ихъ заручнымъ челобитнымъ не росписывать, да по Уложенію 17 главы 42 пункта: «кто вотчину родовую, или выслуженую, и купленую, продастъ, или заложитъ, или по душѣ Патриарху, или Митрополиту, или Архіепископу, или Епископу, или въ которой монастырь, и та вотчина взять на Государя безденежно и отдать въ раздачу челобитчикамъ, кто о той вотчинѣ учнетъ Государю битъ челомъ.» А оной пустыни бывшей Игуменъ съ братією тѣ деревни къ тому монастырю изъ за Писемскаго сдѣлали подмогомъ за вышеписаннымъ Его Императорскаго Величества именованнымъ Указомъ землю мѣною за одну четверть пятьдесятъ четвертей, и тою четверть поступились по конецъ поля, которой и сыскать негдѣ, а крестья-

явнѣ будто бы по сѣлѣхъ за бѣглыхъ крестьянѣхъ, а такихъ бѣглыхъ за пустынею и въ переписныхъ книгахъ именами не написано, о чемъ явствуетъ по дѣлу имянно. Что же въ томъ пунктѣ написано, что тѣ деревни опредѣленіемъ Губернской Канцеляріи отданы Писемскому во владѣніе, не взявъ изъ монастыря крѣпостей безъ допросу, и то челобитчики сплутали, а оной Архіерей ябеднически на меня солгалъ, сообщася съ ними, понеже имѣющіися на тѣ деревни ихъ крѣпости къ дѣлу предложены, а допрашивать, за присланнымъ Указомъ и за рѣшеніемъ того дѣла Вотчинной Коллегіи, въ Конторѣ тѣхъ челобитчиковъ не подлежало, и хотя бѣ въ той Конторѣ оное дѣло и не правильно было рѣшено, Губернская Канцелярія перевершить не можетъ, и онымъ бы челобитнымъ надлежало бить челомъ въ Вотчинной Коллегіи на Контору, а не на Губернскую Канцелярію; и тако они челобитчики плутовствомъ, Архіерей ябедою и потачкою своею на нихъ, плутахъ, обогали меня напрасно, о чемъ на оныхъ челобитчиковъ о сатисфакціи въ Государственную Юстицъ-Коллегію сего году Іюля 30 дня и доношеніе послано.

31. Онъ же, Губернаторъ, лѣтомъ и зимою со псовою охотою многоядствомъ ѣздитъ по полямъ и сѣннымъ покосамъ и посѣянной яровой и озимой хлѣбъ нашъ и монастырской лошадами и собаками и людьми своими толочутъ необычно, и мимо Помѣщичьихъ и другихъ вотчинъ ночуютъ у насъ въ деревняхъ, и съ боємъ и неволею со крестьянѣхъ нашихъ и монастырскихъ берутъ конямъ сѣна и овса и про людей всякой живности и хлѣба, сколько похотятъ, и тѣмъ несносную намъ и крестьянамъ обиду чинятъ напрасно.

31. Многоядствомъ по полямъ я не ѣзживалъ, и Архіерейскихъ и монастырскихъ сѣнныхъ покосовъ и яроваго и озимаго хлѣба людьми и лошадами и собаками не толочивалъ, и обиды ни какой крестьяномъ не чинивалъ, и сѣна и овса и про людей живности и хлѣба насильно не бирывалъ, а когда случалось съ собаками ѣздить, тогда отъ меня всѣмъ накрѣпко заказывано, чтобъ никому никто обидъ ни какихъ не чинили и хлѣба не толочивали, а въ деревняхъ монастырскихъ, какъ случится къ ночѣ, я ночевалъ, и то разъ пять, или шесть, а не для того, чтобъ чинить обиды, и жив-

ность, и овесъ, и сѣно въ то время покупають у меня на деньги и повольною цѣною, кто что продасть, а безденежно и въ неволю ни чего съ Архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ не вымывано; а когда случалось, что и безденежно оныя крестьяны принашивали, и того во всю мою бытность овса не взято ни двадцати четвертей, также и сѣна ни пятидесяти возовъ, а живности не взято ни на пять рублей, но и то не изъ подъ неволи, и обидъ ни какихъ конечно ни кому не бывало; а ежели бъ я, или люди мои что брали въ неволю и безденежно, и ему бъ надлежало показать милостию, сколько гдѣ, и въ которыхъ числѣхъ, и кѣмъ, и на сколько цѣною чего побрано, и хлѣба потолочено, но онъ того не показалъ, и по тому, что онъ, Архіерей, ябедою своею облыгаетъ и вредитъ честь мою напрасно, стало быть, видно.

32. Да по Губернаторскому жъ приказу къ домовымъ нашимъ пѣвчимъ и церковнымъ причетникамъ поставлено Офицеровъ и солдатъ, гдѣ одна печь, тамо по два человекъ, а у кого по двѣ печи, тамо по четыре человекъ, а у иныхъ учинены съѣзжіе дворы и послѣдніе покоицы отъ постою у всѣхъ заняты, а у простолюдиновъ, градскихъ жителей у многова числа дворовъ постоемъ обойдено, а церковники, за посягательствомъ Волинскаго, принуждены и дворшки продавать, да за страхомъ Губернаторскимъ и купить изъ не смѣють.

32. Постой въ Казани у всякихъ чиновъ людей, кромѣ Поповъ и Дьяковъ, становится на всѣхъ дворѣхъ необходимо, а не у оныхъ Архіерейскихъ, по тому что въ Казанѣ гварнизонныхъ три полка, да прибылыхъ армейскихъ пѣхотныхъ два, Ростовской и Нижегородской, и стоятъ по полугоду, а въ другія полгода переводятъ на другіе кварталы, и гдѣ случится, по очереди, у прибылыхъ полковъ имѣются и съѣзжіе дворы, а посягательства моего къ его Архіерейскимъ пѣвчимъ и церковнымъ причетникамъ ни какого нѣтъ, и отводятся кварталы для постою изъ Полиціи по очереди.

33. Они жъ, пѣвчіе, также и дѣйствительные церковники съ прочими градскими жителями написаны къ рогаткамъ на караулы необходимо и въ двенадцатые праздники и въ Царскіе Ангелы, оставя церковное служеніе, караулятъ со всякой печи по ночи сами на изъ-

и недѣль, гдѣ бы сколько ни было, пощеже оныя церковники люди худные и нанять имъ вмѣсто себя не на что, также и рогатки и вынуждены дѣлать не противъ Московскаго гораздо чаще, и оклаивали ихъ желѣзомъ, которыя дѣлали каждую рогатку съ десяти юровъ, а становилась рубли по два и больши.

33. Рогаточные караулы въ Казанѣ по улицамъ имѣются не изъ посягательства къ церковнымъ причетникамъ, но для унятія воровства, которымъ Казань до меня была наполнена, какъ о томъ сѣмъ извѣстно, и караулятъ въ ночное время всякихъ чиновъ людей, кромѣ Поповъ и Діаконовъ, въ томъ числѣ и церковные причетники, по тому что они имѣютъ каждой у себя свои дворы, и на тѣхъ дворѣхъ отдаточные въ наемъ избы бурлакомъ и прочимъ неоптребнымъ, скитающимся безъ пашпортовъ, между которыми въ тѣхъ отдаточныхъ избахъ многіе переловлены разбойники и воры, выниманы шинки и многіе бляды; когда тѣхъ карауловъ было неопредѣлено, тогда въ ночное время были многіе воровства и кражи изъ церквей церковныхъ утварей, въ томъ числѣ пойманы были въ некоторые вѣдомства и его Архіерейскаго, а именно: Іеромонахъ Иллонта монастыря Іосифъ, да церкви Бориса и Глѣба Дьяконъ, который по розыску сосланъ въ Сибирь, и прочіе, изъ чего признаваю, знатно Его Преосвященство сожалѣть того, что его Архіерейскимъ служителемъ пресѣкли тѣми караулами воровство; ибо кромѣ вышечисланнаго въ нынѣшнемъ году не только прочіе церковные причетники и Іеромонахъ Спасаго Преображенскаго монастыря Серафимъ въ ночное время пойманъ былъ съ неоптребною, Егорьевской Попъ Василей на кабацкѣ игралъ въ карты и отнял бурлака шапку, и съ тѣмъ приведены были въ Полицію, изъ которой отосланы къ наказанію въ его, Архіерейской, Приказъ.

34. Священники, Діаконы, пѣвчіе жъ и церковные причетники и градскіе жители, богатые и нищие, всѣ безъ исключенія, пригуждены по улицамъ со излишнимъ отяченіемъ чрезъ четыре сажени поставить столбъ и ель, и въ день Василія Великаго и Богоявленія Господня и въ прочія церемоніи, не по Указу, но до призыванія его, Губернаторскимъ, во всякое празднество по три дни зраду на каждой столбъ навѣшивали по три фонаря, въ которыхъ свѣчи горять зимою по осьми часовъ ночи непремѣнно, а не про-

тивъ Московскаго дѣйствія чрезъ десять сажень столбъ учиненъ, и на немъ только по одному фонарю, которые люди отъ посланныхъ чрезъ нестерпимые побои, занимая въ долги, по тому разбору и ставили фонари и столбы, и отъ того Священнослужителямъ и не имущимъ великое разореніе нанесъ, а за страхомъ Волынскаго и смертными побои, бить челомъ на него никто не смѣлъ.

34. Столбы по большимъ улицамъ только, и на нихъ фонари были выставлены, для дни коронованія Ея Императорскаго Величества, а не по мнѣ прихотямъ, и когда то торжество минуло, и каждой свои столбы и фонари взяли въ дома къ себѣ по прежнему, и тако градскимъ жителямъ великаго разоренія принять было не отъ чего, по тому что многіе не только по большимъ улицамъ, но и по переулкамъ и поворотамъ для такого всенароднаго торжества фонари и у воротъ столбы съ фонарями жъ выставили изъ воли своей сами и безъ приказу.

35. Да въ прошломъ 729 году, по приказу его, Волынскаго ходили со многими людствомъ солдаты съ дубьемъ не малое время по дворамъ служителей нашихъ и прочихъ Казанскихъ жителей, ловили баграми собакъ дворныхъ, и побивали многихъ до смерти, хозяевамъ велѣли тѣхъ мертвыхъ собакъ за городъ возити, не давая для чего.

35. О собакахъ приказъ такой отъ меня былъ, чтобъ ежели кто хочеть у себя держать дворныхъ собакъ, то бѣ держали на цепяхъ, а которые собаки шатаются по улицамъ, тѣхъ проеосомъ бить и таскать за городъ велѣлъ для того, что многіе обѣсѣтся вредять людямъ, къ тому жъ тѣ вольные собаки таскають въ городъ всякую мертвечину, и отъ того бываетъ людямъ вредъ; сверхъ того столько было въ Казани собакъ умножилось, что въ ношное время по улицамъ и проѣздъ отъ нихъ съ трудомъ былъ, а по дворамъ собакъ бить приказу не бывало.

36. И выше означенныя власти и дому нашего служителя, и крестьяне, и церковные причетники, приходя къ нашему смиренію со слезами и въ тѣхъ обидахъ жалобу приносили, по которымъ ихъ несчастнымъ доукамъ наше смиреніе просилъ его, Губерн:

тора, собою многократно, токмо ни какого къ себѣ и тѣмъ обидимымъ пользы и милости отъ него, кромѣ пущаго гнѣву, не могъ получить, но еще къ тому горшаго разоренія приумножилось, и отъ того чрезвычайнаго утѣсненія духовной командѣ наносятся обиды и разореніе нестерпимое, отъ чего, не вытерпя, съ горестію нынѣ принужденъ сямъ объявить, понеже, какъ слышимъ отъ своихъ, что ни при которыхъ Губернаторахъ и Воеводахъ такого утѣсненія и обидъ (какъ отъ Волынскаго суще разорены) не бывало.

36. Кто къ нему, Архіерею, жалобы на меня и въ какихъ обидахъ приносили, того я не знаю, и онъ, Архіерей, такихъ просителей имянно не показывалъ, и мнѣ онъ, Архіерей, ни о комъ не говорилъ, я я ни какихъ дому его служителямъ обидъ не дѣлывалъ, и духовной команды людямъ утѣсненія ни какого я не чиню, а онъ, Архіерей, все то, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, напрасно затѣялъ.

37. А оныя власти и прочія духовной команды разнаго званія люди, видя его, Губернатора, ко мнѣ чрезвычайное утѣсненіе, домовымъ нашимъ управителемъ смертной бой и мало слыханное ругательство, бить челомъ на него, Волынскаго, никто въ Москву ити не смѣетъ, и принуждены власти, оставя монастыри, а свѣтскіе служители дома, брести врознь.

38. Понеже онъ, Волынской, и безъ всякаго моего и другихъ къ нему озлобленій, до сего времени чинить мнѣ и прочимъ великое разореніе; а какъ онъ увѣдаетъ про сіе мое нестерпимое доношеніе, то не токмо домовыхъ нашихъ и монастырскихъ властей, но и меня въ старости убьетъ и обругаетъ нагло; понеже между вами учвилась приказная бытъ ссора, и подъ вѣдомствомъ у него, Волынскаго, яко соперника своего, бытъ и служителемъ нашимъ и монастырскимъ крестьянамъ далѣе не возможно; ибо мы отъ него, Волынскаго, въ бытность его въ Казани Губернаторомъ, претерпѣваемъ всякія бѣдствія, тому нынѣ третій годъ неповинно.

Того ради, съ покорностію Вашего Святѣйшества прошу, дабы повелѣно было жезломъ паствы Вашего Святѣйшества церкви Божіи и насъ, сиротствующихъ, отъ него, Волынскаго, съ другими оборонить и защитить, и яко сильному насъ; немощныхъ, въ

руки не предать, и о воровствахъ разстриги Іоасафа Салникъева дѣла изъ Губернской Канцеляріи у него взять и послать къ рѣшенію въ Казань же, къ кому надлежитъ, мимо его, Губернатора, и у Спасо-Казанскаго монастыря конюшеннаго двора и лавочныхъ мѣстъ и всякаго званія и у прочихъ обителей и церковныхъ причетниковъ безъ Указу отсель не отнимать, и въ томъ ему воспретить, также и впредь, за вышепоказанными Губернаторскими къ намъ нестерпимыми озлобленія и смертными побой подчиненнымъ нашимъ и ругательствамъ, домовыхъ и монастырскихъ властей, и служителей, и крестьянъ судомъ и расправою и ни какими дѣлами Волинскому, по силѣ имянныхъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти, Его Императорскаго Величества Указовъ, а паче же за приказныя недружбы, не вѣдать, и обидь и налогъ ни подь какимъ видомъ не чинить, а вѣдать оныхъ судомъ и расправою и всякимъ правленіемъ и сборами, по силѣ оныхъ Указовъ, въ домъ нашего смиренія, и о присылкѣ онаго Судовикова и яко бы мною дранаго Саморокова дѣла изъ Казани въ Москву, къ слѣдствію и подлинному рѣшенію, къ нему, Губернатору, послать третій Указъ съ подтвержденіемъ, а въ Правительствующій Сенатъ противъ прежняго и сего моего доношеній, взнестъ со мнѣніемъ и требованіемъ на все вышереченное резолюціи вѣдніе, чтобъ мнѣ въ Москвѣ незаконныхъ убытковъ и дому нашего служителемъ отъ Волинскаго горшаго бѣдства не умножилось и врознь не разбрелись. Къ подлинному доношенію Сильвестръ, Митрополитъ Казанскій, по пунктамъ руку приложилъ.

37 и 38. Власти и прочіе духовной команды ни какого отъ меня утѣшенія и озлобленія не видали, и живутъ власти по монастырскимъ, а прочіе духовныя команды разнаго званія люди по домамъ своимъ, точію онъ, Архіерей, оставя паству свою, съ согласникомъ своимъ, Архимандритомъ, плутомъ Питиримомъ, отбываютъ отъ слѣдствія, на которыхъ показано по дѣламъ, а имянно на Архіерея, что онъ, презрѣвъ свою клятвенную присягу и подписку къ Духовному Регламенту, не принималъ исковыхъ челобитенъ, писанныхъ съ титуломъ на имя Императорскаго Величества, и драгъ оныя, и бросалъ, а велѣлъ писать на свое имя. Онъ же, забывъ свою клятву на Архіерейское званіе, вымышленно осудилъ, по злобѣ и по прочимъ богомерзкимъ своимъ страстямъ, Архимандрита Сал-

никѣва, а на его мѣсто посвятилъ явнаго по дѣламъ вора онаго, чернеца Питирима, въ Архимандриты, которой по дѣламъ явился въ сочиненіи неправыхъ выписокъ, въ писаніи приговоровъ, противныхъ Указомъ и опредѣленію церковному, и въ прочемъ, какъ о томъ явно въ дѣлахъ показано; да онъ же, Архимандритъ Питиримъ, прежде монашества былъ разбойникъ и держалъ у себя воровскую пристань, живутъ безъ дѣла въ Москвѣ и сочиняютъ вышепоказанные бездѣльные пункты, чѣго не бывало. И все то онъ, Архіерей, производилъ на меня, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, наирасно, а по всему видно, что оныя пункты производятъ онъ, Архіерей, не отъ своего вымыслу, но по составѣ ябедника, вора и разбойника, выше писаннаго Питирима, котораго онъ, Архіерей, укрывъ отъ смертной казни, о чемъ отъ меня какъ въ Правительствующій Сенатъ, такъ и въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ доношеніяхъ объявлено имянно. И чтобъ Указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно было по вышеписаннымъ его, Архіерейскимъ, ябедническимъ и лжесоставнымъ пунктамъ, о всемъ изслѣдовать и учинить, какъ Ея Императорскаго Величества Указы повелѣваютъ.»

Дѣло, какъ самъ читатель видитъ, весьма неясное. Вѣроятно ли, съ одной стороны, сочинить тридцать восемь обвинительныхъ пунктовъ, въ которыхъ не было бы и тѣни правды? Вѣроятно ли, съ другой стороны, допуская фактической поводъ къ каждому пункту обвиненія, безусловно отрицать обвинительный характеръ всѣхъ безъ исключенія фактовъ? Сдѣсь, какъ при началѣ всякаго судебного дѣла, одна изъ двухъ сторонъ является безусловно правою, и, слѣдовательно, другая несправедливою. Но предположить это всегда трудно, и тѣмъ болѣе это невѣроятно въ разсматриваемомъ случаѣ. Вопросъ могъ быть разрѣшенъ только формальнымъ слѣдствіемъ; а такъ какъ слѣдствія не было, то мы и должны остаться при однихъ догадкахъ, основывающихся не на данныхъ суда, а на характерахъ дѣйствующихъ въ тяжбѣ лицъ и обстоятельствахъ, въ которыхъ они выступили другъ противъ друга въ качествѣ противниковъ.

Всмотримся жъ ближе въ этѣ обстоятельства и въ характеры дѣйствующихъ лицъ, лица обвиняющаго и лица, отвергающаго взводимыя на него преступленія.

Волинской представляет совершенно основательно, что противник его выступил обвинителемъ тогда, когда самъ уже былъ ответчикомъ, слѣдовательно, настоящее судебное дѣло отводилъ въ сторону, запутывалъ и усложнялъ тяжбу обвиненіемъ своего судьи. Это не законный поводъ къ обвиненію, а уловка подсудимаго, который хотѣлъ этѣмъ замѣять свое дѣло. Если бы его показанія имѣли какое ни будь отношеніе къ судебному дѣлу, онъ имѣлъ бы право слѣдовать имъ и обнаружить въ своемъ слѣдователѣ какія ни будь пристрастія, или заподозрить его въ неправильномъ слѣдованіи; но его обвиненія имѣютъ независимый отъ слѣдствія, самостоятельный характеръ. Волинскій имѣлъ право требовать формальнаго слѣдствія по обвиненіямъ Архіерея; онъ и требовалъ его, но не получилъ. Это естественно больше склоняетъ насъ въ его пользу, нежели въ пользу обвинителя.

Разсматривая самыя статьи обвиненій, мы видимъ, что одна изъ нихъ, и при томъ большая часть, дѣйствительно несправедливы, другія до крайности мелочны (на примѣръ, тотъ, что Волинскій высѣкъ Семинарскаго школьника за шалости довольно крупнаго свойства, или что солдаты прогоняли прутьемъ пьяныхъ Дьячковъ,¹¹ которые вздумали купаться и шалить передъ Губернаторскими окнами, или что солдаты били собакъ по городу), а иные содержатъ ни на чемъ не основанныя подозрѣнія (на примѣръ, что Волинскій медлитъ слѣдствіемъ по дѣлу Салникѣва, надѣясь получить, или уже получивши, взятку, или опасеніе, что онъ убьетъ Сильвестра, какъ только узнаетъ о его доношеніи).

Но какъ повѣрили этой лжи, этѣмъ мелочамъ и небылицамъ? Отъ чего общество, и при томъ свѣтское, скорѣе стало на сторону Сильвестра, нежели на сторону Волинскаго? Безъ сомнѣнія, тутъ много значило обаяніе личной жалобы Сильвестра, восьмидесятилѣтняго старика, такъ какъ всякій по опыту знаетъ, что на слѣ-

¹¹ Сильвестръ особенно ударяетъ на то, что этѣ Дьячки были посвящены въ стѣхарь, какъ будто это имѣетъ какое ни будь отношеніе къ купанью, сопровождаемому такими неприятными для нихъ послѣдствіями. Волинскій пишетъ, что того узнать было нельзя, для того, что они наги были.

нахъ можно сдѣлать изъ мухи слона. Человѣкъ, самый неразборчивый на слова, не осмѣялся написать, особенно въ судебной бумагѣ, того, чѣмъ онъ, не стѣсняясь, украшаетъ словесную жалобу. Но главной причиной была все та же нерасположенность общества къ Волинскому. Всѣ, кто ни сталкивался съ нимъ, знали его за человека съ несноснымъ характеромъ. Онъ былъ горячъ, заносчивъ, упрямъ, жестокъ, и при томъ весьма честолюбивъ. Мы не говоримъ о взяточничествѣ, по тому что общество было къ нему безразлично. Какъ оно ни было дурно, до него, однако жъ, другимъ мало кому было дѣла, исключая тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ обрушивалась его жадность; да пожалуй объ этой чертѣ его характера и знали не многіе. Понятіе о немъ установилось не тамъ, не въ той средѣ, гдѣ онъ бралъ взятки. Его не любило высшее общество, по тому что онъ относился къ нему, по меньшей мѣрѣ, съ неуваженіемъ. Онъ ссорился съ Долгорукими, Голицыными, Курякиными. Не успѣлъ пріѣхать въ Москву, какъ поссорился съ Ягужинскимъ. Другихъ послѣдующихъ ссоръ сдѣсь не перечисляемъ. Позже онъ говорилъ, и всегда думалъ, что онъ могъ бы править Государствомъ, что ни кто лучше его не понимаетъ искусства Государственнаго правленія.

Не только высшіе милостивцы его, даже свои домашніе часто, когда онъ бывалъ веселъ, говаривали ему: «Пора посмирнѣе жить, и на что всѣхъ превирать, а особливо и свою братью иногда уничтожать?»

Волинскій, былъ очень уменъ; но его природныя дарованія не были образованы воспитаніемъ и наукой. Эта была богатая, даровитая, чрезвычайно живая, воспріимчивая, увлекающаяся, но въ то же время необузданная, натура, которая, при недостаткѣ воспитанія и направляющемъ дѣйствіи среды, одинаково способна была на добро и зло. Онъ способенъ былъ понимать достоинство лучшихъ порядковъ въ обществѣ; могъ даже пролагать путь этѣмъ порядкамъ своими проектами и предначертаніями; но въ немъ не было той цѣльности, которая состоитъ въ согласіи мысли съ жизнію, не было того живого начала, которое начинается преобразование общества съ себя самого. У него теорія въ постоянномъ разладѣ съ практикою его собственной жизни. Онъ великъ, какъ совѣтникъ въ

дѣлахъ Государственнаго правленія, но какъ правитель запятанъ самыми темными пятнами.

По самой природной горячности сложенія, Волынской не умѣлъ и не могъ скрывать своихъ сочувствій и отвращеній къ окружающимъ лицамъ, не могъ хладнокровно переносить ударовъ, наносимыхъ его честолюбію, положительно не способенъ былъ къ выжиданію, скрытности и двуличной политикѣ. Довольно было поставить подлѣ него лицо съ противоположными свойствами, чтобы взмутить его самымъ вѣрнымъ образомъ. Такимъ лицомъ и былъ подлѣ него Остерманъ. Волынской не могъ равнодушно переносить его двуличной и выжидательской политики, и возмущался всякій разъ, когда тотъ пускалъ въ дѣло свои Нѣмецкіе таланты. Онъ самъ сознавался, что часто плакивалъ передъ нимъ, какъ ребенокъ, и наконецъ таки сдѣлался жертвой этой убивающей политики, которую ни переносить, ни усвоить былъ не въ состояніи.

Остерманъ былъ хорошимъ дипломатомъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ свою заслугу. Но онъ не былъ Русскимъ, былъ безразличенъ, если не больше, къ Русской Церкви, и безпощаденъ къ Русской крови. Русскіе люди для него, какъ для Бирона и всего множества тогдашнихъ сильныхъ иноземцовъ, были шахматными фигурами, надъ которыми они показывали свое искусство. Волынской, какъ ни злоупотреблялъ самъ властью, не могъ, однако жъ, равнодушно смотрѣть на эту безучастность сильныхъ иностранцевъ къ Русскому народу. Онъ былъ Русскій, со всеми его хорошими и худыми качествами. Его проекты направлены были къ дѣйствительной пользѣ Россіи, которую онъ зналъ и любилъ. Онъ видѣлъ недостатки Русскаго Духовенства и причины ихъ, хотѣлъ улучшить бытъ его какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Онъ хотѣлъ поставить Русское купечество въ такое положеніе, въ которомъ бы оно, независимое отъ притѣсненій чиновничества, могло свободно и безопасно располагать своими капиталами и ихъ оборотами. Онъ хотѣлъ возвысить нравственный уровень Дворянства распространеніемъ въ немъ просвѣщенія. Онъ хотѣлъ образовывать Русскихъ, своихъ природныхъ, Министровъ, посылая способныхъ молодыхъ людей въ иностранныя Государства для обученія разнымъ наукамъ и гражданскимъ правамъ. Для наблюденія

за исполненіемъ законовъ въ областяхъ онъ предполагалъ учредить ежегодные Сенаторскіе осмотры областей, и въ этихъ видахъ предлагалъ увеличить число Сенаторовъ. Мы не упоминаемъ о другихъ частяхъ его проектовъ, которые обнимали почти всё стороны Русскаго правленія и направлены были къ исправленію и улучшенію ихъ по указаніямъ опыта.

Историческая судьба государственныхъ дѣятелей весьма много зависитъ отъ успѣха ихъ предначертаній. Личные недостатки; неровности характера, злоупотребленія власти, останутся незамѣтными, или не столько замѣтными, если удастся имъ осуществить свои обширные планы, направленные къ счастью и величію народа, который произвелъ ихъ и пользѣ котораго они посвятили свой дальновидный умъ и свою опытность. Если жъ случилось на оборотъ, если планы ихъ не осуществились, то народъ, не ощутивъ отъ нихъ пользы и не испытавъ на себѣ дѣйствія лучшихъ сторонъ ихъ души, или забудетъ о нихъ, или же сохранить память, какъ о людяхъ безпокойныхъ, или корыстныхъ, которые заботились только о себѣ, придавивъ все, что лежало на пути къ цѣлямъ ихъ общественнаго преобладанія.

Эта судьба постигла и Волынскаго. Въ то темное время, когда онъ дѣйствовалъ, какъ высоко поставленное общественное лицо, онъ не могъ раскрыть лучшихъ силъ своей даровитой природы, не могъ сдѣлать примѣненія изъ богатыхъ запасовъ своего ума и обширной наблюдательности, и на судъ исторіи пошли одни темныя стороны его жизни, одни зазорныя дѣла, которыми онъ то прокладывалъ себѣ дорогу, то держался на высотѣ, кушленной не дешевою цѣною.

Съ нимъ было и того хуже. Ему поставили въ вину то, что онъ осмѣлился «сочинять письменныя злодѣйскія разсужденія о причиноившихся вредахъ особнѣ Государю и обще всему Государству и о гражданствѣ;» и то, что онъ «сочинялъ проектъ и разсужденіе съ явнымъ предосудженіемъ и укоризною прошедшаго и настоящаго въ Государствѣ управленія для того, что въ управленіи дѣлъ въ Государствѣ усмотрѣлъ онъ неудобствіе; чего ради то свое разсужденіе вибнялъ онъ за полезное и противъ прошедшаго, и ны-

нѣшняго настоящаго въ Государствѣ управленія за лучшее. Изъ его проекта «вытянули за волосъ, по выраженію Екатерины II, и ввели на него измѣнническій умыселъ, будто онъ себя присвоивать хотѣлъ власть Государя, что отнюдь на дѣлѣ не доказано.»

Мы надѣемся, что время и ближайшее знакомство съ историческими памятниками возстановятъ Волинскаго въ его подлинномъ величіи, о которомъ и въ народѣ сохраняется воспоминаніе, хотя только смутное.

VII.

Но, заговорившись о Волинскомъ, мы не довели до конца нашей тяжбы.

Въ Декабрѣ 1730 г. Сильвестръ съ Питиримомъ уѣхали въ Казань. Еще прежде нихъ уѣхалъ Кудрявцевъ, а отрѣшенный отъ Губернаторства Волинскій въ Декабрѣ 1730, или въ Генварѣ 1731 г., пріѣхалъ изъ Казани въ Москву, Февраля 11 состоялся объ немъ приказъ, чтобъ «быть ему при командѣ въ Украинскомъ корпусѣ, и опредѣлить его къ полкамъ, которые стоятъ на форпостахъ, по границѣ Турецкой и Крымской.»

Счастіе улыбнулось было Волинскому, но не надолго. Скоро опять наши темныя тучи.

Въ Февралѣ 1731 года, по просьбѣ купца Бахтина, возобновлено было одно старое дѣло, вовлекшее Волинскаго въ большія хлопоты. Въ бытность въ Персіи Волинскій занялъ, между прочимъ, у одного Русскаго торговаго человѣка около 3000 р., и далъ ему въ нихъ росписку. По возвращеніи изъ Посольства, Волинскій представилъ счетъ своихъ долговъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и просилъ объ ихъ уплатѣ, по примѣру, какъ уплачивались долги другихъ Посланниковъ. Коллегія медлила уплатой, и Волинскій оставался въ долгахъ. Съ пріѣздомъ его изъ Казани въ Москву поднято было одно изъ этѣхъ дѣлъ Бахтинымъ. Въ публикѣ, уже преубѣжденной противъ Волинскаго, начали ходить разныя толки и, разрастаясь, дошли до громаднаго размѣра. Дѣло изъ денежнаго приняло государственннй характеръ. Волинскаго начали обвинять въ

томъ, что онъ былъ причиною войны съ Персіей при Петрѣ Великомъ. Волинскій долженъ былъ оправдываться и подалъ протестъ противъ вводимыхъ на него обвиненій.

Къ этому присоединилась новая неприятность.

Губернаторомъ, на его мѣсто въ Казань, назначенъ былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Михаилъ Васильевичъ Долгорукій,¹⁰ но двумя правилъ недоброжелатель Волинскаго, Вице-губернаторъ Нефедъ Кудрявцевъ. Слѣдствія этого для Волинскаго обнаружились скоро.

Едва онъ прибылъ въ Москву, какъ, въ слѣдъ за нимъ, пріѣхали цѣлыя толпы Татаръ съ жалобами и просьбами на него въ разныхъ неправильныхъ денежныхъ поборахъ. Волинскій зналъ, откуда идутъ эти тучи и, подавши объясненіе по Персидскому дѣлу («Оправданіе о Персидскомъ дѣлѣ»), въ то же время объяснялъ происхожденіе этихъ Татарскихъ жалобъ.

«Ежели принесено на меня то, будто я причиною былъ началію Персидской войны, писалъ онъ, на сіе отвѣтствую. Не только я въ томъ невиненъ, но ниже самъ отъ себя блаженныя и вѣчно достойнославныя памяти Его Императорское Величество Петръ Первый, всемилостивѣйшій Государь нашъ, сіе намѣреніе воспріять изволилъ, но послѣдовалъ тѣмъ дѣломъ родителю своему, блаженныя и вѣчныя памяти Государю, Царю, Алексѣю Михайловичу, о чемъ явно доказать можно. Понеже въ Морскомъ Уставѣ, въ предисловіи, на 4 страницѣ, ямянно о томъ напечатано, какъ Его Царское Величество воспріялъ намѣреніе дѣлать корабли и навигацію на Каспійскомъ (то есть, Астраханскомъ) морѣ, и какъ вывезенъ

¹⁰ Князь Михаилъ Васильевичъ Долгорукій въ царствованіе Петра II былъ Членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта; при вступленіи на престолъ Императрицы Анны, 8 Апрѣля, 1730 г., назначенъ Губернаторомъ въ Астрахань, но чрезъ мѣсяць, 8 Мая, отрѣшенъ и сосланъ на житье въ свою Боровскую деревню, а 16 Ноября опредѣленъ Губернаторомъ въ Казань, но въ 1731 г., 23 Декабря, отставленъ и сосланъ опять въ деревню (Сказаніе о родѣ Князей Долгоруковыхъ стр. 99).

былъ изъ Голландіи Капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компанією масте-
 ровъ и матрозовъ, которые и сдѣлали корабль, именуемый Орелъ,
 да яхту или галіотъ, но сему дѣлу препятствовалъ бунтовщикъ
 Стенька Разинъ, которой, въ нашествіи своемъ на Астрахань, оное
 начатое дѣло разорилъ, и Капитана Бутлера убилъ, и прочіе той
 компаніи съ нимъ Капитаномъ избиты, а двое изъ нихъ, а именно
 Лѣкаръ Иванъ Термунтъ, да корабельной мастеръ Брантъ, ушли чрезъ
 Персію въ Индію, откуда паки, по умирении бунта, возвратились
 въ Москву, и Лѣкаръ Термунтъ, во время государстванія блажен-
 ныхъ и вѣчно достойнославныхъ памяти Его Императорскаго Величе-
 ства, Петра Перваго, титулованъ Докторомъ и взятъ ко Двору, и
 при Его Велиествѣ былъ въ Голландіи и въ Англіи во время перва-
 го похода съ Послами, и въ крайней Его Величества былъ милостивъ,
 отъ котораго, а при томъ и отъ корабельнаго мастера Бранта, о выш-
 помянутомъ отеческомъ дѣлѣ также по Персіи изволилъ слышать-
 ся, какъ я отъ Его Императорскаго Величества о томъ самъ слышалъ;
 понеже до семисотаго года присланы были (мастеры иноземцы въ
 Казань) шмаковаго дѣла и галернаго и прочихъ сортовъ морскихъ
 судовъ, для дѣла оныхъ, которые сдѣлали, кромѣ галеръ и другихъ
 мелкихъ судовъ, большихъ шмаковъ 150, или 160, такой пропорціи,
 что на каждое судно можно было посадить (свободно) для тран-
 порта по 300 человекъ, да провіанта положить тысячи полторы,
 или по двѣ тысячи четвертей. Изъ которыхъ судовъ уже нѣско-
 ко десятковъ сплавлены были къ Астрахани еще въ то время, ко-
 да тамъ Воеводою былъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и
 нѣсколько туда морскихъ Офицеровъ иноземцовъ съ матрозами бы-
 ло отправлено, токмо и сему Астраханскому флоту такое жъ не-
 счастье приключилось, какъ и первому. Понеже, когда забунтова-
 тамъ стрѣльцы и убили тамошняго Воеводу Тимофея Ржевскаго
 тогда и оныхъ Офицеровъ и матрозовъ побили, а суда оныя раз-
 рили. И когда такіе флоты начинали на Каспійскомъ морѣ оны-
 славныя Монархіи отецъ и сынъ, какая тамъ нужда была имѣть
 военные корабли и иные великія суда, естли бѣ не имѣли изда-
 на намѣренія воевать Персію? Не вѣдаю намѣренія блаженныя пам-
 ти отца Его Императорскаго Величества, Государя, Царя Алекс-
 Михайловича (понеже я тогда еще не родился); что же о Его Им-
 ператорскомъ Велиествѣ, конечно, могу безъ сомнѣнія сказать
 истиннѣ, не меньше великаго Александра оной Августѣйшій М-

наркъ нашъ желалъ вездѣ славу свою показать. Понеже по замысламъ Его Величества не до одной Персіи было ему дѣло. Ибо естли бѣ посчастливилось намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животь его, конечно бы покусился достигнуть до Индій. А имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до Китайскаго Государства, что я сподобился отъ Его Императорскаго Величества, по его ко мнѣ, паче достоинства моего, милости самъ слышать и, кромѣ себя, могу въ томъ и нынѣ на сіе Его Величества намѣреніе и высокіе замыслы нѣскольکو свидѣтелей представить, которые, надѣюся, многократно и пространнѣе, нежели я, сами отъ Его Величества о томъ слышали.

Буде же кто нарекаетъ на меня и клепаеть тѣмъ, будто бы и склонилъ Его Императорское Величество и привелъ къ тому, что онъ изволилъ воспріять походъ свой въ Персію, и то явная ложь. Понеже поматуется мнѣ, что я еще былъ въ Турецкой землѣ, а Его Императорское Величество изволилъ послать нѣсколько морскихъ Офицеровъ и навигаторовъ въ Астрахань описать Каспійское море и берега, и осмотрѣть удобные гавани и впадающія въ то море рѣки, и сочинить правильную зей-карту. А я въ то время не только совѣтникомъ сего дѣла былъ, ниже о томъ вѣдалъ. А о самой Персіи зналъ только гдѣ она, а какова она и каковы люди, о томъ и вѣдать мнѣ нужды не было.

А потомъ въ прошломъ 715 году ни я искалъ, ниже желалъ быть въ такомъ отдаленномъ, а паче въ варварскомъ Государствѣ, токмо принужденъ ѣхать по волѣ Его Императорскаго Величества, и теперъ имѣю инструкцію ту, которая тогда дана мнѣ, и хотя публичное мое было дѣло обнадеживаніе и подкрѣпленіе древней дружбы отъ Его Императорскаго Величества къ сторонѣ Шаха Персидскаго, и при томъ будто касалось дѣло для коммерціи, а самая была причина та, за которую мнѣ было тамъ легко пропасть мощно. Понеже морскіе Офицеры посланы были для описанія моря того, какъ выше показано, а я посланъ былъ смотрѣть внутреннее состояніе Персіи, и имянно: положеніе мѣстъ, и какіе горы и непроходимые мѣста, Гилянъ и прочія провинціи по Каспійскому морю лежащія, отдѣлены отъ Персиды. Также велѣно мнѣ осматривать рѣкъ большихъ, впадающихъ въ Каспійское море, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря (и нѣтъ ли какой

рѣки въ Индіи, которая бы впала въ то море), и при томъ примѣчать пристаней морскихъ, смотрѣть городовъ, крѣпостей, и вѣдать, сколько у Шаха въ его области какихъ фортецей, и сколько въ которыхъ мѣстахъ войска, конницы и пѣхоты, артиллеріи и яновъ ружья, и въ какомъ состояніи все оное, и въ какомъ порядкѣ войска и артиллерія и прочее обрѣтается, и не множать ли гдѣ онаго, и тщательно ль, или слабо, во всемъ томъ поступаютъ, и не вводятъ ли Европейскихъ обычаевъ въ войнѣ. Мнѣ жъ повелѣно развѣдывать объ Армянскомъ и прочихъ Христіанскихъ и яновѣрныхъ съ Персами въ тѣхъ странахъ обрѣтающихся народахъ, и каковы они къ сторонѣ Его Императорскаго Величества (которыхъ къ тому велѣно было мнѣ и склонять всячески), и которой народъ какой состояніемъ.

Сіе все выше писанное именно въ моей инструкціи написалю, которая за рукою Канцлера Графа Гаврилы Ивановича Головкина, а съ чего она написана, то помнѣется мнѣ, что чернить и оныя тайныя пункты переправлять (и приписывать) своеручно самъ Его Императорское Величество изволилъ (такъ точно жъ было Его Величества оное дѣло), надѣюся и нынѣ еще въ сохраненіи лежитъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. А для скорѣйшаго свидѣтельства, я съ оныхъ пунктовъ списавъ, прилагаю при семъ копію.

По сему всякому добросовѣстному легко можно разсудить, что не по выѣздѣ моемъ изъ Персіи, но за нѣсколько лѣтъ прежде, нежели я туда былъ посланъ, уже имѣлъ конечно Его Императорское Величество оное свое намѣреніе, и что подлинно не я тому причина.

Что же я дѣлалъ по волѣ Его Величества, по изустнымъ приказомъ и по Указамъ мнѣ, я все то хранить и исполнять повиненъ былъ, и наша въ томъ должность, понеже на то присягаемъ, для того что я видѣлъ и слышалъ, и въ какомъ состояніи я Персію засталъ, такъ точно безъ прибавки и убавки и доносилъ Его Величеству, а иноково и поступать я боялся и грѣха и казни и суда отъ Его Величества. Понеже кромѣ меня и прежде меня довольно Его Императорское Величество о состояніи Персидскаго Государства извѣстенъ былъ отъ Царя Арчила Грузинскаго и отъ Армянскихъ Патріарховъ, которые, не хотя жить подъ игомъ Персидскимъ, неоднократно Его Императорское Величество, яко избавителя Христіан-

скихъ обонхъ, Грузинскаго и Армянскаго, народовъ просили о томъ изъ давнихъ лѣтъ, и съ тѣмъ отъ Армянскаго и Грузинскаго народовъ нарочные къ Его Императорскому Величеству присланы тайно бывали, о чемъ и теперь въ Коллегіи Иностранной сыскать можно. И понеже, какъ о томъ извѣстно, что Его Императорское Величество столько любопытенъ былъ, что только бѣ о чемъ могъ услышать, надобно было ему о томъ конечно уже и совершенно вѣдать, и не только о важныхъ, но и о такихъ, до чего бы, казалось, и нужды мало, или и нечего не было.

И что бѣ кто отважился на такое дѣло склонять его, котораго бѣ Его Величество самъ самозвольно дѣлать былъ не намѣренъ, конечно бѣ, въ томъ всякъ обманулъ себя, понеже онъ, Всеагустѣйшій Монархъ нашъ, былъ особливо отъ Бога одаренъ душевными силами, какъ о томъ не однимъ намъ извѣстно, но и всему свѣту явно. И самые мудрые дѣла его и безсмертной памяти достойные могутъ великодушіе и непоколебимое постоянство высокаго ума его засвидѣтельствовать.

И что же, мнѣ ли бѣ такому по истиннѣ возможно было обуздать новни слабыми представленіями такого мудраго Монарха и вести туда, куда бѣ Его Величество самъ итти не изволилъ, и по чему бѣ было сіе моею силы дѣло, понеже тогда уже Его Величество былъ въ лучшей крѣпости совершеннаго мужества своего, а я (не ровняю себя въ примѣръ всемилостивѣйшему нашему бывшему Государю) моложе Его Величества былъ безъ мала двадцати лѣтами? А какая деференція (противу Его Величества) въ недостаткѣ ума моего, о томъ, сколько я о себѣ вѣдаю, столько бѣ и прочимъ знать мощно, понеже сіе не закрытое, но всѣмъ было явно.

Сверхъ того, представляю и сіе послѣднее мое оправданіе: когда Его Императорское Величество изволилъ вступить уже въ Персидскую войну, видѣлъ совершенно самъ въ томъ дѣлѣ многіе неудачи и убытки въ людѣхъ и въ прочемъ, однако жъ того ни чего мнѣ взыскивать не изволилъ; самъ Его Величество въ себѣ подлинно изволилъ вѣдать, что тому дѣлу не я былъ виною, и не только Персію оставить не хотѣлъ, но и самъ паки высокою персоною своею въ прошломъ 1725 году итти былъ по вскрытіи воды на-

нѣренъ, токмо то скорая смерть пресѣкла; какъ же о томъ какъ разсудить, что самъ видѣлъ уже многіе противу воли своей неудовольства, а тѣмъ всѣмъ не могъ отъ того отвратить себя! А ми чего такъ изволилъ дѣлать сіе дѣло, не только мнѣ, но, чаю, и другимъ многимъ было не довѣдомое. А теперь, по смерти Его Величества, мощно толковать, какъ кто разсудить, а по истиннѣ сказать, развѣ рѣдкой угадать можетъ.

А кто, злодѣйствуя мнѣ, говорилъ то, что Его Императорское Величество гнѣвался на меня въ Низовомъ походѣ, и вмѣняетъ въ томъ образѣ, будто бѣ прогнѣвался за неудачу Персидскаго дѣла, и то подлинно солгано, понеже тогда еще на Персію мощно было разсмотрѣть, ни о будущиxъ неудачахъ (которые потомъ воснѣсѣдовали) возможно было вѣдать; ибо въ то время ни одинъ человекъ еще съ судовъ и на землю не выходилъ, а сдѣлалось сіе мнѣ несчастье такимъ образомъ: когда мы при Его Велиествѣ перешли море и сталъ флотъ на якоряхъ подлѣ Персидскихъ береговъ, повелѣлъ Его Величество, забавляясь, купать въ морѣ, страннѣе жъ кто не бывалъ на Каспійскомъ морѣ, начавъ съ Адмирала всѣхъ до послѣдняго (а при томъ и самъ купаться изволилъ), между тѣмъ хотѣлося Адмиралу и Петру Толстому чтобъ и я былъ купанъ, къ чему и Его Величество склоняли, но я поупрямился въ томъ, понеже тогда былъ припьянъ, и тѣмъ своимъ упрямствомъ Его Величество прогнѣвалъ; подъ то жъ время получены были письма отъ Бригадира Витерянова о взятіи города, именуемаго Андѣрѣи деревня, которой велѣно было тому Бригадиру доставать, но онъ непорядочно въ томъ поступалъ, и потерялъ одного Подполковника, и съ 80 человекъ драгунъ съ нимъ побито, а можно было и кромѣ сего убытка достать оной городъ, токмо оной Бригадиръ, закрывая въ томъ дѣлѣ вину свою, писалъ къ Его Величеству то, чего не бывало. И хотя было Его Величество сей невеликой урокъ изволилъ уничтожить, однако жъ подъ такой случай Адмиралъ и Толстой, злодѣйствуя мнѣ, привели Его Величество на наибольшей гнѣвъ; но хотя жъ и претерпѣлъ я, однако жъ, не такъ, какъ итѣ рабу надлежало терпѣть отъ своего Государя, но изволилъ наказать меня, какъ милостивой отецъ сына, своею ручкою, и на завтра самъ всемилоостивѣйше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моея въ томъ не было, милосердуя раскаялся, и паки, какъ милосердой

ещь и Государь нашъ, изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость и содержалъ непоколебимо. А между тѣмъ хотя были случаи гнѣва Его Величества на меня, но и то, или на нѣолько дней, или на нѣсколько часовъ, пока принесу извиненіе, и повинное оправданіе, и такъ во всю мою жизнь (кромѣ одного того вышеписаннаго случая) не бывало никогда мнѣ отъ Его Величества не только побоя, ниже, тяжкой брани, и хотя зависти раи многіе покушались вредить меня какъ то между нашимъ народомъ особливо паче другихъ водится, однако жъ я высокою Его властію столько обнадеженъ былъ, что не только безъ поврежденія чести, но и съ крѣпкою обороною жилъ, и никогда туе прождамъ мою жизнь, но всегда былъ въ важныхъ и нужныхъ дѣлахъ, паче многихъ сверстниковъ моихъ, не по моимъ молодымъ лѣтамъ, и вѣрить мнѣ паче достоинства моего изволилъ, и содержать былъ въ числѣ вѣрныхъ рабовъ даже до самой плачевной Его еличетва кончины.

Претворяя себѣ въ жалость о убыткахъ, такъ какъ бы уже ногіе тысячи пропали, и при томъ разсуждали, что тѣмъ дѣломъ вредному непріятелю (на кого шли) будто великой авантажъ быть и прочее тому подобное внушали Его Величеству, но онымъ всюданъ ни побитыхъ жаль было, ни о непріятелѣ нужда разсужтъ была, кромѣ что до меня одного было дѣло, чтобъ тѣмъ больше повредить и ввести въ побой, что по ихъ желанію и сдѣлалось. онеже Его Величество скоро съ Адмиральскаго судна на свое измилъ притить (хотя тогда и ночь была), однако жъ изволилъ принять по меня, и тутъ, гнѣваясь, бить тростью, полагая вину ту, что тамъ тотъ городъ явился многолюднѣе, нежели я доносилъ, токмо важными и вѣчными памяти, любезная Его Величества оупруга, всецостивѣйшая Государыня Императрица, до большихъ побой милостиво довести не изволила.

Хотя внушено на меня, будто я непорядочно жилъ въ Казани будто многимъ дѣлалъ напрасные обиды, но въ томъ засвидѣтельствуюся генерально всеѣми Казанскими жителями и прочими, кто былъ тамъ (выключая только однихъ притчинныхъ), сколько я умѣвно велъ себя во вѣсѣхъ моихъ поступкахъ.

А что причина моего несчастія, о томъ доношу слѣдующее. Поже тамошней Вице-Губернаторъ, Кудрявцовъ, имѣеть тамъ домъ и

деревни, а съ природы зѣло. прихотливъ и безмѣрно лѣнивъ, и для того я былъ имъ недоволенъ, а противу того и ему довольно мною нельзя быть, понеже я по прихотямъ его ни чего дѣлать не хотѣлъ. А имѣлъ онъ у себя дядю Дашкова, Архіерея бывшаго Ростовскаго, чрезъ котораго онъ, Кудрявцовъ, и прежде сего вредилъ меня, понеже хотѣлося Ростовскому Архіерею сдѣлать его туда и Губернаторомъ.

Потомъ нужда пришла и Казанскому Архіерею вредить меня. Понеже, присланъ ко мнѣ изъ Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, по которому велѣно было мнѣ про онаго Архіерея розыскивать въ томъ, что онъ, по кончинѣ блаженныя и вѣчно достопамятныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, оставя свою присягу, не сталъ челобитенъ у челобитчиковъ принимать съ титуломъ Императорскаго Величества, и оныя челобитныя дралъ и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое имя. Также и прочіе многіе безсовѣстныя дѣла были на него, Архіерея, показаны.

Но когда я въ то слѣдствіе вступилъ и порядочно повелъ дѣло, Архіерей тотъ увидѣвъ, что ему праву нельзя быть, принужденъ подняться противу меня, и подалъ подозрѣніе, но то не помогло ему; потомъ подалъ другое, а на послѣдокъ, затѣявъ, написалъ на меня 38 пунктовъ, между которыми истинно ни трехъ такихъ нѣтъ, которые бѣ были и половина правды, а прочее, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, все затѣялъ, и при томъ вѣзда многими жаловался, плакалъ и лгалъ на меня, сколько могъ выдумать.

А отъѣзжая изъ Казани, не имѣлъ со мною ни какой ссоры, и за день отъѣзда своего былъ у меня и просилъ о неоставленіи своего дома, при томъ рекомендовалъ мнѣ своего Казначая и Секретарей, которымъ и приказалъ о всѣхъ нуждахъ объявлять мнѣ и просить, и уже и сюды прибывъ, жилъ около полугода, а ни въ чемъ не меня не билъ челомъ и не показалъ ни какой ссоры, и писывалъ ко мнѣ благодарственики, и я къ нему, но какъ объ немъ начался дѣло, тогда затѣялъ на меня бить челомъ.

А подъ тотъ случай присталъ къ нему и Вице-Губернаторъ Кудрявцевъ, и такъ сообщался съ Архіереемъ, вредили меня, сколько могли.

Между тѣмъ же случилось въ Казани и еще одно дѣло, которое не мало помогло моему несчастію. Понеже Казанской Губерніи подчиненная провинція Соль-Камская безмѣрно запущена доимкою въ кабацкихъ и таможенныхъ сборахъ, а оныя на откупѣ многіе сборы у тамошняго купца Турченинова, что я усмотря, по софисти моей началъ слѣдовать (отъ чего та доимка), взявъ табельные оклады и тамошніе репорты, и считъ только одинъ годъ и 9 мѣсяцовъ (понеже только меня время допустило), но и въ томъ короткомъ времени нашелъ на томъ одномъ купцѣ сумнительныхъ съ 36000 рублей, и онъ уже было во многомъ самъ признался, а ежели бъ захватилъ и далѣе время, надѣялся бъ сыскать и больше, токмо и то мнѣ во вредъ стало, и такъ собралось одно къ одному.

А нынѣ слышу, что помянутой Вице-Вубернаторъ Кудрявцевъ, не довольствуясь тѣмъ всѣмъ, и еще въ мое поврежденіе трудится, научилъ нѣкоторыхъ плутовъ Татаръ, которые были наказываны за воровство (еще прежде меня), и велѣлъ имъ составить челобитную, приличая къ тому, будто я велѣлъ собирать съ волостей, сверхъ подушняго окладу, нѣкоторые сборы, и по тому взяты въ Казань изъ тѣхъ волостей знатные изъ Татаръ Сотники, которыхъ изъ того держали въ тюрьмѣ и стращали, а они подали челобитную, написавъ отъ всѣхъ волостей. Что тѣ доносители плуты и что многіе изъ нихъ наказаны кнутомъ, а у другихъ за воровство и уши отрѣзаны, и для того чтобъ имъ въ томъ не вѣрили.

А о сборѣ томъ написали, что у нихъ изъ давнихъ лѣтъ бываетъ съ общаго согласія повсягодно, по чему опредѣляютъ иногда копѣйки по двѣ, иногда по три съ души на годъ, для общихъ расходовъ на наемъ подводъ и на приказные и протчіе нужды. Они жъ изъ тѣхъ денегъ отправляютъ чолобитчиковъ въ Москву, даютъ за труды приказнымъ людямъ, и сами живучи за дѣлами, изъ того жъ довольствуются, но и за тѣмъ принуждаютъ оныхъ всячески, чтобъ кто показалъ на меня. А я нынѣ отъѣзжаю, для того опасаясь, чтобъ и симъ дѣломъ, такъ какъ и Архіерейскимъ, я не поврежденъ былъ.

А понеже и понынѣ Архіерейское дѣло по се время еще не слѣдовано, хотя я о томъ еще изъ Казани прислалъ въ Сенатъ

челобитную, прося о розыскѣ въ томъ самъ на себя. Также и нынѣ, прибывъ сюда, напоминалъ о томъ, однако жъ все то уничтожено, а я остаюсь въ суспиціи, такъ какъ бы подлинно виновать былъ.

Того ради я всепокорно прошу не о иной какой милости, только чтобъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣла, кому наволить въ томъ повѣрить (кромѣ тѣхъ, кто вредитъ мнѣ), все то, что принесено на меня и впредь будетъ, прозавестъ приказнымъ порядкомъ и прямымъ судомъ, изъ чего будетъ двѣ пользы. Первая та, что невинные впредь отъ безсовѣстныхъ вредителей терпѣть не будутъ напрасно. Второе, когда дѣло судомъ проведено и рѣшено будетъ, то всякъ виноватой подлинно облеченъ будетъ, и не можетъ сказать, что безвинно терпѣть.

По дѣлу съ Казанскимъ Архіереемъ слѣдствія, однако жъ, не было назначено, но жалобы Татаръ были такого рода, что нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Волынскаго удержали въ Москвѣ.

Ясашные иновѣрцы въ челобитной своей написали, что въ 1730 году Сотники собирали съ нихъ, сверхъ подушныхъ денегъ, по 3 — 5 к. съ души. По показаніямъ сотниковъ тѣхъ денегъ въ сборѣ было болѣе 2000 руб. Изъ нихъ 1959 руб. отдано человеку Волынскаго, Кубанцу, чтобъ имъ не быть въ работѣ корабельныхъ дѣловъ.

Тѣ же ясашные Татары показали, что Волынской взялъ съ нихъ 500 руб. за не посылку ихъ въ Персію въ переводчики. По слѣдствію оказалось, что Волынскому поручено было Сенатскимъ Указомъ посылать въ переводчики, кого онъ признаетъ лучше, ясашныхъ, или служилыхъ Татаръ. Волынской донесъ, что ясашные Татары, какъ теперь, такъ и впредь, къ этому дѣлу не годятся. Ясашные Татары, въ благодарность за это, собрали съ двухъ дорогъ 500 руб. и отнесли къ Казанцу гостинной сотни Каменеву, чрезъ котораго и просили Волынскаго о не посылкѣ ихъ въ Персію, тотъ велѣлъ отдать ихъ человеку Волынскаго.

Чернышамъ Казанскаго Уѣзда также подали десять прошеній въ которыхъ жаловались, что въ ихъ сотни и волостяхъ, послѣ п

тупиной переписи, посланные для слѣдствія о не написанныхъ въ душной оладѣ, брали взятки не малыя. Въ Сибирскомъ Уездѣ же былъ сборъ сверхъ подушныхъ денегъ.

Императрица, уже предубѣжденная противъ Волинскаго, приказала арестовать его и сдѣлать ему инквизицію.²⁰ Волинскій оправдывался, какъ могъ. О вѣсннхъ деньгахъ сначала показалъ ложливо, что при отъѣздѣ его изъ Казани выборные вѣсннхъ мостей объявили ему денегъ 2500 руб. для провозу, за опасностью, до Москвы; но потомъ признался, что Казанскіе и Свияжскіе отники принесли ему тѣ деньги по обѣщанію за то, чтобъ имъ не быть у корабельной работы, и за прочія его благодѣянія, которыя онъ и принималъ предъ отъѣздомъ изъ Казани. Изъ 24 деньщиковъ Волинскаго, оговоренныхъ въ томъ, что они, по приказу Волинскаго, собирали этѣ деньги, ни одинъ не показалъ, чтобъ онъ речъ ихъ у кого ни будь вымогалъ деньги, или кому ни будь обещалъ напоминалъ; милостивцы Волинскаго успѣли, однако жъ, расположить Императрицу въ его пользу. Сентября 28 объявленъ ему Высочайшій Указъ, которымъ объявлено ему прощенье въ тѣхъ взяткахъ, въ которыхъ онъ сознался, а въ прочихъ остальныхъ приказано было слѣдовать въ Казанской Губернской Канцеляріи и по кончаніи слѣдствія доложить Ея Императорскому Величеству.²¹

Когда въ 1740 году Волинскій обвиненъ былъ въ Государственныхъ преступленіяхъ, то въ слѣдственную Комиссію потребовали, между прочимъ, першешевое дѣло изъ Сената о взяткахъ Волинскаго въ Казани въ 1731 году и о бывшей на него инквизиціи. Экстрактами изъ этого дѣла мы и пользуемся въ настоящемъ случаѣ.

Именной Высочайшій Указъ Сенату, 28 Сентября, 1731 года:

«Понеже Генералъ-Мазоръ Артемей Волинской Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше подалъ на писемъ повинную въ равныхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ въ бытность его въ Казани Губернаторомъ и въ чемъ отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше прощенья просилъ.

И того ради въ тѣхъ отъ него самаго объявленныхъ взяткахъ онъ, Волинскій, всемилостивѣйше прощенья, а Ея Императорское Величество указала его възъ подъ аресту освободить. А что по продолжающемуся о немъ въ Казанской Губерніи слѣдствію еще впродъ показано будетъ, о томъ довести Ея Импера-

Но такъ какъ Волинскій скоро вошелъ въ милость при Дворѣ, то слѣдствія въ Казани произведено не было, и это въ послѣдствіи, въ 1740 году, причтено въ вину Казанскому Губернатору, Графу Платону Мусину-Пушкину. 8 Октября Волинскій освобожденъ изъ подъ ареста. Ноября 12, по поводу новаго распоряженія, по которому обрѣтающимся при арміи и у дѣлъ Генералитету повелѣвалось быть въ указномъ числѣ, Волинскій назначенъ въ Украинскій корпусъ Инспекторомъ при кавалеріи, но онъ только считался при корпусѣ. Въ то же время или около того же времени, онъ былъ опредѣленъ, по Высочайшему Указу, въ Секретную Комиссію о упущеніи таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ Казанской провинціи Соли-Камской.

Мы совсѣмъ забыли про нашихъ Казанцовъ, Сильвестра съ Питиримомъ и Салникѣва.

Питирима, какъ мы помнимъ, Синодъ потребовалъ къ отвѣту по доношенію Волинскаго еще въ 1730 году, когда онъ былъ въ Москвѣ. Питиримъ не заблагоразсудилъ явиться и, вмѣстѣ съ Сильвестромъ, уѣхалъ въ Казань. Синодъ возобновилъ свое требованіе о высылкѣ Питирима въ Мартѣ 1731 года и отправилъ за нимъ, солдата. Сильвестру жаль было разстаться съ своимъ союзникомъ, и по тому онъ отрепортовалъ Синоду, что «Питиримъ заболѣлъ тяжкою болѣзнію, и наше смиреніе, прибавляя онъ, усмотря въ томъ законную причину, солдату безвременно отдать и въ пути его вынѣшнюю весеннюю распутицею везти отъ тяжкія его скорби умученнаго подъ смертнымъ страхомъ не возможно, по тому что оной Архимандритъ до полученія того Указа за долговременно весьма тяжкою болѣзнію заскорбѣлъ, въ которой исповѣдыванъ и елеемъ освященъ, и про то извѣстно той обители всему братству, и нынѣ

торскому Величеству, для всемилостивѣйшаго рассмотрѣнія. Въ слѣдствіе этого Указа, 8 Октября въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣлено ему, Волинскому, о прощеніи вины его въ показанныхъ имъ взяткахъ объявить въ Сенатѣ, и изъ подъ ареста освободить. А содержащихся въ Сенатѣ по дѣлу объ немъ, Волинскомъ, человѣка его Курочкина и деньщика Копылова, тако жъ и Татаръ изъ подъ караула освободить съ росписками. А когда изъ Казанской Губерніи объ немъ, Волинскомъ, достаточное слѣдствіе прислано будетъ, тогда о томъ доносить Ея Императорскому Величеству.»

отъ той немощи отрады не имѣеть, и лежитъ весьма болѣнь, и пользы ему получить вскорѣ не надѣюсь.»

Въ то же время (18 Марта) Синодъ потребовалъ отъ Казанскаго Губернатора подробныхъ выписокъ по донесенію Волинскаго, а отъ Сильвестра обстоятельнаго по нему объясненія, по всѣмъ пунктамъ, исключая челобитныхъ, писанныхъ на Архіерейское имя: понеже и во всѣхъ Епархіяхъ челобитныя пишутъ и подаютъ на Архіерейскія имена. О томъ о всемъ Его Преосвященству велѣтъ отвѣтствовать самую сущею правдою, съ явственнымъ о всемъ показаніемъ и подлинною очисткою въ немедленномъ времени, не примѣшивая посторонняго ни чего, подъ опасеніемъ за то штрафа.»

Казанскій Губернаторъ, Князь Долгорукій, 2 Мая отрепортовалъ Синоду, что требуемыя выписки сочиняются, а какъ сочинены будутъ, то пришлются немедленно.

Но Сильвестръ не отвѣчалъ на Синодскій Указъ, и даже не репортовалъ о полученіи его.

Мая 22 Синодъ послалъ къ нему вторичный Указъ, чтобы онъ отвѣтствовалъ въ самой скорости безъ всякихъ отговорокъ, не дожидаясь впредь о томъ другихъ Указовъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе штрафа. А Пятирима приказалъ выслать въ Синодъ всеконечно, безъ всякихъ отговорокъ, въ немедленномъ времени, и для взятія его опять послалъ солдата. Въ инструкціи солдату наказано, что ежели Архимандритъ несмотрѣніемъ его въ дорогѣ утечку учинить, то будетъ ему жестокое наказаніе безъ упущенія. Сильвестръ, не видя возможности удерживать долѣе Пятирима, выдалъ его, 4 Юня, присланному солдату, а въ слѣдъ за тѣмъ, 7 Юня, прислалъ и свое объясненіе по доносу Волинскаго.

Мы не будемъ переписывать всѣхъ его подробностей, но ограничимся изложеніемъ только въ главныхъ чертахъ:

1. О новокрещенскихъ деньгахъ, чтобы ихъ на лицо было малое число, можетъ быть и приказывалъ, только не ради какой моей страсти, но изъ ревности по Вѣрѣ, чтобы всегда имѣть въ запасѣ

деньги для помощи новоприходящимъ въ Св. Крещеніе яновѣрцамъ. Синодъ, однако жъ, отрѣшилъ его отъ управленія новокрещенскихъ дѣлъ, и поручилъ ихъ Казначей Казанскаго Архіерейскаго дома, Алексѣю, котораго и произвелъ въ Архимандриты Свіазскаго монастыря, отчисливъ его въ вѣдомство Святѣйшаго Синода.

2. О сборахъ съ вѣчныхъ памятей показалъ, что они установлены еще предѣстникомъ его, Митрополитомъ Тихономъ, но количество показано несравненно меньше, нежели въ донесеніи Волинскаго.

3. О Питиримѣ показалъ, что, бывши въ Рязани, въ земляной тюрьмѣ его не держивалъ и въ Синодъ не писывалъ объ немъ, что онъ лбедникъ, плутъ и грабитель. Попомъ и Діакономъ онъ до монашества нигдѣ не былъ, а имѣлъ житіе и пропитаніе трудомъ своимъ по разнымъ обителямъ, ища себѣ церковнаго обученія, изъ котораго сиротства Рязанской Епархіи въ Солотчинскомъ монастырѣ, по обѣщанію своему, въ 1708 г., и постриженъ холостой, а не изъ Священниковъ. И служилъ онъ при Стефанѣ Митрополитѣ, а не на воровствѣ, многіе годы, и по кончинѣ его у нашего смиренія въ Рязани и въ Казани, и за приказными моими дѣлами ходилъ явно, а не тайно.

4. О резолюціяхъ, писанныхъ на разныхъ челобитныхъ рукою Питирима, Сильвестръ доносилъ, что иногда приказывать ему записывать свои резолюціи, за что наше смиреніе не токмо ни какому осужденію неповиненъ, но и всякія похвалы еще за то достоинъ, что, не допуская бѣдныхъ до многой волокиты, немедленно кому прилучилось, резолюцію велѣлъ подписывать, какъ я въ другихъ мѣстахъ у благоразсмотрительныхъ командировъ то водится

Питиримъ, на допросѣ въ Синодѣ, показалъ, что все, что онъ ни говорилъ и ни писалъ на духовныхъ слѣдователей, все это дѣлалъ съ словъ Архіерея и по Архіерейскому приказанію, а самъ ни чего того не видалъ и ни какихъ обидъ съ ихъ стороны монастырю, или кому либо изъ братіи, не знаетъ.

Синодъ послалъ его на обѣщаніе въ Рязанскую Епархію, въ Солотчинскій монастырь въ братство, для того, что онъ тамошній

женецъ, и предписалъ монастырскому Начальству содержать пошходно, а Сильвестру поставилъ на видъ, что онъ въ Спасскій монастырь произвелъ его неправильно, безъ Указа Высшаго Синода, по тому что этотъ монастырь принадлежит викарiальной области.

Оставался не разъясненнымъ одинъ пунктъ доношенiя Волынской, о деньгахъ Салникѣва, спрятанныхъ въ подпольѣ его, Архимандритской, кельи. Синодъ потребовалъ у Сильвестра объясненiя по дѣлу, а Спасо-Казанскаго Келаря, Варооломея Володимерцова, значая, Герасима Байбакова, которые той поклажи искали, и Степана Плетневца, по бумагамъ котораго сдѣланъ этотъ поискъ, приказалъ выслать для допросовъ въ Москву за конвоемъ (3 Сентября, 1731 г.). Всѣ они согласно показали, что по письму Питиримскаго денегъ въ Архимандричьихъ кельяхъ въ подпольѣ, по его не нашли.

Синодъ потребовалъ виновника этой тревоги, Родовицкаго монаха Иеромонаха Питирима Храповскаго. Настоятель монастыря, мандритъ Гедесонъ, донесъ, что Питирима въ его монастырѣ что онъ еще въ 1728 году, за нѣкоторыя продерзкія слова, былъ причитался къ важности, съ прочими монахами того монастыря взятъ подъ караулъ въ Синодъ. А по Синодскимъ дѣламъ видно, что онъ, за свои вины, въ 1730 году, битъ шелепами и посланъ въ Вологду къ Преосвященному Афанасію, для содержанiя монастырскихъ работъ.

Можетъ быть, несчастному пришлось бы еще разъ отвѣдать тюрьмы, если бы его не выручилъ изъ бѣды новый доносъ на Салникѣва.

Сильвестру хотѣлось добить Салникѣва. Губернская Канцелярія въ его рукахъ, хотя по тому, что боялись сплетника и клеветника, Неведей Кудрявцевъ—давній его благодѣтель. За донощиками монаховъ дѣло не стало, и вотъ онъ пустилъ въ ходъ новую штуку:

Августа 28 въ Архiерейскомъ Приказѣ сдѣланъ доносъ о нагнѣнномъ убійствѣ конюха Спасскаго монастыря, Савоина Павлова,

совершенномъ лѣтъ около пятнадцати назадъ, по приказанію бывшаго Спасаго Архимандрита, Салникѣва. Извѣтчиками явились монастырскій конюшенный Иеромонахъ Гавріилъ и служитель Козьма Исаевъ. Убійцы, монастырскіе служители, также не заирались въ убійствѣ, но показывали, что совершенно то убійство по повелѣнію бывшаго Спасаго Архимандрита, Салникѣва. Поводомъ къ убійству была, по ихъ показанію, связь Салникѣва съ женою Созова Павлова.

На другой же день Архіерейскій Приказъ сообщилъ объ этомъ Губернской Канцеляріи, а Губернская Канцелярія, по предварительномъ изслѣдованіи дѣла, донесла о немъ Святѣйшему Синоду. Въ донесеніи своемъ она объявляла, что звала Салникѣва на очныя ставки съ донощиками и убійцами и водила въ застѣнокъ, но онъ съ розыску сознался только въ связи съ женою Павлова, а отъ обвиненія въ убійствѣ отрекался. Салникѣвъ объявлялъ дѣло такъ. Въ прошлыхъ годахъ, тому лѣтъ съ четырнадцать, ѣздилъ онъ изъ монастыря въ Закамскую вотчину, въ село Чертыкъ. Съ нимъ было человекъ десять монастырскихъ служителей, въ томъ числѣ и конюхъ Павловъ. Изъ Чертыка они поѣхали въ деревню Мордову и, отобѣдавъ у одного крестьянина, ввечеру поѣхали назадъ въ Чертыкъ. А въ то время была великая заметель и снѣгъ и въ пути отъ той заметели и отъ пьянства разѣхались врознь. Онъ, Салникѣвъ, съ нѣкоторыми служителями, пріѣхалъ въ то село на монастырскій дворъ, гдѣ и ночевалъ, а другіе служители ночевали въ томъ же селѣ на другихъ дворахъ. На другой день утромъ всѣ служители съѣхались на монастырскій дворъ и объявили, что конюха Павлова нѣтъ, а гдѣ дѣвался, того они не вѣдаютъ. Салникѣвъ нарядилъ крестьянъ отыскивать его, но поиски ни къ чему не привели. Наконецъ ужъ черезъ недѣлю его отыскали въ лѣсу, гдѣ, по гнилости, его и похоронили. Салникѣвъ въ то время заявлялъ объ этомъ въ Губернской Канцеляріи: это было въ 1719 году.

По закону его слѣдовало розыскивать съ трехъ розысковъ, но такъ какъ онъ старъ и можетъ умереть въ пыткѣ, а за нимъ имѣется еще слѣдственное Синодское дѣло, то Канцелярія не рѣшалась пытать его, не снесшись съ Синодомъ (9 Ноября, 1731 г.). Но Синодъ поручилъ поступить съ нимъ, какъ Указы повелѣваютъ, по тому что онъ уже не духовнаго, но свѣтскаго суда.

Дѣло это, однако жъ, не имѣло идальбйшаго хода, по тому что зачинщикъ его, Сильвестръ, самъ попалъ подъ слѣдствіе по дѣлу Коломенскаго Митрополита, Игнатія Смолы, и въ Декабрѣ 1731 года сосланъ въ послушаніе въ Невскій монастырь, а въ слѣдующемъ лишень сана и сосланъ въ Выборгъ, въ крѣпость, гдѣ и скончался въ 1735 году.

Долгорукаго смѣнилъ на Губернаторствѣ Графъ Платонъ Мушинъ-Пушкинъ. Принимая, или очищая, дѣла Губернской Канцеляріи, онъ встрѣтилъ не рѣшенное дѣло объ убійствѣ Созонова, и снова потребовалъ у Синода рѣшенія, какъ поступить съ Салникѣвымъ, по тому что онъ старъ и не можетъ вынести пытки. Синодъ отвѣчалъ своимъ прежнимъ опредѣленіемъ, чтобы въ розыскѣ убійства поступать, какъ Указы повелѣвають (3 Декабря, 1733 г.).

Въ то же время Синодъ приказалъ прекратить дѣло о деньгахъ, похищенныхъ у Салникѣва въ подпольѣ, по тому что то дѣло является быть весьма неимовѣрное. Ктому жъ онъ, Салникѣвъ, явился уже и весьма подозрителенъ и вѣры не достойный человекъ, по неже, по правиламъ Св. Отецъ и по военнымъ процессамъ, прелюбодѣй, въ чемъ и онъ, Салникѣвъ, явился, въ свидѣтельство не пріемлется (3 Декабря, 1733 г.).»

И. Ч.

**ОТВѢТЪ АДМИРАЛА МОРДВИНОВА НА ПИСЬМО,
ПОЛУЧЕННОЕ МНѢ НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКѢ ОТЪ НОВОРОССИЙСКАГО
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА, ГРАФА ВОРОНЦОВА,**

отъ 26-го Мая, 1833 года.

Естьли могло быть затруднительно для Вашего Сіятельства увѣдомить меня о мнѣніи, которое представлено Вами въ Правительствующій Сенатъ по Байдарскому дѣлу моему, то сколько же тягостно должно было быть мнѣ отвѣчать лицу, вооружившемуся противъ силы и ясности документовъ, кои столько очевидны! Права мои на Байдарскую долину съ давнихъ лѣтъ уже неприкосновенными признаны отъ властей почтеннѣйшихъ въ Имперіи и утверждены Высочайшею волею. Рѣшенія и опредѣленія ихъ основаны были на древней исторіи и новѣйшихъ событіяхъ, кои никогда не могутъ быть подвержены мнѣніямъ; ибо силу получаютъ они отъ прошедшаго, совершившагося и не подвластнаго волѣ человека.

Мнѣніемъ Вашимъ Вы предоставляете мнѣ отъ 300 до 400 десятинъ земли, и отдаете всю Байдарскую долину въ собственность Татарамъ, новопришедшимъ на ея земли. Сіе заставляетъ меня сослаться на Исторію, писанную на всѣхъ языкахъ, что Турецкій Султанъ, Магометъ II, завоевалъ отъ Венеціанъ два Крымскіе Кадалыка, Феодосійскій и Мангупскій, изъ коихъ въ одномъ находилась и Байдарская долина, и населилъ ихъ своими подданными, Греками и Армянами; на событіе, когда Генералъ Суворовъ, въ 1798 году, сихъ Грековъ и Армянъ вывелъ на Маріупольскую степь, гдѣ они и теперь находятся; на фирманъ послѣдняго въ Крыму Хана, которой отдавалъ на откупъ земли Байдарскія, какъ ка-

ную свою собственность, и въ которомъ прописаны всѣ 12 дѣвнѣ, въ долину состоящія; на время взятія Княземъ Потемкинъ въ обладаніе свое Байдарскую долину, яко принадлежавшую мнѣ, что послѣдовало чрезъ 6, или чрезъ 7, лѣтъ послѣ выхода Князь и Армянь, древнихъ ея владѣльцевъ; на покупку Князь Потемкинымъ нѣсколькихъ заведеній, какъ то: мельницъ, садовъ и насаженій, кои присвоивали себѣ Татары, яко устроенныя ими со времени поселенія ихъ на земляхъ Байдарскихъ; на Высочайшее Императрицы Екатерины, 1793 года, Сентября 2, урѣждающій всѣ сдѣланныя раздачи земель Генералъ-Губернаторъ Княземъ Потемкинымъ и Губернаторами; на утвержденіе Величествомъ въ томъ же году раздѣла имѣній, оставшихся мнѣ Князя Потемкина, между наследниками, изъ коихъ Высоцку, племяннику его, опредѣлена во владѣніе Байдарская долина; собственное признаніе Байдарскихъ Татаръ владѣльцами всей долины: Князя Потемкина, Высоцкаго и меня, доколѣ голодные цы, отставленные въ одиннадцати Уѣздахъ бывшей Крымской того времени Губерніи, не содѣлались стрипчими ябеды, называемой въ Крыму на всѣ собственности Христіанъ; на купчую крѣпость, мною полученную, облеченную во всѣ законныя формы, коею сказано, что Высоцкій продалъ мнѣ 15,150 десятинъ, а онъ купилъ; на Комисію, бывшую въ Крыму для изслѣдованія земель правъ собственности, на рѣшенія коей не дозволено въ апелляціи и которая присудила мнѣ въ Байдарской долині 15,150 десятинъ въ собственность; на рѣшенія судебныхъ мѣстъ: Гражданскаго Суда и Гражданской Палаты, кои нашли, что лоскутбумага, вновь Татарами представленныя, не содержатъ въ себѣ ничего, до правъ собственности касающагося, и что нѣкоторые даже изъ нихъ поддѣльныя; на сужденіе, послѣдовавшее въ Департаментѣ Юстиціи Государственнаго Совѣта, въ коемъ подробно изложены событія прошедшія, доказательства моихъ правъ, и въ немъ ничего въ пользу Татаръ; на единогласное мнѣніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта, опредѣлившее, въ самыхъ положительныхъ изреченіяхъ, въ собственности мнѣ Байдарскую долину по всѣмъ окружнымъ естественнымъ ея границамъ; наконецъ Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта блаженной памяти Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ въ 1800 году, 29 Ноября.

Сіе число документовъ, каждое собственно собою сильно сѣ дѣяніе, приближенныхъ къ намъ; сей крѣпостной актъ, утверждающій по всей Россіи собственность; сей рядъ приговоровъ Правительственныхъ Мѣстъ предпоставленныхъ для разбирательства правъ; сіе Самодержавно власти утверждение по всей Россіи, къ коей обязаны благо вѣтъ, не могли, однако жъ, преклонить Ваше Сіятельство на благосклонность ко мнѣ.

Вы утверждаете, что Князь Потемкинъ не владѣлъ въ Байдарахъ, какъ тѣмъ только, что онъ купилъ у Татаръ; что Высочкій не имѣлъ права продавать мнѣ Байдарскую долину со всѣмъ ея пространствомъ, и что Губернаторъ Жигулинъ ложно доносилъ Ея Величеству, что Князь Потемкинъ владѣлъ въ Байдарахъ 15 тыс. десятинъ земли.

Таково есть основаніе мнѣнія Вашего Сіятельства по письму, которое я имѣлъ честь получить, и Вы подкрѣпляете онымъ заключеніе Таврической Казенной Палаты, послѣдовавшее въ 1827 году.

Естьли Ваше Сіятельство изволите войти въ ближайшее разсмотрѣніе и соображеніе съ существомъ дѣла всѣхъ доводовъ, не можетъ быть, чтобы не открылась предъ Вами вся несправедливость оныхъ. Довѣренность Вашего Сіятельства при семъ случаѣ употреблена во зло; ибо все изложеніе Казенной Палаты содержитъ въ себѣ одни только ошибочныя умствованія, разсужденія бездоказательныя, событія невѣрныя и ведущія къ прувратному понятію. Оно писано въ пользу тѣхъ, кои не имѣютъ ни какихъ правъ собственности и, смѣло можно сказать, взято изъ словъ Стряпчихъ, кои причиняютъ несчастіе краю, нарушаютъ тишину и доброе согласіе возбужденіемъ къ тяжбамъ между Музульманами и Христіянами. Ихъ существованіе и насущный хлѣбъ зависятъ отъ единыхъ ябедъ, и Татара первые содѣлаются въ томъ жертвами. Народъ сей самъ по себѣ добродушенъ; но кто бы не поколебался и не прельстился, когда ему обѣщаютъ обладаніе богатое безъ всякихъ со стороны его на

не правъ, и содѣлываютъ властелиномъ, вмѣсто наемщика, обя-
заннаго выполнять условленную повинность?

Мнѣніе Казенной Палаты, сколько несправедливо, столько и дерзновенно, чрезъ отступленіе отъ предписанной положенія Государственнаго Совѣта обязанности судить одни доказательства Татаръ на отыскиваемыя ими участки земель внутри Байдарской долины; но Палата вошла въ обсуживаніе правъ моихъ, о коихъ и вопроса не было. Она даже осмѣлилась утверждать, что моя купчая крѣпость, по узаконенному обряду, не была предъявлена въ Уѣздномъ Судѣ, когда на самой купчей слышна Судомъ о предъявленіи ея надпись, и я принужденнымъ на-
леся представить оную въ оригиналѣ Правительствующему Сенату, для обличенія неправды Казенной Палаты.

Дозвольте мнѣ предложить Вашему Сіятельству вопросъ: для чего содѣлываться защитникомъ въ тяжбѣ, гдѣ всѣ права, и престо-
лѣ священныя съ одной стороны, и не единого съ противной, по самому признанію тяжущихся, которые то подтвердили предъ Коммисіею, бывшею въ Крыму для разбирательства правъ собственности въ Крыму, и въ контрактахъ, многіе годы заключенныхъ ими на содержаніе въ откупѣ земель Байдарскихъ съ вземъ Потемкинымъ, Высоцкимъ и со мною? Ваше Сіятельство изываете, при семъ случаѣ отличную щедрость. Вы отдаете земли тѣмъ, кои отыскиваютъ только часть оныхъ; вы преподаете даже имъ и корабельные дѣла, къ коимъ не могли они имѣть и притязанія; вы награждаете ихъ, безъ различія старыхъ и новыхъ поселцевъ, пришедшихъ въ Байдарскую долину, во имя уже владѣнія моего оною, и распространяете милость Вашу и дары на тѣ двѣ деревни, которыя находятся въ меньшей доли-
нѣ, отдѣленной хребтомъ горъ отъ большой, и которыя не имѣютъ со мною тяжбы, живутъ смиренно и дружно платятъ мнѣ земли мои условленную подать.

Ваше Сіятельство пишете въ письмѣ Вашемъ ко мнѣ: «Я позволю повелѣніе подать мнѣніе, и почелъ себя въ обязанности, совѣсти и послѣ зрѣлаго обсуждения, подать противное Ваше пожеланіе и Вашему образу мыслей.»

Повелѣніе, которое Ваше Сіятельство получили, не могло быть иного роду, какъ для поясненія правосудія и точнѣйшаго дозволенія истины, послѣднимъ положеніемъ Государственнаго Совѣта велѣно не касаться до моихъ правъ, какъ разрѣшенныхъ уже 29 Ноября, 1810 года. Вы отступили отъ сего, и коснулись до правъ умершихъ, кои не могутъ отвѣчать на изложенія Ваши, сколько бы ни были они имъ противны и вредны. Долгъ не обязывалъ Васъ къ сему; совѣсть, есть ли она есть познаніе правды, того не требовала, но тотъ и другая призывали къ правосудію, къ вниманію на права законныя, къ уваженію Вышнихъ Властей. Мнѣніемъ Вашимъ Вы дали совершенно новый видъ дѣлу, уничтожающій всѣ прежнія сужденія и рѣшенія по оному.

Но смыслъ изреченія Вашего: «противное Вашему образу мыслей,» требуетъ особаго разсмотрѣнія, которое и будетъ далѣе ясно изложено; ибо оно, мнѣ кажется, заключаетъ въ себѣ побужденіе и причину Вашего мнѣнія:

Ваше Сіятельство пишете: «Вспомните, Г. Адмиралъ, что въ послѣднее мое пребываніе въ С.-Петербургѣ я Вамъ сказывалъ, что мнѣ будетъ весьма прискорбно, еслили потребуютъ мнѣніе мое по дѣлу Вашему Байдарскому; я тогда думалъ, что оно касается болѣе или менѣе до садовъ, до дужковъ и пр., которыя находились въ спорѣ между Вами и жителями долины.»

Дозвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, отвѣчать на сіи два изложенія Ваши:

Первое, что «будетъ Вамъ весьма прискорбно, еслили потребуютъ мнѣніе Ваше,» не оглашаетъ ли ясно, что и тогда уже Вы были расположены лишить меня Байдарской долины, и что изслѣдованіе моихъ правъ въ многочисліи и твердости ихъ не мѣняли ни чего въ постоянномъ, одинъ разъ принятомъ, намѣреніи Вашемъ.

Второе, «Вы думали, что споръ заключается въ нѣсколькихъ садахъ, дужкахъ и проч.» Какой новый документъ открылъ Вашему Сіятельству, что тяжба Татарская есть иная, нежели какъ Вы оную понимали за нѣсколько мѣсяцовъ прежде? Генералъ-Гу-

бернаторъ, управляющій областію многіе годы, могъ знать во всякое время существо тяжбы, извѣстной въ тамошнемъ краю всѣмъ.

Ваше Сіятельство пишете: «Я былъ противенъ мысли Вашей объ изгнаніи Татаръ, какъ за полезное, и почти нужное для Крыма.»

Справедливо, что я сообщалъ такую мысль Вашему Сіятельству. Она была Князя Потемкина и Императрицы Екатерины. Первый изъ Карасу-Базара, описывая въ донесеніи своемъ Ея Величеству, какъ о правахъ, обычаяхъ и привычкахъ Татаръ, такъ и о естественныхъ богатствахъ земли, излагалъ мнѣніе свое въ словахъ разительныхъ: «Ей Богу не стоятъ они земли, которую занимаютъ; ихъ мѣсто на Кубани.» Ея Величество Императрица, не принуждая ихъ выходить, открыла только врата Крыма, и ненависть Музульмановъ противъ Христіанъ столь была велика, что вышло девять десятыхъ изъ тамошнихъ жителей. Если я признаю геній знанія въ управленіи и обдуманное сужденіе о благосостояніи края въ сихъ двухъ высокихъ умахъ, коимъ еще до нынѣ ни кто въ таковыхъ дарованіяхъ не отказывалъ, то не дѣлайте за то мнѣ упрека и не считайте провинности моей до той степени, чтобы я могъ лишиться прекрасной моей Байдарской долины. Я скромнѣе въ мысляхъ моихъ, и не позволю себѣ той смѣлости, чтобы почитать себя умнѣе и просвѣщеннѣе Ея Величества Екатерины Великой и Князя Потемкина, Вашего дѣдушки. Впрочемъ, я довольно изученъ въ экономіи политической для вознанія, что безъ наукъ и капиталовъ ни какая страна не можетъ процвѣтать, и географія земли научаетъ меня, что вездѣ Магометанинъ противится просвѣщенію и есть по Вѣроисповѣданію врагъ Христіанина. Я достаточно понимаю и военное искусство и думаю, что горы и дефилеи не должны быть занимаемы, какъ людьми вѣрными и преданными. Я не говорилъ какому Сіятельству собственно отъ себя объ изгнаніи Татаръ съ емель, имъ въ собственность принадлежащихъ, ни съ занимаемыхъ ими. Въ одномъ изъ мнѣній моихъ, подданныхъ въ Государственный Совѣтъ, я утверждалъ: сколь таковая мѣра была бы противна пользамъ Помѣщиковъ въ той землѣ, гдѣ не находится иныхъ жителей, кромѣ Татаръ! Повѣрьте, Ваше Сіятельство, что я не пожелаю въ пространномъ моемъ мнѣніи остаться одинъ съ

бѣлками, прыгающими по деревьямъ, и съ ящерицами, бѣгающими прелестно по землѣ, и имѣть работниками и пахарями волковъ и лисицъ: первыхъ для увеселенія, вторыхъ для обогащенія моего. Когда я купилъ Байдарскую долину, тогда въ оной находилось не болѣе 600 Татаръ; новые поселенцы на оную пришли, и нынѣ я ихъ имѣю болѣе полуторы тысячи; слѣдовательно, Татарамъ не тягостно жить у меня.

Колико тщетенъ страхъ объ изгнаніи моихъ поселенъ изъ Байдарской долины! Не сіе ли есть побужденіемъ къ состраданію объ нихъ, не взирая, что они производятъ тяжбу безъ правъ и жалуются безъ причины? Но Русскіе крестьяне не возмущаются ли противъ своихъ Помѣщиковъ? Для чего жъ удивляться, что возмутились Татара противъ Христіанина? Обратите сей случай на собственные Ваши имѣнія. Если бы нашелся обольститель для возмущенія крестьянъ, или поселенъ, Вашего Сіятельства, и увѣрилъ бы ихъ, что они въ награду получаютъ земли, на коихъ живутъ и кои они пашутъ, какіе бы вопли произнесены были Вашими крестьянами: Воронежскими, Тамбовскими, Кіевскими и прочими! Какія бы появились жалобы и обвиненія въ жестокостяхъ, Вами производимыхъ! Мои Байдарскіе поселеные, не имѣя законныхъ опоръ и правъ на заведенную ими тяжбу, писали: что я сжегъ двѣ изъ ихъ деревень, что отырылъ ихъ гробы и похитилъ драгоценныя кости ихъ предковъ. Примѣры возмущающихся крестьянъ у насъ не рѣдки. Народы даже возстаютъ противъ законныхъ своихъ Государей и Правительствъ, кои доставили имъ благосостояніе. Должно ли внять ихъ жалобамъ, признавать оныя сараведливыми и удовлетворять ихъ требованіямъ, происходящимъ отъ духа неповиновенія и возмущенія? Они также ссылаются на древнія свои права и находятъ ходатаега, кои поддерживаютъ несправедныя ихъ желанія. Если соболѣзнованіе есть добродѣтель, то она не можетъ быть таковою въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кои произносятъ крики и вопли, бывающіе часто обманчивыми.

Мнѣ извѣстно, что Байдарскіе Татара собираются толпами, останавливаютъ на дорогѣ Вельможъ и Верховныя Власти, проезжающія чрезъ Байдарскую долину, и приносятъ имъ жалобы на

меня. Но сіи фарсы хорошо придуманные, хорошо наученные, при удобныхъ случаяхъ употребленныя, не рѣдко оказываются успѣшными, когда часто повторяемы бываютъ. Не имѣя законныхъ доказательствъ усвоивать себѣ то, чего отыскиваютъ, они останавливаютъ проѣзжающихъ, которые внимаютъ жалобамъ, соблазняютъ и содѣлываются легко ихъ покровителями. Но Ваше Сіятельство — Генералъ-Губернаторъ области, и естьли опасеніе объ изгнаніи мною Татаръ Васъ занимаетъ и содѣлалось побудительною причиною мнѣнію Вашему, то, для удовлетворенія Вашей заботливости и попеченію о лучшей участи Татаръ, по чему бѣ Вамъ не предложитъ, чтобы изгонявшіеся мною вознаграждаемы были казенными землями, коихъ милліоны десятинъ лежатъ въ пустѣ и безъ пользы? Вышедшіе девять десятыхъ изъ бывшихъ жителей Крыма не унесли съ собою земель, которыя они населяли; великая площадь земли лежитъ не приносяща казнѣ ни какого дохода. Таковое предложеніе съ Вашей стороны было бы благодѣтельно, справедливо, и мудрое Правительство не отвергло бы онаго. Мѣра сія содѣлалась бы благотворною для поселянъ и для Помѣщиковъ. Водворилось бы тогда между нами болѣе согласія и взаимнаго уваженія. Одни опасались бы потерять работниковъ земли ихъ, а другіе менѣе бы подвержены были отягощеніямъ. Безъ пораженія правъ законныхъ удовлетворились бы чувства великодушія и почтены были бы начала собственности и свободы.

Прошу при томъ принять въ уваженіе, что Татара суть люди вольные, они не принадлежатъ къ землѣ, весьма малое число изъ нихъ земледѣльцевъ, имѣютъ собственныя земли, почти всѣ они содержатъ на откупъ земли, принадлежащія вышнимъ сословіямъ, живутъ и обрабатываютъ оныя по контрактамъ, водворяются въ мѣстахъ для нихъ пріятнѣйшихъ. Для чего лишать ихъ той свободы, которою они до нынѣ пользовались, и считать ихъ рабами, долженствующими остаться на землѣ, которую они разъ заняли? Для чего смѣшивать понятія и узаконенія одной земли съ другою, и какой вредъ можетъ произойти отъ того, что большее число народа будетъ пользоваться свободою для перехода съ одной земли на другую?

Ваше Сіятельство пишете: «сколько я ни старался, не могъ открыть ни какого акта, ни какой данной, ниже какого пове-

лѣнія, кои, при жизни Князя Потемкина, давали бы ему въ Байдарской долині нѣкое, кромѣ того, что онъ самъ купилъ, т. е., отъ 300 до 400 десятинъ, названныхъ имъ Байдарскою дачею. Я не могъ открыть и не могъ понять, по какому праву и съ какимъ намѣреніемъ Губернаторъ Жигулинъ, чрезъ долгое послѣ смерти Князя Потемкина время, могъ писать, что вся долина Байдарская ему принадлежитъ, и что въ ней находится 15 тыс. десятинъ; менѣе того я могъ понять, какъ Г. Высоцкій осмѣлился Вамъ продать какъ бы наследственное ему отъ Князя Потемкина имѣніе, котораго Князь никогда не почиталъ своимъ.»

Но для чего Ваше Сіятельство столь много трудились, для отысканія акта, данной, повелѣнія, кои долину Байдарскую укрѣпляли за Княземъ Потемкинымъ? Вамъ должно быть извѣстно, что всѣ собственности по землямъ въ 3-хъ, Вами управляемыхъ, Губерніяхъ, Херсонской, Екатеринославской и Таврической, суть начально розданныя Княземъ Потемкинымъ, который уполномоченъ былъ на сіе Императрицею Екатериною, и что поселеніе тѣхъ Губерній требовало таковаго уполномочія. Принимая въ руководство употребленныя Вами противъ меня доказательства, надлежало бы разрушить всѣ собственности въ означенныхъ 3-хъ Губерніяхъ. Но если повелѣніе, данная, по мнѣнію Вашему, нужны были, и ихъ нѣтъ, то Вы имѣли предъ собою Манифестъ Императрицы Екатерины 1793 года, обнародованный послѣ смерти Князя Потемкина, коимъ Ея Величество утвердила безъ исключенія всѣ земли, розданныя Княземъ при жизни его; Вы имѣли предъ собою Высочайшее утвержденіе раздѣла имѣній между наследниками Князя Потемкина, учиненнаго въ Сенатѣ, которымъ уже получилъ Высоцкій неопровергаемыя права на Байдарскую долину и на 15 тыс. десятинъ земли, въ ней находящейся; Вы имѣли предъ собою рѣшеніе Коммисіи, бывшей въ Крыму для изслѣдованія правъ собственности, на которую Высочайше воспрещено брать апелляціи, и, слѣдовательно, рѣшеніе ея должно быть неприкосновеннымъ; Вы имѣли предъ собою мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ сильныхъ выраженіяхъ изложенное и утвержденное Государемъ Императоромъ, которымъ Байдарская долина, по всѣмъ окружнымъ ея границамъ, въ числѣ 15 тыс. десятинъ земли, въ ней заключающіяся, признана неотъемлемою моею собственностію.

Я привожу на видъ не болѣе, какъ сіи 4 акта, сіи 4 данныя, сіи 4 Самодержавныя утвержденія, и мыслю, что они заслуживаютъ уваженія и благоговѣнія къ нимъ, и вполнѣ содѣлываютъ права мои законными и непоколебимыми.

Дабы предать болѣе силы Вашему мнѣнію, вы подкрѣпляете оное словомъ: «дача Байдарская, по наименованію покойнымъ Княземъ,» и проводите уодъ онымъ черту, какъ главнымъ будто бы доказательствомъ. Но Ваше Сіятельство слово «дача» есть въ единственномъ числѣ, Князь же Потемкинъ купилъ многія заведенія, сады и полянки, въ числѣ 52, внутри долины разбросанныя, отдѣльныя одно отъ другого, и ни которое изъ нихъ не прикасается границы долины Байдарской, къ коей Князь предписывалъ Губернатору Каховскому присоединить смежныя земли южнаго берега. Ни одинъ изъ нихъ, 52 малыхъ участковъ, не могъ названъ быть Байдарскою дачею. Князь правильно по Русски объяснился: онъ зналъ свой языкъ, любилъ оный и даже былъ пристрастенъ къ Славянскому, что видно изъ слогу, который онъ употреблялъ: слово «дача» въ единственномъ числѣ, по ученію Россійской Грамматики, служитъ совершенно въ мою пользу, и есть новое доказательство къ признанію правъ моихъ на Байдарскую долину во всѣхъ ея предѣлахъ.

Два Вашихъ изреченія, что «Губернаторъ Жигулинъ сдѣлалъ донесеніе свое чрезъ долгое время послѣ кончины Князя Потемкина,» и другое: что «Князь, при жизни своей, никогда не почиталъ долину Байдарскую ему принадлежащею,» кажется, занимаютъ въ мнѣніи Вашемъ мѣсто самыхъ слабыхъ доказательствъ и противныхъ истинъ; ибо Князь умеръ 5 Октября, 1791 года, а донесеніе отъ Губернатора Жигулина послано 27 Февраля, 1792 года; слѣдовательно, сіе, названное Вами, долгое время составляетъ только 4 мѣсяца и нѣсколько дней. Второе обстоятельство, что Князь не почиталъ Байдарскую долину своимъ имѣніемъ, опровергается явно слѣдующими событіями: онъ въ Байдарской долинѣ давалъ праздникъ Императрицѣ Екатеринѣ, провезъ Ея величество чрезъ всю оную, отъ вѣзда со стороны Балаклавы до водопада Ускели другой оконечности, гдѣ Ея величество кушала и отдохновеніе имѣла. О семъ историческомъ

для земли происшествіи Ваше Сіятельство, конечно, много разъ слышали въ разговорахъ; но если и могли объ ономъ временно забыть, то должны читать признаніе Князя въ самомъ его повелѣніи, на которое Вы указываете, и слова котораго поставляете въ доказательство. Признаніе Князя ясно изображено въ ордерѣ, данномъ Губернатору Каховскому, гдѣ именно сказано: «по близости Байдарской моей дачи находятся удобныя къ разведенію саловъ мѣста, и именно: деревни Форось, Мшатка и Михалатки, предписываю означенныя три деревни отмежевать имъ совокупно съ Байдарскою дачею.»

Что Князь признавалъ долину Байдарскую, ему принадлежащую, то сіе доказывается еще и тѣмъ, что ордеръ тотъ данъ прежде, нежели совершены были крѣпости на купленные имъ у Татаръ участки, разбросанные по долині, дабы въ оной не было ни чьей болѣе собственности, кромѣ его, и дабы впредъ не могло быть ни какихъ притязаній. Въ семь дѣяніи Князя, является истина разительная, два же слова: «совокупно» и «имъ» утверждаютъ ему непреложно Байдарскую долину при жизни его, и иного смысла не возможно имъ дать.

Признаніе Князя въ принадлежности ему Байдарской долины подтверждается также приказаніемъ его обмежевать оную, и двѣ копіи съ межеваго плана находились сдѣсь въ С.-Петербургѣ, и были разсматриваемы въ Государственномъ Совѣтѣ, когда происходило въ ономъ сужденіе и послѣдовало рѣшеніе въ пользу мою въ 1810 году.

И кто можетъ праведно оспаривать у Князя Потемкина эту имъ во владѣніе свое землю, казнь принадлежавшую, когда онъ силою ума своего всю область Таврическую приобрѣлъ для Россіи, безъ пролитія крови?

Присвоивать Князю Потемкину волю и желаніе овладѣть въ Крыму 3 бѣдными Татарскими мельницами, безъ колесъ, съ лежащимъ дощатымъ кругомъ, съ вырѣзками для воды, на нитъ упавоющей и приводящей въ движеніе стержень помольнаго камня, 3 Татарскими хатами, однимъ Мурзинскимъ домомъ и имъ

одѣкими полянами, едва могущими прокормить нѣсколько десятковъ козъ, не значило ли отвергнуть всѣ гениальныя способности Князя и усомниться въ тѣхъ великихъ видахъ, коими всегда нята была мысль его? Таковое понятіе было бы чрезъ мѣру рачное и достойное удивленія.

И какая предстояла надобность Князю Потемкину покупать столь дробныя и разбросанныя участки земли, если бы вся Байдарская долина ему не принадлежала, и когда имѣлъ онъ полную власть раздавать другимъ и брать себѣ обширѣйшія имѣнія? Да и бралъ ихъ въ разныхъ предѣлахъ Крыма, дабы дать имѣръ собою и другимъ содѣлаться помѣщиками сего края.

Я вопрошаю: въ которое бы изъ столь драгоценныхъ махъ обладаній, купленныхъ у Татаръ, въ числѣ 52, возможно было помѣстить: великолѣпнаго, пышнаго, не ограниченнаго въ едположеніяхъ своихъ Князя Потемкина, того, котораго взоръ простирался далеко, котораго мысли обнимали величайшія прованства и котораго вкусъ не иначе услаждался, какъ необыкновенными размѣрами? Сдѣлать изъ Князя Потемкина Мурзу Татарскаго, который видить изъ окошка своего границы обладанія его! Но онъ не былъ доволенъ и окружающими всю прованную его Байдарскую долину, и приказалъ удалить ихъ до моря, на южный берегъ Крыма, гдѣ уже мысли его о величинѣ пространства невольно должны были остановиться.

Коляко при жизни своей Князь Потемкинъ почелъ бы для себя уничтожительнымъ, если бы кто вздумалъ заключить его въ столь тѣсныя предѣлы обладанія, столь мало достойныя великаго гѣятельнаго ума, коего мысли, исполненныя силы и паренія, такъ раздражались противъ всего того, что могло имъ ограничить, или стѣснять!

Ваше Сіятельство пишетъ: «сіе дѣло перейдетъ еще другія станицы.»

Не сдѣсь ли слышанъ гласъ совѣсти, признаніе чувства внутренняго о содѣянной несправедливости? Я уважаю ваши чувства, и всегда протекають отъ сердца, и принимаю утѣшеніе, ко-

торое Ваше Сіятельство мнѣ предлагаете; но тяжба продолжается болѣе 30 лѣтъ, и столько же лѣтъ страдаютъ права законныя.

Не могу ли я со всею, рѣшительностію сказать, что на права мои по Байдарскому дѣлу не обращено ближайшаго вниманія, и не осмѣлюсь ли предугадать, что по единому только предубѣжденію я обвиненъ, а Татара оправданы?

Достаточно было бы прочитать, во первыхъ, рѣшеніе Комиссіи, бывшей въ Крыму для разбора споровъ по землямъ, и потомъ постановленіе Государственнаго Совѣта, въ коихъ подробно изложено существо всего дѣла и правъ моихъ на Байдарскую долину, чтобы не остаться при мнѣніи, присуждающемъ мнѣ в оной отъ 300 до 400 десятинъ земли.

Удостойте, Ваше Сіятельство, прочитавъ прилагаемую при семъ выписку изъ сихъ двухъ актовъ, освященныхъ верховною властію: въ первомъ по тому, что безъ аппелляціи, а въ послѣднемъ по собственноручному Высочайшему утвержденію.

Но для меня всего прискорбиѣе обвиненіе въ ложномъ поступкѣ Губернатора Жигулина. Мертвый не отвѣчаетъ, но произнесенное осужденіе, для памяти его тяжело. Какое доказательство можетъ существовать о такомъ преступномъ его дѣяніи? Какое побужденіе, какая предстояла ему польза, дѣлать Государынѣ Императрицѣ ложное донесеніе, что Байдарская долина принадлежитъ Князю Потемкину? Послѣдній изъ Татаръ долины могъ бы его изобличить во лжѣ. Донинѣ для обвиненія его ни кто еще не являлся: толико правда донесенія его всѣмъ вообще извѣстна и всѣми признаваема была. Князь Потемкинъ владѣлъ долиною нѣсколько лѣтъ. Каждый изъ жителей ея признавалъ его за владѣльца, помѣщика всей долины; вся область Таврическая таковымъ его признавала; таковымъ признаваемъ былъ Генералъ Высоцкій; таковымъ и я признаваемъ былъ первые годы покупки моею Байдарской долины. Князю Потемкину Таврическому платили десятину изъ урожаевъ съ полей ихъ, и работали число дней по обычаю земли; съ Высоцкимъ условливались они на посѣвъ пшеницы, со мною дѣлали условія на вырубку лѣсовъ и

доставку оныхъ для продажъ въ города. Такъ обыкновенно бываетъ съ землею, въ оброкъ содержиною; ибо Татара суть люди вольные, и на взаимныхъ выгодахъ дѣлаютъ свои условія. Не могутъ они быть подвержены законнымъ повинностямъ, безъ отнятія свободы у одной стороны и нарушенія правъ собственности у другой.

Губернаторъ Жигулинъ столько былъ лживъ въ донесеніи своемъ, сколько Высоцкій содѣлался преступнымъ чрезъ продажу не принадлежащаго ему, какъ Ваше Сіятельство огласили ихъ въ миѣніи вашемъ.

Я защищаюсь правами Князя Потемкина, правами Высоцкаго, и если сіи не имѣли таковыхъ, то собственными моими, укрѣпленными Верховными Властями; я защищаюсь даже правами казны; ибо Байдарская долина принадлежала ей, а не Татарамъ, что признано Коммиссіею и Государственнымъ Совѣтомъ.

Всѣ Судебныя Мѣста и Верховныя Власти признали мои права: одна Казенная Палата и Ваше Сіятельство мнѣ въ оныхъ отказываете. Но миѣніе Казенной Палаты и миѣніе Вашего Сіятельства суть побочныя по законоположеніямъ, для частныхъ тяжбъ существующимъ. Дѣло Байдарское ошибочно и неправильно выведено было изъ законнаго порядка. Татара отыскиваютъ свою частную, а не казенную, собственность. Казна же донинѣ на земли Байдарской на предъявляла ни какого иска. Если бы миѣніе Казенной Палаты и миѣніе Вашего Сіятельства могли быть и приведены, то и въ такомъ разѣ предъ закономъ и правосудіемъ Россійскимъ должны остаться недѣйствительными, паче же когда основаны они на сужденіяхъ произвольныхъ. Я одинъ не могу исключенъ быть изъ общаго законоположенія, одинъ, какъ бы не достойный пользоваться общимъ закономъ.

На семь я останавливаюсь; ибо письмо мое довольно уже пространно. Я долго колебался, отвѣчать ли Вашему Сіятельству, но не остался въ молчаніи, по тому что предубѣжденіе Генераль-Губернатора, дѣйствующаго по одному и тому же началу, можетъ поразить права и другихъ Помѣщиковъ и причинить вредъ всему краю; ибо дѣло Байдарское можетъ послужить примѣромъ и для

другихъ Татаръ и разстроить согласіе и спокойствіе, до нынѣ существующія между поселянами Магометанами и Помѣщиками Христіянами, тѣмъ болѣе послѣ права, которое Ваше Сіятельство исходатайствовало на продажу Татарами земель, на коихъ они жительство имѣли десять лѣтъ.

Отвѣтъ мой, можетъ быть, суровъ, но и несправедливость велика, неуваженіе къ законнымъ правамъ и невниманіе къ рѣшеніямъ Верховныхъ Властей суть, слышномъ явны.

Я упомянулъ о событіяхъ, показалъ годы и числа происшествій, выставилъ ошибки, привелъ на видъ рѣшенія Судебныхъ и Верховныхъ Мѣстъ, утвержденія Высочайшей Власти, признавшія вообще непоколебимость правъ моихъ и неосновательность иска противниковъ моихъ. Надѣюсь, что Ваше Сіятельство не оставите все сіе безъ вниманія и познаете правду, объясняемую мною.

Не извѣстно мнѣ мнѣніе Вашего Сіятельства во всемъ странствѣ его. Я могъ только отвѣчать на то, что благоугодно было Вамъ мнѣ сообщить.

Имѣю честь быть и проч.

17-го Октября,
1833 года.

С.-Петербургъ.

Выписка изъ рѣшенія 1809 года бывшей въ Крыму, для разбора споровъ по землямъ, Комиссіи, и изъ постановленія Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнаго 29 Ноября, 1810 г.

Изъ рѣшенія Комиссіи: «По силѣ повелительнаго листа Хана Шагинъ-Гирея, вступившаго въ 1774 году во всѣ права Турецкаго Султана на Крымскую область, о нивніяхъ, въ Горной частіи Крыма лежащихъ, изданнаго, всѣ деревни Вайдарскія отданы были на откупъ находившемуся при его монетномъ дворѣ Директору

Абдуль-Хамидъ-Агъ съ товарищами, съ изъясненіемъ, по скольку взимать имъ предоставлялось съ жителей тѣхъ мѣстъ податей, и въ регистрѣ о тѣхъ деревняхъ, на откупъ отданныхъ, изъяснено, что они принадлежали до того Турецкому Султану; слѣдовательно, и не могли оныя земли, отыскиваемыя Татарами Байдарской долины, быть ихъ собственностію; по чему Коммиссія и признала: во 1, Татара, отыскивающіе земли Байдарской долины, не имѣютъ права собственности на оныя; во 2, блаженные памяти Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ доносило было отъ Таврическаго Губернатора Жигулина, 1792 года, Февраля 27 числа, что въ назначенной Князю Потемкину Таврическому, Байдарской долины состоятъ земли удобной 13 тыс. и неудобной 2150 десятинъ; въ 3, опредѣленіемъ Правительствующаго Сената, состоявшимся 19 и 26 Октября, 1793 года, Байдарская долина утверждена въ числѣ 13 тыс. удобной земли за наследникомъ Князя Потемкина Таврическаго, Генералъ-Маіоромъ Высоцкимъ; и напоследокъ въ 4, имѣніе сіе перешло по купчей крѣпости въ третьи руки, къ Адмиралу Мордвинову: то по симъ обстоятельствомъ Байдарскія земли составляютъ принадлежность Адмирала Мордвинова въ числѣ 15,150 десятинъ.»

Изъ постановленія Государственнаго Совѣта: «Земли, заключающіяся въ Байдарской долины, по первымъ живымъ и безспорнымъ окружнымъ всей дачи границамъ, утвердить въ неотъемлемую собственность Адмирала Мордвинова, какъ имѣніе, ему по купчей крѣпости дошедшее и состоявшее въ безспорномъ его владѣніи болѣе 15 лѣтъ.»

Сообщ. Н. Поповъ.

РАЗЪЯСНЕНІЕ

ДОНЕСЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУ О ПЕРЕХОДѢ ВЪ 1845 ГОДУ ЛАТЫШЕЙ И ЧУХОНЪ ЛИВОНСКИХЪ ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ.

Въ одной изъ книгъ * (кажется, 1865 года) «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» была напечатана статья о движеніи Латышей и Чухонъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ къ Православію, и въ изложеніи оной вскользь было упомянуто и мое имя.

Какъ послѣдній дѣйтель въ этомъ дѣлѣ, полагаю не лишнимъ прояснить нѣкоторыя мѣста, о которыхъ вовсе не упоминается.

Находясь въ Москвѣ, для выписокъ изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, хранящихся въ секретныхъ Государственныхъ Архивахъ, въ самыхъ первыхъ числахъ Октября, 1845 года, получилъ я, чрезъ нарочнаго курьера, записку Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, чтобы, оставивъ двухъ, при мнѣ бывшихъ, Чиновниковъ для продолженія занятій моихъ по Архивамъ, самому, «не медля и часа», поспѣшить въ Петербургъ. Я исполнилъ приказаніе, и на третью сутки, въ 9 часовъ утра, представился уже Г. Министру. ¹

Я былъ удивленъ, когда Левъ Алексѣевичъ съ улыбкой спросилъ меня о моемъ здоровьѣ. Вопросъ этотъ сбилъ меня съ

---

* 3-й, Отд. V, стр. 149. О. Б.

¹ Курьеру приказано было спѣшить обратно съ извѣстіемъ, что состояніе здоровья моего позволяетъ ли выѣхать, или нѣтъ? Курьеръ, заготовляя мнѣ лошадей, далъ возможность быстрой ѣзды: онъ пріѣхалъ только за два часа предо мною.

толку: не уже ли, думалъ я, для того только меня и вызвали, за семьсотъ верстъ, совершенныхъ въ двое съ половиною сутокъ, чтобы справиться о моемъ здоровьѣ?! Но недоумѣніе мое продолжалось не долго. Онъ присовокупилъ: могу ли я сего дня же, часа за два до вечерней зари, выѣхать въ совершенно противоположную сторону? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ писать записку и, вызвавъ дежурнаго, приказалъ ему самому тотчасъ отвезти оную Графу Протасову, а потомъ заѣхать къ Дубельту и сказать ему, что «Липранди пріѣхалъ и Графъ Протасовъ тотчасъ будетъ,» а по тому, не можетъ ли онъ пріѣхать? Къ чему все это клонилось, я рѣшительно не понималъ: быстрота дороги, двѣ безсонныя ночи, не допускали меня дѣлать какія бы то ни было соображенія. Министръ приказалъ ни кого не принимать, кромѣ помянутыхъ лицъ, и, наконецъ, пригласивъ меня сѣсть на обычномъ мѣстѣ, чрезъ столъ противъ него, спросилъ: ¹

Знаю ли я, что происходитъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ?— «Недостатокъ въ народномъ продовольствіи?»—«Это само по себѣ,» сказалъ онъ, и тогда сообщалъ мнѣ, «что съ нѣкотораго времени Латыши и Чухны начали изъявлять желаніе просоединиться къ Православію, а теперь размѣры этѣ усиливаются; тамошнее Дворянство обвиняетъ наше Духовенство, будто бы оно увлекаетъ крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ обвиняетъ и мѣстную власть, Генералъ-Губернатора, а также и его Министра, будто бы, посредствомъ агентовъ, онъ оболъщаетъ народъ обѣщаніями льготъ и раздастъ деньги переходящимъ въ Православіе и т. п., ² и предупрекаютъ, что такое дѣйствіе Правительства и Православнаго Ду-

¹ Я выписываю разговоръ изъ дневника слово въ слово, что, само собой разумѣется, не идетъ къ сущности дѣла, но указываетъ на то затрудненіе, въ которомъ тогда находились.

² Здѣсь Министръ показалъ мнѣ безымянное письмо изъ Риги, въ которомъ его упрекали, что онъ объявилъ себя врагомъ Прибалтійскаго Дворянства, которое служить «охраной трона» и пр. Это послѣднее выраженіе вызвало сильное негодованіе Министра. Онъ передалъ потомъ мнѣ письмо это, съ тѣмъ, чтобы стараться узнать по почерку лица, писавшее оное, подозрѣвая кого-то. Объ этомъ было составлено мною особенное донесеніе, которое, не смотря на нѣкоторую занимательность, здѣсь имѣть мѣста не можетъ.

хоченства неотвѣнно вынужетъ народъ къ мятежу противъ Пемблицковъ, и о томъ, будто бы есть уже молва, и, въ заключеніи, они просятъ прислать къ нимъ, для сохраненія порядка и ихъ жизни, по крайней мѣрѣ, двѣ дивизіи» и пр. Послѣ сего Министръ присовокупилъ, что «это не заслуживало вниманія, и по тому все и оставалось въ томъ же положеніи; но нельзя же было, какъ хотять Бароны, предписывать Православной, у насъ господствующей, Церкви отталкивать отъ себя тѣхъ, кто желаетъ содѣлаться ея сыномъ, а по тому и повторялись только предписанія, какъ Епископу, такъ и Генералъ-Губернатору, не отклоняться отъ предписанныхъ закономъ правилъ» и т. д.; потомъ прибавилъ, что «Сецявинъ и Дексъ ѣздили въ Губерніи, по предмету народнаго продовольствія, но изъ всего, слышаннаго ими, мимоходомъ о переходѣ, ни чего особеннаго не сообщили, да и между ними встрѣчалось разнорѣчіе въ разсказѣ» и пр.

«Теперь вотъ въ чемъ главное, продолжалъ Министръ: нѣсколько дней тому назадъ присланъ отъ Государя изъ Палермо фельдъегерь, съ требованіемъ подробнаго донесенія о событіяхъ въ Прибалтійскихъ Губерніяхъ. Вопросъ о томъ былъ возбужденъ письмами лицъ изъ Ливоніи и изъ Петербурга къ родственникамъ и знакомымъ своимъ, находящимся при Высочайшихъ Особахъ въ Палермо. Сообщаемыя туда свѣдѣнія не могли не озаботить Императора. Говорятъ даже, что было о томъ писано туда и полуофициально отъ Дворянъ, находящихся будто бы въ самомъ ужасномъ положеніи по движенію крестьянъ.»

«Государь Наслѣдникъ тотчасъ потребовалъ подробныя свѣдѣнія отъ меня, отъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Графа Протасова, и отъ Дубельта» (заступившаго мѣсто Графа Орлова, находившагося при Государѣ въ Палермо).

Далѣе говорилъ, что «свѣдѣнія основывались у Министра Внутреннихъ Дѣлъ на донесеніяхъ Генералъ-Губернатора Головина и Предводителя Дворянства. У Графа Протасова на доне-

---

¹ Въ это время, за отсутствіемъ Государя и Императрицы, управлялъ Имперією Наслѣдникъ, нынѣ царствующій Государь.

еніи Рижскаго Архіерея Филарета, а у III-го Отдѣленія на донесеніи Губернскаго Штабъ-Офицера, Полковника Гильдебранта. Независимо отъ сего, каждое Вѣдомство имѣло еще свѣдѣнія отъ юсылавшихся, подѣ разными предлогами, Чиновниковъ особыхъ порученій¹ въ Лифляндію, коимъ приказывалось, подѣ рукой, внавать, что и какъ происходитъ присоединеніе? Что, впрочемъ, оставляло главный предметъ ихъ командированія.

Приступивъ къ составленію такихъ записокъ, какъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, такъ и у Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, встрѣтилось уже въ каждомъ изъ сихъ Вѣдомствъ много данныхъ, съ различными взглядами, а по тому пришлось руководствоваться только одними официальными донесеніями.

Когда все это сосредоточилось у Государя Наслѣдника, то Его Высочество усмотрѣлъ разительныя противоположности въ сужденіяхъ и во взглядахъ на событія, такъ что нельзя было совмѣстовать ихъ и составить для отправленія въ Палермо общее юдожительное изложеніе о происходящемъ по предмету присоединенія къ Православію. Его Высочество изволилъ приказать: Перовскому, Графу Протасову и Дубельту, для избѣжанія разюрѣчій, избрать, съ общаго ихъ согласія, одно лицо, которое бы немедленно отправилось на мѣсто и донесло о происходящемъ.» Между тѣмъ сдѣланы были распоряженія, на случай, если нужно будетъ, усилить находящіяся уже въ Прибалтійскомъ краѣ юйска. Дивизионъ же Лейбъ-Казаконъ, подѣ начальствомъ Флигель-Адъютанта Полковника Опочинина, тотчасъ былъ отправленъ къ границамъ, по направленію къ Дерпту.

Выборъ помянутыхъ трехъ сановниковъ палъ на меня, и я вытребованъ былъ изъ Москвы.

Графъ Протасовъ не замедлилъ пріѣхать къ Льву Алексѣевичу и, послѣ нѣсколькихъ словъ, пригласилъ меня ѣхать къ нему, тобы ознакомиться съ донесеніями Епископа. Перовскій также приказалъ, по возвращеніи отъ Графа, просмотрѣть все то,

¹ Исключая III-го Отдѣленія, которое основывалось только на донесеніи своего Губернскаго Штабъ-Офицера.

что есть объ этомъ предметѣ въ Департаментахъ: Общихъ Дѣлъ, Полицейскомъ и Иностранныхъ Исповѣданій, и наконецъ, оба въ одинъ голосъ заявили о необходимости выѣхать сегодня до зари, чтобы Наслѣдникъ могъ видѣть это изъ рапорта съ заставки. Графъ Протасовъ разсказалъ, во время проѣзда нашего, почти то же, что и Левъ Алексѣевичъ. Когда онъ мнѣ указалъ на кипу бумагъ, лежавшую у него на столѣ, для моего ознакомленія съ оной, то я замѣтилъ, что не лучше ли будетъ, чтобы содержаніе этѣхъ бумагъ осталось вовсе мнѣ не извѣстно, какъ и то, что могу найти въ Министерствѣ и въ III Отдѣленіи, по тому что тогда мой взглядъ на мѣстѣ, гдѣ я имѣю многихъ старыхъ сослуживцевъ, будетъ принадлежать собственно мнѣ, и я избѣгну подпасть подъ вліяніе того или другого взгляда; а при томъ, присовокупилъ я, что при условіи выѣхать въ шесть часовъ вечера, а теперь полдень, не достанетъ и времени для одной пролистовки всей кипы бумагъ въ трехъ Вѣдомствахъ, что въ одномъ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, конечно, въ десятеро болѣе. Графъ совершенно согласился со мною. Въ это время вошелъ Дубельтъ, который, тотчасъ послѣ нашего выѣзда отъ Петровскаго, пріѣхалъ къ нему, а отъ него сюда. Леонтіи Васильевичъ тоже одобрилъ мое намѣреніе не просматривать того, что писано было другими, и мы втроемъ опять отправились къ Петровскому. Въ началѣ Левъ Алексѣевичъ сталъ было возражать противъ моего мнѣнія, но я ему сказалъ тоже, что могу увлечься чѣмъ ни будь взглядомъ, между тѣмъ какъ въ Ригѣ имѣю множество знакомыхъ и сослуживцевъ, которыхъ, по желанію его, и назвалъ. ⁶ Наконецъ и онъ согласился, въ особенности же по недостатку времени. Приказано было, по прибытіи въ Дерптъ, тотчасъ извѣстить по эстафетѣ, все ли тамъ спокойно, и наконецъ по выѣздѣ изъ онаго, опять такимъ же образомъ, отпра-

⁶ Двухъ Генераловъ Мандерштерновъ (Команданта Риги и Дюнамюнде) еще со Шведской войны; Лиліенфельда, Предсѣдателя Палаты Государственныхъ Имуществъ; отставныхъ Полковниковъ: Краузе и Вакульскаго. Всѣ упомянутые сослуживцы по Генеральному Штабу; Инспекторъ Врачебной Управы Докторъ Левъ, жившій со мной четыре года во Франціи, человекъ умный, наблюдательный, съ которымъ я въ дружескихъ отношеніяхъ, и другіе сослуживцы 1812 и 1813 годовъ, Лифляндскіе уроженцы, бывшій въ отставкѣ и живущіе въ Ригѣ. Сверхъ того въ двѣ поѣздки мои въ Ригу, въ 1842 и 1843 годахъ, по порученіямъ, я былъ поста-

ить тѣ свѣдѣнія, которыя будутъ собраны отъ мѣстнаго Дерптскаго Духовенства, Полиціи и Жандармскаго Штабъ-Офицера, и потомъ ежедневно отправлять эстафету, хотя бы ни чего особеннаго и не случилось.

Я видѣлъ ясно, что всѣ три лица болѣе или менѣе, но не вполне, довѣряли спокойствію края, и всѣ налегали на выѣздъ мой въ тотъ же вечеръ. Наконецъ присовокупили, если все тамъ благополучно, то чтобы не замедлилъ возвращеніемъ съ общимъ донесеніемъ.

Графъ Протасовъ и Дубельтъ уѣхали. Министръ сдѣлалъ еще нѣсколько наставленій по предмету, и прибавилъ, что если буду имѣть время, то собралъ бы свѣдѣнія, что дѣлается по народному продовольствію, и опять пошла рѣчь о безыменномъ письмѣ. Потомъ присовокупилъ, чтобы я прямо ѣхалъ къ семейству, а отправленіе будетъ мнѣ прислано на домъ. Въ два часа я получилъ два предписанія, курьерскую подорожную, и на каждый случай три подорожные бланка, открытый листъ, письма къ Головину, Филарету и Гильдебранту, а также прогоны и экстраординарную сумму. Къ пяти часамъ я велѣлъ быть лошадямъ. Предъ началомъ обѣда пришелъ ко мнѣ Титулярный Совѣтникъ Рождественскій, подавшій переводъ изъ Министерства во II Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи. Тогда только пришло въ голову, что мнѣ кто ни будь нуженъ въ помощь, хлопотать о томъ было уже поздно, а по тому и предложилъ Рождественскому ѣхать, что, пока выйдетъ переводъ, чрезъ двѣ недѣли мы возвратимся; онъ согласился, забѣжалъ только за кой-какими вещами; мы сѣли въ дормезъ, и не было еще шести часовъ, какъ уже проѣхали заставу. Рождественскій своими способностями былъ мнѣ весьма важнымъ пособіемъ.

влезъ въ близкое сношеніе съ Епископомъ Филаретомъ, и хорошо познакомился съ Полиціймейстеромъ, Полковникомъ Языковымъ (нынѣ Г.-А., Директоромъ Училища Правовѣдѣнія), съ которыми переписываюсь довольно часто. Въ Ригѣ же находится и нѣсколько Чиновниковъ Министерства, въ числѣ коихъ, Ханьковъ, съ которымъ я хорошъ и т. п. Все это, вмѣстѣ съ распросами на станціяхъ и другихъ мѣстахъ, не давая повода проникнуть дѣлу, въ особенности чрезъ человека своего, для сего ловкаго, предоставитъ мнѣ всю возможность къ вѣрному опредѣленію событій.

Хотя я и не довѣрялъ всему тому, что рассказывалось въ Петербургѣ о враждебныхъ отношеніяхъ поселянъ къ Помѣщикамъ, но все, однако же, думалъ, что будетъ же какой нв будъ тому признакъ, и совершенно ошибся: все, что услышали изъ рассказовъ съ первымъ шагомъ въ Эстляндскую Губернію, ни что не показывало и тѣни рассказывавшагося въ столицѣ, а по тому, не доѣзжая еще до Дерпта, изъ м. Ева я отправилъ первую успокоительную эстафету. Потомъ донесеніе изъ Дерпта, въ копіи приложенное; за тѣмъ, не упуская случая говорить дорогой на станціяхъ съ Смотрителями, съ ямщикомъ, чрезъ посредство человѣка; иногда входя, подъ какимъ либо предлогомъ, въ корчмы, но ни что не указывало на опасенія. Эстафеты отправлялись, какъ было приказано. Одно изъ донесеній изъ Риги, включающее въ себѣ кое-какія данныя, помѣщено далѣе.

Наконецъ, послѣ семидневнаго пребыванія въ Ригѣ, въ кругу людей различныхъ взглядовъ, получилъ я ясное, по моему мнѣнію, понятіе о порученномъ мнѣ дѣлѣ. Выѣхавъ изъ Риги, на первой станціи, въ десяти верстахъ, я остановился ночевать, съ цѣлью привести въ нѣкоторый порядокъ все то, что было собрано. Въ Ригѣ сдѣлать этого не могъ; ибо старые знакомые, или каждый тащитъ меня къ себѣ, или оставался у меня безвыходно, иногда скоплялось человѣкъ до двадцати и, сводя ихъ по различнымъ мнѣніямъ между собой, я могъ извлекать только сущность истины. На станціи же, въ продолженіе цѣлой ночи, съ помощію Рождественскаго, сдѣланъ былъ очеркъ, окончаніе котораго должно было послѣдовать только послѣ свѣдѣній, которыя я ожидалъ получить на обратномъ пути въ Дерптѣ. Написанное же на станціи не выходило изъ нашихъ рукъ, въ дормезѣ пополнялось и исправлялось. Въ Дерптѣ, пробывъ нѣсколько часовъ для свиданія съ Протоіереемъ Березкинымъ, съ Полицеймейстеромъ и нѣкоторыми другими, выѣхалъ, и опять на первой станціи пробылъ шестнадцать часовъ, чтобы привести все въ порядокъ и составить отчетъ о порученіи, который тутъ же и былъ переписанъ на бѣло. Съ разсвѣтомъ, 26 Октября, я возвратился, и въ девять часовъ утра представилъ Министру, при рапортѣ за № 521, записку касательно религіознаго движенія, и рапортъ о народномъ продовольствіи. Копіи съ обохъ приложены.

Министръ былъ очень доволенъ исполненіемъ порученія, надилъ только нѣкоторыя выраженія рѣзкими. Я предложилъ было исправить, но онъ сказалъ, что теперь нѣкогда; приказалъ нѣ ѣхать отдыхать, и тотчасъ послалъ извѣстить Графа Протасова и Дубельта о моемъ возвращеніи. Они не замедлили пріѣхать, нашли записку удовлетворительной, и представили оную Его Императорскому Высочеству, о чемъ сообщилъ мнѣ Дубельтъ, рѣхавшій прямо изъ Дворца съ извѣстіемъ, что Его Императорское Высочество нашелъ свѣдѣнія основательными и приказалъ обратитъ Лейбъ-Казачій дивизионъ съ границъ Прибалтійскихъ уберній. Посовѣтовалъ мнѣ съѣздить къ Графу Протасову, что я отчасъ и исполнилъ, но, не заставъ его дома, записался.

Въ восемь часовъ вечера того же дня пріѣхалъ ко мнѣ Директоръ Департамента Общихъ Дѣлъ, испуганный (не знаю, по ему), съ извѣстіемъ, что сейчасъ Государь Наслѣдникъ прислалъ къ Министру за копіей моей записки, по тому что Его Высочество, для выигрыша времени, отправилъ подлинникъ въ Палермо, не оставивъ съ него списка, и у Министра тоже нѣтъ, а велѣю сейчасъ доставить копію, за моею же подписью. Сдѣлать это тотчасъ было не возможно, какъ по объему записки, такъ и по тому, что не всѣ могли разбирать мою руку, въ особенности при ножествѣ вставокъ. Не было другого средства, какъ прислать ко мнѣ Чиновника, который бы у меня, подъ моимъ наблюденіемъ, могъ переписывать. Прислали двоихъ, для снятія въ одно время двухъ копій, изъ коихъ одна для Министра. Только что принялись за дѣло, какъ прислалъ за тѣмъ же Графъ Протасовъ и Дубельтъ. Имъ былъ тотъ же отвѣтъ, и они тотчасъ прислали ко Чиновнику. Рождественскій взялся диктовать, а четверо писать. Едва къ осьми часамъ утра все было окончено. Записки мною подписаны и отправлены по принадлежности.

Государь Императоръ изволилъ найти изложеніе дѣльнымъ и пр. Всѣ замѣчанія мои приняты были въ соображеніе, все успокоилось и осталось по прежнему.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Секретно.

Дерптъ. 12 Октября, 1845 г. По эстафетѣ; въ 6 1/2 ч. вечера.

Изъ разговоровъ, по дорогѣ на станціяхъ и въ городѣ Дерптѣ, съ лицами разныхъ состояній, даже изъ недавно присоединенныхъ къ Греко-Россійской Церкви, видно, что направленіе крестьянъ въ которыхъ мѣсть Лифляндской Губерніи къ принятію Православія есть чисто религіозное влеченіе и не сопряжено, до сихъ поръ, ни съ какимъ нарушеніемъ порядка ни общественнаго, ни частнаго, и если Помѣщики сами не подадутъ какого либо повода, то порядокъ сей со стороны крестьянъ, конечно, не нарушится.

Около половины Сентября обнародованъ былъ циркуляръ Генералъ-Губернатора, въ которомъ сказано, что принимать Православіе не запрещается, но для отлучки съ мѣста жительства должно имѣть дозволеніе отъ Помѣщика, или Управляющаго имѣніемъ. Обстоятельство это было поводомъ къ исполненію давняго желанія присоединиться къ Православію, и крестьяне цѣлыми толпами явились въ Дерптъ. Приписка и присоединеніе продолжаются донынѣ. Вчера присоединено 172 человѣка, а сегодня болѣе. Я самъ видѣлъ вновь присоединенныхъ, съ умиленіемъ и даже слезами на глазахъ молящихся. Протоіерей Березкинъ удостоверяетъ меня, что подобное благоговѣніе есть общее присоединяющихся. Съ 19 Сентября по настоящее время записалось для присоединенія до трехъ тысячъ семействъ, составляющихъ болѣе 20 тысячъ душъ, присоединено до 700 человѣкъ, кромѣ ихъ семействъ.

Явнымъ доказательствомъ, что Помѣщичьи крестьяне не имѣютъ въ виду завладѣть землями Помѣщиковъ (о чемъ этѣ послѣдніе распускаютъ слухъ), служитъ те, что однихъ крестьянъ Государственныхъ Имуществъ, какъ объявилъ мнѣ Протоіерей Березкинъ, присоединилось и записалось болѣе трехъ сотъ семействъ.

Вчерашняго числа около 50 человекъ явилось къ Протоіерею Березкину, для присоединенія; изъ нихъ у 20 человекъ съ мызы Керстенъ, Помѣщика Моллера, не имѣлось дозволенныхъ на отлучку билетовъ, по причинѣ отказа выдавать таковые, по чему Березкинъ, руководствуясь выше помннутымъ циркуляромъ Генералъ-Губернатора, объявилъ о томъ Полиціймейстеру, который передалъ ихъ въ Земскій Судъ, гдѣ ихъ наказали розгами. По окончаніи наказанія, они вновь пришли къ Протоіерею Березкину, съ просьбой о защитѣ, объявивъ, что они наказаны по 60 ударовъ, да, сверхъ того, веляи съ нихъ по 15 коп. сер. съ человекъ, за употребленные для наказанія розги. Протоіерей Березкинъ присовокупилъ еще, что желающіе присоединиться часто жалуются на подобныя притѣсненія и разорительныя взысканія на мызахъ.

Изъ причинъ, которыя приводятъ поселяне, замѣчательны слѣдующія: «Такъ какъ Государь одинъ въ Россіи, то должна быть одна и Вѣра, и что Русская Вѣра есть самая древняя, по тому что она идетъ изъ Іерусалима, а Лютеранская—самая новая.»

Сдѣсь, въ Дерптѣ, Протоіерей Березкинъ, человекъ кроткій, добродѣтельный, пользующійся общимъ довѣріемъ въ паствѣ, дѣйствуетъ въ этомъ дѣлѣ съ большою осторожностію и, не взирая на неутомимую его дѣятельность, напослѣдокъ не въ состояніи будетъ перенести, безъ особой и скорой помощи, этой трудной обязанности.

О причинахъ стремленія здѣшнихъ поселянъ принять Православіе, по собраніи надлежащихъ свѣдѣній, вмѣстѣ съ другими соображеніями, я буду имѣть честь почтительнѣйше представить Вашему Высокопревосходительству изъ города Риги, куда я тотчасъ отправляюсь; копію же съ помннутаго циркуляра Генералъ-Губернатора и записку, переданную мнѣ Протоіереемъ Березкинымъ, при семъ прилагаю.

12 Октября, 1845 г.

Дерптѣ.

Отправлено по эстафетѣ,

въ 6¹/₂ ч. вечера.

II.

Рига. 16 Октября, 1845 года, по вѣстафетѣ, отправленной въ 10 ч. вечера.

Свѣдѣнія, которыя я имѣлъ честь доставить Вашему Высочайшему Превосходительству изъ Дерпта, въ главныхъ чертахъ остаются тѣ же самыя; по дорогѣ и въ самой Ригѣ все спокойно, и не было примѣровъ какого либо безпорядка, и даже слуховъ объ оныхъ во цѣлой Губерніи. Въ Ригѣ присоединено по настоящее время до 1200 человекъ, какъ мнѣ объявилъ Епископъ; сверхъ того, записано до 400. Официальные акты и частныя свѣдѣнія, собранныя мною по дорогѣ и въ самой Ригѣ отъ лицъ разныхъ сословій, совершенно основательно знающихъ настоящій предметъ, не оставляютъ ни какого сомнѣнія, что главная мысль Лифляндскихъ поселянъ, въ присоединеніи къ Православію, какъ я уже имѣлъ честь доносить, есть удовлетвореніе религіозной потребности души, особенно въ настоящее тяжкое, по случаю неурожая, для нихъ время. По чему именно они не находятъ утѣшенія въ своемъ настоящемъ, объ этомъ я не премину донести, по собраніи полнѣйшихъ свѣдѣній, въ самомъ скоромъ времени, при общемъ донесеніи о возложенномъ на меня порученіи, лично. Распоряженія здѣшняго Начальства, относительно присоединенія, всѣ сообразны съ потребностями времени и обстоятельствъ. Но я смѣю думать, что учрежденіе похланныхъ церквей не соответственно во многихъ отношеніяхъ настоящему положенію дѣлъ и даетъ главный поводъ къ неудовольствіямъ, о чемъ я тоже буду имѣть честь представить подробно въ слѣдъ за симъ лично.

III.

Секретно.

Рига. Весьма нужное.

Списокъ съ отношенія Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Липранди Г. Дерптскому Полиціймейстеру, отъ 18 Октября, 1845 года, за № 561, по эстафетѣ.

Препровождая при семъ Генеральную карту Лифляндской Губерніи, покорнѣйше прошу Ваше Высокоблагородіе, къ моему пріѣзду въ Дерптъ, и именно, въ воскресенье, 21 числа сего Октября, къ 10 часамъ утра, сдѣлать на этой картѣ слѣдующія отмѣтки, которыя я неотмѣнно долженъ представить, по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, Его Высокопревосходительству, Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ:

1. Подчеркнуть на картѣ, красными чернилами, тѣ мѣста, изъ коихъ поселяне, по приходѣ въ Дерптъ, въ то же время были присоединены къ Православію (проведа подъ деревнею, или мызою, черту).

2. Тѣ мѣста, изъ коихъ поселяне только приходили и записались для присоединенія, но еще не присоединились окончательно, отмѣтить черными чернилами, или тушью.

3. Отмѣтить тѣми же чернилами вмѣстѣ, т. е., красными и черными, ставя двѣ черты одна подъ другою каждыи чернилами порознь, тѣ мѣста, изъ коихъ поселяне прежде записались, а потомъ въ послѣдствіи опять приходили въ Дерптъ и совершенно присоединены къ Православію.

Сверхъ того составить алфавитную книжку или тетрадку, сколько изъ каждой отмѣченной на картѣ деревни, или мызы, являлось поселянь и въ каковомъ числѣ: я разумѣю здѣсь алфавитный списокъ не лицамъ, а только деревнямъ, или мызамъ.

При настоящей работѣ, которая, опять повторяю, неотмѣнно должна быть приготовлена къ моему пріѣзду въ Дерптъ, т. е., къ 10 часамъ утра 21 сего Октября, Вы попросите, отъ моего имени, содѣйствія отца Протоіерея Θεодора Березкина. О точномъ и своевременномъ исполненіи я не премину доложить Его Высокопревосходительству, Г. Министру, при представленіи оной.

IV.

Секретно.

Къ рапорту за № 521-мъ.

Соображеніе свѣдѣній, собранныхъ мною на мѣстѣ, какъ изъ официальныхъ актовъ, такъ и отъ лицъ различныхъ партій всѣхъ сословій, относительно присоединенія поселянъ нѣкоторыхъ частей Лифляндской Губерніи къ Православію, показываетъ:

1. Не подвержено ни какому сомнѣнію, что необыкновенное явленіе въ мірѣ Исповѣданій, совершающееся нынѣ въ Лифляндской Губерніи, есть не что иное, какъ чисто религиозное влеченіе, необходимость души, чувство, господствующее до сихъ поръ надъ всѣми расчетами жизни. ¹

Я основываю это на слѣдующемъ:

По существующимъ мѣстнымъ узаконеніямъ, Лифляндскій поселянинъ находится въ самомъ неблагопріятномъ положеніи относительно благосостоянія, гражданственности и политическаго своего значенія; это всегдашнее его состояніе усиливается еще болѣе, когда онъ бываетъ постигнутъ неурожаемъ. Въ подобномъ бытственномъ положеніи, каждый человѣкъ ищетъ утѣшенія въ высшемъ правоченіи исповѣдуемой имъ Вѣры, къ которой прибѣгаетъ преимущественно въ часы горести и страданій, бѣдствій и тому подобномъ; но въ этомъ отношеніи Лифляндскій поселянинъ еще болѣе несчастливъ; ибо онъ совершенно лишенъ религиозныхъ утѣшеній, успокоивающихъ душу и страсти, волнуемыя житейскими бѣдствіями. Пасторы, изъ коихъ нѣкоторые получили образованіе въ Піетизмѣ или Гернгутерствѣ, живя въ обществѣ Помѣщиковъ, раздѣляя съ ними увеселенія и плоды трудовъ поселянъ, не сходятъ до прямыхъ своихъ обязанностей относительно непростѣ-

---

¹ Это тѣмъ болѣе разительнѣе, что въ то же самое время образуются почти во всѣхъ Лютеранскихъ странахъ Европы общества, противодѣйствующія истинному смыслу религіи и самому Правительству.

нцой своей паствы, и смотреть на нее только, какъ на источникъ ея обогащенія; а есть и Пасторы - Помѣщики. Небреженіе къ священной обязанности мало по малу возрасло нынѣ до такой степени, что Чухны и Латыши Лифляндской Губерціи не только лишаются нравоучительныхъ проповѣдей, единственной основы теранскаго Исповѣданія, ² но и всѣхъ священныхъ обрядовъ звы. Умершій погребается (по выраженію поселянъ, какъ собака), въ всѣхъ правилахъ, предписываемыхъ Исповѣданіемъ. При похоронахъ присутствуетъ одинъ только Кистеръ, лице совершенно не дѣльное; Пасторъ же чрезъ мѣсяць и болѣе, а иногда (если вѣрится землянамъ) и вовсе не является на могилу погребеннаго. Кирхшпиги или приходы, простирающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до тыс. душъ, конечно, не позволяютъ одному Пастору успѣть воздѣлать народъ, можетъ быть, и оставался бы къ симъ важнымъ ущеніямъ болѣе снисходительнымъ, если бы онъ въ то же время видѣлъ въ сихъ духовныхъ лицахъ вторыхъ Помѣщиковъ своихъ, то еще болѣе взыскательныхъ, относительно оброка и другихъ повинностей, и совершенно недоступныхъ, когда поселяннцы не могутъ объяснить имъ иногда несправедливыя вымогательства Помѣщиковъ.

Подобное состояніе Духовенства неотвѣнно должно было охлаждать релігіозныя чувства людей необразованныхъ, грубыхъ и невежественныхъ, каковы Латыши и въ особенности Чухны Лифляндской Губерціи, на которыхъ, и при другихъ условіяхъ, Лютеранское Исповѣданіе, основанное на одномъ умствованіи, на одномъ сужденіи, не представляя ни чего привлекательнаго, ни чего величественнаго ни для глаза, ни для слуха, ни для осязанія, не можетъ

повѣди на туземномъ языкѣ они слышать весьма рѣдко; ибо Пасторъ, киршшпиги иногда нѣсколько киркъ въ своемъ Кирхшпигѣ, служитъ исключительно присутствіи Помѣщиковъ и чаще всего на языкѣ Нѣмецкомъ; когда же падаетъ одинъ поселянъ, то всѣ нравоученія его заключаются въ угрозахъ діаволу и аدمу тому, кто не отбываетъ своихъ повинностей Пастору въ Помѣщку. Нерѣдко же поселяне, стекшіеся въ кирки въ дальныя мѣста, вовсе застаютъ Пасторовъ и возвращаются въ дома свои съ естественнымъ раздраженіемъ.

имѣть того религіознаго ощущенія, какое внушаетъ Православная Церковь.

Латыши и Чухны издавна уже обратили вниманіе свое на нашу Церковь; и образованіе въ тамошнемъ краѣ Православнаго Богослуженія на Латышскомъ языкѣ было необходимымъ послѣдствіемъ давнишней потребности народа въ Вѣроисповѣданіи болѣе обрядномъ и менѣе умозрительномъ и холодномъ Лютеранскаго. Доказательствомъ этого служить то, что издавна многіе Священники Православныхъ приходоѡ, на примѣръ, Якобштадтскій, получали значительный доходъ даже отъ Латышей Лютеранъ, служившихъ молебны въ важныя для поселяннина эпохи года, каковы: посѣтъ, жатва, сѣнокосъ и проч., а въ заутреню, предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, они ползали на колѣнахъ въ садъ за плащаницею. При томъ около Печоръ, въ Псковской Губерніи, на границѣ Лифляндской, есть множество Чухонъ, издревле принадлежащихъ къ Православной Церкви. Простонародіе называетъ ихъ полувѣрцами, по тому, что они ни слова не знаютъ по Русски. Ихъ исповѣдываютъ, равно и нѣкоторыя молитвы читаютъ имъ, на Чухонскомъ языкѣ. Изъ этого видно, что Православіе никогда не было чуждо Латышамъ и Чухнамъ, и если теперь оно развивается между ними быстрѣе прежняго, то, независимо отъ многихъ другихъ причинъ, нельзя не приписать этого отчасти и назначенію Православнаго Генераль-Губернатора. Отвергать безусловно этого нельзя.

Въ заключеніе, я осмѣливаюсь почитать настоящія событія счастливѣйшими, если принять во вниманіе, что Лифляндскіе поселяне, при грубомъ, невѣжественномъ и угнѣтвенномъ состояніи своемъ, лишеныя правоучительныхъ религіозныхъ наставленій, единственно ограждающихъ общество отъ разьединенія, при явномъ безвѣрїи своемъ, легко могли быть увлечены въ вреднѣйшія секты и ереси, которыми окружены они въ окрестностяхъ Дерпта, по берегу Пейпуса, въ извѣстномъ селеніи Черномъ, въ Ригѣ и по всему прибрежью Балтійскаго моря, населеннаго преимущественно разными толками Безпоповщины, склоняющей, какъ извѣстно, общеніями и не щадящей денегъ для усиленія своихъ обществъ и послѣдователей; склонность же, или, по крайней мѣрѣ, возможность

Чухнамъ увлекаться въ секты, доказывается существованіемъ оныхъ между Чухнами въ Финляндіи, единоплеменными и единовѣрными съ Чухнами Лифляндской Губерніи.

2. Изъ множества слуховъ заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе только три, и именно: первый, что будто бы нѣкоторые изъ Пасторовъ писали Королю Прусскому, какъ главѣ Лютеранизма, и зывали къ нему о ходатайствѣ; другіе говорятъ, что письма этѣ были писаны къ духовнымъ лицамъ Берлина, пользующимся Королевскимъ довѣріемъ; и наконецъ, что о происходящемъ нынѣ въ Лифляндской Губерніи сообщено въ разныя иностранныя газеты для того, чтобы возбудить всеобщее вниманіе. Вторая молва, болѣе распространенная, съ цѣлю угрожать поселянамъ, заключается въ томъ, что будто бы Правительство согласилось на присылку войскъ, для прекращенія безпорядковъ, происходящихъ отъ присоединенія къ Православію. Молва эта видимо неблагопріятна общему спокойствію края; ибо если предположить, что поселяне, недовольные Помѣщиками, прибѣгаютъ къ сильной мѣрѣ, перемѣнѣ Вѣры, въ надеждѣ на облегченіе положенія своего, то введеніе войскъ подъ симъ предлогомъ, въ видѣ экзекуціи, сдѣлаетъ непріятное впечатлѣніе на поселянина, и безъ того уже раззореннаго до крайности, и можетъ легко обратить негодованіе съ Помѣщика на высшее Правительство, которое въ его понятіи, будто бы, отвергая общее направленіе къ Православію, караетъ его, согласно желанію и силѣ владѣльцевъ, тогда какъ въ настоящее время поселянинъ благоговѣетъ предъ именемъ Монарха, что рѣшительно доказывается отвѣтами, дѣлаемыми письменно поселянами, начиная съ 1844 года, гдѣ, отказываясь отъ всѣхъ льготъ, объявляютъ причину перемѣны Исповѣданія сими словами: «что ихъ Вѣра не хороша; или: какой Государь Вѣры, такой и мы хотимъ быть, и болѣе ничего не хотимъ.» Одни уже этѣ слова достаточно свидѣтельствуютъ внутреннее состояніе поселянъ. Положимъ, что ихъ склоняютъ обѣщаніями, подкупаютъ за 50-ть рублей, какъ выражаются иностранныя газеты; но безхитростное выраженіе: «наща Вѣра не хороша,» показываетъ, что вновь присоединенный не встрѣтитъ въ своей совѣсти упрека за перемѣну Вѣры, хотя бы обѣщанія (которыхъ нѣтъ) и не были исполнены. Пусть кто ни будь попробуетъ предложить не только обѣщанія, но и значительную сумму, Велико-

россійскому крестьянину за переѣзду Вѣры, пускай хоть цѣльному и не въ кабакъ, какъ это дѣлается будто бы въ Лифляндской Губерніи, а глазъ на глазъ; тогда увидѣли бы, какой онъ дастъ отвѣтъ.¹ Впрочемъ, нельзя безусловно отвергать и того, чтобы поселенныя Лифляндіи не имѣли въ виду облегченія въ своемъ положеніи при переходѣ въ Православіе; ибо весьма понятно каждому изъ насъ видѣть, что, отпавъ отъ Лютеранской Вѣры, освобождаются они отъ довольно значительныхъ повинностей, которыми были облаганы Пасторами, содѣлавшимся имъ ненавистными уже однимъ небреженіемъ духовныхъ своихъ обязанностей, холоднымъ безмолвіемъ къ ихъ житейскимъ нуждамъ, и прочее. вмѣстѣ съ тѣмъ обращенные говорятъ, что будутъ имѣть болѣе праздниковъ.

Съ другой стороны, если дѣйствительно направленіе къ Православной Церкви обняло до такой степени умы народа, какъ оно представляется нынѣ, то не можетъ ли это развиться еще въ большей силѣ въ присутствіи войскъ, и тогда не обратятъ ли Помѣщики, сами желавшіе войскъ для кары поселенъ, упрекъ на Правительство, которое согласилось ввести войско будто бы съ тайною только цѣлю покровительствовать уничтоженію Лютеранства? Иностранные журналы этой партіи не упустятъ сего случая разразиться въ выходкахъ своихъ противъ мѣръ высшаго нашего Правительства, что, какъ смѣю думать, разольетъ въ Европѣ неблагоприятное впечатлѣніе на Нѣмцевъ и усилитъ еще болѣе безотчетное ихъ противъ Россіи озлобленіе.

Наконецъ третій слухъ, распространенный преимущественно въ дворянскихъ классахъ, заключается въ томъ, что эмигрантскіе люди распускаютъ будто бы въ народѣ, что, по присоединеніи къ Православію, поселенныя сдѣлаются самостоятельными, получатъ Помѣщичьи земли и проч., и что нѣкоторые поселенные мысленно

¹ Внутреннее состояніе души Лифляндскаго поселеннаго хорошо выражается въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, на примѣръ: возвращающіеся отъ присоединенія, встрѣчая Русскихъ, крестятся и, показывая на груди крестъ, съ восторгомъ говорятъ: «Смотри, теперь и мы Русскіе!» Въ Ригѣ проходящій Латышъ, восторго поздравитъ: «Эй, Латышъ!» съ гордостью, показывая крестъ, скажетъ: «Эй де Латышъ, а Русской.»

уже раздѣляютъ между собою земли владѣльцевъ своихъ и проч., но на вопросъ, гдѣ и какъ? получаешь всегда въ отвѣтъ, что «я слышалъ, не помню, отъ кого, всѣ говорятъ,» и т. п., въ официальныхъ же актахъ нѣтъ ни чего; между тѣмъ не подвержено сомнѣнію, что если бы была хотя тѣнь подобнаго говора, то Земская власть, составленная исключительно изъ Помѣщиковъ и туземныхъ Нѣмцевъ, не упустила бы облечь сей важный случай въ юридическій фактъ и схватить людей, позволившихъ себѣ малѣйшее неосторожное въ этомъ родѣ выраженіе; но какъ до сихъ поръ этого не сдѣлано, то я не возможно предполагать дѣйствительнаго существованія сего. Сверхъ того, какъ согласовать все это, когда видимъ казенныхъ поселенъ, также присоединяющимися къ Православію? Могутъ ли они раздѣлять мысли, приписываемыя Помѣщиками своимъ поселенцамъ?

Опасеніе Владѣльцевъ на счетъ общаго возстанія поселенъ ихъ, тоже не основательно; но крайней мѣрѣ, до сихъ поръ оно существуетъ въ одномъ ихъ мнѣніи, или внутреннемъ тайномъ сознаніи въ своихъ притѣсненіяхъ, что и подаетъ имъ мысль о возможности справедливаго возмездія. Я нахожу, что если бы это дѣйствительно и могло существовать въ мысли у поселенъ, то Помѣщики сами породили оную, затрудненіемъ и негодованіемъ, оказываемыхъ ими тѣмъ изъ поселенъ, которые изъявляютъ желаніе присоединиться къ Православію. Это самое даетъ желающимъ поводъ заключать, что Помѣщики страшатся потерять отъ сего какія ни будь выгоды; иначе не противились бы тому и не гнали ихъ, кои оставили уже Лютеранизмъ. Конечно, равнодушіе Помѣщиковъ въ этомъ случаѣ не можетъ быть искренно; ибо каждый

¹ Начавшіяся въ Ригѣ три слѣдствія не кончены и не могутъ еще опредѣлить степень ихъ вѣроятія. При подобныхъ слѣдствіяхъ я полагаю необходимымъ быть одному изъ Русскихъ въ составѣ Комиссіи.

² По словамъ Православнаго Духовенства, основанныхъ на жалобахъ поселенъ, Помѣщики позволяютъ себѣ многія жестокости не только съ тѣми, которые объявляютъ желаніе присоединиться къ Православію, но даже съ тѣми, которые уже присоединились. Сихъ послѣднихъ, какъ объявилъ мнѣ Преосвященный Филаретъ и Дерптскій Протоіерей Березинъ, человекъ естественный, осторожный и умный, Помѣщики угрожаютъ согнать всею съ земель своихъ.

человѣкъ, какого бы онъ Исповѣданія и состоянія ни былъ, боже или менѣе движимъ религіознымъ самолюбіемъ; но при настоящихъ обстоятельствахъ, благоразуміе и обдуманность должны взять верхъ.

Поселяне вездѣ до сихъ поръ оказываютъ кротость и повиновеніе. Ярмарка въ Дерптѣ, въ концѣ Сентября, дала многимъ поводъ къ заключеніямъ; но всѣ ошиблись. До 15 тыс. Латышей и Чухонъ собралось на ярмарку; при всемъ этомъ тишина и порядокъ были совершенны, не взирая на обычное употребленіе вина. Повинновение доходило до такой степени, что Протоіерей Березкинъ, осажденный, такъ сказать, предъ симъ множествомъ желающихъ присоединиться къ Православію, и самъ опасаясь, что, при стеченіи большаго количества народа на ярмарку, при томъ разгоряченнаго крѣпкими напитками, можетъ произойти безпорядокъ, предупредилъ поселянъ, что въ продолженіи всей ярмарки онъ присоединять не будетъ; приказаніе было свято соблюдено: ни одинъ не явился во всѣ три дня ярмарки, и уже по окончаніи, вновь начали приходить къ нему.

Въ поселянахъ не видно ни какого явнаго ожесточенія противъ Помѣщиковъ, но замѣтна ненависть къ Пасторамъ, которыхъ они почитаютъ главными виновниками своего злополучія. Со стороны Пасторовъ и Помѣщиковъ одинаково видно ожесточеніе противъ происходящаго. Между послѣдними есть, однако жъ, такіе, которые показываютъ равнодушіе къ присоединенію; да и въ самомъ дѣлѣ они едва ли что теряютъ; ибо земля и поселенные на ней, предъоставляшіеся прежде для повинностей Пасторамъ, остаются въ ихъ пользу; между тѣмъ какъ Пасторы теряютъ всѣ свои выгоды и должны будутъ довольствоваться жалованьемъ или содержаніемъ, которое опредѣляютъ имъ Помѣщики, за обычное исправленіе требъ для себя и своего семейства. Впрочемъ, если бы и произошли какіе либо частные случаи, то, конечно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, нельзя предполагать иначе, какъ что поводъ къ тому подадутъ сами Помѣщики, выведя изъ теритрія и приведа челоуѣка къ ожесточенію, иногда безразсуднымъ своимъ, какъ выше сказано, обхожденіемъ.

3. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ Епископомъ, число окончательно присоединенныхъ къ Православію, съ 21 Апрѣля по 13 число

о мѣсяца, состоятъ изъ 2062 человекъ, ⁶ что продолжается основочно раза по два и по три въ недѣлю. Независимо отъ о; записавшихся въ Ригѣ болѣе 400 человекъ, въ Дерптѣ 15. Вписываются обыкновенно съ семействами, что, по счету ценниковъ, составляетъ нынѣ далеко за 20 тыс. душъ; но придутся ли всѣ изъ записавшихся и тѣ, кои упоминаются отъ семействъ, опредѣлительно сказать нельзя; Священники утверждаютъ положительно, Помѣщики отрицательно. Впрочемъ, здѣсь необходимо замѣтить еще и то, что число присоединившихся женъ весьма незначительно, а это и ⁷подастъ поводъ Помѣщикамъ ругать лицамъ, не оправдывающимъ этого движенія, говорить и не утверждать, что жены не соглашались съ мужьями перемѣнъ Вѣру. Изъ этого, выдуманнаго ими, обстоятельства, они выведутъ, что обращеніе Латышей и Чухонъ не есть искреннее, а производится мыслью освобожденія себя отъ Помѣщиковъ, иная ⁸ томъ духъ ожесточенія, чрезъ что угрожается безопасность дѣльцевъ и проч. ⁹ Но и здѣсь нѣтъ фактовъ, а только безчисленное множество разсказовъ о происшествіяхъ въ семействахъ присоединившихся уже къ Православію, чѣмъ, повторяю, ни Власти, Помѣщики не упустили бы воспользоваться, для облеченія этого юридическія формы. По словамъ Священниковъ, присоединяющійся отецъ семейства утверждаетъ, что жена его раздѣляетъ съ нимъ тоже желаніе, но, по дальнему разстоянію, не можетъ оставить хозяйства, а будетъ выжидать ближайшаго къ тому случая. ¹⁰ весьма доступно вѣроятію; ибо въ настоящее осеннее время оставить дѣтей однихъ, или тащить ихъ съ собою на нѣсколько дней, оставивъ хозяйство, весьма трудно. При томъ, какъ Священники не

Ригѣ 1162, въ Дерптѣ 749, въ Верро и Ряинѣ 151; но съ тѣхъ поръ продолжаютъ присоединяться, и въ одномъ Дерптѣ, по 21 число Октября возрасло 1333 душъ. 19 числа этого мѣсяца въ Ригѣ, а 21 въ Дерптѣ, я видѣлъ личнаго присоединяющихся съ женами и дѣтьми. Умиленіе и благоговѣніе при семъ чѣмъ были тѣ же, какъ я имѣлъ уже честь доносить.

гдѣ робкіе Помѣщики приводятъ 1-й стихъ XII главы Пророка Даніила, на зованіи котораго поселяне будто бы дѣйствуютъ; но каждый, прочтавшій содержаніе этой главы, увидитъ ясно всю несообразность подобнаго предположенія, не имѣющаго ни малѣйшаго взаимнаго сходства съ настоящимъ событіемъ.

утверждаютъ, въ такихъ случаяхъ многіе изъ поселянъ сами просятъ церковныхъ книгъ на туземномъ языкѣ, для приготовленія женъ и другихъ членовъ семейства; а выше сказано, что и я вѣдѣлъ въ Ригѣ и Дерптской церкви женъ и дѣтей присоединяющимися.

Въ заключеніе всего долгомъ поставлю имѣть честь почтительнѣйше донести, что всѣ мѣры, принятыя Высшимъ Начальствомъ края, въ настоящихъ обстоятельствахъ, по моему мнѣнію, сообразны съ положеніемъ дѣлъ; и если встрѣчаются иногда взаимно какія либо разногласія между Властями, духовною и свѣтскою, а равно и съ мнѣніемъ Дворянства, то они суть не что иное, какъ неизбежное послѣдствіе необыкновеннаго явленія, неожиданно обнаружившагося въ Лифляндской Губерніи, для котораго нельзя было прежде ни обдумать, ни взаимно согласовать, своихъ дѣйствій. Духовное Начальство, движимое единственно рвеніемъ приумножить стадо Православной Церкви, не щадитъ ни трудовъ, ни Пастырскихъ наставленій. Свѣтская высшая власть, отнюдь не противудѣйствуетъ сему, ищетъ только облечь все въ законную форму; ибо на ней исключительно лежитъ вся тяжкая отвѣтственность за несохраненіе порядка, который легко можетъ быть нарушенъ, если народъ внезапно увидитъ надъ собою эту власть ослабленной, что тѣмъ болѣе важно теперь, что совершенный недостатокъ народнаго удовольствія и безнадежность на скорое поправленіе, послѣ повторительныхъ неурожаевъ, можетъ содѣйствовать тому; по чему безъ усиленнаго соблюденія порядка и безпрепятственной зависимости, въ полицейскомъ отношеніи, народа отъ мѣстныхъ властей, достигнуть сего не возможно. Священники Православнаго Исповѣданія, записывая предварительно имена желающихъ присоединиться, даютъ чрезъ то возможность каждому обдумать свое дѣйствіе; ибо записка эта отнюдь не обязательная; отъ каждаго зависитъ не явиться къ присоединенію, и онъ не преслѣдуется за то; явившемуся же читается показаніе (прилагаемой формы),⁸ которое онъ подписываетъ при полицейскомъ Чиновникѣ, слѣдовательно, ни вымогательства, ни обольщенія, ни какихъ либо другихъ средствъ, приписываемыхъ нашему Священству и другимъ, нѣтъ и быть не можетъ. Необходимо только, чтобъ о присоединенныхъ немедленно давали

⁸ Его къ этому дѣлу, однако же, не приложено. О. Б.

тъ Лютеранской Консистеріи, для надлежащаго исключенія изъ рхшшшшш.

Я также смѣю думать, что для поддержанія въ Православіи присоединившихся къ оному, полезнѣе было бы на первый разъ, и въ томъ въ самомъ посѣщномъ времени, устроить Православныя школы, но не иначе какъ въ казенныхъ имѣніяхъ, избравъ для оныхъ мѣста, лежащія въ центрѣ Помѣщичьихъ селеній, въ коихъ уже присоединившихся, чтобы при самомъ началѣ избѣгнуть столкновенія съ мнѣніемъ Помѣщиковъ, еще не свыкшихся съ существующими и увлекающихся надеждою (которую они иногда имеютъ) неспровергнуть мѣры, принятыя къ допущенію Православія.

Походныя церкви должны ограничиться однимъ совершеніемъ браковъ только между присоединенными, но на пути своемъ отъ не присоединять другихъ; ибо во всякомъ случаѣ это наброуетъ тѣнь на усиленное склоненіе къ Православію, а чрезъ то на Церковь избѣгнетъ и несправедливыхъ упрековъ въ святости своего дѣйствія.

При настоящемъ состояніи умовъ всѣхъ классовъ Лифляндской губерніи полезнѣе избѣгать столкновеній, но, дѣйствуя сколько можно приблизительно къ согласованію мнѣній, облекая все въ одну форму, доказать, что правда на сторонѣ Правительства Церкви.

Великая обязанность лежитъ на Православномъ Духовенствѣ: возмужать безпримѣрное въ лѣтописяхъ происшествіе, поспѣшить двигнуть Православныя храмы и избрать достойныхъ Пастырей, которые бы вкоренили въ новообращенныхъ слово Божіе; ибо если долго останутся безъ наставленій въ новой Вѣрѣ, къ которой

предсѣдатель Лютеранской Консистеріи, Генералъ-Адъютантъ Баронъ Мен-де-Менъ, проѣзжавшій предо мною Ригу, слишкомъ разительнѣе отзывался противъ описанныхъ событій. Жандарскій Штабъ-Офицеръ, Гильдебрантъ, только частію изъяснилъ Генералъ-Лейтенанту Дубельту о разговорѣ его съ нимъ при одномъ изъ помѣщиковъ.

прибѣгли по тому только, что не находили того въ Лютеранизмѣ, то не трудно будетъ посѣять въ нихъ зародышъ раскаянія, тѣмъ болѣе, что могущія быть ухищренія со стороны Пасторовъ, а, можетъ быть, и обѣщанія Помѣщиковъ, если и не обратятъ къ привычному Лютеранизму присоединившихся уже, то легко могутъ приостановить дальнѣйшее между Латышами и Чухнами развитіе Православія.

V.

26 Октября, 1845 г.

№ 522.

С.-Петербургъ.

Списокъ съ рапорта Господину Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Предписаніемъ Вашего Высокопревосходительства отъ 9 числа сего Октября, за № 2366, поручено мнѣ обозрѣть нѣкоторыя мѣста Лифляндской Губерніи, преимущественно окрестности Дерпта и далѣе по тракту къ Ригѣ, и узнать положеніе Губерній относительно продовольствія.

По собраннымъ мною лично свѣдѣніямъ и разсмотрѣнію дѣлъ по обезпеченію народнаго продовольствія, производящихся въ Канцеляріяхъ Генераль-Губернатора, Гражданскаго Губернатора и Лифляндской Комисіи Народнаго Продовольствія, оказывается:

Урожай хлѣбовъ въ Лифляндской Губерніи, въ продолженіи трехъ предшествовавшихъ лѣтъ, былъ болѣе нежели неудовлетворителенъ, и по тому всѣ хлѣбные запасы Помѣщиковъ, поселянъ и сельскихъ магазиновъ истощились совершенно, потребовалось нестложное пособіе отъ Правительства какъ на посѣвъ, такъ и на продовольствіе, и, въ слѣдствіе представленія Генераль-Губернатора, на основаніи Высочайшее утвержденныхъ положеній Комитета Гг. Министровъ, назначено на посѣвъ Лифляндской и Курляндской Губерній по 200 тыс. рублей серебромъ.

Относительно этого капитала Лифляндская Комисія Народнаго Продовольствія, съ утвержденія Начальства, сдѣлала и дѣлаетъ слѣдующія распоряженія:

Выдача ссуды на посѣвъ полей производится лишь тѣмъ имѣньемъ, кои, по ближайшему и подробнѣйшему удостовѣренію, имѣють въ томъ дѣйствительную и настоятельную надобность, и при томъ, для большей вѣрности, производится такимъ образомъ. Помѣщикъ, имѣніе коего имѣеть нужду въ сѣменахъ, обязанъ засѣять поля зерномъ, взятымъ у другого Помѣщика, смотря у кого выгоднѣе, а въ случаѣ неимѣнія зерновыхъ запасовъ въ сосѣдствѣ, са-

Коммисія указываетъ лицо, у котораго есть излишніе запасы; тогда поля засѣяны, то количество засѣяннаго хлѣба поручается коммисіею освидѣтельствовать, и тогда уже за дѣйствительно употребленное на посѣвъ количество хлѣба выдаются деньги по возможно выгоднымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ выданная Правительствомъ ссуда достигаетъ совершенно своего назначенія: Помѣщикъ имѣеть ни какой выгоды не засѣять всѣхъ своихъ полей, какъ иногда дѣлается въ другихъ мѣстахъ, гдѣ получаютъ на этотъ счетъ деньги въ непосредственное распоряженіе. Ссуда выдана на круговое ручательство мірскихъ обществъ, согласно постановленію о Лифляндскихъ поселянахъ. Объ окончаніи этой операціи, какъ мнѣ сказано, будетъ въ свое время донесено подробно. Курляндскій Гражданскій Губернаторъ, Бревернъ, личнымъ присутствіемъ въ самыхъ неурожайныхъ Уѣздахъ и распорядительностію, старался уменьшить число прежде требуемаго количества хлѣба. Это вѣроятно извѣстно по частнымъ свидѣніямъ; впрочемъ, на это есть наказы и въ дѣлѣ о продовольствіи по Канцеляріи Генералъ-Губернатора. Вообще здѣшнее мѣстное Начальство заботливо и строго вѣдитъ, въ настоящее тяжкое, по случаю неурожая, время, за обеспеченіемъ продовольствія крестьянъ, и всѣ распоряженія его по сему предмету, по моему мнѣнію, совершенно основательны.

300 тыс. рублей серебромъ, Высочайше назначенные, на облегченіе продовольствія Лифляндской Губерніи, при настоящемъ крайзатруднительномъ положеніи ея относительно продовольствія, суть необходимая и своевременная милость Правительства. Уже по несеніямъ Надворнаго Совѣтника Адеркаса, командированнаго въ ошломъ Юнѣ мѣсяцѣ Генералъ-Губернаторомъ въ наиболѣе пораженныя отъ неурожая мѣста Губерніи, и хранящимся нынѣ въ архивѣ Канцеляріи Генералъ-Губернатора, можно судить о затруднительномъ положеніи Губерніи относительно продовольствія; за-

трудненіе это необходимо должно было возрасти въ нѣсколько разъ по случаю новаго въ нынѣшнемъ году неурожая, и дойти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, до крайнихъ предѣловъ, въ чемъ я лично убѣдился во время моего проѣзда. Озимы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хороши, въ другихъ неудовлетворительны.

Относительно употребленія съ большою выгодною 300 тыс. рублей, назначенныхъ на продовольствіе Губерніи до новаго урожая, предъ моимъ отъѣздомъ были въ Лифляндской Комисіи Народнаго Продовольствія нѣсколько дней совѣщанія, и главный вопросъ состоялъ въ томъ: какъ выгоднѣе заготовить хлѣбъ, выпясать ли его изъ за границы, или закупить внутри Россіи, и какимъ образомъ? Результатъ этѣхъ совѣщаній офиціально еще не извѣстенъ, но я узналъ частнымъ образомъ, что покупка хлѣба за границею признана неудобною и даже невозможною, по позднему времени года и скорому прекращенію водяной коммуникаціи.

Поименованныя въ предписаніи Вашего Высокопревосходительства 20 тыс. четвертей хлѣба, назначенныя къ отправкѣ изъ С.-Петербурга въ Ригу, и 5 тыс. четвертей, назначенныя въ Дерптъ, тамъ еще не получены; а между тѣмъ скорая присылка этого хлѣба необходима, какъ по тому, чтобы не упустить время водяной доставки, такъ и по тому, что этотъ запасъ уравниваетъ и останавливаетъ возвышеніе цѣнъ. По мнѣнію Генералъ-Губернатора, усиленныя пособія, о которыхъ онъ ходатайствовалъ, для продовольствія Лифляндской Губерніи, совершенно и настоятельно необходимы. Крайній недостатокъ въ хлѣбѣ повсемѣстный, а есть мѣста въ совершенно крайнемъ положеніи.

Цѣны на хлѣбъ существуетъ въ Лифляндской Губерніи слѣдующія: за четверть ржи и за куль ржаной муки въ 9 пудъ отъ 6 рублей 50 копѣекъ до 7 рублей 50 копѣекъ; за четверть овса отъ 4 рублей до 6 рублей; пудъ сѣна до 25 к. серебромъ.

Обо всемъ этомъ имѣю честь почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе Вашего Высокопревосходительства.

И. Липранди.

ДОКУМЕНТЫ

О

СТАРООБРЯДЦАХЪ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

1.

Прошение Священника Георгія Иванова Епископу Сергію,
о защитѣ его отъ клеветы.

Преосвященнѣйшему и Боголюбивому Епископу Сергію
покорнѣйшее прошение.

Преосвященнѣйшій Владыко! Мои причины Вамъ предлагаю,
по коимъ я запрещенъ былъ отъ отца Петра въ 1862 году.

Первое. Отрекся отъ своего сана предъ Начальствомъ, ска-
залъ, что я не Священникъ, а крестьянинъ, и подписался въ томъ.

Второе. Въ одно время пришлось мнѣ изъ своего мѣста от-
лучиться съ своимъ Дьячкомъ въ Кимру. ¹ Въ Кимрѣ же одинъ
человѣкъ упросилъ меня, чтобы я сѣзидилъ съ нимъ, въ одно
мѣсто для исправленія нѣкоторыхъ требъ. Такъ я и сдѣлалъ:
своего Дьячка оставилъ, а съ этѣмъ человѣкомъ поѣхалъ. Дьячекъ

---

¹ Село Корчевскаго Уѣзда Тверской Губерніи.

мой за это на меня разсердился, сталъ грозиться и говорить всѣмъ: «Не я буду, чтобъ не запретили ему, сирѣчь мнѣ, священствовать.» Послѣ того пришелъ онъ къ Священнику Петру и высказалъ на меня клевету, яко бы въ предлюбодѣянїи былъ зарѣнъ, и показалъ на одного человѣка, который будто бы видѣлъ. Священникъ Петръ присталъ ко мнѣ, чтобъ я утвердилъ сію клевету подписомъ своей руки и сказалъ мнѣ: «Отыди ото зла и сотвори благо! Я могу все сдѣлать, если и Владыки будутъ что препятствовать.» Я послушался его, и въ уваженіе подписался къ его запискѣ. Спустя много времени, я опять пришелъ къ нему, и онъ сказалъ мнѣ: «Ты не можешь болѣе священствовать.» Я поклонился ему и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени общество стало меня просить исправлять требы, но я высказалъ имъ свои причины, по коимъ не могъ священнодѣйствовать. Общество стало просить, кого слѣдуетъ, но успѣху не было. Тотъ же клеветникъ говорилъ всѣмъ: «Дайте сто цѣлковыхъ, и опять пришлютъ ему, сирѣчь мнѣ, разрѣшеніе.» А по тому и прошу Вашу Святыню не оставить меня безъ вниманія. Февраля 9 дня, 1864 года.

Священноіерей Георгій Ивановъ, Клинскаго Уѣзда, деревни Кузнечкова, руку приложилъ.

2.

Письмо Варлаама, Епископа Балтовскаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому. ¹

Его Преосвященству, Господину Антонію, Архіепископу Московскому и Владимірскому, и всему Духовному Совѣту.

Честъ имѣю довести до свѣдѣнія Вашего нѣкую повѣсть; ибо тайну Цареву добро есть таити, а слово Божіе добро есть про-

---

¹ Антоній Первый, Архіепископъ Московскій и Владимірскій, котораго звали до поступленія въ иночество Андрей Ларіоновъ Шутовъ. Онъ родился Московскою

повѣдати. Не хотѣлъ бы я о семъ и глаголати, но боюся умолати, ради бываемыя вины и часто приключающихся, по вольному хотѣнію, страстей, въ нихъ же удобъ скоро на зло прилегающей человѣческой разумъ вритъ паче, неже на любознудіе истиннаго и душеполезнаго познанія, еже убо видимъ въ настоящее время въ народномъ настроеніи, что происходитъ, и не могомъ удержати хуленія богостудныхъ челоуѣкъ. Дабы сіе Божіе наказаніе не скрыто было въ затмѣніи невѣдѣнія, понеже всякъ, имѣющій разумъ, рассуждати и различати можетъ доброе отъ злаго, принимаю смѣлость возвѣстити Вамъ о случившемся происшествіи. Въ нашемъ мѣстѣ, разстояніемъ отъ Балты³ въ восьмидесяти верстахъ, Подольской Губерніи, Бряславскаго Уѣзда, въ селеніи Перепелигахъ, въ коемъ жители всѣ почти изъ нашихъ Христіанъ, въ прошломъ году мясосятія случилось у тамошняго жителя, по обряду Христіанскому, законное бракосочетаніе, и послѣ обычнаго пиршества, научи бѣсъ едину отъ женъ посмѣяться Святительскому сану, съ приложеніемъ имени Епископа Варлаама, го есть, въ подобіе его, како онъ священнодѣйствуетъ во время Богослуженія. Упоминаемая жена, въ поношеніе служителя Божія, приступила къ хульно-студному дѣлу: распустила свои волосы, взяла рогозину, надѣла ее на себя, вмѣсто ризы, обернулась утиральникомъ, вмѣсто омофора, надѣла на голову нѣчто неподобное, вмѣсто митры, взяла въ руки рукомоѣйникъ, вмѣсто кадила, наклала въ него хлопьевъ, закурила ихъ и стала кадить, приговаривая при томъ: «Вотъ какъ служить Архирей Варлаамъ, по нашимъ избамъ и дворамъ!» и прочія неподобныя рѣчи испушчала, и въ той же самыи часъ, по прозрѣнію Божію, не стерпѣ Владычное

Губерніи, Коломенскаго Уѣзда, Подберезинской волости, въ селѣ Настасьинѣ, отъ крестьянина Ларіона Терентьева Шутова, и крещенъ былъ въ Православной церкви. По возрастѣ своемъ, отдѣлившись отъ родителей и женившись на Почтмейстерской дочери, Екатеринѣ, перешелъ онъ въ Безпоповское Согласіе, и крестился въ другой разъ на Преображенскомъ кладбищѣ, въ Хандювскомъ врудѣ; послѣ того перечеислся изъ крестьянъ въ Московское Целовое Общество, перешелъ въ Поповщинское Согласіе и, по вступленіи въ иночество, посвященъ въ Архіепископа.

³ Уѣзднаго города Каменецъ-Подольской Губерніи, въ 1228 верстахъ отъ Москвы.

Милосердіе на ругательство Святой Церкви северныя той жены: вдругъ Божія сила страше духъ ея, нападе на ня страхъ и трепеть, начала кричати, вопити и глаголати: «Помилуйте мени многогрѣшную и простите Христа ради!» И во время такового ея кричанія выскочили изъ главы ея оба глаза, аки луковницы, и всѣ полопались. О истинѣ сего происшествія могутъ подтвердить вамъ свидѣтели, которые на дняхъ будутъ въ Москву. Въ настоящее время оная жена находится въ живыхъ, лицевная арбінія. Увы, горе, горе северныя жены той, за беззаконное ея ругательство на Святительскій санъ!

Еще къ сему имѣю честь присоветовать, что въ прошломъ году, въ Кореневскомъ женскомъ монастырѣ,⁴ жила одна инокиня, имянемъ Евлампія, которая была такая безстрашная ругательница и кощунница, не только на Священническій и Святительскій санъ, но даже въ одно время она дерзнула похулити и самыя Тайны Христовы, и рассказываетъ, будто бы она когда-то, пріобщаясь Святыхъ Тайнъ Христовыхъ, чуть не подавилась ими; къ тому же и прочія хулы произносила. Однако за такое ея кощунство и Богохульство пришлось ей умереть безъ покаянія, а болящій сребролюбіемъ и побѣжденный любочащаніемъ, аморальный и гордостный Іерей Пахомій, дерзнулъ надъ таковою служить погребеніе, и когда сталъ онъ вдагать въ версты пошеицы рукописаніе, то оное, разорвавшись на двое, вылетѣло изъ гроба.

Такое неслыханное чудо было въ виду всѣмъ ту предстоявшимъ инокинямъ. Послѣ сего нѣкоторыя инокини, желая видѣть лице покойницы, вскрыли немного оное, и увидѣли множество вшей, ползующихъ преисполненно во рту, ноздряхъ и глазахъ, о чемъ мнѣ передавали лично многія инокини, которыя и Вамъ могутъ засвидѣтельствовать.

Еще скажу Вамъ нѣсколько словъ о Кореневскомъ монастырѣ. Жители онаго съ своими беззаконными Попами, Пахоміемъ и

⁴ Старообрядческомъ, Кіевской Губерніи, Радомысльскаго Уѣзда, въ 5-мъ стану.

Саввою, признають только одного новопоставленнаго Епископа Антонія за истиннаго пастыря, котораго и поминаютъ на ектеньѣ; а Митрополита Кирилла и прочихъ Епископовъ, по внушенію Пахомія, не признають за истинныхъ пастырей, а называютъ ихъ Окружниками, еретиками и отступниками отъ Церкви Христовой; однако замѣчательно стало, что между ими оказывается нѣкоторое несогласіе, и тѣмъ обозначается наглое ихъ беззаконіе. У насъ недавно стало извѣстно двукратное отступничество этого наглаго Антонія отъ Православныхъ Вѣры, и многіе Раздорники, какъ видно, стали отряхать руки отъ таковаго пастыря и губителя стада Христова, и становятся какъ-то помирнѣе противъ прежняго, а многіе изъ нихъ обращаются на путь святой истины; только одни его отчаянные Попы, не взирая на Митрополитовы предписанія и соблазняясь на золото и серебро, употребляютъ всѣ свои мѣры развращать народъ.

За тѣмъ остаюсь съ искреннимъ моимъ желаніемъ Вашего здравія и спасенія, заочно прошу у Васъ Архипастырьскаго прощенія, мира, благословенія и святыхъ молитвъ; и съ чистосердечною Христіанскою любовью низко Вамъ кланяясь, поздравляю съ предверіемъ свѣтлаго и великаторжественнаго праздника, который желаю препроводить въ радости и всякомъ благополучіи.

Смиранный Варлаамъ, Епископъ Балтовскій и всея Бессарабіи.

Балта. 22 Марта, 1865 года.

Письмо получено 8 Апрѣля, 1865 года.

3.

Послание отъ Антонія Втораго, Епископа Московскаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому.

Божіею милостію, Смиранный Антоній, Епископъ Московскій, Преосвященнѣйшему Господину Архіепископу Московскому и Владимірскому, Антонію.

Брату, союзнику и сослужебнику нашему, посылаю миръ и союзъ Святительской любви. Союзомъ любви связуемы были

Апостолы: тако и намъ подобаетъ пребывать въ любви между собою и имѣть благое, а не жестокое, сердце. Во благихъ сердцахъ и Богъ пребываетъ, и удаляется гордости; за гордость Господь Богъ не пощадилъ и Архангела, сверже его съ небесъ; тако и ты, Антоній, подобенъ ему, за неповиновеніе власти духовной. Всякая власть, какъ духовная, такъ и свѣтская, отъ Бога есть; всякой власти, къ которой мы принадлежимъ, нужно повиноваться, и намъ повинуются нижнія власти, какъ то: Превзитеры и Діаконы, иноцы же имѣють покорность къ своему Игумену. А ты, Антоній, возгордился противъ своей власти, Богомъ поставленной, возгордился противъ законнаго своего Архипастыря, пренебрегъ имъ и вышелъ изъ его повиновенія. Тебѣ нужно было бы почестъ его, какъ старшаго Митрополита, который посвятилъ тебя въ санъ Святительскій.

Вспомни, когда ты, стоявши на орлѣ, давалъ клятву, чтобы во всемъ повиноваться ему, а послѣ того ты нарушилъ данную клятву. Когда Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Кириллъ посвятилъ тебя на Владимірскую кафедру, послалъ въ Россію и поручилъ тебѣ на время, вмѣсто Софронія, Епископа Сибирскаго, править Московскимъ престоломъ, тогда ты послалъ за границу своихъ посланниковъ клеветовъ: Епископа Іустина и Іеродіакона Ипполита, съ кучами золота, чтобы ослѣпить и въ Боголюбивыхъ нашихъ Епископовъ и исходатайствовать себѣ мѣсто на Московскій престолъ. Клеветы твои сперва обратились къ Архимандриту и Намѣстнику Бѣлокринцакаго монастыря, Епископу Сергію, Священноиноку Іоасафу и Іеродіакону Филарету, которые были тогда еще Православными, и просили ихъ, чтобы они исходатайствовали у Архіепископа Кирилла тебѣ мѣсто на Московскій престолъ, смущая и соблазняя ихъ златомъ. Но какъ сказанные служители алтаря: Епископъ Сергій, Священноиннокъ Іоасафъ и Іеродіаконъ Филаретъ, были тогда вѣрными чадами Христовой Церкви, и въ нихъ была искра Божія, не приняли твое гибельное золото и не согласились обольстить и обмануть своего Архипастыря, тогда твои споспѣшники отправились въ городъ Цилли⁵ смущать Господина Митрополита и стра-

⁵ Въ Штирїи, въ Мариборскомъ краѣ, Австрійской Имперіи, по Славянски Целе,

дальца Амвросія, лежавшаго на одрѣ болѣзни. Амвросій, по своей слабости, не могъ бесѣдовать съ ними. Они подкупили его сына, Георгія Андреевича, и дали ему кучу червонцевъ. Сынъ Митрополита Амвросія принялъ ихъ съ великою честію за червонцы, и твои спосиѣшники начали умолять его сими словами: «Георгій Андреевичъ! Въ чемъ мы будемъ тебя просить, то не откажи нашей просьбѣ и поддержи нашу руку! Васъ приказалъ просить нашъ Боголюбивый Высокопреосвященнѣйшій Господинъ Владыко Антоній, чтобы Вы приняли въ немъ участіе, для пользы и блага угнетенныхъ и Богомъ ему врученныхъ Христіанъ, и исходатайствовали у Владыки Амвросія грамоту на Московскій престолъ.» Георгій Андреевичъ на это сказалъ имъ: «Молитесь Богу, и просите Его. Онъ поможетъ Вамъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ Вашихъ, и я не забуду Вашей просьбы.»

Владыко Антоній! За твои столь низкія, неблагородныя и Богопротивныя дѣла, ты сталъ подобенъ Симону волхву, который принесъ дары Петру Апостолу, и тотъ не принялъ ихъ. Устыдись, Антоній, вспомни свое безчиніе и вспомни смертный часъ. Когда ты, въ 1861 году, Февраля 7 дня, предъ всѣми Боголюбивыми Епископами добровольно отказался отъ Московскаго престола и подписался, что «болѣе не желаю быть въ Москвѣ правителемъ Церкви Христовой,» въ чемъ ты торжественно давалъ клятву и отречаніе предъ Святымъ Евангеліемъ, и, сдавши Московскій престолъ, бывшему Епископу Онуфрію, выѣхалъ изъ Москвы, ⁶ въ то время нѣкоторые изъ ревностныхъ гражданъ Московскихъ, видя Святую Церковь Христову обуреваемую раздоромъ и несогласіемъ, послали за границу двухъ Боголюбивыхъ спутниковъ: Софронія, ⁷ Епископа Калужскаго и Уральскаго,

---

на югъ отъ Градца, съ 2000 жителей. Это Римскій городъ Claudia Celleja, въ которомъ пребывалъ нѣкоторое время Римскій Намѣстникъ; теперь онъ оружной городъ, имѣетъ Гимназію, Мнѣоритскій монастырь съ гробницею Графовъ Цильскихъ, и проч.

⁶ См. «Очеркъ Исторіи Поповщины съ 1846 года, К. Н. Николаева», въ «Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1865 года, кн. III, отд. V, стр. 238, особо стр. 40.

⁷ Софроній, Епископъ Калужскій и Уральскій, котораго звали до поступления въ

бывшаго тогда Архимандритомъ Бѣлокриницкаго монастыря, чтобы просить Господина Митрополита въ Москву, для уничтоженія Окружнаго Посланія и для избранія на Московскій престолъ законнаго Епископа. Митрополитъ Кириллъ, данною грамотою, избралъ на Московскій престолъ Аѳанасія, Епископа Саратовскаго, и для вспомошествованія поручилъ ему двухъ присланныхъ Епископовъ: Софронія и Сергія. Но когда посланные благополучно возвратились въ Москву съ данною грамотою, ты въ то время былъ уже въ Москвѣ, успѣлъ убѣдить и подговорить на свою сторону нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ гражданъ Московскихъ и, ослѣпивши златомъ Аѳанасія, Епископа Саратовскаго, и всѣхъ прочихъ простодушныхъ Епископовъ, Архимандритовъ и весь Священническій чинъ, какъ заграничныхъ, такъ и Россійскихъ, кромѣ трехъ Епископовъ: Софронія, Сергія и Виталія, которые остались вѣрными своему долгу, ты незаконно и противъ Святыхъ Апостолъ, татски и щельми вопхался и возлѣзъ на Московскій престолъ.

Владыко Антоній! Погибнешь ты черезъ свое проклятое злато: Иуда былъ первый Апостолъ у Христа, и тотъ погибъ черезъ злато. Ты глаголешь, что на всякую Губернію поставлю по Епископу. Не восхищайся этимъ: ты наставишь Епископовъ, не для мира церковнаго, но для большаго раздора и раскола, отъ которыхъ и теперь страдаетъ наша Святая Церковь. А какъ мы называемся истинными Архипастырями, то и должно намъ пасти словесное стадо Христово такъ, чтобы оно не разбрелось по чужимъ пастырямъ; ибо мы за таковое нерадѣніе наше должны дать отвѣтъ въ день страшнаго Суда Божія предъ престоломъ Царя Царей.

Антоній! Что ты о себѣ такъ высоко думаешь? Всѣ о тебѣ понимаютъ очень низко, какъ о самозванцѣ. Ты, какъ Гришка

иночество Степанъ Трифоновъ Жировъ. Онъ родился отъ крестьянъ Малоярославскаго Уѣзда Калужской Губерніи, и крещенъ былъ по Поповщинскому Согласію. Онъ много лѣтъ находился Дьячкомъ или пѣвчимъ на Рогожскомъ кладбищѣ, и, по вступленіи въ иночество, посвященъ былъ во Епископа.

рещерь, который похитилъ Московскій престолъ Дмитрія Превича, а ты похищаешь мой престолъ, порученный мнѣ промысломъ судьбы Божія. Я не татски влѣзъ на Московскій престолъ, а избранъ законно Московскими гражданами и посвященъ санъ Святительскій на основаніи Правиль Апостольскихъ, Госудиномъ Митрополитомъ Бѣлокриницкимъ, Кирилломъ, который выдалъ мнѣ ставленную грамоту, за подписомъ своей руки и иложеніемъ имянной его печати. Хотя ты и гордишься своимъ номъ, но всѣ признають тебя не за истиннаго Архипастыря, за хищнаго волка въ одеждѣ овчей, губящаго словесное ста-Христово.

Вспомни еще, Антоній, всѣ свои душепагубныя дѣянія и вси, за которыя ты подлежалъ Церковному суду, бывшему на борѣ въ 1861 году въ Москвѣ, въ домѣ купца Анисимова. бя судили два Архіепископа и восемь Епископовъ:

1. За изданіе книги еретическаго мудрованія, подъ названіемъ: «Дѣяніе Осьмага душепагубнаго Собора, бывшаго въ 1666 ку.» Ты три раза клялся предъ святымъ Евангеліемъ, чтобы ичтожить эту книгу, и три раза клятвы свои претупалъ. Клят-преступникъ епископствовать не можетъ.

2. За введеніе Безпоповской ереси: ты признавалъ невиди-ю Церковь. Епископъ еретикъ епископствовать не можетъ.

3. За клевету на Пафнутія, Епископа Казанскаго, который что бы поучаетъ народъ Безпоповской ереси, и ты по этому лу изъ властолюбія своего посылалъ въ Гуслицы Дьякона Ива-Васильева Милославскаго со лживыми бумагами. Епископъ лжетникъ епископствовать не можетъ.

4. За двукратное твое ирещеніе. Ты дважды былъ крещенъ: Великороссійской Церкви и на Преображенскомъ кладбищѣ.

5. За неимѣніе у себя отца духовнаго.

6. За поставленіе безъ Церковнаго совѣта недостойнымъ Священниковъ и Дьяконовъ.⁸

Вотъ краткій очеркъ всѣхъ твоихъ дѣяній, совершенныхъ на священномъ поприщѣ служенія твоего.

Въ заключеніе сего моего посланія скажу тебѣ откровенно и чистосердечно: прочитай со вниманіемъ сію бумагу; вступи попристальнѣе въ сущность ея содержанія; свѣрсья съ Номокономъ и Правилами Святыхъ Отецъ и Святыхъ Апостолъ; затверди все это подтверже въ своей памяти, и расточи свое гнѣбельное и проклятое злато, и тогда благодать Господа Бога и Спаса нашего, Ісуса Христа, будетъ со всѣми нами присно и во вѣки. Аминь. Москва. Августа 30 дня, 1865 года.

Смирный Антоній, Епископъ Московскій.

4.

Отвѣтное посланіе Антонія Перваго, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, къ Антонію Второму, Епископу Московскому.

Божіею милостію, Смирный Антоній, Архіепископъ Московскій и Владимірскій.

Боголюбивому Антонію, Епископу Московскому, миръ посылаю и благословеніе отъ Господа. Грамоту твою, отъ 30 Августа, сего года, я получилъ, и возрадовался о тебѣ, яко о заблудшемъ сынѣ, возвращающемся къ отцу своему. Ибо ты, Антоній, прежде съ Енимомъ Ѳеодоровымъ Крючковымъ, ушелъ изъ моей Епархіи, безъ моего благословенія за границу, а нынѣ возвратился

---

⁸ Тамъ же, стр. 246, особо 48.

вспять. Всѣмъ извѣстно, что ты былъ постриженъ въ иноческій чинъ незаконно, бѣглецомъ Священноинокомъ Серапіономъ, который, желая самопроизвольно властвовать, бѣжалъ отъ своего Игумена, Епископа Варлаама Балтовскаго, за что и воспрещено ему было священнодѣйствовать и жить въ своей Епархіи. За такое твое незаконное постриженіе подлежишь ты запрещенію и даже отлученію отъ Церкви.

Прочитавши твою грамоту, воскорбѣхъ печалію моею и смутихся отъ гласа вражія и отъ стуженія грѣшника, яко уклониша на мя беззаконія и во гнѣвъ враждоваху, и сердце мое смутися во мнѣ. О Антоній! По что мя гониши, по что клеветашь на мя? Ты пишешь, чтобы я вспомнилъ смертный часъ. Мы всѣ смертные; писано бо есть: «И снудуть во адъ живи, яко лукавство въ жилищахъ ихъ, посредѣ ихъ.» А у васъ съ Муравлевымъ много есть лукавства. Вѣдь ты на Муравлевскія деньги купилъ себѣ Архіерейскій чинъ: за твое поставленіе Крючковъ далъ Ми трополиту Кириллу 1000 рублей, Священнику Сисою за церковь 300 рублей, Церковному Старостѣ 150 рублей, Чтецу 25 рублей, и еще кое-кому, какъ ты и самъ знаешь, 25 рублей, а всего стало ему, Крючкову, 1500 рублей серебромъ. Ты знаешь, что о семъ пишетъ Василій Великій: «Не пщуютъ нѣци не согрѣшати. По-неже не абіе взимати, но рукоположеніе взятіе есть, еще что либо взяти. Молю убо сія приходы, паче же приведенія въ геену, отложите, и да не како, руку осквернившѣ сицевыми пріятіи, себѣ достойныхъ сотворитъ, еже совершати Святыя Тайны.» Еще посланіе иже во Святыхъ Отца нашего Тарасія, Патріарха Цареградскаго, къ Адриану, Папѣ Римскому: «Аще кто и ходатай явится и нечѣпнымъ взятіемъ, и сей убо аще причетникъ есть, своего да спадаеть степени; аще ли мірянинъ, или инокъ, да будетъ проклятъ; аще легчайше паче есть Македонія и отъ него духоборець злочестивая ереси, нежели продати дерзающей благодать Всесвятаго Духа: тѣи бо тварь и раба Богу и Отцу Святаго Духа буесловяеть.» Еще толкованіе отъ Валсамона, правило 29 и 30: «Не точію низлагають, но и общенія отсѣцають, иже сребренникъ ради быша Епископы.» Всѣ сіи правила извергають тебя съ твоимъ бѣглецомъ Серапіономъ, а Крючкова проклятію предають. Что ты ни пиши, вѣдь ниѣ зла не сотвориши;

писано бо есть: «Блажени есте, егда поносятъ вамъ, и ижденуть, и рекутъ всякъ золь глаголь на вы лжуще, мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ.» Ты себя ясно оказываешь клеветникомъ и пишешь, что я будто бы татски и щельми влѣзъ на Московскій Престолъ; неправда: не я, а ты, съ помощію Крюčkова, влѣзъ въ санъ Святительскій, а по милости Муравлева возведенъ на Московскій престолъ. Всѣмъ извѣстно, что ты тайно бѣжалъ изъ моей Епархіи и, пробравшись за границу, проживалъ тамъ въ монастырѣ у инокини, матери Евпраксіи, и послѣ того Митрополитомъ Кирилломъ, безъ всякихъ свидѣтелей, поставленъ во Епископа. Ты самъ знаешь 8-ое правило Перваго Вселенскаго Собора, которое гласитъ сице: «Во единомъ градѣ не лзя быть двумъ Епископомъ;» а ты яко тать влѣзъ въ мою Епархію, и тамъ самопроизвольно епископствуешь; у Муравлева служишь купчихамъ заказныя обѣды и поставляешь за деньги бѣглыхъ бродягъ во Священники и Дьяконы, безъ воли мѣстнаго Архіерея, а на какихъ правилахъ, и самъ не знаешь. Да какъ тебѣ и знать правила Святыхъ Отець, какъ человѣку полуграмотному, когда ты не распозналъ кондитерской лавки съ аптекою, и спрашивалъ въ кондитерской лѣкарства отъ кашля! Хорошъ Архипастыръ Московскій и благовиденъ выборъ Крюčkова съ Муравлевымъ!

Меня утвердили на Московскій престолъ и вручили мнѣ жезлъ Архіерейскій не Крючкоть, или Муравлевъ, а восемь Епископовъ при большемъ стеченіи Московскихъ гражданъ. Ты пишешь, что я соблазнилъ златомъ Аванасія, Епископа Саратовскаго. На мертваго все можно сказать, но онъ невиненъ и не дастъ отвѣта въ день страшнаго Суда Божія. Спроси у Муравлева, или Александра Бухарина, когда, послѣ моего утвержденія на Московскій престолъ, пришли Коломенскіе и Садовническіе крестьяне съ Муравлевымъ къ Свѣшникову, и стали подавать бумагу Епискоду Аванасію о моемъ утвержденіи на Московскій престолъ, то онъ безъ всякаго принужденія сказалъ имъ: «Мы уже набрали на Московскій престолъ законнаго Архіепископа Антонія: обращайтесь теперь къ нему, а не ко мнѣ!»

Послушай, Антоній: я знаю, что тебя соблазнили саномъ Святительскимъ Крючковъ и Муравлевъ, но все таки не правъ ты: Святые Отцы повелѣваютъ каждому Епископу повиноваться Архіепископу, а ты, съ самаго прїѣзда въ Москву, послѣ твоего иоставовленія, не являлся въ Духовный Совѣтъ. Ты говоришь всѣмъ, что у тебя есть ставленная грамота за подлинною подписью и печатью Митрополита Кирилла, то для чего же ты не представляешь своей бумаги, скрываешься въ домъ купца Муравлева, и тамо ратуешь на Святую Церковь? Сколько разъ приглашали тебя въ нашъ Совѣтъ, и ты не являешься, разглашая между нашими Христіанами нелѣпные толки, яко бы мы Окружнымъ Посланиемъ вводимъ разныя еретическія новшества, съ цѣлію присоединиться къ Иновѣрію, и своимъ лжесвидѣтельствомъ, вѣроятно, по внушенію Муравлева, дѣлаемъ большой раздоръ и расколъ въ нашей Церкви. Епископу должно быть кроткому и тихому и находиться въ повиновеніи у законныхъ властей, а ты буесловишь и развращаешь слабыя умы; ибо писано есть: «Блаженни кротци, яко тии наследятъ землю.» А ты своимъ упрямствомъ не наследуешь земли, то есть, Московскаго престола.

Ты меня оскорбляешь всякими лжами и клеветами невинно. Пророкъ глаголетъ: «Ядый хлѣбы моя, возвеличи на мя пату.» Сія слова прямо относятся къ тебѣ, по тому что ты ѣшь хлѣбъ моихъ прихожанъ, да и прихожане, по своему невѣдѣнію и слабости, дѣлаютъ глупо, что приѣмлютъ тебя за Епископа. Ты былъ и есть не что иное, какъ бѣглый инокъ и самозванецъ, котораго по правиламъ Святыхъ Отець должно предать изверженію: «Приѣмлай чуждаго причетника, да извержется.»

Ты сравниваешь меня съ Самозванцемъ, Гришкою Отрепьевымъ. Подумай прежде о себѣ, и сообрази свои дѣянія съ самозванцемъ. Ты болѣе на негоходишь: Отрепьевъ былъ монахъ Чудова монастыря, который, бѣжавши въ Польшу, назвалъ себя Царемъ и, возвратившись въ Россію, съ помощію Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ, какъ то Басманова и прочихъ единомышленниковъ, завладѣлъ Московскимъ престоломъ, и послѣ погибъ злою смертію: и ты также былъ монахъ Кореневскаго монастыря, бѣжалъ въ Австрію, оттуда возвратился въ Россію Епи-

скономъ и похитилъ у законнаго Архіепископа Московскій престолъ. Разница между вами небольшая: одинъ, съ помощію Поляковъ, влѣзъ въ Русскіе Цари, а другой, съ помощію Муравлева и Крючкова влѣзъ въ Московскіе Епископы. Ты называешь меня клеветникомъ и клятвопреступникомъ, а самъ на меня клеветашь и пишешь, что я изъ зависти порочилъ Пафнутія, бывшаго Епископа Казанскаго. Я не порочилъ его, онъ самъ себя опорочилъ своими дѣлами, за которыя онъ изверженъ и лишенъ своего сана правильно и законно. Ты видишь въ чужомъ глазу сучецъ, а въ своемъ бревна не видишь.

Владыко Антоній! Престань клеветать и лжесвидѣтельствовать на невиннаго; вспомни смертній часъ; подумай о Страшномъ Судѣ, на которомъ откроются всѣ дѣла твои. Не спасутъ тебя ни Крючковы, ни Муравлевы; ты одинъ, и одинъ ты, дашь отвѣтъ передъ престоломъ Грознаго Судіи. Прочитай сіи слова, если поймешь ихъ: «Гмъ Ангеломъ, предстоящимъ Судіи, который отвѣтъ студи обрѣцеша, аще не прежде конца возопіеши, слѣзюще: «Согрѣшихомъ, благій Господи, помилуй мя!»

Ты велишь мнѣ затвердить potvrжденіе въ памяти Номоканонъ и Правила Святыхъ Отецъ и Святыхъ Апостолъ. Я давно уже затвердилъ ихъ, и отъ истины никогда не отступлю, а ты затверди potvrжденіе въ умѣ своемъ, что значить аптека и что значить кондитерская лавка. Я тебѣ поясню: въ аптекѣ отпускаютъ лѣкарства для больныхъ, а въ кондитерской продаютъ печенья и разныя конфеты для сластолюбцевъ.

Владыко Антоній! Оставь лучше свое Епископство и отправься въ монастырь, къ матери своей, Евпраксии, или удались отъ своихъ клеветовъ и враговъ Церкви Христовой, Крючкова, Муравлева, Пискарева и прочихъ распространителей раскола въ нашемъ Христіанствѣ; ибо тѣмъ и сами не видать, что творять; прїѣзжай въ нашъ Духовный Совѣтъ; смирися предъ всѣми Епископы, какъ Христосъ смирилъ себя, ради спасенія нашего. Совѣтъ проститъ тебя, яко Епископа, раскаявшагося во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ, и санъ твой почтитъ прощеніемъ: «Не приидетъ къ тебѣ зло, и рана не приблизится тѣлеси твоему.» О Христѣ Господѣ на

шемъ, Ему же подобаеъ всякая слава и держава во вѣки. Аминь.
Сентября 4 дня, 1865 года.

Смиренный Антоній, Архіепископъ Московскій и
Владимірскій.

5.

**Актъ Московскаго Старообрядческаго Общества объ уничтоженіи
Окружнаго Посланія.**

1865 года, Октября 11 дня, Старообрядческое Общество Московскаго Рогожскаго кладбища, въ собраніи своемъ единогласно рѣшило уничтожить Окружное Посланіе, яко сочиненіе богопротивное и не согласное съ правилами Святой Церкви, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1-е. Принести другъ другу Христіанское прощеніе.

2-е. Окружное Посланіе уничтожить слѣдующими словами:
«Окружное Посланіе уничтожаемъ, опровергаемъ и яко не бывшее отмѣняемъ.»

3-е. Кто на означенное уничтоженіе Окружнаго Посланія будетъ не согласенъ, какъ изъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, лицъ, съ таковыми не имѣть сообщенія на молитвѣ.

4-е. Избрать двѣнадцать человекъ депутатовъ изъ общественныхъ лицъ отъ двухъ сторонъ, то есть, приѣмлющихъ и не приѣмлющихъ Окружнаго Посланія; безъ согласія оныхъ депутатовъ Духовенству ни чего не предпринимать и не дѣлать ни какихъ распоряженій. При семъ депутатамъ вѣннать въ обязанность всѣ свои дѣйствія и распоряженія объявлять Обществу въ общемъ собраніи, и безъ согласія общественнаго ни какихъ дѣлъ не рѣшать, въ чемъ и подписуемся: Иванъ Петровъ Бутиковъ, Кононъ Амвсимовъ Царскій, Ульянъ Ивановъ Г'аранянъ, Егоръ Родіоновъ Самыковъ, Родіонъ Дмитріевъ Мартыновъ, Павелъ

Абрамовъ Лебедевъ, Федоръ Васильевъ Винокуровъ, Митрофанъ Артамоновъ Муравлевъ, Федотъ Еремьевъ Медвѣдевъ, Андрей Трифоновъ Фоминъ, Трофимъ Михайловъ Кабановъ, Давидъ Антиповъ.

6.

Постановленіе Московскаго Духовнаго Совѣта объ уничтоженіи
Окружнаго Посланія.

1865 года, Октября 13 дня, заявленное Древлеправославному Духовному Совѣту и Московскому Обществу отъ депутатовъ, прибывшихъ въ Москву отъ разныхъ Старообрядческихъ Обществъ, по случаю смущенія въ народѣ и раздора Церковнаго, чрезъ Окружное Посланіе.

Мы, депутаты, прибыли на Совѣтъ и, послѣ продолжительныхъ совѣщаній между Московскимъ Духовнымъ Совѣтомъ и Московскимъ Старообрядческимъ Обществомъ, не могли создать ни какихъ согласій, а по тому, поговоря между собою, единогласно рѣшили постановить слѣдующее: Не согласныя слова Священному Писанію Древлеправославной Церкви, помѣщенные въ Окружномъ Посланіи, уничтожаемъ и яко не бывшія ~~въ~~ ~~вѣдѣніи~~. Въ чемъ и подписуемся: С-тъ-Петербургскаго Старообрядческаго Общества купецъ Аванасій Яковлевъ, Попечитель Егоръ Сычовъ, С-тъ-Петербургскій депутатъ Иванъ Кондратьевъ Бѣляевъ, Попечитель Казанскихъ Старообрядцевъ купецъ Иванъ Петровъ Карповъ, депутатъ Казанскій купецъ Лука Федоровъ Свѣшниковъ; депутатъ Старообрядцевъ города Саратова купецъ Тимосій Григорьевъ Чеботаревъ; отъ Уральскаго войска депутаты: Михайла Евимовъ, Семень Яковлевъ; отъ Самарскихъ Старообрядцевъ депутатъ Емельянъ Харитоновъ; депутатъ Нижегородскій мѣщанинъ Алексѣй Семеновъ Головастиковъ; Попечитель Петръ Николаевъ; Старообрядческаго Общества города Тулы Попечитель Георгій Романовъ Шуйскій; Попечители города Боровска: Григорій Евимовъ Чечкинъ, Аванасій Фоминъ Воробьевъ.

7.

Письмо отъ Уральского Казака А. Д. о Семушкѣ Блаженномъ.

Я слышалъ отъ прѣбывающихъ изъ Москвы, что у вась 9-го Юня сего года, близъ Смоленскаго рынка, на Сѣнной площади, взять Полиціею и представленъ въ Пречистенскую Часть ненавѣстный человекъ, назвавшій себя ложно Уральскимъ Казакомъ Семушкѣмъ, по тому что онъ не Казакъ, а бродяга и хитрый обманщикъ. Онъ въ Уральскѣ и окрестностяхъ онаго много дѣтъ шатается, притворяется глухимъ, безмолвствуетъ, яко глухой и нѣмой, ходитъ зимою босой, говоритъ чисто и здраво и пишетъ на разные почерки. Въ Уральскѣ его зовутъ Семушка Блаженной, а въ Москвѣ величаютъ Семушка Юродивый. Онъ глаумится на улицахъ съ малолѣтними дѣтми и свои не маловажныя дѣла дѣлаетъ, что ему надобно. Онъ имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ знакомство съ неблагонамѣренными людьми, въ Казани онъ имѣетъ корреспонденцію съ Казачкою Александрою Яковлевою, дочерью Оренбургскаго Хорушжаго Книпиченкова, и бываетъ у ней часто въ гостяхъ. Семушка Блаженный въ этотъ разъ, ѣхавши въ Москву, заѣзжалъ къ ней и гостилъ у ней нѣсколько дней, а Казачка Книпиченкова проживаетъ въ Казани, въ ближней Архангельской слободѣ, подъ тайнымъ покровительствомъ Казанскаго купца Ивана Петрова Карпова, въ домѣ его, за стѣною пачочнаго замоду, а для чѣго она проживаетъ у купца Карпова, про то они одни только знаютъ. Говорятъ, что Книпиченкова хорошая писаника и сочинительница, которая имѣетъ сношенія съ заграничными авторами и старается объ учрежденіи въ Лондонѣ Старообрядческой іерархіи, а у купеческаго сына, Алексія Иванова Петрова, по сему дѣлу хранится много писемъ. Говорятъ, что Казачка Книпиченковой воспрещено Оренбургскимъ начальствомъ выдавать видѣ на отлучку, и она объяснила своему начальству, что у ней въ Оренбургѣ ближнихъ родственниковъ нѣтъ, а есть служащія родственники только въ Казани, и такимъ образомъ получаютъ паспорта.

Если заблагоразсудите повѣрить эти строки о Семушкѣ, Уральскомъ дурачкѣ, шарлатанѣ и обманщикѣ, то спросите о немъ

въ Оренбургѣ каждаго Казака, или Казачку, или въ Москвѣ на Рогожской улицѣ, торгующихъ Казаковъ: его всѣ знаютъ, и какъ скажутъ, что онъ тотъ самый, какъ объ немъ сказано. Въ прошломъ Октябрѣ мѣсяцѣ былъ онъ въ Москвѣ съ Уральскимъ купцомъ Михайломъ Евенмовымъ, и съ Казанскимъ купцомъ Иваномъ Петровымъ Карповымъ; вѣроятно, что онъ на проѣздъ себя въ Москву выправилъ какой ни будь видъ. 1-го Іюля, 1865 года.

Уральскій Казакъ А. Д.

8.

Отвѣтное увѣдомленіе отъ Антонія Второго, Епископа Московскаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому.

Отъ Епископа Московскаго Антонія къ Архіепископу Московскому и Владимірскому Антонію

Увѣдомленіе.

Наше смиреніе, получивъ бумагу, писанную отъ 2-го Августа прошлаго 1865 года, яко бы отъ лица Митрополита Кирилла, признать и принять ее за справедливую не можетъ, по тому что она наполнена лжами и клеветами на наше смиреніе. Въ оправданіе свое я нахожу себя вынужденнымъ объявить о семъ Православнымъ Христіаномъ: При поставленіи нашего смиренія отъ Его Высокопреосвященства, Митрополита Кирилла, дана мнѣ сталенная грамота; въ ней предлагаю здѣ нижеслѣдующее: «Предусматривая же для святаго престола вся полезная и прочная къ неупустительному его существованію, хиротонисавъ сего благоговѣйнаго инока Антонія по степенямъ: въ Діакона, потомъ въ Пресвитера, и наконецъ во Епископа, и сей возлюбленный по духу братъ нашъ и сослужитель, Преосвященный Епископъ Антоній, яко достоинъ воспріяти Архіерейское предстательство и пастырскій жезлъ въ новоопредѣленной Епархіи царствующаго града Москвы, и отнынѣ да именуется Московскій Епископъ. Того ради и приглашается нынѣ новопоставленный Епископъ на

полученіе надлежащей ему сей грамоты къ престолу благодати, вкупѣ да восприметь Архипастырское ниже слѣдующее наставленіе отъ нашего смиренія: «Возлюбленный нашъ о Христвъ Исусъ братъ и по Духу Святому сослужитель, Преосвященный Епископъ, Господинъ Антоній! Се Благодатию Пресвятаго и Животворящаго Духа и Бога, чрезъ наше смиреніе рукоположенъ еси и преосвященъ на высокой степени Архіерейства Епископомъ царствующаго града Москвы;» ниже: «да егда Божіимъ благоволеніемъ вступиши въ Богодарованную ти Епископію и, пріявъ кормило ея, да имаши власть по всей Епархіи своей, гдѣ потребно будетъ, по благоусмотрѣнію твоему, сооружати церкви Христовы, и во оныхъ устроить Священное чиноположеніе, какъ: поставленіе чтецовъ, рукоположеніе Діаконовъ, производство въ достоинство Пресвитеровъ и опредѣленіе духовныхъ отцовъ, и прочая вся, елико при- сными и господствующимъ Епископомъ творити подобно, есть.»

Въ выше означенной бумагѣ, отъ 2-го Августа, Митрополитъ пишетъ мнѣ, что въ твоей Епархіи благословляю быть Собору. Того ради я не могу эту бумагу принять за справедливую; аще ли Его Высокопреосвященство предпшетъ нашему смиренію, что въ твоей Епархіи благословляю быть Собору, тогда съ радостію прииму и за свято почту, и донелъ же не будетъ отъ Его Святыни предписанія мнѣ, то я безъ такового предписанія къ вамъ на Соборъ прійти не могу, и вся ваши дѣйствія правильными не считаю. Ваше смиреніе и сами знаете, что въ чужой Епархіи, безъ вѣдома мѣстнаго Епископа, Правила Святыхъ отецъ дѣлать ни чего не допускаютъ, и за сіе сановъ своихъ лишаютъ. Ваше смиреніе разсмотрите безпристрастно, возможно ли вамъ самовольно дѣлать всякія дѣла въ чужой Епархіи. За сіе вы воздадите отвѣтъ Праведному Судіи.

Теперь отвѣчаю вамъ на всѣ, присланные вами, двадцать пунктовъ:

1. Вы спрашиваете, по чему я пріялъ иноческій чинъ отъ Священноиннока Серапіона? По тому что я признаю его Православнымъ и не приѣмлющимъ Окружнаго Посланія, получилъ отъ него иночество, и считаю сіе за свято.

2. Вы пишете, что я избранъ во Епископа мирскими людьми, и, взявши ложно благословеніе отъ Отца Евангельскаго на отлучку на два дни, бѣжалъ изъ Москвы. На что объясняю вамъ: Въ одно время прибылъ въ нашу келію Священноіерей Петръ, который, между прочими разговорами, спросилъ меня: «Кто у тебя отецъ духовный?» Не зная, по какому дѣлу онъ сюда пріѣхалъ, я на это ему ни чего не сказалъ. Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ ко мнѣ одинъ человекъ и сказалъ мнѣ: «Поѣдемъ въ деревню на родину: тебѣ приказали ѣхать со мною для весьма нужнаго дѣла.» Взявши благословеніе отъ Отца Евангельскаго, я благополучно отправился въ путь, меня привезли не на родину, но къ Священноіереемъ, которые приняли меня весьма радушно и стали сказывать, что Митрополитъ прислалъ намъ бумагу, за подписомъ своей руки и приложеніемъ иманной своей печати, и предписалъ намъ избрать въ Московской Епархіи изъ Священноіереевъ, не приѣмлющихъ Окружнаго Посланія, одного достойнаго человека на степень Епископа, и мы, по полученіи этой бумаги, собрались вкупѣ и, отслуживъ Литургію, положили жребіи на избраніе Епископа: паде жребій на твое имя, и мы послали за вами въ келію. Теперь просимъ и молимъ васъ не отказаться, ради Бога, и принять санъ Святительскій. Я долго отказывался и даже плакалъ отъ душевнаго чувства. Избравшію насъ Священноіерей сказали мнѣ, что «вамъ нельзя отказываться отъ благословенія Божія и Его Святой воли: не мы избрали васъ въ санъ Епископа, но Богъ избралъ васъ своимъ жребіемъ на управленіе цаствою стада Христова, для спасенія рода Христіанскаго и пользы Святой, Соборной и Апостольской Церкви;» за тѣмъ вручили мнѣ бумагу за подписомъ своихъ рукъ и послали къ Митрополиту, который и хиротонисалъ меня во Епископа Московскаго. Слѣдовательно, я избранъ Священноіереями, по благословенію Митрополита Кирилла, а не мирскими людьми, какъ вы пишете.

3. Вы пишете: «Какъ смѣли убѣжать изъ своей обители въ другую?» Я изъ своей обители въ другую не бѣгалъ, и тамъ меня ни кто не принималъ и прожитія мнѣ не давалъ, и вами приведенныя правила Святыхъ Отецъ ко мнѣ не относятся.

4. Вы спрашиваете: «Какъ могли вы уйти безъ благословенія Епископа?» Въ то время наша область Епископа не имѣла.

5. Вы спрашиваете: «Какъ могли рѣшиться принять на себя Епископскую хиротонію отъ одного Митрополита другой области, безъ согласія другихъ Епископовъ Россійской области и по избранію мірскихъ людей?» Отвѣтъ творю: при полнотѣ Церковной Иерархіи и безъ всякихъ церковныхъ возмущеній, или угнѣсненій, Правилами Святыхъ Отецъ сіе творити воспрещается; но по нуждѣ, или при церковномъ возмущеніи, тѣми же Правилами разрѣшается поставляти единому Епископу, а равно и другой области. Зри сему примѣры изъ дѣяній Святыхъ Отецъ: Савва Сербскій единъ постави Арсенія Сербскаго во Епископы: Святцы съ Житіями, Октября 28. Иліодоръ Епископъ, Дисана Пресвитера, единъ постави во Епископы: Прологъ Апрѣля 9. Евсевій Самосатскій единъ поставляше Епископы. Мелетій Патріархъ Гедвону Епископу благословилъ поставляти Епископы и Митрополита: Книга Кирилова, посланіе 4-е, къ концу. Святый Священномученикъ Автономъ прииде въ домъ, освяти церковь въ домъ и дому хозяина постави во Епископы: Прологъ Сентября 12. Святый Іоаннъ Златоустъ единъ постави семь Епископовъ: Книга Маргаритъ, Житіе Златоустаго, листъ 158 на оборотѣ. Святители наши: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, Митрополиты и Московскіе Чудотворцы, принимали хиротонію въ другой области отъ Цареградскаго Патріарха.

Хотя вы и обвиняете меня въ принятіи хиротоніи отъ одного Митрополита, и при томъ другой области, но я принялъ ее по нуждѣ, по случаю церковнаго возмущенія отъ составленнаго вами Окружнаго Посланія. Да и можно ли принять священную хиротонію отъ того Архіерея, который своими еретическими мудрованіями развратилъ Церковь Христову и всѣ Православные Христіане распались на части? Не подобаеъ Епископу клеветникомъ быти и ложно свидѣтельствовать на наше смиреніе, что мы будто бы избраны мірскими людьми. Напрасно вы сіе глаголете и обвиняете неповиннаго. Вы читали о семъ во 2-мъ пунктѣ этой бумаги, что я избранъ Священными лицами, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кирилла Бѣлокриницкаго. Теперь позвольте спросить васъ, Владыко Антоній, по чему же вы о себѣ умалчиваете, и не глаголете сущей истины о своемъ избраніи и поставленіи? И вы тоже приняли хиротонію отъ того

же Митрополита другой области, Кирилла, отъ котораго и я былъ посвященъ, а избраны были не Епископами, не Священноіерееми, и не мірскими людьми, но токмо единымъ инокомъ. Мнѣ не слѣдовало бы писать о семъ, но вы сами на это вызвались. А какъ вы сами запросились въ санъ Епископа и, по убѣжденію вашему, были избраны единымъ инокомъ, то, приведенными вами Правилами Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, для моего обвиненія, вы сами подлежите Церковному суду, отлученію и конечному изверженію, и не можете болѣе именоваться Епископомъ, за ваше противозаконное избраніе.

6. Вы спрашиваете меня: «Дѣйствительно ли я поставленъ въ санъ Епископа 26 Іюля, 1864 года?» На это отвѣчаю вамъ, что я дѣйствительно возведенъ въ санъ Епископа, и данной грамотою отъ 26 Іюля, 1864 года, утвержденъ на Московскій престолъ, для управленія всѣми дѣлами въ Московской Епархіи.

7. Вы пишете, что Митрополитъ Кириллъ прислалъ вамъ грамоту отъ 24 Февраля, 1863 года, объ утвержденіи въ Москвѣ Собора и объ изверженіи Епископа Софонія. Владыко Антоній! Зрите свое лукавое беззаконіе, хитросплетенный обманъ и клеветы на своего Святителя. Митрополитъ таковой бумаги никогда не присылалъ и даже не думалъ писать. Клеветницы Епископы не бываютъ, а вы клеветаете на Митрополита Кирилла и невиннаго Епископа Софонія. Вотъ что пишетъ о семъ Митрополитъ Кириллъ въ письмѣ своемъ, отъ 12 Мая, 1864 года, къ Епископу Софонію: «Боголюбивому Епископу и многотщательному ревнителю по благочестію, Софонію, свое Архипастырское благословеніе.» Далѣе продолжаетъ онъ: «Увѣдомляю васъ, сослужебниче мой, Софоніе, что былъ у меня Пафнутій,¹ Епископъ Казанскій, и сказывалъ мнѣ, яко бы они оскорбили тебя своимъ Соборомъ. Когда они собрались на свой незаконный Соборъ и

---

¹ Пафнутій, Епископъ Казанскій, до поступленія во иночество Полкартъ Овчяниковъ, родился Черниговской Губерніи въ Воронковомъ Посадѣ, отъ тамошнихъ мѣщанъ и крещенъ былъ въ Православной церкви. По возрастѣ своемъ перешелъ онъ въ Поповщинское Согласіе, и тамъ, по ветушенію во иночество, какъ хорошій проповѣдникъ, посвященъ во Епископа.

уговаривали тебя принять Окружное Посланіе, и ты не согласи-ся на принятіе онаго, то они положили тебѣ запрещеніе, чтобы не священнодѣйствовать. На что я отвѣчалъ Пафнутію при сви-дѣтеляхъ: Епископѣ Сергіѣ, Священноіереѣ Стефанѣ, Священно-нокѣ Арсеніѣ, что я таковое ихъ запрещеніе признаю противо-законнымъ и не согласнымъ съ Правилами Святой Церкви, а Епи-скопа Софронія почитаю ревнителемъ древлеистиннаго Благоче-стія, поборникомъ и заступникомъ Святой Церкви Христовой, и за его таковую ревность да сподобится онъ отъ Бога и всѣхъ Святыхъ благодати Сватаго Духа, нашего же смиренія Архипа-стырскій миръ и благословеніе, и ни кто же не можетъ безъ на-шего смиренія наложить ему запрещенія.»¹⁰ Для чего же вы подложною грамотою клеветаете на Митрополита Кирилла, буд-то бы онъ согласенъ былъ съ вами на изверженіе Епископа Софронія?

Сколько вы ложныхъ бумагъ составили отъ имени Митропо-лита Кирилла, за фальшивою подписью его руки и приложеніемъ тожъ фальшивой именной его печати, наполняя таковыя бумаги разными лжами, клеветами, хулами и порицаніями на санъ Свя-тительскій, и послѣ разсылали ихъ нашимъ Христіанамъ, кото-рые, по невѣдѣнію своему, впадали въ заблужденіе, или въ со-мнѣніе, и даже многіе обращались къ единовѣрїю! Таковыя бого-противныя дѣянія ваши ведутъ васъ къ конечной погибели. Зрите о семъ: «Егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь, и отецъ лжи есть иже, лукавый человекъ, отъ лукаваго сокровища из-носитъ лукавое, погубити вся усты лживыхъ; иже утверждается на лжахъ, сей вѣтры пасеть, и уста глаголющихъ лжу убиваютъ ду-шу.» Альфа и Омега, глава 40. Святый Аванасій также пишетъ о лжахъ: «Всѣхъ лживыхъ общая ждетъ погибель.»

8. Вы пишете, что Митрополитъ Кириллъ прислалъ вамъ еще другую бумагу подъ названіемъ: «Опредѣленіе и разъясненіе на Окружное Посланіе», отъ 26 Іюня, 1863 года. Въ этой бумагѣ будто бы Митрополитъ пишетъ: «Чтобы Окружное Писаніе со-

¹⁰ Очеркъ Исторіи Псковщины съ 1846 года, въ «Чтеніяхъ», стр. 330 — 331, особо 132—133.

хранили во вѣки нерушимо. Аще кто дерзнетъ сіе нарушить, то на тѣхъ будетъ клятва Святыхъ Отець.» Спрашиваю васъ, Владыко Антоній, что вы оное посланіе нарушили, или ни? Аще нарушили, то клятву Святыхъ Отець на себя шложили и сами себя осудили, а по тому и эта бумага есть фальшивая.

9. Вы спрашиваете: «Какъ могли вы принять на себя именованіе Епископа Московскаго, тогда какъ Святительскій престолъ Московской Іерархіи занятъ былъ соборнѣ мною и утвержденъ я въ этомъ званіи Митрополитами Амвросіемъ и Кирилломъ?» Отвѣчаю на это: вы сами въ 1861 году, Августа 10 дня, подали отъ себя Освященному Собору бумагу, въ которой объяснили, что вы добровольно слагаете съ себя управленіе церковными дѣлами; что за ваши поступки совѣсть и законъ воспрещаютъ вамъ быть правителемъ столь великихъ дѣлъ, и что вы съ сего же часа слагаете съ себя, передъ всѣми боголюбивыми Святителями, врученное вамъ отъ Митрополии всея Россіи церковное правленіе и самое старѣйшинство. Зрите о семъ Правила Святыхъ Отець: «Евстаоій, Епископъ Памфилійскій, убогъ сый и не могій церковныхъ вещей правити и находящаго тамъ попеченія строити и управлати, таковыхъ отречеся церковныхъ вещей правленія, рече, остави Епископію писаніемъ;» ниже: «и потомъ на Евскій Соборъ прииде, моля и кланаяся, на Епископію хотяше пакы прити; аще бы и просилъ Епископію, пакы не быша его послушани, единою тоя отречеся.» 9 правило Третьяго Вселенскаго Собора. Такъ и вы, Владыко Антоній, сперва отречеся письменно отъ управленія церковными дѣлами всея Россіи, а потомъ опять самопроизвольно вступили на Московскую кафедру и начали управлять церковными дѣлами вопреки Соборныхъ правилъ, которыя таковымъ воспрещаютъ быти Епископами. Аще бы вы и соборнѣ просили, умоляли и плакали, яко же выше сказано о Епископѣ Евстаоіи, то и тогда не должно было бы Собору васъ слушати и избирать вторично на Святительскій престолъ.

10. Еще вы пишете, что я, будто бы изъ зависти, порочилъ Пафнутія, Епископа Казанскаго и Коломенскаго. Нѣтъ, я его не порочилъ; вы, вмѣстѣ съ нимъ, сами себя опорочили, отдавши Святительскій санъ на позоръ мірскихъ судей: «Епископы,

или Пресвитеры, или Діаконы, въ грѣховныхъ вещахъ оклеветаемы суще, аще оставятъ тѣ церковныя суды и къ мірскимъ судіямъ прибѣгнуть, и суждени будутъ, свой чинъ погубятъ; аще ли и оправлени бывше Градскимъ Судомъ, и тѣ тому приложившеся, свой чинъ погубятъ.» 15-е правило Карфагенскаго Собора. А когда вы судилися съ Епископомъ Пафнүтіемъ, прибѣгали къ мірскимъ судіямъ и просили у нихъ защиты, то, слѣдовательно, вы, по выше приведеннымъ Правиламъ, свой чинъ погубили и остались простецами. А равно и Митрополитъ Кириллъ, въ грамотѣ своей отъ 2 Ноября, 1863 года, въ 5-ти пунктахъ повелѣваетъ Епископамъ Пафнүтію и Онуфрію быти въ запрещеніи присно и неизмѣнно, дондеже не принесутъ нашему смиренію чистосердечнаго раскаянія и не испросятъ прощенія въ своемъ сопротивленіи, а по тому до того времени считатьъ ихъ и всѣхъ приобщающихся къ нимъ Священноіереевъ подъ запрещеніемъ. «Не приобщенну приобщаяся, самъ не приобщенъ.» 9-е правило Карфагенскаго Собора.

11. Еще я получилъ отъ васъ бумагу, писанную отъ 26 Декабря, которою вы спрашиваете наше смиреніе, по чему я не являюсь на 4ашъ Соборъ? Разсматривая церковныя дѣлія ваши, и соображаясь съ правилами Соборныхъ постановленій, я считаю, что именуемый вами соборъ не есть законный, достаточный. А равно возстановленіе уничтоженныхъ вами довѣрительныхъ грамотъ и снятіе наложеннаго запрещенія, учиненныхъ вопреки священныхъ канонѣвъ, признаю противозаконными; такъ же переводеніе и возведеніе на Московскій Престолъ Вашего Высоконпресвященства, Епископа Онуфрія и всѣхъ прочихъ священныхъ лицъ, находящихся подъ вашимъ управленіемъ, полагаю не дѣйствительными и не согласными съ правилами Святой Соборной и Апостольской Церкви, а по тому таковыя дѣлія ваши не могутъ быть признаны никогда мнѣ смиреніемъ и прочими Православными Архіереями за правильныя и дѣйствительныя.

¹¹ Тамъ же, стр. 30у и слѣд., особо 111 и слѣд.

Вамъ извѣстно о присланной бумагѣ, что она была фальшивая ¹² и привезена Епископомъ Іустиномъ и Іеродіакономъ Ипполитомъ, яко бы отъ Митрополита Кирилла. Если бы сія бумага была правильная и довѣрители были благонамѣренные люди, то не было бы раздору во Святей Церкви. Отъ Митрополита Кирилла дѣйствительно послана была грамота, въ которой предписано было, по приѣздѣ довѣрителей въ Москву, приступить къ выбору на Московскій престолъ законнаго Епископа; ибо Митрополитъ Кириллъ считалъ тогда Московскій престолъ упраздненнымъ. Но вы не послѣдовали предписанію Митрополита, а содѣлали большой раздоръ между Христіанами.

12. Вы пишете, что Митрополитъ Амвросій, въ грамотѣ своей, отъ 28 Октября, 1863 года, ¹³ признавши всѣ дѣйствія и постановленія Всероссійскаго Освященнаго Собора, утвердилъ подписью своей руки и приложеніемъ иманной печати, ваши два сочиненія: «Опредѣленіе» и «Разъясненіе на Окружное Посланіе и Соборное дѣйствіе.» Напрасно вы глаголете неправду: Георгій Андреевичъ самъ сказывалъ мнѣ: когда твои посланные: Епископъ Іустинъ и Іеродіаконъ Ипполитъ, прибыли съ вашими бумагами въ городъ Цали, къ его родителю, Митрополиту Амвросію, за 15 дней до его кончины, тогда онъ былъ очень нездоровъ и едва могли поднять его съ постели: то какъ же онъ могъ подписывать и утверждать ваши бумаги, когда не имѣлъ силы сидѣть на постели? Оставьте ложь, не клеветайте на покойнаго!

13. Еще спрашиваете наше смиреніе: «По какимъ правиламъ вы съ нами не совокупляетесь? Или у васъ на это есть предписаніе отъ Митрополита Кирилла?» Да, у меня есть предписаніе Митрополита, который, въ грамотѣ своей, отъ 26 Іюля, 1864 года, ¹⁴ пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Богослуженіи же не сообщаться съ тѣми, которые приняли разныя новшества и Окружное Посланіе, а равно съ Епископы и Священники; кото-

¹² Тамъ же, стр. 319—323, особо 121—125.

¹³ Тамъ же, стр. 306—309, особо 108—111.

¹⁴ Тамъ же, стр. 332, особо 134.

рые единомышленники новшества, не соединяться, и ни какихъ требъ и Таинствъ отъ нихъ не принимать, и сообщенія съ ними имѣть не благословляю.» Того ради мы съ Вами и не совокупаемся.

14. Еще вы пишете, что Окружное Посланіе было вами уничтожено соборнѣ 11 Октября, 1865 года, сицевыми словами: «Окружное Посланіе уничтожаемъ, опровергаемъ и яко не бывшее вибняемъ.» Вопрошаю васъ: Сознаете ли себя виновными, что вы чрезъ Окружное Посланіе сотворили раздоръ во Святѣй Церкви, или нѣ? Сознаете ли, что за сіе, изданное вами, Окружное Посланіе вы согрѣшили предъ Царемъ Небеснымъ, или нѣ? Аще вы отъ чистаго сердца уничтожили Окружное Посланіе; и по этому сознали его неправильнымъ и богопротивнымъ, то по чему же вы не подписываетесь, чтобы съ пріемлющими оное Посланіе не имѣть сообщенія въ моленіи? Аще ли не отъ чистаго сердца, а съ лукавствомъ, уничтожаете Окружное Посланіе, то вспомните, что сказано выше о лжѣ: «Лжущіе всѣ потребятся.»

Если вы сознаете себя согрѣшившими, принесете истинное раскаяніе Господу Богу, испросите у Православныхъ Христіанъ прощенія, чистосердечно уничтожите Окружное Посланіе, съ пріемлющими оное, какъ съ противниками Церкви Христовой, не будете имѣть сообщенія въ моленіи, и о всемъ ономъ утвердите подписями рукъ своихъ, то мы съ радостію и душевнымъ чувствомъ Христіанской любви соединимся съ вами въ единомысліи, и примемъ васъ въ нѣдра Святой Православной Церкви.

15. Еще вы пишете о раздираніи Церкви: «яко и мученическая кровь не загладитъ сего грѣха.» Теперь подобаетъ намъ разсмотрѣти нелицемѣрно, кіи Епископы, или Священники, считаются раздирателями Церкви Христовой? «Отъ Царской цаты, отъ воображеннаго образа, аще малу частку отыметъ, всю златницу ложну творить; такжеде елицы здравыя вѣры зѣло малу частку развратятъ, во всемъ сокрушатся, и отъ сего всегда къ горшему происходяща» и пр. Апостолъ Толковой, зачало 199, листъ 733. Тѣмъ же лучше намъ готовыми орудіями защищаться, яже суть отъ Православныхъ книгъ изданы, тѣми довлѣтися, а не ново-

умышленны и не свидѣтельствованы воспринимати.» Ниже: «Аще и не противная возвъстятъ, или превратятъ все, аще и мало нѣчто благовѣтствуютъ паче, еже благовѣстикомъ, аще и худое что подвигнутъ, апаѡема да будутъ.» — Кѣи же не разнственное дающихъ себѣ Церковь раздирающимъ, аще убо и догматы имутъ не противныя, и сего ради не подобаетъ съ онѣми смѣшиватися, аще тояже мудрствуютъ, много паче по что за не? Любоначалство есть недугъ.» Алфа и Омега, глава 2, листъ 82 и 83. Теперь зрите прилежно и нелицемѣрно, и испытуйте, кѣи Епископы, или Священники, считаются раздирателями Церкви Христовой? Священное Писаніе признаетъ только тѣхъ раздирателями, которые вводятъ новое, или превратное, ученіе Церкви Христовой, то есть: «новыхъ вещей вводяще», какъ сказано выше. А какъ Окружное Посланіе, составленное вами, есть нововводное, которымъ вы произвели между Христіанами волненіе и раздирательство, то, сдѣловательно, вы сотворили себя раздирателями Церкви Христовой, и по сему, аще не покаетесь, то и кровь мученическая не загладитъ грѣха вашего.

16. Вы пишете, на полученныя бумаги отъ 2-го Августа, 1862 года, 24 Февраля и 26 Іюня, 1863 года, о разныхъ лживыхъ донесеніяхъ и клеветахъ на наше смиреніе. Объ этомъ объяснено въ началѣ нашей бумаги и еще въ 8 пунктѣ.

17. Еще вы пишете отъ Новыхъ Заповѣдей Іустиніана Царя: «Клеветникъ же, аще есть причетникъ, да извержется отъ своей степени.» Вспомните о себѣ, сколько разъ вы, съ Епископомъ Пафнутіемъ, клеветали другъ на друга и разсылали между Христіанами лживыя бумаги, наполненныя извѣтами и клеветами, за что въ 1861 году вы съ Пафнутіемъ были судимы Освященнымъ Соборомъ, который, снисходя на ваше раскаяніе, простилъ васъ и заповѣдалъ впредь сего не творити! Читая ваши клеветы и лживыя донесенія другъ на друга, нельзя, безъ сокрушеннаго сердца, изобразить оная перомъ. Если смягчить представленные вами другъ на друга обвиненія въ вашихъ преступленіяхъ и сдѣлать лицепріятіе, то симъ ясно нарушены будутъ слова Божественнаго Учителя, рекшаго: «Не на лице зряще судите, по правильный судъ судите.» и попираемы будутъ правила Святоотеческія. Если

судить ваши вины законно, то необходимо нужно будетъ предать васъ или запрещенію, или изверженію отъ сана. Зрите о семъ вами приведенныя правила Святыхъ Отець о клеветахъ: тѣмъ вси обращаются на васъ.

18. Вы спрашиваете: «На какомъ основаніи вы соединяетесь съ тѣми Епископами, которые находятся подъ запрещеніемъ? Отвѣчаю: «Аще который Епископъ, или Пресвитеръ, или Діаконъ, отъ Несторія Священства лишень, той преосвященъ есть, а его же онъ пріязль, той не освященъ.» Кормчая, правило 3 Третьяго Вселенскаго Собора. «Не обличеннаго о грѣхѣ, общенія лишивъ Епископъ, лишень и самъ такожде общенія къ другимъ.» Толкованіе: «Аще который Епископъ причетника своего отлучить, не обличенна бывша о грѣсѣ, но токмо отъ своея совѣсти осудить, отлучень будетъ и самъ» и проч. Правило 134 Кароагенскаго Собора. А какъ вами осуждены были помянутыя Священныя лица безъ всякой причины и вины, единственно по страсти вашей, то по сему 134-му правилу, вмѣсто ихъ, вы сами подлежите сему наказанію и лишаетесь всякаго общенія съ Православными Христіанами.

19. Еще спрашиваете наше смиреніе: «Дѣйствительно ли мы рукоположили во Священники четырехъ лицъ?» Напрасно вы утруждаете себя таковымъ неправильнымъ вопросомъ, по тому что я имѣю законную власть въ своей Епархіи поставляти во Священники, по данной мнѣ грамотѣ отъ Господина Митрополита.

20. Еще пишете вы о Священноіерей Георгіи и о его противозаконныхъ, будто бы, поступкахъ. Въ оправданіе Священника Георгія, отвѣчаю вамъ: Не подобаетъ Епископу безъ испытанія клеветати и вскорѣ вѣру яти. Сколько вы ни писали на него обвиненій, всѣ они въ послѣдствіи оказались ложными. Здѣ о немъ предлагаю выписку: «Священноіерей Георгій Масляевъ былъ житель Воронковскаго посада; онъ рукоположенъ въ Священники Господиномъ Митрополитомъ Кирилломъ Бѣлокриницкимъ и находился при церкви въ Молдавіи, подъ паствою Архіепископа Аркадія Васлуйскаго. Въ одно время оный Георгій, испросивъ благословеніе у своего Архіепископа, съѣздить на свою

родину, въ Воронки, для распоряженія своего имущества, отправился въ свой посадь. По приѣздѣ его на родину, всѣ жители обрадовались его приѣзду. А какъ жители посадовъ Воронки и Лужки въ то время, не имѣя у себя Священниковъ, стали просить его остаться у нихъ навсегда, Георгій сказалъ имъ, что онъ безъ благословенія Митрополита остаться у нихъ для священнодѣйствія не можетъ. Послѣ того жители, чрезъ посредство Архіепископа Аркадія, просили благословенія объ этомъ у Митрополита Кирилла, который грамотою своею и предписалъ Священноіерею Георгію остаться навсегда для богослуженія въ означенныхъ посадахъ Воронки и Лужки, на что онъ и въ настоящее время имѣетъ двѣ бумаги. А что онъ не подчинился Епископу Конону, тому была причина та, что Кононъ въ то время былъ взятъ подъ арестъ Правительствомъ, и Георгій ожидалъ его намѣстника, для подчиненія оному. Между тѣмъ Георгій получилъ отъ Господина Митрополита бумагу, въ которой пишетъ ему, чтобы онъ не имѣлъ сообщенія въ Богослуженіи и молитвѣ съ тѣми Епископами, священными лицами и мірскими людьми, которые приеютъ Окружное Посланіе. По полученіи таковой бумаги, онъ, Георгій, не смѣлъ подчиниться Духовному Совѣту, бывшему въ Москвѣ, по тому что оный Совѣтъ въ то время издалъ отъ себя Окружное Посланіе. Въ слѣдствіе сего Духовный Совѣтъ наложилъ на него запрещеніе отъ всякаго священнодѣйствія, какъ на противника Окружному Посланію, и предписалъ ему, чтобы онъ, Георгій, на разрѣшеніе обратился къ своему Епископу Антонію. Еще Духовный Совѣтъ обвиняетъ Священноіерея Георгія безвинно въ томъ, что онъ будто бы противозаконно совершилъ бракосочетаніе. Изъ Обояни ¹⁵ въ Воронки прибыли два семейства для бракосочетанія. Священноіерей Георгій, какъ слѣдуетъ, всѣхъ прибывшихъ допросилъ накрѣпко, что нѣтъ ли между женихомъ и невѣстою какого сродства, и они объяснили ему, что хотя и есть сродство, но только самое дальнее. Георгій, по обсужденія объ этомъ съ своими причетниками, не нашелъ ни какого сродства, и совершилъ бракосочетаніе. На другой день брака Георгій получилъ изъ Обояни распечатанное письмо, кото-

¹⁵ Курской Губерніи.

рое прислано было за шесть дней до бракосочетанія, на имя при-
вмлющаго Окружное Посланіе, Павла Герасимова, жившаго въ
Лужкахъ, разстояніемъ отъ Воронковъ въ пяти верстахъ. Въ
этомъ письмѣ сообщено было, что изъ Обоини отправились въ
Воронки два семейства для бракосочетанія, и что между ними есть
ближайшее сродство.» Это письмо приводитъ насъ въ большое
сомнѣніе, по тому во первыхъ: почему оно прислано было съ
Обоини не запечатанное, которое могъ читать всякой, и на имя
Окружника? и во вторыхъ, по чему оно продержано шесть дней-
и не доставлено въ свое время? Это очень ясно, что Павелъ Гера-
симовъ, какъ Окружникъ, хотѣлъ изъ зависти оклеветать Священ-
ника Георгія.

Прочитавши всѣ ваши двадцать пунктовъ, и опровергнувши
оныя, какъ ложно и превратно написанные, привожу вамъ сви-
дѣтельства отъ Божественнаго Писанія о вашемъ неправильномъ
и неблагословенномъ Соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ, и о всѣхъ ва-
шихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ: «Соборъ убо есть се: егда
пять Патріарховъ утверждаютъ едину вѣру и одно слово; аще ли
отъ нихъ единъ оскудѣетъ, или не покорится Собору, то Соборъ
той не есть Соборъ, но сонмище и раздоръ суетень и непокор-
ливъ, зриши сонмищу, имъ же поучашася, хищницы, а не па-
стыріе, на Христову Церковь. Аще хочещи о томъ увѣдати из-
вѣстно, яко сонмище есть суета, а не Соборъ, испытай же и
навыкни, яко своего Патріарха, недостойнаго Патріархомъ звати-
ся, изверже и отрину.» Соборникъ большой въ недѣлю первую
Святаго поста, Іоанна Дамаскина, листъ 333. «Безъ своего ста-
рѣйшаго ни что же да творятъ Епископи.» 34 правило Свя-
тыхъ Апостолъ. «Съ Митрополитовою волею подобаетъ Еписко-
помъ творити все, и безъ того промышленія ни что же строити.»
Правило 9 Антиохійскаго Собора. «Соборъ бываетъ, идѣже по-
велитъ Митрополитъ.» Правило 19 Четвертаго Вселенскаго Собора.

Кто не посмѣется вашему Собору, который собранъ былъ
самопроизвольно, безъ благословенія Митрополита Кирилла, а рав-
но и безъ его разрѣшенія на священнодѣйствіе запрещенному
Епископу Онуфрію, который, будучи простецъ, присутствовалъ
на Соборѣ, яко Епископъ? Зрите о семъ отъ выше приведенныхъ
Правилъ Святыхъ Отецъ, что таковой Соборъ не можетъ быть

пріятенъ Богу, и не подобаетъ его нарицати Освященнымъ Соборомъ, а развѣ сонмище Іудейское. Того ради и Епископъ Софроній не послѣдовалъ вашему душепагубному ученію, не принялъ ваше Окружное Посланіе, и не явился къ вамъ на Соборъ.

Подобаетъ убо вамъ оставити свой беззаконный Соборъ, взяти благословеніе отъ Митрополита Кирилла и утвердити едину вѣру и едино слово въ Церкви Христовой; ибо Святыи Іоаннъ Дамаскинъ, какъ сказано выше, пишетъ: «Аще единъ не покорится, то не можетъ быть Соборъ, но сонмище и раздоръ суетенъ и непокорливъ, зри сонмищу, имъ же поучашася хищницы, а не пастыріе.» Зрите о себѣ: васъ Святыи Дамаскинъ нарицаетъ не Епископами, а хищниками, понеже вы на своего Митрополита возсташа, яко же и ти на своего Патріарха. Митрополитъ Кириллъ писалъ вамъ въ посланіи своемъ. ¹⁶ «Вонмемъ, како гласитъ Святое Евангеліе о чловѣкѣ, отъ котораго происходитъ соблазнъ: тому лучше бы навязать на выю жерновный камень и потопить въ водѣ, аще единого отъ малыхъ соблазнить.» Если кто единого отъ малыхъ соблазнить, гсворитъ Спаситель, лучше тому навязать на шею жерновный камень и потопить въ водѣ: а вы соблазнили всю вселенную своимъ еретическимъ мудрованіемъ и хитросплетеннымъ своимъ Окружнымъ Посланіемъ. Какому наказанію удостоились вы? Ни чему иному, по Церковнымъ Правиламъ, какъ слѣдуетъ предать васъ Церковному отлученію и вѣчному проклятію, какъ еретиковъ и богопротивниковъ.

Образумься, Антоній, и вспомни о себѣ, когда ты, во время своего поставленія, стоявши на орлѣ, общался, послѣ чтенія Символа Вѣры, исповѣдывати и соблюдать Церковный миръ, на единымъ же правомъ не противитися, мудрствовать и повиноватися Высокопреосвященнѣйшему Господину своему, Митрополиту Кириллу Бѣлокриницкому: «Но аще ли преступлю что едино отъ сихъ, здѣ писанныхъ, то лишень буду своего сана и данной мнѣ власти, безъ всякаго извѣта и слова.» Еще вспомни, Владыко Антоній, о своемъ запрещеніи, которое Митрополитъ Кириллъ грамотою своею наложилъ на тебя: «Азъ, смиренный Митрополитъ, запрещаю васъ отъ всякаго священнодѣйствія, за ваше самоволь-

¹⁶ Тамъ же, стр. 320, оообо, 122.

ное и беззаконное соборище, которое возмутило всю вселенную. Аще послушаешь мене, приидешь ко мнѣ со смиреніемъ и принесешь истинное раскаяніе во всѣхъ прегрѣшеніяхъ своихъ, то да примешь отъ Бога, отъ всѣхъ Святыхъ и отъ моего смиренія, прощеніе, благословеніе и разрѣшеніе въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Аминь.» А ты, находясь въ запрещеніи, не внимаешь гласу Церкви: самовольно священнодѣйствуешь, дерзаешь поставляти во Священники и Діаконы и раздираешь Церковь Христову, яко еретикъ и самозванецъ. Таковое безчиніе подобаетъ ли творити Архіепископу, къ тому же отрешенному отъ сана своего и погубившему оный своими дѣяніями? А равно и запрещенному Епископу Онуфрію подобаетъ ли такового безсановнаго Архіепископа, погрязшаго въ своихъ беззаконіяхъ, переводити на Москву и дозволити ему священнодѣйствовать? «Моляйся съ отлученными, самъ также да отлученъ будетъ.» Правило 10-ое Святыхъ Апостолъ. «Моляйся со изверженными, самъ также осужденъ будетъ.» Правило 11-ое Святыхъ Апостолъ.

Еще здѣ приводимъ изъ вашей соборной бумаги о Епископахъ: Софронія и Сергія, ¹⁷ которые будто бы подлежатъ, по Правиламъ Святыхъ Отецъ, конечному изверженію до той степени, аще бы они подвизались и мертвыхъ воскрешали, но священнодѣйствовати отнюдь не могутъ, отъ Церкви да отсѣкуются и священнодѣйствія ихъ будутъ считаться, яко дѣйствія самозванцевъ, не имѣющихъ хиротоніи. А когда изверженный вами Сергій, въ Іюль мѣсяцѣ прошлаго 1864 года, пріѣхалъ на вашъ беззаконный Соборъ и согласился съ вами въ единомысліи, то вы приняли его за истиннаго и Православнаго Епископа, ликовали съ нимъ и вмѣстѣ творили молитву, а 28 Сентября того же года, сей, изверженный вами, Сергій, подписался къ вашей соборной бумагѣ: «Смиранный Епископъ Сергій.» И вы, скрѣпивши ее подписями рукъ своихъ, показывали всѣмъ и говорили, что эта бумага есть душеспасительная, умиротворяющая всѣхъ Православныхъ Христіанъ и ведущая къ общему спасенію; но ведетъ она къ общей гибели, по тому что вы сами сперва извергли Сергія изъ сана Святительскаго, а послѣ, изъ своего властолюбія,

¹⁷ Тамъ же, стр. 293—299, особо 95—101.

вмѣстѣ съ нимъ ликовали и молились, какъ съ Православнымъ Епископомъ, то, по выше приведеннымъ правиламъ, 10-му и 11-му Святыхъ Апостолъ, вы сами подлежите тому же изверженію священнаго сана и отлученію отъ Церкви. Теперь обратимся къ Епископу Софронію, которому вы въ 1861 году поручили въ управленіе три Епархіи, и просили его принять Окружное Посланіе, явиться на Соборъ и быть въ единомысліи съ вами. Но Софроній, какъ истинный пастырь, не послѣдовалъ вашему совѣту и остался вѣрнымъ блюстителемъ Православной Церкви и ея словеснаго стада. За что вы осудили его изверженію Епископскаго сана, и послѣ ложно писали о немъ, въ 1863 году, будто бы Господинъ Митрополитъ Кириллъ освободилъ его, по преклонности лѣтъ, отъ всякаго правильнаго суда Церковнаго, а сами между тѣмъ долгое время братски увѣщевали соединиться съ вами въ единомысліи. Здѣ нужно замѣтить: аще бы Софроній, яко Сергій, послѣдовалъ вашимъ совѣтамъ, соединился съ вами въ единомысліи и явился на ваше душесгубное соборище, то и онъ былъ бы у васъ истиннымъ и Православнымъ Епископомъ. Очень понятно для каждаго здравомыслящаго Христіанина, что вы предали его Церковному суду и изверженію токмо за то, что онъ не послѣдовалъ вашимъ мудрованіямъ и еретическимъ нововведеніямъ: «Іоаннъ же не хотяше на Соборъ ити къ нимъ, аки ко врагамъ, видя же ихъ безстыдную мысль, уклонися отъ нихъ; отвѣщаша на блаженна Іоанна и извергоша и, ни лица ему видѣша.» Аще бы Іоаннъ Златоустъ покорился неправильному Теофилову Собору, то не осудили бы его изверженію. Но онъ не послуша ихъ неправильнаго изверженія, поиде со кресты и со Христіани служити, за что онъ великой чести сподобился отъ Царя Небеснаго.

Еще вы, въ томъ же 1861 году, на своемъ Соборѣ осудили невиннаго Пафнутія, Епископа Казанскаго, тоже за неприятіе вашихъ новшествъ, и подвергли его 52-му правилу Святыхъ Апостолъ. Но и такое изверженіе ваше, по выше приведенному примѣру, угодобляется Теофилову Собору, на которомъ извергли отъ сана и Святаго Іоанна Златоустаго. Ибо Правила Святыхъ Апостолъ гласятъ: «Аще котораго Епископа, или Священника, извергнутъ отъ сана своего неправильно, то такое изверженіе по-

слѣдуетъ на тѣхъ судей, которые неправильно осудили.» Напротивъ того, вы своего единомышленника и злаго окружника, Варлаама, Епископа Балтовскаго, не только что не предали Церковному суду, за его беззаконныя дѣйствія,¹⁸ но даже благодарили его, что онъ насильственными своими мѣрами принуждалъ инокъ Кореневскаго монастыря къ принятію Окружнаго Посланія. Его по Церковнымъ Правиламъ слѣдовало бы предать конечному изверженію и отлученію отъ общенія съ Христіанами, яко еретика.

Еще вы, Владыко Антоній, поставили во Священники одного крестьянина Нижегородской Губерніи, именовъ Захарія; 26 лѣтъ, на какомъ основаніи? Въроятно, по Окружному Посланію, а Правилами Святыхъ Отецъ ставити во Священника мо-
лоде 30 лѣтъ воспрещается. «Пресвитеръ прежде 30 лѣтъ да не ставится;» и ниже: «Вси сіи изверженію повинны бываютъ.» Правило 14 и 15 Шестаго Вселенскаго Собора въ Толкованіи. Той же Священникъ Захарій въ одно время отречеся своего сана, а вы, вмѣсто должнаго изверженія, дали ему токмо заповѣдь не ясти мяса и дозволяли ему священнодѣйствовать. Это тоже, видно, на основаніи Окружнаго Посланія, а не по Правиламъ Святыхъ Отецъ.

Священники Козьма и Феодоръ, также отказавшись сами добровольно отъ священнодѣйствія, нынѣ опять священствуютъ, по вашему благословенію.

Священникъ Аркадій, до своего поставленія, вѣнчанъ былъ на вдовѣ, и теперь священнодѣйствуетъ, яко достойный Іерей, а 18 правило Святыхъ Апостолъ таковыхъ вѣстамата воспрещаетъ!

Священникъ Матвей Новозыбковскаго прихода, въ прошломъ году, подписавшись къ одной бумагѣ чужимъ именемъ: «Матвѣемъ Кушнеровымъ,» нынѣ служитъ обѣднъ и исправляетъ разныя грѣбы «Причетническаго имени отвергшийся, и обратився пакы, яко простой человекъ, примется.» Въ Толкованіи: «Аще отвержется

¹⁸ Тамъ же, стр. 324—329, особо 126—131.

своего имени, да извержется отъ сана своего.» 62 правило Святыхъ Апостолъ.

Коломенскій Священникъ, Павелъ Никифоровъ, избивши родную свою сестру и подбивши ей глаза, священнодѣйствуетъ.

Бронницкій Священникъ, Ермилъ Яковлевъ, избивши свою Попадью, о чемъ донесено было Вашему Высокопреосвященству, нынѣ также священнодѣйствуетъ: «Святитель вѣрнаго, или невѣрнаго, бивъ, да извержется.» 27 правило Святыхъ Апостолъ. Всѣ сіи выше упомянутыя лица недостойны были прикасатися къ священнодѣйствію, и, по Правиламъ Святыхъ Отецъ и Святыхъ Апостолъ, должно было бы предать ихъ конечному изверженію, а вы допустили ихъ священнодѣйствовать, какъ достойныхъ пастырей и Священниковъ.

Ты явился между нашими Христіанами не блюстителемъ Благочестія и Церковныхъ преданій, но разорителемъ Святоотеческихъ и Апостольскихъ правилъ, и яко еретикъ Максимъ Кунякъ, который, раздравъ Церковь Божию многими мятежами и раздорами, готовъ былъ прощати вся согрѣшенія челоуѣкомъ. Смотри о семъ книгу Кормчую, листъ 86 на оборотъ, и 4 правило Втораго Вселенскаго Собора. Тако и ты унодобился оному еретикъ Куняку, и такъ же своимъ Окружнымъ Послаціемъ, раздравше Святую Церковь на многія части, готовъ прощати за деньги вся согрѣшенія своимъ Священникамъ, а всѣхъ ревнителей по Благочестію, какъ священныхъ, такъ и мірскихъ, лицъ, предать Церковному изверженію или отлученію. Да воздасть вамъ Господь Богъ и Праведный Судія по дѣломъ вашимъ! Апрѣля 26 дня, 1866 года.

Смиранный Антоній, Епископъ Московскій.

Довѣренныи въ лицѣ Епископа Московскаго Антонія, Священноіерей Василій Ивановъ Бухаринъ.

9.

Бесѣда объ Окружномъ Посланіи 1866 года.

Іюня 5-го дня, 1866 года, была бесѣда, въ домѣ Московскаго купца, Ивана Петрова Бутыкова, съ Антоніемъ, Архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ, Епископами Пафнутиемъ Казанскимъ и Варлаамомъ Балтовскимъ, съ сочинителемъ Окружнаго Посланія, Ларіономъ Егоровымъ, съ Семеномъ Семеновымъ, и съ прочими многими лицами, собранными по прошенію Уральскихъ жителей, въ томъ числѣ одного Казака, и прибывшихъ изъ разныхъ монастырей иноковъ и бѣльцовъ, для слушанія прѣвія и богословскихъ разсужденій объ Окружномъ Посланіи, то есть, съ пріемлющими и не пріемлющими оное Посланіе.

Вначалѣ Давыдъ Антиповъ и Евѣимъ Федоровъ спросили Архіепископа Антонія: «Что вы Окружное Посланіе уничтожили, или нѣтъ?» Антоній сказалъ: «Уничтожили.» Давыдъ Антиповъ возразилъ: «Что Вы въ немъ нашли несправедливаго?» Антоній отвѣчалъ: «Худаго въ немъ ни чего не находимъ.» Давыдъ Антиповъ опять спросилъ: «Чего ради вы его уничтожили?» Антоній отвѣчалъ: «Тебя ради, Давыдъ Антиповичъ.» На это Давыдъ Антиповъ возразилъ ему: «Ради одного человѣка не подобаетъ вамъ уничтожать Окружное Посланіе. Если вы сознаете въ немъ какую либо погрѣшность, то должны уничтожить его, и за изданіе онаго принести чистосердечное прощеніе, что было бы весьма полезнымъ, какъ для Церкви Христовой, такъ и для всѣхъ Православныхъ Христіанъ; а если не находите въ немъ ни чего противнаго установленію Святыхъ Отець, то за чѣмъ же, изъ одной лести для одного человѣка, и уничтожать его?» Тутъ Давыдъ Антиповъ, взявши Окружное Посланіе, прочиталъ въ немъ: «Обаче же и пишемое и провозносимое нынѣшними Греками и Россіянами тако: «Исусъ, хулити не дерзаемъ, и не нарицаемъ его именемъ инаго «Исуса и именемъ противника Христова, якоже нѣціи Безпоповцы зломудрствуютъ.»¹⁹ Что, сіе вы уничто-

¹⁹ Тамъ же, стр. 256, особо 58.

жаете, или нѣтъ?» Антоній сказалъ: «Я ни единого слова здѣсь не уничтожаю.» Давыдъ Антиповъ спросилъ: «Что же вы уничтожили?» Антоній отвѣчалъ: «Тетрадь.» Давыдъ Антиповъ еще спросилъ: «Вы говорите, что уничтожили тетрадь, а мы еще вопрошаемъ, что вы уничтожили Окружное Посланіе, и въ немъ положенныя статьи, которыя были писаны вами, или нѣтъ?» Антоній отвѣчалъ: «Я здѣсь не могу ни чего уничтожить.» Тутъ Семенъ Семеновъ, подтвердивши тѣ же слова, сказалъ, что «въ Окружномъ Посланіи положенный смыслъ изъ Священнаго Писанія мы не когда уничтожить не смѣемъ, и тѣхъ Христіанъ за еретиковъ считаемъ, которые, вопреки Священному Писанію, аломудрствуютъ.»

Послѣ того Давыдъ Антиповъ, обратившись къ народу, громко сказалъ: «Зрите, Православніи Христіане, и внимайте, вотъ какъ они уничтожаютъ Окружное Посланіе! Они не уничтожаютъ его, а только Православныхъ Христіанъ обманываютъ. Я, съ своей стороны, нахожу въ Окружномъ Посланіи много не Православныхъ мнѣній и нововодныхъ ересей, отъ которыхъ унаси насъ, Господи!» Тутъ Архіепископъ Антоній и Епископы Пафнутіи и Варлаамъ встали съ мѣстъ своихъ, подошли къ Давыду Антипову и спросили его: «Покажи намъ, какія есть ереси въ Окружномъ Посланіи?» Давыдъ Антиповъ, обѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, и взявши Сборникъ большой, началъ читать изъ слова Святаго Германа, Патріарха Константинопольскаго: «Вопрошана убо васъ, яко же Отецъ въ Сына, и Сынъ во Отца, тако и образъ въ крестѣ, и крестъ въ образѣ, да иже честному кресту честне поклоняются, иже челоукообразенъ сынъ, по видимому начертывается.» Листъ 313 и 315. Изъ приведеннаго мною текста видно, что Святой Германъ пишетъ о божественной иконѣ и о крестѣ трехъсоставномъ: «Яко же Отецъ въ Сынъ и Сынъ во Отца не раздѣляются!» а въ Окружномъ Посланіи написали противное Священному Писанію, и отняли образъ Господа нашего Ісуса Христа отъ поклоненія съ живѣтворящимъ крестомъ, и, вмѣсто образа, положили двухъчастный крестъ въ трехъчастномъ, и трехъчастный въ двухъчастномъ: «Но убо послѣди вольнаго распятія Христова, аще и отъ трехъ дровъ, аще и отъ единого, аще отъ злата, или сребра, или

мѣди и прочихъ металловъ творить Церковь Святая крестъ Христовъ, съ воображеніемъ плоти Его, равно пріемлется и почитается, или токмо единъ крестъ безъ плоти Христовы начертывается, яко же на антиминсахъ, на просфорахъ, на всемогущихъ хлѣбахъ, на артузѣ, на панагіарномъ хлѣбѣ и на иныхъ различныхъ церковныхъ вещахъ воображается: образъ того же креста Христова исповѣдуются, тѣмъ же и на самѣхъ главахъ Священныхъ траповъ поставляется.» ¹⁰ Это есть Латинская ересь, которая учитъ поклоняться двухъчастному кресту, яко же и трехъчастному. Еще тутъ заключается иконоборная ересь Льва Исаврянскаго, который училъ иконамъ не поклоняться, а кресту безъ изображенія на немъ образа поклоняться. Слѣдовательно, а вы въ своемъ Посланіи написали еретическое изъясненіе.»

Послѣ того Давыдъ Антиповъ, прочитавши изъ Толковаго Апостола: «Единъ хлѣбъ, едино тѣло есмь, мнози же многими, но единымъ.» Зачало 145. Еще изъ Златоуста: «Яко же отъ многихъ зернъ единъ хлѣбъ бываетъ, тако и мы мнози единымъ тѣломъ бываемъ, что есть хлѣбъ тѣло Христово, что же пріемлюще, тоже тѣло Христово.» Листъ 525, спросилъ ихъ: «А что еретичи тоже тѣло Христово, или нѣтъ?» Антоній отвѣчалъ: «Не Христово»; а Пафнугій подтвердилъ: «Однимъ тѣломъ, только они оскоружимъ». Давыдъ Антиповъ еще прочиталъ имъ въ Толковомъ Апостолѣ: «Хочу же васъ вѣдѣти, яко всякому мужу глава Христосъ есть». Зачало 147. И еще въ Златоустѣ: «Еда ли и Еллану ни како же, мы есмь тѣло Христово, и уды отъ части, и Онъ въшею главою есть, не судимъ же въ тѣлѣ Его, и Онъ главою нѣсть». Листъ 531, и спросилъ: «Что у еретиковъ едино тѣло съ Православными Христіанами, или нѣтъ?» Варлаамъ отвѣчалъ: «Очень понятно, что нѣтъ.» Давыдъ Антиповъ возразилъ: «Какъ же вы написали въ Окружномъ Посланіи, что Иновѣрные Христіане равно вѣруютъ съ нами въ Господа Бога и Святую Троицу.» Господствующая нынѣ въ Россіи Церковь, а равно и Греческая, вѣруетъ не во много Бога, но во единого съ нами, Творца небу и земли, видимымъ же всемъ и невидимымъ. Глаголю же: Свя-

¹⁰ Тамъ же, стр. 258, особо 60.

тую Троицу единосущную и нераздѣльную: Отца безначальна, Сына собезначальна и Духа Святаго, сопредстольна.»²¹ Вы сами сознали, что у еретиковъ не едино тѣло съ Православными Христіанами, и, слѣдовательно, по Златоусту, Христось имъ не глава. Какъ же вы толкуете, вопреки Священнаго Писанія, и утверждаете въ своемъ Окружномъ Посланіи, что Иновѣрные Христіане съ Православными во единого Бога вѣруютъ, тогда какъ Св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: «Христось имъ не глава и главою бываетъ однимъ единовѣрнымъ», то кто же имъ главою бываетъ? Игъ Богъ? Потомъ, обратясь къ народу, сказалъ: «Смотрите, Православниі Окружники проповѣдуютъ два Бога!» Пафнутій на это сказалъ: «Православные Христіане есть тѣло Христово, а Иновѣрные, не тѣло Христово, но главою обоемъ Христось». Давыдъ Антиповъ спросилъ его: «Укажите изъ Священнаго Писанія, гдѣ такъ написано, чтобы у двухъ тѣлъ была одна глава?» Послѣ того, взявши книгу: «О правой вѣрѣ», началъ читать: «А сіе же и простѣйшимъ познати могутъ, яко во единомъ тѣлѣ двѣ главы не могутъ быти, и диво бы то было, обаче змѣю сіе свойственно есть.» Глава 7, листъ 57, и сказалъ: «Слышите, Святіи Владыки, что глаголетъ намъ Священное Писаніе: «Сіе подобіе есть не тѣлу Церковному, а змѣю двухлавному.» Сего не попусти, Господи, даже и помыслити намъ. Если у единого тѣла двѣ главы не бываетъ, то и у двухъ тѣлъ единой главы быти не можетъ.» Потомъ, обратясь къ народу, сказалъ: «Слышите, Православниі Христіане: у Окружниковъ еще новая ересь открывається, яко бы у тѣла Церковнаго есть двѣ главы!» Епископы, Пафнутій и Варлаамъ, возразили ему: «Давыдъ Антиповичъ! Кажется ты много заврался, или не понимаешь смысла Священнаго Писанія; а если понимаешь, то за чѣмъ же развращать слабые умы и волновать Церковь Христову, которая и такъ уже раздвѣсилась на три части: то есть, пріемлющихъ и не пріемлющихъ Окружное Посланіе, и пріемлющихъ Священство токмо отъ Великороссійской Церкви.» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Не мы раздраемъ Церковь Христову, но вы своимъ Окружнымъ Посланіемъ и еретическими новшествами поколебали Святую Церковь.» Архіепископъ Антоній, вставши съ мѣста

²¹ Тамъ же, стр. 253, особо 55.

своего, ударилъ его по плечу и сказалъ: «Послушай, почтенный Давыдъ Антиповичъ: скажи намъ, какъ передъ Богомъ, какія мы ввели еретическія новшества? Всѣ наши доказательства основаны на текстахъ Священнаго Писанія; для чего же намъ хулить и порицати все Святое, какъ то: четвероконечный крестъ и трехперстное сложеніе?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Въ Окружномъ Посланіи всѣ слова, приведенныя вами, ложно истолкованы еретическимъ мудрованіемъ; да вы и сами сознали себя еретиками, когда приводите во свидѣтельство Слово 10-ое Максима Грека: «Аще же не по всему согласуютъ, ниже сошествуютъ съ Богодухновенными Писаніи, яже отъ нѣкихъ писуемая книги, отрнути и гнущатися ихъ подобаетъ, аки хульныхъ и скверныхъ и Бога отъ насъ отлучающихъ.»²² Это свидѣтельство ясно обнаруживаетъ васъ чисто еретиками». Архіепископъ Антоній спросилъ: «По чему?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «По тому, что Окружное Посланіе написано не согласно съ духомъ Пророческимъ, Евангельскимъ и Апостольскимъ, а своимъ мудрованіемъ». Архіепископъ Антоній на это сказалъ: «Покажи намъ!» Тутъ Давыдъ Антиповъ подошелъ къ столу, взялъ книги и спросилъ: «А что, Владыки Святыи, если въ вашемъ Окружномъ Посланіи обратятся слова, не согласныя Священному Писанію, то это будетъ ересь, или нѣтъ?» Епископъ Пафнотій отвѣчалъ: «Конечно, ересь, только надо доказать». Тутъ Давыдъ Антиповъ, взявши Окружное Посланіе, показалъ въ немъ ложныя ихъ толкованія: на Соборникъ, листъ 135, на Евангеліе поучительное на Воздвиженіе Честнаго Креста, и на Кормчую книгу Шестаго Вселенскаго Собора, правило 73, и сказалъ: «Теперь видите ли, Святыи Владыки, ваше мудрованіе?» Архіепископъ Антоній и Епископы Пафнотій и Варлаамъ, пересмотрѣвши всѣ показанныя мѣста, сказали въ одинъ голосъ: «Нѣтъ, почтеннѣйшій, ты не понимаешь смысла Священнаго Писанія, съ тобой говорить только напрасно слова терять». Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ имъ: «Пускай такъ, что я не понимаю смысла Священнаго Писанія; но для чего вы ложно написали въ Окружномъ Посланіи: «Но и видѣже аще по прилучаю просто начертанъ, или сложенъ,

²² Тамъ же, стр. 249. особо 51.

есть видъ креста, и таковой убо еще и не почитается святодѣнъ, но обаче и не гаждается, и не безчестуется, яко же гласитъ 73 правило Шестаго Вселенскаго Собора.»²³ Тамъ этого совсѣмъ нѣтъ; тамъ сказано только о Животворящемъ Крестѣ, что на немъ распято и пригвождено было тѣло Господне, и что Крестъ Господень содѣланъ отъ трехъ дровъ: пегга, кедра и кипариса. Еще ложно показано въ Окружномъ Посланіи на Апостола Толковій, зачало 282, о просфорѣ, и на Вѣру книгу, листъ 195. Еще въ Окружномъ Посланіи вы написали свое мудрованіе: «И мы, безъ всякаго увѣщанія человѣческаго, пойдемъ ко общенію ед.»²⁴ Всѣмъ довольно извѣстно, что никогда Православные Христіане не ходили ко общенію съ Иноувѣрными Христіанами; но Иноувѣрные Христіане приходили по тѣ исправу къ общенію Православной Церкви. Егда вы пишете: «Изъ всего выше означеннаго прясно показуется, яко того же исповѣдуетъ Христа Сына Божія, единосущна Отцу, и нѣсть здѣ и невозможно подразумѣвати иного Бога, или иного Ісуса ни како же.»²⁵ Далѣе: «Сей Католикъ Святѣйшій Іосифъ, Патріархъ Московскій, въ 1757 году вторично издаде, и недокласна Дерковному праданію мнѣніа, яко же трехцарственное сложеніе, поливательное крещеніе и нововодное имя Ісусъ, изъ него исключи.»²⁶ Ваше Окружное Посланіе вслѣдъ тому окружить голову: вы сами пишете и сознаете имя Ісусъ нововоднымъ, сирѣчь, въ недавнее время введеннымъ, а равно и почитаете имя Ісусъ, введенное со время Апостольскихъ, и, слѣдовательно, у васъ оказывается два имени Сыну Божию, то есть: нововодное, или Ісусъ, и староводное, или Іоусъ; то какъ же вы соединили два имени единосущнымъ Отцу, и признали, яко бы Отецъ имѣлъ Сына младшаго и старшаго? Сіе дождованіе ваше относится прямо къ двумъ лицамъ. Таковаго мнѣніа не обрѣтается ни у Православныхъ Христіанъ, ни у прочихъ Вѣроис-

²³ Тамъ же, стр. 239, особо 61.

²⁴ Тамъ же, стр. 245, особо 57.

²⁵ Тамъ же, стр. 256, особо 58.

²⁶ Тамъ же, стр. 257, особо 59.

повѣданій, и даже не было у еретиковъ, чтобы они придавали Единосущному Отцу два Сына: младшаго и старшаго. Вотъ что пишеть о семъ Кириллъ Іерусалимскій, на листѣ 509: «Ниже Сына вчиняя въ созданіе, и Отца тварь прежде нареклъ есть, ниже новому убо въ перваго и содѣтельнаго и старѣйшаго Бога; опредѣляему новому же второму и Бога разлучаему и служителю и ону, сіа убо Аріева лукаваго сѣянія плоды». Здѣсь сказано: «служителю и ону», а въ Окружномъ Посланіи, «нововводное», и сіе тоже Отцу Единосущнымъ сотворили и себя вполнѣ Аріаномъ уподобили, которые признавали Бога Отца творцемъ небу и земли, Сына называли юнѣйшимъ, а Духа Святаго еще меньшимъ; а вы въ Окружномъ Посланіи нарекли Иисуса Сыномъ Божиимъ и потомъ называете Его «нововводнымъ». Если едино лице отъ Святыя Троицы признаете вы нововводнымъ, то по сему и Святая Троица будетъ у васъ нововводная, сирѣчь, начальная, а не безначальная. За таковое еретическое мудрованіе Святой Григорій Богословъ, въ Соборникѣ, на листѣ 732, называетъ Аріа «горши Жидовъ и горши самихъ бѣсовъ.» Тутъ Архіепископъ Антоній, вставши со стула и покачавъ головою, сказалъ: «Ахъ вы, зловердныя раздорницы и душепагубныя раскольницы и клеветницы на Церковь Христову!»

Послѣ того Давыдъ Антиповъ сказалъ: «А, правда, видно, глаза колетъ! Еще позвольте васъ спросить: для чего вы руководствуетесь неправильными бумагами и фальшивыми печатями? ²¹ Тако не подобаетъ творити Епископамъ въ Церкви Христовой. Вы составляли лживыя бумаги отъ имени Бѣлокриницкаго Митрополита Кирилла съ фальшивою подписью его руки и приложеніемъ фальшивой имянной его печати, и разсылали ихъ Московскимъ гражданамъ. Въ этѣхъ бумагахъ излагали вы, будто бы Митрополитъ писалъ запрещенія отъ священнодѣйствія Священникамъ и отлученія отъ Церкви мірянамъ, которые не будутъ принимать Окружнаго Посланія. Для чего вы такъ ложно дѣлаете? Писано бо есть: «Всякая ложь отъ діавола есть.» Можетъ ли кто сатанинскимъ духомъ отнять благодать у Святителя, чрезъ

²¹ Тамъ же, стр. 332, особо 134.

вашу фальшиво-вырѣзанную печать? Смотри на ваши душепагубныя дѣянія, очень понятно для каждого Православнаго Христианина, что вы въ своемъ Духовномъ Совѣтѣ бесѣдуете не съ Духомъ Святымъ, а съ сыномъ погибельнымъ, который воюетъ на Церковь Христову, собираетъ себѣ помощниковъ изъ челоуѣкъ лукавыхъ, дѣлаетъ ихъ своими сосудами и вселяется въ сердца совѣтники своя. Еще вы облыгаете Митрополита неповиннаго, будто бы онъ прислалъ къ вамъ бумагу, которою запрещаетъ Епископу Софронію отъ всякаго священнодѣйствія ²³ за то, что онъ не согласился съ вами единоудрствовать, и таковыя бумаги раздавали гражданамъ за дѣйствительныя.

Потомъ Евѣимъ Ѳеодоровъ, вставши со стула, подошелъ къ Архіепископу Антонію и спросилъ его: «Скажи, Владыко Антоній, по совѣсти, что Митрополитъ Кириллъ запрещалъ священнодѣйствовать Епископу Софронію, или нѣтъ?» Архіепископъ Антоній отвѣчалъ: «Это правда. Митрополитъ Кириллъ два раза запрещалъ Епископу Софронію священнодѣйствовать.» Евѣимъ Ѳеодоровъ еще спросилъ его: «Этѣ бумаги были у васъ съ фальшивою печатью, или съ настоящею Митрополитовою?» Архіепископъ Антоній отвѣчалъ: «Да, съ Митрополитовою.» Евѣимъ Ѳеодоровъ, вынувъ изъ за пазухи бумаги, показалъ ему и сказалъ: «Посмотрите, сами сознаетесь! Мы знаемъ достоверно, что этѣ бумаги фальшивыя, подложныя и съ фальшивыми печатами: мы не вѣрили имъ прежде, и теперь ни вѣримъ, да и вѣрить ни какъ не возможно, по тому что мы у Митрополита Кирилла власти не отымаемъ, не смѣемъ противиться ему и считаемъ его своимъ верховнымъ Святителемъ.» На это Иванъ Егоровъ Сонцевъ возразилъ: «Не слушайте, Православные: этѣ крамольники все врутъ; бумаги всѣ настоящія, дѣйствительныя.» Евѣимъ Ѳеодоровъ сказалъ: «Не горячись, Иванъ Егоровичъ; объ этомъ надобно узнать повѣрше. Вы говорите, что Митрополитъ Кириллъ запретилъ священнодѣйствіе Епископу Софронію, а мы говоримъ, что нѣтъ, и въ доказательство имѣемъ отъ Митропо-

²³ Тамъ же, стр. 293 и слѣд., особо 95.

га бумаги, ²⁹ изъ которыхъ видно только, что онъ благодаритъ вронія за его благочестивые «подвиги и содѣйствія къ опро-
женію Окружнаго Посланія. Теперь остается только написать
къ съ обѣихъ сторонъ письма, послать къ Митрополиту Ки-
рилу, и просить его увѣдомить о семъ дѣлѣ.» Архіепископъ Ан-
тій, выступивъ впередъ, громогласно сказалъ: «Что намъ по-
заетъ письма тому Митрополиту, который своими богопротив-
ными дѣлами расторгнулъ Церковь Христову и подвергнулъ самъ
я проклятію! И такъ да будетъ Митрополитъ Кириллъ ана-
а! анаема! анаема!» Народъ, тутъ предстоящій, услышавши
о е дерзновеніе, пришелъ въ немалый ужасъ и удивленіе. На
слова возразилъ Евѣимъ Ѳеодоровъ: «Владыко Антоній! Какая
въ тебѣ есть совѣсть? Отъ кого ты прежде принялъ рукопо-
женіе, того нынѣ предаешь анаеми. Вѣроятно, нѣтъ въ тебѣ
страха Божія, ни той благодати, которую ты получилъ отъ
его Митрополита, и который вручилъ тебѣ священный жезлъ
твы словесныхъ овецъ стада Христова! Образумься и приди въ
я! Вспомни о своей клятвѣ, принесенной тобою передъ пре-
ломъ Царя Царей, во время твоего хиротонисанія! Ты обѣ-
ися повиноваться во всемъ своему законному Митрополиту, и
тивъ него ни чего не творити, а нынѣ преступилъ и нару-
тъ свою клятву. Теперь изъ всѣхъ лукавыхъ словесъ вашихъ
но, что вы отпали отъ своего корня и не имѣете плода преж-
о. Но мы отъ Митрополита Кирилла ни какихъ новшествъ и
сей не видали и остались вѣрными его чадями, а вы, по
шенію Князя тмы, сочинили Окружное Посланіе, которымъ
свѣтъ возмutilи. Вамъ и теперь еще не хочется оставить
. Когда вы Митрополита своего предали анаеми, сирѣчь, про-
тію, то и мы должны отринути васъ отъ общенія Православ-
тъ Христіанъ и считать васъ не истинными послѣдователями
той Церкви, а ея противниками, понеже вы противитесь сво-
Митрополиту и на него клеветаете. Вы не думайте болѣе
насъ, что мы будемъ участниками во всѣхъ вашихъ ложныхъ
думкахъ; сохрани, Боже, и помыслить намъ! Но, видно, дре-
злота не можетъ быть въ новой благодати, и какъ засохшее

древо не можетъ принести плода и предается огню, а если отъ корня пойдутъ вѣтви и сокъ, то на древѣ развернутся листья, окажется цвѣтъ и начнетъ то древо приносить плодъ такой же, какой и прежде: такъ и вы, предавши корень свой анаеміи, и тѣмъ изсушивши древо, древо духовное, предуготовляете его къ огню, не временному, но вѣчному. Умоляю васъ и гласомъ Церкви прошу оставить свои заблужденія и еретическія мудрованія, припасть къ стопамъ Верховнаго Святителя своего, Господина Митрополита Кирилла, испросить у него прощенія и благословенія, и обратиться въ единеніе съ Церковію Православною. Онъ очень милосердъ и желаетъ всѣмъ спасенія, отпустить ваши согрѣшенія и, какъ сердобольный отецъ, простить васъ, и мы бы о такомъ вашемъ раскаяніи зѣло возрадовались. Очень жаль, что врагъ и ненавистникъ всему Христіанскому роду затѣваетъ у васъ разумъ и тщится затворити уста ваши къ чистому раскаянію. Это было и прежде на Вселенскихъ Соборахъ, и тогда Святіи Отцы не могоша научити еретики Православію и присоединити ихъ къ Святой, Соборной и Апостольской Церкви.» Давыдъ Антиповъ дополнилъ: «Если кто знаетъ хорошо ваше злое намѣреніе, то нельзя вамъ скрыть свое предательство. Рано, или поздно, но откроются всѣ душепагубныя дѣла ваши.» Тутъ всѣ приемящіе Окружное Посланіе встали съ мѣстовъ своихъ и шепотомъ заговорили между собою: «Надо спросить его, какія душепагубныя дѣла кроются у насъ?» Архіепископъ Антоній и Епископы Пафнутій и Варлаамъ спросили его: «Скажи намъ, Давыдъ Антиповичъ, какія дѣла рано, или поздно, откроются у насъ?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Такія: для чего вы насильственно принуждали всѣхъ Епископовъ, Священниковъ и Дьяконовъ подписываться къ Окружному Посланію? Для того, чтобы предательски вовлещи ихъ въ Церковь Единовѣрскую; мы знаемъ вашу умыселъ.» Семенъ Семеновъ отвѣчалъ: «Къ Единовѣрію дорога всякому открыта. Кто имѣетъ убѣжденіе, тотъ и навсегда можетъ присоединиться.» Давыдъ Антиповъ возразилъ: «Нѣтъ, вамъ хотѣлось всѣхъ Окружнымъ Посланіемъ запутать, какъ тенетами, и вовлещи въ Благословенную Церковь, да не придется, по тому что вы сами запутались и написали въ Окружномъ Посланіи два Бога и два Сына Божія.» Семенъ Семеновъ спросилъ: «А что имя Иисусъ иль Богъ, или нѣтъ?» Стоявшій передъ нимъ перекрещен-

никъ отвѣчалъ: «Да, ииъ Богъ.» Семень Семеновъ на это ска-
залъ: «Васъ просимъ замолчать.» Перекрещенникъ отошелъ и
скрылся въ толпѣ. Въ это время Иванъ Егоровъ Сонцевъ ска-
залъ: «Да что съ ними говорить: они всѣ крамольники и раздор-
ники.» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ на это: «Мы не раздорники
и не крамольники, а говоримъ сущую правду, оберегаемъ слабо-
умныхъ и обнаруживаемъ всѣ ереси. Вы хуже еретиковъ, вы
чистые Евангелисты (т. е., Енгелисты), которые ни во что не вѣ-
руютъ.» Въ это время всѣ, приѣмлющіе Окружное Посланіе, за-
смѣялись. Семень Семеновъ спросилъ: «Понажи намъ хотя на
одного Евангелиста, который бы не вѣровалъ въ Бога? Давыдъ
Антиповъ отвѣчалъ: «Вотъ, на примѣръ, Александръ Яковлевъ
Сивовъ; еще есть ветошники двое на Нѣмецкомъ рынкѣ. Одинъ
изъ нихъ содержался долгое время въ Питерѣ; видно былъ очень
умень.» Семень Семеновъ спросилъ еще: «Все это хорошо; чѣмъ
ты показалъ намъ Евангелистовъ, которые въ Бога не вѣруютъ;
да скажи намъ, ради Бога, что имя Исусъ ииъ Богъ, или нѣтъ?»
Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Да!» Тутъ приступили къ Давыду
Антипову Архіепископъ Антоній, Епископы Пафнутій и Варлаамъ,
и Семень Семеновъ, и стали его спрашивать: «Скажи намъ, Да-
выдъ Антиповичъ, имя Исусъ ииъ Богъ, или нѣтъ, и какъ ты
понимаешь объ этомъ словѣ?» Давыдъ Антиповъ отвѣчалъ: «Я
понимаю также, какъ Іосифъ Патріархъ понималъ, то есть: имя
Исусъ исключи изъ Церковныхъ книгъ, а вмѣсто онаго замѣнилъ
Іусъ, которое и я теперь принимаю.» Тутъ приступили къ
Давыду Антипову Иванъ Петровъ Бутиковъ, Егоръ Родіоновъ,
Семень Семеновъ, Иванъ Егоровъ Сонцевъ, и сочинитель Окруж-
наго Посланія, Ларіонъ Егоровъ, схватили его за обѣ руки и за
воротъ и начали трясти, говоря при томъ: «Имя Исусъ ииъ Богъ,
или нѣтъ?» Давыдъ Антиповъ, испугавшись своихъ противниковъ,
едва могъ вырваться изъ рукъ и убѣжать вонъ изъ покоевъ.

Тѣмъ и кончилась богословская бесѣда нашихъ Старообряд-
цевъ объ Окружномъ Посланіи. Послѣ того еще были бесѣды
въ томъ же домѣ купца Бутикова и продолжались пять дней:
Іюня 6, 7, 8, 9 и 19, и этѣ бесѣды также начинались защитою
и опроверженіемъ Окружнаго Посланія тихо и миролюбно, а
кончались шумомъ и бранью. Еще нужно было бы написать

коечто объ этѣхъ бесѣдахъ и разъяснить глупыя мнѣнія нашихъ крамольниковъ и раздорниковъ, да покуда достаточно в этой бесѣды, изъ которой можетъ усмотрѣть всякой благомыслящій Христіанинъ ихъ пагубныя дѣянія, которыя ведутъ насъ не къ миру духовному, но къ Церковному раздѣленію.

Семенъ Семеновъ.

Копія съ этой бесѣды послана къ Митрополиту Кириллу 29 Августа, 1866 года.

10.

Грамота отъ Кирилла, Митрополита Бѣлокриницкаго, къ Антонію Первому, Архіепископу Московскому и Владимірскому, объ Окружномъ Посланіи и фальшивой печати.

Кириллъ, Божіею милостію Архіепископъ Бѣлокриницкій и всѣхъ Древлеправославныхъ Христіанъ Митрополитъ.

Преосвященнѣйшій Архіепископъ Московскій и Владимірскій, по Духу Святому возлюбленный братъ и сослужитель нашей мѣрности, Господинъ Антоній! Благодать Божія да осѣнитъ главу Вашего Преосвященства, и миръ Церкви Христовой да внушитъ тебѣ глаголы сего нашего посланія:

1. Въ бытность мою въ Москвѣ мы съ вами соборнѣ и единодушно уничтожили Окружное Посланіе, чтобы его не принимать и не распространять между Христіанами, и своеручными подписями утвердили грамоту на общемъ нашемъ Соборѣ; но послѣ того, по чему же вы хотѣли уничтожить третій пунктъ и подписаться подъ нимъ, который гласитъ сице: «Аще кто его приѣмлетъ, или будетъ предъ народомъ похваляти, съ таковыми не сообщаться ни въ моленіи, ни въ ястіи, ни въ питіи?» Вамъ самимъ давно извѣстно, что отъ этого Окружнаго Посланія вся вселенная возмутилась и Православные Христіане начали раздѣляться между собою, идетъ великая крамола въ народѣ, единъ другого

называютъ ерѣтиками и творятъ Церковный расколъ; или нѣтъ у насъ древле-печатныхъ книгъ, кромѣ сей возмутительной книжки, которая многихъ привела къ гибели? А кто сему злу будетъ виновенъ? Только тотъ, кто прельщаетъ своей выдумкой простодушной народъ, а наибаче постраждутъ отъ Бога начальники и пастыри и всѣ послѣдующіе по нимъ. Горе тому чело-вѣку, отъ коего соблазнъ происходитъ! ³⁰

2. Бывшему Епископу Онуфрію я запретилъ священнодѣйствіе, а вы, не смотря на мое запрещеніе, и безъ моего вѣдома, разрѣшили ему опое священнодѣйствіе, а Онуфрій, мною запрещенный, между тѣмъ возвелъ тебя на Московскій престолъ и предоставилъ тебѣ управление всея Россіи; а 34-е правило Святыхъ Апостолъ повелѣваетъ: «безъ своего старшаго Архіепископа ни что же творити Епископамъ,» а вы мнѣ объ этомъ ни чего не объявили.

3. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1864 года прислалъ ты грамоту Австрійскому Правительству, за подписомъ своей руки и приложеніемъ твоей Архіерейской печати, объявилъ въ ней, что я былъ въ Москвѣ и поставилъ Сергія Епископомъ на Тулу, и что по пріѣздѣ изъ Москвы въ Австрію посвятилъ въ Соколинцахъ ³¹ Епископа Антонія на Москву; но грамота твоя предательная Австрійскому Правительству не послужила мнѣ во вредъ, и Богъ сохранилъ меня отъ оныя напасти, понеже сердце Царю во руцѣ Божіи. Начальство преклонилось на милость и не сотвори мнѣ ни какого зла, но паче же прославилъ нашу Религію умноженіемъ Древлеправославнаго духовенства. Тебѣ же за сіе предательское дѣло да воздастъ праведный Судія, егда придетъ судити каждаго по дѣломъ его! Подобаеть ли тебѣ своего Митрополита предавать на судъ свѣтскому начальству? По этому дѣлу надо мною наряжена была слѣдственная комиссія, которая и продолжалась болѣе двухъ недѣль.

---

³⁰ Тамъ же, стр. 309 и слѣд., особо 111.

³¹ Иначе Соколка, Узданный городъ Бѣлостоцкой Области.

4. По прїѣздѣ въ Москву Епископа Пафнутія и бывшаго Архидіакона Филарета, вы заказали мастеру вырѣзать фальшивую имянную Митрополитскую печать, въ точность и подобіе мою, составили фальшивую запретительную грамоту, подвели мою руку, приложили свою фальшивую печать моего имени, и объявили всѣмъ Христіаномъ, что эта бумага была прислана отъ меня и привезена въ Москву Епископомъ Пафнугіемъ и Архидіакономъ Филаретомъ. Таковыхъ дѣлъ и въ Срацинахъ не обрѣтается. Подобаеть ли тако творити Архіереомъ Божиимъ, но паче Святителю и Архіепископу Московскому и Владимірскому и всея Россіи? Вы не устыдились сана своего, не убоялись ни суда Божія, ни суда Царскаго, и дерзнули воровски имѣть у себя фальшивую печать и писать фальшивыя бумаги, аки бы отъ моего смиренія. Смотри отъ Царскихъ Законовъ, какія наказанія слѣдуютъ за фальшиво-составленныя бумаги: «Буде кто грамоту отъ Царя напишетъ самъ себѣ воровски, или съ подлинной Государевой грамоты списеть, и во иныхъ какихъ приказныхъ письмахъ переправитъ своимъ вымысломъ, мимо Государева указа и безъ Боярскаго приговору, или Думныхъ приказныхъ людей, Подьяческія руки подпишетъ, или сдѣлаеть у себя печать, то за такія вины по сыску казнити смертію.» Глава 4, листъ 73.

5. Еще наше смиреніе получило изъ Москвы письмо, отъ 29 Августа сего года. Въ этомъ письмѣ сообщено было, что Ваше Высокпреосвященство, находясь на Соборѣ, бывшемъ въ домѣ Ивана Петровича Бутикова, дерзнули предать меня проклятію и трижды провозгласить «анаема!»²² при почтенныхъ лицахъ и вѣрныхъ свидѣтеляхъ. Оле дерзости необдуманнаго твоего отзова! Какъ ты посягнулъ на такую клятву и послушался врага, поощрившаго тя выразитъ своимъ языкомъ изъ нѣдръ устъ своихъ такія ужасныя слова? Ты прежде одумался бы и вспомнилъ: кѣмъ ты просвѣщенъ Святою Вѣрою, отъ кого постриженъ во иноки и тою же рукою хиротонисанъ во Іерархи, а нынѣ того предаешь проклятію!

²² См. выше Бесѣду объ Оаружномъ Посланіи.

За всѣ таковыя противозаконныя дѣйствія и дерзновенія, означенныя въ пяти пунктахъ, запрещаю тебѣ отъ всякаго священнодѣйствія, донелѣ же не приидешь въ раскаяніе въ содѣланныхъ тобою беззаконіяхъ и не испросишь у моего смиренія прощенія, и тогда воспрещаю тебѣ именоваться Архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ и всея Россіи, но токмо Владимірскимъ.

6. Пафнугій, Епископъ Казанскій, за Окружное Посланіе такъ же передается Церковному суду. Онъ торжественно клялся предъ Святыми иконами и дерзалъ цѣловати честный Крестъ и Святое Евангеліе, что онъ уничтожаетъ и опровергаетъ Окружное Посланіе, и яко не бывалое вмѣняетъ, и испросилъ отъ нашего смиренія прощенія, мира и благословенія, а потомъ обратился, яко пещь на своя блевотины, сталъ принимать сказанное Посланіе и поучать по оному легкомысленный народъ. За таковое клятвopреступничество вотъ что гласятъ Правила Святыихъ Отець: «Клеветникъ, рекше, клянйся во лжу, или преступая истинную клятву, десять лѣтъ да приметь запрещеніе: два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ Божественныхъ Писаній, четыре лѣта припадаетъ, и одно лѣто стоитъ съ вѣрными, и потомъ Божественнаго общенія причастится.» Правило Святаго Василя Великаго, Книга Кормчая, правило 64, листъ 243. Согласно же сему указываетъ той же книги правило 82, листъ 247. А въ Законахъ Гражданскихъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, листъ 114 и 186, и въ Новыхъ Заповѣдяхъ Царя Льва Премудраго, листъ 72, повелѣвается: «клянущемуся во лжу языкъ урѣзати, аще кто обличенъ будетъ, а кто покаяніе приметь, и Попъ дастъ ему заповѣдь таковую на одно лѣто: въ Понедѣльникъ, Среду и Пятокъ единожды днемъ ясти хлѣбъ съ укропомъ, во Вторникъ же и Четвергъ дважды да ястъ варево безъ масла.»

Пафнугію, Епископу Казанскому, за его клятвopреступленіе и отступничество, и всѣмъ прочимъ Епископомъ и Іереомъ, приѣмлющимъ, или похваляющимъ, Окружное Посланіе, запрещаю священнодѣйствовать, и повелѣваю считать ихъ не за истинныхъ пастырей и служителей олтаря Господня, но за еретиковъ и отступниковъ, удаляться отъ нихъ, яко отъ хищныхъ волковъ, и съ ними вкупѣ ни ясти, ни пити и Богу не молиться. Во увѣре-

ніе сего своеручно подписуюсь, съ приложеніемъ имянныя своей печати. Октября 11 дня, 1866 года.

Смиренный Митрополитъ Кириллъ.

11

Грамота отъ Митрополита Кирилла всѣмъ Православнымъ Христіаномъ, о раздѣленіи съ приемающими Окружное Пославіе.

Божіею милостію, смиренный Архіепископъ Бѣлокриницкій и всѣхъ Древлеправославныхъ Христіанъ Митрополитъ Кириллъ.

Боголюбивому Епископу Антонію Московскому и прочимъ Епископомъ съ вами во единомъ Дусѣ о Христѣ пребывающимъ, Попечителемъ Рогожскаго кладбища, гражданиномъ царствующаго града Москвы и жительствующимъ въ ея окрестностяхъ и во всей Россіи, всѣмъ Древлеправославнымъ Христіаномъ, не приевающимъ Окружнаго Посланія и всякаго нововведенія, отъ моего смиренія опредѣленіе и разъясненіе:

1. Благословляю Боголюбивыхъ Епископовъ, Священноіереевъ, Попечителей Рогожскаго кладбища и всѣхъ Православныхъ Христіанъ исполнить бумагу, отъ 26 Іюля, 1864 года, данную моимъ смиреніемъ Епископу Антонію на управленіе Московскимъ престоломъ и прочими вдовствующими престолами, и повелѣваю безотлагательно устроить Духовной Совѣтъ и имѣть при ономъ трехъ Священноіереевъ и шесть мірскихъ старшинъ, для твердаго и вѣрнаго изслѣдованія церковныхъ дѣлъ, на основаніи Божественныхъ правилъ.

2. Заповѣдаю всѣмъ Боголюбивымъ Епископомъ, Священноіереемъ и мірскимъ людямъ не соединятися въ Богослуженіи, ястіи и пѣтїи съ приемающими Окружное Пославіе, яко съ злѣйши-

ми еретиками, какъ съ Епископами, такъ и Священноіерееми и мірскими людьми, понеже Правила Святыхъ Апостолъ гласятъ сице: «Со отлученнымъ молайся, самъ отлученъ будетъ.» Правило 10 и 11. При томъ ни какихъ требъ и таинствъ у нихъ не совершать и отъ нихъ не принимать.

3. Извѣстить всѣхъ Епископовъ и Священноіереевъ, отдѣлившихся отъ Православной Церкви издаіемъ Окружнаго Посланія, чтобы они на будущее время ни какихъ бумагъ на мое имя не писали, а равно отъ моего смиренія ни какихъ бумагъ къ себѣ не ожидали.

4. Отселѣ благословляю принимать всѣхъ Окружниковъ третьимъ чиномъ, согласно преданіямъ Седми Вселенскихъ Соборовъ и Святыхъ Отецъ, на основаніи Божественныхъ Правилъ.

5. Моимъ смиреніемъ поставленный Антоній во Епископа Московскаго, 26 Іюля, 1864 года, паки утверждается на Московскій престолъ и благословляется управлять прочими вдовствующими престолами и всѣми Іерархическими дѣлами, отселѣ благословляю Епископа Антонія и всѣхъ Епископовъ, пребывающихъ съ нами во единомъ Благочестіи, избирати и хиротонисати во Епископы достойныхъ Священниковъ, а за неимѣніемъ таковыхъ Епископовъ, благословляю тебя одного со Іереями совершати хиротонію, по твоему усмотрѣнію, и о семъ въ скоромъ времени доносити нашему смиренію для утвержденія.

6. Бумаги, высланныя моимъ смиреніемъ въ Россію въ прошломъ 1864 году: отъ 20 Февраля, отъ 8 и 12 Мая, отъ 20 Іюня, отъ 26 Іюля, отъ 2 Октября, отъ 2 Ноября и отъ 8 Декабря, о всѣхъ душепагубныхъ дѣяніяхъ Окружниковъ, признаются нашимъ смиреніемъ правильными, законными и дѣйствительными, и остаются для исполненія въ полной ихъ силѣ, безъ всякаго измѣненія, единожды навсегда. А въ случаѣ неисполненія оныхъ, какъ Священныя лица, такъ и мірскіе люди, преданы будутъ, на основаніи Священныхъ Правилъ, Церковному суду: отторженіемъ общенія съ Христіанами, и считаемы будутъ еретиками и противниками Церкви Христовой, донелѣже не испросятъ прощенія.

7. Боголюбивые Епископы и Священницы! Если кто изъ васъ сознаетъ свое заблужденіе въ принятіи Окружнаго Посланія, соборнѣ раскается въ своихъ согрѣшеніяхъ въ присутствіи Антонія, Епископа Московскаго, и Антоніи о семъ меня уведомишь бумагою, то такового съ радостію и сердечнымъ умиленіемъ пріиму въ нѣдра Святой, Соборной и Апостольской Церкви, принеся при томъ теплыя молитвы Господу Богу о его обращеніи.

Въ заключеніе сего да будетъ на васъ благодать Господа нашего Иуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа, нашего же смиренія отъ души братское привѣтствіе нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. Октября 11 дня, 1866 г.

Бѣлокриницкій и всѣхъ Древлеправославныхъ Христіанъ Митрополитъ Кириллъ.

Письмо получено въ Москвѣ 29 Октября.

12.

Извѣщеніе отъ Московскаго Духовнаго Совѣта ко всѣмъ Православнымъ Христіаномъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ Митрополита Кирилла.

Отъ Московскаго Духовнаго Совѣта всѣмъ Православнымъ Христіаномъ, обитающимъ въ Богохранимомъ Государствѣ Всероссійскомъ

Извѣщеніе.

Съ душевнымъ соболѣзнованіемъ сообщаемъ во извѣстіе ваше, возлюбленніи о Христѣ чада смиренія нашего, яко Господниъ Митрополитъ Бѣлокриницкій Кириллъ, дѣлавшій въ продолженіе сего 1866 года разныя противозаконныя вмѣшательства въ распоряженіе по Церковно-Иерархическимъ дѣламъ неподчиненныя ему Россійскія области, въ настоящее время еще усиливъ

свои вредныя дѣйствія и прислалъ имъ за границы отъ числа прошлаго Октября мѣсяца двѣ грамоты, одну на имя стараго Антонія, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, а другую на имя новаго Антонія, Епископа Московскаго, въ коихъ, возводя ложныя, не существующія, вины на нашего Антонія, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, и Пафнутія, Епископа Казанскаго, подвергаетъ ихъ и всѣхъ Епископовъ и Священниковъ, имянуемыхъ имъ приѣмлющими Окружное Посланіе, запрещенію отъ священнодѣйствія, съ наложеніемъ на нихъ клятвы Святыхъ Отець, а съ послѣдующими имъ простолюдинами воспрещаетъ вкушѣ ни ясти, ни пити и Богу не молитися. Приходящихъ же отъ таковыхъ Епископовъ и Священниковъ, къ новому Антонию и къ подвѣдомымъ ему Попамъ, заповѣдуетъ принимать третьимъ чиномъ. Каковыя бумаги, изъ нихъ первая въ подлинникѣ, а послѣдняя въ копіи, доставлены намъ 11-го числа минувшаго Ноября, отъ имени новаго Антонія, Давыдомъ Антиповымъ.

Не безызвѣстно всѣмъ Христіаномъ, что Митрополитъ Кирилъ, при изъявленіи согласія и подтвержденія всѣхъ дѣйствій и постановленій Всероссійскаго Освященнаго Собора, учиненнаго въ 1863 году, предупреждалъ въ грамотѣ своей, отъ 24 Февраля, 1864 года, что если будутъ получаться какія бумаги отъ имени его одного, вопреки изложенію Правилъ Святыхъ Апостолъ: 34, Антиохійскаго Собора 9 въ Толкованіи, и Карѣагенскаго Собора 39, не позволяющихъ Митрополиту ни что же творити безъ согласія всѣхъ Епископовъ, и таковыя не признавать дѣйствительными. По этому и настоящія грамоты, послѣдовавшія отъ одного Митрополита, безъ согласія Епископовъ, могли бы быть нами отвергнуты, даже и безъ подробнаго ихъ разсмотрѣнія. Но какъ въ нихъ, кромѣ излагаемыхъ беззаконныхъ и самовластныхъ распоряженій по Іерархическимъ дѣламъ Россійской Церкви, помѣщены еще личныя и ложныя обвиненія на Архіепископа Антонія и Епископа Пафнутія, которыя могутъ приводить Христіанъ въ недоумѣніе и соблазнъ, и какъ бумаги этѣ въ многочисленныхъ копіяхъ распространяются между послѣдователями новаго Антонія, то мы и считаемъ непремѣнною обязанностію объявить во всеобщее извѣстіе слѣдующее:

1. Изложенныя обвиненія въ первыхъ четырехъ пунктахъ Митрополитовой грамоты на Архіепископа Антонія суть ложныя, что доказывается слѣдующимъ: А) По учиненіи Митрополитомъ Кирилломъ, вообще съ Архіепископомъ Антоніемъ, съ прочими Епископами и Священными лицами, 24 Февраля, 1863 года, уничтоженія Окружнаго Посланія, Архіепископъ Антоній не только что не возобновлялъ онаго, но даже нѣсколько разъ подтверждалъ объ уничтоженіи его въ грамотахъ своихъ, отъ 23 и 29 Февраля, 1864 года, еще въ надписи на извѣщеніи Митрополита Кирилла, отъ 28 Сентября того же года, и въ Соборномъ Определеніи, отъ 1 Ноября, 1865 года. Что жъ касается до общаго нашего несогласія на 3-й пунктъ Соборнаго акта, составленнаго 11-го Октября, 1865 года, нѣкоторыми Московскими гражданами, относительно несообщенія въ молитвѣ съ не уничтожающими Окружнаго Посланія, причина тому та, что оное Посланіе уничтожено не за ересь, но единственно по случаю Церковнаго возмущенія, происшедшаго чрезъ народное непостиженіе и невѣщеніе смысла и состава его, что и было буквально выражено Митрополитомъ Кирилломъ въ помянутой его грамотѣ отъ 24 Февраля, 1863 года, съ приведеніемъ словъ изъ Священнаго Писанія: «Аще и Христосъ повелѣ, а видиши нѣкоего вредящася отъ того, удержиися и не сотвори по повелѣнію его.» Апостолъ Толковой, зачало 186, листъ 516. Въ извѣщеніи же, отъ 28 Сентября, 1864 года, Митрополитъ Кириллъ объяснилъ, что онъ уничтожаетъ Окружное Посланіе за возмущеніе нѣкотораго народа, но того Митрополитъ не писалъ, что оное Посланіе уничтожается за ересь; раздѣленіе же въ молитвѣ должно имѣть только съ еретиками, или съ отлученными отъ Церкви за важныя преступленія. Да между тѣмъ, изъ духовныхъ лицъ и нѣтъ не согласныхъ на уничтоженіе Окружнаго Посланія, но всѣ согласились соборнѣ уничтожить оное, а мірскихъ людей нѣтъ основанія приглашать къ уничтоженію сочиненія, издавнаго духовенствомъ. Ибо они должны только безпрекословно исполнять наставленія своихъ пастырей, «право правящихъ слово истины,» а не восхищать не предоставленное простолудинамъ полномочіе на распоряженіе Церковными дѣлами. Б) Никогда Архіепископъ Антоній не посылалъ донесенія Австрійскому Правительству о бытности Митрополита Кирилла въ Москвѣ и о по-

становленіи имъ во Епископы Сергія и новаго Антонія. Сего ложнаго обвиненія Митрополитъ ни чѣмъ подтвердить не можетъ. Но, напротивъ того, достовѣрно извѣстно изъ хранящихся въ Духовномъ совѣтѣ писемъ, полученныхъ изъ Бѣлой Криницы, въ то время, когда производилось о семъ дѣлѣ слѣдствіе, что доказательство о всемъ этомъ было сдѣлано самимъ помянутымъ Сергіемъ, по личной его злобѣ на Митрополита Кирилла. Оный Сергій въ послѣдствіи сдѣлался отступникомъ отъ Православной Церкви, перешедъ въ Единовѣріе. В) Вводимое Митрополитомъ Кирилломъ обвиненіе на Архіепископа Антонія, который будто бы вмѣстѣ съ Епископомъ Пафнутиемъ и Архидіакономъ Филаретомъ писали отъ имени Митрополита какія-то запретительныя бумаги, подводили его руку и, заказавши мастеру вырѣзать фальшивую имянную его печать, прикладывали къ онымъ бумагамъ, есть очевидно ложное, ибо ни какими доказательствами не подвергается, и потому не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія. Священныя бо Правила повелѣваютъ принимать доносы на Духовный чинъ отъ достовѣрнѣйшихъ точію лицъ, могущихъ несомнѣнными свидѣтельствами утверждать доносимое, при личности самыхъ обвиняемыхъ.

2. Анаэмы ³³ на Митрополита Кирилла отъ своего лица Архіепископъ Антоній не произносилъ, но говорилъ только, что Митрополитъ подвергается ей, что дѣйствительно справедливо по слѣдующимъ причинамъ: Блаженныя бо памяти Преосвященный Митрополитъ Киръ Амвросій, въ грамотѣ своей, отъ 28 Октября, 1863 года, ³⁴ утверждая всѣ постановленія и дѣйствія бывшаго въ томъ году Всероссійскаго Освященнаго Собора, наложилъ запрещеніе на Митрополита Кирилла, если онъ не престанетъ отъ сопротивленія Собору, всѣхъ же творящихъ Церковное возмущеніе лишилъ не только своего благословенія, но и предалъ проклятію. Согласно сему и самъ Митрополитъ Кириллъ, подтвердивъ, какъ выше сказано, оныя Соборныя постановле-

³³ См. Бесѣду объ Окружномъ Посланіи.

³⁴ Тамъ же, стр. 306—309, особо 108—111.

ніа въ грамотѣ своей, отъ 24 Февраля, 1864 года, призналъ воѣхъ сопротивляющихся имъ Священныхъ лицъ изверженію, а мірскихъ отлученію. И въ грамотѣ, отъ 28 Октября ³⁵ того же года, паки, изъявляя подтвержденіе Соборныхъ постановленій и увѣряя о примиреніи и единомыслии своемъ со всѣми Епископы, наложилъ проклятіе и анаѣму на опровергающихъ сіе, а послѣ сего сдѣлалъ противленіе установленіямъ Собора 1863 года, и грамотою своею, отъ 2 Ноября того же года, ³⁶ отвергая законность учиненнаго на ономъ разрѣшенія бывшему Епископу Онуфрію, и возведенія на Московскій Святительскій престолъ Архіепископа Антонія, признаетъ Московскимъ Епископомъ, беззаконно поставленнаго имъ, новаго Антонія, опровергаетъ заключенный съ Епископами миръ, и рассылаемыми такового направленія вредоносными бумагами, производитъ величайшее Церковное возмущеніе, за которое онъ самъ подвергается выше означеннымъ: запрещенію и клятвѣ Митрополита Амвросія, и собственнымъ своимъ: изверженію проклятію и анаѣмѣ.

3. Обвиненіе Митрополитомъ Кирилломъ Пафнутія, Епископа Казанскаго, во мнѣмъ клятвопреступничествѣ, ни какими доказательствами, имъ не подтверженными, есть также ложное, и мы увѣрены и свидѣтельствуемъ, что никогда Епископъ Пафнутій не согласится цѣловати Честный Крестъ и Святое Евангеліе въ клятвенное увѣреніе чего бы то ни было, такъ какъ Священнымъ лицамъ клятися положительно воспрещено правилами и Номоканова, 181-мъ и 182-мъ, и Зонара 156-мъ, а между тѣмъ этѣмъ обвиненіемъ Митрополитъ Кириллъ самъ себя обвиняетъ, ибо онъ, какъ старѣйшій Святитель, ни какъ не долженъ при своей личности допускать до таковой клятвы Священныхъ лицъ: «Свѣдущаго о согрѣшающемъ и могущаго возбращити грѣху, а не возбраняющаго, подвергаетъ равному съ согрѣшающимъ запрещенію» правило Номокаона 165.

³⁵ Тамъ же, стр. 304—306, особо 106—108.

³⁶ Тамъ же, стр. 311, особо 111.

4. А какъ возводимыя Митрополитомъ Кирилломъ на Епископовъ обвиненія оказались ложными, а распоряженія его по общимъ Церковно Іерархическимъ дѣламъ, производимыя однолично, безъ согласія Епископовъ, противорѣчатъ выше приведеннымъ Священнымъ Правиламъ: Святыхъ Апостолъ 34-му, Антиохійскаго Собора 9-му въ толкованіи и 39-му Карѳагенскаго Собора, и, сверхъ сего, за противленіе Собору и производимое Церковное возмущеніе, то онъ самъ состоитъ подъ запрещеніемъ Митрополита Амвросія и подъ собственною клятвою анаѳема. Отъ такового тяжко виновнаго лица, не токмо запрещеніе, или отлученіе, не можетъ быть дѣйствительнымъ, но и благословеніе его, донелѣже не раскается, не имѣетъ ни какой силы. А по сему мы, сообразно Священнымъ Правиламъ: Седмаго Вселенскаго Собора 4-му, Сардиійскаго 21-му, по общему разсужденію собравшихся Епископовъ и Членовъ Духовнаго Совѣта, налагаемое Митрополитомъ запрещеніе, ни сколько не признавая связующимъ ны и прочихъ Епископовъ и Священниковъ, и ни мало не считая оное къ нашему исполненію обязательнымъ, опредѣлили продолжать въ настоящемъ видѣ, принадлежащее нашему званію, дѣйствіе и священнослуженіе.

5. За такovyя возмутительныя дѣйствія, клеветанія и безразсудныя запрещенія, Митрополитъ Кириллъ самъ подлежитъ, по Правиламъ Церковнымъ, тому же суду, которому онъ самъ тщится подвергнути вѣнннхъ служителей олтаря Господня; въ сгѣдствіе чего нами сообщено было заграничному Освященному Собору о истребованіи отъ него нужныхъ объясненій, и потомъ, если онъ не принесетъ раскаяніа, имамы соборнѣ судити его, яко противника Церкви Христовой.

Описавъ убо по сущей справедливости всѣ дѣлія нашихъ крамольниковъ: Митрополита Кирилла Бѣлокриняцкаго и новаго Антонія, Епископа Московскаго, и прочихъ съ ними, убѣждаемъ и отечески молимъ всѣхъ Православныхъ Христіанъ, Богомъ собранныхъ въ священное совокупленіе Святыхъ, Соборныхъ и Апостольскія Церкви, не смущатися богопротивными грамотами Митрополита Кирилла и новаго Епископа Антонія, и не внимати ни мало возвѣщаемому въ оныхъ лживому клеветанію и бездоказательному между себе раздѣленію, вины коему и самъ Митрополитъ не

показуется и ни въ какой ереси обличити ны не можетъ, ибо и сами не вѣдаютъ, что творять.

А по сему слѣдующіе Епископы и ихъ послѣдователи, или, правильнѣе сказать, подстрекатели - Священники, если будутъ исполнять заповѣданіе отлученнаго Митрополита Кирилла, и принимать Православныхъ Христіанъ третимъ чиномъ, яко еретиковъ, проклиная невѣдомо кую ересь, всѣ сами и съ приемлемыми ими, горше подвергнутся отлученію и проклятію, по словеси Господню, реченному ко Аврааму: «Благословляю благословляющія тя, и кленущія тя проклену.» Книга Бытія, глава 12. Да ни кто же убо дерзнетъ отъ Христіанъ покуситься на сицевое беззаконное дѣйствіе!

Увѣряемъ васъ истиннымъ Святительскимъ увѣреніемъ, что мы, благодатію Божію хранимы, соблюдаемъ неизмѣнно вся преданія, чины и уставы Богоносныхъ Отецъ нашихъ, въ древнихъ книгахъ изложенные и до лѣтъ Патріарха Никона изданные, и ни какихъ новшествъ, съ того времени введенныхъ Великороссійскою Церковію, ни како же не приемлемъ, чесо ради и отдѣльную отъ нея Іерархію имама, и приходящихъ изъ оной не иначе приемлемъ въ свое общеніе, какъ по совершеніи установленнаго чинопредія, чрезъ отреченіе отъ ересей и Мупомазаніе.

Пребывайте убо, ни что же сомнящися, ни въ чемъ же колеблющися, въ должномъ повиновеніи законнѣй власти мѣстнаго Іерархическаго Священноначалія и во всякомъ единеніи со Святою Церковію, въ коей нѣсть спасенія! Миръ Божій, нашего же смиренія Архипастырское благословеніе, да пребудетъ съ вами отъ нынѣ и до вѣка. Аминь. Декабри 9 дня, 1866 года.

Смиранный Антоній, Архіепископъ Московскій и Владимірскій.

Цовъ, Епископъ Кавказскій, въ лицѣ Іерея Василія.

Смиранный Варлаамъ, Епископъ Балтовскій.

Іерей Петръ.

Іерей Осетръ.

13.

Соборное постановленіе, бывшее въ Гуслицахъ, объ уничтоженіи и проклятій Окружнаго Посланиа.

Окружное Послание написана въ 7370 (1862) году, Февраля 24 дня, по свидѣтельству Окружниковъ или пріемлющихъ Окружное Послание, яко бы во утвержденіе Единства, Святыхъ, Соборныхъ и Апостольскія Древлеправославныя Каѳолическія Церкви. Напротивъ того въ Окружномъ Послании оказалось много не Православныхъ мнѣній и еретическихъ мудрованій и ложныхъ доказательствъ на Священное Писаніе, которыми облыгають Святую Церковь, утвержденную на истинныхъ началахъ Божественнаго Откровенія и Правилахъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, бывшихъ на Седми Вселенскихъ Соборахъ и Девяти Помѣстныхъ. А такъ же Церковь Христова ни какихъ ложныхъ книгъ отъ себя не издавала прежде, и теперь не издаетъ, а Окружное Послание ссылается ложно на Соборникъ Большой, листъ 313 и 315, и глаголетъ о двухъчастномъ Крестѣ: «Яко же Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ, такъ и Крестъ двухъчастный въ трехъчастномъ.» Въ этомъ Окружномъ Послании оклеветало Святаго Германа Патріарха, который такъ не писалъ; онъ писалъ иконоборцамъ: «О безуміе и безчестіе! Кимъ словомъ пречистую Икону вочеловѣченія Господа Іеуса Христа але хулитъ, иже Животворящему Кресту невозбранно поклоняются извѣщаетъ. Аще Крестъ есть побѣдоносное оружіе на діавола и на вса супротивныя силы, и похвала, похваляемъ есть, но тоже изъ бездушныхъ сотворенное есть, отъ пелга, кедра и кивариса, и не си токмо, но и руками беззаконныхъ древодѣльныхъ орудіемъ въ тридневную смерть Господа Іеуса содѣланъ бысть.» Далѣе: «Вопрошаю убо васъ, яко же Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ, такъ и образъ въ Крестѣ и Крестъ во образѣ, ибо Крестъ и образъ едина есть вещь». Заъ Германъ Святый о Божественнѣй иконѣ и Животворящемъ Крестѣ глаголетъ: «Яко Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ», а въ Окружномъ Послании, вмѣсто «Божественнѣй Иконѣ», токують о двухъчастномъ Крестѣ и глаголють: «Яко же Отецъ въ Сынѣ и Сынъ во Отцѣ.» Слѣдовательно, Окружники поклоненія не признають, а Германъ Святый пишетъ: «иже Животворящему Кресту поклоня-

тиси повелѣваютъ, также и Честивѣй и Божественнѣй Иконѣ да поклонятся». Но Окружники, вмѣсто «Божественнѣй Иконѣ,» двухчастный Крестъ поставили, по своему злому мудрованію, которое не согласуется съ Божественнымъ Писаніемъ, но разликуетъ.

Окружники ссылаются ложно на Евангеліе Поучительное на Воздвиженіе Честнаго Креста о двухчастномъ Крестѣ: тамъ со-всѣмъ этого нѣтъ.

Окружники обогали Святаго Каллиста, яко бы онъ пишетъ о двухчастномъ Крестѣ. Святой Каллистъ пишетъ о Животворящемъ Крестѣ, трехсоставномъ, что съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуется, но разликуетъ.

Еще Окружники ссылаются на Кормчую книгу, Шестаго Вселенскаго Собора правило 43, и толкуютъ ложно о томъ же двухчастномъ Крестѣ. Тамъ пишутъ Святые Отцы о трехсоставномъ Крестѣ, которымъ насъ Христосъ искупилъ отъ грѣха прародительскаго. И тутъ Окружники оклеветали Святыхъ Отецъ.

Еще оныя Окружники указуютъ на Апостолъ, зачало 282, и глаголютъ, яко бы Святой Апостолъ пишетъ о просфорѣ: «Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся челоуѣки, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть.» Это справедливо, что Святой Апостолъ повелѣваетъ намъ за весь міръ молигися, за вѣрныя и невѣрныя, дабы всѣ пришли ко спасенію, а о просфорѣ здѣ ни единого слова не упомянулъ Святой Апостолъ. За чѣмъ же Окружники, своимъ еретическимъ Посланіемъ, не убоялись и не устыдились оклеветати и обогати Святаго Апостола?

За таковыя лукавыя, своемышленныя и беззаконныя дѣянія ваши, со-всѣми ложными вашими статьями, оклеветавши Святую Соборную и Апостольскую Церковь, яко бы она отъ своего имени издала богопротивное сочиненіе, имянуемое вами Окружное Посланіе, тогда какъ Святая Церковь, невѣста Христова, отъ временъ Апостольскихъ даже и до сего дне пребываетъ въ догматѣхъ своихъ неизмѣнно, безъ всякихъ еретическихъ мудрованій и прилоговъ, отлучаемъ всѣхъ Окружниковъ отъ общенія съ Христіанами,

а Окружное Посланіе, отъ котораго раздрася на многія части Церковь Христова, яко сочиненіе еретическое и богопротивное, опровергаемъ и проклинаемъ отъ нынѣ и до вѣка.

Преподобный Максимъ Грекъ, въ 10-мъ Словѣ своемъ о нововодныхъ книгахъ пишетъ слѣдующее: «Тѣ книги, которыя съ Божественнымъ Писаніемъ согласуютъ, а не разликують, тѣ Бога отъ насъ не отлучаютъ; а которыя съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуютъ, а разликують, тѣ Бога отъ насъ отлучаютъ, тѣ и ереси утверждаютъ.» А какъ Окружное Посланіе съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуетъ, но разликуеть, то, по Преподобному Максиму, Бога отъ насъ отлучаетъ, а ереси утверждаетъ.

Еще приводимъ во свидѣтельство книги еретического мудрованія, подобныя Окружному Посланію:

1. Евангеліе Учительное, Кирилла Транквиліона Ставровецкаго, напечатанное въ 1619 году; въ Рахмановѣ, въ мѣстности Княгини Вышневецкой. Въ этомъ Евангеліи учителя Православной Церкви пашли мнѣніе, не согласное съ ученіемъ Святыхъ Апостолъ, и ересемъ блужденіе, и собрали Соборъ, на которомъ уложили слѣдующее: «По повелѣнію Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца, и по благословенію и повелѣнію отца его, Великаго Господина, Святѣйшаго Филарета, Патріарха Московскаго и всея Русіи, велѣно смотрѣти ереси и погрѣшенія Кирилла Транквиліона Ставровецкаго, Евангелія Учительнаго въ домахъ не держать и чести не строить, по тому что у насъ нѣтъ книгъ Кириллова сложенія на Евангеліе Поучительное. У Митрополита Іова Борецкаго, Кіевскаго и Галицкаго, да у Епископа Исаіи Копинскаго, Перемышльскаго и Самборскаго и Экзарха Константинопольскаго, и Епископа Исаіи Луцкаго и Острожскаго, и у Епископа Холмскаго и Бѣльскаго, собранъ былъ Соборъ, на которомъ приговорили, что ту книгу, новое его, Кириллово, сложеніе, Евангеліе Учительное, ни кому отъ Православныхъ и благочестивыхъ Христіанъ, ни въ церквахъ, ни въ домахъ не держать, ни чести, ни покупати; а кто начнетъ чрезъ ихъ повелѣніе ту книгу въ церквахъ, или въ домахъ, держать, или чести, или покупати, и таковій да будетъ проклятъ; а къ тому своему Со-

борному уложенію руки приложили.» Сіи выше упомянутые Святители рукоположеніи быша отъ Великаго Святѣйшаго Господина Филарета, Патріарха Россійскаго. И Патріархъ Филаретъ со всѣмъ своимъ Освященнымъ Соборомъ сію книгу предасть сожженію, за то, что оная книга съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуеть, а разлюкуеть: и мы съ сими Святителями согласуемся, и Окружное Посланіе, какъ не согласное съ Божественнымъ Писаніемъ, предаемъ огню на сожженіе, яко ёретическое мудрованіе.

2. Книга Типъ, девять главъ имѣющая. Оную книгу Преподобный Максимъ Исповѣдникъ, съ Епископомъ Мартыномъ Римскимъ и со всѣмъ Освященнымъ Соборомъ, предали проклятію. Смотри о семъ Четь-Минеи Генваря 21. И Окружное Посланіе уподобися книгѣ Типъ, и мы его предаемъ проклятію.

Окружники уподобились Мелетію, раздорнику Оивайдскому, который на своемъ Соборѣ, или, правильнѣе сказать, на своемъ раздорищѣ, проповѣдуя свои ученія и злословія, проклинаетъ Церковный раздоръ: смотри о семъ Θεодорита книгу 4, главу 7. Тако и Окружники сами сознали свое заблужденіе и написали 1-го Ноября, что Окружное Посланіе послужило къ раздѣленію Церкви, то есть, сотворило раздоръ Церковный. А по тому сіи раздорницы, съ своимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Московскимъ и Владимірскимъ, и ихъ послѣдователями, подлежатъ, по Правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, церковному запрещенію, отлученію и даже конечному изверженію. Святые Отцы, собиравшіеся на Седьми Вселенскихъ и Девяти Помѣстныхъ Соборахъ, для низложенія таковыхъ же ересеучителей, како и Окружники, хотѣвшихъ предати низложенію самыхъ Святыхъ Отецъ нашихъ, кои отъ единаго и того же Святаго Духа озарены быша, но Святые Отцы, не убояшася ихъ противленія, и будучи укрѣплены духомъ святой истины, повелѣша, яже на пользу, предати тѣхъ самыхъ еретиковъ Церковному запрещенію, отлученію и конечному изверженію: и мы ихъ, вмѣстѣ съ Окружниками, раздорниками, проклявшими сами себя, предаемъ Церковному запрещенію, отлученію и конечному изверженію, и вся содѣланная ими чрезъ Церковное преданіе, учительство и воображеніе Святыхъ и приснопамятныхъ Отецъ, а равно и пововод-

ное Окружное Посланіе, и всѣ ихъ еретическія сочиненія да будутъ преданы вѣчному проклятію и анаемѣ: «яко еретики есть и еретическимъ подлежатъ законамъ, аще и мало что уклонишася отъ Православныя Вѣры.» Никонъ Черныя Горы, Слово 63.

Мы всѣ выше приведенныя свидѣтельства Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ, Пастырей, Святителей и Учителей Вселенскихъ, приедемъ и съ ними во единомъ Дусѣ о Христѣ Исусѣ пребываемъ, и всякое нововводное сочиненіе, яко же Транквилионово Евангеліе, книгу Типъ, Окружное Посланіе, и всѣ прочія книги, которыя съ Божественнымъ Писаніемъ не согласуютъ, но разликують, отвергаемъ и проклинаемъ.

Аще кто отъ Православныхъ Христіанъ выше означенную книгу еретическаго мудрованія, именуемую Окружное Посланіе, будетъ признавать за священную и почитать за справедливую, тотъ, по выше приведеннымъ свидѣтельствамъ Преподобныхъ и Богоносныхъ Отецъ нашихъ, яко ослушникъ Церкви Христовой, да будетъ проклятъ! Лѣта міробытія 7375 года (1867), Января 25-го дня.

Къ сему соборному постановленію подписуемся:

Смиренный Епископъ Антоній Московскій.
 Священноіерей Петръ.
 Священноіерей Василій.
 Священноіерей Косма.
 Священноіерей Діомидъ.
 Священноіерей Никола.
 Священноіерей Оома.
 Священноіерей Агафоникъ.
 Священноіерей Оома.
 Священноіерей Максимъ.
 Священноіерей Павелъ.

14.

Мировая грамота, данная на Бѣлокриницкомъ Соборѣ, отъ Епископа Аркадія Славскаго, по довѣрію Антонія, Архіепископа Московскаго и Владимірскаго, 1868 года.

«О семь разумѣють вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.» Іоан. 13, 35.

1868 года, Апрѣля 6 дня, Антоній, Архіепископъ Московскій и Владимірскій, данною мнѣ грамотою, подписанною имъ 26 Февраля сего года, довѣряетъ мнѣ испросить прощенія отъ Его Высокопреосвященства, Господина Митрополита Кирилла Бѣлокриницкаго, во всѣхъ письменныхъ оскорбленіяхъ, учиненныхъ нами отъ самого рукоположенія по настоящее число, въ слѣдствіе изданнаго нами Окружнаго Посланія, и за всѣ прочія обиды, содѣянные нами обоюдно. Исполняя волю Святителя Антонія и данное мнѣ порученіе, обращаюсь къ Вамъ, Владыко Святый: хотя всѣхъ оскорбленій, случившихся сими временами изчислить не возможно, и всѣ наши явныя и тайныя согрѣшенія вѣдаетъ токмо единъ Сердцевѣдецъ нашъ, Богъ, но во всѣхъ сихъ душевно прошу, какъ отъ себя, такъ и довѣрителя моего, Церковнаго прощенія. Равнымъ образомъ и довѣритель мой, Архіепископъ Антоній, съ своей стороны отъ чистаго сердца и съ Христіанскимъ миротвореніемъ, прощаетъ Господину Кириллу всѣ его оскорбленія и дѣянія, отъ коихъ раздрася Церковь Христова, и впродолженіе проситъ потщиться удерживати себе отъ междуусобныхъ пререканій и пребивати въ мирѣ, въ любви и во единеніи съ Боголюбивыми Епископы и со всею братією нашею, воспоминаая при томъ смерть и страшный судъ Господень, на коемъ грозный и праведный Судія воздастъ каждому по дѣломъ его.

Прости насъ, Владыко Святый, во всѣхъ согрѣшеніяхъ нашихъ, и мы тя прощаемъ во всемъ.

Смиренный Архіепископъ Антоній Московскій и Владимірскій.

А за его и равно за себя подписуюсь, смиренный Епископъ Аркадія Славскій.

Бѣлая Криница.
1868 года, 2-го Іюля.

15.

Соборное опредѣленіе Бѣлокриницкой Митрополіи о прииреніи Старообрядцевъ.

Во имя Святыхъ, Единосущныхъ и Нераздѣлимыхъ Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Мы, нижеподписавшіеся, смиренный Митрополитъ Кириллъ докриницкій, Архіепископъ Аркадій Васлуйскій,³⁶ Архіепископъ гоній Формоскій,³⁷ Епископъ Аркадій Славскій, въ лицѣ Епископа Антонія Московскаго, Священноіерей Василій Ивановъ Буинъ, депутаты съ довѣрительными грамотами отъ разныхъ цествъ и весь Освященный нашъ Бѣлокриницкій Соборъ, неся теплыя молитвы къ Всевышнему, общимъ совѣтомъ и шодушнымъ согласіемъ, постановили слѣдующее Соборное опредѣленіе:

1. Окружное Посланіе, изданное въ 7370-мъ году (1862), вряля 24 дня, уничтожаемъ и опровергаемъ и яко бы не вшее вмѣняемъ, со всѣми въ немъ положенными ложными тьями, писанными отъ своего смышленія, а не отъ Божественнаго Писанія, а тѣ, которыя съ Божественнымъ Писаніемъ согласуютъ, но разликують, опровергаемъ и проклинаемъ. Не ли которые изъ нашихъ Христіанъ будутъ считать Окружное Посланіе и въ немъ ложныя положенныя статьи за справедливыя и душеспасительныя, какъ отъ духовныхъ, такъ и отъ мірскихъ лицъ, съ таковыми не имѣть сообщенія въ молитвахъ и таковыхъ отъ Святыхъ Соборныхъ и Апостольскія Церкви отъкаемъ, яко гнилый и непотребный удъ. Писано бо есть въ Священномъ Писаніи: «Вся, яже чрезъ Церковное еданіе и учительство, и воображенія Святыхъ и присномятныхъ Отецъ, новосотворенная и содѣянная, или погнѣсь содѣятися хотящая, анаема.» Книга Кормчая, гл. 81-я, стъ 641. «Отъ прикладающихъ же что, или отъземлющихъ, и инако претворяющихъ, аще и самъ крайнѣйшій учитель о будетъ, ни како же слушати, но удалитися такового,

³⁷ По Румунскимъ или Молдаво-Валацкимъ городамъ Васлюю и Формосъ.

яко же Божественніи Апостоли научаютъ насъ, сице глаголюще: Но и аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ, анаема да будетъ.» Книга Кириллова, листъ 305.

2. На Московскомъ Престолѣ по случаю утверждено два Епископа, противу Правилъ Святыхъ Отецъ, и какъ видно, что къ обоимъ Епископамъ народъ расположенъ, ни того, ни друго оставитъ не согласны, но ежду собою находятся въ раздорѣ и несогласіи чрезъ Окружное Посланіе, но Церковь Христова о семъ соболѣзнуеть, и мы находимся въ великой скорби, то наконецъ рѣшился уступить случайнымъ обстоятельствамъ, соображаясь при томъ съ Церковною нашею Исторією: «Во времена Аванасія Великаго въ Антиохіи бысть раздоръ между Православными Христіанами о Павлинѣ и Мелетіи Епископахъ. Сіе несогласіе Святый Аванасій умиротворяше, обаче до сего прииде, яко Епископи Восточныи, соизволяюще Папѣ, сицевое между ими соравненіе сотвориша, дабы оба до смерти на престолѣ ономъ сидѣли, кійждо о своемъ стадѣ бодрствуя, а по смерти единого дабы инъ Епископъ на его мѣсто избранъ не былъ. Книга Баронія, листъ 312 на оборотѣ.

3. А по сему опредѣлили Соборомъ: Архіепископу Ан.онію именоватися Московскимъ и Владимірскимъ, а Епископу Антонію именоватися токмо Московскимъ, имѣть жителство обоимъ въ Москвѣ и пребывать о Христѣ Ісусѣ о единомъ дусѣ, да оба имѣють равну власть и попеченіе во всѣхъ дѣлахъ Церковныхъ, въ прочихъ же вдовствующихъ Епархіяхъ единъ безъ другога да ни что же творять безъ общаго совѣту.

А какъ въ настоящее время Архіепископъ Антошій Московскій и Владимірскій, чрезъ своего довѣрителя, Епископа Аркадія Славскаго, принесъ Господину Митрополиту Кириллу Бѣлокрилицкому чистосердечное раскаяніе за Церковный раздоръ и возмущеніе, происшедшее отъ Окружнаго Посланія, и Митрополитъ Кириллъ разрѣшилъ ему на вся Священнодѣйствія, то также да принесутъ раскаяніе вси Священноіереи и мірстїи люди,

принявшіе Окружное Посланіе, и тѣ получать прощеніе и разрѣшеніе, и тѣмъ самымъ умиротворится Церковь и разрушится вся вражда народная, а Епископъ Софроній остается въ своей чинѣ Епископомъ, и на будущее время, какъ мнѣ, Митрополиту Кириллу, такъ и прочимъ Епископамъ въ распоряженіи Церковно-іерархическихъ дѣлъ руководствоваться неизмѣнно Правилами Святыхъ Апостоловъ, Седми Вселенскихъ и Девяти Помѣстныхъ Соборовъ. Аще ли же отъ кого либо отъ нашихъ Христіанъ будутъ изданы единолично какія либо бумаги, писанныя вопреки Священныхъ Правилъ, то таковыя не принимать и считать не дѣйствительными.

Въ заключеніе всего выше писаннаго, Освященный нашъ Соборъ, учинивъ между собою примиреніе, и тако благодать Господа нашего Ісуса Христа да будетъ со всеми нами во вѣки вѣкомъ Аминь.

И тако утверждаю вся выше писанная своеручнымъ подписомъ и приложеніемъ моей Святительской печати.

Смиранный Митрополитъ Кириллъ.

Бѣлокриницкая Митрополія.
8 Юля, 7376 года (1868).

При семъ находились: Смиранный Архіепископъ Антоній Формоскій. Смиранный Архіепископъ Аркадій Васлуйскій. Смиранный Архіепископъ Антоній Московскій и Владимірскій; по довѣрію же за него и за себя Смиранный Епископъ Аркадій Славскій, Экзархъ Некрасовскій. Въ лицѣ Епископа Антонія Московскаго, по довѣрію его, Священноіерей Василій Ивановъ Бухаринъ. Смиранный Епископъ Іовъ Кавказскій.

Тискаго монастыря Архимандритъ Евфросинъ.
Мануйловскаго монастыря Архимандритъ Варсонофій.

Священноіерей Никита Кипріановъ Бѣлокриницкій.
Священноіерей Стефанъ Козминъ Климоуцкій.
Священноіерей Сисой Андреевъ Соколипскій.
Священноіерей Григорій Семеновъ Формоскій.
Священноинокъ Арсеій.

Священноинокъ Мельхиседекъ.
 Иеродіаконъ Θεодосій Бѣлокриницкій.
 Инокъ Алимпій Милорадовъ.
 Инокъ схимникъ Тарасій.

Инокъ схимникъ Израиль. Инокъ Геннадій. За иноковъ: Серапіона, Алексія, Аванасія, Дорогея, Ипатія, Трифона и Трифилія, по ихъ личной просьбѣ, подписалъ иннокъ Геннадій. Инокъ Арқадій. Чтець Іудіанъ Марковъ. Казначей Іоаннъ Родіоновъ. Уставщикъ Іоаннъ Нефедовъ.

Уполномоченные депутаты, отъ Климоуцкаго общества: Прокопій Лаврентьевъ и Староста Ѳедоръ Ивановъ. Депутатъ отъ Формоскаго общества, Уставщикъ Петръ Ильинъ. Депутаты отъ Баташанскаго общества: Иванъ Игнатьевъ, Давыдъ Егоровъ, Иванъ Ѳедотовъ и Гаврила Савичъ. Депутаты отъ Бѣлокриницкаго общества: Староста Иванъ Михайловъ, Акинъ Васильевъ, Наумъ Антоновъ, Тимоѳей Васильевъ, Исидоръ Васильевъ, Уставщикъ Ѳаддей Акакъичъ, Мокей Ивановъ и Родіонъ Филипповъ. Депутатъ Воронковскаго общества Іосифъ Ивановъ Жеребцовъ. Депутаты отъ Московскаго общества: Священноіерей Василій Ивановъ Бухаринъ, Давыдъ Антиповъ, Никита Лукинъ, Иванъ Устиновъ и Филиппъ Семеновъ.

Сообщ. И. Г.

²⁸ Какъ этотъ документъ, такъ и документы 10, 11 и 12, нѣсколько разнятся отъ напечатанныхъ уже, первый въ № 33-мъ «Современной Лѣтописи», 1868 года, Сентября 29-го, стр. 3—4, а прочіе въ «Душеполезномъ Читаніи», 1867 г., кн. 2, стр. 85—87, 81—83, 89—93, и особо. Причины такой разницы пусть сами Старообрядцы опредѣляютъ: списки же оба шли отъ нихъ. О. Б.

Д В А П И С Ь М А

КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦЫНА

КЪ ЮРЬЕВСКОМУ АРХИМАНДРИТУ ФОТІЮ.

Личность Князя А. Н. Голицына, имѣвшаго такое важное значеніе въ религіозныхъ дѣлахъ нашего Отечества, доселѣ остается загадочною. Прилагаемая письма—несомнѣнное свидѣтельство его религіознаго живаго чувства, по видимому чистаго Православнаго. Между тѣмъ извѣстно, что онъ горячо покровительствовалъ Квакерамъ. Подъ его защитою собирались въ Михайловскомъ замкѣ послѣдователи секты Татариновой, и, говорятъ, по его вліянію, Александръ 1-й считался воспріемнымъ отцомъ сына Татариновой. Онъ защищалъ Духоборцевъ; посѣщалъ неоднократно Селиванова, и покровительствовалъ ему во время ссылки его; всѣ Мистико-Масонскія общества съ своими изданіями и своею дѣятельностію считали его главнымъ своимъ защитникомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ благоговѣніемъ преклонялся предъ всякимъ Православнымъ подвижникомъ благочестія и горячимъ ревнителемъ Вѣры. Кажется, ему дорого было проявленіе благочестія, какую бы форму оно ни принимало. Онъ цѣнилъ одно чувство; положительныя вѣрованія для него не составляли существеннаго. Извѣстно, что Фотій, поддерживаемый Аракчеевымъ и Шишковымъ, началъ съ нимъ рѣшительную борьбу, какъ съ врачемъ Православія, кончившуюся удаленіемъ А. Н. Голицына отъ должности Министра Народнаго Просвѣщенія и Духовныхъ Дѣлъ.

При личныхъ столкновеніяхъ и при заочныхъ отзывахъ, Фотій не щадилъ своего противника, называя его врагомъ Церкви и Отечества; но Князь А. Н. Голицынъ, кажется, и во время борьбы сохранялъ какое-то уваженіе къ этому мощному характеру. Когда Фотій громко изрекалъ на него проклятія, Голицынъ просилъ у него благословенія. О. Б.

Письмо 1.

Теперь расскажу Вамъ одно происшествіе, которое мнѣ чувствительно и умиительно было. Я не знаю, извѣстно ли Вамъ, что Буряты, народъ идолопоклоннической у насъ въ Сибири, нѣсколько тому лѣтъ назадъ, услышавъ, что Библейское Общество переводитъ Священное Писаніе на разные языки, собрали, чрезъ родоначальника своего, 12,000 рублей, и прислали къ намъ оныя, чтобы мы перевели на ихъ языкъ слово Божіе и имъ доставили. Мы не знали, какъ къ сему приступить, что у нихъ за языкъ, и кому поручить. Наконецъ прислали они къ намъ двухъ Бурятъ, чтобы ихъ научить по Русски, и потомъ чтобы они перевели имъ Библию. Буряты сію успѣли въ Русскомъ языкѣ, и одинъ изъ нихъ отправился во свояси, и Иркутскимъ Преосвященнымъ окрещенъ. Оставался здѣсь другой чрезвычайно хорошаго сердца человекъ. Онъ перевелъ Евангелиста Матвея, и началъ чувствовать отвращеніе къ идоламъ, которыхъ онъ привезъ съ собою, потомъ перевелъ Святаго Іоанна, и уже четвертый годъ, какъ онъ сердцемъ началъ любить Спасителя, крещенія же не могъ получить по разнымъ причинамъ. Какъ вдругъ открылась въ немъ пресильная чахотка, и Докторъ объявилъ, что онъ двухъ недѣль не проживетъ. Я тотчасъ написалъ къ Преосвященному Митрополиту Серафиму, описавъ все, что съ нимъ происходило. Учить его и времени уже не доставало, и выученъ онъ былъ Господомъ. Митрополитъ назначилъ Священника, чтобы его крестить въ постелѣ; ибо онъ такъ былъ слабъ, что не могъ встать съ оной. Я былъ отцомъ крестнымъ его, и когда я къ нему вошелъ и спросилъ его: «Какое имя хочетъ онъ имѣть?» мнѣ отвѣчалъ, чтобы я выбралъ имя ему, и я предложилъ ему имя

Іоаннъ, на что онъ охотно и согласился. По крещеніи онъ приобщенъ Святыхъ Таинъ, и въ 4-й день послѣ того скончался. Я былъ у него за день, и принесъ ему крестъ деревянный, освященный на Гробъ Господнемъ и лежавшій 40 дней на Голгоѣ. Я объ ономъ разказавъ отдалъ, онъ схватилъ крестъ и не выпускалъ изъ рукъ, держа его крѣпко до самой кончины. Я его спросилъ: «Радъ ли ты, что сподобилъ тебя Господь принять въ свою Церковь?» Онъ слабымъ голосомъ отвѣчалъ: «Я тело сердцемъ.» Чудное было сіе зрѣлище: на одрѣ смертномъ лежащій идолопоклонникъ, отрекающійся отъ идоловъ, а на стѣнѣ у него образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, Коему онъ поклонялся и вѣровалъ, Благовѣщенія образъ и четырехъ Евангелистовъ. Помолитесь о душѣ сего новопросвѣщенного Іоанна, да приметъ Господь его въ обители свои вѣчныя.

1822 г.

Письмо 2.

Отче преподобне Фотіе! Большое писаніе твое о мирѣ Божіемъ я прочелъ: сіе писаніе есть чрезвычайное, исполненное Духа и пошванія Господня. Счастливъ я, что прочелъ о мирѣ Господнемъ; а какъ счастливъ тотъ, кто его вкусилъ! Надѣюсь, что молитвами вашими о мнѣ грѣшномъ и моимъ желаніемъ пламеннымъ полюбить Бога въ Иисусѣ Христѣ, Онъ когда ни будъ, и въ то время, когда будетъ Его святая воля, пошлетъ и мнѣ оной, хотя не въ такой полнотѣ, но хоть каплю, которую я просить Его же буду, чтобы послалъ мнѣ способъ сохранить ее; а сія капля можетъ притянуть другую; отецъ же Фотій, по любви своей ко мнѣ, попроситъ и восполнитъ недостатокъ мой своимъ преизбыткомъ, а Господь благословитъ пустыню мою и оживитъ. Сего надѣюсь, сего прошу, сего жажду.

1822 г.

ГРАМОТА

**НОВОГОРОДСКАГО И С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МИТРОПОЛИТА СЕРАФИМА
СОБОРНОЙ ЦЕРКВИ СЕЛА ГРУЗИНА, ПРИНАДЛЕЖАВШАГО ГРАФУ
А. А. АРАКЧЕВУ.**

По уваженію онаго, весьма для Святыя Церкви нашей достопамятнаго, событія, о кемъ какъ въ Слѣдованной Псалтыри, такъ и въ другихъ разныхъ мѣстахъ упоминается, что Святыи Апостолъ Андрей Первозванный, проходя изъ полуденнаго края, былъ въ селѣ Грузинѣ и водрузилъ въ немъ жезлъ свой, отъ чего получило оно и наименованіе Друзино, по престонародному же реченію Грузино, и чрезъ таковое мѣста сего посѣщеніе, или паче проповѣдь свою, открылъ онъ предкамъ нашимъ, тьмою идолопоклонства омраченнымъ, двери къ Спасительной вѣрѣ въ Господа Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа, благословляемъ мы въ соборной села Грузина церкви, имени сего Святаго Апостола посвященной, богатою утварью и ризницею снабженной и превеликолѣпно украшенной, совершать Божественную литургію при отверстыхъ Царскихъ вратахъ во все продолженіе оныя, даже до причастнаго стиха, при началѣ коего должны онѣ, исключая Святыя Пасхи, быть затворяемы для великой тайны Евхаристіи. Совершать же такимъ образомъ литургію не всегда, а токмо въ одни Воскресные, Господскіе, Высокопострожественные дни, въ храмовой праздникъ и при другихъ какихъ либо важныхъ случаяхъ.

**Серафимъ, Митрополитъ Новгородскій
и С.-Петербургскій.**

С.-Петербургъ.
26 Марта, 1825 года.

ПРОТОКОЛЪ ЗАСѢДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

1868 года, Іюня 18 дня.

1868 года, Іюня 18 дня, Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предѣдательствомъ Дѣйствительнаго Члена своего, А. Ѳ. Вельтмана, и въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: И. Д. Бѣлева, П. В. Хавскаго, Ю. Д. Филимонова, Гр. М. Ѳ. Толстаго, Н. В. Закревскаго, А. Н. Аванасьева, А. А. Майкова, М. Л. Назимова, Соревнителей: А. И. Хмельницкаго, И. И. Молнара, А. Е. Кудрявцева, и Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, имѣло обыкновенное засѣданіе, въ коемъ, по прочтеніи и подписаніи Протокола предыдущаго засѣданія, Марта 3-го сего же 1868 года, происходило слѣдующее:

1. Дѣйствительный Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянской, прочелъ статью, написанную имъ для помѣщенія въ «Чтеніяхъ», подъ заглавіемъ: «Изображеніе Славянскихъ Первоучителей и Просвѣтителей, Св. Кирилла и Мееодія, на поляхъ образа Святителя Николая Скоропомощника, находящагося въ Афонскомъ Дохіарскомъ монастырѣ.

За тѣмъ читаны были:

А. Предложенія.

2. Сербской Матицы въ Новомъ Садѣ, въ южной Угріи, отъ 18-го Марта, пол. 30-го 1868 г., объ обмѣнѣ изданій.

3. Редакція Журнала, «Труды Кіевской Духовной Академіи,» отъ 20-го Марта, № 631, пол. 5-го Апр., 1868 г., объ обмѣнѣ изданій, т. е. «Чтеній» на «Труды» въ текущемъ году. Определено: обмѣниваться.

Б. Приношенія.

а. Статьями:

4. Статскаго Совѣтника Н. А. Абрамова, изъ Семипалативска, отъ 1-го Марта, пол. 27-го: «О бывшемъ Тобольскомъ Намѣстничествѣ 1782 — 97 гг.»

5. Его же Н. А. Абрамова, и оттуда же, отъ 14-го Апрѣля, 1868 г.: 1) «Туронскій Николаевскій дѣвичій монастырь въ 1863 г., и 2) Объ учрежденіи почты въ Сибири» (Объ статьи были помѣщены въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»).

6. Д. Члена А. А. Майкова, пол. 20-го Апр., 1868 года: «Что такое пронія въ древней Сербіи?»

7. Редакція Журнала Министерства Народнаго [Просвѣщенія, отъ 17-го Мая, № 168, пол. 24-го Мая, 1868 г.: «Описание Сербской сабли изъ собранія Князя С. Г. Голицына», съ приложеніемъ фотографическаго снимка ея, составленное Соревнователемъ Паплонскимъ.

8. Г-на Николая Дубровскаго, Іюня 1-го: «Дополненіе къ статьѣ: «Послѣдніе годы жизни Парицы Евдоіи Федоровны.»

9. Кандидата Харьковскаго Университета, К. И. Алексѣева, отъ 16-го Мая, пол. 22-го 1868 г.: «Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу въ древней Россіи и Польшѣ.»

б. Матеріалами:

10. Соревнователя А. А. Чумикова, изъ Гельсингфорса, пол. 20-го Апр.: «Copie de la lettre de M-r Görtz à M-r de Bassewitz,

daté de Berlin le 14 Juillet, 1714,» съ Русскимъ переводомъ и примѣчаніемъ.

11. Помѣщика Пензенской Губерніи (нынѣ артиста Московскихъ Театровъ), М. Н. Владыкина, чрезъ посредство Д. Члена А. Н. Афанасьева, въ Мартѣ 1868 г., нѣсколько столбцевъ разнаго содержанія, между коими одинъ заключаетъ въ себѣ смертный приговоръ Стенькѣ Разину и брату его, Фролкѣ (къ сожалѣнію, безъ начала).

в. Книгами:

12. Ученаго Эстонскаго Общества при Дерптскомъ Университетѣ, отъ 17-го Февр., пол. 10-го Марта, 1868: 1) «Sitzungsberichte der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat. 1867; 2) Schriften der gelehrten Estnischen Gesellschaft № 6. Ueber die frühere Existenz des Renthiers in den Ostseeprovinzen etc. Von G. Grewingk. Dorpat. 1867; 3) 25 Urkunden zur Geschichte Livlands im XIII Jahrhundert. Aus dem Königl. Geheimen Archiv zu Kopenhagen, herausgegeben von C. Schirren. Dorpat. 1866.»

13. Изъ разныхъ Славянскихъ земель. Изъ Далматіи: 1) «Сербско Далматинскій Магазинъ за лѣто 1851. У Загребу.» Изъ Княжества Сербскаго: 2) «Беседа Славенима Протоіерея Михаила Раевскаго у цркви Рускогъ Посланства у Бечу приликомъ хилядугодишне светковине, за споменъ долазка у землю Славенску Св. Кирила и Методія. Београдъ. 1862. 3) Письмо Патріярха Православно-Католичке Цркви о Вѣри Англезима 1723 года. Београдъ. 1864. 4) Молитва и две беседы, говорене 50 годишнице обновлене слободѣ Србіѣ, у Топчидеру 23 Мая, 1865. Београдъ. 1865.» Изъ Хорватіи: 5) «Pjesne Meda Pučića. Karlovac. 1862; 6) Krjesnice. Knjiga I. Karlovac. 1863; 7) Govor Ivana Kukuljevića-Sakcinskoga, Velikog Župana Zagrebačkog, držan u Saborskoj sjednici dne 27 Studena, 1865. Zagreb. 1865; 8) Vilinski darovi. Zabavno-poučni album za domaće krugove. Uredio i izdao Abel Lukšić. Karlovac. 1864.

14. Д. Члена, Графа М. В. Толстого: «Разказы изъ Русской Церковной Исторіи. Выпускъ 3. М. 1868.»

15. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, отъ 12-го Марта, № 42, пол. 8-го Апр., 1868 г.: «Отчетъ за истекшій годъ. Одесса. 1868.»

16. Археографической Коммиссіи, изъ Петербурга, отъ 19 го Апр., № 51, пол. 27-го; 1868 г., изданія ея: 1) «1-й томъ Великихъ Миней Четій, собранныхъ Митрополитомъ Макаріемъ. Сентябрь. Дни 1—13. Спб 1868. 2) X-й томъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ. 1682 — 1700. Спб. 1867. 3) V-й томъ Актовъ Южной и Западной Россіи. 1659—1665. Спб. 1867. 4) III-й томъ Новгородскихъ Писцовыхъ Книгъ. Вотская пятина. 1500 г. Спб. 1868. 5) Русско-Ливонскіе акты. Спб. 1868. 6) I-й выпускъ Указателя къ 8-ми томамъ Русскихъ лѣтописей. Спб. 1868.»

17. 2-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, отъ 22-го Апр., № 772, 1868 г., пол. 7-го Мая: «Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ Державами Иностранными. Томъ IX. Съ 1698 по 1699 годъ. Спб. 1868.»

18. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, П. Д. Шестакова, отъ 8-го Мая, 1868 г., № 1801, пол. 16-го Мая, статья его печатная: «Св. Стефанъ, Первосвятитель Пермскій. Казань. 1868.»

19. Югославянской Академіи Наукъ и Художествъ въ Загребѣ, отъ 8-го Мая, пол. 1-го Іюня: «Rad Jugoslavenke Akademije znanosti i umjetnosti. Kniga 3. U Zagrebu. 1868.»

20. Д. Члена Макарія, Архіепископа Харьковскаго, печатныя сочиненія его: 1) «Введеніе въ Православное Богословіе. Изд. 3-е. Спб. 1868. 1) Православно-Догматическое Богословіе. 2 тома. Изд. 3. Спб. 1868; 3) Слова и рѣчи Макарія, Епископа Тамбовскаго. 2 тома. Спб. 1859; 4) Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра. 2-е Изд. Спб. 1868; 5) Исторія Русской Церкви. Изд. 2-е. Спб. 1868, томовъ 5.

21. Д. Члена А. А. Майкова, пол. 8 Іюня, 1868 г., печатная статья его, помѣщенная въ Журналъ «Всемирный Трудъ:» «Замѣтка на замѣтки о самозванцахъ въ Россіи.»

22. Магистра А. А. Котляревскаго, сочиненіе его: «О погребальныхъ обычаяхъ древнихъ Славянъ. М. 1868.»

Опредѣлено: статьи и матеріалы рассмотреть, а книги сдать въ Библиотеку Общества.

В. Сообщенія.

23. Скончался Благотворитель Общества, Д. С. С. А. И. Лобковъ. Определено: умершаго исключить изъ списка Членовъ.

24. Казначеемъ Общества, Д. Членомъ, М. Л. Назимовымъ, предложено на усмотрѣніе Общества, не найдетъ ли оно нужнымъ капиталъ Общества, заключающійся въ 5-ти билетахъ Московской Сохранной Казны, всего на сумму 4671 руб. 42 $\frac{1}{2}$ коп. съ процентами, обратить въ какія либо болѣе выгодныя процентныя бумаги? Определено: Войти въ Правленіе Университета съ прошеніемъ объ истребованіи по билетамъ Общества изъ Сохранной Казны капиталовъ съ причитающимися на нихъ по настоящее время процентами, и на наличныя деньги приобрести два билета перваго и втораго 5% съ выигрышами займа, а на остальные 5% билеты Государственнаго Банка и выкупныя свидѣтельства по равной части, на одинъ же билетъ, приобретенный на сумму въ 342 руб. 85 $\frac{1}{2}$ коп., пожертвованную Чиновниками Канцеляріи бывшаго Московскаго Генералъ-Губернатора Князя Голицына въ премію за лучшее сочиненіе: «Градоначальствованіе Князя Голицына въ Москвѣ,» приобрести особо 5% билетъ Государственнаго Банка; за тѣмъ всѣ эти бумаги препроводить для храненія въ Московское Губернское Казначейство, съ означеніемъ принадлежности ихъ Обществу и съ изясненіемъ относительно особаго назначенія 5% билета Государственнаго Банка, приобретеннаго на вышеозначенный билетъ; могущіе быть небольшіе остатки отъ размѣна на билеты и свидѣтельства, наличныя деньги, доставить въ Общество, съ показаніемъ отдѣльно остатка отъ промѣна, назначеннаго въ премію билета Сохранной Казны.

25. Д. Членъ и Секретарь Общества, О. М. Бодянский предложилъ Обществу: 1) въ Почетные Члены: Его Сіятельство, Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа Дмитрія Андреевича Толстого; 2) въ Дѣйствительные Его Сіятельство, Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова, его же въ Вице-Президенты Общества, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Николая Васильевича Сушкова, помѣстившаго въ «Чтеніяхъ» довольно своихъ статей и матеріаловъ; Соревнователя Александра Ивановича Хмельницкаго, напечатавшаго 1-ю часть «Исторіи Гельветическаго Исповѣданія въ Польшѣ и Великомъ Княжествѣ Литовско-Русскомъ,» соч. І. Лукашевича, въ переводѣ на Русскій языкъ, коей 2-я часть вскорѣ появится въ «Чтеніяхъ,» и переведшаго также «Историческія Записки о событіяхъ на Волынн и Подолѣ въ 1789 году, соч. Луцкаго Протоіерея Θεодосія Бродовича, и 3) Преподавателя Олонецкой Семинаріи Елпидифора Васильевича Барсова, сообщившаго въ Редакцію «Чтеній» «Описаніе пергаментнаго Великаго Часослова XII вѣка» и «Описаніе Палеостровскаго монастыря», со множествомъ грамотъ и другихъ документовъ, въ Соревнователи Общества. По опредѣленію Общества, означенныя лица были балотированы, и по балотированіи оказалось, что почти каждый изъ предложенныхъ былъ избранъ единогласно. Опредѣлено: Увѣдомить новоизбранныхъ Членовъ объ ихъ избраніи и изготовить имъ дипломы, а Его Сіятельство, Г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, Князя Александра Прохоровича Ширинскаго-Шихматова, просить войти съ ходатайствомъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи его въ званіи Вице-Президента Общества.

Въ концѣ Засѣданія Г. Секретарь и Д. Членъ Общества, О. М. Бодянский, представилъ только что отпечатанную 1-ю книгу «Чтеній» 1868 года, заключающую въ себѣ 48³/₄ листовъ. Содержаніе ея слѣдующее:

I. Изслѣдованія. Война 1812 года. Замѣчанія на книгу: «Исторія Отечественнаго войны, 1812 года, по достовѣрнымъ источникамъ, соч. Г. М. Богдановича. Спб. 1859 — 1860, въ 8-ку, 3 тома. Д. Члена И. П. Липранди.

II. Матеріалы Отечественныя. Приложенія къ Запискамъ А. П. Ермолова. Часть II. 1816 — 1827 годы. Выписка изъ Се-

кретнаго Журнала о распоряженіяхъ по предмету вторженія Персіянъ въ наши границы. Приказы по Грузинскому отдѣльному корпусу.—Русскія народныя пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ. Часть I. Пѣсни Дѣтскія.

III. Матеріалы Славянскіе. Восточный вопросъ и Болгарія. Д. Члена И. П. Липранди.

IV. Матеріалы Иностранныя. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго Посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посольства, Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмецкаго П. П. Барсова.

V. Смѣсь. Синодикъ XVI вѣка въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ. Д. Члена Епископа Макарія. Древне-Русское сказаніе объ убійствѣ въ Угличѣ. Н. С. Некрасова. Палеостровъ, его судьба и значеніе въ Обонежскомъ краѣ. Съ грамотами и другими письменными памятниками. Е. В. Барсова. Конія съ письма Г-на Герца къ Г-ну Басевичу, писаннаго въ Берлинъ 14 Іюня, 1714 года. Сообщ. Соревнов. А. А. Чумиковъ. Что такое пронія въ древней Сербіи? Д. Чл. А. А. Майкова. Двѣ Черногорскія грамоты къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Записка Стефана Стратимировича, Православнаго Сербскаго и Валахійскаго народа Митрополита, въ Угорскомъ Королевствѣ сущаго, представленная чрезъ посредство Русскаго Протоіеря А. А. Самборскаго, Государю Императору Александру Павловичу въ 1804 году, объ освобожденіи Сербскаго народа вообще. Съ предисловіемъ Д. Члена О. М. Бодянскаго. Изображенія Славянскихъ Первоучителей и Провѣтителей, Св. Кирилла и Меодія, на поляхъ образа Святителя Николая Скоропомощника, находящагося въ Аѳонскомъ Дохиарскомъ монастырѣ. Съ литографированнымъ изображеніемъ. Д. Чл. О. М. Бодянскаго. Извлеченія изъ Записокъ Фотія, Архимандрита Новгородскаго Юрьевскаго монастыря. О статьѣ Г-на П. М.: «Изъ прошлаго.» Н. В. Сушкова. Протоколъ Засѣданія Императорскаго Общества Исторія и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1867 года, Мая 6 дня.

ПО П Р А В К А

во 2-й книгѣ, отдѣленіе V.

Напечатано:

Стр. 129, прим. Викарію Івинокентію п сл.

Слѣдуетъ:

Митрополиту Серафиму

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

	Стр.
Общій очеркъ періода удѣловъ. Василя Пассека..	1 — 29
Ханъ Нагай и его вліяніе на Русь и Южныхъ Славянъ. Д. Члена Архимандрита Леонида.....	30 — 42

II.

МАТЕРІАЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

Записки Адмирала А. С. Шишкова, съ Мая 1824 по Декабрь 1826 года. Съ Предисловіемъ О. М. Бодянскаго.....	1 — 142
--	---------

III.

МАТЕРІАЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

Записки Архипресвитера Θεодосія Бродовича о со- бытіяхъ на Волыни и Подолѣ въ 1789 году. Пере- водъ съ Польскаго Д. Члена А. И. Хмельниц- каго. Съ Предисловіемъ О. М. Бодянскаго...	1 — 109
---	---------

IV.

МАТЕРІАЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

Подробное описаніе путешествія Голштинскаго По- сольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1638 годахъ, составленное Секретаремъ Посоль- ства Адамомъ Олеаріемъ. Переводъ съ Нѣмец- каго П. П. Барсова. Книга III.....	103 — 226
---	-----------

ОГЛАВЛЕНІЕ.

V.

СМѢСЬ.

	Стран.
Дѣло Салникѣва. И. Ч.	1 — 125
Отвѣтъ Адмирала Мордвинова на письмо, полученное имъ на Французскомъ языкѣ отъ Новороссійскаго Генералъ-Губернатора, Графа Воронцова, отъ 26-го Мая, 1833 года. Сообщилъ Н. А. Поповъ	126 — 141
Разъясненіе донесеній Правительству о переходѣ, въ 1845 году, Латышей и Чухонъ Ливонскихъ въ Православіе. Д. Члена И. П. Липранди.	142 — 166
Документы о Старообрядцахъ нашего времени. Сообщилъ Н. Г.	167 — 236
Два письма Князя А. Н. Голицына къ Юрьевскому Архимандриту Фотію. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго.	237 — 239
Грамота Новгородскаго и С.-Петербургскаго Митрополита Серафима соборной церкви села Грузина, принадлежавшаго Графу А. А. Аракчееву.	240
Протоколъ Засѣданія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, 1868 года, Іюня 18-го дня.	241 — 247